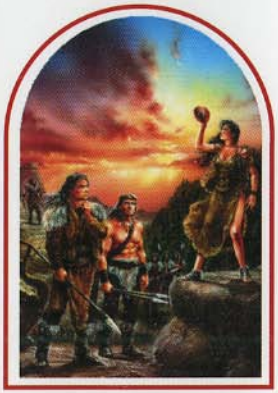
ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИК

КЛАССИКА
НАУЧНОЙ
ФАНТАСТИКИ

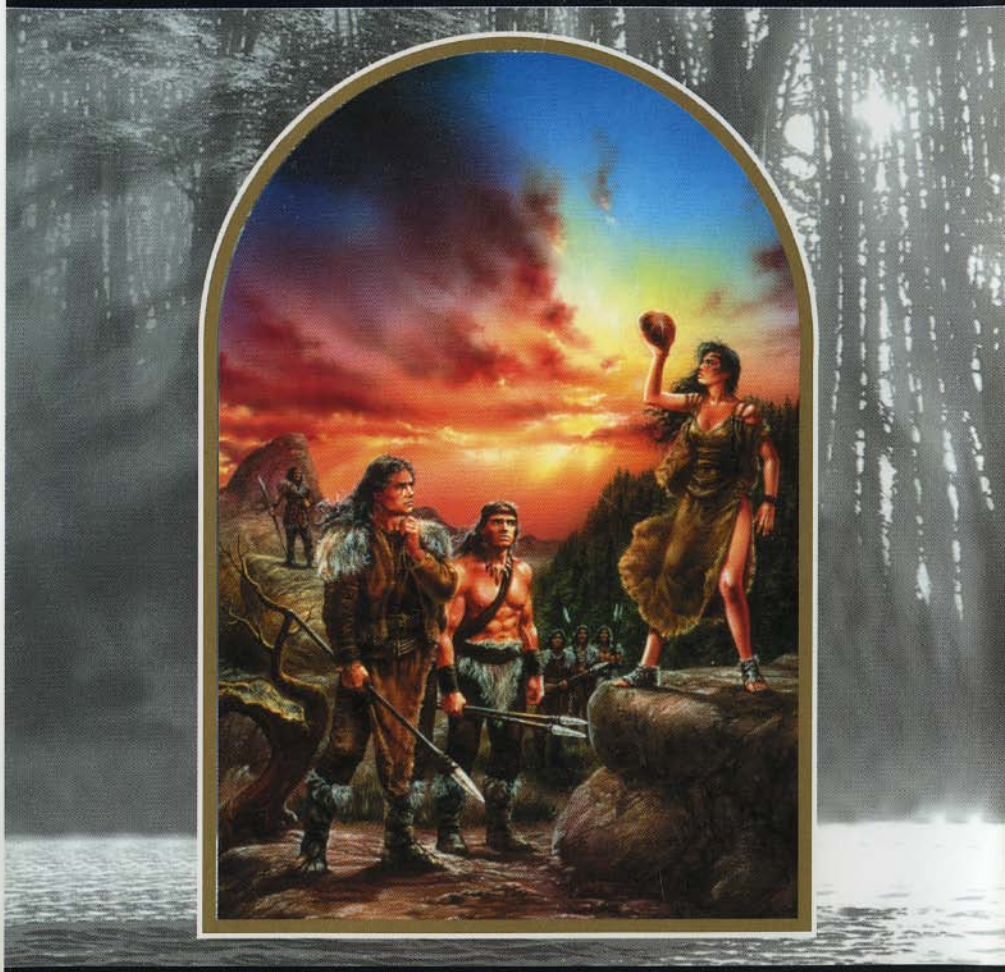
Гарри
ГАРРИСОН



Эдем

ВСЯ ЭДЕМСКАЯ
ТРИЛОГИЯ
В ОДНОМ ТОМЕ

Гарри
ГАРРИСОН



Эдем

ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИК

Гарри

ГАРРИСОН

Эдем

Гарри
ГАРРИСОН

Запад Эдема

•

Зима в Эдеме

•

Возвращение в Эдем

Москва
«ЭКСМО»
2007

ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ

Гарри
ГАРРИСОН

Эдем

Москва
«ЭКСМО»
2007

УДК 820(73)
ББК 84(7США)
Г 20

Harry HARRISON

WEST OF EDEN
Copyright © 1984 by Harry Harrison

WINTER IN EDEN
Copyright © 1986 by Harry Harrison

RETURN TO EDEN
Copyright © 1988 by Harry Harrison

Оформление художника *А. Саукова*

Гаррисон Г.

Г 20 Эдем: Фантастические произведения/ Пер. с англ. Ю. Соколова. — М.: Изд-во Эксмо, 2007. — 960 с.

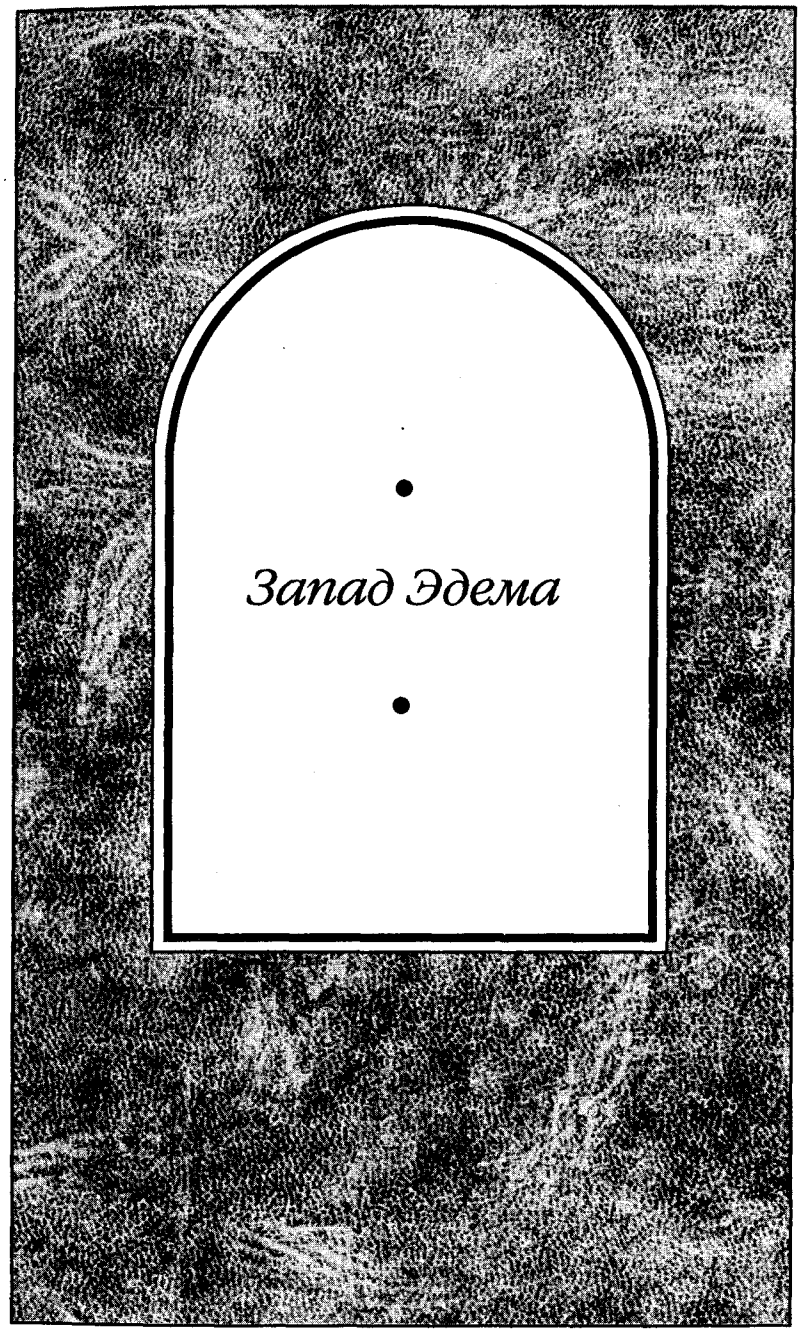
ISBN 5-699-02424-7

65 миллионов лет тому назад гигантский метеорит, вынырнув из глубин Галактики, устремился к Земле, подобно чудовищному монстру, неся смерть и разрушения. Но космическая бомба миновала нашу планету, и мир, безраздельно принадлежащий динозаврам, был спасен. На Земле возникла уникальная высокоразвитая цивилизация разумных ящеров. Прошли тысячелетия, пока наконец на свет Божий появился первый человек. Сумеют ли люди наверстать огромную временную фору, дарованную динозаврам природой, и выжить?

УДК 820(73)
ББК 84(7США)

ISBN 5-699-02424-7

© ООО «Издательство «Эксмо», 2007
© Ю. Соколов. Перевод, 2003



И насадил Господь Бог рай в Эдеме, *на востоке,* и поместил там человека, которого создал...

И пошел Каин от лица Господня и поселился в земле Нод, *на восток* от Эдема

Бытие, гл. II, ст. 8

Из всех существ, что населяли когда-либо Землю, самый долгий век выпал на долю громадных пресмыкающихся. Целых сто сорок миллионов лет на Земле господствовали рептилии, затмевали небо, кишели в морях. Тогда млекопитающие, прародители человечества, были крошечными зверьками вроде землеройки; крупные, быстрые и более смышленые завры пожирали их.

И вдруг шестьдесят миллионов лет назад все переменилось. Метеорит диаметром целых шесть миль поразил Землю и вызвал чудовищные изменения. За короткое время вымерло семьдесят пять процентов существовавших тогда видов. Век динозавров закончился; началась эра млекопитающих, которых ящеры подавляли более ста миллионов лет.

Ну а если бы не метеорит? Каким оказался бы наш мир?

ПРЕДИСЛОВИЕ КЕРРИКА

Я перечел эти страницы и искренне уверяю: именно такова истинная история нашего мира.

К этому убеждению я пришел нелегким путем. Всякий может сказать, что мой взгляд на мир очень узок. Я родился у озера, в небольшом поселении, нас было три семьи. В теплое время мы жили на берегу озера, богатого рыбой. И мое первое воспоминание — с берега гляжу на высокие горы за озером, а на вершинах белеет первый снег новой зимы. Когда этот снег спускался вниз и покрывал наши шатры, наставало время охотникам отправляться в горы. И я торопился вырасти, торопился стать охотником на оленя и большого оленя.

Этот мир простых удовольствий исчез навсегда, все переме-

нилось, — увы, не к лучшему. Иногда я просыпаюсь ночью от одной только мысли: все, что было со мной, — сгинуло, забылось. Этот глупый мир глубоко переменился. То, что давало мне всю полноту бытия, оказалось крошечным закоулком реальности, а огромное мое озеро и высокие горы за ним — кусочком великого континента, разделявшего два океана. Я знаю про Западный океан: там рыбачили наши охотники, они говорили.

О мургу я узнал прежде, чем встретил первого из них. И тогда уже научился их ненавидеть. Наша плоть горяча — они холодны. И у нас на голове растут волосы, гордость охотника — борода... Животные, которых мы убиваем, тоже теплокровны и покрыты шерстью, но мургу не такие. Гладкие, прохладные, покрытые чешуей... у них когти и зубы — чтобы рвать и терзать. Они — огромные и ужасные, вид их вселяет трепет. И ненависть. Я знал, что живут они на юге, в теплых океанских водах и на берегу моря. Они не выносят холода и до недавних времен не беспокоили нас.

Но все изменилось, изменилось невероятно, прежних времен не вернуть. Увы, теперь мне известно, что наш мир — капля, окруженная огромным морем мургу. Мы живем на севере большого континента, далеко на юге он соединяется с южным. И на всей этой земле от океана до океана кишмя кишат мургу.

Впрочем, это не самое худшее. Там, за Западным океаном, лежат континенты еще более обширные. По ним не бродят охотники. Ни одного. Там только мургу, одни мургу. Весь мир, кроме наших гор, принадлежит им.

Но я еще не поведал самого главного о мургу. Они ненавидят нас, как и мы их. Но все бы ничего, если бы все мургу были неразумными. Тогда мы сумели бы укрыться от них на своем севере.

Но есть и другие мургу, разумные, как охотники, и свирепые, как охотники. Их не сосчитать, достаточно будет вам знать, что им-то и принадлежат все земли нашего огромного мира.

Повествование мое нерадостно, не слишком приятно говорить такое, но случившееся должно быть известным.

Я расскажу о нашем мире, об отряде охотников, очутившихся на дальнем юге, и о том, с чем они там столкнулись. И обо всем, что произошло потом, когда мургу — хозяева мира — обнаружили, что он принадлежит не им одним, как они считали от века.

Книга I

Глава 1

Isizzo' fa klabra massik, den sa rinyur ovot meth alpi.

Плюнь в лицо зиме: все равно умрет весной.

Амагаст уже не спал, когда первые лучи зари тронули океан. Над головой догорали самые яркие звезды. Он знал, что они — тхармы мертвых охотников — каждый вечер высыпают в небесных полях. Но наступала пора даже припозднившимся следопытам, лучшим из лучших добытчиков и храбрецов, прятаться от лучей. Яркое солнце южных краев ничем не напоминало привычное для охотников вялое северное светило, еле согревавшее заснеженные леса под бледным небом. Казалось, это совсем другое солнце. Но перед восходом у воды было прохладно и приятно. Так будет недолго. С первыми лучами жара вернется. Амагаст почесал на руке укусы и стал ждать рассвета.

Из тьмы постепенно проступали очертания деревянной лодки. Суденышко оттащили на песок дальше сухих веток и ракушек, очертивших границу самого высокого прилива. Около лодки темнели силуэты его спавших спутников, четверых из его саммада, ушедших с ним на далекий юг. Амагаст с горечью подумал: один из них, Дайкин, умирает... скоро их останется только трое.

Кто-то из мужчин проснулся и, всем телом опираясь на копье, медленно поднялся на ноги. Старик Огатир. Руки и ноги его сковала болезнь — сырость и холод многих зим. С копьем в руке встал и Амагаст. Мужчины сошлись и направились к водяным ямам.

— Сегодня жарко будет, курро, — произнес Огатир.

— Здесь каждый день жарко, старый. Тебе везет. Солнце исцелит твои кости.

Медленно и осторожно они подступали к черной стене леса. Высокая трава шелестела от утреннего ветерка. Какие-то лесные

твари объели верхушки невысоких пальм и, отыскивая воду, разрыли под ними землю. Охотники углубили ямы вчера вечером, и теперь они были до краев полны чистой пресной воды.

— Пей вволю, — приказал Амагаст, встав лицом к лесу.

Огатир кряхтя опустился на землю и жадно припал к воде.

Ночные звери еще могли таиться поблизости в тени деревьев, и Амагаст стоял наготове, крепко стиснув копье. Воздух был полон запахов гниющей растительности, к ним примешивался аромат ночных цветов. Утолив жажду, на страже стал старик, и Амагаст окунул лицо в чистую воду. Напившись, он распрямился и долго плескал на себя, смывая пот и грязь вчерашнего дня.

— Следующая ночевка будет последней. Завтра же утром поворачиваем обратно, по своим следам, — бросил через плечо Огатир, не отводя глаз от кустов и деревьев.

— Так ты говорил. Но какая разница — еще один день или несколько?

— Время возвращаться. Каждый закат я завязывал узелок на шнурке. Дни стали короче, я знаю. Новый закат наступает все раньше, солнце слабеет, не может взлететь высоко на небо. Начинает меняться ветер, это и ты мог заметить. Все лето он дул с юго-востока. Все... Помнишь прошлый год, бурю?.. Она едва не потопила лодку и повалила целый лес. Тогда она пришла тем же путем. Пора возвращаться. Я все запомню, завяжу узелки на шнурке.

— Я знаю, ты умеешь, старый. — Пальцы Амагаста пробежали по густой шевелюре. Волосы ложились на плечи, а влажная окладистая светлая борода ниспадала на грудь. — Но ты знаешь, что наша лодка еще неполна.

— Вяленого мяса много...

— Недостаточно. Чтобы протянуть зиму, нам нужно больше. Охота была плохой. Потому мы и забрались далеко на юг. Нужно мясо.

— Еще один день, и надо поворачивать. Больше нельзя. Путь в горы далек и труден.

Амагаст не ответил. Он уважал Огатира за мудрость: старик знал, как делать орудия, умел отыскивать чудесные растения. Знал он и обряды, предваряющие охоту, и заклинания, которые отгоняют духов усопших. Он помнил события своей жизни и многих жизней до него. Старики рассказывали, а он запоминал и сам уже мог рассказывать от восхода солнца до заката, но так и не закончить повествование. Но было и нечто такое, чего старый не

помнил и что беспокоило Амагаста, поскольку требовало новых решений.

Зимы, морозные зимы, свирепые, бесконечные зимы... Дважды уже должна была прийти весна: день удлинялся, солнце светило жарче, но весна все не приходила, глубокие снега не таяли, лед по-прежнему сковывал ручьи. Начался голод. Олень и большой олень ушли на юг из привычных долин и с горных лугов, стиснутых жестокой рукой зимы. Амагаст повел свой саммад вслед за животными на широкие равнины, иначе охотников ждала голодная смерть. Но охота давала скудное пропитание — стадам тоже досталось в эту ужасную зиму. И беда навалилась не только на них. Они встречали охотников из других саммадов, и не только тех, с которыми были связаны родственными узами, но и таких, с кем еще не приходилось встречаться. Эти люди странно произносили слова марбака или вовсе не говорили на нем и в гневе потрясали копьями, но все-таки они были тану, а тану прежде не воевали между собой. Раньше такого не было. А тут вдруг стало. И кровь тану обагрила каменные наконечники копий. Амагаста это тревожило не менее, чем бесконечные зимы. Копье — чтобы охотиться, нож — чтобы свежевать добычу, огонь — для приготовления пищи. Так было всегда. Тану не убивают тану. Чтобы самому не нарушить обычая, он увел свой саммад с гор; день за днем они шли к восходящему солнцу и не останавливались, пока не дошли до соленых вод великого моря. Он знал, что путь на север закрыт: Северный океан ограждали льды; лишь парамутаны, народ, что плавает в обтянутых шкурами лодках, как-то выживают в этих стылых краях. Можно было идти на юг, где леса переходят в джунгли, где никогда не выпадает снег, но где кишат мургу, а где мургу, там смерть.

Оставалось одно только бурное море. Исстари люди его саммада умели сооружать лодки для летней рыбалки, но никогда прежде не осмеливались они уходить в море, теряя из виду берега, или удаляться в лодке вдоль побережья от знакомых мест. Этим летом пришлось. Одних вяленых каракатиц на всю зиму не хватит. Если охота окажется такой же плохой, как и прошлой зимой, никому из них до весны не дожить.

Оставался юг, опасный юг — другой дороги не было. Оставалось охотиться на побережье или на недалеких островах, вечно опасаясь мургу...

Проснулись и остальные. Солнце всходило. Край его высту-

пил над горизонтом, и из глубин джунглей донеслись первые крики зверей. Пора пускаться в плавание.

Амагаст одобрительно кивнул, когда Керрик поднес ему кожаный мешок и извлек из него горсть эккотаца — мешанины из тертых орехов и сушеных ягод. В одну руку Амагаст принял дар, другой взлохматил густые волосы на голове сына. Его первенец. Скоро станет взрослым и получит мужское имя. Но пока еще мальчик, хоть высокий и сильный. Прежде белая кожа его теперь золотилась: как и все, он был только в набедренной повязке из оленьей шкуры. На шее на прочном кожаном шнурке висел нож из небесного металла, такой же, как у Амагаста, только поменьше. Эти ножи были тупее каменных, однако ценились высоко. *Всего двумя ножами из небесного металла располагал весь их* саммад. Керрик улыбнулся отцу. Ему было восемь, и он впервые охотился с мужчинами. События более важного еще не случалось в его жизни.

— Напился вволю? — спросил Амагаст.

Керрик кивнул. Он знал: до заката воды не будет. Охотник должен был привыкнуть и к этому. Раньше он жил вместе с женщинами и детьми, мог пить воду, когда заблагорассудится, и, проголодавшись, всегда мог отыскать горсточку ягод или сочные коренья. Все. Теперь он с охотниками и должен научиться жить, как они, — обходиться без питья и еды с рассвета и до темноты. Он гордо подхватил свое небольшое копье.

Вдруг в джунглях раздались треск сучьев и крики. Мальчик испугался, но старался не подавать виду.

— Сталкивайте лодку! — приказал Амагаст.

Люди повиновались: крики раздавались все громче и ближе. Грузить в лодку было особенно нечего: копья, луки и колчаны со стрелами, бурдюки и мешки с эккотацем. Лодку быстро столкнули в воду. Рослый Хастила и Огатир придержали ее, пока мальчик, бережно держа раковину, в которой тлели угольки утреннего костра, не вскарабкался на борт.

На берегу Дайкин с трудом поднимался на ноги, стараясь последовать за остальными, но сегодня силы совсем оставили его. Он побледнел от усилий, на лице выступили крупные капли пота. Подошедший Амагаст склонился над ним и углом оленьей шкуры обтер лицо раненого товарища.

— Отдохни. Мы перетащим тебя в лодку.

— Не надо, если не смогу сам, — с трудом прохрипел Дайкин. — Вам легче будет, если я останусь здесь. И мне легче.

Его левая рука была очень плоха. Два пальца откусило или оторвало чудовище, во мраке ночи напавшее на стоянку. Даже не узнав, с кем пришлось иметь дело, люди отогнали его копьями в темноту. Сначала рана Дайкина не казалась слишком серьезной: охотники выживали и после худшего, — а для него сделали все, что было в человеческих силах. Рану промыли в морской воде, пока кровотечение не ослабело, потом Огатир перевязал ее, покрыв целебным мхом, собранным в дальних высокогорных урочищах. Но рана оказалась хуже, чем они думали. Плоть его сперва побагровела, потом почернела, и чернота поползла вверх по руке; воняло от нее просто ужасно. Он скоро умрет. Амагаст перевел взгляд с распухшей руки на зеленую стену джунглей.

— Когда сюда явятся звери, мой тхарм уже будет далеко, — произнес Дайкин, проследив за направлением взгляда Амагаста.

Правая рука его была сжата. Когда он на миг разжал кулак, блеснул острый осколок камня — скребок, которым свежуют и разделывают туши. Достаточно острый, чтобы вскрыть вену на руке.

Амагаст медленно распрямился и стряхнул песок с коленей.

— На небе я буду искать тебя, — произнес он тихим голосом, так, чтобы слышал один умирающий.

— Ты всегда был мне братом, — ответил Дайкин.

Когда Амагаст *отошел*, он закрыл глаза и отвернулся, чтобы каким-либо знаком не поманить охотников назад...

Лодка тихо покачивалась на волнах. Доброе и прочное суденышко было выдолблено из ствола огромного кедра. Керрик сидел на корме, поддерживая огонь в маленькой жаровне, поставленной на камни. Взметнулись языки пламени, послышался треск — огонь охватил подложенные им ветки. Мужчины уже вдели весла между колышками из дерева тхоле и были готовы грести. Амагаст через борт перевалился в лодку. Глаза всех были обращены к оставшемуся на берегу охотнику, но ни слова не было произнесено. Так полагалось. Охотник не показывает боли... жалости тоже. Каждый мужчина вправе выбрать время, когда тхарм его поднимется в ерман, ночное небо, где его встретит Ерманпадар, отец и небесный правитель. Там, среди звезд, встречаются тхармы ушедших охотников. Такое право принадлежало каждому, и говорить было не о чем: кто мог помешать охотнику? Даже Керрик уже знал об этом и потому молчал, как и все остальные.

— Навались! — приказал Амагаст. — Правь на остров!

Неподалеку виднелся невысокий, поросший травой островок, преграждавший путь волнам. Его высокий южный берег покрывали деревья. Трава и тень сулили добрую охоту. Если только там не окажутся мургу.

— Поглядите-ка! — крикнул Керрик, показывая на воду.

Под ними проплывала огромная стая хардальтов, за их прикрытыми раковинами телами тянулись щупальца. Хастила схватил копье и застыл над водою.

Это был рослый охотник, выше Амагаста. Несмотря на огромный рост, он двигался ловко и быстро. Он выждал немного и вдруг молниеносно вонзил копье в волны, — так что рука его по локоть оказалась в воде, — а потом так же быстро вскинул копье кверху.

Удар был меток — в мягкое тело прямо за раковиной, и хардальт оказался на дне лодки, щупальца его слабо подрагивали, из пробитого копьем мешка сочилась черная жижа. Все радостно расхохотались. Верное имя — Хастила, Копье-зажатое-в-кулаке. Копье, которое не промахнется.

— Хорошая еда, — проговорил Хастила, ставя ногу на раковину и освобождая копье.

Керрик был возбужден. Все так просто: один быстрый удар — и готово, вот он — огромный хардальт, которого хватит всем на целый день. Он взял свое копье за конец, как Хастила. Оно было в два раза короче копья взрослого охотника, но наконечник был столь же остер. Хардальты не ушли, они тесно окружали лодку, а один как раз всплыл под кормою.

Керрик с силой ударил. Острие вошло в чье-то тело. Схватив копье двумя руками, он потянул добычу вверх. Деревянное древко дергалось у него в руках, но он, посуровев, упорно тянул.

Вода возле лодки вспенилась, забурлила, и показалась скользкая голова. Керрик выпустил копье и упал навзничь. Распахнулись огромные челюсти, два ряда зубов оказались так близко, что на мальчика пахнуло гнусным дыханием чудовища. Острые когти впились в борт, вырывая куски дерева.

Но Хастила не сплоховал, его копье ударило в открытую пасть — раз, другой. Мараг заревел, брызнула кровь. Челюсти сомкнулись, и на мгновение Керрик увидел перед собой круглый немигающий глаз.

Миг — и чудовище ушло под воду, оставив на поверхности кровавую пену.

— Гребите к острову! — приказал Амагаст. — За этим придут другие, крупнее... Как мальчик?

Огатир плеснул горсть воды в лицо Керрику и умыл его.

— Просто перепугался, — проговорил он, глядя на осунувшегося мальчика.

— Удачлив, — мрачно сказал Амагаст, — счастье приходит однажды. Впредь не станет наобум тыкать копьем.

«Никогда!» — едва не выкрикнул Керрик, глядя на разбитый в щепу борт. О мургу он слыхал, видел в ожерельях их когти, трогал разноцветный и гладкий мешок, выкроенный из шкуры одного из них. Но рассказы о мургу не пугали по-настоящему, трудно было представить чудовище ростом до неба: зубы как копья, глаза словно булыжники, когти — ножи. А тут он испугался. Он отвернулся: на глазах выступили слезы, а он не хотел, чтобы их заметили, и молча кусал губы, пока они медленно приближались к берегу. Вдруг оказалось, что лодка всего лишь хрупкая скорлупка в полном чудовищ море, и он отчаянно захотел очутиться на твердой земле. Когда под лодкой заскрипел песок, он чуть не вскрикнул от облегчения. Пока остальные вытаскивали лодку из воды, он смывал с себя кровь марага...

Притаившись в траве над откосом, Амагаст изучал остров. Вдруг он тихо зашипел сквозь зубы — сигнал охотника, — и все замерли. Саммадар жестом приказал всем лечь, потом подозвал к себе. Раздвигая перед собой траву, Керрик пополз за остальными.

Олени. Целое стадо невысоких животных паслось на расстоянии полета стрелы. Раздобревшие на сочных травах, они медленно передвигались, длинные уши подергивались, отгоняя жужжавших вокруг мух. Расширив ноздри, Керрик принюхался — до него донесся сладкий запах животных.

— Идем медленно вдоль берега, — сказал Амагаст. — Ветер к нам — не почуют. Подберемся.

Пригнувшись, он побежал первым, остальные за ним, Керрик замыкал цепочку.

Прячась за откосом, охотники достали стрелы и натянули тетивы, а потом одновременно вскочили и выстрелили.

Стрелы летели точно: пара зверей упала, третий, раненый, зашатался. Маленький олененок со стрелой в боку рванулся в сторону. Амагаст кинулся следом и быстро нагнал его. Олененок повернулся на месте, угрожающе наставив крошечные рожки, но Амагаст, расхохотавшись, прыгнул вперед, схватил за них и дернул. Зверь фыркнул, пошатнулся и заблеял, теряя равновесие.

Когда подбежал Керрик, Амагаст уже запрокидывал голову животного на спину.

— Бери копье, убивай. Первый раз. В горло, сбоку, воткни глубже, потом поверни.

Керрик так и поступил; олененок закричал в агонии, алая кровь окропила руки Керрика. Кровью гордятся. Он еще глубже вонзил копье; зверь задрожал мелкой дрожью и затих.

— Отлично! — с гордостью произнес Амагаст. Тон его означал, что про морского марага забыто.

Разделывая добычу, охотники хохотали от радости. Амагаст показал на юг, в сторону более высокой части острова.

— Донесем до деревьев, там развесим и провялим.

— Будем еще охотиться? — спросил Хастила.

Амагаст покачал головой.

— Нет, завтра нам возвращаться. Чтобы разделать и прокоптить сегодняшнюю добычу, нужны день и ночь.

— Есть будем, — произнес Огатир, облизываясь. — Больше в желудке — меньше на плечах!

Под деревьями было прохладнее, но зато не было отбоя от каких-то кусачих мух. Оставалось только отмахиваться и умолять Амагаста поторопиться с костром.

— Освежуйте, — велел он, пнув ногой поваленное дерево. Ствол развалился в труху. — Прогнило. Здесь нечего жечь. Огатир, принеси из лодки огонь, накорми его сухой травой к нашему возвращению. Мы с мальчиком соберем плавник.

Оставив на земле лук и стрелы, он взял копье и направился в сторону океана. Сделав то же самое, Керрик последовал за ним.

Берег был широким, белый песок слепил словно снег. Вдали на отмели пенились буруны, разбившиеся валы невысокими волнами катили к берегу. Там, куда уже не мог дотянуться прибой, валялись щепки, изломанные губки, разноцветные раковины, фиолетовые улитки, длинные зеленые пучки водорослей, осыпанные крошечными крабами. Мелкие ветки, принесенные морем, не стоили внимания, и люди направились к холмам, от которых уходил в воду каменистый берег. Легко поднявшись по склону, они увидели в просветах между деревьями уютную бухту. С противоположной стороны на песке нежились какие-то существа — должно быть, тюлени.

И в тот же самый миг они заметили, что из-за ближайших деревьев кто-то тоже следит за бухтой. Должно быть, охотник. Амагаст уже был готов окликнуть его, когда тот выступил из тени.

Слова сразу застряли в горле, все мышцы оцепенели. Это был не охотник, не человек, нет. Фигура хоть и напоминала человеческую, но казалась мерзким подобием тану.

Существо было нагим и безволосым, начинавшийся на голове пестрый гребень сбегал на спину. Яркое солнце освещало отвратительную шкуру, покрытую пестрыми чешуями.

Мараг. Не такой большой, как населявшие джунгли гиганты, но тем не менее мараг. И как свойственно их роду, он стоял неподвижно, словно окаменел. А потом медленно стал поворачивать голову, пока наконец не оказались обращенными к ним его круглый и невыразительный глаз и массивная выпяченная челюсть. Охотники застыли подобно мургу, крепко стиснув копья. При таком повороте головы мараг не заметил среди деревьев их безмолвные силуэты.

Амагаст шевельнулся, лишь когда существо вновь обратило свой взгляд к океану. Бесшумно шагнув вперед, он поднял копье. Когда существо заподозрило или наконец услышало что-то, Амагаст уже успел добраться до края рощи. Чудовище резко повернуло голову и взглянуло в лицо человеку.

Охотник с размаху всадил каменный наконечник прямо в лишенный век глаз. Копье глубоко вошло в мозг. Содрогнувшись всем телом, мараг рухнул. Он умер, еще не коснувшись земли. Амагаст извлек копье и обернулся, разглядывая склон и берег позади. Поблизости никого не было.

Керрик подошел к отцу, встал рядом с ним и молча поглядел на труп.

Существо было грубой и мерзкой пародией на человека. Красная кровь еще сочилась из пробитой глазницы, другой глаз был безжизненно обращен вверх вертикальной прорезью зрачка. Носа не было, просто дырки. В раскрывшейся в короткой агонии пасти белели остроконечные зубы.

— Что это? — спросил Керрик дрожащим голосом.

— Не знаю. Какой-то мараг. Небольшой. Таких я еще не видел.

— Но он стоял и ходил, словно человек, тану. Он из мургу, отец, но руки его похожи на наши.

— Не совсем. Сосчитай. Раз, два, три пальца и большой палец. Нет, смотри, только два пальца и два больших.

Оскалившись, Амагаст глядел на существо. Кривые и короткие ноги с плоскими ступнями и когтями на пальцах, короткий толстый хвост. Смерть скорчила лежавшее на земле тело. Амагаст

ногой перевернул его. Еще одна тайна, подумал он: в руках ящер держал длинную узловатую палку.

— Отец — берег! — крикнул Керрик.

Спрятавшись за деревьями, люди следили, как прямо перед ними из моря выбирались какие-то существа.

Мургу было трое. Двое из них очень напоминали убитого, третий, жирный, был крупнее и передвигался медленно. Первые двое подталкивали его. Крупный мараг забулькал дыхательными отверстиями, а потом медленно и лениво почесал брюхо когтями ноги. Один из мургу, поменьше, замахал лапами и резко зацокал.

Гнев душил Амагаста, он едва не задохнулся от отвращения. Ненависть ослепила его, и, не думая о последствиях, он бросился вниз по склону, вскинув копье.

Через какой-то миг он оказался возле мургу и ударил копьем ближайшего. Ящер увернулся от удара — острый наконечник копья только разодрал кожу на ребрах. Чудовище открыло рот и попыталось убежать. Следующий удар Амагаста был точным...

Вырвав копье, Амагаст обернулся — второй мараг с плеском бросился в воду. Но вдруг раскинул лапы и повалился вперед: маленькое копье неожиданно настигло его.

— Меткий бросок, — похвалил Амагаст сына.

Убедившись, что ящер мертв, он извлек копье и отдал Керрику.

Теперь оставался только жирный и крупный мараг. Глаза его были закрыты, он словно не замечал происходящего вокруг.

Когда копье Амагаста проткнуло его бок, он закричал почти по-человечески. Тварь вся заросла жиром — охотник колол и колол... Наконец мараг замер на песке. Покончив с ним, Амагаст оперся на копье и с брезгливостью поглядел на убитых: ненависть еще владела им.

— Твари! Их надо убивать! Мургу — не мы. Гляди: пятна на шкуре, шерсти нет, холода боятся, ядовиты, в пищу даже не годятся. Когда попадаются, надо убивать! — рычал он, и Керрик лишь кивал в знак согласия, ощущая такое же глубокое и бездумное отвращение.

— Иди, приведи остальных! — приказал Амагаст. — Быстро. Смотри, на том краю бухты другие. Надо убить всех...

Вдруг убитый мараг шевельнул хвостом, и Амагаст снова занес копье.

Нет! Хвост не двигался, что-то шевелилось у его основания, там была какая-то щель, открывавшаяся словно сумка. Острием

копья Амагаст ткнул туда, и его замутило от одного вида бледных созданий, посыпавшихся на песок.

Сморщенные и слепые, похожие на взрослых... Значит, детеныши. Задыхаясь от гнева, он топтал их ногами.

— Всех, всех передавлю! — бормотал он, а Керрик уже мелькал между деревьями.

Глава 2

Ende hante'hei, ate' embokeka iirubushei kaksheise', he'avahei; he'-vai'ihei, kaksheinte, enpeleinu asahen enqe.

Из отцовской любви вступить в объятия моря — вот первая боль жизни, а первая радость — подруги, которые сразу же окружат тебя.

Энтиисенат резал волны громадными плоскими плавниками. Он приподнял голову — вода заструилась по темной шкуре; голова на длинной шее поднималась все выше, энтиисенат огляделся по сторонам — и, заметив за собой огромный силуэт, торопливо ушел под воду. «Стайка кальмаров», — радостно зацокал второй энтиисенат. Массивные хвосты заколыхались, и ящеры рванулись за добычей; могучие гиганты, для которых не было преград, разинули широкие пасти.

Выбрасывая струи воды, кальмары бросились в разные стороны. Некоторые из них спаслись в чернильных облаках, но большинство нашло смерть в ненасытных плоских пастях, проглоченные в один миг. Насытившись, гиганты повернули назад.

Неподалеку океан бороздило еще более огромное существо. Вода перехлестывала через его спину, пенилась вокруг громадного спинного плавника. Приблизившись к нему, энтиисенаты нырнули и пристроились рядом, стараясь держаться возле чудовищного, усеянного зубами клюва. Урукето, должно быть, увидел их, глаз его, медленно поворачиваясь, следил за обоими, черный зрачок обрамляло костяное кольцо. Неторопливый мозг чудовища соображал медленно, клюв приоткрылся, потом распахнулся пошире.

Один за другим энтиисенаты подплыли к разверзшейся пасти и, по очереди просунув головы в колоссальную полость, извергли

только что проглоченных кальмаров. Опустошив желудки, они отвалились в сторону, загребая сильными плавниками. Челюсти позади сомкнулись так же неторопливо, как открылись. Урукето не спеша продолжал путь.

Большая часть массивной туши находилась под водой, только спинной плавник взрезал поверхность вод. Вздымаясь над волнами, плоская верхушка его, морщинистая и высохшая, была покрыта белыми пятнами экскрементов морских птиц и шрамами от ран, оставленных острыми клювами. Одна из птиц как раз опускалась на верхушку плавника, расправив огромные белые крылья и выставив вперед перепончатые лапы. Вскрикнув, птица вдруг метнулась назад: сверху на плавнике открылась узкая щель. Она увеличивалась, расходилась во всю длину — громадный ход внутрь живой плоти, из него пахнуло спертым воздухом.

Отверстие все ширилось, пока наконец иилане′ не смогла просунуть в него плечи. Второй офицер, она несла вахту. Поднявшись на невысокий костный карниз, огибавший плавник изнутри, она с наслаждением вдохнула свежий морской воздух, покрутила головой во все стороны. Удовлетворенная, она спустилась вниз, где иилане′, выполнявшая сегодня обязанности кормчего, внимательно смотрела в прозрачный круглый диск прямо перед собой. Первая иилане′ поглядела на светившуюся в полумраке иглу компаса и заметила, что они отклонились от курса. Кормчая потянулась в сторону, защипнула узел нервного окончания в плавнике и стиснула его. Дрожь сотрясла все «судно»: полуразумное существо повиновалось. Вахтенная кивнула и отправилась вниз, в длинную пещеру. Расширяясь, зрачки ее быстро приспосабливались к темноте.

Помещение в живом теле урукето, проходившее от головы до хвоста, освещали только фосфоресцировавшие пятна на стенах. Сзади, почти в полной тьме, лежали со связанными ногами иилане′-узницы; коробки с припасами, емкости с водой отделяли их от пассажиров и экипажа, располагавшихся впереди.

Вахтенная подошла к капитану и отрапортовала. Эрефнаис оторвалась от светившейся карты, которую держала в руках, и одобрительно кивнула. Удовлетворенная, она свернула карту и направилась вверх, к плавнику. На ходу она слегка прихрамывала: давала знать о себе детская травма спины, там до сих пор проступали морщинистые шрамы. Только великие способности позволили ей достичь высокого положения капитана при таком физическом недостатке. Наверху она тоже принялась оглядываться, глубоко вдыхая свежий морской воздух.

За спиной пропадали из виду берега Манинле. Впереди, на горизонте, едва виднелась цепь невысоких островов, тянувшаяся с юга на север. Склонившись вниз, она заговорила самым формальным тоном. Приказы она отдавала тверже и решительнее. Сейчас этого не требовалось. Она говорила вежливо и безлично, как иилане′ низшего ранга следует обращаться к вышестоящей. А ведь она командовала судном... Значит, та, к которой она обращалась, занимала воистину высокое положение.

— Есть на что поглядеть, Вейнте′.

С этими словами она шагнула в сторону, уступая дорогу. Вейнте′ стала осторожно подниматься по ребристой внутренности плавника, за ней следовали еще двое иилане′. Вейнте′ приникла к краю отверстия. Открывая и закрывая ноздри, она вдыхала острый, соленый морской воздух. Эрефнаис с восхищением глядела на нее: в этот миг Вейнте′ была воистину прекрасна. Даже если не знать, что она поставлена во главе нового города, по любому движению сразу можно было догадаться об ее истинном положении. Не замечая восхищенных взоров, Вейнте′ гордо стояла, запрокинув голову и выставив вперед нижнюю челюсть; под жгучими лучами солнца зрачки ее сузились в вертикальные щелки. Сильными руками она крепко держалась за плавник урукето, для равновесия широко расставив ноги, ее причудливый ярко-оранжевый гребень изредка подергивался. Она рождена, чтобы повелевать, — это чувствовалось в каждом движении ее тела.

— Скажи мне, что там впереди? — отрывисто произнесла Вейнте′.

— Цепь островков, высочайшая. Имя их соответствует сути. Алакас-Аксехент — золотые камни, идущие друг за другом. Песок и вода на них теплые в любое время года. Острова цепочкой протянулись к материку. Там, на берегу, и растет новый город.

— Алпеасак. Прекрасные пляжи... — прошептала Вейнте′, едва шевельнув губами. — Моя судьба. — Она повернулась лицом к капитану. — Когда мы прибываем?

— Сегодня к вечеру, высочайшая. Но еще до заката. Теплое океанское течение быстро несет нас вперед. Кальмаров вокруг в изобилии, и энтиисенат, и урукето сыты. Иногда даже слишком сыты, но это трудности капитана в дальнем походе. За ними приходится следить, иначе они не станут торопиться и мы прибудем...

— Тихо. Я хочу побыть со своими эфенселе.

— Удовольствие для меня, — пятясь, проговорила Эрефнаис и исчезла внизу.

Вейнте′ обернулась к молчавшим спутницам и ласково взглянула на них.

— Ну вот мы и прибыли. Трудная дорога в новый мир, в Гендаси, заканчивается, впереди новые трудности — теперь придется создавать новый город.

— Мы поможем, приказывай, — отвечала Этдиирг, сильная и крепкая как скала, всегда готовая помочь. — Приказывай, пойдем на смерть.

В других устах такие речи могли бы показаться притворством, но только не в устах Этдиирг. Искренность проступала в каждом движении ее крепкого тела.

— Этого я не стану приказывать, — сказала Вейнте′, — но попрошу тебя быть рядом со мной, первой помощницей во всем.

— Сочту за честь.

Вейнте′ обернулась к Икеменд, тоже готовой исполнить любое приказание.

— Ты будешь на самом ответственном месте. Наше будущее у тебя между большими пальцами. Тебе — заботиться о ханане и самцах.

Икеменд вздохнула, выражая разом согласие, удовольствие и преданность. Вейнте′ ощутила теплоту их дружбы и поддержки, но тут же нахмурилась.

— Благодарю обеих, — сказала она. — Оставьте меня. Пришлите сюда Энге. Одну.

Урукето качнула большая волна. Вейнте′ крепко вцепилась в грубую шкуру. Накативший от хвоста зеленый вал разбился о черную башню плавника. Соленая пена брызнула Вейнте′ в лицо. Прозрачные мигательные мембраны, опустившиеся на глаза, медленно поднялись. Она не замечала капель воды, мысли ее были далеко; они опережали огромное существо, которое несло их по морю из самого Инегбана.

Впереди ее ждал Алпеасак, золотой пляж ее будущего... Высоко взлетала она в мечтах своих, едва покинув теплое море детства, и обошла многих из своего эфенбуру и эфенбуру, многими годами ее старше. Хочешь подняться — лезь в гору. И наживай врагов. Но как никто Вейнте′ знала, что надо уметь обзаводиться и союзниками. У нее было свойство помнить обо всех из своего эфенбуру, какое бы положение они ни занимали, и встречаться с ними при первой возможности. Тех, кто был равен ей или выше,

она умела расположить к себе, младшие же в эфенбуру ею восхищались. В городе они были ее ушами и глазами, служили ей тайной силой. Без их помощи она не сумела бы добиться права на это путешествие, решиться на величайший риск. Ее ждал взлет — или падение. Пост начальницы Алпеасака, нового города, — важный пост. Назначение это позволило ей опередить многих. Но она могла потерпеть и неудачу, ведь в новом городе, самом далеком от Энтобана, ее поджидали серьезные проблемы. Если новый город не вырастет вовремя, она падет так низко, что никогда не поднимется. Как Диисте, которую она сменит на посту эйстаа нового города. Если она потерпит неудачу, ее тоже сместят. Такое было возможно, но рискнуть следовало. В случае успеха, на который все надеялись, она пойдет в гору, и ничто не остановит ее.

Снизу поднялась и встала рядом знакомая иилане′, с которой были связаны и добрые, и горькие воспоминания. Вейнте′ ценила дружбу всех из своего эфенбуру, она знала ей цену. Будущее Энге было туманным. Вейнте′ хотела, чтобы ее эфенселе понимала, что ждет ее на берегу. Сейчас был последний шанс переговорить с глазу на глаз перед высадкой на берег. Внизу для этого слишком много настороженных ушей и внимательных глаз, там нельзя откровенничать, но все нужно сказать именно сейчас, и пусть эта глупость закончится навсегда.

— Мы уже возле берега. Впереди Гендаси. Капитан сказала мне, что мы прибудем в Алпеасак еще до вечера.

Энге молчала и лишь в знак согласия шевельнула пальцем. Жест не был оскорблением, но и не выражал никаких эмоций. Разговор начался неудачно, но Вейнте′ не могла позволить себе разгневаться и отвлечься от главного. Она повернулась к своей эфенселе.

— Из отцовской любви вступить в объятия моря — вот первая боль жизни... — начала Вейнте′.

— А первая радость — подруги, которые сразу же окружат тебя, — закончила Энге знакомую фразу. — Я казню себя, Вейнте′, я знаю, как ты страдаешь от моего эгоизма.

— Мне не надо ни извинений, ни твоего унижения, даже объяснений твоего из ряда вон выходящего поведения. Мне просто непонятно, почему и ты, и твои последовательницы не преданы позорной смерти. Но не буду говорить об этом — я думаю не о себе. Меня беспокоишь ты, и только ты. Не эти заблудшие существа внизу. Если у них хватило ума пожертвовать свободой ради

вредной философии, значит, хватит смекалки и на добрую работу. Город найдет для них применение. Он может использовать и тебя, и не в качестве заключенной.

— Я не просила развязывать меня.

— Тебе не надо было этого делать. Я приказала. Для меня позор, когда одна из моего эфенбуру связана как преступница.

— Я никогда не желала опозорить ни тебя, ни наше эфенбуру. — В голосе Энге не было раскаяния. — И поступала в соответствии с собственными убеждениями. Их глубина полностью переменила всю мою жизнь... они могут изменить и твою, эфенселе. Но все-таки приятно слышать, тебе стыдно. Это пробуждение — начало веры.

— Постой. Я стыжусь лишь за наше эфенбуру, которое ты опозорила. А сама я ощущаю лишь гнев — и не более. Сейчас мы вдвоем, нас никто не слышит. Со мной будет покончено, если ты проболтаешься, но я знаю — ты не станешь причинять мне вред. Слушай же. Перед высадкой на берег тебя вновь свяжут, как и твоих подруг, но ненадолго. Едва уйдет судно, я освобожу тебя, ты будешь помогать мне. Алпеасак — моя судьба, я нуждаюсь в твоей помощи. Дай мне ее. Ты знаешь, какие ужасные события происходят ныне, что с севера дуют все более холодные ветры. Два города уже погибли, и нет сомнений, что Инегбан ждет та же участь. Усилиями прежних глав нашего города основан новый, еще более великий город на этом дальнем берегу. Инегбан умрет, но Алпеасак будет жить. Я долго билась за право быть эйстаа нового города, я направлю его рост, буду готовить его к тому дню, когда в него переселится весь наш народ. Но мне нужна помощь. Мне нужны друзья, готовые усердно трудиться вместе со мной и вместе возвыситься. Я прошу тебя помочь мне, Энге. Будь со мной в этих нелегких трудах. Ты моя эфенселе. Мы вместе оказались в море, вместе росли, вместе вышли из него и стали подругами в одном эфенбуру. Нашу связь невозможно нарушить. Помоги мне, будь рядом со мной, возвысься, будь моей правой рукой. Ты не можешь отказать мне. Согласна?

Голова Энге склонилась. Сложив молитвенно руки, она подняла глаза.

— Я не могу. Я связана с подругами, Дочерьми Жизни, связью более сильной, чем со своим эфенбуру. Они следуют за мной.

— Ты привела их в ссылку, в дикие края, на верную смерть!

— Надеюсь, что нет. Я только учила их пониманию мира. Я пересказала им истины, открытые Угуненапсой, которые даровали ей вечную жизнь. Не только ей — мне, всем нам. Просто ты и другие иилане′ слепы и ничего не видите. Одно только может вернуть зрение — память о смерти позволит узнать жизнь.

Вейнте′ была вне себя и на миг потеряла дар речи, по-детски протянув к Энге руки. Она видела — пылающие ладони Энге были обращены к ней в самом оскорбительном из жестов. Еще более разгневало ее то, что Энге не растрогала проявленная забота, не огорчил гнев.

— Не надо, Вейнте′. Если мы вновь окажемся вместе, обнаружится нечто более важное, чем наши желания, чем преданность эфенбуру...

— И преданность городу?

— Да... Это важнее всего на свете.

— У меня нет даже слов. Ты предала все, чем мы живем, и я презираю тебя. Все иилане′ от яйца времен живут, как положено иилане′, и в этот порядок, словно паразит в живую плоть, вгрызается твоя презренная Фарнексеи, проповедующая возмутительную чушь. К ней относились с терпением, но она настаивала на своем, получила предупреждение, но не образумилась... пока не осталось единственного выхода — изгнать ее из города. Но она не умерла, первая из вас, живых покойниц. И если бы не спасительница Олпесааг, она до сих пор жила бы и проповедовала.

— Угуненапсой звали ее потому, что устами ее говорила великая правда. Олпесааг-разрушительница уничтожила ее тело, но не откровение.

— Имя дается, она была Фарнексеи, ищущая. Она забыла про осторожность и за это умерла. Такой конец ждет и вашу детскую веру, место которой среди кораллов и водорослей. — Вейнте′ глубоко вздохнула, пытаясь сдержать себя. — Разве ты не понимаешь, что я тебе предлагаю? Последний шанс. Жизнь вместо смерти. Будешь со мной — и поднимешься. Если эта низменная вера важна для тебя, верь в глубине сердца, но молчи, не говори о ней ни мне, ни другим иилане′, спрячь под плащ, где ее никто не увидит. Сделай это.

— Не могу. Правду нельзя спрятать.

С яростным ревом Вейнте′ схватила Энге за шею, больно ткнув большими пальцами в гребень, и ударила лицом в неподатливую поверхность плавника урукето.

— Вот тебе правда! — закричала она, разворачивая Энге лицом к себе, чтобы до той дошло каждое слово. — Правда в том, что я сую в птичье дерьмо твою круглую, как луна, рожу. И еще прав-

да в том, что тебя ожидает новый город, окруженный дикими джунглями, тяжелая работа, грязь, отсутствие всех привычных удобств. Такова будет твоя судьба, и, уверяю, смерть ждет тебя, если ты не откажешься от своего высокомерия, не прекратишь этого жалкого визга.

Услыхав тихие шаги капитана, которая была ошеломлена увиденной сценой и теперь пыталась незаметно уйти, Вейнте́ крикнула, толкнув Энге на карниз:

— А ну сюда! Что значит это шпионство?!

— Я не хотела... высочайшая, у меня не было дурных намерений, я уйду, — забормотала Эрефнаис, не прибегая к тонкостям и пышным фразам: так велико было ее смущение.

— Что привело тебя сюда?

— Пляжи... Я просто хотела показать вам пляжи, белые родильные пляжи. Вон там, к ним мы и направляемся.

Вейнте́ обрадовалась, что отыскалась причина закончить эту отвратительную сцену. Отвратительную — ведь она позволила себе вспышку гнева. Подобное она допускала нечасто, потому что прекрасно понимала, какое оружие отдает в чужие руки. Теперь вот капитан разнесет новость, и ничего хорошего не получится. А во всем виновата Энге, строптивая, неблагодарная, глупая Энге. Теперь ее ждет судьба, которую она заслужила. Не отводя глаз от зеленого берега, Вейнте́ прислонилась к стенке, гнев ее утихал, дыхание замедлялось. Энге поднялась на ноги: она тоже хотела взглянуть на пляж.

— Мы подойдем поближе, — произнесла Эрефнаис, — поближе к берегу.

Наше будущее, думала Вейнте́, первый восторг, первые яйца, первые рождения, первое подрастающее в море эфенбуру. Гнев ее улегся, она едва не улыбнулась, представив себе жирных ленивых самцов на пляжах. Молодняк, блаженствующий в сумках у них под хвостами. Первое рождение — памятное событие в новом городе.

Экипаж сумел заставить урукето подойти близко к берегу, почти в самые буруны, вдоль которого тянулись пляжи, прекрасные пляжи...

Энге и капитан остолбенели. Громко, с мукой в голосе, закричала Вейнте́.

На ровном песке валялись изуродованные трупы.

Глава 3

Крик резко оборвался. Когда Вейнте́ заговорила снова, из ее слов исчезла вся многозначительность, вся утонченность и отточенность речи. Только обнаженные кости смысла, только безжалостная и жесткая необходимость.

— Капитан, немедленно отправить на берег десять сильнейших членов экипажа. Выдать всем хесотсаны. Пусть урукето остается на месте. — Она выглянула наружу, опершись на плавник, и показала на Энге. — Ты пойдешь со мной.

Зацепившись когтями ног за шкуру урукето и помогая себе руками, Вейнте́ выбралась на спину животного и нырнула в прозрачное море. Энге чуть отставала.

Они вынырнули из волн прибоя возле трупа самца. Мухи густо усеяли многочисленные раны с запекшейся кровью. Зрелище это заставило Энге пошатнуться, словно ее качнул невидимый ветер, она сплетала пальцы, не замечая того, — детский знак боли.

А Вейнте́? Она стояла спокойно, с непроницаемым лицом, только глаза метались по сторонам.

— Я хочу отыскать тех, кто это сделал, — произнесла она невозмутимым тоном, ступив вперед и склонившись над телом. — Эти существа убивали, но не ели. У них длинные когти, клыки или рога — погляди на эти раны! Видишь? Убиты ведь не только самцы, но и няньки. Где же стража?

Она повернулась, из моря навстречу ей спешили командир и вооруженные члены экипажа.

— Растянитесь в шеренгу, оружие наготове, прочешите весь пляж! Найдите охрану, которая должна была находиться здесь, и вместе отправляйтесь по следам. Вперед! — Вейнте́ проследила за ними и обернулась, когда Энге позвала ее.

— Вейнте́, я даже представить не могу, какое животное нанесло эти раны: повсюду одиночные проколы или разрезы, словно у этого зверя один рог или клык.

— У ненитеска на конце морды один грубый рог и у хурукаста тоже один рог.

— Это гигантские, неповоротливые, глупые твари, они не способны на подобное. Ты сама говорила мне, что здешние джунгли опасны. Здесь могут оказаться другие звери, стремительные и коварные.

— Но где же охрана? Опасности им известны, почему они не справились со своим делом?

— Она была здесь, — проговорила Эрефнаис, медленно возвращаясь по песку, — все мертвы. Убиты.

— Это невозможно! А их оружие?

— Не использовано и полностью заряжено. Это существо... существа... они смертельно опасны.

Одна из членов экипажа издали окликнула их, но на таком расстоянии голос ее был едва слышен, а знаки непонятны. В большом возбуждении она бежала к ним.

— Я нашла след... идите сюда... там кровь, — Вейнте′ наконец разобрала слова. Нескрываемый ужас был в этом голосе... — Я шла по следу, высочайшая, — заговорила иилане′, указывая на деревья. — По-моему, существ было по крайней мере пять — столько было следов — и все кончаются у воды. Они исчезли. Но есть кое-что еще, это следует видеть.

— Что?

— Место убийства... Там много костей и крови, и еще... Увидишь сама.

Не дойдя до места, они услышали сердитое жужжание мух. Там действительно были следы страшного убийства, но было и нечто куда более важное. Проводница молча показала на землю.

Там лежала кучка углей и пепла, из которой еще вился серый дымок.

— Огонь? — громко произнесла Вейнте′, озадаченная увиденным, как и остальные. Ей уже приходилось видеть огонь, но он ей не понравился. — Назад, дура! — крикнула она, когда капитан сунулась к тлеющим углям. — Тут огонь. Он очень горячий и жжется.

— Я не знала, — стала извиняться Эрефнаис. — Я только слыхала о нем, но никогда не видела.

— А вот кое-что еще, — продолжила говорившa. — На берегу оказалась грязь. Она засохла под лучами солнца. И на ней следы. Очень четкие. Я взяла один, вот он.

Вейнте′ подошла и склонилась над потрескавшимся куском глины с углублениями в твердой поверхности.

— Невелики, очень невелики, они ниже нас. Такие мягкие ступни, нет и следа когтей. Цо! Считайте. — Она выпрямилась и обернулась к сопровождавшим, вытянув вперед руку с растопыренными пальцами. — Пять пальцев, а не четыре, как у нас. Кто знает зверей с пятью пальцами?

Молчание было ей ответом.

— Здесь столько тайн. Мне не нравится это. Сколько вокруг стражниц?

— Три, — ответила Эрефнаис, — по одной у каждой оконечности пляжа, третья в середине.

Она умолкла. Из подлеска, треща ветками, на берег выскочила еще одна из экипажа.

— У берега лодка, — доложила она, — небольшая.

Вейнте′ вышла из-за деревьев и заметила покачивавшуюся на волнах небольшую лодку, груженную какими-то емкостями.

Одна из иилане′ придерживала на волнах живое суденышко, чтобы не удрало, еще две таращились на трупы на пляже. Заметив Вейнте′, они переглянулись. На шее одной из них блеснуло ожерелье из крученой проволоки. Вейнте′ пристально оглядела ее.

— Если ты эсекасак, та, что защищает родильные пляжи, почему ты не спасла своих подопечных?

Ноздри эсекасак расширились от ярости.

— Кто ты, чтобы так разговаривать со мной?

— Я — Вейнте′. Теперь я эйстаа этого города. Живо отвечай на мой вопрос, низкая, я теряю терпение.

Эсекасак почтительно прикоснулась к губам и отступила на шаг.

— Извини меня, высочайшая, я не знала. Потрясение, эти смерти...

— Ты в ответе за них. Где ты была?

— В городе, я ходила за пищей и новой сменой.

— Сколько времени ты отсутствовала?

— Всего три дня, высочайшая, как всегда.

— Как всегда? — Вейнте′ душила ярость. — Я не понимаю твоих слов. Почему ты морем отправилась в город? Где же терновая стена, где линии обороны?

— Они еще не подросли, высочайшая, и ненадежны. Реку уже очистили и углубили, но еще не совсем освободили от опасных зверей. Решили безопасности ради родильные пляжи временно оставить на берегу океана.

— Безопасности ради? — Более Вейнте′ не могла сдержать гнева... Показывая на трупы, она завопила: — Вот они — все убиты! Ты виновата! Лучше бы ты погибла вместе с ними. За это величайшее из преступлений я требую самого строгого наказания. Ты изгоняешься из города, из числа говорящих, будь среди безъязыких! Долго ты не проживешь, но пока жива, будешь по-

мнить, что твоя собственная ошибка, твоя безответственность, уклонение от обязанностей навлекли на тебя наказание!

Вейнте′ шагнула вперед и, большими пальцами схватившись за металлическую эмблему высокого поста, сорвала ожерелье с эсекасак. Затем, бросив ожерелье в прибой, она затянула литанию деперсонализации:

— Я лишаю тебя поста! И все присутствующие лишают тебя поста за безответственность. Каждая жительница Инегбана, города нашего и дома, каждая живущая иилане′ лишает тебя гражданства. А теперь я забираю твое имя, никто из живых не произнесет его, но все будут помнить тебя, злую тьму. Возвращаю тебя к безымянным и бессловесным! Ступай!

Вейнте′ указала на бушующий океан, ужасающий своим гневом.

Деперсонализированная эсекасак рухнула на колени, распростерлась на песке у ног Вейнте′. Слова ее едва можно было понять.

— Нет, только не это, умоляю! Не моя вина, это Диисте приказала, она заставила нас. Рождений не было, но она не укрепляла сексуальную дисциплину. Меня в этом нельзя винить, иначе не было бы рождений. В случившемся виновата не я...

Голос ее постепенно слабел, судорожные движения конечностей замедлились и остановились.

— Поверните ее! — приказала Вейнте′.

Эрефнаис сделала знак двум членам экипажа, которые перевалили обмякшее тело на спину. Глаза умирающей еще глядели, но дыхание затихло. Она умирала. Правосудие свершилось. Вейнте′ одобрительно кивнула и тут же забыла о несчастном создании — оставалось еще столько дел.

— Эрефнаис, останешься здесь и проследишь, чтобы тела убрали, — распорядилась она, — а потом веди урукето к городу. Я отправлюсь в этой лодке. Хочу видеть эту эйстаа Диисте, которую я должна сместить.

Когда Вейнте′ забралась в лодку, охранница, находившаяся возле нее, смиренным жестом попросила разрешения заговорить.

— Встретиться с Диисте невозможно. Она мертва уже много дней. Лихорадка... Она умерла в числе последних.

— Значит, мое прибытие слишком запоздало.

Вейнте′ уселась, а стражница, склонившись к уху лодки, отдала приказ. Лодка задрожала и выбросила струю воды.

— Расскажи мне о городе, — попросила Вейнте′, — но сперва назови свое имя.

Она говорила спокойно и доброжелательно. Стражница не виновата в несчастье, дежурила не она. Вейнте′ должна найти в ней союзницу, должна думать о городе.

— Я — Инленат, — отвечала та уже не таким испуганным голосом. — Город будет уютным. Мы все этого хотим. И мы усердно работаем, хотя у нас много трудностей и проблем.

— И Диисте была одной из вас?

Инленат спрятала руки, чтобы не выдать себя.

— Не мне говорить. Я прожила в городе недолго.

— Но если ты живешь в городе, ты принадлежишь ему. Можешь говорить: я — Вейнте′, и я — эйстаа. А потому ты принадлежишь и мне. Задумайся, потрать немного времени. Вся власть в моих руках. Ко мне будут идти со всеми проблемами. От меня будут исходить решения. Теперь ты понимаешь свою ответственность. Говори, правдиво отвечай на мои вопросы.

— Повинуюсь твоему приказанию, эйстаа, — преданно отвечала Инленат, приспосабливаясь к новому порядку.

Постепенно тщательными и осторожными расспросами Вейнте′ удалось выяснить последовательность событий в городе. Стражница занимала слишком низкое положение и не знала, что происходило среди высочайших, но результаты их действий она знала прекрасно. И они не обнадеживали.

Диисте не любили, это было очевидно. Она явно окружила себя группой приживалок, почти не выходивших на работу. И все указывало на то, что именно они утратили чувство ответственности, не обратились к другим способам получения удовлетворения, когда пришло время откладывать яйца, а воспользовались самцами, хотя родильные пляжи еще не были готовы. И если это так, правду несложно было выяснить, даже не стоило тратить силы на публичный суд. Преступниц следовало направить на работу вне города, чтобы они трудились, пока не свалятся мертвыми или не попадут в зубы местным хищникам. Иного они не заслуживали.

Впрочем, не все новости были так плохи. Уже были расчищены первые поля, город вырос почти наполовину и развивался по плану. Когда победили здешнюю лихорадку, прочих медицинских проблем уже не возникало — случались только травмы, обычные при тяжелой работе.

Когда лодка вошла в устье реки, Вейнте′ в основном пред-

ставляла себе, что придется делать. Конечно, она проверит слова Инленат, это естественно, но предчувствие говорило ей, что простодушное создание и впрямь выложило все городские проблемы. Конечно, вперемешку со сплетнями, но в основном все подтвердится.

Солнце опускалось в облака, лодка скользнула между водяными корнями города и оказалась в гавани. Вейнте′ машинально набросила на плечи один из плащей: становилось прохладно. Плащ кормили хорошо, и он грел, к тому же скрывал ее ранг, и это было неплохо. Если бы не трагедия на пляже, она настояла бы на официальной встрече урукето. Но теперь торжественность была неуместной. Вейнте′ тихо вступит в Алпеасак, так, чтобы, когда слухи о случившемся проникнут в город, она могла бы правильно использовать их. О гибели стражницы иилане′ не позабудут, но вспоминать об этом будут как о конце неурядиц, начале доброй поры. И она пообещала себе, что теперь все будет иначе, совершенно иначе.

Глава 4

Прибытие Вейнте′ не осталось незамеченным. Еще издали она увидела на причале фигуру в плаще, явно дожидавшуюся ее прибытия.

— Кто это? — спросила Вейнте′.

Инленат проследила за ее взглядом.

— Я слыхала, что ее зовут Ваналпе′, ранг ее — высочайшая. Она никогда не разговаривала со мной.

Вейнте′ знала о ней из ее отчетов. Деловые и формальные, ни слова о личностях или трудностях. Она была эсекаксонка, буквально — «меняющая форму вещей». Она принадлежала к тем немногим, кто умел изменять растения и животных, создавать новые полезные виды. Именно она отвечала за проект города и его выращивание. Вейнте′ была эйстаа, предводительница поселения, распоряжающаяся всеми его жительницами; Ваналпе′ полностью отвечала за физическую форму самого города. Вейнте′ попыталась скрыть внезапную скованность: важна первая встреча, она покажет, как сложатся отношения. А от них зависят судьба и будущее самого Алпеасака.

— Я Вейнте′, — произнесла она, ступая на сырые доски причала.

— Приветствую тебя и приглашаю в Алпеасак. Одна из фарги

заметила урухето и приближающуюся лодку и доложила мне. Больше всего я хотела, чтобы это оказалась именно ты. Мое имя Ваналпе′, услужающая, — вежливо проговорила она, делая жест подчинения.

Она сделала его в старомодной манере, дважды широко поведя рукой, а не коротко, как было принято теперь. Она стояла, расставив ноги, крепкая, готовая повиноваться. Вейнте′ сразу же почувствовала к ней расположение и по-дружески взяла за руку.

— Я читала твои отчеты. Ты хорошо поработала для Алпеасака. А скажи, больше фарги ничего не рассказывала... о пляже не вспоминала?

— Нет, просто доложила о твоем прибытии. А что случилось на пляже?

Вейнте′ открыла было рот, но поняла, что не может говорить. После той короткой вспышки гнева она держала свои чувства под строгим контролем. И теперь ощутила, что, если заговорит об убийстве самцов и молодняка, гнев и ужас вновь овладеют ею. А в нынешнем положении это будет ошибкой, ибо нарушит вид холодной рассудительности, с которым она всегда появлялась публично.

— Инленат, — приказала она, — расскажи Ваналпе′, что мы обнаружили на пляже.

Стараясь не прислушиваться, Вейнте′ расхаживала по причалу, планируя дальнейшие действия. Когда голоса умолкли, она обернулась и увидела, что обе ожидают распоряжений.

— Теперь понимаешь? — спросила Вейнте′.

— Чудовищно! Следует отыскать тварей, что сделали это, и уничтожить!

— Ты не имеешь представления, что это за звери?

— Нет, но мне известно, кто знает. Сталлан, она работает вместе со мной.

— Имя охотницы ей присвоено?

— Это истинное ее имя. Она в одиночку исходила джунгли вокруг города. Она знает о них все. Используя ее сведения, я внесла изменения в проект города, о которых должна рассказать тебе поподробнее.

— Потом. Хоть я теперь эйстаа, некоторые дела могут подождать, сначала надо разобраться со случившимся на пляже. В городе все в порядке? Неотложных проблем нет?

— Другие вопросы могут подождать. Все идет своим чередом. Лихорадка остановлена. Кое-кто умер.

— Диисте умерла. О ней будут вспоминать?

В задумчивости Ваналпе′ молча потупила глаза. А когда заговорила, стало ясно, что она, понимая свою ответственность, тщательно взвесила каждое слово.

— В городе были недобрые настроения... Многие говорили, что в них виновата Диисте. Я согласна с ними. Ее будут вспоминать немногие.

— И кто же?

— Подружки. Ты быстро найдешь их.

— Понимаю. Пошли за Сталлан, я приказываю ей явиться ко мне. А теперь покажи мне город.

Ваналпе′ провела ее меж высоких корней и откинула в сторону задрожавший от прикосновения тяжелый полог. Внутри было теплее, и они сбросили плащи возле двери. Медленно выпустив щупальца, плащи принялись ощупывать стенку и, ощутив сладкий запах древосока, присосались к ней.

Иилане′ миновали какие-то сооружения у края воды, где узловатые стволы деревьев были прикрыты полупрозрачными листами.

— Новый метод, — пояснила Ваналпе′. — Этот город заложен после долгого перерыва. И дни, прошедшие со времени закладки последнего, расходовались мудро: в проект были внесены значительные усовершенствования. — Она оживилась и, улыбнувшись, погладила хрупкие листы. — Я вырастила их сама. Модифицированные куколки насекомых. Если личинки сытно кормить, они могут производить много таких листов. Их снимают и соединяют, пока они еще мягкие. Высыхая, они твердеют. Ничего не тратится напрасно. А вот и дерево — город.

Она показала на переплетения складывавшихся в стены тяжелых корней, закрытые теми же прозрачными листами.

— Они состоят исключительно из углеводов. Дерево поглощает их, впитывая много энергии.

— Великолепно! — Вейнте′ остановилась возле фонарика, прильнувшего к распростершему мембраны крыльев нагревателю, и огляделась с неподдельным восхищением. — Даже не могу сказать, как я довольна. Я читала все твои отчеты. Я знала о твоих достижениях. Но видеть этот уверенный рост — это абсолютно другое. Впечатляет, впечатляет и впечатляет. И в первом же сообщении в Энтобан я это отмечу.

Не осмеливаясь заговорить, Ваналпе′ отвернулась. Всю жизнь она работала, проектировала города, и Алпеасак был вершиной

ее мастерства. Бурный энтузиазм новой эйстаа ошеломил ее. Она заговорила не скоро, указав в сторону нагревателя:

— Он такой новый, что сообщение о нем еще не попало в отчеты. — Ваналпе′ погладила нагреватель, на миг он извлек клыки из древосока и, открыв слепые глаза, тоненько вскрикнул. — Я выводила их много лет. И могу теперь доложить, что эксперименты оказались успешными. Они долгожители, иного питания, кроме сахаристого древесного сока, им не нужно. Попробуй температуру тела на ощупь — выше, чем у всех прочих.

— Могу только восхищаться.

Ваналпе′ с гордостью вела новую эйстаа вперед по лабиринту корней. Нырнув в какое-то отверстие, она приподняла корни, чтобы Вейнте′ могла пройти, и показала на толстый ствол.

— Вот место, где я посадила семя города. — Рассмеявшись, она протянула вперед руку ладонью вверх. — Вот на этой ладони оно лежало, крохотное... Даже нельзя представить, сколько трудов, дней и ночей ушло на мутацию генных цепей. И пока зерно не взошло, никто не был уверен, что труды не напрасны. Место это по моему приказу очистили от кустов, деревьев, от насекомых, после чего я сама удобрила и увлажнила почву и вот этим большим пальцем сделала дыру... и положила туда семя. В ту ночь я спала возле него, я не могла отойти. А уже на следующий день пробился крошечный зеленый побег. Не могу даже описать своих чувств. А теперь — вот!

С великой гордостью и радостью Ваналпе′ похлопала по огромному корню. Потом подошла поближе и прикоснулась к коре дерева. Ее дерево, ее город...

— Я буду тут. Скажи всем, что это мое место.

— Это твое место. Чтобы оградить апартаменты эйстаа, мы посадим стены. А теперь я пойду за Сталлан, ее проводят сюда.

Когда она удалилась, Вейнте′ молча подождала, пока первая проходившая мимо фарги не взглянула в ее сторону, и сразу же отправила ее за мясом. А когда та вернулась, Вейнте′ была уже не одна.

— Мое имя Хексеи, — произнесла прибывшая официальным тоном. — Разнеслись слухи о твоем прибытии, великая Вейнте′, и я поторопилась поприветствовать тебя в твоем городе.

— Что ты делаешь в городе, Хексеи? — спросила Вейнте′ столь же официально.

— Пытаюсь быть подручной, всем помогать, быть верной городу...

— Ты была близкой приятельницей умершей эйстаа Диисте?

Это было скорее утверждение, чем вопрос, и стрела попала в цель.

— Я не знаю, что ты слышала. Многие ревнуют, рассказывают небылицы...

Она умолкла: возвращалась Ваналпе′, за ней следовала иилане′ с перевязью через плечо, на которой висел хесотсан. Глянув на оружие, Вейнте′ отвернулась — по закону в городе с ним нельзя было показываться.

— Это та самая Сталлан, о которой я говорила, — произнесла Ваналпе′, скользнув взглядом по Хексеи, словно той вовсе не существовало.

Сталлан приветствовала ее официальным жестом и отступила на шаг к двери.

— Я виновата, — с хрипотцой произнесла она, и Вейнте′ заметила длинный шрам на ее шее. — Я, не подумав, принесла сюда оружие. Только увидев твой взгляд, я поняла, что оружие надо было оставить.

— Ты всегда его носишь с собой? — спросила Вейнте′.

— Всегда, я больше времени провожу в джунглях, чем в городе. Мы ведь здесь недавно, и вокруг так много опасностей.

— Тогда носи его, Сталлан, раз это необходимо. Ваналпе′ рассказала тебе о случившемся на пляже?

Сталлан молча сделала утвердительный жест.

— Ты знаешь, какой зверь свирепствовал там?

— И да, и нет.

Вейнте′ не обратила внимания на невольный жест сомнения и недоверия Хексеи.

— Объясни.

— Здесь, в новом мире, есть болота, огромные леса и горы. На запад отсюда лежит большое озеро, далеко за ним океан. На север уходят бесконечные леса. Много зверей. Одни похожи на тех, которые живут в Энтобане. Другие совершенно иные. Чем дальше к северу, тем больше разница. Там мне попадалось много-много устузоу. Я убивала их, они опасны. Они ранили моих спутниц-фарги, некоторые из них умерли.

— Опасны?

Хексеи громко расхохоталась:

— Разве мышь под полом опасна? Надо бы послать за элиноу, чтобы ты не боялась...

Сталлан медленно повернулась к Хексеи.

— Ты всегда смеешься, когда я рассказываю о них, хотя ничего не знаешь. Настало время прекратить глупый смех.

Холодный тон ее не допускал возражений. Все молча смотрели, как она направилась к двери и сразу же вернулась с большим свертком.

— В этой стране живут устузоу — звери, покрытые мехом, которые много крупнее той самой рассмешившей тебя мыши под полом. У себя на родине мы встречали только этого крошечного зверька, и до сих пор многие думают, что все устузоу такие же маленькие. Следует отказаться от этой мысли. Здесь все по-другому. Встречается и такой зверь, у которого нет еще имени.

Развязав сверток, она раскатала его по полу. Это оказалась лохматая шкура животного, которая протянулась от стенки до стенки. Все умолкли, пораженные размерами зверя. Сталлан приподняла одну из лап и указала на когти, которые были длиннее ее ладони.

— На твой вопрос, эйстаа, я ответила — и да, и нет — и вот почему. Здесь пять когтей. У многих опасных лохматых зверей по пять пальцев. И я думаю, что побоище на пляже устроили устузоу какого-то еще незнакомого мне вида.

— По-моему, ты права, — согласилась Вейнте′ и отвернула в сторону уголок толстой шкуры, стараясь не выдать отвращения от этого мягкого прикосновения. — Как ты думаешь, мы сумеем найти этих тварей?

— Я пойду по их следу на север. Они могли уйти только туда.

— Найди их. Быстро. И доложи мне. Тогда мы их уничтожим. Уйдешь с рассветом.

— С твоего разрешения, прямо сейчас.

Вейнте′ изобразила на лице легкое недоверие.

— Скоро будет темно. Разве ты можешь путешествовать и ночью? — спросила она.

— Возле города можно, очертания берега позволяют. У нас есть большие плащи и ночная лодка. Она пойдет вдоль береговой линии, и к рассвету мы уже пройдем немалую часть пути.

— Ты настоящая охотница. Но я не хочу, чтобы ты отправлялась одна навстречу опасностям. Тебе потребуется помощь. Вот Хексеи говорила, что она всем помогает. Пусть она отправится с тобою.

— Путешествие будет тяжелым, эйстаа, — возразила Сталлан ровным, лишенным выражения тоном.

— Я уверена, что путешествие будет полезным для нее, —

продолжала Вейнте', отвернувшись от Хексеи и не обращая внимания на явное негодование и просьбы внимания. — Может быть, ваш поход окажется удачным.

Глава 5

Naudinza istak ar ovot at kvalaro, at etcharro — ach i marinanni terpar.

Путь охотника всегда самый тяжелый и долгий, но заканчивается он среди звезд.

Далекие вспышки молнии озаряли низкие темные облака над горизонтом. Доносился отдаленный рокот грома. Гроза удалялась в море, а вместе с нею и ливень, и шквалистый ветер. Высокий прибой тяжело рушился на берег, далеко накатывая на песок. Волны добегали до самой кромки солончаковых трав, почти до вытащенной на берег лодки. Как раз за лодкой, в небольшой рощице, и находился шатер из шкур, натянутых на весла и палки. Из-под шкур сочился дымок.

Старый Огатир выглянул из укрытия и прищурился: низкие лучи вечернего солнца вдруг выбились из-под отступающих облаков. Он принюхался.

— Гроза кончилась, — объявил он, — можно отправляться дальше.

— Не в такое море, — ответил Амагаст, раздувая огонь. Костер вспыхнул. Над ним висели крупные куски оленины, капли сока падали вниз и шипели на углях. — Лодку захлестнет, сам знаешь... Утром.

— Но мы опаздываем, опаздываем...

— Ничего не могу поделать, старый. Ерманпадар посылает нам грозы, не спрашивая нашего согласия.

Он отвернулся от огня к убитому оленю. Охота была удачной, прибрежные кустарники просто кишели зверьем. Когда они разделают последнюю тушу и прокоптят мясо, лодка будет полна. Он развел передние ноги оленя и с трудом вспорол шкуру острым осколком камня: нож был тупым. Амагаст отбросил его в сторону и крикнул Огатиру:

— Эй, старый, сделай мне новый нож! Ты это умеешь.

Огатир, кряхтя, поднялся на ноги. От здешней сырости ныли все кости.

С трудом доковылял он до лодки и долго шарил внутри. Потом возвратился, держа в каждой руке по камню.

— Ну, мальчик, учись, — проговорил он, приседая на корточки и протягивая камни Керрику. — Погляди. Что ты видишь?

— Два камня.

— Конечно. Но что это за камни? Что ты можешь мне о них рассказать?

Он покрутил их, чтобы мальчик мог как следует рассмотреть. Керрик потрогал поверхность пальцем и пожал плечами.

— Простые камни.

— Это потому, что ты еще молод и глуп. От женщин о камнях не узнаешь — это мужские знания. Охотнику нужно копье. Разве есть охотник без копья? А копью необходим наконечник. И ты должен научиться не только отличать камни друг от друга, замечать внутри камня нож или наконечник, но и открыть камень, извлечь из него спрятанное... Начнем урок. — Он дал Керрику круглый, окатанный водой голыш. — Вот тебе молот. Видишь — гладкий? Чувствуешь — тяжелый? Этот камень разобьет все камни. Он откроет этот, где прячется нож.

Керрик крутил в руках камень, с яростной сосредоточенностью вглядываясь в его грубую поверхность, поблескивающие сколы. Пока он смотрел, Огатир терпеливо ждал, потом забрал камень.

— В нем нет наконечника копья, — объявил он, — не тот размер, форма не та. Но нож есть, и не один. Чувствуешь? Сейчас я его открою.

Огатир аккуратно поставил камень на землю и ударил его молотом. Сбоку отскочил острый осколок.

— Вот и нож, — сказал он, — острый, но недостаточно. Смотри внимательно, следи за моими руками.

Он достал из мешка кусок оленьего рога и, положив каменный осколок на ребро, осторожно надавил тупым концом. Он сделал это несколько раз, и каждый раз от ножа отскакивала небольшая чешуйка. Когда он обработал камень по всей длине, лезвие оказалось тонко заточенным. Он передал его Амагасту, внимательно наблюдавшему за работой. Опытной рукой тот пропорол оленью шкуру от горла до паха.

— Никому из нашего саммада не отдает камень такие ножи, кроме тебя, — сказал Амагаст. — Пусть он тебя научит, мой сын: охотник без ножа — не охотник.

Керрик нетерпеливо схватил камни и ударил их друг о друга.

Ничего не произошло. Он стукнул вновь камнем о камень — опять без успеха. И только когда Огатир, взяв его руки в свои, правильно расположил их, Керрику удалось отбить неровный осколок. Но он был доволен первым успехом и долго потом затачивал нож куском оленьего рога, пока не устали пальцы.

Огромный Хастила мрачно следил за их работой. Потом, зевая и потягиваясь, он выбрался из-под укрытия, принюхался, как Огатир, и зашагал вверх по склону. Гроза ушла, ветер налетал лишь изредка, слабеющими порывами, солнце проглядывало меж облаков. Только белые гребни волн еще бежали от горизонта — знак недавнего буйства стихии. Прибрежный гребень понижался к заросшей травой равнине. По ней медленно двигались темные силуэты. Пригнувшись, Хастила вернулся назад в убежище.

— Еще олени. Здесь хорошая охота.

— Лодка полна, — ответил Амагаст, отрезая кусок дымящегося мяса. — Добавить — потонем.

— Кости ноют от лени, весь день провалялся, — буркнул Хастила, беря копье. — Надо поучить мальчика, как следует подкрадываться к зверю, чтобы можно было поразить его острым наконечником. Пойдем, Керрик. Бери копье и следуй за мной. Если выследим оленя, убьем. Я покажу тебе, как ползут против ветра к самому осторожному зверю.

Взяв копье, Керрик вопросительно взглянул на отца. Жуя жесткое мясо, Амагаст кивнул:

— У Хастилы есть чему поучиться. Иди, он научит.

Со счастливым смехом Керрик побежал за Хастилой. Поравнявшись с ним, он замедлил шаг.

— Слишком шумишь, — заметил Хастила, — у всех лесных зверей хорошие уши, услышат тебя, прежде чем увидят.

Хастила остановился и поднял руку: тихо. Потом он приложил ладонь к уху, обратившись к впадине между дюн. Керрик слушал внимательно, но мог уловить лишь далекий рокот прибоя. Вдруг сквозь плеск волн он явственно расслышал треск со стороны дюны. Подняв копье, Хастила осторожно шагнул вперед. Керрик почувствовал, как заколотилось в груди сердце. Он следовал за рослым охотником, стараясь не издавать шума... Звук становился все громче.

Подкравшись к подножию дюны, они почуяли сладковатый отвратительный запах разлагающегося мяса. Там, вдали от лагеря, валялись ободранные туши оленей. Хруст стал громче. Послышалось жужжание бесчисленных мух. Хастила сделал знак

Керрику, чтобы тот подождал, а сам быстро поднялся по склону. Отпрянув, он обернулся. Лицо его исказило отвращение, он махнул мальчику, зовя его к себе. Возле гребня Хастила вскинул копье, Керрик последовал его примеру. Что там? Кого они выследили? Охваченный одновременно страхом и любопытством, Керрик, пригнувшись, ринулся за охотником.

Хастила громко крикнул, и трое существ подняли головы, оторвавшись от своего мерзкого занятия, и замерли, напуганные внезапным появлением людей. Пущенное сильной рукой копье устремилось вперед и пробило грудь одному из чудовищ между передними лапами. Зашипев от страха, двое других побежали, переваливаясь на длинных ногах и вытянув хвосты и шеи.

Керрик замер с занесенным копьем. Мургу. Умиравший мараг отчаянно цеплялся когтями за пронзившее грудь копье. Он был очень похож на того, на берегу. Открытая пасть. Острые зубы. Кошмарная морда.

Хастила не глядел на мальчика, не замечал его страха. Жгучая ненависть овладела им. Мургу. Он их ненавидел. Распростертый у ног человека пожиратель падали — к перепачканной в крови морде прилипло гнилое мясо — слабо лязгнул зубами. Ногой оттолкнув голову марага, Хастила наступил ему на шею и выдернул копье. Бледная серая кожа твари была покрыта зеленоватыми, словно трупными пятнами. Мараг был ростом с человека, но узкая голова его оказалась не больше кулака. Хастила вновь ударил копьем. Мараг вздрогнул и замер. Отмахиваясь от мух, охотник выбрался из ямы. Керрик опустил копье и старался сдержать дрожь. Заметив это, Хастила положил руку ему на плечо.

— Не бойся их. Пусть они и большие, но это всего лишь трусливые и грязные трупоеды. Тану их ненавидят и не боятся. Когда Ерманпадар сотворил наш народ из речного ила, он создал тогда и оленя, и прочих зверей, чтобы тану могли охотиться на них. Потом он поселил их в траве среди гор у сладкой воды и чистых снегов. А закончив дело, поглядел на юг и узрел всю пустоту его. Только он уже отошел от реки и слишком устал, а потому не стал возвращаться и лишь зачерпнул грязи из болота. Из нее-то он и сотворил мургу, и они так и живут, зеленые, грязные твари, чтобы после смерти снова превратиться в болотную жижу, из которой были созданы.

Говоря так, Хастила несколько раз вонзил копье в песок, очищая его от крови марага. После этого он слегка успокоился. Страх, охвативший Керрика, тоже исчез. Один мараг умер, ос-

тальные сбежали, скоро охотники оставят этот берег и вернутся к саммаду.

— А теперь я покажу тебе, как подбираться к дичи, — сказал Хастила. — Эти мургу были заняты едой, иначе услышали бы тебя: ты топал по склону, как мастодонт.

— Я шел тихо, — возразил Керрик. — Я умею ходить. Однажды я шел за белкой и подобрался к ней на длину копья...

— Белка — самая глупая, долгозуб — самый смышленый. Олень не умен, но слышит лучше всех. Я останусь здесь, а ты отойди в траву и попробуй подобраться ко мне. У меня слух оленя.

Керрик радостно побежал вверх по склону и, опустившись в густую траву, исчез. Молча, бесшумно, он отполз от берега, потом вновь повернул к океану. Стало жарко. Он вымок в прибрежной траве, но без толку — Хастила встретил его на полдороге.

— Внимательно смотри под ноги, прежде чем ступить, — сказал охотник,— а затем двигайся вперед и не топай. Раздвигай траву и не спеши. Попробуем снова.

Поблизости оказался крохотный пляж. Хастила спустился к воде и стал смывать с копья остатки крови марага. Керрик еще раз взобрался вверх по склону и остановился отдышаться.

— Ну сейчас ты меня не услышишь! — потрясая копьем, вызывающе крикнул он рослому охотнику.

Хастила махнул ему и оперся на копье.

Вдруг из пены прибоя неподалеку от него вынырнуло что-то темное. Керрик отчаянно крикнул, предупреждая, и Хастила резко обернулся, выставив копье. Что-то хрустнуло, словно сухая ветка. Охотник выронил копье, согнулся, схватившись за живот, и упал лицом в воду. Чьи-то лапы схватили его... Еще мгновение — и он исчез в пене волн.

С криком Керрик бросился к лагерю. Навстречу уже спешили Амагаст и Огатир. Пока они бежали обратно к пляжу, где разыгралось ужасное событие, мальчик, задыхаясь, рассказал о случившемся.

На песке никого не было, в океане тоже. Амагаст вошел в воду, выловил длинное копье и внимательно поглядел на море.

— А ты не видел, на что это было похоже?

— Я видел только лапы этой твари, — проговорил Керрик, стуча зубами. — Они протянулись из моря...

— Какого цвета?

— Я не заметил, просто мокрые, наверное, зеленые. Ведь могут же они быть зелеными, отец?

— Они могут быть любыми, — мрачно ответил Амагаст. — Повсюду одни мургу. Придется держаться всем вместе. Стеречь по очереди, пока остальные спят. Надо торопиться в саммад. В здешних водах нас ждет лишь смерть.

Глава 6

Alaktenke′ alakte′kan olkeset; esetakolesnta< tsuntesnalak tsuntensilak satasat.

Что случается теперь, потом не имеет значения, ведь уже послезавтра неотличимо от позавчера.

Гроза миновала, дождь прекратился, земля дымилась под жгучими лучами солнца. Вейнте′ стояла в жидкой тени засохшего дерева и следила, как работницы ровными рядами высаживали саженцы. Ваналпе′ размечала гряды в земле, остальные следовали за нею. Она медленно подошла и встала в тень рядом с Вейнте′, от жары широко раскрыв рот.

— Саженцы опасны? — спросила Вейнте′.

Тяжело дышавшая Ваналпе′ сделала отрицательный жест.

— Потом, когда появятся колючки, через восемь-десять дней. Тогда их еще могут пожирать некоторые животные, но лишь до тех пор, пока шипы не начнут выделять токсины. Животным побольше они кажутся лишь горькими, для существ поменьше они ядовиты.

— Очередное твое нововведение? — спросила Вейнте′, выходя из тени.

— Да, этот терновник выращивали еще в Инегбане, мы привезли с собой семена. Все мы так привыкли, что стены терновника вокруг городских полей куда выше головы, что забыли, быть может, — такими они были не от яйца времен. Много лет прошло, прежде чем они стали такими. Молодые ветви вырастают на старых, создавая непроходимый барьер. Но всякую новую ограду в новом городе всегда приходится сооружать по-новому. — Ей стало легче говорить: она наконец отдышалась, но пока хоть часть ее тела оставалась на солнце, шевелиться ей было довольно трудно. — Новая ограда, которую я создала, растет быстро, живет долго, и она ядовита. Но еще задолго до того, как она погибнет,

мы успеем посадить обычный терновник, он будет неторопливо расти и сменит временную ограду.

— А деревья? — спросила Вейнте′, глядя на голые безжизненные силуэты посреди нового поля.

— Их убили. Смотри, с того высокого уже упали сучья. Их заразили самыми прожорливыми из жуков-древоточцев. Тогда их можно собрать — куколки долго сохраняются в прочной оболочке. И мы сохраним их, пока они нам снова не понадобятся.

Вейнте′ отодвинулась в тень и заметила, что почти все работницы тоже попрятались кто куда. Приятное утро становилось жарким и уже не годилось для работы.

— Когда окончите посадку, отошли работниц обратно в город, — велела Вейнте′.

Среди прочих работниц была и Энге. Вейнте′ дождалась, пока та поглядела на нее, и знаком велела ей заканчивать работу. Энге знаком выразила благодарность, после чего заговорила:

— Ты велела снять путы с пленниц. Мы весьма благодарны.

— Не стоит. На урукето я велела связать вас, чтобы не попытались захватить судно и бежать.

— Ты не понимаешь Дочерей Жизни. Нам чуждо...

— Рада слышать, — сухо проговорила Вейнте′, — но мой принцип — не рисковать. Теперь, когда урукето отправился назад, лишь леса остаются для недовольных своей судьбой, для тех, кто пожелает бежать. И не одна ты, все твои товарки будут теперь работать лучше.

— Но мы ведь по-прежнему пленницы...

— Нет, — твердо ответила Вейнте′, — вы свободные жительницы Алпеасака, обладающие всеми правами граждан. Не следует путать то, что есть, с тем, что было. Совет Инегбана решил, что вы недостойны его гражданства, и сослал вас сюда, чтобы в новом городе вы начали новую жизнь. Надеюсь, вы поймете, что не следует повторять старых ошибок на новом месте.

— Ты грозишь нам, Вейнте′? Или, как эйстаа Алпеасака, считаешь нас не такими, как прочие жительницы, и объявляешь, что станешь относиться к нам иначе?

— Это не угроза, а предупреждение, моя эфенселе. Учись на том, что случилось. Верьте во что угодно, но среди своих, и все свои тайны держите при себе. Я запрещаю вам разговаривать с остальными. Они не желают знать вашей чуши.

— А тебе откуда это известно? — сурово спросила Энге. — Или ты настолько мудра?

— Достаточно мудра, чтобы видеть в вас источник беспокойства, — отрезала Вейнте′. — И уверена в этом настолько, чтобы позаботиться о мерах предосторожности: за вами будут следить. Уж здесь вы не сумеете натворить такого, как в Инегбане. Я куда менее терпелива, чем тамошний совет.

Пока она говорила, Энге едва шевельнулась.

— Ну какое от нас беспокойство? Мы не пытаемся ничего... Мы просто верим...

— Прекрасно. И верьте где-нибудь в темном углу, где вас никто не услышит. Я не потерплю никаких проповедей в моем городе.

Вейнте′ ощутила, что снова начинает терять самообладание перед твердой, словно скала, невозмутимостью Энге с ее странной верой. Поэтому она с облегчением вздохнула, заметив, что к ней торопится фарги с какой-то вестью.

Молодая говорила невнятно, но главное Вейнте′ поняла.

— Город... идет одна... имя Сталлан. Говорит, важные новости... требуется присутствие.

Вейнте′ знаком отпустила ее, повернулась спиной к Энге и направилась в город.

Сталлан ожидала ее, во всем ее облике чувствовалась радость.

— Ты выполнила мое распоряжение? — спросила Вейнте′.

— Выполнила, эйстаа. Я преследовала зверей-убийц и догнала их. Я выстрелила и убила одного из них и возвратилась с его телом. Оно здесь. Я оставила никчемную Хексеи приглядывать за ним. Кое-что в этом устузоу беспокоит меня.

— Что именно? Скажи мне.

— Надо показать, чтобы ты поняла.

Сталлан молча повела ее в часть города, примыкавшую к реке. Хексеи сторожила большой тугой тюк. Кожа ее была испачкана и расцарапана. Едва они появились, она сразу же протестующе заскулила. Не говоря ни слова, Сталлан ударила ее по голове и толкнула на землю.

— Не бесполезная — хуже, — прошипела Сталлан. — Ленивая, шумная на охоте, переполненная страхом. Из-за нее мне пришлось медлить и нас обеих чуть не убили. Она не нужна мне.

— И Алпеасаку тоже, — быстро рассудила Вейнте′. — Оставь нас. Оставь город.

Хексеи начала было протестовать, но Сталлан жестоко ударила ее по лицу, и Хексеи бросилась бежать. Ее вопли терялись в

воздушных корнях и листьях. Вейнте′ мгновенно выбросила из головы никчемное создание и указала на тюк.

— Это и есть кровожадный убийца?

— Да.

Сталлан потянула за край шкуры, и на влажную землю скатился труп Хастилы.

При виде его Вейнте′ онемела, и лишь жесты ее выдавали ужас и изумление. Одолев отвращение, она медленно шагнула вперед, ткнула тело ногой.

— Их было четверо, этих существ, — начала Сталлан. — Все остальные меньше этого. Я их нашла и следовала за ними. Они не шли по берегу, а плыли по океану. И не в лодке, а в дереве, опущенном в воду, и они толкали его вперед кусками дерева. Я видела, как они убивали других лохматых зверей. Самцов и стражниц они убили тем же образом. Они не используют при этом ни зубы, ни рога, ни когти. Видишь, рогов у них нет, а зубы и когти слишком слабые и маленькие. И убивают они чем-то вроде острого зуба, прикрепленного к длинной палке.

— Эти лохматые твари умеют многое. Мозги у них есть.

— Мозги есть у всех тварей, даже у примитивных хесотсанов. — Сталлан погладила свисавшее с плеча оружие. — Но если правильно обращаться с хесотсаном, то он не опасен, не то что эти. Погляди внимательнее на него, если тебе угодно. Видишь, много шерсти на самом верху тела, на голове. А вот этот мех внизу не принадлежит существу, а обвязан вокруг него. У него был мешок, а в мешке я обнаружила заостренный кусок камня. Смотри, обвязанную шкуру можно снять, под ней его собственный мех.

— Это самец! — воскликнула Вейнте′. — Неужели покрытые шерстью самцы устузоу, полузвери с неразвитым мозгом, осмелели настолько, что угрожают нам, иилане′? Ты это хотела сказать мне? Что эти уродливые звери опасны для нас?

— Думаю, так, Вейнте′! Но ты эйстаа, тебе и решать, что есть что. А я просто рассказала тебе все, что знаю, и показала свою добычу.

Зажав большими пальцами твердый острый камень, Вейнте′ долго разглядывала труп, потом сказала:

— Выходит, даже устузоу могут развиться до низкого уровня интеллекта и хитрости. Наши лодки понимают некоторые команды. Энтиисената можно научить разыскивать в море пищу. Кто может сказать, какие странные вещи творились в этом дальнем уголке мира от яйца времен? Пора разобраться с этим. Здесь нет иилане′, которые повсюду правят и властвуют. А потому, вероятно, — и это трудно отрицать, ведь свидетельство перед нашими глазами, — что некий вид этих отвратительных млекопитающих может развить в себе какую-то форму извращенного интеллекта, которого им хватает, чтобы научиться отыскивать камни и убивать ими. Да, такое возможно. Но им следовало оставаться в своем лесу, убивая и пожирая друг друга. А они вылезли оттуда. Напрасно, это была их ошибка. Червяки самцы, червяки... они убили наших самцов! Слушайте и запоминайте, что следует делать. Устузоу надо разыскать и уничтожить всех до последнего. У нас нет выбора, пока город будет находиться здесь, у этих пляжей. По силам ли нам такое?

— Мы должны это сделать. Но следует навалиться всей силой, взять из города всех, кого только можно... И все должны быть вооружены хесотсанами.

— Но ты говорила, что их было только четверо? Значит, трое еще живы...

Вейнте′ поняла, что охотница обнаружила небольшую группу, ушедшую на север.

— Едва ли это все... Где же их искать?

— Должны быть и другие. Эта горстка по каким-то причинам отбилась от своих. А теперь они возвращаются. Я уверена в этом. Мы должны выступить все вместе и найти их.

— И перебить!.. Конечно. Я отдам приказ, и мы выступим немедленно.

— Но это неразумно: день клонится к вечеру, и нас много. Если уйти на рассвете, на самых лучших и сытых лодках, мы легко догоним их: они еле плетутся. А по следу найдем остальных.

— И перебьем, как они перебили самцов. Хороший план. Пусть эту тварь возьмут на амбесид и повесят всем на обозрение. Нам понадобятся припасы, пресная вода на несколько дней, чтобы не останавливаться.

Во все части города разбежались фарги с приказом собраться на амбесид. Вскоре он буквально кишел иилане′, как никогда прежде. Рассерженно бурча, они расталкивали друг друга, чтобы увидеть тело. Вейнте′ уже вступала на амбесид, когда вдруг заметила, что Икеменд подает ей знаки, и остановилась.

— На пару слов, эйстаа.

— Опять что-нибудь случилось с самцами? — с внезапным страхом спросила Вейнте′.

Икеменд, ее эфенселе, была назначена на очень важный пост — ведать охраной и защитой самцов. Даже короткий допрос бывшей главной стражницы показал, что причиной трагедии на пляже была ее халатность. И когда Вейнте′ лишила ее имени, виновная умерла.

— Все в порядке. Просто самцы узнали о мертвом устузоу и хотят его видеть. Можно ли разрешить им?

— Конечно, они не дети. Но только потом, когда амбесид освободится. Нам не нужны истерики.

Внимания Вейнте′ искала не только Икеменд. Путь ей преградила Энге, не пожелавшая отойти, даже когда ей приказали.

— Я слыхала, что ты решила снарядить погоню за лохматыми зверями и убить их.

— Ты слыхала правильное слово. Сейчас я собираюсь объявить об этом.

— Прежде чем ты это сделаешь, я должна предупредить. Я не одобряю убийства. И все Дочери Жизни тоже. Это противоречит нашим убеждениям. Мы не можем участвовать в кровопролитии. Животные являются животными, потому что не знают о смерти. И убивать их просто так нельзя. Мы убиваем, только когда голодны. Все остальное — убийство. Ты должна понять, что мы не можем...

— Молчать! Сделаешь, как тебе прикажут. Иначе станешь предательницей.

— То, что ты называешь предательством, мы называем Даром Жизни, — холодно возразила Энге. — У нас нет выбора.

— Зато у меня есть. Я могу приказать немедленно перебить всех до последнего.

— Можешь. Но тогда ты сама будешь виновата в убийстве.

— Я почувствую не вину, а только гнев. И ненависть вместе с презрением к моей эфенселе, которая предает свой народ. Я не убью тебя: вы нужны мне для тяжелой работы. Все твои будут закованы до нашего возвращения. И ты вместе с ними. Ты лишаешься своих привилегий. Я отказываюсь от тебя, ты больше не моя эфенселе. Будешь работать со своими Дочерьми и умрешь среди них. Ничья эфенселе, презренная предательница. Вот твоя участь.

Глава 7

Alitha thurlastar, hannas audim senstar, linga periar amli, sammad aga deinarmal na mer ensi edo.

Оленя убивают, мужчина гибнет, женщина стареет, только саммад живет.

Керрик, как обычно, сидел на корме лодки и приглядывал за огнем. Но это была детская работа, а он хотел грести вместе со всеми. Амагаст разрешил ему попробовать, но весло оказалось огромным, и мальчик не справился с ним. Наклонившись, он щурил глаза, вглядываясь в туман, но ничего не мог разглядеть. Детскими голосами рыдали над головой невидимые морские птицы. Лишь мерный рокот волн где-то слева позволял выдерживать направление. Все помнили про Хастилу, утянутого под воду, и изо всех сил налегали на весла: люди хотели наконец закончить путешествие.

Керрик понюхал воздух, поднял голову, вновь понюхал.

— Отец! — окликнул он Амагаста. — Дым, я чувствую дым!

— И мы, и мясо попахивает дымом, — сказал Амагаст, налегая на весло. — Неужели саммад близок?

— Нет, это не наш запах! Свежий — его несет ветер спереди. Послушай волны, разве они не переменились?

Волны действительно стали другими. Дым еще можно было перепутать с запахом шкур и мяса. Но не волны. Звук их становился все тише. И вот там, где в море вливалась большая река, показались шатры саммада. Набегавшие с океана валы затихали в потоке пресной воды.

— К берегу! — приказал Амагаст, сильнее наваливаясь на весло.

Небо светлело, туман расходился. За криками чаек путешественники услыхали женский голос и ответили на зов.

Едва солнце пробилось сквозь туман, молочная пелена его стала рассеиваться быстрее. Отчетливо проступил берег. Шатры, дымящиеся костры, мусорные кучи — знакомый домашний беспорядок. Лодку заметили, поднялся громкий крик. Люди повыскакивали из палаток. Все радостно кричали. С лужайки, где паслись мастодонты, доносились знакомые трубные звуки. Наконец-то дома...

Мужчины и женщины, стоя по колено в воде, радостно махали прибывшим. Но радостные крики быстро умолкли, едва пересчитали вернувшихся. На охоту отправились пятеро. Вернулись только трое. Едва днище лодки заскрипело о песок, ее подхватили и вытащили на берег. Все молчали. Только Алет, женщина Хастилы, в ужасе вскрикнула, вскоре к ней присоединились голоса женщины и детей Дайкина.

— Оба мертвы, — сразу сказал Амагаст, чтобы ни у кого не оставалось напрасных надежд, чтобы погибших не ждали более. — И Дайкин, и Хастила. Они среди звезд. Многие ли отсутствуют в саммаде?

— Алкос и Кассис отправились вверх по реке за рыбой, — сказала Алет. — Только их нет.

— Пошлите за ними, — распорядился Амагаст. — Собирайте шатры, грузите на животных. Сегодня же уходим в горы.

Поднялся шум, все запротестовали: люди не были готовы вот так срываться с места. Во время перехода стоянку можно сворачивать хоть каждое утро: в походе все всегда под рукой. Не так было сейчас. Летняя стоянка раскинулась по обоим берегам небольшой речки, и шатры, меха, корзины и прочий скарб в беспорядке были разбросаны по всему лагерю.

Огатир громко закричал, заглушая плач женщин:

— Делайте, как велел Амагаст, или мы все погибнем в снегах! Поздняя осень, дальняя дорога!

Ничего более Амагаст не стал говорить. Причина эта была не хуже прочих. Во всяком случае, лучше, чем истинная, которую нечем было подтвердить. Он чувствовал, что за ними следят. Ему ли, охотнику, не знать, что чувствуешь, когда из охотника становишься добычей. А весь этот день и день перед сегодняшним днем он испытывал на себе чей-то взгляд. Сам он не видел никого, и море было пустынным, когда глаза его обращались к волнам. Но он чувствовал, что там есть что-то. И не мог забыть, что Хастилу утянуло под воду и волны не отдали тело. Теперь Амагаст хотел поскорее убраться отсюда, сегодня же. Следовало быстрее собрать травоисы, привязать их к мастодонтам и отвернуть лицо от моря и от всего, что кроется в нем. Пока они вновь не окажутся среди родных гор, он не сможет почувствовать себя в безопасности.

И хотя он заставил всех работать не покладая рук — чтобы собраться, потребовался целый день. Нелегкое дело — сворачивать летний лагерь. Разбросанные вещи надо было собрать и упаковать, не забыть переложить щупальца хардальтов с сушильных шестов в корзины. Для всех припасов корзин не хватило, и, когда Амагаст приказал, чтобы часть добычи оставили, начались жалобы и стоны. Не было времени даже оплакать мертвых, пора было трогаться.

Солнце уже опускалось за горы, когда они наконец собрались. Придется идти всю ночь — не впервые. На чистом небе узеньким серпом сиял месяц, тхармы воинов ярко горели над головами, они помогут найти путь. После долгих уговоров, трубя и размахивая хоботами, отвыкшие от упряжки мастодонты позволили запрячь себя. Они разрешили мальчишкам забраться на мохнатые спины и, медленно вращая глазами, следили, как привязывают шесты. По два шеста к каждому зверю, они закреплялись по обоим бокам, между шестами привязывались поперечины, на них грузили шатры и припасы.

Керрик сидел на спине огромного самца Кару. Он устал, как и все, но радовался, что саммад наконец уходит. Уж он-то больше всех хотел оказаться как можно дальше от океана. Из всего саммада лишь он один видел руки, утащившие Хастилу под воду. Темные руки океана, морской скользкой твари...

Он глядел на море, и вдруг его оглушительный вопль прорезал общий шум. Все умолкли, повернувшись к океану, а он показывал туда рукой и кричал.

Из вечерней темноты появились черные силуэты. Низкие черные лодки без весел неслись вперед, гораздо быстрее любой лодки тану, прямой и четкой линией, словно набегающая на берег волна. Они не остановились в воде, а влетели на берег, и из них показались фигуры мургу.

Когда они начали вылезать из лодок, старый Огатир был возле воды и ясно видел их. И понял, что это.

— Из тех, что мы убивали на пляже!

Ближайший к нему мараг поднял длинную палку и сжал ее обеими руками. Раздался громкий треск, боль пронзила грудь Огатира, и старик упал.

Треск раздавался со всех сторон. Он заглушил крики ужаса и боли.

— Они бегут! — кричала Вейнте′, посылая атакующих вперед. — За ними! Чтобы ни один не ускользнул!

Она первой ступила на берег, это ее хесотсан сразил первого устузоу. И она хотела только убивать...

Это была бойня, а не битва. Иилане′ убивали без разбора все

живое: мужчин, женщин, детей, животных. Среди нападавших убитых почти не было. Охотники даже не успели взять луки. Они рванулись вперед с копьями в руках, но были сражены прежде, чем сумели воспользоваться оружием.

Тану оставалось только бежать, вышедшие из моря убийцы преследовали их. Перепуганные женщины с детьми пробежали мимо Кару, и мастодонт, высоко подняв голову, испуганно затрубил. Керрик отчаянно вцепился в густую шерсть, чтобы не свалиться, а потом по длинной жерди сполз на землю и побежал за копьем. Вдруг сильная рука схватила его и повернула.

— Беги! — приказал отец. — Спасайся в горах!

Амагаст стремительно повернулся: из-за мастодонта появился один из мургу и перепрыгнул через деревянный шест. Пока фарги прицеливалась, Амагаст пронзил ее копьем и тут же вырвал его.

Вейнте′ увидела, как упала убитая, и ее охватила жажда мести. Окровавленный наконечник был обращен теперь к ней, но она и не думала спасаться — она стояла, подняв хесотсан, и, несколько раз нажав на него, быстрыми выстрелами повалила устузоу, прежде чем тот сумел добежать до нее.

Маленького устузоу она не заметила, пока острая боль не пронзила ногу... Заревев от боли, она свалила это существо наземь, ударив тупым концом хесотсана.

Рана оказалась болезненной, но не серьезной, однако Вейнте′ потеряла много крови. Пока она осматривала рану, ярость утихла. Вейнте′ переключила внимание на схватку вокруг.

Битва заканчивалась. Едва ли кто-нибудь из устузоу остался в живых. Одни трупы валялись повсюду — среди корзин, на шестах и шкурах. Атаковавшие с моря уже соединились с теми, кто заходил с тыла. В юности, охотясь в море, они часто брали добычу в кольцо. На земле этот прием тоже превосходно сработал.

— Сейчас же прекратите убивать! — приказала Вейнте′. — Передайте всем! Остановитесь! Мне нужно несколько живых. Я хочу поподробнее узнать об этих лохматых зверях.

Это были просто животные, умеющие использовать острые камни, она уже понимала. Еще они могли делать разные предметы, обладали примитивной социальной организацией, умели использовать крупных животных — их теперь убивали, пресекая паническое бегство. Все свидетельствовало о том, что раз существует одна такая группа, значит, есть и другие. А если так, необходимо узнать все, что возможно, об этих животных.

У ног ее шевельнулся и заскулил малыш, которого она свалила хесотсаном. Она позвала оказавшуюся рядом Сталлан.

— Охотница, свяжи этого, чтобы не убежал. Брось в лодку.

В мешке на ремешках у нее еще остались иглы. Следует возместить истраченные в бою. Хесотсан сыт и будет стрелять еще некоторое время. Она ткнула его пальцем, отверстие открылось — можно было вставлять новые иглы.

Появились первые звезды, последний красный мазок заката таял за горами. Вейнте′ жестом велела фарги принести плащ из лодки и с удовольствием укуталась в его теплую полость. Привели пленников.

— Это все? — спросила она.

— Нашими воинами трудно управлять, — ответила Сталлан. — Когда начинаешь убивать, трудно остановиться.

— Полно, я знаю сама. Все взрослые убиты?

— Все. Этот детеныш прятался под шкурой, я вытащила его. — Она тащила ребенка за длинные волосы, тот выл от боли. — Этого, самого маленького, я нашла за пазухой убитой матери. — Она протянула младенца нескольких месяцев от роду.

Вейнте′ с отвращением поглядела на крошечное безволосое создание в руках охотницы, привычной ко всяким отвратительным существам... Ей стало дурно от мысли, что она может прикоснуться к подобной твари! Но она — Вейнте′, она — эйстаа и должна уметь все, на что способна простая иилане′. Медленно протянув руки, она взяла егозящее существо. Оно было теплым, теплее плаща, даже горячим. Приятная теплота на миг убавила отвращение. Пока она, разглядывая, крутила беспомощного младенца, тот раскрыл розовую беззубую пасть и завопил. Струйка горячих экскрементов потекла по руке Вейнте′. Недолгое приятное ощущение вновь сменилось отвращением.

Слишком уж, слишком отвратительное создание. Размахнувшись, она с размаху швырнула его на ближайший камень. Существо умолкло, а Вейнте′ направилась к воде отмываться, по пути крикнув Сталлан:

— Довольно. Вели всем возвращаться в лодки. Только пусть убедятся, что живых больше нет.

— Уже сделано, высочайшая. Все убиты. Конец им.

Так ли, думала Вейнте, погружая руки в воду. Конец ли? Победа не принесла радости, почему-то ее охватило глухое уныние.

Конец... или только начало?

Глава 8

Энге прижалась к стене, наслаждаясь теплом нагревателя. Хотя солнце уже встало, в городе еще чувствовался утренний холодок. Вокруг пробуждались растения и животные, населяющие Алпеасак. Все было обычно, ничто не привлекало внимания. Под ногами решетчатый пол, уложенный на толстый слой сухих листьев. В листьях шуршали жуки и другие насекомые, копошилась мышь. Начинающийся день пробуждал жизнь. Высоко в небе над кроной огромного дерева светило солнце. Водяные пары уходили из устьиц листьев, их сменяла вода, медленно поднимавшаяся по сосудам деревьев, лиан, ползучих растений; миллионы корневых волосков впитывали эту воду из почвы. Брошенный плащ присосался щупальцами к соконосу.

Для Энге все было естественно, словно воздух — переплетение взаимосвязанных жизненных форм вокруг. Иногда она думала об этом. Но не сегодня, только не после того, как она услышала... Подумать только — гордиться истреблением целого вида! Как хотела она поговорить с этими глупыми хвастуньями, объяснить им значение жизни, заставить их понять весь ужас преступления, которое они совершили! Жизнь уравновешивает смерть, словно море — воздух. И если ты убиваешь жизнь — убиваешь себя саму.

Какая-то фарги потянула ее за связанные руки. Она не понимала, зачем эта веревка, и не знала, как следует обращаться к Энге. Юная фарги видела, что Энге из высочайших, но ведь руки ее связаны, как у нижайшей... У нее не хватало слов, и только прикосновением она могла привлечь к себе внимание.

— Эйстаа хочет, чтобы ты пришла, — сказала фарги.

...Когда Энге вошла, Вейнте′ сидела на троне из живой коры городского дерева. На столе возле нее находились запоминающие существа. От лба одного из них отходил волосок, тянувшийся в складку угункшаа, говорителя-памяти. Угункшаа негромко бормотал, а на органической линзе его шевелилось черно-белое изображение той иилане′, что наговорила в запоминающее животное. Вейнте′ выключила угункшаа, едва Энге вошла, и взяла в руку каменный наконечник копья, лежавший рядом.

— Приблизься, — приказала она.

Энге подчинилась. Схватив каменное лезвие, Вейнте′ замахнулась им... Энге не дрогнула, не отшатнулась. Вейнте′ схватила ее за руку.

— В тебе нет страха, — сказала она, — но ты видишь, как остер этот камень, он не хуже наших струнных ножей.

Она сняла живые путы, и руки пленницы освободились. Энге осторожно потерла кожу.

— Ты освобождаешь нас всех? — спросила она.

— Не будь слишком жадной. Только тебя, мне необходимы твои знания.

— Я не стану помогать тебе убивать.

— Этого от тебя и не требуется. С убийствами закончено.

На время, подумала она, понимая, что об этом Энге лучше не говорить. Солгать она не могла, сама идея лжи была ей абсолютно чужда, как и всем иилане′. Невозможно лгать, когда каждое движение тела выдает тебя. Иилане′ могли утаить свои мысли, только умолчав о них. И в такой скрытности Вейнте′ была весьма опытна. Теперь она прибегла к ней потому, что нуждалась в помощи Энге: пришло время учиться.

— Когда-то ты, кажется, занималась языками?

— Ты знаешь это, мы занимались вместе с Иилеспен, я была ее первой ученицей.

— Была. Первой и лучшей. Прежде чем тебе в голову пролезла гниль. Я помню, ты наблюдала, как общаются дети, а иногда и сама прибегала ко всяким дурачествам, чтобы привлечь их внимание. Я знаю, ты даже подслушивала разговоры самцов. Это озадачивает меня. Слушать этих глупцов, глупейших из глупых... Что можно от них узнать?

— У них особый язык, они общаются на нем, когда нас нет поблизости...

— Я говорю не об этом. Я имею в виду — зачем изучать подобное? Какая разница, как они говорят?

— Это очень важно. Мы — это язык, язык — это мы. Нет языка — и мы немы. Ничем не лучше животных. Подобные размышления и исследования и подтолкнули меня к великой Угуненапсе и ее учению.

— Было бы куда лучше, если бы ты занималась лишь языком и не лезла, куда не следует. Те из нас, кто становятся иилане′, должны, вырастая, научиться говорить. Это факт, иначе ни тебя, ни меня не было бы здесь. Разве можно научить молодую разговаривать? Сама эта идея, на мой взгляд, отвратительна и глупа. Такое возможно?

— Возможно, — ответила Энге. — Я делала подобное. Это не-

легко, большинство молодых не хотят ничего слушать, но такое возможно. Я использовала методику дрессировки лодок.

— Лодки глупы, как плащи: они умеют понимать лишь несколько команд.

— Но метод тот же.

— Хорошо... — Вейнте′ искоса внимательно взглянула на нее и заговорила, осторожно подбирая слова: — Значит, ты можешь научить животное говорить и понимать тебя?

— Только понимать — не говорить. Несколько простейших команд, если мозг его достаточно велик. Чтобы говорить, нужен голосовой аппарат и области мозга, которых нет у животных.

— Но я слыхала, как животные говорят.

— Не говорят, а повторяют заученные звуки. На такое способны и птицы.

— Нет, я имею в виду речь. Общение между собой.

— Это невозможно.

— Я говорю о лохматых животных, о грязных устузоу.

Энге начала понимать, что Вейнте′ имеет в виду и, вздохнув, кивнула.

— Если у этих существ есть кое-какой разум, — а грубые орудия свидетельствуют об этом, — не значит ли это, что они могут и разговаривать между собой? Весьма необычная мысль. Ты слыхала, как они говорят?

— Слыхала. И если ты захочешь — тоже услышишь. Мы доставили сюда двоих. — Она махнула проходящей фарги. — Разыщи охотницу Сталлан и немедленно приведи ко мне.

— Как себя чувствуют животные? — осведомилась Вейнте′, когда Сталлан появилась.

— Я вымыла их, обследовала повреждения — одни синяки. И весь этот грязный мех тоже убрала с головы. Покрупнее — самка, меньший — самец. Они пьют воду, но ничего не едят из того, что я предлагала. Только будь осторожна с ними.

— Я не собираюсь к ним приближаться, — ответила Вейнте′, вздрогнув от отвращения. — К ним отправится Энге.

Сталлан повернулась к пленнице.

— К ним следует всегда стоять лицом. К дикому зверю нельзя поворачиваться спиной. Маленький кусается. У них когти, я для безопасности связала их.

— Я сделаю так, как скажешь.

— И еще... — сказала Сталлан, достав небольшой мешочек. —

Когда я чистила зверей, на шее самца оказалось вот это. — Она положила небольшой предмет на стол перед Вейнте′.

Это было что-то вроде ножа, сделанного из металла. На тупом конце его было пробито отверстие и нацарапаны какие-то рисунки. Вейнте′ нерешительно потрогала его большим пальцем.

— Тщательно сработано, — произнесла Сталлан.

Вейнте′ взяла предмет и принялась изучать его.

— Рисунки мне понятны, металл неизвестен, — сказала она. — Где эти животные могли найти такое? Кто это сделал? И металл... откуда взялся металл? — Кончиком пальца она попробовала лезвие. — Совсем тупой. Зачем он?

Ответов на эти вопросы не было, да Вейнте′ их и не ожидала. Она передала кусок металла Энге.

— Вот еще одна тайна, которую ты должна разгадать, когда выучишь язык этих существ.

Энге посмотрела на него и вернула Вейнте′.

— Когда я могу их увидеть? — спросила она.

— Сейчас же, — ответила Вейнте′. Она сделала знак Сталлан: — Отведи нас к ним.

Сталлан привела их по коридорам города к темному и высокому проходу. Знаком приказав соблюдать молчание, она распахнула окошко в стене. Вейнте′ и Энге заглянули в комнату. Других отверстий не было — свет проходил только через прочный экран высоко над головой.

На полу лежали два отвратительных небольших существа, словно две капли воды похожих на убитого, труп которого Энге видела на амбесиде. Голая кожа на голове была исцарапана: их побрили. Без меха на голове и этих вонючих шкур, в которые они кутались, было видно, что они полностью покрыты противной, воскового цвета, шкурой без каких-либо оттенков. Самочка, что была покрупнее, лежала ничком. Она то и дело подвывала. Самец сидел возле нее на корточках и издавал негромкие ворчащие звуки. Так продолжалось довольно долгое время, наконец вой утих. Тогда самка начала издавать и другие звуки. Вейнте′ жестом велела Сталлан закрыть окошко и идти.

— Может быть, это их речь, — взволнованно произнесла Энге. — Но они почти не шевелятся, когда издают звуки, меня это смущает. Потребуются исследования. Интересна сама концепция: на чем основывается совершенно чуждый язык устузоу, так отличающихся от всех известных животных? Огромная, потрясающая задача.

— В самом деле. Настолько потрясающая, что я приказываю тебе научиться их речи и уметь разговаривать с ними.

Энге знаком выразила согласие.

— Ты не можешь приказать мне мыслить, эйстаа. Даже твоя власть не простирается в чужой разум. Я буду изучать речь этих животных, потому что хочу этого.

— Меня не интересуют выдуманные тобой причины, если ты повинуешься.

— А зачем ты хочешь понимать их? — осведомилась Энге.

Вейнте′ тщательно выбирала слова, чтобы не выдать истинные намерения.

— Как и ты, я нахожу нелепой мысль о том, что животные могут разговаривать. Или ты считаешь меня не способной к умственной работе?

— Прости мое недоверие, Вейнте′. В нашем эфенбуру ты во всем была первой. Ты вела нас, потому что все понимала, а мы нет. Когда начать?

— Сейчас. В этот миг. Что ты будешь делать?

— У меня нет пока идей, ведь никто раньше не делал ничего подобного. Разреши мне подойти к окну и послушать. Быть может, у меня появится план.

Вейнте′ молча удалилась, невероятно довольная тем, что ей удалось совершить. Сотрудничество Энге было необходимо. Если бы она отказалась, пришлось бы послать сообщение в Инегбан, а потом долго ожидать, пока там подберут и пришлют кого-нибудь, способного общаться с дикими зверями. Если только они и впрямь разговаривали, а не издавали случайные звуки. Это Вейнте′ хотела знать немедленно: существование этих зверей сулило еще не одну беду. Следовало знать все — для безопасности города.

Прежде всего она должна знать, где и как живут лохматые звери. Как размножаются. Это первый этап.

А потом их надо будет убить. Всех. Стереть с лица земли. Ведь, несмотря на примитивный рассудок и грубые каменные орудия, они просто жалкие звери. Но смертельно опасные, способные убивать без пощады... даже самцов и молодняк. Устузоу погибнут.

Из тьмы, задумавшись, Энге следила за существами. Вейнте′ ни единым словом, ни единым жестом не выдала своих намерений. Одно неверное движение — и Энге наверняка раскусила бы

ее. Но этого не произошло, и все мысли Энге были полностью поглощены захватывающей лингвистической проблемой.

Почти половину дня она молча наблюдала, слушала, смотрела, тщетно пытаясь что-либо понять. Но так ничего и не поняла. К концу дня, правда, появились некоторые проблески плана дальнейших действий. Она закрыла окошко и отправилась на поиски Сталлан...

— Я буду с тобой, — проговорила охотница, отпирая дверь, — они опасны.

— Недолго. Потом они успокоятся, и я смогу быть с ними одна. Тогда ты будешь стоять снаружи. Я позову, если понадобится.

Легкая дрожь пробежала по гребню Энге, пока Сталлан открывала дверь. Она ступила внутрь; от мерзкой вони, издаваемой животными, ее затрясло. Как в логове зверя. Но разум одолел физическое отвращение, и Энге не вздрогнула, когда за ней затворилась дверь.

Глава 9

Kennep at halikaro, kennep at hargoro, ensi naudinz ar sen eret skarpa tharm senstar et sano lavali.

Мальчик может быть легконогим и сильноруким, но он не охотник, пока тхарм зверя не будет извлечен наконечником его копья.

— Они убили мою мать, они убили брата, я видела, — говорила Исель. Она уже перестала отчаянно рыдать, но глаза еще были полны слез и щеки мокры от соленой влаги. Она утерлась тыльной стороной руки и вновь ощупала бритую голову. — Они убили всех.

А мальчик ни разу не всхлипнул. Быть может, потому, что девчонка всю дорогу захлебывалась визгом. Она была старше его на пять или шесть лет, но орала словно младенец. Керрик понимал ее, плакать — дело простое. Нужно только внутренне сдаться. Но он не сдавался. Охотник не плачет, а ведь он уже был на охоте. С отцом, величайшим из охотников. С Амагастом. Теперь он мертв, как и все из саммада. К горлу Керрика подкатил комок при этой мысли, но он не заплакал. Охотник не плачет.

— Керрик, они не убьют нас? Не убьют, ведь правда же? — спросила Исель.

— Да.

Она обняла мальчика и вновь зарыдала. Это было неправильно. Только маленькие дети ведут себя подобным образом. И хотя это было запрещено, он не мог скрыть удовольствия от ее прикосновения. Он тронул ее небольшие плотные грудки. Он прикоснулся к ним еще раз, она оттолкнула его и зарыдала еще громче. Он встал и с пренебрежением отошел. Глупая девчонка, она никогда не нравилась ему. Они прежде даже никогда не разговаривали. Но теперь их осталось двое, и она, видите ли, решила, что их отношения изменились. Она решила, но только не он. Как было бы хорошо, если бы на ее месте оказался кто-нибудь из его друзей! Но все они убиты — воспоминание это пронзило его. Из всего саммада никто не остался в живых. Теперь их очередь. Исель не понимает этого, не понимает, что сами они не в состоянии ничего сделать.

Он снова и снова внимательно оглядывал помещение, но в деревянной пещере не было ничего: ни палки, ни камня — словом, никакого оружия. Не было и пути к спасению. Тыквы с водой слишком легки. Ими и ребенка не ушибешь. Тем более мургу, притащивших их сюда. Взяв одну из тыкв, он глотнул — в пустом желудке заурчало. Он был голоден, но все-таки не настолько, чтобы есть это мясо. От одного вида мерзкой снеди его тошнило. Ни сырое, ни жареное: оно липкой массой свисало с кости. Он тронул мясо пальцем, и его передернуло. Вдруг дверь скрипнула и отворилась.

Исель прижалась к стене и отчаянно завопила, закрыв глаза. Керрик же, наоборот, встал лицом к двери, стиснул кулаки. Он жалел только, что у него нет копья... Если бы только было копье...

На этот раз появились две мургу; может, он уже видел их, может, нет. На первый взгляд никакой разницы, все они на одно лицо. Огромные, чешуйчатые, толстохвостые, они были покрыты отвратительными пятнами, на спинах топорщились уродливые гребни. Эти мургу ходили, как тану, и умели брать предметы уродливыми клешнями с двумя большими пальцами.

Когда они вошли, Керрик медленно отступил, потом еще... пока спиной не коснулся стены... Отступать было уже некуда. Они смотрели на него равнодушными глазами, и он вновь затосковал... Копье бы... Одна из мургу дернулась и повела руками, издавая мяукающие звуки. Керрик так прижался к стене, что заболели лопатки.

— Они еще ничего не ели? — спросила Энге.

Сталлан сделала отрицательный жест и указала на тыквы.

— Хорошее мясо, обработанное энзимами, годное в пищу. Сами они обжаривают мясо, и я решила, что сырое они не станут есть.

— А фрукты ты им не предлагала?

— Нет, они едят мясо.

— Может быть, они всеядны. Мы не много знаем об их привычках. Принеси фруктов.

— Я не могу оставить тебя с ними одну. Сама Вейнте́ приказала мне охранять тебя, — произнесла охотница дрогнувшим голосом, не зная, что делать.

— Я справлюсь с обоими маленькими зверями, если придется. Они уже на тебя нападали здесь?

— Когда их только принесли. Самец злобный. Пришлось побить, чтобы прекратил злиться. Но с тех пор не нападал.

— Я в безопасности. Ты выполнила приказание эйстаа, а теперь исполняй мое.

Сталлан не оставалось выбора. Она нерешительно вышла, и Энге задумалась. Как же вступить в общение с этими существами? Самка лежала лицом к стене, издавая все тот же высокий звук. Небольшой самец молчал, еще бы — он глуп, как положено самцу. Энге наклонилась, приподняла самку за плечо и постаралась повернуть лицом к себе. Оказалось, что к теплой шкуре животного можно прикоснуться без отвращения. Вой усилился — и внезапно острая боль пронзила ей руку.

Завопив от неожиданности, Энге тряхнула рукой — самец покатился на землю. Зубы зверя прокусили ей кожу, выступила кровь. Выставив вперед когтистую руку, она разгневанно зашипела.

Зверь на четвереньках пополз в сторону. Она нагнулась над ним. И остановилась, осознав свою вину.

— Да, мы виноваты, — сказала она, едва гнев отступил. — Мы убили почти всю твою стаю. Тебя нельзя винить в твоем поступке. — *Потерев укушенную руку, она поглядела на яркое пятно крови.*

Дверь отворилась, вошла Сталлан с тыквой, полной оранжевых фруктов.

— Самец укусил меня, — спокойно сообщила Энге. — Они не ядовиты?

Отбросив тыкву в сторону, Сталлан бросилась к ней, взгляну-

ла на рану и занесла кулак над съежившимся самцом. Легким прикосновением Энге остановила ее.

— Не надо. Это я виновата. Как укус?

— Неопасен, если вовремя очистить рану. Пойдем, я ее обработаю.

— Нет, я останусь здесь. Не следует обнаруживать страх перед этими зверями. Со мной все будет в порядке.

Сталлан неодобрительно покачала головой, но поделать ничего не могла. Она торопливо вышла наружу и вскоре возвратилась с деревянным ящичком. Она достала из него бутылку с водой и промыла рану, потом сняла крышку с нефмакела и положила его на руку Энге. Влажное прикосновение пробудило дремлющее животное, и оно прилипло к ране, выделяя антибактериальную жидкость. После чего Сталлан достала из ящика две узловатые черные шишки и произнесла:

— Придется связать самцу руки и ноги. Уже не впервые. Слишком злобный.

Маленький самец пытался спастись, но Сталлан поймала его, швырнула на пол и коленом придавила спину, придерживая одной рукой. Другой она схватила живые путы, обернула их вокруг лодыжек зверя и вставила хвост веревки в ее пасть. Повинуясь рефлексу, живая веревка заглотнула свой хвост, тело ее напряглось. Когда самец оказался надежно связанным, Сталлан отпихнула его в сторону.

— Я останусь и буду тебя охранять, — произнесла она. — Я должна. Вейнте' приказала тебя защищать. Я отлучилась на миг, и ты ранена. Я не могу допустить этого более.

Энге жестом выразила вынужденное согласие. Поглядела на брошенную тыкву и раскатившиеся по полу фрукты. Она указала на распростершуюся на полу самочку.

— Я возьму эти круглые сладости. Ты поверни ее лицом ко мне, чтобы она меня видела.

Исель отчаянно завопила, когда холодные руки марага схватили ее, грубо развернули и прислонили к стене. Она вцепилась зубами в костяшки пальцев. Второй мараг, тяжело ступая, подошел поближе, остановился, топнул и поднял вверх апельсин. Рот его медленно раскрылся, обнажив два ряда остроконечных зубов. Издав громкий вопль, он помахал апельсином в воздухе, одновременно царапая пол когтями. Исель только стонала от страха, не чувствуя, что прокусила кожу на пальцах, и кровь заструилась по ее подбородку.

— Это фрукт, — сказала Энге. — Круглый, сладкий, хороший, чтобы есть. Наполняет живот, ты радуешься. Еда дает силы. А теперь делай, как я велю! — Сначала она уговаривала, а потом стала приказывать: — Ты возьмешь этот фрукт и съешь!

Заметив кровь, она поняла, что зверь поранил себя сам, и в негодовании отвернулась. Поставив тыкву с фруктами на пол, она знаком поманила Сталлан к двери.

— У них есть грубые орудия, — сказала Энге. — Ты говорила, что они сооружают что-то вроде укрытий, и даже крупные звери им служат. — Сталлан кивнула. — Должно же у них быть что-то похожее на разум?

— Но это не значит, что они должны уметь разговаривать.

— Верно подмечено, охотница. Но пока приходится предполагать, что у них есть язык, с помощью которого они общаются между собой. И мелкие неудачи не остановят меня. Смотри, самец шевелится. Должно быть, почуял запах фруктов. Реакция самцов всегда груба: голод сильнее страха перед нами. Но он все еще озирается, он дикий. Гляди! — крикнула она победно. — Ест! Первый успех. По крайней мере теперь его можно кормить. И смотри-ка, тащит фрукт самке. Альтруизм — признак интеллекта.

Но Сталлан недоверчиво качала головой.

— И дикие животные кормят своих детей. И охотятся вместе. Я видела. Это не доказательство.

— Может быть, но я все равно верю... Если простые команды могут понимать даже лодки, почему нельзя думать, что подобные твари способны на это?

— Значит, ты будешь обучать их тем же способом, что и лодки?

— Нет. Поначалу собиралась именно так и поступить, но теперь хочу достигнуть более высокого уровня понимания. При обучении лодок приходится обеспечивать положительное и негативное подкрепление немногих команд. Ошибки наказываются электрическим ударом, кусочком еды поощряется правильный ответ. Такое обучение пригодно для лодок, а этих животных я не собираюсь учить, с ними я должна разговаривать.

— Говорить трудно. Многие из тех, кто вышел из моря на сушу, так и не научились этому.

— Ты права, охотница, все дело в развитии: молодняк с трудом осваивает взрослую речь, но в море, ты помнишь, они разговаривают между собой.

— Тогда учи этих зверей детской речи. Ее-то они должны освоить.

Энге улыбнулась.

— Прошло много лет с тех пор, как ты разговаривала по-детски. Ты помнишь, что это значит?

Она подняла руку, и зеленая ладонь медленно покраснела, она пошевелила пальцами. Сталлан улыбнулась.

— Каракатицы. Много.

— Ты помнишь. Но разве ты не видишь, как важен цвет ладони? Без этого не поймешь смысла моей речи. А эти лохматые умеют менять цвет ладоней?

— Не думаю. Я никогда не видела этого. А тела у них бело-красные.

— Может быть, в их речи это важно...

— Если только она у них есть.

— Действительно — если. Я должна пристальнее приглядеться к ним, прежде чем они начнут издавать звуки. Но велика необходимость заставить их разговаривать как иилане'. Начнем с простейших выражений. Они должны понять полноту общения.

— Не понимаю, о чем ты говоришь.

— Тогда я покажу, чтобы ты поняла. Слушай мои слова внимательно. Готова? Ну... Мне тепло. Понимаешь?

— Да.

— Хорошо. Мне тепло. Это утверждение. Полнота его следует из обеих частей утверждения. А теперь я скажу медленнее. Мне... тепло. Я слегка двигаю большим пальцем, глядя вверх, и произношу слово «тепло», чуть приподняв хвост. И все это — произнесенные звуки и точные жесты вместе складываются в полное выражение.

— Я никогда не думала о подобном... Даже голова заболела.

Энге расхохоталась и жестом показала, что понимает шутку.

— В твоих джунглях я заплутаюсь так же, как ты в джунглях речи. Ею занимаются немногие: все здесь так сложно и трудно. И первый шаг для понимания требует осознать филогению языка.

— Теперь голова уже сильно болит. И ты думаешь, что эти звери сумеют понять такое? Когда даже я не понимаю, о чем ты ведешь речь...

Сталлан показала на зверей, испуганно прильнувших к стене. В тыкве ничего не осталось, кусочки шкурок были разбросаны по полу.

— Ничего сложного я им объяснять не стану. Просто я хотела

тебе сказать, что история нашего языка повторяет наше жизненное развитие. Когда мы юными оказываемся в море, говорить не умеет никто, и мы ищем помощи у подружек по эфенбуру, вошедших в воду вместе с нами. Мы умнеем, видим, как взрослые разговаривают между собою. Простые движения ног и рук, изменение цвета ладоней... Мы становимся старше и учимся, учимся и, когда выходим на сушу, уже можем и жестом дополнять звуки, и так далее, пока не становимся настоящими иилане'. Отсюда моя нынешняя задача. Как научить нашему языку существ с иным жизненным циклом? Или у них он такой же? Быть может, после рождения они тоже сначала живут в воде.

— Мои знания об этом далеки от совершенства, но ты должна помнить: этот вид устузоу нам почти неизвестен. Я очень сомневаюсь в том, что они могут жить в воде. Я ловила и выращивала некоторых из лохматых зверей, поменьше размером, — тех, что можно обнаружить в джунглях. У всех есть кое-что общее. Все они теплые, всегда.

— Я заметила. Очень странно.

— Остальное не менее странно. Погляди на этого самца. Видишь — у него одиночный пенис, который не втягивается должным образом. Ни у одной из разновидностей устузоу, которых мне приходилось ловить, не было нормального двойного пениса. Более того, я следила за их поведением при случке — оно отвратительно.

— Что ты имеешь в виду?

— Я хочу сказать, что после оплодотворения яйца детеныша вынашивает самка. А когда он рождается, самки носят его при себе и кормят из мягких выростов на груди. Вон, видишь, в верхней части тела этой молодой самки.

— Действительно необычно. Ты считаешь, что их молодняк остается на суше? Значит, они не подрастают, как положено, в море?

— Правильно. Общая повадка у всех известных мне устузоу. Их жизненный цикл во всем отличается от нашего.

— Разве ты не понимаешь значения своих наблюдений? Если у них есть свой язык, они научаются ему по-другому, не так, как мы.

Сталлан жестом выразила согласие.

— Это я поняла, благодарю за объяснение. Но отсюда следует еще более важный вопрос. Если у них есть язык, как они обучаются говорить?

— Вопрос действительно важный, и я должна попытаться на

него ответить. Но вынуждена честно признаться, что не имею ни малейшего представления.

Энге поглядела на диких зверей, на их липкие от съеденных фруктов лица. Они настороженно смотрели на нее. Как сумеет она найти способ общения с ними?

— А теперь оставь меня, Сталлан. Самец надежно связан, самочка неопасна. Когда я буду одна, им не на кого будет отвлекаться.

Сталлан долго размышляла, а потом нерешительно согласилась:

— Как велишь. Я согласна, что теперь опасность невелика. Но я буду здесь же, за дверью; оставлю ее незапертой и чуть приоткрытой. Позовешь меня, если они чем-то будут угрожать тебе.

— Позову. Я обещаю. А теперь начинается моя работа...

Глава 10

В новом городе было много работы. Излишней... Приходилось исправлять ошибки прежней эйстаа, по справедливости умершей. Все эти хлопоты заполняли будни Вейнте′ от первых лучей солнца до наступления тьмы. Погружаясь в сон, она завидовала ночным лодкам и другим существам, видевшим в темноте. Если бы она могла спать меньше хоть чуть-чуть, сколько всего можно было бы еще переделать. Бесполезная мысль, но как часто ночами она думала об этом... Мысли эти, конечно, не влияли на сон — нельзя спать более беспокойно и тревожно, чем иилане′! Казалось, что, закрывая глаза, Вейнте′ погружалась в глубокий сон, наподобие смерти. Но сон иилане′ некрепок, его может нарушить любой шорох. Много раз в ночной тьме поднимала Вейнте′ голову, встревоженная криками зверей. Глаза ее открывались, какой-то миг она вслушивалась. Потом, если все было спокойно, она вновь засыпала. И только серый утренний свет пробуждал ее.

Этим утром она, как всегда, ступила на пол из теплой постели и ткнула ее ногой. Та начала сворачиваться. Вейнте′ подошла туда, где из бесчисленных стволов и стеблей живого города выступало что-то вроде тыквы с водой. Вейнте′ приложила губы к отверстию и напилась подслащенной воды. За спиной возле стены сворачивалась в длинный сверток постель. Она охлаждалась: до следующей ночи ложе эйстаа будет пребывать в коматозном состоянии. Ночью шел дождь, и влажный плетеный пол неприятно холодил пятки.

Вейнте′ направилась к амбесиду. Следом за ней одна за другой пристраивались фарги.

Каждое утро перед началом работ руководительницы проекта и простые жительницы ненадолго приходили на амбесид, чтобы поговорить. Это открытое пространство было центром города, его сердцевиной, осью, вокруг которой крутились все дела.

Вейнте′ направилась к своему излюбленному месту возле западной стены, куда падали первые лучи солнца. В глубокой задумчивости она не замечала рядовых жительниц, расступавшихся, чтобы пропустить ее. Ведь она эйстаа — та, что всегда идет по прямой. Кора дерева уже согрелась, и она с удовольствием ступала по ней под восходящим солнцем, зрачки ее сузились в вертикальные щелки.

С глубоким удовлетворением смотрела она, как пробуждается Алпеасак. Она гордилась своим высочайшим положением: ведь это был ее город. Она будет растить его, строить, отгораживать от диких лесов, покрывающих все чужеземное побережье. Она построит город и построит хорошо. Когда холодные ветры задуют над Инегбаном, новый город будет жить здесь и чтить ее за дела. Но стоило об этом подумать, как вынырнула неприятная мысль: в день, когда это произойдет, она не будет здесь эйстаа. С остальными приплывет и Малсас<, эйстаа Инегбана, которой, быть может, суждено править и новым городом.

Быть может. Эту пару слов Вейнте′ скрывала особенно тщательно и никогда не произносила вслух. Быть может. Время меняет все. Малсас< уже немолода, молодежь уже подталкивает ее снизу. Время меняет все. И самой Вейнте′ суждено когда-нибудь перейти этот поток. А пока надо строить, возводить новый город... и строить его хорошо.

На глаза Вейнте′ попалась Этдиирг.

— Ты обнаружила, кто убивает наших животных? — спросила Вейнте′.

— Да, эйстаа. Большой черный устузоу с огромными клыками и острыми когтями... Клыки у него такие огромные, что торчат из пасти, даже если она закрыта. Сталлан расставила ловушки возле дыр, которые он проделал в заборе. Там его и обнаружили этим утром, две удавки схватили его за ноги, третья — за шею и удушила.

— Снимите с него голову, а потом принесите мне его чистый череп.

Вейнте′ показала, что разговор окончен, и поманила к себе Ваналпе′. Оставив беседу, биолог поспешила к ней.

— Расскажи мне о новом пляже, — попросила Вейнте′.

— Близок к завершению, эйстаа. Траву расчистили, терновник высок, кораллы у берега приживаются хорошо... Времени только мало прошло.

— Великолепно. Значит, уже можно думать о новых рождениях. Они сотрут память о происшествии на старом пляже.

Ваналпе′ согласилась, но с чувством легкой вины выразила сомнение:

— Пляж готов, но еще не безопасен.

— Все та же проблема?

— Со временем мы решим и ее. Я работаю вместе со Сталлан. И мы верим — решение вот-вот найдется. Мы уничтожим зверей.

— Это необходимо. Самцы должны быть в безопасности. Чтобы случившееся не повторилось.

Вейнте′ переговорила со всеми и ознакомилась с новостями. Настроение ее немного улучшилось. Но она думала об охотнице. Прошло какое-то время, а Сталлан не появлялась. Вейнте′ поманила фарги и приказала разыскать охотницу. Наконец около полудня Сталлан появилась и села возле Вейнте′ в тени листвы.

— Несу добрые вести, эйстаа. Пляж скоро будет в безопасности.

— Если это так, приходит конец тяжелым для города временам.

— И аллигаторам. Мы нашли, где они размножаются. Я велела фарги доставить сюда все яйца, переловить весь молодняк. Они просто восхитительны на вкус.

— Я уже ела их и согласна с тобой. Значит, будем разводить их вместе с прочим мясным скотом?

— Нет, они слишком коварны и злобны. Для них возле реки строится особый загон.

— Очень хорошо. А что ты собираешься делать со взрослыми?

— Тех, кто слишком велик для ловушек, придется убить. Конечно, это обидная потеря мяса, но выбора нет. На ночных лодках мы до зари подберемся к ним и перебьем всех.

— Покажи, где они размножаются. Хочу поглядеть сама.

Вейнте′ собралась покинуть амбесид. Становилось все жарче,

и вокруг многие уже дремали, забившись в тень. Она отдыхать не намеревалась, слишком много еще оставалось дел.

Вейнте′ и Сталлан медленно направились к пляжу, группа фарги, как всегда, плелась за ними. Жарко было даже в тени деревьев, и все время от времени ныряли в пруды, выкопанные для охлаждения у дороги. Они миновали болото, большая часть его еще не была расчищена. Оно густо заросло кустарником и пахучими травами, кишело крохотными кусачими насекомыми. Наконец болото кончилось, за густыми зарослями открылся песчаный пляж. Из высокой травы вверх тянулись приземистые пальмы и какие-то странные растения с плоскими листьями, утыканные длинными иглами. Земля эта, Гендаси, так отличалась от привычного мира. Она была полна неизведанного. И опасностей.

Впереди текла река, неторопливая и глубокая. У берега теснились лодки; их кормили приглядывающие за ними фарги. Когда фарги заталкивали в них порции мяса, из крошечных пастей стекали тонкие струйки крови.

— Мясо аллигаторов, — пояснила Сталлан. — Не выбрасывать же... Лодки теперь так раскормлены, что готовы размножаться.

— Тогда пусть поголодают. Они нужны нам сейчас в рабочем состоянии.

Вдоль речных берегов высились ветвистые деревья. Среди них были серые с массивными стволами; тут же росли тонкие и высокие деревья, покрытые зелеными тонкими иглами; выше всех вздымались красные гиганты, от которых во все стороны разбегались корни. Земля между деревьями была покрыта пурпурными и розовыми цветками, но наверху, среди ветвей, их было еще больше. Целые ветви были усеяны огромными бутонами. В джунглях кипела жизнь. В кронах кричали птицы, на стволах улитки оставляли за собой красные влажные полосы.

— Богатая земля... — проговорила Вейнте′.

— Когда-то и Энтобан был таким, — сказала Сталлан. Расширив ноздри, она принюхивалась. — Когда города еще не разрослись от океана до океана.

— Ты думаешь, тогда повсюду так было?

Вейнте′ попыталась осознать это. Такое трудно понять. А нам кажется, что города существовали от яйца времен...

— Я не однажды говорила об этом с Ваналпе′. Она мне объяснила. Жизнь цветет в новых землях Гендаси, давным-давно так было и в Энтобане, тогда иилане′ еще не выращивали свои города.

— Конечно, ты права. Если мы все время выращиваем новые города, значит, когда-то существовал один-единственный город. И отсюда следует неутешительный вывод, что еще раньше городов не было вовсе. Такое возможно?

— Не знаю. Поговори об этом с Ваналпе′, она как дома среди подобных головокружительных идей.

— Ты права. Я спрошу ее.

Тут Вейнте′ обнаружила, что их слишком уж близко окружили фарги; с открытыми ртами они пытались понять смысл разговора. Движением руки она отослала их прочь.

Они приближались к местам размножения аллигаторов, только на этот раз большая часть огромных рептилий уже навсегда оставила эти берега. Уцелевшие держались осторожно и, завидев лодку, немедленно исчезали в воде. Самки прятались последними. Эти примитивные и тупые существа просто на удивление трогательно заботились о яйцах и молодняке. Впереди на берегу стояли лодки, возле них под палящим солнцем трудился отряд фарги. Вейнте′ обратилась к надсмотрщице по имени Зекакот, наблюдавшей за работами из тени дерева:

— Расскажи, как идет работа?

— Прогресс значителен, эйстаа. В город отосланы две полные лодки яиц. Ловим сетями молодняк, они глупы и легко попадаются.

Она наклонилась над корзинкой и, ухватив за хвост маленького аллигатора, выпрямилась. Он шипел, извивался, пытался впиться в ее руку острыми зубками.

Вейнте′ одобрительно кивнула.

— Хорошо, очень хорошо. И опасность исчезнет, и животы наполнятся. Хорошо, если бы наши проблемы всегда находили такое удачное решение... — Она обернулась к Сталлан. — Других мест размножения не обнаружено?

— Во всяком случае, отсюда до города — нет. Когда мы окончим здесь, пойдем дальше вверх по реке, к болотам.

— Хорошо. Теперь, прежде чем возвращаться в город, глянем на новые поля.

— Я должна возвратиться к охотницам, эйстаа. Зекакот покажет дорогу, если ты согласна.

— Я согласна, — ответила Вейнте′.

Ветер утих, неподвижный воздух почти обжигал. Лодки спустили в реку. Вейнте′ заметила, что небо приобрело странный желтоватый цвет, она еще не видела такого. Здесь, на другом краю

света, все было по-другому. Ветер стал усиливаться, теперь он переменил направление и дул в спину. Вейнте′ повернулась и заметила на горизонте черную полосу.

— Зекакот, что это значит? — показала она.

— Не знаю. Какие-то облака. Я еще не видела ничего подобного.

Черные облака подвигались с немыслимой скоростью. Только что они казались пятнышками над кронами деревьев и вдруг заняли уже полнеба, вокруг сразу потемнело. И когда пришел ветер, он разил словно кулак. Одна из лодок, оказавшаяся боком к ветру, вдруг перевернулась.

Послышались крики, но тут же умолкли: всех выбросило в бурлящую воду. Лодка с плеском нырнула и вынырнула, иилане′ метнулись в стороны, чтобы избежать столкновения с нею. Когда их с большими усилиями извлекли из бурных вод, оказалось, что никто не получил повреждений. Но все давным-давно позабыли океан своей юности и плавали плохо. Вейнте′ выкрикивала указания, наконец одна из самых предприимчивых фарги, не побоявшаяся рискнуть в надежде повысить свой статус, подплыла к нервничавшей лодке и вскарабкалась внутрь. Там с резким криком она ударила по нужному месту и сумела взять живое суденышко под контроль.

А вокруг злобно завывал ураган, грозя потопить другие лодки. Все иилане′ прикрыли глаза мембранами, носовые перепонки защищали ноздри от капель дождя. И вдруг, перекрывая рев ветра, в лесу раздался страшный треск — повалилось гигантское дерево, увлекая за собой соседние.

Вейнте′ не могла перекричать шум ветра, но все и так поняли ее приказ: держаться подальше от берега, чтобы не попасть под падающие деревья.

Лодки качались на крутых гребнях. Иилане′ жались теснее друг к другу, пытаясь сохранить крохи тепла под холодным секущим дождем. Казалось, прошло довольно много времени, прежде чем ветер начал ослабевать и стал порывистым. Буря утихала.

— Назад в город! — приказала Вейнте′. — Быстро, как только возможно!

Невероятный ветер проложил целую просеку в джунглях, повалив даже самые высокие из деревьев. Не зацепила ли буря город? Наверняка. Ведь образующие город деревья еще так молоды, они еще растут. Хорошо ли они укоренились? Каков ущерб? Ужасная мысль эта мучила всех.

Ухватив связанное животное за шею, Сталлан сняла веревку, сдерживавшую брыкавшиеся ноги, и бросила его в клетку. Эта тварь полностью поглотила внимание охотницы, и она заметила перемену погоды, лишь закончив возню. Носовые клапаны ее открылись, она понюхала воздух. Что-то знакомое и... недоброе. Она прибыла в Гендаси с первой группой, той самой, что подыскала место для нового города.

Посовещавшись, прибывшие решили остановиться на побережье Алпеасака. Сталлан была в той группе, что осталась на берегу, после того как урукето отправился обратно в Инегбан. Остались самые сильные... Все были отлично вооружены и прекрасно представляли себе опасности, которыми полны окрестные джунгли. И тогда их чуть не погубила неожиданная беда, уничтожившая все припасы, — буйный и яростный ливень, какого они еще не знали.

Все началось именно так: небо пожелтело, воздух словно замер и придавил землю. Заперев за собой клетку, Сталлан изо всех сил завопила: «Беда!» Все оказавшиеся поблизости фарги тут же повернулись к ней — это слово они выучили одним из первых...

— Ты — на амбесид, остальные разбегайтесь в стороны! На нас идет буря с сильным ветром. Все на пляжи, в поля, в воду — подальше от деревьев!

Фарги побежали чуть ли не быстрее Сталлан; с первыми порывами ветра сотни иилане′ уже выбегали на безопасные открытые места. Тут навалилась буря, и город исчез за стеной ливня.

На берегу реки Сталлан заметила тесно жавшихся друг к другу фарги. Прячась от дождя, Сталлан протиснулась в самую середину. Ветер словно старался их разметать. Самые молодые шипели от страха, и Сталлан резко приказала им умолкнуть. Силой своего авторитета она удерживала молодежь на месте, пока не прошла буря, а когда ураган утих, велела всем возвращаться в город.

Усталая лодка Вейнте′ вяло двигалась к берегу среди усеявших воду обломков, а Сталлан уже ожидала ее. И, когда слов еще нельзя было расслышать, просигналила: все в порядке. Не отлично, но терпимо.

— Каков ущерб? — крикнула Вейнте′, выпрыгивая из лодки.

— Погибли две фарги и...

Вейнте′ остановила ее сердитым жестом:

— Город меня интересует, не жительницы.

— Пока ни о чем существенном не докладывали. Мелких повреждений много, поломаны ветви, некоторые части города повалило ветром. В поля и к стадам разосланы фарги, ни одна еще не вернулась.

— Я и не надеялась на лучшее. Все сообщения — на амбесид.

Они пробирались по городу. Ущерб был очевидным. Живая крыша во многих местах была повреждена, все дорожки были усыпаны листьями. В стойлах кто-то стонал. Сталлан заметила, что один из оленей в панике сломал ногу. Одной иглой из неразлучного хесотсана она прикончила животное.

— Плохо, но могло быть и хуже, — произнесла Вейнте′. — Сильный город, растет хорошо. Буря может разразиться снова?

— Скорее всего нет, по крайней мере до следующего года. Дожди и сильные ветры иногда случаются, но ураганы бывают только в это время.

— Года хватит, чтобы возместить ущерб. Ваналпе′ позаботится, чтобы рост был ускорен. Этот новый мир жесток и суров, но и мы можем быть столь же суровы и жестоки.

— Все будет, как ты говоришь, эйстаа, — ответила Сталлан.

Она не сомневалась, что Вейнте′ сделает так, как решила.

Любой ценой.

Глава 11

Алпеасак рос и понемногу залечивал раны. Целыми днями Ваналпе′ с помощницами сновали по городу, тщательно записывая весь причиненный бурей ущерб. Гормоны подгоняли рост, и листья крыш скоро вновь легли друг на друга, а новые стволы и воздушные корни укрепили стены. Но Ваналпе′ не просто восстанавливала все, как было. Прочные лианы, крепкие и упругие, пронизывали теперь стены и крышу.

Город не только стал сильнее, в нем становилось все безопаснее, ведь с каждым днем новые и новые поля прорезали джунгли. Это медленное продвижение могло показаться случайным, однако на самом деле было тщательно подготовлено и продумано.

Самое опасное дело — посев куколок в диких джунглях — выполняли Дочери Смерти. От диких зверей их защищали вооруженные фарги, но от синяков, ран, несчастных случаев, укусов змей спасения не было. Многие пострадали, некоторые умерли. Но ни город, ни Вейнте′ их судьбы не тревожили. Город прежде всего.

И когда сев куколок окончился, джунгли были обречены.

Вылупившиеся из яиц прожорливые червяки оправдали цель их создания. Для животных и птиц они были несъедобны, самим же гусеницам по вкусу оказалась любая растительность. Слепые и ненасытные, ползали они по древесным стволам и среди травы, пожирая все на своем пути. Лишь голые скелеты деревьев оставались после них да зловонная от экскрементов почва. Они ели и росли, росли... Отвратительные, покрытые щетинками создания вырастали длиной в руку иилане'.

А потом они умирали, гибель была заложена в их генах — тщательно продуманная предосторожность, чтобы гнусные твари не пожрали весь мир. Они умирали и гнили в кучах собственных испражнений. Хитроумие Ваналпе', генных инженеров сказалось и в этом. Черви-нематоды с помощью бактерий, населявших их кишечники, превращали эту отвратительную массу в плодородную почву. Жуки не успевали съедать мертвые деревья, как уже сеяли траву и терновник защитных стен. Новое поле углублялось в джунгли, отодвигая их все дальше от города, новый барьер отделял город от них.

В медленном этом продвижении не было ничего неестественного. Иилане' жили в гармонии с окружавшим их миром, они были неотъемлемой его частью. Как же могло быть иначе? У полей не было определенных форм и границ. Все это зависело от сопротивляемости листвы и прожорливости гусениц. Терновник разрастался в живые ограды различной ширины, некоторое разнообразие в ландшафт добавляли уцелевшие кое-где участки джунглей.

Столь же разнообразны были пасущиеся стада. Всякий раз, когда из Инегбана приплывал урукето, на нем привозили оплодотворенные яйца или новорожденных существ. Самых беззащитных и мирных держали поближе к городу на первых полях, там достигали зрелости урукубы и онетсенсасты. У границы джунглей паслись всеядные гиганты. Становясь в два раза больше мамонта, они продолжали расти; огромные рога и бронированные шкуры защищали их от любых опасностей...

Приходя на амбесид, Вейнте' каждый день радовалась успехам. Она все больше убеждалась, что нет проблем, которые она не может решить. Но однажды утром произошло нечто важное. Отчаянно толкаясь, на амбесид влетела фарги.

— Эйстаа, урукето вернулся. Я была в рыбацкой лодке, я сама видела...

Резким жестом Вейнте' приказала глупому созданию умолкнуть, а потом подала знак помощницам.

— Встретим их на причале. Я хочу знать новости из Инегбана.

Горделиво и молча она шествовала по тропе, подруги и помощницы следовали за нею, замыкала шествие бесконечная толпа фарги. В Алпеасаке не бывало холодов, но в это время года то и дело лил дождь, поэтому все были в плащах, согревавших и спасавших от моросящего дождя.

Когтистые лапы-лопасти ейсекола достаточно углубили реку и примыкавшую к ней гавань. Теперь уже не требовалось перегружать грузы из урукето в лодки: гигантское существо могло подходить прямо к берегу.

Когда Вейнте' со свитой появилась на берегу, гигант только что вынырнул из пелены дождя. Начальница гавани командовала фарги: они укладывали на подводный карниз свежую рыбу — корм для урукето. Тупое создание заметило еду и повернуло в нужную сторону, теперь гавань можно было запирать. Вейнте' с удовольствием следила за слаженной работой. В хорошем городе все устроено разумно. А у нее хороший город. Она глядела на большой черный корпус, на плавник, из которого выглядывала Эрефнаис. Рядом с ней стояла... Малсас<.

Вейнте' застыла: она уже успела выбросить из головы старшую эйстаа, поэтому, когда поняла, кого видит перед собой, ужасная мысль пронзила ее больнее ножа.

Малсас< — эйстаа Инегбана. Это для нее строился город. Это она приведет сюда народ, когда все будет закончено, и станет править вместо Вейнте'. Выпрямившись, Малсас< властно и внимательно оглядывалась. Она еще не стара и здорова. Что помешает ей стать эйстаа в Алпеасаке?

Пока Малсас< и ее свита выбирались из урукето, Вейнте' не двигалась, чтобы не выдать своих мыслей. Ей оставалось только надеяться, что истинные чувства удастся спрятать под формальными интонациями и жестами.

— Приветствую тебя в Гендаси, эйстаа, приветствую в Алпеасаке, — проговорила Вейнте', сопровождая приветствие жестами удовольствия от прибытия эйстаа и глубокой благодарности.

— И я рада оказаться в Алпеасаке, — ответила Малсас< столь же официально.

Согласно этикету в знак расположения нужно было быстро приоткрыть рот и показать зубы. Но эйстаа не закрывала рот несколько дольше положенного. Этот знак легкого неудовольствия

был для Вейнте′ достаточным предупреждением, другого не требовалось. Вейнте′ уважали за ее труд, но незаменимых нет, поэтому она, предупредительно потупившись, выбросила из головы и коварство, и ревность.

Краткий обмен знаками был столь недолгим, что прочие иилане′ его не заметили. Не их дело интересоваться взаимоотношениями высочайших. Прежде чем заговорить вновь, Малсас< велела помощницам и фарги отойти подальше, чтобы разговор не подглядели или не подслушали по пути в город.

— Прошлая зима была холодной, но эта еще холоднее. Когда настало лето, ни молодежь, ни фарги из Соромсета не попросились в Инегбан. Когда чуть потеплело, я послала отряд охотниц в этот город. Он умер. Соромсет больше не существует. Он умер, словно Эритпе, листья на городе умерли, птицы-трупоеды расклевывают кости живших там иилане′. Жив один Инегбан, но с каждой зимой холод пододвигается ближе. Стада уменьшаются. Скоро настанет голод.

— Алпеасак ждет.

— Он должен ждать... своего времени. Нужно расширять поля, умножать стада. А мы должны разводить урукето. Труд этот велик, мы опоздали с началом. Есть надежда, что новая порода окажется удачнее. Они будут поменьше, чем это огромное существо, в котором я прибыла, они быстрее растут. Их нужно вырастить, чтобы переселить весь город за одно лето. А теперь покажи мне Алпеасак...

— Вот он. — Вейнте′ показала на стволы и покрытые прожилками ветви — решетчатые полы города, со всех сторон окружавшего гавань.

Дождь прекратился, показалось солнце, на листве поблескивали капли. Малсас< жестом выразила одобрение. Вейнте′ широко повела рукой.

— За городом — поля. Их уже наполняют звери, полезные и приятные для глаза.

Вейнте′ жестом приказала вооруженным стражницам идти впереди: они направлялись через пастбище к внешним полям. В просветах между стволами виднелись гигантские туши урукубов, объедавших зеленые листья на окраине джунглей, доносился стук больших булыжников, перемалывавших пищу в желудках этих огромных созданий. Некоторое время Малсас< молча наслаждалась зрелищем, потом повернула назад, к центру города.

— Ты хорошо устроила, Вейнте′, — произнесла она так, что-

бы следовавшие за ними могли услышать ее слова. — Ты все сделала правильно.

Благодарный жест Вейнте′ был исполнен искренности сверх всех ритуалов. Похвала и одобрение эйстаа, высказанные в присутствии иилане′, — перед подобным отличием вся ее ревность и недовольство исчезли без следа. В этот миг она не раздумывая последовала бы по приказу Малсас< на верную смерть. Высочайшие позволили свите приблизиться, чтобы слушать и учиться: другого способа учиться и запоминать не было. Когда они миновали Стену Истории, разговор вновь обратился к более мрачным вещам, ведь история, запечатленная здесь, — повесть о смерти.

Окружая родильные пляжи, стена отделяла от них амбесид. Глубоко утопали в ней символы, имевшие когда-то глубокий смысл и значение. В стену были вплетены останки древних животных. Неужели иилане′ действительно разводили раньше таких огромных крабов? Говорят, они в океане защищали самцов. Было такое, но когда?.. Уже от яйца времен иилане′ не видели подобных существ. Покрытые шипами лианы и терновники и теперь использовали, как когда-то встарь... А гигантские панцири скорпионов? О таких давно никто не слыхал, но древние экзоскелеты тщательно сохраняли, ими восхищались и с великой осторожностью сняли когда-то со стены в Инегбане и доставили сюда в знак преемственности.

В стене запечатлена была и живая история: около входа со стороны пляжей в нее были вплетены тела мертвых хесотсанов, а рядом с ними — зубастые черепа хищников, охотничьи трофеи.

В самом конце пустыми глазами глядел круглый череп, выбеленный солнцем. Его окружали наконечники копий, острые каменные лезвия. Заметив редкость, Малсас< остановилась перед ними и потребовала объяснить, что это такое.

— Один из тех устузоу, что оскверняют землю. Черепа эти принадлежат блохастым, покрытым мехом, теплым и вонючим устузоу... Они угрожали нам, и мы их убили. Своими острыми каменными ножами они совершили преступление, хуже которого не придумаешь.

— Да, они убили самцов и детей... — проговорила Малсас< холодным тоном. — Теперь они вас больше не беспокоят?

— Нет, все умерщвлены, опасности нет. Это не здешние существа, они пришли с севера. Мы выследили их и убили, всех до единого...

— Значит, пляжи теперь в безопасности?

— Со всех сторон, кроме коралловых рифов. Но они быстро растут, и, когда достигнут нужной высоты, состоятся первые рождения. Тогда родильные пляжи станут совсем безопасными. — Вейнте′ занесла когтистую руку над белеющим черепом. — И эти детоубийцы теперь не опасны. Они никогда более не потревожат нас.

Глава 12

Трапеза в этот день проходила необычно: Малсас< и ее свиту следовало поприветствовать официально. Подобные события были редкостью. Большая часть молодых фарги не видела ничего подобного, они возбужденно метались из стороны в сторону и говорили все разом, не слушая друг друга. В рамках повседневного существования иилане′ каждый день ожидают тех приятных минут, когда можно подремать с полным желудком, так что поглощение мяса само по себе достаточно торжественный акт. Все по очереди подходят с широким листом к обработчицам мяса, получают свою порцию восхитительного, обработанного энзимами продукта и поглощают его в укромном уголке. Еду всегда принимали именно так, и невозможно было даже представить, чтобы этот процесс мог происходить иначе.

В тот день все работали недолго. Жительницы города сходились на амбесид, иные вскарабкивались на нижние ветви ограды, чтобы видеть происходящее.

Обойдя город и поля, Вейнте′ и Малсас< тоже направились туда же. Там Малсас< по очереди приняла всех отвечавших за рост Алпеасака и больше всего времени провела с Ваналпе′. Удовлетворившись услышанным, Малсас< отпустила всех и обратилась к Вейнте′:

— Солнечное тепло и цветущий город отогнали воспоминания о зиме. С этой вестью я вернусь в Инегбан. Она согреет жительниц перед лицом наступающей зимы. Эрефнаис сообщила, что урукето нагружен, накормлен и в любое время готов к отплытию. Поедим, и я отправлюсь назад.

Вейнте′ выразила огорчение, вызванное внезапным расставанием. Малсас< поблагодарила ее и отклонила все просьбы остаться.

— Понимаю тебя. Но я уже все осмотрела и знаю, что дело в хороших руках. Ведь урукето такие тихоходы, а я не могу потерять даже дня. Поедим. Помнишь Алакенси, мою первую советницу и эфенселе? Сегодня она подаст тебе мясо.

— Весьма высокая честь для меня, весьма высокая... — ответила Вейнте′, стараясь думать только об оказанной ей почести, а не об Алакенси, которую прекрасно знала, — создании изобретательном и коварном.

— Хорошо. — Малсас< жестом велела Ваналпе′ замолчать. — А теперь — едим. Алакенси, ближайшая мне во всем, подаст Вейнте′ мясо. Ты же, Ваналпе′, за свои заслуги, за то, что ты растила, обустраивала и расширяла этот город, избрана прислуживать мне.

Ваналпе′ безмолвно застыла, словно юная и бессловесная фарги, — гордость сквозила в каждом ее движении.

— По особому случаю будет подано два мяса! — объявила Вейнте′. — Одно из старого мира, другое — из нового.

— Да смешается новое и старое внутри нас, как Инегбан сольется с Алпеасаком! — провозгласила Малсас<.

Вокруг раздались одобрительные крики: иилане′ оценили меткое новое выражение; они принялись обсуждать прекрасную мысль. Вейнте′ дожидалась, пока слова Малсас< дошли до стен амбесида. Теперь их знали все.

— Мясо из Энтобана — это урукуб, которого вырастили из яйца, бережно доставленного на новые берега. Он вылупился под солнцем Гендаси, вырос на травах Гендаси. Он самый большой, но не последний. Все видели их на пастбище в болотах и восхищались гладкой шкурой, изгибами длинной шеи, тучностью. Все видели их.

Речь ее тоже была встречена с одобрением, все иилане′ видели, как из болота выныривает крошечная голова на длинной шее, из пасти которой свисает влажная трава.

— Убит первый урукуб. Он такой огромный, что всем хватит наесться досыта. А для Малсас< и тех, кто прибыл вместе с нею, будет подан другой зверь — такого они еще не ели — олень с острыми копытами, из тех, что водятся только в Гендаси. Пусть начнется еда.

Обе назначенные прислужницы поспешили в сторону и вернулись с тыквами, наполненными мясом. Каждая опустилась на колени перед той эйстаа, которой должна была прислуживать. Малсас<, протянув руку, приняла длинную кость с крошечным черным копытцем — прохладная сладкая плоть свисала с нее. Оторвав зубами кусок, она подняла ее вверх, чтобы видели все.

— Урукуб! — провозгласила она, и все вокруг тотчас оценили шутку. Даже самая крохотная кость урукуба была больше, чем все это создание.

Вейнте′ была довольна. Торжественная трапеза продолжалась, а когда с мясом было покончено, высочайшие омыли руки в тыквах с водой, которые подали внимательные прислужницы. Церемония закончилась, тогда за еду принялись и остальные, чтобы успеть до темноты.

Сейчас, когда никто не слышал их и не следил за ними, Малсас< могла с глазу на глаз говорить с Вейнте′. Голос ее был тих, движения рук едва заметны.

— Все, что говорилось сегодня здесь, — истина. Все усердно трудились, ты — больше всех. Теперь я знаю, ты сумеешь воспользоваться трудом Дочерей Смерти, которых я привезла с собой.

— Я видела. Они работают.

— Пусть работают до изнеможения, до смерти! — Зубы Малсас< *громко лязгнули, подчеркивая решительность ее намерений.* — Их становится все больше и больше, они, словно термиты, выедают сердцевину нашего города. Внимательнее приглядывай за ними, чтобы не попытались погубить и твой город.

— У них для этого здесь нет ни малейшей возможности. Все они на тяжелой и опасной работе. Такова их участь.

— Тогда наши мысли едины. Хорошо. Теперь о тебе, закаленная, не знающая устали Вейнте′: чем еще можно тебе помочь?

— Ничем, у нас есть все необходимое.

— Ты умолчала о своих нуждах, о том, что тебе нужна помощница. Поэтому я хочу, чтобы словно моя собственная рука тебе помогала. Моя эфенселе Алакенси, ближняя для меня во всем. Пусть она войдет в твою свиту первой помощницей и разделит твои труды.

Вейнте′ не позволила себе даже шевельнуться: одно-единственное слово или жест могли выдать внезапно вспыхнувший гнев. Но ей и не пришлось говорить. Малсас< глядела ей прямо в глаза, так что они прекрасно поняли друг друга. Малсас< сделала едва заметный насмешливый жест в знак победы, повернулась и следом за свитой направилась к урукето.

Окажись сейчас при Вейнте′ оружие, она, не колеблясь, послала бы губительную иглу прямо в удалявшуюся спину. Малсас< явно рассчитала все еще до прибытия. В Алпеасаке у нее были шпионки, доносившие обо всем, что происходит в городе. Она

понимала, что, побыв здесь эйстаа, Вейнте′ не захочет отказаться от власти. Поэтому-то и притащила сюда свою мерзкую Алакенси. Теперь она сядет рядом с Вейнте′, будет за всем следить, шпионить и доносить. Присутствие Алакенси вечно будет напоминать Вейнте′ о ждущей ее участи. Ей уготовано трудиться и строить, чтобы в конце концов оказаться не у дел. Ведь в один неизбежный черный день Малсас< все заберет в свои руки. Теперь Вейнте′ все поняла. Малсас< так задумала с самого начала. Пусть Вейнте′ старается, одолевает трудности, строит — зарабатывает себе печальную участь.

Машинально Вейнте′ водила ногой по полу, острые когти царапали дерево. Нет! Этого не будет. Она всегда хотела, возвысившись собственным трудом, присоединиться к правительницам. Все. Малсас< никогда не будет здесь править. Алакенси умрет, поручение эйстаа — смертный приговор для нее. Как это случится, Вейнте′ еще не знала, но будущее за ней. Зима опускалась на Инегбан — над Алпеасаком светило солнце. В старом городе правила слабость — в новом власть забирала сила. Алпеасак принадлежит ей, Вейнте′, никто не сумеет отобрать у нее город.

В ярости Вейнте′ покинула свиту и отправилась по городу кружным путем, где только редкие фарги могли ее видеть... Немногие встречные в страхе бежали: каждое движение ее тела выдавало гнев. Казалось, рядом с ней шла сама смерть...

Тени носильщиц, завершавших погрузку урукето, все удлинялись. В живое судно заносили последний груз — обмякшие туши оленей. Ваналпе′ хорошо потрудилась над токсином, которым оглушали крупных животных, потом их можно было даже переносить с места на место. Новый яд не парализовывал и не убивал — животное существовало на грани жизни и смерти. Сердцебиение было едва слышно, дыхание замедлялось. Обработанных таким образом зверей могли везти за океан, в Инегбан: они не нуждались ни в еде, ни в питье — свежее мясо, столь нужное голодным жительницам Инегбана. Вейнте′ безумно хотелось — она даже произнесла это вслух, ведь никто не мог здесь подслушать ее — таким же образом обработать саму Малсас<. Чтобы лежала ни живая ни мертвая до конца времен...

Когда урукето в сумерках отплыл, мрачная Вейнте′ вернулась в свои апартаменты, никого не встретив в сгущавшейся тьме, и мгновенно уснула, невзирая на все еще одолевавший ее гнев.

Утро вечера мудренее. Но и наутро тяжелые мысли еще не оставили Вейнте′. На амбесиде она казалась спокойной. Но, когда

на его противоположном краю показалась Алакенси, Вейнте′ отвернулась, окаменев от злобы. Многие уже успели познакомиться с ее крутым норовом. На несчастье Энге, на этот раз под руку подвернулась именно она.

— Я с небольшой просьбой, эйстаа... — начала Энге.

— Отказываю. От тебя и твоих живых покойниц мне нужна только работа.

— Раньше ты никогда не была без причины жестокой, — спокойно возразила Энге. — Мне казалось, что для эйстаа все жительницы равны.

— Правильно. Только по моей воле Дочери Смерти теперь не жительницы нашего города, а рабочие животные. Вы будете работать, пока не умрете — такова ваша судьба. — Она вдруг вспомнила о данном Энге поручении. — Устузоу, которых ты учишь говорить... Что с ними? Прошло время, много времени.

— Нужно больше времени — вот моя просьба. Или больше времени, или его не нужно вовсе.

— Объясни.

— Каждое утро я начинаю работать с устузоу в надежде, что сегодня начнется понимание. И каждый вечер я оставляю их с чувством напрасно потраченного труда. Самочка разумна... на уровне элиноу, который рыскает по городу, выслеживает и ловит мышей. Действия ее похожи на разумные, но не являются таковыми.

— А самец?

— Глуп, как все самцы. Не реагирует, даже когда бьют. Просто сидит и молча глазеет. Но самочка отвечает на доброту, как элиноу, с ней приятно иметь дело. Пока она научилась всего нескольким фразам, правда, всегда говорит невпопад и путает. Она их заучила, как лодка, не понимая смысла.

— Новости не радуют меня, — ответила Вейнте′, жестами выражая соответствующие чувства.

Все это время Энге могла бы работать в полях, здесь все ее труды были впустую. Теперь причины, по которым она хотела беседовать с устузоу, уже не имели значения. Свирепые создания более не представляли опасности... Но интерес не исчез. Вейнте′ сказала об этом вслух:

— Если существа эти не могут выучить язык иилане′, то, может быть, ты успела выучить их язык?

Конвульсивно содрогнувшись всем телом в знак отчаяния и сомнения, Энге произнесла:

— И на этот вопрос у меня нет ответа. Сперва мне даже показалось, что они амбенины — безъязыкие, не умеющие общаться. Но теперь я считаю их угунинами.

— Невозможно! — Вейнте′ с ходу отвергла эту мысль. — Как может любое существо общаться, не обмениваясь информацией? Ты предлагаешь загадки вместо ответа.

— Я понимаю, мне стыдно, но другого имени для них у меня нет. Их движения и звуки, которые они издают, не связаны никакой закономерностью. Я уверена в этом — я запомнила тысячи сочетаний и звуков. Они все бессмысленны. В конце концов пришлось поверить, что общение у них осуществляется на другом уровне, который закрыт для нас навсегда. Даже не представляю, как быть. Я слыхала теорию об излучениях мозга: разум может общаться непосредственно с разумом. Возможно использование радиоволн. Если бы в городе был физик, мы сумели бы разобраться.

Она умолкла. Вейнте′ делала жесты сомнения, неуверенности, огорчения.

— Ты не перестаешь удивлять меня, Энге. Какой первоклассный ум погиб для города, когда ты отдалась этой отвратительной философии! Я считаю, что твои эксперименты и наблюдения надо заканчивать. Вот погляжу на твоих устузоу и решу, что делать.

Заметив Сталлан, Вейнте′ поманила ее за собою.

Она шла впереди, Энге и Сталлан следовали за нею. Когда они приблизились к тюремной камере, Сталлан поспешила открыть засов. Оттолкнув ее, Вейнте′ шагнула внутрь и взглянула на юных устузоу. Сталлан сразу приготовилась отражать нападение. Самочка сидела на корточках, растянув рот так, что открылись зубы. Неуместная угроза рассердила Вейнте′. Невысокий самец неподвижно стоял у стены.

— Ну пусть показывают свои трюки! — приказала Вейнте′.

Услышав скрип засова, Керрик мгновенно вскочил и прижался спиной к стене, как всегда уверенный, что сегодняшний день и станет днем его смерти. Исель засмеялась.

— Глупый мальчишка, — сказала она, почесывая царапины на голове, — испуганный младенец... Мараг носит нам пищу и играет с нами.

— Мургу приносят только смерть, однажды они убьют нас.

— Глупый! — Она швырнула в него шкуркой апельсина и, улыбаясь, обернулась к двери.

Но первым вошел незнакомый мараг, и улыбка ее исчезла. Но следом шел тот, знакомый, и улыбка вернулась. День как день.

Она была ленивой девочкой и не слишком смышленой.

— Говори! — скомандовала Вейнте′, остановившись перед устузоу, и медленно, подчеркнуто раздельно повторила, словно обращаясь к юной фарги: — ГО-ВО-РИ!

— Прошу, дай я, — покорно попросила Энге. — Мне они отвечают.

— Нет, теперь это не нужно. Если зверь не говорит, конец ему. Слишком много времени потрачено даром. — И, обернувшись к самке устузоу, Вейнте′ сказала четко и ясно: — Вот мое личное распоряжение и неотложное к тому же. Ты сейчас будешь говорить членораздельно, как положено иилане′. Если ты говоришь — будешь жить и расти. Речь — твой рост, речь — твоя жизнь. Поняла?

Исель поняла: она ощутила в словах угрозу и испугалась.

— Но мне трудно говорить, ну пожалуйста...

Слова тану не вызвали никакой реакции в отвратительном существе, возвышавшемся над нею. Надо сделать то, чему ее учили. Она попыталась, как могла, изобразить какое-то подобие нужных движений, произнося:

— Хас лейбе эне уу...

Вейнте′ казалась озадаченной.

— И это речь? Что она говорит? Не может же это означать: «Старая самка угодничает...»

Энге тоже была озадачена.

— Быть может, она хочет сказать, что старая самка становится добрее.

Гнев охватил Вейнте′, пока она пыталась осмыслить эти слова. Быть может, в другой день она бы и отнеслась снисходительнее к этой жалкой попытке, усмотрев в ней свидетельство того, что устузоу можно научить говорить. Но не сегодня. Только не после вчерашних оскорблений и бесившего ее присутствия Алакенси. Это было уже слишком — вежливо разговаривать с отвратительными лохматыми созданиями. Нагнувшись, Вейнте′ схватила самку за обе передние конечности, подкинула высоко в воздух и яростно завопила на глупое создание, приказывая ей говорить.

Тварь даже не попыталась. Напротив, она закрыла глаза, выдавила из них струйки воды, широко раскрыла пасть и издала животный вопль, оглушивший Вейнте′.

Потеряв всякое самообладание, вне себя от переполнявшей

ее слепой ненависти, Вейнте′ наклонилась и впилась острыми коническими зубами прямо в глотку устузоу. Горячая кровь хлынула в рот, ее замутило от этого вкуса. Оттолкнув тело в сторону, Вейнте′ с отвращением сплюнула. Сталлан тихо шевельнулась, молчаливо одобряя. Перед лицом Вейнте′ очутилась тыква с водой. Она выхватила ее у Энге и прополоскала рот, сплевывая и откашливаясь; оставшейся водой она омыла лицо.

Слепой гнев отступил, теперь она могла думать. И ощутила удовлетворение от содеянного. Но дело еще было не кончено. Второй устузоу оставался жив. Быть может, это последний из них, и с его смертью такие устузоу исчезнут с лица земли.

Вейнте′ быстро подошла к Керрику и поглядела на него сверху вниз.

— Ну, последний, — сказала она, протягивая к нему руки.

Отступать было некуда. Он зашевелился — и заговорил:

— ...Эсекакуруд-эсекйилсхан... элел лейбелейбе...

На первый взгляд смысла тут не было никакого, но только на первый взгляд... Вейнте′ внимательно поглядела на существо.

Это была просьба, по крайней мере неуклюжая ее попытка. Но почему он так странно дергается из стороны в сторону? Какая-то бессмыслица. Она поняла — у твари ведь нет хвоста, поэтому она не может правильно приподняться. Но если эти движения соответствовали подниманию хвоста, он, может быть, пытается выразить или отвращение, или крайнее желание говорить. Кусочки головоломки начинали складываться.

— Ты понимаешь, Энге? — крикнула Вейнте′. — Смотри, он опять это делает!

Неуклюже, но отчетливо и вполне внятно устузоу говорил:

— Я очень много не хочу умирать. Я очень много хочу говорить. Очень долго, очень усердно.

— Ты не убила его, — сказала Энге, когда они вышли из камеры и Сталлан закрыла за ними дверь. — Но самку ты не пощадила.

— Она оказалась никчемной. А теперь дрессируй его, он понадобится нам. Вокруг, может быть, мародерствуют другие стаи этих существ. Ты говорила, что раньше он не разговаривал?

— Никогда. Может быть, он оказался умнее ее. Он все время следил за мной и всегда молчал.

— Энге, вижу, ты хорошо учишь, скромничаешь. — Теперь Вейнте′ была великодушна. — Ты только ошиблась в выборе устузоу.

Глава 13

Над головой ярко синело небо, а над перевалом змеилась поземка. Колючий северный ветер, рвавшийся из-за гор, поднимал снег со склонов, бросал клубами через перевал.

Херилак боролся с ветром, он почти ложился на него всем телом, одолевая порывы. Левый снегоступ обломился, это мешало идти. Но если он остановится и примется за починку, то умрет прежде, чем закончит работу. И он продолжал шагать вперед, оступаясь и падая, отряхиваясь, все дальше и дальше. Наконец он почувствовал, что дорога пошла под уклон. Через какое-то время он миновал каменистый выступ, серые кости земли, пронзавшие сугробы, и почувствовал — ветер ослаб. Значит, он одолел перевал. Еще несколько шагов — и ветер совсем утихнет за скалами.

Херилак со вздохом опустился на снег, привалившись спиной к огромному камню: подъем исчерпал даже его огромную силу. Верхние рукавицы заледенели. Прежде чем снять их, он постучал одной о другую... Потом теплой внутренней рукавицей смахнул снег, намерзший на ресницах и бровях, и, моргая, поглядел вниз, в долину.

В этом укромном месте зимовал большой олень. Вдалеке виднелось оленье стадо.

Луг возле ручья окружали высокие деревья. Ручей никогда не замерзал: породивший его источник выбивался из-под земли. Превосходное место для зимнего лагеря, урочище это называли «леврелаг Амагаста», — место стоянки саммада Амагаста, который был мужем сестры Херилака.

Теперь долина была пуста...

Херилак узнал о беде, постигшей саммад Амагаста, от саммадара по имени Улфадан. Тот клялся, что был там и что говорит истинную правду. Херилак решил убедиться в этом сам.

Взяв копье, лук со стрелами и густо натерев тело гусиным жиром, он надел мягкие бобровые шкуры мехом к телу, а сверху — грубое одеяние из шкур большого оленя. К тяжелым меховым сапогам привязал снегоступы. Чтобы идти быстро, он вышел налегке. В мешке за плечами было только вяленое мясо и немного экотаца — смеси сушеных ягод с орехами.

И вот он у цели, но увиденное не радовало. Отправив в рот пригоршню снега, он склонился над сломанным снегоступом. Время от времени, отрываясь от работы, он посматривал на пустую долину, словно боялся поверить в горькую правду: тану здесь не было.

Работу он окончил уже за полдень и, пожевав вяленого мяса, стал размышлять, что делать дальше. Впрочем, выбора не было. Покончив с едой, он поднялся на ноги. Рослый мужчина — он был на голову выше всех в своем саммаде. Почесывая окладистую бороду, он думал, глядя на лежавшую перед ним долину. Идти предстояло на юг. Он стал спускаться вдоль склона, не оглядываясь более на опустевшее место стоянки.

Он шел весь день и остановился, когда первые звезды высыпали на потемневшее небо. Тогда он поплотнее завернулся в шкуры и долго глядел в ночное небо. Он искал знакомые созвездия. Мастодонт бросался на охотника, замахнувшегося копьем. Неровный ряд звезд складывался в пояс охотника. А не появилась ли в нем еще одна звезда? Не такая яркая, как остальные, но тоже заметная в чистом и прозрачном зимнем небе. Твердой уверенности не было. Только тхарм могучего воина мог оказаться в таком почетном месте, добавляя силы охотнику. Быть может, звезда эта появилась там не вчера? И пока он думал об этом, глаза его закрылись, и он уснул...

На третий день Херилак вышел из редкого леса на берег быстрой реки. Бурное течение не позволяло морозам сковать воду на самой стремнине. Он шел тихо, как подобает охотнику, и только однажды спугнул небольшое стадо оленей. Быстро и высоко прыгая, разбрасывая снег во все стороны, звери исчезли среди деревьев. Один по крайней мере мог стать легкой добычей. Но сейчас Херилак не охотился. Не время для охоты. Пробираясь через густые кусты, он вдруг замер — меж двух ветвей были натянуты силки из кроличьих жил.

После этого он запел на ходу и принялся стучать копьем по нижним ветвям деревьев. До морозных зим этого не было. Старики не помнили такого обычая. Нужда в нем появилась только теперь. Тану убивают тану. Мир стал не таким, как прежде: раньше охотник не опасался охотника.

Тут Херилак заметил в снегу утоптанную тропинку. Добравшись до поляны, он остановился, воткнул в сугроб копье, словно штандарт, и уселся на корточки возле него. Долго ждать не пришлось.

Бесшумно, словно дым от костра, на поляну скользнул охотник. Копье он держал наготове. Завидев сидевшего Херилака, он

опустил оружие. Потом воткнул его в сугроб и шагнул вперед. Херилак поднялся навстречу.

— Я пришел на твои охотничьи земли, но не для того, чтобы охотиться... — начал Херилак. — Здесь охотится саммад Улфадана. Ты саммадар?

Улфадан кивнул в знак согласия. Длинная борода его низко опускалась на грудь.

— Ты Херилак, — произнес он. — Моя племянница замужем за Алкосом из твоего саммада... Возьмем копья и отправимся в мой шатер. Там теплее, чем на снегу.

Они молча шагали бок о бок по заледеневшей тропе: не пристало охотнику трещать подобно сороке. У излучины реки располагалась зимняя стоянка саммада — двенадцать больших и прочных шатров. На лугу за шатрами, добывая сухую траву, мастодонты взрывали снег бивнями, дыхание их облачками пара неслось по ветру. Из каждого шатра в безоблачное небо сочилась тонкая струйка дыма. Среди шатров с криками носились дети, увлеченные какой-то игрой. Мирная сцена, знакомая Херилаку, так живет и его собственный саммад. Подойдя к шатру, Улфадан откинул меховую полу и первым шагнул в теплый сумрак...

Сидели они молча, а старуха наливала из берестяного туеска в деревянные чашки горячий настой из сушеных трав. Оба охотника грели руки о чашки, прикладывались к настою, а женщины, завернувшись в шкуры и судача на ходу, по одной выскальзывали из шатра.

— Теперь ешь, — сказал Улфадан, когда они остались одни.

— О гостеприимстве Улфадана знают во всех шатрах тану от гор и до моря.

Предложенное угощение было скудным: несколько уже припахивавших кусочков сушеной рыбы. Зима длинна — и до весны еще ждать и ждать. К этому времени в шатрах наступит голод.

Херилак с шумом выразил удовлетворение, втянул последние капли жидкости и даже громко рыгнул в знак сытости. Он знал, что теперь следует поговорить об охоте, погоде, стадах и только потом назвать цель своего визита. Но и этот древний обычай изменился теперь.

— Моя сестра — жена Амагаста, — произнес Херилак. Улфадан кивнул в знак согласия, он знал это. Все саммады в горных долинах были связаны родственными узами. — Я был на месте стоянки Амагаста — оно пусто. — Улфадан кивнул снова. — Этой весной они ушли на юг, путь их всегда проходит через эту долину.

Мы видели, что половина их мастодонтов перемерла. Была плохая зима.

— Все знают, теперь зимы всегда плохие. — Улфадан грустно закивал. — Они не возвратились.

Херилак раздумывал, представляя себе путь из долин на равнины, а потом на восток к морю.

— Значит, они отправились к морю?

— Каждый год они становятся на лето возле реки на побережье.

— Но в этом году они не вернулись?

Другого ответа, кроме молчаливого согласия, не было. Что-то случилось, но что именно, никто не знал. Быть может, саммад Амагаста нашел новое место для зимней стоянки. Многие саммады уже погибли от холода, места стоянок освобождались. Такое бывало. Скорее всего что-то произошло, но что?

— Дни коротки, — сказал Херилак, поднимаясь на ноги. — А путь долог.

Улфадан тоже поднялся, в знак дружбы взяв за руки рослого охотника.

— Зимой путь к морю долог и одинок. Да сохранит тебя Ермандадар в этой дороге.

Больше говорить было не о чем. Херилак вновь плотно обмотался шкурами и снова обратил копье свое к югу.

На равнине он смог идти быстрее, здесь смерзшийся снег не проваливался под его тяжестью. Одна зима грозила ему здесь, на безжизненных снежных равнинах.

Только однажды за весь долгий путь он увидел большого оленя, тощего горемыку, по следам которого плелись несколько изголодавшихся саблезубов. Он издали заметил, что они бредут по равнине в его сторону. Неподалеку оказался невысокий холм, на котором высилось несколько голых деревьев, и Херилак остановился возле них, наблюдая сверху за происходящим.

Обреченный большой олень слабел, с истерзанных боков его уже капала кровь. Добравшись до подножия холма, он споткнулся и, вконец обессиленный, резко повернулся навстречу преследователям. Голодные саблезубы, не думая об опасности, бросились со всех сторон: запах свежей крови будоражил их. Острые рога зацепили одного из нападавших и отбросили в сторону. Тогда вперед выступил вожак, он повалил большого оленя одним ударом лапы. С громким блеянием зверь упал — ему пришел

конец. Вожак, рослый черный зверь с мохнатой грудью, отступил, пропуская вперед остальных: мяса хватит на всех.

И тут вожак почувствовал на себе внимательный взгляд. Инстинкт сразу подсказал, что за ним следят. Рыкнув, он поднял голову и заметил Херилака. Пригнувшись, зверь двинулся в его сторону... Херилак уже видел немигающие желтые глаза.

Человек не пошевелился, не опустил копье. Взгляд его был тверд. Он словно говорил: «Вы идете своим путем, а я своим. Если нападете — убью». Саблезуб знал, на что способно копье. Еще раз внимательно взглянув желтыми глазами, зверь вдруг повернулся и спустился к стае. Он подошел к оленю, саблезубы потеснились. Но, прежде чем вонзить зубы в теплое мясо, он снова поглядел наверх. Под деревом никого не было. Человек с копьем исчез. Саблезуб опустил морду и принялся за еду...

Буран заставил Херилака отлеживаться под шкурами целых два дня. Большую часть времени он проспал, экономя припасы. Но или ешь, или умирай от холода.

Когда буран наконец прекратился, охотник отправился дальше. В тот же день удача улыбнулась ему — Херилак наткнулся на свежие следы кролика. Заложив копье за перевязь на спине, он взял лук и натянул тетиву... Ночью он пировал, зажарив на костре свежее мясо. Наелся до отвала раз, второй — и засиделся допоздна, обжаривая остатки над углями.

Здесь, на юге, снега было меньше, но зима такая же морозная. Под ногами ломались мерзлые стебли трав. Услышав какой-то звук, охотник поднес ладонь к уху и прислушался. Да, вдали шумела вода, волны прибоя разбивались о берег. Море...

Херилак шел, держа наготове копье, готовый к любой опасности.

Но опасность здесь уже не подстерегала его. Под серым зимним небом он обнаружил лужок, усеянный останками мастодонтов. Холодный ветер свистел в обнажившихся ребрах: здесь поработали пожиратели трупов, попировали вороны и морские птицы. Рядом белел скелет тану. А когда охотник увидел, что весь речной берег усеян человеческими скелетами, глаза его сузились и он стиснул зубы.

Что тут случилось? Мертвы все... все, весь саммад, это ясно с первого взгляда. Погибли дети и взрослые. Но кто убил их? Какой враг напал и перебил всех? Другой саммад? Невозможно. Тану взяли бы шатры и увели мастодонтов, а не перебили бы их вместе с хозяевами. Шатры были на месте, большей частью свернутые, уложенные на травоисы, оказавшиеся возле скелетов мастодонтов. Саммад снимался со стоянки, тану собирались в путь, когда явилась смерть. В ребрах одного из скелетов Херилак заметил металлический блеск. Осторожно приподняв кость, он увидел порыжевший нож из небесного металла. Смахнув рукой ржавчину, он взглянул на рисунки, которые так хорошо знал. Выронив копье на мерзлую землю, он сжал нож обеими руками, поднял к небу и завыл от горя. Слезы боли и гнева текли по его лицу.

Погиб Амагаст, а значит, и жена его, сестра Херилака. Их дети, женщины, взрослые охотники. Мертвы, все мертвы, все. Нет более саммада Амагаста...

Кипя от ярости, Херилак смахнул с глаз слезы: жаркий гнев сжег горе. Надо найти убийц. Согнувшись, бродил он взад и вперед в поисках чего-то неведомого, а чего именно — не знал и сам. Но он искал тщательно и внимательно, как подобает охотнику. Тьма помешала Херилаку, и ночь он провел возле костей Амагаста, разыскивая его тхарм на небе. Он там, конечно же, среди самых ярких звезд.

На следующее утро он нашел останки какого-то непонятного существа. Он долго рассматривал их, пока наконец не догадался, что перед ним...

Это было длинное и тонкое существо с крошечными ножками, на которых нельзя было ходить. Ребер и позвонков было куда больше, чем нужно.

Мараг — сомневаться не приходилось. Правда, таких он еще не видел. Он не из здешних краев, но мургу, случалось, жили и вдали от жаркого юга.

Юг... И в самом деле! Херилак встал и взглянул на запад, откуда пришел. Откуда там взяться мургу, это же невозможно. Он медленно обернулся к северу и увидел уходящие вдаль снега и ледяные поля. Там жили парамутаны, они во всем были похожи на тану, лишь разговаривали иначе. Но их было очень мало, и они редко заходили на юг, к тому же они воевали только с зимой, а не с тану или между собой. На востоке, в океане, ничего не было.

Но с юга, с жаркого юга всегда приходили мургу. Приносили смерть, а потом исчезали. С юга.

Став коленями на заледеневший песок, Херилак внимательно рассматривал скелет марага, запоминая подробности, чтобы суметь нарисовать его, когда понадобится, на песке целиком, до мельчайших косточек.

А потом встал и раздавил хрупкие кости. Повернулся спиной к морю и пустился в обратный путь.

Глава 14

Керрик так никогда и не понял, что жизнь ему спасла его детская любознательность. Не то чтобы Вейнте′ пощадила столь юное существо, к устузоу любого возраста она ощущала лишь отвращение, и смерть их не вызывала у нее отрицательных эмоций. Исель просто оказалась слишком взрослой, чтобы естественным образом отреагировать на новый язык, тем более на такой сложный, как у иилане′. Она считала, что иной речи, чем марбак, и быть не может, и вместе с другими женщинами потешалась, когда к ним в шатер наведывались охотники с Ледяных гор, говорившие так, что их едва можно было понять. С ее точки зрения, это было признаком глупости: любой нормальный тану должен говорить на марбаке. Поэтому уроки языка иилане′ ее не интересовали, она просто запоминала самые забавные звуки, чтобы угодить марагу и получить от него пищу. Иногда она вспоминала, что при разговоре следует шевелить телом. Для нее все это казалось просто глупой игрой. Потому-то она и погибла.

Керрик не думал о языке как таковом, он просто хотел понимать. Он был еще достаточно мал и воспринимал новое без особых усилий, — просто слушая и наблюдая. Если бы ему кто-нибудь сказал, что концептуальных полей в языке иилане′ несколько тысяч, что комбинировать их можно 125 миллионами способов, он просто пожал бы плечами. Числа не имели смысла, ведь он умел считать лишь до двадцати и не мог представить себе большего количества. Число пальцев — двадцать — было для него пределом. Так что все его общение основывалось на подсознании. Но Энге пыталась привлечь его внимание к некоторым правилам, символам и их значениям и заставляла повторять неуклюжие движения до тех пор, пока они не становились правильными.

Поскольку менять цвет кожи Керрик не мог, она учила его так называемой сумеречной речи. В густых джунглях, на рассвете и на закате иилане′ общались, не прибегая к изменению цвета, а переиначивая выражения соответствующим образом.

Каждое утро, когда открывалась дверь, маленький заключенный ожидал смерти. Слишком хорошо он помнил гибель своего саммада: мужчин, женщин, детей, всего живого, даже мастодонтов. Их с Исель тоже однажды убьют, иначе и быть не могло. И когда уродливый мараг приносил утром еду, он понимал только одно — смерть его отодвинулась еще на один день. А потом он молча следил, стараясь не рассмеяться, как то и дело ошибается

глупая Исель, и так день за днем. Но он охотник, он горд. И не станет помогать ни ей, ни марагу, он будет отвечать, лишь когда спросят его самого. Побои он сносил, как подобает охотнику, — молча. Через много дней он уже кое-что понимал в разговоре Энге с другим марагом, которого он ненавидел сильнее других: именно он бил и связывал их. Но мальчик молчал, храня в тайне свои познания, — крохотный успех посреди всеобщего несчастья.

А потом Вейнте′ убила девчонку. Он не жалел ее: та была глупа и заслуживала того, чтобы ее отправили ко всему саммаду. Только когда Вейнте′ схватила его — свежая кровь алела на зубах убийцы, — маленький охотник не выдержал. Он ведь был на охоте один только раз, его еще не приняли в охотники — так он оправдывался потом, пытаясь объяснить себе, почему не принял смерть от ужасных острых зубов. На самом деле он просто насмерть перепугался, как тогда, когда его копье вырвало из глубины моря марага. Он заговорил со страху, едва понимая, что делает, и сумел произнести все достаточно правильно, чем сохранил свою жизнь.

Керрик знал — его все равно убьют, когда он надоест мургу. Но день этот был впереди, и он впервые позволил себе крошечную надежду. С каждым днем он понимал все больше и говорил все лучше. Его еще не выпускали из этой клетушки. Но когда-нибудь его выведут наружу — не считают же они, что можно всю жизнь просидеть под замком, — тогда он и убежит. Мургу не ходили, а переваливались, и он был уверен, что бегает быстрее любого из них — если только они умеют бегать. Такова была его тайная надежда, и в расчете на это он делал все, о чем его просили, и надеялся, что его строптивость уже позабыта.

Дни начинались одинаково. Сталлан отпирала дверь и вваливалась внутрь. Керрик держался осторожно с грубой тварью. Хотя он более не сопротивлялся, охотница по-прежнему бросала его спиной на пол, больно придавливала коленями и надевала живые веревки на руки и ноги. Потом Сталлан скребла его голову струнным ножом, чтобы соскоблить отросшие волосы. Обычно эта процедура сопровождалась порезами. Позже приходила Энге с фруктами и мясным желе — он наконец сумел преодолеть отвращение и заставил себя есть. Мясо — это сила. Керрик никогда не говорил со Сталлан, если та ударом не требовала ответа, но подобное случалось редко. Он знал: от уродливого охрипшего создания сочувствия не дождешься.

С Энге было иначе. Керрик заметил, что она не похожа на других мургу. Лишь ее расстроила гибель девочки. Сталлан же восторгалась и хвалила Вейнте′. Иногда Энге появлялась вместе со Сталлан. Керрик стал говорить значительно лучше, а когда уверился в том, что может сказать именно то, что хочет, стал еще более разборчив в посетителях: если приходила Сталлан, он забывал обо всем до следующего дня.

Однажды утром Энге вошла вместе со Сталлан. Охотница обошлась с ним грубее, чем обычно. Когда руки его охватила холодная живая веревка, он заговорил:

— Почему ты бьешь и связываешь меня? Я же не могу причинить тебе боль.

Сталлан возмутилась и отвесила ему затрещину. Но мальчик заметил, что Энге слушает его слова.

— Мне трудно разговаривать, когда я связан, — проговорил он.

— Сталлан, — произнесла Энге, — он прав.

— Он ведь один раз уже набросился на тебя, разве ты забыла?

— Я не забыла, но это было давно, когда его только привезли сюда. Потом, вспомни, он кусался, когда решил, что я побью самку. — Она повернулась к Керрику. — Будешь теперь причинять мне боль?

— Нет. Ты моя учительница. Я знаю, что, если я буду говорить хорошо, ты покормишь меня и не станешь наказывать.

— Просто удивительно, что устузоу умеет разговаривать, но... дикого зверя всегда следует остерегаться. — Сталлан была непреклонна. — Вейнте′ поручила его моей опеке, и я повинуюсь приказу.

— Повинуйся, только не перестарайся. По крайней мере освободи ему ноги.

В конце концов Сталлан уступила. И весь день Керрик был особенно старателен, ведь тайный план его начал осуществляться, хоть и медленно.

Считать дни Керрик не умел, да и не интересовался, сколько времени миновало. На севере, где жил его саммад, зима и лето отличались друг от друга, и для охотников не составляло труда различать времена года. Для живших здесь, в этой бесконечной жаре, не имело значения, сколько прошло времени. И когда по прозрачной пленке над его головой забарабанил дождь, лишь изредка затихая, Керрик понял, что после смерти Исель прошло уже много дней. Тогда-то в его повседневных занятиях случился непредвиденный перерыв.

Скрежет замка снаружи отвлек их от урока. Энге и Керрик повернулись к двери. Керрик обрадовался было, но оказалось, что это Вейнте′.

На первый взгляд мургу не отличить друг от друга, но он уже научился замечать разницу. Уж Вейнте′-то он не забудет никогда. Привычным жестом он засвидетельствовал подчинение и уважение и с радостью заметил, что та пребывает в хорошем настроении.

— Ты мастерица, Энге. Ты отлично воспитываешь животных, глупые фарги и те приветствуют меня не так проворно, как этот. Пусть говорит.

— Ты можешь сама говорить с ним.

— Неужели? Просто не верится. Наверное, это все равно что разговаривать с лодкой. Ты командуешь — она подчиняется. — Вейнте′ повернулась к Керрику и четко произнесла: — Налево, лодка, налево.

— Я не лодка, но я могу пойти налево.

Он медленно обошел комнату, и Вейнте′ зажестикулировала, выражая неверие и удовлетворение.

— Встань передо мной. Скажи мне имя, которое тебе дано.

— Керрик.

— Оно ничего не значит. Но ведь ты устузоу и не можешь правильно выговорить слово. Твое имя следует произносить так — Экерик.

Вейнте′ не понимала, что имя мальчика слагается только из звуков. Она добавила жесты, означавшие «медленный — глупый».

— Экерик, — повторил он, а потом добавил идентификаторы — «медленный — глупый».

— Словно с фарги разговариваешь, — произнесла Вейнте′. — Понятия «медленный — глупый» он выражает нечетко.

— Лучше он просто не может, — пояснила Энге, — без хвоста он не может как следует выполнить это движение, но, смотри-ка, он ведь научился извиваться очень похоже.

— Скоро мне понадобится это создание. Из Инегбана прибыл урукето и привез Зхекак, которая будет работать с Ваналпе′. Она толста и тщеславна, но в Энтобане нет ученой умнее. Она должна остаться здесь, нам нужна ее помощь. И я хочу ублажить ее, как только возможно. Без сомнения, этот устузоу заинтересует ее. Говорящий устузоу! Она поймет, какой это успех.

Изобразив почтительное внимание, Керрик глядел на Вейн-

те′. В отличие от иилане′, выражавших движением каждую мысль, Керрик прекраснейшим образом умел лгать. Вейнте′ окинула его взглядом.

— Грязен, надо умыть.

— Моем ежедневно, это его естественный цвет.

— Отвратительно. И еще этот пенис. Нельзя ли его заставить втянуть все в этот мешочек?

— Он не убирается туда.

— Сделайте мешочек телесного цвета, не будет так бросаться в глаза. А почему череп так исцарапан?

— Мы каждый день соскабливаем с него мех, как ты приказала.

— Конечно же, я приказала делать это. Но я ведь не приказывала царапать этого урода. Поговори с Ваналпе′, пусть придумает другой способ снимать с него мех. Немедленно.

Когда иилане′ уходили, Керрик смиренно благодарил и выражал глубокое уважение. И как только дверь оказалась закрытой, он выпрямился и громко расхохотался. Этот мир был к нему очень жесток, но в девять лет он уже умел бороться за жизнь.

В тот же день в сопровождении Сталлан пришла Ваналпе′. За ними следовала обычная свита помощниц и ретивых фарги. Для маленькой каморки их было слишком много, и Ваналпе′ приказала всем, кроме первой помощницы, ждать снаружи. Пока Ваналпе′ разглядывала Керрика, ее помощница раскладывала на полу свертки и расставляла какую-то посуду.

— Я никогда не видела их живыми, — произнесла Ваналпе′. — Но такие существа мне известны. Я уже анатомировала один экземпляр.

Она сказала это за спиной Керрика, поэтому он не слышал ее, что было вовсе неплохо, ведь понятие «анатомировать» на языке иилане′ выражалось следующим набором слов: «резать-мертвое-мясо-на-части-учиться».

— Скажи мне, Сталлан, оно действительно разговаривает? Но это же просто животное.

Общего интереса к говорящему устузоу Сталлан не разделяла и желала ему только смерти. Но приказам повиновалась и не причиняла Керрику вреда.

— Говори! — приказала Ваналпе′.

— Что ты хочешь услышать от меня?

— Великолепно, — произнесла Ваналпе′, мгновенно потеряв дальнейший интерес. — Что ты использовала для снятия меха?

— Струнный нож.

— Очень неудачно. Такие ножи хороши для разделки туши. Дай мне унутакха, — приказала она помощнице. Та вытряхнула из контейнера на ладонь Ваналпе′ бурого слизня. — Я использую это для подготовки образцов. Переваривает только мех, а не кожу. Правда, мы испытали его только на мертвых устузоу. Посмотрим, как он управится с шерстью на живом.

Сталлан швырнула Керрика на пол и навалилась на него, пока Ваналпе′ разворачивала свернувшегося унутакха и пристраивала ему на череп. От холодного скользкого прикосновения он поежился, а иилане′ с интересом следили, как слизень полз по его коже.

— Очень хорошо, — объявила Ваналпе′, — кожа цела, меха нет. Следующая задача: нужен мешочек. У меня есть подходящая по цвету дубленая шкура, мы просто приладим ее к нужному месту. Я придумала специальные наклейки для кожи. Хорошо? Примерь.

Керрик готов был расплакаться от оскорбительного и грубого обращения, но сдержал слезы. Мургу не дождутся их. Холодный слизняк медленно двигался по голове и как раз прикрыл ему один глаз. Когда он отполз в сторону, Керрик поглядел вниз, где прилаживали мешочек. Мешочек его не беспокоил, и мальчик забыл о нем, едва слизняк неторопливо переполз на ресницы второго глаза.

Он никогда не узнал, что мешочек был сделан из тщательно выделанной кожи Исель, той самой девочки, которую мургу убили у него на глазах.

Глава 15

— Я долго думала над твоим положением, — произнесла Энге, — и пришла к выводу: ты — нижайший из низких.

— Я нижайший из низких, — согласился Керрик, стараясь не обращать внимания на унутакха, увлажнявшего слизью череп.

Он очищал тело мальчика от волос только третий день, и его влажное прикосновение еще было для маленького тану непривычным. Керрик относился к крохотному созданию с опаской. Когда вчера утром он сковырнул унутакха с головы, слизень прицепился к пальцу и быстренько объел едва ли не половину ногтя.

Слизень уполз на затылок, и Керрик смог обтереть безбровое, лишенное даже ресниц лицо тыльной стороной ладони.

— Ты слушаешь меня? — спросила Энге.

4150

— Да. Я нижайший из низких.

— Но ты не так говоришь. Ты так и не научился правильно произносить. Теперь ты должен говорить так: нижайший из низких.

Отметив по-особенному согбенную позу Энге, подогнутый вниз хвост, Керрик по возможности попытался изобразить ее.

— Лучше. Практикуйся. Скоро тебе придется бывать в обществе высочайших, а они не потерпят твоих ошибок.

— А откуда ты знаешь, что я нижайший из низких? — спросил Керрик, представив фразу в виде вопроса, задаваемого глупцом. На самом же деле разговор казался ему скучным и уже начинал досаждать.

— Вейнте′ — эйстаа и правит в Алпеасаке. Она высочайшая. Ниже ее — в бесконечной выси над тобой и мной — Сталлан, Ваналпе′ и другие правительницы. Им служат помощницы, они обучают фарги. И пусть ты разговариваешь лучше многих фарги, ты всегда останешься ниже их, потому что они иилане′, а ты — *всего лишь устузоу: говорящее животное остается животным.*

Все эти сложные ранги и титулы для Керрика не значили ничего. Его заинтересовало слово, которого мальчик еще не слышал.

— Что такое «фарги»?

— Фарги, ну, это просто фарги.

Сказав это, Энге ощутила отсутствие смысла в сказанном. Некоторое время, задумавшись, она пыталась найти определение. Его трудно было сформулировать — понятие повседневное, общепринятое, иилане′ принимали его за данность, не сомневаясь в существовании предмета. Так можно спросить: «Что есть солнце?» Просто солнце! Оно определяется фактом своего существования. Энге прекрасно знала, что физики могли многое рассказать о солнце, куда больше, чем ей хотелось бы знать. Но если она учит этого устузоу общению с высочайшими, он должен знать и обычные сведения, которые знали все. Объяснения пришлось вести с самого начала.

— С родильных пляжей наш молодняк попадает прямо в воду. Они много лет живут в океане, растут и зреют. Счастливое время: рыбу ловить несложно, опасностей мало. Все, кто входит в океан в одно и то же время, принадлежат к одному эфенбуру. Друг для друга они эфенселе, связь между ними длится целую жизнь. А потом все взрослеют и выходят на сушу. Самцов отделяют и доставляют в город, ведь они слишком глупы, чтобы постоять за себя. Настает трудное время, каждая самка должна обрести в жизни собственную дорогу. Еды много, но много и опасностей. Жизнь идет в городах, и молодые отправляются туда. Они слушают, учатся, а те, кто начинает говорить, становятся нижайшими. Это фарги. Ты ниже их.

— Я понимаю. Но как же насчет самцов? Все фарги самки?

— Конечно.

— Но ты же самец...

— Не оскорбляй меня. Ты никогда не видел самцов. Их содержат в хорошо защищенном месте — в ханане.

Известие это ошеломило Керрика. Самки! Все мургу самки! Все, даже отвратительная Сталлан. Ну все у этих мургу не так! Вот тану все умеют говорить, даже самые маленькие. Ясно, мургу глупые.

— А что случается с теми, кто не обучается говорить? — спросил он.

— Это не твое дело. Помни одно. Ты ниже нижайшей из фарги, *тех, что зовутся «иилейбе» — с трудом говорящие.*

— Я нижайший из низких, — согласился Керрик, подавив зевоту.

Их занятия прервал скрип засова. Керрик сделал безразличное лицо, чтобы на нем не отразилась ненависть, которую он всегда ощущал при виде Сталлан. Она принесла запечатанную бутылку.

— Время пришло, — проговорила Сталлан. — Вейнте′ требует устузоу к себе. Я принесла это, чтобы он не был опасен.

Сняв с головы Керрика унутакха, Сталлан помыла его с головы до пяток. Живая веревка на запястьях мальчика Сталлан не понравилась, и она заменила ее новой. Потом извлекла из бутылки длинный, темный, извивающийся жгут.

— Никаких неприятностей от устузоу! — объявила Сталлан, притянув к себе Керрика, и набросила ему на шею длинную тварь

Рот веревки присосался к собственному телу. Когда на шее мальчика оказалась надежная петля, Сталлан крепко взялась за другой конец.

— Скажи, чтобы он следовал за тобою, — велела она Энге, все еще отказываясь признавать в Керрике больше, чем дрессированного зверя. Они одинаково ненавидели друг друга.

Но Керрику сейчас было не до нее: впервые после пленения он выйдет из помещения. Когда его несли сюда, он успел запомнить только деревья и лес. Теперь он был готов ко всему и ста-

рался выглядеть ручным и покорным. Энге распахнула дверь, и Керрик со связанными руками последовал за ней. Последней шла Сталлан, крепко держа поводок.

Перед ним простирался освещенный неярким зеленым светом туннель. Пол был плетеным, как и в камере, но стены казались куда менее прочными. Они были живым переплетением тонких и толстых древесных стволов, ползучих лиан, цветущих кустов и каких-то неизвестных ему растений. Над головою листва смыкалась в крышу. То и дело в стороны отходили коридоры, по которым двигались темные силуэты и исчезали у выходов в ярких солнечных лучах. После долгого заключения он щурился. Свет резал глаза, но мальчик жадно смотрел вокруг сквозь слезы.

«Где я, где Алпеасак?» — думал Керрик. Со слов Энге он представлял город как огромное стойбище с бесчисленными шатрами. Он должен был сразу сообразить, что мургу и понятия не имеют о настоящей стоянке. Но скопление деревьев и коридоров казалось огромным. И повсюду были мургу. Их было слишком много, Керрик словно свалился в яму, кишащую мургу. Они толпились вокруг, расталкивали друг друга, чтобы увидеть идущего устузоу, и следовали за ним. По коже его пробегали мурашки. И эти мургу тоже глупы, многие едва умели говорить. Должно быть, это и есть фарги, о которых рассказывала Энге.

Туннель привел их к открытому пространству, куда большему, чем те, которые им встречались. Глаза Керрика начали привыкать к свету. Повсюду группами стояли иилане′. Сталлан резко крикнула, и фарги расступились, давая им пройти. Они направились к дальней стене, где оказалось несколько иилане′. Две явно были очень важными персонами, и все остальные почтительно сгибались в их присутствии — это было видно даже издали. Подойдя поближе, Керрик узнал Вейнте′. Ее-то он никогда не забудет. Возле эйстаа на корточках сидела очень толстая иилане′, шкура ее, казалось, вот-вот лопнет. Вейнте′ знаком велела им остановиться и обратилась к толстой:

— Теперь ты сама видишь его, Зхекак. Это один из злодеев устузоу, совершивших преступления, о которых тебе уже известно.

— Подведите его поближе, — тонким голосом приказала Зхекак. Жир мешал ей шевелить конечностями. — Не похоже, чтобы он был опасен.

— Это молодой. А взрослые больше.

— Интересно. Покажи мне его прикус.

Пока Керрик гадал над смыслом нового слова, Сталлан схватила его, раздвинула челюсти и поволокла поближе к Зхекак, чтобы она могла заглянуть ему в рот. Увиденное заинтересовало Зхекак.

— Очень похож на те экземпляры, которые хранит Ваналпе′. Есть над чем подумать, очень интересно. Я уже вижу тот день, когда Алпеасак превзойдет все города в изучении устузоу и их использовании.

Вейнте′ просто лучилась от счастья.

— Ты должна узнать кое-что еще об этом существе: оно говорит!

Зхекак откинулась, выражая недоверие, удивление и сомнение одновременно, тучное тело ее колыхалось.

— Покажи! — приказала Вейнте′.

Сталлан толкнула Керрика. Энге встала рядом, чтобы он мог ее видеть.

— Назови свое имя перед персонами великого ранга, — приказала она.

— Я — Керрик, нижайший из низких.

Зхекак была, пожалуй, слишком щедра на похвалы.

— Великолепная дрессировка, мне еще не приходилось видеть зверя, который умел бы произносить свое имя.

— И не только это, — уважительно добавила Энге. — Он говорит, как все иилане′. Можешь поговорить с ним, если хочешь.

Восхищение, сомнение и недоверие Зхекак были очень велики. Закончив жестикулировать, она склонилась вперед и очень медленно и отчетливо произнесла:

— В это трудно поверить. Ты ведь не умеешь говорить по-настоящему?

— Я умею говорить. Могу говорить очень быстро и четко.

— Ты заучил эти слова.

— Нет, я выучился им, как все фарги.

— В океане?

— Нет. Я не умею плавать. Я учился, слушая Энге.

Зхекак и не поглядела в сторону Энге.

— Приятно услышать хоть что-то доброе о той, которая причинила всем столько неприятностей в далеком и любимом Инегбане. Как это правильно, что только у грубого зверя нашлись добрые слова о Дочери Смерти. — Она обернулась к Вейнте′. — Могу тебя поздравить, ты сделала нечто из ничего: город из джунглей, говорящее существо из устузоу, учительницу из лишенной смерти. Истинно, будущее Алпеасака сулит нам тепло.

Вейнте′ жестом отпустила Энге и Керрика и обратилась к Зхекак:

— Эти слова я буду помнить всегда. Новый мир — новые вещи, мы стараемся. А теперь не съешь ли мяса? У нас здесь водится кое-что вкусное, такого ты еще не пробовала.

Зхекак лязгнула зубами.

— Мне уже говорили, и я собираюсь сама все попробовать.

Жирная мургу, объешься и лопни, подумал Керрик, но даже намека на подобные мысли не выражала его покорно склоненная фигура.

— Отведи животное на место, — велела Вейнте′.

Сталлан дернула за поводок и потащила Керрика за собою. Он спотыкался, едва не падал, но не жаловался. Покинув огромное пространство без крыши, они вновь вступили под зеленые своды. Энге повернула в боковой туннель, и Керрик осторожно оглянулся. Вблизи не было никого, вдали темнели редкие фигуры, и Керрик вскрикнул будто от боли.

— Помоги! Такая боль... Эта штука на моей шее... Задыхаюсь...

Сталлан обернулась и отвесила Керрику оплеуху. Но она понимала, что этому зверю нужно сохранить жизнь. Поводок придется ослабить. Она выпустила свободный конец и потянулась к голове животного.

Керрик вырвался и побежал, не обращая внимания на яростные вопли за спиной.

Беги, парень, беги, беги изо всех сил, быстрее всех мургу! Впереди замаячили два силуэта. Бестолковые фарги!

— В сторону! — крикнул он.

Фарги повиновались! Глупые бессмысленные создания... Поводок свисал с плеча, он держал его руками, чтобы не споткнуться. Пробегая через одно из открытых пространств, он заметил, что Сталлан безнадежно отстала. Он был прав: эти твари не умеют быстро бегать.

Он чуть замедлил бег, можно было уже не нестись стремглав. Он мог бежать целый день. Ему легко дышалось, ноги шлепали о мостовую. Надо было бороться за жизнь.

Остановить Керрика было некому. Завидев впереди мургу, он тут же сворачивал в сторону. Фарги отступали, покорно повинуясь ему. Один мараг, остановившись, попытался схватить его, но он легко уклонился от неуклюжих рук и припустил дальше. Оторвавшись от погони, беглец остановился, чтобы отдышаться и все обдумать.

Вокруг был город. Лучи солнца просачивались сквозь листву. День подходил к концу, позади шумело море, а земля была там, куда опускается солнце.

Незаметно город сменился полями. Керрик бежал легкой трусцой, увеличивая темп, лишь когда его замечали. Первой преградой на его пути оказались высокие кусты, усеянные острыми иглами. Сердце мальчика замерло. Если его обнаружат здесь, он пропал. Он быстро побежал вдоль живой изгороди в поисках какой-нибудь дыры. Да, вот и отверстие, прочные лианы крест-накрест перегораживают его. Улегшись на живот, он проскользнул под нижней поперечиной. Стадо низкорослых оленей в испуге бросилось наутек в высокую траву. Он последовал за ними, около следующего забора их пути разошлись. Зная, что искать, следующее прикрытое плетеной калиткой отверстие он нашел без труда. Оглянувшись, он заметил на дальнем конце поля группу мургу, они открывали калитку, под которой он недавно прополз. Теперь его уже не догнать!

Так он добрался до последнего поля. Последним оно было потому, что за ним зеленой стеной высились джунгли. Крохотные кусочки джунглей ему уже попадались, всегда за забором. Пустой лес за последней оградой пугал. Но любые опасности, подстерегавшие в джунглях, были ничтожными по сравнению с тем ужасом, что сулил город. Проскользнув под калиткой, он в страхе застыл: какие-то огромные твари уставились на него.

Ужас охватил Керрика. Он не мог даже пошевелиться. Звери были огромные, куда больше мамонтов — это были мургу из ночных кошмаров. Серые морщинистые шкуры, ноги, подобные стволам деревьев, огромные костистые воротники, рога, наставленные на него... Сердце Керрика так заколотилось, что, казалось, вот-вот разорвется.

Тут он заметил, что им вовсе не до него. Крошечные глазки, утонувшие в морщинистой коже, были обращены к земле. Скорее всего они не заметили его. Огромные головы были опущены, мощные челюсти перемалывали траву. Медленно, шаг за шагом, он обошел их, двигаясь к следующей еще не поднявшейся изгороди.

Свобода! Откинув свисавшие лианы, он ступил на прохладную подстилку джунглей. Вновь откинул лианы... и снова...

И вдруг они прилипли к рукам и медленно стянулись вокруг них.

Это были совсем не лианы, а живые силки. Керрик дернулся, попытался рвануть их зубами, но безуспешно. А ведь он был так близок, так близок к свободе. Повернувшись в этих холодных объятиях, он увидел мургу, приближавшихся к окраине поля. Они были совсем близко.

И, бессильно повиснув в тенетах, он повернулся лицом к лесу. Керрик даже не почувствовал, как жестокие руки с двумя большими пальцами впились в его тело. Он глядел вверх — на кроны деревьев, на небо.

Внезапно среди листьев, в просвете, он увидел бородатое лицо, которое сразу же исчезло. А его поволокли назад, в плен.

Глава 16

Погрузившись в думы, Вейнте′ покойно откинулась на «дерево отдыха» и не шевелилась. Рядом были помощницы, они негромко переговаривались; их, в свою очередь, окружали услужливые фарги. Вейнте′ находилась внутри островка молчания, никто не смел нарушить покой эйстаа. Мысли ее — мысли всего города.

Но в этот миг в сердце ее кипела ненависть, и, замерев, Вейнте′ пыталась спрятать ее... Одна ненависть — никаких высоких мыслей. Она словно застыла, только правый глаз медленно следил за тремя удалявшимися иилане′. Ваналпе′, ее бесценная помощница, растящая город; ученая Зхекак — она может оказаться столь же незаменимой. А рядом с ними — Алакенси, тяжкий груз на ее шее. Как прекрасно задумала коварная Малсас< тонкое злодейство: вдруг является такая Алакенси, чтобы Малсас< могла потом спокойно воспользоваться результатами ее труда! Чтобы следила, запоминала и доносила, а потом передала всю власть Малсас<. Она наблюдала, как уходит Алакенси, разговаривая с Зхекак, вслушивается в ученые речи.

Они ушли, и взгляд Вейнте′ остановился на бесшумно подошедшей Энге, склонившейся в позе покорности.

— Оставь меня, — коротко произнесла Вейнте′. — Я ни с кем не говорю.

— Дело величайшей важности. Умоляю, послушай.

— Уходи!

— Ты должна выслушать. Сталлан убьет устузоу. Я боюсь, что она убьет его.

Вейнте′ посмотрела на Энге уже внимательно и потребовала немедленных объяснений.

— Существо пыталось бежать, но было поймано. Сталлан страшно бьет его.

— Я не велела. Распорядись, чтобы она прекратила. Подожди, я сделаю это сама. Следует узнать подробности побега. Как это случилось?

— Знает одна Сталлан. Она не рассказывала.

— Мне расскажет, — ответила Вейнте′ с угрюмой властностью в голосе.

...Подойдя к камере, они увидели, что дверь распахнута, изнутри доносились глухие удары и стоны, они были слышны из коридора.

— Прекрати! — приказала Вейнте′ так грозно, что Сталлан замерла, подняв руку с окровавленным хлыстом.

У ног ее корчился от боли Керрик, забитый до полусмерти — спина его казалась куском мяса.

— Перевяжи это создание! — приказала Вейнте′. Энге бросилась вперед. — А ты положи эту вещь и немедленно объяснись!

В ее словах звучала такая угроза, что содрогнулась даже бесстрашная и крепкая Сталлан. Хлыст выпал из ее ослабевших пальцев. Ей пришлось напрячь всю волю, чтобы ответить. Вейнте′ могла произнести еще только несколько слов — и Сталлан была бы обречена на смерть.

— Зверь вырвался и убежал. Очень быстро, никто не мог поймать его. Мы гнались за ним до полей, прямо по пятам. Но недостаточно быстро. Он бы удрал, если бы не одна из ловушек, расставленных вокруг полей на случай ночных набегов устузоу.

— Так далеко... — произнесла Вейнте′, глядя на скрючившуюся фигурку. — У диких животных столько неизвестных нам способностей. — Гнев ее таял, и Сталлан с облегчением шевельнулась. — Но как он удрал?

— Не знаю, эйстаа. То есть я знаю, что произошло, но не могу объяснить этого.

— Попробуй.

— Я попытаюсь. Зверь шел рядом, исполняя мои команды. Когда мы отошли подальше, он остановился, поднял руку к ошейнику и завопил, что задыхается. Такое возможно. Я стала ослаблять поводок, но устузоу убежал. И на бегу он вовсе не задыхался!

— Но тебе он сказал, что задыхается?

— Да, так он говорил.

Теперь гнев Вейнте′ совершенно утих, и она крепко задумалась над словами охотницы.

— Поводок был у тебя в руке?

— Я выпустила его, когда стала ослаблять петлю. Задыхающийся зверь не может убежать.

— Конечно. Ты поступила правильно, иначе нельзя было поступить. Но он-то не задыхался? Ты уверена в этом?

— Полностью. Он долго бежал и дышал ровно. А когда его поймали, я первым делом поглядела на поводок: ошейник оказался затянутым, и ни он, ни я не ослабляли его.

— Необъяснимо... — произнесла Вейнте′, глядя на потерявшего сознание устузоу.

Над ним склонилась Энге, обтирая кровь со спины и груди. Под побелевшими от боли глазами темнели синяки, на лице запеклась кровь.

— Ошейник не душил его. Но сам-то он говорил, что задыхается. Это невозможно, но так было.

Вейнте′ не двигалась. Мысль была невероятной, ничего подобного даже в голову не могло прийти суровой, но простоватой охотнице. Вейнте′ справилась с собой, отогнала назойливую мысль и пробормотала:

— Уходи немедленно.

Сталлан заторопилась к выходу, жестами выражая на ходу облегчение и благодарность. Она понимала, что жизнь ее на какое-то время вне опасности, и с радостью забыла все, что произошло.

Но не Вейнте′. Энге все еще стояла спиной к ней, поэтому она могла вновь обратиться к размышлениям, все обдумать, не опасаясь, что кто-нибудь подглядит за ходом ее мыслей.

Невероятно, но как иначе объяснить такое? Обучаясь мыслить, в числе первых она усвоила следующее положение: когда отпадают все прочие объяснения, оставшееся, каким бы нелогичным или вздорным оно ни казалось, является единственно верным.

Устузоу сказал, что ошейник душит его.

Ошейник его не душил.

Утверждение, которого не существует.

Устузоу сказал то, чего нет.

В языке иилане′ для такого поступка не было названия. Пусть будет — «ложь». Устузоу солгал.

Иилане′ не умеют лгать. Только за неподвижностью, за отсутствием всякого выражения можно спрятать свои думы, утверждение — это мысль, мысль — это утверждение. Речь эквивалентна мысли.

Устузоу поступил иначе.

Этот зверь умеет думать одно, а говорить другое. Представился ручным и тихим, а потом сказал, что задыхается, и все это время думал только о бегстве. Он может лгать.

Зверь должен выжить, его придется беречь и охранять, чтобы не убежал. В туманном будущем Вейнте′ еще не различала подробностей, но знала, что оно как-то связано с этим устузоу. Она использует и его самого, и его способность ко лжи. Использует, чтобы лезть вверх, к вершинам своих устремлений.

Но пока следует выбросить из головы все мысли об этом невероятном даровании. Все будет делаться по ее приказу так, чтобы не знали другие. Придется пресечь все разговоры о неожиданном бегстве. Должна ли Сталлан умереть? Она задумалась ненадолго, потом отвергла эту мысль. Охотница слишком нужна. Сталлан исполнит приказ и будет молчать, она, несомненно, выполнит его, ведь она еще не забыла, как близка была к смерти. Собравшись, Вейнте′ спросила у Энге:

— Тварь сильно ранена?

— Не могу сказать. На спине синяки и ссадины, возможно, это все. Погляди, шевелится. Открыл глаза.

Бледными пятнами мургу маячили над Керриком. Он не сумел убежать, он ранен, его постигла неудача. Но ничего, все меняется...

— Скажи, что ты чувствуешь, — приказала Вейнте′, и он удивился неожиданному беспокойству, прозвучавшему в ее голосе.

— Больно. — Он пошевелил руками и ногами. — Боль... Все болит.

— Это потому, что ты пытался бежать, — объяснила Вейнте′. — Ты воспользовался возможностью и бежал, когда Сталлан выпустила из рук поводок. Я позабочусь, чтобы подобное не повторилось.

Керрик все-таки был не настолько избит, чтобы не уловить уклончивость в голосе эйстаа. Вейнте′ знает, какие слова он сказал, чтобы Сталлан выпустила из рук поводок. Энге не заметила этого, а он заметил, удивился и тут же забыл. Слишком велика боль.

Пришла одна из учениц Ваналпе′ и обработала раны, а потом

его на много дней оставили в одиночестве, пока все не зажило. Ученица по утрам приносила еду, проверяла, как заживают раны. Уроки языка прекратились, и ему больше не приходилось встречаться со страшной Сталлан. Путы сняли, но дверь всегда была надежно заперта.

Когда боль утихла, мысли вернулись к неудавшемуся бегству, к тому, что преградило путь. В следующий раз он так не попадется. Он перепрыгнет эти лианы и уйдет в джунгли.

Но бородатое лицо в листве? Или это надежда и отчаяние нарисовали среди ветвей лицо тану? Он не был уверен. Быть может, ему просто хотелось его там увидеть? Впрочем, это ничего не значило. Нужна помощь. И возможность убежать. В следующий раз его ничто не остановит...

Дни шли за днями, раны зажили, оставив белые рубцы. Ученица все еще внимательно осматривала его каждое утро. Когда с головы исчезли все синяки, она принесла унутакха — снять подросший ежик волос. Пришлось заново привыкать к скользкому прикосновению. Пока ученица была с ним, дверь всегда оставалась закрытой, и за нею угадывалось зловещее присутствие Сталлан. Пути для бегства не было. Но его не станут вечно держать в камере.

В тот день в движениях ученицы было заметно возбуждение. Он понял: что-то произойдет. Она обмыла его, внимательно осмотрела, проверила, на месте ли кожаный мешочек, а потом склонилась перед дверью. Керрик знал, что спрашивать бесполезно. Она с ним никогда не разговаривала и не отвечала на вопросы. Поэтому он сел и тоже поглядел в сторону входа.

День оказался действительно особенным. Дверь открылась, вошла сама Вейнте′, за нею колыхалось жирное тело Зхекак. Следом за ними фарги и помощницы несли какие-то ящички.

— Он удрал однажды, — произнесла Вейнте′, — следует сделать так, чтобы этого не могло случиться вновь.

— Интереснейшая проблема, эйстаа. Размышления над нею доставили мне истинное удовольствие. Я считаю, ответ мне уже известен, но не стану говорить, лучше я покажу, чтобы ты разделила со мной удовольствие от этого откровения.

— Все труды Зхекак доставляют мне радость, — вежливо ответила Вейнте′, сделав при этом жест особенного удовольствия.

Зхекак сделала знак фарги и взяла ящичек из ее рук.

— Совершенно новая вещь, — сказала она, извлекая длинную узкую полоску гибкого материала.

Тонкий красноватый лист был очень прочен. Зхекак показала, что он не рвется, приказав фарги тянуть его за противоположные концы. К всеобщему удовольствию, они чуть не попадали, перетягивая друг друга. Потом Зхекак достала струнный нож и попыталась разрезать материал. Когда она передала полоску Вейнте′, та заметила лишь царапину на блестящей поверхности и выразила восхищение и удивление.

— Рада объяснить... — объявила Зхекак с огромным удовлетворением. — Струнный нож — это одна длинная молекула. Она режет потому, что мал ее диаметр. Ее нельзя переломить — ведь внутримолекулярные связи обладают высочайшей прочностью. Сейчас мы пытались разрезать аналогичный материал. Гибкое полотно сделано из волокон молекулярного углерода, выращенных в той же среде. Они гнутся, но не ломаются, их нельзя разрезать.

Вейнте′ сделала жест одобрения.

— Значит, ты нашла веревку, которой можно надежно связать зверя. Тогда я задам очевидный вопрос. Ты привяжешь ее к устузоу. А что ты привяжешь к другому концу?

Зхекак подобострастно завиляла жирным телом.

— Эйстаа так хорошо все понимает. А вот и воротник для зверя.

Помощница извлекла полупрозрачный предмет длиной с руку. Он лениво извивался, пока Зхекак пристраивала его на плечах Керрика. Холодное прикосновение не доставило ему удовольствия, но он уже знал, что лучше не протестовать. Повинуясь коротким распоряжениям Зхекак, помощницы смочили концы существа каким-то раствором, а потом соединили, сомкнув толстый ошейник вокруг шеи Керрика.

— Быстро, — распоряжалась Зхекак. — Процесс секреции уже начался.

Они осторожно обвили поводком полупрозрачное тело, потом натянули петлю так, что она ушла вглубь, в середину плоти воротника.

— Посмотри, эйстаа, — предложила Зхекак. — Увидишь — процесс пошел.

Прозрачное вещество быстро сгущалось вокруг чуждого объекта в самой его середине.

— Это животное — простейший секретор металла. Оно осаждает молекулы железа на инородное тело. Скоро оно застынет и обретет прочность. Мы будем кормить его, пока вокруг шеи усту-

зоу не образуется металлический ошейник. Ошейник, который нельзя будет сломать или разрезать.

— Восхитительно. Но что же будет на другом конце?

Складки жира на теле Зхекак заколыхались вновь. Она проковыляла через камеру к наблюдавшим за происходившим фарги и вытолкнула одну из них вперед. Она была повыше и покрепче прочих, под ее шкурой при ходьбе перекатывались сильные мускулы. Зхекак попыталась ущипнуть мускулистую руку двумя большими пальцами, но не сумела.

— Эта фарги прислуживала мне много лет, сильнее ее я не встречала, она едва умеет разговаривать, но превосходно исполняет в лаборатории все тяжелые работы. Теперь она принадлежит тебе, эйстаа, и будет исполнять более важную функцию. — Крохотные глазки Зхекак, почти утонувшие в складках жира, оглядели притихших слушательниц. — У нее теперь будет другая работа. Второй воротник будет на ее шее, конец поводка врастет в него. Устузоу и фарги всегда будут вместе, как два фрукта на одной ветке.

— Такому уму, как твой, нет равных, — произнесла Вейнте′, и все помощницы и ассистентки одобрительно зажестикулировали. — Соединенные и неразлучные навечно. Мне говорили, что наш устузоу умеет очень быстро бегать. Скажи мне, устузоу, далеко ли ты убежишь с этой «крошечной» фарги на другом конце поводка?

Ответа не требовалось, и Керрик молчал. Глядя на глупую морду существа, к которому присоединили поводок, Керрик не чувствовал ничего, кроме жгучей ненависти. Но, заметив, что Вейнте′ не сводит с него глаз, знаками изобразил подчинение и покорность. Она одобрительно кивнула.

— У этой фарги теперь будет новое имя, — сказала Вейнте′, и все умолкли. — С этого дня ее будут звать Инлену<, потому что могучее тело ее делает весь мир тюрьмой для устузоу. Ты запомнила, как тебя зовут?

— Инлену<, — отвечала фарги с большим удовольствием, понимая, что имя ей дала сама эйстаа и служить Инлену< теперь будет ей.

Покорность Керрика была настолько же лживой, насколько искренним было удовольствие остальных. Он медленно потянулся, потрогал пальцем ошейник, уже обдумывая, чем и как можно будет сломать его.

Глава 17

Es mo tarril drepastar, er em so man drija.

Если брат мой ранен — кровь течет у меня.

На багровом полотне заката вырисовывались черные силуэты деревьев, а над океаном уже высыпали первые звезды — тхармы сильнейших воинов. Четверо мужчин на берегу молча внимательно вглядывались в темную стену джунглей — они боялись зверей, что прятались среди стволов. Спины их упирались в прочный борт лодки, что придавало уверенности всем четверым. Эта лодка доставила их сюда и — все очень надеялись — унесет отсюда, из полного опасностей места.

Ортнар не мог более молчать и выразил общую мысль:

— Там, конечно, мургу; они неотступно следят за нами, выбирают время, чтобы напасть. Нам не следовало здесь останавливаться.

Он озабоченно закусил губу, воображение его наполняло тьму невидимыми опасностями — высокий и стройный охотник чувствовал себя неуверенно.

— Херилак велел нам ожидать здесь, — произнес Теллгес решительно.

Он не боялся того, чего не видят глаза, и предпочитал командовать, а не подчиняться. Сам он будет терпеливо дожидаться возвращения саммадара.

— Но его нет уже целый день. Может, он уже мертв, съеден мургу... — Страх владел мыслями Ортнара. — Не следовало забираться на юг так далеко. Мы проплывали мимо стад оленей, можно было поохотиться...

— Поохотимся на обратном пути, — ответил Серриак, заражаясь страхом Ортнара. — А пока заткнись.

— Почему? Потому что я говорю правду? Разве все мы должны умереть, если Херилак жаждет мести? Не надо было приплывать сюда.

— Тихо, — сказал Хенвер. — По берегу кто-то идет.

Они пригнулись, выставив вперед копья, и с облегчением опустили их, когда на фоне неба возникла фигура Херилака. Он поднимался на дюну.

— Тебя не было целый день, — с упреком произнес Ортнар, когда саммадар приблизился.

Херилак промолчал и остановился, устало опершись на копье.

— Принесите воды, — попросил он, — и выслушайте то, что должны узнать.

Он жадно пил, потом бросил на песок пустую тыкву и устало опустился рядом. Помолчав, он тихим голосом заговорил о вещах, уже известных:

— Люди Амагаста истреблены, кости их белеют на песке — вы видели их. Вот на моей груди нож Амагаста из небесного металла. Я нашел его среди костей. Я обнаружил останки людей на берегу и решил, что смерть пришла к ним с юга. Я избрал вас своими спутниками, чтобы отыскать эту смерть. Я взял именно вас, потому что вы все сильные охотники. Много дней мы плыли на юг, останавливаясь, лишь когда наши желудки требовали пищи. Мы пришли на юг, в страну мургу, и видели их во множестве. Но вчера мы увидели другое: следы, которые оставили не дикие мургу. Я пошел по этим следам и теперь расскажу, что увидел.

Что-то в голосе Херилака заставило притихнуть даже Ортнара.

Последние лучи заката озарили лицо Херилака, превратив его в жуткую маску. От гнева он так стиснул зубы, что слова стали почти неразборчивы.

— Я обнаружил убийц. Следы эти оставлены мургу, каких я еще не видел. Тут у них целое гнездо, они кишат в нем как муравьи. Только это не муравьи и не тану, хоть и ходят на ногах, как мы. Это не дикие звери, а какие-то неизвестные мургу. По воде они плавают в странных существах, похожих на лодки, а гнездо их ограждено терновой стеной. У них есть и оружие.

— Что ты сказал? — В голосе Ортнара слышался явный ужас: Херилак говорил об оживших ночных кошмарах. — Кто видел мургу, которые ходят подобно тану? У которых есть копья и луки, которыми они убивают так же, как мы? Надо уплывать скорее, немедленно, пока они не добрались до нас.

— Молчи! — мрачно бросил Херилак. — Ты охотник, а не женщина. Звери, на которых ты охотишься, увидят твой страх и станут смеяться, а все твои стрелы пролетят мимо цели.

Ортнар знал, что это правда, и сжал губы, показывая, что будет молчать. Будешь говорить об оленях — они услышат тебя, как бы далеко ни паслись, и убегут. Но что еще хуже — если охотник боится, об этом сразу же узнают все животные, и его копье ни-

когда не нанесет верного удара. Ортнар понимал, что все осуждают его, что говорил он слишком поспешно, не подумав. И он решил молчать.

— Эти мургу похожи на тану, но они не тану. Я следил за ними из укрытия целый день и видел, как они делают многие вещи, которых я не понимаю. Видел я и какое-то оружие, не копье и не лук. Это палка. Мараг наставил ее на оленя, раздался треск — и зверь упал мертвым. Я видел это, хотя не могу объяснить. Палка — это оружие, мургу с такими палками много. Они и уничтожили саммад Амагаста.

Последовавшее продолжительное молчание нарушил Теллгес. Он верил словам Херилака, но все-таки сомневался.

— Эти мургу с шумящими палками... Откуда ты знаешь, что именно они погубили саммад?

— Я знаю, — мрачно и решительно ответил Херилак. — Я уверен. На моих глазах они поймали бежавшего мальчика тану. Они знают о нас, а мы о них.

— Что нам делать, Херилак? — спросил Серриак.

— Вернемся в саммад, ведь нас только пятеро, а мургу даже нельзя сосчитать. Но мы вернемся сюда не с пустыми руками. Надо предупредить об опасности тану, чтобы все узнали об этих мургу!

— Но как это сделать? — Голос Ортнара дрогнул.

— Я подумаю об этом перед тем, как уснуть, а утром расскажу вам. А теперь — спать, завтра придется многое сделать.

Всей правды Херилак не сказал. Он уже решил, что надо делать, но хотел, чтобы люди выспались, а не размышляли всю ночь, страшась неизбежного. В особенности Ортнар. Он был одним из лучших охотников, только всегда слишком много думал о том, что может произойти. Иногда лучше не думать, а просто действовать.

На заре, когда все проснулись, Херилак приказал грузить в лодку пожитки и готовиться к отплытию.

— Вернемся, — начал он, — придется отплывать без задержки. Быть может, за нами будут гнаться. — Он улыбнулся, глядя на вытянувшиеся лица. — У мургу есть небольшой шанс. Но если мы поступим, как подобает охотникам, такого шанса у них не будет. Вот что мы должны сделать. Мы выследим небольшую группу, отбившуюся от остальных. Вчера я видел такие отряды. Все были чем-то заняты. Мы выследим их незаметно и перебьем из засады. Всех, не подни-

мая шума. Если ранен мой брат — кровь течет из моих ран. Если мой брат убит, я должен заплатить за его смерть! В путь!

Глядя на сумрачные безмолвные лица, Херилак понимал, что охотники взвешивают его слова. Он предлагал им опасный шаг. Но они идут на охоту — убивать мургу, тех мургу, что напали на саммад Амагаста и перебили всех: женщин, детей, мастодонтов. Эти мысли пробуждали гнев.

Херилак кивнул и взял оружие. Вооружившись, за ним последовали остальные.

Под деревьями было темно: плотная листва не пропускала солнца, но по утоптанной тропе идти было легко. Люди шли молча. Над их головами в густом зеленом шатре перепархивали и кричали яркие птицы. Не один раз пришлось останавливаться, взяв копья на изготовку, когда где-нибудь неподалеку раздавался звук тяжелых шагов.

Тропа петляла среди песчаных холмов, вокруг высились сосны, свежий утренний ветерок доносил аромат хвои, шелестел в ветвях.

Херилак резко вскинул руку, и охотники замерли. Подняв голову, он втянул носом воздух и прислушался. Послышался негромкий звук, похожий на слабый треск горевших сучьев или шуршание гальки в волнах. Охотники поползли вперед, туда, где деревья расступались перед травянистым лугом.

По всему лугу разбрелось гигантское стадо мургу. Четвероногие упитанные твари, раза в два выше любого мужчины, медленно поворачивая головы, пожирали траву и сосновые шишки. Один, с утиным клювом, встал на задние лапы и ухватил ветку небольшими, но когтистыми передними лапами, на задних когти были еще острее.

Херилак сделал знак обойти стадо. Но не успели они тронуться с места, как в джунглях раздался яростный визг, из леса появился огромный мараг и прыгнул прямо на одного из пасущихся. Толстую шкуру нападавшего покрывала чешуя, с острых белых зубов капала кровь. Крошечные передние лапки его дергались в воздухе, задними с огромными когтями он терзал добычу. Стадо кинулось бежать, вопя от страха. Поспешили скрыться и охотники, пока ужасный мараг их не заметил.

Тропа вышла из леса и теперь петляла среди кустов. Земля стала мягче, под ногами захлюпала вода. На открытых местах солнце безжалостно пекло спины. Вдали от лесной тени влажный

горячий воздух душил. Все покрылись потом и пыхтели. Херилак дал знак остановиться.

— Смотрите вперед, — произнес он так тихо, что люди едва расслышали его. — Открытая вода. Там я видел их. Идите молча и скрытно.

Охотники двигались словно тени. Ни одна травинка не шевельнулась, ни один листок не колыхнулся там, где они прошли. По одному они пробрались к озеру и спрятались в зарослях на берегу. Один из охотников тихо охнул, и Харилак бросил на него негодующий взгляд.

Хоть саммадар и предупреждал о том, что их ждет, на деле все выглядело гораздо страшнее. Насторожившись, охотники следили за двумя темными предметами, приближавшимися к ним по воде. Первый прошел совсем близко от притаившихся охотников.

Лодка... Нет, не лодка... Весел не было. Спереди она была украшена большой раковиной. Нет, раковина не украшение, она росла там, она часть этого живого существа, что служило лодкой. А на спине непонятной твари восседали мургу. Может быть, именно те, о которых рассказывал Херилак. Но слова совсем не то, что отвратительная реальность. Мургу стояли, как тану, или сидели на толстых хвостах. Одни держали какие-то странные предметы, другие — темные палки, должно быть, то самое оружие, о котором говорил Херилак. Затаив дыхание, охотники следили, как на расстоянии полета стрелы проплывали мимо них отвратительные создания. Одно из них не то лязгало, не то бормотало.

Темные предметы подплыли к противоположному берегу. Мургу стали выбираться на сушу.

— Видели? — спросил Херилак. — Я говорил. Они делали так и вчера, а потом возвратились. Теперь расходитесь, неслышно... Найдите на берегу место поукромнее, положите перед собой стрелы и ждите. Когда они будут возвращаться, я дам знак. Выбирайте цели и ждите. Луки натягивайте, но стрел не спускайте. Ждите. А когда я дам команду — стреляйте. Всех, чтобы ни один не спасся и не смог предупредить остальных. Понятно?

Он взглянул на мрачные сосредоточенные лица. Охотники кивнули в знак согласия, молча разошлись по местам и застыли в ожидании. Солнце поднималось все выше, жара становилась невыносимой, докучали насекомые. У людей пересохло в горле. Но ни один не шевельнулся. Они ждали.

Мургу делали что-то непонятное, издавая при этом громкие

звуки. Они то замирали, словно каменные фигуры, то вновь начинали двигаться. Так продолжалось невыносимо долго.

Но все закончилось так же внезапно, как и началось. Мургу сложили свои предметы в живые лодки и забрались сами. Те, у которых были палки-убийцы, залезли первыми. Лодки отчалили.

Дневная жара заставила птиц замолчать. Только вода плескалась о борта приближавшихся лодок. Они подходили все ближе и ближе. Бледные чешуйчатые пятна на шкурах казались теперь особенно отвратительными. Они плыли к берегу и, когда поравнялись с невидимыми охотниками...

— Давай!

Зазвенели тетивы, свистнули стрелы. Кто-то из мургу взвизгнул, кто-то хлюпнул, прежде чем умолкнуть навеки: стрелы пронзали их.

Наконечники впивались и в темные шкуры живых лодок. Те дергались, переворачивались, мургу падали в воду. С громким плеском Херилак нырнул и поплыл к месту побоища. Вскоре он вернулся, волоча за собой тело марага. Охотники помогли ему выбраться из воды.

Перевернув чудовище лицом вверх, они глядели в невидящие глаза, осторожно тыкали в труп луками.

— Отлично, — сказал Херилак, — все убиты. Теперь отправляемся, а это возьмем с собой. — Он взял одну из палок. — Тело тоже прихватим.

Охотники молча уставились на саммадара. Херилак мрачно улыбнулся.

— То, что видели мы, должны увидеть другие. Людей надо предупредить. Труп возьмем с собой. Будем грести день и ночь, если потребуется. Уберемся подальше отсюда, от всех этих мургу. А потом обдерем марага, пока не завонял.

— Хорошо, — сказал Теллгес. — Череп возьмем тоже. Шкуру выделаем.

— Правильно, — согласился Херилак. — Тогда сомнений не будет. Никаких. Каждый тану, увидев все это, узнает, когда потребуется, и живых мургу.

Глава 18

Модель эта была просто необходима для планирования города и совершенствования его. Для тех же целей можно было бы воспользоваться картой, какие применяли на урукето иилане'-

мореходы. Необходимость требовала, и карты изготовлялись просто из чистого прагматизма. Но в городе подобных ограничений не существовало, и потому была создана масштабная модель Алпеасака — для планирования... и еще для удовольствия.

Вейнте' медленно ходила вокруг нее, ощущая огромное удовлетворение. Когда из Инегбана прибыла Сокайн с опытными помощницами, модель значительно усовершенствовали. Они внесли изменения, о которых было известно до этого лишь изыскательницам. Крошечные деревца окружали кружок амбесида — центр города. Когда Вейнте' склонилась поближе, она увидела золотой серпик родильных пляжей в мельчайших подробностях — вплоть до стены из терновника.

За плечом эйстаа сопела Алакенси — постоянное напоминание о том, что Малсас< знает о каждом поступке и решении Вейнте'. Вечная докука, портившая любое удовольствие. За ней, как всегда, стоял Керрик. Он был возбужден и заинтересован еще более, чем Вейнте', хотя старался ничем не выдать этого. Модель он видел впервые, раньше он даже не подозревал о ее существовании. Следует изучить ее и попытаться запомнить все, что возможно. Когда ему удастся убежать, он будет знать самый безопасный путь. Позади в нескольких шагах двигалась Инлену<, придерживая подобранный петлей поводок, что связывал их обоих. Керрик уже настолько привык к ней, что не замечал ее присутствия. Он не мог от нее избавиться, как и от металлического ошейника. Когда он останавливался, останавливалась и она. Отвернувшись, она ничего не слушала, предаваясь обычным безмятежным раздумьям, пока рывок поводка не заставлял ее следовать дальше.

Модель занимала почти все помещение, и вечно любопытные фарги вынуждены были оставаться снаружи. Они теснились возле дверного проема, заглядывали и рассказывали друг другу, как удивительна модель, восхищались размером прозрачного потолка, пропускавшего в помещение только золотые лучи.

Вейнте' подошла к тому краю модели, где работали Сокайн с помощницами. Они не сразу заметили ее.

— Добро пожаловать, эйстаа, добро пожаловать, — стряхивая с колен мусор, произнесла Сокайн. Она поспешно встала, не выпуская из рук какое-то оранжевое существо.

— Не отрывайся ради меня от работы, — ответила Вейнте'.

— Она завершена, мы закончили перевод размеров.

— С помощью вот этого? — Вейнте′ показала на оранжевое животное. — Я таких еще не видела.

Сокайн передала Вейнте′ оранжевый предмет. У хитона были крошечный рот и закрытые глазки, трубка на голове и несколько впадин на боку.

— Объясни! — приказала Вейнте′, потому что эйстаа должна знать в городе все до малейших подробностей.

Сокайн указала туда, где к модели пристраивали кусок, на воткнутые в нее тонкие палочки.

— Эти палочки соответствуют шестам, которыми мы пользовались при изысканиях. В поле я помещаю эти измеряющие существа на отмеченное место на почве, гляжу сквозь эту трубку на удаленный от меня на известное расстояние шест и нажимаю на эти углубления, чтобы инструмент запомнил углы и расстояния. Потом я перевожу трубку на другой шест и делаю то же самое. И так много раз. Когда я работаю с моделью, животное-инструмент определяет уменьшенное в масштабе расстояние между шестами и правильные углы между ними. В результате создается модель!

— Великолепно! А что за изогнутые канавы процарапаны в почве?

— Русла ручьев, эйстаа. С этой стороны к городу примыкает большое болото. Мы определяем его границы.

Вейнте′ покачала головой.

— Нам нужно много полей. Можно ли осушить или засыпать эти болота?

— Едва ли, эйстаа. Но Акасест, улучшившая качество питания стад, обследовала и эти края, и теперь мы планируем сооружение перегородок. Есть много животных, предпочитающих болота, таких, как урукубы. Они будут процветать в подобных условиях.

— Весьма удовлетворительное решение, приспосабливающее среду к нашим нуждам. Вас обеих следует повысить.

— Счастливы служить Алпеасаку, — преданно ответила Сокайн, выражая жестами огромную радость.

Много позже Вейнте′ пришлось вспомнить этот разговор: больше ей не пришлось беседовать с изыскательницей...

Этот день, как и все остальные, был полон дел. Город рос, прибавлялось и работы, а вместе с этим увеличивалось и число решений, которые приходилось принимать.

Когда тени начали удлиняться, Вейнте′ ощутила усталость, отослала внимательных фарги и приказала Керрику принести

питьевой фрукт. Один как раз торчал на соконосе неподалеку. Мальчик дергал его, пока не отлипла присоска. Керрик поднес зеленую грушу Вейнте′, та раскрыла отверстие и глотнула прохладную сладковатую воду. За этим занятием ее и нашла Сталлан. Охотница выглядела такой огорченной, что Вейнте′ поняла — что-то случилось.

— Говори! — приказала Вейнте′.

— Отряд изыскательниц, Сокайн и другие, еще не вернулся, хотя уже поздно!

— Раньше они так не задерживались?

— Нет. С ними вооруженная стража, их каждый день привозили обратно в одно и то же время.

— И сегодня они впервые не вернулись вовремя?

— Да.

— Что можно сделать?

— До утра — ничего.

Вейнте′ поняла, что случилось несчастье, присутствующие тоже забеспокоились.

— На заре я хочу отправить на поиски очень большой вооруженный отряд. Я сама поведу его.

...Вейнте′ проснулась, едва небо слегка посветлело. Послала фарги за Керриком. Зевая и потягиваясь, еще не вполне проснувшись, он шел за эйстаа. Алакенси Вейнте′ не звала, но она явилась незваной. И, как всегда, горела рвением, желая видеть все, что может заинтересовать Малсас<.

Сталлан с вооруженными стражницами подготовили лодки. Керрику уже не впервые приходилось на них плавать, и каждый раз он не мог скрыть восхищения этими созданиями. Одну из них только что покормили: из ее пасти еще торчали лапы и хвост молодого аллигатора. Маленькие глазки существа, расположенные под раковиной, слегка выпучились, мокрая шкура натянулась — и аллигатор исчез из вида. Керрик забрался на борт следом за остальными. Рулевая прокричала команду в ухо лодке. Плоть под их ногами ритмично запульсировала, втягивая и извергая воду. С первыми лучами солнца небольшая флотилия вышла в водную протоку.

Сталлан в первой лодке показывала путь. Мимо медленно проплывали поля. Животные на берегу либо разбегались при появлении лодок, либо с кроткой глупостью наблюдали. За осушенными полями сохранились огороженные участки болота; огромные деревья, хорошо укоренившиеся в жидкой грязи, соединяли

изгородью. Ее выращивали прямо на месте — гибкие и прочные лианы. В этих загонах сидели крупные урукубы, больше вблизи не было никого. От движения огромных тварей разбегались волны, разбиваясь о решетчатые изгороди. Крошечные головки на длинных шеях казались еще меньше по сравнению с громоздкими телами. Животные обгладывали деревья вокруг, спускались в болото за сочной травой. Один из молодых урукубов, чуть побольше мастодонта, пронзительно завопил, когда лодки показались рядом, и отбежал подальше. Керрик еще никогда не был в этой части города, поэтому тщательно запоминал путь.

Когда миновали последнее поле, началось дикое болото. Сталлан ввела флотилию в узкий канал. С обеих его сторон росли деревья, корни их высоко поднимались над лодками, с ветвей свисал белый мох. Повсюду виднелись цветы. Тучами носились кусачие насекомые. Керрик без конца прихлопывал садившихся на него и уже начал жалеть о том, что его взяли в эту поездку. Впрочем, выбора все равно не было.

Лодки медленно вошли в другой канал, еще более узкий. Наконец Сталлан дала сигнал остановиться.

— Тут они и работали! — крикнула она.

Стало тихо.Высоко в ветвях кричала какая-то птица. Больше ничего не было слышно. Видно ничего тоже не было. Стражницы, стиснув оружие, оглядывались по сторонам. Ничего. Гробовое молчание нарушила Вейнте′:

— Их надо найти. Растянитесь цепочкой, осмотрите каналы. Не теряйте бдительности.

Зоркий Керрик первым заметил какое-то движение.

— Там! — крикнул он. — На той водной дороге что-то пошевелилось!

Мгновенно туда обратились все хесотсаны, но Сталлан приказала опустить оружие.

— Друг друга перестреляете. Или меня убьете. Я отправлюсь туда. Опустите хесотсаны.

Ее лодка медленно скользила вперед. Наступив на раковину ногой, Сталлан вглядывалась в густую тень под деревьями.

— Тут одна из наших лодок! — раздался ее голос. — Она пуста...

Когда лодка Сталлан ударилась о потерявшуюся лодку, та задрожала. Дрожь усилилась, когда Сталлан перепрыгнула с борта на борт. Пришлось и покричать, и поколотить, как следует, прежде чем беглянка отошла от берега. Возвращаясь на ней к спутницам,

Сталлан безмолвствовала, но указующий жест ее был чрезвычайно красноречив.

Из толстой шкуры лодки что-то торчало. Сталлан нагнулась и потянула предмет, лодка содрогнулась от боли. Сердце Керрика отчаянно забилось, когда Сталлан показала всем находку.

— Стрела устузоу...

Сталлан ополоснула стрелу в речной воде, потом передала ее Вейнте′. Та покрутила ее в руках; отвратительный смысл, заключенный в этом предмете, заставил ее содрогнуться от гнева и брезгливости. Она поглядела на Керрика, и мальчик отшатнулся, словно от удара.

— Узнаешь, не так ли? И я узнаю. Дело рук устузоу — на конце стрелы камень. Оказывается, вокруг нас все еще бродят мерзкие устузоу! Мы убили не всех. Теперь мы исправим ошибку: погибнут все до единого. Найти их и уничтожить! Земля Гендаси велика, но вам, устузоу, в ней не спрятаться. Иилане′ или устузоу! Конечно же, победят иилане′!

Раздалось громкое одобрительное шипение. Керрик с опаской подумал: как бы не начали убивать немедленно, прямо с него. Вейнте′ хотела было выбросить стрелу, но опустила руку и задумалась. А потом с интересом поглядела на Керрика.

В гибели Сокайн и остальных должен быть смысл, подумала она. Потом она долго молчала, не шевелясь и не замечая ни Алакенси, ни прочих, словно вглядываясь в нечто видимое только ей одной. Все терпеливо ждали. Наконец она заговорила:

— Ищи, Сталлан, пока не убедишься, что никто из них не заблудился. Возвращайся до темноты. Я немедленно отправлюсь в город. Я обязана там быть.

Всю обратную дорогу до Алпеасака она молчала. План был готов... Если бы она пошевелилась, то неминуемо выдала бы свои мысли. Только когда все оказались на пристани и уже поднимались на берег, она позволила себе пошевелиться. Вейнте′ взглянула на широкую спину Алакенси и задумалась.

План и в самом деле был готов.

Глава 19

Отряд изыскательниц исчез бесследно. О трагической его судьбе свидетельствовала стрела. Вейнте′ отправилась в свою комнату и там присоединила ее к прочим произведениям рук ус-

тузоу, хранящимся в сундуках, выращенных возле стены. А потом села на свой трон и послала за Ваналпе′ и Сталлан. Вместе с ними явилась вездесущая Алакенси. Потом заглянул и Керрик, но тут же скрылся, повинуясь жесту. Сейчас у нее не было сил терпеть присутствие устузоу. Потом все трое долго совещались со Сталлан, советовались о том, что следует предпринять, чтобы подобное не повторилось. Нужно было расставить новые ловушки, увеличить число стражниц и впредь не высылать изыскательные отряды. Потом Вейнте′ отпустила всех и велела войти одной из фарги, которую недавно произвела в помощницы: она разговаривала лучше всех.

— Скоро прибудет урукето. Я хочу, чтобы ты отправилась на нем обратно. Я хочу, чтобы ты вернулась в Инегбан и отыскала там Малсас<. Ты сообщишь ей то, что я сейчас тебе скажу. Ты произнесешь все именно так, как я. Ты поняла?

— Понимаю, эйстаа. Я выполню твой приказ.

— Вот это сообщение: «Приветствую тебя, Малсас<, я принесла тебе весть от Вейнте′ из Алпеасака. Печальную весть, исполненную гнева и великой заботы. Несколько иилане′ погибли. Убита Сокайн. Ее и других убили устузоу той же разновидности, что устроили побоище на родильном пляже. Мы не видели их, но уверены в этом. Мы нашли оружие из дерева и камня, которое они используют. Этих устузоу следует разыскать и уничтожить. Всех. Когда урукето вернется в Алпеасак, прошу тебя послать в нем много фарги, которые умеют стрелять, с хесотсанами и запасами игл. Я чувствую требование необходимости. Жизнь Алпеасака — в смерти устузоу».

Вейнте′ умолкла, угнетенная мрачной правдой собственных слов, а фарги в страхе покачивалась, услышав ужасное сообщение. Но у Вейнте′ было достаточно сил, чтобы справиться с печалью, и она одолела уныние. Потом велела фарги повторять сообщение, пока та не запомнила все слово в слово.

На следующее утро после отбытия урукето Вейнте′ отправилась в свои покои и послала за Керриком. С тех пор, как он в последний раз предстал перед нею, прошло много времени, и теперь мальчик приближался к эйстаа не без страха. Но он беспокоился напрасно. Вейнте′ даже обрадовалась его появлению — это было видно с первого взгляда.

— Инлену<! — позвала она, и рослая фарги послушно вышла вперед. — Ты будешь стоять в проходе, загораживать его своим телом и, кто бы ни подошел — не пропускай. Ты поняла?

— Они уходят.

— Так! Только скажи это громче.

— Уходите, приказывает Вейнте′!

— Теперь правильно. Выполняй.

Инлену< была хорошей стражницей — едва она встала в дверях, как по коридору зашлепали ноги. Вейнте′ обернулась к Керрику и заговорила, как подобает эйстаа, отдающей приказы:

— А теперь ты расскажешь мне все об устузоу, о своих устузоу. Говори!

— Я не понимаю смысла твоих слов, эйстаа.

Заметив его страх и смятение, Вейнте′ поняла, что вопрос слишком общий. Следует спрашивать поконкретнее.

— Как называется город устузоу?

— У устузоу нет городов. Этот город первый, который я увидел. Устузоу живут в... — Он тщетно подбирал нужное слово: в последний раз на марбаке он говорил так давно, что слова не шли на язык. Пришлось обратиться к описанию. — В непрочных сооружениях из шкур, развешанных на шестах. Их разбирают, а шесты перевозят большие мохнатые звери.

— Почему их разбирают? Зачем перевозят?

Керрик пожал плечами и мучительно заерзал, стараясь припомнить.

— Просто так делается. Охотишься на одном месте, рыбачишь в другом. Так это делается.

Дальнейшие расспросы позволили кое-что выяснить. Устузоу жили группами, вроде той, которую иилане′ перебили. Существовали и другие группы, сколько их — неизвестно. Давние детские воспоминания оказались весьма смутными. Наконец Вейнте′ решила, что вопросов хватит, и движением руки остановила разговор. Теперь начиналась самая важная часть. Страхом и поощрением она заставит устузоу исполнить необходимое.

Тон ее переменился, она говорила как эйстаа, властвующая над городом и жительницами.

— Ты знаешь, что я могу в любой миг убить тебя или приказать сделать это?

— Я знаю... — Мальчик задрожал, встревоженный резким изменением тона.

— Но я могу и возвысить тебя, и тогда ты не будешь вечно оставаться устузоу, нижайшим из низких. Тебе это понравится, не так ли? Будешь сидеть возле меня и приказывать, а другие будут работать за тебя. Я могу сделать это. Но и ты сделай кое-что для

меня. Только ты можешь сделать это. И ты сделаешь для меня то, что можешь сделать только ты.

— Я выполню твое распоряжение, эйстаа, но я не понимаю, о чем ты говоришь. Я не понимаю твоих слов.

— Ты умеешь думать одно, а делать другое. Так ты поступил со Сталлан: сказал ей, что задыхаешься, а сам не задыхался.

— Не понимаю, что ты имеешь в виду, — ответил Керрик с растерянным видом, жестами признавая свою глупость и несообразительность.

Вейнте′ подошла к мальчику.

— Великолепно! Ты и сейчас это делаешь. Говоришь о том, что было, так, словно ничего не было. Признавайся, иначе я немедленно убью тебя.

Резкое изменение настроения Вейнте′ ужаснуло Керрика. Острые зубы иилане′ блестели прямо возле его лица.

— Да, я так делал, признаюсь. Чтобы убежать.

— Очень хорошо. — Она шагнула назад, опасность миновала. — Делать это умеешь только ты и никто из иилане′. Мы назовем это ложью. Я знаю, что ты уже лгал мне и, без сомнения, будешь лгать и в будущем. Предотвратить это я не могу, но Инлену< будет следить, чтобы новая ложь не позволила тебе убежать. Теперь, когда известно, что ты умеешь лгать, мы найдем должное употребление и для лжи. Ты будешь лгать в моих интересах. Ты сделаешь это для меня.

— Я сделаю, как прикажет мне эйстаа, — торопливо согласился Керрик, еще не совсем понимая, о чем речь.

— Правильно. Ты поступишь, как я прикажу. И не посмеешь уклониться от выполнения приказа. Иначе ты умрешь. Вот ложь, которую ты должен произнести. И ты должен говорить с волнением. Ты скажешь: «Смотрите, среди деревьев устузоу, я его видел!» Таковы будут твои слова. Теперь повтори.

— Там, среди деревьев, я видел устузоу!

— Достаточно неплохо. И не забудь этих слов. Но ты произнесешь их лишь тогда, когда я тебе прикажу. Я сделаю вот такое движение.

Керрик согласился. Выполнить приказ было несложно, хотя он и не понимал, зачем это нужно, но опасность ему грозила большая, а потому, возвращаясь в город, он старательно зубрил фразу и жесты.

...В последний раз Керрик видел Энге много дней назад. Он редко вспоминал о ней, увлеченный своей необычной свободой.

Сперва он боялся выходить из камеры, даже радовался присутствию глупой Инлену<: в какой-то мере она обеспечивала его безопасность. Он очень быстро понял, как много ступеней содержит социальная структура общества иилане′. Скоро он догадался, что его место — наверху, раз все видят его рядом с эйстаа... он сидит возле нее. Для не имевших имени фарги это означало, что он высоко стоит над ними, и свое безыскусное уважение они выражали манерой обращения к нему.

Разгуливая по зеленым коридорам, он понял, как быстро втягивались в жизнь города фарги поумней, способные овладеть языком. Они готовили пищу, разделывали мясо, становились стражницами, начальницами рабочих отрядов, агрономами и так далее. О многих работах он даже не имел представления. С этими иилане′ он разговаривал нейтрально, обращался с ними или как с равными, или так, словно они были только чуть ниже его. Против такого обращения не возражали.

Уважительно он разговаривал только с правительницами. В отличие от рода занятий положение их всегда было очевидным, ведь их всегда окружала стая помощниц и подручных, за которыми, в свою очередь, следовали усердные фарги, готовые услужить, чтобы отыскать себе место в иерархии города.

Вокруг было столько всего, но Керрику не хватало ежедневных визитов Энге. В этой муравьиной куче все были чем-то заняты, и он так часто хотел, чтобы она объяснила ему наиболее загадочные стороны жизни Алпеасака. Несколько раз он спрашивал о ней, но резкие ответы заставили его более не затрагивать эту тему. Впрочем, такая реакция только разожгла его интерес. Наедине Энге разговаривала с Вейнте′ как равная. Почему же тогда нельзя упоминать ее имя? Он гадал, отвергал собственные догадки, наконец спросил у Вейнте′. Эйстаа весьма определенно дала понять, что тему для разговора впредь будет определять только она сама.

...Керрик увидел Энге случайно. Он еще не успел отойти от амбесида — Вейнте′ только что отпустила его, — когда фарги заволновались. Они о чем-то переспрашивали друг друга, а потом заторопились в одну и ту же сторону. Из любопытства он последовал за ними и увидел четверых иилане′, несущих пятую. В толпе он не мог подобраться поближе, но не стал просить расступиться, чтобы не привлекать к себе внимания. Он уже собирался уйти, когда все четыре иилане′ возвратились. Теперь они не торопились и тяжело дышали. Кожа их была заляпана грязью, на

ногах запеклась красная глина. Тут Керрик заметил среди них Энге. Он окликнул ее, и она обернулась. Выражая внимание, она молчала.

— Где ты была? — спросил он. — Я давно тебя не видел.

— Теперь мое знание языка больше тебе не нужно, наши уроки закончились. Я работаю теперь на новых полях.

— Ты? — В голосе мальчика слышалось изумление, разочарование и полное непонимание.

— Я... — Спутницы Энге тоже остановились, и она жестом велела им идти дальше. — Я должна возвратиться на работу.

Она повернулась и пошла, Керрик торопливо семенил рядом. Он очень хотел разгадать ее тайну, но не знал, с чего начать.

— Вы только что унесли одну из своих. Что случилось?

— Укусила змея. Их много там, где мы работаем.

— Но почему ты среди них? — На ходу их не могли подслушать, топавшую следом Инлену< можно было не брать в расчет. — Ты говоришь с эйстаа как равная, а выполняешь работы, подобающие только нижайшим из фарги. Почему?

— Это нелегко объяснить. Эйстаа запретила мне рассказывать об этом иилане′.

Сказав эти слова, Энге уловила их двусмысленность. Керрик не был иилане′. Она показала на Инлену<:

— Прикажи ей идти вперед.

Потом Энге повернулась к Керрику и заговорила с такой страстностью, которой он не предполагал в ней:

— Я попала в эти края, и они вместе со мной, потому что мы верим, а наши правительницы против нашей веры. Нам приказывали забыть про веру, но мы не можем. Когда обретешь истину, от нее нельзя отказаться.

— О какой истине ты говоришь? — спросил озадаченный Керрик.

— Это пламенная, тревожная правда. Ведь и весь мир, и все в нем суть большее, чем кажется с виду. Ты об этом никогда не думал?

— Нет, — с абсолютной искренностью ответил он.

— А надо бы. Но ты еще юн, и ты не иилане′. Ты был для меня загадкой, уже когда начинал говорить, и твое существование до сих пор озадачивает меня. Ты не иилане′, но ты и не зверь устузоу. И я не знаю, кто ты и какое место занимаешь в огромном миропорядке.

Керрик уже начинал жалеть, что встретился с Энге. В ее словах для него было немного смысла. И теперь, когда она начала этот разговор, не для него — ради себя, остановить ее было невозможно.

— Наша вера — истинная вера, ведь в ней есть сила, превосходящая понимание неверующего. Первой поняла это Угуненапса. Она всю жизнь преобразовывала свой разум, приноравливалась, чтобы понять. Трудно принести в мир новое, о существовании которого никто и не подозревал. Она рассказывала о своей вере другим — над ней просто смеялись. Эйстаа ее города узнала о ее странных повадках, и Угуненапсе пришлось предстать перед нею. Эйстаа велела ей говорить. И она говорила. О сути, что кроется в нас, которая позволяет нам говорить и отличает от бездумных животных. У животных нет этой сути, поэтому они не могут говорить. Речь — просто голос того, что живет внутри. И эта вещь внутри — жизнь и одновременно — память о смерти. Животные не знают ни жизни, ни смерти. Они есть, а потом их нет. А иилане′ знают и жизнь, и смерть... и ты теперь тоже. Такова великая загадка, которая мне пока не по силам. Кто ты? Что ты есть? Какое место тебе предназначено?

Энге обернулась к Керрику, заглянула в его глаза, словно пытаясь отыскать в них ответ. Но ему нечего было сказать, и она поняла это.

— Когда-нибудь ты поймешь это, — проговорила она, — а пока ты еще слишком молод. Но я очень сомневаюсь, чтобы ты смог понять чудесное видение, дарованное Угуненапсе, явленную ей истину, которую она открыла остальным и доказала своей судьбой. Она прогневала эйстаа, приказавшую забыть ложные предрассудки и жить, как иилане′ жили от яйца времен. Угуненапса отказалась и тем поставила свою веру выше города, выше велений своей эйстаа. Увидев неповиновение, эйстаа лишила ее имени и прогнала из города. Знаешь ли ты, что это такое? Нет, не знаешь. Ни одна иилане′ не может жить вне города, без имени, данного ей. Оставить город — значит умереть. От яйца времен отлученная от города иилане′ умирает. Потрясение так велико, что иилане′ теряет сознание, падает и умирает. Так было всегда.

Энге находилась теперь в странном приподнятом настроении, смешанном с восхищением. Остановившись, она взяла Керрика за обе руки и поглядела ему в глаза, стараясь выразить свои чувства.

— Но Угуненапса не умерла. И меня тоже отлучили от Инегбана, приказали умереть, но я осталась жива. И все мы живы, по-

тому-то мы здесь. Они зовут нас Дочерьми Смерти, потому что считают, что мы продались ей. Но это не так. Сами мы зовем себя Дочерьми Жизни — и это верно. Ведь мы живем, когда другие умирают.

Высвободившись из ее прохладной и мягкой хватки, Керрик, отвернувшись, солгал:

— Я ушел слишком далеко. Мне запрещено забредать в поля. — Потянув за поводок, стараясь не смотреть в тревожные глаза Энге, он произнес: — Инлену<, возвращаемся.

Энге молча глядела ему вслед, потом повернулась и пошла прочь. Обернувшись, Керрик следил, как она неторопливо ступает по пыльной дорожке, так и не поняв ничего. Он озадаченно покрутил головой. Потом заметил поблизости апельсиновое деревце и потянул к нему Инлену<. Горло его пересохло, солнце палило, из каждых десяти слов Энге он понял не более одного. Он не понимал, что эта вера впервые за миллионы лет нарушила однородность общества иилане′. Быть иилане′ значило жить, как положено иилане′, остальное было немыслимо. До сих пор.

Вооруженные стражницы, повсюду теперь стоявшие в городе, с любопытством следили, как Керрик обрывал с дерева спелые апельсины. Стражницы обеспечивали безопасность днем, ночью же входы перекрывали крепкие и прочные живые силки. Но стражницы целыми днями не видели никого, а в силки попадались только звери. Убийцы устузоу больше не возвращались...

За все то время, что урукето плыл через океан в Инегбан и возвращался обратно, нападений на город не произошло. Когда урукето прибыл, Вейнте′ со свитой уже ждала его на берегу. Первой на берег ступила Эрефнаис, капитан. Она почтительно замерла перед Вейнте′, склонясь перед ней по обычаю.

— Я привезла тебе, эйстаа, личное послание Малсас<. Она озабочена свирепостью устузоу, и я должна наедине передать тебе ее слова. Она велела мне громко призвать всех к бдительности и копить силы для уничтожения устузоу. Для этого она прислала своих лучших охотниц с хесотсанами и иглами. Они горят желанием уничтожить эту угрозу.

— Все мы хотим одного, — ответила Вейнте′. — Иди рядом: я хочу слышать все новости Инегбана.

Новости были, и, уединившись с Вейнте′ в ее покоях в присутствии одной только Алакенси, Эрефнаис рассказала:

— Зима была лютой. Некоторые животные погибли, но погода оказалась лучше, чем в прошлые годы. Вот дневная сторона

того, что я должна сообщить. Теперь ночная — среди урукето случился мор. Погибло более половины. Они вырастали слишком быстро, слишком слабыми. Теперь мы выращиваем других урукето. Но ни этим летом, ни следующим жительницы Инегбана не смогут еще перебраться в Алпеасак.

— Трудные слова ты говоришь, — произнесла Вейнте′. Алакенси жестами выразила сожаление. — Тем более необходимо истребить устузоу. И ты должна возвратиться туда с известием о нашем росте, чтобы горечь речей исчезла с твоего языка. Тебе нужно взглянуть на модель. Алакенси, скорее прикажи фарги прислать сюда Сталлан.

Алакенси вовсе не радовало, что ею распоряжаются словно фарги, но, скрыв негодование, она отвернулась, чтобы передать приказ.

Когда они подошли к модели, Сталлан была уже там.

После смерти Сокайн Алпеасак не вырос, но ощетинился надежными укреплениями. Сталлан показала на новые терновые изгороди и посты, где теперь днем и ночью дежурили вооруженные иилане′.

— Какой толк от стражницы ночью? — обычным своим возмущенным тоном проговорила Алакенси.

— Очень небольшой, — вежливо и четко ответила Сталлан. — Но там безопасно, на постах есть нагреватели и плащи, и ночью стражницы отдыхают. Теперь им не надо каждый день проделывать дальний путь в город и обратно. С зарей они выходят на стражу и караулят до заката.

— Трудовые ресурсы, мне кажется, следует использовать разумнее, — недовольным тоном ответила недоверчивая Алакенси.

Вейнте′ решила занять нейтральную позицию, это было непривычно — она всегда делала вид, что не слышит речей Алакенси.

— Быть может, Алакенси права. Нужно только чувствовать уверенность. Посмотрим сами, посмотри и ты, Алакенси, чтобы доложить Малсас< о принятых мерах.

Гуськом они шли по городу: Сталлан и Вейнте′ впереди, остальные в соответствии с рангом следовали за ними. Неразлучный с Инлену< Керрик шагал за капитаном урукето. Следом шли помощницы и фарги. Моросил дождь, Вейнте′ и кое-кто еще кутались в плащи. Керрик не стал надевать плащ, он наслаждался легким прикосновением капель.

Он внимательно запоминал дорогу через поля и живые калитки. Настанет день, когда он пройдет этим путем. Один. Он

еще не знал, как все это произойдет, но был уверен в том, что это будет.

На краю последнего поля, возле леса, росли деревья. Со всех сторон роща была окружена терновником и лианами, свободным оставался только вход в укрепление. Сталлан показала на помост наверху, на иилане′ с хесотсанами.

— Когда они здесь, никто не проберется, — сказала она.

— Удовлетворительно, — произнесла Вейнте′, обернувшись к Алакенси. Та нехотя кивнула.

Вейнте′ направилась было дальше, но Сталлан остановила ее:

— Здесь повсюду бродят всякие звери. Пусть впереди пойдут стражницы.

— Согласна. Но я эйстаа в Алпеасаке и хожу, куда мне угодно. Вместе со своими советницами. Пусть остальные останутся здесь.

Однако дальше они отправились, лишь когда вперед выступила цепочка внимательных стражниц с хесотсанами наготове. На дальней стороне рощи Сталлан показала ловушки и живые стены.

— Ты сделала хорошо, — одобрила Вейнте′. Алакенси начала было возражать, но Вейнте′, не обращая внимания, обратилась к Эрефнаис: — Извести об этом Малсас<, когда вернешься. Алпеасак вне опасности, его охраняют.

Она повернулась и незаметно сделала условный знак Керрику. Он понял.

— Там!.. — крикнул он громко. — Там, на деревьях, я вижу устузоу!

Слова его звучали настолько убедительно, что все повернулись. И пока все смотрели в сторону деревьев, Вейнте′ сбросила на землю плащ, под которым была спрятана деревянная стрела с каменным наконечником.

Крепко сжав ее обеими руками, чуть повернувшись, она воткнула ее в грудь Алакенси.

Это видел один только Керрик, не глядевший в сторону леса. Алакенси схватилась за стрелу пальцами, глаза ее широко открылись от ужаса. Она хотела что-то сказать — и осела на землю.

Тогда Керрик понял, зачем Вейнте′ нужна была его ложь. И мгновенно крикнул:

— Стрела устузоу! Прилетела из леса! Сразила Алакенси!

Возбужденная Вейнте′ шагнула в сторону, тело ее напряглось, выдавая тревогу.

— Стрела из деревьев! — завопила Инлену<. Глупое создание всегда повторяло все, что слышало.

«Стрела! Устузоу! Алакенси!» — закричали все наперебой. Дело было сделано. Тело Алакенси поспешно унесли. Сталлан и Эрефнаис проводили Вейнте′ в безопасное место.

С места происшествия Керрик ушел последним. Он еще раз поглядел на стену джунглей, близкую, но бесконечно далекую, потом подобрал поводок, тянувшийся от ошейника, и послушная Инлену< пошла за ним.

Глава 20

О смерти верной своей Алакенси Вейнте′ горевала у себя в покоях. Так объявил появившийся оттуда Керрик беспокойно ожидавшим иилане′. Она не желала никого видеть. Уходя, все печалились. Лжец мальчишка был великолепен. Вейнте′, подглядывавшая и подслушивавшая через небольшое окошко в листве, дивилась этому дару, прекрасно понимая, как необходимо ей такое оружие. Ей пришлось прятаться, поскольку каждое движение ее выдавало торжество и радость. Никто не видел ее — она больше нигде не появлялась до отплытия урукето. К этому времени можно было уже не оплакивать погибшую, это не было в обычае иилане′. Кем была Алакенси, чем была Алакенси?.. Теперь ее не стало. Мертвое тело ей не принадлежало, с ним управились нижайшие из фарги, в чьи обязанности это входило. Вейнте′ торжествовала. Живые будут жить, их жизни не только продолжатся — процветут... Скоро все об этом узнают.

Вейнте′ приказывала, правительницы слушали, Керрик стоял в сторонке и наблюдал. В воздухе что-то носилось, это чувствовалось по позе Вейнте′. Появлявшихся она приветствовала по именам, чего раньше не делала.

— Ваналпе′, вырастившая этот город из семени, ты здесь. Сталлан, хранящая нас от бед этого мира, ты здесь. Зхекак, знания которой служат нам, ты здесь. Акасест, дающая нам пищу, ты здесь.

И она говорила, говорила, пока все не собрались. Группа небольшая, но влиятельная — правительницы Алпеасака. В неподвижном молчании выслушали они обращенные ко всем слова Вейнте′:

— Некоторые из вас прибыли сюда с первым урукето, когда

города еще не было, другие позже, как я. Но теперь все мы трудимся, чтобы Алпеасак рос и процветал. Все помнят о трагедии, случившейся в день моего прибытия в город, — об убийстве самцов и молодняка. Мы отомстили: совершившие преступление устузоу мертвы — подобное не повторится. Наши родильные пляжи теперь в безопасности, их охраняют, но там тепло и... пусто.

Когда она произнесла эти слова, вокруг словно пробежал ветерок — собравшиеся зашевелились. Только Керрик застыл, внимательно слушая и со страхом ожидая следующих слов Вейнте'.

— Да, вы правы, пришло время. Золотые пляжи должны принять жирных и ленивых самцов. Время. Начнем.

За все время своего пребывания в Алпеасаке Керрик еще не видел подобного возбуждения. Иилане' громко разговаривали и смеялись на ходу, непривычно спешили. Озадаченный, он следовал за ними по городу до входа в ханане — огражденное место, где жили самцы. Стражница Икеменд отступила в сторону, энергично приглашая всех жестами и пропуская входивших. Керрик направился было следом, но потянувшийся поводок остановил его. Инлену< стояла молчаливая и неподвижная как скала, и он напрасно тянул поводок. За его спиной хлопнула запираемая дверь.

— Что там случилось? Говори, я приказываю! — сказал он раздраженно.

Инлену< обернулась, обратив к нему пустые глаза.

— Не мы, — проговорила она. И повторила: — Не мы.

Больше он ничего не сумел из нее выжать. Некоторое время он еще думал о странном событии, а потом забыл — разве можно упомнить все тайны этого города?

Он потихоньку изучал Алпеасак, все было ему интересно. Поскольку каждая иилане' знала, что он сидит возле эйстаа, ему никто не препятствовал. Покинуть город он не пытался, этому помешали бы стражницы и Инлену<, но, где только было возможно, он побывал. Это было естественно, так вели себя все дети его саммада. Но теперь о прежней жизни он вспоминал все реже и реже, ведь ничто не напоминало ему о ней. Он уже давно приспособился к спокойному течению дней иилане'.

Все дни начинались одинаково. Город начинал пробуждаться с первыми лучами солнца. Как и все прочие, Керрик по утрам умывался, но, в отличие от остальных, он с утра чувствовал жажду и голод. Иилане' же ели только один раз в день — иногда даже пропускали несколько дней — тогда же и пили вволю.

С Керриком все обстояло иначе. Сначала он выпивал водя-

ной фрукт, быть может, невольно вспоминая те краткие дни, что провел среди охотников. А потом съедал припасенные с вечера фрукты. Если находились важные дела, он поручал раздобыть фрукты фарги, но, если было возможно, предпочитал заниматься этим сам. Фарги, как их ни учи, всегда приносили раздавленные или подгнившие плоды. Они думали, эти круглые шары — корм для зверей, которым все равно что есть. Когда он принимался за еду, рядом вечно оказывались фарги. Они всегда собирались около него, тупо глядели и переговаривались, пытаясь понять, чем он занят. Самые отважные надкусывали апельсин, а потом выплевывали, что всегда развлекало собравшихся. Керрик поначалу пытался отсылать фарги: присутствие их раздражало его — но они непременно возвращались. Потом он привык к их докучливому вниманию и едва замечал его, как подобает иилане', и отсылал фарги только тогда, когда разговор заходил о чем-нибудь важном.

Понемногу он стал замечать в явном хаосе, царившем в Алпеасаке, строгий контроль и порядок. Если бы он был склонен к обобщениям, то удачнее всего было бы сравнить сновавших по городу иилане' с кишащими муравьями в подземных ходах. Как будто бездумная суета... но на самом деле четкое разделение труда: работники собирали пропитание, няньки нянчили молодняк, когтистые стражи охраняли «муравейник», и сердце всего — царица, хранившая весь этот ручей жизни, обеспечивающий существование «муравьиного городка». Сравнение пусть и не совсем точное... но ведь Керрик был только мальчишкой, которому приходилось приспосабливаться к невероятным условиям жизни, поэтому ему было не до сравнений, и он, не замечая, давил муравьев босыми ступнями.

Часто с утра он выходил вместе с фарги, которых гуртовщицы посылали за фруктами в рощи, окружавшие город. До полуденной жары занятие было приятным, его растущее тело требовало нагрузки. Он ходил быстро или бегал — следом тяжело топала Инлену<. Ему приходилось часто останавливаться, когда она перегревалась и отказывалась следовать дальше. Обливаясь потом, он чувствовал свое превосходство: он даже не начал уставать, а самая сильная из иилане' уже выдохлась.

Город окружали рощи и зеленые поля, они чередовались в бесконечном разнообразии. Ассистентки Ваналпе' и их помощницы неустанно выводили новые растения и деревья. Одни из новых фруктов и овощей были восхитительны, другие отврати-

тельно пахли и на вид были не менее скверными. Керрик перепробовал все: иилане′ не выращивали ядовитых растений.

Все это растительное изобилие служило кормом большому числу животных. Керрик не представлял себе причин консерватизма иилане′, их миллионолетней культуры, обращавшейся к нововведениям в последнюю очередь — если они не угрожали стабильности и непрерывности существования. Будущее должно было быть во всем подобным прошлому, стабильным и неизменным. Осторожные манипуляции с генами являли миру новые виды, но ни один из существовавших не был уничтожен. В лесах и джунглях Гендаси попадались удивительные, не известные никому животные, восхищавшие Ваналпе′ и ее помощниц. Большая часть их была знакома Керрику и не интересовала его. Сам же он любил наблюдать за огромными безмозглыми холоднокровными существами, которых привык звать мургу — марбакское слово, он уже почти забыл его вместе со всеми остальными.

Как Алпеасак был отростком Инегбана, так и жизнь старого света процветала в новом мире. Часами Керрик мог наблюдать за трехрогими ненитесками, бездумно щипавшими траву и утолявшими беспрестанный голод. Бронированные шкуры и толстые костные воротники когда-то защищали этих животных от хищников... Последние вымерли миллионы лет назад, быть может, их еще в небольшом числе содержали в самых древних городах Энтобана. Но наследственная память об опасности до сих пор была впечатана в крохотные мозги гигантов, иногда они принимались кружить, цепляя землю рогами, если им чудилась какая-то опасность. Но такое случалось редко, в основном они стригли подлесок, поглощая ежедневно огромное количество веток и листьев.

Керрик медленно и осторожно подбирался к огромным тварям поближе, тогда они не видели в нем опасности. Шкуры их были изборождены глубокими морщинами, по ним сновали небольшие пестрые ящерки, выедавшие паразитов из складок кожи. Однажды, несмотря на беспокойство Инлену<, то и дело тревожно дергавшей за поводок, он осмелился подобраться поближе и потрогать прохладную грубую шкуру. Результат был неожиданным — он вдруг вспомнил, как другой огромный серый зверь, мастодонт Кару, задрав хобот, посыпал себя песком, кося ясным глазом на Керрика. Видение тут же исчезло — перед мальчиком вновь возникла серая стена — шкура ненитеска. Он вдруг возненавидел это существо, бесчувственное как камень, глупое и неповоротливое. Повернувшись спиной, он уже решил уходить, но ненитеск по какой-то причине разгневался на соседа, и, тяжело топая, гиганты столкнулись, ударяя рогами о костяную броню. Керрик с удовольствием смотрел, как колоссы топтали деревца и вырывали из земли комья, медленно успокаиваясь.

Керрик не любил бывать на бойне, где каждый день убивали и разделывали зверей. Убивали их быстро и безболезненно. Стражница у входа расстреливала приведенных животных. Упавших оттаскивали во двор громадные звери, очень сильные и глупые, безразличные к тому, что им приходилось ходить по крови, которая лилась рекой. Еще теплые туши свежевали и резали на куски, потом бросали в баки с энзимами. Успев привыкнуть к полупереваренному мясному желе, Керрик все-таки хотел бы вовсе забыть о процессе его приготовления.

Лаборатории, где трудились Ваналпе′ и Зхекак, не были интересны мальчику, там ему было скучно, и Керрик редко приходил туда. Он предпочитал долго разглядывать постоянно совершенствующуюся модель города... или разговаривать с самцами. Их он обнаружил, когда его прогнали от родильных пляжей. Туда пускали только стражниц и прислугу. Судя по тому, что можно было разглядеть сквозь терновую изгородь, на пляжах было невероятно скучно. Жирные самцы вечно валялись под солнцем.

Но в ханане самцы вели себя иначе. К этому времени Керрик успел уже забыть глубочайшее удивление, когда он впервые узнал, что все иилане′, даже ужасная Сталлан, были самками. Теперь он воспринимал все как факт, давно позабыв о роли мужчин и женщин среди тану. Его просто заинтересовала часть города, в которой он еще не бывал.

Когда его несколько раз прогнали от ханане, он пожаловался Вейнте′. Она развеселилась, и он не мог понять почему. Потом она решила, что как самца его туда можно пустить. Но раз Инлену< туда хода не было, то для него тоже. Керрик долго искал выход и наконец нашел его. Он входил в дверь и закрывал ее за собой. Инлену< оставалась снаружи.

Но он мог находиться только возле двери, и внутренняя часть ханане была для него недоступна. Впрочем, это было неважно. Самцы сами подходили к нему, радуясь новизне, нарушающей однообразие их существования.

Внешне отличить самцов от самок Керрик не мог. Он был еще слишком юн и не придавал этому значения.

Многие из самцов задавали ему вопросы, вступали в разго-

вор, но только Алипол спешил поздороваться всякий раз, когда мальчик появлялся. Старшей над ханане была Икеменд, но жизнью внутри него заправлял Алипол. В Инегбане на этот важный и ответственный пост выбрали именно его. Он был много старше всех остальных. А еще Алипол был художником, о чем Керрик даже не догадывался... Это выяснилось, когда однажды Керрик не обнаружил его и спросил о нем у другого самца.

— Алипол, как всегда, занят своим искусством, — ответил тот и поспешил прочь.

Керрик не понял: самцы по большей части изъяснялись еще примитивнее, чем фарги, — слово это было как-то связано с красотой, с созданием новых предметов. В тот день Алипол так и не вышел к нему, и во время следующего визита Керрик дал волю любопытству.

— Искусство — вещь величайшей важности, быть может, самая важная на свете, — сказал Алипол. — Только глупые молодые самцы еще не знают об этом, а жестокие самки даже не догадываются о его существовании.

Алипол, как и остальные самцы, всегда так отзывался о самках — со страхом и уважением. Керрик этого не понимал. Ему не объясняли, а он и не спрашивал.

— Пожалуйста, расскажи мне, — с любопытством попросил Керрик.

Алипол воспринял его слова с некоторым подозрением.

— Редкое отношение... — произнес он — и решился. — Останься. Я покажу тебе, что я делаю. — Он тронулся было с места, потом остановился. — Ты когда-нибудь видел ненитеска?

О ком именно шла речь, Керрик не понял, но сказал, что уже видел огромных зверей. Алипол ушел и вернулся с предметом, поразившим Керрика. Радости Алипола не было границ.

— Ты видишь то, чего не замечают другие, — сказал он. — У них нет глаз, нет понимания.

Четырьмя большими пальцами Алипол бережно держал изображение ненитеска. Ярко поблескивавшая фигурка оказалась сплетенной из солнечных лучей. Красными бусинками горели глаза, блестел каждый изгиб хвоста и рогов, толстых лап. Наклонившись поближе, Керрик заметил, что крошечная фигурка сделана из тонких нитей какого-то блестящего материала. С любопытством он прикоснулся пальцем — поверхность оказалась твердой.

— Что это? Как ты это делаешь? Я еще не видел ничего подобного.

— Сплел из проволоки, серебряной и золотой. Эти металлы никогда не тускнеют. А глаза — это крошечные самоцветы, которые я привез из Инегбана. Там их находят в ручьях и на берегах рек. Я умею полировать их.

Алипол показал Керрику и остальные свои изделия, которые казались мальчику чудом. Керрик восхищался искусством мастера и страстно хотел получить одну из фигурок, но не осмелился попросить, чтобы вдруг не нарушить складывавшуюся дружбу.

Город рос и процветал, оставалась одна проблема. Устузоу. В дождливые месяцы, когда на севере было холодно, город тщательно охраняли со всех сторон. А когда на север возвратилось тепло, Сталлан повела отряды вдоль побережья на север. Только однажды им попалась большая группа устузоу — они убили всех, кто не сумел убежать. Один раз в город привезли раненого грязного пленника. Вместе со всеми Керрик отправился поглядеть на чумазое, укутанное в меха существо и не почувствовал абсолютно ничего общего с ним. Устузоу был без сознания и скоро умер. Непрекращавшиеся стычки между иилане′ и устузоу больше не вызывали в городе никаких толков. Столкновения происходили вдалеке, они были делом Сталлан и ее подручных.

Времена года в Алпеасаке не отличались друг от друга, и ход времени трудно было заметить. Город медленно рос, словно растение или животное, он поглощал леса и джунгли и наконец занял все обширное пространство между рекой и морем. Сообщениям из Инегбана не придавали значения, как дальней грозе или урагану на другом краю света. Последние зимы выдались достаточно мягкими, так что некоторые иилане′ уже начали надеяться, что холодные зимы закончились, хотя разбиравшиеся в погоде ученые настаивали, что тепло возвратилось ненадолго. Все толковали об изменениях температуры воздуха и воды, отмеченных на летней станции в Тескхете, напоминали о зловещем увеличении числа прожорливых устузоу, которых холода прогнали с севера, из краев, где им положено жить.

В Алпеасаке всем этим рассказам не уделяли особого внимания. Подрастали новые урукето — это было приятно, ведь однажды Инегбан явится в Алпеасак, и город обретет полноту. Однажды... А до того следовало сделать многое, и солнце грело по-прежнему.

На взгляд Керрика, здесь царило вечное лето, не было даже осени, а про зиму и снег он и думать забыл. Со своего почетного места возле эйстаа он следил, как растет город, и сам рос вместе с ним. Память о прежней жизни потускнела, почти все забылось, и лишь иногда сны что-то напоминали ему. Умом, пусть не телом, он стал иилане′, и никто не осмеливался теперь утверждать обратное в его присутствии. Он не был теперь устузоу и Экериком. Теперь Вейнте′ произносила его имя иначе, и каждая иилане′ следовала ее примеру. Он теперь был не Экерик, глупый и медленный. Он был Керирик, что значило «приближенный».

Имя ему действительно было необходимо: он стал ростом с иилане′, а потом перерос их. Волос на теле его прибавилось, а когда унутакх умер, по всей видимости от обжорства, его снабдили еще более крупным и прожорливым. Но, если нет зимних холодов, как узнать, что окончился старый год? Весенняя зелень не возвещала теперь начало нового года. Нечем было измерять время.

Керрик не знал, что ему уже пятнадцать лет, когда Вейнте′ в очередной раз призвала его.

— Утром, когда отплывет урукето, я отправлюсь на нем в Инегбан.

Керрик знаками выразил общий интерес, не более, хотя при этом солгал и словами выразил печаль по поводу расставания. Что есть Инегбан — только слово.

— Грядут изменения. Когда достигнут зрелости молодые урукето, через лето, самое большое — через два, Инегбан оставят. Там так боятся будущего и перемен, которые оно несет, что и думать не хотят о наших вполне существенных проблемах. Они слышать не желают об устузоу, что угрожают нам, и о Дочерях Смерти, которые высасывают наши силы. Меня ждут огромные труды. И ты должен помочь мне. Поэтому я беру тебя с собой в Инегбан.

Теперь Керрику действительно стало интересно. Отправиться на урукето через океан в неизвестный город... Он испугался и обрадовался одновременно. Вейнте′ заметила это: в смятении он забыл про ложь.

— Ты привлечешь всеобщее внимание, и тогда я сумею убедить всех сделать необходимое. — Она с сомнением поглядела на него. — Но теперь ты стал слишком похож на иилане′. Придется напомнить им, что ты был устузоу и остался им.

Она подошла к отверстию, в которое много лет назад убрала небольшой нож, и достала его оттуда. Зхекак, осмотрев примитивную вещицу, объявила, что сделана она из метеоритного же-

леза, и нанесла антикоррозионное покрытие. Передав нож Этдиирг, своей первой помощнице, Вейнте′ приказала повесить его на шею Керрика. Этдиирг воспользовалась куском витой золотой проволоки, обвив ее вокруг блестящего железного ошейника. А фарги у входа слушали и смотрели.

— Странный предмет можно посмотреть и второй раз, — сказала Вейнте′, протянув руку, чтобы прижать торчавшие концы проволоки. Пальцы ее впервые за много лет прикоснулись к коже Керрика, и она с удивлением ощутила тепло.

Керрик без всякого интереса глядел на тусклое лезвие, уже ничего не напоминавшее ему.

— Устузоу облачаются в шкуры, это все знают. Когда тебя принесли сюда, на тебе была эта шкура.

Она дала знак Этдиирг, и та достала из свертка гладкую оленью шкуру. Фарги с неудовольствием затрещали, Керрик отодвинулся.

— Прекратить! — приказала Вейнте′. — Шкура выделана и простерилизована, обработка будет производиться ежедневно. Этдиирг, убери мешочек и приспособь вместо него шкуру.

Тут Вейнте′ приказала всем фарги выйти, а Инлену< встать в проходе: она вдруг вспомнила, почему возникла необходимость в мешочке.

Этдиирг сняла мешочек и попыталась обвязать Керрика оленьей шкурой, но завязки оказались не там, где нужно. Отойдя в сторонку, Этдиирг стала возиться со шкурой, а Вейнте′ с интересом поглядела на Керрика. Он изменился, вырос и казался теперь ей привлекательным в своем уродстве. Подойдя к нему, она опустила вниз руку. Керрик поежился от холодного прикосновения. Вейнте′ рассмеялась.

— Ты самец и похож на наших самцов. Только у тебя один, а у них два, но ты реагируешь, как положено.

Керрику было неприятно, он попытался отстраниться, но она удержала его.

Агрессивная, как все самки иилане′, Вейнте′ возбудилась. Керрик пытался вырваться.

Он не понимал, что происходит. Но Вейнте′ знала прекрасно. Она была эйстаа, и ей дозволены были любые поступки. Привычным движением она швырнула его на пол и уселась сверху. Этдиирг с интересом наблюдала.

Кожа ее холодила, но ему было странно тепло, а потом все и произошло. Что именно, он не понял — прежде с ним еще не случалось ничего более восхитительного.

Глава 21

— С уважением передает Эрефнаис, — трепеща от усердия, сообщила фарги, медленно и осторожно выговаривая слова, — погрузка закончена. Урукето подготовлен к отплытию.

— Выступаем! — объявила Вейнте′. Повинуясь ее движению, Этдиирг и Керрик шагнули вперед. Она оглядела собравшихся правительниц Алпеасака и заговорила официальным тоном: — Вверяю вам город до своего возвращения. Содержать его правильно. Оправдайте мое доверие.

Она повернулась и направилась к причалу. Керрик и Этдиирг шагали в почтительном отдалении. Керрик давно уже научился контролировать свои чувства и казался таким же невозмутимым, как и все остальные. На самом же деле его раздирали противоречивые эмоции. Он и ждал путешествия, и опасался, что настанет конец приятной и размеренной жизни. И еще вчера... Он до сих пор не мог понять, что случилось с Вейнте′? И что вызвало такое всепоглощающее чувство? Случится ли подобное вновь? Он надеялся на это! И все-таки что это было?

Все воспоминания о физических страстях тану, о различии между полами, о занятных тайных забавах старших мальчиков, даже об удовольствии, испытанном им от прикосновения к юному телу Исель, давно уже улетучились. Все было задавлено и забыто — так старался он выжить среди иилане′. Самцы в ханане никогда не толковали о своих взаимоотношениях с самками или же просто никогда не делали этого в его присутствии. Инлену< в этих вопросах не разбиралась. Так, не зная о сексуальности как тану, так и иилане′, он лишь гадал над этим.

Когда процессия подошла к гавани, небо уже посветлело. Энтиисенаты, возбужденные предстоящим путешествием, выпрыгивали из воды и плюхались обратно, взбивая пышную пену.

На борт Керрик поднялся последним. Ход в высоком плавнике вел в тускло освещенное помещение. Пол под ногами дрожал, мальчик споткнулся и упал. Путешествие началось...

Новизна быстро приелась, смотреть здесь было не на что, делать тоже ничего не приходилось. Большую часть живого корабля занимали ни живые ни мертвые туши оленей и сталакелы. С огромными клювами и маленькими передними лапками, сталакелы были сложены в штабеля. Олени глядели на Керрика пустыми глазами — это было хорошо видно в свете люминесцентных полосок. Ему все казалось, что звери зовут на помощь. Они ведь не

могли даже пошевелиться. Он просто приписывал им собственные чувства. Замкнутое пространство давило, и он стискивал кулаки от страха, усугублявшегося бесконечным, как ему казалось, штормом.

Плавник урукето оставался сомкнутым, и воздух внутри становился спертым и влажным.

В темноте иилане′ становились вялыми и много спали. Лишь одна или две по очереди караулили. Однажды мальчик попытался заговорить с дежурной, но она не ответила, поскольку все внимание ее было поглощено компасом.

...Когда шторм окончился и волны улеглись, Керрик спал. Разбудил его хлынувший вниз прохладный соленый воздух. Иилане′ зашевелились, потянулись к плащам, но ему свежий воздух и яркий свет доставляли только удовольствие. Он дергал за поводок, пока наконец ленивая Инлену< не проснулась и не натянула на себя плащ, а потом перетащил ее поближе к отверстию в плавнике. Быстро вскарабкавшись по выступам наверх, он оказался возле Эрефнаис, которая стояла, завернувшись в большой плащ. Насколько позволял поводок, Инлену< осталась внизу. Керрик приник к плавнику и глядел то на бежавшие навстречу зеленые волны, то на белую пену за спиной урукето и хохотал, когда соленые брызги попадали ему в лицо. Все было так необычно, удивительно и тревожно. Прорезая облака, солнечные лучи освещали раскинувшееся до горизонта море. Он ежился, обняв плечи руками, но не уходил. Эрефнаис обернулась и заметила его.

— Ты замерз. Иди вниз. Возьми плащ.

— Нет, мне так нравится. Теперь я понимаю, почему вы пересекаете море в урукето — с подобными ощущениями ничто не сравнится.

Эрефнаис жестом выразила удовольствие.

— Немногие это понимают. Если теперь лишить меня моря, я буду чувствовать себя очень странно.

Слово «странно» сопровождалось жестами огорчения, отчаяния, даже легким намеком на смерть. Шрам на спине мешал капитану выразиться точно, но чувства ее и без того были очевидны.

В небе парили морские птицы. Эрефнаис показала на них.

— Сейчас мы не так далеко от земли. Видишь, темная линия на горизонте. Берег Энтобана.

— Я слыхал это слово, но не понимал его смысла.

— Это огромная суша, это дом иилане′. Здесь полно городов, здесь поля их смыкаются.

— Мы плывем туда?

Эрефнаис кивнула.

— На северное побережье. Сначала через пролив, известный под названием Генагле, в теплые воды Анканаала, на берегах которого находится Инегбан. — В голосе ее звучала радость. — Радуйся, что сейчас середина лета, город не знал еще более суровой зимы. Посевы погибли. Животные тоже. С севера приходили звери, нападали на стада. А однажды с неба выпала твердая вода, она белым слоем укрыла землю, а потом растаяла.

Твердая вода — это было понятно, но как она называется? И, не успев задать вопроса, Керрик на миг представил себе покрытые снегом горы. Он потер глаза, потом поглядел на море и постарался все позабыть. Твердая вода... Она не стоила внимания.

— Мне холодно, — сказал он наполовину правду, наполовину ложь, — вернусь в тепло...

...Утром Керрика разбудил солнечный свет. Теплый воздух струился внутрь открытого плавника.

Мальчик быстро поднялся наверх, к Вейнте′ и Этдиирг. Вид их обеих удивил его, но они молчали, а по опыту он знал, что лучше не спрашивать. Вейнте′ этого не любила. Искоса он поглядел на нее. Лоб и острые скулы иилане′ были разрисованы красными линиями и завитушками. У Этдиирг на лбу узоров не было, но руки ее словно охватывали черные лианы, оканчивавшиеся листьями на тыльных сторонах ладоней. Керрику еще не приходилось видеть разукрашенных таким образом иилане′, но он сдержал любопытство и все глядел на берег, неторопливо проплывавший совсем рядом; зеленые, поросшие лесом холмы возвышались над синими водами.

— Инегбан... — сказала Этдиирг, выражая при этом целую гамму чувств.

Леса перемежались полями, на них чернели силуэты пасущихся зверей. За острым мысом открылась большая гавань. На берегах ее лежали пляжи Инегбана.

Керрик, которому Алпеасак казался краем чудес, теперь увидел настоящий город и дал волю своим чувствам к огромному удовольствию Вейнте′ и Этдиирг.

— Когда-нибудь таким станет и Алпеасак, — сказала Вейнте′, — ведь Инегбан рос на этом месте от яйца времен.

— Алпеасак будет еще более великим, — со спокойной уверенностью сказала Этдиирг. — Таким сделаешь его ты, Вейнте′.

Перед тобой — новый мир, и ты начала строить. Ты справишься с этим.

Вейнте′ не отвечала... Но и не возражала.

...Когда урукето подходил к внутренней гавани, Эрефнаис поднялась на верх плавника, подозвала к себе остальных и стала отдавать приказы. Огромное существо замедлило ход, потом остановилось, замерев в прозрачной воде. Два энтиисената поплыли было вперед, но резко повернули назад, от плавучего бона из больших бревен. Они не имели никакого желания прикасаться к жгучим щупальцам медуз, облепивших бревна. Так они метались взад и вперед, ожидая, пока распахнутся ворота гавани и пропустят их внутрь, где их ожидала еда — уже обработанная, — которой они жаждали. Задержка случилась из-за того, что из гавани выводили урукето. Еще не выросшие до нормальных размеров, не до конца обученные существа повиновались с трудом. Когда с ними управились, еще один урукето медленно растворил ворота, и энтиисенаты бросились внутрь. Их собственный урукето неторопливо поплыл следом.

Керрик замер, открыв рот. Огромный причал был заполнен ожидавшими их прибытия иилане′. За ним вздымались стволы древних деревьев — их ветви и вершины словно вонзались в небо. По уходящему от пристани путепроводу можно было бы прогнать урукуба. Заполнившие его иилане′ расступились, пропуская небольшую процессию. В голове ее четыре фарги несли какое-то сооружение, сделанное из плавно изогнутых жердей и завешенное цветастыми тканями. Назначение его выяснилось сразу же, как только фарги осторожно опустили его на землю и присели рядом на корточки. Из-под ткани показалась рука — и на землю ступила иилане′, блиставшая великолепием золотых узоров на лице. Вейнте′ немедленно узнала ее.

— Гулумбу, — произнесла она, тщательно сдерживая эмоции и позволяя себе показать лишь крохотное неудовольствие. — Я давно знаю ее. Значит, это она теперь сидит возле Малсас<. Встретим ее.

Прибывшие уже высадились и дожидались медленно приближавшуюся Гулумбу на причале. Она смиреннейшим образом приветствовала Вейнте′, обратила внимание на Этдиирг и медленно скользнула невидящим взором по Керрику.

— Приветствую вас в Инегбане, — произнесла она. — Добро пожаловать, Вейнте′, строительница Алпеасака, что за бурным морем, в свой собственный дом.

— Как поживает Малсас<, эйстаа нашего города? — отвечала Вейнте′ столь же официально.

— Она приказала мне приветствовать тебя и проводить к себе на амбесид.

Пока они переговаривались, паланкин унесли. Вейнте′ и Гулумбу пошли рядом, возглавив направлявшееся в город шествие. В числе прочих за ними в молчании следовали Керрик вместе с Этдиирг — таков был обычай.

Керрик смотрел на все круглыми глазами. От широкого путепровода отходили другие, столь же широкие. Они были забиты иилане′, и не ими одними — в толпе бегали небольшие существа с острыми когтями и пестрыми чешуйками. В стволы самых крупных деревьев были врезаны ступени, ведущие к балконам, с которых глазели иилане′ с раскрашенными телами. Под одним из таких древесных обиталищ, что было побольше остальных, стояли вооруженные стражницы.

Некоторые иилане′ были внешне похожи на самцов: они двигались и сбивались в группы точно так же. Это наверняка и были самцы.

Иилане′ показывали на Керрика и отрывисто спрашивали друг друга о странной персоне.

Были там и иилане′, каких он еще не видел, лишь в половину обычного роста. Они стояли группами, пропуская идущих, озабоченно озирались и молчали. Керрик притронулся к руке Этдиирг и вопросительно показал на них.

— Нинсе, — пренебрежительно проговорила она, — иилелбе.

«Безответные, тупицы». Керрик понял. Они явно не умели разговаривать и ничего не понимали, когда к ним обращались. Неудивительно, что их звали безответными. Этдиирг более ничего не пояснила, и он отложил вопросы до подходящего момента.

Амбесид оказался такой величины, что противоположной стены не было видно за волновавшейся толпой. Но перед процессией все расступились, и прибывшие проследовали к почетной солнечной стене, где на помосте, занавешенном мягкими тканями, среди советниц отдыхала Малсас<. Эйстаа блистала великолепием золотой и серебряной раскраски на лице и руках, золоченые завитки украшали ее сухое безгрудое тело. Она разговаривала с помощницей и, казалось, не замечала гостей, пока те не оказались перед нею. Тщательно выбрав момент, чтобы приветствие не превратилось в оскорбление, и твердо помня, кто есть кто, она

повернулась, заметила Вейнте′ и подозвала к себе. Иилане′ расступились, чтобы эйстаа могли поприветствовать друг друга.

Керрик озирался и почти не слушал, о чем говорилось. Он перепугался, когда к нему подошли две иилане′ и схватили за руки. Они потянули его за собой, он испуганно взглянул на Вейнте′, но она дала знак не сопротивляться и следовать за ними. Выбора не было. Его влекли прочь, и он покорился, а Инлену< послушно последовала за ними.

Поблизости от амбесида находилось странное сооружение. О размере его судить было трудно: оно полностью укрывалось за деревьями города. В обе стороны от входа расходились панели из какого-то прозрачного материала, разделенные древесными стволами. Прочные на вид двери были сделаны из того же материала, на поверхности их не было ни ручки, ни углублений. Не выпуская руки Керрика, одна из иилане′ надавила на упругую грушу у двери. Через некоторое время дверь отворилась, из нее выглянула фарги. Керрика втолкнули внутрь, Инлену< следом за ним. Дверь закрылась.

— Сюда, — произнесла фарги, обращаясь к Инлену<, словно Керрика и не было здесь, и пошла вперед.

Все было необычно. Короткий коридор, облицованный тем же прозрачным материалом, вел к другой двери. За ней была еще одна дверь, следующая комната была поменьше. Там фарги остановилась.

— Опусти глазные мембраны, — обратилась она к Инлену<, прикрыв глаза прозрачными защитными пленками.

А потом, растопырив большие пальцы, потянулась к лицу Керрика, чтобы опустить ему веки.

— Я слышал, — ответил тот, отмахиваясь, — убери свои грязные лапы от моего лица.

Открыв рот от изумления, фарги выслушала его слова и не сразу отреагировала.

— Важно, чтобы глаза были закрыты, — наконец произнесла она, зажмурилась и нажала красный выступ на стене.

Керрик едва успел закрыть глаза, как сверху на него обрушился поток теплой воды.

Капли затекли в рот — вкус был едкий и горький. Он плотно сжал губы. Душ прекратился, но фарги опять повторила:

— Глаза закрыты.

На них дунул ветер, быстро высушивший кожу. Керрик нерешительно открыл глаза. Фарги приподняла глазную мембрану и,

когда увидела, что глаза мальчика открыты, подтолкнула его к последней двери — в длинную комнату с невысоким потолком.

Для Керрика все здесь было странным. Ничего подобного он еще не видел. Полы, потолки и стены — все было сделано из того же прочного материала. Солнечный свет просачивался сверху сквозь прозрачные панели, на полу дрожали тени листьев. Вдоль дальней стены протянулось возвышение, уставленное совершенно непонятными предметами. С ними возились иилане́, даже не отреагировавшие на появление чужих.

Ничего не говоря, фарги оставила их. Инлену<, как всегда, не интересовалась ничем, отвернулась и села на толстый хвост.

Наконец их заметили. Одна из работавших что-то сказала толстой иилане́, с многозначительным видом разглядывавшей небольшой квадрат. Та повернулась, заметила Керрика и, громко топая, подошла поближе. У нее не было одного глаза, опавшая глазница сморщилась, оставшийся же был выпучен, словно от усердия — так старался он работать за двоих.

— Эссаг, посмотри! — громко крикнула она. — Посмотри-ка, что нам прислали из-за моря.

— Очень странное создание, — вежливо ответила Эссаг, — но все-таки похожее на прочие виды устузоу.

— Похож, только шерсти мало. Зачем этот материал? Снимите его.

Эссаг сделала движение вперед, но окрик Керрика остановил ее:

— Не трогайте меня! Я запрещаю!

Эссаг отступила, а толстая Икемеи радостно воскликнула:

— Говорит! Устузоу говорит! Невероятно. Следовало сказать мне об этом. Нет же, конечно, он просто заучил несколько фраз. Как тебя зовут?

— Керри́к.

— Что я говорила? Хорошо выдрессирован.

Твердость заблуждения Икемеи начинала сердить Керрика.

— Ты ошибаешься, — ответил он. — Я разговариваю, как и все вы, и много лучше, чем та фарги, что привела меня сюда.

— Трудно поверить, — произнесла Икемеи. — Но предположим на миг, что ты говоришь сам, а не повторяешь заученное. А если так, то ты можешь отвечать на вопросы?

— Могу.

— Как ты прибыл сюда?

— Меня привезла Вейнте́, эйстаа Алпеасака. Мы пересекли океан на урукето.

— Верно. Но это утверждение тоже можно заучить. — Икемеи задумалась. — Но есть предел заученным утверждениям. Я спрошу тебя о том, чего не могла знать твоя дрессировщица. Да. Расскажи, что произошло с тобой перед тем, как ты вошел в эту дверь?

— Нас омыли горькой на вкус жидкостью.

Икемеи одобрительно топнула ногой.

— Чудесно. Ты — животное, которое умеет говорить. И как это получилось?

— Меня научила Энге.

— Да. Если кто-то и способен на это, так только она. Но теперь замолчи и делай, как я велю. Подойди к рабочему столу.

Керрик видел, что они делают, но ничего не понимал. Эссаг увлажнила подушечку его большого пальца, а Икемеи резко ткнула чем-то острым. Керрика удивило, что он ничего не почувствовал, даже когда Икемеи стала выдавливать из его пальца крупные капли крови. Эссаг подхватывала их в крохотные контейнеры, захлопывавшиеся, когда она нажимала на крышку.

Затем ладонь Керрика положили на поверхность и потерли какой-то подушечкой. Сначала он почувствовал прохладу, потом рука словно онемела.

— Погляди сюда! — велела Икемеи, указав вверх на стену.

Подняв глаза, Керрик ничего не увидел. Поглядев на руку, он понял, что, пока он смотрел на стену, с ладони струнным ножом срезали тонкую полоску кожи. Боли он не почувствовал. Выступившие капельки крови немедленно прикрыли клейкой повязкой нефмакела.

Керрик более не мог сдерживать любопытство.

— Вы взяли мою кровь и кожу? Зачем?

— Любопытный устузоу, — сказала Икемеи, делая знак, чтобы он лег на низкую скамейку. — Нет конца чудесам этого мира. Я исследую твое тело, вот что я делаю. Эти цветные листы позволят провести хроматографическое исследование, а эти колонки, прозрачные трубочки, откроют мне химические секреты твоего тела. Ты удовлетворен?

Керрик молчал, ничего не понимая. Икемеи усадила ему на грудь какой-то серый клубень и похлопала его.

— Вот это существо сейчас излучает ультразвук, чтобы мы могли заглянуть в глубь твоего тела. Когда оно закончит, мы будем знать о тебе все... Вставай, мы закончили. Фарги покажет, как выйти.

Поглядев на закрывшуюся за Керриком и Инлену< дверь, Икемеи удивилась:

— Говорящее животное!.. Впервые мне хочется в Алпеасак. Я слыхала, что там очень много самых разнообразных и интересных форм устузоу. Я уже думаю о будущих исследованиях. Приказываю!..

— Я слушаю, Икемеи, — ответила Эссаг.

— Проведите все серологические исследования, полностью проверьте метаболизм. Дайте мне полную картину биологии этого существа. Тогда и начнем работать. — Икемеи повернулась к рабочему столу и добавила: — Следует поподробнее разобраться в метаболизме. Нам приказано отыскать паразитов и все, что только может вредить этим существам.

Она покрутила телом, выражая неудовольствие, помощница разделяла это чувство. Икемеи жестом приказала ей молчать.

— Твои мысли я знаю и разделяю. Мы создаем жизнь. Мы не губим ее. Но именно эти устузоу оказались вдруг особенно грозной опасностью. Их следует прогнать. Да, именно так — прогнать. Они уйдут и никогда более не будут тревожить новый город. Нам не придется их убивать. Мы их просто прогоним.

Она говорила с искренностью, на которую только была способна. Но и она, и Эссаг опасались, что задуманы более мрачные вещи. Их уважение к жизни, к любым живым существам вступало в конфликт с инстинктом самосохранения, и жесты их выражали внутреннюю борьбу.

Глава 22

Когда огромные створки медленно закрылись, доносившиеся с амбесида звуки затихли. Раньше Вейнте′ не замечала каких-нибудь особенностей внешнего вида дверей, хотя в прошлом бывала в этом помещении неоднократно. Теперь все внимание ее было обращено на громадные створки. Они были покрыты искусной резьбой, изображавшей животных и растения, окованы блестящим металлом и усыпаны драгоценными камнями. Вот еще одна роскошь, еще одна радость древнего города, к которой привыкли все жительницы. Как отличается это от едва выросшего из семени Алпеасака, там дверей еще почти нет, а немногие уже сформировавшиеся еще пропитаны соком. Все там было еще грубым, зеленым и юным, не то что здесь, в городе культурном и

древнем. И, конечно, это дерзость: чем ей, эйстаа города, еще как следует не выросшего в глуши, можно гордиться перед теми, кто правит в не знающем времени Инегбане.

Вейнте′ мгновенно воспротивилась этой мысли. В новизне нет позора, и не ей унижаться в великом городе. Инегбан стар, богат... но и обречен, в этом сомнения не было. Деревья умрут, мертвые листья будут кружить в его опустевших коридорах в холодном тумане. Пышные двери рухнут под тяжкими ударами времени, превратятся в щепу и пыль. Это сейчас иилане′ Инегбана могут фыркать, услышав о ее городе, примитивном и далеком, но он будет для них же спасением.

Мысль понравилась Вейнте′, она упивалась ею и даже позволила себе увлечься. Алпеасак будет их спасением, а она и есть Алпеасак, и Вейнте′ повернулась лицом к Малсас< и ее помощницам, гордо выпрямившись. Гордость ее граничила с дерзостью. Они почувствовали это, и две из них беспокойно зашевелились. Ликмелик и Мелпон знали Вейнте′ много лет, знали ее ранг и ожидали уважения. Малсас< тоже не испытывала особенной радости от такого нахальства. И она сухо спросила:

— Ты кажешься радостной, Вейнте′. Можно узнать, почему?

— Я счастлива вновь быть в Инегбане со всем его комфортом, быть с эфенселе моего эфенбуру. А еще я рада сообщить, что порученная мне работа продвигается успешно. Алпеасак растет и процветает, поля его обширны, животные многочисленны. Гендаси — богатая и плодородная земля. Алпеасак будет расти, как ни один город доселе.

— За твоими словами кроется тень, — сказала Малсас<. — Колебания и печаль столь очевидны...

— Ты чересчур восприимчива, эйстаа, — ответила Вейнте′. — Тень есть. Устузоу и другие звери этой земли многочисленны и опасны. Мы смогли открыть родильные пляжи, только когда истребили аллигаторов — они очень похожи на известных всем крокодилов, но куда более многочисленны. Некоторые виды устузоу прекрасны на вкус — ты сама пробовала их, приезжая в наш город. Есть и такие устузоу, что ходят на задних лапах, это примитивное подобие иилане′. Они причиняют много вреда и постоянно опасны.

— Это я понимаю. Но как могут эти животные противостоять нашему оружию? Их сила — не в твоей ли слабости?

Эту прямую угрозу Вейнте′ немедленно отразила:

— Если бы причиной была моя слабость, я бы просто отошла

в сторону, чтобы сильнейшая заняла мое место. Но эти опасные животные метят в нас и убивают. Твоя эфенселе, сильная Алакенси, неусыпная Алакенси... Мертвая Алакенси! Быть может, их и немного, но во всех — низменная хитрость дикого устузоу. Вокруг засады! Сокайн и весь ее отряд погибли в ловушке. Когда гибнет фарги, ее место пустовать не будет. Но кто заменит Алакенси или Сокайн? Устузоу убивают наших животных. Мы растим их, а устузоу убивают, как на родильных пляжах. Кто заменит погибших самцов, молодняк?

Мелпон громко вскрикнула. Она была очень стара и к молодняку относилась с излишней сентиментальностью. Но она выразила общие чувства, даже Малсас< охватили те же переживания. Но она была слишком мудра, чтобы поддаться эмоциям.

— Пока опасность сдерживается. Ты действуешь хорошо.

— Правильно, но я стремлюсь к большему.

— А именно?

— Позвольте мне представить новую информацию об устузоу. Я хочу, чтобы вы обо всем услышали из уст пойманного зверя.

Поразмыслив, Малсас< знаком выразила согласие.

— Если существо может дать ценные сведения — пусть говорит. А оно действительно разговаривает? Отвечает на вопросы?

— Ты все увидишь сама, эйстаа.

Керрик, должно быть, ожидал где-то неподалеку: он тотчас явился на зов. Инлену< уселась лицом к закрытым дверям, а Керрик вопросительно взглянул на собравшихся, безмолвно ожидая приказа, как подобает низшему перед лицом высочайших.

— Прикажи ему говорить! — распорядилась Малсас<.

— Расскажи нам о своей стае, устузоу, — проговорила Вейнте′. — Говори так, чтобы всем было понятно.

Керрик быстро взглянул на нее и тут же отвел глаза. Последняя фраза служила сигналом. Теперь он должен был сообщить всем информацию, которой она предусмотрительно снабдила его.

— Сказать можно немногое. Мы охотимся, выкапываем из земли насекомых и растения. И убиваем иилане′...

Немедленно последовали сердитые жесты и бормотание.

— Объясни последнее! — приказала Малсас<.

— Просто естественная реакция. Мне рассказали, что иилане′ испытывают естественное отвращение к устузоу. Те же самые чувства ощущают и устузоу по отношению к иилане′. Устузоу жестоки, они убивают и разрушают. И единственная цель каждого — убивать иилане′. И они будут это делать, пока все не погибнут.

С точки зрения Керрика, это выглядело довольно глупо. Кто может поверить очевидной лжи? Но и ответ был столь же очевиден — не знающие лжи иилане′ поверят во все, что услышат. В их движениях угадывался гнев. Керрик отшатнулся. Он с облегчением вышел, повинуясь приказу. Как только дверь закрылась, Малсас< заговорила:

— Устузоу будут уничтожены раз и навсегда. Все до последнего. Выследить и убить! Гнать и убивать, как убили они Алакенси, что сидела рядом со мной! А теперь, Вейнте′, расскажи, как это будет сделано.

Вейнте′ прекрасно сознавала — нельзя, чтобы они поняли, что она выиграла сражение. Из осторожности думая лишь о планах, она откинулась на хвост и перечислила шаги к грядущей победе над устузоу.

— Во-первых, мне нужно больше вооруженных фарги. Слишком много их оказаться не может. Они охраняют поля, прочесывают джунгли, сдерживают устузоу.

— Да, это будет сделано, — согласилась Малсас<. — Мы размножили хесотсаны и научили фарги применять их. В обратный путь с вами отправятся фарги с оружием — сколько сможет увезти урукето. К дальнему морскому путешествию уже готовы еще два урукето поменьше. И они тоже повезут фарги. Что еще нужно? Животные-шпионы, животные-убийцы? Ученые иилане′ могут вывести таких созданий.

— За этим мы также приглядим, — произнесла Ликмелик. — Большая часть работ уже выполнена. Теперь, когда взята проба тканей вашего устузоу, работа приблизится к завершению. Всей работой руководит Икемеи. Она ожидает неподалеку. Она объяснит.

— Значит, сделано все, что можно, — произнесла Вейнте′, выражая удовольствие и благодарность каждым движением тела.

— Сделано, — согласилась Малсас< с легким неудовольствием. — Начато, но не закончено. Течение времени не минует нас. Занятые погодой рано возвратились в этом году из Тескхета. Они предсказывают прохладное лето, раннюю осень, опасаются длинной суровой зимы. Следует быть осмотрительными, но действовать надо.

Жесты горечи, гнева и страха были столь красноречивы, что

присутствующие отшатнулись. Долго молчали они в страхе. Наконец Малсас< нарушила тишину:

— Пошлите за Икемеи! Послушаем, что уже сделано.

Собравшиеся не только услышали о ходе исследований, но и собственными глазами увидели результаты работ. За Икемеи следовала вереница тяжело нагруженных фарги, которые поспешно опустили свой груз на землю. Икемеи потянула покрывало с клетки, в которой могла уместиться взрослая иилане'.

— Царь небес! — горделиво произнесла она, выпучив единственный глаз. — Дрессированный раптор, сильный и умный.

Огромная птица взъерошила перья и медленно повернула голову, обратив к присутствовавшим один глаз. Крючковатый клюв — чтобы терзать плоть, длинные крылья — чтобы без устали нести их обладателя высоко и быстро. Пальцы ног птицы заканчивались острыми кривыми когтями. Птице не понравились устремленные на нее взоры. Захлопав крыльями, она сердито заклекотала. Икемеи указала на продолговатый предмет, охвативший лодыжку птицы.

— Это существо представляет собой нейрологический регистратор изображения, — сказала она. — Весьма усовершенствованный, специально для этого случая. Как вы, конечно, знаете, изображение, создаваемое его глазом, фокусируется на расположенной внутри мембране. Оно фиксируется нейронами в микроганглиях. Поскольку сохраняются отдельные изображения, а не последовательные серии кадров, число запоминаемых снимков почти не ограничено.

— Каких снимков? — резко спросила Малсас< в легком раздражении от технических подробностей, которых она не понимала.

— Тех самых изображений, которые нам необходимы, эйстаа, — отвечала Икемеи. — Птица почти не восприимчива к холоду и может высматривать добычу с большой высоты. После завершения дрессировки ей было приказано лететь на север. Результаты оказались весьма успешными. Обычно рапторы не интересуются длиннозубыми плотоядными устузоу, обитающими на крайнем севере. Для нее они не представляют угрозы, и она не нападает на них — слишком велика добыча. Но птица выдрессирована и знает, что получит награду, если будет следовать инструкциям. Этот раптор залетел далеко на север. И мы здесь можем увидеть все, что видел он.

Икемеи развернула какой-то сверток и извлекла стопку снимков. Черно-белые зернистые картинки впечатляли. Она расположила их в определенной последовательности. Сначала на белом поле чернели темные пятна. Потом пятна обрели очертания, потом силуэты стали узнаваемыми. Четвероногие, покрытые шерстью устузоу. Один из них рос, постепенно заполняя собой всю картинку, потом поглядел вверх и оскалился, обнажив изогнутые клыки. Потом отпрыгнул в сторону от напавшей птицы. Этот кадр был самым драматичным — тень крыльев воздушного хищника закрыла и длиннозуба, и снег.

Когда Малсас< закончила разглядывать снимки, Вейнте', тоже заинтересовавшись, стала нетерпеливо перебирать их.

— Его можно выдрессировать на поиски любого существа?

— Любого.

— И устузоу, подобных тому, что я привезла из Алпеасака?

— В особенности этих устузоу. Раптор будет искать их и найдет, а потом вернется. А где он побывал, можно легко понять: последовательные снимки складываются в карту.

— Такое оружие мне необходимо! Устузоу передвигаются небольшими стаями, а земля велика. Одну стаю мы обнаружили и с легкостью уничтожили, а теперь сумеем найти остальных.

— И ты уничтожишь их тем же способом, — не терпящим возражения тоном проговорила Малсас<.

— Мы уничтожим их. Я обещаю!

— Приятно слышать. Вейнте', останься. Остальные могут уйти.

Малсас< застыла в ледяном молчании, пока за спинами уходивших не закрылись тяжелые двери. Только тогда она шевельнулась и, обернувшись к Вейнте', знаками выразила сожаление и легкие признаки страха. Почему эйстаа Инегбана выглядит растерянной и испуганной? Причина могла быть только одна. Вейнте' догадалась, и движения ее повторили движения Малсас<. Она спросила:

— Опять Дочери Смерти?

— Опять. Они не умирают, и число их растет.

— Не умирают они и в Алпеасаке. Сначала так и было: трудная работа, много опасностей. Но теперь, когда мы выросли и процветаем, все изменилось. Они калечатся на работе, некоторые умирают. Но таких мало.

— Ты возьмешь с собой в урукето самых строптивых. Тех, кто говорит вслух, тех, кто обращает новых иилане' в свою веру.

— Возьму. Но каждая из них уменьшит на одну число фарги.

А в Алпеасаке эти бессмертные мешают мне, потому что не желают помогать в уничтожении устузоу. Это балласт.

— Они балласт и для Инегбана.

— Я возьму их, но только в новый, еще не опробованный урукето.

Малсас< согласилась.

— Ты тверда и опасна, Вейнте'. Если молодой урукето не осилит путь через океан, в этой неудаче будет и польза.

— И я так думаю.

— Хорошо. Об этом мы еще переговорим перед твоим возвращением в Алпеасак. А теперь я устала, день был долгим.

Вейнте' официально попрощалась и не успела закрыть за собой дверь, как ей пришлось старательно прятать восторг.

Она шла по городу, мысли о будущем переполняли ее, и движения тела отражали эти мысли, к ним примешивались и мысли о смерти — фарги, к которым она приближалась, отбегали в стороны.

Она почувствовала голод и быстро направилась к ближайшей мясной. Там была очередь, но Вейнте' приказала расступиться. Она хорошо поела, помыла руки и направилась к себе. Ей были отведены апартаменты, удобные и комфортабельные, стены украшали раскрашенные ткани.

...Повинуясь короткой команде, фарги заторопились прочь. Все, кроме одной, которой Вейнте' приказала остаться.

— Разыщи и приведи сюда моего устузоу.

Фарги не знала, где искать Керрика. Она стала спрашивать о нем всех встречных, пока кто-то не сказал, где его можно найти.

Когда он наконец появился, Вейнте' уже почти забыла о том, что велела его отыскать, увлекшись мыслями о будущем.

— Сегодня был день успеха, моего успеха, — сказала она самой себе, не замечая мальчика.

Инлену< уютно устроилась на собственном хвосте, лицом к стене, в бездумном восхищении узорами.

Вейнте' притянула к себе Керрика и сорвала с него меховое одеяние. Смеясь, он пытался вызвать ее возбуждение, а она возбуждала его.

Теперь случившееся уже не пугало Керрика. Слишком приятно. А когда все кончилось и она оттолкнула его, он опечалился, надеясь, что это повторится снова и снова.

Глава 23

В темных облаках зловеще грохотал гром, потоки дождя хлестали поверхность океана. Большой урукето медленно удалялся от берега, следом двигались два урукето поменьше. Вновь, блаженствуя в океане, впереди неслись энтиисенаты. Они качались на волнах, ныряли. Вскоре Инегбан остался далеко позади и исчез за пеленой дождя.

Путешествие было нелегким. После радостей и неожиданных удовольствий Инегбана обратное путешествие стало для Керрика сплошной мукой. Внутри урукето теперь было тесно. Повсюду валялись фарги, даже ступить было некуда. Еды и воды было мало, их экономили. Для иилане' в этом не было особых проблем — они просто замирали и спали. Но Керрик чувствовал себя как в душном мешке — нечем было дышать. Сон тоже не приносил облегчения: ему снилось, что он тонет и задыхается, и он с криком просыпался в холодном поту. Ходить ему не удавалось, и лишь однажды за все бесконечное плавание он сумел пробраться наверх и, задыхаясь, хватал ртом спасительный соленый воздух.

Посреди океана их захватил шторм, потому-то плавник урукето и оставался закрытым так долго, что духота стала уже невыносимой. В конце концов его пришлось чуть-чуть приоткрыть, но вместе с воздухом вниз плеснуло холодной водой. Промокший и озябший, Керрик молча страдал.

Когда шторм наконец утих и плавник можно было открыть снова, Вейнте' отослала всех прочь и сама поднялась наверх. Волны еще бушевали, повсюду белели гребни. Море было пустым. Два небольших урукето бесследно исчезли, их более не видели.

Морская болезнь Керрика закончилась лишь в гавани Алпеасака. Недомогание и долгая голодовка так ослабили его, что он едва сумел встать на ноги. Крылатый хищник в клетке страдал не меньше. Когда его выносили, он слабо крикнул, низко свесив голову. На берегу Керрик оказался последним — Инлену< и еще двум фарги пришлось вытаскивать его из плавника.

Вейнте' жадно вдыхала влажный теплый воздух, наполненный ароматами живого города, и с невероятным удовольствием стряхивала с себя летаргию долгого пути. Она скользнула в первый же пруд, попавшийся ей по дороге, отскребла засохшие соль и грязь и вновь явилась на солнечный свет активной и освеженной.

Созывать правительниц не было необходимости, все уже собрались на амбесиде, ожидая ее.

— Хорошо ли в Алпеасаке? — спросила Вейнте′ и почувствовала большое удовлетворение, когда все выразили согласие. — Как насчет устузоу, Сталлан, этих червей, что подтачивают нашу жизнь?

— Пустая докука, не более. Крали наших животных, убивали их ночью, а мясо уносили с собой. Но укрепления прочны, а более они ни на что не способны.

— И этого довольно. Их необходимо остановить. И остановят их фарги. Я привезла много фарги, они обучены управляться с оружием. Они пойдут по следам устузоу и перебьют всех.

— Трудно будет выследить, — с сомнением заметила Сталлан. — В лесу они ловки, как дикие звери, и не оставляют следов. А если находится след, он приводит к засаде. Так погибли многие фарги.

— Этого больше не будет, — произнесла Вейнте′ и выразила удовольствие, когда раптор вскрикнул в своей клетке, словно в ответ.

Клетку вынесли на солнце, и птица охорашивалась.

— Следует объяснить, — сказала Вейнте′, — что это летающее создание позволит нам отыскать логово устузоу, в котором они прячут своих щенков и самок. Но сначала я хочу услышать подробные отчеты обо всем, что произошло за время моего отсутствия.

...Крылатый хищник быстро оправился от морского путешествия, и Вейнте′ с нетерпением ожидала нового набега устузоу. Когда ей наконец сообщили об этом, она принялась поспешно распоряжаться и сама отправилась на дальнее пастбище, подвергшееся нападению. Первой там появилась Сталлан, она с отвращением показала на окровавленные трупы животных.

— Расточительство. Унесли только мясистые задние части.

— Практично, — без всяких эмоций констатировала Вейнте′. — И нести легко, и отходов меньше. Куда они направились?

Сталлан указала на дыру, проделанную в терновой изгороди, след исчезал среди высоких деревьев.

— Как всегда, на север. След легко различим. Это значит, что его оставили для нас. Мясо унесли, а на дороге нас ожидают только засады, ловушки и смерть.

— Прица долетит туда, куда мы не сможем дойти, — ответила Вейнте′.

Принесли хищника. Он сердито кричал и рвал веревку, стягивавшую ему ноги. Теперь он сидел на деревянном насесте на

длинном шесте, чтобы переносившим его фарги не досталось от клюва или когтя.

В это время, удивляясь раннему вызову, появился Керрик.

— Делайте свое дело, — приказала Вейнте′.

Когда жесткие пальцы схватили и поволокли его вперед, Керрик понял, что теперь он более не праздный наблюдатель. Кровавые туши, их вид и запах возбудили раптора, он клекотал и грозно потрясал крыльями. Одна из фарги отодрала кусок мяса от бока убитого зверя и швырнула его птице. Та жадно схватила лапой кровавый кусок, подняла его на насест и принялась отдирать алые полосы. Наконец птица наелась. Сопротивлявшегося Керрика вытолкнули вперед, почти под крючковатый, обагренный кровью клюв.

— Лети, ищи! Лети, ищи! — все громче и громче кричала служительница. Керрика подпихивали все ближе и ближе.

Раптор не нападал. Повернув голову, он уставился на мальчика холодным серым глазом. И не отводил взгляда, пока не прекратились крики, а потом принялся мигать и качать головой.

— Поворачивайте насест в сторону следа! — приказала служительница. За спиной птицы быстро отпустили веревку.

Раптор заклекотал, присел и, хлопнув огромными крыльями, подпрыгнул в воздух. Керрик повалился навзничь. Птица глядела в его сторону, а дрессировщица все выкрикивала команды. Пернатый хищник был прекрасно выдрессирован. Он быстро взлетел, описал над ними один только круг и направился на север.

— Началось, — с удовольствием произнесла Вейнте′.

...Энтузиазм Вейнте′ с каждым днем убывал: раптор не возвращался. Озабоченные дрессировщицы старались не попадаться ей на глаза — в ее движениях сквозил явный гнев. И когда Керрику не приказано было присутствовать, он старался по возможности избегать ее. В тихом ханане его нелегко было отыскать. К тому же он еще не побывал там после возвращения.

Икеменд открыла ему дверь.

— Ты был в Инегбане, — полувопросительно-полуутвердительно сказала она. Движения ее выдавали возбуждение.

— Такого города я никогда не видел.

— Расскажи мне о нем, ведь я уже никогда не увижу его своими глазами.

Слушая Керрика, она пристроила поводок в прорезанную для него в двери канавку и закрыла дверь. Керрик знал, чего она ждет, и рассказал ей только о великолепии города — о толпах и

своем восторге, но умолчал о голоде и холодных зимах. Свои визиты в ханане он любил и был рад, что Икеменд ждала его. Самцы Икеменд не любили и всегда избегали ее. Сейчас никого из них вблизи не было. Керрик поглядел в глубь ханане, где он никогда не был.

— Это я, Керрик! Я хочу говорить с вами.

Проходивший мимо самец в нерешительности замер, потом отправился дальше и остановился лишь тогда, когда Керрик вновь обратился к нему:

— Я был в Инегбане. Хотел бы ты услышать об этом городе?

Искушению трудно было сопротивляться. Самец медленно вышел на свет, и Керрик узнал его. Это был Эсетта, своенравное существо. С ним он разговаривал раз или два. Все прочие самцы восхищались пением Эсетты, но Керрик находил его заунывным и скучным. Впрочем, вслух он об этом не говорил.

— Инегбан — настоящий город, — произнес Эсетта отрывистым сдавленным голосом, как говорят самцы. — Там мы могли сидеть высоко в ветвях, среди листьев, и следить за всем, что происходит на путепроводах. Там мы не были обречены на скуку, как здесь, где не о чем думать, кроме пляжей. Расскажи мне.

— Расскажу. Только сперва пошли за Алиполом. Я хочу, чтобы слышал и он.

— Я не могу.

— Почему?

— Почему я не могу? Ты хочешь знать, почему я не могу сделать этого? Я отвечу тебе, почему это невозможно. — Он помедлил, шевеля языком меж зубами. — Ты не можешь теперь говорить с ним: Алипол мертв.

Новость потрясла Керрика. Коренастый Алипол казался крепким, как древесный ствол.

— Он заболел... или случилось несчастье?

— Хуже. Его изнасиловали. Его, дважды побывавшего на пляжах. А они знали это, грубые твари, они знали; он говорил им, умолял, показывал свои чудесные вещицы — но они только смеялись. Некоторые ушли, но эта уродина, покрытая шрамами, предводительница охотниц!... Его протесты казались ей смешными, она схватила Алипола — и все крики его умолкли под ее уродливой тушей. Они целый день пробыли там, целый день, я видел. Яйца были.

Керрик понял только, что с другом произошло что-то ужасное, но не понял, что именно. На миг забыв о нем, Эсетта закачался с закрытыми глазами. Он зажужжал, а потом запел:

Юным я ухожу на пляжи.
Знаю — вернусь.
Снова иду, уже постарев.
Вернусь ли?
Но не посылай меня в третий раз,
Не надо, прошу.
Мало нас возвращается в третий.
Я знаю — я не вернусь!

Эсетта умолк. Забыв, что Керрик собирался рассказать об Инегбане, он повернулся и, не отвечая на вопросы Керрика, зашаркал назад. Как ни звал Керрик громким голосом, никто не появился. Что имел в виду Эсетта? Что убило Алипола на пляже? Этого он не понимал.

Инлену< уснула на солнышке, прислонясь к стене. Но Керрик свирепо дернул за поводок. Она поглядела на него пустыми глазами, зевнула и медленно поднялась на ноги.

Глава 24

Фарги торопилась доставить сообщение — ведь оно предназначалось самой эйстаа, — но в рвении своем слишком спешила по жаре. И когда добралась до амбесида, то так запыхалась, что говорить уже не могла. По инерции она рванулась на солнце, но тут же отступила в прохладную тень. Есть ли поблизости пруд? В подобном состоянии она не могла вспомнить. Никто из оказавшихся поблизости фарги не обращал внимания на ее шевелившиеся пальцы и на игру цвета ладоней.

Все фарги эгоистичны, они всегда думают лишь о себе, не обращают внимания на других фарги. Посланница рассердилась, не думая о том, что сама в такой ситуации поступила бы точно так же. В отчаянии она заглядывала в ближайшие коридоры и наконец обнаружила питьевой фрукт. Она высосала из него прохладную воду, остатками обрызгала тело и руки. Наконец, отдышавшись, она произнесла:

— Эйстаа... у меня к тебе послание...

Медленно, стараясь держаться тени, фарги обошла амбесид, протолкалась вперед через толпу фарги перед эйстаа. Здесь она застыла в позе внимательного ожидания, как положено нижайшей перед лицом высочайшей.

Через некоторое время ее заметила Ваналпе′ и привлекла внимание Вейнте′ к безмолвной фигуре.

— Говори! — приказала эйстаа.

Фарги затряслась от усердия и принялась выговаривать тщательно заученные слова:

— Эйстаа, я принесла весть. Весть от той, что кормит раптора. Птица вернулась.

— Вернулась! — В голосе Вейнте′ послышалась радость, и фарги восторженно заюлила, в простоте своей считая себя удостоенной этой эмоции. Быстрым жестом Вейнте′ призвала другую фарги. — Найди Сталлан. Пусть немедленно явится ко мне. — И повернулась к вестнице. — Ты возвращайся к тем, кто возле птицы. Оставайся там, пока все картинки для меня не будут готовы, после чего возвратись и сообщи мне. Повтори.

— Вернуться к тем, кто возле птицы. Остаться. Вернуться к эйстаа, когда готовы будут...

— Картины, виды, ландшафты, — отчеканила Вейнте′, чтобы глупое создание запомнило. — Повтори, акайил.

Акайил, косноязычная. Вездесущие фарги шепотом передавали друг другу убийственное слово и в страхе отодвигались от пустившейся в обратный путь вестницы, словно опасаясь заразиться.

— Ваналпе′, сколько займет обработка? — спросила Вейнте′.

— Часть информации уже доступна. Банк памяти из ганглий птицы уже был перемещен в более емкую память. Я сама делала это при записи схем роста. Первые и последние снимки уже можно видеть. Но чтобы разобраться в том, что происходило между ними, потребуется время.

— Неясно говоришь.

— Я глупа в объяснениях, эйстаа. Птицы не было много дней. И все это время, ночью и днем, каждый миг она запоминала картинку. Запоминающему существу можно приказать выбросить все черные картинки, полученные ночью, но все равно их останется очень много. И каждое изображение следует вывести на экран из жидких кристаллов, а потом запомнить или забыть. На это уйдут дни, много дней. Значит, будем терпеливыми и подождем.

Вейнте′ посмотрела вперед и, заметив коренастую, покрытую шрамами Сталлан, дала ей знак приблизиться.

— Птица вернулась. Мы скоро узнаем, обнаружены ли устузоу. Мы готовы к нападению?

— Готовы, фарги теперь метко стреляют. Хесотсаны сыты.

Посажены игольчатые кусты, собрано много игл. Лодки размножались, и некоторые из молодых уже подросли и готовы к службе.

— Приготовь все. Погрузи воду и пищу, потом явись ко мне. Ты, Ваналпе′, — твой опыт с картинками следует использовать — немедленно отправляйся и помоги тем, кто занят этой работой.

Весь остаток дня и весь следующий день Вейнте′ занималась городскими делами и выбросила из головы все мысли об устузоу. Но всякий раз, когда она расслаблялась, если вблизи никого не было, — мысли возвращались. Найдены ли устузоу? Если найдены, их необходимо убить, выследить и убить. Носовые клапаны ее белели от гнева, когда она думала об устузоу.

Когда она чувствовала себя так, еда не доставляла ей удовольствия, и характер ее портился настолько, что одна фарги даже умерла от испуга, когда та слишком грубо говорила с ней. И для безопасности города было вовсе недурно, что до Вейнте′ весть дошла уже на третий день.

— Картинки готовы, эйстаа, — произнесла фарги, и присутствующие затрепетали от облегчения.

Даже Керрик присоединился к большой группе любопытствующих.

— Их обнаружили, — произнесла Ваналпе′, — обрабатывается большой снимок, он почти уже готов.

Из отверстия в существе медленно выползло изображение. Ваналпе′ поспешно выдернула его. Вейнте′ выхватила у нее еще мокрый и теплый лист.

— Их действительно обнаружили, — сказала она, и картинка задрожала в ее пальцах от движений удовольствия. — Где Сталлан?

— Здесь, эйстаа, — ответила Сталлан, откладывая в сторону снимки, которые изучала.

— Ты знаешь, где это место?

— Пока нет. — Сталлан указала в центр листа. — Достаточно уже того, что рядом течет река. Мы нападем из воды. Я сейчас намечаю путь, начало его уже нанесено на мои карты. А с этими картинками я смогу преследовать их до самого места. Смотри — вот их логово. Укрытия из шкур, большие звери — все как было.

— И они погибнут, как гибли и прежде! — Вейнте жестом позвала к себе Керрика, ткнула пальцем в листок. — Знаешь, что это?

Черные и белые пятна не складывались в изображение, до

сих пор ничего такого он не видел. Взяв листок, он покрутил его, даже заглянул с обратной стороны.

Вейнте′ вырвала его из рук Керрика.

— Не хитри, — сказала она, — тебе приходилось видеть и такие сооружения, и этих существ.

— Свидетельствую свое уважение, эйстаа, — смиренно и униженно вмешалась Ваналпе′, — но фарги реагируют точно так же. Их приходится учить разглядывать картинки, иначе они не видят в них смысла.

— Понятно. — Вейнте′ отложила картинку. — Заканчивайте приготовления. Отправляемся сразу, когда определим место. Ты, Керрик, отправишься с нами.

— Благодарю тебя, эйстаа. Счастлив помочь.

Керрик говорил вполне искренне. Он и представления не имел, куда и зачем они отправляются. И он просто предвкушал новое удовольствие — поход в лодках...

Энтузиазм его исчез быстро; они отбыли на рассвете, плыли до сумерек, а потом спали на берегу. Так продолжалось день за днем, он уже начинал завидовать иилане′, способным впадать в почти бессознательное состояние. Ему оставалось глядеть на берег и представлять, что кроется за стеной прибрежных деревьев.

Пока они продвигались на запад, береговая линия медленно менялась. Джунгли сменились лесом, потом болотами, потом низким кустарником. Они миновали устье большой реки и направились дальше. Потом флотилия вошла в большой залив и взяла курс на север. Вейнте′ и Сталлан, плывшие в первой лодке, изменили направление, и отряд направился вдоль берега бухты.

Появилась какая-то новизна... Сонные фарги начали пробуждаться. В одном месте их лодки распугали птиц. Оглушительно крича, они взлетали огромными стаями, закрывавшими небо. Когда болота вновь сменились пляжем, Вейнте′ дала знак высаживаться, хотя солнце еще и наполовину не опустилось к горизонту.

Вместе со всеми Керрик ждал, какое будет принято решение. Сталлан показала на один из снимков.

— Мы здесь, а устузоу там, на берегу реки. Если мы подойдем поближе, они могут нас заметить. Разумнее облегчить лодки здесь, оставить на пляже все припасы. Подготовимся к нападению на рассвете.

Вейнте′ согласилась:

— Нападем из воды разбивающимся валом, если на этот раз мы не можем зайти им в тыл. Я хочу, чтобы всех убили. Нескольких по моему приказу Сталлан возьмет в плен. Понятно? Повторите!

Начальницы отрядов повторяли инструкции, фарги с напряжением вслушивались. Они все повторяли и повторяли, наконец даже самые тупые поняли, что следует делать. Керрик, заскучав, отошел, но тут же вернулся, повинуясь жесту Вейнте′.

— Ты останешься здесь, возле припасов, и будешь дожидаться нашего возвращения. Я не хочу, чтобы тебя убили по ошибке, когда начнется стрельба. Твоя работа начнется позднее.

Не дождавшись ответа, она отвернулась. Керрик не горел желанием видеть чью-нибудь смерть, даже устузоу, и потому был доволен.

С рассветом иилане′ погрузились в лодки. Керрик все это время сидел на берегу и следил, как живые суденышки исчезают в тумане. Инлену тоже глядела, но с явным отсутствием интереса. Едва лодки удалились, она торопливо открыла один из контейнеров с мясом.

— Скверная обжора, — сказал Керрик, — растолстеешь.

— Еда — хорошо, — произнесла Инлену<. — Ешь и ты.

Он не любил мясо, хранившееся в пузырях, — у него всегда был своеобразный привкус. Но все-таки он пожевал, потом запил водой, прекрасно зная, что Инлену< не сдвинуть с места, если она не наелась. Поглядев на нее внимательнее, он заметил, что та действительно потолстела.

И хотя Керрик успел уже привыкнуть к постоянной компании, он понял, что одиночество все еще доставляет ему удовольствие. Инлену< не в счет. Когда лодки ушли, наступила тишина. Ветер шелестел в высокой траве, ленивые волны набегали на берег. Только голосов не было — постоянной трескотни амбесида.

Керрик шел первым по чистому песку между поросшими травой кочками, птицы взлетали почти из-под ног. Они шли и шли, наконец Инлену< принялась скулить, но он приказал ей молчать. Они подошли к высокой черной скале, с которой лентами свисали водоросли, прямо над водой темные ракушки облепили влажный камень.

— Вкусные... — громко причмокнула Инлену<.

Зайдя по колени в воду, она попыталась отодрать раковины, но они прочно держались за камень. Керрик отвел ее на берег и выбрал камень размером с кулак. Он отбил от скалы несколько

ракушек, Инлену< схватила их и отправила в рот, в могучих челюстях хрустнули скорлупки. Выплюнув осколки раковин, она с удовольствием проглотила сладкое содержимое. Керрик отломил несколько раковин и для себя и вскрыл их висевшим на шее ножом. Этим делом они занимались до тех пор, пока в глотку уже ничего не стало лезть.

День был прекрасный, лучшего Керрик припомнить не мог. Но нужно было быть на месте к возвращению иилане′, и, едва завечерело, они отправились к месту высадки. Ждать пришлось долго, солнце уже спускалось за горизонт, наконец лодки появились.

Первой на берег вышла Вейнте′. Она пересекла пляж, опустила оружие на песок и схватила большой кусок мяса. Жадно впившись в него, она бросила на Керрика испытующий взгляд. Прожевав и проглотив кусок, она сказала:

— Никто не спасся. Убийцы убиты. Они отбивались, погибли фарги, но в мире достаточно фарги. Мы совершили то, ради чего *явились сюда. А теперь ты выполняй свое дело.*

Она что-то крикнула, и две фарги вытащили из одной лодки тяжелый тюк и поволокли его по песку. Керрику показалось, что там одни шкуры. Но тюк шевелился.

Когда фарги притащили тюк, он раскрылся, и перед Керриком оказался бородатый человек. Кровь запеклась на его волосах, в широко раскрытых глазах застыл ужас. При виде Керрика он раскрыл рот и издал странные резкие звуки.

— Устузоу говорит, — произнесла Вейнте′. — У этих грязных существ подобное сходит за речь. Что он говорит, Керрик? Приказываю: слушай и говори мне.

Нельзя было и подумать о неповиновении. Когда говорит эйстаа, все исполняют. Но Керрик не в силах был повиноваться, и страх охватил его.

Он не понимал звуков. Они не значили ничего. Совсем ничего.

Глава 25

— Существо разговаривает? — заторопила его Вейнте′. — Скажи мне скорее.

— Не знаю, — признался Керрик. — Возможно. Но я ничего не понимаю.

— Значит, эти звуки — просто звуки?

Вейнте′ разъярилась. Планы ее встретили непредвиденное препятствие. Не надо было доверять Энге, эти грязные твари не могут объясняться друг с другом. Она ошиблась. Свой гнев Вейнте′ обратила на пленного устузоу и ударила его ногой в лицо. Он застонал от боли и громко вскрикнул.

Керрик склонил голову и внимательно прислушался, прежде чем заговорить.

— Эйстаа, пожалуйста, подожди, есть кое-что.

Отступив на шаг, в гневе она повернулась к нему. Он заговорил быстро, чтобы ярость не обрушилась на него:

— Ты слыхала, он много раз говорил это слово... много раз, и я понимаю, то есть я думаю, что понимаю его. — Он умолк, закусил губу, прислушиваясь к полузабытому, припоминая слова. — Мараг. Он сказал — мараг.

— В этих звуках нет смысла.

— Есть, я знаю, что есть. Это то же самое, что устузоу.

Теперь Вейнте′ казалась озадаченной.

— Но ведь это и есть устузоу.

— Я не это имею в виду. Для него иилане′ — устузоу.

— Смысл ясен не полностью, и мне не по вкусу сравнение. Но я понимаю, что ты хочешь сказать. Продолжай расспрашивать. Если, по-твоему, этот устузоу — иилелбе и не умеет говорить, найдем другого. Начинай.

Но Керрик был бессилен. Пленник молчал. И когда Керрик наклонился, чтобы подбодрить его, устузоу плюнул ему в лицо. Вейнте′ не обрадовалась.

— Вытрись! — приказала она, а затем махнула фарги. — Приведи сюда другого устузоу.

Керрик едва замечал, что происходит. «Мараг». Слово это крутилось и крутилось в его голове, пробуждая невнятные воспоминания. Крики в джунглях, что-то кошмарное в воде. Мургу. Это когда мараг не один. Мургу, мараг, мургу, мараг.

Задумавшись, он даже не услышал, что Вейнте′ гневно кричит:

— И ты тоже стал вдруг иилелбе, не умеешь открыть рта, словно фарги, только что вышедшая из воды.

— Извини, воспоминания, звуки, издаваемые устузоу, напомнили мне...

— Мне дела нет до твоих воспоминаний. Разговаривай со вторым.

Керрик взглянул в испуганные голубые глаза. Голову сущест-

ва покрывали густые светлые волосы. На лице существа волос не было и скрытое шкурами тело казалось иным. Испуганное существо застонало, когда Вейнте′ схватила копье с каменным наконечником, отобранное у устузоу, и ткнула пленника в бок.

— Погляди, — сказала Вейнте′. — Я покажу, что тебя ждет, если ты будешь молчать, как тот, и не будешь говорить.

Бородатый пленник хрипло закричал: Вейнте′ погружала и погружала копье в его тело, — а потом замолчал. Второй пленник застонал, дергаясь и отворачиваясь. Вейнте′ вытащила копье.

— Ослабить пути, пусть он говорит, — приказала она, отворачиваясь.

Это было нелегко. Существо завыло, зашлось кашлем, из глаз его текли слезы, по подбородку сочилась слюна. Керрик нагнулся поближе, подождал, пока оно затихнет, и проговорил единственные слова, которые знал:

— Мараг. Мургу.

Немедленный ответ прозвучал слишком быстро для него. Но он узнал — «мургу», а потом кое-что еще. «Саммад». Да, саммад, убили целый саммад. Это оно и говорило. Она сказала, что весь саммад перебит мургу.

«Она». Слово само пришло в голову — женщина. Она — линга, убитый — ханнас. Самец и самка. Керрик тоже ханнас.

Понимание росло, медленно, по одному слову, по выражению. Некоторые слова он вовсе не понимал. Он помнил слова восьмилетнего ребенка, а не взрослой женщины.

— Вы оба издаете звуки. Понимание есть?

Керрик заморгал, вскочил на ноги и долго смотрел на Вейнте′, прежде чем смысл вопроса пробился через пелену слов марбака, окутавшую его ум.

— Да, конечно, эйстаа. Понимание есть. Оно движется медленно... но движется.

— Значит, ты делаешь хорошо. — Тени стали длинными, солнце опустилось за горизонт, и Вейнте′ завернулась в плащ. — Свяжите устузоу, чтобы оно не могло удрать. Утром продолжишь. Когда ты добьешься отличного понимания, задашь устузоу вопросы. Такие, на которые необходимы ответы. Если тварь станет противиться — напомни ей об участи первого.

Керрик отправился за плащом, потом вернулся и сел на песке рядом с женщиной. В голове его кружились слова, звуки и имена.

Женщина произносила слова... и он понимал их, хотя было темно и он не видел ее движений.

— Мне становится холодно.

— Ты можешь говорить во тьме, и я тебя понимаю!

— Холодно.

Конечно, это марбак, не язык иилане′. На нем говорят не движениями, а звуками, только звуками. Удивляясь открытию, он снял пропитанную кровью шкуру с тела мужчины и набросил на женщину.

— Мы можем говорить даже ночью, — сказал он, вытирая о песок липкие руки.

Она отвечала негромко, со страхом в голосе, но уже с любопытством.

— Я — Ине из саммада Охсо. Кто ты?

— Керрик.

— Ты здесь тоже пленник, привязан к марагу. Ты умеешь с ними говорить?

— Да, конечно. Что вы здесь делали?

— Пропитание добывали. Странный вопрос. Не надо было нам так далеко заходить на юг, но прошлой зимой многие умерли от голода. Ничего больше нам не оставалось. — С заметным любопытством она поглядела на его силуэт. — Керрик, когда тебя поймали?

— Когда?.. — На вопрос было сложно ответить. — Это было, должно быть, много лет назад. Я был еще очень мал...

— Все они мертвы, — сказала она, вдруг вспомнив, и зарыдала. — Эти мургу убили всех, кроме горстки пленников.

Она зарыдала еще громче, и шею Керрика вдруг охватила боль. Он схватился за ошейник, это Инлену< поташила его прочь. Шум разбудил ее, и она просто удалялась в спокойное место, волоча Керрика за собой. После этого он уже не стал более пытаться говорить...

Утром он долго не мог проснуться. Было жарко. Голова болела. Должно быть, вчера он перегрелся на солнце. Обнаружив емкости с водой, он принялся жадно пить. Тут подошла Сталлан.

— Эйстаа сказала мне, что ты говоришь с другим устузоу. — Слова свои она сопровождала жестами глубокого презрения к животному способу общения.

— Я — Керрик, что сидит возле эйстаа. Твоя манера речи — оскорбление.

— А я — Сталлан, которая убивает устузоу для эйстаа. Называть вас так, как вы заслуживаете, не оскорбление.

И сегодня убийство еще пьянило охотницу. Обычно она вела

себя грубо, но не столь вызывающе. Но Керрик чувствовал себя недостаточно хорошо, чтобы начать спор со страшилищем. Не сегодня. Не обращая внимания на движения презрения и превосходства, он повернулся к ней спиной и пошел туда, где лежала связанная женщина.

— Говори с этой тварью! — приказала Сталлан.

Женщина задрожала. Испуганными глазами поглядела на Керрика.

— Я хочу пить.

— Я принесу воды.

— Оно извивалось и произносило звуки, — сказала Сталлан, — твои звуки были столь же отвратительны. Каков смысл?

— Она хочет воды.

— Хорошо. Дай твари немного. А потом я буду задавать вопросы.

Ине боялась марага, стоявшего возле Керрика. Он смотрел на нее пустым и холодным взглядом, а затем задвигал конечностями, издавая звуки. Керрик перевел.

— Где еще тану? — спросил он.

— Где?.. Что ты имеешь в виду?

— Я спрашиваю вместо этого уродливого марага. Он хочет знать, где другие саммады.

— На западе, в горах, ты это знаешь.

Сталлан не удовлетворилась ответом. Допрос продолжался. Немного погодя, даже едва понимая язык, Керрик догадался, что Ине избегает прямых ответов.

— Ты говоришь не все, что знаешь, — сказал он.

— Конечно, нет. Этот мараг хочет узнать, где другие саммады, и всех перебить. Я не скажу. Лучше я умру. Или ты хочешь, чтобы эта тварь все узнала?

— Мне все равно, — правдиво отвечал Керрик.

Он устал, голова его болела. Мургу убивают устузоу или же устузоу — мургу, ему было все равно. Вдруг он зашелся сильным кашлем. Вытерев мокрые губы, он заметил в слюне кровь.

— Спрашивай снова! — приказала Сталлан.

— Сама спрашивай! — ответил Керрик таким оскорбительным образом, что Сталлан в гневе зашипела. — Воды. Пить. Глотка пересохла.

Он жадно припал к воде, потом закрыл глаза, чтобы мгновение передохнуть.

Потом он почувствовал, что его куда-то потащили, но от-

крыть глаза оказалось непосильным трудом. Когда его оставили одного, он поджал ноги к груди и обхватил руками. Под жаркими лучами солнца его бессознательное тело бил озноб.

Глава 26

Он чувствовал течение времени, боль не проходила. Та самая боль, чье присутствие вдруг стало самым важным в жизни Керрика, сокрушавшая его своей тяжестью. Он то терял сознание, то вновь приходил в себя и радовался бездумным темным ночам, как спасению от лихорадки и нескончаемой боли. Однажды он проснулся от какого-то слабого крика и не сразу догадался, что кричал сам.

Худшее медленно проходило. Сознание возвращалось ненадолго, но Керрик уже начал ощущать, что резкая боль становится ноющей. Зрение отказывало ему, но сильные прохладные руки, поддерживавшие его за плечи во время питья, могли принадлежать только Инлену<. Сиделка, думал он, постоянная сиделка. Он расхохотался от этой мысли, не зная почему, вновь теряя сознание.

Наконец пора безвременья закончилась — однажды он вдруг понял, что пришел в себя, но не имел силы даже пошевелиться. Его не держали, не связывали — ужасная слабость сковывала его. Он понял, что может двигать глазами, но и они болели — от попытки невольно хлынули слезы. Рядом сидела Инлену<, уютно устроившись на хвосте. Она с безмолвным удовольствием глядела в никуда. Керрик ухитрился с огромным трудом выдавить из себя слово «вода» — и был не в состоянии пошевелиться, чтобы произвести необходимые телесные движения, означающие, что следует принести некоторое количество воды. К нему обратился глаз Инлену< — она обдумывала единственное слово. Наконец желание его стало очевидным даже ей, она пошевелилась и отправилась за тыквой.

Керрик поперхнулся, закашлялся, обессилев, откинулся на спину в полном сознании. У входа зашевелились. В поле его зрения вплыла Акотолп.

— Неужели он заговорил? — спросила она. Инлену< ответила утвердительным жестом. — Очень хорошо. Очень хорошо, — сказала ученая, нагибаясь над ним.

Керрик заморгал, когда ее жирная физиономия с обрюзгшими щеками, словно полная луна, появилась перед ним.

— Ты должен был умереть, — с легким удовлетворением произнесла она. — И ты умер бы, не окажись меня с вами. Покачай головой, чтобы видно было, как ты мне благодарен за это.

Керрик умудрился изобразить легкое движение челюстью, и Акотолп удовлетворилась.

— Ужасная болезнь, она поражает весь организм. Эти нарывы на твоей коже — одно из ее проявлений. Фарги боялись к тебе прикоснуться. Глупые, они не понимают, что такие инфекции не передаются от вида к виду. Поэтому мне пришлось самой ухаживать за тобой. Весьма интересно. Если бы мне уже не приходилось работать с теплокровными устузоу, в твоей печальной участи не стоило бы сомневаться.

Рассуждая вслух, Акотолп меняла повязки на его теле. Боль была не сильной, не такой, как прежде.

— У некоторых пойманных устузоу эта болезнь протекала в более легкой форме. С детства выработанные антитела. У тебя их не было. Я полностью выдавила кровь из одного больного, приготовила сыворотку — и все. Работа окончена. Теперь ешь.

— Как долго... — выдавил Керрик.

— Долго — пища? Долго — антитела? Тебя еще лихорадит?

Керрик сумел сделать знак времени.

— Поняла. Как долго ты болел? Очень долго. Я не следила. Это неважно. Теперь выпей это. Тебе нужен протеин. Ты потерял треть своего веса. Это великолепное мясо, энзимированное в жидкости, великолепно переваривается.

Керрик был слишком слаб, чтобы протестовать. От отвратительной жижи его выворачивало наизнанку, но он все-таки протолкнул в себя несколько глотков. А потом, обессилев, уснул. Это был кризис. Он выздоровел, надо было набираться сил. Кроме толстой ученой, его не посещал никто, да он и не желал никого видеть. Воспоминания о тану, с которыми он разговаривал, вновь и вновь вставали перед ним. Нет, не тану, устузоу — убийцы с горячей кровью. Люди, похожие на него самого. Двойственность его жизни теперь стала ему понятна, в ней не было никакого смысла. Конечно же, он тану, ведь его притащили в этот город еще ребенком. Но все это происходило так давно, что даже память о детстве забылась. Осталась только память о памяти, словно ему говорили когда-то о тану. Физически он не иилане′, он и не может стать им. Но думал он так, как они, двигался, как они, говорил их словами. А телом он оставался тану, и в снах его окружали тану. Сны тревожили, пугали, и, просыпаясь, он радовался, что не запоминает их. Он пытался вспомнить слова тану, но не мог. Даже те слова, которые он говорил тогда на пляже, ускользнули из его памяти за время болезни.

Если не считать привычной безмолвной Инлену<, он был в полном одиночестве. Керрика посещала одна Акотолп, что удивляло его.

— Неужели они все еще охотятся на устузоу? — спросил он ее однажды.

— Нет. Все по крайней мере двадцать дней как вернулись.

— Но здесь никого нет, кроме тебя, даже фарги сюда не заходят.

— Конечно же, нет. — Акотолп уселась на хвост, соединив все четыре больших пальца на толстом животе. — Ты мало знаешь об иилане′, вот столько, — не больше, чем между двумя пальцами. — Показав, она вновь переплела их. — Ты живешь среди нас, ничего не зная.

— Я — ничто, и мои знания ничто. Ты знаешь все. Просвети, пожалуйста.

Слова его не были простой вежливостью. Большую часть своей жизни он прожил в городе, полном секретов. О многих сторонах жизни иилане′ он мог только догадываться, поскольку об этом никто не желал говорить. Если лестью и низкопоклонством можно добиться чего-то от этой жирной твари, он согласен изображать любую покорность.

— Иилане′ не болеют. Болезни поражают только низших животных вроде тебя. Могу предположить, что существовали и поражавшие нас болезни. Они давно уже ликвидированы, эти заболевания, как та самая лихорадка, от которой погибло здесь несколько иилане′. Недомоганием могут сопровождаться травмы и раны, с ними легко справиться. Поэтому твоя хворь озадачивает глупых фарги. Они не могут понять, что с тобой, и потому игнорируют твою болезнь... и тебя вместе с ней. Но мое искусство в обращении со многими формами жизни так велико, что я-то знаю, что делать.

Она изобразила великое довольство собой, и Керрик поспешно согласился с ней.

— Тебе, высочайшая, известно все, — добавил он. — Не позволишь ли глупому устузоу побеспокоить тебя вопросом?

Акотолп знаком разрешила.

— А среди самцов разве нет хвори? Мне говорили в ханане, что многие из них умирают на пляжах.

— Все самцы глупы и ведут дурацкие разговоры. Иилане́ запрещено разговаривать об этом.

Испытующе глянув на Керрика одним глазом, Акотолп скользнула другим по крепкой спине Инлену< и решилась.

— Но тебе рассказать можно. Ты не иилане́... и ты — самец, так что слушай. Я буду говорить просто, ведь по-настоящему понять все это можно, лишь обладая моими великими познаниями. Я собираюсь описать тебе интимные подробности сложного процесса размножения. Во-первых, ты должен понять свое ничтожество. Все теплокровные самцы, в том числе и ты, извергают сперму... вот и весь ваш вклад в процесс рождения. Для нас, вида высшего, это не так. При копуляции оплодотворенное яйцо извергается в сумку самца. Акт этот инициирует в его организме метаболические изменения. Самцы становятся вялыми, тратят мало энергии, жиреют. Из яиц проклевывается молодняк, он обитает в сумке и покидает ее уже достаточно крупным, чтобы выжить в море. Прекрасный физический процесс, освобождающий куда более развитых самок для важных дел.

Акотолп жадно облизнулась, выхватила у Керрика тыкву с недопитым жидким мясом и осушила ее одним глотком.

— Более развитых во всех отношениях. — Она с удовольствием рыгнула. — И когда молодняк уходит в море, роль самца в воспроизведении потомства заканчивается. То же самое можно сказать и об одном насекомом — богомоле. Его самка поедает самца при копуляции. Обратная метаболическая перемена в организме самца происходит труднее. Примерно половина их умирает. И хотя для самца в этом есть некоторое неудобство, на выживаемости вида подобное никак не сказывается. Ты не понимаешь, о чем я говорю, так? Вижу, вижу по животной пустоте твоих глаз.

Но Керрик понял все слишком хорошо. Третий раз на пляже — верная смерть, подумал он. Но вслух произнес:

— Как велика твоя мудрость, высочайшая! Даже если бы я жил от яйца времен, и то не усвоил бы даже малейшей доли твоих познаний.

— Безусловно, — согласилась Акотолп. — Низшие теплокровные существа не способны к существенным изменениям метаболизма. Поэтому-то их немного, и способны они существовать лишь на краю света. В Энтобане мне случалось работать с животными, которые во время сухого сезона обволакивают себя

илом — так они дожидаются следующего сезона дождей в глине, на дне пересыхающих озер, как бы долго ни продлилась засуха. Поэтому даже тебе следует понять, что метаболические изменения могут привести и к смерти.

Факты сошлись, и Керрик, не думая, выпалил:

— Дочери Смерти?

— Дочери Смерти... — с презрением произнесла Акотолп. — Не говори мне об этих созданиях. Они не служат своему городу и не умеют как положено умереть, когда их выгоняют. Умирают хорошие. — Она поглядела на Керрика, и холодная злоба проступила в ее жестах. — Икемеи мертва. Великая ученая. Тебе была предоставлена честь встретить ее в Инегбане, когда она брала у тебя пробы тканей. Так ее погубили. Какие-то дуры на высоких постах решили поручить ей найти способ биологического уничтожения вас, устузоу. Она не смогла этого сделать, как ни старалась. И она умерла. Ученые берегут свою жизнь, они не могут ее взять. И она умерла — иилане́, отвергнутая своим городом. А ты — бесчувственный самец, низкий зверь, и я больше не буду с тобой разговаривать.

Она заковыляла прочь. Керрик не заметил ее ухода. Впервые сумел он понять хоть что-то из того, что происходило вокруг. Он-то по глупости своей воспринимал мир таким, каким он был. Он-то верил, что все эти создания, вроде лодок и хесотсанов, были естественными. Да разве такое возможно? Иилане́ даже себя преобразили неведомым способом — значит, они изменили в городе все растения, всех животных. Если жирная Акотолп и впрямь умела делать подобные вещи, пределы познаний ее на самом деле трудно было представить. И впервые он почувствовал к ней искреннее уважение — за все, что она знала и умела. Он бы умер, если бы не она.

Он уснул и стонал во сне: животные меняли свою сущность, и сам он таял и растекался, преображаясь.

Скоро он уже мог сидеть. Потом, опираясь на Инлену<, сумел проковылять несколько шагов. Силы постепенно возвращались. Вскоре он выбрался из своей каморки и уселся на солнце, прислонившись спиной к дереву. Как только он там оказался, здоровый как всегда, общение с ним вышло из-под запрета. Фарги являлись на его зов, приносили фрукты, ничего другого он не хотел — только чтобы избавиться от привкуса жидкого мяса.

Силы возвращались, и наконец с остановками он рискнул

добраться до амбесида. До болезни прогулка была бы недолгой. Теперь это была целая экспедиция, в конце ее он опирался на руку Инлену< и обливался потом. Привалившись к стене амбесида, он пытался отдышаться. Вейнте′ заметила его и приказала подойти. Он поднялся на ноги и побрел, спотыкаясь на ходу. Она следила за его неровной поступью.

— Ты еще болен? — спросила она, выражая озабоченность.

— Болезнь прошла, эйстаа. Слабость осталась. Акотолп, обладающая бесконечными познаниями, велела мне есть много мяса, чтобы сила возвратилась в мое тело.

— Делай, как она приказала. Подтверждаю ее распоряжения. Победа следовала за нами на север, все попавшиеся нам устузоу убиты. Часть из них мы взяли в плен, и я хочу, чтобы ты говорил с ними, получал информацию.

— Как повелевает эйстаа, — отвечал Керрик и, хотя он говорил со смиренной любезностью, вдруг испытал страшное возбуждение: он покраснел и задрожал.

Он понял, что ненавидит этих отвратительных существ. Но все-таки он стремился общаться с ними.

— Ты будешь разговаривать, но не с теми, кого мы привезли с севера. Они уже мертвы. Копи силы. Когда теплое солнце вернется на север, мы отправимся туда, чтоб еще больше убить.

Керрик жестом выразил покорность, удивляясь внезапному разочарованию.

Чтобы прогнать болезнь и восстановить силы, ему достаточно было теперь просто лежать на солнце. Прошло много дней, наконец Акотолп послала за ним. Фарги привела его в ту часть города, где он еще не бывал, к закрытой, но странно знакомой панели. Она отворилась, за ней оказалось сырое помещение.

— Водяная комната, совсем как в Инегбане!

Инлену< завертела плотным телом в знак согласия.

— Глаза жжет!

— Так закрой их, обладательница великой тупости.

И он поспешно зажмурился, когда брызнули первые капли теплой жидкости...

Когда они вошли, Акотолп повернулась к ним, протянула руку и двумя большими пальцами ущипнула Керрика.

— Хорошо. Ребра покрыты. Ты должен упражняться. Этот приказ я передаю тебе от эйстаа. Она весьма озабочена твоим здоровьем. Ты должен окрепнуть, чтобы выдержать новое путешествие на север.

— Я слышу, и я повинуюсь. — Во время разговора Керрик разглядывал странную комнату и безуспешно пытался понять, что его окружает. — Однажды в далеком Инегбане я видел подобное помещение.

— Ты разумный среди глупых. Все лаборатории похожи друг на друга.

— Расскажи мне, великая, что ты делаешь здесь?

Акотолп причмокнула губами, и жирное тело задрожало от охвативших ее чувств.

— И ты хочешь, чтобы я тебе рассказала? Существо бесконечной глупости, да проживи ты десять жизней — и то не начнешь понимать. Иилане′ занимаются наукой с тех пор, как впервые вышли из моря. Их знания росли и зрели. Наука — это знание жизни, умение заглянуть в жизнь, увидеть клетки, из которых складывается все живое, и в них — гены; увидеть там спираль, которую следует удалить и заменить другой. Так владычествуем мы над жизнью. Понял ли ты хоть одно слово, ползающий и копошащийся?

Керрик жестом признал за собой действия насекомого и ответил:

— Очень немного, о обладательница бесконечных познаний, но достаточно, чтобы понять — ты из тех, кто властвует над жизнью.

— Это верно. У тебя по крайней мере хватает разума, чтобы воспринимать, не понимая. С удивлением погляди на это создание.

Акотолп оттолкнула в сторону одну из помощниц и показала на узловатое создание с шипами, восседавшее возле прозрачной части стены. Керрику показалось, что из большого глаза в его боку шел яркий солнечный свет. Озадаченный, он заметил сверху на голове другой глаз. Акотолп жестом приказала Керрику подойти ближе и наслаждалась его недоумением.

— Ты боишься его?

— Эти глаза...

— Они слепы, глупец. Это существо слепо и бесчувственно, мы преобразовали его глаза, чтобы видеть невидимое. Погляди сюда. Что ты видишь на прозрачной пластине?

— Каплю воды.

— Потрясающая наблюдательность! А теперь смотри — я помещаю ее в сандуу.

Большим пальцем Акотолп открыла окошечко в боку сандуу

и вставила в него пластину. Заглянув в верхний глазок и бурча про себя, она набирала пальцами инструкции для сандуу. Потом отодвинулась и поманила к себе Керрика.

— Закрой глаз. Другим погляди сюда. Расскажи, что видишь?

Он ничего не увидел. Просто светлое пятно. Моргнув, он повернул голову... и увидел их: прозрачные существа быстро шевелили щупальцами. Этого он понять не мог и вопросительно взглянул на Акотолп.

— Я заметил там шевелящихся тварей... Кто это?

— Животные, мельчайшие, они живут в этой капле воды. Линзы увеличивают их изображение. Ты понял, что я говорю?

— Нет.

— Абсолютно верно. Ты никогда не выучишься. Твой разум не больше, чем у всех остальных устузоу. Свободен.

Керрик обернулся и вздрогнул, увидев у стены безмолвного бородатого тану. Внезапно он понял, что это чучело. Ничего не ощутив при этом, он быстро вышел.

И все же на обратном пути он был странно взволнован... Солнце грело плечи, сзади терпеливо шлепала Инлену<. Мыслями и словами он был иилане'. А по виду — устузоу. А значит, не был ни тем, ни другим. Мысль эта огорчила его. Все-таки он иилане', в этом нельзя сомневаться.

Он повторял и повторял эти слова, а пальцами бессознательно щипал свое собственное теплое тело тану.

Глава 27

— Пришло время отправляться, — сказала Сталлан. — Здесь, на картинках, есть все, что нам следует знать.

— Покажи! — велела Вейнте'.

Помощницы и фарги, толкаясь, приблизились, чтобы посмотреть, но она жестом отогнала их. Сталлан передавала изображения по одному, сопровождая их подробными пояснениями:

— Вот это самые ранние... Это высокие долины, где обычно зимуют устузоу. Но последней зимой тепло не пришло туда. И поэтому устузоу пойдут на юг в поисках пищи.

На юг, подальше от собственных морозных зим, подумала Вейнте', так и мы бежим из холода Инегбана. Она выбросила из головы непристойное сравнение, едва оно появилось. Между двумя фактами не было никакого сходства, ничего общего не

может быть у иилане' с устузоу. Простое совпадение. Ну и что, пусть эти твари отправляются на юг за пищей.

— ...На юг, где они окажутся у нас в руках, — громко произнесла Вейнте'.

— Будущее открыто для тебя, эйстаа. Если они останутся в горах, то умрут от голода. Если же нет — мы сумеем встретить их.

— Когда выступаем?

— Очень скоро. Смотри сюда... вот. Большие звери, тянущие шесты и шкуры. Они спускаются с гор. Вот трава — еще серая и мертвая после зимы. Белое во впадинах — твердая вода. Они пойдут дальше на юг.

— Пойдут. Подготовка окончена?

— Окончена. Припасы собраны. Лодки накормлены. Вооруженные фарги готовы.

— Проследи, чтобы все так и оставалось.

Отпустив Сталлан, Вейнте' мгновенно забыла о ней, обратившись к мыслям о грядущей кампании. На этот раз придется углубиться на сушу, пробыть в походе все лето. Взять с собой мяса на весь этот срок они не могли... Значит, следует предусмотреть снабжение из города? Или лучше опустошать землю? Это легче, к тому же каждый убитый зверь не достанется устузоу. Но нужно взять с собой и какие-то запасы, чтобы продвижение не замедлялось. Следует учесть все. Придется брать пленников. Раптор не мог пролететь над всеми стоянками устузоу. Допрашивая пленников, иилане' будут обнаруживать племя за племенем и перебьют всех.

Повинуясь жесту, к Вейнте' подошла фарги.

— Прикажи Керрику явиться ко мне.

Она долго не могла отрешиться от мыслей о походе и не сразу заметила вошедшего.

— Расскажи о своем здоровье, — приказала Вейнте', — ты очень похудел.

— Да, но слабость исчезла, шрамы от нарывов зажили. Каждый день я заставляю жирную Инлену< бегать со мною в полях. Она теряет вес — я набираю.

— Скоро выступим на север. Ты отправишься с нами.

— Эйстаа говорит — я повинуюсь.

Он выразил это самым официальным образом, не проявив никаких других эмоций. Но за внешним спокойствием мысли были совершенно иными.

Он стремился в путь... и боялся его.

Большая часть подробностей минувшего похода забылась во время болезни. Когда Керрик был без сознания, он просто ничего не помнил, но когда он пришел в себя, появились боли в груди, язвы покрыли все тело. Он знал, что надо есть... и не мог. Смутно он ощущал, как тает его тело, как приближается смерть, но был слишком слаб, чтобы бороться с болезнью. И лишь во время долгого, трудного выздоровления он начала думать о пище.

Но все это было — и должно остаться в прошлом. Он все еще уставал к вечеру, но с каждым днем становился чуть сильнее. Все будет отлично.

Он пойдет вместе со всеми, там будут устузоу, ему придется разговаривать с ними. Давно не позволял он себе подобных мыслей, но странное возбуждение охватило его, и Керрик с нетерпением ждал похода. Он снова будет разговаривать с тану и на этот раз припомнит больше слов. И едва он об этом подумал, внезапное возбуждение овладело им, и он зашагал быстрее, Инлену< покорно плелась следом.

...Они выступили на несколько дней раньше, чем планировалось; решено было двигаться медленнее. Вейнте' желала проверить, удастся ли им раздобыть по дороге мясо.

Весь первый день они плыли и только утром остановились на скалистом берегу. Сталлан сразу же отправилась на охоту с группой своих лучших охотниц, резвые фарги торопились следом.

Они возвратились задолго до темноты, фарги были нагружены тушами оленей. Они подходили и складывали туши перед эйстаа.

— Хорошо, очень хорошо, — сказала она с удовольствием. — Верно твое имя, Сталлан — охотница, что не промахивается.

Охотница... Керрик не понимал еще смысла этого слова. Охотница. Входящая в лес, крадущаяся по равнине, убивающая.

— Сталлан, я тоже хочу поохотиться, — произнес он вслух то, о чем долго думал. И склонился за хесотсаном, лежавшим неподалеку, но Сталлан пинком отбросила оружие. Ее поступок был грубым и неожиданным.

— Устузоу умирают от хесотсана, другого отношения к оружию они не имеют!

Керрик отступил. Он думал не об оружии, он хотел только на охоту. И пока он обдумывал ответ, заговорила Вейнте':

— Разве у тебя совсем нет памяти, Сталлан? Ты забыла, что

приказы отдаю только я? Отдай Керрику свое оружие! Объясни устузоу, как оно действует.

Тон приказа был так резок, что Сталлан оцепенела. Вейнте' не изменила повелительной позы. Важно, чтобы все иилане', даже ранга Сталлан, не забывали, кто здесь эйстаа. А еще ей хотелось натравить эту пару друг на друга, их взаимная ненависть была очевидной.

Сталлан оставалось только повиноваться. Фарги подвинулись ближе, как всегда, когда кому-то что-нибудь объясняли. Сталлан нерешительно протянула оружие Керрику.

— Это создание называется хесотсан; оно выращено, чтобы служить оружием.

Керрик решительно взял в руку прохладную темную трость, не отводя глаз от указующего большого пальца.

— Молодые хесотсаны подвижны, а когда вырастают, то меняют форму. Ноги становятся короткими, позвоночник деревенеет, и существо принимает такой вид. Его приходится кормить, иначе оно умрет. Вот рот. — Она показала на дырочку с темными губами. — Не перепутай с отверстием, куда вставляются иглы. Иглы мы снимаем с кустов и сушим... Не двигай рукой!

Сталлан выхватила у Керрика оружие и попыталась овладеть собой. Лишь присутствие эйстаа за спиной сделало это возможным. Не будь ее — она втоптала бы этого устузоу в землю. Помолчав, она заговорила более хриплым голосом, чем прежде:

— Это оружие убивает. Для этого надо надавить одной рукой на тело, а потом нажать здесь большим пальцем.

Раздался громкий треск — и игла со свистом улетела в воду.

— Иглы мы вставляем сюда. Получая импульс, хесотсан выделяет некоторое количество жидкости, она испаряется со взрывом и выталкивает иглу наружу. Не заряженные в хесотсан иглы безвредны. Но пока игла двигается по метательной трубе, она трется о железу, которая выделяет такой сильный яд, что невидимая взору капля мгновенно убивает такого гиганта, как ненитеск.

— Ты превосходно объясняешь, — произнесла Вейнте'. Легкое удовольствие в ее тоне делало слова двусмысленными. — Можешь перестать.

Бросив хесотсан Керрику, Сталлан резко обернулась. Но все же не настолько быстро, чтобы скрыть от Керрика жгучую ненависть. Он ответил ей тем же. Но, разглядывая оружие, быстро забыл о случившемся. Он думал только о предстоящей охоте, о том, как воспользуется хесотсаном. И все же он был не настолько лег-

комыслен, чтобы впредь позволять Сталлан находиться рядом с ним без свидетелей. Лучше было держаться от охотницы подальше и уж во время охоты особенно. Ядовитая игла мгновенно уложит его так же, как и любое животное.

...Когда на следующий день пришло время выходить на охоту, Керрик не стал высовываться со своим оружием, пока не убедился, что Сталлан удалилась. Тогда он направился в противоположную сторону. Никакого желания пасть жертвой несчастного случая он не испытывал.

Охотиться, волоча на поводке неповоротливую Инлену<, оказалось делом нелегким, но он старался, как только мог. Иногда ему везло — и Инлену< пришлось тащить на пляж не одного оленя. Но куда важнее, чем сама добыча, оказалось то чувство, которое он испытал, выслеживая зверей в густой траве. Удовольствию его не было предела. Керрик не замечал усталости: у него появился волчий аппетит, он спал как убитый. Охота продолжалась, они медленно продвигались на север, и с каждым днем он оказывался способным на большее. Когда от побережья океана они направились вдоль огромной реки, он чувствовал себя столь же сильным, как прежде.

Первая битва состоялась через несколько дней...

Когда все ушли, Керрик остался в лагере на своем обычном месте. Полученные с помощью раптора снимки свидетельствовали, что устузоу движутся вдоль берега реки, поэтому тщательно продумана была и засада. Но Керрику было не до этого. Скрестив ноги, он сидел на земле и пальцем дразнил хесотсан. Прикасаясь к его пасти, он отправлял в нее очередную мясную кроху и мечтал о новой охоте. Инлену< такая шумная. Но она научилась замирать на месте по его приказу. Он описывал большой круг около очередного обнаруженного стада, а затем прятался с подветренной стороны. Олени, спасаясь от охотниц, бежали прямо на него. План срабатывал.

Мысли его нарушил далекий вопль. Даже Инлену< вздрогнула и огляделась. Крик прозвучал снова, громче и ближе. Керрик вскочил на ноги, вскинув оружие. Крик повторился, послышался тяжелый топот.

Впереди над откосом раздался пронзительный вопль, в ветвях показалась огромная голова. Длинные белые клыки, задранный хобот, вновь оглушительный визг.

— Убей устузоу! — завопила Инлену<. — Убей, убей!

Керрик вскинул хесотсан, целя прямо в черный глаз огромного зверя.

— Кару... — сказал он и не выстрелил.

Инлену< в страхе застонала.

Хадрав хобот, мастодонт вновь затрубил. А потом повернулся и исчез из виду.

Кару... Почему он произнес это слово? Что оно значило? Он ведь только удивился огромному зверю, но не испугался. Странное слово «кару». Оно будило смутные воспоминания. Теплые, мирные... Вздрогнув, он постарался все забыть. Наверное, схватка совсем рядом. Огромный волосатый зверь испугался, удрал. Керрик был рад, что не убил его.

— Эйстаа посылает за устузоу по имени Керрик, — раздался голос медленно тащившейся по берегу фарги.

Она была ранена — нижняя часть руки была закрыта повязкой. Кровь струилась по ноге...

— Умойся! — приказал Керрик, потянув за поводок. Инлену< с трудом поднялась на ноги.

Хесотсан справился с последним куском мяса. Керрик погладил пальцем его рот: если не закрыть его вовремя, оружие может укусить мелкими зубками.

Они пошли вдоль берега, потом повернули в сторону, на утоптанную тропу. По пути им то и дело встречались раненые фарги, шедшие назад. Некоторые стонали, другие валились на землю, не в силах пошевелиться. Они прошли мимо трупа — одна фарги умерла на дороге, глаза и рот были широко раскрыты. Битва была суровой.

Потом Керрик увидел мертвых тану. Фарги сваливали трупы в кучи — мужчины и женщины, детские тельца отбрасывали в сторону. Рядом лежал мастодонт, рухнувший на пожитки племени и изломавший их.

Керрик был потрясен, он молча шел дальше. Это были устузоу, их следовало убивать. Но это же тану — почему они убиты? Это те самые мерзкие устузоу, перебившие самцов иилане́ и молодняк на пляже. Но что ему до этого? Он и близко не подходил к этим пляжам.

Пронзенная копьем фарги лежала на теле охотника, так и не выпустившего древко из рук. Фарги была иилане́, и он, Керрик, тоже иилане́.

Но нет, он тану. Он еще и тану?

На вопрос нельзя было ответить, но его нельзя было и забыть.

Нет, надо забыть все и вспомнить себя мальчиком... Но тот мальчик давно мертв. Чтобы выжить, ему пришлось стать иилане'. И он иилане', а не грязный устузоу.

Тут его за руку потянула какая-то фарги, он вздрогнул. Трупы, кругом трупы... тану, иилане', мастодонты. Он уже не мог смотреть на трупы. Керрик подошел к группе вооруженных фарги, расступившихся перед ним. Там стояла Вейнте', каждое движение ее тела выдавало неприкрытый гнев. Увидев Керрика, она молча указала на лежавший перед нею предмет. Это была шкура какого-то животного, плохо выделанная и подгнившая, совершенно бесформенная, с головой.

Керрик в ужасе отшатнулся. Это было не животное, а иилане', ее еще можно было узнать.

— Видишь это? — спросила Вейнте'. Каждый жест ее передавал жгучую ненависть. — Видишь, что сделали эти животные с ней, такой интеллектуальной, такой красивой? Я хочу поподробнее разузнать об этом: кто это сделал, сколько их было, где их искать. Ты допросишь захваченного устузоу. Нам пришлось вбить в него покорность. Возможно, это предводитель своры. Пусть покапает кровью — но прежде все расскажет тебе, а потом я убью его. Быстро! Я должна знать все. Несколько устузоу избежали смерти, но Сталлан со своими охотницами идет по следу и схватит их.

Лужайку окружали высокие деревья. Тану лежал на земле со связанными руками и ногами, а фарги била его копьем.

— Пусть он страдает, не убивай! — приказала Вейнте'.

Керрик приближался медленно, почти против собственной воли. Охотник был рослым, куда выше его. Густая борода и волосы были испачканы кровью. Избиение продолжалось, но мужчина молчал.

— Прекрати! — велел Керрик, ткнув оружием в спину фарги. — Назад!

— Кто ты? — хрипло спросил мужчина, закашлявшись и сплюнув кровь, перемешанную с осколками зубов. — Ты пленник, раз на поводке? И ты разговариваешь с ними? Где твои волосы? Кто ты? Говорить умеешь?

— Я... я — Керрик.

— Это имя ребенка, а не охотника. Но ты уже взрослый...

— Это я задаю вопросы. Назови свое имя.

— Я Херилак. Саммад мой. Был. Убиты все, все погибли... Да?

— Некоторые бежали. За ними погоня.

— Детское имя... — Голос его стал мягче. — Подойди ближе, мальчик, ставший мужчиной. Дай мне поглядеть на тебя. Они подбили мне оба глаза... Подойди ближе... Вижу. Пусть на лице нет ни волоска, но твое лицо — лицо тану.

Херилак поморгал, стараясь стряхнуть кровь с век. Керрик протянул руку и мягким движением смахнул ее. Он словно прикоснулся к собственной теплой коже. К собственной коже, собственному телу. Он вздрогнул — подобное ощущение было таким непривычным.

— Ты произносишь звуки и вихляешься, как они. Значит, ты умеешь говорить с ними?

— Отвечай на мои вопросы. Не тебе задавать их.

Херилак понимающе кивнул.

— Делаешь их работу. Давно ты с ними?

— Не знаю... Много лет... зим.

— Все это время они убивали тану, Керрик. Мы тоже убиваем их, но всегда мало. Однажды я видел малыша в плену у мургу. Они держат пленных?

— Пленных нет. Только один я... — Керрик умолк, что-то забытое шевельнулось в его памяти: бородатое лицо среди ветвей.

— Значит, они поймали и воспитали тебя, — почти шепотом произнес Херилак. — Ты умеешь говорить с ними. Нам нужна твоя помощь, тану нуждаются в тебе... — Он умолк, заметив нож на шее Керрика. И произнес сдавленным голосом: — Повернись-ка к свету, мальчик. Что это у тебя на шее? Это твоя вещь?

— Моя? — переспросил Керрик, прикасаясь к холодному металлу. — Должно быть, да. Они сказали, что меня поймали с этой штукой на шее.

Голос Херилака дрогнул: охотник что-то вспомнил.

— Небесный металл... Я видел, как он свалился с неба, а потом искал и нашел его. Эти ножи делали при мне, их каменными ножами откалывали от куска металла, потом расплющивали. Ну прикоснись к моей груди... Там под шкурой... спереди... Нащупал? Вытаскивай! Один охотник сделал большой для себя, второй поменьше — для сына. У сына было детское имя, может, его и звали Керрик. Я не помню. Но отца звали Амагаст. Он был близок мне. Потом, через много лет, я нашел этот нож из небесного металла среди его костей. Костей Амагаста.

Застыв в ужасе, Керрик слушал. Имя... Оно снилось ему по ночам, он забывал его, просыпаясь.

Амагаст...

Амагаст. Одно слово словно ключом отомкнуло поток воспоминаний, захлестнувших его. Кару, его мастодонт, убитый с ним рядом. Отец его Амагаст. Он погиб. Вместе со всем саммадом. Воспоминания путались. Тогда тоже вокруг лежали погибшие. Резня... И долгие, долгие годы... Медленно доходили до него слова охотника.

— Убивай их, Керрик, убивай, как они убивают нас.

Повернувшись, Керрик побежал. Инлену< заковыляла следом. Подальше от охотника, от этого голоса и воспоминаний! Но от них уже негде было скрыться. Оттолкнув вооруженную фарги, он поднялся на вершину заросшего травою склона, тянувшегося в сторону моря, и тяжело сел на землю, обхватив колени, лицом к океану... и не видя его.

Перед ним был Амагаст, отец его, и погибший саммад. Робко и невнятно с ним заговорила память. Она была при нем: все забытое, все похороненное. Глаза его наполнили детские слезы, те, что он не выплакал ребенком. Теперь они текли по щекам... Саммад его вновь был перед ним... Убитые лежали, как сегодня родные Херилака. Оба побоища слились в его воображении воедино. И он еще жил столько лет среди иилане′, позабыв обо всем. Он выжил, потому что забыл.

Но теперь он вспомнил и в памяти своей был сразу двумя существами — устузоу, которого научили говорить на языке иилане′, и мальчиком тану.

Мальчиком? Он смотрел на свои руки, на пальцы. Он больше не мальчик. Тело его выросло за долгие годы. Он стал мужчиной, но не знал, как им становятся. Он вспомнил отца, других охотников... Должно быть, теперь он с них ростом.

Вскочив на ноги, Керрик закричал от негодования и гнева. Кто он? Что он? Что с ним происходит?

Вдруг сквозь бурный порыв чувств он почувствовал, что его дергают за шею. Он обернулся и, моргая, увидел, что Инлену< тихонько тянет его за поводок, выражая при этом беспокойство и страх.

Керрику захотелось убить ее, и он занес оружие у нее над головой.

— Мараг! — крикнул он. — Мараг!

Но гнев улегся так же быстро, как и пришел, и, устыдясь, он опустил оружие. Простодушное создание было не опасно, она была пленницей куда в большей степени, чем он.

— Спокойствие, Инлену<, — произнес он. — Ничего плохого. Успокойся.

Приободрившись, Инлену< вновь уселась на толстый хвост и кротко заморгала, глядя на заходившее солнце.

Керрик сразу забыл о ней. Там, на лужайке за деревьями, ждал Херилак. Чего ждал? Ответа, конечно, ответа на вопрос, на который сам Керрик не мог ответить, хотя вопрос был предельно ясен.

Кто он? Физически — тану, мужчина с мыслями мальчика, так и не ставшего настоящим тану. Это было ясно и очевидно. Чтобы выжить, мальчик превратился в иилане′. Это было понятно. Иилане′ мыслями, тану с виду.

Неясно было только, что с ним будет. Если он не предпримет ничего, существование его будет продолжаться так, как и раньше. Положение его останется высоким, он будет ближайшим подручным эйстаа, живущим в спокойствии и безопасности. Но в качестве иилане′.

Но этого ли он хотел? Это ли его будущее? Раньше он не думал об этом, даже не представлял себе такое. Он передернул плечами, пытаясь сбросить невидимую тяжесть. Слишком много приходилось решать прямо сейчас. Ему так требовалось время на раздумье. Он выполнит приказание Вейнте′ и допросит устузоу. Потом будет время все обдумать. Голова его была тяжелой...

Когда Керрик вернулся, ничего не переменилось. Херилак лежал связанным на земле. Три фарги молча стояли на страже. Керрик поглядел на охотника, попытался заговорить, но не находил слов. Молчание нарушил Херилак.

— Делай, как говорю, — зашептал он. — Убей мургу, режь путы, бежим вместе в горы, в зимние снега, к доброй охоте, к костру в шатре. Вернешься к своим.

И хотя охотник шептал эти слова, громом отдавались они в голове Керрика.

— Нет! — громко выкрикнул он. — Молчи! Ты будешь отвечать на мои вопросы. Ты будешь только отвечать...

— Мальчик, ты потерялся, но тебя не забыли. Они попытались сделать тебя своим, но ты не из них. Ты — тану. Керрик, возвращайся в саммад.

Керрик гневно велел Херилаку замолчать, но голос охотника все звучал в его ушах. Он еще не сдавался. Все решила фарги, которая держала копье. Она ничего не понимала, но чувствовала

неладное. Припомнив прежний приказ эйстаа, она шагнула вперед и принялась тупым концом копья охаживать Херилака.

— Нет! — рявкнул Керрик. — Нельзя, перестань!

Оружие в его руке треснуло словно само собой — фарги рухнула мертвой. Все еще охваченный гневом, он повернулся и выстрелил во вторую, та упала — рот ее кривился. Он все нажимал и нажимал на хесотсан, и тело фарги ощетинилось иглами. Когда хесотсан опустел, Керрик отшвырнул его.

— Бери копье! — приказал Херилак. — Режь путы!

Инлену< дернулась следом за Керриком. Он нагнулся к фарги и вытащил копье из ее мертвой руки. Потом он разрезал путы на лодыжках Херилака, потом на запястьях.

— Что это?! Что случилось?! — раздался сердитый крик Вейнте′.

Керрик обернулся — она стояла над ним, оскалив острые зубы. Тут он впервые вспомнил эти зубы впившимися в горло девушки, оскалившимися над ним, когда, оседлав его, она орала от блаженства. Общего блаженства. Ведь и он ощущал его.

Блаженство и ненависть — он разом ощутил их.

Она говорила что-то, но он не слышал. Приказывала, но он не собирался повиноваться. Она повернулась и потянулась к брошенному оружию.

То, что он сделал, было так естественно, что не потребовало никаких раздумий и усилий. Копье взметнулось и ударило в бок Вейнте′, глубоко вонзившись в ее тело. Она схватилась за древко и вырвала его. Хлынула кровь. Иилане′ пошатнулась, повалилась на спину и покатилась с обрыва.

— Бежим! — крикнул Херилак, потянув Керрика за плечо. — За мной! Тебе нельзя теперь здесь оставаться! Ты должен идти со мной!

Схватив Керрика за руку, он потащил его за собой к темной стене леса, обступившего поляну. Керрик сопротивлялся, а потом, спотыкаясь, побежал следом, через подлесок, сжимая в руке позабытое копье. Инлену<, протестуя, ковыляла следом.

Они исчезли среди деревьев, и шаги их утихли. На поляне вновь воцарилось безмолвие.

Безмолвие смерти.

Книга II

Глава 1

Стая ворон, громко каркая, кружила по небу. Птицы по одной опускались на ветки. Дул ветерок, наступал жаркий вечер. Под деревьями было прохладнее: листва на березах и дубах была такой плотной, что лишь кое-где вниз пробивался солнечный луч. Пятна тени дрожали на трех телах, распростертых на мягкой траве.

Могучий Херилак совсем выбился из сил: раны его открылись, кровь сочилась по телу, волосы на голове и борода слиплись. Закрыв глаза, он лежал на спине и неровно дышал.

Напротив него расположилась Инлену<. Не замечая того, она приняла ту же позу и пыхтела, раскрыв рот.

Керрик устал меньше и, в отличие от нее, прекрасно сознавал, что происходит и где они находятся. Они остановились у подножия горы, неподалеку от побережья. Они долго бежали, пока Инлену< не выдохлась, а когда она остановилась, рухнул наземь и Херилак. Во время бегства паника постепенно покинула Керрика, и ее сменил леденящий душу страх.

«Что я наделал?»

В вопросе крылся ответ. Что он наделал, было понятно. Он погубил себя. Он убил эйстаа. Теперь, когда эмоции улеглись, он и понять не мог, что заставило его совершить безумный поступок. Одним ударом копья он оборвал все, что связывало его с иилане′, восстановил против себя всех. Кончилась привычная жизнь, она умерла, как Вейнте′. Теперь уже никогда не вернуться ему в уютный Алпеасак. А впереди ждала неизвестность... Нельзя было сомневаться в том, что ему грозит смерть. Терзаясь тоской и раскаянием, он повернулся и, раздвинув кусты, поглядел вниз со склона. Ни малейшего движения. Не было даже признаков по-

гони. Пока. Но его будут преследовать. Убийца эйстаа не уйдет от возмездия.

Вернуться он не мог. После случившегося все прошлое погибло. Он теперь обречен на изгнание, одинокий иилане среди устузоу, на куда большее одиночество, чем прежде.

Думы его нарушил голос, смысл сказанного он понял не сразу:

— Великолепно, Керрик, отличный удар! Убил главного марага.

— Не просто главного, — в глубоком унынии ответил Керрик. — Самую главную, предводительницу, саммадара города мургу.

— Тем лучше.

— Лучше? За ее смерть мне придется заплатить жизнью.

— Ее? Этот уродливый мараг — самка? Трудно поверить.

— Они все самки. Самцы сидят под замком.

Херилак приподнялся на локтях и холодно взглянул на Инлену<.

— И это самка? — спросил он.

— Как и все.

— Передай мне копье. Будет на одну меньше.

— Нет!

Керрик отодвинул копье, прежде чем Херилак успел до него дотянуться.

— Зачем убивать Инлену<? Она совершенно безобидна. Такая же пленница, как и я. Не убивай ее.

— Почему? Разве это не ее родня вырезала мой саммад... всех, всех до единого! Давай копье! Я убью ее, и ты освободишься. Как ты думаешь, далеко мы уйдем, если ты будешь к ней привязан?

— Не смей! Я не разрешаю убивать ее, понял?

Неожиданно теплые чувства к Инлену< удивили самого Керрика. До сих пор она ничего не значила для него. Прежде он замечал ее только тогда, когда она мешала ему. Но сейчас присутствие ее почему-то вселяло уверенность.

— Если не хочешь убивать — отрежь ремень краем наконечника.

— Его нельзя перерезать. Смотри, камень не оставляет на ремешке даже царапины. — Он несколько раз без всякого результата провел острым наконечником по гладкой твердой поверхности. — Из твоего саммада уцелел еще кто-то. — Керрик сменил тему разговора, чтобы отвлечь внимание Херилака от Инлену<. — Я слышал это от мургу. Они говорили, что преследуют убегающих тану.

— А ты не слыхал, кто? И сколько их было?

— Нет. Знаю лишь, что они бежали.

— Надо подумать. Кто бы это ни был, на юг не пойдет никто. Даже думать нечего. Они пойдут назад, по собственным следам. Да, так они и поступят. К ближайшей воде, до ручья, возле которого мы ночевали сегодня. Придется и нам идти туда же. — Он поглядел на Керрика. — Нас преследуют?

— По-моему, никто не видел, как мы бежали. Но они придут сюда. Мургу — хорошие следопыты. После всего, что я натворил, мне не дадут скрыться.

— Не беспокойся. Они еще далеко. Но и мы окажемся в безопасности только тогда, когда уйдем подальше от берега. В этих холмах они могут выследить нас, если хоть что-нибудь понимают в следах, как ты уверяешь. — Он попытался подняться на ноги. Керрик поддержал его. Стирая с лица запекшуюся кровь, охотник огляделся. — Пойдем туда по этой долине, наша стоянка была возле ручья, на севере за перевалом... Пошли.

После полудня они шли уже не так быстро: приходилось приноравливаться к прихрамывающему Херилаку, не желавшему останавливаться, несмотря на то что за ними как будто никто не гнался. Вдруг Херилак замер и принюхался.

— Олени, — сказал он. — Нужна еда. Не думаю, что нас преследуют, но следует принять все меры предосторожности. Керрик, возьми взрослого бычка.

Керрик поглядел на копье, взвесил его в руке.

— Я не метал копье с самого детства, я отвык.

— Умение вернется.

— Позже, не сегодня. Херилак, ты умеешь. Хватит ли у тебя сил?

Он протянул копье, и Херилак стиснул древко.

— Когда у меня не будет хватать сил, чтобы охотиться, я умру. Иди к ручью и жди меня под деревьями. Будь внимателен.

Распрямившись, Херилак взвесил копье в руке, а потом быстро и решительно пошел прочь. Керрик направился вниз к ручью, напился вволю, а потом, черпая пригоршнями, омыл грязное тело. Инлену< наклонилась вперед и шумно втягивала воду, чуть приоткрыв зубастую пасть, а затем уселась на берегу, свесив хвост в ручей.

Керрик позавидовал спокойствию и невозмутимости, никог-

да не изменявшим ей. Должно быть, приятно быть глупым. Ее не волновало, зачем она здесь, не интересовала даже собственная участь.

Керрик помнил, что исчезло в прошлом, но будущее оставалось для него совершенно неясным. Когда-нибудь все уляжется само собой, но пока об этом рано мечтать. Разве можно жить вне города? О грязном и голодном быте устузоу он ничего уже не помнил. Скудных мальчишеских воспоминаний мало, чтобы заново стать тану. Вот даже и копье не умеет бросить как следует.

— Иилане′ идут... — вдруг проговорила Инлену<, и он в ужасе вскочил на ноги.

Сталлан вместе со своими охотницами! Это смерть. В кустах хрустнула ветка, он подался назад — и облегченно вздохнул: это был Херилак с рогатым оленем на плечах. Он сбросил тушу с плеч и повалился на землю.

Керрик рассерженно обернулся к Инлену<, чтобы обругать ее, но понял, что она не виновата. Для Инлену< все умевшие разговаривать были *иилане′. Она просто хотела сказать*, что подходит некто, разумный и говорящий, но не могла выразиться иначе.

— Я видел мургу, — произнес Херилак, и страх немедленно возвратился к Керрику. — Они в соседней долине, спускались к морю. Похоже, что они потеряли наш след... Поедим.

Наконечником копья Херилак вспорол и выпотрошил еще теплую тушу. Раз огня не было, первым делом он извлек печень и разделил ее пополам. Один кусок он протянул Керрику.

— Я не голоден, — пробормотал Керрик, глядя на окровавленный кусок мяса.

— Проголодаешься. Не брезгуй.

Инлену< сидела, отвернувшись от них, но краем глаза следила за каждым движением Херилака. Он заметил это и, съев свою долю, ткнул в ее сторону окровавленным пальцем:

— Эта тварь тоже ест мясо?

Услышав вопрос, Керрик улыбнулся и приказал Инлену< открыть пасть. Она подчинилась. Херилак поглядел на два ряда острых блестящих зубов и буркнул:

— Ест мясо. Покормить?

— Да. Если можно.

Отрезав переднюю ногу оленя и ободрав с нее часть шкуры, Херилак подал ее Керрику.

— Корми сам. Мне не нравятся эти зубы.

— Инлену< безобидна. Всего лишь глупая фарги.

Схватив оленью ногу, Инлену< отгрызла кусок жесткого мяса и принялась жевать, тупо уставясь в пространство.

— Как ты ее назвал? — спросил Херилак.

— Фарги. Это... ну я не могу сказать, что значит это слово. Что-то вроде марага, обучающегося разговаривать, но еще не научившегося.

— И ты тоже — фарги?

— Нет!

Керрик почувствовал себя оскорбленным.

— Я иилане′! Ну, то есть я тану, но говорю, как иилане′, и поэтому они считают меня иилане′... Считали.

— Но как это все случилось? Ты не помнишь?

— Теперь вспомнил, а раньше не помнил, долго-долго.

Запинаясь и с трудом выговаривая слова, он впервые рассказал, что случилось с саммадом Амагаста. Обо всем, что было: о нападении, плене, ожидании смерти и неожиданном спасении. Наконец он умолк, потому что не мог еще на языке тану подробно описать свою жизнь у иилане′.

Херилак тоже молчал, с трудом представляя себе, что случилось с мальчиком по имени Керрик, сумевшим выжить, когда все погибли. Не только уцелевшим, но и сумевшим договориться с мургу. Сумевшим выучиться их языку и жить среди них. Он и сам во многом стал похож на мургу, хотя и не подозревал об этом. Разговаривая, он шевелил всем телом, а умолкнув, замирал. Мургу с ним что-то сделали: на теле юноши не было ни волоска. И еще этот укрывавший мужские органы мешочек, похожий на человеческую кожу, — словно и это им мешало.

Думы Херилака нарушил внезапный плеск воды. Услыхал его и Керрик, кровь отхлынула от его лица.

— Нас нашли. Я погиб.

Херилак жестом велел ему умолкнуть, подобрал копье и обернулся. Плеск повторился, зашуршали кусты. Херилак занес копье, но оказалось, что это человек.

— Ортнар! — окликнул Херилак.

Человек в кустах вздрогнул, выпрямился и замахал в ответ. Он едва не падал от усталости и шел, опираясь на копье. Подойдя ближе, он увидел Инлену< и сразу замахнулся копьем, но Херилак остановил его:

— Стой! Мараг наш пленник. Ты один?

— Да, теперь один. — Ортнар тяжело опустился на землю. Положив лук и пустой колчан, он крепко стиснул копье и с нена-

вистью поглядел на Инлену<. — Со мной был Теллгес, мы охотились. Мы возвращались в саммад, когда мургу напали на нас. Мы бились, пока хватило стрел. А они шли на нас со своими смертоносными палками. Мы ничего не могли сделать. Я велел ему уходить, а он, промедлив, побежал, но недостаточно быстро. Они увязались следом, он стал отбиваться, потом упал. Дальше я пошел один. А теперь скажи мне, что это за тварь?

— Я не тварь, я тану, — сердито сказал Керрик.

— Ты не похож на тану, таких я не видел. Нет волос, нет копья, привязан к марагу...

— Замолчи! — велел Херилак. — Это Керрик, сын Амагаста. Мать его была моей сестрой. Он жил в плену у мургу.

Ортнар провел по губам кулаком.

— Я сказал, не подумав. Сегодня был день смерти. Я — Ортнар, приветствую тебя. — Мрачная ухмылка пробежала по его лицу. — Приветствую тебя в Херилак-саммаде, увы, поубавившемся в числе. — Он взглянул на темнеющее небо. — Этой ночью на нем будет много новых звезд.

Солнце опустилось к горизонту, стало прохладно. Инлену< отложила в сторону дочиста обглоданную кость и поглядела в сторону Керрика.

— Смиренно спрашиваю, низкая высокую, где плащи?

— Плащей нет, Инлену<.

— Мне холодно.

Керрик тоже дрожал, но не от холода.

— Я ничего не могу сделать, Инлену<. Понимаешь, совсем ничего.

Глава 2

Инлену< умерла ночью.

Керрик проснулся на рассвете, дрожа от холода. На траве бусинками выступала роса, от ручья поднимался туман. Обернувшись к Инлену<, он сразу заметил открытый рот, остекленевшие глаза.

Холодно, подумал он. Как быстро она погибла от холода!

И вдруг он увидел лужу крови, натекшую под ее головой, — наконечник копья проткнул ее горло, и она умерла молча. Кто же сделал это? Херилак еще спал, но за Керриком холодно следили глаза Ортнара.

— Ты сделал?! — крикнул Керрик, вскакивая на ноги. — Убил безобидное создание спящим!

— Я убил марага, — ответил тот дерзко. — Убивать мургу всегда хорошо.

Затрясшись от ярости, Керрик попытался схватить копье Херилака, но не смог — сильная рука охотника крепко придавила древко.

— Тварь умерла, — сказал Херилак. — Умерла — и конец! В любом случае она скоро умерла бы, на севере для нее слишком холодно.

Керрик оставил копье и бросился на Ортнара. Обеими руками стиснув его горло, он стал душить охотника. Его собственную шею давил ошейник: за ним волочился труп Инлену<, но Керрик не обращал на это внимания. Ортнар корчился и тянулся к копью, но юноша придавил его руку коленом к земле. Ортнар уже слабо дергался и только царапал спину Керрика одной рукой, но тот ничего не ощущал в гневе.

И не быть бы Ортнару в живых, если бы не Херилак. Обхватив огромными лапищами руки Керрика, он разжал их. Ортнар стал жадно хватать ртом воздух, потом застонал, потирая горло. Слепая ярость понемногу стала отпускать Керрика. Он перестал сопротивляться, и Херилак отпустил его.

— Тану не убивают тану, — гневно проговорил он.

Керрик хотел что-то сказать, но промолчал. Ничего не воротишь. Инлену< мертва. Убийством и местью ничего не поправишь. К тому же прав Херилак: зимой она бы все равно погибла. Керрик сел возле неподвижного тела и поглядел на восход. Что она ему? Глупая фарги, вечно мешавшая и досаждавшая ему. С ее смертью разорвалось последнее звено, связывавшее его с Алпеасаком. Да будет так. Теперь он тану. Пора забыть о том, что он так долго был иилане'.

Вдруг он почувствовал в руках гибкий поводок, соединявшийся с ошейником Инлену<. Он еще не был свободен. И поводок не перерезать. Керрик понял, что может обрести свободу только одним путем. С ужасом он поглядел в лицо Херилаку. Саммадар с пониманием кивнул.

— Я сделаю все необходимое. Отвернись — тебе не понравится.

Керрик отвернулся к ручью, но звуки из-за спины доносились до его ушей. Ортнар проковылял к воде, чтобы омыть лицо

и шею. Чтобы ничего не слышать, Керрик принялся что-то выкрикивать.

Все закончилось быстро. Херилак вытер ошейник Инлену< о траву и отдал его Керрику. Тот пошел к ручью и принялся полоскать ошейник в проточной воде. Потом взял чистое кольцо обеими руками и побрел вверх по течению. Только не оглядываться. Он не хотел видеть окровавленных останков на берегу.

Услышав позади шаги обоих охотников, Керрик быстро обернулся: он вовсе не хотел получить удар копьем в спину.

— Он хочет сказать, — сказал Херилак, подталкивая невысокого охотника в спину.

Лицо Ортнара искажала холодная ненависть. Тронув синяк на горле, он заговорил хриплым голосом:

— Быть может, я зря убил этого марага, но я не прошу прощения. Это приказал мне сказать саммадар. Что сделано — то сделано. Но ты пытался убить меня, а это трудно забыть. Твоя привязанность к этому марагу оказалась сильней, чем я думал, и я не хочу ничего знать об этом. И я говорю тебе: можешь спокойно поворачиваться ко мне спиной. А что скажешь ты?

В суровом молчании оба охотника глядели на Керрика, и он понял, что пришло время решать. Сейчас. Инлену< мертва, ее не вернуть. А ненависть Ортнара к погубившим его саммад была совершенно понятна. И кто еще мог понять его чувства так, как он, Керрик?

— И ты можешь поворачиваться ко мне спиной, Ортнар, — произнес он.

— И закончили, — повелительным тоном произнес Херилак. — Закончили и забыли. Ортнар, понесешь остатки оленя. Вечером разведем костер и поедим. Идите с Керриком, ты знаешь тропу. В полдень сделайте привал. К вечеру я догоню вас. Укроетесь среди деревьев. Если мургу преследуют нас, я скоро буду знать об этом.

...Ортнар и Керрик молча шагали вперед. Тропа была отчетливой, на ней виднелись борозды, оставленные шестами травоисов. Ортнар задыхался под тяжестью туши и, когда они очутились возле небольшого ручья, предложил:

— Попьем, странный, а потом дальше.

Сбросив с плеч оленя, он с жадностью припал к воде, потом поднялся, отдуваясь.

— Мое имя Керрик, сын Амагаста, — сказал Керрик. — Разве трудно запомнить?

— Мир, Керрик. Мое горло еще болит после нашего разговора. Не хочу тебя обидеть, но выглядишь ты странно. Вместо бороды и волос у тебя щетина.

— Вырастет. — Керрик потер лицо.

— Согласен. Просто странно на вид. А вот кольцо у тебя на шее. Зачем оно тебе? Почему не отрежешь?

— Попробуй! — Керрик протянул ему кольцо Инлену< и усмехнулся, когда Ортнар безуспешно чиркнул по нему краем наконечника копья.

— Гладкое, мягкое... а не перережешь.

— Иилане' умеют многое, чего не умеем мы. Ты даже не поверишь, когда я расскажу, как они его сделали.

— Ты знаешь их секреты? Ну да, ты должен знать. Расскажи мне о палках смерти. Мы захватили одну, но так ничего и не смогли с ней сделать. А потом, когда она завоняла, мы разрезали ее... Оказалось, что это просто какая-то дохлая тварь.

— Эти существа зовутся у них хесотсанами. Они живые. Пока молодые, умеют передвигаться. А потом с возрастом окостеневают, становятся такими, как ты видел. Их надо кормить. Иглы помещают внутрь, и они выстреливаются, если правильно сжать хесотсан.

Ортнар открыл рот. Он с трудом соображал.

— Но как такое возможно? И где водятся такие твари?

— Нигде. Их выдумали мургу. Я видел, что они делают, но ничего не понял. Они умеют заставить животных делать странные вещи. Они знают, как сделать нужного зверя, но это трудно объяснить.

— И еще труднее понять... Пора идти. Теперь твоя очередь нести оленя.

— Но Херилак приказал нести тебе.

— Да, но ты, кажется, собираешься помогать нам есть его.

Ортнар улыбнулся, и против собственной воли Керрик улыбнулся в ответ.

— Хорошо, давай. Только скоро возьмешь обратно. Но ведь Херилак сказал, чтобы мы развели огонь. — Рот его вдруг наполнился слюной. — Жареное мясо... Я уже и вкус-то его почти забыл...

— Значит, мургу едят мясо сырым? — спросил Ортнар, шагая по тропе.

— Нет. То есть и да и нет. Они его как-то размягчают. Но привыкаешь не сразу.

— А почему они не жарят его, как положено?

— Потому что... — Керрик остановился в раздумье. — Потому что они не разводят огонь. Я этого не понимал прежде. По-моему, огонь им не нужен, потому что в их краях всегда тепло. Прохладными ночами или если днем шел дождь, мы набрасывали на плечи — не знаю, как назвать — такие теплые штуки.

— Шкуры? Меховую одежду?

— Нет. Живые создания... они были теплые.

— Даже слушать тошно. Чем больше говоришь о мургу, тем противнее во рту. Не понимаю, как ты мог жить с подобными тварями.

— Выбора не было, — мрачно ответил Керрик и молча зашагал дальше...

Добравшись до намеченного для ночевки места, они дождались Херилака.

— Позади никого. Мургу повернули обратно.

— Жареного мяса бы! — произнес Ортнар, облизнувшись. — Жаль, не прихватили огня.

Слова эти пробудили у Керрика давно забытые воспоминания.

— Я делал это, — произнес он, — поддерживал огонь на носу лодки...

— Мальчишеское дело, — согласился Херилак. — Охотник сам разводит огонь. А ты умеешь?

Керрик заколебался.

— Я видел, как это делается. Но забыл. Это было так давно.

Дело оказалось нескорым. Херилак отломил ветвь с засохшего дерева. А Ортнар ушел в лес и вернулся с горстью сухих гнилушек, которые раскрошил в порошок. Удовлетворившись внешним видом ветки, Херилак отодрал кусок коры от другой ветви и наконечником копья проделал отверстие в его середине.

Завершив приготовления, Херилак взял лук Ортнара и набросил тетиву на палку. Усевшись, он прижал ногами кусок коры к земле. Вставил заостренный конец палки в отверстие и начал двигать луком вперед-назад, раскручивая палку. Ортнар насыпал щепотку древесного порошка в отверстие, а Херилак изо всех сил крутанул палку. В воздух взвилась крошечная струйка дыма и растаяла. Херилак тяжело вздохнул.

Он еще раз раскрутил палку, под легким дымком показалась крошечная искра, охотники посыпали ее порошком и стали раздувать огонек, старательно прикрывая ладонями. Язычок пламени рос, и охотники удовлетворенно посмеивались. Огонь разгорелся. Они подкладывали все новые ветки. Потом костер угас, остались тлеющие угли. И вот на углях зашипело мясо. Керрик вдыхал аромат пищи, давно им позабытой.

Горячее мясо обжигало пальцы, но охотники хватали громадные куски и ели, ели, пока на лицах не выступили капли пота. Передохнув, они снова принялись за еду. Керрик не помнил, когда в последний раз ел так вкусно.

Ночью они спали возле костра, в тепле, с набитыми животами.

Керрик проснулся ночью, когда Херилак встал подложить дров в костер. Яркими точками в черном небе мерцали звезды, созвездие Охотника чуть поднималось над горизонтом. Лежа между двумя охотниками, Керрик впервые после бегства чувствовал себя в безопасности. Погони не было: они ускользнули от иилане'.

Ускользнули от иилане'? Разве такое возможно? Он-то знал, как коварен враг, хотя охотники и не подозревали об этом. Во все стороны полетят рапторы, выследят каждого тану на лугах и в долинах, и негде будет людям укрыться. Нападения вооруженных фарги не прекратятся, пока не погибнут все тану. Где спастись от них?.. И сон более не шел к Керрику. Он лежал с открытыми глазами, тяжелые предчувствия томили его.

Восток светлел, по одной таяли звезды. Начался новый день. Первый день его новой жизни...

Глава 3

После долгой вчерашней ходьбы сбитые ноги Керрика опухли. Сидя на большом валуне, он полоскал ступни в прохладном ручье. Хотя пятки его с самого детства были покрыты толстой кожей, долго ходить по каменистой почве он не привык. Подошвы ног были порезаны и исцарапаны, и Керрик с опаской ожидал сигнала отправляться в путь. Херилак заметил, чем он занят, и показал на длинную трещину на мозолистой пятке.

— Надо что-нибудь сделать.

Они с Ортнаром носили крепкие и мягкие мадрапы, сшитые жилами из двух кусков дубленой кожи. Под рукой не оказалось подходящих материалов, чтобы сделать подобную обувь и для Керрика, но охотники нашли выход. Херилак разыскал камень,

который легко обкалывался, и отбил с него тонкие и острые чешуйки. Тем временем Ортнар снял шкуру с оленя и в проточной воде соскреб с нее остатки мяса. Херилак разрезал ее на части и обернул ноги Керрика, обвязав узкими ремнями.

— Теперь хорошо, — сказал он. — Когда шкура станет жесткой и начнет вонять, мы будем уже далеко отсюда.

Подобрав брошенные остатки шкуры, Керрик обнаружил, что ими можно обернуть бедра, скрепив булавкой из оленьего рога. По примеру Ортнара он очистил шкуру от мяса и только тогда снял мягкий кожаный мешочек, так долго служивший ему. С внезапным отвращением он зашвырнул вещицу в ручей. Та жизнь окончилась навсегда, он теперь — тану.

Отвернувшись от ручья, Керрик тут же споткнулся об ошейник, столько лет пробывший на шее Инлену<. Поводок от него тянулся к ошейнику на его собственной шее. Словно в первый раз увидел он этот блестящий и прочный предмет. С внезапным гневом он хватил ошейником о выступавший со дна ручья камень, потом схватил другой и принялся колотить им по ошейнику.

Вспышка гнева прошла, а на кольце не появилось даже царапины.

Ортнар с интересом смотрел на Керрика, потом протянул руку и потрогал гладкую поверхность.

— Ни царапины, ни трещины. Прочнее камня. Никогда не видел ничего похожего. А вода его не размягчит?

— Нет.

— А горячая, кипящая?

— Не пробовал. В городе мургу нет огня, а без него воду не вскипятишь.

Сказав это, Керрик замер, уставившись на кольцо и гибкий поводок, потом посмотрел на горевший на берегу костер. Не вода, не кипящая вода, а нечто совсем неизвестное иилане'.

Огонь.

Кольцо не из металла, не из камня. Может быть, оно расплавится, обуглится или станет мягким. И тогда его, может быть, удастся разрезать. Проследив за взглядом Керрика, Ортнар радостно хлопнул в ладоши.

— Почему бы и нет? Огонь поможет. Ты ведь говорил, что мургу не знают огня.

— Не знают.

— Давай попробуем.

Подобрав брошенное кольцо, Ортнар взял поводок и, наклонившись над костром, положил его на дымившиеся угли.

Ничего не произошло. Керрик мрачно следил, как Ортнар вытащил из костра ошейник и стряхнул с него налипший пепел. С гладкой поверхностью ничего не случилось, Ортнар лишь обжег себе пальцы. Не теряя надежды, он поворошил угли палкой. И когда та загорелась, поднес огонь к кольцу.

И тут же с криком выронил ошейник — поводок буквально взорвался пламенем.

Керрик видел только пламя в облаке черного дыма, бежавшее по поводку прямо к его лицу.

Недолго думая, он бросился прямо в ручей.

Когда, фыркая и отплевываясь, Керрик выбрался из воды, на руке и груди багровела полоса, там, где его хлестнул пылавший поводок. Ощупав шею, юноша обнаружил короткий кусок, оставшийся от поводка.

Остальное исчезло. Исчезла привязь, на которой он сидел долгие годы. Исчезла. Он выпрямился, не чувствуя ожогов и теперь только ощутив, какой груз свалился с его плеч. Последняя связь с иилане' исчезла...

Втирая олений жир в обожженную кожу, Ортнар показал на обрывок поводка, свисавший с шеи Керрика.

— Можно отжечь и это. Ляжешь в воду, выставишь остатки поводка, я принесу горящую палку и...

— По-моему, на сегодня хватит, — ответил Керрик. — Пусть сперва подживут эти ожоги.

Ортнар бросил горячее кольцо в воду. Когда оно остыло, охотник с большим интересом оглядел его, поскреб камнем.

— Блестит, как небесный металл. Мургу очень искусны, раз сумели приладить это к тебе.

Он передал кольцо Керрику.

— Его сделали прямо на шее из какого-то животного.

— Оно тебе нужно?

В голосе Ортнара послышалась просьба, однако Керрик предпочел этого не заметить. Но, взяв кольцо в руки, он вдруг ощутил то же отвращение, которое испытал, снимая с себя мешочек.

— Нет. Понимаешь, эту штуку сделали иилане', мургу. — И он отбросил кольцо, оно с плеском исчезло в воде. — Хватит с меня и второго — того, что на шее. Хватит!

...Охотники уже были готовы отправиться в путь, но Херилак, опершись на копье, все глядел в ту сторону, откуда они пришли.

— Если бы уцелел хоть кто-нибудь из наших — охотник или женщина, то уже был бы здесь, — произнес он. — Мы ведь бежали, как перепуганные женщины. Посидим, подумаем о ждущей нас дороге. Расскажи мне о мургу, Керрик. Что они делают теперь?

— Не понимаю...

— Они пустились в погоню? Или все еще караулят нас на берегу?

— Нет, они уже уплыли отсюда. Здесь они охотились только потому, что взяли с собой мало мяса. Мургу давно собирались сюда, на север, чтобы погубить все саммады. И сразу же вернулись бы на юг. Теперь оставаться здесь им незачем. Раз погибла эйстаа, командовать ими некому. Наверняка была настоящая паника, но теперь все, конечно, уже отправились в город.

— Все ли? А не могли они оставить здесь отряд, чтобы разыскать нас?

— Возможно. Тогда этим занялась бы Сталлан. Впрочем, нет, она была здесь второй по рангу после эйстаа. И она наверняка приказала всем возвращаться.

— Значит, ты уверен, что все они отправились восвояси?

— Почти уверен.

— Отлично. Тогда вернемся на берег.

Слова эти испугали Керрика.

— Но все-таки они могут спрятаться и подкараулить нас.

— Мы — охотники, — проговорил Ортнар, — мы заметим засаду.

— Но нет никаких причин...

— Есть все причины, — властно возразил Херилак. — У нас остались два копья и один лук без стрел. Выпадет снег — погибнем. Там осталось все необходимое. Возвращаемся.

...Охотники шли быстро — Керрику казалось, слишком быстро. Он шел, как идут на смерть. К вечеру они оказались неподалеку от моря, у подножия горы — уже был слышен шум волн.

— Ортнар, пойдешь осторожно, — приказал Херилак. — Неслышно и незаметно. И вглядываясь — вдруг мургу оставили след.

Ортнар потряс копьем в знак согласия, повернулся и исчез между деревьями. Херилак устроился в тени поудобнее и сразу заснул. Керрик волновался: он не думал о сне и все глядел в сторону берега. Ему казалось, что прибрежный лес кишит мстительными иилане'.

Солнце уже опускалось за горизонт, когда из леса донесся птичий крик. Херилак мгновенно проснулся и тоже крикнул по-птичьи. В кустах затрещали ветки, и оттуда вынырнул Ортнар.

— Ушли, — сказал он, — ушли обратно!

— Разве можно быть уверенным?.. — начал Керрик.

Ортнар укоризненно взглянул на него.

— Можно не сомневаться. Свежих следов нет. Птицы-трупоеды повсюду, а их легко спугнуть. И я внимательно все смотрел.

Его осунувшееся лицо было красноречивее слов. Он показал на стрелы в своем колчане.

— Вот все, что нам нужно.

— Идем, — приказал Херилак.

До места побоища они добрались уже в полной темноте, отыскивать путь помогал холодный свет полной луны. Вороны и канюки исчезли с последними лучами солнца, и тьма покрывала ужасное место. Уже заметно пахло тлением. Стоя на берегу, Керрик вглядывался в море, пока двое охотников подбирали пожитки. Он с трепетом обернулся, услышав голос Херилака.

— Надевай! — приказал саммадар. — Ее носил великий охотник. Пусть эта одежда принесет тебе удачу.

В его руках была меховая обувь с толстыми кожаными подошвами, шапка, пояс и прочая одежда тану. Летом в ней жарко, но, когда выпадет снег, без такой одежды не выжить. За ними последовали длинное копье, крепкий лук, стрелы. Керрик увязал вещи, которые не мог надеть, и засунул в один из узлов, которые его спутники собирались прихватить с собой.

Херилак взял несколько жердей от больших травоисов для мастодонтов и сделал из них волокушу поменьше. К ней привязали все необходимое.

— А теперь пошли, — мрачно велел он, глядя на неподвижные тела людей его саммада. — Мы никогда не забудем этих дел мургу...

Сменяя друг друга у волокуши, охотники шли, пока светила луна. Наконец они выдохлись и решили отдохнуть. Керрик все еще опасался, что охотницы иилане' разыскивают его в лесу, но усталость взяла свое, и, несмотря на тревогу, он заснул мертвым сном.

...Херилак отвязал от травоиса мешок с эккотацем, и все взяли по горсти вкуснейшей смеси. В последний раз Керрик ел

эккотац в детстве, но стоило языку прикоснуться к еде, воспоминание мгновенно вернулось. Быть тану неплохо. И едва он так подумал, как у него зачесалась грудь, сперва в одном месте, потом в другом. Оказалось, что в жизни тану есть не только удовольствия. Спина его ныла: спать на голой земле было неудобно, руки с непривычки болели, и вдобавок он вдруг почувствовал острую резь в животе после обгоревшего и жесткого мяса; пришлось торопливо бежать в кусты.

Разглядывая на теле красные пятна, Керрик вдруг увидел на брошенной им одежде блоху. Он раздавил ее между ногтями и брезгливо вытер руку о траву. Он весь в грязи, он устал, он болен... и еще эти блохи. Как можно жить здесь, среди этих грубых устузоу? Почему он не в Алпеасаке? Там уют и покой, там место вблизи эйстаа. А что, если вернуться? Вейнте́ мертва, ее убило копье, но кто в городе знает, что копье направляла его рука? Его никто не мог видеть. Почему бы и не вернуться?

Он умылся в ручье, потом немного поднялся по течению, чтобы попить. Двое охотников на берегу прилаживали носилки к травоису. Они управятся и без него.

Но разве он хочет вернуться в Алпеасак? Годами он мечтал о побеге из этого города — наконец он свободен. Разве не об этом он мечтал? В городе живут иилане́, там ему не место. Для него вообще нигде нет места.

А может быть, оно среди тану?

Стиснув кулаки, Керрик стоял по колено в холодной воде. Он не принадлежал ни к тану, ни к другому миру. Несчастный изгой.

Тут его окликнул Херилак. Голос охотника разогнал мрачные мысли. Керрик вышел на берег. Медленно натянул одежду.

— Идем, — велел Херилак.

— Куда? — спросил Керрик, которого раздирали противоречивые чувства.

— На запад. Искать других охотников. Чтобы потом вернуться и убивать мургу!

— Их слишком много, они очень сильны.

— Тогда я умру, и тхарм мой поднимется к тхармам охотников из моего саммада. Но сперва я отомщу за них. Это хорошая смерть.

— Хорошей смерти не бывает.

Херилак молча поглядел на Керрика, смутно догадываясь о том, что его мучило. Годы плена могли странным образом изувечить душу мальчика, ставшего теперь мужчиной. Пусть окончились эти годы, позабыть их нельзя. И нет дороги назад. Впереди жестокий путь, и другого не будет.

Херилак вытащил из-за пазухи нож из небесного металла на кожаном шнурке и протянул Керрику.

— Вот нож твоего отца. Ты сын его, раз на твоей шее висит такой же нож, только поменьше. Их сделали на моих глазах. Повесь этот большой на шею рядом с маленьким. И носи, чтобы помнить о гибели отца и всего твоего саммада. И о том, кто убил их. Чтобы в сердце твоем были ненависть и жажда мести.

Керрик нерешительно протянул руку и взял нож... И крепко стиснул твердую рукоять.

Возвращения в Алпеасак быть не могло. Никогда. И он должен учиться ненавидеть мургу, погубивших его народ. Он надеялся, что научится этому.

Но пока на душе у него было пусто.

Глава 4

Охота была очень плохой. Улфадан вышел еще до рассвета, но похвастаться было нечем. С пояса его свисал один убитый кролик, тощий и молодой, на костях которого мяса едва хватит, чтобы заглушить голод охотника. А что будет есть весь саммад? Он подошел к опушке леса и остановился под развесистым дубом, внимательно вглядываясь в поросшую травой равнину. Дальше идти он не смел.

Там были мургу. До самого конца мира — если у мира есть конец — повсюду живут они, эти презренные и ужасные твари. Некоторые годились в пищу — он пробовал мясо одного из небольших клювастых мургу, тех, что паслись большими стадами. Но смерть подстерегала охотника в этих просторах. В траве ползали бесчисленные ядовитые мургу, смертельно опасные змеи всех размеров и расцветок. Но хуже всех были огромные твари с громоподобными голосами, сотрясавшие землю своими шагами.

И как всегда, когда он думал о мургу, рука его машинально прикоснулась к зубу одного из этих гигантов, висевшему на шее. Зуб был длиной почти с локоть. Он добыл его молодым; тогда он был глуп и рисковал жизнью, чтобы доказать свою удаль. Он следил с дерева за смертью марага, видел, как мерзкие падальщики потом терзали труп и ссорились из-за мяса. Только после наступления темноты он осмелился оставить свое убежище среди вет-

вей, чтобы вырвать этот зуб из раскрытой пасти. Тут появились ночные мургу, и только случай спас ему жизнь. Длинный белый шрам на бедре остался ему на память. Нет, нечего и думать искать добычу вдалеке от деревьев.

Но саммад должен есть. Дичи становилось все меньше. Мир менялся, хотя Улфадан не знал почему. Алладжекс всегда говорил, что мир не изменился с тех пор, как Ерманпадар сотворил тану из речного ила. Зимой они уходили в горы, в глубокие снега, где легко настигать оленей. А когда весной таял снег — спускались к реке, иногда добирались до моря, где кишела рыба, а в мягкой земле на берегу росли вкусные клубни и корни. Но никогда тану не забредали далеко на юг, где их ждали только мургу, а с ними и смерть. В горах и темных северных лесах всегда находилось все, что могли пожелать тану.

Теперь все изменилось. Бесконечная зима упрятала горы под снег, стада оленей поредели, весна приходила поздно, и людям нечего было есть. Сейчас-то они ели досыта: в реке было много рыбы. Летом на берегу к ним всегда присоединялся саммад Келлиманса — так было каждый год. Наступала пора говорить и встречаться, а молодым охотникам выбирать женщин. Теперь на это почти не оставалось времени: ведь рыбы на зиму припасено еще мало. Кто сможет дожить до весны, если не хватит запасов?

Пути к спасению не было. Территории к востоку и западу занимали другие саммады. Такие же голодные, как его и Келлиманса. На юге — мургу, на севере — лед, охотники были зажаты в ловушке. Выхода не было. Голова Улфадана просто лопалась от не имевшей решения задачи.

Он горестно застонал, словно раненый зверь, потом повернулся и направился назад, к саммаду.

С вершины поросшего травой склона возле реки все выглядело обычным. Темные конусы кожаных шатров выстроились вдоль берега неровной цепочкой. Между шатрами сновали люди, от очагов поднимался дымок. Неподалеку один из стреноженных мастодонтов задрал хобот и затрубил. Чуть поодаль, на берегу, женщины рыли землю обожженными палками, выкапывая съедобные корни. Это сейчас корни — хорошая еда. Но что будет, когда земля замерзнет? Он знал, что их ждет, но старался не думать об этом.

Голые ребятишки с визгом плескались в воде. Перед шатрами на солнышке грелись старухи, плетя корзины из ивняка и травы. Саммадар шествовал между шатрами, и лицо его было суровым.

Один из меньших сыновей Улфадана подбежал к нему с новостью.

— Пришли три охотника из другого саммада. Один из них такой смешной.

— Отнеси кролика матери. Бегом!

...Охотники сидели вокруг огня, по очереди попыхивая деревянной трубкой. С ними были Келлиманс и алладжекс Фракен, иссохший и древний. Старика-знахаря уважали за мудрость.

Гости встали, приветствуя саммадара. Одного из них он хорошо знал.

— Приветствую тебя, Херилак.

— Приветствую тебя, Улфадан. Это Ортнар из моего саммада. А это Керрик, сын Амагаста и моей сестры.

— Вы ели и пили?

— Мы ели и пили. Щедрость Улфадана известна.

Улфадан подсел к сидевшим возле огня и, когда трубка дошла до него, вдохнул колючий дымок. Странный гость заинтересовал его. Безволосый охотник, который должен был погибнуть вместе со своим саммадом, но остался в живых. Следует расспросить его, когда настанет время для вопросов.

Члены саммада тоже заинтересовались гостями и собрались вокруг костра.

На сей раз Херилак не стал соблюдать все обычаи, как зимой. Он заговорил о деле, едва трубка обошла всех по кругу:

— Зимы долги, все знают это. Пищи мало, все знают это. И теперь весь мой саммад мертв, нас осталось только двое.

Охотники молча внимали ужасным словам, обступившие костер женщины разразились горестными воплями. У многих были родственники в Херилак-саммаде. Все поглядели на восток, где уже начинали высыпать первые звезды. Когда Херилак заговорил вновь, воцарилась полная тишина.

— Известно ли вам, что я с моими охотниками побывал на далеком юге, где нет снега и тепло даже зимой, где живут одни мургу? Я подумал, что они-то и убили Амагаста и весь его саммад. И мысль моя была верной. Мы нашли мургу, которые ходят подобно тану и убивают палками издалека. Среди костей Амагаста отыскал я такую палку. Там, на юге, мы убивали мургу, а потом вернулись на север. Мы узнали, что смерть затаилась на юге, и мы узнали, что это за смерть. Но той зимой мы голодали, многие умерли. Летом, все знают, охота была плохой. А потому я повел саммад на юг, к побережью, где лучше охота. Мы уже знали об

опасности, но выхода не было: мы все равно погибли бы от голода. Мы выставили стражу — нападения не было. И только когда мы ослабили бдительность, они напали на нас. Я здесь. Ортнар здесь. С нами Керрик, сын Амагаста, живший в плену у мургу. Он много знает об их обычаях.

Раздался заинтересованный ропот, все пытались разглядеть Керрика. Волосы его были короткими, на шее блестело кольцо, на груди висели ножи из небесного металла. Он молча смотрел прямо перед собой. А когда все умолкли, заговорил Келлиманс:

— Пришли дни погибели тану. Зима убивает нас, мургу убивают нас, другие тану убивают нас.

— Разве не хватит с нас одних губителей — мургу? Разве нужно нам биться между собой? — спросил Херилак.

— С долгой зимой и коротким летом должны сражаться тану, — ответил Улфадан. — Мы пришли сюда, потому что олени ушли с гор. Но, когда мы попытались охотиться здесь, мужчины других саммадов, живущих за горами, прогнали нас. Теперь у нас мало пищи, и зимой мы снова будем голодать.

Херилак печально покачал головой.

— Все не так. Это мургу наши враги, а не тану. Если мы передеремся, конец неизбежен.

— И я так считаю, Херилак, но в этом не мы виноваты. Надо говорить с другими саммадами. Если бы не они, мы могли бы охотиться и жить в сытости. Они пришли из-за гор, их много, они очень голодны. Они гонят нас, и мы не можем охотиться. Они дождутся нашей смерти.

Пока Улфадан говорил, Келлиманс согласно кивал.

Херилак сделал протестующий жест.

— Нет, это неправильно. Причина наших невзгод не в них. Охота за горами не лучше, чем здесь. Иначе они не пришли бы сюда. У тану два врага: зима, которая все не кончается, и мургу. Они решили погубить нас. Как биться с зимой? А мургу можно убить!

Тут все заговорили и заспорили наперебой, но поднялся Фракен, и все умолкли. Старого мудрого знахаря уважали. Люди надеялись, что он знает, что делать.

— Мургу бесчисленны, словно листья. Ты говоришь нам, что у них есть смертоносные палки. Разве можно биться с подобными существами? И зачем именно нам браться за это? Если мы рискнем и пойдем на смерть, что тогда ждет нас? Нам нужна еда, а не война.

Он закончил под одобрительный ропот. Только Херилак был не согласен.

— Вам нужна пища — мне нужна месть, — хмуро пробормотал он. — Надо найти способ уничтожить этих южных мургу. Когда их не станет, всегда можно будет спокойно охотиться на побережье.

...Потом было много разговоров, споров, даже перебранок, но так ничего и не решили. В конце концов Херилак сделал знак Ортнару, оба поднялись и ушли. Керрик видел, как они уходили, но не сразу последовал за ними. Если они не позовут его, быть может, уходить и не придется. Он останется у костра, будет говорить с другими охотниками. Может быть, ему предложат остаться, и он будет охотиться и забудет про мургу.

Но это было бы ошибкой. Он знает то, чего не знает никто из тану. А иилане́ никогда не забудут ни про него самого, ни про жалких голодных людей. Уж их-то ненависть не искоренить. Они разошлют рапторов, выследят все саммады и перебьют по одному. Улфадан и Келлиманс боятся только зимы, голода и пришлых тану, но смерть к ним придет другой дорогой.

Никто из охотников не заметил, как Керрик поднялся и ушел, прихватив свое копье. Оба его друга сидели возле собственного костра. Херилак задумчиво ворошил угли в костре, внимательно глядя в огонь, словно пытался увидеть в нем совет.

— Нас только трое, — проговорил он. — В одиночку с мургу не справиться, но в крайнем случае придется пойти и на это. — Он повернулся к Керрику. — Ты знаешь мургу, мы не знаем. Расскажи о них. Расскажи, как они воюют.

Керрик в раздумье потер подбородок, медленно и неуверенно заговорил:

— Об этом нелегко рассказать. Надо знать их город, надо знать, как им правят. Надо понять иилане́ и фарги, их мысли и поступки.

— Расскажи нам.

Сначала Керрику было трудно говорить на марбаке о вещах, известных ему только на языке иилане́. Ему приходилось подбирать новые слова, новые способы определения понятий, вовсе незнакомых охотникам. О том, что было непонятно, они расспрашивали его подробнее. В конце концов охотники получили некоторое представление об иилане́, хотя почему все обстоит именно так, они, конечно, не могли понять.

Пытаясь уразуметь услышанное, Херилак молча глядел на свои кулаки, упершись ими в колени. Детали не так уж важны, если понимаешь главное — как живут иилане́.

— Когда они узнают, где располагается саммад, то готовятся к нападению. Вооруженные фарги отправляются в поход на лодках. Они внезапно появляются из моря и убивают всех... ты знаешь это.

— Но ты говорил не только об этом, — сказал Херилак, — ты говорил, что они всегда ночуют на берегу перед нападением.

— Да, обычно они так поступают. Подбираются поближе, ночуют, а утром нападают.

— И всегда они так делают?

— Всегда? Не знаю. Я был с ними в походе всего два раза. Но сейчас это не имеет значения. Судя по тому, как они думают и поступают, можно предположить, что всякий раз они действуют одинаково. Они ничего не меняют, пока не изменит удача.

— Значит, следует отыскать способ, который позволит нам использовать эти сведения им во вред.

— И что ты предлагаешь? — спросил Ортнар.

— Еще не знаю. Следует все обдумать и предусмотреть. Выход должен существовать. Мы охотники и умеем выслеживать дичь. Найдется способ перебить всех мургу.

Глубоко задумавшись, Керрик молчал. Он вновь вспоминал гибель саммадов. До сих пор он не мог забыть пережитый ужас, когда увидел, как черные фигуры мургу полезли из воды. Был он и среди атакующих воительниц Алпеасака. Видел приготовления к нападению, слышал распоряжения и знал все, что происходило. Теперь следовало объединить все знания и найти путь, ведущий к победе.

— Перебьем! — сказал он громким голосом. Охотники удивленно взглянули на него. — Мы их обманем! Но для этого нам нужны Улфадан и Келлиманс со своими саммадами. Мы все объясним охотникам. Заставим их понять нас и помочь. Саммады пойдут на юг охотиться. Охота будет хорошей, пищи будет много. Но однажды мургу обнаружат наше присутствие на юге, им расскажут об этом огромные птицы. Но мы будем внимательны и, как только заметим такую птицу, сразу поймем, чего следует ждать. Когда мы увидим птицу, надо будет выслать на берег охотников, чтобы следили за морем. Тогда мы вовремя узнаем о приближении мургу. Но мы не побежим — мы встретим их и перебьем.

— Опасно... — проговорил Херилак. — Если брать в поход саммады, придется рисковать жизнью детей и женщин, всех, кому не по силам сражаться. План должен быть лучше, иначе саммады не рискнут выступить. Думай снова. Ведь ты говорил

мне что-то очень важное, что-то о ночи... что мургу никуда не ходят по ночам?

— Это не совсем так. Они должны спать по ночам, таков обычай.

Расхохотавшись, Херилак вскочил на ноги.

— И наш обычай — по ночам спать, только не всегда удается, не каждую ночь. Тогда получается так. Мы поговорим с охотниками и убедим их пойти на юг вдоль берега, ведь подступает голод. Там саммады запасутся едой на зиму. Но все охотники будут помнить об огромной птице, которая говорит с мургу. Заметив птицу, мы сделаем засаду у берега. И когда мургу остановятся на ночь, мы уже будем ждать их. И придем к ним ночью. Одни охотники. Они пойдут молча и придут на берег. — Сжав кулаки, он стукнул ими друг о друга. — И мы нападем на спящих, мы перережем мургу, мы застанем их врасплох, как они заставали тану. — Загоревшись идеей, он поднялся и отправился обратно к большому костру. — Надо рассказать, придется убеждать.

Убедить охотников удалось с трудом. Ортнар и Керрик помогали Херилаку, вновь и вновь растолковывая свой план. Как нападают мургу, как можно победить их. Они уверяли, что тану сумеют и поохотиться, и перебить мургу, и запасут мяса на зиму.

Саммадаров разговор очень обеспокоил: предложение было неожиданным и рискованным.

— Ты просишь, чтобы все мы рискнули жизнями, — сказал Улфадан. — Ты хочешь, чтобы наши дети и женщины подманивали мургу, как делаем мы с долгозубом, чтобы убить его копьем. Ты просишь слишком многого.

— Это так и не так, — отвечал Херилак. — Похоже, вам ничего другого не остается. Без пищи зиму переживут немногие. А здесь вам охотиться не дадут. Пойдем на юг, там охота хорошая!

— Но там повсюду мургу!

— Да, но теперь мы знаем, чего опасаться. Если хочешь, мы не станем дожидаться появления огромной птицы, а каждый день будем посылать охотников на пляжи. Они предупредят нас о приближении мургу. Когда мургу высадятся, мы уже будем знать, что нападение близко. Мы предупредим всех. Шатры и все прочее ночью погрузят на травоисы, мальчики отгонят мастодонтов от берега, уведут с собой женщин и малых детей. Все они будут в безопасности. Это риск, но вы вынуждены рисковать, иначе погибнете от голода и холода. Без еды никому из вас не дожить до весны.

— Ты говоришь резко, Херилак, — сердито проговорил Келлиманс.

— Я говорю чистую правду, саммадар. Решать вашим людям. Мы сказали все. А теперь мы уйдем.

Но решение не было принято ни в эту ночь, ни на следующий день и на следующий за ним — тоже. А потом пошел дождь, крупный, холодный. Северный ветер пронизывал до костей. Осень нагрянула слишком быстро. Еды почти не было, все знали об этом. Трое гостей не уходили. И замечали, что люди поглядывают на них то с беспокойством, то с ненавистью... за то, что их заставили выбирать.

А потом люди поняли, что выбирать уже не из чего. Под женский плач шатры собрали и погрузили на травоисы. Никто не изъявлял радости, как всегда в начале похода. Люди шли как на смерть. И кто знает, быть может, так оно и было. Подавленные и промокшие, уходили они на юг, подгоняемые ливнем.

Глава 5

Во всеобщей суете, пока саммад снимался со стоянки, Керрику некогда было думать о тех опасностях, что сулило будущее. Пока травоисы навязывали на мастодонтов, в памяти его возникали непрошеные воспоминания, давно забытые ощущения.

Было интересно смотреть, как огромные звери наваливались на упряжь и неторопливо влекли за собой скрипящие деревянные рамы, на которые были навалены шатры и пожитки, а наверху, как всегда, лежали младенцы и сидели дети постарше. Охотники шли впереди, чтобы не упустить случайного зверя. Саммад не соберется вместе до вечера, охотники придут на запах огня и еды.

В первые несколько дней люди особенно боялись коварных мургу, которые мерещились им повсюду. Но тану фаталисты, да и кем еще могли они быть, когда жизнь их так менялась. Они привыкли полагаться на милость природы, ведь охота всегда могла оказаться плохой, обрекая на голод. Позади ждала смерть от истощения, впереди были пища и жизнь... быть может. Честная сделка. И когда стало теплее, а охота улучшилась, настроение у всех поднялось.

Люди приняли в свою среду Керрика, хотя дети еще показывали на его железный воротник и хохотали при виде безволосой

физиономии. Но щетина росла, становилась длиннее — уже на целый палец, — хотя клочковатая бороденка и не желала густеть. Он все еще неуклюже орудовал копьем и не лучше стрелял из лука, но уже начинал осваиваться. И с каждым днем мир казался ему все более и более приятным местом для жизни.

Так было, пока они не пришли к морю.

Первый же взгляд на синие волны наполнил душу Керрика таким ужасом, что он замер на месте. Вокруг никого не было — он далеко ушел от неглубокой долины, по которой мастодонты тянули травоисы, других охотников тоже не было поблизости. И вместе со страхом нахлынуло желание повернуться и бежать. Впереди была только смерть. Как могла горстка охотников даже вообразить, что сумеет выстоять в бою против отряда вооруженных фарги! Он хотел бежать в горы, спрятаться, зарыться в землю поглубже. Идти вперед означало самоубийство.

Впрочем, Керрик понимал, что не сможет убежать. Страх силен, но о подобной трусости стыдно и думать. В конце концов, он сам помогал Херилаку придумывать этот план, а потому выбора не было, оставалось идти до конца. Но страх не исчезал, и каждый шаг вперед давался ему теперь с огромным трудом. Но он шел вперед, перепуганный и несчастный... но шел.

...Вечером они остановились на берегу. Пока разгружали травоисы, мальчишки уже ловили рыбу в солоноватой лагуне, насаживая земляных червей на костяные крючки. Вода кишела хардальтами, небольшие спруты в панцире так и рвали наживку. Со смехом и криком мальчишки тащили в лагерь свою добычу. Моллюсков извлекали из раковин и резали, и скоро их мясо уже шипело над кострами. Жесткое и резко пахнувшее, оно создавало приятное разнообразие в пище.

Выплюнув жесткий кусок, Керрик вытер пальцы о траву, встал и потянулся. Места в желудке вроде бы не оставалось. Он поглядел на костер и краем глаза заметил движение над головой — там пролетала морская птица.

Он видел распростертые огромные крылья, широкую грудь, багровую от лучей заходящего солнца. Керрик замер. Вот она. Черную шишку на ноге — неусыпный глаз мургу — он не видел, но знал, что она там. Все ниже и ниже опускалась птица к стоянке. Керрик с трудом сбросил оцепенение и поспешил к сидевшему возле костра Херилаку.

— Она здесь, — проговорил он, — кружит над нами. Теперь мургу узнают о нас.

В голосе Керрика слышалась паника, чего Херилак мудро постарался не заметить и ответил с мрачным спокойствием:

— Хорошо. Все идет так, как мы и задумали.

Керрику недоставало уверенности саммадара. Он пытался не глядеть на кружившую над головой птицу, ведь все снимки будут тщательно изучаться. Тану не должны обнаруживать интереса к птице и дать понять врагу, что понимают ее назначение. И лишь когда, завершив ленивое кружение, она направилась к югу, Керрик поглядел ей вслед. Сомнений не оставалось скоро последует нападение.

Когда стемнело и охотники собрались покурить и отдохнуть, Керрик рассказал им обо всем, что видел и чего следует ждать. Теперь жалоб уже не было. Его подробно расспросили, а потом быстро обсудили план действий, чтобы передовая группа охотников могла уйти еще до рассвета.

Утром люди отправились в путь. Херилак вел их вдоль побережья. Керрик узнал места — они огибали поляну, где погиб саммад Херилака. Не было нужды напоминать тану о возможной участи. Вновь они вышли к берегу вечером. К ночи, собравшись у костра, охотники решили объявить Херилака сакрипексом — военным предводителем. Он кивнул в знак согласия и отдал первый приказ:

— Ортнар и Керрик пойдут первыми. Они видели мургу и знают, чего от них ждать. Всю ночь они будут следить за морем. С ними пойдут еще два охотника, чтобы было кому передать предупреждение на стоянку. И так будет каждую ночь. Остальные тоже будут по ночам следить за морем возле шатров, чтобы ничего не случилось. Следует принять все меры предосторожности.

Четверо суток люди следили за морем, на пятый день Керрик на рассвете вернулся в лагерь. Услышав его торопливый бег, охотники похватали оружие.

— Тревоги нет, мургу еще не явились. Я изучил берег, и мы можем кое-что сделать. Сейчас хорошая охота, рыбы много. Сегодня мы рыбачили с берега, а охотники коптили рыбу. К югу отсюда скалы, за ними узкий пляж, к нему почти вплотную подходит лес. Место очень подходящее. Если появятся мургу, они не

смогут высадиться у скал и обязательно причалят к пляжу возле леса.

Херилак кивнул.

— Из леса мы сможем подобраться к ним незамеченными. Хорошо. Так и сделаем. Никто не против?

Предложение обсудили, никто не стал возражать. Керрик вернулся на берег, откуда Ортнар и двое охотников следили за морем.

Началось долгое ожидание. Время свое дозорные заполняли возведением в глубине леса укрытий из ветвей. Ночи стали прохладнее, пошли дожди. Двое постоянно следили за морем. К полудню все четверо собирались на берегу: это было самое опасное время.

Однажды в полдень к ним пришел Херилак.

— Что видели? — спросил он.

— Ничего. Все как обычно. В море пусто, как всегда, — ответил Керрик.

— Охотники в саммадах решили, что рыбы и мяса довольно. Они благодарят нас за то, что мы показали им такие прекрасные охотничьи места. Они уже готовы уйти отсюда.

— Хорошее решение, — одобрил один из охотников. — Никто из нас не хочет иметь дело с мургу.

Керрик понимал его чувства и даже позволил себе понадеяться на скорый уход, но промолчал.

— Ты говоришь за себя самого, — с горечью произнес Херилак. — Да, поход оказался удачным. И на зиму мяса хватит, так что я понимаю желание возвратиться. Но пусть охотники на сытый желудок забудут про голод и вспомнят о том, что случилось с двумя саммадами на этом берегу. Сегодня будет последняя ночь. Они хотят уйти на рассвете. Мы останемся здесь и будем идти на день пути позади, чтобы мургу не ударили в спину.

— Мы пойдем быстро, — произнес второй охотник, — они нас не догонят.

Херилак презрительно поглядел на него. На лице Ортнара было то же выражение.

— Мы пришли сюда не только для того, чтобы набить ваши желудки. Мы пришли убивать мургу.

— И мы не можем сделать это одни, — добавил Херилак.

Отвернувшись, Керрик глядел на море, чтобы охотники не видели выражения облегчения на его лице. Пусть спорят, но те-

перь саммады наконец уйдут. Здесь их ничто не держит, пора уходить. Битвы не будет. По небу плыли белые облака, бросали тени на прозрачную воду. Большие тени, шевелящиеся.

Керрик замер, вглядываясь в эти тени. Он не мог сдержать дрожь, голос его срывался:

— Вот они! Мургу пришли!

Да, именно так, как он говорил. Черные лодки скользили в волнах. Лодки торопились на север.

— Они останавливаются! Они собираются нападать на нас! — крикнул Херилак.

— Пора предупреждать охотников. Времени остается немного, — произнес Керрик.

Один из охотников пустился было бежать, но Херилак остановил его:

— Подожди, пока мы не убедимся.

— Глядите! Поворачивают к берегу, — проговорил Ортнар. — Прямо к пляжу.

Охотники молча залегли, ужас наполнял их. Лодки подходили все ближе, покачиваясь на невысоких волнах. Под громкие приказы вооруженные фарги с плеском попрыгали в воду и побрели к берегу. Сомнений не оставалось — с лодок начинали выгружать припасы на берег.

— А теперь живо! — приказал Херилак обоим охотникам. — Бегите оба! Разными путями. Когда стемнеет, пусть грузят все на травоисы и быстро уходят подальше от берега. Пусть идут до рассвета, а потом укроются в лесу. Как только травоисы нагрузят, пусть все охотники из лагеря приходят сюда. Бегом!

Сцена на побережье была прекрасно знакома Керрику, но охотники наблюдали за происходившим с интересом. Они следили, как из лодок выгружали припасы, как фарги, закутавшись в плащи, укладывались спать. Предводительницы держались вдалеке, и Керрик не мог подкрасться, чтобы разглядеть, с кем придется иметь дело. Но все свидетельствовало о том, что командовать здесь должна Сталлан, а потому Керрик разделял чувства своих друзей в полной мере. Сталлан, неоднократно избивавшая и ненавидевшая его, Сталлан, погубившая Алипола. С каким удовольствием он проткнет копьем шкуру этой твари!

Луны не было, но звезды ярко освещали белый песок и темные силуэты спящих. Из-за моря на небо всходили новые звезды. Наконец в лесу послышался легкий шорох.

Это вернулся первый охотник. К рассвету все будут на месте.

Глава 6

Предстоящую битву Херилак обдумывал много дней и уже мог представить ее с закрытыми глазами. Он отдал распоряжения Ортнару и Керрику, чтобы они в случае чего знали, что делать. Херилак оставил их на опушке леса наблюдать за берегом, а всем прибывшим велел собраться на поляне. Он был военным вождем, и охотники ждали его приказов.

— Улфадан, Келлиманс, — негромко сказал он, — обойдите своих охотников, спросите их имена. Когда соберутся все, скажите мне.

Все сидели на корточках, держа оружие наготове, молча, не шевелясь, как подобает охотникам. Они были готовы броситься в бой и ждали приказа сакрипекса Херилака. Убедившись, что собрались все, Херилак рассказал, что следует делать.

— Ударим сразу все вместе, — объявил он. — Мы должны убивать, но так, чтобы не погибнуть самим: иглы мургу несут мгновенную смерть, поэтому мы растянемся в линию. Каждый саммад возьмет на себя половину их лагеря. Будем двигаться ползком. Молча. Ветер с моря, и нас не почуют, даже когда мы будем близко. Но мургу хорошо слышат, и нужно будет ползти так тихо, чтобы ни одна травинка не шелохнулась. Каждый займет свое место, а саммадар проверит. А потом вы будете ждать — и чтобы ни один не пошевелился. Вы будете следить за пляжем и ждать, когда я, Улфадан и Келлиманс дадим сигнал к бою. Вы будете бить мургу копьями и молчать, пока будет возможно. — Херилак тупым концом копья прикоснулся к подбородку ближайшего охотника. — Если сумеете, бейте мургу в горло, там они уязвимее всего. У них много ребер — животные, на которых мы охотимся, устроены иначе. Крепко ударишь — пробьешь, но слабый удар отразят кости. Помните — бить в глотку. — Херилак помолчал и добавил: — Трудно надеяться, что мы сумеем перебить всех без шума. Поэтому, как только нас заметят, сразу начинайте громко кричать, чтобы вызвать смятение. Кричите и убивайте. Если они побегут, используйте луки. Стрелы их остановят, разите безостановочно. Остановимся мы только тогда, когда все мургу умрут.

Вопросов никто не задавал. Все было яснее ясного. Кто-то из охотников ощущал страх, но не подавал виду. Охота кормила их, смерть — вещь привычная.

Безмолвно, как тени, скользили они среди деревьев и, оставив ночной лес позади, так же бесшумно поползли в траве.

Керрик следил за спящими фарги. Обернувшись, он вздрогнул — вдоль всего пляжа шевелились тени. И не было слышно ни звука, ни даже шороха. К дозорным подполз Херилак. Тронув его за плечо, Керрик едва слышно шепнул ему в самое ухо:

— Предводительниц следует убить первыми. Я хочу сделать это своими руками.

Херилак кивнул в знак согласия. Медленно, крадучись, Керрик добрался до края берегового уступа к намеченному заранее месту.

В лесу крикнула ночная птица, он замер на миг, прислушиваясь, и шагнул вперед. На пляже был слышен только легкий плеск волн. Ночь была безмолвна, как смерть.

И смерть приближалась к песчаной полоске.

Никто не проявлял нетерпения. Заняв исходные позиции, охотники замерли, ни единым звуком не выдавая своего присутствия. Глаза их не отрывались от серой полосы песка, люди терпеливо ожидали условного сигнала.

У Керрика сосало под ложечкой. Ему уже начало казаться, что прошло слишком много времени. Херилак и саммадары уже должны были быть на берегу. Если они еще промедлят, начнет светать, и люди окажутся в ловушке...

Керрик понимал, что страхи его напрасны, но не мог успокоиться. Он стиснул кулаки до боли. Где же они? Что случилось? Закрывая звезды, в небе сгущались тучи. Как теперь увидеть охотников на берегу?

И вдруг саммадары появились на пляже так бесшумно и внезапно, словно их занесло туда дуновением ветра. К их движущимся теням присоединились другие. Темной, еле различимой цепочкой охотники двигались к морю.

Они обошли Керрика, ведь все умели двигаться, не производя ни малейшего звука. Он не привык подбираться к добыче, а потому ему было трудно двигаться в темноте. И он намного отстал от цепочки, когда охотники добрались до спящих фарги. Впереди послышалось глухое бульканье.

Керрик почувствовал мягкий песок под ногами и побежал, вскинув копье. Он уже почти добрался до кучи припасов, когда безмолвие ночи нарушил отчаянный вопль.

И тут раздались крики и визг, пляж закипел шевелящимися

силуэтами. Керрик с криком прыгнул вперед, ударив копьем поднимавшуюся с земли иилане'.

Наконечник вонзился ей в грудь — она захрипела. Керрик ударил вновь — теперь в горло.

Вокруг орали, бежали, падали — шла настоящая бойня. Фарги проснулись мгновенно, но в темноте пришли в полное замешательство. Если в панике они и вспоминали про оружие, то не могли отыскать его в ночной тьме. И они бежали, пытаясь укрыться в спасительных объятиях океана. Но по дороге к воде их настигали острые копья, стрелы вонзались в спины добежавших до прибоя. Спасения не было. Тану умели убивать.

Но фарги было так много, что некоторым удавалось спастись. Расталкивая колыхавшиеся в воде мертвые тела, они ныряли, устремляясь к лодкам. Преследовавшие их охотники заходили по колено в воду и стреляли, пока хватало стрел.

Наконец убивать стало некого — сражение закончилось. Охотники бродили между телами, пинали лежавших ногами и, услышав малейший звук или заметив какое-то движение, добивали копьями. Потом усталые люди начали останавливаться, и один из охотников разразился победным кличем. Его подхватили другие. Крик несся над волнами, над немногими уцелевшими фарги, со страхом распростершимися на дне лодок.

Первые лучи утреннего солнца озарили ужасные итоги ночи. Керрик озирался с невольным трепетом: повсюду лежали мертвые тела. Остальных охотников это зрелище не смущало ни в малейшей степени. Весело перекликаясь, они вновь принялись осматривать пляж, забредая в воду, чтобы омыть вырванные из трупов стрелы. Стало светлее, и Керрик заметил, что его руки испачканы запекшейся кровью. Отойдя подальше от мертвых фарги, он стал мыть руки в прибое.

— Дело сделано! Мы отомстили мургу! — раздался победный крик Херилака. — Мы перебили их, мы отплатили за погибшие саммады! Хорошая ночь, добрая работа!

Далеко в море на юг улепетывали лодки, в большинстве своем пустые. Тану ночью постарались...

От изнеможения Керрик уже не чувствовал ни страха, ни ненависти. Он тяжело упал на груду пузырей с консервированным мясом.

Херилак грозил копьем вслед уплывающим лодкам и выкрикивал:

— Убирайтесь восвояси! Пусть все на свете мургу знают, что будет с теми, кто осмелится вновь забрести на север.

Керрик не разделял этой слепой ненависти: слишком долго пришлось ему жить среди иилане'. Становилось светлее, и он узнал лицо мертвой иилане', лежавшей неподалеку. Это была охотница, он много раз видел ее рядом со Сталлан. С невольной дрожью Керрик отвернулся от страшной раны на ее горле. Чувство скорби не покидало его, хотя, о чем он горюет, Керрик не мог понять.

Когда Херилак наконец отвернулся от моря, Керрик взял себя в руки и спросил:

— Мы кого-нибудь потеряли?

— Одного. Какая победа! Только одного из нас сразила ядовитая игла марага. Мы застали их врасплох. Теперь мы исполнили все, зачем явились сюда.

— Нет, мы еще не закончили все дела, — возразил Керрик, пытаясь забыть про эмоции и быть практичным. Он указал на пузырь, на котором сидел. — Здесь мясо. Пока эту шкуру не вспорешь, мясо не испортится. Я ел его. Мерзкое на вкус, но питательное.

Опершись на копье, Херилак размышлял.

— Значит, нам досталась не только победа, но и еда. Наступающую зиму переживет куда большее число тану. Я пошлю гонцов в саммады, чтобы они забрали это сокровище. — Он поглядел на усеянный трупами песчаный пляж. — А чем еще можно воспользоваться?

Нагнувшись, Керрик подобрал брошенный хесотсан и стряхнул песок с его темного тела. Обратив его в сторону моря, он надавил в нужном месте, и игла исчезла в прибое. Он нажал в другом месте — и крошечный рот раскрылся. Закрыв его пальцем, он передал оружие Херилаку.

— Собирайте смертоносные палки. И иглы к ним. Я покажу, что с ними делать. Мы не сумеем их выращивать, но, если их кормить, хесотсаны проживут несколько лет. Их яд и мургу убивает столь же безотказно, как и тану. Если бы ночью у нас были эти палки, ни один мараг не ушел бы с пляжа живым.

Херилак радостно хлопнул его по плечу.

— Эта победа будет первой. Я немедленно разошлю гонцов в саммады.

Оставшись один, Керрик взял пузырь с водой и напился, а потом поглядел на возбужденных охотников. К тану пришла победа. Но он не мог отделаться от мрачного предчувствия — будущие победы окажутся куда тяжелее. Он поглядел на труп ближайшей фарги, потом встал и отправился обследовать побережье.

Чтобы увериться в победе окончательно, пришлось побродить. Он даже осмотрел все тела, колыхавшиеся в прибое, перевернув каждое вверх лицом. Покончив с этим малоприятным делом, он устало опустился на песок.

Он узнал кое-кого из иилане', в основном это были охотницы, одна из убитых занималась воспитанием лодок. Но он напрасно искал знакомую физиономию. Ее не было среди убитых. Он поглядел на юг, туда, где давно уже исчезли лодки.

Сталлан была на берегу, в этом он был уверен. Она возглавляла поход и ухитрилась уцелеть.

Они еще встретятся, Керрик не сомневался в этом. Одно поражение не остановит иилане'. Только теперь они станут еще более решительными. Эта битва была лишь началом. И как закончится война, Керрик не имел ни малейшего представления.

Но в том, что их ждет такой бой, какого еще не видел этот мир, Керрик не сомневался.

Начиналась свирепая схватка двух рас, единых только в одном — в лютой ненависти друг к другу.

Глава 7

Nu'akburzhou'kaseiburak umuhesh tsuntensi nu' nkekash

Кольцо тел сослужило свою службу, выросла терновая стена, и будущее не ослабит ее прочности.

Налетел ветер, его порывы качали лодки на крутых высоких волнах. Тяжелые капли барабанили о плотные шкуры и исчезали в волнах океана. Темневший вдалеке берег исчез из виду, море позади оставалось пустынным. Погони не было. Сталлан огляделась и приказала лодке остановиться, знаком велев остальным последовать ее примеру.

День был пасмурным, иилане' жались друг к другу, пытаясь отыскать утешение в этой близости. Даже пустые лодки держались рядом с теми, где были фарги, и явно нервничали, не получая приказов. Сталлан в ярости оглядывала уцелевших.

Фарги было так мало! Только горстка испуганных существ осталась от сильного вооруженного отряда, который она повела на север. Что же случилось?

Ярость ее усиливалась: что именно произошло, она знала прекрасно, и, когда начинала вспоминать об этом, гнев разгорался настолько, что приходилось заставлять себя думать о другом. С местью придется подождать, сначала надо привести уцелевших в Алпеасак, в этом она видела свою первую обязанность.

— Есть раненые? — прокричала она, поворачиваясь, чтобы все могли понять ее. — Раненые, поднимите руки!

Оказалось, что раненых больше половины.

— У нас нет повязок, они остались на берегу вместе со всем снаряжением. Открытые раны омойте соленой водой, ничего больше не остается. И посмотрите, нет ли незанятых лодок, иначе они отобьются, а мы не можем позволить себе потерять хотя бы одну. Пусть в каждой лодке будет хотя бы по одной фарги. Пересаживайтесь, пока все лодки рядом.

Некоторые фарги пребывали еще в таком смятении и ужасе, что ничего толком не соображали. Сталлан приказала своей лодке двигаться, живое суденышко проталкивалось между другими лодками, пока Сталлан наставляла фарги.

— А вот не пустая лодка, — окликнула ее одна из скудоумных. — В ней мертвая фарги.

— В океан ее и других тоже, если такие найдутся.

— А вот раненая лодка, из нее торчат стрелы устузоу.

— Оставьте их. Если вы их извлечете, будет больше вреда, чем пользы.

Но в маленьком войске оставшихся фарги оказалось меньше, чем лодок. Сталлан была вынуждена бросить на произвол судьбы несколько раненых лодок. Когда с пересадками было покончено, изрядно поредевшая флотилия отправилась дальше на юг.

Целый день они плыли без остановки. Сталлан не хотела приближаться к берегу, пока наступающая ночь не заставила ее решиться. Там, в какой-нибудь хитрой засаде, снова могли оказаться устузоу. И они плыли вперед. Потрясенные фарги погружались в тупую апатию.

Солнце медленно спустилось за горизонт. Лишь тогда Сталлан приказала поворачивать к берегу, туда, где в море впадала река. Увидев пресную воду, измученные жаждой фарги зашевелились, но Сталлан не разрешила высаживаться из лодок, пока не осмотрела окрестности. И только убедившись, что все в порядке, она разрешила малыми группами приближаться к воде. Взяв хесотсан на изготовку, она изогнулась дугой в знак презрения к неразумным созданиям, потерявшим оружие. Теперь у них оставался лишь ее собственный хесотсан. Фарги убегали в панике, забыв об оружии.

— Обращаюсь нижайшая к высочайшей. А где пища? — напившись, спросила одна из фарги.

— Здесь ее нет, безмозглая. Завтра поедим, может быть. Все по лодкам! Сегодня мы ночевать на берегу не будем.

Поскольку не было и плащей, чтобы ночью поддерживать необходимую температуру тел, к утру все фарги закоченели и не могли двинуться с места, пока утреннее солнце не согрело их. Бегство продолжалось.

На третий день, убедившись, что нет погони, Сталлан рискнула подойти к берегу, чтобы поохотиться. Надо было поесть, чтобы не умереть в дороге. Она тщательно выбирала место в устье реки среди бесчисленных островков и болот. В трясине она выследила каких-то пестрых животных, пожиравших водяные растения. Они походили на маленьких урукубов, у них были длинные шеи и маленькие головки. Сталлан успела уложить двоих, прежде чем стадо убежало. Они были очень тяжелы, поэтому пришлось вернуться за фарги и приказать им тащить туши на берег. Все досыта наелись, хоть сырое мясо и пришлось рвать зубами.

Две раненые фарги умерли во время последнего перехода. Кроме того, потерялись раненые и пустые лодки: ночью они по одной отбились от каравана. Лишь жесткие приказы Сталлан поддерживали дисциплину, и наконец уцелевшие добрались до знакомых вод.

В середине дня, миновав несколько рыбацких лодок, они обогнули мыс, за которым прятался вход в гавань Алпеасака. На берегу было пусто — лишь Этдиирг, выполнявшая обязанности эйстаа, стояла на причале.

Сталлан выбралась из лодки и заговорила первой:

— Когда мы высадились на берег, ночью, во время сна, устузоу напали на нас. Они легко передвигаются во тьме. Мы ничего не смогли сделать. Ты видишь всех уцелевших.

Этдиирг холодно поглядела на фарги, подталкивавших лодки к стойлам.

— Беда, — сказала она. — Все случилось до того, как ты напала на устузоу, или после?

— До того. Мы ничего не приобрели. Все потеряли. Я не ожи-

дала нападения, не выставила часовых. Вина моя. Я умру, если прикажешь.

Сталлан ожидала решения, не дыша и не шевелясь. Несколько слов Этдиирг — и она умрет. Она глядела в сторону моря, но краем глаза следила за Этдиирг.

— Ты будешь жить, — наконец ответила та. — Хоть ты и виновата, Алпеасак нуждается в твоих услугах. Твоя смерть еще не пришла.

С заметным облегчением Сталлан жестом покорно поблагодарила.

— Но как такое могло произойти? — спросила Этдиирг. — Это выходит за пределы моего понимания.

— Но не моего, — ответила Сталлан. Каждое движение ее тела выдавало гнев и ненависть. — Мне слишком ясно, как такое стало возможным.

Вдруг она умолкла и обернулась: под деревьями показался паланкин. Четверо рослых фарги легко несли его, жирная Акотолп ковыляла следом. Поставив паланкин на землю, фарги отступили назад. Раскрыв от усердия рот, Акотолп заторопилась вперед и склонилась над лежавшей в нем иилане'.

— Тебе не следует двигаться, говори мало, — опасность еще не миновала, — проговорила Акотолп.

Вейнте' жестом выразила согласие и повернулась к Сталлан.

Эйстаа сильно исхудала, под кожей проступали кости. Рана, оставленная копьем, зажила, на боку белел вздутый шрам, но внутренние повреждения были серьезными. Когда Вейнте' доставили к Акотолп, она несколько дней провела в забытьи, все потребности ее при этом свелись к минимуму. Акотолп залечила раны, остановила заражение, перелила кровь, сделала все возможное, чтобы эйстаа не умерла. Смерть была близка, и только колоссальные медицинские познания Акотолп да железная воля и крепкое здоровье позволили Вейнте' выкарабкаться. Сейчас за нее распоряжалась Этдиирг, она выполняла обязанности эйстаа во время долгой болезни Вейнте'. Но выздоровление началось, а потому Вейнте' заговорила как эйстаа.

— Рассказывай, что случилось! — приказала она.

Сталлан повиновалась. Ничего не упуская, выбирая слова и следя за эмоциями, она поведала обо всем: о походе, высадке, побоище и бегстве в Алпеасак. Закончила она теми же словами, что уже говорила Этдиирг:

— Моя вина. Я умру, если ты прикажешь.

Вейнте' взмахнула рукой так резко, что, тревожно зашипев, Акотолп подалась вперед.

— Твоя вина или нет, ты нужна нам, Сталлан. Живи. Отомстишь по крайней мере. Будешь моей правой рукой. Ты убьешь того, кто это сделал. Это мог совершить только он.

— Эйстаа права. На снимках с раптора мы видели только одну стаю устузоу. И все казалось совершенно обычным. Но это было не так. Кто-то из них знал о рапторе, он и направлял ночное нападение устузоу. Этот устузоу знал, что мы заночуем на берегу перед атакой. Это он!

— Керрик!

В словах и жестах было столько гнева, что Акотолп запротестовала:

— Эйстаа, ты рискуешь жизнью. Тебе нельзя еще так говорить. Ты еще не оправилась для таких сильных эмоций.

Откинувшись на мягкие подушки, Вейнте' сделала знак согласия и, вздохнув, продолжала:

— Теперь надо подумать. В следующий раз напасть на устузоу мы должны совершенно иначе. Теперь информация об устузоу уменьшилась: снимки раптора показывают нам лишь половину жизни устузоу. Дневную половину. Но они могут передвигаться под покровом ночи. — Она обернулась к Акотолп. — Ты все знаешь. Ночью можно делать снимки?

Поглаживая толстый живот, Акотолп задумалась.

— Это возможно. Некоторые птицы летают и ночью. Можно попробовать.

— Немедленно приступай. Второй вопрос: можно ли поподробнее разглядеть снимки раптора?

— Смысл твоего вопроса не дошел до меня, эйстаа.

— Слушай же. Если нападение готовил устузоу Керрик, он должен быть в этой стае. Он может оказаться на одном из снимков. Можем ли мы разглядеть его?

— Теперь понятно. Снимки можно увеличить. Детали станут во много раз больше.

— Ты слышала, Этдиирг? Проследи, чтобы все было сделано!

Этдиирг жестом показала, что поняла, и помчалась выполнять распоряжение. Вейнте' вновь повернулась к Сталлан.

— Теперь мы будем нападать на них иначе. Следует подумать, как охранять лагерь ночью. Это серьезный вопрос. Подобное не должно повториться.

— Для этого потребуется больше фарги, — заметила Сталлан.

— Считай, что эта проблема уже решена. Пока тебя не было, мы получили великолепную весть. Все приготовления завершены. Инегбан придет в Алпеасак в конце лета. Два города станут одним, единым и могущественным.

— Чтобы стереть устузоу с лица земли, потребуются все наши силы.

Акотолп и Сталлан радостно зажестикулировали, выражая согласие, им вторила Вейнте′. Если бы все это случилось до ранения, радость ее была бы много меньше. Тогда ею владело только одно желание — править в Алпеасаке. Ненависть к Малсас< родилась потому, что в случае слияния городов эйстаа Инегбана станет эйстаа Алпеасака.

Теперь же она ждала прибытия Малсас<. Удар копья, обрекший ее на муки, изменил совершенно все. Едва к ней вернулось сознание, она вспомнила, что случилось. Удар устузоу, того самого устузоу, которому она спасла жизнь, а потом воспитала и позволила сидеть подле себя и исполнять ее приказания. И за все он отплатил ударом копья. Такую неблагодарность, такую жестокость нельзя оставлять безнаказанными. Воспоминания о Керике только укрепили ее в намерении стереть с лица земли эту заразу, этих устузоу. И все иилане′ согласятся с нею, когда узнают об участи посланных на север фарги. Когда Инегбан придет в Алпеасак, все иилане′ поймут, что новая жизнь будет не такой, как прежде, мирным жительницам тихого и спокойного города придется ко многому привыкать. Когда все узнают, что будущему иилане′, самому их существованию угрожают какие-то устузоу, поддержка будет единодушной.

И тогда вся мощь, весь разум и знания, вся энергия Инегбана объединятся в едином устремлении. Смерть устузоу! Стереть даже их следы с лица земли! Объявить священный поход против устузоу!

И поход этот необходимо кому-то возглавить. И в этом Вейнте′ видела теперь смысл своей жизни.

Глава 8

Воздух под высокими деревьями был неподвижен, холодный туман висел над землей. Зябкое безмолвие нарушалось только звуками капель да птичьими криками. Из-под куста осторожно высунулся кролик и принялся жевать длинную травинку. Вдруг

он сел, наставил уши и, сделав огромный прыжок, исчез, чего-то испугавшись.

Медленно, словно отголоски дальнего грома, близились звуки тяжелых шагов. Слышно было, как скрипят кожаные ремни, скребут землю деревянные шесты волокуш. Шествие мастодонтов возглавляли двое охотников. Они внезапно выросли на краю поляны, внимательно огляделись, держа наготове копья. Люди были в меховой одежде и обуви, но на голых руках поблескивали капли пота. Из-за деревьев появились остальные охотники и направились через поляну. За ними выступал первый мастодонт — горбатый и мохнатый самец. Он отломил хоботом ветку, не останавливаясь, отправил в пасть и удовлетворенно захрустел ею.

По одному из леса появлялись другие мастодонты, шесты травоисов глубоко врезались в мягкую почву. Шли женщины и дети постарше, охотники замыкали шествие. Тану снова в пути, и нет их дороге ни конца, ни начала.

После полудня они оказались у знакомого места возле речной излучины. В зимних сумерках первые хлопья снега кружились среди темных стволов. Улфадан поглядел на север, понюхал холодный воздух.

— Рано, — буркнул он. — Еще раньше, чем в прошлом году. Снег будет глубоким, словно в горах. Очень глубоким. Поговорим об этом вечером.

Келлиманс задумчиво кивнул. Они решили возвращаться на стоянку сразу после сражения, без споров и возражений. Прихватив с собой оружие и припасы мургу, все торопились как можно скорее уйти подальше от побережья, где постоянно можно было ожидать нападения. Не было ничего легче и проще, чем вернуться обратно по собственным следам. Откладывалась при этом и необходимость что-то решать, пока все не окажутся достаточно далеко от побережья. Спокон веку тану жили в горах, а теперь все переменилось, зимовать там стало невозможно. Что же делать? Спрашивали многие, но никто не отвечал. Настала пора сообща найти выход из положения. И, когда шатры были расставлены, а желудки наполнились, охотники собрались вокруг костра и завели разговор.

В отличие от оседлых иилане′, городских жительниц, тану были охотниками. И они скитались по свету, нигде не имея постоянного пристанища, вечно перебирались туда, где охота была удачливей, где в реках больше рыбы, а на деревьях сочнее плоды.

Ни одного клочка земли не могли назвать они домом. И все они были равны... почти равны. Что такое саммад? Несколько семей, объединившихся вместе, чтобы помогать друг другу. Так старухам легче было показывать девочкам места, где больше и слаще корни. Мальчики учились у старших охотиться, а взрослым охотникам вместе удавалось добывать больше пищи, чем в одиночку.

Саммадар не был вождем, приказам которого беспрекословно повиновались. Чаще им становился опытный охотник или искусный следопыт, при котором сытнее жилось. Правил он до всеобщего согласия. И не мог приказать охотнику сделать что-то ненужное и неприятное. Любой из них с семьей мог немедленно исчезнуть в лесу и присоединиться к другому саммаду.

Наступила пора решать. В костер подкинули дров, пламя высоко взметнулось, круг охотников рос. Они смеялись, перекликались, старались устроиться поудобнее у огня, где тепло, но не дымно. Животы полны, запасов хватит на всю зиму — этого им было достаточно. Но пора обдумывать важные вопросы. Разгорелся спор, но, когда встал Улфадан, все умолкли.

— Я слыхал, что многие хотят зимовать здесь, в знакомом месте. В этих краях теперь скудная охота, но пищи у нас хватит до весны. Подумаем о другом. Если мы зазимуем здесь, выживут ли мастодонты? Хватит ли им травы и листвы на деревьях? Это важный вопрос, на него следует дать ответ. Если мы выживем, а мастодонты умрут, то и мы погибнем, когда наступит время перекочевки. Вот о чем придется нам подумать.

Начался откровенный разговор... Все говорили о мастодонтах, без которых тану не выжить. Каждый желающий вставал и держал речь, остальные молча внимали. Херилак и Керрик тоже слушали молча. Сакрипексом Херилак был только во время войны. Но теперь, после победы, он сидел среди прочих охотников. Что касается Керрика, он был рад и тому, что охотники допустили его в свой круг, куда не было входа детям и женщинам. И он внимательно слушал.

Кое-кто сердился, некоторые жаловались, другие хвастали. Когда все выговорились, Улфадан попросил совета у Фракена, и остальные криками поддержали его. Старика уважали: мудрый алладжекс, хранитель воспоминаний и лекарь, ведал тайны жизни и смерти. Конечно же, он и наставит всех на путь истинный.

Фракен подошел к костру, следом за ним брел Парень-безимени. Когда он вырастет, а Фракен умрет, имя старика перейдет к молодому. А пока он учился, имени у него не было. Согнувшись

перед Фракеном, он пошарил в кожаном мешке и извлек из него темный шарик, который осторожно положил возле огня. Двумя палочками Фракен разломил его, внутри оказались тонкие мышиные кости. Фракен знал толк в погадках сов и по ним читал грядущее.

— Зима будет холодной, — объявил он, — нам предстоит путешествие...

Для вящего впечатления он пробормотал что-то еще. Все внимали с почтением. Керрик думал о другом. Все это он и сам мог бы сказать, без всяких мышиных косточек. Ответа в словах Фракена не было. Прочим тоже нечего было сказать. Слушая речи, Керрик понял, что решения нет. Пока охотники не изменят свои пути, решения нет и не будет. И когда все умолкли, он нерешительно встал.

— Я слушал все, что здесь говорилось, и слышал все время одно и то же. В горы пришла зима и все не кончается. Олени ушли с гор, потому что снег сходит там лишь ненадолго и пастбищ не стало. Если кто-то сомневается в этом, хотелось бы слышать, что он скажет.

В ответ раздался раздраженный голос Илгета, охотника, известного своим вздорным нравом.

— Садись, безволосый! — крикнул он. — Это все знают. Пусть говорят охотники.

Керрик прекрасно знал о своей редкой бородке и о волосах, еще не покрывших уши, и поэтому смутился и хотел сесть, но рядом поднялся Херилак и, тронув его за руку, оставил стоять.

— Этого охотника зовут Керрик, а не «безволосый». А тебе, Илгет, больше известно о безволосых. Смотри-ка, у тебя над лбом с каждым годом остается все меньше и меньше волос.

Люди у костра разразились хохотом и одобрительно хлопали себя по коленям. Илгету оставалось только молчать. Когда Херилак был саммадаром, он любил убеждать людей шуткой. Дождавшись тишины, он заговорил вновь:

— Длина волос Керрика должна напоминать нам о тех, кто изуродовал его, кто оставил безволосым... о мургу, державших его в плену. Не забывайте, он умеет говорить с ними и понимает их. Он подсказал, как можно напасть на мургу и перебить целый отряд. Когда говорит Керрик, мы слушаем.

Вокруг раздались возгласы одобрения, и Керрик осмелился заговорить снова:

— Все мы сошлись в одном: идти на север нельзя. Земли к

востоку отсюда опустошены, как и эти края до самого берега моря, где всегда придется опасаться мургу. Там зимовать негде, нет места нам и на западе. Земли там, может быть, и хорошие, но другие тану не пустят нас зимовать в эти края. И я спрашиваю: почему нам не пойти на юг?

Послышалось изумленное бормотанье, легкий смешок затих, едва Херилак грозно глянул в сторону развеселившихся. Его уважали — за отвагу и мудрость в бою, за силу рук — и боялись вызвать его гнев. Потом встал Улфадан и повел свою речь:

— Когда я был молодым, я доходил на юге до самого края лесов, где начинаются бесконечные травы. Вот что я оттуда принес. — Он коснулся длинного кривого зуба, висевшего на шее. — Я был тогда молод и глуп и рисковал жизнью из-за пустяков. Там нет оленей. Одни только мургу, которые подстерегают и убивают тану. Только мургу, высокие, как деревья. На юге нас ждет только смерть.

Раздались крики одобрения, Керрик подождал, пока все снова умолкнут.

— Вот что я скажу вам о мургу, ведь я долго жил на юге, там, где никогда не бывает снега и всегда тепло. В этих жарких краях обитают такие мургу, что едят траву; они пасутся в лесах и на болотах. Да, они не похожи на оленей и других зверей, на которых охотятся тану, но их можно есть, и их мясо приятно на вкус. Я знаю, я много лет ел это мясо.

Все умолкли. Даже женщины перестали переговариваться, и дети прекратили свои игры: все слушали странные речи молодого охотника.

— Улфадан говорил вам правду. Там живут огромные мургу, они едят тех, что поменьше. Я видел и еще более странных мургу. Это неважно. Вот что важно. Как эти мургу, что ходят, как тану, уживаются с этими огромными хищниками? Все они едят мясо. Почему мургу ростом с дерево еще не съели их?.. Мургу-что-ходят-как-тану живы лишь потому, что убивают всех, кто грозит им и их стадам. И вот чем они убивают.

Нагнувшись, он подобрал с земли хесотсан. Не было слышно ни звука, все взоры были обращены к говорившему.

— Эта штука уложит любого зверя, каким бы огромным он ни был. Мараг, которого не убьешь всеми копьями и стрелами целого саммада, падет бездыханным от такой вот колючки.

— Я видел, — с горечью в голосе перебил его Херилак. — Я видел, как мургу с этими палками лезли из моря и как падали от них

люди моего саммада. Самый большой наш мастодонт сразу свалился, когда смертоносная палка треснула перед ним. Керрик говорит правду.

— Теперь таких палок у нас много, — произнес Керрик, — много палок, много игл. Я умею ухаживать за этими смертоносными палками и обучу всех, кто захочет. Если мы отправимся на юг, нас ждет хорошая охота, а мастодонтов — изобилие корма. А вот это оружие, — он поднял хесотсан повыше, чтобы все видели, — обещает смерть всем мургу.

Охотники возбужденно заговорили и заспорили. Керрик в тот день почти не ел. Увидев, что Херилак отошел от общего костра, он направился следом за ним. Они подошли к своему костру. Женщины жарили мясо на зеленых ветвях, кипятили отвар из коры. Меррис, женщина Улфадана, усадила обоих и подала еду. У нее было мало зубов, но она была широкоплечей и очень сильной; молодые женщины слушались ее беспрекословно.

— Надеюсь, что смертоносные палки послужат нам не хуже, чем самим мургу, иначе все мы сложим свои головы на юге, — хриплым, как у охотника, голосом проговорила она.

— А ты как считаешь, идти нам на юг? — спросил Херилак с набитым ртом.

— Теперь они проспорят всю ночь. Но ничего другого не придумают. Мужчины всегда слишком много разговаривают. Мы пойдем на юг, другого пути нет. — Не скрывая любопытства, она глядела на Керрика. — А что за мургу держали тебя в плену? У них большие шатры? А травоисы у них волокут мастодонты или гигантские мургу?

Керрик улыбнулся, представив себе такую картину, потом попытался объяснить:

— Они живут не в шатрах, у них для этого растут специальные деревья, мургу спят в них, как мы в шатрах.

Меррис громко расхохоталась.

— Сказки рассказываешь. Разве можно погрузить дерево на мастодонта, чтобы перебраться в другое место?

Женщины возле костра, поглядывавшие в их сторону и внимательно прислушивавшиеся к разговору, дружно захихикали.

— Это правда, только они все время живут на одном месте, поэтому спальные деревья им перевозить не надо.

— Теперь я все поняла: ты рассказываешь мне сказки. Если они все время будут жить на одном месте, то когда-нибудь перебьют всех зверей, соберут все плоды и умрут с голода. Здорово придумал.

— Это правда, — подтвердил Херилак. — Так эти мургу и живут. Я был там и все видел, хотя ничего не понял тогда. Им даже не нужно охотиться: всех зверей они пасут на полях, откуда те не могут сбежать, и убивают, когда нужно. Так я говорю? — спросил он у Керрика.

Пожав плечами и тем выразив свое отношение к бесполезным россказням, Меррис отправилась в шатер, но остальные женщины, раскрыв рты и глаза, слушали дикие речи. Врет или нет, но слушать было интересно.

— Это только малая часть того, что я знаю, — продолжал Керрик. — Там столько всего, все мургу заняты различными делами. Некоторые расчищают земли, выращивают заборы, чтобы держать за ними животных. Есть среди них и охранницы, они приглядывают за самцами в пору размножения, чтобы молодняк был в безопасности. Некоторые выращивают еду для животных, другие убивают зверей. Некоторые рыбачат. Все там устроено сложно.

— Это самцы-то ужаживают за детьми? — тихим недоверчивым голосом чуть в нос проговорила одна из женщин. Женщина постарше шлепнула ее.

— Молчи, Армун!

— Хороший вопрос, — сказал Керрик, пытаясь разглядеть спросившую, но та отвернулась, пряча лицо в густых волосах. — Мургу откладывают яйца, и самцы их вынашивают. А когда вылупляются детеныши, они отправляются жить в океан. Они совсем не заботятся о своих детях. Не так, как мы.

— Грязные твари, так бы всех и убила! — воскликнула Меррис. — Женщины не должны слушать подобные гадости.

По ее команде все слушательницы разошлись, а мужчины молча заканчивали трапезу. Слизнув жир с пальцев, Херилак тронул Керрика за руку.

— Расскажи мне побольше о мургу. Я хочу знать все об этих тварях. В отличие от женщин я верю твоим словам. Ведь и я был пленником. Только недолго, не так, как ты. Веди — и я последую за тобой, Керрик. Сильные руки, тугой лук — что еще нужно охотнику? Еще тану нужны знания. Ведь мы зовемся тану, потому что умеем работать с камнем и деревом, знаем повадки зверей, на которых охотимся. А теперь пора охотиться на мургу, и только ты один знаешь все их повадки. Только ты можешь показать нам путь.

Керрик еще не думал об этом, но, соглашаясь, нерешительно

кивнул. Знание могло быть силой... и оружием. Он обладал знаниями, и Херилак уважал его. Керрик впервые ощутил гордость. Понемногу он начинал понимать, что не будет чужаком среди тану.

Глава 9

Меррис была права; проговорив до глубокой ночи, с огромными сомнениями охотники решили перебраться туда, где есть пастбища для мастодонтов. Но решение это только поставило их перед новой проблемой: куда идти?

Херилак вылез из шатра, едва рассвело. Он уже разводил костер, когда к нему подошли Улфадан и Келлиманс. Оба саммадара поприветствовали его по обычаю и уселись возле костра. Херилак налил обоим по деревянной чаше крепкого отвара из коры и сел рядом, ожидая, когда они заговорят. За его спиной высунулся из шатра Ортнар и тут же исчез за пологом.

— Может быть, ты решил, что они уже досыта наговорились ночью? — шепнул он Керрику. — Охотники еще только вошли во вкус. О чем думать? Надо бить мургу — другого нам не остается.

Поеживаясь от холода, Керрик высунулся из спального мешка, торопливо через голову натянул кожаную куртку, пригладил короткие волосы, зевнул и почесался. Через откинутый полог он видел троих разговаривавших охотников. Он вполне понимал Ортнара, с него самого хватило и вчерашних разговоров.

Но избежать участия в новой беседе не удалось. Херилак встал и, сделав несколько шагов в сторону шатра, позвал:

— Керрик, иди сюда, ты нам нужен.

Керрик вышел и сел возле костра. Попивая горячий терпкий настой, он слушал Херилака.

— Саммады пойдут на юг, больше им ничего не остается. Только они не знают, как правильно вести себя в краях мургу. Все понимают только одно — придется убивать мургу. Для этого нужен военный вождь. Они попросили меня быть сакрипексом.

Керрик кивнул.

— Так и должно быть. Ты вел нас к победе на берегу, где от нашего оружия погибли мургу.

— Одно дело война. Как вести людей в бой, я знаю. Но теперь мы обдумываем не набег. Ведь мы собираемся оставить леса, выйти на поросшие травой равнины, где обитают одни только мургу. Самые разные мургу. И нам придется убивать их смертоносными

палками. Скажу тебе правду. Я мало знаю мургу и ничего не знаю о смертоносных палках. Ты знаешь, Керрик. И я сказал, что сакрипексом должен стать ты.

Керрик не знал, что ответить. Он совершенно не ожидал этого. Подумав, он наконец нерешительно заговорил:

— Это огромная честь, но я не уверен, что моих знаний достаточно, чтобы быть сакрипексом. Да, я знаю о мургу много, но что известно мне об охоте, об оружии тану? Почти ничего. Ты же, Херилак, — знаменитый вождь.

Все молча ожидали продолжения его слов. Саммады ждали, что он возглавит их, он не вправе был отказываться. Услыхав, о чем идет речь, из шатра выбрался Ортнар и присоединился к собравшимся охотникам. Они хотели, чтобы Керрик вел их, но он не смел брать на себя такую ответственность. Что же делать? Как поступили бы иилане' в такой ситуации? И когда он задал себе этот вопрос, сам собой нашелся ответ.

— Я скажу вам, что делают мургу в подобных случаях, — произнес Керрик. — В их городах есть самый главный саммадар. Этому саммадару подчиняются саммадар охотниц, саммадар, следящий за животными, саммадар, распоряжающийся разными работами. Почему бы и нам не поступить так же? Сакрипексом пусть будет Харилак, как вы хотели. Я буду помогать ему советами, поскольку знаю обычаи мургу. Но он будет решать, что следует делать саммадам.

— Обдумаем? — предложил Улфадан. — Новая мысль.

— И новые времена, — добавил Келлиманс. — Пусть будет так, как говорит Керрик.

— Сделаем так, — отозвался Херилак, — но это я буду помогать Керрику. Он расскажет всем о мургу, как их выслеживать и убивать. Он будет маргалус — дающий советы, знающий мургу.

Улфадан кивнул в знак согласия и встал.

— Да будет так!

— Согласен, — произнес Келлиманс. — Пусть узнают все охотники саммада, и, если они согласны, выступим на юг, когда скажет маргалус.

Херилак повернулся к Керрику.

— С чего начнем, маргалус? — спросил он.

Керрик щипал бородку, охотники ждали. Ответ был очевиден. Хорошо, если бы и впредь не находилось проблем сложнее.

— Чтобы убивать мургу, вы должны узнать о смертоносных палках. Приступим, не откладывая.

Херилак и Ортнар, как всегда, были вооружены луками и копьями. Керрик оставил у шатра свое копье и взял хесотсан с запасом игл. Они двинулись вверх по реке и вышли на поляну. Там среди камней застряло целое дерево, принесенное рекой.

— Будем стрелять в это дерево. Тут легко заметить, если кто-нибудь подойдет. Иглы несут смерть, а я хочу, чтобы все жили.

Керрик вытянул вперед хесотсан, охотники положили на землю стрелы и копья и нерешительно шагнули к нему.

— Оружие не опасно, пока я не вставил иглы. Сперва я покажу вам, как кормить это создание и ухаживать за ним. А потом вставим иглы и постреляем.

Умелые руки охотников привыкли иметь дело с оружием, и хесотсан скоро перестал быть для них живым существом. Когда Керрик выстрелил в первый раз, спутники его вздрогнули, а потом побежали к дереву поглядеть, куда попала игла.

— И эта штука стреляет так же далеко, как лук? — спросил Херилак.

Керрик подумал, потом покачал головой.

— Думаю, нет, но это неважно. Когда мургу нападут на нас, стрелять придется с близкого расстояния. Яд действует почти мгновенно. Тогда...

Протянув оружие Херилаку, Керрик вдруг заметил движение в небе. Птица, большая птица.

— Быстрее берите луки! — приказал он. — Над нами раптор. Птица, которая говорит с мургу. Она не должна к ним вернуться. Убейте ее!

Охотники немедленно повиновались и, наложив на тетиву стрелы, стали ждать, пока птица опустится ниже. И когда раптор с распростертыми крыльями скользнул над головами людей, обе тетивы зазвенели почти одновременно. Стрелы взвились вверх и поразили раптора.

С коротким криком птица рухнула в воду.

— Не упустить бы... — сказал Керрик.

Не успел он положить хесотсан на землю, как оба охотника уже попрыгали в воду. Ортнар плавал лучше, он первым добрался до убитой птицы и ухватил ее за крыло. Она была так велика, что оба охотника с трудом потащили ее на берег. Когда они выбрались из воды и бросили птицу на песок, Керрик сказал:

— Видите — на ноге черная шишка. Птица убита, но эта черная тварь жива.

Когтистые лапы охватывали ногу раптора. Трудно было по-

нять, на что похоже это создание. С боку на его туловище что-то выступало. Херилак присел на корточки, чтобы разглядеть странное существо, и вдруг отпрянул — глаз открылся и медленно закрылся снова. Саммадар потянулся за копьем, но Керрик остановил его:

— Это сделать никогда не поздно. Сперва покажем охотникам глаз, что за нами следит, и птицу, которая его носит. От них мургу узнают, где мы находимся. Охотники должны увидеть нашу добычу, чтобы в следующий раз сразу узнать птицу и убить ее. А если мургу потеряют нас из виду, то не смогут и напасть на нас.

— Ты прав, маргалус, — с уважением сказал Херилак. — Ты ведь знаешь их, этих мургу.

Херилак произнес новый титул Керрика непринужденно и от чистого сердца, и Керрик невольно почувствовал гордость. Пусть на охоте он пока уступает в меткости другим охотникам, пусть стрелы его часто летят мимо цели — он знает мургу, как никто другой. И если он еще не искусный охотник, то все равно достоин уважения.

Взяв птицу, друзья отправились на стоянку...

Охотники удивлялись величине раптора, такой большой птицы никто из них не видел. Расправив на земле его крылья, они шагами измеряли их длину. Охотники восхищались меткостью стрелков: обе стрелы пробили грудную клетку. Они отталкивали детей, подбиравшихся к птице, чтобы ее потрогать.

Одна из женщин нагнулась к ноге раптора и тронула пальцем черное существо. Открывшийся глаз моргнул. Женщина взвизгнула. Тогда все захотели видеть, как это происходит, и тоже принялись тыкать пальцами. Херилак нагнулся и выдернул стрелы, отдал одну Ортнару.

— А теперь поучимся стрелять из палки: мы должны владеть ею не хуже, чем луком.

К вечеру оба охотника уже обращались с оружием так же уверенно, как Керрик. Ортнар скормил хесотсану кусочек вяленого мяса и пальцем закрыл ему рот.

— Оленя на охоте им не убьешь: и целиться трудно, и иглы не долетят.

— Оленей легко убивать копьем или луком, — возразил Херилак, — а эти штуки припасены для мургу, которых много на юге.

— Я хочу, чтобы все охотники умели обращаться с этими пал-

ками, прежде чем мы отправимся на юг, — проговорил Керрик. — Выступим сразу, как только все научатся.

Охотники умылись в реке, запах еды позвал их к шатрам. Ночь была безоблачной, ясные звезды холодно мерцали над пляшущими огнями костров. Меррис подала мясо. Тут же оказался алладжекс Фракен. Каждый вечер старик ходил от костра к костру, и люди спрашивали его о том, что знал он один.

Он угрюмо поглядел на Керрика: юноша знал такое, чего не ведал Фракен. Заметив ревнивый взгляд, Херилак постарался отвлечь внимание старика.

— Вчера мне приснилось, что все мы охотились на мастодонта, — проговорил Херилак. Фракен кивнул и облизнулся, отхлебнув теплого настоя. — Разве такое возможно? Я ведь охотился на мастодонта только однажды, совсем молодым.

— Охотился вовсе не ты, — ответил старик, — а твой тхарм. — У костра почтительно притихли. — Мы умираем, и тхарм оставляет тело, но такое случается, и когда мы засыпаем. Тхарм оставил твое тело и отправился на охоту. Потому и нельзя будить спящего охотника, ведь тхарм его может оказаться далеко, и, если его разбудить, охотник умрет, потому что, когда тхарм оставляет тело, мы умираем. И никогда больше не возвращаемся сюда. Если охотник умел добывать зверя, тхарм его становится звездой. — Голос его понизился до хрипа. — Но остерегайтесь плохого охотника, который всем доставляет одно беспокойство, ведь есть среди нас и такие. Когда такой охотник умирает, тхарм его держится неподалеку и вредит нам. У сильных охотников участь другая — все видят его тхарм на небе. Тхарм могучего охотника приходит людям во сне, чтобы помочь им.

Керрик молча слушал. Он припоминал теперь, что еще мальчишкой слышал такие рассказы от старого Огатира. Тогда, засыпая, он ворочался от страха. Ему казалось, что рядом окажется чей-то тхарм. Теперь все это оказалось пустыми россказнями. Иилане' лопнули бы от смеха, узнав, что звезды — чьи-то тхармы. Для них смерть была всего лишь концом бытия, в котором не было места для тайны. Они говорили ему, что звезды находятся так далеко, что просто не могут влиять на происходящее на Земле. Зхекак рассказывала еще, что звезды очень горячие, а Луна холодная, как и движущиеся звезды и планеты, и что они похожи на Землю. Такова была действительность, а все прочее — пустые разговоры. Но на лицах вокруг Керрик видел почтитель-

ное внимание и понял, что не стоит сейчас заводить речь о подобном.

Фракен пошел к другому костру, многие потянулись за ним, у огонька остались только несколько охотников. Никто из них не заметил, как к костру подошла высокая стройная девушка с большим пучком перьев в руках. Звали ее Фарлан. Керрик вспомнил, что она была старшей дочерью Келлиманса. По спине девушки змеились толстые косы. Проходя мимо, она случайно задела Керрика, и он почувствовал нечто, чему еще не мог дать определение, и тревожно пошевелился.

— Вот перья огромной птицы, что вы убили сегодня, — произнесла она.

Не глядя на нее, Ортнар кивнул.

— Их можно нашить на твою одежду, чтобы каждый мог видеть, что ты искусный стрелок. — Она на мгновение умолкла. — Я могла бы сделать это.

Ортнар подумал и согласился.

— Я покажу тебе одежду. — И он шагнул в темноту, а девушка последовала за ним.

Охотники словно не заметили случившегося, но один из них поднял глаза, заметил взгляд Керрика и подмигнул ему, ухмыляясь. Когда парочка удалилась, охотники стали перешептываться, один расхохотался.

Произошло что-то важное. Керрик понял это, но никто и не думал ничего объяснять. И он молчал, потому что стыдился своей недогадливости.

Когда Керрик возвратился в шатер, Ортнара там не было, а утром он заметил, что пожитки охотника куда-то исчезли.

— Где Ортнар? — спросил он.

— Спит в другом шатре, — ответил Херилак, явно не желая ничего объяснять.

Керрик начал понимать, что в жизни тану случаются события, о которых не принято толковать вслух. Так было и у иилане'. Но он тану, а потому должен знать все. Придется выяснить, но он даже не знал, с чего начать. Следовало хорошенько подумать.

Непонятный поступок Ортнара забылся на следующее утро, когда саммад стал сниматься со стоянки.

Дорога вела на юг, в неизвестность.

Глава 10

Улфадан отлично знал эти места и уверенно вел саммады через лес. Когда деревья начали редеть и в просветах между ними показались поросшие травой луга, он приказал сделать привал и отправился искать Керрика.

— Впереди открытая земля. Мы остановились по твоему слову, маргалус.

— Хорошо, — ответил Керрик. — Мы с Херилаком уже обсудили, что нужно делать, чтобы не бояться нападения мургу на равнине. Если мы, как и прежде, будем идти единой колонной, она будет открыта для нападения с боков. В лесу мастодонты идут друг за другом, потому что дорога узкая. Здесь не будет деревьев, и придется идти иначе. Вот что мы решили.

Обступившие Керрика охотники нагнулись к кругу, который Керрик палкой начертил на земле.

— Мы будем идти так, — объявил он. — Мастодонты будут держаться бок о бок, одной группой. Херилак с частью охотников пойдет впереди, ведь он сакрипекс. Но напасть на нас можно с боков или сзади, а потому мы всегда должны быть настороже. Ты, Келлиманс, с охотниками твоего саммада пойдешь слева. Улфадан справа. Остальные будут сзади, вместе со мной. У всех охотников будут палки, луки и копья. Так мы сумеем защитить саммады.

Тут раздался сигнал тревоги, который подал один из мальчиков, карауливших в лесу. Выставив вперед копья, охотники повернулись на шум. Среди деревьев показался странный охотник. Он стоял неподвижно и смотрел вперед. Судя по его высоким, почти до колен, берестяным поножам, он пришел из-за гор. Навстречу ему отправился Херилак. Когда он приблизился, охотник нагнулся и положил копье на землю. Херилак сделал то же самое. Охотник что-то крикнул, Херилак покачал головой и повернулся к своим.

— Он что-то говорит, но я почти ничего не могу понять.

— Пусть говорит Невасфар, — сказал Улфадан. — Он охотился за горами и понимает их речь.

Оставив свое копье, Невасфар отправился разговаривать с незнакомцем. Все ждали. После коротких переговоров Невасфар сообщил:

— Говорит, что он саммадар по имени Хар-Хавола. Мастодонты этих тану погибли зимой. Им пришлось съесть своих зве-

рей, чтобы выжить. Теперь у них нет больше пищи, и они умрут, когда выпадет снег. Он слыхал, что здесь много еды, и просит...

— Нет, — мгновенно ответил Херилак. Охотники согласно закивали.

Услышав это, Хар-Хавола шагнул назад — это слово он понял. Поглядев на суровые лица вокруг, он попытался снова заговорить, но понял, что это бесполезно. Он нагнулся за копьем, и тут его окликнул Керрик:

— Подожди. Невасфар, скажи, чтобы он не уходил. Спроси, сколько охотников в его саммаде.

— Но у нас нет лишней еды, — возразил Херилак. — Он должен уйти.

— Я говорю как маргалус. Слушай! — Херилак покорно умолк. — Сейчас у нас еды больше, чем нужно. Мясо мы добыли на охоте и отобрали у мургу. На юге, на травянистых равнинах, охота будет хорошей, мяса будет еще больше. Но там живут мургу, и нам придется защищаться от них. И чем больше охотников будет у нас, тем легче будет отбиваться. Я говорю: пусть они присоединяются к нам, их копья помогут.

Подумав, Херилак согласился:

— Маргалус прав. Охотников нужно много, придется выставлять стражу и по ночам. И я тоже скажу теперь: пусть они идут с нами. Расскажи ему, Невасфар, куда мы идем и какие опасности нас поджидают. И еще скажи: если его охотники присоединятся к нам, весь его саммад будет сыт.

Услыхав это, Хар-Хавола обрадованно выпрямился и ударил себя кулаком в грудь. Невасфару можно было не переводить его слова. Все тану, пришедшие из-за гор, хорошие охотники и воины. Они пойдут.

Повернувшись лицом к лесу, он крикнул. Из-за деревьев появились испуганные женщины, прижимавшие к себе детей. Сзади шли охотники.

Исхудавшие и изголодавшиеся люди жадно набросились на предложенную им еду. Когда они насытились, колонна двинулась дальше, и постепенно все вышли на равнину.

Там мастодонтов согнали в тесную группу. А Херилак обратился к саммадарам:

— Охотников стало больше, идти будет спокойнее. Керрик может теперь идти со мной впереди, ведь он маргалус. Пусть Хар-Хавола со своими охотниками замыкает шествие: сзади опасность будет меньше, к тому же у них нет стреляющих палок. Когда охотники разойдутся по местам, выступаем.

Невысокие, поросшие травой холмы простирались до самого горизонта. Кое-где виднелись небольшие деревья, попадались и каменистые участки. Вдали пылило стадо каких-то животных, но расстояние не позволяло разглядеть их, и облако пыли скоро исчезло. Ничто не шевелилось. Простор казался таким мирным. Но Улфадана трудно было обмануть, он озирался вокруг, поглаживая огромный зуб на груди. Все охотники держали оружие наготове, понимая, что попали в совершенно чужие края. Даже мастодонты, казалось, почувствовали всеобщую тревогу. Они задирали огромные хоботы и тревожно трубили.

Внезапно между холмами показались темные пятна. Они быстро приближались, и скоро тану услышали топот. Теперь неведомых зверей можно было разглядеть. Тану еще не встречались с этими длинношеими и длинноногими созданиями. Завидев стоявших людей, они бросились в сторону и пронеслись мимо, оставив за собой облако пыли. За ними гнались хищные мургу.

Когда они увидели людей, один мургу, громко и яростно завизжав, бросился в сторону мастодонтов.

Вскинув оружие, Керрик выстрелил в нападавшего... раз, другой, третий. Мараг злобно завыл, подпрыгнул и упал в траву: начал действовать яд. Он умирал совсем рядом, и Керрику казалось, что свирепые глаза злобно глядят на него.

Чудовище в агонии дергало когтистыми лапами, пасть раскрылась, рев стал прерывистым. Зловонное дыхание обдало охотников. Мараг умер.

Мастодонты затрубили от страха. Они пятились, вставали на дыбы и могли сокрушить травоисы и всех, кто был неподалеку. Часть охотников побежала успокаивать огромных зверей, другие же остались на местах, держа оружие наготове.

Вскоре опасность миновала. Стадо исчезло вдали, преследуемое хищниками. Керрик осторожно подошел к убитому марагу. Тот лежал неподвижно. Туша его оказалась величиной с мастодонта. Гигант словно был создан для убийства: мускулистые длинные задние лапы, пасть, усеянная остроконечными зубами.

— Можно ли есть его мясо? — спросил Керрика один из охотников.

— Не знаю. Таких я не видел. Сами мургу не едят мяса хищников.

— Тогда идем дальше, — приказал Херилак. — Мы и сами придерживаемся того же обычая. Пусть валяется.

Тану ели мясо хищников лишь тогда, когда голодали. Терпкий, неприятный вкус его не нравился. А сейчас еды хватало, и потрошить мерзкого марага никто не хотел. Поэтому все заторопились в путь. Проходя мимо мертвого животного, мастодонты поднимали хоботы и трубили от страха. Как и тану, слоны тоже хотели побыстрее уйти отсюда.

Равнина кишела жизнью. В воздухе кружили какие-то черные твари, совсем не похожие на птиц. В неглубоком озере медленно двигались какие-то огромные силуэты, и люди опасливо обошли его подальше. Мургу поменьше разбегались с дороги и исчезали в траве. Люди были настороже, оружие было под рукой, но нападений больше не последовало.

Когда они остановились у ручья напоить животных, тени уже стали длиннее. Херилак указал на невысокий холм, густо поросший деревьями.

— Там и остановимся на ночь. Среди деревьев легче укрыться, и вода неподалеку.

Керрик тревожно посмотрел на рощу.

— Мы же не знаем, что может там скрываться, — сказал он. — Не лучше ли оставаться на равнине? Там хотя бы видно, откуда грозит беда.

— Мы уже знаем, что днем равнина кишит мургу, и кто знает, что за твари бродят здесь по ночам.

— Тогда следует проверить, нет ли кого-нибудь в роще.

Они осторожно приблизились к деревьям, но там никого не оказалось. Завидев людей, небольшие мургу разбежались, высоко задрав хвосты. Громко хлопая крыльями и крича, с ветвей поднялась стая птиц, клевавших какие-то плоды. Кроме них в роще не было никого. Можно было спокойно останавливаться на ночлег.

Распряженные мастодонты быстро успокоились и скоро уже принялись обрывать зеленые листья. Мальчишки принесли огонь в обмазанных глиной корзинах. Быстро раскинули шатры. С наступлением темноты лагерь со всех сторон окружили караульные, ночью их сменят другие охотники.

— Пока мы сделали все, что могли, — произнес Херилак. — Прошел первый день, а мы еще живы.

— Хорошо, если ночь пройдет столь же спокойно, — проговорил Керрик, озабоченно оглядываясь. — Надеюсь, что мы не ошиблись, явившись в эти края.

— Зачем беспокоиться о том, что нельзя было изменить. Решение принимали все. Другого пути не оставалось.

Херилак прав, подумал Керрик, просто я слишком волнуюсь. Он был и саммадаром, и сакрипексом, и знает, что это такое. А я еще не привык командовать.

Поев, он заснул как убитый.

Ночь была угольно черной, но вот звезды Охотника уже исчезли за западным горизонтом, скоро за ними последует Мастодонт. Приближался рассвет...

Херилак прикоснулся к плечу спавшего Керрика.

— Ночью сюда никто не подходил, — проговорил он. — Хотя вокруг хватает всяких тварей. Быть может, этим мургу не нравится наш запах?

Под деревьями шевелились темные силуэты: караульные сменяли друг друга. С вершины холма Керрик поглядел в сторону темной полоски ручья.

— Там водопой, — произнес Херилак, — многие животные пили, но мы не знаем этих зверей.

— Главное, чтобы они не тревожили нас.

Они замолчали. Небо на востоке слегка посветлело — наступало утро.

— Прошел день, прошла ночь, — сказал Херилак, — а мы еще живы. Говорят, что начавшаяся удачно ночевка и заканчивается хорошо. Пусть будет так.

Глава 11

Путешественники медленно продвигались на юг весь следующий день, и следующий тоже, а потом и следующий за ним. Из осторожности охотники все еще охраняли на дневных переходах саммады со всех сторон. Но теперь они держались свободнее, а ночью спокойно спали. На равнине было много всякого зверья, по большей части это были травоядные мургу, удиравшие подальше от саммадов с их мастодонтами. Попадались и хищники. Многие из тех, что покрупнее, пытались нападать на людей. Но охотники убивали всех, кто подбирался близко, остальные видели это и старались не следовать примеру нападавших. Охотники понимали, что без оружия мургу тану давно были бы мертвы. И под защитой хесотсанов саммады все дальше и дальше углублялись на равнину.

Тану старались держаться подальше от болот, что тянулись вдоль большой реки, в них медленно плавали какие-то огромные туши. Избегали люди и густых лесов, где пришлось бы пробираться цепочкой и отряд был бы более уязвимым.

Но, несмотря на опасности, охотники с нетерпением ожидали новостей, которые приносил каждый день, и допоздна засиживались за разговорами у костров, обсуждая его события. Ведь этот мир был уже частью их жизни. В своих лесах они знали каждого зверя, каждую птицу, их повадки и умели охотиться на них.

Но теперь они попали в совершенно неведомый мир. Они уже давно пересекли его границы у края лесов, где водились олени и другие знакомые людям животные. А потом вдруг все изменилось: животных, к которым они привыкли, не стало. Только некоторые птицы еще казались знакомыми, и рыбы в реке не стали другими. Но вокруг кишели мургу в таком количестве и разнообразии, что звать их одним именем более не представлялось возможным. Под ногами в траве сновали ящерицы, ползали змеи, а по траве бродили стада мургу всех размеров и всевозможных цветов. Охотники старались быть особенно осторожными возле стад: около них всегда держались прожорливые хищники.

Как-то раз на одном из громадных разлагавшихся трупов они заметили стаю огромных трупоедов величиной с того раптора, что шпионил за ними. Отвратительные твари с темно-красными гребнями и длинными хвостами подскакивали на длинных ногах и шипели на проходивших охотников. Клювы этих созданий были густо усажены острыми зубами.

Богатые земли, изобилие дичи — если бы они остановились поохотиться, то завалили бы лагерь добычей — и погода, в которую трудно было поверить. Когда тану выступили в поход, листья уже начали опадать и по утрам в шатрах было зябко от первых холодных прикосновений зимы. Но за время похода времена года словно пошли назад, и снова наступило лето! Ноги вновь стали теплыми, а дневная жара заставляла всех стаскивать кожаные одежды и расхаживать в набедренных повязках.

Наконец они пришли туда, где огромная река, вдоль которой они продвигались, впадала в еще более огромную. И хотя только что миновал полдень, Херилак остановил шествие и подозвал к себе Керрика и саммадаров.

— Удобное место для стоянки. Отлогий спуск к реке — легко поить животных. По ночам вода будет надежной преградой. Хорошее пастбище для мастодонтов. Лес рядом, будет хворост.

— Еще рано, — сказал Улфадан. — Зачем остановились?

— Я позвал вас к себе потому, что, выступая в путь, мы уговорились только о том, что пойдем на юг. Мы пришли на юг. Пора выбирать место для зимней стоянки. Подумаем об этом.

— Неподалеку пасется стадо утконосых мургу, — сообщил Келлиманс. — Вкусные, наверно...

— Копейная рука чешется, — добавил Улфадан, щурясь и разглядывая заречные дали. — Сколько дней не охотились. Тогда я объявляю: мы останавливаемся здесь!

Херилак огляделся, охотники согласно кивали.

— Я думаю о мургу-что-ходят-как-люди, — сказал Керрик. — Про них нельзя забывать.

Улфадан фыркнул:

— Но мы давно не видели их огромных птиц. Как они могут узнать про нас?

— Нельзя быть уверенным в том, что они не знают о нас. Саммад Амагаста они выследили и истребили, а птиц у них тогда еще не было. И где бы мы ни остановились, чем бы ни занимались, о них забывать нельзя.

— Так что же скажешь, маргалус? — спросил его Херилак.

— Вы охотники. Если такова общая воля, останемся здесь. Но и ночью, и днем мы должны стеречь берег, чтобы беда не пришла из реки. Смотрите, какая она широкая. К югу отсюда она наверняка впадает в море. И из моря в реку — знакомый путь для мургу, если они сумеют проведать о нашем лагере.

— Маргалус прав! — объявил Херилак. — Будем осторожны. Пока мы в этих краях — пусть на берегу всегда стоит стража.

Глядя на ровный откос, Улфадан нахмурился.

— Мы всегда останавливаемся в лесах, здесь для нас слишком открытое место.

Керрик вспоминал о городе мургу, Алпеасаке. Он тоже стоял на реке, но иилане' хорошо охраняли его.

— Вот как поступают мургу. Чтобы защитить свое селение, они выращивают крепкие деревья и терновые кусты. Деревья... Мы не умеем растить их, но нетрудно нарубить терновых ветвей и соорудить из них стены. Мелкие мургу не пролезут, а больших мы убьем.

— Но раньше тану не делали этого, — возразил Келлиманс.

— Но тану прежде никогда и не заходили так далеко на юг, — отрезал Херилак. — Выполняйте приказ маргалуса!

...Тану собирались провести на этом месте один или два дня,

но прошло уже много дней, а они все еще не трогались с места. В реке было много рыбы, охота была просто великолепной, лучшей они не помнили. Утконосые были здесь столь многочисленны, что с одного края стада нельзя было увидеть другой его край. Глупые твари бегали очень быстро, но их легко было обмануть. Когда перед стадом появлялась группа охотников, утконосые бросались бежать. И если все было сделано правильно, охотникам в засаде оставалось только ждать, держа наготове луки и стрелы — стадо бежало прямо на них. Утконосые оказались не только быстроногими и глупыми, но и очень-очень вкусными.

Охота была богатой, мастодонты были сыты, место для зимовки было прекрасным, а теплынь эту трудно было назвать зимой. Но времена года все же оставались временами года — короткие дни сменялись долгими ночами. А созвездия привычной чередой шествовали в ночном небе. Терновые стены наращивали каждый день, и, ни о чем не думая, охотники все оставались у слияния двух рек.

Женщины тоже были довольны: долгое путешествие закончилось. Приготовление пищи, переходы, погрузка, разгрузка еще недавно занимали чуть ли не все их время. Оседлая жизнь проще: в шатрах все пожитки знали свое место. Повсюду в изобилии попадались желто-коричневые клубни, которых не знали на севере. Когда их запекали в золе, они становились сладкими.

Много надо было сделать, о многом поговорить. Поначалу саммад Хар-Хаволы держался в сторонке: говорили они иначе и считали себя чужаками. Но женщины всех саммадов собирали корни вместе и вдруг обнаружили, что могут и поболтать: язык чужаков во многом походил на марбак. Дети поначалу дрались, но, когда новички выучились марбаку, о недоразумениях быстро забыли. Были довольны и одинокие женщины — вокруг стало много молодых охотников. Никогда еще не было у тану такого большого зимнего лагеря. Целых три саммада объединились — и жизнь стала разнообразной и интересной.

Даже Армун обрела покой. Женщины не замечали ее более. Три зимы пробыла она в саммаде Улфадана, и все они были горькими для нее. В ее прежнем саммаде зимой случился великий голод, и ее мать, Шесил, не пережила первой зимы в новом саммаде. А это значило, что, когда отец уходил на охоту, ее некому было защищать. Мальчишки смеялись над ней, и ей приходилось быть осторожной в их присутствии, юные девушки относились к ней не лучше. И когда во вторую зиму отец ее, Бронд, не вернулся

с охоты, спасения просто не стало. Но она была сильной девушкой и трудолюбивой, поэтому Меррис, жена саммадара, позволила ей есть у своего костра, но никогда не защищала от постоянных обид. Случалось, и сама Меррис в плохом настроении присоединялась к обидчикам, называвшим девочку в глаза беличьей мордой.

Так с Армун было всегда. Шесил во всем винила себя, потому что однажды во время великого голода убила и съела белку, хотя и прекрасно знала, что женщины не охотятся. Потому-то ее дочь и родилась с раздвоенной, как у белки, верхней губой. И не только губа ее была раздвоена, но и в нёбе была глубокая щель. Поэтому в младенчестве она трудно сосала, захлебывалась молоком и плакала. А когда начала разговаривать, слова ее звучали очень забавно. И дети стали смеяться над ней.

Они смеялись и теперь — на почтительном расстоянии. Ведь она была молодой женщиной, длинноногой и сильной. И только характер позволял ей не быть всеобщим посмешищем. Даже самые старшие мальчики не смели смеяться над ней. Кулак у нее всегда был наготове, и она знала, куда ударить. Синяки под глазами и разбитые в кровь носы быстро приучили самых злых шутников оставлять эту дикую белку в покое.

Так она и росла без подруг, одна. На стоянках она старалась прикрывать лицо кожаным воротником или длинными волосами.

И пока она молчала, женщины терпели ее присутствие. Армун слушала их разговоры, училась видеть молодых охотников глазами женщин, запоминала их взволнованные сплетни. В ее группе старшей была Фарлан, и когда в их саммаде появился Ортнар, та быстренько перебралась к нему, не успев даже толком приглядеться. Обычно девушки знакомились с юношами из других саммадов и каждый год с ними встречались. Обычно. Но теперь все изменилось, и Фарлан первой воспользовалась преимуществами нового положения дел. И пусть молодые женщины не одобряли ее смелости — у нее были теперь шатер и охотник, а у них не было.

Но Армун не завидовала остальным, она просто сердилась. Лес и реку она знала лучше других: мать хорошо учила ее. И она всегда возвращалась с полной корзиной, в то время как другие сетовали на скудость земли. Она была трудолюбива, хорошо готовила, но, несмотря на все это, не могла стать желанной для молодого охотника. И она держалась от людей подальше, чтобы не

быть для них предметом забавы. Думая об этом, она всегда начинала сердиться. Они смеялись, увидев ее лицо, они смеялись, услышав ее голос. И она молчала и держалась в сторонке.

По крайней мере пыталась. Но она ела у костра Меррис, а потому вынуждена была подчиняться распоряжениям старшей. Она носила дрова, резала мясо, обжигала руки о жаркое, поворачивая его на угольях. Меррис заботилась о том, чтобы усталых и голодных охотников каждый вечер ожидала добрая еда. А Армун не хотела подвергаться насмешкам и потому находила себе дело, когда охотники собирались возле костра.

...Снега все не было, шли частые дожди. Неприятная погода, но не холодная, всего лишь мелкое неудобство, если сравнить с заледеневшими теперь лесами и глубокими северными снегами. Охота переменилась — стада утконосых ушли куда-то по просторной равнине. Но в лесах, тянувшихся по холмам к востоку, хватало мургу, и отряды охотников уходили все дальше и дальше к горам. Там были свои опасности.

Однажды отряд охотников вернулся уже затемно. Дни стали совсем короткими, опозданиям не удивлялись. Увлекшись погоней, некоторые охотники ночевали в лесу. Но на этот раз было понятно: что-то случилось. Завидев стоянку, охотники разразились громкими воплями, привлекая всеобщее внимание. Некоторые побежали к ним навстречу. Когда вернувшиеся подошли поближе, все увидели, что двоих охотников несут на носилках из жердей и тонких ветвей. Возглавлял отряд усталый и мрачный Херилак.

— Мы преследовали когтистых бегунов, а коготь-мараг прятался под деревом. Вот что он успел натворить, прежде чем мы убили его. — Первые носилки тяжело опустили на землю. — Вот Улфадан. Он мертв.

Услыхав это, Меррис громко вскрикнула и бросилась к носилкам. Откинув кусок меха, прикрывавший лицо Улфадана, она горестно завопила и стала рвать на себе волосы.

Херилак огляделся и, увидев Фракена, поманил его:

— Необходимо все твое умение, целитель. Мараг напал на Керрика и сломал ему ногу.

— Нужны крепкие палки и кожаные ремни. Ты поможешь.

— Я принесу палки, — сказал Херилак и, заметив Армун, стоявшую рядом, приказал: — Принеси мягкой кожи! Быстро!

Закусив губу, Керрик все-таки не сумел сдержать стона, когда

его перекладывали с носилок на землю возле костра. Боль пронзала сломанную ногу. Когда Фракен прикоснулся к ней, боль стала и вовсе невыносимой.

— Херилак, покрепче держи его за плечи, а я вправлю кость, — велел Фракен.

Нагнувшись, он взял Керрика за ногу. Старику не в первый раз приходилось вправлять кости. От дикой боли Керрик потерял сознание.

— А теперь давай палки, чтобы удержать кость на месте, — сказал Фракен и стал бинтовать ногу кожаными ремнями. Все было сделано быстро. — Несите его в шатер и укройте шкурами, он должен лежать в тепле. Помоги нам, девушка.

Вскоре Керрик пришел в себя, ощущая в ноге дергающую боль. Ему стало гораздо легче. Приподнявшись на локтях, он поглядел вниз и увидел две ободранные от коры ветки, прибинтованные к ноге. Кожа была цела. Кто-то пошевелился в темноте.

— Кто здесь?

— Это я, Армун, — нерешительно отозвался женский голос.

Он со вздохом откинулся на спину.

— Принеси мне воды, Армун. И побольше.

Она поспешила наружу, силуэт ее растворился во тьме.

Армун? Керрик не слышал такого имени. И, кажется, не встречал этой женщины. Впрочем, какая разница. Ногу дергало словно больной зуб. В горле пересохло, Керрик закашлялся. Воды, думал он, воды. Прохладной воды.

Глава 12

Керрик забылся неглубоким сном. На рассвете пульсирующая боль в ноге пробудила его. Повернув голову, он увидел рядом чашу с водой. Выпростав руку из-под шкур, он схватил ее и стал жадно пить. Когда он выпил все, сзади подошла девушка и взяла из его рук чашу. Он не узнал ее — волосы закрывали все лицо девушки. Как ее зовут? Она же говорила.

— Армун?

— Да. Принести еще воды?

— Воды. И поесть чего-нибудь.

Вчера он не ел, мысль о еде даже в голову не приходила. Но теперь он проголодался. Девушка повернулась к нему спиной и вышла из шатра. Лица ее он не видел и вообще не представлял

себе, кто она. Но голос показался ему приятным. Он уже где-то слышал его... Как больно, надо попытаться устроиться поудобнее... Он слышал этот голос! Но когда и где? Мысль эта не давала ему покоя... И наконец он вспомнил, что так говорили иилане'.

Армун. Последнюю букву он произнес чуть в нос. Он не говорил на языке иилане' так давно, что воспоминания об Алпеасаке нахлынули сами собой.

Девушка вернулась с водой, на плетеном блюде она принесла кусок копченого мяса и положила перед раненым. Обе руки ее были заняты, и, нагибаясь, она не успела прикрыть лицо. Керрик увидел ее глаза. Она быстро отвернулась и, стиснув кулаки, ожидала насмешки. Но он молчал. Армун удивилась. Ничего не понимая, она молча смотрела, как голодный охотник рвал зубами мясо. И если бы она узнала, что думает Керрик, то не поверила бы.

Нет, думал Керрик. Я не видел ее. Интересно, почему? Я бы запомнил. Знает ли она, на что похож ее голос? Лучше промолчу, а то она рассердится, узнав, что говорит, как мараг. Ее манера разговаривать напоминает мне иилане'. И рот как у иилане'. Эта раздвоенная губа. Так вот почему она мне знакома. Она напоминает мне Инлену<...

Армун сидела за спиной Керрика и удивлялась. Она думала, что молодому охотнику, наверное, слишком больно, иначе он уже смеялся бы над ней или дразнил бы ее. Мальчишки всегда докучали ей своим любопытством и никогда не оставляли в покое. Однажды пятеро юнцов поймали ее в лесу. Она дралась и брыкалась, но они повалили ее на землю. А потом пальцами тыкали в нос и губу и хохотали, пока она не разревелась. Было не больно, а очень обидно. Она была так не похожа на других девчонок. Мальчишки даже не задрали на ней платье, как делали это с теми девчонками, которых им удавалось поймать. Просто тыкали руками в лицо. Она казалась им только забавным зверьком.

Армун так погрузилась в свои горькие думы, что даже не заметила, что Керрик перевалился на бок и внимательно наблюдает за нею. Она быстро прикрыла лицо волосами.

— Поэтому я и не узнал тебя, — произнес он. — Ты всегда прикрываешь лицо волосами, теперь я вспомнил.

Она напряженно ожидала насмешки. Но он уселся, глухо застонав от боли, и поплотнее закутался в шкуры — утро было туманным и влажным.

— Ты дочь Улфадана? Я видел тебя возле его костра.

— Нет, мои мать и отец умерли. Меррис разрешает мне помогать ей.

— Мараг бросился на Улфадана и повалил его на землю. Мы кололи его копьями, но опоздали. Он переломил шею саммадару. Огромный мараг. А мне он сломал ногу ударом хвоста. Надо брать с собой побольше стреляющих палок, без них с этими мургу не справиться.

Винить себя ему было не в чем. И в самом деле, он успел уже распорядиться, чтобы каждая группа охотников брала с собой по смертоносной палке. Но в лесу среди деревьев одной палки было мало. Впредь охотники будут брать с собой по два хесотсана.

Едва Армун подошла ближе, все мысли об охоте и мургу исчезли. Она взяла пустую чашку, ее волосы прикоснулись к его лицу, и он почувствовал сладкий аромат. Он никогда еще не оказывался так близко к девушке и заволновался. Невольно вспомнилась Вейнте': на нем и над ним. Отвратительное воспоминание, он постарался не думать о прошлом.

Но с воспоминанием трудно бороться, все было так похоже. И когда Армун потянулась за блюдом, он погладил ее руку. Теплая. Мягкая. Армун, дрожа, замерла, она не знала, что ей делать. Машинально она обернулась, их лица почти соприкоснулись. Он не смеялся, не отворачивался...

Снаружи послышались голоса.

— Как Керрик? — спросил Херилак.

— Я посмотрю, — отозвался Фракен.

Странный момент миновал. Керрик отпустил руку девушки, и Армун с блюдом заторопилась наружу.

Мигая подслеповатыми глазами, в шатер вошел Фракен, за ним следовал Херилак. Фракен пощупал кожаные ремни, охватившие ногу Керрика, и удовлетворенно закивал:

— Все идет как положено. Нога останется прямой. Если ремни трут, подложи сухой травы. А теперь я иду петь об Улфадане.

Керрику хотелось быть со всеми, когда старик будет петь. Чем больше охотников станет подпевать ему, тем довольнее будет тхарм Улфадана. Когда охотника отпоют, пустую оболочку — тело Улфадана обернут в мягкую кожу и подвесят на дерево. Что значит тело, когда его покинул тхарм охотника. Но нельзя оставлять его на земле, чтобы трупоеды не смогли до него добраться.

— Я должен быть там, — сказал Керрик.

— Понимаю, — кивнул Херилак, — но не вставай — растревожишь ногу.

Они ушли. Армун вернулась и нерешительно замерла рядом. Когда Керрик повернулся к ней, она быстро тронула волосы — хотела прикрыть лицо, но не стала: в глазах Керрика не было смеха. Не было, и она не спрашивала почему. Только она не привыкла, чтобы на нее глядели.

— Я слушала, когда ты рассказывал, как мургу держали тебя в плену, — пытаясь скрыть смущение, быстро проговорила она. — А ты не боялся? Ведь ты был один среди них.

— Боялся? Да, сначала, кажется, да. Но я был не один. Они схватили еще одну девочку. Я забыл ее имя. Мургу убили ее. — Жуткая сцена до сих пор стояла у него перед глазами: мараг с окровавленной пастью поворачивается к нему... Вейнте'! — Да, я боялся, очень боялся. Я мог бы молчать, но я заговорил с мургу. Она схватила меня и убила бы, если бы я не заговорил. Я заговорил с перепугу. Только лучше бы я молчал.

— Почему? Ведь это спасло твою жизнь.

Почему? Действительно, он тогда еще не был охотником, который должен спокойно смотреть в лицо смерти. Он был еще ребенком. Только он уцелел из всего саммада. Керрик понял в этот момент: в том, что он тогда заговорил, нет ничего позорного. Он выжил поэтому, выжил, оказался здесь и может говорить с Армун, и она понимает его.

— Конечно, — согласился он, улыбнувшись. — Должно быть, тогда я и перестал бояться. А когда я научился говорить, они позволили мне жить. Иногда я был им необходим.

— А мне кажется, хоть ты был только мальчиком, ни один охотник не смог бы держаться храбрее.

Слова эти почему-то обескуражили его, он и сам не понимал, почему на глаза вдруг навернулись слезы, пришлось даже отвернуться. Какие слезы? Он же охотник. Но разве для слез нет причины? Есть, должно быть. Не те ли это слезы, которых не проронил маленький мальчик, оставшись в одиночестве среди мургу? Впрочем, все это было давно, теперь он уже не маленький... Он поглядел на Армун и взял ее за руку. Она не убрала ее.

Керрик был в смятении. Он не знал, зачем он это сделал, быть может, чтобы передать сильное, непонятное для него самого чувство, которое охватило его, как наедине с Вейнте'. Он не

хотел вспоминать о ней, не хотел даже думать об иилане'. Не отдавая себе отчета, он больно стиснул ладонь девушки. Но она не отдернула руку. Теплота, словно от солнца, охватила его тело. Что-то важное случилось с ним, с ними обоими, и он не понимал...

Но не Армун. Она знала. Она часто слушала молодых женщин и тех, кто постарше, матерей, когда они рассказывали о том, что происходило в шатре наедине с охотником. Она знала, что сейчас будет, и радовалась, отдаваясь переполнявшему ее чувству. Быть может, потому, что она ни на что не надеялась и ничего не ждала. Если бы сейчас была ночь, если бы только им никто не помешал! О дальнейшем женщины рассказывали сдержанно и коротко. Но сейчас день, а не ночь. Но вокруг так тихо. И они совсем рядом. Она тихо шевельнула рукой, высвобождаясь, и Керрик отпустил ее. Она встала, заглянула ему в глаза и отвернулась.

Высунувшись из шатра, Армун огляделась. Поблизости не было никого, не слышно было даже детских криков. Почему?

Ах да, сейчас отпевают Улфадана-саммадара. Вспомнив об этом, она задрожала. И все сейчас там. Все люди саммадов до последнего человека. Они вдвоем с Керриком.

Она решительно вернулась в шатер и опустила за собой полог.

Так же решительно распустив повязки своей одежды, она опустилась перед Керриком на колени и раздвинула укрывавшие его шкуры.

Тело ее было так близко. Нога не давала Керрику шевельнуться, но он и не хотел этого и скоро вовсе забыл про боль. Армун была мягкой, нежной и теплой, волосы ласково прикасались к лицу. Он обнял ее... Теплая... Воспоминания о прохладном теле таяли, отступали. Мягкое тело, теплая плоть, округлая и сладкая, дающая удовольствие. Он еще крепче прижал ее к себе, губы ее шептали ему на ухо речи без слов...

Утреннее солнце над шатром прогоняло и рассеивало туман, согревало воздух.

В сумраке шатра от теплоты соединившихся тел таяла память о грубом и жестком теле, о навсегда чуждых мургу, о непонятной их жизни, и на смену ей приходило чувство бесконечно родного и близкого.

Глава 13

Entapsosop otoshkere hes-peleiaa.

Все формы жизни мутабельны, потому что ДНК бесконечна во времени.

Алпеасак кипел жизнью, бурлил от первых лучей солнца до темноты. Там, куда прежде изредка забредали случайные фарги, теперь по просторным переходам нового города расхаживали важные иилане′, то и дело проносили паланкины с иилане′ высокого ранга, сновали фарги с грузами, поодиночке и толпами, под надежной охраной проходили даже группы самцов, безмолвно, с округлившимися глазами озиравшихся в суете. Гавань заметно расширили, но все-таки ее не хватало, чтобы принимать сразу всех прибывающих. Поэтому приплывавшие из океана огромные урукето вынуждены были заходить в реку и, приткнувшись к берегу, ожидать своей очереди. Когда они наконец подходили к причалам, за разгрузку принимались усердные фарги, которых расталкивали иилане′, торопившиеся сойти на берег после долгого пути.

Вейнте′ с волнением глядела с балкона на всю эту суету. Гордость чувствовалась в каждом движении ее тела. Ее город, ее труды... Честолюбие ее успокоилось. Наконец Инегбан пришел в Алпеасак. Соединение двух городов воодушевляло, нельзя было противиться этому чувству. Юная прыть Алпеасака сливалась с мудростью тысячелетий, прожитых Инегбаном. В союзе обоих городов рождалось нечто высшее. Мир словно рождался заново, яйцо времен спасено — и все возможно, и все впереди прекрасно.

Лишь одна тень затмевала солнечные перспективы, но Вейнте′ об этом не думала: она собиралась заняться этим позже. Она хотела просто нежиться под лучами славы на пляжах успеха. Она крепко ухватилась всеми большими пальцами за толстый сук, ограждавший балкон, и так было велико ее возбуждение, что она машинально замаршировала на месте.

Кто-то окликнул ее. Вейнте′ в рассеянности повернулась и увидела рядом на балконе Малсас<. И велика была радость Вейнте′, что есть на нем место еще для одной иилане′, которая может разделить ее чувства.

— Взгляни, эйстаа, — с гордостью в каждом движении заговорила Вейнте′. — В Инегбан зима не придет. Инегбан уйдет от

нее к вечному лету, в эти края. Теплые и благодатные, как в Энтобане. Вечно будет расти и цвести новый город.

— Так, Вейнте′, ты говоришь правду. Мы жили порознь, и сердца наши бились по-разному, и города были далекими и чужими. А теперь мы — одно целое. И я тоже чувствую, что наша сила беспредельна, что мы можем все. И мы сделаем все, что возможно. Но не подумаешь ли ты еще раз о том, чтобы сесть рядом со мной, чтобы думать со мной? Ведь Сталлан и сама сумеет повести фарги на север, чтобы стереть с лица земли этих устузоу, оскверняющих северные земли.

— Быть может, и сумеет. Но мне известно, на что я способна и что я могу сделать. — Быстрым движением Вейнте′ провела пальцем между глазами. — Я словно раздвоилась. Теперь, когда здоровье вернулось ко мне, ненависть, что переполняла меня, отхлынула вглубь — и окаменела, сжалась в твердый комок. Сталлан способна раздавить червей-устузоу. Но, чтобы растаял комок ненависти, я должна отдать ей приказ. Лишь когда они все погибнут, когда умрет это создание, которое я воспитала и выпестовала, только тогда исчезнет камень. Только тогда смогу я исцелиться и, как подобает, сесть возле тебя. Но сначала я должна отомстить.

Малсас< сделала жест вынужденного согласия.

— Ты нужна мне, но не такой. Уничтожь устузоу, уничтожь этот камень. У Алпеасака много времени.

Вейнте′ выразила благодарность и понимание.

— Сейчас мы собираем силы и нападем на них, когда на севере потеплеет. Холод, изгнавший нас из Инегбана, теснит на юг и устузоу. Зимние холода помогают нам. Устузоу приходят охотиться в края, где до них так легко добраться. И когда настанет время, они умрут. А мы, как волна, прокатимся над трупами устузоу дальше на север — чтобы губить остальных. И наконец мы раздавим этих червей.

— Лодки тебе не понадобятся? Ты говорила что-то о нападении с суши?

— Нас будут ждать с воды. Устузоу не знают, что теперь у нас есть уруктоп и несколько таракастов. Ваналпе′ ездила за ними в Энтобан, в далекий город Месекен, где вдали от океана используют этих животных. Она рассказала там о нашей беде, о зловредных устузоу, и ей дали лучших производителей. Уруктопы вырастают меньше чем за год. Все они уже подросли, набрались сил. Таракасты крупнее, они растут дольше. Ваналпе′ взяла и не-

сколько молодых животных, они тоже пригодятся. Мы нападем на устузоу с суши. Теперь ими командует то самое существо, что убежало от меня, и оно со всей своей стаей на юге. Я видела его на снимках, он умрет первым. Потом все будет проще.

Уставившись в одну точку, Вейнте′ тщательно продумывала свою месть — она выбрала ужасную смерть для ненавистного устузоу. Думы ее потемнели, но оказалось, что темное облако набежало на солнце и бросило тень на Алпеасак. Облако покрыло обеих иилане′, но еще более густая тень росла в груди Вейнте′ — память о беде, большей, чем устузоу. Так часто случается: день, начавшийся солнечным утром, завершается ночною тьмой. И тьма эта всегда с ними обеими в этом городе света.

Внизу друг за другом брели связанные иилане′. Первая из них огляделась по сторонам, посмотрела вверх. Спокойный взгляд ее вдруг обратился к стоявшим на балконе. Впрочем, расстояние не было столь уж большим, и она узнала их, узнала Вейнте′. Рука ее поднялась в быстром радостном приветствии эфенселе к эфенселе; не останавливаясь, она пошла дальше.

— Она же из моего эфенбуру, — с горечью произнесла Вейнте′. — Этой тяжести с меня никто не снимет.

— Вина не твоя, — ответила Малсас<. — И в моем эфенбуру есть Дочери Смерти. Недуг этот поражает многих.

— Возможно и исцеление от этой болезни. Не смею говорить об этом здесь, чтобы нас не подслушали. Скажу одно: у меня есть основания для надежды.

— Знаю, ты первая во многом, — с искренностью в каждом движении проговорила Малсас<. — Сделай это. Найди исцеление — и выше тебя никого не будет.

Энге вовсе не имела желания приветствовать свою эфенселе, жест получился сам собою. Она сразу же поняла свою ошибку: Вейнте′ ни в коей мере не будет обрадована этим. В присутствии эйстаа она могла счесть приветствие оскорблением. Энге не хотела этого. Ошибка ее не была преднамеренной.

Цепочка пленниц остановилась перед запертыми воротами, ожидая разрешения войти. Разрешения войти в тюрьму... на свободу. Там они могли быть вместе, там они могли верить в истину и — что более важно — разговаривать об истине.

Среди Дочерей Жизни Энге не связывало обязательство не говорить о своей вере с другими иилане′. Когда Инегбан явился в Алпеасак, с ним пришел и тяжкий груз, сгибавший его шею. Ве-

рующих стало так много, что для них соорудили целый район, огражденный, чтобы духовный яд не растекался.

Правительниц, пребывавших снаружи за крепкими стенами, не заботило, о чем говорят Дочери внутри стен. Лишь бы крамольные мысли оставались в кольце стен за терновыми иглами.

К Энге, трепеща всем худощавым телом, поспешила эфенате.

— Там Пелейне′, — объявила она. — Она говорит с нами, отвечает на вопросы.

— Я присоединюсь ко всем, — отвечала Энге, скрывая озабоченность неподвижностью тела.

Учение Угуненапсы всегда было понятно ей: луч света в темных джунглях смятения. Но другие относились к нему иначе, поразному комментировали и толковали заповеди Угуненапсы. Но Угуненапса заповедовала, в сущности, одно: право разума на свободу, на познание всего, а не только силы жизни и смерти. Энге принимала эту свободу, но некоторые из толкований идей Угуненапсы до сих пор смущали ее, а более всех — толкования Пелейне′.

Та стояла на высоком корне над головами собравшихся — чтобы все понимали смысл ее речи. Подойдя к толпе, Энге, как и все, уселась на свой хвост и прислушалась. Пелейне′ говорила в модной ныне манере, задавая себе вопросы и тут же отвечая на них.

— «Угуненапса, — спросила фарги, еще не обсохшая от волн морских, — Угуненапса, что отличает меня от каракатицы в море?» И ответила Угуненапса: «Дочь моя, разница в том, что ты знаешь еще и о смерти, а морская каракатица — только о жизни». — «Но, зная о смерти, что могу я знать о жизни?» И ответ Угуненапсы был прост и так ясен, что, повторяй его хоть от яйца времен, он будет чистым звоном звучать в наших ушах и завтра, и послезавтра. И ответ этот поддерживает нашу жизнь: «Памятуя о смерти, познаем мы границы жизни и живем, когда умирают другие. Такова сила нашей веры, такова наша вера, в которой наша сила». И тогда еще не обсохшая фарги в простоте своей спросила: «Вот каракатица — я съела ее. Не я ли принесла ей смерть?» И ответ ей был: «Нет, ибо плотью своей каракатица поддерживает жизнь в твоем теле и не может умереть, ведь она не знает о смерти».

Толпа собравшихся отозвалась согласным ропотом. Энге восхитилась простотой и изяществом мысли и на миг позабыла

собственное сдержанное отношение к говорившей. Пылая рвением, какая-то любознательная иилане′ в толпе воскликнула:

— Мудрая Пелейне′, а что, если каракатица оказалась бы такой огромной, что угрожала бы твоей жизни, а вкус ее был бы настолько отвратительным, что мясо ее нельзя было бы даже взять в рот? Что тогда? Следует ли допустить, чтобы тебя съели, или можно убить не только ради пропитания?

Пелейне′ согласилась, что задача эта отнюдь не проста.

— Теперь поразмыслим над идеями Угуненапсы. Она открыла нам, что внутри каждой из нас находится вещь, которую нельзя увидеть, но она-то и позволяет нам говорить, ее присутствие отличает нас от неразумных зверей. Эта вещь драгоценна, ее следует оберегать, и, чтобы сохранить ее, не возбраняется убивать. Но в остальном мы Дочери Жизни и должны сохранять жизнь!

— А если каракатицы умели бы разговаривать? — выкрикнули в толпе.

Вопрос этот волновал всех. Дочери разом притихли.

— Угуненапса не говорила об этом, она не слыхала ни о говорящих каракатицах, — Пелейне′ перешла прямо к сути, — ни о говорящих устузоу. Поэтому мы должны понимать подлинный смысл речей Угуненапсы. Разве только речь позволяет нам знать о жизни и помнить о смерти? А если устузоу разговаривают, но не ведают о смерти? Если это так, то можно убивать говорящих устузоу — это мы знаем разницу между жизнью и смертью, но не устузоу. Нам придется решать.

— Нельзя решать! — возмущенно крикнула Энге. — Нельзя решать, пока мы не убедимся, что не нарушаем учение Угуненапсы.

Обратившись в ее сторону, Пелейне′ выразила согласие и беспокойство.

— Энге права: пока это не ясно. Можно предположить, что устузоу догадываются о разнице между жизнью и смертью. Но мы-то уверены в наших знаниях. С одной стороны, здесь уверенность, а с другой — догадки. Но жизнь превыше всего, и приходится предпочитать уверенность, отвергая сомнение. Другого пути нет.

Последовали новые вопросы, но Энге не слышала их, не хотела слышать. Она никак не могла отделаться от ощущения, что Пелейне′ ошибается, но не могла понять, на чем основывается ее уверенность. Придется обдумать. Найдя тихое местечко, она погрузилась в раздумья.

И настолько глубоко она ушла в себя, что даже не заметила

расталкивающих толпу стражниц, собиравших группу рабочих. Не слышала она и негромких криков протеста, когда Пелейне′ отправили на работу, словно простую Дочь. Работниц связали цепочкой и повели.

Тех, кто был возле Пелейне′, не связали, как остальных: их брали на различные работы малыми группами. В конце концов Пелейне′ осталась одна. Стражу отослала прочь важная иилане′ и кружным путем повела Пелейне′ по городу к известной ей двери. Пелейне′ скорбно вступила в нее — подобное уже случалось, и она не была уверена, что поступает правильно. Но пока она решила не протестовать и не противиться. Она нерешительно вошла и затворила за собой дверь. В комнате была одна-единственная иилане′.

— Поговорим, — сказала Вейнте′.

Пелейне′ стояла, опустив голову и нервно перебирая пальцами.

— Мне кажется, что я поступаю неправильно, — наконец произнесла она. — Мне не следует здесь бывать и говорить с тобою.

— Чувства твои не имеют значения. Я просто хочу услышать твои речи. Разве Дочь Жизни не должна говорить с другими, разве она не обязана нести им свет?

— Так. Неужели ты тоже просветилась, Вейнте′? Ты называешь меня Дочерью Жизни, а не Дочерью Смерти, потому что тоже поверила?

— Не совсем, но говори со мною. Чтобы присоединиться к вам, я должна выслушать все твои аргументы.

Пелейне′ выпрямилась, сомнение проглядывало в каждом ее движении.

— Но зачем тебе я, если ты не разделяешь наши убеждения? Или ты хочешь, чтобы я внесла раздор в ряды Дочерей? Я ведь и сама иногда ощущаю сомнения.

— Я хочу правды. Я хочу, чтобы ты поняла: устузоу, которые убивают иилане′, заслуживают смерти. Это справедливо. Но я не прошу тебя отказаться от твоих убеждений. Мне нужна только ваша помощь в справедливой войне. Наш город будет спасен. Эйстаа снимет с вас путы, и вы вновь станете законными жительницами. И веру вашу признают, раз она не будет угрожать существованию Алпеасака. И ты станешь тогда истинной предводительницей Дочерей Жизни, не отказываясь от своих убеждений ни в чем, не отойдя от учения Угуненапсы.

— Но я сомневаюсь, — в смятении произнесла Пелейне′. — Если устузоу умеют разговаривать, они могут знать о смерти, а значит, и понимать смысл жизни. А тогда я не могу участвовать в их истреблении.

Вейнте′ порывисто шагнула вперед, так что руки их почти соприкоснулись, и с пылом заговорила:

— Это же просто звери. Одного из них мы обучили говорить, как учат лодку отвечать на команды. Одного сумели мы выучить — и только. Остальные просто рычат, как дикие звери. И теперь он, которого мы выучили словам, убивает иилане′ подобно болезни. Их следует истребить всех до единого. И ты поможешь в этом. Ты выведешь Дочерей Смерти из тьмы незнания, и они станут поистине Дочерьми Жизни. И ты сделаешь это. Обязана сделать.

Говоря это, она ласково прикоснулась к пальцам Пелейне′, как это делают лишь эфенселе. Подобная милость со стороны высочайшей была намеком на то, что в случае согласия ранг Пелейне′ мог повыситься.

— Ты права, Вейнте′, права. Все будет сделано, как ты приказываешь. Дочери Жизни забыли про жизнь своего народа. Нам надо вернуться, вновь стать его частью. Но мы не должны сойти и с истинного пути.

— Такого не случится. Верьте, как верили, и никто не будет вам мешать. Дорога перед вами, и ты поведешь Дочерей по пути к лучезарному будущему.

Глава 14

Это был первый лук Харла, и он страшно гордился им. Дядя его, Надрис, взял мальчика в лес. Там они выбрали нужное деревце с тонкой корой и упругой прочной древесиной. Выбрал Надрис, но Харл сам срубил тонкий ствол, не сразу одолев упругую сердцевину. Затем под тщательным руководством Надриса он содрал зеленую кору, обнажив белую влажную поверхность. А потом пришлось ждать, и это было хуже всего. Надрис повесил палку сушиться в своем шатре. Там она и висела, пока наконец не высохла. Тогда началась работа, и Харл молча следил, как Надрис строгает палку краем острого камня. Он обтесал концы лука, прорезал в них бороздку для тетивы, которую свил из длинных прочных волос, взятых из хвоста мастодонта. Но и тогда, когда

тетива оказалась на месте, Надрис не был удовлетворен: попробовав натянуть лук, он снова снял тетиву и принялся строгать.

Наконец все было закончено. Лук делали для Харла, и право выстрелить из него первым принадлежало ему. Изо всех сил он натянул, а потом отпустил тетиву. Стрела полетела прямо, не вихляясь, и с громким стуком вонзилась в ствол дерева.

Это был самый долгий и счастливый день в жизни Харла. Теперь у него есть лук, он выучится стрелять, скоро его возьмут на охоту. Этот первый, самый важный шаг уводил мальчиков тану из детства в мир охотников.

...Рука его устала, пальцы он успел сбить, но мальчик не останавливался. Его лук, его праздник.

Он хотел побыть наедине со своим оружием, а потому ускользнул от мальчишек в небольшую рощицу неподалеку от стоянки. Весь день он провел, подкрадываясь к затаившейся среди деревьев воображаемой дичи, всаживал стрелы в ни в чем не повинные стволы, словно в оленей.

Когда стемнело, он с неохотой опустил лук и пошел к шатрам. Он проголодался и думал теперь только о жареном мясе. Скоро он сам пойдет на охоту добывать мясо. Олень — прыг, стрела — вж-ж-ж, бах! Готово! Скоро.

В ветвях над головой что-то зашелестело, мальчик замер. На фоне темнеющего неба виднелся силуэт. Он пошевелился, вновь послышался тот же шорох. Большая птица.

Противиться искушению просто не было сил. Он мог промахнуться во тьме, мог потерять стрелу. Но ведь он сам ее сделал и всегда может смастерить такую же. Но, если он попадет, птица станет его первой добычей. Первый день с луком. Первая добыча. Мальчишки совсем по-другому станут относиться к нему, когда он гордо пройдет между шатрами со своим трофеем.

Он медленно и неторопливо наложил стрелу на тетиву, согнул лук, поглядел вдоль стрелы на темный силуэт среди ветвей и разжал пальцы.

Вскрикнув, птица свалилась вниз. Зацепилась крылом за сук над головой Харла и повисла на тонких веточках. Встав на цыпочки, он едва сумел достать ее концом лука. Наконец сбросил птицу на землю. Стрела пробила туловище, круглые мертвые глаза птицы глядели на него. Испуганно охнув, Харл отступил на шаг.

Сова... Он убил сову...

И почему он сперва не подумал? Мальчик даже застонал от

ужаса. Как это он не догадался? Ну кто же еще летает по ночам? Сов нельзя убивать, а он убил. Прошлым вечером старый Фракен копался в извергнутом совой меховом шарике, трогал крошечные косточки, и они говорили ему о будущем, об удачной охоте. За гаданием старик все толковал о совах — единственных птицах, летающих по ночам, что провожают тхармы мертвых охотников на небо.

Сову нельзя убивать.

Он, Харл, убил сову.

Быть может, никто не узнает, если он просто зароет птицу. Он судорожно заскреб ладонями по земле, потом остановился. Не к добру. Совы узнают. Совы запомнят. И его собственный тхарм когда-нибудь не найдет провожатого, потому что звери не забывают никогда. Со слезами он склонился над мертвой птицей, потянул за стрелу. А потом нагнулся, вглядываясь в распростертое тело.

...Когда прибежал мальчишка, Армун сидела у огня. Он стоял и ждал, пока она обратит на него внимание, но она не торопилась замечать его и долго возилась с огнем. Теперь она была женщиной Керрика и узнала тепло и радость. Женщина Керрика. Мальчишки не осмеливались теперь смеяться над ней, ни один палец не показывал в ее сторону. Лицо она более не прятала.

— Ну что? — спросила она, стараясь быть строгой, но все-таки не сумела не улыбнуться от переполнявшего ее счастья.

— Это шатер маргалуса? — дрогнувшим голосом проговорил Харл. — Не поговорит ли он со мною?

Керрик слышал их голоса. Он медленно поднялся на ноги — сломанная нога срослась, но еще болела, когда он наступал на нее, — и вышел из шатра. Харл повернулся к нему. Лицо мальчика осунулось и побледнело, на щеках виднелись следы слез.

— Ты маргалус и знаешь все о мургу, так мне говорили.

— Чего ты хочешь?

— Пожалуйста, пойдем со мной, это важно. Я должен кое-что тебе показать.

Керрик знал, что вокруг много странных зверей. Мальчик, должно быть, нашел что-то совсем непонятное. И поначалу Керрик хотел отослать его. Потом передумал. Быть может, мальчик нашел что-нибудь опасное, надо взглянуть. Керрик кивнул и последовал за мальчиком. Когда они отошли так, что Армун не могла их услышать, Харл остановился.

— Я убил сову, — сказал он дрогнувшим голосом.

Керрик удивился, потом вспомнил истории, которые рассказывал о совах старый Фракен, и понял, почему так испугался мальчик. Надо как-то подбодрить его, но только не подрывая веру в откровения Фракена.

— Это плохо, — проговорил Керрик, — только не надо так горевать.

— Я не об этом. На сове есть что-то еще.

Харл нагнулся и потянул из-под куста за длинное крыло тело совы, потом поднял, чтобы ее было видно в свете ближайших костров.

— Поэтому я пришел к тебе, — проговорил Харл, указывая на черную шишку на ноге птицы.

Керрик нагнулся поближе. Свет костра отразился во внезапно открывшемся глазе.

Керрик медленно выпрямился и обеими руками взял птицу у мальчика.

— Ты сделал правильно, — произнес он. — Сов нельзя убивать, но это не такая сова, которых мы знаем, — это сова мургу. И ты правильно сделал, что убил ее и принес мне. А теперь беги, быстро отыщи охотника Херилака и приведи к моему костру. Расскажи ему, что ты увидел на ноге этой совы.

Услыхав про добычу мальчика, пришли Хар-Хавола и Сорли, ставший саммадаром вместо Улфадана. Они глядели на мертвую птицу и на живого марага, черными когтями обхватившего ее ногу. Глаз открылся, поглядел на него и закрылся вновь — Сорли поежился.

— Что это значит? — спросил Херилак.

— Это значит, что мургу знают, где мы, — ответил Керрик. — Они больше не посылают рапторов выслеживать нас, потому что огромные птицы часто не возвращаются. А сова летает ночью, видит во тьме. — Он ткнул пальцем в черную кожу, дрогнувшую от прикосновения. — Этот мараг тоже видит во тьме. Он видел нас и сообщил мургу. Он видел нас много раз.

— И это значит, что мургу могут быть уже в пути, что они уже готовы напасть? — угрюмо проговорил Херилак.

Керрик мрачно качнул головой.

— Не могут — готовы уже. Здесь тепло, несмотря на зимнее время. Они разыскали нас: совы донесли им, где лагерь. Они будут мстить, в этом не приходится сомневаться.

— Что же нам делать? — спросил Хар-Хавола, оглядывая звездное небо. — Уходить на север? Но до весны еще далеко.

— Наверное, придется, весна там или нет, — ответил Керрик. — Следует подумать об этом. А пока позаботимся, чтобы нас не застали врасплох. Вдоль реки на юг пойдут быстрые скороходы. Они сделают один, даже два дневных перехода и будут следить за рекой. Если покажутся лодки мургу, они немедленно известят нас.

— Сигурнас и Переманду, — произнес Хар-Хавола, — самые быстрые в моем саммаде. Они гоняли оленей в горах и бегают быстрее оленя.

— Пусть уйдут на рассвете, — решил Херилак.

— Не все мои охотники вернулись, — сказал Сорли. — Они зашли далеко и заночевали. Нельзя уходить, пока они не вернутся.

Керрик смотрел в огонь, словно пытался найти в нем ответ.

— Я чувствую: больше ждать нельзя. Мы должны уходить на север сразу, как только вернутся твои охотники.

— Там все замерзло, охота плохая, — возразил Хар-Хавола.

— Пища у нас есть, — отвечал Керрик. — Мясо, добытое нами, и мясо в пузырях, отобранное у мургу. Съедим его, будем жить. Но если мы останемся, они убьют нас. Я чувствую это, я знаю это. — Он показал на мертвую сову и существо, приникшее к ее ноге. — Они следят. Они знают, где мы. Они придут, чтобы убить нас. Я знаю их, знаю ненависть мургу. Мы погибнем.

В эту ночь тану спали тревожно, и с первыми лучами солнца Керрик проводил Сигурнаса и Переманду. Берестяные поножи защищали ноги стройных высоких охотников от низких веток.

— Оставьте копья, чтобы они не мешали вам, — велел Керрик. — Возьмите копченого мяса и эккотаца на три дня. Копья не нужны — вам не придется охотиться. Вы будете наблюдать. У вас будут луки и хесотсаны для защиты. Пойдете на юг вдоль реки, даже если этот путь будет длиннее. Идите с утра и дотемна и ночуйте возле реки. Возвращайтесь на третий день, если мы не пошлем за вами раньше. Мы не задержимся здесь. Все время следите за рекой и сразу же возвращайтесь, если увидите мургу. Торопитесь, если вы их увидите.

...Охотники бежали легким размеренным шагом. Небо заволокло тучами, день был прохладным, бежать было приятно. Они рысили вдоль берега широкой реки, когда приходилось — пересекали отмели или лезли на крутые берега. Но не сбивались с пути ни на шаг. На реке никого не было.

Когда солнце поднялось высоко, вспотевшие охотники остановились, напились воды из чистого ручья, падавшего водопадом по каменистому берегу, и окунулись в реку. Омыв лица, пожевали копченого мяса, задерживаться они не стали.

После полудня они добрались до места, где река описывала широкую дугу по равнине. Вся петля была отлично видна с берега.

— Можно сократить путь, если пересечь излучину здесь, — сказал Сигурнас.

Переманду стер пот с лица тыльной стороной ладони.

— Можно... но так мы не увидим воду. Они могут проплыть мимо, а мы не заметим. Надо держаться реки.

Поглядев на юг, они заметили ползущее по земле облако пыли. Оно приближалось, росло... Такого им еще не приходилось видеть.

— Что это? — спросил Сигурнас.

— Пыль, — отвечал Переманду, известный острым зрением. — Облако пыли. Не стадо ли утконосых... большое стадо?

— Сколько охочусь, такого не видел. Слишком большое, слишком широкое и быстро приближается.

Облако пыли подступало, и наконец охотники различили перед ним спасавшихся бегством животных. Некоторые звери забежали далеко вперед, и Переманду, прикрыв ладонью глаза, пытался разглядеть их.

— Это мургу! — внезапно закричал он с ужасом. — Мургу со смертоносными палками! Бежим!

И они побежали назад вдоль берега, такие заметные в невысокой жухлой траве. Позади них слышались хриплые вопли, топот тяжелых ног, резкий треск.

Сигурнас споткнулся и упал. И Переманду успел заметить иглу, воткнувшуюся в его шею сзади.

Спасения не было. Переманду упал — засохшая глина обломилась под его ногами. Он падал с высокого обрыва. Перевернувшись в воздухе, его тело с плеском ушло под воду.

Два огромных зверя замедлили бег на краю обрыва, наездницы иилане' слезли с высоких седел и постояли, вглядываясь в мутную воду. Ничего не было видно. Но они смотрели долго. Потом первая направилась назад к таракасту.

— Передай Вейнте'... — сказала она. — Скажи ей, что нам попались два устузоу. Оба мертвы. Остальные не узнают о нас. Мы нападем на них внезапно, как она приказала.

Глава 15

Далекие крики мгновенно разбудили Керрика. Он сел, вглядываясь в темноту из-под полога. Армун тоже шевельнулась. Что-то пробормотав во сне, она всем теплым телом прижалась к нему. Крики стали громче. Керрик отодвинулся от женщины, на ощупь отыскал среди шкур одежду.

Откинув полог, он увидел бежавших к нему охотников. Они держали факелы, двое из них тащили что-то тяжелое.

— Это Переманду, — произнес Херилак. — Он бежал весь день и большую часть ночи.

Переманду был в сознании, но совершенно обессилел. Его поднесли к Керрику и осторожно усадили на траву. В пляшущем свете факелов кожа его казалась бледной, вокруг глаз чернели круги.

— Идут... — хрипло выдавил он. — С юга... Сигурнас погиб.

— У реки выставлена охрана? — быстро спросил Керрик.

Переманду вяло качнул головой.

— Не по воде. По берегу.

— Бегите! — приказал Херилак охотникам, принесшим Переманду. — Разбудите всех! Саммадаров скорей сюда!

Выскользнув из шатра, Армун склонилась над Переманду, поднесла к его губам чашу с водой. Он жадно осушил ее и быстро заговорил:

— Мы следили за рекой, но они пришли по суше. Сперва было облако пыли, громадное, мы еще не видели такого. А в нем — мургу, их нельзя сосчитать, и они бежали, а на спинах сидели мургу со своими разящими палками. Другие мургу с палками ехали на верховых мургу впереди, эти были и покрупнее, и побыстрее. Мы побежали, нас увидели. Сигурнаса убили. А я нырнул в реку и, задержав дыхание, поплыл вниз по течению. Выбрался из воды, когда они ушли. Я долго сидел под водой.

Пока он рассказывал, поспешно подошли саммадары, собирались охотники, все молча слушали. Свет факелов освещал мрачные лица.

— Когда я вылез из воды, их уже не было. По долине катилось облако пыли. Они удалялись очень быстро. Я последовал за ними. Они оставили за собой широкую полосу вытоптанной травы, обильно усеянную пометом мургу. И я бежал, пока не опустилось солнце. Тогда я увидел, что они остановились у реки. Остановился и я, но близко не подходил. Маргалус говорил, что

они не любят ночей и в темноте не ходят. Вспомнив об этом, я дождался темноты. И когда стало темно, я обошел их с востока. Больше я их не видел. Я бежал, не останавливаясь. И я прибежал, и я здесь. А Сигурнас мертв.

Утомленный долгой речью, он вновь опустился на землю. Слова его рождали ужас, все слушали с трепетом, ибо смерть шла к стоянке.

— Они нападут на нас, — сказал Керрик. — Нападут на рассвете. Они точно знают, где мы. Они все тщательно продумывают заранее. Они спрятались неподалеку и нападут на рассвете.

— Надо защищаться, — сказал Херилак.

— Нет! Здесь оставаться нельзя. — Керрик говорил быстро, почти не думая, слова сами срывались с языка.

— Если мы тронемся с места, они атакуют нас на ходу, — возразил Херилак. — Мы не сможем защищаться, и нас убьют, едва мы побежим. Лучше остаться здесь.

— Слушайте все! — объявил Керрик. — Мургу хотят, чтобы мы оставались на месте. Они все предусмотрели. Можете не сомневаться, они продумали все, во всех подробностях и деталях, чтобы перебить нас всех до единого. Давайте подумаем, как нам уцелеть. О чудовищах, на которых они ездят, я не слыхал. Но это ничего не значит. Мир мургу велик. В нем наверняка есть неведомые нам мургу, о существовании которых мы понятия не имеем. Но теперь мы знаем о них, мы предупреждены... — Он огляделся. — Мы остановились здесь, потому что тут легче сдерживать атаку со стороны реки. ...А по воде они не идут? Лодок не видел?

— Нет, — ответил Переманду. — Не видел. Их много, как птиц, собравшихся осенью к отлету. Их не пересчитать, словно листья в лесу.

— Нашу терновую ограду можно затоптать, — сказал Керрик, — и нас вместе с ней. Надо немедленно уходить на север, здесь нельзя оставаться.

Воцарилась тишина. Никто не хотел говорить, слишком уж неожиданным оказалось это событие. Люди смотрели на вожаков. Саммадары смотрели на Херилака. Решать предстояло ему. Лицо его было суровым и строгим: он отвечал за всех. Оглядев собравшихся, он встал и тупым концом воткнул копье в землю.

— Уходим. Маргалус прав. Если останемся, то всех ждет смерть. В следующий раз выберем для стоянки место получше. Осталась половина ночи. Надо использовать темноту. Собирайте шатры.

— Нет, — перебил его Керрик. — На это уйдет время, которо-

го у нас и так мало. К тому же под тяжестью шатров травоисы станут неповоротливыми, и мы не сможем идти быстро. Берем только оружие, одежду, еду и ничего больше.

Женщины со страхом слушали, некоторые начали голосить.

— Шатры сделаем новые, — произнес Керрик. — А жизни? Сажайте на травоисы детей. Пусть шатры остаются. Мургу не знают, что в них никого нет. Они нападут на них, потратят иглы впустую. А у нас прибавится времени. Я сказал.

— Делайте, как велел маргалус! — приказал Херилак, поднимая копье. — Идем!

Просыпаясь, мастодонты жалобно трубили, их расшевеливали жестокими ударами по губам. Перед шатрами торопливо разожгли костры и при свете пламени быстро запрягали слонов в травоисы. Керрик велел Армун грузить волокушу, а сам поспешил в голову собиравшейся колонны к Херилаку.

Он указал на север.

— Помнишь, там земля поднимается, холмы поросли лесом, повсюду скалы, камень гор протыкает небо. Идем туда, если нас не настигнут на полпути. Там можно отыскать и место для обороны.

Взошла луна, и рассвет заметно приблизился. Тану двинулись цепочкой. Мастодонты недовольно повизгивали, когда их заставляли бежать. Охотники бежали рядом. Они долго охотились здесь и знали каждый холм и ложбину. Саммады шли на север самым коротким и удобным путем.

Когда забрезжил рассвет, никто уже не бежал. Мастодонты устали и шагали с трудом, усердно переставляя огромные ноги. Охотники то и дело оглядывались, но позади никого не было. Пока. И поход продолжался.

Люди шли долго и устали, наконец Херилак велел остановиться.

— Пейте, отдыхайте, — приказал он, ожидая, пока подтянутся последние. И поманил к себе Переманду. — Ты знаешь, как далеко были мургу от нашего лагеря. Как ты думаешь, они уже добрались до него?

Поглядев на юг, Переманду задумчиво прищурился.

— Я потратил много времени, но они двигаются быстрее. Скоро они будут там.

— А потом и здесь, — мрачно проговорил Херилак. Он взглянул на восток. — Там, — показал он, — там найдется и место для обороны. Идем.

Вскоре местность начала повышаться, и усталые мастодонты замедлили шаг. Пришлось их подгонять. Путь пролегал по долине, по дну которой змеился ручей.

Херилака окликнул один из разведчиков, бежавших впереди.

— Дорога становится круче. Скоро по ней трудно будет идти.

Херилак на ходу подозвал к себе саммадаров и показал на крутой скалистый склон. Его верхушка поросла лесом.

— Вот куда нам надо забраться. Если мы засядем там, наверху, они не смогут напасть на нас с тыла. Они пойдут вверх по склону, по открытому месту, а мы спрячемся среди деревьев. Там мы разобьем лагерь.

Керрик выслушал саммадара с чувством облегчения. После долгой ходьбы нога его сильно разболелась, и теперь каждый шаг давался с трудом. Но времени на жалость к себе не оставалось.

— Хороший план, — одобрил он. — Звери устали и далеко не уйдут. Их надо завести поглубже в лес — чтобы поели и отдохнули. И женщин с детьми. Если мургу столько, сколько сказал Переманду, всех их не перебить. Хорошо, если мы остановим их. Что ты скажешь на это, Херилак?

— Я скажу, что слова твои для меня словно камень на шее. Но я согласен с тобой. Ты прав. Будем ждать нападения на опушке леса. А слоны уйдут дальше. Хар-Хавола! Пока еще светло, пошли лучших скороходов из твоего саммада искать путь через лес. Будем биться. Стемнеет — уйдем.

Люди с трудом поднимались по склону, когда один из охотников поднял тревогу, показывая на пыль, заклубившуюся у подножия холма. Вид клубов пыли словно подтолкнул людей, и они бросились бежать вверх по крутому склону.

...Свежий ветер шуршал в голых ветвях над головою. Керрик сидел возле Херилака на мягкой траве — полуденное солнце грело их лица — и тщательно набивал иглами свой хесотсан. Облако приближалось. Херилак поднялся и махнул охотникам.

— Прячьтесь! — приказал он. — И не жмите на палки, пока я не дам знак. Пусть они подойдут поближе, а потом убивайте всех без разбора. Убивайте, пусть громоздятся целые кучи трупов! И не отступайте, пока я не прикажу. Мы отступим потом, не все сразу, по очереди, по несколько человек. Прячьтесь за деревьями. Пусть они подходят. Пусть охотники прячутся и убивают. Пусть мургу умирают в лесу, если уцелеют на склоне. Помните, между мургу и саммадами только мы с вами. Они не пройдут!

Мургу были уже рядом. И облако пыли катилось по долине там, где недавно прошли люди.

Керрик спрятался за стволом большого дерева, уложив хесотсан на одну из ветвей. Ветерок шевелил траву на склоне. Из травы вспорхнули птицы и заметались над головами. Грохот приближался.

Вдруг у подножия холма появились темные фигуры. Они двигались медленно и осторожно. Керрик лежал неподвижно, вжавшись в землю, ощущая только глухие толчки сердца.

Верховые ящеры были громадными, они чем-то напоминали эпетруков и размашисто шагали на задних ногах, поводя над травою тяжелыми хвостами. У них на плечах сидели наездницы иилане'. Они остановились, оглядывая склон и лес. Люди ждали.

Когда на откос выскочили невысокие странные ящеры с невероятным количеством ног, Керрик ахнул. На спинах сидели вооруженные фарги. С каждого бока у ящеров было по четыре лапы, всего восемь. Крошечные головки на толстых шеях. Их разводили для того, чтобы перевозить фарги на дальние расстояния. Ящеры остановились на миг, потом зашагали вперед.

Ветер доносил до людей крики иилане', громкий топот, пронзительные вопли животных, кислый враждебный запах чужой плоти.

Все ближе и ближе, все выше по склону поднимались мургу к горстке охотников, прятавшихся среди деревьев. Уже были видны пятна на чешуйчатых шкурах. Предводительствовали иилане' на своих высоких скакунах.

Громкий крик Херилака утонул в грохоте начавшейся атаки.

Затрещали палки.

Глава 16

Керрик выстрелил в ближайшую иилане', но промахнулся, попав в животное под ней. Тварь встала на дыбы и рухнула. Наездница скатилась на землю, вскочила и стала прицеливаться из хесотсана. Следующая игла Керрика попала ей в шею — иилане' упала.

Началась битва. Первый ряд атакующих полег под градом игл из чащи. Неторопливые восьминогие звери валились на землю, фарги разбегались во все стороны, отступали, сталкиваясь с теми,

кто упорно двигался вперед. В наступавших летели все новые и новые иглы. Поле битвы было усеяно телами убитых.

Атака захлебнулась. Громко кричали раненые и придавленные тушами упавших зверей фарги.

Из группы державшихся позади верховых иилане' послышались приказы. Повинуясь им, убегавшие фарги остановились и начали отстреливаться.

Опустив оружие, Керрик прислушался, пытаясь разобрать слова. Его внимание привлекла одна из наездниц, выкрикивавшая распоряжения.

Керрик поднял было хесотсан, но не выстрелил: иилане' была слишком далеко. Он ясно слышал голос: иилане' наводила порядок среди всеобщего смятения. Керрик понимал это.

И вдруг он застыл. Глаза его невольно округлились, кулаки сжались сами собой, дыхание перехватило. Голос! Слишком хорошо он знал этот голос.

Но Вейнте' мертва! Он своими руками убил ее. Заколол. Убил. Она же мертва!

Однако повелительный голос, без сомнения, принадлежал ей.

Керрик поднялся на ноги, пытаясь разглядеть ее лицо. Вдруг неожиданный удар в спину сбил его с ног, и сильные руки прижали к земле. В листьях над головой зашелестели иглы. Отпустив Керрика, Херилак припал к земле рядом с ним.

— Это она! — воскликнул Керрик. — Та, которую я убил, саммадар всех мургу. Но я ведь убил ее, ты сам видел это.

— Я видел, как ты колол марага копьем. Быть может, их нелегко убить.

Жива. Сомнений не было. Она жива. Керрик помотал головой и поднял хесотсан. Предаваться воспоминаниям было некогда. Он заставил себя вернуться к сражению.

Ошеломленные решительным отпором, нападавшие ненадолго растерялись. Но, быстро придя в себя и укрывшись за телами убитых, они начали стрелять, и листья задергались под градом бесчисленных игл.

— Не высовывайся! — рявкнул Херилак. — Ложись! Пусть снова пойдут вперед.

Наученные первой неудачей, иилане' укрыли больших тараканов за сбившимися в кучу уруктопами и фарги. Послышались крики, приказывающие подниматься в атаку. Фарги нерешительно побежали вперед и... новая атака захлебнулась, так толком и не начавшись.

— Остановили... — с глубоким удовлетворением произнес Херилак, оглядывая усеянный трупами склон. — Мы сумели задержать их.

— Ненадолго, — вздохнул Керрик. — Когда они нападают из моря, то используют строй «распростертые руки». Окружают с боков и потом заходят сзади. Сейчас будут пробовать это сделать.

— Но мы можем их остановить.

— Ненадолго. Я знаю их стратегию. Они пойдут вперед, расходясь все шире и шире, а потом окружат нас с боков. Надо быть к этому готовыми.

Керрик оказался прав. Фарги спрыгнули со спин восьминогих уруктопов, рассыпались цепью по склону и стали медленно подступать к опушке.

Сраженные иглами, фарги падали, но убитых сменяли живые. Казалось, им нет конца. Фарги шли и шли, прятались за мертвыми телами, иные даже добирались до опушки и падали уже под деревьями.

Уже после полудня одна из фарги сумела укрыться на краю опушки, к ней присоединились другие, и оборонявшиеся тану вынуждены были отступить. Битва приняла другой характер, но не менее кровавый.

Мало кому из фарги приходилось бывать в лесу. И смерть встречала их, едва фарги покидали укрытие. Но они наступали. Передней линии более не было. Охотники и ящеры смешались в тени под деревьями.

Керрик отступал вместе со всеми. Боль в ноге поутихла. Он старался прятаться от фарги за стволами деревьев. Застыв за деревом, он услышал за спиной треск — прямо возле лица в кору вонзилась игла. Он стремительно обернулся и успел пронзить копьем зашедшую сзади фарги. Вырвав оружие, он поспешил дальше в лес.

Отступление продолжалось. Было решено перегнать мастодонтов подальше в глубь леса, и звери тронулись в путь по спасительной тропе. Сбившись вместе, охотники прикрывали отход. Сзади доносились чужие отрывистые крики.

Керрик остановился, приложил ладонь к уху и прислушался. Потом он побежал, петляя среди деревьев, за Херилаком.

— Они отступают, — сказал Керрик. — Я не видел говоривших, а потому не во всем могу быть уверен, но кое-что сумел разобрать.

— Значит, они уходят?

— Нет. — Керрик поднял глаза к потемневшему небу. — Скоро ночь. Они перестраиваются на склоне. Новая атака начнется утром.

— Нас уже здесь не будет. Идем быстрее.

— Подожди. Надо поискать в лесу оружие. Нам нужны стреляющие палки. Как можно больше.

— Ты прав. Нужны и палки, и иглы. Мы много стреляли.

Собрав оружие, Херилак и Керрик поспешили следом за саммадами.

Наступила ночь. Керрик шел последним. Вдруг он обернулся, остановился и стал разглядывать склон. Херилак окликнул его. Керрик махнул охотнику рукой.

— Пусть остальные уходят с оружием. Я хочу вместе с тобой подобраться поближе к лагерю мургу. Они не любят темноты. Быть может, мы сумеем что-нибудь сделать.

— Нападем в темноте?

— Да, если это возможно...

Они шли медленно, держа оружие наготове, но на склоне врагов не оказалось. Далеко идти не пришлось — у подножия склона черным пятном темнел лагерь: множество спящих мургу, прижимавшихся во сне друг к другу.

Охотники двигались очень осторожно. Подойдя поближе, они стали пригибаться, прятаться в траве, наконец поползли. И когда они приблизились к лагерю иилане́ на расстояние полета стрелы, Херилак остановил Керрика легким прикосновением к плечу.

— Странно... — прошептал старший охотник. — Разве у них нет никакой стражи?

— Не знаю. По ночам все они спят. Надо разузнать.

Они проползли еще немного — и пальцы Керрика вдруг прикоснулись к какой-то длинной палке — наверное, лиане.

— Назад! — бросил он Херилаку.

Вдруг впереди в темноте вспыхнул свет. Он становился все ярче и ярче, и тану стало видно все перед собой. Иилане́ тоже заметили их. Раздался громкий треск, и смерть зашелестела иглами в траве. Охотники повернули назад и поползли изо всех сил, а когда оказались за пределами досягаемости хесотсанов, вскочили и понеслись в спасительную тьму. Они бежали, спотыкаясь и задыхаясь, и наконец скрылись за краем откоса.

Огни внизу погасли, тьма вернулась. Побоище на берегу на-

учило иилане' осторожности. Впредь ночных атак они не допустят.

Керрик и Херилак вернулись к саммадам. Добытые трофеи, иглы и хесотсаны погрузили на травоисы. Бегство продолжалось. На ходу Херилак разговаривал с саммадарами. Из битвы в лесу не вернулись четыре охотника.

Они двигались медленно, куда медленнее, чем нужно было, чтобы к утру уйти от врага на безопасное расстояние. Люди устали после двух бессонных ночей, двух длинных переходов. Мастодонты негодующе вскрикивали, когда их подхлестывали.

Но саммады брели вперед. Выхода не было. Позади была смерть.

Путь был каменистым, неровным, почти все время под гору. Движение все замедлялось, и наконец все остановились.

— Виноваты звери, — сказал Херилаку Сорли. — Стоят, даже если колешь их копьем.

— Останавливаемся, — устало отозвался Херилак. — Спим, отдыхаем. На рассвете идем дальше.

На заре задул пронизывающий холодный ветер, и люди ежились, вылезая из-под шкур. Никто не отдохнул, все едва шевелились. Враг преследует — только эта мысль подгоняла тану. Армун молча шла рядом с Керриком. Говорить было не о чем. Нужно было просто переставлять ноги, понукать усталых мастодонтов.

На тропе Керрика поджидал охотник, опираясь на копье.

— Сакрипекс хочет, — объявил он, — чтобы ты шел вместе с ним впереди тану.

С трудом, стараясь не замечать боли в ноге, Керрик, хромая, побежал вперед, мимо травоисов и бредущих людей. Теперь шли даже малые дети, только младенцев тащили матери и дети постарше. Мастодонтам стало полегче, но и они спотыкались от усталости.

Когда Керрик доковылял до сакрипекса, Херилак указал ему на горы.

— Они видели наверху лесистый гребень — похож на тот, где мы были вчера.

— Нет... — задыхаясь, проговорил Керрик. —Врагов слишком много. Они окружат нас и сбросят вниз.

— Они тоже чему-то научились вчера. Мургу вовсе не глупы. Вперед они не пойдут. Уже знают, что их перебьют, если они полезут напролом.

Расстроенный Керрик отрицательно качнул головой.

— Так поступали бы тану. Это они могут испугаться, увидев, как гибнут другие. Но не мургу. Я знаю их. Слишком хорошо знаю. Иилане' на громадных тварях все время будут держаться сзади. И, ничем не рискуя, будут гнать фарги вперед, как и вчера.

— А если те откажутся?

— Не могут отказаться. Это немыслимо. Если фарги поняла приказ, она обязана повиноваться. Так они всегда поступали. Они будут атаковать.

— Мургу... — презрительно оскалился Херилак. — Что же нам делать?

— Ничего... Только идти вперед, — беспомощно ответил все еще задыхавшийся и посеревший от усталости Керрик. — Если мы остановимся на открытом месте, нас перебьют. Надо идти вперед. Может быть, найдем холм, на котором можно будет обороняться.

— Его можно окружить. Уж тогда-то мы несомненно погибнем.

Путь их резко пошел вверх. Карабкаться вверх по склону удавалось уже с трудом. Достигнув гребня, люди остановились. Керрик едва терпел сильную боль в ноге. Следом по склону поднимался весь их небольшой отряд. Керрик, задыхаясь, выпрямился и взглянул на вершины гор. И замер с разинутым ртом и широко открытыми глазами.

— Херилак! — закричал он. — Погляди на горы! Видишь?

Прикрыв глаза рукой, Херилак поглядел вверх, равнодушно пожал плечами и отвернулся.

— Снег... Наверху еще зима.

— Ты не понял? Мургу не выносят холода! А те твари, на которых они ездят, не могут ходить по снегу. Там они не смогут преследовать нас.

Херилак вновь поднял глаза кверху, на этот раз в них засветился огонек надежды.

— Снег не так далеко. Мы дойдем до него сегодня, если не будем останавливаться. — Он подозвал к себе охотников, возглавлявших колонну, отдал распоряжения, затем сел, удовлетворенно бурча: — Саммады идут. Кому-то придется остаться, чтобы задержать погоню.

Появившаяся надежда на спасение воодушевила людей. Даже мастодонты почувствовали всеобщий подъем и трубили, задирая могучие хоботы. Оставшиеся охотники проводили взглядами колонну, повернувшую к высоким горам.

Здесь они будут ждать мургу, им не привыкать охотиться на опасных зверей. Когда саммады исчезли из виду, Херилак собрал охотников на краю долины. Повсюду виднелись разбросанные огромные валуны.

— Здесь мы их и остановим. Пусть они подойдут поближе. Тогда стреляйте и убивайте. В особенности тех, кто командует. Гоните их обратно. Собирайте оружие и иглы. А как они поступят потом, маргалус?

— Как вчера, — ответил Керрик. — Атакуя, они будут удерживать нас на месте и разошлют во все стороны фарги, чтобы те зашли нам с флангов и с тыла.

— Это нам и нужно. Мы отступим, прежде чем ловушка захлопнется.

— И опять раскинем сеть! Снова и снова! — крикнул Сорли.

— Правильно, — холодно улыбнувшись, ответил Херилак.

Охотники попрятались за валунами по обеим сторонам долины. Многие, в том числе и Керрик, заснули, едва прикоснувшись к земле. Но Херилак зорко следил за тропою из-за укрытия, наскоро сооруженного из тяжелых камней.

Как только показались передовые наездницы, он велел будить спящих. Скалы вокруг затряслись от тяжелой поступи уруктопов. Впереди основной группы выступали иилане′ на таракастах. Они поднимались вверх, минуя застывших за камнями тану, и уже добрались до края долины, когда в ловушку втянулись последние медлительные уруктопы.

Стрельба началась по команде.

Кровопролитие было страшным. Иилане′ гибли в немыслимом количестве, трупов было куда больше, чем вчера. Охотники стреляли, стреляли и вопили, охваченные восторгом. Тела забравшихся повыше скакунов иилане′ падали вниз, сползали по склону, что еще более усиливало невероятный хаос. Гибли уруктопы. Гибли фарги. Пытавшихся убежать настигали стрелы охотников. Передовые ряды нападавших расстроились, они отступили, чтобы перегруппироваться. Укрываясь за трупами, охотники преследовали иилане′, используя оружие убитых.

И лишь когда с гребня раздался предупреждающий крик часового, тану отступили вверх по долине, подальше от вражеских хесотсанов. По оставленным травоисами колеям люди уходили в горы, поднимались все выше и выше.

Еще два раза они устраивали засады. И оба раза мургу попадали в них и гибли, теряя нужное тану оружие. А потом люди отступили.

Солнце уже опускалось к горизонту, а они еще ковыляли вверх.

— Остановимся, сил нет, — проговорил Керрик, покачиваясь от боли и усталости.

— Нельзя. У нас нет выбора, — мрачно бросил ему Херилак, с трудом переставляя ноги.

Даже этому великану было тяжело. Он еще мог идти, но прекрасно понимал, что многие из охотников совсем обессилели. Ветер холодил лица. Сакрипекс поскользнулся, но не упал и поглядел под ноги.

Победный крик Херилака словно стряхнул усталость, навалившуюся на Керрика. Моргая, он поглядел на саммадара, а потом вниз, куда указывал тот.

Глубокая колея, жидкое месиво, посреди большая куча помета, оставленная мастодонтом... Он сразу и не понял, чему так обрадовался Херилак. В жидкой грязи блестели льдинки, по бокам колеи земля была белой.

Снег.

Он покрывал весь склон, и лишь черная колея, оставленная саммадами, нарушала его белизну. Снег! Керрик подбежал к наметенному ветром сугробу, споткнулся, зачерпнул горстью холодный снежок, смял и запустил в воздух. Охотники захохотали.

Они передохнули на гребне, по колено в снегу. Внизу наездницы иилане′ осаживали скакунов у края белого поля.

Погоня остановилась. Фарги замерли при виде возвращавшихся иилане′, и после недолгих переговоров мургу тронулись.

Но не вперед, а обратно, вниз по склону, неторопливо, и вскоре исчезли из виду.

Глава 17

Лед, покрывавший реку, ломался, торосился, огромные льдины несло в океан. Наступила весна, но в тени лед еще не сошел, держался и наметенный в расселины снег. На лугах у широкой излучины реки небольшое стадо оленей уже объедало первую, еще желто-зеленую травку. Прядая ушами, они оглядывались, принюхивались. Что-то испугало их, и звери длинными изящными прыжками исчезли среди деревьев.

В тени высокого дерева стоял Херилак, вдыхая аромат смолы. Он смотрел на стоянку, которую они покинули осенью. Хватка зимы ослабела, на этот раз весна наступила раньше, чем в прошлые годы. Может быть, суровые зимы окончились? Может быть. За спиной сакрипекса в лесу скрипели кожаные ремни, радостно протрубил мастодонт. Звери знали эти края и понимали, что наконец пришли домой.

Среди деревьев бесшумно появились охотники. Среди них шел и Керрик. Теперь можно было остановиться, стать лагерем на знакомом месте, соорудить хижины из кустарника, немного побыть на одном месте. Зима окончилась. А думы о грядущей зиме можно отложить и до лета. Керрик взглянул на небо. Над головой кружила белая птица, просто птица...

Нахлынули мрачные мысли, закрывшие солнечный свет. Где-то там, далеко, иилане', они всегда за горизонтом, словно туча, словно гроза, готовая разразиться. И что бы тану теперь ни делали, чем бы ни собирались заняться, они всегда будут помнить о грозящей опасности. Думы Керрика нарушил победный трубный клич мастодонта. Хватит. Когда-нибудь придет и время забот, а сейчас нужно устанавливать лагерь, разводить костры, жарить свежее мясо. Пришло время остановиться...

В ту ночь они собрались возле костра Керрика: Херилак, старый Фракен и саммадары. Они славно поужинали и были довольны. Сорли поворошил костер. Искры взметнулись вверх и растаяли во мраке. Из-за деревьев поднималась полная луна, ветра не было. Вытащив из костра тлеющую ветвь, Сорли раздувал ее, наконец она вспыхнула ярким пламенем. Он поднес ее к туго набитой трубке, глубоко вдохнул, выпустил серое облако, передал трубку Хар-Хаволе. Тот, в свою очередь, мирно затянулся дымком. Теперь саммад его стал саммадом среди саммадов, и никто больше не смеялся, слыша речь его людей. Трое из его молодых охотников взяли женщин из других саммадов. Так устанавливается мир.

— Фракен, — обратился к старику Херилак, — расскажи нам о битве. Расскажи нам о мертвых мургу.

Покачав головой, Фракен прикинулся усталым, но все просили его, и, когда он заметил, что к огню подтягиваются новые слушатели, он позволил уговорить себя. Ритмично раскачиваясь, он задудел себе под нос и повел рассказ о событиях последней зимы.

И хотя присутствующие принимали участие в событиях, о которых пел старик, все с интересом слушали его. С каждым разом повествование становилось интереснее: путь оказывался труднее, женщины выносливее, а охотники храбрее. Битва же вообще была сказочно невероятной.

«...снова и снова поднимались мургу по склону, снова и снова отражали охотники натиск мургу, встречая лицом к лицу, убивали их снова и снова. И вокруг каждого охотника уже высилась гора тел, так что не могли охотники видеть друг друга. Каждый тану уже сразил столько мургу, сколько травинок на склоне горы. А они все разили и разили мургу и протыкали пятерых одним ударом копья. Сильны были охотники, высоки были горы трупов».

Все слушали и согласно кивали, переполняясь законной гордостью. Трубка переходила из рук в руки. Фракен распевал песнь о славных победах, голос его подымался и падал, и все, даже дети и женщины, собравшись вокруг, внимательно слушали. И когда он закончил, все безмолвствовали. Да, было о чем вспоминать, деяние это запомнится надолго.

Костер угасал; Керрик встал, подбросил хвороста в огонь и, покачнувшись, сел. У него закружилась голова: крепкий дым одурманил его с непривычки. Закутавшись в шкуру, Фракен устало побрел к своему шатру. И люди стали расходиться, наконец возле костра осталось несколько охотников. Херилак вглядывался в огонь, рядом клевал носом задремавший Хар-Хавола. Херилак взглянул на Керрика.

— Сейчас они счастливы, — произнес он. — Счастливы и спокойны. Хорошо, если бы все так и было... какое-то время. Зима была суровой и долгой. Пусть они забудут о ней, прежде чем настанет пора беспокоиться о новой зиме. Пусть забудут и о мургу, и о смерти, таящейся в палках. — Помолчав, он вновь взглянул на Керрика и сказал: — Мы убили много мургу. Может быть, они теперь забудут о нас? Оставят в покое?

Керрик и хотел бы ободрить его, но при всем желании не мог. Он грустно покачал головой, и Херилак вздохнул.

— Они нагрянут опять, — проговорил Керрик. — Я знаю этих мургу. Они ненавидят нас, но ведь и мы их ненавидим. А ты бы уничтожил их всех, если бы мог?

— В один миг. И с огромным удовольствием.

— Они думают то же самое.

— Что будем делать? Лето коротко. Как знать, окажется ли охота хорошей? Куда деваться, когда опять придет зима? Если мы пойдем охотиться на восток, к побережью, мургу разыщут нас.

Опять на юг? Но мы знаем уже, что ждет нас на юге. А север весь вымерз.

— Горы, — проговорил пробудившийся от звука голосов Хар-Хавола, — надо уходить за горы.

— Но ведь твой саммад пришел из-за гор, — возразил Херилак, — потому что там не стало охоты.

Хар-Хавола покачал головой.

— Это вы так зовете наш саммад — тану из-за гор. То, что вы называете горами, просто холмы. Настоящие горы за ними. Они достают до неба своими вершинами, на которых никогда не тают снега. Вот это горы.

— Я слыхал о них, — ответил Херилак. — И еще я слыхал, что их нельзя перейти, что дерзнувшего ждет смерть.

— Возможно. Если не знать перевалов, зима может застать тебя на высотах, и ты умрешь. Но Мунан, охотник из моего саммада, бывал за горами.

— Мургу не знают об этих горах, — со вспыхнувшей в голосе надеждой отозвался Керрик. — Они не говорили о них. Что там, за ними?

— Пустыня, так сказал нам Мунан. Мало дождей. Мало травы. Он зашел в пустыню на два дня пути и вернулся, потому что не хватило воды.

— Можно попробовать, — вслух размышлял Керрик.

Херилак фыркнул.

— Лезть через ледяные горы, чтобы умереть в безводной пустыне? Проще иметь дело с мургу. Их все-таки можно убить.

— Это мургу нас убьют, — сердито возразил Керрик. — Мы убьем одних, а придут другие. Они бесчисленны, словно капли воды в океане. В конце концов все мы умрем. Пустыня не безгранична. Возьмем воды, отыщем дорогу. Об этом стоит подумать.

— Да, — согласился Херилак. — Этот путь следует узнать поподробнее. Хар-Хавола, зови своего охотника, имя которого Мунан. Пусть расскажет нам о горах.

Мунан оказался высоким, на щеках его, как и у всех охотников, что пришли из-за гор, белели длинные шрамы. Приняв трубку, он пыхнул дымком, выслушал вопросы.

— Нас было трое, — начал он. — Все очень молодые. Когда ты юн, хочется отличиться. Чтобы доказать всем, что ты хороший охотник, нужно проявить большую силу. — Он прикоснулся к шрамам, избороздившим щеки.

Хар-Хавола согласно кивал, в свете костра на его лице белели такие же шрамы.

— В нашем саммаде был старый охотник, он знал перевалы, и мы их нашли. От него мы узнали приметы: где поворачивать, где подниматься. Это нелегко. Высоко на перевалах лежал снег, но мы прошли. Мы все время шли на закат. Сразу за горами холмы, там была неплохая охота. Но за холмами тянется пустыня. Мы вошли в нее, но не отыскали воды. Мы выпили ту, что взяли с собой в кожаных мешках, а потом вернулись.

— Но охота была хорошей в тех краях? — спросил Херилак.

Мунан закивал.

— Да, в горах идут дожди, падает снег. Возле гор холмы зеленеют, дальше — пустыня.

— А ты сумеешь снова отыскать дорогу? — спросил Керрик.

Мунан кивнул.

— Можно выслать небольшой отряд. Они отыщут тропу, найдут холмы за горами. А когда сделают это, вернутся, чтобы перевести туда и саммады, если с тех пор ничего не переменилось.

— Лето стало теперь коротким, — возразил Херилак. — Если пройдет один, значит, и все. Так, по-моему, надлежит поступить.

Они проговорили об этом всю ночь, и другую, и следующую за нею. Никто не хотел летом лезть на заснеженные вершины, зима и так скоро придет. Но все понимали — нужно решаться. Пока охота не подводила, но свежего мяса у них было далеко не в избытке. Вокруг росли корни, их надо было искать, собирать семена и растения. Но зимой на них не прожить. Шатры они бросили возле реки, по дороге пришлось оставить и многие другие вещи. Осталось только отобранное у мургу мясо в прочных пузырях. Вкус его не нравился никому, и если у людей находилось что-то еще, к мясу мургу никто не прикасался. Но все-таки оно могло поддерживать жизнь. И это мясо хранили.

Херилак наблюдал за людьми и терпеливо ждал, пока они наохотятся и отъедятся. Женщины скребли оленьи шкуры. Когда их наберется достаточно, можно будет снова поставить шатры. Мастодонты вволю паслись, их обвислые шкуры вновь залоснились. Херилак видел это и ждал. Ждал, чтобы все отъелись и дети окрепли. Каждую ночь глядел он на небо и следил, как узкая луна становится полной и опять съеживается в тоненький серп. И однажды, уже затемно, он наполнил каменную трубку терпкой корой и собрал охотников возле костра.

Пока все курили, он поднялся на ноги и поведал те мысли, что переполняли его голову все время, что прошло с той поры, когда вернулись они на стоянку возле речной излучины.

— Как обычно, придет зима. Мы не должны встречать ее здесь. Надо идти туда, где будет охота и не будет мургу. Я скажу: надо идти за высокие горы к зеленым холмам. Если мы отправимся туда немедленно, то окажемся у перевалов к концу лета. Мунан ведь поведал нам, что перебраться через них можно лишь летом. И еще — сейчас мы пойдем налегке, как тогда, когда бежали от мургу. Если мы пойдем сейчас, можно будет не охотиться, хватит и припасов мургу. И на зеленых холмах за горами мы окажемся еще до зимы. Я говорю: время нагружать травоисы и уходить на запад.

Уходить никто не хотел, но и причин для задержки не было. Горы или мургу, выбирать не из чего. Мужчины проговорили до глубокой ночи, но, как ни пытались, не сумели отыскать другого выхода. Оставались горы.

Утром собрали травоисы, старые жерди связывали новой кожей. Мальчишки везде разыскивали погадки сов — маленькие шарики из меха и косточек, старый Фракен крошил их и предрекал судьбу.

— Не сегодня — завтра, — сказал он. — И вот что: мы должны выйти с первым светом. Когда солнце поднимется над холмами и взглянет сюда, оно здесь никого не увидит. Никого из нас.

Этой ночью после ужина Керрик сидел возле костра и привязывал оперенье к длинным иглам с ягодного куста. Игл и хесотсанов не хватало. Деревья, на которых росли подходящие иглы, остались на юге. Но это было неважно. Хесотсан выбросит любой предмет подходящей длины, и самодельные иглы подходили просто прекрасно, в особенности если потрудиться над ними. Керрик откусил зубами узелок. Мимо прошла Армун, выбросила объедки в костер и принялась увязывать их скромные пожитки. Все это время она молчала, и Керрик вдруг заметил, что она почему-то опять начала прятать лицо за волосами.

Когда она проходила мимо, он ухватил ее за руку и потянул к себе, она села и отвернулась. Взяв ее за подбородок, он повернул ее голову к себе и увидел в глазах слезы.

— Что случилось? Ты поранилась? — спросил он, недоумевая.

Она качала головой и молчала, но он настаивал, требовал

объяснений. В конце концов она опять отвернулась и, укрыв волосами лицо, проговорила:

— У нас будет ребенок. Весной.

Взволнованный Керрик сразу позабыл о ее слезах и тревогах. Он прижал ее к себе и расхохотался. Теперь он уже знал о младенцах, видел, как они появляются на свет, как гордятся ими родители. Никаких причин для печали он в этом не видел, они с Армун могли только радоваться. Но она опять отвернулась от него. Сперва он встревожился, потом рассердился и тряхнул ее за плечи. Армун заплакала еще горше. Тогда ему стало стыдно. Он успокоил ее, вытер слезы и обнял. Тогда она поняла, что придется выкладывать все.

— Это будет девочка, и она окажется такой же, как я, — сказала она, показывая на щель в верхней губе.

— Прекрасно, ты у меня очень красивая.

Армун слабо улыбнулась.

— Для тебя одного. Когда я была маленькой, все тыкали пальцами мне в лицо и смеялись. Я никогда не была счастлива, как все дети.

— Но теперь же никто не смеется.

— Нет. Пока ты рядом. Но дети станут смеяться над нашей дочерью.

— Да нет же. А если родится мальчик, похожий на меня? Разве у твоих матери или отца была такая губа?

— Нет.

— Почему же она должна быть у младенца? Твое лицо будет единственным, и я буду знать, как мне повезло. Не надо плакать.

— Не буду. — Она вытерла глаза. — Больше не буду огорчать тебя своими слезами. Ты должен быть сильным: завтра мы уходим в горы. На той стороне действительно хорошая охота?

— Конечно. Так говорит Мунан, он был там.

— А... мургу там будут? Мургу со стреляющими палками?

— Нет, они останутся здесь. Мы отправляемся в те края, где их никогда не было.

Но он ничего не сказал ей о том, что постоянно тревожило его. Вейнте' жива. И она не остановится ни на миг, она будет искать их, пока не погубит и его самого, и всех тану.

Пусть они бегут, но, как черная ночь, грозная и неотвратимая, она направится по их следам.

Глава 18

На пятый день путь пошел на подъем, с запада задувал прохладный и сухой ветер. Охотники саммада Хар-Хаволы принюхивались и радостно хохотали: эта часть мира была им родной. Они взволнованно переговаривались, показывали друг другу знакомые приметы, старались забежать вперед саммадов и медленно выступающих мастодонтов. Херилак не разделял их радости: по следам было отлично видно, что охота здесь скверная. Несколько раз он заметил, что и другие тану проходили этим путем: однажды зола в кострище оказалась теплой. Но охотников не встречали: они явно держались подальше от столь многочисленного и сильного отряда.

Тропа уводила их все дальше в горы, которые становились все выше. Дни были теплыми, солнце пекло, но по ночам все закутывались в шкуры. Однажды на заре Хар-Хавола с радостным криком показал на солнце, поднимавшееся из-за снежных пиков на горизонте. Эти снежные горы им и предстояло одолеть.

Каждый день уводящая к перевалам тропа поднималась все выше и выше, и наконец скалы преградили людям путь. Уходящая в обе стороны стена казалась неприступной. Но, подойдя к ней поближе, люди заметили речное ущелье, отлого поднимающееся к сердцу гор. По дну его мчался сердитый серый поток. И они пошли вдоль речушки, следуя за ее поворотами, и предгорья исчезли из виду. Изменились и окрестности: деревьев стало меньше, остались только вечнозеленые.

Как-то днем на склоне, почти над головами, охотники заметили белых рогатых зверей, перескакивающих с камня на камень. Один из них остановился на карнизе, кося вниз большим влажным глазом, и посланная Херилаком стрела сразила его. Горный козел скатился к подножию утеса. Мех его оказался мягким и кудрявым, а зажаренное в тот же вечер мясо — жирным и просто восхитительным на вкус. Слизывая жир с пальцев, Хар-Хавола удовлетворенно пробормотал:

— Только однажды приходилось мне есть горную козу. Вкусно. Их трудно выследить, они живут на высокогорье. Теперь пора подумать о корме для мастодонтов и о хворосте для костров.

— Почему? — спросил Херилак.

— Мы зашли высоко. Скоро деревья кончатся, трава станет жидкой и тощей. И станет холодно. Очень холодно.

— Значит, все необходимое придется взять с собой, — сказал

Херилак. — Шатров нет, травоисы легки. Нарубим дров, нагрузим. И молодых ветвей с листьями на корм для зверей. Они не должны голодать. Там будет вода?

— Нет. Зачем она? Снега много, растопим.

И хотя еще было тепло, по утрам лужи затягивал тонкий ледок. Мастодонты недовольно ворчали, выдыхая белые клубы пара. Все жаловались, что воздух здесь жидок, старый Фракен даже задыхался, а потому перебрался на травоис.

Керрика переполняло неведомое прежде счастье. Его радовали и прозрачный воздух, и величественное безмолвие гор, и чистое небо, и скалы. Все здесь было иначе, не так, как на влажном и жарком юге, где Керрик вечно потел, где ему докучали насекомые. И почему иилане́ мало своих болот и вечного лета? Ведь они созданы, чтобы жить там, на юге. Жизнь на севере покажется им невыносимой. Холодный мир этот чужд им — так почему же не оставить его тану? Керрик, как обычно, поглядывал на небо, но ни огромных рапторов, ни других птиц, способных проследить за передвижением саммадов, не было видно. Быть может, все-таки удастся спрятаться от иилане́...

— Там самый высокий перевал, — вечером объяснил Мунан, показывая вперед. — Над ним облака, идет снег. Теперь я вспоминаю: ветер дул с запада, снег шел почти все время.

— Мы не можем ждать, пока окончится снегопад, — сказал Херилак. — Мало дров, мало еды для мастодонтов. Идем вперед.

Верхней точки перевала удалось достичь лишь после целого дня непрерывных трудов. Снег был глубоким, мастодонты проламывали верхнюю корку, утопали в сугробах. Все утомились, но шаг за шагом продвигались вперед, подталкивая друг друга. Вечером саммады все еще были на склоне; им пришлось провести там бессонную ночь под тревожные крики недовольных животных. Разжечь костер было негде, пришлось завернуться в шкуры и трястись от холода до зари. С первыми лучами солнца люди отправились в путь, понимая, что, промедлив на этом месте, они насмерть замерзнут.

Когда они миновали перевал, спускаться по крутому и скользкому склону стало еще труднее. Но корм для зверей весь вышел, и еще одной голодной ночевки в снегах мастодонты могли не пережить. И люди ползли вниз буквально на ощупь, утопая в тумане. К полудню они вышли на каменистую осыпь, усеянную глыбами разной величины, и обнаружили, что идти по ней еще труднее, чем по снегу. Лишь в сумерках они наконец

вышли из тумана и сразу же ощутили на лицах теплые лучи заходящего солнца. Внизу открывались ущелья, а вдали зеленели холмы.

Стемнело, но они остановились, только чтобы развести огонь и зажечь факелы. В неровном их свете усталые до предела саммады ковыляли вперед. И только ощутив под ногами мягкую землю, тану поняли, что испытание завершилось. Тогда они остановились на склоне возле стремительного потока талой воды, среди густой травы. Утомленные люди валились на землю, а мастодонты, удовлетворенно повизгивая, вырывали траву большими охапками. В ту ночь даже консервированное мясо мургу казалось вкусным.

Самое тяжелое окончилось, спускаться с гор было проще, чем карабкаться на них вверх. Скоро вокруг появились кусты, мастодонты жадно ломали ветки с листьями. Охотники радовались. С утра они заметили свежий помет горной козы и дали клятву добыть свежего мяса. Но осторожные звери убегали раньше, чем охотникам удавалось подобраться к ним на расстояние полета стрелы.

Только на следующий день на поляне среди деревьев им удалось выследить стадо низкорослых оленей. Двоих охотники успели подстрелить, прежде чем остальные разбежались. Есть можно было не только мясо оленей: сосны здесь были не такими, как по ту сторону гор, шишки их были полны сладких орехов. Горы остались позади, и будущее казалось безоблачным.

На следующий день ручей, по берегам которого спускались люди, закончился озерцом, со всех сторон окруженным скалами. На берегах были видны многочисленные следы зверей. Вода из озерца вытекала: она уходила куда-то под землю, видеть подобное тану уже приходилось.

— Вот здесь и остановимся, — произнес Херилак. — Есть вода, рядом пастбище, и охота неплохая, если только мы правильно прочитали следы. Есть ягоды, корни. Голодать не будем. А я пойду вперед с Мунаном, который был здесь, чтобы увидеть, что еще ждет нас в этих краях. С нами пойдет Керрик.

— Надо взять побольше воды в кожаных мешках, — сказал Мунан. — Дальше воды будет меньше, а в пустыне ее вообще нет.

— Так и сделаем, — ответил Херилак.

Окружающий пейзаж менялся прямо на глазах. Деревьев стало меньше, трава пожухла, повсюду виднелись усеянные грозными шипами растения. У подножия холмов на равнине трава

стала реже. Здесь и деревья были колючими, часто приходилось идти по песку и мелкому гравию. Растения здесь казались высохшими и торчали далеко друг от друга. Иссушенный и неподвижный воздух... Промелькнула ящерица — и опять ничего живого вокруг.

— День был долгим и трудным, — произнес Херилак. — Остановимся здесь, это место не хуже любого другого. Так это и есть пустыня, о которой ты говорил?

Мунан кивнул.

— Она вся такая. Только больше песка. И ничего не растет, кроме этих колючек. Воды нет.

— Выступаем утром. Пустыня не беспредельна.

В пустыне было жарко и сухо, и, что бы ни говорил Херилак, она казалась бесконечной. Четыре дня от рассвета и до заката шагали они по пескам, останавливались только днем, когда невозможно было идти под лучами палящего солнца. На четвертый день горы, оставшиеся за спиной, превратились в далекую туманную полосу на горизонте. А впереди была только пустыня.

На закате Херилак поднялся на невысокий пригорок и, прикрыв глаза ладонью, поглядел на запад.

— Одно и то же, — промолвил он. — Ни холмов, ни гор, ни зелени. Та же пустыня.

Керрик поднял кожаный мешок с водой.

— Последний.

— Я знаю. Утром поворачиваем назад. Дальше идти нельзя. Воды и так не хватает на последний дневной переход. Напьемся вечером, когда вернемся к горам.

— А потом? — спросил Керрик, сооружая костер из сухих веток.

— Надо подумать. Если охота будет хорошей, можно остаться у гор. Посмотрим.

Когда стемнело, вблизи заухала сова. Сон мгновенно слетел с Керрика, по коже побежал озноб. Обычная сова... не более. Ведь живут же они в этой пустыне, ловят ящериц... Просто сова.

Иилане' просто не могут узнать о них. Ящерам не перебраться через снега на перевале. В этих краях тану могут считать себя в безопасности.

А ночью Керрику вновь приснился Алпеасак: он снова бродил среди суетливых фарги. На шее вновь был поводок, а на другом конце его — Инлену<. Он стонал во сне, но не просыпался и

даже не почувствовал, как пальцы его стиснули крепкий обруч на шее.

Когда Керрик проснулся, сон долго не оставлял его, давил мрачной тяжестью. Сон, всего лишь сон, твердил он себе, но предчувствие беды не покидало его.

Обратно охотники шли много быстрее. Теперь все трое шли почти налегке: еда и вода кончились, и они торопливо шагали по сухой пустыне, по травянистым откосам предгорий. На последний холм они поднимались, когда уже вечерело, предвкушая удовольствие — свежую воду. Они возвращались по собственным следам, раздвигая руками частые ветви кустов. Впереди шагал Херилак, склон начал постепенно подниматься. Он заметил, что обогнал остальных, и остановился, ожидая.

В это мгновение из кустов вылетела стрела и с глухим стуком воткнулась в землю неподалеку.

Громко крикнув, предупреждая идущих следом, Херилак метнулся в сторону. Укрывшись за стволом дерева, лежа, он достал из колчана стрелу, наложил ее на тетиву.

Из кустов послышался голос:

— Эй, Херилак! Ты кричал?

— Кто это?

— Я, Сорли. Будь осторожен. В лесу опасно!

Херилак внимательно огляделся, но ничего не заметил. Среди деревьев, осторожно ступая, появился Керрик. Херилак поманил его к себе, жестом приказал двигаться вверх по тропе. Когда мимо прошел и Мунан, внимательный и безмолвный Херилак отправился следом.

Сорли ожидал их, прячась за большим валуном. Поблизости притаились и другие охотники из его саммада. Укрывшись от нападения снизу, они внимательно вглядывались в лес, редеющий к подножию холма. Сорли поманил вернувшихся за собой и пошел вперед. Перебравшись за гребень, он снял стрелу с лука.

— Я услыхал, как ты раздвигаешь кусты, а потом увидел фигуру. Я не знал, что это ты, потому и выстрелил. Я думал, что это опять чужаки. Они убили караульных, но охотники успели вовремя поднять тревогу. Они убили и одного мастодонта, должно быть, на мясо, но мы успели прогнать их, прежде чем они прикоснулись к туше.

— Кто это были?

— Не тану.

— Мургу? — услыхав ужас в собственном голосе, выдавил

Керрик. Нет-нет, только не здесь. Неужели от них некуда скрыться?

— Не мургу. Но и не тану. Среди тану таких мы не встречали. Одного убили, посмотришь. У них копья, луков нет. И, когда засвистели стрелы, нападавшие бежали.

Они шли прямо, не сворачивая с тропы. Вскоре Сорли остановился и указал на распростертое тело.

Убитого не трогали. Труп лежал там, где упал, головой в кусты. В спине зияла кровавая рана, из которой извлекли стрелу. Грудь была прикрыта шкурами. Кожа убитого оказалась много темнее, чем у охотников. Черные длинные волосы... Херилак нагнулся и перевернул труп тупым концом копья.

— Охотник лицом вылитый тану, только кожа и волосы не того цвета.

Керрик нагнулся и поднял веко убитого, голубые глаза внимательно глядели в черные. Стоявший рядом Мунан с отвращением сплюнул.

— Харван, — проговорил он. — Когда я был маленьким, нас пугали рассказами о черных людях, которые по ночам приходят из-за гор, крадут и поедают детей. Их называли харванами. Говорили, что это очень свирепые люди. Одни старики считали, что эти рассказы — чистая правда, а другие смеялись.

— Теперь ты видишь сам, — ответил Сорли. — Рассказы не врут. Но это еще не все. Сам увидишь.

Они немного поднялись по склону. Там под деревьями темнел распростертый на земле зверь. Поглядев на него, Херилак удивленно пророкотал:

— Ну и долгозуб! Такого огромного я еще не видел!

Зверь был просто громадным — раза в полтора длиннее человека. Смерть разверзла его пасть, обнажив два длинных и острых грозных клыка, давших ему имя.

— Его привели черные тану, и не одного. Они вели долгозубов, как мы мастодонтов. Звери повиновались их приказам.

Новости весьма не понравились Херилаку.

— Тут опасно! Свирепые тану, долгозубы. Откуда они пришли?

— С севера. И ушли на север. Наверное, это отряд охотников.

Поглядев на север, Херилак покачал головой.

— Значит, и эта дорога закрыта для нас. Путь на запад — тоже, по крайней мере в этом месте. Как узнать, сколько здесь этих

черных тану, сколько долгозубов у них? Мы не хотим воевать, остается только одна дорога.

— На юг, — согласился Керрик, — на юг вдоль этих гор. Но тогда впереди могут оказаться мургу.

— Впереди может оказаться все, что угодно, — хмурясь, бросил Херилак. Лоб его прорезали морщины. — Это ничего не значит. Надо идти. Или пустыня окончится, или набредем на края с хорошей охотой. А пока попьем сладкой воды. Пусть ночью стойбище охраняют охотники. Выступаем с рассветом.

Глава 19

След саммадов мог бы прочитать и ребенок: травоисы прорезали в мягком торфе отчетливые следы. Глубокие борозды, оставленные шестами, огромные отпечатки ступней мастодонтов и большие кучи навоза Херилак даже не пытался скрыть. Просто оставил несколько охотников в двух днях пути от саммадов, чтобы убедиться, что их не преследуют. Но дни шли за днями, и ничто не указывало на то, что черные тану со своими долгозубами увязались за путниками. Но, несмотря на все, Херилак днем и ночью выставлял стражу.

Ущелья и гребни, отходившие от высоких гор, переходили в сухую равнину. И люди спускались вниз. Путь их теперь пролегал не по холмам и долинам, а вдоль края пустыни. Охотники шли впереди, они отыскивали воду в ущельях. Вечерами, когда люди останавливались, мастодонтов уводили в горы напиться.

Они все шли. Охота у подножия холмов и на равнине не радовала. Травянистые просторы теперь удалялись от предгорий все дальше и дальше, туда, где раньше была только сухая пустыня. Равнину время от времени пересекали пересохшие русла. Но на равнине не было воды, не было и зверей — одна только трава. Приходилось идти дальше.

И только когда луна стала дважды полной и уменьшилась, они добрались до реки. Вода текла с гор, течение было быстрым, поток глубоко врезался в землю. Люди остановились на краю берегового обрыва, внимательно вглядываясь в водную пыль над перекатами.

— Здесь не перейти, — проговорил Керрик.

Кивнув, Херилак поглядел вниз.

— Лучше не пересекать, а пойти по изгибам. Там, куда течет

вся эта вода, нет пустыни. А где нет пустыни, есть охота. Найдем место, разыщем еду — будем собирать и охотиться. — И Херилак высказал никогда не покидавшую его мысль: — Все это следует выяснить, прежде чем настанет зима.

Тану пошли вдоль реки, петлявшей сначала по равнине, потом среди невысоких холмов. Во многих местах береговой откос не был крутым, и они могли поить мастодонтов. Кое-где возле реки им попадались оленьи следы. И не только оленьи. Первым это заметил Мунан. Он пришел к костру Херилака и уселся спиной к горам.

— Я был охотником много лет, — заговорил он, — но однажды охотились на меня. Расскажу, как это было. В высоких холмах, которые вы называете горами, я выслеживал большого оленя. Было раннее утро, и след был свежим. Я шагал молча, но чувствовал: что-то не так. А потом вдруг понял, в чем дело. Кто-то выслеживал меня самого, шел следом. Я чувствовал на себе чей-то взгляд. И когда я понял это, то резко обернулся назад и увидел позади себя долгозуба. Не так близко, чтобы он посмел прыгнуть, нет. Я выслеживал большого оленя, а он выслеживал меня. Долгозуб посмотрел мне в глаза и исчез.

Херилак кивнул, соглашаясь.

— Звери тоже ощущают это. Однажды я выслеживал долгозуба; почувствовав мой взгляд, он повернулся ко мне. Охотник чувствует, когда на него глядят чьи-то глаза.

— За нами сейчас следят, — спокойно сказал Мунан, вороша горящие ветки. — Пусть один из вас, не поворачиваясь, возьмет хворост и поглядит на холм за моей спиной. За нами следят оттуда, я в этом уверен.

— Керрик, бери хворост, — распорядился Херилак, — твои глаза острее.

Керрик неторопливо поднялся и, пройдя несколько шагов, поднял с земли сухую ветку, которую тут же сунул в огонь.

— Не знаю... — нерешительно сказал он. — На вершине холма скала, а под ней темное пятно. Может быть, зверь?

— Ночью выставим дополнительную охрану, — произнес Херилак. — Места незнакомые. На этих холмах может встретиться кто угодно. Даже мургу.

Ночь оказалась спокойной. Перед рассветом Херилак разбудил Керрика и Мунана. Свой план они наметили вечером. Они пойдут безмолвно, как тени, и сойдутся возле скалистого гребня

с разных сторон. С восходом солнца все трое разошлись в разные стороны.

Птичий крик Херилака был сигналом. Трое охотников сошлись возле скалы, держа наготове оружие. Там никого не было. Но было видно, что кто-то побывал на этом месте: трава оказалась примятой.

— Отсюда и следили за нами, — сказал Керрик.

— Разойдитесь, поищем следы, — приказал Херилак.

След нашел Мунан.

— Там в песке отпечаток ноги.

Нагнувшись, они разглядывали след. Молча разглядывали. В том, кто оставил его, сомневаться не приходилось.

— Тану, — произнес Херилак, выпрямляясь и устремляя взгляд на север. — Что, если черные тану увязались за нами?

— Это было бы непросто, — возразил Керрик. — К тому же им пришлось бы обогнать нас и зайти спереди по холмам. Отпечаток ступни оставлен совершенно другим тану. Я в этом уверен.

— Тану впереди, тану позади... — задумчиво пробормотал Херилак. — Что ж, придется воевать, чтобы поохотиться?

— Этот тану только следил, — проговорил Керрик. — Тану раньше не убивал тану. Такое началось лишь в голодные зимы. А здесь, на юге, зимы по-прежнему мягки.

— И что же делать? — спросил Мунан.

— Понаблюдаем за ними, попробуем договориться, — ответил Керрик. — Что, если они опасаются нас?

— Это я их опасаюсь, — буркнул Мунан, — в особенности копья в спину.

— Тогда выходит, что и мы, и они боимся друг друга, — проговорил Керрик. — Но, пока мы держимся вместе, неизвестные тану побоятся стольких воинов и не обнаружат себя. Я пойду дальше один, возьму лишь копье. Быть может, тогда они выйдут ко мне?

— Это опасно, — возразил Херилак.

— Вся жизнь опасна. За нами следят тану, об этом свидетельствует след. Если мы не сумеем поладить с ними, исход для нас может быть только один. Разве мы хотим этого?

— Нет, — твердо ответил Херилак, — смерти в мире и так довольно, пусть хотя бы тану не убивают друг друга. Сегодня мы останемся на месте. Давай стрелы и лук. И не заходи в холмы далеко. Если до полудня никого не разыщешь, возвращайся. Понятно?

Отдавая оружие, Керрик молча кивнул. А потом повернулся, выжидая, пока оба охотника спустятся с холма к шатрам. И неторопливо побрел вверх по склону.

Почва здесь была плотной, каменистой, и следов на ней не оставалось. Взобравшись на гребень холма, Керрик взглянул назад, теперь шатры были совсем далеко внизу. Здесь ждать было удобно. На открытом месте никто не мог подобраться к нему незамеченным. Если придется спасаться бегством — будет видно, куда бежать. Внимательный и осторожный, он сел лицом к долине, положив на колени копье.

Холмы безмолвствовали, на их обнаженной поверхности ничто не шевелилось — только муравьи копошились в песке у ног. Надрываясь, они тащили в муравейник мертвого жука, куда большего, чем они, вместе взятые. Керрик наблюдал за их тяжелым трудом и — краем глаза — за окрестностями.

Вдруг его шею словно кольнуло, он отмахнулся, но что-то вдруг обеспокоило его — не зуд, нет — нечто трудно выразимое словами. Тогда он понял, что именно это ощущение и имел в виду Мунан. За ним следили.

Он медленно встал и повернулся, внимательно осматривая поросший травой склон, рощу деревьев у его подножия. Никого не было видно. На склоне кое-где торчали редкие кусты, но за ними трудно было спрятаться. Если за ним и в самом деле следят, то из-за деревьев. Он поглядел в сторону рощи, подождал, но ничто не пошевелилось. Если спрятавшийся боится его, придется первым сделать шаг навстречу. Наклонившись, чтобы положить на землю копье, Керрик почувствовал, что рука не желает выпускать древко — единственную его защиту. Он не хотел расставаться с копьем, но так следовало поступить, иначе невидимый наблюдатель или наблюдатели не поверят, что он пришел с миром. Под деревьями никто не пошевелился.

Керрик сделал один шаг вперед, другой... В горле у него вдруг пересохло. Сердце громко стучало в груди... Керрик неторопливо шел к деревьям. На расстоянии полета копья он остановился: просто уже не мог заставить себя подойти ближе. Довольно. Теперь очередь за теми, кто прячется. Он медленно поднял руки ладонями вверх и крикнул:

— Я пришел с миром! Я оставил оружие!

Ответа не было. Но в тени под деревьями как будто что-то пошевелилось. Как будто... Отступив на шаг, он вновь позвал.

Теперь в тени зашевелились. Показалась фигура человека.

Кто-то встал под деревьями. Керрик отступил еще на шаг, и человек направился к нему, выйдя наконец на солнечный свет.

Сперва Керрик ощутил только страх. Он отшатнулся и не побежал лишь потому, что призвал на помощь всю свою волю.

Безбородый и смуглый охотник был черноволос. В руках его тоже ничего не было. На голову было намотано что-то белое. Странная белая шкура прикрывала бедра. Не грязно-серая, а белая как снег.

— Поговорим! — крикнул Керрик, делая шаг вперед.

При этом движении человек повернулся и едва не пустился бежать к деревьям. Заметив это, Керрик остановился. Тот, другой, взял себя в руки, но даже на расстоянии Керрик видел, что человека колотила крупная дрожь. Тогда Керрик опустился на траву с поднятыми вверх руками.

— Я не причиню тебе вреда! — крикнул он. — Приходи, садись, говорить будем!

После этого Керрик не пошевелился. Когда руки устали, он опустил их и положил на колени. Напевая себе под нос, он поглядывал то на небо, то на пустынные склоны, стараясь не делать резких движений, способных напугать незнакомца.

Наконец тот нерешительно шагнул вперед, сделал второй шаг. Так по шажку он медленно подступал к Керрику, пока не оказался шагах в десяти от него. А потом, скрестив ноги, уселся, испуганно озираясь большими глазами. Теперь Керрик видел, что перед ним не мальчишка. Лицо его было изборождено морщинами, в черных волосах пробивалась седина. Недвижно застывший Керрик улыбнулся. Челюсть человека дернулась. Он глотнул, изо рта вырвалось неразборчивое хрипение. Он глотнул еще раз и наконец заговорил. Слова его полились потоком.

Керрик ничего не понимал. Он только кивал и улыбался, словно соглашаясь с негромкими пришепетывающими словами. Собеседник его вдруг умолк и замер, склонив голову на грудь.

Керрик был озадачен. Подождав, пока охотник поднимет глаза, он произнес:

— Я не понимаю тебя. А ты понимаешь мои слова? Хочешь, я назову тебе мое имя? — Прикоснувшись к груди, он проговорил: — Керрик, Керрик.

Ответа не последовало. Собеседник его сидел с открытым ртом, круглые глаза белели на темном лице. Когда Керрик договорил, он снова склонил голову. Пробормотав еще что-то, он встал и отправился назад к деревьям. Из тени вышел другой охотник и что-то сказал первому. Позади появились еще люди, и Керрик подобрал ноги, чтобы сразу пуститься бежать, но те остались на месте, и он облегченно вздохнул. Но, пока его собеседник возвращался, Керрик следил за деревьями. Все остальные не трогались с места.

На этот раз охотник опустился на землю рядом с Керриком. В руках его была наполненная водой чаша с тонкими стенками из какого-то темного материала. Взяв ее обеими руками, человек отпил, а потом наклонился и поставил чашу на землю перед Керриком.

Если охотник пьет из одной чаши с другим охотником, значит, их что-то соединяет, подумал Керрик. Это знак дружбы. Не сводя глаз с незнакомца, Керрик взял с травы чашу, отпил и поставил обратно.

Тогда охотник взял чашу, выплеснул оставшуюся воду на землю и, постучав по чаше, проговорил:

— Валискис.

Потом возвратил чашу Керрику. Тот был озадачен, но кивал и улыбался. Взяв чашу, он обратил внимание, что она вырезана из какого-то неизвестного темного материала. Не понимая, из чего она сделана, он пригляделся. Грубая коричневая поверхность посуды была украшена по краю резным ободком. Повернув ее, Керрик увидел сбоку черный рисунок.

Резко прочерченный контур — не пятно, не повторяющаяся завитушка — силуэт животного. Клыки, хобот... Мастодонт.

— Валискис, — повторил чужак. — Валискис.

Глава 20

Керрик покрутил в руках чашу, вновь прикоснулся к изображению мастодонта. Чужак кивал, улыбался, повторяя слово «валискис». Что оно значило? Или эти тану тоже держали мастодонтов? Как узнать, если они не понимают друг друга? Чужак осторожно потянул чашу к себе — Керрик не противился, — потом встал и отправился с нею к деревьям. Керрик ждал, но тот не возвращался.

Встреча окончилась. На зов Керрика никто не откликнулся, и, когда он медленно подошел к роще, там никого не оказалось. Встреча со смуглыми охотниками озадачивала и обнадеживала одновременно. Собеседник не оставил оружия. Керрик обнару-

жил под деревом еду и питье. Подобрав чашу, Керрик отправился назад за копьем, а потом к шатрам. Заметив его, караульные закричали, и Херилак побежал навстречу. Он попробовал принесенную еду, она была приятной на вкус, но зачем они оставили ее, Херилак понять не мог, как и Керрик.

Люди собрались послушать Керрика, и свою историю ему пришлось повторять неоднократно. Всем хотелось попробовать неведомую еду, и чаша быстро опустела. Интересна была и сама чаша. Херилак крутил и вертел ее, постукивая костяшками пальцев.

— Твердая словно камень, но слишком легкая для каменной. И мастодонт. Ничего не понимаю.

Даже Фракен не мог ничего сказать. Все здесь было абсолютно новым для него. Наконец Керрик сам принял решение.

— Я вернусь туда утром, как сегодня. Отнесу мяса в чаше. Наверное, они дают понять, что делятся с нами пищей.

— Или с мастодонтами, — возразил Сорли.

— Неизвестно, — ответил Керрик. — Отнесу им мяса. Но не в чаше. На узорчатом плетеном блюде.

Вечером Армун выбрала лучшее блюдо — она сама сплела его — и дочиста отмыла в реке.

— Возвращаться опасно, — сказала она. — Может быть, пойдет кто-нибудь другой?

— Нет, эти охотники запомнили меня. По-моему, опасности нет. Самое опасное было сегодня, когда я подходил к ним. Эти тану охотятся здесь, и, если мы хотим остаться, придется жить с ними в мире. А нам больше некуда идти... Давай поедим. Но лучшие куски мяса оставь, я возьму их с собой.

...Когда на следующее утро Керрик появился на лугу перед рощицей, под деревьями никого не было. Но едва он отбросил копье в сторону и отправился с блюдом вперед, под деревьями возникла знакомая фигура. Опустившись на землю, Керрик поставил блюдо перед собой. На этот раз чужак не выказывал страха и спокойно уселся на траву. Керрик съел кусок мяса и подвинул блюдо охотнику — тот отведал с явным удовольствием. Потом обернулся и громко крикнул. Из-за деревьев выступили пятеро охотников в такой же белой одежде, все черноволосые и безбородые.

Теперь испугался Керрик. Вскочив на ноги, он попятился. Двое из пришельцев несли копья. Они остановились, едва он вскочил, и, не скрывая любопытства, поглядели на него. Указав

на них, Керрик сделал движение, будто бросает копье. Поняв его опасения, первый охотник что-то прокричал, и двое оставили копья на траве.

Керрик ожидал, сложив руки, стараясь не выдать тревоги. Как будто беспокоиться было не о чем. Но под своими белыми шкурами они могли скрывать ножи. Впрочем, даже ножи им были не нужны, впятером они легко справятся с ним и убьют, если задумали. Придется рискнуть или все-таки убежать.

Когда охотники подошли ближе, Керрик заметил в руках у двоих короткие дубинки. Он показал на них и несколько раз ударил рукой будто дубинкой. Они остановились, поговорили и после долгих раздумий догадались. Короткие палки вовсе не были дубинками. Один из них пошел назад, туда, где оставили копья, и Керрик встал, готовый бежать, но оказалось, что охотник хотел показать ему, как обходиться с непонятным деревянным предметом. Взяв палку, он вложил копье тупым концом в углубление на ее конце, а потом откинулся назад и как будто выстрелил. Копье взлетело высоко в воздух и, упав, глубоко вонзилось в землю. Почему так получилось, Керрик не понял, но с помощью непонятной палки копье пролетело много дальше обычного. И Керрик уже не пошевелился, когда охотник бросил палку рядом с копьем и направился к остальным.

Возбужденно тараторя высокими голосами, незнакомцы обступили Керрика. Он интересовал их, а они его. Охотники нерешительно трогали ножи из небесного металла, свисавшие с кольца на его шее, с удивлением прикасались к самому шейному кольцу. Керик же не сводил глаз с их одежды: теперь было понятно, что это вовсе не шкуры. Когда он потрогал головной убор одного из охотников, тот немедленно снял его и передал Керрику. Материал был мягким, как мех. Приглядевшись, Керрик заметил, что он сплетен словно корзина из чего-то мягкого, похожего на волосы. Он хотел вернуть вещь, но охотник оттолкнул его руку и указал на голову Керрика. Когда тот надел убор на свою голову, все вокруг заулыбались с явным одобрением.

Первый контакт с чужаком явно казался темноволосым охотникам удачным, и они негромко переговаривались, что-то обсуждая. Потом пришедшие повернули обратно к роще. Первый охотник потянул Керрика за руку, указывая на идущих. Смысл был очевиден: они хотели, чтобы он отправился вместе с ними. Зачем? Что, если чужаки хотят заманить его куда-нибудь и убить?

Но они не обнаруживали никакого смущения или замешательства и сейчас уходили, на ходу подобрав с земли копья.

Это решило все. Керрик подумал, что, если бы в роще его поджидала засада, охотники не стали бы брать копья. Зачем, если в роще уже ждут с оружием? Пусть они видят: у него нет никаких подозрений. Нельзя обнаруживать страх. Нельзя и бросать собственное копье. Он указал на свое копье и отправился за ним. Но охотник первым оказался возле оружия. Он поднял его и, держа наперевес, побежал назад. Керрик испугался. Но, подбежав, охотник подал ему копье, после чего отправился следом за остальными. Керрик слегка расслабился. Он глубоко вздохнул; узнать правду он теперь мог только одним путем. Охотники поджидали его, остановившись на краю рощи.

Медленно выдохнув, Керрик отправился следом за ними.

Тропинка вела через вершину холма вниз. За холмом оказалось ущелье, промытое рекой, здесь она делала петлю среди холмов. К реке они спустились по протоптанной тропе и пошли вдоль берега.

Края ущелья над головой поднимались все выше. Вода бежала быстрее. Они шли по узкой песчаной полоске. Течение пересекала россыпь камней, вода пенилась и бурлила между огромными валунами. Потом им пришлось карабкаться вверх по огромной осыпи, перекрывавшей глубокое ущелье — здесь вода шипела среди камней и ударяла в отвесную скалу противоположного берега. Подниматься становилось труднее. Керрик поднял глаза вверх... и замер.

Сверху на него смотрели темноволосые охотники с копьями в руках. Он окликнул ушедших вперед спутников и показал на стоявших. Те поглядели вверх и разразились криками. Охотники наверху исчезли. Тяжело дыша, Керрик поднялся наверх и оглядел путь, которым пришел.

Осыпь исчезла из поля зрения за темными водами реки. С обеих сторон вздымались отвесные берега. Вооруженные охотники легко могли защитить созданное природой укрепление. Но что таилось внутри, под прикрытием скал? Любопытство вытеснило страх, и Керрик заторопился следом за новыми знакомцами.

Пейзаж вокруг медленно менялся. Скалистые берега раздвинулись, появились песчаные холмы, поросшие редкими растениями и хилыми деревьями. Потом почва стала ровнее, покрылась травой, показались ровные ряды невысоких кустов. Керрик

все гадал, почему они так растут, пока не заметил кучку людей, копавшихся между рядами.

Приходилось удивляться и тому, что кусты растут ровными рядами, и тому, что за ними присматривают охотники. Мужчины заняты женским делом! Это было так непривычно. Но ведь иилане′ тоже засаживают поля вокруг своего города. Почему же тану не способны на это? На полях тану мужчины могут выполнять женский труд. Зеленые ряды тянулись до темных отверстий в скалах, окаймляющих долину.

Навстречу им попалась группа женщин. Все они были в мягких белых платках. Женщины указывали на Керрика и трещали все разом. Он мог бы ощущать сейчас страх: один в этой долине среди темноволосых чужаков, — но ему было так интересно, что страх забылся. Если бы его хотели убить, то сделали бы это давным-давно. Впереди дымились костры, бегали дети, утесы медленно приближались, и он вдруг понял... и остановился.

— Город! — громко произнес он. — Город тану, похожий на город иилане′.

Охотники, за которыми он шел, остановились и терпеливо ждали, пока он осматривался. К каждому отверстию в скале были приставлены бревна. По ним залезали в пещеры; сейчас почти из каждой на него глядели людские лица. Тут тоже царила суета, как и в городе иилане′. Керрик увидел, что тот самый охотник, с которым он пил воду, предлагает ему залезть в темную дыру, зиявшую у подножия утеса.

Керрик вскарабкался по бревну. Над головой нависали каменные своды. Он заморгал, пытаясь что-то разглядеть в полумраке. Охотник показал на каменную стену.

— Валискис, — произнес он знакомое слово.

Керрик взглянул на поверхность скалы, начиная понимать, что имел в виду охотник.

На скале были нарисованы звери, в основном олени, а над ними красовался мастодонт почти в натуральную величину.

— Валискис, — повторил охотник, поклонившись изображению могучего зверя. — Валискис.

Керрик утвердительно кивнул, не понимая, зачем здесь изображение. Как и черный контур мастодонта на чаше, оно было похоже на настоящего зверя. Остальные рисунки тоже были очень похожими. Оглянувшись, он прикоснулся к изображению оленя, называя его. Но слова не интересовали черноволосого. Он повернул обратно к выходу и поманил Керрика за собой.

Керрик хотел остаться, чтобы осмотреть все, но охотник звал его к одному из бревен с зарубками, уходившему вверх по утесу. Он ловко забрался вверх на площадку и замер, ожидая Керрика. Тот последовал его примеру. Там оказался вход в пещеру. Чтобы войти, пришлось пригнуться. На каменном полу стояли горшки и что-то еще, в углу кучей были навалены шкуры. Охотник заговорил, и из-под шкур откликнулся чей-то слабый голос.

Керрик увидел, что под ними лежал человек — видна была только его голова. На морщинистом иссохшем лице шевельнулись губы, открыв беззубые десны, и старческий голос прошелестел:

— Откуда ты явился? Как твое имя?

Глава 21

Когда глаза привыкли к полумраку пещеры, Керрик заметил, что кожа на лице старика была светлой, как и его собственная. И когда слабый голос зазвучал вновь, Керрик, вслушиваясь, разобрал почти все. Слова марбака в старческих устах звучали непривычно, речь скорее была похожа на говор Хар-Хаволы и людей его саммада, людей из-за гор.

— Имя, имя... — раздался голос.

— Я Керрик, мы пришли из-за гор.

— Это я знаю, да: у тебя светлые волосы. Подойди поближе, чтобы Хаунита видела тебя. Да, ты тану. Ну видишь, Саноне, разве я не говорила тебе, что сумею поговорить с ним. — Старуха сухо усмехнулась.

Керрик и Хаунита разговорились, а Саноне — так звали темноволосого охотника — слушал, одобрительно кивая, хотя и не понимал ни слова. Без особого удивления Керрик обнаружил, что Хаунита — женщина, еще девушкой захваченная в плен охотниками. Не все слова ее были понятны Керрику: старуха иногда заговаривалась и время от времени засыпала. Один раз, проснувшись, она заговорила с ним на сесеке, языке саску — так называли себя темноволосые люди — и рассердилась, не услышав ответа. А потом она послала за едой. Керрик тоже поел. Когда день начал клониться к вечеру, Керрик сказал:

— Объясни Саноне, что я должен вернуться в свой саммад. Но я опять приду утром. Объясни ему.

Хаунита как раз заснула, всхрапывая и бормоча. Но Саноне,

кажется, сам понял Керрика, проводил его до скал и что-то приказал двум воинам, охранявшим дорогу.

Почти весь обратный путь Керрик бежал, чтобы добраться к шатрам до темноты. Херилак давно беспокоился по поводу его долгого отсутствия — Керрика уже ожидали охотники, на ходу принявшиеся расспрашивать его. Он первым делом напился прохладной воды, сел к костру и только потом заговорил. Возле него уселись Херилак, Фракен и саммадары, люди саммадов обступили их плотным кольцом.

— Узнайте же, — начал Керрик, — этих темных тану зовут саску. Они не собираются воевать с нами и прогонять нас. Они хотят помочь, даже дать нам еды, и все, по-моему, из-за мастодонтов.

Вокруг послышались удивленные возгласы. Рассказчик подождал, пока все утихнут.

— Я и сам озадачен этим: я не все понял из их слов. В пещере живет старуха, она говорит не всегда разборчиво, но ее можно понять. У саску нет мастодонтов. Они знают о них — вот и на чаше вырезан мастодонт... и в пещере у них нарисованы мастодонт и другие звери. Я не понял почему, но мастодонты им очень дороги, хотя у саску слонов нет. Но они видели наших, видели, что звери повинуются нам, а потому помогут, если только сумеют. Они не желают нам зла. У них есть много нужного: пища на зиму, такие вот чаши — слишком много всего, я даже и не вспомню все сразу. Утром я пойду туда с Херилаком. Будем говорить с ними, с их саммадарами. Что с нами будет потом, я пока не представляю, но уверен в одном — мы нашли надежное место для зимовки.

Тану нашли здесь не просто приют на зиму, они словно укрылись в этих краях от всех бурь мира. Иилане' в этих краях не бывали, саску даже не слыхали о них. И потому их не слишком волновало все, что случилось с охотниками, а старуха всякий раз не вовремя засыпала и забывала переводить. Важно было одно — они хотели, чтобы пришельцы остались с ними. Возможно, и потому, что саску часто тревожили набеги харванов — темнокожих охотников-северян. Плотина, перекрывавшая часть реки, была сперва небольшой, но саску годами валили на нее валуны, и теперь массивная преграда с севера преграждала путь в долину. За осыпью долина становилась шире, между ее лесистыми берегами простиралась холмистая равнина, леса и пастбища. Далее к югу высокие скалы снова сходились, река сужалась, течение станови-

лось свирепым, множество порогов и быстрин делало невозможным путь по воде. Но, несмотря на все, харваны время от времени беспокоили местных жителей, проникая в долину там, где кромка скал была не слишком высока, поэтому саску всегда приходилось быть бдительными. Но если тану будут держаться неподалеку, то харваны побоятся приходить сюда — и саску пообещали дать охотникам пищу. Такое соглашение устраивало обе стороны.

Саммады остались в шатрах возле реки, там были отличные пастбища, как и чуть повыше — на холмах. Охота оказалась не слишком удачной, и зима была бы голодной, если бы не помощь саску. Они не жадничали: поля возле реки обеспечивали изобилие. Взамен они ничего не просили, но радовались, если после удачной охоты им предлагали свежее мясо. А просили лишь поглядеть на мастодонтов; подойдя к ним поближе, с предельным восторгом трогали лохматые шкуры.

Керрик радовался еще больше, чем они; все в жизни саску интересовало его. Другие охотники даже посмеивались над мужчинами, которые, как женщины, копошились в грязи. Керрик находил общее между полями здешних жителей и огражденными пастбищами иилане′: и то и другое гарантировало своим хозяевам пропитание во все времена года. Охотников было много больше, чем дичи, и потому тану были довольны, что Керрик столько времени проводит среди саску. Поначалу он частенько оставался ночевать в пещерах, а в конце концов забрал туда и Армун со всеми их шкурами и другими пожитками. Там ей обрадовались, женщины и дети дивились светлолицей Армун, поглаживали ее длинные легкие волосы.

Армун очень быстро сумела овладеть языком саску. Керрик частенько захаживал к старой Хауните и учил слова саску, их речь. Выученные им слова заучивала Армун и, когда его не было рядом, разговаривала с другими женщинами. Когда она начинала говорить, те хихикали и прикрывали ладонями рты, и она улыбалась в ответ: в смехе их не было ничего обидного. Когда они наконец понимали, что она пытается произнести, ей немедленно помогали: вновь и вновь твердили слова, как ребенку, и она повторяла за ними. Словом, через короткое время она стала учить Керрика. Он мог уже не полагаться на забывчивую старуху.

Армун старательно учила язык, а Керрик все свое время посвящал изучению жизни саску, их повседневных занятий и ремесел. Так, он обнаружил, что твердые чаши изготовляют из мягкой

глины, тонким слоем залегавшей у подножия холма. Глину размачивали водой, лепили сосуд, а потом ставили сушиться в жаркий очаг, сложенный из камня и той же самой глины. День и ночь в нем пылал огонь, и жар превращал глину в камень.

Еще интереснее были волокна, из которых саску делали веревки. Их получали из невысокого зеленого растения, называемого «харадис». Его семена были вкусны, а если размять их, выступало масло, которое саску использовали буквально повсюду. Но наибольший интерес представляли стебли растений.

Срезанные стебли харадиса бросали в неглубокие пруды и придавливали камнями, чтобы не всплывали. Через определенное время размокшие стебли извлекали и разбивали камнями. Потом их трепали — разделяли на отдельные волокна специальными инструментами с зубцами. Из волокон женщины свивали прочные нити. Сплетая их вместе, получали шнуры и веревки. Женщины ткали белые ткани, так нравившиеся Армун. Скоро она вовсе забросила свои меха и шкуры, облачившись, как женщины саску, в мягкую ткань из волокон харадиса.

Армун было хорошо среди саску, более счастливого времени в жизни она и не знала. Скоро должен был родиться младенец, и она радовалась теплу и уюту. Не надо маяться морозной зимой в холодном шатре. Она не собиралась перебираться через скальный барьер к саммадам, чтобы родить в шатре. Главная причина была не в ее неповоротливости. Ее собственный саммад был при ней, и саммадар его, Керрик, тоже. Жизнь свою Армун стала считать настоящей лишь с того дня, когда он заглянул ей в лицо и не засмеялся. Не смеялись над ней и саску, они и не замечали раздвоенной губы — так нравилась им ее нежная кожа, светлые волосы, белые, словно харадис. Так саску и говорили: они напоминали им эту белую ткань. Здесь она чувствовала себя как дома и уже разговаривала непринужденно, училась прясть и готовить овощи. Младенец родится здесь.

Керрик и не думал возражать и одобрял ее выбор. В пещере было чисто, мягкие ткани создавали уют, совсем не такой, как в продувавшемся ветром шатре с потертыми блохастыми шкурами. Жизнь саску во многом напоминала ему хлопотливый быт иилане′. Но он и вспоминать не хотел о мургу, и, когда жизнь наталкивала его на какие-то аналогии, он старался побыстрее выбросить их из головы. Горы и пустыня... за этой преградой иилане′ их не разыщут. Так будет, теперь у него появились обязанности, важнее которых ничего не было. Рождение ребенка — важная

вещь. Пусть лишь для него и Армун. А саску ожидали другого рождения и могли толковать только о нем.

На сносях была самка мастодонта, Дооха. Это будет ее четвертый детеныш, потому и она, и саммады с полной невозмутимостью ожидали события.

Все, кроме саску. Керрик уже начинал в какой-то мере понимать почтение, испытываемое ими к мастодонтам. Им было ведомо многое, о чем не подозревали тану. Они знали духов скал и зверей, и страну, что за небом, и даже то, каким был этот мир и каким он будет.

Среди саску жили особые люди, их называли мандукто, которые не делали ничего другого, а только помнили обо всем этом. Первым и главным из них был Саноне, он возглавлял всех мандукто, а те, в свою очередь, — остальных саску. Власть его напоминала эйстаа иилане'. И потому, когда Саноне послал за ним, Керрик явился немедленно.

Саноне сидел в пещере перед изображением мастодонта и жестом указал Керрику место возле себя.

— Вы пришли издалека в эту долину, — начал Саноне. Как и тану, саску не любили поспешности в разговоре. — Вы пришли издалека, вы бились с мургу, что ходят, как люди. Таких мургу мы еще не встречали, расскажи мне о них.

Керрик часто рассказывал ему об иилане' и понял, что этот разговор лишь предваряет вопрос, ради которого Саноне позвал его сюда.

— Ай, убийцы! Ай, свирепые! — восклицал Саноне, слушая рассказ. — И они убивали не только тану, но и мастодонтов?

В голосе его слышался явный ужас.

— Да.

— Ты немного знаешь о нашем почтении к мастодонтам. Видишь рисунок? Я скажу тебе, почему мы так уважаем этих гигантов. Чтобы ты понял, я объясню тебе, как возник этот мир. Это Творец, Кадайр, создал мир таким, каким ты его видишь. И приказал рекам течь, дождю проливаться и расти урожаю. Он создал все. Но, когда он сотворил мир, повсюду была одна каменная пустыня. Тогда он принял облик мастодонта. И когда Кадайр-мастодонт топнул ногою, скалы расступились и между ними легли долины. Из хобота мастодонта пролилась вода — и побежали реки. А из помета мастодонта стала почва — и выросли на ней травы. Так мир наш стал цветущим. Так начался он. И когда Кадайр покинул обличье мастодонта, он оставил их род на земле,

чтобы мы помнили, кто сотворил этот мир. Вот почему мы поклоняемся мастодонту. Теперь ты понял?

— Я понял и с почтением услышал об этом.

— О, вы оказали нам честь своим приходом сюда. Ты главный среди людей, живущих с мастодонтами, и ты привел их сюда. За это мы вам благодарны. Сегодня ночью собирались мандукто, мы говорили, а потом спрашивали у звезд. И в небе было знамение: падали звезды, и след их вел сюда. Есть в этом тайный смысл. Мы знаем теперь, что Кадайр привел сюда саммады по особой причине. Этой ночью все прояснилось. Он направил сюда ваш народ, чтобы мы увидели рождение детеныша могучего зверя. — Саноне наклонился вперед и с огромной озабоченностью в голосе проговорил: — Можно ли перегнать сюда самку? Важно, чтобы слоненок родился здесь, среди мандукто. Почему — я не могу тебе объяснить, это тайна, о которой нельзя говорить. Но обещаю: если это случится, вы получите великие дары. Ты сделаешь это?

Керрик уважал их убеждения, хоть и не всегда понимал их, и промолвил с осторожностью:

— Сам я, не задумываясь, ответил бы «да», но решать не мне. Это право саммадара, которому принадлежит самка по имени Дооха. Но я объясню и ему, и всем остальным, как это важно.

— Ты даже не представляешь, как это важно. Отправляйся скорей к саммадарам. Я пошлю с тобой мандукто с дарами, дабы подкрепить ими наше чистосердечие.

Когда Керрик вернулся, Армун спала. Тихо, чтобы не разбудить ее, он надел обувь с толстыми подметками и осторожно вышел. Внизу у скалы его ожидал Саноне. С ним были двое мандукто помоложе, сгибавшихся под тяжестью плетеных корзин за спиной.

— Они проводят тебя, — произнес Саноне. — Когда ты поговоришь с саммадаром, скажешь им, согласен ли он. Они быстро передадут мне.

Керрик был рад размять ноги: он уже давно не был на стоянке. Возле скал он заметил, что вода поднялась: снег уже таял в дальних долинах. Перебравшись за скалы, он сперва заторопился, но остановился, поджидая тяжело нагруженных мандукто.

Они шли через рощу к тому самому лугу, где он встретил Саноне. Он уже видел реку, и вот-вот покажется лагерь.

...Он увидел лишь пустую вытоптанную поляну.

Саммадов не было.

Глава 22

Исчезновение саммадов удивило Керрика и встревожило. Реакция же обоих мандукто была неожиданной. Опустившись на колени, они горестно зарыдали. И так велико было их горе, что они не обращали внимания на слова Керрика. Пришлось дергать их за руки.

— Мы пойдем следом и разыщем их. Они не могли уйти далеко.

— Они исчезли, они погибли, они оставили эту землю, умерли мастодонты... — причитал младший.

— Ничего подобного. Саммады тану не живут на одном месте, как саску. У них нет ни полей, ни убежищ в скалах. Тану вечно бродят в поисках пищи, в поисках лучшей охоты. На этой стоянке они провели всю зиму. И они не могли уйти далеко, не предупредив меня. Пойдем, их нетрудно разыскать по следам.

Следы откочевавшего саммада, как всегда, было легко читать. Глубокие колеи сперва повели на север, потом повернули на запад — к невысоким холмам.

Вскоре Керрик заметил впереди тонкие струйки дыма и указал на них сразу приободрившимся мандукто. Борозды и следы вели к реке, где высокий склон осыпью спускался к воде. Мандукто заторопились. При виде мастодонтов недавний страх уступил место воодушевлению. Их приближение заметили дети и побежали к стойбищу сообщить новость. Херилак вышел навстречу, усмехнулся, заметив белую одежду на Керрике.

— На лето сгодится, а зимой замерзнешь. Идем, садись с нами, выкурим трубку, расскажешь обо всем, что делается в долине.

— Так я и сделаю. Но сперва пошли за Сорли. У саску дары для него... и просьба.

Подошедший Сорли заулыбался при виде пирогов из молотого зерна, сладких свежих корней, редкостного драгоценного меда. Озабоченные лица мандукто прояснились при виде улыбки, не сходившей с его лица, когда он заглядывал в корзины.

— Добрая еда после зимы. Но зачем эти дары?

— Я объясню, — серьезно ответил Керрик, указывая на дары и мандукто. — Только не смейся и не улыбайся. С точки зрения этих людей, речь идет об очень серьезном деле. Вспомни-ка о еде, которую они нам дарили... и подарят еще. Ты слыхал, что они с величайшим почтением относятся к мастодонтам?

— Да. Я не понимаю причин, но они, конечно, есть, иначе эти люди так не поступали бы.

— Есть, и очень важные. Если бы не мастодонты, они бы не стали нам помогать. И мандукто пришли сейчас с просьбой. Они хотят, чтобы ты позволил отогнать самку по имени Дооха в долину, чтобы слоненок родился именно там. Они обещают кормить ее и обихаживать все это время. Ты согласен?

— Они хотят забрать ее? Я не позволю.

— Они не собираются забирать ее. Просто она побудет среди них, пока не родится детеныш.

— В таком случае — пусть. Какая разница, где он родится!

— Скажи это значительным тоном, как ты умеешь. Они слушают.

Сорли медленно повернулся к обоим мандукто и поднял руки ладонями вверх.

— Да будет так, как вы просите. Я сам отведу ее сегодня в долину.

Керрик повторил эти слова на сесеке, и оба мандукто почтительно поклонились.

— Поблагодари саммадара, — сказал тот, что постарше. — Скажи ему, что наша благодарность будет жить вечно. А теперь мы должны отнести это слово саску.

Глядя им вслед, Сорли покачал головой.

— Не понимаю и не пытаюсь понять. Но мы будем есть их пищу, а потому воздержимся от вопросов.

Потом начался пир, все саммады попробовали свежей еды. Керрик, просидевший на кушаньях саску целую зиму, не притрагивался к ним, а с удовольствием жевал жесткое копченое мясо. Когда с едой было покончено и раскурили каменную трубку, Керрик с наслаждением потянул дымок.

— Это место лучше старого? — спросил он.

— Пока лучше, — ответил Херилак. — Звери здесь лучше пасутся, но охота такая же неверная. Чтобы найти дичь, приходится уходить в горы, а это опасно — там всегда могут оказаться темнокожие.

— А что будем делать потом? Пусть охота плоха, еды хватит — саску дадут.

— Хватит на зиму, но не на всю жизнь. Тану охотники, а не попрошайки. Можно было бы попытаться поохотиться южнее, но путь туда преграждают голые и безводные холмы. Быть может, придется попробовать.

— Я разговаривал с саску об этих холмах. Там есть долины, где неплохая охота. Только там всюду каргу — так они зовут темнокожих. Эта дорога закрыта. А на запад вы не пытались проникнуть?

— Однажды мы зашли в пустыню на шесть дней, но пришлось возвращаться: в песках растут только колючки.

— Я говорил с саску об этом. Они сказали, что за пустыней леса, надо только суметь добраться до них. И, по-моему, они знают путь через пустыню.

— Тогда расспроси их об этом. И если мы сумеем перебраться через пески и найдем края с доброй охотой, где нет мургу... что же, мир опять станет таким же, каким был до наступления холодов, до нападения мургу. — При этих словах лицо Херилака помрачнело, и он уставился невидящими глазами в потухший костер.

— Забудь о них, — произнес Керрик, — им сюда не добраться.

— Если бы они могли уйти из моей памяти... Во сне я вновь вижу свой саммад. Слышу и вижу охотников, женщин, детей, огромных мастодонтов, впряженных в травоисы. И мы смеемся и едим жареное мясо. А потом я просыпаюсь и вспоминаю... все они мертвы, и кости их белеют в песке на далеком берегу. И когда мне снится такое, вот эти саммады становятся мне чужими, и я хочу только идти и идти, туда, за горы, и отыскать мургу и убивать их... чтобы убить побольше, прежде чем сам умру. Быть может, среди звезд я обрету покой. Тхармы не видят снов. И муки воспоминаний закончатся.

И рослый охотник в бессильном гневе сжимал кулаки. Керрик понимал его, он и сам ненавидел иилане'. Но сейчас, когда рядом Армун, когда вот-вот должно появиться на свет его дитя, он не мог пожелать для них троих ничего лучшего, чем жить среди саску. Он не мог забыть иилане', но они были где-то там, в прошлом, а сейчас он хотел только жить.

— Пойдем со мной к саску, — проговорил он. — Побеседуем с мандукто. Они знают о многом, и если есть путь через пустыню, то они знают о нем. Если саммады уйдут за пустыню, то она и горы двойной оградой отделят тебя от мургу. И ты сможешь позабыть о них.

— Хотелось бы... Ох, как хотелось бы! Больше всего я хочу забыть мургу, не помнить их днем, не видеть во сне. Да, пойдем говорить с темноволосыми.

В отличие от многих охотников, Херилаку не были смешны

мужчины саску, работавшие в полях, сильные мужи, что копались в грязи, как женщины, вместо того чтобы преследовать дичь, как подобает охотникам. Он ел их еду целую зиму. И когда Керрик показал ему, как выращивают урожай, Херилак внимательно смотрел и слушал.

Он увидел, как сушат тагасо, как стебли с початками подвешивают к деревянным рамкам. Здесь повсюду водились крысы и мыши, которые вовсю жирели бы на даровых кормах, если бы не бансемниллы — длинные остроносые твари, на спинах которых частенько сидели малыши, цепляясь за хвост матери своими хвостишками. Они подстерегали вредителей в темноте и пожирали.

Охотники остановились, чтобы поглядеть, как женщины извлекали из початков сухие зерна и дробили между камнями. Грубую муку мешали с водой и пекли над огнем. Гостям предложили горячего хлеба. Херилак съел пару лепешек, обжигая пальцы и обмакивая хлеб в мед. Когда на язык попадались перчинки, на глаза набегали слезы блаженства.

— Хорошая еда, — похвалил он.

— И всегда в избытке. Они сеют, собирают и хранят зерно, вот и все, ты сам видел.

— Я видел. И я понял, что поля тоже зависят от них, как и они от полей. Они должны оставаться на одном месте всю жизнь. Такое подходит не каждому. Если однажды я не смогу свернуть свой шатер, чтобы отправиться в путь, зачем мне жить?

— Может быть, они думают о тебе то же самое. А им, возможно, каждый вечер хочется возвращаться к своему костру, каждое утро видеть все те же поля.

Подумав, Херилак кивнул.

— Да, быть может. А ты, Керрик, умеешь на все поглядеть другими глазами, наверное, потому, что столько лет прожил среди мургу.

Вдруг раздался чей-то голос, звавший Керрика. Одна из женщин-саску торопилась им навстречу и что-то кричала пронзительным голосом. Керрик прислушался.

— Ребенок родился! — радостно воскликнул он и бросился вслед за женщиной.

Оставшись один, Херилак неторопливо продолжал путь.

Керрик волновался, потому что Армун в последнее время очень расстраивалась. Она каждый день плакала, вновь ожили все ее прежние страхи: дитя их окажется девочкой и будет похоже на нее, и над ребенком станут смеяться, как смеялись над нею.

Керрик не в силах был успокоить ее, опасения могло развеять только рождение ребенка. Среди здешних женщин есть искусные повивальные бабки, говорили ему, и, карабкаясь вверх по бревну, он искренне на это надеялся.

Лицо жены было красноречивее всяких слов. Все было в порядке.

— Погляди, — произнесла она, разворачивая белую ткань, укутывавшую младенца. — Погляди. Мальчик. Таким может гордиться каждый отец. Красивый и сильный.

Керрику еще не приходилось так близко видеть младенца. Дитя оказалось морщинистым, лысым и красным. Ничего похожего на себя молодой отец решительно не видел, но у него хватило ума не высказать свое мнение.

— И какое ты дашь ему имя? — спросила Армун.

— Какое хочешь: вырастет — получит имя охотника.

— Тогда назовем его Арнхвит. Я хочу, чтобы он вырос сильный, красивый и свободный, как эта птица.

— Хорошее имя, — согласился Керрик. — Ведь арнхвит еще и хороший охотник, у него острый глаз. И только арнхвит может замереть в воздухе, а потом камнем упасть на добычу. Наш сын начнет жизнь с таким именем.

В этот миг в пещеру с легкостью влез по бревну Херилак. Он увидел Армун, окруженную женщинами, увлеченно следившими за кормлением. Рядом стоял гордый Керрик. Херилак одобрительно кивнул.

— Погляди, какие сильные руки, — сказал он. — Как вцепился! Могучие руки. Будет великий охотник!

Убранство жилища понравилось Херилаку. И глиняные горшки для еды и питья, и плетеные коврики, и мягкие ткани.

Взяв с каменного выступа украшенный тонкой резьбой деревянный ящичек, Керрик сказал:

— Вот еще один секрет саску. Я сейчас покажу тебе. Если это у тебя есть, нет нужды тереть палку или носить с собой огонь.

Херилак с удивлением смотрел, как Керрик извлек из шкатулки кусок темного камня, потом второй камень с бороздками по всей поверхности. Высыпав горстку древесного порошка, Керрик быстро ударил камнем о камень. Высеченная искра попала в древесную пыль. Осталось только раздуть вспыхнувший огонек. Взяв оба камня в руки, Херилак изумился:

— В этом камне спрятан огонь, а второй камень открывает ему дорогу. Познания саску загадочны и таинственны.

Херилаку было интересно решительно все, что делалось вокруг. Заметив это, Керрик стал рассказывать ему о том, как прядут нити и вьют веревки, а потом показал на дымящийся очаг, в котором обжигали горшки.

— А вот там, на подставках — красные ягоды, от которых у тебя полились слезы. Их сушат и толкут. В амбарах хранятся сладкие корни и тыквы. Они очень вкусны печеными, из семян приготовляют муку. Здесь всегда хватает еды. Никто не голодает.

Керрик был весел и доволен. Херилак заметил это.

— Ты останешься здесь? — спросил он.

Керрик пожал плечами.

— Не знаю еще. Я привык к такой жизни, ведь я много лет прожил в городе иилане'. Здесь нет голода, а зимой тепло.

— И твой сын не будет выслеживать оленей, а станет копаться в земле, словно женщина?

— Необязательно. Охотники есть и среди саску. С этими своими копьеметалками они ловко бьют оленей.

Херилак больше ничего не сказал, но его лицо было красноречивее всяких слов. Да, все это весьма интересно и вполне годится для тех, кто здесь родился, но с жизнью охотника сравниться не может. Керрик не хотел спорить с ним. Он перевел взгляд с Херилака на копошащихся в полях саску и чувствовал, что понимает и тех, и других... Так же понимал он и иилане'. Не впервые он чувствовал себя неприкаянным в этой жизни: и не земледелец, и не охотник, не зверь, не мараг... Взгляд его упал на Армун с сыном на руках, и он понял, что теперь в жизни у него есть свой саммад, каким бы маленьким он ни был. Армун прочитала это в его глазах и улыбнулась в ответ, и он ласково ей улыбнулся...

У входа в пещеру Керрика окликнула женщина:

— Пришел мандукто, он хочет с тобой поговорить.

На пороге стоял мандукто. Озираясь по сторонам, он нерешительно сказал:

— Все случилось так, как говорил Саноне. Мастодонт родился, и твой сын тоже. Саноне хочет говорить с тобой.

— Возвращайся к нему. Скажи, что мы с Херилаком сейчас придем. — Он обернулся к охотнику. — Посмотрим, чего хочет Саноне. А потом поговорим с мандукто, выясним, известен ли им путь на запад через пустыню.

Керрик знал, где бывает Саноне в это время дня. Солнце уже опускалось за горизонт, и косые лучи его светили в пещеру у подножия утеса, озаряя рисунки. Как и Фракен, Саноне знал многое

и о многом мог бы петь от восхода до заката. Но знаниями своими Саноне делился с другими мандукто, особенно с теми, кто помоложе. Он пел, а они повторяли за ним, заучивали слова. Керрику разрешалось присутствовать и слушать. Он понимал, что ему оказывают честь: это позволялось только мандукто.

Подойдя к входу, Керрик увидел, что Саноне, скрестив ноги, сидит перед огромным изображением мастодонта и смотрит на него. Сидевшие рядом трое мандукто помоложе внимательно слушали.

— Подождем, пока он закончит, — прошептал Керрик. — Он рассказывает о Кадайре.

— О чем?

— Не о чем, а о ком. Здесь не знают о Ерманпадаре. Им неизвестно, что он создал тану из речного ила. Они говорят о Кадайре, который ходил по земле в обличье мастодонта, когда ничего не было. Он почувствовал себя одиноким и так топнул о черный камень, что тот раскололся и оттуда появился первый саску.

— И они верят в это?

— Да, и очень верят. Они видят во всем этом огромный смысл. Они знают о многом, о духах, что живут в камнях и воде... И все это сотворил Кадайр. Все.

— Теперь понятно, почему они приняли нас и накормили. Мы пришли с мастодонтами. А своих у них нет?

— Нет. Только картинки на стене. И они уверены, что мы привели сюда мастодонтов неспроста. А теперь, когда родился слоненок, они наверняка смогут сказать почему. Я не все понимаю, но знаю, что все это очень важно... Молодые уходят, теперь можно поговорить с Саноне.

Саноне поднялся и поспешил навстречу гостям. Приветствуя их, он улыбался.

— Родился детеныш мастодонта. Вам это известно? Мне сказали, что и твой сын родился. Все это очень важно. — Немного помолчав, он спросил: — Ты уже дал сыну имя?

— Да. Я назвал его Арнхвит, что на нашем языке значит «сокол».

Поколебавшись, Саноне склонил голову и заговорил:

— Тому, что они родились в один день, есть причина, как есть причина всему, что случается на этом свете. Ты привел сюда мастодонтов — и не случайно. Твой сын родился в тот же день, что и слоненок, — и не без причины. Ты назвал его Арнхвитом — и знаешь зачем. Вот наша просьба. Мы хотим, чтобы именем твоего сына звали и слоненка. Для нас это очень важно. Как ты думаешь, согласится ли саммадар?

Керрик не улыбнулся, услыхав странную просьбу: он знал, насколько серьезно это для Саноне и его народа.

— Пусть будет так. Я уверен, что саммадар согласится.

— Мы пошлем новые дары саммадару, чтобы он не противился нашей просьбе.

— Он согласится, но и мы хотим кое-что. Вот Херилак, который водит в битвы людей валискиса.

— Скажи ему, что мы приветствуем его, ибо его победы привели сюда валискиса. О его приходе нам известно. Соберутся мандукто, и мы выпьем порро, приготовленное по этому случаю.

Когда Керрик сказал, что прихода Херилака ожидали, тот удивился.

— Как они узнали? Разве это возможно?

— Я не знаю, как они сделали это, но уже убедился, что будущее им известно куда лучше, чем старому Фракену с его совиными кучками. Однако я многого еще не понимаю в них.

Мандукто сходились молча, каждый нес большой глиняный горшок тонкой работы с лепной фигуркой мастодонта. Чаши для питья были украшены подобным же образом. Саноне сам зачерпнул темной пенистой жидкости и первую чашу поднес Херилаку. Пригубив напиток, Керрик удивился легкой, но странно приятной горечи его. Он осушил чашу следом за остальными, и ее вновь наполнили.

Очень скоро он почувствовал странное головокружение и какую-то ясность в голове. Судя по выражению лица Херилака, и тот ощущал себя подобным образом.

— Вот вода Кадайра, — нараспев произнес Саноне. — В ней к нам приходит Кадайр и дает знак, что все видит и слышит.

Керрик подумал, что Кадайр — существо куда более могущественное, чем он прежде предполагал.

— Кадайр привел сюда людей валискиса. Это все знают. Когда слоненок родился, тогда обрел жизнь и сын Керрика, чтобы отец дал ему имя. А теперь вождь людей валискиса пришел к нам, чтобы мы направили его через пустыню на запад.

Когда Керрик перевел эти слова, глаза Херилака удивленно округлились. Эти люди умели читать будущее! И он внимательно вслушивался в слова Саноне, ожидая пояснений от Керрика.

— Люди валискиса оставят нас, ибо труд их завершен. Кадайр

опять воплотился на земле. И слоненок Арнхвит останется с нами. Так будет.

Херилак и не думал возражать. Теперь он верил, что Саноне читает будущее и слова его вещие.

Головокружение начинало проходить, и Керрик только надеялся, что и Сорли так же спокойно примирится с потерей слоненка. Но сделка все равно оставалась выгодной, если учесть, что саску кормили их всю зиму.

Саноне указал на молодого мандукто.

— Вот Мескавино. Он силен и покажет вам дорогу через пустыню. Я открою ему секрет, расскажу, где в пустыне есть вода, и он запомнит. Я назову приметы, и он запомнит. Никто не сможет перейти пустыню иным путем.

Саммады уйдут, думал Керрик. Но идти ли с ними? Им было легко решать, не то что ему. Что ждет его? Он хотел спросить Саноне, но боялся услышать его ответ.

В чашу его вновь налили порро, и он жадно припал к ней.

Глава 23

Эта была долина саску: широкая, богатая; она простиралась от одной стены неприступных скал до другой. А в начале времен кругом были только скалы, которые рассек Кадайр в первый день творения. Так говорили. И Ненне верил в это, ведь свидетельство лежало перед глазами. Кто, кроме Кадайра, мог разделить скалы, как мягкую глину? Он, Кадайр, расколол горы и почвы, а на дне долины прочертил русло реки и наполнил его чистой водой. Это было ясно. Ненне сидел в тени возле скалы и размышлял об этом; он всегда внимательно слушал и запоминал, когда Саноне рассказывал о подобных вещах. Охраняя долину, он всегда предавался подобным размышлениям.

В мгновение ока расколоть скалы мог только Кадайр, но время истачивало даже горы. В этом месте случился обвал: высокий обрыв обрушился, и по осыпи можно было спуститься в долину. Этим путем саску отправились на охоту, потому-то Ненне и сидел, наблюдая за склоном: где прошел один человек, пройдут и другие. В ближних горах охотились каргу.

Между камнями что-то шевельнулось: птица или зверек, подумал Ненне. А может быть, и нет. Саску не трогали каргу, если те держались подальше. Им даже позволяли приходить с миром —

менять мясо на ткани и горшки. Но за ними следили: каргу всегда предпочитали красть. И еще от них скверно пахло. Каргу жили, как звери, под открытым небом и, конечно же, были куда ближе к животным, чем к саску, хоть и обладали даром речи. Но говорили они неразборчиво, от шкур их разило, от них самих тоже. Быстрое движение повторилось, и Ненне вскочил на ноги, вскинув копье.

Там кто-то шел, какое-то крупное существо пробиралось среди валунов. Ненне вложил копье в копьеметалку.

Теперь стало видно, что это каргу. Он, должно быть, устал, потому что часто останавливался, чтобы передохнуть. Ненне следил за ним, не шевелясь, пока не убедился, что каргу один. Ненне затаился в удобном месте; сверху была видна вся тропа. Этим путем пройдет каждый спускающийся в долину. И когда Ненне убедился, что других каргу не видно, он бесшумно спрыгнул с выступа.

Послышались стук камней и торопливые шаги. Охотник вошел в расщелину между высокими скалами-часовыми, караулившими вход в долину. И когда он проходил мимо, Ненне прыгнул вперед и тупым концом копья сильно ударил в спину незваного гостя. Каргу хрипло вскрикнул и упал. Ненне наступил ногой ему на руку, отбросил подальше его копье и ткнул наконечником своего копья в грязную шкуру, покрывавшую живот каргу.

— Вашим людям нет пути в долину.

Чтобы слова прозвучали убедительно, он покрутил наконечником копья. Каргу сурово посмотрел на него, темные глаза едва виднелись в всклокоченных волосах.

— Я пройду... потом в горы, — прохрипел он.

— Ты пойдешь обратно. Или останешься здесь навсегда.

— Быстрей пройду через долину. К другим саммадам.

— Ты пришел сюда красть, не придумывай. Ваши люди не ходят через долину, ты знаешь это. Почему же ты вдруг надумал идти этим путем?

Неохотно и бессвязно каргу рассказал ему о том, что случилось.

Порро кончился, и Керрик был этому рад. Напиток странным образом действовал на его голову. Он еще не понял, хорошо это или нет. Керрик встал, потянулся и вышел из пещеры с изображением мастодонта, к нему присоединился Херилак. Они

смотрели, как Саноне возглавляет торжественное шествие мандукто к новорожденному мастодонту, уютно устроившемуся на соломенной подстилке. Они дружно пели, и Саноне помазал красной краской крошечный хобот. Внимание людей к младенцу не беспокоило его мать; она спокойно жевала зеленую ветку.

Керрик хотел заговорить, но на речном берегу появились двое людей, сразу привлекших его внимание. Один из них, темноволосый, одетый в шкуры охотник мог быть только каргу. О причинах его появления здесь можно было догадываться. Керрик знал, что охотники каргу изредка приходят сюда для обмена, но в руках этого ничего не было. Следом за ним с двумя копьями в руках торопился охотник саску. Он подтолкнул охотника в спину одним из копий, показал в сторону Саноне — и оба заспешили к главе мандукто.

— Что это? — спросил Херилак. — Что случилось?

— Не знаю. Послушаем.

— Вот он пришел в долину, — начал Ненне. — Саноне, я привел его к тебе, чтобы ты услышал его слова. — И он вновь подтолкнул копьем каргу. — Говори все, что рассказал мне...

Каргу, хмурясь, огляделся, грязной рукой размазал по лицу пот.

— Я был в горах, охотился один, — нерешительно начал он. — Всю ночь у родника. Олень не пришел. Вернулся утром к шатрам. Все мертвы.

Холодное и ужасное предчувствие сжало сердце Керрика.

— Мертвые? Весь твой саммад? Что случилось? — спросил Саноне.

— Мертвы. Ардеридх-саммадар без головы. — Каргу провел пальцем по горлу. — Нигде ни стрелы, ни копья. Все мертвы. Только вот это.

Порывшись в одежде, он достал сложенный кусочек кожи и медленно развернул его. И пока он делал это, Керрик уже знал, что увидит сейчас.

Маленькие, острые, словно оперенные иглы от хесотсана.

— Они здесь! Они шли за нами! — корчась словно от боли, громко завопил Херилак.

Размахнувшись, он изо всех сил ударил кулаком охотника по руке, и каргу вскрикнул от боли. Иглы упали на землю, и Херилак стал яростно топтать их.

Саску смотрели на него с удивлением и пытались понять, что происходит. Саноне взглядом потребовал у Керрика объяснений.

Но, как и Херилак, Керрик ощущал в этот миг лишь злобу. И еще страх. Вздохнув, он наконец заговорил:

— Это они. С юга. Мургу. Те самые, что ходят, как тану. Они пришли сюда.

— Те самые мургу, о которых ты говорил мне? Те, от которых вы бежали?

— Они. Вы не видели их, не знали, что они существуют. Что они ходят и говорят, строят свои города и убивают тану. Они истребили весь мой саммад, весь саммад Херилака. Всех охотников, всех женщин, всех детей. И мастодонтов. Всех убили.

При этих словах Саноне скорбно кивнул. И надолго задумался. Он думал и молчал, потому что уверенности еще не было. Уверенность пришла... Он знал учение, а значит, ведал и о том, что только одно существо может посягнуть на жизнь мастодонта.

— Карогнис... — произнес он так зловеще, что стоявшие возле него поежились и отступили. — Карогнис пришел в наши края, он бродит неподалеку.

Керрик слушал его вполуха, занятый своими мыслями.

— Что делать нам, Херилак? Снова бежать?

— Мы опять побежим, они снова будут преследовать нас. Я чувствовал наступление этого дня. Теперь мне понятен смысл моих снов. Я выйду навстречу им и буду биться. А потом я умру. Это будет достойная воина смерть: множество мургу падет от моей руки.

— Нет! — рявкнул Керрик, словно отвесил пощечину. — Это было бы правильно, будь ты один, если бы тебе не оставалось ничего другого, кроме смерти. Но ты — сакрипекс! Или ты хочешь, чтобы все охотники и саммады погибли рядом с тобой? Или ты забыл, что мургу, как песка на морском берегу? Битва сулит нам только поражение. А теперь отвечай, кто ты: сакрипекс, что поведет нас в бой, или охотник по имени Херилак, который хочет в одиночку выйти навстречу мургу и умереть?

Старый охотник смотрел на него сверху вниз, огромные кулачищи сжимались и разжимались. Могучие руки, способные убить на месте. Но и Керрик был разгневан и в холодном молчании дожидался ответа.

— Керрик, слова твои грубы. Никто не смеет так говорить с Херилаком.

— Я маргалус и обращаюсь к сакрипексу. С охотником Херилаком я буду разговаривать по-другому, мне ведома его скорбь и боль его — моя боль. — Голос Керрика смягчился. — Ты должен

выбирать, великий Херилак, и никто не сможет помочь тебе в этом.

Херилак молча смотрел под ноги, стиснув кулаки так, что побелели костяшки. Потом он медленно кивнул, и в словах его слышалось понимание и уважение.

— Итак, время сыну учить отца. Ты хочешь напомнить мне, как я когда-то заставил тебя выбирать. Тогда ты послушал меня и ушел от мургу, снова стал тану, охотником. Если ты смог тогда одолеть себя, значит, и я должен забыть о своих снах и снова стать сакрипексом. Но ты маргалус. Скажи нам, что затеяли мургу.

Вспышка окончилась, о размолвке можно было забыть. И надо было решать. Керрик смотрел на охотника каргу, не замечая его, пытаясь представить, что делают иилане́ и фарги, явившиеся в эти края. Что они думают и делают. Каргу долго ежился под его невидящим взором. Наконец Керрик обратился к нему:

— Ты охотник. Ты видел, что весь саммад твой погиб. Какие следы видел ты? Какие знаки?

— Много следов... звери, которых я не видел. Пришли с юга, ушли на юг.

В душе Керрика вспыхнул лучик надежды. Повернувшись к Херилаку, он перевел ему слова каргу и добавил собственные предположения о передвижениях иилане́.

— Они вернулись назад — маленький отряд присоединился к большому войску. Одной маленькой группе фарги сюда не добраться. Птицы носят их соглядатаев, и иилане́ знают, где мы. Они заранее знали о лагере каргу и застали охотников врасплох. Тогда они наверняка знают, где сейчас саммады. И знают о саску и их долине.

Рассуждения его нарушил голос Саноне:

— Что случилось? Я ничего не пойму.

— Я говорил о мургу, что ходят, как тану, — ответил Керрик. — Они идут сюда с юга, их очень много. Они хотят нашей смерти. Эти мургу сперва узнают, где люди, а потом нападают.

— Теперь они нападут на нас? Так они сделают? — спросил Саноне.

— Они все разузнают об этой долине и убьют всех, потому что вы тану.

«Так ли они поступят? — подумал Керрик. — Конечно же. Сперва они нападут на саммады, на стоянку, потом придут сюда. Но когда? Долину придется обходить, и, может быть, мургу уже

где-то неподалеку. Но что, если они ударят сегодня после полудня? Страшно думать, что сейчас, быть может, погибают саммады. Нет, все-таки иилане́ всегда поступают иначе. Выследят жертву, залягут на ночь вблизи, нападут с рассветом. Так было всегда, и они непременно добивались успеха. Так будет и теперь».

Керрик быстро повернулся к Херилаку.

— Мургу нападут на саммады утром... завтра, в крайнем случае — послезавтра, я в этом уверен.

— Бегу предупреждать. Нужно уходить немедленно.

Херилак повернулся, но Керрик остановил его:

— Куда ты пойдешь? Где они не разыщут нас?

Херилак обратился лицом к Керрику, к печальной правоте его.

— Куда? На север — это надежнее всего — к снегам. Туда они не пойдут.

— Но они слишком близко. Они перехватят вас в горах!

— Куда же еще?

Куда? Не успел Херилак договорить, как Керрика осенило. Он показал на землю.

— Сюда, за каменную ограду. В эту долину, из которой нет выхода. Пусть мургу преследуют нас. Их встретят стреляющие палки, стрелы и копья. Пусть их иголки щелкают о скалы. А мы спрячемся и выждем. Они не пройдут. Пусть они подумают, что поймали нас и заперли, но это мы их поймаем. Здесь есть еда и питье, найдутся и копья. Пусть они нападут и умрут. Я думаю, что нашим скитаниям пришел конец. — И Керрик обернулся к Саноне; теперь их спасение зависело от старого мандукто. — Тебе решать, Саноне. Саммады могут уйти на север, а могут войти в долину и здесь ждать нападения мургу. Если ты пустишь нас, жизнь твоих людей будет в опасности. Если нет — быть может, на вас и не нападут.

— Они нападут, — со спокойной уверенностью ответил Саноне. — Будущее теперь прояснилось, как и смысл прошлого. Мы жили в этой долине, копили силы. Ждали возвращения мастодонтов. И они вернулись к нам — их привели вы, чтобы мы могли защитить их. В мастодонте воплощена сила Кадайра. Снаружи за скалами рыщет Карогнис, хочет погубить эту силу. Вы не знаете о Карогнисе, но мы знаем. Кадайр — это свет и солнце, Карогнис — ночь и тьма. И когда Кадайр отдал нам землю, Карогнис возжелал погубить нас. Мы знали — он существует и придет однажды, а теперь мы видим обличье, в котором он появился. В этих

мургу таится больше, чем вы думаете... но и меньше. Они сильны... но это Карогнис воздвиг их против Кадайра и его народа. Вот почему вы пришли к нам, вот почему родилось дитя мастодонт Арнхвист. Он — воплощение Кадайра. И все мы должны остановить здесь Карогниса. Зови их, зови всех и скорее. Скоро начнется битва.

Глава 24

— Как уродливы эти твари! — проговорила Вейнте′. — Но этот уродливей всех остальных.

Когтями ноги она вертела отрубленную голову. Пыль покрывала волосы и лицо, густо липла к окровавленному обрубку шеи.

— И совсем другой, — проговорила Сталлан, поворачивая голову хесотсаном. — Погляди, какой темный мех. Новый вид устузоу. У тех всегда была белая шкура и белый мех. А этот темный. Они тоже были вооружены этими палками с острыми камнями и, как всегда, кутались в свои грязные шкуры.

— Устузоу любят, когда их убивают, — объявила Вейнте′.

Она знаком отпустила Сталлан и стала приглядываться к суете фарги. Солнце стояло еще высоко, как всегда, когда они останавливались перед ночевкой, и подготовиться следовало самым лучшим образом. Пока кормили и развьючивали уруктопов, фарги ряд за рядом раскладывали вокруг лагеря лианы-ловушки. Никто не подойдет к лагерю незамеченным. Иилане′ вывели еще более ярких светозверей, их приучили глядеть, заливая землю ослепительным светом, прямо туда, где что-нибудь шевелилось. Очень интересными были меликкасеи. Фарги раскладывали их охапками позади лиан. Недавняя разработка, растения эти были чувствительны к свету, днем с ними можно было обращаться без опасений. Но после наступления темноты на всех их побегах выступали ядовитые шипы — любого наступившего впотьмах на колючки ждала ужасная смерть. Когда светлело, шипы втягивались обратно.

К Вейнте′ медленно подошла приземистая иилане′. Это была Окотсеи, от старости неторопливая и уродливая, но по уму равных ей не было. Она-то и создала животных, что видели в свете звезд и запоминали увиденное. С тех пор они становились все совершеннее в ее руках, и теперь днем и ночью в воздухе плыли крылатые разведчики иилане′. Новые картинки можно было получить очень быстро.

Когда Вейнте′ обратила на нее внимание, Окотсеи протянула ей стопку плоских листьев.

— Что это? — спросила Вейнте′.

— Как ты приказала, эйстаа. Это сегодняшние, их сделали уже после рассвета.

Взяв снимки, Вейнте′ внимательно разглядывала их. Изменений не было. От кожаных конусов возле реки и от мастодонтов на ближней поляне тянулись длинные тени. Нет изменений. Опасения, три дня преследовавшие ее с того утра, когда лагерь устузоу оказался пустым, были беспочвенными. Чудовища и не думали бежать, они просто перебрались на новое место. Они даже не тревожились... и это когда она была рядом вместе со своими ударными силами. Признаков тревоги не было заметно.

— Покажи мне это место на более крупной картинке! — потребовала Вейнте′.

Птицы теперь летали и ночью, и днем. И высоко в небе, и над самой землей. Устузоу некуда было бежать. И на новом снимке с высоко взлетевшего раптора видны были и река, и долина, и окрестности.

Окотсеи указала большим пальцем:

— Тут мы спали вчера. А вот разоренное логово устузоу, откуда принесли эту грязную башку. — Она повела пальцем дальше. — Сейчас мы здесь, а тут, возле реки, — устузоу, которых мы разыскиваем.

— Это именно те, которые мне нужны? Ты уверена в этом?

— Уверена я только в том, что это единственная стая с мастодонтами по эту сторону снежных гор. Здесь повсюду попадаются устузоу. Большая группа в долине возле реки. Если идти на север — на картинке не видно этих мест, — то там тоже есть устузоу. Но ни у кого, кроме этой стаи, нет мастодонтов. К востоку от гор есть. Там все стаи такие, но здесь таких нет.

— Хорошо. Отнеси их Сталлан, чтобы она могла продумать утреннюю атаку.

Фарги, чьей обязанностью было заботиться о Вейнте′, принесла вечернее мясо. Углубившись в свои планы, та даже и не заметила, как проглотила его. Она думала о целях, что привели ее с вооруженными фарги в эти края. Снова она продумывала все детали, чтобы не упустить ничего, чтобы все нашло завершение, чтобы ничего не забыли. Все идет по задуманному плану. Утром они нападут. И еще до рассвета Керрик будет мертв... Или попа-

дет к ней в руки. Хорошо бы... она сомкнула пальцы... хорошо бы он попался ей.

Она пыталась воздерживаться от чувств, внимать голосу рассудка, но с логикой было покончено: ненависть переполняла ее. Сколько же снимков она проглядела? Им не было числа. Все стаи устузоу были похожи, а уж самих устузоу вообще невозможно было отличить друг от друга. Но в том, что Керрика не было ни в одной из стай к востоку от гор, она была уверена. Только когда она увидела снимок стаи с мастодонтами, единственной по эту сторону гор, то почувствовала, что разыскала его. Завтра она убедится в этом.

С наступлением темноты Вейнте′ заснула под защитой хитроумных ловушек, как и остальные иилане′. Ночью тревоги не было, все спали спокойно.

На рассвете закопошились фарги, готовясь к дневному переходу и к бою. Солнце еще почти не грело, и, кутаясь в большой спальный плащ, Вейнте′ следила за погрузкой. Все шло заведенным порядком, как всегда у иилане′. Все отряды и их начальницы делали свои дела. Воду, мясо и прочие припасы грузили на специальных уруктопов покрупнее, тяжеловозов. Тут к Вейнте′ подошла Пелейне′.

— Вейнте′, я хочу поговорить с тобой.

— Вечером, после работ этого дня. Я занята.

— Вечером может быть поздно, и работа этого дня останется невыполненной.

Вейнте′ не шевельнулась и молча одним глазом внимательно оглядела Пелейне′. Та была слишком расстроена, чтобы обращать внимание на ее недовольство.

— Мне хотелось, чтобы этого не было, но среди Дочерей многие обеспокоены, все говорят, что мы ошиблись.

— Ошиблись? Разве не ты заверяла меня, что вы более не хотите быть Дочерьми Смерти, а хотите стать настоящими Дочерьми Жизни, подлинными жительницами Алпеасака? Что вы хотите позабыть все ошибки и помогать нам во всем и поддерживать. Поэтому я приказала, чтобы тем, кто пойдет за тобой, были возвращены все права, и разрешила тебе служить мне. Поздно теперь говорить об ошибках.

— Послушай меня, могущественная Вейнте′! — Расстроенная Пелейне′ сомкнула большие пальцы, цвет их также выражал огорчение. — Одно дело — говорить, другое — принимать решения и третье — выполнять их. Мы пришли сюда по собственному желанию,

пересекли море, землю и реки, ведь мы признали, что ты действуешь правильно. Признали, что устузоу просто хищные звери и их можно убивать без раздумий, как зверей.

— Вы согласились.

— Мы согласились, но мы не видели устузоу. В отряде, расправившемся вчера со стаей устузоу, оказались две Дочери.

— Я знаю. Я их послала туда, — ответила Вейнте′ и подумала: чтобы они окровавили руки, так говорила Сталлан.

Окровавили руки. Сталлан всегда поступала так с фарги, желавшими стать охотницами. Убивать не так-то легко, в особенности тем, кто долго жил в городах, вдалеке от моря, от родины, где смерть не медлит. Убийца не думает, он реагирует. Эти Дочери Смерти думали слишком много... думали и бездельничали. Окровавить руки — это полезно.

Пелейне′ с трудом произносила слова. Вейнте′ ожидала, едва сдерживая себя.

— Им не надо было ходить, — наконец проговорила Пелейне′, непонятным образом двигая конечностями.

— Ты осмеливаешься оспаривать мои приказы? — Гребень на голове Вейнте′ поднялся, подрагивая от гнева.

— Они умерли, Вейнте′. Обе.

— Не может быть. Сопротивления не было, даже раненых не оказалось.

— Обе они вернулись. И сказали, что лагерь устузоу похож на маленький город, что эти твари изготавливают разные непонятные вещи и что, умирая, они кричали от боли. Они обе стреляли и убивали устузоу. И когда они рассказывали об этом, одна из нас крикнула, что теперь-то они стали истинными Дочерьми Смерти. Обе они согласились с тем, что принесли смерть устузоу. А потом умерли. Как это случается, когда эйстаа забирает имя и изгоняет из города. Так они умерли. И, узнав это, мы стали говорить, что ошиблись. Смерть устузоу не дает нам жизни. Больше мы не помогаем тебе, Вейнте′. Мы не можем убивать ради тебя.

Сказав это, Пелейне′ замерла, речь окончилась, она сказала все, что хотела. Она приняла решение. Нет, ее вынудили сделать это. А что будет потом, пусть решает Вейнте′.

Погрузившись в раздумья, Вейнте′ застыла, как и ожидавшая ее решения Пелейне′. Они глядели друг на друга, расставив ноги. Молча.

Бунт, думала Вейнте′, следует пресечь немедленно. Но ей пришло в голову, что возмутительницы спокойствия будут теперь

отказываться от оружия. В их смерти крылась опасность для нее самой. Эти заблудшие самки увидели смерть своих товарок и решили, что всех ждет подобная участь. Они не ошиблись. Да, смерть придет к ним! Если они не могут биться, то могут умирать. В этой войне миролюбию нет места. Придется принять меры.

— Ты свободна, — проговорила Вейнте'. — Отправляйся к своим Дочерям Смерти и передай им, что они опозорили свой город. Поэтому у них отберут хесотсаны. Они будут работать, но убивать их не заставят.

Пелейне' изобразила благодарность и понимание и заспешила прочь... Но она поторопилась: эйстаа еще не кончила говорить.

— Не хотят убивать — пусть умрут!

Вейнте' потребовала привести тараканста. Фарги подвели гиганта и заставили склониться так, чтобы она смогла влезть ему на плечи. Развернув животное, наездница направилась в голову колонны. Впереди выстроились вооруженные иилане' на быстрых тараканстах. Часть из них охраняла колонну с флангов.

Сталлан, как всегда, внимательно изучила все снимки и указывала дорогу. До намеченного места привала возле реки они добрались без труда. Там, заметив торопившуюся назад разведчицу, Вейнте' велела остановиться.

— Ушли... — растерянно проговорила разведчица, сопроводив слово знаками «устузоу» и «большая группа».

— Опять переменили место, — произнесла Вейнте'.

— Возможно, — ответила разведчица. — Я проследила их путь до прежней стоянки, потом они пошли вдоль реки в долину, и об этом я хотела сообщить.

— Они не поворачивали, не путали следов, не пытались скрыться? — с тревогой спросила Сталлан.

— Это невозможно. Я шла по следам, пока скалы не стали слишком высокими, а другого пути оттуда нет.

— Попались! — возбужденно проговорила Сталлан, подогнав своего скакуна к Вейнте', чтобы передать ей очередной снимок. — Погляди, сарн'еното, —вот капкан, в который они сами залезли. Долина реки широка, но она окружена высокими скалами, и в нее ведет только один проход. Река вытекает из ущелья через пороги и перекаты. Отсюда пути нет.

Сарн'еното — древний титул из полузабытой старины. Предводитель в бою, которому все повинуются. И Вейнте' должна думать так, как подобает носительнице этого титула. Подняв картинку, она ткнула в нее большим пальцем.

— Вот на этой стороне ты показывала мне спуск в долину.

— Его легко перекрыть. Туда можно послать отряд, а главные силы будут готовиться к атаке здесь.

— Пусть будет так, распорядись. На этих картинках я видела в долине других устузоу.

— Чем больше в долине устузоу, тем больше их погибнет, — отчеканила Сталлан, впиваясь когтями в шкуру своего тараканста. Зашипев от боли, тот взвился на дыбы. Она легко осадила его, развернула и с топотом отъехала.

...Солнце едва миновало зенит, когда Окотсеи вручила Вейнте' новые снимки, еще теплые и влажные. Внимательно разглядывая каждый, Вейнте' передавала их стоявшей рядом Сталлан.

— Все готово, — проговорила та, просмотрев последний. — Им не спастись. — Она смяла в руках снимки. — Тропа через скалы перекрыта. Ждем приказов, сарн'еното.

Глава 25

— Быстро атакуем с реки! — объявила Вейнте'. — Внезапно овладеваем каменной стеной, убиваем всех устузоу, которые окажутся там. А потом — в долину. Прикажи фарги двигаться вперед, а сама держись сзади. Возможно, они знают о нашем приближении. Тогда первые, кто пойдет на приступ, умрут.

Фарги толпой шли вдоль реки. На узкой полоске вдоль берега им было тесно, и некоторые брели по воде. Вейнте' проследила за уходящими, потом уселась на хвост и стала терпеливо ожидать исхода событий. За ее спиной оставшиеся фарги разгружали припасы. Они едва успели закончить, когда из оврага показалась усталая Сталлан и медленно приблизилась к безмолвной Вейнте'.

— Залегли и попрятались, — сказала Сталлан. — Мы стреляли, но не уверены, что убили хоть одного. Все, кто шел впереди, погибли, как ты предупреждала. Мы собрали хесотсаны убитых. Я выставила охрану, и мы ушли подальше от них. Теперь я здесь.

Нерадостная весть как будто не встревожила Вейнте'.

— Они знали, что мы здесь. Поэтому и ушли в долину. Посмотрю сама...

Сталлан проталкивалась между суетящимися фарги и приказывала им расступиться перед сарн'еното. Там, где река огибала

скалу, Сталлан и устроила оборону. Одни фарги с оружием наготове прятались за скалами, другие рыли укрытия в песке. Подняв хесотсан, Сталлан указала на излучину.

— Теперь осторожнее. Я пойду первой.

Они медленно продвигались вперед, потом остановились. Сталлан поманила к себе Вейнте′.

— Отсюда можно видеть скалы.

Вейнте′ осторожно пробралась вперед и увидела первых убитых. У скал среди камней мертвых тел было уже больше. Многие даже успели взобраться на скалы, прежде чем их сразили выстрелы устузоу. В бурлящем потоке тоже плыли трупы фарги. Вверху на скалах пошевелились. Враг залег, выжидая. Вейнте′ поглядела на солнце — оно было еще высоко.

Она вернулась к Сталлан.

— Атакуем. Если я не ошибаюсь, вода для хесотсанов не опасна.

— Они не захлебнутся. Ноздри их сами закрываются под водой.

— Хорошо. Вот как мы поступим. Пойдем на приступ. И я не хочу, чтобы он закончился, как только глупые фарги начнут валиться со скал.

— Это будет нелегко. Многих из них ждет верная смерть.

— На свете все сложно, Сталлан, иначе все становились бы эйстаа и не было бы фарги, чтобы прислуживать им. Ты знаешь, что Дочери Смерти отказались воевать?

— Я отобрала у них оружие.

— Хорошо. Пусть они послужат нам иначе. Они пойдут первыми.

Осознав смысл этих слов, Сталлан невольно раздвинула губы, обнажив остроконечные зубы, что выражало одобрение и понимание жестокой необходимости.

— Ты во всем первая, великая Вейнте′. Тела их возьмут на себя много игл, предназначенных устузоу для вооруженных фарги. Только ты одна могла найти способ, чтобы эти глупые самки, эта обуза, послужили нам должным образом. Все будет сделано так, как ты приказала. Пусть умрут и устузоу, и Дочери Смерти. Добрая участь и для тех, и для других.

— Но это еще не все. Может быть, мы сумеем расправиться с устузоу отсюда, невзирая на все потери, а может быть, и нет, а потому, когда начнется атака, я хочу, чтобы фарги поплыли туда по

реке. Они нападут на защитников сзади и отвлекут их. И тогда мы взберемся на скалы и перебьем остальных.

...Стаи мух носились над трупами у подножия скал. В тишине далеко разносилось жужжание. Взяв горсть игл, Керрик начал по одной заталкивать их в хесотсан.

— Убежали, наверное, — произнес Саноне, осторожно поднимая голову, чтобы оглядеться.

— Битва еще и не начиналась, — отвечал Керрик. — Они только проверяли наши силы. Мургу вернутся. — Поглядев на Саноне, он замер. — Не шевелись! Замри!

Он осторожно вытащил иглу из головного платка Саноне.

— Если бы она проколола ткань, ты был бы уже мертв.

Саноне невозмутимо поглядел на смертоносный шип.

— У нашей ткани есть достоинство, о котором я и не подозревал. Копье она не остановит, но может защитить от яда мургу, если плотно закутаться в нее.

Керрик отбросил шип.

— Поэтому мы и прячемся за камнями. Пока иголки не полетят градом, мы здесь в безопасности.

Обернувшись, он взглянул на замерших у края скал охотников. У всех были хесотсаны: оружие мургу хорошо служило людям, стрелы и копья берегли. Вооруженные луками саску держались поодаль, в резерве, на случай необходимости. Люди ждали...

Поднявшись на самую вершину скалы, Херилак первым заметил приближающихся фарги.

— Опять лезут! — крикнул он, опускаясь за камни.

— Попусту иглы не тратить! — распорядился Керрик. — Пусть подойдут поближе.

Он понимал, что иначе нельзя. Во время первой атаки некоторые, конечно же, начали нажимать на хесотсаны, когда мургу были еще слишком далеко, и потом торопились стрелять в горячке боя. Теперь придется подождать, пока фарги не заберутся повыше.

Когда они подобрались поближе, Керрик внезапно заметил, что у них нет в руках хесотсанов. Что это? Хитрая ловушка? Неважно — так легче их убивать.

— Стреляйте, стреляйте! — закричал он, выдавливая из хесотсана смерть.

Тану кричали, стреляли, но враг все подступал. Молча. Лишь изредка раздавался чей-нибудь стон, враги умирали безмолвно.

Люди подняли такой шум, что Керрик не расслышал, что к нему обращаются. Потом он разобрал слова:

— Река! Смотрите! В воде!

Керрик обернулся, взглянул... и отшатнулся. Темные пятна проступали под белой пеной в бурлящей воде, двигаясь к берегу. Иилане′ с длинными темными палками в руках приближались, вот-вот они окажутся на берегу.

— Стреляйте копьями! Бейте их прямо в воде! — громогласно крикнул спрыгнувший со скалы Херилак. — Керрик, оставайся наверху со стрелами! Теперь они навалятся изо всех сил. Их надо остановить.

Керрик заставил себя отвернуться. Он понял, что Херилак правильно угадал намерения врага. Позади безоружных иилане′, теперь уже по большей части недвижно лежащих у подножия скал, стреляя на ходу, шли вооруженные фарги.

— Их нельзя пропустить! — закричал Керрик. — Держитесь! Стреляйте!

Он выстрелил, потом снова. Одна фарги была уже так близко, что он даже заметил, как в ее шею вдруг воткнулся шип, как расширились ее глаза, прежде чем она свалилась со скалы.

Теперь живые фарги шагали по мертвым, искали убежища за трупами. Погиб один охотник, другой. Керрик все давил на хесотсан, но тот вдруг задергался в его руках. И Керрик не сразу понял, что иглы кончились. Времени перезаряжать оружие не было. Схватив копье, он ударил им появившуюся над краем скалы фарги. Завопив от боли, та покатилась вниз.

Она оказалась последней, атака захлебнулась. Тяжело дыша, Керрик прислонился спиной к камню и, стараясь сдержать дрожь в пальцах, принялся вставлять в оружие иглы.

Пальба прекратилась, стрелять было не в кого. Керрик торопливо взглянул на реку.

До берега добралось много фарги, но все они были мертвы. Тела их лежали вперемешку с трупами оборонявшихся — дело дошло до рукопашной. На мелководье тело темнокожего саску в непристойном объятии навалилось на убитую иилане′. Утыканные стрелами трупы плыли по течению.

Керрика окликнул Саноне, тот обернулся. Мандукто стоял на вершине скалы, прикрыв рукой глаза от лучей заходившего солнца.

— Они отступили! — крикнул он. — Атака кончилась. Мы победили!

Победили, думал Керрик, глядя на трупы тану. Кого победили? Да, мы убили много фарги. Но ведь мир переполнен ими. И иилане′ не прекратят войны, пока мы все не погибнем. Даже если мы и отбились на этот раз, мы не выиграли ничего. Нам ведь уже случалось сдерживать их атаки. Они ненавидят нас, как и мы их. И они сумеют найти нас повсюду, в любом укрытии, так что можно не прятаться. И, если мы побежим, они будут преследовать — зачем же тогда бежать?

Не нам, вдруг понял он. Мне. Если бы они хотели просто убивать тану, саммадов хватило бы и по ту сторону гор. Рапторы и вездесущие совы видят все и всех. Но, словно метко брошенное издалека копье, это могучее войско поразило долину саску. Почему? Потому что он здесь! От этой мысли кровь застыла в жилах. Вейнте′ — кто же еще? Вейнте′ была жива и жаждала мести.

Что делать? Куда бежать? Как защититься?

Гнев душил его, сотрясал тело; повинуясь неожиданной вспышке, он вскочил на ноги и, потрясая над головой хесотсаном, закричал:

— Ты не сумеешь, Вейнте′! Ты не сумеешь перебить нас! Я знаю, ты будешь стараться, но ты не сумеешь! Это наша земля, и все твои заморские холодные твари не смогут прогнать нас отсюда! Ты опять потерпишь поражение и, когда поймешь это, поползешь домой с горсткой уцелевших! А потом придешь снова...

Керрик увидел, что Саноне с удивлением глядит на него, не понимая ни слова. Гнев его утих, и в груди словно заледенело. Сухо улыбнувшись мандукто, он проговорил на сесеке:

— Ты сегодня их видел впервые? Понравились? Разве тебя радует гибель твоих людей? Надо положить конец этому... раз и навсегда.

Тяжело дыша, Керрик замолчал. Поглядел вниз на груды мертвых тел, на горсточку уцелевших. Как остановить иилане′? Можно ли? Как?

Путь был только один. Отступать, прятаться теперь невозможно.

Врага нужно бить на его земле. Войну следует перенести на их землю, в город иилане′. Таков был вывод, ясный, неоспоримый и неизбежный.

Саноне с удивлением смотрел на Керрика. Нет, охотник не говорил, ведь эти звуки не были похожи на речь, и он еще дергался всем телом, мотал головой и размахивал руками словно в припадке.

Заметив недоумение на лице Саноне, Керрик понял, что, думая об иилане′, он неосознанно заговорил на их языке. Теперь следовало и поразмыслить, как это делали иилане,′ — с холодной жестокостью. Продумать все факты, наметить решение. Заговорил он уже на сесеке, тщательно подбирая слова:

— Мы пойдем на мургу войной. На их город, что укрылся на далеком юге. Мы придем туда и убьем их. А когда погибнет это мерзкое поселение, которое они зовут Алпеасаком, все мургу уберутся отсюда. Я знаю их город и знаю, как его уничтожить. Так мы и сделаем. — Он обернулся и на марбаке обратился к Херилаку, стоявшему у края воды: — Херилак, исполнится твое желание, исполнятся сны. Мы уходим отсюда на юг, и ты будешь сакрипексом всех тану, которые последуют за нами. Ты поведешь нас, и мургу погибнут. Я знаю теперь, что и как надлежит нам сделать... как уничтожить их всех. Что ты ответишь мне, великий охотник? Поведешь ли ты нас на юг?

Властные нотки в голосе Керрика заставляли понять, что он знает, о чем говорит. И жажда мести взорвала грудь Херилака яростным воплем согласия.

— Они снова идут! — крикнул Саноне.

...И битва продолжалась, и все мысли о будущем позабылись сами собой.

Глава 26

Натиск иилане′ разбивался о защитников, словно волна о скалу. Фарги гибли. Воодушевление оставило их, и атака снова захлебнулась. Солнце уже опускалось в облака, когда немногие уцелевшие отступили, новых военных действий сегодня можно было уже не ожидать.

В пылу сражения Керрику пришлось забыть о грядущих битвах. Стоя на вершине скалистого гребня, он следил, как канюки и вороны собираются в ожидании роскошного пира. Скоро стемнеет. На сегодня война окончена, иилане′ засели в ночном лагере. Если бы увидеть, чем они заняты. Должен ведь найтись какой-то способ не дать им спокойно заночевать и как следует подготовиться к завтрашнему дню. Слишком уж близки к успеху были они сегодня, впредь такого не следует допускать. Дичь должна превратиться в охотника.

— Надо что-то делать, мы не можем более отсиживаться в ожидании новых атак, — сказал он вскарабкавшемуся наверх Херилаку. Тот со значительностью кивнул, соглашаясь. — Придется последовать за ними.

— Пойдем вместе.

— Хорошо. Только торопиться на смерть незачем. Сегодня в головную повязку Саноне попал шип, но не пробил перекрученной ткани. Эти иглы — не стрелы и не копья — они не вонзаются глубоко.

— Но убивают. Ведь достаточно просто царапины.

— Кто сомневается в том, что они губительны. — Керрик махнул рукой в сторону трупов и собравшихся над ними птиц. — Я вовсе не хочу разделить их участь, когда мы отправимся выслеживать мургу. Но, если завернуться в несколько слоев ткани, шип не сможет проникнуть глубоко. Тогда пусть их караульные стреляют и выдают этим себя. Они умрут, мы уцелеем. Я не хочу подбираться очень близко к лагерю. Немного поближе...

Керрик поделился мыслями с Саноне. И тот мгновенно отправил двоих мандукто бегом за тканью. Он сам обвязал Керрика ею, стараясь надежнее укрыть его складками. Неширокой полосой он обвязал шею и лоб, оставив только узкую щель для глаз. Взяв нестреляный шип, Херилак потыкал им в Керрика, но не сумел проткнуть одеяния.

— Прямо чудо! — изумился он. — Пусть он и меня так обернет. Пойдем-ка поглядим на мургу.

Под плотной тканью было жарко. На лбу Керрика выступил пот, но ткань впитывала его, и глаза не щипало. Он спустился вниз первым. Ступая прямо по трупам, ибо ими был усеян весь спуск, Керрик старался не замечать остекленевших глаз и распахнутых зубастых пастей. Наконец они добрались и до земли. Керрик обернулся и крикнул:

— Мургу мертвы! Спуститесь и соберите стреляющие палки! Часть они унесли, но еще есть чем поживиться.

...Иилане′ на этот раз выставили часовых. Когда облаченные в белую ткань охотники осторожно обогнули выступ, трижды раздался громкий треск. Люди приникли к камням. Послышались новые выстрелы. Обороняясь, охотники сразили двух фарги, третья вскочила на ноги и побежала. Шип, посланный Херилаком, вонзился ей в спину.

Херилак осторожно извлек иголку из ткани на груди Керрика и удовлетворенно заметил:

— Жарко... но мы с тобой живы.

Прежде чем отправиться дальше, Керрик тоже извлек две иглы из одежды друга.

— Эту иилане' я знаю, — заметил Керрик. — Она охотница, приближенная Сталлан. Обе здесь... И Вейнте', и Сталлан... — Руки его невольно стиснули хесотсан. — Если бы только встретиться с ними обеими!

— Заберем их палки на обратном пути, — глядя вперед, проговорил Херилак.

Поднявшись по береговому откосу, люди увидели лагерь иилане'. Бродили ездовые звери, высились груды припасов, сновали фарги... Их было куда больше, чем погибло сегодня. Со страхом Керрик представил себе, сколько их тут еще... Но все-таки они отбились. И если иилане' нападут снова, люди опять отразят атаку. Если Вейнте' желает погубить всех своих фарги, что ж, тану охотно помогут ей.

Лагерь со всех сторон охраняли. Но, когда солнце спустилось за горизонт, часовые стали возвращаться в лагерь через отверстия в цепи защитных средств, оставленные усердными фарги.

— Ловушки и сигналы, — сказал Керрик. — Видишь их среди травы? А эти длинноногие, позади всех заслонов... Они, наверное, и светили на нас тогда.

— А теперь все внутри и закрывают за собой последний вход.

— Ладно. Посмотрим, как близко можно к ним подойти. До рассвета они не выйдут наружу. Я хочу видеть, что они там соорудили.

Херилак не решался подходить ближе, помня, что быстроногие верховые животные бегали куда быстрее охотника. Но Керрик пошел вперед — он-то знал иилане' и понимал, что ни одна не рискнет высунуть нос из-за живой ограды вокруг лагеря ночью.

Когда охотники добрались до внешнего кольца лиан, было еще не совсем темно, и они успели заметить шипы, медленно набухавшие на ветвях.

— Отравленные, можешь не сомневаться, — произнес Керрик. — Довольно. Сюда долетит и игла, если они примутся стрелять из лагеря.

— А эти почему не стреляют? — Херилак показал на мургу с палками, застывшими по ту сторону ограды.

Они молча и невозмутимо глядели на охотников. За часовыми двигались фарги, они ели, ложились и не обращали никакого внимания на подошедших врагов.

— У них нет приказа стрелять, — объяснил Керрик. — Фарги

сами не думают, они только выполняют приказы. Должно быть, им приказано стрелять, лишь когда засветятся эти существа. И они повинуются. А теперь давай проверим, чем они собираются приветствовать нас. — Он указал на невысокий пригорок. — Укроемся на всякий случай. Как бы чего не вышло.

Керрик выковырял кусок дерна и швырнул его в сторону лагеря.

— Ложись! — крикнул он Херилаку и бросился на землю.

«Снаряд» упал прямо за защитной стеной. И в то же мгновение зажегся яркий свет, из-за ограды послышался непрерывный треск. Стреляли из множества хесотсанов, шипы посвистывали над головами лежащих. Охотники прижались к земле и ждали. Наконец послышались голоса, стрельба прекратилась, огни померкли и погасли.

Люди осторожно встали, еще ослепленные мощным светом. Вокруг из земли торчали какие-то длинные шипы.

— Что-то новое, — произнес Керрик, — таких больших я прежде не видел... Смотри-ка, из обычной палки так далеко не выстрелить. Должно быть, они вырастили палки посильнее и выучили их стрелять, если враги касаются сигнальных лиан. По-моему, даже в нашей одежде лучше держаться от них подальше.

Охотники быстро отошли на безопасное расстояние и оглянулись на темный и безмолвный лагерь врагов. Керрик медленно размотал один кусок ткани. Он озирался вокруг и думал.

— Скажи мне, Херилак, ты ведь ловкий стрелок — можно ли отсюда достать выстрелом до лагеря?

Стащив с головы повязку, Херилак вытер ею взмокшее лицо, взглянул на пригорок, где они только что стояли, и дальше — на лианы и живые огни.

— Непросто. Если хорошо натянуть лук — стрела долетит, но на таком расстоянии не прицелишься.

— Это неважно, главное, чтобы стрела долетела. А саску добросят копья своими металками... По-моему, так.

— Хорошо придумал, маргалус, — улыбнувшись, ответил Херилак. — Мургу набились туда, как зерна в початок. Трудно будет промазать.

— Я хочу, чтобы мургу сегодня не спали, чтобы им было о чем подумать! Отметим это место, чтобы найти его, когда вернемся.

— С луками и стрелами!

...Херилак не ошибся. Выпущенная сильной рукой стрела высоко взлетела и упала в лагерь. Послышался тонкий крик, и

охотники радостно загоготали, хлопая друг друга по плечам. Потом Саноне вложил копье в металку. Оно со свистом исчезло во тьме — послышался крик животного, значит, и копье попало в цель. Вдруг охотников ослепил резкий свет. Навстречу понеслось целое облако игл, но ни одна не долетела до цели. Завязался ночной бой.

Несмотря на слова Керрика, охотники не поверили, что враги станут отсиживаться за живыми укреплениями и не решатся прогнать назойливых мучителей. Люди уже приготовились бежать, но вылазки не последовало. В лагере только мелькали огни, бегали фарги, пытаясь укрыться от стрел и копий.

Запасы стрел были не безграничны, и Херилак велел прекратить стрелять. Огни погасли, мургу снова улеглись. Но тут стрелы полетели опять.

Так продолжалось всю ночь. Охотники сменяли друг друга. Херилак и Керрик успели вздремнуть. На рассвете охотникам было приказано отступить за каменные стены.

Весь день люди ждали атаки: одни караулили, другие спали. Утро прошло, но атаки не было. К полудню Херилака стали осаждать желающие разведать, что творится в стане врага. Он отказал всем.

А в сумерках Херилак с Керриком вновь завернулись в ткани. Они шли осторожно, держа оружие наготове, но сегодня их никто не подкарауливал. Крадучись, они пробрались вверх по склону и, высунув из-за выступа головы, оглядели равнину сквозь щели в ткани.

Вокруг было пусто.

Враг исчез так же внезапно, как и появился. След их, усеянный экскрементами, тянулся к горизонту.

— Ушли! Мы их победили! — завопил Херилак, потрясая кулаками над головой.

— Победили? — переспросил Керрик, пошатнувшись от усталости. Скрестив ноги, он опустился на землю, срывая с головы душную ткань. — Да, мы их победили... здесь. Но мургу как ядовитые колючки. В одном месте вырвешь — в другом вырастет две.

— Надо вырвать их с корнем, навсегда. Вырвать и раздавить, чтобы не вернулись, не выросли снова.

Керрик печально кивнул.

— Это нам и придется сделать. Я знаю, как мы поступим. Надо сейчас же созвать саммады и всех мандукто саску. Настало время стереть иилане′ с лица земли. Стереть, как они хотели уничтожить нас. Пусть теперь они защищаются.

Глава 27

Обливаясь потом возле жарких углей, двое мальчишек подкидывали сухой хворост в костер, когда огонь затухал. Языки пламени взмывали вверх, озаряя пещеру золотистым неровным светом, и нарисованные животные, казалось, шевелились, оживая. Саноне еще не явился, но остальные мандукто уже сидели под изображением мастодонтов. Керрик, Херилак и саммадары сидели рядом.

Напротив расселись охотники, позади них — остальные тану. Саноне согласился на это с великой неохотой, ибо в обычае саску было, чтобы все решали мандукто. Ему было трудно понять, что саммадары пользуются куда меньшей властью. Порешили на том, что предводители будут по одну сторону костра, а саммады — по другую. Саску вовсе не были уверены в том, что в таком необычном расположении может быть какой-то толк, и лишь немногие подходили поближе и прислушивались, заглядывая через плечи сидящих. Когда во тьме протрубил мастодонт, они восторженно, но с опаской зашевелились. Под стук тяжелых шагов приблизились темные силуэты с факелами.

Пришедшие выступили на свет. Огромную самку по имени Дооха вел Саноне, один из мальчиков-тану, забравшись ей на шею, погонял ее. Но саску смотрели не на нее, а на новорожденного слоненка. Саноне погладил крошечный хобот, и вокруг послышался блаженный ропот. После этого он присоединился к сидевшим возле огня.

Армун сидела позади охотников, спящий младенец тихо посапывал в мешке из оленьих шкур. Керрик поднялся, все вокруг умолкли. Армун прикрыла лицо руками, чтобы никто не видел ее гордой улыбки. Стройный и крепкий, стоял он у костра, длинные волосы покрывали одежду из харадиса, борода отросла как положено. Когда наступило молчание, он повернулся, чтобы все слышали его слова:

— Вчера мы убивали мургу. Сегодня мы хоронили мургу, и все знают, сколько их погибло в бою. Мы убивали их во множестве, а те немногие, что уцелели, бежали.

Среди охотников послышались возгласы одобрения, когда он повторил эти слова на сесеке. Из обступившей тьмы послышался треск сделанных из тыкв погремушек. Керрик подождал, пока все умолкли. Потом продолжил:

— Вернутся они не скоро, но ждите — вернутся. И вернут-

ся сильнее, чем были, с новым, более сильным и губительным оружием. Они всегда возвращаются. Мургу будут возвращаться снова и снова, пока мы все не погибнем. Это правда, и ее следует помнить. Как следует помнить и о тех, кто погиб.

Воцарилось скорбное молчание. Потом раздался низкий голос Херилака:

— Да, такова правда. Керрик знает это, ведь его саммад мургу истребили первым. Он один уцелел, а потом жил в плену у мургу и узнал там их речь. Ему ведомы их пути, а потому слушайте, когда он говорит о мургу. Слушайте и меня, когда я говорю о смерти... или Ортнара, что сидит среди нас, ведь все остальные в нашем саммаде погибли. Все охотники, женщины, дети, все мастодонты... всех убили мургу.

Слушатели скорбно задвигались, а Саноне возвел глаза к изображению мастодонта и стал молиться огромному зверю, не забывая прислушиваться к словам Керрика, переводившего речь Херилака.

— Некуда бежать, некуда спрятаться, — сказал Керрик, обращаясь ко всем. — Люди, сидящие здесь у костра, бились с мургу на берегу великого океана, бились на равнине, где живут утконосые, и когда мы перебрались за горы, чтобы спастись от них, нам пришлось биться с ними в этой долине. А теперь окончилось время нашего бегства. Мы знаем, что они разыщут нас повсюду. Поэтому я скажу вам, что следует делать. — Керрик перевел дыхание, внимательно оглядел лица и заговорил снова: — Мы должны увести войну в их края, в их землю, в их город. Мы должны уничтожить его.

В разразившихся воплях сомнение мешалось с одобрением. Саску вопросительно переглядывались, и Керрик повторил сказанное на сесеке. Потом возвысил голос Хар-Хавола, и все умолкли.

— Как мы можем это сделать? Разве можно осилить бесчисленную армию мургу? Разве можно уничтожить целый город? Я не понимаю.

— Слушай же, — проговорил Керрик. — Вот как это можно сделать. Херилак знает пути, что ведут к городу Алпеасаку: он водил туда охотников, убивал там мургу... и вернулся живым. И он снова сделает это. Только на этот раз он поведет не горстку охотников, а большой отряд. Охотники пойдут осторожно, джунглями, и мургу не увидят их, как бы ни рыскали повсюду. Он приведет охотников в Алпеасак, и мы уничтожим этот город и всех

мургу в нем. А сейчас я расскажу вам, как это сделать. Я поведаю всем, как это будет сделано. — И, обратившись к мандукто, он повторил эти слова, чтобы поняли и они.

Наступило полное молчание. Никто не шевелился. Все глаза были устремлены на говорившего. Он шагнул вперед. Вдруг пискнул ребенок, его мгновенно утихомирили. Еще шаг, другой, и Керрик встал возле огня. Подхватив сухую ветку, он ткнул ею в самый жар. Пошевелил угли, так что вверх взвилось облако искр. Выхватив вспыхнувшую ветвь, он высоко поднял ее над головой.

— Вот что мы сделаем! Принесем огонь в город, выращенный из деревьев, город, никогда не видевший пламени. Мургу не знают огня, они не ведают о разрушениях, которые он приносит. А мы им покажем. Мы запалим их Алпеасак! Мы испепелим его! Сожжем всех мургу. Только пепел останется.

Слова его потонули в диком восторженном крике.

Тяжело ступая, Херилак подошел к нему и тоже взметнул вверх горящую ветвь в знак согласия. Остальные саммадары последовали его примеру.

Тем временем Керрик повторил то же самое для мандукто. Внимательно выслушав, Саноне помедлил и, отступив на шаг, подождал, пока не умолкнет поднявшийся шум. Тогда он шагнул к огню, выхватил пылающую ветвь и высоко воздел ее.

— Кадайр сотворил для нас эту долину и привел в нее саску, когда повсюду еще царила тьма. А потом он сотворил для нас звезды, чтобы небо не казалось пустым, и луну, чтобы светить по ночам. Но все-таки деревьям и травам было темно, и они не росли. Тогда он поместил на небо солнце. Мир стал таким, какой он сейчас. И мы живем в этой долине, потому что мы дети Кадайра. — Он медленно оглядел притихших людей и в абсолютном молчании, набрав в легкие воздуха, выкрикнул одно только слово: — Карогнис!

Женщины саску в страхе прикрыли лица, мужчины застонали, тану же следили за всем с нескрываемым интересом, но ни слова не понимали. Саноне расхаживал возле огня и говорил громко и повелительно:

— Карогнис пришел в обличье этих тварей, зовущихся мургу, и они были разбиты. Уцелевшие бежали. Но этого мало. Пока они живы, жив и Карогнис, а пока он существует, мы не можем считать себя в безопасности. И потому Кадайр явился к нам в обличье этого новорожденного мастодонта, чтобы показать нам, как погубить Карогниса. Люди мастодонта нападут на город мургу, они погубят

мургу. — Резко нагнувшись, он выхватил другую горящую ветвь и покрутил ею над головой. — Саску идут в бой! Да погибнет Карогнис! Мы будем сражаться рядом. Осмелившихся поднять руку на священных зверей покарает огонь.

Жест был достаточно красноречивым — чтобы понять его, не требовались слова. Охотники разразились одобрительным ревом. Будущее решено. Теперь все хотели говорить. Поднявшиеся крики и шум с трудом прекратил Херилак.

— Довольно! Мы знаем, что следует делать, но я хочу услышать от Керрика, как это можно осуществить. Я знаю, он давно обдумывал. Пусть говорит.

— Я скажу, как это сделать, — отозвался Керрик. — Сразу, как только снега сойдут с перевалов, мы вновь пересечем горы со всеми саммадами. Мургу могут заметить нас, и, конечно же, они нас увидят, когда мы окажемся на другой стороне. Но они увидят саммады на перекочевке, а не вооруженный отряд тану. Их следует обмануть. Мы пойдем на запад, встретимся с другими саммадами, и разойдемся с ними, и сойдемся вновь, чтобы запутать следы. Для мургу мы все на одно лицо, и они потеряют нас. Тогда мы двинемся к берегу моря. Будем охотиться, будем рыбачить... как тогда, когда мы перебили на берегу войско мургу, пришедшее убить нас. Они это увидят и примут за очередную ловушку.

Керрик много думал об этом, пытаясь представить себе мысли иилане′ и их поступки. Он прекрасно знал, что будет делать Вейнте′. Жестокая и безжалостная, она будет вновь и вновь бросать на них отряды фарги, пытаясь убить всех устузоу. Она, конечно же, заподозрит ловушку и попытается завладеть ситуацией. Она могла решиться на многое. Керрик не знал, каким именно путем она воспользуется. Когда она нанесет удар, саммадов на этом месте уже не должно быть.

— Неважно, что решат мургу, — продолжал он. — Саммады оставят берег, прежде чем туда придут враги. Они пробудут у моря ровно столько, сколько потребуется, чтобы запастись едой на всю зиму. Это будет легко сделать: охотников много, тех, кто только ест, — мало. А когда мы вернемся к холмам — разделимся. Саммады уйдут в горы, к снегам, в безопасное место. А охотники повернут на юг. Мы возьмем немного мяса, но будем охотиться по пути. Херилаку ведомы тропы через холмы, он дважды прошел этим путем. И мы пойдем, как одни только охотники идут через лес. Может быть, нас и не заметят. Но у мургу много глаз, и от всех не укроешься. Это неважно. Они не сумеют остановить нас.

Только несколько охотниц из всех мургу знают леса; нас же много. И те, кто сумеет выследить нас, умрут. Если они пошлют против нас войско — оно погибнет. А мы спрячемся в лесах и будем ждать своего часа. Когда задуют сухие ветры, до наступления зимних дождей мы нападем на них и спалим этот город. Так мы поступим.

Все было решено. Если кто-то и хотел возразить, он промолчал. Говорившие у огня одобряли план. Они жаждали битвы.

Когда костер погас и разговор иссяк, все разошлись по шатрам и пещерам. Армун шла рядом с Керриком.

— А ты действительно должен сделать это? — спросила она, и в голосе ее послышалась боль. Керрик промолчал. — Керрик, не храбрись. Я не хочу жить в этом мире, если в нем не станет тебя.

— И я без тебя. Но мы должны это сделать! Эта тварь, эта Вейнте′, будет вновь и вновь приходить к нам войной, пока кто-нибудь из нас двоих не погибнет. И я хочу, чтобы война пылала в Алпеасаке, чтобы сгинула она, а не я. Умрет она, сгорит город, сгинут иилане′ — и мы будем жить в мире. Но только тогда. Пойми. Ничего другого мне просто не остается.

Глава 28

После возвращения в Алпеасак Вейнте′ стало ясно, что она потеряла расположение Малсас<. И причину не трудно было понять. Ведь Вейнте′ стала первой сарн′еното города, и власть ее, случалось, бывала большей, чем у самой эйстаа. И Малсас<, соглашаясь с этим, одобряла все предпринимаемые Вейнте′ меры. Опала поджидала Вейнте′, когда она вернулась с запада.

До сих пор все ресурсы города были к ее услугам, да что там города — всего далекого континента за морем. Флот урукето, доставивший жительниц Инегбана в Алпеасак, много раз отправлялся в города Энтобана, чтобы привезти желающих переселиться. Им говорили, что за морем на западе лежит целый неведомый континент и на нем растет город Алпеасак. Этот город, растущий в неизвестной глуши, мог быть полезным всем городам Энтобана: он мог принять всех топтавшихся по улицам города фарги, попусту изводивших так много пищи. И все эйстаа лишь рады были отделаться от лишних фарги. А потому охотно делали небольшие подарки — животных и растения, полезные для Алпеасака.

А тем временем возле Алпеасака росла модель Гендаси. Сначала на ней в подробностях было нанесено только побережье к северу от Алпеасака. О суше же ничего не было известно. Но все постепенно менялось — рапторы и другие птицы с каждым днем приносили все больше и больше снимков огромного континента. Умелые иилане′ по плоским картинкам воссоздавали на модели реки и горы, леса и долины. К западу от Алпеасака простиралось теплое море с цветущими берегами. Широкие реки вливались в него из этой страны изобилия, что должна была принадлежать иилане′, а не устузоу, которые отравляли дивные края своим мерзким присутствием. Устузоу так и засели на своем севере, но местоположение стай тщательно отмечалось. Стаи были рассыпаны узкой полоской от океана до высоких гор, к югу от снега и льда. Настанет время, и их уничтожат поодиночке. Когда некоторые отваживались забредать на юг, Вейнте′ брала своих фарги, верных уруктопов и таракастов и отправлялась на север, чтобы уничтожить устузоу, прогнать их к снегам и льдам. С каждой победой слава Вейнте′ росла. И к падению ее привела крупная неудача.

Когда на западе обнаружили новые стаи устузоу, искавшие тепла и покоя подальше от льдов, Вейнте′ мгновенно сообразила, что делать. Идти надо было далеко, но жажда мести гнала ее. Чтобы доставить столько фарги и животных к месту высадки, потребовался целый флот урукето. И в конце зимы Вейнте′ выступила во главе армии, какой еще не знал мир.

На побережье высадилось великолепно вооруженное, снабженное всем необходимым войско. Иилане′ знали, где скрывались устузоу; они собирались по одной уничтожить их стаи. Так должна была прийти погибель всех устузоу.

Но армия вернулась разбитой.

В городе об этом стало известно задолго до того, как на берег ступила первая фарги. Когда Вейнте′ докладывала совету, Малсас< отсутствовала. Это уже было знаком очевидной немилости. Совет холодно выслушал ее объяснения, подвел итоги потерь и отпустил. Ее, Вейнте′, отослали, как простую дурочку фарги!

Впавшая в опалу Вейнте′ даже не подходила к амбесиду, где в самом сердце города восседала эйстаа. Она держалась подальше и, всеми забытая, в одиночестве, дожидалась вестей, которых все не было.

Она была отверженной, и никто не подходил к ней, дабы не разделить ее участь.

Но через много дней появилась первая гостья, да такая, что Вейнте′ охотнее не видела бы ее вовсе. Но от встречи с эфенселе нельзя уклоняться...

— Ну кто же еще... — угрюмо сказала Вейнте′. — Только Дочь Смерти может решиться повидать меня.

— Я хочу поговорить, эфенселе, — ответила Энге. — Я слышала многое о последнем походе, и новости печалят меня.

— Я и сама не рада, эфенселе. В поход я ушла как сарн′еното. А теперь сижу и тщетно дожидаюсь приказов... Даже не знаю, сарн′еното я или уже ниже нижайшей фарги.

— Я вовсе не собираюсь усугублять твою беду. Но если хочешь быть на гребне самой высокой волны...

— ...окажешься в самой глубокой впадине между валов. Прибереги эти примитивные размышления для подруг. Я знаю все эти благоглупости, изреченные вашей несравненной Фарнексеи, и полностью отвергаю их... до последнего слова.

— Я не задержу тебя. Я хочу лишь узнать правду, кроющуюся за слухами.

Вейнте′ оборвала ее протестующим жестом.

— И знать не хочу, о чем болтают между собой жирные фарги, а уж обсуждать их бестолковые речи вовсе не собираюсь.

— Тогда поговорим о фактах, — невозмутимо и сурово продолжала Энге. — Вот факт, известный нам обеим. Сомнениями и спорами Пелейне′ расколола Дочерей надвое. Многих она убедила в том, что справедливость за тобой, и эти заблудшие увеличили численность твоей армии. Они ушли с тобой на кровавое дело. И не вернулись.

— Конечно, — ответила Вейнте′, ограничив движения, чтобы не сказать лишнего, и сразу застыла. — Все они погибли.

— Ты их убила!

— Не я — устузоу.

— Если ты послала их в бой безоружными, как они могли уцелеть?

— Я посылала их на устузоу, как и всех остальных. А они решили не пользоваться оружием.

— А почему они так решили? Ты должна мне ответить! — Энге наклонилась вперед, тревожно ожидая ответа.

Вейнте′ отодвинулась от нее.

— Я не хочу тебе говорить, — ответила Вейнте′, вновь ограничившись минимумом информации. — Оставь меня!

— Нет, пока ты не ответишь на мой вопрос. Я долго думала обо

всем этом и поняла, что причина их действий имеет значение для самого нашего существования. Мы с Пелейне' по-разному толковали учение Угуненапсы. Пелейне' и ее последовательницы посчитали твое дело справедливым и пошли с тобой. Они погибли. Почему?

— Ты не получишь ответа. Ни одним словом я не помогу вашей разрушительной философии. Уходи!

Мрачная неподвижность Вейнте' была непреклонной, но и Энге казалась не менее настойчивой и упрямой.

— Отсюда они ушли с оружием. А умерли с пустыми руками. Ты сказала, что они выбрали эту участь. А ты что выбрала? Убийство! Словно скот послала их на убой, на смерть.

Энге добилась своего — конечности Вейнте' затряслись, но она сохраняла молчание. Энге безжалостно продолжала:

— А теперь я спрашиваю: почему они так решили? Что переменило их отношение к оружию? В походе что-то произошло. Ты знаешь и расскажешь мне.

— Никогда!

— Расскажешь!

Подавшись вперед и приоткрыв рот, Энге крепко стиснула руки Вейнте' могучими большими пальцами. Движения Вейнте' выражали удовольствие, и Энге ослабила хватку и отшатнулась.

— Дразнишь, хочешь, чтобы я прибегла к насилию, — задыхаясь от напряжения — приходилось сдерживать эмоции, — проговорила Энге. — Ты подстроила, чтобы я забылась, чтобы стала такой же, как ты... с твоим вечным насилием. Но я не стану более опускаться, как ни старайся. Я не опущусь до твоей животной сущности.

Гнев смел все самообладание Вейнте', выплеснул раздражение, скопившееся после возвращения и опалы.

— Она не опустится! Да ты уже опустилась! Посмотри на эти раны от твоих когтей — видишь? — кровь! И твое драгоценное высокомерие такая же пустышка, как ты сама. Я сержусь, но и ты сердишься, я могу убить, но и ты тоже.

— Нет, — успокоившись, ответила Энге, — этого не будет: так низко я никогда не паду.

— Никогда? Подожди, настанет и твой черед. Как и тех, что пошли за Пелейне'. Они с радостью целились и убивали эту заразу, этих червей устузоу. Хоть на миг они стали настоящими иилане', не скулящими презренными выродками.

— Они убили — и умерли, — тихо проговорила Энге.

— Да, умерли. Просто не могли вынести, что оказались не лучше, нисколько не лучше всех остальных.

Тут Вейнте' замолчала, осознав, что в гневе проговорилась и ответила на вопрос Энге, подтвердив ее идиотскую уверенность.

Гнев Энге мгновенно утих, когда правда дошла до нее.

— Благодарю тебя, эфенселе, благодарю. Сегодня ты сделала очень важную вещь и для меня, и для всех Дочерей Жизни. Ты подтвердила, что мы на правильном пути и должны идти по нему, не сворачивая. Только так дойдем до истины, предреченной Угуненапсой. Те, что убивали, умерли сами. И остальные видели это и решили умереть иначе. Так это случилось, не правда ли?

— Так случилось, но не по этой причине, — заговорила Вейнте' в холодном гневе. — Они погибли не потому, что были лучше, не потому, что были выше остальных иилане', а потому, что оказались такими же. Они-то думали, что смерть их минует. Отверженных и безымянных, изгнанных из города. Они ошиблись. Они умерли тем же образом. И вы не лучше всех прочих... если только не хуже.

Задумавшись, Энге повернулась и молча направилась к выходу. В дверях она обернулась.

— Благодарю тебя, эфенселе, — проговорила она, — благодарю тебя за огромнейшую из истин. Мне жаль, что стольким пришлось умереть, чтобы мы осознали ее, но, может быть, иначе мы не могли бы понять. Быть может, и ты, жаждущая только крови, поможешь нам в обретении жизни. Благодарю.

Вейнте' зашипела в гневе и разодрала бы глотку Энге, если бы та не ушла. Такие дерзости трудно было снести. Надо что-то делать. Не отправиться ли на амбесид и, встав перед эйстаа, обратиться к ней? Нет, это не годится, унижения перед всеми иилане' она не перенесет. Что же тогда? На кого положиться? Только на нее, на нее одну. Ту иилане', что считает истребление устузоу самым важным делом на свете. Она вышла, подозвала проходившую фарги и что-то ей приказала.

...День близился к вечеру, никто так и не пришел, и Вейнте' из гнева постепенно впала в прострацию, в безмолвное и бездумное оцепенение. И столь темна была тоска ее, что она с трудом смогла очнуться, когда перед ней оказалась иилане'.

— Это ты, Сталлан?

— Ты посылала за мной?

— Да. Ты ведь не пришла ко мне по собственной воле.

— Конечно. Если бы это заметили, узнала бы и Малсас<. Подобного внимания от эйстаа мне не нужно.

— Я думала, что ты служишь мне. Или теперь ты ценишь свою чешуйчатую шкуру дороже?

Сталлан стояла, расставив ноги.

— Нет, Вейнте′, дело важнее. И мое дело — убивать устузоу. Ты ведешь — я следую за тобой. На север, где ползают эти черви. Они любят, чтобы их давили. А если ты не ведешь — я жду.

Настроение Вейнте′ слегка улучшилось.

— Не признание ли это, могучая Сталлан? Не намек ли, что лучше было бы вовремя убить одного только устузоу? И тогда не нужна была бы вся эта великая война?

— Ты сказала, Вейнте′. Не я. Но знай, что и я тоже разделяю твое желание разодрать глотку этому устузоу.

— А может, пусть бегает и прячется от наших отрядов?

Вейнте′ металась по комнате вперед и назад, извиваясь от раздражения, царапая когтями плетеные циновки.

— Сталлан, я говорю это тебе одной. Возможно, последний бой был напрасным. Но ведь когда мы начали сражение, никто не знал, чем оно окончится, а потом всех поглотила горячка боя. Даже тех, что теперь не станут говорить со мной. — Обернувшись, она указала большим пальцем на Сталлан. — Скажи мне, верная Сталлан, как получилось, что все время ты избегала моего общества, а теперь оказалась здесь?

— Потери забыты. В конце концов, это были всего лишь фарги. А теперь все говорят лишь об иилане′, что погибли в лесах, о тех самцах, убитых устузоу на пляже. Я позаботилась, чтобы иилане′ видели снимки, принесенные птицами, чтобы иилане′ видели устузоу. И иилане′ смотрят на них и гневаются. Они спрашивают, почему теперь никто не бьет устузоу?

От удовольствия Вейнте′ издала хриплый, похожий на каркань звук.

— Верная Сталлан, я была несправедлива к тебе. Пока я пряталась здесь, ты сделала то, что наконец снимет мою опалу. Напомнила всем об устузоу. Показала всем, на что способны эти мерзкие черви. Там, на севере, — устузоу, они любят, чтобы их убивали. Скоро иилане′ придут ко мне, Сталлан, они вспомнят мое умение. Уж я-то умею убивать. Всем случается ошибаться и учиться на собственных ошибках. Теперь мы будем убивать их спокойно и уверенно. Как мы срываем с дерева плод, чтобы накормить животное, так оборвем мы все дерево устузоу, чтобы ни

единого не осталось, и вся Гендаси, все просторы ее будут принадлежать нам, иилане′.

— Я помогу тебе в этом, Вейнте′. В тот день, когда я впервые увидела устузоу, я сразу же поняла: или они, или иилане′. Кто-то из нас должен погибнуть.

— Это правда. В этом наша судьба, и от нее нельзя уйти. Настанет день, когда череп последнего устузоу повиснет на шипах Стены Памяти.

— Ты, Вейнте′, повесишь его туда своими руками, — спокойно и искренне проговорила Сталлан. — Ты — и никто другой.

Глава 29

Каждый вечер на закате Вейнте′ приходила к модели Гендаси. К этому времени строительницы уже заканчивали работу, и во всем обширном, залитом сумеречным светом пространстве Вейнте′ оставалась одна. Здесь она изучала все свершившиеся за день перемены, внимательно следила за новостями, которые приносили птицы. Было лето, и все животные кочевали, стаи устузоу тоже. Они сходились и расходились, сказать, кто куда направился, было трудно. Не обладая теперь властью, она не могла направлять полеты птиц, а потому вынуждена была удовлетворяться той информацией, которую давали снимки.

Однажды вечером Сталлан принесла с собой свежие снимки, собираясь сравнить их с моделью. Вейнте′ с жадностью выхватила их и принялась разглядывать в вечернем свете. Хоть они ни о чем и не договаривались, но, когда Сталлан обнаружила, что Вейнте′ бывает в эти часы у модели, она стала каждый вечер являться туда и приносить новые снимки перемещений устузоу. Так Вейнте′, как и все жительницы города, могла узнавать об этих существах, которых поклялась уничтожить.

Раз Вейнте′ не командовала теперь полетами раптора, ей приходилось довольствоваться тем, что ей приносили. И когда попадались новые снимки долины на юге, она всегда внимательно проверяла, что делают тамошние устузоу. Поэтому, когда однажды кожаные жилища и огромные звери исчезли, она не удивилась. Керрик не собирался дожидаться ее возвращения. Он исчез. Но он непременно объявится снова. Она была уверена в этом.

Все это долгое лето она только изучала модель, думала и гада-

ла. Она следила за перемещениями всех стай устузоу — одна из самых крупных двигалась к востоку. Когда эта стая оставила горы и направилась на берег моря, Вейнте′ ничего не сказала. Она молчала даже тогда, когда они остановились в месте, удобном для атаки с моря. Терпения, больше терпения. Сталлан рассказывала о тревожных разговорах среди иилане′, обнаруживших устузоу в такой близости, о всеобщем неудовольствии по поводу того, что устузоу оставили в покое. Эти речи, конечно, доходили до Малсас<, и она тоже изучала снимки, а значит, должна была что-то предпринимать. Всеобщее внимание было теперь обращено к Малсас<, а потому Вейнте′ могла сдерживать свое нетерпение. Впрочем, это ей удавалось с трудом. Но терять ей было нечего, а приобрести она могла многое. И когда за ней явилась фарги, возбуждение свое она спрятала за мрачной неподвижностью.

— Сообщение, Вейнте′, сообщение от эйстаа.

— Говори.

— Необходимо твое присутствие на амбесиде.

— Возвращайся. Я иду.

Этот момент Вейнте′ тщательно обдумала: нужно было решить, когда ей выйти, получив приглашение... Слишком медлить не следовало, чтобы без причины не возбуждать гнев Малсас<. Она обдумывала формальные жесты, потом оставила эту идею. Ничего наигранного быть не должно. Она только капнула несколько раз на ладони душистым маслом и натерла им гребень, так что он слегка залоснился. Остальное ушло на предплечья и тыльную сторону ладоней. И Вейнте посчитала приготовления завершенными. После чего она отправилась в путь и, хотя не торопилась, выбрала кратчайшую дорогу до амбесида. Там, в сердце города, когда-то восседала она как эйстаа. А теперь возвращается туда, но... как просительница? Как кающаяся грешница? Нет-нет, конечно, лучше умереть, чем выпрашивать милости. Она шла, готовая повиноваться, служить Алпеасаку и не более. И решение это виделось в каждом ее движении.

Теперь амбесид стал больше. Ведь Инегбан, пришедший в Алпеасак, увеличил число титулованных иилане′. Они стояли группами, разговаривали или медленно переходили от группы к группе. Заметив появление Вейнте′, они уступали ей дорогу, но словно не замечали и не приветствовали ее. Да, она пришла на амбесид, но до разговора с Малсас< ее словно бы и не было там.

Стоявшие вокруг эйстаа расступались, как бы случайно шагнув в сторону, и давали пройти. Этих дерзостей она не замечала,

а просто шла, чтобы предстать перед Малсас<. Возле эйстаа стояла Сталлан. Охотница поглядела на Вейнте′, и по ладоням ее побежали цвета узнавания. Вейнте′ ответила на приветствие, решив запомнить смелый в своей простоте поступок. Это когда все отворачивались... Она остановилась перед Малсас<, безмолвно ожидая, пока эйстаа медленно повернет один глаз в ее сторону.

— Я здесь, эйстаа.

— Знаешь ли ты, что я приказала Сталлан отправиться в путь и убить их?

— Этого я не знала... Но мне известно, что Сталлан принесет верную смерть устузоу.

— Рада слышать, что ты говоришь это. Но Сталлан не согласна. Она утверждает, что не сумеет возглавить преследование устузоу в качестве сарн′еното. Ты согласна с нею?

Ответ следовало взвесить: говорить приходилось с великой осторожностью. Вейнте′ грозила опасность, и снисхождения ожидать не приходилось. И когда она заговорила, в движениях ее виделась искренность и уверенность.

— Сталлан очень искусна в уничтожении устузоу, все мы учимся у нее. А что до того, быть ли ей сарн′еното или нет, — судить не мне. Только эйстаа может возвести в сарн′еното, только эйстаа может низложить.

Так она сказала. Ни возмущения, ни попытки спорить, ни лести не было в ее словах — только констатация факта. Решение всегда принимает эйстаа. Ей можно советовать, но решает она одна.

Все присутствовавшие молчали. Малсас< переводила взгляд с Вейнте′ на Сталлан. Сталлан застыла словно дерево, невозмутимая и безмолвная, готовая повиноваться любому приказу. Всякая иилане′, увидев ее, сразу поняла бы, что возражать эйстаа она не будет. И если эйстаа решит, что Сталлан не по плечу быть сарн′еното, спорить она не будет.

И Вейнте′ тоже не обнаруживала неудовольствия, она пришла, чтобы повиноваться. Поглядев на обеих, Малсас< сделала выбор.

— Устузоу должны быть истреблены. Я, эйстаа, именую Вейнте′ сарн′еното, чтобы она выполнила это. И как ты будешь выполнять мой приказ, сарн′еното?

Вейнте′ постаралась скрыть всю радость, все рвущееся наружу ликование. Она молчаливо отсалютовала. А потом заговорила:

— Все устузоу сейчас стараются держаться подальше от бере-

гов, где мы истребляли их. Однажды их стая устроила для нас ловушку на берегу моря. И когда я вижу, что на берегу опять обосновалась какая-то свора этих зверей, я усматриваю в этом намерение обмануть нас. Значит, необходимо сделать две вещи: избежать новой ловушки и перебить устузоу.

— Как ты поступишь?

— Город мы оставим двумя группами. Сталан поведет в лодках на север первый отряд, чтобы напасть на устузоу так, как мы это делали прежде. Они заночуют на берегу и нападут утром. Второй отряд вместе со мной направится в быстром урукето по морю далеко от берега. Мы высадимся к северу от устузоу и нападем неожиданно, прежде чем они заподозрят наше присутствие.

Малсас< жестом показала понимание... и удивление.

— Мы уничтожим стаю устузоу, но разве не смогут тогда другие их своры затаиться и ночью перебить всех фарги вместе со Сталлан во время сна?

— Мудрость эйстаа очевидна в таком сложном деле. Если устузоу будут следить за высадкой Сталлан, то они увидят только, что мы выгружаем мясо и воду, но под покровом тьмы мы доставим и новое ночное оружие. А когда это будет сделано, иилане' погрузятся на ночные лодки — на пляже останется только гибель для устузоу.

Подумав, Малсас< сделала жест согласия.

— Пусть будет так. План хорошо продуман, Вейнте', ты много размышляла над ним.

В ее словах слышалось недоумение: как это Вейнте', которой так долго приходилось только сомневаться в своем положении, ухитрилась строить далеко идущие планы? Но сомнение было не столь уж сильным и совершенно уместным, и Вейнте' не возражала. Она вновь была сарн'еното — остальное не столь существенно. Сдерживая ликование, она проговорила так спокойно, как только сумела:

— Я должна сказать тебе и еще кое-что об отряде Сталлан. Когда мы разрабатывали ночное оружие, мы обнаружили, что только некоторые иилане' могут управляться с ним в темноте, даже при искусственном свете. И только они, подготовив оружие к действию, пойдут потом к лодкам по световым маякам. А всем остальным фарги придется остаться на берегу. И если случится атака, очень возможно, что их перебьют.

— Это скверно, — ответила Малсас<, — и так погибло слишком много фарги.

— Я знаю, эйстаа, кому это знать лучше меня. А потому очень хочу, чтобы фарги не гибли более, и предлагаю заменить их Дочерьми Смерти. Они не будут сражаться, но хоть на что-то эти паразитки должны быть годны!

Предложение это Малсас< восприняла с удовольствием, ладони ее пожелтели.

— Да, Вейнте', ты и есть сарн'еното: у тебя полно умных идей. Выполняй. Выполняй немедленно.

— Приготовления будут закончены сегодня же, все припасы погрузят. Оба отряда отбудут с рассветом.

Времени было в обрез, но Вейнте' давно обдумывала эту вылазку, еще не зная, сможет ли она командовать, но все-таки готовясь к подобной возможности. Поспешные сборы были закончены со всей эффективностью, присущей совместным действиям иилане'. Некоторые сложности были только с Энге. Она добивалась разговора с Вейнте' и собиралась ждать, пока ей не будет дана аудиенция. К ее удивлению, Вейнте' немедленно приняла ее.

— Что за приказы ты отдала, Вейнте'? Что ты хочешь сделать с Дочерьми Жизни?

— Я — сарн'еното. Обращайся ко мне как положено.

Энге чуть не взвилась, но тут же осознала, что гордость сейчас неуместна.

— Нижайшая к высочайшей, торопливая, беспокою я тебя, сарн'еното. Пожалуйста, проинформируй меня о сущности твоих приказаний.

— Ты и твои подруги направитесь в лодках на север. От вас не требуется использовать оружие и убивать. Нужно лишь, чтобы вы трудом помогли городу.

— Но не только: ты мне не обо всем говоришь.

— Да, не обо всем. И не собираюсь говорить. Вы едите пищу Алпеасака. Когда нужна ваша помощь — выполняйте приказы.

— Здесь что-то не так, мне это не нравится. А если мы откажемся?

— Пойдете! Если потребуется, вас скрутят и привяжут друг к другу. А теперь оставь меня. Можете выбирать, но что вы там предпочтете — не будет иметь значения. Оставь меня. Мне необходимо многое сделать.

Жесткость Вейнте' и безразличие ее к участи Дочерей убедили Энге, что в случае неповиновения Дочерей поведут на север в путах... И с первыми лучами солнца Дочери грузили на лодки припасы, а потом покорно последовали туда и сами.

Вейнте′ лично проверила, не забыто ли что-нибудь из ночных ограждений, но, завидев торопившуюся к ней со стопкой снимков Сталлан, она обо всем забыла.

— Вот увеличенные снимки, ты их заказывала, сарн′еното.

— Ты видела его? Он в этой стае?

Движения Сталлан были неуверенными.

— Есть одна тварь, которая на него похожа, но все они покрыты шкурами, не различишь.

Вейнте′ схватила снимки и быстро проглядела их, роняя по одному на землю, и наконец разыскала нужный. Она торжественно подняла его над головой.

— Вот, вне всяких сомнений, это Керрик. Шерсть на нем выросла, ты права, но лицо не изменилось. Значит, он там, на берегу, на этот раз ему не спастись. Все ли ты знаешь, что делать?

— Знаю. Хороший план. — И Сталлан позволила себе одну из редких для нее шуток: — Просто радостный план. Я впервые мечтаю о нападении устузоу на нас.

Закончив погрузку, Сталлан повела лодки на север. И только к концу дня она узнала, что все труды их пропали впустую. Да, все шло по плану, и лодки торопились на север, чтобы к сумеркам добраться до нужного места и вовремя разгрузиться и расставить капкан для устузоу, но захлопнуться ему было не суждено. В последнем свете дня впереди, перед береговым прибоем, они увидели урукето; сопровождающие гиганта энтиисенаты резвились вокруг него. С вершины плавника им махала иилане′. Сталлан распорядилась, чтобы ее подвезли поближе на ночной лодке. Приблизившись, иилане′ крикнула с высоты:

— Я говорю от имени Вейнте′. Она приказывает тебе утром возвращаться в Алпеасак. Везите все назад. Атака не удалась.

Такого Сталлан не ожидала. Она вопросительно и разочарованно зашевелилась.

— Причина в том, — объявила иилане′, — что устузоу ушли. Эти черви оставили берег и поползли изо всех сил в глубь суши. Убивать некого.

Глава 30

Раптор отправился к югу только под вечер. Сначала крылатый хищник поймал кролика и с добычей, брыкавшейся в когтях, взмыл на вершину сухого дерева. Усевшись там, он разодрал жертву на части и проглотил. А потом удовлетворенно замер, переваривая добычу. Темную шишку на ноге было видно издалека. Раптор поточил крючковатый клюв о кору дерева, встопорщил перья и взмыл в воздух. Он поднимался вверх широкими кругами и наконец исчез, направившись к югу.

Один из следивших за птицей мальчишек немедленно понесся к Керрику. Тот, прикрыв ладонью глаза, поглядел на небо и увидел исчезающее в нем белое пятно.

— Херилак, он улетел! — крикнул Керрик.

Рослый охотник отвернулся от туши оленя, которую разделывал, по локоть обагрив руки в крови.

— Могут быть и другие.

— Конечно, нельзя быть уверенным, но стая морских птиц улетела, а мальчишки утверждают, что не видели поблизости других больших птиц.

— Что же ты прикажешь нам делать, маргалус?

— Выступать немедленно, не дожидаясь темноты. Еды теперь хватит, и оставаться здесь незачем.

— Согласен. Собираемся.

Все пожитки были уже перевязаны и подготовлены к отъезду. Шатры уложили на травоисы, запрягли мастодонтов, погрузили оставшиеся вещи. Последний травоис еще заканчивали загружать, а первый мастодонт, негодующе трубя, уже спешил прочь. Охотники на ходу оборачивались, но берег был пустынным, как и небо. На берегу остались дымившиеся костры, полуразделанная туша свисала с козел. Саммады ушли.

Они шли дотемна, потом остановились — поели немного мяса. Так они шли всю ночь, изредка останавливаясь отдохнуть. К рассвету они уже были среди лесистых холмов, вдали от дороги, которую оставили, продвигаясь на запад к морю. Мастодонтов высвободили из травоисов и отпустили пастись, а усталые люди заснули в тени деревьев.

...Армун открыла глаза, когда косые лучи солнца, пробивавшиеся сквозь листву, сказали ей, что уже за полдень. Малыш проголодался и заплакал. Прислонившись к стволу, она поднесла ребенка к груди. Керрика рядом не было — он беседовал с саммадарами на лужайке. Наконец он направился к ней, суровое лицо было серьезным, но, завидев жену, он улыбнулся. Его улыбка словно в зеркале отразилась в ее лице. Керрик сел, и Армун положила ладонь ему на руку.

— Скоро уходим, — проговорил он, отворачиваясь, чтобы не

видеть, как гаснет на ее лице любящая улыбка. Ладонь Армун сжалась.

— Это нужно? — произнесла она, то ли спрашивая, то ли утверждая.

— Ты знаешь. Я должен. План мой, и я не могу допустить, чтобы все ушли в бой без меня.

— И ты оставишь меня?.. — В дрогнувшем голосе слышалась боль, все одиночество прожитой жизни. — Кроме тебя, у меня никого нет...

— Неправда. С тобой останется Арнхвит, и тебе придется заботиться о мальчике. И я, и все мы идем на это лишь для того, чтобы ничто не угрожало саммадам. Разве возможен мир, если мургу будут живы? А когда их не станет, мы заживем спокойно, как прежде. Саммады остановятся на лугу возле излучины. А мы вернемся в начале зимы. Береги себя.

— А ты вернешься, скажи мне, ты вернешься?

Голова ее поникла, и пышные волосы укрыли лицо, как в ту первую встречу. Младенец жадно сосал и причмокивал, озираясь круглыми голубыми глазами. Протянув руку, Керрик легонько приподнял голову Армун за подбородок. Откинув с лица волосы, он кончиками пальцев провел по ее лицу, по раздвоенной губе.

— И я тоже, Армун, всю свою жизнь провел в одиночестве, — тихо проговорил он, чтобы слышала только она. — И я тоже был не таким, как все вокруг меня, и я их ненавидел. А теперь все прошло. Мы вместе, и, когда я вернусь, мы не будем более расставаться. Это я тебе обещаю.

Ласковое прикосновение к губам смутило ее — он еще раз давал ей понять и совершенно искренне, что она дорога ему такая, какая есть, и лицо ее вовсе не кажется ему смешным. Слезы подступили к горлу, и она только коротко кивнула. Керрик встал.

Она глядела на малыша, баюкала его и не поднимала глаз до тех пор, пока охотники не исчезли из виду.

...Отряд возглавлял Херилак. Охотники шли по холмам, стараясь держаться в тени. Сакрипекс шагал быстро и размеренно, остальные не отставали. Все мужчины были крепки и выносливы, все набрались сил перед походом. За плечами была поклажа, в основном пища, так что груз будет легчать с каждым днем. Сейчас лучше не тратить время на охоту, чтобы как можно быстрее уйти от саммадов подальше. Птицы летают и будут летать, но

уход охотников должен остаться незамеченным. Они должны исчезнуть в лесной чаще.

Так они шли до темноты, пока не стали спотыкаться от усталости. Только тогда Херилак объявил привал. Он сбросил наземь поклажу, остальные последовали его примеру, покрякивая от удовольствия. Подошел Керрик, уселся рядом, и они молча принялись за поздний ужин. Тьма сгущалась, на небе выступали все новые и новые звезды. Высоко среди ветвей закричала сова.

— Неужели следят? А сова эта не скажет другим птицам? — озабоченно спросил Херилак.

— Нет, это просто сова. Птицы-шпионы говорят только с мургу, а не друг с дружкой. Тот раптор, что видел нас вчера, еще не долетел до Алпеасака, и мургу еще думают, что мы на берегу. К тому времени, когда они спохватятся и разошлют других птиц, мы будем уже далеко. Саммады-то они обнаружат и будут следить за ними. А о нас даже не будут знать. Хуже будет, если они заметят нас возле города.

— Но тогда будет слишком поздно.

— Да, тогда будет слишком поздно... для них.

Храбримся, подумал Керрик и усмехнулся про себя. Неужели этот крошечный отряд охотников действительно может уничтожить могучий город со всеми его бесчисленными обитателями? Немыслимо. Сколько же здесь охотников? Меньше трех холтов, числа пальцев на руках и ногах троих охотников. Все вооружены хесотсанами, но ведь и иилане′ тоже. Хесотсаны, стрелы и копья против могущественнейшей расы, населяющей мир от яйца времен. Затея казалась невероятно опрометчивой. Как ее осуществить?

Он думал, мучился, а пальцы ощупывали коробочку, которую он нес из долины. В деревянной шкатулке был спрятан камень, в котором живет огонь. Огонь поможет... они смогут, они выполнят все, что должны сделать. И с этой уверенностью он повернулся на бок и уснул, не разжимая пальцев.

— Вернулись первые птицы, которых мы разослали, — сказала Вейнте′. — Снимки изучили. Скорее всего стая устузоу ушла от берега к горам, поближе к северу.

— Ты уверена? — спросила Малсас<.

— Эти твари так похожи, что никогда нельзя быть уверенным. Но мы знаем уже, что они ушли от берега моря, на юге их нет.

К разговору прислушивалась Сталлан. К югу устузоу не замечены, согласилась она. Но это ни о чем не говорило. Что-то было не так. Она чувствовала это, но не понимала. Малсас< разделяла ее тревогу, хоть и не была охотницей.

— Я просто не понимаю. Зачем этим тварям понадобилось идти так далеко — к берегу — и сразу же уходить?

Вейнте′ неуверенно пошевелилась.

— Они запасаются пищей на зиму. Рыбачат в море.

— На охоту у них почти не было времени, — возразила Сталлан.

— Вот именно, — подтвердила Малсас<. — Зачем они это сделали? У них были на то какие-то причины... или они просто мечутся, словно звери? Вейнте′, ты когда-то держала одного при себе и должна знать.

— Они думают. Они размышляют. Их животная хитрость может оказаться опасной. Нельзя забывать про побоище на берегу.

— Твой устузоу сбежал, не так ли? — спросила Малсас<. — Он был в этой стае на берегу?

Вейнте′ ответила спокойно, как только могла:

— Думаю, да. Этот особенно опасен, в нем к животной хитрости добавилась выучка иилане′.

Так, значит, Малсас< следила за ней, знала причины ее интереса к увеличенным снимкам. Этого следовало ожидать: она и сама бы так поступила на ее месте.

— Тварь должна быть убита, а шкура ее распялена на шипах.

— И я желаю того же, эйстаа.

— Что же ты собираешься делать?

— Мне бы хотелось увидеть труп этого устузоу, но куда более важно убить всех. Итог одинаков. Умрут все — погибнет и он.

— Разумно. И как ты собираешься добиться этого?

— С согласия эйстаа я хочу объявить трумал, который и покончит с этой угрозой.

Согласие и сомнение присутствовали в жестах Малсас<. Как и всем иилане′, ей приходилось принимать участие в трумалах в юности, среди волн океана. Когда несколько эфенбуру объединяли свои усилия, например, против стаи спрутов, слишком большой для одного эфенбуру, то объявлялся трумал, и все кончалось уничтожением врага — уцелевших не бывало.

— Понимаю твои сомнения, эйстаа, но это необходимо. Города Энтобана пришлют новых фарги. Больше урукето, больше

оружия. И когда окончится весна, мы пойдем морем на север, высадимся на сушу и повернем на запад. Убьем всех. А когда окончится лето, мы будем уже возле гор и повернем на юг, к теплому морю. Зимой доставят припасы, а с наступлением весны мы двинемся вдоль западного склона гор. К следующей зиме этот вид устузоу прекратит свое существование. Мы не упустим даже одной пары, что смогла бы размножиться в укромном уголке гор. Так, по-моему, следует поступить.

Малсас< внимательно выслушала ее, но сомнения не покидали эйстаа. Возможно ли это? Она поглядела на модель, подумала о бескрайних просторах, о неторопливых стаях устузоу. Неужели их действительно можно уничтожить?

— Их всех следует убить, — вслух ответила она на свой невысказанный вопрос. — Такова наша цель, и этого нельзя забывать. Но разве можно все сделать за следующее лето? Не лучше ли рассылать мелкие отряды, уничтожая стаи по одной? Они попрячутся, уйдут на север, в свои мерзлые земли. Хотелось бы управиться с ними поодиночке. Я сомневаюсь. Разве только армия фарги метлой выметет устузоу из северных краев, навсегда покончит с этой угрозой... А что ты скажешь, Сталлан? — Малсас< обернулась к молчавшей коренастой охотнице. — Ты привыкла убивать устузоу. Хорош ли, по-твоему, план Вейнте′? Примем ли мы его?

Сталлан взглянула на огромную модель и привела в должный порядок мысли, чтобы говорить разборчивей.

— Если будет объявлен трумал, устузоу умрут. Я не знаю, сколько войска для этого необходимо. Я не правительница. Я могу сказать только, что трумал окажется успешным, если нас будет много, и чем больше — тем лучше.

В наступившем молчании Малсас< обдумывала сказанное, остальные ждали. Наконец она решительно сказала:

— Трумал, сарн′еното! Бей устузоу!

Глава 31

— Прости мне, ничтожной, беспокойство, могущественная и утомленная трудами, — нерешительно говорила Крунат, приближаясь к Вейнте′.

Та стояла перед моделью Гендаси в полной отрешенности: грядущие бои занимали все ее мысли. На приветствие она ответила машинально и не сразу узнала явившуюся. Да, они прежде

встречались, это Крунат, заменившая Сокайн в работах по расширению города. Помощницы ее сооружали модель Гендаси, а Крунат помогала советом. И теперь она стояла перед Вейнте′, смиренно, словно нижайшая фарги. Она была великолепным конструктором, хотя всегда придерживалась слишком низкого мнения о своих способностях. Вейнте′ с трудом оторвалась от своих мыслей и заставила себя говорить вежливо: она была раздражена неожиданным визитом.

— Говорить с Крунат — всегда честь. Чем я могу помочь тебе?

Перебирая прихваченные с собой снимки, Крунат заговорила, выражая смирение каждым движением тела:

— Во-первых, величайшая благодарность тебе, Вейнте′, за твои усилия. Снимки, которые приносят птицы по твоей воле, так полезны были при планировании города. Благодарность моя бесконечна.

Вейнте′ коротким жестом согласилась: она не хотела показывать свое нетерпение. Крунат неторопливо перебирала снимки и говорила:

— К северу от Алпеасака лежат сосновые леса, но песчаные почвы скудны. И я продумывала возможность устройства там грязевых ям для крупных зверей. Поэтому мы сделали много снимков этих лесов, но все они не представляют для тебя интереса. Все, кроме одного. Может быть, и он не слишком интересен, но мы исследуем местную фауну с целью ее дальнейшего использования, и поэтому я велела его увеличить.

Раздражение Вейнте′ было уже так велико, что она, еле сдерживаясь, молча вырвала снимок из пальцев Крунат, — та даже съежилась.

Но, взглянув на него, Вейнте′ изменила тон.

— Добрая Крунат, — тепло проговорила она, — ты поступила правильно. Можешь ли ты указать мне на этой модели место, где был получен снимок?

Пока Крунат разглядывала модель, Вейнте′ вновь посмотрела на снимок. Сомнений не было, на нем был устузоу, который держал в лапах свою дурацкую палку с острым камнем на конце. Эта дура обнаружила важную вещь.

— Вот, Вейнте′, снимок был сделан где-то здесь.

Так близко! Конечно же, это всего лишь один устузоу, просто животное, но появление его на юге смущало. Даже тревожило. Он мог быть не один. Эти твари, бывало, убивали иилане′ возле города. Она подозвала к себе фарги.

— Немедленно позови сюда охотницу Сталлан. А тебе,

мудрая Крунат, приношу благодарность, и свою, и всего Алпеасака. Появление этой твари не обещает добра, следует принять меры.

Озабоченность Сталлан оказалась не меньшей.

— Снимок единственный?

— Да, я просмотрела остальные, они неинтересны.

— Этому снимку около двух дней, — проговорила Сталлан, указывая на модель. — Если устузоу продолжают идти на юг, то они или он могут оказаться неподалеку. Что прикажешь, сарн′ен-ото?

— Удвой караулы в городе. Проверь, чтобы все сигнальные звери были в порядке. Если эти твари приближаются к Алпеасаку, можно ли преградить им путь или уничтожить их?

Соединив вместе большие пальцы, Сталлан указала на модель, на поросшие кустарником земли за городом.

— Там повсюду чащи, терновые заросли. Можно пройти только по звериной тропе. Я знаю эти места. Разошлем птиц — лучше сов, — а когда мы обнаружим устузоу, я возьму своих лучших охотниц, и мы устроим засаду.

— Выполняй! — Гребень на голове Вейнте′ подрагивал. — Я думаю, что с ними и Керрик. Только у него хватит наглости идти к Алпеасаку и тянуть за собой других устузоу. Прошу тебя, Сталлан, убей его. И доставь сюда его шкуру. Мы приколем ее шипами к стене и будем смотреть, как она сохнет...

— Твое желание, Вейнте′, — это мое желание. Ему я желаю только смерти.

— Вот и кончилось копченое мясо, — проговорил Керрик, сбрасывая тонкой веткой червей с твердого куска. — У некоторых охотников остался только эккотац, и то немного.

Не обращая внимания на червяков, Херилак задумчиво жевал свой кусок.

— Дичь попадается и возле города. Там поедим свежего мяса.

Даже в тени сосен было влажно и жарко. Мухи путались в волосах, лезли в глаза. Поход был долгим, все уже устали. Но охотники и не думали жаловаться. Они попрятались среди деревьев. Но Керрик знал, что все они рядом, в лесу, и каждый настороже. Он боялся лишь одного — что ведет свой отряд на верную смерть. Чем ближе подходили они к городу, тем чаще эта мрачная мысль посещала его.

— Пошли! — проговорил Херилак, поднимаясь на ноги и перебрасывая лук через плечо рядом с хесотсаном, висевшим в дорожном мешке. Рослый охотник до сих пор чувствовал себя спокойно только с копьем в руке.

Поход продолжался, и Херилак, как всегда, возглавлял его. Тану следовали за ним по волнистой, покрытой кустами равнине, потом по краю заросшего деревьями болота, где кишели полчища кусачей мошкары.

Болото сужалось к проходу между холмами. Принюхавшись, Херилак замедлил шаг и жестом велел остановиться. Потом он подошел к Керрику.

— Ты видел впереди птиц? Они покружили над деревьями, но так и не опустились на ветви.

— Нет, Херилак, я не обратил внимания.

— В лесу надо замечать все, если хочешь остаться в живых. А теперь вдохни поглубже. Что чувствуешь?

— Запах болота, — улыбнулся в ответ Керрик, но не встретил ответной улыбки Херилака.

— А я чую их запах. Не поворачивай головы. Там мургу.

Сердце Керрика заколотилось, и только усилием воли он заставил себя не повернуть головы.

— Ты уверен?

— Сомнений быть не может.

— Что делать?

— Успеть их убить, прежде чем они убьют нас. Оставайся здесь. Жди моего сигнала, а потом осторожно спускайся в долину. Пусть стреляющие палки будут наготове.

— Мне идти одному?

— Нет. Вместе с саску. Охотники пойдут со мной. Они умеют незаметно подкрадываться к дичи.

Торопливо скользнув назад, Херилак бросил пару слов ближайшему охотнику. Оба исчезли среди деревьев. Вскоре во главе вооруженных копьями саску появился Саноне.

— Что случилось? — спросил он. — Херилак велел нам идти вперед вместе с тобой. Куда он пошел с охотниками?

— Держитесь тропы, — велел Керрик, — не сбивайтесь в кучу.

И тихим голосом он рассказал Саноне, в чем дело. Тот не выказал особой радости.

— Значит, мы приманка в ловушке? Если мургу на нас нападут, то нам конец.

— Доверимся Херилаку: он искусный охотник и умеет выслеживать зверя.

Они ждали, молча вглядываясь в темную стену джунглей, таившую неведомые опасности. Вдруг что-то шевельнулось, и Керрик уже вскинул хесотсан, но это оказался один из охотников Херилака. Он поманил их за собой и исчез среди деревьев.

Керрик шел первым, пытаясь одолеть охвативший его страх. Темное ущелье сулило беду, там можно было спрятать целую армию иилане'. И он стиснул хесотсан так, что существо задергалось в его руках.

Вдруг среди деревьев раздался крик, потом второй. Затрещали хесотсаны.

Керрик растерялся: идти дальше? Что происходит в ущелье? На всякий случай он велел саску укрыться, держа оружие наготове.

Затрещали ветки: через кусты к ним кто-то бежал. Керрик поднял оружие; впереди под деревьями показалась темная фигура, выскочила на солнечный свет.

Иилане'! Он прицелился, выстрелил, но промахнулся, попав в дерево. Иилане' обернулась и взглянула прямо на него.

Сердце Керрика замерло. Она была так близко, что он видел ее раскрытую пасть и острые зубы. И это лицо... ненавистное. Она тоже узнала его: ее поза изображала ненависть.

Но едва копье кого-то из саску ударило в ствол поблизости от нее, она метнулась в сторону и исчезла за деревьями, прежде чем Керрик пришел в себя.

— Сталлан! — крикнул он. — Это же Сталлан!

Он бросился за ней. Саску бежали следом. Они не разыщут ее в этой чаще, а вот она его... И он вернулся на звериную тропу. Навстречу уже торопился Херилак, вспотевший и довольный, победно потрясающий копьем.

— Мы напали на этих глупых мургу сзади. Они сидели в засаде и даже не сопротивлялись, когда мы до них добрались. Все убиты.

— Все, кроме одной. Самой главной. Кроме Сталлан. Я выстрелил, но промахнулся.

— Случается. Это неважно. Пусть они знают, что мы здесь. Все равно ничего не сумеют сделать. Но они обнаружили себя, и мы будем настороже.

— Что будем делать?

— Собирать их стреляющие палки. Идем вперед. Битва за город началась!

Глава 32

Вейнте′ обсуждала с Малсас< подробности трумала, когда от края амбесида донеслись звуки тревоги. Сквозь толпу отчаянно проталкивалась Сталлан, распихивая зазевавшихся иилане′. Она была вся в крови. Добежав до Малсас<, она вдруг сгорбилась в знак поражения. Поза эта всех поразила — никто не видел такой Сталлан: она всегда держалась гордо и прямо.

Словам ее внимали в молчании.

— Несчастье, эйстаа, все погибли. Вернулась только я одна.

— Не понимаю. Погибли... Но как?

Сталлан подняла голову и быстро заговорила:

— Я устроила засаду, и мы ждали устузоу. Но ведь это животные, уж мне-то не следовало забывать об этом. Они напали на нас сзади, и мы даже не услышали их приближения. Все убиты: и охотницы, и фарги. Я бежала. Если бы я стала отстреливаться, меня бы тоже убили и вы ничего не узнали бы. А теперь я сказала и умру — потому что опозорена. Говори положенные слова, эйстаа.

— Нет! — протестующе выкрикнула Вейнте′.

Открыв рот, Сталлан изумленно уставилась на нее, забыв о смерти. И пока Малсас<, замешкавшись, молчала, Вейнте′ быстро заговорила, чтобы удивление не превратилось в гнев:

— Не хотела оскорбить, эйстаа. Я так сказала, чтобы спасти жизнь Сталлан. Не вели ей умирать. Она верна своему городу, и город должен быть верен ей. Это я приказала ей взять охотниц и расставить западню для устузоу. Если это ошибка, то она моя. Эта смелая охотница необходима нам. Она не виновата. Идет война с устузоу. И пусть смерть не будет ей наказанием за неудачу. Я понимаю, слова мои поспешны. И жду твоего суда.

И Вейнте′ покорно склонила голову. Она пошла на большой риск и, быть может, немедленно умрет за свою наглость, но потерять Сталлан, единственную приветствовавшую Вейнте′ на амбесиде в тот день, когда была снята опала...

Малсас< смотрела на обе покорно склонившиеся фигуры и размышляла. В наступившем молчании слышен был только

топот ног иилане′, подбиравшихся поближе, чтобы услышать решение эйстаа. И она решила.

— Да, Вейнте′, ты говорила поспешно и грубо. В другое время таких слов нельзя было бы простить и ты умерла бы. Но ветер пахнет смертью, и я хочу, чтобы ты жила и хранила Алпеасак так же, как ты хочешь, чтобы жила Сталлан. Городу необходимы вы обе. Объясни мне смысл случившегося.

— Сначала — моя благодарность, эйстаа. Как и Сталлан, я живу лишь для того, чтобы служить Алпеасаку. Смысл теперь ясен, и значения прошлых событий тоже. Вооруженный и опасный отряд устузоу приближается к Алпеасаку. Их надо остановить. Теперь понятно, почему эти твари выходили к морю — чтобы обмануть нас. На пути к горам они разделились, и часть этих диких животных тайно устремилась на юг. И как только я узнала об их присутствии, я выслала против них отряд охотниц. Мы потерпели поражение. Оно должно быть последним... Иначе я опасаюсь за наш город.

Слова ее потрясли Малсас<.

— Какой вред могут причинить Алпеасаку эти звери?

— Я не знаю, но я боюсь. Их решительность и дерзость вселяют страх. Разве пошли бы они на такой риск, если бы не рассчитывали нанести нам тяжелый ущерб? Надо проверить всю оборону.

— Сделаем. — Малсас< повернулась к Сталлан. — Теперь я понимаю, почему Вейнте′ рискнула жизнью, чтобы спасти тебя. Это ведь ты, Сталлан, готовила оборону города?

— Так, эйстаа.

— Усиливай ее, укрепляй, говори, как эйстаа. Требуй все нужное. Безопасность нашего города между твоими большими пальцами.

— Я не отступлюсь, эйстаа. С твоего разрешения я приступаю немедленно.

Со смятением и сомнением Малсас< глядела ей вслед — так трудно понять все, что происходит в новых землях Гендаси. Все здесь не так, как в Энтобане. Нарушен миропорядок: устузоу убивают иилане′.

— Когда это кончится? Скажи мне, Вейнте′. Или и ты не знаешь?

— Я знаю одно. Мы должны убить этих тварей. И победить.

Но, как ни старалась Вейнте′, избежать движения неуверенности она не смогла. И все видели в них страх.

Услыхав впереди в лесу пронзительный крик, Херилак поднял руку. Охотники остановились. Крик повторился. Охотники в страхе переглянулись. Чьи-то тяжелые шаги сотрясали землю у них под ногами.

— Ты знаешь, что это? — спросил Херилак.

— Думаю, да, — ответил Керрик. — Идите осторожнее: вот-вот начнутся поля.

Здесь деревья росли плотнее, и звериная тропа, по которой шли охотники, петляла среди стволов. Херилак шел первым, Керрик рядом. Снова послышались тяжелый топот и вопли.

— Остановитесь! — крикнул Керрик. — Видите — на тропе лианы. Они присасываются к коже, и их нельзя оторвать. Однажды я попался в них. Предупредите всех остальных. Мы подошли к самой границе города.

Охотники бесшумно двигались вперед, хотя любые звуки, которые они могли бы произвести, без сомнения, потонули бы в шуме, доносившемся с поляны перед ними. Выйдя на опушку, они замерли, увидев двух огромных существ, каждое из которых было крупнее самого большого мастодонта. Они кружили друг возле друга в высокой траве. Третье, такое же, наблюдало за схваткой. Желто-бурые шкуры их были морщинистыми, вдоль позвоночника тянулся кроваво-красный гребень. Широкие головы защищали костяные воротники. Один из них, громко рявкнув, рванулся вперед, разинув беззубый клюв. Другой метнулся вбок, размахнувшись массивным концом хвоста, как тяжелой дубиной. Чудище уклонилось от удара — и костяная булава глухо стукнула оземь.

— Руутсы, — сказал Керрик. — Дерутся из-за самки. Вон она, травку щиплет. Я помню это поле. Теперь понятно, где мы.

Он сделал пяткой вмятину в мягкой земле и концом каменного ножа начертил несколько линий.

— Погляди сюда, Херилак, — это город. У мургу есть его модель, и я столько ее изучал, что запомнил почти наизусть и сейчас еще не забыл. Погляди, на что он похож. Вот море, вот пляж, вот стены. А вот амбесид — большая поляна, на которой они собираются.

Херилак внимательно следил, как Керрик набрасывал очертания города, окружающих его полей.

— Они охватывают город несколькими кольцами, руутсы находятся здесь.

Херилак внимательно глядел на черточки, теребя в задумчивости бороду.

— Ты уверен, что мы действительно здесь? Ведь ты уже давно не был в городе. Все может быть другим: и поля, и животные.

— Другим? Где угодно, но только не у иилане́. Они предпочитают постоянство. Мургу ничего не меняют. Сделают один раз и, если получилось, так и оставят... на века.

— Верно, ведь кто знает мургу лучше тебя...

Внезапно позади послышался крик. Торопливо обернувшись, они заметили, что один из охотников саску, вздрогнув, осел на траву. К нему бросились на помощь, и Херилак уже собирался снять с его руки лозу с шипами, но Керрик остановил его:

— Не прикасайся, иначе сам погибнешь. Ему уже не помочь. Яд проник в кровь.

Саску изгибался от боли, на губах выступила кровавая пена. Охотник умирал долго.

— Если не хотите найти такую же смерть, не трогайте ничего, пока не выйдем в поля. Смотрите, куда ступаете, ничего не задевайте. Одни лианы прилипают, другие — вы видели — убивают.

— И в городе так? — поинтересовался Херилак.

— Нет, только здесь, на самой границе. Чтобы не лезли всякие звери и... тану. Там, внутри, придется опасаться лишь вооруженной охраны. Они прячутся в стенах, их можно сразу не заметить.

— Ночью-то они спят, — заметил Херилак.

— Должны. Только на ночь они расставляют ночные ловушки. Мы заметим, где они расположены, и обойдем их подальше.

— И что же ты предлагаешь?

Керрик вновь склонился над своей схемой и указал на внешний круг.

— Надо пройти эти поля. Здесь твари в основном травоядные, как и руутсы; они не нападут, если их не дразнить. — Подняв голову, он принюхался. — Ветер дует с запада, придется идти так, чтобы он дул нам в спины. Сразу же за полянами начинаются городские деревья, они растут близко друг к другу. Когда огонь разгорится, его ничто не остановит...

— А там найдется сушняк? — спросил Херилак.

— Едва ли.

— Тогда поищем и прихватим с собой.

— Подожди, пока не выйдем в поля, к западу от города. Там и дрова соберем, и подготовимся. Внешнюю ограду нужно одо-

леть до заката. Тогда иилане′, вернувшись в город, не заметят нас. Так мы избежим внимания караульных и к темноте окажемся у деревьев. И тогда разведем огонь.

Люди ушли, а трое руутсов уже мирно паслись, позабыв недавние раздоры.

К вечеру тану были уже у цели. Звериные тропки, как назло, вели не туда, куда нужно, и охотникам приходилось продираться сквозь чащу и густой подлесок.

Возле сонного ручейка Керрик остановился и подождал отставших. Когда все утолили жажду, Керрик отдал распоряжения, время от времени переходя с марбака на сесек и обратно. Все слушали его с напряженным вниманием: пришел конец трудному походу. Победа или смерть.

Все слушали и не замечали, как темнеет небо над головой. Вдруг несколько капель дождя упали на Керрика — он умолк.

Херилак, хмурясь, взглянул на небо. В дождь нечего и думать об осуществлении плана: дерево не загорится.

— Сейчас все равно сухой сезон, — возразил Керрик, за уверенным тоном пряча тревогу. — Дожди в это время недолги. — Он даже боялся подумать, что случится, если прольется дождь.

Охотники стали собирать сухой хворост, тревожно поглядывая на небо. Темнело, ветер крепчал, вдали прогремел гром.

— До вечера ждать нельзя, — проговорил Херилак, — запаливаем, пока не пролился дождь.

— Вокруг мургу, они могут заметить нас.

— Придется рискнуть. Помоги мне расчистить проход в терновой стене, а остальные пусть собирают дрова.

Наломав толстых ветвей, охотники набросали их на гибкие ядовитые лианы. С поля круглыми глазами на них смотрели огромные утконосые. Утоптав ветви, Херилак прошел первым и дал знак остальным следовать за ним с дровами.

Керрик шел за Херилаком. Он вернулся в Алпеасак. Гром гремел все ближе и ближе, и, когда первые капли дождя забарабанили по плечам, он бросился бежать.

Глава 33

Младенец пищал на руках Армун. Он вымок и замерз под холодным ливнем. Она сама промокла насквозь, руки и ноги ее были в грязи: дождь застал ее у реки, где заостренной палкой она

выкапывала луковицы. Коротко полыхнула молния, и сразу же раздался оглушительный раскат грома. Гневен был Ерманпадар. Пора возвращаться к шатрам. Младенец заверещал еще громче, она подхватила корзину с луковицами и поднялась на ноги.

Над головой Армун кружила птица. Выставив вперед когтистые лапы, она тяжело опустилась на высокий сук и сложила крылья. Армун заметила на ее ноге черную шишку и бросилась бежать, охваченная внезапным ужасом. Мало ей грома и молнии — так еще и птица-доносчик. Страх подгонял ее, и она изо всех сил неслась к уютным и покойным шатрам.

Вейнте′ изучала модель Алпеасака, когда фарги принесла ей весть о том, что урукето входит в гавань. Резким движением она отослала вестницу, нарушившую ее размышления. Вид модели города не помогал. Оборона была надежной, и Сталлан принимала все новые и новые меры. Вейнте′ не видела слабых мест, гнусные устузоу не могли причинить большого вреда... разве только убить животных. И она только раздражалась, разглядывая макет.

Надо было пойти поприветствовать прибывших на урукето, посмотреть, какой груз он доставил. Из Энтобана привозили фарги, новые, более сильные хесотсаны. Многие из городов великого континента посылали свою помощь. Армия Вейнте′ будет сильной, устузоу погибнут.

Выйдя под открытое небо, она впервые заметила высокие облака, услышала дальнее грохотанье. Редкими крупными каплями пошел дождь. Начиналась гроза.

Ей не было до грозы никакого дела — нужно было обдумать куда более важные дела.

Крунат следовала за группой фарги по пыльной тропинке. Следом за ней с охапкой деревянных шестов торопилась помощница. Каждая из фарги несла готовое к посадке молодое плодовое деревце с комом земли. На этот раз Крунат отправилась с рабочим отрядом, чтобы деревья посадили именно там, где положено. В этом городе попадались иилане′ столь же глупые, как и фарги, вечно забывавшие распоряжения и вносившие путаницу даже в простейшую работу. Крунат обнаружила посадки, не соответствовавшие модели, и ей пришлось вносить исправления. Теперь будет иначе. Она сама расставит вешки, чтобы деревья посадили именно там, где надо. Крунат взглянула на темнеющий небосвод.

Тучи обещали дождь. Хорошо, просто отлично для новых посадок.

Тропа повернула и вывела их на край зеленого поля. Навстречу по траве цепочкой двигались фарги. Так показалось Крунат, но они выглядели как-то странно. Слишком высокие и худые... Покрытые мехом!

Она замерла от ужаса. Устузоу в городе?! Разве это возможно? Помощница обогнала ее, над полем затрещали хесотсаны.

Фарги согнулась и упала, помощница выронила шесты — в бок ей воткнулась игла. Крунат в панике бросилась бежать к деревьям. Город она знала, поблизости была охрана, их следовало предупредить.

— Смотри, одна убежала! — завопил Херилак, бросившись за беглянкой.

— Нет времени! — крикнул Керрик. — Все, дальше можно не ходить, надо только успеть развести огонь до дождя.

Он бежал, задыхаясь, усталые охотники бежали следом. Близилась спасительная цепочка деревьев. Он слышал, как позади выстрелил хесотсан, но не оглянулся на бегу.

Споткнувшись, он упал под высоким дубом, бросил на землю оружие и вытащил из кожаного мешочка на шее деревянную резную коробочку. Когда он извлек из нее щепотку истолченной древесины, внезапный порыв ветра развеял пыль. По листьям над головой застучали первые капли. Возле него упала капля, другая.

Спокойнее, спокойнее! Все нужно сделать с первого раза, другой возможности не будет. Дрожащими руками он положил деревянную коробочку на землю, высыпал в нее всю древесную пыль. А теперь — камнем о камень, резким ударом, — так он делал несчетное количество раз. Длинные искры летели одна за другой.

Тонкий дымок пополз над ящичком.

Он нагнулся к огню и стал осторожно раздувать его. Вспыхнул тоненький язычок пламени. Керрик скормил огню сухие листья, извлек из сумки кусочки коры и сучья. И только когда огонь разгорелся, он оглянулся.

Позади на поле остались тела убитых иилане́ и тану. Немного, он опасался, что убитых будет больше. Херилак расставил вокруг охотников. Они спрятались за деревьями, держа оружие наготове. Херилак подбежал к Керрику, лицо его было покрыто потом. Увидев огонь, он широко улыбнулся.

Коробочка вспыхнула, и Керрик затолкал ее под сложенные ветви, сверху набросал несколько ветвей потолще. Раздувая огонь, он старался не смотреть на подступающую тучу. От костра несло жаром, капли, шипя, исчезали в огне. Когда разгорелись крупные ветви, Керрику пришлось прикрыть лицо от жара.

— Пусть сгорит город! — крикнул он.

Послышались взволнованные крики и топот бегущих ног. Охотники выхватили из костра пылающие сучья. Керрик тоже подхватил ветвь, бросился с нею к чаще и сунул полыхавшую палку прямо в сухие ветви. Листья пожухли прямо на глазах, потом задымились и вдруг вспыхнули ярким пламенем. Он двинулся вперед, поджигая кусты. Наконец жар отогнал его назад, дымящаяся ветвь обжигала пальцы. Он забросил ее подальше к деревьям.

Охотники с криками поджигали все новые и новые деревья на краю рощи. Пламя уже охватило дуб, перепрыгнуло на соседнее дерево. В разожженном костре осталась одна ветвь. Керрик схватил ее и побежал. Мимо поджигавшего деревья Саноне. Отбежав подальше, Керрик сунул ветвь в сухой куст. Ветер подхватил искры, в одно мгновение куст запылал.

Дым и пламя рвались к небу, ветер нес темные клубы. С треском пылали деревья, грохотал гром. Гроза еще не разразилась.

С огромным трудом фарги удалось загнать отобранных на сегодня для забоя животных. Их что-то беспокоило, они метались от одного края загона к другому, закатывали глаза. Животные даже затоптали одну из фарги. Дежурная иилане́ громко распоряжалась, но без особого успеха. Вдруг она услышала треск и почуяла странный едкий запах... Обернувшись, она увидела рвущиеся вверх языки пламени, а за ними черные грозовые тучи. Вместе с запахом пришло ощущение приятной теплоты. Что это значит, что происходит? И она, растерявшись, стояла и смотрела на подступавшее пламя, охватившее деревья неподалеку. Как тепло и приятно! Позади кричали животные, а она шагнула вперед, протянула руки к теплу и свету... А потом закричала.

Икеменд приоткрыла дверь ханане и выглянула наружу. Акотолп властным жестом потребовала распахнуть ее.

— Сперва посылаешь за мной, а потом не впускаешь, — с не-

годованием тряся щеками, проговорила толстуха. — Немедленно пропусти!

— Приношу извинения, — ответила Икеменд, впуская Акотолп и тщательно закрывая за ней дверь. — Самцы опять ссорятся, должно быть, виновата погода. Есть раненые...

— Сейчас же доставь ко мне негодника!

Строгий голос и резкий жест заставили Икеменд поспешить. Она вернулась почти тотчас же, волоча за собой упиравшегося Эсетту.

— Вот он, — сказала Икеменд, толкнув самца вперед. — Поднимает шум, заводит драки — вот и получил по заслугам.

Акотолп не слушала. Схватив Эсетту за руку, она разглядывала его. Стоявший спиной к охранительнице, Эсетта окинул ее мрачным взглядом. Акотолп обожала визиты в ханане.

— Ничего серьезного, просто царапины. Хватит и антисептика. Самцы остаются самцами...

Внезапно она умолкла и подняла голову, распахнув пошире носовые клапаны.

— Запах... Я знаю этот запах, — возбужденно проговорила она, озабоченно шевеля конечностями.

Она поспешила к входной двери и распахнула ее, невзирая на протесты Икеменд. Пахло все сильнее, казалось, воздух был пропитан этим запахом.

— Дым?! — крикнула Акотолп с недоумением и беспокойством. — Дым возникает лишь при одной химической реакции — при горении.

Эсетта отступил на шаг, задрожав от силы эмоций Акотолп. Икеменд жестикулировала, изображая свою глупость и полное непонимание. Дым сгущался, вдалеке послышался треск.

— Это реакция, которую называют горением. Мы в опасности. Немедленно забирай самцов, их следует быстро увести отсюда, — скомандовала Акотолп.

— Но у меня нет приказа! — простонала Икеменд.

— Я приказываю! Речь идет об опасности для здоровья, для жизни. Веди их за мной на берег, к океану.

Икеменд перестала колебаться и поспешила назад. Акотолп беспокойно расхаживала взад и вперед, не замечая, что держит за руку Эсетту: перепуганный самец следовал за нею. Новый порыв ветра принес облако дыма, и они закашлялись.

— Ждать нельзя, — произнесла Акотолп и громко крикнула: — За мной!

Понадеявшись, что звуки без жестов будут понятны, она повлекла за собой стенающего Эсетту.

Когда Икеменд вернулась в коридор, самцы столпились вокруг нее. Она торопливо закрыла и заперла дверь и приказала самцам расходиться по своим местам. Теперь не было нужды беспокоиться о том, как совместить два противоречащих друг другу приказа. Где еще в городе есть место безопаснее ханане?

Через стены начало сочиться тепло, ласковое и приятное. Страх пришел только тогда, когда у входа пробились языки пламени.

Спасать подопечных было поздно. Она умерла под их стоны и крики.

Алпеасак пылал. Ветер нес пламя от дерева к дереву, полыхали кустарники, стены, плетеные полы, все горело, все корежилось.

Для иилане′ беда была невероятной и непостижимой — они не могли понять даже причин ее. В тропическом дождевом лесу не бывает пожаров, и они ничего не знали об огне. Конечно же, некоторые из ученых изучали его, но лишь как интересное лабораторное явление. Такой огненной бури они не могли даже представить. Дым и огонь были повсюду. Пламя сперва подманивало иилане′ теплом, а потом губило, причиняя жесточайшую боль. И они гибли. Оставались обгорелые, обуглившиеся трупы. Огонь шествовал дальше.

В страхе и смятении иилане′ и фарги сбежались на амбесид, ожидая указаний. Площадь была уже заполнена до отказа, но на нее валом валили все новые и новые толпы, наконец амбесид оказался совершенно забитым телами. Всем хотелось услышать распоряжения Малсас<, все толкались, лезли вперед, ближайших уже прижало к эйстаа, которая тщетно приказывала отойти. Те, кто был поближе, пытались повиноваться, но безуспешно — никому не удавалось преодолеть напор охваченной паникой толпы.

Когда языки пламени достигли амбесида, паника стала невероятной. Иилане′ не суждено было спастись, плотная толпа тщетно колыхалась в поисках выхода.

И Малсас<, и многих других затоптали задолго до того, как пламя охватило их тела.

Над головой грохотали раскаты грома. Тучи громоздились, точно огромные горы. В них было спасение, но иилане′ не подо-

зревали об этом. Они не знали огня, откуда им было догадаться, что вода его может остановить?

Умер Алпеасак, погибли иилане′! Огонь шел от полей к океану, испепеляя все на своем пути. Черными клубами дым рвался к небу, крики погибавших тонули в реве огненной бури.

Почерневшие от сажи охотники прижимались к земле. Вооруженные иилане′, с которыми они недавно воевали, погибли или бежали. Битва закончилась и завершилась война, но они были слишком утомлены, чтобы осознать это. Херилак и Керрик стояли, покачиваясь от усталости.

— Кто-нибудь из них уцелел? — спросил Херилак, тяжело опираясь на копье.

— Я не знаю... Может быть...

— Их придется убить.

— Должно быть...

Керрик был потрясен... Погиб Алпеасак. Охваченный жаждой мести, он погубил иилане′ и весь их чудесный город. Он вспоминал, с каким интересом исследовал его, открывал все новые и новые секреты. Как разговаривал в ханане с самцами, как наблюдал за стадами животных на пастбищах города. Все погибло, все погибли. Если бы можно было избавиться от иилане′, не разрушая город... Он бы воспользовался этим способом... но такого пути не было. Иилане′ погибли, а с ними — Алпеасак.

— Где их искать? — спросил Херилак, и Керрик недоуменно открыл рот, не понимая вопроса. — Уцелевших. Ты говорил, что кто-то мог спастись.

— Да. Но только не в городе. Он погиб. Некоторые сумеют укрыться в полях возле животных. На берегу, на пляже. Утихнет огонь — посмотрим.

— Долго придется ждать. Я видел лесные пожары. Большие деревья дымятся и тлеют много дней. Может быть, пойдем к пляжам на берегу? — Но, взглянув на усталых охотников, Херилак сел и буркнул: — Передохнем немного и пойдем. — Полыхнула молния, издалека донесся гром. — Видно, Ерманпадар любит мургу не больше, чем мы с тобой. Не дает им дождя.

Немного отдышавшись, победители двинулись в путь. Они шли мимо дымящихся и почерневших древесных стволов, потом по несгоревшим полям и пастбищам. Дым потревожил животных, но теперь они успокоились. Олени убегали, завидев людей, а рогатые и покрытые броней гиганты невозмутимо паслись, не

обращая внимания на подобную мелюзгу. Добравшись до ручья, люди обнаружили, что он покрыт густым слоем пепла.

Был отлив, и люди шли по плотному прохладному песку. С одной стороны плескался океан, с другой — дымились почерневшие руины Алпеасака. Оружие держали наготове, но некому было противостоять ему. Завернув за мыс, охотники остановились. Впереди в волнах океана, едва видимый в дымном сумраке, медленно двигался огромный силуэт.

— Урукето! — воскликнул Керрик. — Направляется в гавань. Может быть, там, возле реки, и собрались уцелевшие. — И он бросился бежать, остальные последовали за ним.

Сталлан смотрела на тела иилане′, распростертые на берегу и плывущие вниз по течению. Она толкнула ближайшее ногой: едва дышавшая фарги, не открывая глаз, опрокинулась на спину и раскрыла пасть.

— Погляди только, — произнесла Сталлан с пренебрежением и брезгливостью в каждом движении. — Я привела их сюда, велела спасаться в воде, а они еще и умирают теперь? Закрывают свои дурацкие глаза, откидывают глупые головы и умирают!

— Их город погиб, — устало произнесла Вейнте′. — Значит, мертвы и они. Все они теперь стали отверженными. Только наши бессмертные выжили. — Она презрительно показала на группу иилане′, стоявших по колено в воде.

— Дочери Смерти... — проговорила Сталлан с разочарованием. — И это все, что осталось от Алпеасака? Вот эти самые?

— Сталлан, ты забыла о нас с тобой.

— Я помню. Мы обе здесь, но не могу понять, как случилось, что мы уцелели.

— Мы выжили только потому, что ненавидим устузоу, совершивших все это. Они принесли с собой огонь и спалили наш город.

— Смотри! Урукето! Приближается к берегу.

Вейнте′ взглянула на темный силуэт, скользивший по волнам.

— Я приказала ему отойти от берега, когда подступит пламя, и возвратиться, когда огонь угаснет.

Заметив урукето, на берег вышла Энге. Вейнте′ видела ее, но предпочла не замечать вопросительной позы. Тогда Энге выпрямилась и заговорила:

— А что будет с нами, Вейнте′? Урукето подходит, а ты не желаешь разговаривать с нами.

— Я так решила. Умер Алпеасак, и я хочу, чтобы вы умерли с ним. Вы останетесь здесь.

— Жестокое решение, Вейнте′. Никто из нас никогда не причинил тебе зла. Вдвойне жестокое по отношению к твоей эфенселе.

— Ты больше не моя. Я ничего не хочу от тебя. Разве не ты сеяла сомнения среди иилане′, когда нам необходимы были все силы? Умри здесь!

Энге смотрела на свою эфенселе, на Вейнте′, что была всегда самой лучшей.

— И ты, погубившая своей ненавистью Алпеасак, отказываешься от меня? Я принимаю это и говорю тебе, что между нами все кончено. Теперь я сама отказываюсь от тебя и не желаю больше тебе повиноваться. — Она повернулась к Вейнте′ спиной. Увидев, что урукето уже у берега, она позвала подруг: — Мы отплываем! Все на урукето!

— Убей их, Сталлан! — завизжала Вейнте′. — Стреляй!

Повернувшись, Сталлан подняла хесотсан и, не замечая отчаянных жестов Энге, стала по одной всаживать иглы в плывущих иилане′. Она стреляла метко, и сраженные одна за другой исчезали под водой. Когда хесотсан опустел, Сталлан опустила оружие.

Уцелевшие добрались до урукето. Акотолп тащила за собой самца.

Энге отвернулась.

— Ты повсюду сеешь смерть, Вейнте′, — проговорила она. — Ты воплощение смерти. И я бы с радостью отказалась от своих убеждений, чтобы покончить с тобой.

— Ну давай, — насмешливо проговорила Вейнте′, обернувшись и подняв голову. — Кусай, зубы у тебя есть. Давай!

Энге рванулась вперед, но отступила — она не могла убить даже такое существо, как Вейнте′.

Опустив голову, Вейнте′ хотела что-то сказать, но резкий крик Сталлан остановил ее:

— Устузоу!

Вейнте′ обернулась. Люди бежали навстречу, грозя хесотсанами и острыми палками. Мгновенно решившись, Вейнте′ ударила Энге кулаком и повалила навзничь.

— Сталлан! — крикнула она, ступив в воду. — На урукето!

Это видел бежавший по пляжу Керрик. Мертвые иилане′ на

берегу, живые в воде. А одна стоит и не отрывает от него глаз... Этой иилане′ ему не забыть...

— Не стреляйте! — громко крикнул он, повторив свой приказ на сесеке. — Этот мараг мой! — И на бегу он закричал на языке иилане′: — Это я, Сталлан, тот самый устузоу, который ненавидит тебя и хочет убить! Сбежишь ли ты по великой своей трусости или подождешь меня?!

Сталлан не обратила внимания на слова Керрика. Ей было довольно видеть его. Это существо она ненавидела сильнее всех на свете. Этого устузоу, погубившего Алпеасак. Отбросив пустой хесотсан, она с яростным воплем бросилась на него.

Керрик вскинул копье и ударил. Но Сталлан знала повадки устузоу и вовремя уклонилась. Набросившись на Керрика, она повалила его навзничь; пальцы ее рвали ему волосы, запрокидывая голову назад. В гневе она была так сильна, что Керрик задыхался в смертельной хватке. И, оскалив зубы, она сделала движение, собираясь вцепиться ему в горло...

Копье Херилака ударило прямо в разверстую пасть, вошло в мозг. Она умерла мгновенно, тело еще не успело упасть на землю.

Сбросив увесистую тушу, Керрик едва поднялся на ноги.

— Отличный бросок, Херилак, — поблагодарил он.

— Отойди! — рявкнул в ответ Херилак, срывая с плеч лук.

Обернувшись, Керрик заметил вставшую с земли Энге.

— Положи лук! — приказал Керрик. — И вы все — не прикасайтесь к оружию. Эта никому не причинит вреда.

По воде заплясали капли, их становилось все больше и больше. Наконец хлынул дождь. Разразилась гроза. Слишком поздно — спасти Алпеасак уже было нельзя. Тропический ливень заливал тлевшие угольки.

— Керрик, ты принес всем нам погибель! — громко заговорила Энге, заглушая шум дождя. Печаль была в каждом ее движении.

— Нет, Энге, ты не права. Я принес жизнь устузоу. Если бы не я, такие вот, как это мертвое мясо, перебили бы всех нас. А теперь она мертва, умер и Алпеасак. Вы вернетесь теперь в Энтобан и останетесь там. И со страхом будете вспоминать обо всем, что здесь случилось, и никогда не вернетесь в эти края. Помните, что здесь вас ждет смерть. Позаботься, чтобы об этом знали все в Энтобане. Расскажи, как горели и умирали иилане′, эйстаа, советницы ее, Вейнте′...

— Вейнте′ там, — произнесла Энге, показав на живой корабль.

Керрик взглянул туда, но не смог различить Вейнте′ среди фигурок, карабкавшихся по живой спине гиганта. Значит, она жива. Она, ненавистнейшая из ненавистных. Да, он ненавидит ее, но откуда эта внезапная радость?..

— Отправляйся к ней! — крикнул он. — Расскажи ей все. Что иилане′, отважившихся вернуться сюда, ждет верная смерть! Скажи ей!

— Может быть, лучше я скажу ей, что кровопролитие закончилось? Что жизнь явилась на смену смерти? Так лучше.

Он покачал головой.

— Я и забыл, что ты — Дочь Жизни. Отправляйся, скажи ей, скажи всем остальным, что, если бы они вовремя послушались тебя, Алпеасак был бы жив. Энге, пойми, нельзя говорить о мире теперь: слишком поздно. Смерть и ненависть навеки разделяют нас...

— Они разделяют устузоу и иилане′, Керрик, но не нас с тобой.

Он снова покачал головой. Только ненависть. Что ему это холоднокровное существо? Лучше взять копье и убить ее... тут же. Но он не мог сделать этого. И криво усмехнулся.

— Учительница, ты права. И я знаю, что существует один мараг, смерти которого я не желаю. А теперь отправляйся на урукето и не возвращайся. Тебя я буду помнить, даже когда забуду про всех остальных. Иди с миром!

— И тебе мир, Керрик. И чтобы мир настал между иилане′ и устузоу.

— Нет. Будет ненависть, необъятная, как океан. А мир будет до тех пор, пока вы будете оставаться в своих краях.

Энге скользнула в воду, а он оперся на копье и равнодушно следил, как она плывет к гиганту, как взбирается на него. А когда урукето направился к морю, великая усталость одолела его.

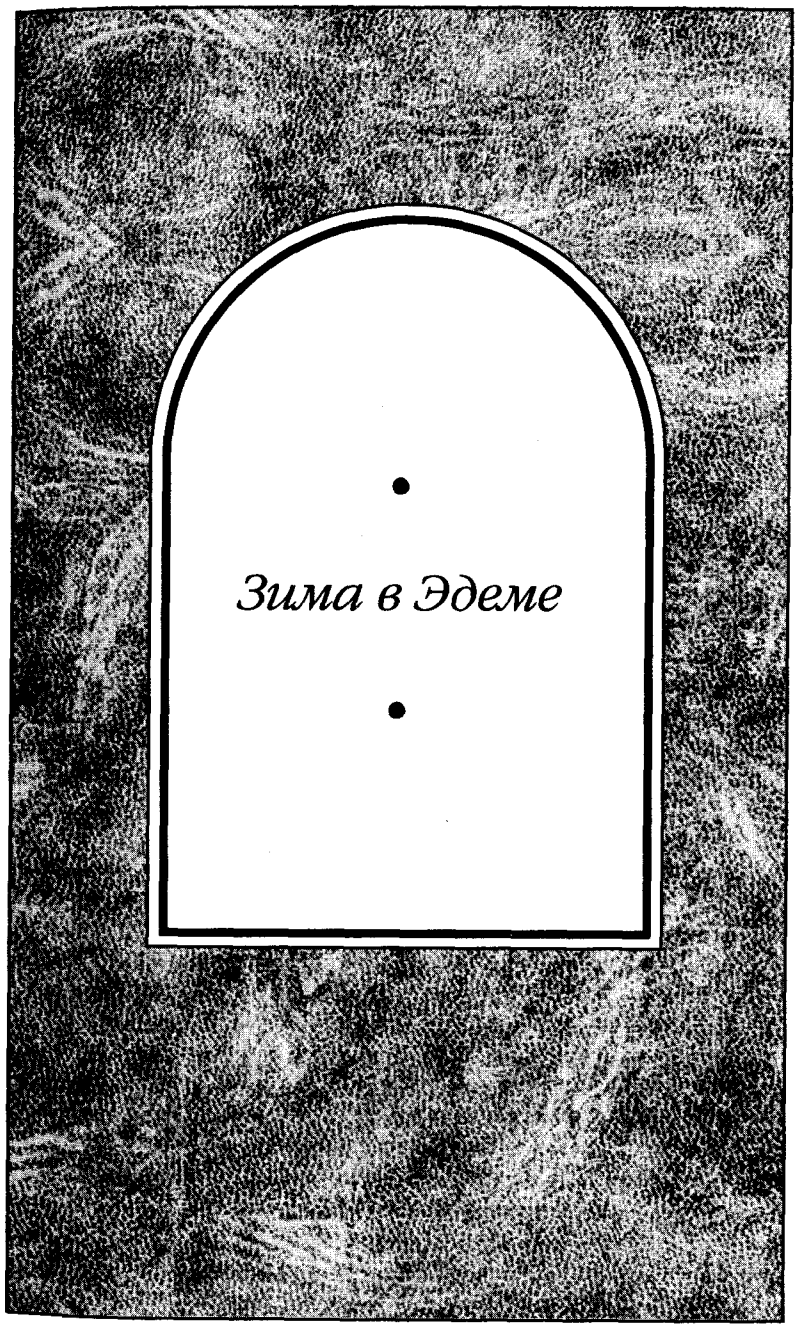
Все кончилось. Исчез Алпеасак, и все иилане′ вместе с ним.

Думы его обратились к северу, к горам, к шатрам у речной излучины. Там его ждала Армун.

Медленно подошел Херилак и стал рядом. Обернувшись к старшему, Керрик взял его за обе руки.

— Все, Херилак. Ты отомстил. Мы все отомстили. А теперь давай возьмем копья и пойдем на север, пока не настала зима.

— Пойдем домой.



Зима в Эдеме

ПРЕДИСЛОВИЕ КЕРРИКА

Жизнь нынче нелегка. Слишком многое изменилось, слишком многие погибли, и зимы длятся теперь так долго. Так было не всегда. Я еще помню ту стоянку, на которой рос, помню три семьи, долгие сытые дни, приятелей. В теплое время года мы жили на берегу озера, так и кишевшего рыбой. И первое, что я помню на этом свете, — белые вершины гор над тихой водой, знак приближения зимы. Когда снег покрывал наши шатры и жухлую траву, наступало время отправляться в горы. Я рос и мечтал стать охотником, чтобы вместе со всеми добывать оленя и большого оленя.

Но сгинул этот простой мир с его бесхитростными радостями. Все изменилось — и не к лучшему. Иногда я просыпаюсь ночью и думаю: если бы всего этого не было. Глупо, конечно, ведь мир есть мир, и он полностью изменился. И то, что я считал целой Вселенной, оказалось лишь кусочком реального мира, а мое озеро и горы — одним из уголков огромного континента, со всех сторон окруженного морем.

Помню я и про тех тварей, которых мы зовем мургу. Я научился их ненавидеть задолго до того, как увидел первого марана. Наше тело теплое, их плоть холодна. У нас на головах растут волосы, и каждый охотник гордится своей бородой. Звери, на которых мы охотимся, тоже теплые и лохматые. Но мургу не такие. Они гладкие и холодные, шкура их покрыта чешуйками, а еще у них есть зубы и когти — чтобы рвать и терзать. Среди них есть огромные и ужасные, вселяющие страх. И ненависть. Я знаю, что живут они у теплого океана, на юге, в дальних жарких краях. Мургу не переносят холода и потому прежде не беспокоили нас.

Но все так изменилось. Страшно подумать, что прошлого не вернуть. А все потому, что есть среди мургу разумные существа,

разумные, как и мы сами. Эти мургу зовут себя иилане′. На несчастье свое, я знаю, что весь мир тану составляет крошечную часть владений иилане′. Мы живем на севере огромного континента. А на необъятных просторах к югу от нас обитают лишь мургу и иилане′.

Хуже того, к востоку, за океаном лежат огромные равнины континентов, где не ступала еще нога охотника. Никогда. Там *повсюду иилане′, только иилане′. Весь мир принадлежит им*, а нам только горсть земли.

А теперь я поведаю вам самое плохое. Иилане′ ненавидят нас, как и мы их. И все бы ничего, будь они огромными неразумными тварями. Тогда мы жили бы спокойно в холодных краях и никогда не встречались с ними.

Но среди них есть и такие, что разумом и свирепостью не уступят охотнику. Даже не счесть, сколько на свете мургу, достаточно сказать, что они занимают все земли огромного мира.

Я знаю об этом, потому что иилане′ взяли меня в плен ребенком, вырастили и обучили. Ужас я впервые познал, когда они убили моего отца и всех, кто был с ним, но с годами забылся и ужас. И когда я научился разговаривать на языке иилане′, то стал одним из них, забыл, что рожден среди охотников, даже привык называть свой народ «устузоу» — грязные твари. Власть и порядок у иилане′ шли вниз от вершины, и я очень гордился собой. Ведь я был близок к Вейнте′, эйстаа города — правительнице его. И я сам себе казался правителем.

Живой город Алпеасак недавно начал расти на наших берегах, в нем поселились прибывшие из-за моря иилане′, которых выгнали из родного города холода, с каждой зимой становившиеся все свирепее. И те же зимы гнали на юг моего отца со всеми другими тану. Так заложили иилане′ город на наших берегах и убивали тану, едва заметив. И тану отвечали им тем же.

Много лет ничего не знал я об этом. Я рос среди иилане′ и думал так, как думали они. И когда они пошли войной на тану, то своих кровных братьев я считал врагами. Так было до тех пор, пока не попал к ним в плен Херилак. Мудрый саммадар и вождь тану, он понимал меня куда лучше, чем я сам. Я говорил с ним словно с врагом, а он видел во мне плоть от плоти своей. И тогда вспомнил я позабытый с детства язык, сама собой вернулась и память о прежней жизни, о матери, семье, друзьях. У иилане′ нет семьи, яйцекладущие ящерицы не знают молочного запаха младенца, нет и дружбы среди холодных самок, которые всю жизнь держат самцов под замком.

Херилак сумел разбудить во мне тану, я освободил его, и мы бежали. Поначалу я сожалел, но пути назад не было — ведь я поразил копьем Вейнте′, правительницу иилане′, и едва не убил ее. Потом я жил в саммадах — семейства тану объединяются в такие небольшие группы — и с ними бежал от тех, кого еще недавно считал своими. Теперь у меня появились другие спутники, да такие, о которых я даже никогда не думал, живя среди иилане′. У меня была Армун, она сама пришла ко мне и научила тому, чего я прежде не ведал, пробудила во мне чувства, которых я не мог испытать среди чуждой мне расы. Армун, которая дала мне сына.

Но мы жили все время под угрозой смерти. Вейнте′ со своими воительницами преследовала нас, гнала без пощады. Мы отбивались, иногда побеждали, иногда захватывали живое оружие иилане′ — палки смерти, убивающие любого зверя, каким бы огромным он ни был. С таким оружием мы могли уходить далеко на юг, убивать мургу, мясо которых можно было есть, отбиваться от хищных и злобных. И снова бежали, когда Вейнте′ и неистощимое воинство ее, пополнявшееся из-за моря, выслеживали нас и нападали.

Наконец мы — те, кто уцелел, — отправились туда, куда мургу не было пути. Через снежные хребты в дальние земли. Иилане′ не живут в снегах, и мы считали себя в безопасности.

И обрели ее, но ненадолго. За горами мы встретили тану, которые не только охотятся, но и выращивают урожай в своей уютной долине, а еще умеют лепить горшки из глины, ткать одежду и делать прочие чудесные вещи. Имя им было «саску», и они наши друзья, потому что поклоняются богу-мастодонту. Мы привели к ним мастодонтов и жили одним народом. Хорошо было в долине саску.

Но Вейнте′ вновь отыскала нас.

И когда это случилось, я понял, что бежать уже некуда. Словно загнанные в угол звери, мы должны были биться с ними. Сначала меня не хотели слушать, ведь никто не знал врагов так, как я. Но потом они поняли, что иилане′ неведом огонь. А чтобы они узнали, что это такое, мы подожгли их город.

Да, так мы и сделали. Спалили их город Алпеасак, а немногие уцелевшие бежали обратно в свою заморскую страну, в свои дальние города. И хорошо, что среди уцелевших оказалась Энге, учительница моя и друг. Она не верила в кровопролитие, как дру-

гие, и возглавляла малую часть иилане', называвших себя Дочерьми Жизни, которые верили, что жизнь священна. Если бы уцелели только они...

Но спаслась и Вейнте'. Исполненная ненависти, она пережила гибель города и бежала в море на урукето — огромной живой лодке иилане'.

Вот что было. А теперь я стою на берегу, и пепел города под моими ногами, и я стараюсь представить себе, что еще случится, что придется делать в грядущие годы.

Зима в Эдеме

Глава 1

Tharman i ermani lasfa katiskapri ap naudinz modia — em bleit hepellin er atta, so faldar elka ensi hammar.

Пусть воплотившиеся в звезды тхармы глядят на охотника с благосклонностью — от прохладного их внимания не вспыхнет горячий огонь.

Марбакская поговорка

Гроза уходила в море, слабела. Дальние полосы ливня укрыли урукето от глаз. Когда дождь ушел еще дальше, живое судно вдруг вынырнуло из его пелены, чернея среди белых гребней. Низкое заходящее солнце пробивалось сквозь клочковатые облака, окрашивало красным высоко выступавший из воды плавник урукето. Но вскоре он исчез в сумеречной мгле.

Стоя по колено в воде, Херилак взмахнул копьем и гневно крикнул:

— Пусть все они погибнут, чтобы некому было возвращаться!

— Все кончено, — вяло возразил Керрик. — Кончилось... завершилось... Мы победили. Мы убили мургу, сожгли их город. — Он кивнул в сторону обугленных дымившихся стволов. — Ты отомстил за каждого тану из твоего саммада. Ты испепелил не один хольт мургу. Ты сделал это. За каждого охотника, женщину и младенца ты убил столько мургу, сколько может сосчитать охотник. И довольно. Теперь забудем про смерть и подумаем о живущих.

— Ты говорил с этой тварью, ты дал ей бежать! Копье дрогнуло в моей руке — не нужно было тебе этого делать.

Керрик видел, что Херилак разгневан, и готов был ответить ему тем же, но сдержался. Все устали, все вымотались после такого дня. И не следует забывать, что Херилак повиновался ему и не убил Энге, дал ему возможность поговорить с ней.

— Для тебя все мургу на одно лицо и всех следует убивать. Но эта — моя учительница — не такая, как другие. Она говорила им о мире. И если бы мургу прислушались к ней, поверили ей, война могла бы закончиться раньше.

— Они же вернутся, вернутся, чтобы отомстить!

Высокий охотник все еще не мог успокоиться и потрясал обагренным кровью копьем вслед исчезнувшему из вида врагу. Воспаленные от дыма глаза его яростно сверкали в лучах заката. Охотники были перемазаны сажей, длинные светлые волосы и бороды покрывал пепел. Керрик понимал, что сейчас Херилаком движет ненависть, желание убивать и убивать мургу. Но знал Керрик, — и страх уже невольно стискивал его сердце, — что Херилак прав. Мургу-иилане′, враги тану, вернутся. Уж Вейнте′-то позаботится об этом. Она осталась жива, а раз так — не будет ни покоя, ни мира. И когда Керрик понял это, силы вдруг оставили его, он вдруг пошатнулся, оперся на копье и принялся мотать головой из стороны в сторону, пытаясь отогнать отчаяние. Надо забыть о Вейнте′, забыть мургу, забыть все, что знал о них. Пришло время жить, смерть отступила.

Чей-то крик прервал его мрачные мысли, и, обернувшись, Керрик увидел, что от почерневших руин Алпеасака его зовет Керидамас, охотник саску.

— Там живые мургу, они у нас в западне!

Херилак стремительно обернулся, но Керрик остановил его, мягко положив руку ему на плечо.

— Не надо, — попросил он. — Опусти копье. Дай я взгляну. Надо же наконец перестать убивать.

— Нет-нет, ты не прав, добром с ними нельзя. Но я кладу копье, потому что ты все еще маргалус — предводитель в битвах с мургу. Я повинуюсь твоему приказу.

И они оба пошли к сожженному городу, увязая в глубоком песке. Керрик безмерно устал и мечтал только об отдыхе. Но как тут отдохнешь? Неужели кто-то из иилане′ уцелел? Это едва ли возможно. Когда погиб их город, фарги и иилане′ умерли — каждая из них сразу стала отверженной. Когда случалось, что иилане′ изгоняли из города, в ее организме совершались необратимые изменения и она погибала — он сам видел это. Но встречались и исключения: например, Дочери Жизни не умирали, как остальные... Придется проверить.

— Они показались из полусгоревшей рощи, — сказал Керидамас. — Одного мы убили, а другие снова попрятались. И Симмахо сказал, что тебе, маргалус, может быть, захочется самому сразить последних мургу.

— Да! — воскликнул Херилак.

Керрик устало покачал головой.

— Да подожди ты убивать. Надо посмотреть, кто это. А лучше — пусть живут. Я поговорю с ними.

Они пробирались между обгорелых деревьев; повсюду валялись мертвые тела. Дорога привела их на амбесид, и Керрик в ужасе замер перед горами трупов. Все как будто были целы — ни ожогов, ни ран, — и все мертвы. И все до единой лежали головами к задней стене. Керрик тоже поглядел туда, на трон, на котором некогда восседала Вейнте′, теперь обгоревший и пустой. Топча друг друга, фарги и иилане′ пробивались туда, надеясь на помощь эйстаа. Но не было ее в живых, трон опустел, и город умер. Тогда умерли и они.

Первым шел Керидамас, осторожно ступая между распростертыми телами; Керрик, словно окаменев, шел следом. Столько мертвых... Надо что-то делать, пока не начали разлагаться. Хоронить? Их слишком много. Надо что-нибудь придумать.

— Там, впереди, — указал копьем Керидамас.

Симмахо подошел к обгорелой изломанной двери и заглянул внутрь, но ничего не увидел: было очень темно. Заметив Керрика, он показал ему на лежавший здесь труп иилане′ и перевернул его ногой. Керрик мельком взглянул на него, потом наклонился, чтобы рассмотреть получше. Это место показалось знакомым — это ханане.

— Это самец, — пояснил он. — Там, внутри, должны быть одни самцы.

Симмахо пнул труп ногой. Как и многие тану, он удивлялся, что злобные мургу, с которыми они бились, все до одной самки.

— Он хотел убежать, — объяснил Симмахо.

— Самцы не сражаются... Они вообще ничего не делают. Их запирают здесь.

Симмахо был явно озадачен.

— Почему же тогда он сразу не умер, как остальные?

«В самом деле, почему?» — размышлял Керрик.

— Самки умерли, когда погиб город. Они не могут жить вне его. Когда их изгоняют из города, случается то же самое. Только в чем причина, я не знаю. Но в том, что для них это смертельно, ты можешь убедиться сам — взгляни по сторонам. Похоже, что самцы, которых держали в изоляции, вдали от прочих, всегда были в какой-то мере отверженными, а потому гибель города не повлияла на них.

— Теперь они умрут от наших копий, — проговорил Херилак. — И сейчас же, а то сбегут ночью.

— Ты же знаешь, они никуда не ходят по ночам. К тому же отсюда нет иного выхода. Прекратим же проливать кровь и отдохнем до утра. Будем есть, пить и спать.

Никто не возражал. Заметив на уцелевшем дереве водяной плод, Керрик сорвал его и показал всем, как из него напиться. Пищи не было, но усталость была сильнее голода, и все вскоре уснули.

Не спал только Керрик. Он устал не меньше других, но пережитое не давало ему уснуть. Ветер разогнал на небе облака, появились первые звезды. Наконец усталость взяла свое, и он крепко заснул и проснулся, когда заря уже осветила небо.

Кто-то шевельнулся в утреннем сумраке, и Керрик разглядел Херилака, с ножом в руке пробиравшегося ко входу в ханане.

— Херилак, — негромко окликнул он, с трудом поднимаясь на ноги.

Охотник обернулся. Увидев Керрика, он немного поколебался, потом сунул нож за пояс и пошел назад. Чем, какими словами можно было уменьшить терзавшую его боль? Все происшедшее не притушило в Херилаке ни гнева, ни ненависти, а только обострило его страдания. Может быть, буря в его душе скоро уляжется. Может быть...

Керрик глотнул из водяного плода. Нужно еще столько сделать. Но прежде всего надо проверить, не уцелел ли кто-нибудь из иилане′ в ханане. Он посмотрел на свое копье. Брать или не брать? Внутри могут оказаться самки, еще не знающие о гибели города. С копьем наперевес Керрик шагнул за обгорелую дверь.

Повсюду еще дымились угли. Пламя прошло повсюду, по прозрачной крыше и стенам. Пахло дымом. Держа копье наготове, он прошел по залу — единственной части ханане, которую ему довелось видеть, — вышел в коридор и попал в другое помещение. Здесь сильно пахло горелым мясом. Потолок сильно выгорел, и можно было разглядеть ужасную картину.

У ног Керрика лежал обгорелый труп Икеменд, хранительницы ханане, с широко раскрытым в предсмертных муках ртом. За ней громоздились трупы ее подопечных. Комната была полна обгоревших тел. Керрик поежился, отвернулся и направился дальше.

Он блуждал по лабиринту комнат и переходов, большей частью испепеленных огнем. Но встречались и зеленые ветви — молодая поросль почти не поддалась огню. Сделав очередной поворот, он очутился в каморке с нарядными коврами на стенах и мягкими подушками на полу. С круглыми от страха глазами к стене жались два юных самца. Увидев его, они застонали:

— Смерть пришла! — и закрыли глаза.

— Нет! — громко крикнул Керрик. — Глупым самцам слушать высшую!

Глаза открылись и с изумлением уставились на него.

— Говорите! — приказал он. — Где остальные?

— Ой, у говорящей в руках острый зуб, он убивает, — простонал один из самцов.

Бросив копье на циновку, Керрик шагнул в сторону.

— Смерть ушла. Вы одни здесь?

— Одни! — проскулили оба, и их ладони окрасились в цвет ужаса.

Керрик заставил себя не сердиться на глупых созданий.

— Слушайте меня и молчите! — приказал он. — Я — Керрик-сильный-и-знатный-что-сидит-рядом-с-эйстаа. Вы слыхали обо мне? — Оба торопливо сделали знак согласия. Быть может, весть о его бегстве не дошла до затхлого мирка ханане. А может, они просто забыли. — А теперь отвечайте на мои вопросы. Сколько вас здесь?

— Мы спрятались, — начал тот, что помоложе. — Мы играли; остальные искали нас. Я был там. Елкиман спрятался вместе со мной, а Надаске′ за дверью. Но другие так и не пришли. Что-то случилось. Было тепло и приятно. Но скверный запах драл нам горло и ел глаза. Мы позвали Икеменд, но она не пришла. А мы боялись выходить. Я очень испугался — меня потому и зовут Имехеи, — но Елкиман очень смелый. Он пошел вперед, мы за ним. И я не могу сказать, что мы увидели, это было ужасно. Мы решили уйти из ханане — хотя это и запрещено, — и Елкиман уже вышел, а потом он закричал, и мы убежали обратно. Что с нами теперь будет?

Действительно, что их ждет? Неизбежная смерть, если сюда забредут охотники. Они увидят мургу, зубастых и свирепых врагов. Но Керрик-то знал, что перед ним слабые, глупые создания, не умеющие даже позаботиться о себе. Он не мог допустить, чтобы их убили, он уже устал от крови.

— Оставайтесь здесь! — приказал он.

— Но мы боимся, мы хотим есть, — заныл Имехеи.

«Мягкий-на-ощупь» —так переводилось его имя. Второй же, Надаске′, — «выглядывающий-в-щелку». Дети, хуже, чем дети, ведь им никогда не стать взрослыми.

— Молчать! Здесь есть вода, а накопленный жирок позволит вам поголодать немного. Не выходите из этой комнаты. Еду вам принесут. Понятно?

Они успокоились, выражая жестами повиновение и доверие. Ну и самцы! Подобрав копье, Керрик оставил их. Выйдя из ханане, он столкнулся с Херилаком. За ним теснились его охотники. Саску во главе с Саноне держались в сторонке.

— Мы уходим! — объявил Херилак. Он уже взял себя в руки, и гнев его сменился холодной решимостью. — Мы сделали то, зачем пришли. Мургу и гнездо их уничтожены. Больше нам здесь делать нечего. Мы возвращаемся домой.

— Надо остаться. Еще не все сделано...

— У тану здесь нет больше никаких дел. Керрик, ты был нашим маргалусом и вел нас против мургу; мы тебя почитали за это и повиновались тебе. Но теперь мургу уничтожены, и ты больше не командуешь нами. Мы уходим.

— Значит, ты, могучий Херилак, говоришь от лица всех тану? — сердито спросил Керрик. — Я не помню, чтобы охотники тебя выбирали. — Он повернулся к ним. — Херилак говорит от имени всех вас... или у каждого свое мнение?

Разгневанный Керрик переводил взгляд с одного лица на другое, и люди смущенно опускали глаза. Саммадар Сорли шагнул вперед.

— Мы думали, мы говорили. Херилак говорит правду. Нам здесь ничего не нужно. Дело сделано, и нам нужно успеть домой еще до зимы. Мы выступаем, Керрик. Твой саммад на севере, а не здесь.

Армун. Зачем ему этот город мертвых? Она его саммад, она и малыш. И Керрик едва не поддался искушению немедленно выступить на север. Но позади Сорли стоял Саноне, а с ним все саску, и они не двигались с места. Обернувшись к ним, Керрик спросил:

— Что скажут саску?

— Мы уже говорили и еще не закончили разговор. Мы только что пришли сюда, и нас ничто не гонит, подобно тану, на холодный север. Мы понимаем их. Но нам нужно другое.

— Давайте немного повременим, — попросил Керрик, обра-

щаясь к охотникам. — Посидим, покурим, обсудим... Потом решим.

— Нет, — ответил Херилак. — Все уже решено. Мы сделали все, зачем пришли сюда. Мы уходим. Сейчас.

— Но я не могу уйти прямо сейчас, — проговорил Керрик, все еще надеясь, что его поймут. — Я тоже хочу вернуться. Там Армун, там мой саммад, но я не могу уйти сейчас.

— Я позабочусь об Армун, — отвечал Херилак. — Она будет под моей защитой в моем саммаде, пока ты не вернешься.

— Мне еще рано уходить. Я хочу подумать.

Последние слова Керрик произнес уже в спины охотников. Решение было принято, разговоры окончены. Битва завершилась, и каждый охотник вновь сам себе господин. Они молча уходили вслед за Херилаком по тропе, исчезавшей среди деревьев.

И никто даже не оглянулся. Ни один тану. Керрик смотрел им вслед, пока последний охотник не пропал из виду. Ему казалось, что какая-то часть его ушла вместе с ними. Хотелось догнать их, упросить не торопиться или просто отправиться вслед за охотниками по той тропе, что приведет к Армун.

Но он не сделал этого. Что-то удерживало его. Хоть он и чувствовал себя тану и знал, что его место возле Армун, среди людей.

Но он только что разговаривал с этими глупыми самцами, приказывал им, как положено иилане′, с удовольствием ощущал свою власть над ними. Что это? Неужели его дом — это жилище ящеров, а не шатры тану?

— Керрик, — донесся до него голос Саноне. — Ты наш маргалус. Приказывай!

Мудрый старик все понимал, мандукто саску умели видеть. Быть может, он понимал чувства Керрика лучше, чем он сам. Довольно. Нужно еще столько сделать. А пока нужно стараться не думать об Армун.

— Нам нужна еда, — проговорил он. — Я покажу вам поля, где пасутся животные. Все они не могли сгореть. И еще — нужно что-то сделать с мертвыми.

— В реку их, пока не засмердели, — буркнул Саноне. — Пусть их унесет в море.

— Пусть будет так. Приказываю. И выбери тех, кто пойдет со мной. Я покажу дорогу. Поедим, а потом нужно будет еще многое сделать.

Глава 2

Belesekesse ambeiguru kake'kusarod. Murubelek murubelek.

Та, что взлетает на гребне самой высокой волны, может попасть в самую глубокую впадину.

Апофегма иилане'

Эрефнаис распоряжалась на урукето, командовала экипажем и пассажирами. Урукето уходил все дальше в море, а она оставалась наверху и, только когда волны захлестывали темный бок живого корабля, прикрывала глаза прозрачными мембранами. Между двумя очередными порциями холодного душа она успевала еще раз бросить взгляд на погибший город, на столб дыма над ним, на безжизненные пляжи. Картина эта словно впечаталась в память. Гибнущий город стоял перед глазами. Она пробыла наверху до темноты, когда урукето замедлил ход, отдавшись воле течения до завтрашнего утра. Только тогда она спустилась вниз и уснула на опустевшем месте кормчей.

Когда прозрачное окошко над головой посветлело, Эрефнаис выбралась из-под плаща и устало поднялась на ноги. Потом она медленно вскарабкалась наверх, хоть и ныла старая рана. Утро было прохладным и ясным. Вчерашнюю грозу унесло далеко, и небо очистилось. Плавник дернулся — урукето проснулся и стал набирать скорость. Эрефнаис поглядела вниз — кормчая была на месте, — а потом вновь уставилась в океан. Позади огромного тела урукето вскипели буруны, пара сопровождавших энтиисенатов рванулась вперед. Все было как всегда.

Да ничего не было как всегда. Мрачные думы вновь овладели Эрефнаис. Она крепко вцепилась в толстую шкуру урукето. Инегбан наконец пришел в Алпеасак — в этом был и ее труд, — и Алпеасак обрел мощь. И умер — в один ужасный день. Она видела его гибель и не понимала; ей никогда не приходилось слышать об огне. Он был горяч — горячей, чем само солнце, — он ревел, и трещал, и вонял, и душил тех, кто был рядом, ослеплял, оставляя за собой безжизненную пустыню. Он погубил город. Горстка уцелевших иилане', пропахших дымом, спала внизу. Остальные умерли, как умер весь город, оставшийся на берегу далеко позади. Она поежилась и стала внимательно вглядываться вперед.

Если бы это был ее город, она тоже умерла бы — как умерли те, кого пощадил огонь.

Теперь у нее были другие проблемы. Ученая Акотолп сидела внизу, вцепившись в руку самца, которого притащила с собой. Но с того мгновения, как они оказались на урукето, она ни разу не шевельнулась, а неподвижно сидела и не отвечала ни на какие вопросы. Не реагировала она и на стоны и причитания самца. Что делать с ней? И с теми, бессмертными? Что делать? Пусть решает она... эта... ее имя не хочется произносить.

Эрефнаис вздрогнула — наверх поднималась Вейнте'. Легка на помине, ее единственную она не хотела видеть этим солнечным утром.

Словно не замечая капитана, Вейнте' направилась в заднюю часть плавника и стала смотреть на пенистый след урукето. Эрефнаис, поколебавшись, тоже обернулась к далекому горизонту. Там было темно. Может быть, еще не отступила ночь или опять надвигалась гроза, но земли уже не было видно... города тоже. Слишком далеко. Один глаз Вейнте' медленно повернулся в ее сторону.

— Молча ты поднялась сюда, Вейнте', и молчишь до сих пор. Все... умерли?

— Все... И город.

Невзирая на ужас, охвативший ее при этих словах, Эрефнаис заметила, что Вейнте' разговаривает как-то странно. Не как высшая с низшей, даже не как равная с равной. Она не выражала никаких эмоций. Словно разговаривала сама с собой.

Эрефнаис не хотелось говорить, но вопрос сорвался с ее губ:

— Огонь... откуда взялся огонь?

Неподвижная маска мгновенно слетела с Вейнте', и все ее тело задрожало от эмоций; рот так широко раскрылся, что было трудно разобрать слова: «Устузоу пришли... устузоу огня... их ненавистью... ненависть к нему... Смерть. Смерть. Смерть...»

— Смерть, — выдохнула она, и руки ее рефлекторно шевельнулись.

За спиной Эрефнаис наверх поднялась Энге. Вейнте' увидела ее и затрепетала, каждое ее слово сочилось ядом.

— Дочь Смерти, место тебе и всем твоим в этом огненном городе. А здесь должны были оказаться лучшие из погибших там иилане'.

В гневе она заговорила как равная с равной, как эфенселе с эфенселе. В детстве, в море, все равны, все оказываются в воде

одновременно, в одном эфенбуру — это естественно так же, как дышать. Ты навсегда будешь эфенселе для всех из твоего эфенбуру. Но Энге не приняла тона.

— Твоя память слаба, нижайшая, — отвечала она самым оскорбительным образом, как говорит высочайшая из высочайших с самой низшей из низших.

Эрефнаис, стоявшая между ними, застонала от ужаса. Ее гребень заалел, потом стал оранжевым, и она в страхе бросилась вниз. Вейнте′ отшатнулась, словно от удара. Энге безжалостно продолжала:

— Ты отвергнута. Твой позор пал и на меня, и я отвергаю тебя как эфенселе. Твое маниакальное стремление убить Керрика и всех устузоу привело к гибели гордого Алпеасака. Ты приказала низкой твари Сталлан убивать моих подруг. От яйца времен не было подобной тебе. Лучше бы ты никогда не выходила на сушу. Если бы весь наш эфенбуру погиб там, во влажных безмолвных глубинах, вместе со мной, — и то было бы лучше.

От слов Энге кожа Вейнте′ покрылась краской гнева, но сразу же потемнела. Гнев ушел вглубь — не тратить же его попусту на это низменное создание, считавшее себя равной ей, Вейнте′.

— Оставь меня, — произнесла она, вновь поворачиваясь к морю.

Энге тоже отвернулась, устыдившись своей внезапной вспышки. Не в это она верила, не этому учила других. Огромным усилием воли она заставила себя застыть на месте и приглушить яркие краски ладоней и гребня. И только после этого она позволила себе заговорить. Внизу кормчая направляла путь урукето по морю, рядом с ней стояла Эрефнаис. Энге нагнулась и крикнула:

— От ведомой к ведущей, не доставит ли мне удовольствия Эрефнаис, поднявшись сюда?

Эрефнаис вскарабкалась наверх и нерешительно взглянула на безмолвную Вейнте′.

— Я здесь, Энге, — отозвалась она.

— Я и все, кто вместе со мною, благодарим тебя за то, что ты спасла нас от гибели. Куда мы идем?

— Куда? — переспросила Эрефнаис с виноватым видом. Она еще не думала, куда им плыть. — Мы бежали от огня в море и взяли курс на Энтобан. Но сделано это было из страха, а не по мудрому рассуждению.

— Ты не виновата, ты спасла всех нас, и мы тебе благодарны.

Энтобан — край иилане′, куда ж еще держать нам путь? Но в какой город мы направляемся?

Ответ последовал мгновенно:

— Домой. К моему эфенбуру, туда, где этот урукето впервые оказался в волнах моря. В окруженный водами Икхалменетс.

Глядя одним глазом на волны, Вейнте′ устремила другой на говоривших. Она попробовала обратить на себя внимание, но к ней повернулась только Эрефнаис.

— Икхалменетс-на-островах — не Энтобан. Покорно прошу взять курс на Месекеи.

Эрефнаис жестом показала, что поняла, но вежливо и твердо заметила, что не изменит курса. Вейнте′ замолчала. И все-таки она доберется до него. Месекеи, большой город на большой реке, богатый, процветающий, далекий от северных морозов. И главное, его жители больше всех помогали ей в подготовке к войне с устузоу. Сейчас ее будущее было скрыто серой пеленой. Но настанет день, пелена исчезнет, и она вновь обретет силу. Хорошо тогда оказаться среди друзей. В Икхалменетсе не один урукето, можно найти и другой способ добраться до цели.

А здесь... кругом враги. Энге и уцелевшие с нею Дочери Смерти, — а сколько достойных погибло в Алпеасаке. Этого не должно было случиться. Здесь, в море, она бессильна. Она одна против всех; Эрефнаис и экипаж ей не помогут. Но на берегу все будет по-другому. Она стала размышлять и прятала мысли за неподвижностью тела.

Энге жестом дала знать Эрефнаис, что оставляет ее, и стала спускаться вниз. При взгляде на неподвижную Вейнте′ на мгновение Энге показалось, что она видит ее мысли. Злые, темные... Что делать с амбициями Вейнте′? Мысль эта так овладела Энге, что конечности ее непроизвольно зашевелились, и даже в тусклом фосфоресцирующем свете ее было нетрудно понять. Запретив себе думать, она медленно пошла вперед в полумраке. Мимо неподвижной Акотолп и ее несчастного спутника — к маленькой группе иилане′, сбившейся у стены. Заметив Энге, одна из них, Акел, встала, шагнула навстречу и остановилась.

— Энге, предводительница, что так волнует тебя, что я опасаюсь за свою жизнь, находясь возле тебя?

Энге остановилась.

— Прости, верная Акел, я думаю не о тебе, не о наших. — Она оглядела четырех уцелевших Дочерей и жестом дала понять, что рада их обществу. — Когда-то нас было много. А теперь нас мало,

и каждая из вас стала мне дороже во сто крат. И раз мы выжили, когда остальные погибли, то мы в ответе за наше дело... и нам даны силы, чтобы его исполнить. Но я потом расскажу вам об этом. Прежде нужно кое-что сделать. — Проведя пальцами по ребрам, она дала им понять, что уши слышат и глаза видят. — Скорбь моя не о нас. И я хочу обдумать ее причины.

Она выискала за пузырями с консервированным мясом темный уголок и улеглась лицом к живой стене урукето, заставив тело недвижно застыть. Овладев собой, она вернулась к мыслям о Вейнте′. К мыслям, что не должны были нарушить внешнего покоя.

Вейнте′! Полная ненависти. Теперь, освободившись от привязанности к бывшей эфенселе, Энге поняла, что та из себя представляла. Темная сила, воплощение зла. Было ясно, что первые же действия этой силы будут направлены против Энге и ее спутниц. Они выжили, когда умерли все остальные. В Икхелменетсе они не будут молчать, и слова их будут не в пользу Вейнте′. И она попытается заставить их умолкнуть. Это было очевидно.

Зная, откуда грозит опасность, нетрудно ее избежать. Следует все продумать. Первым делом самое легкое. Надо выжить. Энге встала и направилась к подругам. Акел и Эфен еще не спали, а Омал и Сатсат уже погрузились в коматозное оцепенение, в котором им предстояло пробыть все время долгого путешествия в темном нутре урукето.

— Проснитесь, прошу, надо поговорить, — произнесла Энге. Спящие зашевелились. — Здесь не место для долгих разговоров — я прошу помощи и повиновения. Выполните ли вы мою просьбу?

— Говори, Энге, — ответила Омал, остальные согласно зажестикулировали.

— Значит, так. Одна из нас всегда должна бодрствовать, пока остальные спят. Нам грозит опасность. Если очень захочется спать, разбуди подругу. Будем караулить по очереди. Ну как? — Энге взглянула на слушающих, те знаками выразили одобрение и согласие. — Тогда все в порядке. А теперь спите, сестры, а я буду сторожить.

Энге сидела все в той же позе, когда Вейнте′ спустилась вниз. Заметив внимательный взгляд Энге, она задрожала от ненависти. Та не отвечала, но и не отворачивалась. Ее спокойствие так взбесило Вейнте′, что она улеглась подальше, спиной к Дочерям.

Путешествие проходило без приключений, подруги были так

потрясены гибелью Алпеасака, что скрывались от кошмарных воспоминаний во сне, пробуждаясь, чтобы поесть, и засыпали снова. Но одна из пятерых всегда бодрствовала и была настороже.

Когда показалась земля, Энге спала.

— Показались деревья на берегах Энтобана, — сказала Сатсат, легким движением разбудив Энге.

Та жестом выразила удовлетворение и стала дожидаться, когда Эрефнаис останется наверху одна. Уловив такой момент, Энге поднялась, и они обе стали молча смотреть на далекий берег, на котором высились зеленые джунгли.

— Прошу покорно просветить, — начала Энге. Эрефнаис ответила жестом внимания. — Перед нами берег теплого и вечного Энтобана. Но известно ли, в каком именно месте мы находимся?

— Где-то здесь. — Эрефнаис держала карту между большими пальцами одной руки и показывала пальцами другой. Энге внимательно следила. — Мы пойдем на север вдоль берега, — сказала Эрефнаис, — мимо Йибейска к островам Икхалменетса.

— Не сочти меня назойливой, если я попрошу сообщить, когда мы будем возле Йибейска.

— Будет сделано.

...Через два дня они приблизились к городу. Вейнте′ тоже интересовал Йибейск. Она стояла в заднем конце плавника, Эрефнаис и Энге были впереди. Вскоре уже можно было разглядеть высокие деревья, золотые пляжи, с обеих сторон подходившие к городу, дальние силуэты лодок, возвращавшихся домой с дневным уловом. Энге словно и не обнаруживала особого интереса. Полюбовавшись на берег, она поблагодарила Эрефнаис и спустилась вниз. Вейнте′ бросила ей вслед взгляд, полный ненависти, и вновь принялась разглядывать берег.

Утром она услышала разговор Эрефнаис с одной из членов экипажа и всем телом затрепетала от гнева. Она должна была догадаться.

— Они исчезли, Эрефнаис, все пятеро. Проснувшись, я увидела, что ни одной нет на месте. Их нет ни внизу, ни наверху.

— И ты ничего не заметила?

— Ничего. Сегодня я проснулась первой, чтобы заступить на вахту... Просто уму непостижимо.

— Вовсе нет! — громко выкрикнула Вейнте′, и говорившие вздрогнули. — Непостижимо то, что я не догадалась об этом. Им прекрасно известно, что в Икхалменетсе их не ждет ничего хоро-

шего. Они хотели укрыться в Йибейске. Поворачивай назад, Эрефнаис!

Вейнте′ говорила повелительным тоном, властно выпрямившись. Но Эрефнаис и не подумала повиноваться, а лишь неподвижно застыла. Словно окаменели и члены экипажа; каждая одним глазом наблюдала за говорившими. Вейнте′ знаками выражала срочную необходимость, требовала повиновения, грозила гневом, словно грозовая туча, возвышаясь над низенькой Эрефнаис.

Это сгорбленной-то, приволакивающей ногу Эрефнаис своевольничать? Однако ее мало интересовал конфликт бывшей эйстаа и Дочерей Жизни. Энге была добра к ней, никогда не обижала... Эрефнаис мало что слыхала о Дочерях Жизни, и они не вызывали у нее беспокойства. Хватит крови, она была уверена в этом, а в каждом движении рассвирепевшей Вейнте′ сквозило желание убивать.

— Следуем прежним курсом. Мы не повернем. Пассажир может быть свободен.

Она повернулась и пошла прочь, и только хромота не давала ей в полной мере выразить чувство удовольствия и торжества.

Вейнте′ застыла в отчаянии. Она здесь не распоряжалась — как, впрочем, нигде отныне, мрачно напомнила память, — не могла она прибегнуть и к силе. Экипаж не допустит этого. И она замерла, пытаясь побороть холодный гнев. Логика выше, сейчас не время для чувств. Деваться некуда — теперь она ничего не могла сделать. Энге и ее подруги сумели скрыться... пока. Но это неважно. Они еще встретятся, и возмездие будет мгновенным. Об Эрефнаис тоже пока придется забыть. Не стоит и думать о пустяках. Она должна думать о месекеи и о тех больших делах, что ей придется совершить. Своих целей она может добиться, лишь тщательно спланировав действия, выбросив из головы ненужные эмоции. Всю жизнь ей приходилось сдерживать свои чувства, и она только удивлялась обретенной силе. А все этот устузоу... Он погубил ее покой, обрек ее на вечную ненависть. Это из-за Керрика и его родни она стала такой. Она не забудет. И пока будет сдерживать гнев. И только однажды... Ненависть надо таить в уголке сердца. Чтобы однажды предаться ей.

Так думала она и постепенно успокаивалась; тело вновь становилось ее собственным. Оглядевшись, Вейнте′ обнаружила, что осталась в одиночестве. Эрефнаис с вахтенными была наверху, остальные дремали. Вейнте′ посмотрела туда, где еще вчера

спали Энге и ее подруги, — и ничего не ощутила при этом. Так и должно быть. Она вновь владела и телом своим, и эмоциями. В темноте кто-то пошевелился. Вейнте′ вспомнила об Акотолп и самце. Едва разглядев их в темноте, она подошла поближе.

— Помоги беспомощному самцу, великая Вейнте′, — захныкал самец, тщетно дергаясь в мертвой хватке Акотолп.

— Да, я помню тебя по ханане. — Вейнте′ заинтересовал мяукающий голос самца. — Ты и есть певец Эсетта, не так ли?

— Вейнте′, вечно первая, потому что она помнит имена всех, от нижайшего до высочайшего. Но теперь несчастному Эсетте не о чем петь. Эта толстая вытащила меня из ханане, волокла меня через вонючий туман, мешавший дышать, едва не утопила по пути к урукето, а теперь больно стискивает мою руку. Я пытался говорить, просил, чтобы она меня отпустила, пока не умерла.

— А почему ты не умер? — грозно спросила Вейнте′.

Эсетта взвизгнул и отшатнулся.

— О великая Вейнте′, почему ты хочешь смерти ничтожнейшего?

— Не хочу, но остальные ведь умерли. Храбрые иилане′ Алпеасака умерли, когда умер их город.

И тут Вейнте′ вдруг почувствовала страх. Они умерли, а она? Почему она осталась жива? Верной Сталлан она сказала тогда, что они остались живы лишь из ненависти к устузоу. Так ли? Неужели этого довольно, чтобы выжить, когда умерли все? Она мрачно поглядела на Акотолп и только сейчас начала понимать, в каком состоянии та находится. Сомнение в жизни, сопротивление смерти. Акотолп случалось работать во многих городах, и она не была всей душой предана одному из них. Но она была ученой, а потому знала, что смерть может наступить в любой момент. Сейчас в этом оцепеневшем теле шла борьба. Только силой воли удерживала себя Акотолп среди живых.

И когда Вейнте′ поняла это, в нее словно влились новые силы. Если эта толстуха может жить, если у нее хватает сил для этого, на что будет способна она сама, обладающая силой воли эйстаа... Она может жить, она будет жить... и снова править. Ей это по силам!

И Вейнте′ в победном жесте подняла обе руки и полоснула когтями неподатливую стенку. Перепуганный стон проник в ее сознание, и она посмотрела вниз, на скрючившегося на полу Эсетту. Желание пришло мгновенно.

Она нагнулась и сильной рукой разжала пальцы ученой. Он

начал торопливо благодарить, но она грубо возбудила его и уселась на него верхом.

Акотолп продолжала сидеть в той же позе, но один глаз вдруг медленно повернулся и уставился на соединившуюся пару.

После трудов праведных Вейнте′ решила поспать. Проснувшись, она сразу увидела жирную Акотолп, которая пыхтя лезла наверх, в плавник. Вейнте′ огляделась, самца не было видно — спрятался, должно быть. Она с усмешкой шевельнулась при этой мысли и вдруг почувствовала, что от мысли об Эсетте сон оставил ее. Урукето качнулся на высокой волне, и внутрь плавника проник яркий солнечный луч. Вейнте′ окончательно проснулась и встала, зевая и потягиваясь. Свет манил ее к себе, и она неторопливо поднялась наверх. Там стояла Акотолп, зрачки ее при ярком свете превратились в две узкие щелочки. Она поглядела на Вейнте′ и быстро зажестикулировала, выражая радость и благодарность.

— Грейся на солнце, добрая Вейнте′, наслаждайся теплом, а я буду благодарить.

Вейнте′ знаком выразила согласие и удовольствие. Акотолп переплела большие пальцы в дружественном жесте и заговорила:

— Благодарю тебя, сильная Вейнте′, ты спасла мне жизнь. Научная логика определяет мое существование, но я знаю и про важную роль тела, хоть оно и подчиняется мозгу. Я знаю, что по приказу эйстаа в организме любой иилане′ могут начаться метаболические изменения, которые заканчиваются смертью. И когда в бедном Алпеасаке все умерли, я поняла, что причиной тому смерть города. Осознав это, я испугалась за себя, ведь, несмотря на мои неограниченные познания, этот удар мог сразить и меня. Помогло то, что остался жив самец. Раз может он, могу и я. И поэтому я так держалась за него, пока боролась за жизнь. А потом пришла ты и отобрала его, и я пришла в себя, возвратилось и зрение. Я увидела, какая ты живая, великолепная и прекрасная. Это придало мне силы, и я поняла, что смерть отступила. Благодарю тебя, сильная Вейнте′. Моя жизнь в твоем распоряжении. Я — твоя фарги и жду повелений.

В этот миг урукето покачнулся на волнах. Акотолп потеряла равновесие и упала бы, если бы Вейнте′ не схватила ее за руки. Она ответила Акотолп как равная равной:

— А теперь мой черед благодарить великую Акотолп. Мне многое надлежит сделать, и путь мой долог. Потребуется помощь. И я рада видеть в тебе свою первую помощницу на этом долгом пути.

Урукето снова качнуло. Они взглянули на берег, и Акотолп сделала жест удовольствия-от-зрелища.

Живое судно проплывало мимо устья большой реки. Светло-зеленые джунгли тянулись по обоим берегам. Там, где воды реки встречались с океанскими, вздымались и пенились крутые валы. И повсюду на воде кормились естекелы. Опустив в воду длинные клювы, так что из нее торчал лишь костяной выступ на затылке, они качались на волнах, сложив крылья. Другие медленно кружили в небе, их тени быстро скользили по волнам. Птицеящеры хрипло кричали, гомон становился сильнее — урукето нарушил покой стаи.

— Посмотри, посмотри, они поднимаются в воздух! — воскликнула Акотолп. — Если приглядеться, можно заметить, что у них слишком короткие ноги и чересчур длинные крылья — в другом месте они даже не смогли бы летать. Здесь высокие волны, и часто они идут против ветра. А естекелы прямо с гребня волны взмывают в воздух. Чудесно!

Вейнте′ не разделяла восхищения Акотолп пропахшими рыбой и покрытыми коротким мехом летающими тварями. Они ныряли, гадили и очень громко орали. Поэтому Вейнте′ оставила Акотолп, спустилась вниз и, не обращая внимания на качку, заснула. Остаток путешествия она провела в оцепенении и еще спала, когда Эрефнаис прислала кого-то из экипажа известить ее о том, что урукето близок к островам и скоро войдет в гавань Ихалменетса.

Вейнте′ поднялась наверх и увидела пустынный океан. Чтобы добраться до архипелага, им пришлось отойти от берегов Энтобана почти на день пути. Они были возле большого острова, в середине которого высились горы... Их высокие вершины были покрыты снегом. Шел дождь — мрачное напоминание о зиме. Вейнте′ показалось, что эти скалистые острова слишком уж неприветливы и мрачны, и, поежившись от холода, она уже подумала о том, что в самое ближайшее время отсюда надо будет уехать.

Уехать? Они приближались к Ихалменетсу, к его зеленым джунглям и желтым песчаным пляжам. Пункт назначения был близок. Глядя на заснеженные горные вершины, Вейнте′ неподвижно застыла; в ее голове рождались новые идеи. Быть может, и хорошо, что она оказалась именно в Ихалменетсе.

Глава 3

Es et naudiz igo kaloi, thuvot et freinazmal.

За двумя кроликами погонишься, ни одного не поймаешь.

Марбакская поговорка

В полдень саску убили и разделали на пастбище оленя. Керрик нашел камни и выложил ими круглое кострище перед входом в ханане, затем натаскал с берега сухого плавника. Остановиться можно было в любом месте, но он хотел быть поближе к оставшимся в живых иилане'. Хоть охотники-саску не столь быстры на расправу, как тану, он не мог доверить им самцов. Если он утратит бдительность, их сразу же убьют.

Когда охотники вернулись, Керрик уже развел высокий костер и раскаленные угли для мяса были готовы. Проголодавшиеся охотники, не дожидаясь, пока мясо прожарится как следует, хватали полусырые куски и усердно жевали. Керрику по праву досталась печень, и он поделился ею с Саноне.

— Здесь много нового для нас, — сказал старик, облизывая пальцы, прежде чем вытереть их о свою юбку. — И многие тайны нам надо понять. Есть ли здесь мастодонты?

— Нет, здесь живут одни только мургу, привезенные из-за океана.

— Но ведь мы едим оленя, а не марага.

— Они ловят оленей и держат здесь. Но в дальнем краю, откуда пришли те, которых мы убили, живут одни лишь мургу.

Саноне задумчиво жевал кусок печени.

— Мне не нравятся такие края, где бродят одни мургу. Но ведь Кадайр сотворил и те земли за океаном, когда топнул ногою и разделил скалы. Из скалы он создал все, что мы видим и знаем: и оленя, и мастодонта, и... мургу. Всему есть причина. И неспроста мы явились сюда, и неспроста здесь оказался их город. Все надо запомнить до тех пор, пока не придет время понять.

Когда Саноне говорил как мандукто, все в этом мире и все по ту сторону мира приобретало особенное значение. Керрика же интересовали куда более практические вопросы. Как покормить самцов в ханане? И что с ними делать потом? Почему он решил взвалить на себя заботу о них? Если он перестанет за ними следить, их убьют — в добровольцах недостатка не будет. Он не хотел

смерти простодушных созданий, однако этого было мало, чтобы сохранить им жизнь. Он попытается решить этот вопрос позже. А пока их надо кормить. Жареное мясо самцы есть не станут — их пугал даже запах дыма. Керрик отрезал несколько кусков мяса от передней ноги оленя и открыл дверь в ханане. Трупы уже начали дурно пахнуть. Надо убрать их до темноты. Подойдя к уцелевшей части ханане, он услышал пение, хотя звуки без жестов смысла не имели. Незамеченный, он стоял у входа и слушал хрипловатый голос Имехеи. Грустная песня напомнила Керрику о том дне, когда Эсетта пел после смерти Алипола.

Они свободны, а мы заперты,
Они греются на солнце, а мы видим тусклый свет,
Они посылают нас на пляжи, а сами туда не ходят...

Заметив Керрика, Имехеи умолк. Когда он увидел принесенное Керриком мясо, его ладони окрасились цветом радости. Они ели с жадностью, мощные челюсти и острые зубы легко справлялись с каждым куском.

— Вы знали Эсетту? — спросил Керрик.

— Это наш брат, — быстро ответил Имехеи и поинтересовался: — Еще мясо будет?

Керрик сделал отрицательный жест, добавил: «Не скоро» — и спросил:

— Здесь жил еще самец Алипол — вы знали его? Он... был моим другом.

— Имехеи недавно приехал из Энтобана, — произнес Надаске'. — Я здесь давно. Я был здесь, когда Алипол в первый раз ушел на пляж.

— Алипол умел делать красивые вещи. Вы слыхали о них?

— Мы все знаем о них, — вмешался Имехеи. — Мы не так грубы, как самки, и знаем, что такое красота.

Он повернулся, отодвинул ковер на стене; за ним оказалось углубление. Поднявшись на цыпочки, он пошарил в нем, достал проволочную статуэтку и подал ее Керрику.

Это был ненитеск, быть может, тот самый, которого показывал ему Алипол. Высокий костяной воротник, грозные острые рога, вместо глаз самоцветы. Керрик взял фигурку и повернулся к солнцу; она засверкала. Он ощущал такое же восхищение, как и в тот день, когда Алипол впервые показал ему статуэтку. Но к радости примешивалась и печаль — ведь Алипола уже не было на свете. И отправила его на верную смерть Сталлан. Теперь она мертва — и это справедливо.

— Я возьму это, — заявил Керрик.

Самцы испуганно зажестикулировали. У Имехеи хватило смелости сделать жест, означавший самку. Керрик понял. Его считали самцом, об этом знал весь город. Но сейчас он вел себя как самка: дерзко и грубо. Он попытался поправить положение.

— Вы меня не поняли. Я хотел взять этот красивый предмет, но он останется в ханане, для которого и сделал его Алипол. Заботившаяся о вашем ханане эсекасак мертва, и теперь вы в ответе за него. Храните его и берегите.

Они не могли скрыть свои мысли, даже не попытались. Они не были на это способны, они, лишенные обязанностей затворники, с которыми обращались как с бессловесными фарги, только что выбравшимися из океана. И теперь они выслушали новую для себя мысль, сначала перепугались, а затем ощутили какую-то гордость. Заметив это, Керрик начал понимать, зачем он сохранил им жизнь. Не ради них, а ради себя. Он был не только тану, но и иилане′ тоже. И перед самцами он был готов признать это, не стыдясь. Когда он говорил с ними, в голову ему приходили мысли, которые принадлежали части его существа, считавшей себя иилане′. Их двое — Керрик-тану и Керрик-иилане′.

— Вода у вас есть, еду я принесу. Не выходите отсюда.

Они сделали жесты понимания и согласия. Он удивился силе разделения общества иилане′ на полы. Один жест, означавший самку, сразу поставил его на место. И, когда он начал понимать кое-что из того, что крылось за услужливыми и обходительными манерами, самцы начали нравиться ему.

В огне потрескивали обглоданные кости; саску, набив животы, дремали на солнце. Керрик вышел из ханане и уселся у костра. Саноне открыл глаза.

— Мандукто саску, нам есть о чем поговорить! — официальным тоном обратился к старику Керрик.

— Я слушаю.

Прежде чем начать говорить, Керрик постарался привести в порядок свои мысли.

— Мы выполнили все, зачем явились сюда. Мургу погибли, нам ничто не грозит. Теперь ты со своими охотниками можешь возвращаться в свою долину, к своему народу. Но я должен остаться здесь — хотя причины такого решения еще не совсем ясны и мне самому. Я — тану, но я же и иилане′, часть меня принадлежит мургу, вырастившим этот город. Здесь много ценного для тану. И я не могу уйти, не попытавшись все увидеть и понять.

Я думаю о стреляющих палках, без которых мы никогда бы не победили мургу. — Он умолк, потому что Саноне остановил его движением руки.

— Я слышу твои слова, Керрик, и начинаю понимать многое из того, что тревожило меня самого. Мой путь не был прям и становится еще более запутанным. Теперь я понимаю: когда Кадайр принял обличье мастодонта, он тяжело топнул о скалу и оставил в ней глубокие следы. Эти следы привели тебя к нам и мастодонта вместе с тобой, чтобы мы не забыли, откуда мы и куда нам идти. Карогнис наслал на нас мургу. Но Кадайр послал мастодонта, переведшего нас через ледяные горы, чтобы в этом месте вкусили мы месть. И мургу погибли, их город сожжен. Ты ищешь здесь мудрость, а значит, как и мы, ты идешь по следам мастодонта. Теперь я знаю, что наша долина лишь часть долгого пути, по которому ведет нас Кадайр. Мы останемся здесь, и все саску присоединятся к нам.

И хотя Керрик не понимал причины, побудившие мандукто принять такое решение — глубина познаний старика была от него сокрыта, — но он приветствовал его с радостью.

— Конечно же... ты сказал именно то, что я думал. Здесь, в Алпеасаке, сокрыто столько, что человеку не понять и за сотню жизней. Твой народ умеет делать шкуры из зеленых растений, камень из жидкой грязи, вы знаете многое. Алпеасак будет жить.

— Есть ли смысл в звуках, что ты издаешь, и в движениях, что производишь? Было ли имя у этого города?

— Его звали местом тепла, света... Я не знаю, как сказать это на сесеке... Пески вдоль побережья.

— Деифобен, «золотые берега». Удачное имя. Хотя даже мне, привыкшему к тайнам и поискам их разгадок, трудно постичь, что мургу одарены речью, а эти звуки и есть их язык.

— Выучиться было так сложно. — Подумав об иилане′, Керрик не смог удержаться от воспоминаний...

Саноне с пониманием кивал.

— И это след, оставленный нам Кадайром, трудный, нелегкий путь... Теперь расскажи о пленных мургу. Почему мы не можем убить их?

— Мы воевали вовсе не с ними, они не хотят нам зла. Это самцы, они никогда не выходили из этой рощи. В действительности они сами были пленниками самок. Когда я разговариваю с ними, возникает чувство общности, иное, чем при разговоре с охотниками. Но это касается меня одного. Куда важнее — они

могут помочь нам понять этот город, ведь они — часть его в большей степени, чем я.

— Путь Кадайра — все существа идут им, даже мургу. Я поговорю с саску. Твоим мургу не причинят вреда.

— О Саноне, мудрейший из мудрых, Керрик благодарит тебя.

Саноне невозмутимо выслушал панегирик и кивнул.

— Я скажу это саску прямо сейчас, а потом ты покажешь мне Деифобен.

...Они ходили по городу, пока не стемнело и уже нельзя было видеть дороги перед собой, а потом возвратились к приветливому костру возле ханане. Сопровождавших Керрика саску удивили поля-пастбища, и люди с радостью обнаружили, что почти все они уцелели. С трепетом люди взирали на огромных ненитесков и покрытых броней онетсенсастов. А потом все ели плоды и перемазались соком, купались в теплой воде возле золотого берега. Всех восхитила живая модель города — она уцелела, выгорела только часть прозрачного потолка. Керрик с изумлением обнаружил, как вырос город за эти недолгие годы. Голова его была так набита впечатлениями и воспоминаниями, что впервые после расставания с саммадами он не вспомнил об Армун, о шатре, утонувшем в далеких северных снегах.

Саммады тану опять остановились в том же месте — возле речной излучины. Снова снег слишком рано выбелил землю, слишком рано остановилась река. На лугу теперь стояло куда больше шатров. Мастодонты сбились в стадо. Они трубили и пытались разыскать под снегом траву. Но перед зимою звери отъелись и каждый день получали корм — запасенное осенью сено. Тану тоже были сыты. У них хватало и копченого мяса, и вяленых спрутов, они до сих пор хранили и консервированное мясо мургу. Дети играли в снегу, ведерками из коры таскали его в шатры, чтобы растопить воду. Все было хорошо, но и женщины, и дети ощущали отсутствие охотников. Конечно, остались старики и несколько юношей... Но остальные ушли далеко на юг, где с ними могло произойти всякое. Старый Фракен вязал узлы на шнурках и знал, сколько времени миновало с тех пор, как они ушли, — но что значили дни? Выполнили охотники задуманное или нет?

Или погибли все до единого?

Эта мысль, сначала изредка посещавшая умы, теперь прочно овладела всеми оставшимися. И женщины толпились возле старого Фракена, когда он разламывал совиные шарики, открывая

мышиные косточки, чтобы по ним прочесть грядущее. Все хорошо, уверял он. Победа. Все хорошо.

Женщины хотели чаще слышать эти слова и носили старику самые нежные кусочки мяса, доступные его зубам. По ночам же во тьме шатров страхи возвращались. Охотники... где же охотники?

Армун так боялась, что Керрик погиб, что часто вскакивала ночью, задыхаясь от страха, и прижимала к себе младенца. Проснувшийся Арнхвит громко вопил с перепугу, а потом утихал, присосавшись к груди. Но Армун ничто не могло принести утешения, и, окаменев от страха, она лежала, пока рассвет не вползал на небо. Одиночество возвращалось. Недавно какой-то мальчишка показал на ее рот и расхохотался. Смех сразу превратился в плач, когда быстрой рукой она покарала обидчика, но пробудил горькие воспоминания. Сама того не замечая, Армун ходила теперь по стойбищу, прикрывая лицо воротом одежды. Будущее без Керрика было пустым и холодным, она даже не хотела думать о том, что ее ожидает.

А потом много дней подряд валил снег — столько дней, сколько пальцев на двух руках. Он безмолвно ложился в огромные сугробы, и, когда возвратилось солнце, невозможно было понять, где земля, где река в этом убеленном мире. Мастодонты сердито трубили и топтались в снегу; их дыхание белыми клочьями исчезало в бледно-голубом небе.

Прежде чем устроить Арнхвита за спиной, Армун завернула его в оленью шкуру. Снег завалил шатер, и ей пришлось раскапывать его изнутри. Кто-то из женщин уже выбрался наружу. Они окликали друг друга по именам. Но не ее. Гнев заставил ее позабыть отчаяние, и, уложив ребенка в ременную плетенку, она отошла от шатров подальше, чтобы не слышать приветливых голосов. Снегу было по пояс, но она была сильна, и так хорошо было на воле. За спиной, явно наслаждаясь свежим воздухом, гукал Арнхвит.

Армун шла, пока деревья не закрыли шатры, и только потом остановилась, чтобы перевести дух. Впереди белела равнина, где-то под снегом таилась река. Вдали чернели какие-то точки, постепенно приближаясь, и она пожалела, что зашла так далеко. Оружия у нее при себе не было, даже ножа она не прихватила с собой. Но все равно, что смогла бы сделать она одна с целой стаей изголодавшихся хищников?

Точки приближались, Армун уже решила бежать... и замерла.

Точек становилось все больше, они выстроились в цепочку...

Охотники! Неужели?

Застыв, она следила за ними, и наконец стало ясно — это охотники в шкурах и на снегоступах. Могучая фигура впереди могла принадлежать только Херилаку. Он вел охотников, прокладывая путь. Прикрыв глаза ладонью, она попыталась увидеть среди них Керрика, сердце ее бешено колотилось в груди. Она громко засмеялась и замахала руками. Ее заметили, над равниной прокатился громкий приветственный клич. Она не могла шевельнуться и только следила, как они приближаются. Наконец она разглядела заиндевевшую бороду Херилака, и он услышал ее крик:

— Керрик, где ты?

Но молчал Херилак, и никто из идущих не отозвался — она покачнулась и едва не упала.

— Он погиб! Я умру! — зарыдала она, когда Херилак подошел ближе.

— Жив твой Керрик. Жив и здоров. Мы победили!

— Почему же он не ответил мне?.. Керрик!

Она метнулась вперед, но охотник задержал ее.

— Его нет здесь. Он не вернулся. Остался в спаленном городе мургу. Он попросил меня позаботиться о тебе. Ты останешься в моем саммаде.

— Керрик! — закричала она, пытаясь вырваться.

Но не смогла.

Глава 4

Слова Херилака в один миг прогнали все невысказанные страхи Армун.

«Он не вернулся. Остался в спаленном городе мургу. Он попросил меня позаботиться о тебе, и ты останешься в моем саммаде. Мир и так суров, нечего представлять его более жестоким». Молча она отвернулась от охотников и побрела по глубокому снегу к своему костру.

Мимо, громко крича, спешили охотники. Услышав со стоянки знакомые голоса, они припустили еще быстрее.

Армун слышала это... но не разбирала слов, вслушиваясь только в свой внутренний голос. Жив. Он жив. Если Керрик не вернулся, значит, для этого у него были более чем веские причины. Она все выспросит у Херилака, но позже, когда уляжется радость возвращения. Значит, тану одержали победу. Мургу наконец уничтожены. Бесконечный бой закончится. Он вернется — и они заживут, как все. Она что-то забормотала себе под нос, и Арнхвит за плечами радостно засмеялся.

Когда ребенок уснул, Армун вышла послушать разговоры охотников. Как сожгли город мургу, как поубивали их всех и как возвратились с победой. По протоптанным в снегу тропкам она добралась до костра Херилака. Он стоял у шатра и, заметив ее, отвернулся. Она окликнула его, и, слегка помедлив, Херилак взглянул на нее.

— Нужно поговорить, Херилак. Расскажи, что с Керриком.

— Я же сказал: он остался в городе мургу.

— Но ты не объяснил, почему он это сделал, почему он не возвратился со всеми.

— Не захотел. Может, ему лучше там, возле мургу. Может, он больше мараг, чем тану. Там остались живые мургу, а он не стал убивать их и не позволил нам это сделать. Тогда мы ушли — нам незачем было там оставаться.

Она почувствовала недоброе, и все страхи немедленно возвратились.

— А он говорил, когда вернется?

— Уходи, я все сказал, — ответил Херилак и, войдя в шатер, опустил за собой полог.

Гнев разогнал все страхи Армун.

— А я не все сказала! — закричала она так громко, что к ней стали поворачиваться, прислушиваясь. — Выходи, Херилак, и все расскажи мне! Я хочу знать, что случилось. Ты что-то скрываешь.

Ответом было молчание, и Армун сердито ударила в шкуру. Но Херилак уже успел зашнуровать вход изнутри. Ей захотелось высказать все, что она думает о таком поступке... но она овладела собой. Это только развлечет окружающих.

Она повернула назад, и бывшие неподалеку поспешно отходили, чтобы не попасть под горячую руку. Но она уже шагала между шатрами к саммаду Сорли. Тот сидел возле огня со своими охотниками; из рук в руки они передавали каменную трубку. Армун подождала, пока трубку выкурили и положили, потом шагнула вперед, стараясь сдерживаться.

— Сорли, я слыхала о том, каким долгим и трудным был ваш путь. Ты устал и охотники тоже, вы нуждаетесь в отдыхе.

Сорли пренебрежительно махнул рукой.

— Охотник, для которого трудна дорога, не может быть охотником.

— Рада слышать это. Значит, великий охотник Сорли не слишком устал, чтобы поговорить с Армун.

Прищурившись, Сорли глядел на нее, чувствуя, что попался на слове.

— Да, я не устал.

— Это хорошо, потому что шатер мой не так уж близок, а я хочу кое-что показать тебе.

Сорли огляделся в поисках поддержки, но не нашел ее: охотники заново набили трубку и передавали ее друг другу, не глядя в его сторону.

— Хорошо. Идем в твой шатер. Только помни: уже поздно, а у меня еще много дел.

— Ты очень добр к одинокой женщине. — Она молчала, пока они не подошли к ее шатру. Запахнув за собой полог, она показала на спящего младенца. — Вот что я собиралась тебе показать.

— Дитя...

— Сын Керрика. Почему он вместе со всеми не вернулся в свой шатер, к своему сыну? Почему он не вернулся ко мне? Херилак отворачивается и молчит. Теперь говори ты.

Сорли повел по сторонам глазами, но деваться было некуда. Он вздохнул.

— Дай мне попить, женщина, и я скажу. Теперь Керрика и Херилака разъединяет недоброе чувство.

— Вот, пей. Я поняла. Объясни почему.

Сорли вытер губы рукавом.

— Я не понимаю причин. Просто расскажу тебе, что случилось. Мы сожгли город мургу, и тот, кто не погиб в огне, умер сам. Почему — я не знаю. Это же мургу, как понять их? Некоторые спаслись и уплыли на какой-то плавучей штуке. А Керрик говорил с марагом и не дал Херилаку убить его. Он отпустил этого марага. А потом нашлись и другие мургу, и Керрик снова не дал их убить. Херилак воспылал великим гневом и сказал, что уйдет без промедления. Нас ждал долгий путь, и мы согласились.

— Но Керрик остался? Почему? Что он говорил?

— Он разговаривал с Херилаком. Я не слушал его и не знаю... — Неловко поежившись, Сорли хлебнул воды.

В глазах Армун отсвечивали угольки костра, она едва сдерживалась.

— Смельчак Сорли, храбрец Сорли, ты говоришь мне не все. Ты крепок, в силах объяснить, что случилось в тот день.

— Язык мой говорит правду, Армун. Керрик говорил, что там нужно многое сделать. Я ничего не понял. Вот саску поняли — они остались, а мы ушли. Мы все ушли с Херилаком. Ведь все, что было нужно, мы сделали. А дорога назад далека...

Армун на миг опустила голову, потом встала и откинула полог.

— Я благодарю Сорли, рассказавшего мне обо всем.

Он помедлил, но Армун молчала. Что мог он добавить? И Сорли с облегчением поспешил назад, радуясь, что освободился.

Вечерело. Армун вновь закрыла вход, подкинула ветвей в очаг и села рядом. Лицо ее было гневным и мрачным. Как легко эти смельчаки отвернулись от Керрика! Шли за ним в бой... и бросили одного. Если саску остались там, значит, он просил об этом и охотников. В городе мургу, должно быть, случилось что-то, из-за чего рассорились двое предводителей. Она сама выяснит это. Зима закончится, к весне Керрик вернется. Конечно, он вернется весной...

Армун старалась не сидеть без дела, чтобы не предаваться горестным думам. Арнхвиту пошел второй год, и внутри шатра ему уже становилось скучно. Армун выскабливала оленьи шкуры и шила сыну мягкую одежду, соединяя куски сухожилиями. Его ровесников матери еще носили за спиной, а он уже с восторгом играл в снегу. По обычаю детей кормили грудью лет до четырех, даже до пяти. Армун уже почти отлучила его от груди, невзирая на укоризненные взгляды и явное неодобрение женщин — она привыкла быть отверженной. Она понимала, что они просто завидуют ей и кормят только затем, чтобы избежать новой беременности. И пока другие младенцы болтались в мешках за спинами матерей и сосали кулаки, Арнхвит набирался сил и уже грыз жесткое мясо крепкими зубами.

Однажды солнечным зимним днем, когда весной еще и не пахло, она отошла от шатров, а кроха Арнхвит трусил за нею, стараясь не отставать. Покидая стойбище, она теперь всегда прихватывала с собой копье... Впереди среди деревьев послышалось странное мяуканье. Выставив вперед копье, она стала ждать. Арнхвит прижался к ее ноге и молча смотрел округлившимися глазами. Армун вглядывалась вперед. Вдруг она заметила уходивший вбок от тропы человеческий след. Опустив копье, она направилась по нему и, разведя заснеженные ветви, обнаружила под

ними мальчишку. Он обернулся и перестал всхлипывать; лицо его было перепачкано слезами и кровью.

— Я тебя знаю, — проговорила Армун, вытирая рукавом его лицо. — Ты из саммада Херилака. Тебя зовут Харл? — Мальчик кивнул, в глазах его стояли слезы. — Однажды ты пришел к моему костру с убитой совой. — Когда она сказала это, он вновь зарыдал, закрыв лицо ладонями. Армун помогла ему подняться и отряхнула от снега. — Пойдем ко мне в шатер. Я дам тебе попить чего-нибудь теплого.

Мальчишка нерешительно упирался, наконец Арнхвит доверчиво взял его за руку. Так они и вернулись, ведя Арнхвита за обе ручонки. Армун насыпала сладкой коры в горячую воду и дала Харлу. Арнхвит тоже захотел, но крепкий настой ему не понравился, и по его подбородку побежали две струйки. Вытерев кровь с лица мальчика, Армун уселась и показала на синяки на его лице.

— Расскажи, что случилось?

Она слушала молча — Арнхвит уснул на ее руках — и скоро поняла, почему мальчик разревелся, когда она вспомнила про сову.

— Я не знал, что это сова. Это был мой первый лук, моя первая стрела, и мой дядя помог мне сделать их. Саммадар Керрик похвалил меня, потому что сова оказалась не настоящей, а прислужницей мургу, и ее можно было убить. Это было тогда, но теперь алладжекс сказал, что все не так. Что я напрасно убил ее. Он сказал это моему отцу, и теперь он бьет меня и не позволяет сидеть у костра, когда холодно.

Мальчик всхлипнул. Осторожно, чтобы не разбудить спящего малыша, Армун протянула Харлу горсть эккотаца. Он с жадностью проглотил еду.

— Ты поступил правильно, — сказала она. — Это старый Фракен ошибается. Керрик-маргалус все знает о мургу, их прислужниках, и он правильно похвалил тебя за то, что ты убил эту сову. Теперь возвращайся в свой шатер и передай мои слова отцу. Ты поступил правильно.

Ветер крепчал, и она туго зашнуровала вход, когда мальчик ушел. Старый Фракен чаще все-таки ошибался, чем оказывался прав. С той поры как умерли ее родители и она осталась одна, Армун понемногу теряла доверие к предсказаниям Фракена и его совиным комочкам. Керрик тоже смеялся над Фракеном и погадками сов, — и она освободилась от страха перед стариком. Недалекий и глупый, он только доставлял одни неприятности, как сейчас с мальчиком.

Ночью Армун вдруг проснулась, сердце колотилось от ужаса — кто-то скребся в шкуры снаружи. Она поискала в темноте копье, но услышала голос, назвавший ее по имени. Раздув поярче угольки, она подбросила в костер веток и расшнуровала вход. Просунув в отверстие сначала стрелы и лук, внутрь пролез Харл.

— Он бьет меня, — сказал он с сухими глазами. — Он бьет меня моим луком, когда я говорю ему твои слова. Он даже не хочет слушать меня. Он кричит, что Керрик знает все о мургу, потому что сам наполовину мараг... — Он умолк и опустил голову. — И ты тоже, сказал он и снова побил меня. Я убежал.

Армун кипела гневом: не за себя, ей-то приходилось слышать и худшие оскорбления.

— Пусть Фракен читает будущее по помету мургу. Твой отец не лучше его, раз слушает такие глупости. Керрик спас саммады — и как быстро все забыли об этом... Сколько тебе?

— Это моя одиннадцатая зима.

— Достаточно взрослый, чтобы получать побои, но слишком молод, чтобы стать охотником и дать сдачи. Оставайся до утра, Харл, пусть отец твой придет ко мне за тобой. Я расскажу ему о мургу!

Утром Армун вышла из шатра послушать, что говорят женщины. Все беспокоились о пропавшем мальчике, и охотники уже искали его. Хорошо, подумала она, а то заплывут жиром, без дела валяясь в шатрах.

Подождав, пока солнце опустится пониже, она остановила первую из встретившихся женщин.

— Пойди в шатер Нивота и передай ему, что мальчик Харл нашелся и сидит в моем шатре. Быстрее.

Как Армун и рассчитывала, женщина не стала торопиться и тут же разболтала новость. Армун вернулась в свой шатер и стала ждать. Наконец кто-то окликнул ее снаружи. Она вышла, аккуратно задернув за собой полог.

Старый шрам на щеке кривил рот Нивота в злобной ухмылке. Характер был под стать выражению лица.

— Я пришел за мальчишкой, — грубо сказал он.

Позади него собралась толпа, люди с интересом прислушивались: зима была длинной и скучной.

— Я — Армун, а это шатер Керрика. Как твое имя?

— Отойди в сторону, женщина, — мне нужен мой парень.

— Чтобы опять избить? Это ты говорил, что Керрик наполовину мараг?

— Он совсем мараг, если тебе хочется знать мое мнение. И сейчас я накажу мальчишку, чтобы не болтал... и тебя тоже, если ты не пропустишь меня.

Она не шевельнулась, и он грубо толкнул ее. А напрасно. Не стоило ему забывать, что случалось, когда она была моложе и ее дразнили беличьей мордой.

Кулак Армун угодил Нивоту прямо в нос — охотник полетел спиной в снег. Едва он встал на колени — кровь капала у него с подбородка, — она снова ударила его в лицо. Толпа разразилась радостными криками. Доволен был и Харл, подглядывавший в щелочку.

Охотники не бьют женщин... кроме своих собственных, поэтому Нивот не знал, что ему делать. Не было у него и времени подумать. Армун не ниже его ростом и страшна в гневе. И он бесславно бежал. Толпа не торопилась расходиться, сожалея об окончании интереснейшего зрелища.

Но на этом все кончилось. Харл остался в ее шатре, никто за ним не пришел, в присутствии Армун об этом даже не вспоминали. Мать Харла умерла прошлой голодной зимой, и отец явно тяготился мальчишкой. Армун стало повеселее.

...Весна запоздала. Она всегда теперь запаздывала. И, когда лед на реке затрещал и громадные льдины тронулись вниз, Армун начала высматривать на востоке Керрика. Каждый день ей было все труднее справляться со своим нетерпением, и наконец в самый разгар цветения деревьев она отослала Арнхвита с Харлом поиграть на берег реки, а сама пошла к Херилаку. Он сидел перед шатром, натягивая на лук новую сплетенную из кишок тетиву, — приближалось долгожданное время охоты. Когда она заговорила, он лишь кивнул, не поднимая глаз от работы.

— Лето пришло, а Керрика нет.

Он буркнул что-то нечленораздельное. Взглянув на его склоненную голову, она подавила в себе гнев.

— Настала пора путешествий. Если он не вернется, я сама уйду к нему. Я прошу, чтобы кто-нибудь из охотников проводил меня.

Ответом ей было молчание, и, когда Армун хотела повторить, Херилак поднял к ней лицо.

— Нет, — ответил он. — Не будет тебе охотников. Ты не уйдешь. Ты из моего саммада, и я запрещаю тебе. Оставь меня.

— Я хочу уйти! — закричала она. — Оставить тебя, оставить твой саммад. Уйти туда, где должна быть. И ты скажешь им...

— Еще раз говорю: уходи, — проговорил он, вставая перед ней во весь рост.

Это был не Нивот. Она бы никогда не решилась ударить Херилака, а он не хотел даже слушать ее. Говорить было не о чем.

Она пришла на берег реки и долго сидела там, следя за мальчишками, катавшимися в молодой траве. От Херилака ждать помощи не приходилось, скорее наоборот. К кому бы еще обратиться? Оставался только один охотник, и она направилась к нему.

Тот сидел в шатре один.

— Ортнар, ты один уцелел из первого саммада Херилака, не попал в лапы мургу...

— Да, Армун. Зачем ты напоминаешь мне об этом?

— Значит, ты не можешь не знать, что Керрик остался на юге и мое место рядом с ним. Отведи меня к нему. Ты ведь друг его.

— Я — друг его, — тяжело вздохнув, согласился Ортнар. — Но я не могу тебе помочь. Херилак говорил со всеми и сказал, что не отпустит тебя.

Армун недоумевающе взглянула на него.

— Кто ты, маленький мальчик, который писает в шкуры от громкого голоса Херилака, или же охотник-тану, который поступает по собственному разумению?

Не обратив внимания на оскорбление, Ортнар отмахнулся.

— Охотник я, охотник... Но нас с Херилаком связывает память о мертвых, о погибшем саммаде... а это не шутка. Но я и не против Керрика, который был нашим маргалусом, когда мы убивали мургу...

— И что же?..

— Я помогу тебе, если у тебя хватит для этого сил.

— Ортнар, я сильна. Скажи мне, какая твоя помощь потребует от меня всех сил.

— Ты умеешь убивать мургу стреляющей палкой. Я видел, как ты ловко справлялась с нею, когда на нас нападали. Ты возьмешь мою палку. И я расскажу тебе, как добраться до города мургу. Когда выйдешь к океану, подумай, что будешь делать дальше. Можешь подождать Керрика там. Или иди прямо к нему.

Армун улыбнулась, потом расхохоталась:

— И ты отсылаешь меня одну в город мургу? Чудесное предложение, но выбора у меня нет. У меня хватит сил, храбрый Орт-

нар. Я понимаю, что ты рискуешь навлечь на себя гнев Херилака, когда он узнает обо всем.

— Я сам расскажу ему, — с угрюмой решимостью буркнул Ортнар.

И он отдал Армун стреляющую палку и все шипы, которые заготовил за зиму.

Шатер Армун находился чуть поодаль от прочих, она редко ходила по стойбищу, поэтому ее исчезновение обнаружили дня через два.

А через несколько дней разосланные Херилаком охотники вернулись с пустыми руками. Армун знала лес — следов не осталось... никаких.

Глава 5

— У меня есть для вас кое-что интересное, — сказал Керрик. Молча жуя сырое мясо, оба иилане′ знаками выразили любопытство и признательность. — Но, чтобы это увидеть, придется оставить ханане.

— Здесь тепло, безопасность, там — холод и смерть, — ответил Имехеи, поеживаясь.

Поглядев на опустевший лист, он робко выразил желание получить добавку. Керрик игнорировал его жесты. Оба самца были склонны переедать и набирать лишний вес.

— Снаружи бояться нечего, уверяю вас. Следуйте за мной и держитесь рядом.

Они шли, едва не наступая ему на пятки, и озирались вокруг перепуганными глазами. При виде пожарища они сделали знаки страха и горя, еще больший страх они выразили, когда навстречу попались охотники, а при виде опустевшего города изобразили одиночество. И лишь оказавшись возле модели, они ощутили себя в относительной безопасности.

Модель города Алпеасака — про себя Керрик всегда называл его этим именем, хотя при разговоре с охотниками именовал его Деифобеном, — была своеобразной «слепой» картой города. Были видны все поля и рощи, но, какие животные паслись там, обозначено не было. Многие из них Керрик хорошо помнил, по крайней мере все ближние поля. И пока саску обследовали их и дивились всяческим чудесам, Керрик старался осмотреть те части города, что выросли за время его отсутствия.

Керрик показал самцам на ряды каналов, перемежающихся с прудами.

— Идем туда. Здесь недалеко. Прогулка пойдет вам на пользу.

По дороге, наслаждаясь непривычной свободой, самцы порастеряли весь страх; перед ними открывались такие места, о существовании которых они и не подозревали. На многочисленных городских полях паслись животные, местные и заморские, привезенные из-за океана. Было еще утро, когда они подошли к огражденному дамбой озеру, так заинтересовавшему Керрика. Вдоль насыпи шла хорошо утоптанная дорога, поднимавшаяся по откосу на плоскую вершину. Внизу лежало заросшее травой озеро, в дальнем конце его растительность расступалась, открывая воду. Водные заросли колыхали какие-то существа, их трудно было разглядеть.

— Пустота-интереса, скука-ожидания, — вздыхал Имехеи.

— Теплота-солнца, радость-общения, — отвечал более смышленый Надаске′.

Керрик не обратил внимания на их высказывания — самцы постоянно обменивались ими, в отличие от самок-иилане′, открывавших рот лишь для того, чтобы сказать что-нибудь стоящее. Но Имехеи был прав, смотреть было не на что. Керрик уже хотел уйти, когда Надаске′ указал на воду.

— Интересное движение — какое-то существо.

Из воды выбралась рептилия. Длинная и узкая, похожая на змею, она глядела на них крошечными глазками. За ней вылезла другая, потом еще... еще. Должно быть, их внимание привлекли обрисовавшиеся на фоне неба силуэты. Повнимательнее приглядевшись, Керрик заметил возле воды белевшие кости. Должно быть, их кормили возле воды. Он все еще не понимал, что это за твари. Он выковырнул ногой камень и зашвырнул в грязь у края воды. Зазмеившиеся тела устремились к месту падения камня. У мургу были зеленые гибкие тела — совершенно змеиные, если не считать крошечных ног, и небольшие приплюснутые головки. Керрик был уверен, что прежде не встречал подобных, но они были странным образом знакомы ему.

— Вы не встречали таких? — спросил он.

— Скользкие, ползучие...

— Невкусные.

Словом, толку от самцов не было. Керрик уже пошел прочь, но все-таки оглянулся еще разок. И тут его осенило... Сомнений не оставалось, он знал, что за существа перед ним.

Проводив самцов до ханане, Керрик разыскал охотников. Саноне был среди них, и Керрик заторопился ему навстречу, не слушая церемонных приветствий мандукто.

— Срочно необходимо мясо, пока они не передохли. Ведь они уже несколько дней без еды.

— Я помогу тебе, Керрик, только скажи, в чем дело.

— Торопливость затуманила мой разум. Я нашел там что-то вроде озерца с небольшими мургу. За ними надо приглядывать, их надо кормить, я знаю, кто это. Все совпадает — форма, размер. Это детеныши хесотсанов. Стреляющих палок.

Саноне в изумлении покачал головой.

— Многое, что я вижу и слышу в Деифобене, превосходит мое понимание.

— Это можно понять. Мургу не делают вещей так, как мы делаем луки и ткани. Они их выращивают. Стреляющие палки живые — ты ведь знаешь это, сам не раз кормил их. Но маленькие они другие — это небольшие змейки с ногами, живущие в озере; старея, они становятся такими, к которым мы привыкли.

Теперь Саноне понял и с удовольствием ударил кулаком о кулак.

— О мудрый не по годам Керрик, в тебе наше спасение. Эти создания, о которых ты говоришь, будут накормлены, чтобы у нас всегда было оружие в мире, полном мургу. Немедленно несем им еду и заодно приглядимся.

Когда рептилии кинулись из воды к мясу, стало совершенно ясно, что это маленькие хесотсаны. И Керрик подумал, что город, служивший врагам, начинает служить людям. Саноне соглашался с ним, и каждое новое открытие еще более укрепляло его уверенность в грядущем.

Охотники укрывались от дождя в одной из уцелевших рощ. Прошел хольт дней, и дожди прекратились, хотя ночи оставались прохладными. Саноне тратил много времени на раздумья, часто уходил к модели города, простиравшегося от океана в глубь суши. Он явно сделал какие-то выводы и долго обсуждал их с прочими мандукто. Когда они пришли к согласию, послали за Керриком.

— Принято решение, — провозгласил Саноне. — Мы долго пытались понять путь Кадайра, но наконец все стало ясным. Теперь мы поняли, что, когда Кадайр обрел вид мастодонта, ступил на эту землю и следы его глубоко впечатались в скалы, он наметил нам путь, который не всем дано понять. Мы — дети его, и мы учимся следовать по пути его. Он привел вас в наши края, а вы

привели мастодонтов, чтобы напомнить нам, откуда мы и куда нам идти. Карогнис послал мургу, чтобы погубить нас, но Кадайр послал через обледеневшие горы мастодонта, который привел нас в эти края, чтобы свершить свою месть над мургу. И они погибли, и город их сгорел. Зло сожжено, а все, что осталось, по замыслу его может послужить нам на пользу. И теперь я знаю, что наша долина — лишь привал на пути, намеченном для нас Кадайром. Здесь лежит будущее. Сегодня вечером мы сойдемся пить порро, и Кадайр явится нам. А потом на заре первые охотники ступят на тропу, что ведет отсюда, из Деифобена, на запад, к югу от снежных гор... на тропу, которой шли мургу, чтобы напасть на нас. Теперь этот путь будет дорогой охотников, и мой народ придет сюда и поселится здесь.

Отведав ночью перебродившего порро, Керрик оказался во власти странных сил, вполне убедивших его в правоте мандукто — в том, что задуманное ими верно. Ему хотелось поделиться со всеми, и в конце концов он сумел это сделать. Едва держась на ногах, он хрипло крикнул:

— Этот город будет рожден заново! И вы будете в нем, и я буду в нем, и я буду тану и иилане′, и город станет прежним!

Мандукто одобрили и содержание его речи, и манеру, в которой она была произнесена, хотя не поняли ни слова: он говорил на иилане′. Но незнакомый язык только усугубил впечатление.

На следующее утро Керрик заспался, при малейшем движении болела голова. Поэтому он старался не открывать глаз и впервые с того дня, как охотники отправились без него на север, подумал об Армун. Надо бы привести ее сюда, но он опоздал — теперь путешествие пришлось бы на самую суровую часть зимы. И ему вовсе не хотелось лезть в эти снега — так уютно и тепло было здесь, на юге. Армун тоже не стала бы путешествовать зимой. И ребенок — он ведь забыл о ребенке, — ему лучше вообще не высовываться из шатра до конца зимы. Словом, ничего сделать он не мог. Когда дни начнут удлиняться, он что-нибудь придумает. А пока хорошо бы окатить голову холодной водой.

Армун тщательнейшим образом спланировала свое бегство. Она понимала, что Херилак пошлет за ней самых быстроногих охотников, от которых нечего было даже пытаться ускользнуть. Оставалось только перехитрить их, выбрать такой путь, который им даже не придет в голову. Никто не обращал на нее особого внимания, и поэтому она смогла понемногу с помощью Харла

вынести из стойбища все необходимое. Вскоре приготовления были закончены. Вечером она плотно прикрыла полог, тщательно затушила огонь и убедилась, что дети в шатре.

Армун проснулась, когда утренняя звезда едва поднялась над горизонтом. Взяв сонного малыша, она велела Харлу прихватить шкуры и первой вышла в ночь. При свете звезд они бесшумно миновали черные шатры, в которых еще все спали, прошли мимо темных силуэтов мастодонтов и отправились к невысокой скале к северу от стойбища. Там под скалистым навесом она укрыла все необходимое.

Здесь они провели три дня и три ночи. У них было сушеное мясо и эккотац, пузыри с консервами мургу. Рядом в ручье была вода.

В укрытии она обстругивала длинные шесты и связывала из них волокушу-травоис, на которую и погрузила все припасы. На четвертый день они опять поднялись до рассвета. Удобно устроенный на травоисе, Арнхвит радостно ворковал. Харл взял свой лук со стрелами. Армун подняла жерди; долгий путь начался. Сперва они лесом направились к югу, далеко обойдя стойбище стороной. И к полудню добрались до колеи, оставленной саммадами во время перекочевки на север. В бороздах уже выросла трава, но она не могла скрыть следов мастодонтов и колеи травоисов. Харл высматривал оленей впереди. Армун налегла на шесты и повернула на восток. Убаюканный ритмом движения, младенец уснул.

Когда стемнело, они остановились, поужинали холодным мясом — она не рискнула разжечь огонь — и уснули, закутавшись в шкуры.

Было трудно, но ведь она и не рассчитывала на прогулку. Если бы старая колея не пролегала по ровному месту, она бы никогда не одолела пути. Когда дорога шла в гору, за целый день отчаянных трудов ей удавалось осилить только малую часть того пути, который прошел бы саммад. Она не думала об этом и не позволяла усталости овладевать собой. Каждый вечер Харл собирал хворост, они разжигали костер, и Армун готовила еду. Поиграв с ребенком, она рассказывала ему сказки, внимательно слушал и Харл. Дети не боялись темноты, начинавшейся за чертой круга огня. И она не могла позволить себе страха. Костер горел всю ночь, и она спала с копьем в руке.

Много дней погода была солнечной, потом хлынули проливные дожди. Они долго не прекращались, колею развезло, и она

уже не могла тащить по ней травоис. В конце концов она соорудила укрытие из ветвей и листьев, и они стали в нем жить. Отдых был необходим, но она жалела о потерянном времени. Лето оказалось слишком коротким. Харл каждый день отправлялся на охоту и однажды принес кролика. Она моментально ободрала его и зажарила. Свежее мясо показалось всем необыкновенно вкусным.

Дождь прекратился, и земля подсохла, можно было трогаться в путь. Но на следующую ночь перед рассветом ударил мороз, и трава побелела от холода. Вновь начиналась зима. Армун с отчаянием поняла, что не одолеет долгого пути на юг, даже если успеет выйти к побережью до начала зимы. Отправившись собирать волокушу, она обнаружила, что их постигло новое несчастье. Стреляющая палка погибла, крошечный рот не закрывался, нежную тварь убил северный холод... недобрый знак.

Той ночью, когда ребята уже давно уснули, она долго лежала под шкурами, вглядываясь в мерцающие огоньки звезд. Луна зашла, звездное небо огромной чашей накрыло землю, и река тхармов текла от горизонта к горизонту. Звездочки-тхармы мертвых охотников поблескивали холодным светом. И никто не мог ей помочь. Как могла она оказаться такой дурой, как могла рисковать не только собственной жизнью, но и жизнями своих двоих детей! Она ошиблась, но жалеть было поздно. Сделанного не воротишь. Они здесь. И надо решать, что делать дальше. Есть ли у нее выбор? Ортнар утверждал, что она может дождаться Керрика на берегу, но он говорил глупость, просто подыскивал повод, чтобы не идти с ней. У нее не было припасов, чтобы перезимовать на берегу, не было шатра... ничего необходимого. Оставалось выбирать одно из двух: остаться зимовать и замерзнуть или отправиться на юг и замерзнуть на полдороге. В последнем случае оставался крохотный шанс, — если они не позволят зиме обогнать их. Впервые с того дня, как они оставили лагерь, она почувствовала, что слезы защипали глаза, рассердилась на себя за слабость и, отогнав страхи, завернулась в шкуры и уснула: на следующий день ей потребуются все силы.

Ночью выпал первый снежок, утром она стряхнула его со шкур, упаковала пожитки и навалилась на жерди. Вечером за едой она поймала на себе внимательный взгляд Харла.

— Ешь, — сказала она, — мясо мургу мне нравится не больше, чем тебе, но оно сохраняет в нас силы.

— Я не о мясе, — ответил он. — Снег... Когда мы доберемся

до того места, о котором ты говорила нам... где будет ждать нас Керрик?

— Хотелось бы и мне знать... — Склонившись вперед, она отвела длинные тонкие волосы с его лба и вдруг заметила легкие морщинки возле глаз. Да, ему одиннадцать и он сильный мальчик, но они уже идут так долго. — А теперь спать, чтобы было легче идти поутру.

Ночью снега не было. День оказался ясным, солнце почти не грело. Колея втянулась в речную долину, и она сразу поняла, где находится. Саммады останавливались здесь недалеко от океана. Армун показалось, что ветер стал припахивать солью, и она заторопилась вперед.

Так и есть... у края песка пенились буруны, под обрывом начинался берег. Опустив голову, она налегла на жерди. И остановилась, только заслышав предупреждающий крик Харла.

Перед нею к подножию обрыва притулилась крытая дерном землянка, возле нее стоял закутанный в шкуры охотник. Он застыл без движения, испуганный ее появлением не менее, чем она. Армун попыталась что-то крикнуть, но слова застыли в горле.

Это был не тану, одежда его была иной. И лицо.

Оно было покрыто шерстью. Не бородой... мягкая бурая шерсть покрывала его целиком.

Глава 6

Uposmelikfarigi ikemespé yilané. Uposmelik yilané ikemespenéyil. Eleiensi topaa abalesso.

Фарги засыпает однажды и утром пробуждается иилане́. Но от яйца времен иилане́ всегда просыпается иилане́.

Апофегма иилане́

Вейнте′ с интересом наблюдала за обычной в порту суетой. До этого самого мгновения Икхалменетс был для нее просто названием — окруженный морем Икхалменетс. Название выражало все, и теперь она видела почему. Икхалменетс вырос на берегах уютной бухты. Все ближние острова были скалистыми и безлесными. Леса подходили к подножию высоких гор, перехватывавших влажные ветры, которые здесь же проливались дождями или выпадали снегом. Но снег белел на вершинах гор, а дожди по склонам сбегали вниз. И все-таки Икхалменетс принадлежал не столько суше, сколько морю. Вдоль берега сплошной чередой выстроились урукето, иногда между ними попадалась тяжело нагруженная сегодняшним уловом лодка. Эрефнаис выкрикивала команды, направляя огромное живое судно к причалу. Вейнте′ отступила в сторону, пропуская вниз экипаж.

— Всем оставаться на борту! — приказала Эрефнаис.

Стараясь сдерживаться, Вейнте′ спросила:

— Этот приказ относится и ко мне?

Эрефнаис задумалась, потом проговорила:

— Я не хочу, чтобы разные дикие слухи о событиях в Алпеасаке распространялись по городу. Сначала я поговорю с эйстаа, а там будет, как она прикажет. Но ты... я не могу приказывать тебе, Вейнте′. Я только прошу...

— Просьба излишняя, граничит с оскорблением, капитан.

— Я не хотела оскорблять!

— Понимаю и не вижу причин обижаться. Вейнте′ не из тех, что болтают на амбесиде.

Сзади послышалась возня — толстая Акотолп с шумом поднималась наверх, волоча за собой упиравшегося Эсетту. Знаком она попросила внимания Эрефнаис.

— Я хочу избавиться от этой обузы, этого бестолкового самца. Я слышала ваш разговор и обещаю, что никто в городе не услышит от меня о гибели Алпеасака.

— Я помогу тебе, — сказала Вейнте′. — Мы отведем его в ханане. И покой фарги не будет нарушен.

— Я в долгу перед Вейнте′, — ответила Акотолп, выражая удовольствие и благодарность. — Самца редко можно увидеть в одиночестве. И мне не хотелось бы вызывать неподходящих эмоций.

Эрефнаис отвернулась. Слухи пойдут немедленно, только не от Вейнте′ или толстой ученой. Ее собственный экипаж с радостью разнесет по городу все, что знает. Нужно немедленно разыскать Ланефенуу, эйстаа Икхалменетса, и сообщить ей обо всем. Пусть она решает, что делать, и Эрефнаис хотелось побыстрее избавиться от ответственности.

Пока Акотолп медленно вылезала из урукето, Вейнте′ ждала на выщербленных досках причала, жадно вдыхая запахи города, почти забывшиеся во время путешествия по морю. Она вспоми-

нала резкий запах рыбы, теплого дыхания фарги, гниющей палой листвы и над всем — аромат города. Чувство радости переполняло ее — наконец-то на берегу!

— Верно, Вейнте′, я разделяю твои чувства, — пропыхтела Акотолп.

Эсетта, которого она крепко держала за руку, с интересом разглядывал город, но, когда Вейнте′ взяла его за другую руку, он мгновенно съежился от страха. Такая реакция развеселила Вейнте′, и она сильнее стиснула его пальцы.

Они шли по направлению к главной улице Икхалменетса. Фарги поглядывали на них, выпучив от любопытства глаза, увязывались следом; скоро за ними шла уже целая процессия. Вейнте′ обратила к сопровождавшим один глаз и жестом потребовала внимания.

— Кто из вас обладает совершенной речью и знанием города?

В последовавшей суете совсем юных фарги, стоявших впереди, оттеснили те, что постарше.

— Нижайшая к высочайшей, которую сопровождает самец. Я обладаю некоторыми познаниями и хочу быть полезной.

— Знаешь ли ты, где находится ханане?

— Местоположение мне известно.

— Веди нас.

Раздувшись от важности, фарги торопливо проковыляла вперед, и процессия двинулась по улице. Идущих покрывала густая тень от крепких сучьев, а солнечных лучей так не хватало под северным ветерком. По освещенной солнцем полоске вдоль края мостовой они добрались до громадного сооружения. По обеим сторонам закрытой двери стояли две фарги с сушеными хесотсанами — знаком их положения.

— Вызови эсекасак ханане, — сказала Вейнте′. Часовые смущенно топтались на месте, покуда Вейнте′, сжалившись, не уточнила: — Пойдет эта, ты останешься на страже.

Появившаяся эсекасак, увидев прибывших, принялась демонстрировать незнание-о-прибытии и желание повиноваться. Вейнте′, жесты которой требовали уважения и повиновения, обратилась к ней:

— Вот новый самец, которого я отдаю под твою опеку. Давай войдем.

Когда за ними захлопнулась дверь, Вейнте′ заговорила:

— Его зовут Эсетта; он прибыл из дальнего города за океаном. Эсетта устал и нуждается в отдыхе. И в уединении, пока эйстаа не прикажет иначе. Ты будешь приносить ему мясо, и он будет говорить только с тобой. Ты поняла?

— Великая Вейнте′ пересекла океан, чтобы стать эйстаа в дальнем городе, — со смирением и гордостью добавила Акотолп.

Вейнте′ оценила ненавязчивую поддержку.

— Как сказала Вейнте′, так и будет, — почтительно ответила эсекасак и жестами попросила отпустить ее, чтобы немедленно увести Эсетту.

У того хватило ума сдержать раздражение и страх, — ведь его ждал уют и покой ханане, — и движения его выражали только удовольствие-от-окончания-пути, что было в общем-то верно. У входа все еще торчали фарги — ничего более интересного они еще не видели и теперь, притихнув, ждали, что будет дальше. Самая старшая из них, приведшая гостей сюда, стояла в сторонке, демонстрируя уважение и покорность. Вейнте поманила ее к себе.

— Как твое имя?

— Меликеле. Не будет ли позволено низкой узнать, как зовут высокую, которая говорит?

— Это Вейнте′, — ответила Акотолп, стараясь, чтобы славному имени соответствовали жесты высочайшего уважения.

— Хочешь ли ты последовать за мной, Меликеле? — спросила Вейнте′.

— Куда бы ни вела дорога, я — твоя фарги.

— Сначала поесть. А потом я хочу узнать побольше об этом городе.

Акотолп уже знала, как естественно для Вейнте′ повелевать, и сейчас заново оценила этот дар. Даже в этом городе на скале, где еще не ступала нога ее, она требовала немедленного повиновения. Кстати, она говорила о еде! Акотолп громко щелкнула челюстями при этой мысли.

Меликеле повела их обратно на берег. Для еды было не время, и просторное помещение под прозрачной крышей пустовало. Вдоль стен выстроились баки, откуда прислужницы-фарги выхватывали рыбину за рыбиной, взрезали их струнными ножами, потрошили, чистили и укладывали тушки в растворы энзимов.

— Расточительность! — заявила Акотолп. — Подобная обработка нужна для мяса столетнего ненитеска, а не для рыбы. Посмотрим, что там у них в баках. Мелкие ракообразные... восхитительны в свежем виде, смотри!

Схватив одного покрупнее, Акотолп мгновенно отодрала ему голову и конечности, ловкими движениями обломала панцирь. Вейнте′ всегда мало интересовалась тем, что есть, и положила на лист кусок рыбы. Едва Вейнте′ отвернулась, Меликеле последовала ее примеру.

Акотолп радостно бурчала под нос, и кучка объедков возле ног ее росла. Излучая удовольствие-от-еды, она не замечала работавших рядом фарги, не обратила она внимания и на иилане′, появившуюся из строения рядом. Та взглянула на нее, присмотрелась повнимательнее и наконец приблизилась.

— Шествие-времени — конец-разлуке, — взволнованно проговорила прибывшая. — Ты Акотолп, ты обязана быть Акотолп, есть только одна Акотолп.

Акотолп с удивлением оглянулась — кусок белого мяса прилип к верхней губе, — и защитные мембраны на глазах ее затрепетали от изумления.

— Голос знаком, лицо знакомо, не ты ли это, Укхереб, тоненькая-как-всегда?

— Толстая-как-обычно, годы прошли...

Вейнте′ с интересом смотрела, как в порыве приязни сплетают они пальцы в жесте приветствия эфенселе, хотя обе воспользовались модификатором, слегка менявшим смысл слов и жестов.

— Вейнте′, вот Укхереб. Мы с ней дружны как эфенселе, хотя и не принадлежим к одному эфенбуру. Мы вместе росли и учились у старой всеведущей Амбаласи, древней, как яйцо времен.

— Приветствую тебя, Вейнте′, в Икхалменетсе. С подругой подруги приходит двойная радость. А теперь удалимся из этого общего места в мое собственное, где можно удобнее насладиться едой.

Рядом была лаборатория. Акотолп шумно восхищалась приборами. За лабораторией оказалась уютная комнатка с мягкими подушками, с красивыми занавесями, на которых отдыхал глаз. Откинувшись на подушки, Вейнте′ вслушивалась в разговор ученых. Она терпеливо ждала, наконец разговор о новых открытиях и старых знакомых иссяк, и Укхереб спросила:

— Я слыхала, что ты была в Алпеасаке, когда туда явился весь Инегбан. Я читала о проведенных там исследованиях, об изобилии открытых вновь видов. Сколько радости-от-открытий вы получили. И вот вы в Икхалменетсе. Зачем вам эти крошечные острова, если перед вами континет, полный открытий?

Акотолп не ответила и повернулась к Вейнте′, ища поддержки; та успокоила ее жестом понимания и желания помочь, прежде чем Акотолп успела открыть рот.

— Труднопостижимые вещи случились там, Укхереб. Акотолп не решается даже говорить об этом. Я могу ответить на твой вопрос, если ты разрешаешь, поскольку я участвовала во всех событиях. Вот что произошло.

И, не прибегая к усложнениям и отступлениям, Вейнте′ поведала ученой о гибели далекого Алпеасака. И когда она завершила повествование, Укхереб издала крик и прикрыла глаза рукой в детском жесте стремления позабыть.

— Просто не могу представить себе, а ведь вы все это пережили... Что делать, что делать?

Она медленно покачивалась из стороны в сторону — снова детский жест, — так бездумную фарги уносит течение.

— Ваша эйстаа узнает об этих горестных событиях. И когда это свершится, я буду говорить с нею. Но тебе, Укхереб, не следует горевать о случившемся. Давай поговорим о чем-нибудь другом. Поговорим об этой горе над нами: черной скале, увенчанной белым снегом. Как красиво! На вершине всегда лежит снег?

— Раньше такого не случалось, но теперь снег на вершине не тает. Зимы стали холодными и ветреными. Лето стало короче. Потому-то я и скорблю вдвойне о несчастье в далекой Гендаси. Там жила надежда и на наше спасение. Города умирают, в Икхалменетсе становится все холоднее. Страх поселился там, где прежде обитала надежда.

— Надежду нельзя убить, будущее прекрасно.

Вейнте′ произнесла эти слова с таким энтузиазмом, с такой уверенностью в грядущем счастье, что Акотолп и Укхереб воспряли духом.

Еще бы ей не быть энергичной. Смутные идеи превращались в надежные планы. Скоро все определится, и она будет знать, что следует делать.

Энге чувствовала себя иначе. Слишком часто угрожала смерть Дочерям Жизни. Слишком близко подступала.

Они покинули урукето на заре, незаметно соскользнув в воду со спины гиганта. Море волновалось, и валы захлестывали их.

Плыть до берега оказалось долго и утомительно. Урукето исчез в утреннем тумане, и они остались одни. Сначала они перекликались, но только сначала. Потом им потребовались все силы, чтобы добраться до берега. Опасаясь за спутниц, Энге первой пробилась через береговой прибой, а потом по очереди помогла им преодолеть валы. Наконец беглянки распростерлись на песке под лучами теплого солнца.

Все, кроме одной. Напрасно Энге бегала вдоль берега по воде в одну сторону, в другую. Та, которую она искала, так и не вышла на берег. Добрую, крепкую Акел поглотил океан.

Подруги Энге тянули ее за руки, гладили, требуя, чтобы и она отдохнула. И принялись искать сами. Безуспешно. В море никого не было. Акел исчезла навсегда.

Наконец Энге нашла в себе силы сесть, потом встать, потом отряхнуть песок с кожи усталой рукой. Прямо перед ней вдруг закипела вода — круглые головенки совсем еще юного эфенбуру вынырнули на поверхность. Едва она шевельнулась, они, испугавшись, исчезли. Даже эта трогательная картина не могла развеять ее отчаяния, и все же она отвлекла Энге, заставила прийти в себя, понять, что остальные зависят от нее и долг ее перед живыми, а не перед умершими. Она глянула вдоль берега на маячивший над песками пляжа далекий силуэт Йибейска.

— Идите в город, — сказала она. — Смешайтесь с фарги, уподобьтесь им. Но будьте осторожны, не забывайте ужасных уроков, которые мы получили в страшной Гендаси. Многие сестры погибли там, но в смерти их может быть какой-то смысл, если мы правильно усвоим эти уроки. Помните, что Угуненапса отчетливо видела истину, ясно говорила о ней и завещала нам свои знания. И теперь мы знаем, что Угуненапса говорила истинную правду. Мы знаем истину, но что нам делать с ней?

— Поделиться с другими! — отвечала Эфен, пылко подчеркивая жестом ожидание радости. — Вот наше дело, и мы выполним его.

— И мы никогда не забудем об этом. Но я должна как следует подумать, что нам теперь делать. Я найду уголок, чтобы отдохнуть и подумать. И там подожду вас.

Молча, с чувством единодушия и непреклонности они соприкоснулись пальцами. А потом отправились вслед за Энге в сторону города.

Глава 7

Hoatil nam tina grunnan, sassi peria malom skermom mallivo.

Несчастье может пережить всякий, удачу — немногие.

Марбакская поговорка

В городе Деифобен еще нужно было многое сделать. С точки зрения Керрика, дел было куда больше, чем в то время, когда он звался Алпеасаком, а Вейнте′ была его эйстаа. Керрик вспоминал жаркие, полные досуга дни с сожалением: почему он не наблюдал тогда, не стремился узнать, как управляли огромным городом? И хотя он устроился на месте эйстаа возле стенки амбесида — там, куда падали первые лучи солнца, — руководить отсюда он был решительно не в силах. У Вейнте′ было столько прислужниц, помощниц, ученых, наконец, бесчисленное множество подручных фарги. В его же распоряжении была только горстка саску, которые горели желанием помочь, но мало что смыслили в этом. Простые дела, рутинные и повседневные, они могли выполнять, если их научить, конечно. Но никто из них даже не мог представить всех сложных хитросплетений жизни в Алпеасаке. Керрик и сам знал не много, но по крайней мере он понимал что к чему. Каждая часть города непонятным образом зависела от прочих. А сейчас город страдал от ран. Местами они затягивались сами... но не всегда. Широкая полоса зелени вдоль побережья просто увяла, побурела и умерла. Деревья, лианы, подлесок, стены, окна, склады, жилые помещения... умерло все, и Керрик ничего не мог поделать.

Можно было только заботиться о животных, конечно, не обо всех. Огромные ненитески и онетсенсасты во внешних полях не требовали внимания: корм они находили в нетронутых болотах и джунглях. Олени и большие олени паслись — им корма тоже хватало, как и некоторым травоядным мургу. Но некоторые умирали, и Керрик не мог понять отчего. Не то чтобы люди допускали какие-то промахи... Злобные ездовые таракасты никого не подпускали к себе. Иилане′ разъезжали на них, а он не мог даже приблизиться. Они не щипали траву и по виду были хищниками. Но, визжа, топтали предложенное мясо. И умирали. Как и уцелевшие в своем болоте уруктопы. Эти восьминогие существа были предназначены для перевозки фарги и, похоже, ни для чего более.

Когда Керрик приближался, они глядели на него остекленевшими глазами, не убегали и не пытались напасть. Они не принимали никакой пищи, даже воды. И, беспомощные и тупые, падали и околевали один за другим.

Наконец Керрик начал уже считать, что город этот теперь принадлежит тану. Следовало просто делать то, что нужно, и не думать о прочем. Это решение облегчило жизнь, но все равно целые дни от рассвета до сумерек проходили в трудах и заканчивались долгими вечерними разговорами.

Потеряв счет дням в ровном и теплом климате, Керрик забыл, какое время года сейчас на севере. Зима закончилась, и он не заметил этого; заканчивалась и весна, когда он вновь обратился мыслью к саммадам. И к Армун. Только прибытие первых женщих саску напомнило ему о ней, и он устыдился подобной забывчивости. В такой жаре нетрудно спутать все времена года. Керрик знал, что мандукто ведают о многом, и решил обратиться к Саноне.

— Здесь никогда не опадает листва, — сказал он. — И плоды созревают круглый год. Трудно уследить здесь за течением времени.

Саноне, скрестив ноги, грелся на солнце.

— Верно, — ответил он. — Но есть способы заметить времена года. Можно следить за луной — как она наполняется и исчезает, — и запомнить. Ты слышал об этом?

— Алладжекс что-то говорил — и это все, что я знаю.

Саноне неодобрительно фыркнул, услышав о примитивном шамане, и разгладил перед собою песок. Он-то знал все тайны земли и неба. Указательным пальцем он аккуратно начертил на земле знаки лунного календаря.

— Здесь и здесь две луны, которые меняются. Смерть зимы, Смерть лета. Здесь дни становятся дольше, здесь ночи чернеют. Я вчера видел луну, она была новой, это значит, что мы здесь.

Довольный, он воткнул короткий сучок в землю и сел на пятки.

— Тебе, мандукто саску, эти рисунки говорят о многом. Но я, о мудрый Саноне, вижу, к своему горю, перед собой только сучок и песок, — сознался в невежестве Керрик. — Истолкуй свои знаки, прошу тебя. Скажи мне, успели реки на севере взломать лед, расцвели ли уже цветы?

— Это случилось вот когда, — проговорил Саноне, переме-

щая сучок по кругу назад. — С того времени луна успела дважды стать полной...

Угрызения совести Керрика усилились. Но, подумав, он решил, что сейчас только начало лета и времени еще много. А нужно еще столько здесь переделать... Но однажды ночью ему приснилась Армун, он словно ощутил языком ее раздвоенную губу... И вскочил дрожа, вознамерившись немедленно отправиться за нею. И за ребенком, конечно.

Но благие намерения остались таковыми: делам, которые следовало завершить, чтобы Деифобен сделался пригодным для жизни тану, не было конца. Долгие летние дни сменяли друг друга. И снова настала осень. Керрик просто разрывался надвое. Злился на себя, что так и не выбрал времени отправиться за Армун, — и одновременно испытывал облегчение: теперь нечего было и думать успеть туда и обратно до зимних снегов. Но на этот раз он все рассчитает, закончит все к ранней весне, а Саноне будет напоминать ему о прошедших днях. И тогда он отправится на север. Все-таки там они в безопасности: и она, и ребенок — это было утешением, когда он особенно тосковал.

Появление тану не испугало Калалеква. Ему уже приходилось встречаться с ними, но он прекрасно понимал, что оказался в их охотничьих угодьях. Однако он видел, что женщина боится его.

— Эй, не бойся, снежноволосая! — крикнул он и засмеялся, чтобы показать дружелюбие.

Но смех его оказал противоположный эффект. Женщина в страхе отступила назад и замахнулась копьем. Мальчишка рядом повторил ее жест. Младенец на травоисе жалобно завопил. Калалекв, укоряя себя за поспешность, опустил глаза и увидел, что его руки и нож обагрены кровью убитого им пушного зверя. Быстро отбросив нож в сторону, он спрятал руки за спину, надеясь, что улыбку его сочтут дружелюбной.

— Что ты сказал? — крикнула Ангаджоркакв, отодвигая шкуры, закрывавшие вход в землянку. Выбравшись из нее, она замерла, разглядывая пришельцев.

— Погляди, какие у них светлые волосы! И кожа белая! Это тану? — спросила она.

— Они.

— А где охотники?

— Не знаю, я вижу только троих.

— Женщина, подросток, младенец. Раз они одни, их охотник, наверное, умер, и они горюют. Поговори с ними, скажи, чтобы не боялись.

Калалекв тяжело вздохнул.

— Я не знаю их языка, только слова «мясо», «вода» и «прощай».

— Смотри не попрощайся. Предложи им воды. Так будет лучше.

Когда охотник с волосатым лицом отбросил нож, страх Армун отступил. Здесь, на берегу, мог оказаться только парамутан, один из тех охотников, что живут у моря на севере. Она слыхала о них, но никогда не встречала. Она медленно опустила копье, но не выпустила оружие из рук — из землянки выскочил еще один. Но это была женщина, не охотник, и Армун почувствовала облегчение. Они принялись неразборчиво переговариваться высокими голосами. Потом охотник широко улыбнулся и выговорил одно слово:

— Ваудаа. — Армун не отреагировала, и улыбка исчезла с его лица. Он повторил: — Ваудаа, ваудаа!

— Он говорит «вода»? — спросил Харл.

— Наверное. Вода, конечно, вода. — Армун кивнула и улыбнулась в ответ.

Темная фигура женщины исчезла в шатре. Когда она вновь появилась, в руках у нее была черная кожаная чашечка. Она протянула ее гостям. Харл шагнул вперед, взял чашку, заглянул в нее и попробовал.

— Вода, — сказал он, — ужасная на вкус.

Слова эти словно разом обезоружили Армун. Страх исчез, и сразу навалилась огромная усталость, она даже пошатнулась — пришлось опереться на копье, чтобы удержаться на ногах. Вид дружелюбных волосатых лиц, сознание того, что теперь она наконец не одна, дали волю усталости, которую она до сих пор превозмогала. Парамутанка заметила это и, быстро подбежав, взяла у Армун копье и помогла ей опуститься на землю. Армун машинально подчинилась — опасности как будто не было, а если и была, то уже поздно было что-либо делать. В этот момент закричал младенец, да так требовательно, что ей пришлось встать, взять его на руки и сунуть ему в рот кусок копченого мяса. Парамутанка понимающе зацокала языком и, протянув руку, погладила светлые волосики Арнхвита.

Издали донесся пронзительный крик. Армун даже не вздрогнула. По берегу трусил невысокий мальчуган, волосы на его лице были светлей, чем у родителей, в руках он держал ловушку с попавшимся в нее кроликом. Заметив пришельцев, он замер с раскрытым ртом. Любопытный, как все мальчишки, Харл отправился поглядеть на кролика. Мальчик-парамутан казался постарше Харла, хотя на полголовы уступал ему в росте. Они сразу признали друг друга. И, несмотря на великую усталость, к Армун вдруг вернулась надежда. Может быть, они и доживут до весны...

Калалекв был хорошим охотником и один мог прокормить многих. По обычаю парамутанов он должен был всем поделиться с незнакомцем, даже если бы сам при этом остался голодным. У себя на севере они сражались лишь с непогодой. Гостю радовались и отдавали ему все. Тем более женщине... Он угадывал очертания полных грудей под одеждой и уже жаждал к ним прикоснуться. Ребенок — еще лучше. Особенно с такими волосами, светившимися словно солнечный зайчик на леднике. Он позаботится о них. А она, наверное, знает, где охотники, с которыми он пришел торговать. Охотники-эрквигдлиты всегда приходили к этой стоянке на берегу. Но нынешним летом он ждал их напрасно. Снежноволосая должна знать.

Хотя Армун ничего не поняла из слов парамутанки, она ощутила в них теплоту и гостеприимство. Ее ласково пригласили в землянку и усадили на мягкие шкуры. Она с любопытством огляделась — все здесь было иначе. Она поглядела на женщину. Та стукнула кулаком в грудь и несколько раз повторила слово «Ангаджоркакв». Наверное, это ее имя.

— Ангаджоркакв? Тебя зовут Ангаджоркакв, а я — Армун.

Она тоже постучала себя по груди, и обе рассмеялись. Захлебываясь от смеха, они повторяли имена друг друга...

Весело напевая под нос, Калалекв обдирал еще теплого кролика, мальчики заинтересованно наблюдали. Закончив, Калалекв отхватил пушистую лапку — ее нижняя часть приносила удачу — и высоко подбросил в воздух. Белокурый мальчик, высоко подпрыгнув, схватил ее и бросился бежать, а Кукуджук, вопя, рванулся следом. Отбежав подальше, они стали играть, перебрасываясь окровавленным пушистым комочком. Калалекв с удовольствием смотрел на детей. Здесь Кукуджуку не с кем было играть, и он соскучился без друзей. Очень удачный день, он еще долго будет его вспоминать и заново переживать долгими зимними ночами. Он вернулся к своему кровавому занятию и, вырезав

печень, окликнул мальчишек. Кукуджук подбежал, и Калалекв отдал ему кусок мяса — долю охотника, добывшего зверя.

— Поделюсь с другом, — сказал сын.

Просияв от радости, Калалекв кремневым ножом быстро разрезал печень пополам. Кукуджук еще мальчик, но поступает, как подобает мужчине, понимает, что всегда лучше отдать, чем взять себе.

Харл взял угощение, не представляя, что с ним делать. Кукуджук немедленно подал пример, жуя свой кусок и с удовольствием поглаживая живот. Харл колебался, но тем временем Калалекв проделал дырочку в задней части черепа кролика и на глазах удивленного мальчика высосал мозг. После этого сырая печенка показалась тану даже вкусной.

Глава 8

Армун не стала есть сырое мясо, как Харл. Одно дело свежая дичь — ей случалось есть ее сырой, другое — осклизлый кусок мяса, который Ангаджоркакв извлекла из ниши в земляной стене. От полуразложившейся плоти ужасно воняло. Ангаджоркакв этого словно не замечала и отрезала кусок для себя, а потом и для Армун. Отказаться она не могла, но и не в силах была затолкать его в рот. Она неуверенно мяла кусок мяса в руках. Что будет, если она откажется съесть этот скользкий кусок? Оскорбит ли она этим хозяев? Она поискала взглядом вход, потом положила Арнхвита на шкуры — тот радостно сосал жесткий кусок копченого мяса, — отвернулась и поднесла руку ко рту, будто отправляя туда угощение. Делая вид, что жует, она раздвинула шкуры у входа и направилась к травоису. Там незаметно спрятала мясо среди шкур и отыскала открытый пузырь с мясом мургу. Студенистая, почти полусырая плоть, от которой тану воротили нос, наверняка придется по вкусу парамутанам.

Так и случилось. Они были просто в восхищении. Ангаджоркакв нашла вкус потрясающим и позвала Калалеква попробовать новое яство. Он жадно набросился на него, заталкивая в рот огромные куски окровавленными пальцами, и стонал от удовольствия. Угостили и Кукуджука. Харл тоже получил свою долю. Пока все ели, Ангаджоркакв согрела воду в каменной чаше над маленьким очагом и залила ею сушеные листья в кожаных чашечках. Калалекв шумно выхлебал настой, потом съел и листья. Армун

попробовала, и ей понравилось. День заканчивался куда лучше, чем начался. В землянке было тепло и не дуло. Она могла поесть и отдохнуть и, ложась спать, не думала со страхом о завтрашнем дне, как в прошедшие ночи.

Утром Калалекв покопался в глубинах землянки и извлек оттуда несколько узлов. Это были черные шкуры такой длины, что Армун даже не могла представить себе, с какого зверя их сняли. Несколько сшитых из шкур мешков были заполнены густым белым жиром. Калалекв зачерпнул немного, попробовал и дал отведать ей. Жир оказался сытным и вкусным. Выразил желание попробовать и Арнхвит.

— Есь, есь! — проговорил он, и Армун дала ему облизать свои пальцы.

Тем временем Калалекв разыграл целое представление. Он разворачивал и сворачивал шкуры, глядел на Армун, показывал на тропу, держа в одной руке кремневый нож. Тряс другой рукой шкуру, а затем менял местами предметы в руках и говорил «до свидания». Все это было совсем непонятно.

Однако Харл, похоже, лучше понимал этих людей.

— Я думаю, он хочет узнать, где остальные тану. Он хотел бы отдать им часть жира.

Армун показала на себя и детей, потом в сторону тропы и несколько раз сказала «до свидания». Когда Калалекв понял ее наконец, он глубоко вздохнул и свернул шкуры. Потом понес их к морю. Кукуджук поспешил на помощь, следом за ним побежал Харл. Добежав до воды, он вернулся к Армун с восторженным криком:

— Смотри, смотри! Видишь черную скалу?.. Это вовсе не скала. Пойдем, увидишь сама. Это лодка, вот что это!

Следом по дюнам, мимо кочек с засохшей травой на песчаном берегу заковылял Арнхвит. Харл был прав: черная глыба действительно оказалась лодкой, перевернутой днищем вверх. Калалекв внимательно осмотрел поверхность днища, проверяя, нет ли в нем дыр. Лодка оказалась странной — она была не выдолблена, как челноки тану, из целого ствола дерева, а сделана из огромной черной шкуры. Удовлетворившись осмотром, Калалекв нагнулся и, ухватившись за борт, перевернул ее. Харл немедленно перегнулся через высокий борт и заглянул внутрь. Заплакал Арнхвит. Его подняли, чтоб он тоже смог посмотреть.

Это была удивительная конструкция. Длинные палки были

связаны вместе, образуя прочный каркас. На него была натянута шкура. Армун увидела, что шкура скроена по форме каркаса, а отогнутый край прошит. Швы были замазаны каким-то темным веществом, что делало лодку непромокаемой. Это было удивительно.

Теперь, когда Калалекв решил сниматься с места, попусту время не теряли. Из землянки вынесли все пожитки, вплоть до плотной шкуры, закрывавшей вход, и свалили на песок. Работали все, даже Арнхвит, спотыкаясь, тащил какую-то шкурку. Когда все оказалось на берегу, Калалекв столкнул лодку в воду и забрался в нее. Она закачалась на невысоких волнах. Похоже, только он знал, как и куда укладывать вещи, а потому все время кричал, чтобы ему несли тот или иной предмет. Когда Ангаджоркакв взяла с травоиса припасы и понесла к лодке, Армун поняла, что время решать, вернее, что все уже решили за нее. Она оглянулась на дюны, на холмы за ними, прекрасно представляя себе, что там их ждет только голодная смерть. Выбора не было. Придется отправляться с парамутанами, куда бы ни вел их путь.

Харл забрался в лодку вслед за Кукуджуком, Армун передала ему радостно верещавшего Арнхвита, считавшего все это великолепным развлечением. Ангаджоркакв мягкими движениями подтолкнула ее вперед, и Армун забралась в лодку. Усевшись на песок, Ангаджоркакв сняла свои поножи и забросила их в лодку. Так же, как лицо и руки, ее ноги покрывала мягкая коричневая шерсть. Подобрав кожаную юбку, она вошла в воду и, визжа от холода, стала толкать лодку вперед. Калалекв уже приготовил весло. Когда лодка оказалась достаточно далеко от берега, Ангаджоркакв прыгнула в суденышко головой вперед; ее довольный смех заглушала упавшая на лицо одежда. Армун помогла ей освободиться от нее и укутала ее волосатые ноги, улыбаясь и удивляясь, почему парамутанка все время хохочет.

Калалекв греб весь остаток дня, не обращая внимания на начавшийся снег с дождем. Почувствовав голод, он позвал Ангаджоркакв, и та стала кормить его лучшими кусками тухлого мяса. Нечаянно он укусил ее за палец и, залившись смехом, даже забыл про весло. Армун куталась в шкуру, прижимая к себе обоих мальчишек, и всему удивлялась. В сумерках Калалекв подвел лодку к берегу, высматривая место для ночевки. Волна вынесла лодку на гладкий песок, и всем пришлось потрудиться, вытаскивая ее подальше на берег, куда бы не дотянулся прилив.

Так шли дни, им не было числа. Целыми днями Калалекв неутомимо греб, не зная усталости. Вычерпывая воду кожаным черпаком, Ангаджоркакв напевала, как в землянке на берегу. Армун мутило от постоянной качки; она куталась в шкуры, прижимая к себе Арнхвита, который тоже чувствовал себя не лучшим образом. А Харл через несколько дней привык, и мальчишки все время проводили на корме возле рыболовных снастей и разговаривали — каждый на своем языке.

День был похож на день, и трудно было счесть, сколько их миновало. Лодка двигалась на север, и погода все ухудшалась. Волны становились все выше, путешественников носило по водяным горам, как кусок плавника.

Наконец шторм утих, воздух стал сухим и холодным. В полудреме Армун лежала под шкурами, прижимая к себе Арнхвита, когда услыхала, что Харл выкрикивает ее имя.

— Погляди вперед, мы к чему-то приближаемся. Лед, а на нем черные штуки. Я не понимаю, что это.

У берега залив был покрыт толстым слоем льда. Куски льда плавали в воде, и приходилось лавировать между ними. На севере в дымке маячили огромные айсберги. Калалекв показал на предметы, темневшие на поверхности льда. Когда они подплыли поближе, стало ясно, что это перевернутые вверх дном лодки. У оконечности льда Армун разглядела, что эти лодки были в несколько раз больше той, в которой они находились. Это казалось невероятным. Кукуджук стоял на носу лодки и, когда она коснулась твердого льда, выпрыгнул, привязал ее сплетенной из полос кожи веревкой к неровному ледяному выступу и побежал к берегу.

Армун не могла понять, почему так ослабела за время путешествия. Калалекв и Ангаджоркакв вместе помогли ей выбраться на лед. Ей вручили Арнхвита, и она, сотрясаясь в ознобе, сидела, слушала его воркованье и следила за разгрузкой. Не успели ее начать, как возвратился Кукуджук. За ним спешили парамутаны. Их было много, и все — и женщины, и охотники — дивились волосам и коже пришельцев, гладили Харла по голове, пока ему не надоело и он не стал уворачиваться. Это вызвало восторженный хохот, и тут началась настоящая разгрузка. Скоро все вещи понесли на берег, а лодку вытащили к другим на лед. Армун брела за всеми, за ней ковылял Арнхвит. Какой-то охотник подхватил его и посадил, довольного и повизгивавшего, себе на плечи.

Они прошли мимо группы парамутанов, сооружавших на снегу шатер из черных шкур; прекратив работу, они повернулись к пришельцам. Сзади виднелись и другие шатры, от ветра их защищали сложенные из снега стены. «Много шатров, — думала, спотыкаясь от усталости, Армун, — здесь два или три саммада». Над ними вился дымок, и она представляла себе, как тепло и уютно внутри у очага. А еще спокойно. Ветер срывал снег с сугробов и обжигал ее щеки. Сюда, на север, зима уже пришла.

Миновав уютные шатры, они пошли дальше, где у берега высоко торосился покрытый снегом лед. Перелезть через торосы оказалось нелегко. За ними берег круто и ровно поднимался вверх. У основания холма было вырыто несколько полуземлянок, крытых такими же черными шкурами.

Ангаджоркакв потянула Армун за руку к одной из них. Она была закрыта, и Калалекв стал расшнуровывать вход. Все взятые из лодки свертки лежали рядом на снегу. Калалекв протиснулся внутрь и сразу же развел огонь — должно быть, дрова были заранее приготовлены. Дым так и повалил через дыру в потолке. Когда Армун ощутила под ногами твердую землю, хворь ее быстро прошла, и она вместе со всеми стала перетаскивать внутрь шкуры и узлы. Хорошо. Все будет хорошо. Она в безопасности, Арнхвит и Харл тоже. И все они увидят весну. С этой мыслью она прижала к себе ребенка и тяжело села на кучу шкур.

— Побыстрее с костром! — крикнула Ангаджоркакв. — Солнечноволосая устала. Я вижу. Она голодна, ей холодно. Я принесу еды.

— Надо перенести наш паукарут на лед, — отозвался Калалекв, раздувая костер, — бухта замерзла, настала зима.

— Завтра. Сперва отдохнем.

— Да, сделаем это завтра. На льду теперь теплей, чем на суше, морская вода гонит холод. И я нарежу снега, чтобы укрыться от ветра. Будет тепло, мы будем есть и веселиться.

Мысль эта заставила его улыбнуться; предвкушая, он потянулся к Ангаджоркакв. Она шлепнула его по руке.

— Не время, — проговорила она. — Потом, сперва поедим.

— Да, сперва поедим! Я ослабел от голода, — притворно застонал он, но с лица не сползла улыбка.

Зима обещала быть доброй, очень, очень доброй.

Глава 9

Esseka>asak, elinaabele nefalaktus< tuséilebtsan tusétoptsan. Alaktusétsan nindedei yilanéne.

Когда волна бьет о берег, маленькие рыбки, которые плавают, дохнут; их глотают птицы, которые летают, а тех пожирают звери, которые бегают. А иилане′, едят их всех.

Апофегма иилане′

Ланефенуу была эйстаа Икхалменетса так давно, что лишь самые старые из помощниц не забыли еще предыдущую эйстаа, а уж вспомнить ее имя могли и совсем немногие. Ланефенуу была столь же высока духом, как и телом, — она была на голову выше почти любой иилане′ — и за время своего правления сильно изменила город.

Амбесид, где она восседала на почетном месте, был сооружен при ней, прежний засадили плодовыми деревьями. Здесь, в естественном углублении горного склона над городом и гаванью, заложила она свой амбесид, повинуясь своим причудам. И лучи утреннего солнца озаряли инкрустированный разноцветным деревом трон в задней части углубления. Остальное пространство было в тени. Склон за троном был выложен деревянными панелями дивной работы, покрытыми искусной резьбой и живописью. Изображения казались живыми, и днем фарги вечно толкались возле них, раскрыв рты от изумления. На панелях были изображены темно-синие волны, бледно-голубое небо, энтиисенаты, резвящиеся среди волн, и огромный, от края картины до края, почти в натуральную величину силуэт урукето. Наверху высокого плавника была вырезана фигурка капитана урукето, вовсе не случайно похожая на сидевшую под ним эйстаа. Прежде чем подняться к вершинам власти, Ланефенуу командовала урукето и в душе до сих не перестала быть капитаном. Руки и верхняя часть ее тела были разрисованы пенящимися волнами.

Каждое утро Элилилеп в компании еще одного самца, которому доверялось нести кисти и краски, прибывал из ханане в занавешенном паланкине обновить росписи на ее теле; Ланефенуу прекрасно знала, что самцы более чувствительны и артистичны; к тому же каждое утро пользоваться самцом полезно для здоровья. Для этих целей и предназначался кистеносец Элилилепа; сам

же Элилилеп представлял собой слишком большую ценность, чтобы держать его на пляже.

Ланефенуу была твердо убеждена, — хотя и не высказывала это Укхереб, зная, что ученая начнет язвить, — что ежедневное сексуальное удовлетворение и было причиной ее долголетия.

Но сегодня она ощущала свой возраст: зимнее солнце не грело, и лишь тепло живого плаща на плечах позволяло не впасть в оцепенение. И ко всем прочим бедам добавилось еще и отчаяние от известия, поступившего от капитана прибывшего урукето. Умер Алпеасак — драгоценность Запада, надежда ее города. Его погубили безумные устузоу, если верить словам Эрефнаис. Но приходилось верить, ведь говорила она сама, а не йилейбе фарги, получившая сообщение из вторых-третьих уст. Эрефнаис, капитан урукето, облеченная высшей ответственностью, побывала там и видела все своими глазами. Как и другая из уцелевших, Вейнте′, та, что вырастила город и увидела гибель его. Она поведает обо всем подробнее, она знает больше, чем капитан, которая все время провела в урукето и так и не ступила на берег. Ланефенуу шевельнулась на высоком троне и потребовала внимания. Подручная Муруспе, никогда не оставлявшая ее, сразу же подвинулась ближе, ожидая приказа.

— Муруспе, я хочу видеть вновь прибывшую по имени Вейнте′, что приплыла сегодня на урукето. Доставь ее ко мне.

Сделав знак немедленного повиновения, Муруспе заторопилась к прислуживающим фарги и в точности передала им распоряжение Ланефенуу. Она велела им повторить приказ; некоторые путались — от забывчивости или неумения говорить, неважно. Таких она отослала с глаз долой. Они исчезли со-стыдом-неудачи. Оставшихся она заставляла повторять распоряжение эйстаа до тех пор, пока они не справились с делом в точности.

Наконец фарги разбежались с амбесида во все стороны с радостной поспешностью — ведь они несли распоряжение эйстаа. И каждая, кого они встречали, передавала сообщение другим встречным, и очень скоро одна из помощниц торопливо вошла к Укхереб, делая жесты информации-большой-важности.

— Эйстаа разослала слово по городу. Требуется присутствие твоей гостьи Вейнте′.

— Иду, — поднимаясь, ответила Вейнте′. — Веди меня.

Укхереб жестом отослала помощницу.

— Я пойду с тобой, Вейнте′. Так будет уместнее. Эйстаа знает

мои труды на благо Икхалменетса, и, боюсь, я знаю, о чем пойдет речь. Мое место возле нее.

Амбесид был пуст, словно была ночь, а не пасмурный день. Суетливых фарги прогнали, и во всех дверях расставили помощниц, не пускавших их внутрь. Они стояли спиной к эйстаа, чтобы не нарушить ее уединения. Ланефенуу правила твердой рукой, это был ее город, и если она желала уединиться на амбесиде, а не в собственных небольших покоях, значит, это было необходимо. Мощь, исходящая от строгой и суровой фигуры под расписными рельефами, восхищала. Вейнте′ ощущала в ней равную.

Она шла твердым шагом возле Укхереб — никак не следом, — и походка выдавала ее чувства. Ланефенуу невольно заинтересовалась, поскольку от яйца времен никто не обращался с ней как с равной.

— Ты и есть Вейнте′, недавно прибывшая из Алпеасака? Расскажи мне о твоем городе.

— Он погублен. — Последовали движения, означавшие боль и смерть, — руками устузоу, — жесты во много раз усилили предыдущие знаки.

— Расскажи мне все, что знаешь, во всех подробностях с самого начала, ничего не скрывая, потому что я хочу знать, как подобное стало возможным.

Вейнте′ пошире расставила ноги, выпрямилась — и долго не умолкала. Все это время Ланефенуу ни разу не пошевелилась, а Укхереб то и дело дергалась, словно от боли, и слегка вскрикивала. И если Вейнте′ была не совсем откровенна, когда речь зашла о ее отношениях с этими устузоу, особенно тогда, когда нельзя было не солгать, — это объяснялось простой забывчивостью, не более. Она сочла неуместными всякие упоминания о Дочерях Смерти, о них можно было поговорить и позднее. Она просто рассказывала, как строила город, как устузоу убили самцов на родильных пляжах, как она защищала город от пришельцев и как, обороняясь, была вынуждена напасть на устузоу. Добравшись до конца повествования, она, тщательно сдерживая все чувства, описала всеобщую гибель, разрушение города, бегство горсточки уцелевших. Потом она умолкла, но положение ее рук говорило о том, что сказано не все.

— Что еще ты собираешься добавить к этому ужасу? — спросила Ланефенуу, безмолвно слушавшая Вейнте′.

— Две вещи. Я расскажу тебе с глазу на глаз кое-что важное о

тех, кто покинул город и сейчас находится в Энтобане. Это серьезный, но отдельный вопрос.

— А второй?

— Он! — громко начала Вейнте′, подкрепляя слова жестами необходимости, силы и уверенности. — Он имеет отношение ко всему, о чем я говорила. Я знаю теперь, как защитить город от огня. Я знаю, как уничтожить устузоу в огромном количестве. Теперь я знаю, в чем ошибались те, кто погиб ради этого знания. Я знаю, что просторы Гендаси, пустынные земли за морем, будут принадлежать иилане′. Так будет. Никогда еще от яйца времен не дули такие холодные ветры, никогда не гибли северные города иилане′. Никто не знает, когда придет этому конец. Вот Эрегтпе, только сухие листья носит ныне ветер по его улицам; вот Соромсет, где белые кости иилане′ белеют в белой пыли. Вот мой родной Инегбан, который давно умер бы в Энтобане, не отправься мы в Гендаси. А теперь я чувствую, как холодные ветры продувают окруженный морем Икхалменетс. И я боюсь за него. Что, если холода придут и сюда? Я не знаю, что будет. Но я, сильная Ланефенуу, знаю одно. Если придут холода и Икхалменетс будет жить, он должен жить в Гендаси, ибо ему больше некуда отправиться.

Ланефенуу искала слабость и сомнение в словах и жестах Вейнте′ — их не было.

— Возможно ли это, Вейнте′? — спросила Ланефенуу.

— Возможно.

— Когда холодные ветры ворвутся в Икхалменетс, сможет ли Икхалменетс перебраться в Гендаси?

— Этот теплый мир дожидается вас. Ты отвезешь туда Икхалменетс, Ланефенуу, я вижу в тебе силы для этого. Я прошу только разрешения помочь тебе. А когда мы переберемся туда, я попрошу лишь твоего разрешения убивать устузоу, которые убивают нас. Позволь мне служить тебе.

Как требовала вежливость, и Вейнте′, и Укхереб отвернулись, когда Ланефенуу застыла в глубоком раздумье. Но каждая одним глазом поглядывала назад, чтобы вовремя отозваться на любое движение. Шло время, Ланефенуу должна была многое обдумать. Облака рассеялись, солнце уже спускалось к горизонту, а трое застыли, словно вырезанные из камня, как могут только иилане′.

Когда Ланефенуу наконец шевельнулась, они повернулись к ней, полные внимания.

— Следует принять решение. Но оно слишком важное, чтобы

можно было торопиться. Пусть сперва Укхереб доложит мне, о чем сообщают ученые с севера. Вейнте′ должна рассказать о том другом деле, которое нельзя обсуждать при всех. Имеет ли оно отношение к теплой Гендаси?

— Косвенно, но, может статься, в значительной степени.

— Следуй за мной, поговорим.

Ланефенуу двигалась медленно, тяжелые размышления отягощали тело. Спальня ее была невелика, темная комната напоминала внутренность урукето. Слабый свет лился от пятен фосфоресцирующей краски, в стене было круглое окошко, за которым виднелся красивый морской пейзаж. Ланефенуу взяла водяной фрукт, наполовину осушила его и опустилась на ложе для отдыха. Для гостей предназначались еще два ложа: одно у задней стенки, другое возле входа. Ланефенуу знаком велела Вейнте′ опуститься на то, что у входа.

— Говори, — приказала Ланефенуу.

— Сейчас. Я буду говорить о Дочерях Смерти. Знаешь ли ты о них?

Ланефенуу вздохнула понимающе, но без отчаяния.

— Я знаю о них. Из того, что говорила Эрефнаис, следует, что именно они были теми ее пассажирами. И теперь они могут разливать яд своих мыслей в теплом Йибейске. Как ты относишься к ним?

Этот простой вопрос выпустил наружу всю ненависть, которую так долго сдерживала Вейнте′. Жесты хлынули потоком. Она не в состоянии была ни сдержаться, ни остановиться. Ее тело и конечности дергались, выражая неприязнь, неприятие, ненависть... и только нечленораздельные звуки вылетали с пеной гнева сквозь стиснутые зубы. Она не сразу овладела собой, но стала говорить, только полностью успокоившись.

— Мне трудно выразить всю свою ненависть к этим созданиям. Я стыжусь этой вспышки гнева. Но я здесь по их вине. И я хочу поведать тебе об их развращенности, предупредить об опасности, если ты еще не слыхала о них. Хочу спросить еще: добрался ли этот духовный яд и носительницы его сюда, в Икхалменетс?

— И да, и нет. — Хоть Ланефенуу даже не шевельнулась, в ее интонациях слышалось ощущение смерти и разрушения. — Я давно узнала об этих тварях. И решила, что эта болезнь не проникнет сюда. Не без причины Икхалменетс называют окруженным морем. Только те, кто рождается здесь, остаются в этом городе, из других городов фарги к нам не приходят. Только урукето свя-

зывают нас с остальным миром. И обо всем, что привозят они, я немедленно узнаю. Приезжали сюда и Дочери Смерти, я сразу же отправила их назад, не позволив даже ступить на берег. Так можно поступать с не имеющими ранга.

— Но иилане́ идет, куда хочет, — проговорила Вейнте́, недоумевая; ведь свобода передвижения была так же естественна, как вода, воздух, иного она не могла и представить.

— Верно, — с трудом ответила Ланефенуу: сильная эмоция сковала ее мышцы. — Когда я впервые увидела тебя, Вейнте́, я поняла, что передо мной та, которая мыслит, как я, и идет той же тропою. И твои речи подтвердили это. Нас ждет общее будущее, и я скажу тебе то, чего не знают другие. Да, иилане́ прибывают в окруженный морем Икхалменетс. Среди них попадались и такие, что добром поминали Дочерей Смерти. И все, кого я подозревала в этом пороке, были здесь у меня и говорили со мной, я слушала. — Ланефенуу надолго умолкла, вслушиваясь в себя, припоминая былое, вновь представляя события, о которых знала она одна. — Те, кто решался говорить здесь об этом, хотя я просила их покинуть Икхалменетс, те и только те расстались здесь с жизнью. Узнав все, что нужно, я просила их сесть так же, как и тебя, но на другое ложе. Погляди, видишь пятнышко в середине? Это живое существо с ядовитой железой хесотсана. Ты поняла, что я имею в виду? Отсюда они не выходили, Вейнте́. Понятно ли тебе, что это значит? Все они там. — Она махнула в сторону маленькой дверцы в стене. — Питают корни города своими телами, избавив его от своих скудных умишек, как и должно быть.

Когда смысл слов Ланефенуу проник в сознание Вейнте́, она склонилась перед эйстаа в позе нижайшей перед высшей и произнесла с почтением:

— Позволь служить тебе, Ланефенуу, всю мою жизнь. Тебе дана сила, которой нет у меня: сила поступать, как считаешь нужным, невзирая на чужие мнения, сила преступить вековые обычаи ради нужд города. Я буду твоей фарги и всегда буду служить тебе и повиноваться твоим приказам.

Наклонившись, Ланефенуу ласково тронула пальцами гребень Вейнте́, жестом своим выражая радость. И в словах ее было слышно облегчение.

— Служи мне, сильная Вейнте́, как я сама буду служить тебе. Мы шли к одной цели, только разными тропами. А сейчас я вижу, дороги наши соединились. Дальше мы пойдем вместе. И ни

устузоу, ни Дочери Смерти не устоят перед нами. Они будут сметены с нашего пути. И завтрашнее завтра станет таким, как вчерашнее вчера, и не останется даже памяти об этих созданиях.

Глава 10

Uveigil as nep, as rath at stakkiz —
markiz fallar ey to marni.

Каким бы долгим и жарким ни
было лето — все равно придет зима.
Марбакская поговорка

Зима опять пришла в Деифобен. Зарядили проливные дожди, северный ветер обрывал с ветвей пожухлые листья.

Перед рассветом Керрик проснулся. По потемневшей прозрачной кровле опять барабанил дождь. Снова уснуть не удалось. Едва забрезжил рассвет, он взял свой хесотсан и накормил его кусочками мяса, оставленными от ужина специально для этого. Теперь он не разлучался с оружием. И приказал всем за пределы города выходить вооруженными. Покончив с кормлением, он вышел. Как почти всегда, путь его лежал среди полей на север города к последней роще, где огромные ненитески обрывали листья и громко хрустели ветками. Липучие лианы, которыми иилане́ преграждали дорогу, оставались на своих местах, и он осторожно перешагнул через них. Весь ядовитый терновник был уничтожен, потому что охранял от людей, а не от животных. Оружие Керрик держал наготове, опасаясь хищников, бродивших вокруг города. Внимательно вслушивался и приглядывался. Он был один. Пустынная тропа уходила на север.

На ней никого не было. Керрик стоял, не обращая внимания на дождь, насквозь промочивший бороду и длинные волосы; капли стекали с обоих ножей на груди за пазуху, ручейками бежали по коже. Никого. Каждое утро он приходил сюда — это было самое плохое время. Потом, среди забот, он забывался. Но тяжелей всего были часы сразу после пробуждения. Если бы Херилак вернулся и привел с собою Армун, если бы пришел хоть охотник с весточкой от нее! Но, не тронувшись еще в обратный путь, он уже знал, что надежды напрасны. Надо было отправляться за ней самому, еще той весной. А сейчас было поздно, и до новой весны оставалось еще столько... Что понадобилось ему в этом городе,

когда все возвратились? Он уже и сам не понимал. Но сделанного не воротишь. Весной он уйдет за ней, и на этот раз ничто не остановит его.

И когда он пошел назад, тропа осталась такой же пустынной...

Дождь редел, среди туч уже проглядывало голубое небо. В городе его ожидали дела, нужно было решать. Он не хотел никого видеть, не хотелось даже говорить. Океан был неподалеку, глухой шум прибоя доносился даже сюда. Он прогуляется по пляжу и вернется в город.

Едва он вышел из-под деревьев, солнце озарило чистый песок и покрытые белой пеной волны. «Алпеасак», «прекрасные пляжи» — сами собой пришли в голову эти слова. Правая рука и подбородок привычно и незаметно для него изобразили правильные модификаторы. Опустив голову, он побрел по песку. Мир — такое пустынное место.

Пустовавшая гавань за год заросла кустарником. Многое изменилось в городе с тех пор, как ушли иилане́ и на смену им явились тану. Перебравшись через нагромождение поломанных ветром ветвей, он приблизился к гавани. Они с Саноне единодушно решили, что перед рассветом и после наступления темноты караульные должны охранять пути, ведущие от моря в город. Враг изгнан, но это не значит, что он не может возвратиться. А вот и караульный, прислонившийся спиной к дереву. Керрик не хотел разговаривать с ним и направился прямо в город, но саску не пошевелился; он сидел, как-то обмякнув, не замечая Керрика.

С внезапным страхом Керрик остановился и припал к земле, выставив хесотсан. Никто не шевелился. Над головой крикнула птица, больше ничего не было слышно. Керрик дополз до ближайшего куста, укрылся за ним и теперь мог разглядеть охотника. Наклонившись вперед, он сидел с закрытыми глазами, едва не роняя копье. Спит.

Керрик встал, улыбнулся собственному необъяснимому страху и, шагнув вперед, окликнул уже...

Но увидел шип, вонзившийся сбоку в шею охотника, и понял, что не ошибся в худшем.

Иилане́ вернулись!

Лихорадочно озираясь, он отступил за куст. Где они, где, куда подевались? И, прежде чем поддаться панике, Керрик постарался подумать, а не действовать сразу. Здесь побывали иилане́ — в этом не было сомнений. Нельзя было исключить и несчастный

случай... или убийство, ссору между охотниками. Теперь все делали собственные шипы и тщательно обрабатывали их, чтобы точнее попадать в цель. Но та игла, что вонзилась в шею охотника, выросла на кусте. Ее обломила фарги, и иилане́ ею выстрелила. Они пришли с моря. Сколько их? Надо предупредить. Где поблизости работают саску? И, стараясь быть осторожным, он заторопился к центру города, уклонившись от кратчайшего пути.

Впереди послышались голоса... Саску! Он побежал им навстречу и хотел уже позвать, когда заметил двух воинов рядом с апельсиновыми деревьями. Вдруг послышался треск, один из них пошатнулся и упал. Второй обернулся, вздрогнул — и рухнул на упавшего товарища.

Крик застрял в горле Керрика, он припал к земле за стволом дерева так, чтобы видеть обоих саску. В небольшой рощице зашелестели сухие листья, и он застыл не дыша — темная фигура медленно вышла на свет.

Иилане́!

Она остановилась и, неподвижно застыв, стала озираться, водя по сторонам глазами. Ее опущенные руки выдавали страх, хесотсан был обращен к земле. Она была молода. Это фарги, подумал Керрик. С ней должны быть и другие. Он оказался прав: мгновение спустя послышался раздраженный голос: «Вперед!» Фарги помедлила в страхе и нерешительности и наконец шагнула. Сзади из укрытия показались еще две фигуры, объятые тем же всепоглощающим страхом. А потом из тени выступила четвертая — повелевающая... знакомая. Шаг — и она уже на свету.

Вейнте́!

Волна ярости захлестнула Керрика. Ненависть, отвращение... что-то еще — он не знал, что это, да и знать не хотел. Вейнте́ вернулась, будет нападение, надо предупредить остальных.

Но сначала надо убить ее, он знал это наверняка. Когда-то он ранил ее копьем, но она осталась жива. А теперь маленькая капелька на острие стрелы, незаметная капелька яда — и мгновенная смерть. Да!

Он медленно поднял оружие, прицелился... ветерок дунул — надо это учесть... Вот она повернулась... Как хорошо он помнит это лицо!

Стреляй!

Оружие громко треснуло в его руке; в этот момент одна из фарги шагнула вперед и, сраженная иглой, пошатнулась и рухнула.

— Ты! — выкрикнула Вейнте′, глядя Керрику прямо в глаза; ненависть сотрясала ее тело.

Не думая, Керрик выстрелил снова, но она скрылась из глаз. Обе фарги бросились за нею. Оружие его опять треснуло, одна из них упала наземь. Раздался звук удалявшихся шагов.

Бегут. Значит, это еще не нападение, а только разведка.

— Они здесь! — завопил Керрик изо всех сил, закончив военным кличем тану. А потом выкрикнул на языке иилане′: — Смерть, смерть, смерть — Вейнте′, Вейнте′, Вейнте′! — надеясь, что она поймет смысл этих звуков.

Вдали послышались крики, и он, предупреждая, крикнул снова. И вдруг, забыв об опасности, помчался за иилане′. Он бежал следом, надеясь убить ее. Выскочив на берег, он увидел, как две фигуры прыгают в воду с причала.

Стоя на выщербленном помосте, Керрик вновь и вновь стрелял по удаляющимся черным головам, пока опустошенный хесотсан не задергался в руке. Его стрелы не достигали цели: плывущие давно были вне пределов досягаемости, они удалялись к черному пятну, маячившему посреди гавани.

Плавник урукето, ожидающего их.

Наконец Керрик почувствовал, что тело его сотрясает крупная дрожь. Опустив оружие, он следил, как мелькают в волнах головы плывущих. Вейнте′ была здесь, а он промахнулся... Позади послышался топот, подбежали двое охотников.

— Мы видели двух мургу, они убили Керидамаса и Симмахо! Что случилось?

Все еще дрожа, Керрик ответил:

— Вон они. Они остались живы и плывут к своей живой лодке. Они приплыли посмотреть город и знают теперь, что мы здесь.

— Они вернутся?

— Конечно же, вернутся! — оскалившись, завопил Керрик. — И с ними их предводительница, та самая, что объявила войну нам, та, что хочет перебить нас. Раз они были здесь — они вернутся!

Отступив от Керрика, оба охотника мрачно глядели на него.

— Саноне должен узнать об этом, — проговорил Мескавино. — Мы побежим сообщить ему эту весть.

Керрик остановил их.

— Известить Саноне может и один из вас. Ты, Мескавино, останься.

Поколебавшись, тот повиновался, ведь Керрик был главным в городе. Саноне был их мандукто, и все саску привыкли видеть в нем вождя, но он-то и приказал им всегда слушаться Керрика. Сжав в руках мотыгу, Мескавино внимательно огляделся. Заметив его взгляд, Керрик попытался взять себя в руки. Не время для слепого гнева. Надо думать трезво, как иилане′, думать сразу за всех. Он прикоснулся к дрожавшей руке охотника.

— Они ушли, пусть уйдет и твой страх. Я видел их главную, она убежала, а с нею помощница. Они ушли, все ушли. Оставайся здесь и будь внимателен — как бы они не вернулись.

Приказание было четким и недвусмысленным. Мескавино взял мотыгу как оружие.

— Я буду наблюдать, — проговорил он, поворачиваясь к морю. Увидел неподвижное тело караульного и тихо завыл: — И он погиб... брат мой!

Мотыга свалилась на землю, и, встав на колени, он склонился над телом. Снова кровопролитие, думал Керрик, вглядываясь в опустевшую гавань. Вейнте′, несущая смерть. Но не только она. Города не стали бы ей помогать, если бы холодные зимы не пугали даже иилане′ Энтобана, где города соприкасались. Зима наступала на северные города, оставаться на месте — значило умереть. И лучше пересечь океан и затеять войну. В этом их убеждала Вейнте′. Он-то слыхал ее, знал, что она не прекратит убивать, пока не погибнет сама.

Когда-нибудь. Но сейчас до нее не дотянуться. Оставалось только пытаться разгадать ее планы. Ее он знал как никто, куда лучше, чем прочие иилане′. Что же она предпримет теперь?

Ясно одно: она явилась не одна. Целый флот урукето мог быть за горизонтом, а внутри живых кораблей — полчища фарги, ждущие приказаний. Горестный вопль отвлек его от размышлений, и он заметил приближавшихся саску. Первым шел Саноне, семенившие следом женщины начали рвать на себе волосы, заметив мертвого охотника. Саноне поглядел на труп, потом на Керрика, перевел взгляд на море.

— Значит, они вернулись, как ты предупреждал. Будем защищаться. Что нам делать?

— Выставить стражу, дневную и ночную. На пляжах и на всех дорогах, ведущих в город. Они вернутся.

— Морем?

Керрик заколебался.

— Не знаю. Прежде, если было возможно, они всегда нападали с воды, такой их обычай. Но это было тогда, когда этот город принадлежал им и у них были небольшие лодки. Потом они нападали на суше... Нет. Я уверен, в следующий раз опасность придет не с воды. Я в этом уверен. Придется держать караул — и здесь, и со всех сторон.

— И это все, что мы сможем сделать? Сидеть, следить и ждать смерти, как животные? — В голосе Саноне слышалась горечь.

— Нет, мы сделаем больше, Саноне. Теперь мы знаем о них. Пусть самые быстроногие охотники отправятся к северу и югу вдоль побережья и отыщут их лагерь — и тогда мы их убьем. Но для этого нам нужна будет помощь. Нужен будет тот саммадар, который живет, чтобы убивать мургу, и охотники-тану, могучие и знающие лесные тропы. Надо выбрать двух скороходов, самых крепких, которые способны бежать день за днем. И послать их на север на поиски тану. Пусть скажут Херилаку, что мы зовем его со всеми охотниками. Он придет, если объяснить ему, что мургу здесь ждут только его руки.

— На севере зима, и снега глубоки в это время. Саску не разыщут саммады. Но даже если им это удастся, в самые морозы охотники едва ли выступят в путь. Ты, Керрик, просишь слишком многого. Хочешь, чтобы саску гибли понапрасну?

— Но смерть, может быть, уже рядом с нами. Нам необходима помощь. И мы должны отыскать охотников.

Саноне невесело качнул головой.

— Мы умрем, если такова наша участь. Мы идем туда, куда ведет нас Кадайр. Он привел нас сюда, имея на это причины. И здесь мы останемся, раз пришли по следам мастодонта. Я не могу просить саску умирать в зимних снегах ради фантазии. Другое дело весной. Тогда мы решим, что делать. А пока мы можем расспросить Кадайра о нашей участи.

Керрик в гневе открыл было рот, но прикусил язык. Трудно было угадать, что повелит Кадайр, впрочем, воля его всегда подкрепляла доводы старика. Но в словах его была правда. Саску не одолеют пути, трудного и для тану. Они не привыкли к зиме. Но если и дойдут... как знать, быть может, Херилак и не отзовется на его просьбу. Придется ждать весны.

Если они доживут до нее...

Глава 11

К югу от города, за рекой, начинались болота. Непроходимые джунгли и топи подходили к самому океану, для передвижения оставалась лишь узкая песчаная полоска вдоль моря. На песке у линии прибоя длинноногие морские птицы рвали дохлого хардальта, выброшенного на берег волнами. Когда к ним приблизились двое саску, они вдруг перепугались и с криками закружили над головами людей, осторожно пробиравшихся по пляжу. Белые головные повязки саску украшало охряное пятно на самом лбу в знак особой важности поручения. Но такая честь их не радовала. Оба с опаской озирались на стену джунглей, надеясь защититься от невидимой опасности стреляющими палками. Они миновали труп хардальта, и Мескавино с отвращением поглядел на него.

— В долине было лучше, — проговорил он. — Зачем мы ушли оттуда?

— Разве ты забыл, — отвечал Ненне, — как мургу явились туда, чтобы погубить нас? А потом по воле Кадайра мы пришли сюда уничтожить их обиталище... Вот так.

— Они вернулись.

— Их мы тоже убьем. Ты, Мескавино, хнычешь словно младенец.

Но тот был слишком испуган и не замечал обидных слов. Ему не нравилось жить возле океана, размеренная жизнь в уютной долине устраивала его куда больше. Как тосковал он по этим надежным каменным стенам!

— Что это там впереди? — спросил его Ненне.

Мескавино остановился, шагнул назад.

— Я ничего не вижу. — Голос его дрожал от страха.

— Там на воде, видишь... и еще...

На воде действительно что-то чернело, но что именно — на таком расстоянии нельзя было разглядеть. Мескавино попробовал повернуть обратно.

— Надо сообщить Керрику, это важно.

Выражая сомнение, Ненне высунул язык.

— Мескавино, кто ты? Саску или женщина? Убежишь, испугавшись плавающих в океане бревен? Что ты скажешь Керрику и Саноне? Мы что-то видели. А что именно, спросят они... Что мы ответим?

— Ты что-то распустил язык...

— Мой язык у меня во рту, пока ты поступаешь, как подобает саску. Идем дальше, надо разобраться, что это.

— Идем, — обреченным тоном повторил Мескавино, уверенный, что идет на верную смерть.

Теперь они держались поближе к деревьям и подальше от моря, стараясь двигаться незаметно. Но на берегу никого не было. Добравшись до подмытого прибоем пригорка, они поднялись на него, осторожно пробираясь через заросли кустарника между редкими пальмами, так чтобы их не могли увидеть со стороны моря. Оказавшись на вершине, они тихонько раздвинули ветви...

— Мургу! — Мескавино со стоном повалился наземь, пряча лицо в ладонях.

Ненне испугать было труднее. Рядом мургу не было, они находились вдалеке — на берегу и в прибрежных водах. Там были живые корабли, вроде того, что унес в себе уцелевших после пожара. Тот корабль он видел своими глазами и знал, на что они похожи. Но в океане их было куда больше — сколько пальцев на обеих руках, маленькие лодки сновали между ними и берегом, высаживая мургу-убийц. Оказавшись на берегу, они сразу принимались что-то делать. Чем они были заняты, Ненне определить не мог — мешали густые кусты. С дальнего островка на море приплывали все новые корабли. Все было очень странно.

— Подберемся поближе, посмотрим, — предложил Ненне. Но Мескавино только стонал, не поднимая лица от земли.

Ненне с грустью глядел на него. Отец и единственный брат Мескавино погибли от рук мургу. Гнев и страстное желание отомстить привели Мескавино сюда. Он храбро бился. Но это было прежде. Вся эта кровь и смерть что-то надломили в нем: теперь он переменился. Ненне попытался было вновь устыдить его, пробудить в нем саску, но безуспешно. Нагнувшись, он тронул лежавшего за плечо.

— Иди назад, Мескавино. Расскажи обо всем, что мы видели. А я подберусь поближе, чтобы узнать, какими трудами помогают они Карогнису. Иди назад.

Когда Мескавино поднял голову, на лице его, кроме страха, было облегчение.

— Ничего не могу поделать с собой, Ненне, со мной что-то творится. Я бы пошел с тобой, но у меня нет сил. Ноги так и тянут меня, но не вперед, а назад. Я все передам.

Ненне долго следил, как его попутчик удаляется обратно,

ноги у него в эту сторону действительно бежали быстрее. Наконец он повернулся к мургу. Надо выяснить, чем они заняты на берегу. И, обратившись к опыту следопыта, он осторожно двинулся вперед краем леса.

Путь оказался долгим, и солнце уже стало спускаться, когда он наконец подобрался к барьеру. Высокая стена тянулась от леса и уходила в море. Ее образовывали какие-то кусты с крупными зелеными листьями, они переплетались с растениями с более темной листвой. Шагнув вперед к опушке, он увидел первое тело, а потом другое... третье. И долгое время в ужасе не мог тронуться с места, подобно Мескавино, наконец он осторожными шагами двинулся в обратную сторону.

Назад он буквально несся, но так и не смог нагнать Мескавино — подгоняемый страхом, тот, должно быть, летел как ветер. И Ненне впервые по-настоящему понял страх своего спутника.

Керрик уже узнал о прибытии иилане' от Мескавино и с трудом сдерживал нетерпение, пока Ненне жадно пил из водяного плода, лил остатки себе на руки и голову. Когда разведчик наконец заговорил, темная кожа его побледнела от страха, а глаза стали круглыми.

— Сперва был один — олень, который пришел пастись в кустах, колючая лиана охватила его ногу, а потом я увидел других, от которых остались одни кости; там были все — звери, птицы, мургу разного рода и величины. В этих кустах обитает смерть, она убивает всех, кто оказывается рядом.

— Но почему? Что это значит? — спросил Саноне, и присутствующие недоуменно закивали.

— Что это значит? — мрачно заговорил Керрик. — Да ничего хорошего для нас. Сами подумайте. Сюда явились мургу на многочисленных живых кораблях. Там, на острове, у них наверняка поселение, до которого мы добраться не сумеем. Можно наделать лодок, только, по-моему, все, кто попробует высадиться на том берегу, погибнут. Если бы они там и оставались, не было бы никаких проблем. Но мургу устроили на берегу эту смертоносную стену.

— Но она же далеко еще... — не без некоторого воодушевления начал Мескавино.

— Пока далеко, — без всякой надежды промолвил Керрик. — Но — или она будет ползти в нашу сторону, или мургу вырастят другую, поближе. Они меняют тактику, и я начинаю бояться. Прежде, нападая, они гнали на нас вооруженных фарги, и мы одолева-

ли их. Но теперь я боюсь великим страхом. Та, что ведет их, наверняка задумала нечто куда более ужасное и коварное.

Велика ли опасность? Уязвима ли стена? И вновь нахлынул изнуряющий страх. И когда он заговорил вновь, все услышали этот страх в его голосе.

— Придется взглянуть на эту стенку на берегу. Покажешь, Ненне? Придется кое-что прихватить с собой.

— Я покажу. Пойдем сейчас?

— Нет, отдохни, уже поздно. Отправимся утром.

...Они вышли на рассвете, внимательно и осторожно двигаясь вперед по следам, уцелевшим со вчерашнего дня над линией прилива. К полудню они дошли до стены, зеленой дугой охватившей кусок суши. Сегодня здесь что-то изменилось.

— Никого нет, — проговорил Ненне. — Вчера было иначе. Здесь были живые корабли, лодки перевозили мургу на берег, с острова приплывали другие корабли. Теперь все исчезли.

Керрик заподозрил неладное. В море никого не было, только в полуденной дымке вдали серел остров. Позади него виднелись еще островки, поменьше. Керрик вспомнил их — он плыл на уркето мимо этой цепочки островов. Алакас-Аксехент — драгоценное ожерелье. Идеальное место для высадки, вне пределов досягаемости тану. Но эта дуга смерти на берегу... Зачем она?

— Залезу на дерево, вот на это, повыше, — сказал Ненне. — С верхних ветвей можно будет заглянуть внутрь, увидеть, что скрывается там.

Он был умелым скалолазом и не раз поднимался на окружавшие долину утесы — подъем не составил для него никакого труда. Пока он лез, вниз сыпались листья и ветки. Почти не задержавшись наверху, он стал спускаться так же быстро.

— Ничего, — произнес он озадаченно. — Там внутри просто песок. Пусто. Твари, бывшие здесь вчера, исчезли. Если они не зарылись в песок, значит, они ушли.

— Пойдем туда, где ты видел убитых зверей, — проговорил Керрик, снимая с плеча лук. Ненне закинул кожаный мешок за плечо.

Труп оленя уже кишел мухами, у зеленой стены лежали мертвые звери. Керрик изогнул лук и выбрал стрелу. Ненне развязал мешок.

Тщательно обвязав тканью наконечник стрелы, Керрик сунул ее в кожаный мешок с харадисовым маслом. Встав спиной к ветру, Ненне высекал огонь. Он подложил сухие веточки, и скоро

в вырытой в песке ямке заплясал огонь. Керрик встал, натянул тетиву, отпустил, наклонился и поднес пропитанную маслом тряпку к огню. Она вспыхнула; огонь, едва видимый при ярком солнечном свете, рождал клубы дыма. Керрик выпрямился, натянул лук, поднял ее вверх и спустил тетиву. Описав высокую дугу, стрела исчезла в зеленом барьере. Обожженный пламенем, свернулся листок, но дым быстро растаял; Керрик послал вторую горящую стрелу следом за первой, и еще, и еще... Но результат был тот же.

— Научились... — проговорил он голосом, зловещим как смерть. — Они поняли, что такое огонь. Мы не сумеем поджечь их еще раз.

Озадаченный Ненне постучал себя по лбу.

— Ничего не понимаю.

— Зато я понимаю. Теперь у них есть база на суше, и мы не можем ни напасть на нее, ни сжечь.

— Но у нас ведь и стрелы, и копья. За такой стеной им придется несладко.

— За этой — да, я согласен, здесь они не будут в безопасности. Но они могут вырастить другую, повыше, и прятаться за ней на ночь.

— Эти мургу творят странные вещи. — Ненне с негодованием плюнул в сторону зеленой стены.

— Ты прав. Это потому, что они думают не так, как мы. Но я знаю их, я сумею разгадать их замыслы. Я буду думать. Крепко думать. Во всем этом есть смысл, и я должен понять, почему эта стена оказалась здесь. Подойдем поближе.

— Это верная смерть!

— Мы не животные, мы люди. Ступай осторожно.

Но ноги Керрика дрожали, когда он начал медленно двигаться в сторону оленьего трупа. Ненне схватил его за руку и остановил.

— Смотри, лиана с шипами схватила оленя за ногу... Видишь, она выходит из песка — там, где он стоял... Почему он не заметил ее?..

— Кажется, понимаю.

Керрик поднял с песка раковину, размахнулся и бросил. Описав невысокую дугу, она упала возле трупа.

Разбросав песок, вверх взметнулась колючая зеленая ветвь и ударила по раковине.

— Значит, они прячутся под песком, — проговорил Керрик, — а наступишь — выскакивают.

— Но здесь они могут быть повсюду, — ответил Ненне, осторожно отступая по собственным следам. — Здесь обитает смерть, здесь нет места жизни.

— Не совсем, глянь-ка вниз, под самую стенку.

Едва дыша, они следили за заколыхавшимися вдруг листьями. Наконец они раздвинулись, и появилась чья-то пятнистая оранжево-фиолетовая голова, огляделась и исчезла. Через мгновение тварь высунулась целиком. Оказалось, что это какая-то ящерица. Она быстро пробежала по песку и неподвижно застыла. Только глаза ее поворачивались, оглядывая все вокруг. Уродливая приземистая тварь с толстым и плоским хвостом и раздутыми, словно мокрыми, бородавками на спине. Она снова двинулась вперед, оставляя за собой полосу слизи, остановилась возле кустика травы и, повернув голову боком, принялась ее пожирать. Керрик осторожно полез в колчан и, когда тварь отвернулась, вытащил стрелу и натянул тетиву.

И выстрелил.

— Отлично, — отозвался Ненне, глядя на пронзенную стрелой тварь, не сразу переставшую дергаться.

Сделав большой круг, они подошли к ней со стороны океана.

— Уродина, — проговорил Ненне, — вся скользкая, как слизняк.

— Может быть, слизь защищает ее от яда. Ее вырастили, чтобы она жила там, где все остальное гибнет. Видимо, у мургу есть причины для этого. Иилане' ничего не делают без причины.

— Она больна — видишь нарывы на спине, они лопаются.

— Это не болячки, не нарывы, посмотри, они расположены правильными рядами.

Концом лука Керрик ткнул в лопнувший бугорок, из него посыпался бурый порошок. Нагнувшись, Ненне поглядел на них.

— Они сухие... Не понимаю. Похоже на какие-то семена.

Медленно выпрямившись, Керрик поглядел на грозную зеленую стену и вздрогнул, хотя солнце припекало.

— А я понимаю, — проговорил он. — Понимаю, увы, даже слишком хорошо понимаю. Перед нами, Ненне, наше поражение. Верное поражение. И как выжить, как одержать победу в этой битве, я не представляю.

Глава 12

Один из мандукто, помоложе, поворошил уголья и подкинул дров. Отсветы пламени озаряли немногих людей, сидевших у костра рядом с Саноне, который расположился напротив Керрика. Он хотел говорить со всеми охотниками, но не таков обычай саску. Мандукто решали, остальные повиновались. Они негромко переговаривались, а Керрик глядел в огонь, словно старался увидеть в нем грядущее, но только отчаяние нес ему этот теплый свет.

— Мы не согласны, — проговорил Саноне, поворачиваясь к Керрику. — Это же просто догадки, у тебя нет доказательств. Надо подождать и убедиться.

— Будем ждать, пока не начнем гибнуть? Разве не понятно, что они сделали? Поглядите на юг, на берег, на их новый якобы брошенный лагерь. Что в том, что в нем нет мургу? Так и задумано, чтобы он оставался пустым. Там растения, они смертельно ядовиты, но их надо выращивать, чтобы получать семена. Почему бы не сделать этого на берегу? Ведь в этих условиях они и должны расти. И мургу посадили их там, чтобы они росли и плодоносили, чтобы зрели семена. Все понятно. Понятно, и зачем этот маленький мараг, которого мы убили.

— Но это просто догадка...

— Возможно. Только она похожа на истину. Ну представьте себе эту тварь, которая создана, чтобы жить среди ядовитых лиан и растений, где все прочее гибнет. Зачем она нужна, если вся эта ядовитая поросль необходима мургу только для защиты? Нет, у этих растений ужасное предназначение. Они должны вырасти повсюду на побережье, в том числе и здесь. А мелкие мургу будут разбегаться и разносить эти семена повсюду. Они прибегут и сюда, в Деифобен, принесут сюда смерть, и нам останется только умереть или бежать отсюда.

— Если здесь появятся маленькие мургу, мы перебьем их! — крикнул один из мандукто. Прочие отозвались одобрительным ропотом.

Керрик с трудом сдержал гнев.

— Неужели? Или ты так великолепно владеешь луком и стреляющей палкой и можешь денно и нощно рыскать по всему огромному городу, можешь выследить и убить всех мургу в нем? Ты глуп, если считаешь, что это возможно. Вы все поступаете глупо. Я вас понимаю — мне и самому не хочется в это верить. Но я вы-

нужден. И нам придется бежать отсюда — и чем скорее, тем лучше.

— Нет, этого не будет. — Саноне поднялся на ноги. — Кадайр привел нас в эти края и не покинет.

— А что, если это Карогнис загнал вас сюда? — не обращая внимания на возмущенные возгласы, угрюмо буркнул Керрик, надеясь хотя бы оскорблением заставить их обратиться к разуму. — Мы не сумеем перебить всех ящериц, когда они появятся здесь. Мы не сможем помешать семенам вырасти. Надо уходить до первых смертей!

— Этого не будет, — опять возразил Саноне. — Мургу не пойдут на это — ведь город станет бесполезным. То, что несет смерть нам, опасно и для мургу.

Керрик постарался перекричать одобрительные возгласы.

— Детский лепет! Или вы решили, что мургу выращивают эти лианы и не знают, как их можно уничтожить при необходимости? Когда город вновь окажется в их руках, все смертоносные кусты погибнут.

— Но если они умеют это делать — сумеем и мы.

— Нет, не сумеем. У нас нет знаний, которыми владеют мургу.

Саноне поднял руку, и все умолкли.

— Мы сердимся, мудрость оставляет нас. Мы говорим слова, о которых потом будем жалеть. Быть может, сбудется все, о чем говорил Керрик. Пусть так, но разве есть у нас выбор? Если они могут убить нас здесь, значит, смогут это сделать и в нашей долине, на любом привале в долгом пути. Быть может, Кадайр привел нас в этот город затем, чтобы мы умерли здесь, возможно, такова его воля. Мы не знаем. И нам почти не из чего выбирать. Значит, легче остаться.

Впервые Керрик промолчал: ему нечего было ответить на слова Саноне. Неужели выхода нет? Остаться здесь и умереть... Или бежать далеко-далеко. И встретить там затаившуюся смерть. Не говоря более ни слова, он встал, завернулся в плащ из оленьей кожи и отправился в свою спальню. День был долог, труден, он устал, но заснуть не мог. Лежа во тьме, он искал выход — тропу к спасению, не замеченную никем. Весной придется вызвать Херилака, он вернется вместе с тану. Они нападут на остров, где засели иилане'. Захватят кого-нибудь из ученых, сумеют добиться, чтобы она выдала способ погубить лианы-убийцы. А пока придется убивать ящериц, выкапывать растения. Многое можно сделать... нужно сделать.

...Утро было ясным, солнце грело, свет его рассеял ночные страхи. Керрик чистил апельсин, когда из покрытого листвой бокового прохода появился Саноне. Лицо его страдальчески кривилось, он с трудом волочил ноги. Керрик вскочил, и забытый плод упал на землю.

— Первая... — сказал Саноне. — Как ты говорил, так и началось. Дитя, девчушка, играла возле реки, шип пронзил ее ногу, и она умерла. Мы выкопали копьями растение из земли — оно было всего лишь с мою ладонь — и сожгли его. Но как оно могло попасть сюда, в самую середину города?

— Как угодно. Они могли просто высыпать семена в воду или накормить ими птиц, чтобы они разносили их в своем помете. Они мудры, эти иилане', которые выращивают новое. И когда они делают что-то, то делают хорошо. Предупреди всех, пусть будут осторожны. Или все-таки уйдем?

Саноне словно постарел на его глазах, морщины еще глубже врезались в кожу.

— Не знаю. Сегодня вечером вновь потолкуем. Есть некоторые вещи, которые я могу сделать, чтобы выяснить волю Кадайра. Очень трудно понять, что именно нам следует делать.

Керрик отправился вместе с Саноне поглядеть на обугленные остатки растения, потыкал их палкой.

— Какое маленькое, а шипы словно у взрослого. Нашли еще?

— Мы искали. Пока только это.

— Все должны обмотать ноги кожей. Нельзя прикасаться к неизвестным растениям. Дети постарше должны следить за малышами. И чтобы все держались в одном месте, которое мы будем по утрам тщательно осматривать.

Керрик почувствовал, что голоден, и направился к костру Ненне. Его женщина Матили всегда была рада ему. Она великолепно пекла мясо на угольях, обмазывая его глиной, так что внутри затвердевшей корки оно становилось мягким и сочным. К мясу она подавала на небольших тарелках пасту, сделанную из фруктов, растертых с солью и жгучим перцем, чтобы обмакивать мясо. Это было так вкусно, а теперь он был голоден.

Но, когда он подошел к костру, Матили холодно глянула на него и сделала жест, которого он прежде не видел: ладонь ребром легла на нос между глазами. Он заговорил, но она не ответила и

удалилась в комнату, где они с Ненне спали. Это было непонятно, и Керрик хотел было уйти, когда появился Ненне.

— Надеюсь, ты не голоден, Керрик, — мяса нет, — проговорил он, отворачиваясь, что было на него не похоже.

— Что случилось с Матили? — спросил Керрик. — И почему она сделала так рукой?

Он повторил ее жест. Но, как иилане', он воспринимал жест руки как продолжение движения всего тела, всех конечностей. И, не замечая того, на миг опустил плечи и прикрыл грудь ладонью женским беспомощным жестом, даже расставил ноги, как это делала Матили. Всего этого вихляния телом Ненне не понял, как не понимал многого в Керрике. И все это ему не понравилось, хотя свои чувства он решил держать при себе. Нужно все сказать Керрику, он должен понять.

— Идем, я попытаюсь тебе объяснить.

Они зашли под деревья, чтобы их никто не услышал.

— Виной всему твои вчерашние слова. Ты говорил с мандукто, кричал, и тебя слышали. Матили передали твои слова. Этим жестом глупые женщины отгоняют Карогниса прочь.

Керрик был озадачен.

— Мои слова... Карогнис... не понимаю.

— Карогнис зол, злы мургу, и взгляд его не должен падать на нас, чтобы не стряслась беда.

— Но я-то какое отношение имею к Карогнису?

— Некоторые говорят, что Карогнис разговаривает твоим языком. Твои слова о Кадайре услышали. Не нужно было их говорить.

Керрик посмотрел на мрачное лицо Ненне и понял, что охотник чувствует сейчас то же самое, что и Матили, хотя будет отрицать это. Саску слушали мандукто и понимали их, когда те говорили о живом мире, о том, как Кадайр сотворил его и как познать все в этом мире. В этом они были подобны тану, считавшим живыми не только животных и птиц, но и деревья, и реки... Они знали, кто породил жизнь, и упоминали Ерманпадара с глубочайшим почтением. Керрик всегда забывал об этом, он вырос, не зная строгой веры саску и тану. И попытался объяснить:

— Я говорил в гневе, в страхе. Скажи Матили, что это не я говорил, я вовсе не хотел сказать ничего такого.

— Мне пора.

Ненне повернулся и молча ушел. Теперь было понятно: он верит, как и женщины. Керрик сдержал вспышку гнева: любые

слова, сказанные вслед удалявшемуся, только усугубили бы их размолвку. Но он ненавидел их глупость.

Они же просто устузоу...

Да, но откуда взялась эта мысль иилане', которой не должно было быть? Он ведь и сам устузоу, а вовсе не иилане'.

С этой мыслью он пошел в ханане узнать, как поживают самцы. Он был тану, но в этот миг ощущал себя иилане'.

— Скучно, — сказал Надаске' и добавил жест спать-навеки. — Мы все время здесь, но никто не приходит навестить нас. Только раз ты вывел нас погулять на солнце, и это было удовольствие. Но ты больше не делаешь этого, и нам остается только разговаривать между собой. И уже просто не о чем говорить, ведь дни так однообразны. Прежде ты разговаривал с нами, но теперь дела мешают тебе бывать с нами.

— Но вы же живы, — раздраженно ответил Керрик. — Разве это вас не радует?

Надаске' отвернулся, сделав жесты женственности и недоумения. Керрик улыбнулся — самец намекал, что он груб, как самка. Вот и женщина совсем недавно прогнала его от своего очага. И он еще не ел. Он огляделся. Аппетит у самцов был переменчив, и со вчерашнего дня оставался большой кусок консервированного мяса. Схватив его, Керрик впился в него зубами. Имехеи взвыл.

— Мы умрем здесь под замком, умрем с голода.

— Не будь глупым. — Керрик сделал жесты, изображающие глупость и равенство, и ощутил неловкость — последний из них использовался только среди самок. К тому же эта парочка воспринимала его как доминирующую самку. Он внезапно разозлился: неужели теперь он никому не нужен?

— Вейнте' вернулась, — сказал он. — Они где-то неподалеку.

Самцы загорелись вниманием, стали просить прощения за дурной нрав, заверяли в своей преданности, просили информации. Он побыл некоторое время с ними — общение с ними доставляло ему удовольствие, все-таки между ними было немало общего. С ними он мог беседовать на сложном языке иилане'! И мог не вспоминать о Кадайре, Карогнисе и Ерманпадаре тоже. Здесь он забывал о своих заботах.

Ушел он после полудня и вернулся перед наступлением тьмы. Он прихватил с собой мясо. Все трое с удовольствием поели.

Но за радостью темной тучей стояло грядущее. Вейнте' непо-

далеку, и смерть между ее большими пальцами. Ядовитые лианы будут расти на солнце, маленькие ящерицы побегут, разнося смертоносные семена. Будущее было неизбежно и страшно.

Глава 13

Когда настала весна и потеплело, а зимние бури утихли, к югу от города началась бурная деятельность. Ядовитые колючки все чаще попадались на подступах к городу, но по неизвестным причинам в самом городе их не находили. Похоже было, что иилане́ приготовились к нападению, опробовали эффективность всех предпринятых мер и теперь только дожидались условленного сигнала. Но дни проходили, никаких тревожных признаков не было, и Керрик начал сомневаться в своих опасениях. Не то чтобы он совсем успокоился, просто страхи как бы отодвинулись. Он понимал, что последняя битва непременно когда-нибудь разразится. Где-то там затаилась Вейнте́. И она не остановится, пока не погибнут все тану. Поэтому, не обращая внимания на протесты, Керрик распорядился, чтобы подходы к городу караулили денно и нощно, а вооруженные патрули совершали вылазки к югу и к северу в поисках признаков деятельности иилане́. Керрик всегда возглавлял отряды, отправлявшиеся на юг. Он был уверен — нападение последует именно оттуда, но на берегу они видели только стену ядовитой зелени, медленно выбрасывавшую отростки. Но однажды жарким полднем, возвращаясь из очередной вылазки, он увидел на тропе поджидавшего его Ненне.

— Пришел охотник с севера, пришел тану, он говорит, что будет разговаривать только с тобой. Саноне ходил к нему, но охотник не стал говорить с мандукто. Он твердит, что его слова предназначены для тебя одного.

— Ты знаешь, как его зовут?

— Это саммадар Херилак.

Когда Ненне выговорил это имя, предчувствие холодной волной охватило Керрика. Армун... Что-то случилось с Армун. Для страха еще не было причины, но власть его была так сильна, что руки Керрика затряслись.

— Херилак пришел один? — спросил он, застыв на месте.

— С ним никого нет, но мы заметили, что за городом его ждут другие охотники.

Один, остальные прячутся в лесу. Зачем это? И Армун... Что

случилось с ней? Ненне ждал, отвернувшись, чтобы не видеть, как на манер иилане́ дергается тело Керрика, отражая его эмоции. Сделав усилие, Керрик взял себя в руки.

— Пойдем к нему... побыстрее.

Пыхтя и обливаясь потом от жары, они трусили по городу. Херилак ожидал их посреди амбесида. Он опирался на копье, но, завидев Керрика, выпрямился и заговорил, не дожидаясь, пока тот подойдет:

— Я пришел к тебе с просьбой. Наши стреляющие палки...

— Поговорим о них потом, сперва расскажи об Армун.

— Ее нет со мной, — мрачно ответил Херилак.

— Я вижу, Херилак. С ней все в порядке? А с ребенком?

— Я не знаю об этом.

Предчувствия Керрика оправдались. С ней что-то случилось. Он гневно потряс своим хесотсаном.

— Говори понятнее, саммадар. Ты взял Армун в свой саммад и обещал мне оберегать ее, не так ли? Почему же ты теперь говоришь мне, что не знаешь о них?

— Потому что она сбежала. Одна, хотя я запретил ей это делать и приказал всем не помогать ей. В том, что Армун сделала, виновата только она сама. Впрочем, охотник Ортнар ослушался меня и помог ей. Это было в прошлом году, в это же время. Теперь он в другом саммаде. Я послал следом за ней охотников, но они не сумели найти ее. Теперь поговорим о других делах...

— Мы будем говорить об Армун. Она просила тебя помочь ей, но ты отказал. И теперь говоришь мне, что она сбежала. Куда она отправилась?

— Она ушла на юг... к тебе. Она должна быть здесь.

— Ее нет, она сюда не приходила.

Слова Херилака обдавали Керрика зимним холодом.

— Значит, она погибла в пути. Поговорим о другом.

Глаза Керрика застлал кровавый туман гнева и ненависти, трясущимися руками он поднял хесотсан и прицелился в Херилака, который невозмутимо глядел на него, опершись на копье. Покачав головой, Херилак сказал:

— Если ты убьешь меня, она от этого не оживет. Тану не убивают тану. Есть и другие женщины.

Другие женщины. Два этих слова обескуражили Керрика, и он опустил оружие. Нет для него иной женщины, кроме Армун. А она мертва. И нечего винить Херилака. Виноват только он сам.

Если бы он тогда вернулся, Армун осталась бы в живых. А теперь все. И даже говорить не о чем.

— Ты хотел говорить о стреляющих палках, — проговорил Керрик безжизненным голосом. — Что тебе нужно?

— Они умерли, все до одной. Зимой, от холода. Мы пытались согревать их, но многие погибли еще в первую зиму. А теперь нам приходится идти на охоту в земли мургу — на севере дичи не стало. И нам нужно много стреляющих палок. Они нужны, чтобы саммады выжили. У вас они есть. Ты поделишься?

— У меня их много, мы выращиваем новые. Где же саммады?

— Они с мастодонтами остались на севере, на берегу, и ожидают. Половина охотников охраняет их, половина ждет неподалеку в лесу. Я пришел один. Я подумал, что ты убьешь меня, и не захотел, чтобы они видели, как это случится.

— Ты был прав. Но я не дам тебе палок, чтобы вы охотились на равнине.

— Что? — Херилак гневно потряс копьем. — Ты отказываешь мне... отказываешь саммадам? Ты мог бы взять мою жизнь, если бы захотел. Я бы отдал тебе ее за саммады. Но почему ты отказываешь?

Не владея собой, он замахнулся копьем, и Керрик, холодно улыбаясь, заметил:

— Тану не убивают тану — не замахивайся. — Он подождал, пока Херилак справится с гневом и опустит копье, и заговорил снова: — Я сказал, что палок для охоты на равнинах я вам не дам. Городу угрожает опасность, чтобы защитить его, нужны охотники. Здесь все саску. Однажды они помогли тану, и теперь я прошу тебя в свой черед помочь им. Останьтесь и помогите. Палок хватит на всех.

— Я не могу решать. Есть и другие саммадары. А что скажут сами саммады?

— Веди всех сюда. Пусть решают здесь.

Херилак гневно нахмурился, но выбора не оставалось. Наконец он повернулся и зашагал назад мимо Саноне, даже не взглянув в его сторону.

— Неприятности? — спросил Саноне.

Неприятности... Армун мертва. Керрик просто не мог осознать этого. С трудом он проговорил:

— Сюда идут саммадары тану. Я сказал им, что если тану хотят получить стреляющие палки, то пусть остаются в городе. Они

приведут с собой саммады. Вместе мы сумеем помочь друг другу... Иного пути нет.

...Другого пути действительно не было. Саммадары вели долгие и гневные речи, дымили трубками, передавая их по кругу. Они останутся — куда им деваться. Керрик не участвовал в обсуждении и даже не обращал внимания на сердитые взгляды, которые они устремляли в его сторону, услышав про ультиматум. Какое дело ему до их эмоций! Тану и саску останутся здесь, они уйдут отсюда, только если их прогонят. Наконец ход его тревожных и гневных мыслей нарушил оказавшийся перед ним охотник. Керрик даже не сразу понял, что это Ортнар. Но, узнав его, он жестом пригласил охотника сесть рядом.

— Садись сюда, в тень, и поведай мне об Армун.

— Ты говорил о ней с Херилаком?

— Он сказал, что велел ей оставаться в стойбище и приказал всем не помогать ей. Но ты помог. Почему?

Лицо Ортнара стало печальным. Он заговорил тихим шепотом, опустив голову, длинные волосы закрыли лицо.

— Керрик, все это просто раздирало меня на две части и теперь еще не перестало тревожить. Херилак был моим саммадаром, только мы с ним уцелели из всего саммада, который погубили мургу. Такую привязанность трудно разрушить. И когда Херилак распорядился, чтобы Армун не помогали, я согласился — слова его были справедливы. Долог путь сюда и опасен. Но когда Армун попросила моей помощи, я почувствовал, что права и она. И пока мысли эти спорили во мне, по глупости своей я оказал ей только половину той помощи, в которой она нуждалась. А надо было помочь во всем, надо было проводить ее. Я понял это. А тогда я показал ей дорогу и отдал свою стреляющую палку. Какая же это помощь?

— Другие вовсе не помогли. Ты оказался ее единственным другом, Ортнар.

— Я обо всем рассказал Херилаку. Он ударил меня, и я без памяти провалялся два дня — так мне потом сказали. Вот сюда. — Пальцы Ортнара нащупали шрам на макушке. — Я более не принадлежу к его саммаду. С того времени мы не сказали друг другу ни слова. — Подняв голову, Ортнар не дал ему перебить себя: — Я сказал это, чтобы ты знал обо всем, что случилось. Когда мы пошли на восток, я повсюду искал следы Армун. И ничего не обнаружил — ни обглоданных костей, ни скелетов твоей женщины и твоего сына. Они ушли втроем: Армун, твой сын и мальчишка,

которого она приютила. Но следы должны были остаться. Я расспрашивал всех попадавшихся по пути охотников — их не видел никто. Наконец мне попался охотник, что выменивает каменные ножи на меха, — он торговал на севере с парамутанами. И он говорил, что видел среди них светловолосую женщину тану с двумя детьми.

Керрик вскочил и обнял его за плечи.

— Понимаешь ли ты, что говоришь, понимаешь?

Ортнар улыбнулся и кивнул.

— Знаю. Я пришел на юг, чтобы и ты узнал об этом. А теперь я ухожу на север к парамутанам, чтобы отыскать Армун.

— Нет, не надо.

В одно мгновение все переменилось для Керрика. Он выпрямился, словно огромная тяжесть упала с его плеч. И будущее вдруг протянулось вдаль ясной тропой — словно следы Кадайра, о которых все твердил Саноне. Он поглядел мимо Ортнара, на тропу, уходящую к северу.

— В этом нет нужды — я сам пойду туда. Пусть саммады останутся здесь — город надо защищать. Херилак умеет убивать мургу, и ему не нужны мои наставления. Я отправляюсь на север и разыщу ее.

— Ты пойдешь не один, Керрик. У меня теперь нет саммада. Веди, и я последую за тобой. Два копья сильней одного.

— Ты прав, не хочу тебе возражать, — улыбнулся в ответ Керрик. — Ортнар куда лучший охотник, чем я. Нам придется голодать, если положимся только на мой лук.

— Мы пойдем быстро, чтобы не терять времени на охоту. Если у тебя есть еще мясо мургу, возьми его с собой.

— Его много. Саску предпочитают свежее.

Керрик давно обнаружил большой запас консервированного мяса и носил его самцам в ханане. Что теперь ждет их? Верная смерть? Они заслуживают лучшей участи. Придется подумать и об этом. Придется многое решить.

— Мы уйдем утром, — сказал он, — встретимся здесь, когда рассветет. К этому времени саммадары должны прийти к соглашению, ведь выбора у них нет.

Керрик отправился в ханане, затворил за собой тяжелую дверь и громко крикнул свое имя. По коридору к нему уже торопился Надаске′, цепляясь когтями за плетеный пол, на ходу он делал движения радости и приветствия.

— Дни без числа миновали, одиночество и голод уже терзают нас.

— Ну-ну, не буду спрашивать, что больше вас беспокоит, скука или голод. Скажи мне, где Имехеи? Есть важный разговор. Мне придется покинуть город.

— Покинуть?! — взвизгнул Надаске′, жестами давая понять, что умрет от отчаяния. Тут подоспел Имехеи.

— Я не хочу, чтобы вы умерли, — сказал Керрик. — И не надо подражать глупым фарги, лучше слушайте. Сейчас мы пойдем по городу. Саску не обратят на вас внимания — они уже видели нас втроем, им приказано не трогать вас. Своему мандукто они повинуются куда лучше, чем вы мне. Мы выйдем за пределы города. А потом вы пойдете на юг, пока не увидите остров, о котором я вам говорил. Там вы найдете иилане′ и урукето. Там устузоу вам не будут угрожать.

Переглянувшись, Надаске′ и Имехеи выразили согласие и решимость. Показав жестом, что выражает общее мнение, Надаске′ сказал:

— Мы говорили. Многие часы в одиночестве мы говорили. Мы видели город и в нем устузоу, мы ходили по его улицам, и мы говорили. Как это странно, когда рядом нет самок, только устузоу Керрик, самец и самка одновременно! Очень странно. Мы дивились всему увиденному. И наши глаза были круглыми, как у фарги, только что вышедшей из моря. Ведь мы видели, что устузоу живут в нашем городе, как иилане′. Но самое странное — это самцы устузоу с хесотсанами и самки с детенышами. Мы говорили и говорили об этом.

— Ты много болтаешь, — перебил его Имехеи. — Мы не только говорили, мы решили. Мы решили, что не хотим отправляться на пляжи. Мы решили, что не хотим даже видеть этих больно-царапающихся-грубых-самок иилане′. Мы не хотим на юг. — Они одновременно выразили жестами решимость.

Керрик удивился.

— Я не ожидал такой смелости. Я никогда не видел таких смелых самцов.

— А ты и не мог видеть, ведь всю свою жизнь мы проводим в ханане, — ответил Надаске′. — Но мы ведь тоже иилане′, как и самки.

— И что же вы собираетесь делать?

— Мы останемся с тобой. Не пойдем на юг.

— Но я завтра утром оставлю город. Я иду на север.

— Значит, и мы пойдем на север. Все лучше, чем в ханане и на пляжах.

— Но там холодно, на севере вас ждет верная смерть.

— Она ждет нас и на теплых пляжах. А так мы хоть увидим что-нибудь, кроме стен ханане, прежде чем погибнем.

Глава 14

Керрик мало спал в эту ночь: нужно было многое обдумать. Саммады придут на юг. Об этом уже договорились, и охотники с новыми хесотсанами утром должны будут отправиться за семьями. Если охотники останутся тут, город будет в безопасности... насколько это вообще возможно. Теперь Керрик может обратиться к нему спиной и подумать о собственном саммаде. Он оставил Армун с саммадами, а она сбежала к нему. Он и думать не хотел, что она могла погибнуть: она жива, она на севере, иначе не может быть. Он отыщет ее — Ортнар поможет, — отыщет среди парамутанов. Они найдут Армун и ребенка... Значит, остается только один предмет для заботы. Два самца иилане'.

Почему он так печется о них? Ведь они ничего не значат для него. Неправда, они значили для него многое. Всю свою жизнь они провели в заточении, как он сам когда-то. Пусть его привязывали за шею — он невольно прикоснулся к металлическому кольцу, — а их запирали в ханане. Это одно и то же. И все-таки они решились отправиться в мир, о котором ничего не знали. Они готовы пойти за ним, потому что верят в него. Они хотят жить в его саммаде. При этой мысли он расхохотался в темноте. Ничего себе саммад! Саммадар, не способный попасть в цель стрелой из лука, охотник с дырой в черепе, проломленной прежним саммадаром, женщина, ребенок да два перепуганных марага! Такой саммад воистину может вселить страх в сердца... если только не в сердце самого саммадара.

Но что еще можно сделать с этими несчастными беспомощными созданиями? Оставить их в городе означало обречь на верную смерть. Уж лучше самому убить их, чтобы не мучились. Они не хотят возвращаться к самкам иилане'. Это понятно. Но если они пойдут с ним на север, то погибнут в снегах. Что же делать? Взять их с собой? А что потом?

Он уже придумал, что именно следует предпринять, и чем более размышлял об этом, тем удачнее казалась ему эта идея.

Ортнар ожидал его на амбесиде с оружием, все пожитки охотника были собраны в аккуратный тючок за спиной.

— Выйдем попозже, — сказал Керрик. — Оставь здесь свои вещи, пойдем вместе, я хочу поглядеть, как нам лучше идти на север.

Они отправились к уцелевшей модели окрестностей города. Керрик принялся внимательно разглядывать ее.

— Зачем? — брюзжал Ортнар. — Я знаю путь. Много раз ходил этой дорогой.

— Мы пойдем другим путем, по крайней мере сначала. Скажи мне, Ортнар, будешь ли ты повиноваться моим приказам, даже если они тебе не понравятся, или же отправишься искать себе другой саммад?

— Возможно, когда-нибудь так и будет, ведь охотник повинуется саммадару, если только тот прав. Но не сейчас. Сперва нам надо разыскать Армун и твоего сына. Я знаю, что неправильно поступил, когда отказал ей в помощи. И поэтому я буду следовать за тобой, пока мы не найдем их.

— Твердые слова, и я верю им. Скажи мне, пойдешь ли ты со мною на север, если с нами отправятся два самца мургу?

— Что мне до них? Они и так погибнут в снегах.

— Хорошо. Тогда выйдем после полудня, когда уйдут охотники. Боюсь, как бы напоследок тану не решили потешиться и попробовать свои новые стреляющие палки на этих самцах.

— Я бы и сам был не прочь... если бы ты не был моим саммадаром.

— Охотно верю. Давай прихватим с собой побольше мяса мургу. Если тебя спросят, зачем мы берем на север мургу, отвечай: чтобы несли мясо и не надо было останавливаться для охоты. Скажи им, что мы убьем самцов, когда мясо кончится и они станут не нужны.

— Понимаю тебя, саммадар. Хороший план. Если хочешь, сам убей их, когда настанет время.

Они направились в ханане, где оба иилане' с большим испугом уставились на незнакомого устузоу.

— Будьте самцами, — приказал им Керрик. — Мы отправимся путешествовать вместе, и вы должны привыкнуть друг к другу. Это Ортнар, следующий за мной.

— Но он ужасно пахнет гибелью-дымом, — деликатно пояснил Имехеи.

— А ему кажется, что у вас изо рта дурно пахнет сырым мясом. Но стойте смирно, пока я прилажу вот это.

Ортнар смастерил из кожи тючки для мяса — и иилане́ взвыли от тяжести.

— Молчать! — приказал Керрик. — Или я добавлю еще. Вы подобны еще влажным фарги и никогда в жизни не работали. За пределами ханане столько дел, и вам придется поучаствовать в них. Или же вы предпочтете отправиться на юг... на родильные пляжи?

Недовольные умолкли, хотя Имехеи жестами выражал крайнюю ненависть, когда Керрик, по его мнению, смотрел в сторону. Хорошо. Чуть посердиться вовсе не вредно. Надаске́ повернулся к нише в стене, извлек оттуда металлическую фигурку ненитеска, когда-то сплетенную покойным Алиполом.

— Куда мы, туда и она, — твердо проговорил Надаске́.

Керрик сделал знак согласия.

— Получше заверни и положи в свой тюк. И оставайтесь здесь с этим устузоу, пока я не вернусь, — велел Керрик и, повернувшись к Ортнару, заговорил с ним на марбаке: — Я иду за вещами и оружием. Побудь с ними до моего возвращения.

— С ними? — Ортнар озабоченно потянулся к копью. — У них и зубы, и когти... к тому же их двое, а я один.

— Они боятся тебя куда больше, чем ты их. Побудь с ними без меня какое-то время. Недолго.

— Горе нам, смерть пришла! — застонал Надаске́. — Когда ты выйдешь за дверь, этот устузоу пронзит нас своей палкой. И я пою предсмертную песню...

— Молчать! — приказал Керрик, как могущественнейшая из высших приказывает нижайшей. — Я повторяю тебе то, что сказал ему. Побудьте вместе. Все вы повинуетесь мне. Вы оба — мои фарги. И устузоу тоже моя фарги. Вы будете друг другу эфенселе. Это будет нашим эфенбуру.

Пересказав то же самое Ортнару, Керрик ушел.

Возле ханане его поджидал Саноне.

— Ты покидаешь нас, — сказал саску.

— Я вернусь вместе с Армун.

— Все мы идем путями Кадайра. Ты пойдешь один?

— Ортнар идет со мной. Он хороший охотник и знает все пути. Мы берем с собой мургу, чтобы несли мясо.

— Хорошо. После твоего ухода я не мог бы поручиться за их жизнь. Мы будем ожидать здесь твоего возвращения.

На сборы ушло немного времени — собственно, собирать было нечего. Прочное кольцо всегда было на шее. Оба ножа — и большой, и маленький — висели на груди. На севере ему понадобятся все шкуры, какие есть. И Керрик тщательно упаковал их, привязал к своему тюку и взвалил его на плечи.

Вернувшись в ханане, он обнаружил, что крохотный саммад его не уменьшился; правда, Ортнар жался к одной стене, оба иилане́ — к другой. Увидев Керрика, все трое с облегчением зашевелились.

Весть облетела всех, и поглядеть на странную процессию собрались едва ли не все саску. Не глядя по сторонам, Керрик шел первым, позади ковыляли согнувшиеся под грузом самцы — страх чувствовался в каждом движении их тел. Последним шел Ортнар, на лице которого было написано явное желание оказаться где-нибудь в другом месте.

На плече у него, как и у Керрика, было два хесотсана — на случай, если одно оружие погибнет. Они прошли через весь город к северному выходу, мимо пасущихся ненитесков, кроткими глазами глядевших им вслед. Отойдя довольно далеко от города, Керрик позволил всем передохнуть. Ортнар остановился, а оба самца сразу повалились на землю, извиваясь от усталости и отчаяния.

— Смерть лучше. Лучше родильные пляжи!

— Ханане — дом наш родной...

— Тихо, негодные самцы! — скомандовал Керрик. — Передохните, потом отправимся дальше.

— Почему они так трясутся и стонут? — спросил Ортнар.

— Они как дети. Эти двое никогда не выходили из города, никогда не работали, да и тяжестей не таскали.

— Разве это тяжесть? — презрительно буркнул Ортнар. — Похоже, эти уроды обладают достаточной силой. Пусть поработают, пока еще живы.

— Они — мои друзья. Я не хочу убивать их.

— Тогда за тебя это сделает зима. По-моему, это одно и то же.

— Нет, будет иначе. Помнишь, когда мы разглядывали схему этой земли, большое озеро к северу отсюда?

— Мы зовем его Круглым. Я бывал там.

— Хорошо. Сначала мы пойдем к нему, а ты покажешь дорогу.

Из-за стенающих Надаске́ и Имехеи до озера они добрались

только на третий день. С юга к озеру примыкало болото, но Ортнар знал тропинку в обход.

— Здесь неплохая рыбалка, — сказал Ортнар, — и охота тоже.

— Тем лучше, — ответил Керрик, — мы оставим здесь мургу с запасами мяса, а дальше пойдем одни. Так будет быстрее.

— А мы не убьем их? Почему бы тебе не сделать этого?

— Я не стану убивать их — это мои друзья. Они из моего саммада. И ни разу не просили, чтобы я убил тебя.

Ортнар не унимался:

— Но ты же тану, а это всего лишь грязные мургу. Пожалуйста, я могу убить их сам, чтобы избавить тебя от хлопот.

— В какой-то мере я тоже до сих пор грязный мараг, не забывай этого, Ортнар. Я ведь вырос среди них, и мне они кажутся иными. Забудь ненадолго про свою ненависть. Помоги мне устроить их в безопасном месте, а потом отправимся дальше.

Ортнар глянул в сторону мургу: один из них как раз зевнул, обнажив остроконечные зубы.

— Если ты хочешь этого, саммадар, я помогу тебе. Но скажу честно: я не понимаю тебя и мне не нравятся твои поступки.

— Я благодарен тебе за помощь и больше ничего не прошу. А теперь я скажу им, что мы решили.

Керрику пришлось подождать, пока страдальческие вопли не превратились в стоны отчаяния. Потом он велел самцам замолчать.

— Кто вы, мокрые-из-океана фарги или бесстрашные самцы? Здесь вы можете жить, не зная самок и ханане. Здесь вы будете сильными и независимыми. Мы соорудили для вас укрытие от дождя. И обучим вас ловить рыбу и охотиться. Когда я вернусь с севера, то заберу вас отсюда. Но для этого вам придется постараться остаться в живых. — Оба задрожали от страха. — А вот любая самка смогла бы жить здесь, — ехидно добавил Керрик.

Ортнар нарезал ветвей для шалаша. Иилане' с интересом следили за его действиями.

— И я тоже могу это сделать, — заметил Надаске'. — У устузоу такие неуклюжие руки — всего один большой палец.

— Попробуй, — предложил Керрик, передавая ему свой кремневый нож.

Заметив это движение, Ортнар с опаской отпрыгнул, выставив вперед руку с ножом. Керрик вздохнул.

— Ортнар, будет только лучше, если они сами соорудят для себя укрытие. Думаю, что твоя ловкость нашла бы куда лучшее

применение, если бы ты взял стреляющую палку и добыл нам свежего мяса.

— Хорошо, — согласился Ортнар, с явным удовольствием оставляя их общество.

Надаске' и Имехеи тоже были довольны этим.

— Гневливый-необщительный, — сказал Имехеи. — Я боюсь каменного зуба на его палке.

— Он отправился на охоту добывать для нас мясо. Давайте закончим тем временем эту работу. Возьмите мой каменный зуб и нарежьте еще ветвей, чтобы крыша укрытия была поплотнее. Но сперва я открою вам секрет хесотсана, чтобы вы сумели защищаться и добывать свежее мясо. В озере довольно рыбы и ракушек, их легко поймать, если знать, как это делается.

Керрик закончил инструктаж задолго до возвращения Ортнара. Он понимал, что охотник будет вполне однозначным образом реагировать на оружие в руках иилане'. Поэтому он упрятал хесотсан в глубине шалаша и сейчас давал самцам последние наставления:

— Консервы ешьте, лишь когда не добудете ни мяса, ни рыбы, — надолго их не хватит.

— Боль-в-руках, усталость-тела, — вздохнул Надаске'.

Имехеи согласился с ним, давая об этом знать расцветкой ладоней. Керрик сдержал раздражение.

— Убедительно-требую полного внимания. Вы должны поступать, как я вам велел. Иначе умрете с голоду. Умрете медленной смертью: похудеете, кожа станет свисать складками, зубы раскрошатся, а потом выпадут... — Страдальческие стоны и жесты покорности свидетельствовали, что его слушают с вниманием. — Но этого не случится, если у вас хватит ума, — здесь много дичи. И самое ужасное для вас: если вы не будете соблюдать предосторожность, вас могут заметить самки. — Теперь самцы притихли и глядели на него округлившимися глазами. — Вы знаете, есть такие птицы, которые летают повсюду и приносят самкам картинки. Старайтесь оставаться в укрытии. И следите за всеми крупными птицами. Когда листья на шалаше засохнут, забросайте крышу свежими ветками. Будете поступать, как я велел, вас тут никто не разыщет и не вернет в ханане и на пляжи.

...Керрик с Ортнаром ушли на рассвете, самцы следили за ними круглыми испуганными глазами. Но они сами сделали свой выбор. Керрик дал им все, что мог, снабдил и оружием, и пищей. Оставалось только надеяться, что они научатся охотиться еще до

того, как у них выйдет все консервированное мясо. Кроме того, у них всегда оставалась возможность, которой вовсе не было у тану. Они могли вернуться к своим. Хватит. Он и так сделал для них все, что мог. А теперь пора подумать о себе, о долгом пути, лежащем перед ним. Об Армун, которая ждет не дождется его на дальнем севере.

Озеро и шалаш на берегу скрылись за поворотом тропы.

Глава 15

Efenabbu kakhalabbu hanefensat sathanapte!

Жизнь уравновешивает смерть подобно тому, как море уравновешивает небо. Если убиваешь жизнь — убиваешь себя!

Так говорила Угуненапса

Энге сплела для себя тент из широких пальмовых листьев и привязала его к стволам деревьев, чтобы не попасть ночью под дождь. Здесь, на берегу Энтобана, начиналось время дождей, и почва под деревьями не просыхала. Чтобы не сидеть на влажной земле, Энге соорудила помост из ветвей и теперь восседала на нем, обратившись лицом к солнечной поляне. В воздухе прямо перед ней порхали крупные ярко раскрашенные стрекозы чуть ли не в локоть длиной, но Энге не замечала их. Она вглядывалась в себя, вспоминала слова Угуненапсы, пыталась увидеть многочисленные истины за внешней их простотой. Перед ней в тыквегорлянке стояла вода, принесенная из ближайшего ручья, а также еда, которую подруги добыли в городе. Сейчас, когда она размышляла над словами Угуненапсы, ей и не нужно было больше ничего. Она была так рада этой возможности. Теплый день сменялся новым теплым днем, а она все размышляла и ни о чем не просила.

Она настолько углубилась в себя, что даже не заметила, как из лесу вышли Эфен и Сатсат и пересекли поляну. Только когда их фигуры заслонили от Энге чистое небо, она пришла в себя.

— Вы здесь, — произнесла Энге, приветствуя их большими пальцами.

— Мы принесли тебе свежего мяса, Энге, — сказала Сатсат. — То, что перед тобой, протухло от жары.

Энге опустила один глаз.

— В самом деле. А я и не заметила.

— Не заметила и даже не съела ни кусочка. Твоя плоть умирает, уже все ребра можно пересчитать. Есть — значит, жить.

— Я питалась словами Угуненапсы, приобщалась к жизни, исполненной безграничного великолепия. Но ты права, плоть тоже хочет жить. Расскажите мне о городе — и поедим прохладного скользкого мяса. — Она приготовилась внимательно слушать.

— Как ты и велела, мы смешались с фарги и прошли весь город, чтобы увидеть жизнь Йибейска. Через амбесид протекает ручей, а над ним проложено множество золотых мостиков, фарги так и роятся на амбесиде. Поля возле города богаты животными без счета, в гавани снуют урукето, солнце греет... восхитительный город.

— А что слышно о Дочерях Жизни? Есть ли они в городе?

Эфен осела на хвост с чувством печали и сожаления. Сатсат последовала ее примеру.

— Я сначала говорила о дневном, чтобы скрасить темноту ночи. Дочери живут в этом городе, мы их видели, но не могли с ними поговорить. Они работают в садах за высокой стеной из ядовитых шипов. Каждый день они приносят плоды к выходу, но выйти оттуда не имеют права. Вокруг многочисленная стража. Когда мы спросили, нам ответили, что внутри Дочери Смерти, больше спрашивать не разрешили и велели немедленно уйти. Когда Омал услышала это, она прикоснулась к нашим большим пальцам и велела отнести тебе это известие. Те, кто внутри, должны знать учение Угуненапсы, все истины, которые мы познали. Омал сказала, что ты поймешь; она подошла к стражникам и заговорила с ними, но ее бросили на землю и потом отправили за колючие стены.

Энге поежилась, представив себе творимое во имя жизни насилие, сопровождая мысли знаками глубочайшего понимания.

— Омал — сильнейшая из нас, и будь у меня ее сила, я поступила бы точно так же.

— Это твоя сила, Энге, направляет всех нас. Она понимает твое стремление, знает, что ты придешь. И потому заняла твое место, чтобы ты не попала в заточение. Ты должна быть на свободе, чтобы проповедовать слова Угуненапсы.

— Так я и поступлю, и Омал будет свободна. Расскажи мне об эйстаа.

— Ее все любят и уважают, — сказала Сатсат. — Каждая может обратиться к ней на амбесиде, если есть необходимость.

— Есть необходимость, — повторила Энге, вытирая рот от остатков мяса. — Эти дни здесь, в тишине и покое, я обдумывала слова Угуненапсы и поняла, как они со всей ясностью могут войти в нашу жизнь. Я думала о том, как донести ее учение до каждой иилане′, и ответ оказался невероятно простым. Спрашиваю: почему нас боятся и ненавидят? И отвечаю: потому что верования наши предстают перед иилане′ в искаженном виде, как угроза эйстаа и всей пирамиде власти, нисходящей от нее в город. Эйстаа распоряжается жизнью и смертью. Когда право карать смертью исчезает, ей кажется, что власть ее уменьшается. Поэтому я должна поступить следующим образом. Я буду говорить с эйстаа и поведаю ей правду о словах Угуненапсы. Если она поймет, то станет Дочерью Жизни и обнаружит, что власть ее не уменьшилась и не пошатнулась. Вот что я сделаю.

— Не надо! — в отчаянии воскликнула Эфен. Сатсат вторила ей, сопровождая стоны жестами отчаяния. — Нас мало, а их так много. Тебя отправят в сады, и ты погибнешь там.

Энге сделала успокаивающий жест.

— Это говорит боль-от-временной-разлуки, а не сильная Эфен. Что такое любая из нас по сравнению с правдой Угуненапсы? Я только выполняю свой долг. Следуйте за мной на амбесид, но не обнаруживайте себя. Ждите, наблюдайте, учитесь. Если меня постигнет неудача, вы сможете исправить дело — здесь или в другом городе. А теперь пошли.

И подруги направились вдоль берега, где пролегал кратчайший путь в город. Они с удовольствием наблюдали, как в море резвилась детвора. В одном месте целый эфенбуру высунул головы из воды, глядя на взрослых широко раскрытыми от удивления глазами. Близилась пора выходить им на сушу.

Энге ласково поманила их за собой, но они перепугались и исчезли в волнах. Дальше начинались охраняемые пляжи, и путешественницы остановились на пригорке, часто посещавшемся наблюдательницами. Внизу ленивые самцы нежились на солнце или качались на волнах. Прекрасная и умиротворяющая картина вселяла новые силы.

Амбесид был в точности таким, как его описала Эфен. Чистый ручей пересекал площадь, и многие наклонились к воде, чтобы напиться. В разных местах над водой висели легкие мостики из сверкающего металла, и самый красивый из них высоко

взлетал и опускался к ногам эйстаа, восседавшей на почетном месте. Тело ее было покрыто изящными узорами, а на запястьях, повторяя конструкцию мостиков, змеились витые браслеты из золотой проволоки.

Энге взмахнула рукой, чтобы все отошли, склонилась к ручью, омочила в нем ладонь и стерла пыль с рук и лица. Кожа ее мгновенно высохла на солнце. Высоко подняв голову, она по золотому мосту приблизилась к Саагакель, эйстаа Йибейска, и застыла в выжидательной позе, низшая перед высшей.

— Приветствую тебя в моем городе, — произнесла Саагакель, отмечая силу, которая чувствовалась в прибывшей, и покорность власти эйстаа перед обладающей властью.

Ей это нравилось. Теперь такое можно было увидеть нечасто, даже лучшие ее помощницы использовали формальное обращение нижайшей из низких к высочайшей из высоких.

— Я зовусь Энге, я прибыла из далекой Гендаси, чтобы рассказать тебе обо всем, что там случилось. — Советницы, окружавшие Саагакель, заохали, заметив жесты, означавшие смерть и разрушение. — Разрешаешь ли ты говорить?

— Говори, ибо все они принадлежат к моему эфенбуру и как ближайшие из близких должны знать обо всем. За твоей спиной протекает ручей. Так сделано не случайно. Все могут перейти через него, но остаться здесь можно лишь по моему приказу. Говори открыто, хотя отчаяние твоих жестов гнет меня к земле, точно буря стебель травы.

— Все будет сказано: как Инегбан пришел в Алпеасак, как иилане′ приняли бой с устузоу и как погиб великий город.

Лгать Энге не умела, однако описывала события так, как ей было нужно.

— Так погиб город. Огонь испепелил его; все, кто был в городе, умерли.

— Но ты, Энге, здесь, не так ли? И твои слова не были закончены жестом прекращения речи, значит, ты собираешься продолжать. Но прежде чем ты продолжишь, дай мне отпить из водяного плода, я чувствую этот огонь в моем горле. Однажды, когда я была еще молода, мне случилось коснуться огня. Погляди.

Саагакель подняла правую руку, и собравшиеся загудели при виде белых рубцов на месте одного из больших пальцев. Пока она пила, свита забросала Энге вопросами:

— Все погибли?

— Города больше нет?

— Устузоу владеют огнем, говорят, и убивают?

Саагакель потребовала молчания. Отложив плод в сторону, она велела Энге продолжать. И все с ужасом слушали ее слова.

— Я сказала тебе, что Вейнте′ была моей эфенселе, и обо всех событиях я знаю потому, что сама учила говорить этого устузоу. Я не учила создание ненависти, но оно ненавидит Вейнте′ с не меньшей силой, чем она его. Он жив, уцелела и Вейнте′ — в числе немногих спасшихся на урукето. Ведь когда город умер, с ним погибли те, кого пощадило пламя, — ибо разве может иилане′ жить, когда погиб ее город? — Потрясенные советницы отозвались одобрительным ропотом, но Саагакель сидела неподвижно и молчала. — Вейнте′ осталась жива, потому что она была эйстаа, а эйстаа — это город. Я тоже выжила.

В отличие от советниц, Саагакель поняла ее.

— Скажи мне, Энге, почему выжила ты, или хочешь, чтобы я сделала это за тебя?

— Как тебе угодно, эйстаа. Ты есть город.

— Действительно так. Ты не умерла потому, что ты Дочь Смерти.

— Дочь Жизни, эйстаа, ведь я жива.

Они говорили, стараясь движениями не выдавать эмоций. Советницы остолбенели от неожиданности.

— Слыхала ли ты о наших фруктовых садах? — Энге сделала утвердительный жест. — Хорошо. Есть ли какие-нибудь причины, которые смогут помешать мне немедленно отослать тебя в это место?

— Сколько угодно, эйстаа. Я знаю о Гендаси больше, чем кто-нибудь в Энтобане. Я знаю повадки тамошних устузоу и могу разговаривать с ними через своего ученика. Он пощадил меня и спас от остальных устузоу.

— Да, все это интересно. Но все же не настолько, чтобы не отослать тебя в сады, — разве ты не согласна?

— Я согласна. Но есть одна причина, по которой ты не должна посылать меня туда. Я знаю жизнь, знаю смерть и выжила, когда умерли остальные. Этим знанием должна обладать и ты, эйстаа, и я могу научить тебя. Ты властна над жизнью всякой иилане′ на амбесиде и можешь приказать умереть даже своей эфенселе. Прикажи только — и они умрут. Но это лишь половина всех знаний, которыми ты должна обладать. Жизнь уравновешивает смерть, как море уравновешивает небо. Я могу научить тебя силе жизни.

Энге умолкла и замерла в ожидании, не обращая внимания на рассерженный ропот советниц, как и сама Саагакель. Она молча глядела на Энге, ничем не выдавая своих мыслей.

— Всем замолчать! — приказала Саагакель. — Я решила. Твои слова достаточно интересны, но они и опасны. Ты сама сказала: существование Дочерей Смерти угрожает власти эйстаа. Поэтому нам, эйстаа, не из чего выбирать. — Жестом она подозвала к себе двух советниц. — Схватите смелую иилане′, свяжите и отведите в сад. Пусть в моем городе не распространяется эта зараза.

Глава 16

В тело Энге впились сильные пальцы — ее схватили, поставили на колени, одна из свиты эйстаа поспешила за путами. Саагакель с достоинством уселась, за спиной ее раздавались возбужденные голоса. Прозвучал приказ всем расступиться, послышался крик боли — кому-то наступили на ногу. Сквозь толпу протиснулась иилане′ и застыла перед Энге, глядя на нее сверху вниз.

— Я Амбаласи, — хрипловатым голосом сказала она.

Теперь Энге видела на ее лице морщины, край побледневшего гребня разлохматился от старости. Повернувшись лицом к эйстаа, она в знак великого неодобрения провела когтями ноги по полу.

— В этом нет мудрости, Саагакель. Энге говорит толковые вещи, она может научить многому.

— В речах ее чересчур много толкового, мудрая Амбаласи, чтобы разрешить ей на свободе заражать всех этим ядом. Я уважаю твои великие познания в науке, но здесь речь идет о политике, а в ней я буду руководствоваться лишь своими соображениями.

— Не закрывай свой разум, эйстаа. Учение Дочерей прямо связано с нашей биологической сущностью и имеет отношение к нашему существованию.

— А что тебе известно об их учении? — удивилась Саагакель.

— Довольно многое. Я разговаривала с Дочерьми. Случайно они обнаружили связь тела с разумом, имевшую колоссальную важность для биологии старения и долгожительства. И поэтому я покорно прошу, чтобы арестантка Энге была передана в мое распоряжение для изучения в целях науки. Разрешишь ли ты это?

Хотя все выражения были вежливыми, произнесены они были лишь с внешней формальностью, граничившей с оскорблением, поскольку в обращении к эйстаа ощущались негативные нотки и превосходство во всем, что имеет отношение к науке.

Взревев от гнева, Саагакель вскочила на ноги.

— Оскорбление из оскорблений! Да еще на моем собственном амбесиде! Я всегда уважала твои великие познания, Амбаласи, уважаю их и по сей день, как и почтенный твой возраст. Поэтому я не приказываю тебе немедленно умереть, а просто изгоняю тебя с амбесида, с глаз моих, и ты вернешься сюда, когда я захочу этого. А лучше — оставь мой город. Ты всегда говорила, что собираешься уходить, все строила планы. Так уходи же подальше, мне надоело слышать об этом! Что ж, пора поступать сообразно словам... Исполняй же свои угрозы!

— Я не угрожаю. Я уйду, как и хотела. А заодно избавлю тебя от обузы и возьму Энге с собой.

Саагакель тряслась от ярости, в гневе прищелкивая большими пальцами.

— Сейчас же удались от лица моего и не возвращайся. Уходи из города — и не испытывай более моей кротости.

— Ты кротка, как эпетрук, разинувший пасть на добычу. Раз ты считаешь абсолютную власть жизненно важным условием собственного существования, почему бы не опробовать силу ее? Изгони меня из города, прикажи умереть. Интересный получится опыт...

Голос Амбаласи утонул в яростном реве. Саагакель сорвалась с места и застыла над мучительницей с раскрытым ртом и расставленными большими пальцами. Старая ученая стояла, не выказывая испуга, а лишь короткими жестами требуя уважения к возрасту и к науке — в вопросительной манере.

Саагакель вновь нечленораздельно заревела, брызгая слюной и дрожа всем телом. Наконец она справилась с собою и рухнула на трон. Окружающие потрясенно застыли вокруг нее в молчании, вдали топотали донельзя перепуганные фарги, торопливо уносящие ноги с амбесида. Трое или четверо уже лежали неподвижно на песке — возможно, они были мертвы, — так велик был гнев эйстаа.

Когда наконец Саагакель заговорила, первым жестом она приказала убрать виновных с глаз долой.

— Не желаю их более видеть. Обеих в сады — и немедленно! — Прислужницы с готовностью вцепились в Энге и Амбаласи

и повлекли их прочь с амбесида. Там, где эйстаа уже не могла видеть их, конвой пошел медленнее — день был жарок, — не выпуская при этом рук арестанток. Энге было о чем подумать, и она молчала, пока их наконец не втолкнули за тяжелую дверь. Когда ее заперли за ними, она обернулась к Амбаласи и жестами выразила свою благодарность.

— Ты всем рисковала, сильная Амбаласи, и я благодарю тебя.

— Я не рисковала ничем. Саагакель не может убить меня словами и не посмеет напасть на меня.

— Да, так оно и вышло. Но я вижу, что ты намеренно разгневала ее, чтобы попасть в тюрьму.

Амбаласи жестом выразила одновременно удовольствие и усмешку, обнажив желтеющие от старости зубы.

— Ты мне нравишься, Энге. Я ценю твое общество. Ты права. Я хотела посетить этот сад, твое прибытие просто на несколько дней поторопило события. В этом городе царит великая скука, здесь нет новых идей, и я удивляюсь, зачем вообще явилась сюда. Наверное, из-за тех возможностей, которые представляют здешние лаборатории. Я бы давно ушла отсюда, но тут она начала арестовывать Дочерей Отчаяния.

— Дочерей Жизни, прошу прощения.

— Жизни, смерти, отчаяния — какая разница. Для меня они Дочери Отчаяния, потому что я уже отчаялась продвинуться дальше в своей работе. Довольно давно, когда стены этой тюрьмы едва высадили, меня отправили инспектировать состояние работ. Мне удалось тогда поговорить кое с кем из Дочерей, но их интеллект поверг меня в тоску. Они напомнили мне онетсенсастов, поедающих листья одного только вида деревьев. И, нырнув один раз в темные глубины этой мрачной философии, они с восторгом останутся там навеки и даже не шевельнутся. Ты не такая, Энге, ведь ты и сама это знаешь.

— Скажи, что я должна делать, и я попытаюсь помочь. Итак, я приветствую тебя как Дочь Жизни.

— Не надо. Я не принадлежу к вам.

Энге была озадачена.

— Но ты говорила, что не рисковала ничем, если бы эйстаа приказала тебе умереть. Значит, ты должна верить...

— Нет, я не верю. Я знаю. А это другое дело. Я принадлежу к числу ученых, а не верующих. Чувствуешь разницу? Или подобное не может уложиться в ваши воззрения?

— Меня это не смущает ни в малейшей степени, — ответила

Энге с жестом радости-от-мыслей. — Напротив. Я вижу в этом испытание моей храбрости и веры в слова Угуненапсы и готова долго беседовать с тобой обо всем.

— И я тоже. Приветствую тебя в плодовых садах Йибейска, приветствую. А теперь я спрошу тебя. Если освободить тебя со всеми Дочерьми, всех до единой, отправитесь ли вы со мной в город, где вам будут рады? Где вы будете жить на свободе, где вас никто не станет угнетать.

— Мудрая Амбаласи, мы не хотим ничего иного. Мы мечтаем только об этом, и, если ты сумеешь нам помочь, все мы охотно станем твоими фарги.

— Это возможно. Но, прежде чем оказать вам помощь, я потребую от тебя кое-чего. Подумай, прежде чем ответить мне. Когда вы будете на свободе, я потребую от вас покорно отдаться мне для исследований. Я хочу понять сущность этого явления, а струнный нож моих мыслей наносит глубокие раны. — Энге жестом выразила боязнь боли, Амбаласи отрицательно махнула. — Ты не поняла. Я использую мысль, острую, словно струнный нож, им я рассеку вашу философию, чтобы понять, как она действует.

— Я буду рада этому. Я и сама хочу понять нашу природу, а потому охотно приму твою помощь.

— Более чем помощь, Энге. Я могу копнуть так глубоко, что подрою все корни дерева твоих знаний и выворочу его наружу.

— Если это случится, значит, дерево было мертвым и мне останется только приветствовать это. Я открою тебе все, до последней подробности.

Амбаласи тронула Энге за руку в знак величайшего удовольствия.

— Тогда решено. А теперь мне следует позаботиться о нашем общем исходе. Поскольку я давно уже решила оставить этот город, то уже приказала помощницам принять все необходимые меры. Через день, самое большое через два все будет готово.

Энге жестом выразила полное непонимание и попросила прощения за это.

— Поймешь, когда придет время. А пока следует кое-что сделать. Среди Дочерей есть одна, с которой мне хотелось бы поговорить. Ее зовут Шакасас<.

— Ты ошибаешься, — ответила Энге. — Шакасас<, быстрое и неуловимое движение, имя, которым мы не пользуемся. Такие имена принадлежат к тому миру, где мы жили до обращения.

В знак принятия мудрости Угуненапсы мы принимаем новые имена.

— Я знаю об этом. Однако сомневаюсь, что ваши обращенные забыли свою жизнь до обращения. Позови ее этим именем, и я буду разговаривать с ней так, как она сама захочет.

Энге почтительно повиновалась и обернулась, чтобы отдать распоряжение. Товарки, молчаливым кольцом окружившие их, расступились, и вперед шагнула Омал и поприветствовала ее.

— За той, чье присутствие необходимо, уже послали. Но я рада видеть тебя, жаль, что в тюрьме.

— Забудь о горестях. Эта бесконечно мудрая иилане́ может принести нам спасение. А теперь я хочу видеть сестер и узнать каждую.

Пока они приветствовали друг друга, Амбаласи стояла в сторонке и ждала с невозмутимым спокойствием, пока перед нею не остановилась иилане́, уважительными жестами потребовавшая внимания.

— Ты и есть Шакасас<? — спросила Амбаласи.

— Я была ею, пока не уверовала. И счастье, которое я обнаружила в словах Угуненапсы, позволяет мне зваться Элем. Что ты хочешь от меня, Амбаласи?

— Ответь мне на один вопрос. Я слыхала, что когда-то ты была в экипаже урукето. Верно?

— Это была моя радость, когда я стала иилане́. Так возник мой интерес к воздушным и морским течениям. Тайны навигации стали предметом моего изучения и привели к познанию слов Угуненапсы.

— Удовлетворительное объяснение. Теперь скажи мне, кто вами руководит?

— Угуненапса, ведь ее пример...

— Довольно! Я имею в виду вашу работу в этих презренных садах. Кто отдает вам распоряжения?

— Никто, все мы равны.

Амбаласи грубо приказала ей умолкнуть, царапнув когтями ноги по земле.

— Молчи! Ваша Угуненапса и так много наворотила. Есть ли хоть кто-то, кто стоит выше тебя в этой иерархии отупения? Видишь Энге? Может ли она распоряжаться тобой?

— Конечно. Я столько слыхала о ней и ее мудрости, что охотно выполню ее распоряжения.

— Ну наконец. Поняла. Теперь мы втроем будем говорить.

А потом ты останешься возле меня и будешь исполнять мои приказы. Считай, что тебе так велела Энге.

Элем с радостью согласилась, и Амбаласи быстро отпустила ее, прежде чем та вновь обратилась к Угуненапсе.

Островок возле берега Гендаси к югу от Алпеасака был невелик, на нем были лишь временные сооружения, пригодные как укрытия от дождя. Только проходные комнаты, в которых работала Укхереб, являли некоторые признаки постоянства. Едва эйстаа Ланефенуу покинула урукето, перенесший ее через океан, она сразу же направилась сюда. Пояснения эйстаа слушала с явной скукой и нетерпением — ее интересовали только результаты работы, а не подробности. Лишь масиндуу привлек ее внимание.

— Очень интересно, — сказала Ланефенуу. — Ты должна вырастить для меня такого же, чтобы можно было взять его в Икхалменетс. Я еще не видела ничего подобного.

— По очень простой причине, эйстаа, — не скрывая гордости, отвечала Акотолп, — раньше таких не было. Нам с Укхереб потребовалось поработать над дальнейшим усовершенствованием созданных нами ранее растений. Но с ними почти невозможно иметь дело — такие они ядовитые. И поэтому нам потребовались способности увеличивать, которыми обладает сандуу. Тебе известно это существо?

— Нет, — будто гордясь незнанием, ответила Ланефенуу. — У меня слишком много дел, чтобы тратить драгоценное время на ваших грязных тварей.

— Именно так, эйстаа, — согласилась Акотолп. — Грязное дело эта наука. Предлагаю пояснения. Сандуу увеличивает объекты, для глаза они становятся больше в две сотни раз — это важный научный инструмент. Однако с ним может работать только одна иилане′, а мы с Укхереб работали вместе. Поэтому мы и придумали этого масиндуу, которого можно назвать проекционным сандуу. Мы применяем его в микрохирургии, но теперь просто показываем с его помощью свои достижения, не подвергая твое досточтимое тело опасностям.

— Досточтимое тело благодарно за хлопоты. Что это мы видим сейчас?

Акотолп повернула один глаз к ярко освещенному изображению на стене. Солнечный свет, падавший в глазок масиндуу, усиливаясь, создавал яркое изображение.

— Это диатомеи, эйстаа, крошечные существа, живущие в морской воде. Мы пользуемся ими для настройки масиндуу. Цвета создаются поляризационным фильтром...

Акотолп умолкла — Ланефенуу жестом выразила скуку от излишних научных подробностей.

В комнате стало светло — вошла Укхереб, а следом за нею фарги с подносом, полным картинок.

— Все готово, эйстаа, — сказала она, жестом отсылая оставившую поднос фарги. — Вот последние отпечатки, они продемонстрируют тебе беспримерный успех наших трудов, предпринятых по твоему слову.

— Начинайте, — скомандовала Ланефенуу.

Изображение диатомеи сменилось прибрежным ландшафтом. Море лизало белый песок, за пляжем зеленела стена джунглей. Укхереб меняла изображения в масиндуу, и казалось, что берег подступал все ближе.

— Вот берег Гендаси к югу от города Алпеасака. Это место мы выбрали потому, что могли действовать скрытно. Почва и температура здесь такие же, как и в городе, так что растения растут в естественных условиях.

— А почему не в самом городе? — спросила Ланефенуу.

— Его захватили устузоу, — ответила вошедшая Вейнте′. — Я была там. Город сгорел не весь, но эти паразиты так и кишат в нем.

— Их ждет смерть, Вейнте′, — сказала Ланефенуу. — Я приказала тебе явиться, потому что эти искусные ученые должны показать сейчас, чего они достигли моим именем. Ты делала это — гляди со мною.

Вейнте′ выразила удовольствие и благодарность и уселась на хвост возле эйстаа, приказавшей ученым продолжать.

Изображения зеленых кустов становились крупнее, наконец стали отчетливо видны повисшие на шипах трупы животных.

— Мутировавшие кустарники и лианы, — пояснила Акотолп, — растут среди широколиственных растений. Их плотные листья содержат много воды и защищают всю изгородь от огня. До сих пор работа была несложной, подобные стены охраняют многие города. Но эту изгородь мы выращиваем ради семян и для этого создали это существо.

Весь экран заняло яркое изображение пестрой ящерицы. Акотолп подошла поближе, чтобы указать на ряды бородавок на спине ящерицы.

— Эти пузыри образуются, когда ящерица достигает зрелости, потом они лопаются и вырастают заново. Взгляните на толстую шкуру и слой слизи, защищающий животное от ядовитых колючек. Идеальная конструкция.

— Необходимо пояснение, — бросила Ланефенуу.

— Масса извинений, эйстаа. Дополняю. Только что показанные нами ядовитые растения предназначены для того, чтобы выгнать устузоу из города. Были рассмотрены различные варианты их распространения, но предпочтение мы отдали этому. Лопаясь, пузыри выбрасывают из себя семена ядовитых растений. Они растут, и ящерицы живут под их защитой — там, где не выживет никто из животных. Так, без каких-либо усилий с нашей стороны, не подвергая опасности жизнь даже одной иилане', город сам прогонит пришельцев. Это произойдет не вдруг, но так будет, и своей участи устузоу не избежать, как не отвратить им прилив. Растения займут город, выгонят устузоу, и завтрашнее завтра станет подобным вчерашнему вчера.

— Великолепно. — *Ланефенуу жестами выразила удовлетворение и радость.* — Но как сами иилане' будут жить в этом городе смерти?

— Как обычно. Мы уже подготовили паразитов и вирусы, которые уничтожат ящерицу и растительность, ничего более не трогая.

— Великолепный план. Почему же он еще не пущен в ход?

— Мы решали небольшую проблему, — ответила Акотолп. — Выводили паразитирующего червя, в теле которого закапсулированы семена. Червь поражает ящерицу, вызывает появление пузырей, в которых и переносятся семена. Яйца же червей, также зараженные семенами, передаются через испражнения ящериц...

Она умолкла, подчиняясь жесту эйстаа.

— Добрая Акотолп, я знаю, что подобные вопросы неотразимо привлекают тебя как иилане' науки. Но для меня они отвратительны и скучны. Ограничивай дальнейшее изложение описанием достигнутого.

— Все готово, эйстаа, — сказала Вейнте', отворяя дверь и указывая на солнечный свет. — Как только Акотолп и Укхереб доложили о своих успехах, я сразу же послала за тобой. Пока ты путешествовала сюда, мы вырастили не одно поколение ящериц — они здесь, в вольере, я покажу тебе. Все готово и ждет лишь твоей команды.

— Прекрасно. Тогда я скажу свое слово. Пусть избавится Алпеасак от паразитов и отстроится заново, чтобы Икхалменетс ушел в Алпеасак прежде, чем холодные ветры придут в Икхалменетс! Начинайте!

— Начинаем, эйстаа, — отозвалась Вейнте'.

«Начинаем, но окончим не здесь, — добавила она про себя, не шевелясь, чтобы никто не мог прочесть ее мыслей. — Город будет очищен, он вновь станет городом иилане'. А когда это свершится, я попрошу кое-что для себя. Я попрошу у эйстаа разрешения воспользоваться этими ящерицами, чтобы очистить всю землю от устузоу. Я найду их... я погублю их. И устузоу Керрику придет конец».

Глава 17

Саагакель раздувалась от гнева, отвисшие щеки тряслись от ярости. Амбесид был пуст и безмолвен — слышно было даже легкое журчание воды под мостиками, все бежали при первых признаках гнева, *оставив в одиночестве несчастную вестницу.* Одинокая беспомощная фарги покорно скрючилась перед эйстаа. Сохраняя молчание, Саагакель пыталась овладеть своими эмоциями: бесхитростное создание не было виновато в принесенных вестях и не заслуживало смерти. Саагакель считала, что правит справедливо, а смерть неопытного создания была бы неоправданна. Но она могла бы убить ее одним своим словом. И, зная это, эйстаа позволила себе наслаждаться собственной силой: она с удовольствием откинулась на спинку теплого сиденья, любуясь сооружениями собственного города, окружавшими амбесид. И заговорила отчетливо и строго:

— Встань, молодая, обратись лицом к своей эйстаа и знай, что будешь жить долго, служа эйстаа и своему городу.

Фарги перестала трястись и поглядела на эйстаа влажными от обожания глазами, изображая всем телом готовность к исполнению любой команды. Саагакель приняла все как должное и проговорила уже мягче:

— Повтори еще раз то, что тебе наказали. Тебе не причинят вреда — эйстаа обещает.

Тело фарги застыло — она пыталась в точности припомнить слова.

— От той, что смиренно служит высочайшей Саагакель, эйстаа Йибейска. — Побежали цвета глубокой грусти. — Уже два дня, как болезнь поразила рощи, где паслись окхалаксы, и многие

лежат неподвижно, некоторые уже мертвы. Чтобы спасти живых, нужна помощь.

Случайностью это не могло быть. Глаза Саагакель так и полыхали гневом, но тело застыло без малейшего движения. Фарги умолкла и замерла в ожидании. Это не могло быть случайностью. Несколько лет назад та же болезнь распространилась среди здешних оххалаксов, но Амбаласи тогда справилась с ней. И сейчас, всего через несколько дней после заточения Амбаласи, болезнь возвратилась.

— Передай мое желание-присутствия тем, кто сидит возле меня. Иди через эти ворота — ты найдешь их там.

И они вернулись, сотрясаясь от страха при виде застывшего в смертельной угрозе тела. Их испуганный вид обрадовал Саагакель — неплохо было напомнить даже высочайшим, что власть ее абсолютна. И когда первая из приближенных с опаской стала в выжидательную позу, хорошее настроение возвратилось.

— Меня известили, что оххалаксы гибнут в огромных количествах, а вы, как, впрочем, и все, знаете, что это мое любимое мясо. На их трупах я вижу тень Амбаласи. Остуку, сейчас же отправляйся в сады, да побыстрее, — ты растолстела, прогулка пойдет тебе на пользу, — и приведи сюда Амбаласи. Это мой приказ.

При ужасной мысли, что впредь ей, может, и не доведется попробовать мяса оххалакса, Саагакель ощутила острый приступ голода — и послала за куском мяса. Пища появилась почти мгновенно, и эйстаа с наслаждением впилась в нее зубами.

Она еще обгрызала кость, когда на амбесиде появилась небольшая процессия. Впереди шла Остуку, сзади две крепкие фарги, между ними, опираясь на широкое плечо спутницы, медленно шествовала Амбаласи.

— Я приказала привести сюда одну Амбаласи, — произнесла Саагакель. — Удалите эту.

— Тогда и меня тоже, — с раздражением бросила Амбаласи. — Ты ссылаешь меня во влажные сады — в моем ли возрасте спать на земле? Ночами там так сыро и прохладно, что теперь я не могу ходить сама. Пусть эта сильная останется — я не могу идти без нее.

Сделав жест, означавший, что дальнейшее препирательство она считает ниже своего достоинства, Саагакель подчеркнула особенную важность последовавших слов:

— Оххалаксы гибнут в рощах. Что тебе известно об этом?

— Они ложатся и замирают? Если так, это легочная болезнь, занесенная из джунглей.

— Но ты же вылечила их давным-давно. Как болезнь могла снова начаться?

— В лесу несчетное множество троп...

— Ты заразила их?

— Ты, наверное, хотела бы этого, — двусмысленно ответила Амбаласи и, прежде чем Саагакель успела потребовать пояснений, продолжила: — Но, каким бы путем ни проникла болезнь на поля, только я могу вылечить ее. Хочешь ли ты этого?

— Так и будет, я приказываю тебе.

— Я повинуюсь твоему желанию, а не приказу. Взамен я прошу освободить меня из мокрых садов, меня и ту-на-которую-я-опираюсь. Когда я почувствую, что ноги мои стали такими, как прежде, ты сможешь отослать ее обратно в сады.

«И тебя вместе с нею, старая дура», — не шевеля ни единым членом, подумала Саагакель.

— Немедленно приступай, — скомандовала она, отворачиваясь с жестами неприязни и неудовольствия.

Амбаласи раздраженными движениями отослала стражу и заковыляла назад, опираясь на плечо Элем. Она молчала, пока они шли по городу. Наконец у них за спиной захлопнулись двери собственной лаборатории Амбаласи. Тогда она выпрямилась и непринужденно отправилась во внутренние помещения. На стене, вцепившись когтями, висел гулаватсан, присосавшийся к лиане. Амбаласи сильно надавила на нервный узел в середине его спины, создание обратило к ней невидящие глаза — с губ его стекала вода — и пронзительно вскрикнуло. Ошеломленная Элем отступила. Амбаласи, одобрительно кивая, ждала появления помощниц.

— Ты, — приказала она первой прибывшей, — возьми вакцину для оххалаксов из холодного шкафа и отправляйся к больным животным. А ты, Сетессеи, проводишь эту иилане́ туда, где работают с картами.

— Мне запрещено туда входить, — сказала Элем.

— Только эйстаа в этом городе обладает более высоким рангом, чем я, — ласково проговорила Амбаласи, — поэтому в городе мне повинуются. Сетессеи отведет тебя туда и будет говорить от моего лица. Ты вернешься с навигационными картами. Приказ ясен?

Пока Элем согласно жестикулировала, Амбаласи торопливо

отдавала распоряжения помощницам. Следовало сделать многое, а времени было мало. Она могла успеть лишь потому, что уже год готовилась к этому дню. Энге поторопила события, да и сама она постаралась прогневать эйстаа... Неважно. Ей давно уже надоел скучный город, и она готова покинуть его. Наступают интересные времена.

Амбаласи боялась лишь того, что эйстаа успела отменить свое распоряжение, предоставляющее ей право пользоваться урукето. Но приказ был отдан давным-давно — тогда плавали вверх по реке за дикими животными. О нем уже все забыли. А когда вспомнят, будет слишком поздно.

— Экипаж подчинился, — сообщила вернувшаяся Сетессеи, — все оборудование погружено на борт. Решила ли ты, что будет с твоими помощницами?

— Решила. Все останутся здесь.

— Следует ли мне остаться с ними? Я была твоей фарги и первой помощницей. Мне тоже остаться?

— А ты хочешь?

— Нет. Я хочу по-прежнему служить одаренной великим гением Амбаласи. Этот город неинтересен мне.

— Хорошо сказано, верная Сетессеи. И ты уйдешь со мной, даже если наше будущее полностью неизвестно?

— Я — твоя фарги, — ответила Сетессеи, добавляя жесты, означавшие верность и силу.

— Хорошо сказано. Ты отправишься со мной. Пригляди за погрузкой остальных моих вещей.

Когда возвратилась Элем с картами, Амбаласи отослала их на урукето с какими-то тюками. А потом приказала навигатору следовать за ней.

— Возьми два больших плаща — хватит с меня ночевок на мокрой земле. Все остаются здесь, но ты пойдешь со мной. — Путь привел их к саду под открытым небом. Одним глазом Амбаласи взглянула в сторону заходящего солнца. — Быстрее, у нас осталось очень мало времени.

Раскрыв рот от натуги, Элем торопилась следом за Амбаласи, кроме плащей, она тащила какой-то тяжелый цилиндр. Когда они наконец остановились, голова Элем кружилась от жары. Она хрипло дышала, пытаясь перевести дух.

— Иди в тень деревьев и оставайся там, пока не остынешь, — приказала Амбаласи, забирая у Элем цилиндр. — Я сама сделаю все, что следует, — с делом нужно покончить до темноты.

Элем, ничего не понимая, смотрела, как Амбаласи открутила конец цилиндра, из которого немедленно вырвалась струя жидкости. Держа цилиндр на вытянутых руках, она принялась увлажнять барьер лиан и растений, протянувшихся между деревьями. Элем еще не была в этой части города, а посему не знала, что здешние деревья были частью тех стен, которые окружали сады, где томились в заточении. Когда Амбаласи выбросила пустой цилиндр и медленно пошла в сгущающихся сумерках обратно, Элем уже отдышалась и даже набросила плащ. Амбаласи взяла второй, расстелила его на земле и со знаками великого неудовольствия растянулась на нем.

— В последний раз в жизни я буду спать на земле. Нам надо встать с первым светом, прежде чем проснется город.

Свои слова она подкрепила жестами, означавшими предельную серьезность и крайнюю спешность. Элем сделала знак понимания, закрыла глаза и уснула...

Элем разбудили птичьи крики, и она поняла, что скоро рассвет. Она получше закуталась в теплый плащ и стала глядеть вверх — на небо. Когда пятна между сучьями посветлели, она поднялась и почтительно обратилась к старой ученой:

— Свет... приказы... время...

Темнота мешала понять ее, но голос возымел желанный эффект. Амбаласи поднялась и, оставив на земле плащ, подошла к живой изгороди. Было достаточно светло, чтобы видеть — там, где она поливала вчера стену, листья скрючились и побурели. Выразив жестом удовольствие от содеянного, она протянула руку и переломила толстую лиану. Та рассыпалась в пыль прямо в руках.

— Вперед, — приказала она Элем, — закрой ноздри, опусти на глаза мембраны и сделай отверстие в стене.

Элем принялась размахивать руками, и ее с ног до головы окутало облако белой пыли, из которого то и дело вылетали обломки ветвей. Она мгновенно проделала брешь в толстой стене и обнаружила за ней двух Дочерей Жизни, вопросительно глядевших на нее и удивленных чудесным появлением.

— Не пяльтесь, как фарги, — приказала подошедшая Амбаласи. — Будите всех и отправляйте сюда. Пусть все приходят быстро и абсолютно молча.

В полумраке стали появляться Дочери, Амбаласи указывала им на брешь. Первой из подошедших она приказала караулить и проследить, чтобы никто не остался, а самой уходить последней.

Амбаласи повернулась и направилась через пробуждающийся город, Дочери безмолвной чередой последовали за нею. Немногие иилане′, повстречавшиеся им на пути, не проявляли даже признаков интереса. Только вечно любопытные фарги, как всегда, увязались следом в надежде увидеть и узнать что-нибудь новое. Солнце уже поднялось над горизонтом, когда Амбаласи остановила процессию за круглыми складами у края воды и приказала прислать к ней Энге.

— Иди рядом и молчи, — ответила она на вопрос Энге и, выйдя из тени, направилась к ближайшему урукето с высоким плавником. Наверху появилась иилане′ из экипажа и уставилась на них, щурясь от утреннего солнца.

— Передай мой приказ капитану немедленно предстать передо мной.

Иилане′ исчезла, и через несколько мгновений капитан спустилась вниз и перескочила со спины мягко раскачивающегося на волнах урукето на неровный деревянный причал.

— Приказу повиноваться немедленно, — с жестом поспешности проговорила Амбаласи. — Иди к эйстаа.

Сделав знак подчинения, капитан поспешила прочь. Когда она исчезла из виду, Амбаласи обратилась к любопытствующим членам экипажа, высунувшим головы из плавника:

— А ну, все на причал! Мы будем грузиться, не путайтесь под ногами! — Потом она повернулась к Энге и проговорила: — А теперь пусть все быстро идут сюда. Только без фарги — для них места не хватит. Когда эйстаа поговорит с капитаном, она сразу же заподозрит неладное. Нужно поторопиться.

Дочери торопливо грузились в урукето, а не отличавшаяся терпением Амбаласи расхаживала по причалу. Любопытным членам экипажа она жестом велела отойти, потом поманила к себе Энге и Элем.

— Отплываем сразу же, как погрузятся все. Без экипажа. Элем, ты будешь командовать, раз служила на урукето. — Последовавшие было возражения она пресекла повелительным жестом. — Я видела, что делают капитаны. Для этого не требуется особых знаний. Обучишь остальных тому, что им следует знать.

— Рискованно, — проговорила Энге.

— У нас нет выхода. Они не должны отыскать нас. Нам не нужно свидетельниц, которые могут вернуться сюда и сообщить эйстаа, где мы находимся.

— А куда мы поплывем?

Амбаласи промолчала, сделав жест окончания разговора. Когда урукето отошел от причала и вслед за резвым энтиисенатом вышел в реку, возмущенные члены экипажа забегали по причалу, недоуменно крича в испуге. Увидев, как плавник урукето стал быстро удаляться в волнах, они разразились горестными стенаниями.

Когда появились запыхавшиеся посланницы эйстаа, оставшиеся молча глядели на стаю естекелов, которые ловили рыбу в устье. На вопросы невразумительно бормотали и делали отрицательные жесты.

В море было пусто. Урукето исчез.

Глава 18

Mer sensta!

Мы погибаем!
Боевой клич тану

Они неустанно продвигались на север, и Керрика переполняла радость, ему хотелось кричать, но он знал, что охотник в лесу должен быть безмолвным. Шаг за шагом он уходил все дальше от города, от груза ответственности за него.

Он сделал все, что мог, и пусть теперь другие спасают город. Это больше не его забота. Широкая спина Ортнара, покрытая потом, размеренно двигалась перед ним. Над головой охотника звенели москиты, и он отмахивался от них свободной рукой. Внезапно Керрик почувствовал, как сильно он к нему привязался: ведь они столько испытали вместе с тех пор, как Ортнар убил прикованную к Керрику Инлену. Тогда ему хотелось убить Ортнара. Но теперь между ними существовала связь, которую нельзя было нарушить. Она была такой же реальной, как окружавший их лес. Они шли и шли на север, и город со всеми его проблемами оставался все дальше позади. К ночи Керрик очень устал и думал только об отдыхе, но не хотел первым проявлять слабость. И, когда они добрались до заросшей травой поляны возле ручья, первым остановился Ортнар. Он показал на серый пепел старого кострища.

— Хорошее место для ночевки.

Слова марбака, обычная для тану мысль. Здесь Керрику не

нужно было разговаривать на языке иилане′ или на сесеке, стараясь понять витиеватые высказывания мандукто. Не было ничего, кроме неба и леса. А там, в конце пути, его ждет Армун. Он был бы рад сбросить с себя груз, который раньше не замечал. Ему было двадцать четыре года, он столько прошел дорог, столько разных миров видел за последние шестнадцать лет, в плену у иилане′. И этой ночью он спал спокойнее и глубже, чем за все последние годы.

Когда он утром проснулся, над ручьем висела легкая дымка. Коснувшись его плеча, Ортнар приложил палец к губам, потом поднял хесотсан и прицелился. Небольшой олень, зашедший по колено в воду, тревожно дернул головой и рухнул, едва в его шею вонзилась игла.

После консервов мургу свежее мясо показалось необычайно вкусным, и они наелись досыта, пока на углях запекалось и подвяливалось оставшееся мясо.

— Расскажи мне о парамутанах, — проговорил Керрик с набитым ртом. — Я знаю только их название и то, что они живут на севере.

— Я однажды видел парамутана; он пришел торговать с нашим саммадом. Все лицо его было покрыто шерстью — не бородой, как у нас с тобой, а как у долгозуба. Он был невысок — только чуть выше меня, а я был тогда еще мал. Я слыхал, что они живут на берегу моря, далеко на севере, там, где лед никогда не тает. Они ловят рыбу в море, у них есть лодки.

— А как мы найдем их? У них ведь тоже, наверное, много саммадов?

Ортнар погладил щеки в знак того, что не знает.

— Не знаю. Мне не говорили об этом. Но я слушал, как они разговаривают, — ведь они слишком глупы, чтобы понимать марбак. Охотник из нашего саммада знал несколько их слов — он и разговаривал с парамутаном. Я думаю, что нам надо добраться до северных берегов и там искать следы Армун.

— Но пока мы доберемся туда, начнется зима.

— Там всегда зима. У нас есть шкуры, добудем мяса. Если мы не сойдем с этой тропы, мы встретим идущие на юг саммады. Они дадут нам эккотац. Вот так.

— И сушеных хардальтов — наверняка у саммадов они есть.

...Прошло много дней, прежде чем влажный ветер сквозь струи дождя донес до них запах дымка. Идя на запах, они вышли на луг, посреди которого за пеленой дождя чернели шатры саммада Сорли. Они прошли мимо трубящих мастодонтов... Досыта наевшись и выспавшись в сухом шатре, утром направились дальше. Более тану им не попадались.

Они шли на север, и лето сменялось осенью. Сухие листья падали на тропу, и у подстреленного Керриком кролика — с каждым днем он все увереннее чувствовал себя с луком в руках — уже пробивался белый пух.

— Очень ранняя зима, — озабоченно покачал головой Ортнар.

— Зимы нынче ранние. Но мы с тобой должны спешить на север.

Небо стало серым, и охотники уже чуяли в воздухе снег, когда добрались до становища возле реки. Керрик узнал это место сразу, едва поднялся на прибрежный откос. Валявшиеся кое-где клочья перегнивших шкур да обломки костей отмечали теперь место, где погиб саммад его отца. Здесь, среди костей Амагаста, Херилак нашел нож из небесного металла, который теперь висел на шее Керрика. Керрик прикоснулся к ножу. Тогда, давным-давно, иилане′ вышли из океана и погубили весь его саммад. Это случилось так давно, что он уже почти не помнил, как это было. Теперь саммад его на севере — там, где Армун, туда лежит и его дорога. Он обернулся на зов Ортнара, и они пошли по берегу реки.

День уже клонился к вечеру, когда они обнаружили на берегу сухое дерево, способное выдержать их обоих; оно было не очень большим, и им удалось вытащить его из подлеска. Они трудились весь вечер и закончили уже затемно.

Наутро, крякая от холода, охотники полезли в ледяную воду. Привязав оружие и мешки к торчавшим корням, охотники оттолкнули ствол от берега и уцепились за него, подгоняя неуклюжее дерево в быстром течении. Перебравшись на другой берег, оба тану буквально посинели, и зубы их выбивали непрерывную дробь. Пока Керрик вытаскивал на берег пожитки, Ортнар развел высокий костер. Они недолго сидели возле него — обсохли сами и просушили одежду. Потом они напялили еще влажные шкуры и вновь пошли на север. Быстрая ходьба не даст замерзнуть... Медлить нельзя — первые хлопья снега уже кружились среди деревьев.

Дни стали короче, и они вставали до рассвета и долго шли в бледном свете звезд, прежде чем небо начинало розоветь. Они были сильными и выносливыми. Но страх закрался в их сердца.

— Мяса осталось немного, — сказал как-то Ортнар. — Что будем делать, когда оно кончится?

— Найдем парамутанов...

— А если нет?

Они молча переглянулись — ответ на этот вопрос был известен обоим, но произносить его вслух не хотелось. Подбросив сухих веток в огонь, они придвинулись поближе к костру, наслаждаясь теплом.

Густой лес подходил прямо к берегу. Невдалеке от воды высились огромные ели. Временами им приходилось углубляться на сушу, когда отлогие песчаные берега сменялись высокими утесами, у подножия которых грохотал прибой. Лес был безмолвным и неподвижным. В глубоком снегу было трудно идти. Выходя на берег, они всякий раз внимательно вглядывались в даль, пытаясь заметить признаки поселения парамутанов. Но пусто и безлюдно было в море и на берегах его.

Еда почти кончилась, когда разразился буран. Охотникам ничего не оставалось, как идти против северного ветра в поисках какого-нибудь укрытия. Они промерзли до костей, прежде чем у подножия утеса им удалось обнаружить неглубокую пещерку рядом с песчаным откосом.

— Туда! — крикнул Керрик, преодолевая рев ветра. Темный вход в пещеру был едва заметен в снежном вихре. — Заберемся туда и укроемся от ветра.

— Нам нужны дрова, и немало. Давай спрячем вещи и сходим за дровами.

Вход наполовину закрывал сугроб. Оступаясь и падая, они разметали его и забрались в пещеру. Без ветра в ней казалось тепло, несмотря на то что изо рта валил пар.

— Нельзя лежать, пошли, — вставая, сказал Ортнар и вытолкнул Керрика на мороз.

Непослушными руками они ломали и рубили ножами нижние ветви. Ортнар выронил каменный нож, и они потратили много времени на поиски его в сугробах. Из последних сил они приволокли охапки хвороста — пришлось ограничиться этим, второй вылазки они бы не осилили. Керрик нащупал шкатулку с огненными камнями, но онемевшие от холода пальцы не слушались.

Он согрел руки на теле под шкурами, и ему удалось разжечь огонь; они развели пламя пожарче и улеглись рядом, глотая дым и ощущая, как тепло возвращает жизнь продрогшим телам. Уже

стемнело, вовсю выл ветер, заметая вход снегом. Время от времени его приходилось отбрасывать, чтобы выходил дым.

— А мы не первые здесь, — сказал Керрик, указывая на нависающий скальный потолок, где углем были нанесены очертания большого оленя.

— По крайней мере они не сложили здесь своих костей, — буркнул Ортнар, ковыряя ногой землю возле костра.

— Что-то будет с нами... — задумчиво проговорил Керрик.

Вместо ответа Ортнар взял свой мешок и вытряхнул из него остатки еды.

— Вот все, что у нас есть. В твоем мешке не больше. Слишком мало, чтобы вернуться.

— Значит, надо идти вперед. Мы разыщем парамутанов. Они не могут быть далеко. Они где-то рядом.

— Мы пойдем, когда прекратится метель.

По очереди они выходили за хворостом, оставшийся следил за очагом. Стемнело быстро, и Ортнар едва нашел вход в пещеру со своей охапкой. Резко похолодало, и ему пришлось растирать снегом белые пятна на щеках. Друзья молчали, потому что время для бесед миновало.

Метель не утихала столько дней, сколько пальцев на руке у охотника, включая большой. Выходили только за дровами, растапливали снег и пили горячую воду. Голод уже начал терзать их желудки, но охотники берегли оставшиеся крохи.

Наконец настал день, когда метель начала утихать. Ветра почти не было, и снег как будто редел.

— Кончается... — с надеждой проговорил Керрик.

— Не уверен.

Они вылезли из пещеры. Медленно кружили снежинки, ненадолго просветлело, и они увидели, как на галечный берег набегают тяжелые волны, темные с белыми гребнями.

— Смотри! — крикнул Керрик. — Там что-то мелькнуло... какая-то лодка! Маши руками, скорее!

Они добежали до края воды и стали подпрыгивать среди хлопьев пены, крича охрипшими голосами. Высокая волна подкинула лодку вверх, и Керрику показалось, что он заметил в ней какие-то фигуры. Потом волны вновь скрыли неясные фигуры из виду. Лодку уносило на север.

Наконец она исчезла среди огромных волн и более не появлялась.

Промокшие и разочарованные, вернулись друзья в пещеру. Снова начавшаяся метель едва не скрыла от них вход в нее.

На следующий день они доели последнее. Керрик слизывал с пальцев последние прогорклые крохи, когда поймал на себе взгляд Ортнара. Керрик хотел что-то сказать, но промолчал.

Что он мог сказать?

Закутавшись в шкуры, Ортнар отвернулся.

А снаружи выла метель, ветер стонал в утесах. И земля под ними содрогалась от могучих ударов валов о берег.

Настала ночь, а с нею пришло и отчаяние, великое и безграничное.

Глава 19

За стенами паукарута завывала метель, яростный ветер нес снег по вечным льдам. Ничто живое не могло стать на пути у пурги, ничто не шевелилось на заметенных снегом просторах... только снег, только ветер. Он взмывал над окруженными снежными стенами паукарутами. Поземка, похожая на белую бороду, вилась возле хижины. Над мерзлой пустыней царили только тьма и смерть.

Внутри паукарута желтым огоньком светилась масляная лампа, освещая черную шкуру уларуаква, поддерживающие ее белые ребра, смеющиеся лица парамутанов. Они макали куски тухлого мяса в открытый пузырь с жиром, кормили детей и то и дело разражались хохотом, когда те размазывали по лицу сало.

Армун было приятно их общество, и даже постоянное внимание Калалеква, вечно пытавшегося ее обнять, как только она оказывалась рядом, не докучало ей. Они были другими, не такими, как она, вот и все. Они делили внимание женщин между собой, и никто не обращал на это внимания. Только посмеивались. Но темперамент Армун был не таким, как у них. И она не могла так же бурно радоваться.

Но она улыбалась их шуткам и не забеспокоилась, когда Харл присоединился к смеющимся. Они расступились, давая ему место, — некоторые, как обычно, трогали его светлые волосы, это развлечение никак не могло надоесть им. Между собой они звали тану эрквигдлитами — сказочными людьми. Сами для себя они были ангурпиаквы — истинные, настоящие люди. Армун понимала их разговор, ведь в паукарутах она проводила уже вторую зиму. Когда парамутаны приняли их, она была рада, что осталась

в живых; она очень ослабела тогда, совсем исхудала и все беспокоилась, как Арнхвит будет себя чувствовать в этом странном месте. Все здесь было совершенно иным: еда, язык, образ жизни. Время шло очень быстро, и она сумела приспособиться, поэтому вторая зима нагрянула прежде, чем она успела осознать ее приближение.

Третьей зимы она здесь не проведет — Армун это знала. Весной она постарается объяснить им, что ей нужно уйти. Силы вернулись к ней, мальчики отъелись. Надо уходить, ведь Керрик наверняка уже узнал от саммадов об их бегстве. И он решит, что они погибли. Темная мысль стерла улыбку с ее лица. Керрик! Она должна идти к нему на юг, в то странное место, где жили мургу и которое сожгли охотники, в далекие неведомые края...

— Алуторагдлакв, алуторагдлаквокв! — произнес Арнхвит, теребя ее за колено.

Сильный мальчишка, он уже встретил свое третье лето; он взволнованно тараторил, показывая неровные еще зубы. Она улыбнулась и стерла с его лица остатки жира.

— Что ты хочешь? — спросила она на марбаке.

Она поняла его, но не хотела, чтобы сын разговаривал только по-парамутански. И так уже они общались с Харлом лишь на языке их хозяев.

— Хочу оленя! Моего оленя!

Заливаясь смехом, он барабанил по ее колену маленькими твердыми кулачками. Армун покопалась в груде мехов и отыскала игрушку. Она сделала ее из кусочка оленьей кожи, прикрепив вместо рогов изогнутые косточки. Схватив ее, он со смехом убежал.

— Ешь больше, — произнесла Ангаджоркакв, усаживаясь рядом и протягивая к ее рту пригоршню белого жира.

В тепле паукарута она сбросила почти всю одежду, обнажив покрытые шерстью груди. Армун пальцем зацепила немного жира и отправила в рот. Ангаджоркакв горестно зацокала языком.

— Жила-была женщина, которая не хотела есть наловленную рыбу, — начала она. У Ангаджоркакв на все находилась сказка и присказка, в каждом даже пустяковом событии она видела смысл. — Рыба была очень большой и толстой, она смотрела на нее, поблескивая чешуей, и ничего не понимала. «Скажи мне, — спросила рыбина, — почему ты не хочешь меня есть? В глубинах моря я услыхала заклинания рыбака и схватила крючок с яркой нажив-

кой. Я проглотила наживку, как и положено рыбе, а ты не хочешь есть меня. Почему?» Когда женщина услышала это, она рассердилась и сказала, что не рыбе учить ее, а есть или не есть — ее собственное дело. Но рыбий дух услышал ее речи и разгневался еще больше, он поднялся из темных глубин океана, где обитал, и направился к поверхности моря. Он плыл быстро-быстро. И он проломил лед, а потом открыл рот и проглотил паукарут со всеми шкурами, и ребенка, и масляную лампу, и женщину тоже. Вот что бывает с теми, кто отказывается есть. Ешь!

Армун слизнула жир с пальца.

— Когда окончится буря и вернется солнце, когда станет тепло, мы с мальчиками уйдем...

Громко взвизгнув, Ангаджоркакв выронила пузырь и, зажав уши, принялась раскачиваться из стороны в сторону. Услышав шум, Калалекв поднял расширившиеся от изумления глаза, потом поднялся на ноги и отправился посмотреть, что вызвало такой переполох. От жары он сбросил с себя всю одежду, и гладкая бурая шерсть его лоснилась в свете масляной лампы. До сих пор Армун не могла привыкнуть к тому, что все парамутаны покрыты шерстью с ног до головы. Зажав хвост между ног, Калалекв благопристойно прикрывал его пушистым кончиком признаки пола.

— Ангаджоркакв издала звук великой печали, — проговорил он, подавая женщине кость, которую принес с собой. — Вот посмотри, я сделаю из нее свисток, на нем будет уларуакв, и звуки будут выходить у него изо рта.

Ангаджоркакв оттолкнула его руку, не желая слишком быстро расставаться со скорбью.

— Сейчас зима, сейчас темно, но волосы эрквигдлитки словно солнце освещают паукарут. Мы едим, и смеемся, и нам тепло. А теперь... — она застонала, раскачиваясь из стороны в сторону... — теперь Армун уйдет, и светлые мальчики с ней — вокруг станет темно.

Калалекв открыл от изумления рот.

— Но они не могут уйти, — проговорил он. — Когда задувает метель, смерть, разинув пасть, караулит возле паукарута. Тот, кто ушел из паукарута, ушел к ней в зубы. Они не уйдут, и нечего плакать.

— Весной, — проговорила Армун, — мы уйдем весной.

— Видишь, — отвечал Калалекв, поглаживая Ангаджоркакв

по шерстке, чтобы успокоить. — Видишь, они остаются. Лучше съешь чего-нибудь. Они остаются.

Парамутаны жили только сегодняшним днем, наступление каждого нового утра было для них удивительным праздником. Армун молчала, ведь она уже решилась. Они уйдут, как только достаточно потеплеет. Она вылизала пальцы дочиста. Надо есть, чтобы хватило сил на дорогу. Ведь придется идти далеко на юг.

Ночью метель прекратилась, и, когда утром Калалекв раздвинул шкуры на дымовом отверстии, внутрь хижины проник тоненький луч солнца. Все обрадованно заголосили и принялись разыскивать в кучах шкур свою одежду, разражаясь хохотом, если под руку попадались чужие вещи. Пурга продержала их взаперти невесть сколько дней, и дети повизгивали от нетерпения. Крепко держа извивающегося Арнхвита, Армун натягивала на него нижнюю одежду с мехом внутри. Сверху надевались более толстые шкуры, потом капюшон, теплые сапоги, рукавицы — все, что помогало выжить здесь, на крайнем севере.

Калалекв ползком, пыхтя, пробивался наружу сквозь снег, навалившийся у окончания выходного тоннеля. Вход осветился, потом потемнел, пока Калалекв выбирался, — и наконец внутрь хлынул яркий свет. Внутри опять начался смех, все подталкивали друг друга к выходу.

Армун сначала отпустила мальчиков и последовала за ними. Выбравшись наружу, она прикрыла глаза ладонью. После сырого тепла паукарута, запахов мочи и тухлого мяса свежий воздух был восхитительным.

Вокруг белыми холмиками были разбросаны паукаруты. Из них на солнечный свет выползали парамутаны, криками и смехом приветствуя друг друга. Огромной бледно-голубой чашей накрывало их небо, по которому нетерпеливо ползли редкие облака, за краем льдов оно тонуло в темной синеве океана. Лодки возле края воды были завалены снегом.

Кто-то тревожно крикнул, показывая рукой:

— Там в море уларуакв!

— Не может быть!

— Это не уларуакв, это одна из наших лодок!

— Значит, это Ниумак, только его лодка еще не вернулась. Но он должен быть мертв: мы спели смертную песню и ему, и всем, кто был с ним.

— Поторопились! — расхохотался Калалекв. — Они одурачили нас на этот раз. Теперь они нам это припомнят.

Харл со всеми бежал к приближавшейся лодке. Арнхвит отстал, споткнулся и негодующе завопил, упав в снег. Армун подхватила его и вытерла слезы — ревел он в основном от обиды.

Общими силами лодку быстро извлекли из воды и уложили вверх дном рядом с остальными. Арнхвит стоял, держа Армун за руку; он успокоился и с интересом смотрел на вернувшихся. Ниумак отправился к жилищам, все заторопились следом, стараясь прикоснуться к его одежде, чтобы удача, сохранившая жизнь четверым охотникам, перешла и к остальным людям в стойбище. Это же надо — выжить в такую пургу! Все четверо устало опустились на снег, жадно припав к поднесенным чашам и вынесенным отборным кускам мяса. Когда прибывшие стали удовлетворенно поглаживать животы, начались вопросы. Ниумак поднял вверх ладони, требуя молчания, и умолкли даже малые дети.

— Вот что случилось, — проговорил он, и все придвинулись ближе, чтобы лучше слышать. — Мы уже видели здешние льды, когда начался буран. Мы уже представляли себе наши паукаруты, тепло их, еду и играющих детей, чувствовали запах их шерсти и готовы были вылизать малышей языком... но начался буран и унес нас отсюда.

Он сделал паузу и поднял руку. Слушатели немедленно разразились горестными воплями, мгновенно прекратившимися, едва он уронил руку вниз.

— Мы не могли добраться до льда и паукарутов, мы могли только спасаться в лодке, но не могли выйти на берег, потому что там всюду скалы, как всем известно. А потом ветер переменился, и нас снова вынесло в открытое море, тогда мы сами спели свою смертную песню.

Тут слушатели вновь горестно застонали, и повествование долго еще продолжалось подобным образом. Никто не перебивал — всем хотелось знать подробности. Но усталый Ниумак начал замерзать, и наконец история завершилась.

— В последний день шторм стал слабее, и нас принесло к берегу, но волны были еще слишком высоки, и мы не стали высаживаться. А теперь узнайте странную вещь. Там, на берегу, есть пещера, именуемая Оленьей, потому что на своде ее нарисован олень. Из нее выскочили двое наших братьев и стали махать руками. Но ветер гнал нас назад. Мы хотели присоединиться к ним, переждать непогоду в теплой пещере, но не смогли. Кто они? Все ли наши здесь? Все ли лодки вернулись? Есть ли поблизости другие парамутаны? Обычно такого не бывает зимой. А потом мы

приплыли сюда, и вы увидели нас, и вот мы здесь, и теперь я отдохну.

Армун остолбенела, она смотрела вперед и ничего не видела. Она знала, кто был в этой пещере на берегу, знала... Словно кто-то нашептывал ей: «Керрик». Только он мог оказаться здесь с другим охотником. Только он. У нее не было ни малейшего сомнения. Она знала это, знала, и слова Ниумака только подтвердили то, что она понимала и так. Наконец-то он пришел за ней. Он узнал, что ее нужно искать на севере. А теперь она должна идти навстречу ему.

Наконец оцепенение оставило ее, и она обернулась.

— Калалекв! — закричала она. — Мы должны немедленно отправиться к этой пещере. Я знаю, кто там. Это мой охотник. Это Керрик.

Калалекв открыл в изумлении рот. Эрквигдлитка часто удивляла его. Но он и не подумал усомниться. Встав, он вспомнил слова Ниумака.

— Хорошо, что твой охотник здесь, что он в безопасности и тепле... так говорил Ниумак.

— Это не так, — сердитым голосом сказала она. — Он не парамутан и не может быть здесь в безопасности. Он же тану, он пришел в эти края, он нес с собой пищу и был застигнут пургой. Надо идти на помощь.

Когда смысл ее слов дошел до Калалеква, тот крикнул:

— Лодка, моя лодка! Спускаем лодку на воду!

Армун обернулась и увидела, что Ангаджоркакв смотрит на нее округлившимися глазами.

— Будь добра, — сказала Армун, — пригляди за Арнхвитом, пока я не вернусь. Сделаешь это?

— Тебе не надо плыть, — неуверенным голосом ответила Ангаджоркакв.

— Я должна.

Когда она добралась до края льда, лодка была уже на воде и в нее укладывали припасы. Рядом с Калалеквом суетились еще четыре парамутана, уже разбиравшие весла, не дожидаясь окончания приготовлений. Она спрыгнула в лодку, и легкий ветер с севера понес их в море.

Они гребли до вечера. Отвесные скалы, обрывавшиеся в воду, не позволяли даже думать о высадке. Они подошли поближе к каменной стене и уцепились за камень веревкой с тяжелым грузом на конце, чтобы лодку никуда не отнесло за ночь. Потом переку-

сили тухлым мясом, заедая его снегом, который им дали в дорогу. Парамутаны хлопотали вокруг Армун, гладили ее, старались утешить. Она не отвечала — лишь молча глядела на берег. Только на рассвете ей удалось уснуть. Когда она проснулась, мужчины уже гребли.

Заснеженные берега ничего не говорили Армун. Но парамутаны время от времени указывали друг другу на невидимые ориентиры и разражались радостными криками. Наконец с возгласами всеобщего согласия они направили лодку к покрытому галькой берегу. Когда волна бросила их на гальку, двое мгновенно выпрыгнули и по грудь в ледяной воде поволокли лодку в сторону суши. Армун спрыгнула с носа, споткнулась, вскочила и понеслась в сторону лесистых холмов. Длинные ноги стремительно несли ее вперед, но пришлось остановиться и оглядеть нетронутый снег.

— Туда, — указал ей Калалекв, спотыкаясь и оступаясь в снежных наносах. Никто больше не смеялся — до самых деревьев на снегу не было ни единого следа.

Они принялись копать, разбрасывая снег во все стороны. Появилась дыра, ее стали расширять. Армун отчаянно копала вместе со всеми и первой вползла в прокопанное отверстие.

Впереди под грудой шкур...

Она осторожно отвела обледенелые заскорузлые шкуры...

Серое лицо Керрика было покрыто инеем. Сорвав рукавицу, она протянула руку, затаив дыхание от страха.

Осторожно прикоснулась к коже... Холодная.

Он мертв.

Она закричала. Вдруг веки его затрепетали, и глаза приоткрылись.

Она не опоздала.

Глава 20

Заснеженные просторы севера для парамутана что дом родной. Они умеют жить и выживать среди снега и льда, знают, как возвращать к жизни замерзающих и обмороженных. Озабоченно перекрикиваясь, они оттеснили Армун в сторонку. Пока Калалекв распахивал шкуры над Керриком и срывал с него одежду, двое парамутанов торопливо раздевались, складывая еще теплую одежду на оледеневшую землю. Замерзшее тело Керрика осторожно уложили на нее, и нагие охотники прильнули к нему своими телами. Остальные завалили их сверху шкурами.

— Какой холод — сейчас я и сам замерзну, придется петь смертную песню! — выкрикнул Калалекв.

Все расхохотались, хорошее настроение вернулось к ним, когда оказалось, что охотники живы.

— Иди за дровами, разводи огонь, топи снег. Их надо согреть и напоить.

С Ортнаром поступили таким же образом. Армун поняла, что может помочь, только отправившись за дровами. Он жив! Солнце согревало ее лицо, грело душу — Керрик жив и в безопасности, они снова вместе. Ломая ветки, она поклялась, что никогда более не оставит его. Слишком долго они были в разлуке. Невидимая веревка, соединявшая их, так натянулась... едва не разорвалась. Это не должно повториться, она больше не допустит такого. Где он — там и она. Никто и ничто не сможет их разделить. Она навалилась всем телом на толстую ветвь. Гнев и радость переполняли ее. Больше такого не случится!

Развели костер, в пещере стало тепло. Калалекв склонился над бесчувственным Керриком. Растирая его конечности, он довольно кивал.

— Очень хорошо. Смотри, какое белое тело! Только лицо поморозил — видишь темные пятна? Кожа сойдет, и все. А вот второй плох.

Он сбросил шкуры с ног Ортнара. Все пальцы на его левой ноге почернели.

— Придется отрезать, пока он без сознания и не почувствует.

Не приходя в сознание, Ортнар громко застонал, и Армун старалась не вслушиваться в хрустящие звуки за спиною. Лоб Керрика стал теплым, на нем выступила испарина. Она прикоснулась к нему кончиками пальцев — и веки вновь задрожали. Керрик открыл глаза и снова закрыл. Обняв за плечи, она приподняла его и поднесла к губам кожаную чашечку с водой.

— Пей, пожалуйста, пей, — попросила она.

Керрик глотнул и откинулся назад.

— Пусть они будут в тепле, их надо покормить, чтобы набрались сил, прежде чем их можно будет везти в стойбище, — произнес Калалекв. — Мы оставим мясо, которое привезли в лодке, попробуем наловить рыбы. Вернемся к вечеру.

Парамутаны оставили целую кучу дров. Она поддерживала огонь, подбрасывая хворост. После полудня, отвернувшись от

костра, она вдруг увидела, что глаза Керрика открыты и губы безмолвно шевелятся, словно он пытается заговорить. Прикоснувшись губами к его руке, она погладила его по лицу.

— Говорить буду я. Ты жив, и Ортнар тоже. Я вовремя отыскала тебя. С тобой все будет в порядке. Здесь еда и питье — выпей.

Она помогла ему привстать и держала, пока он пил, кашляя от сухости в горле. Потом уложила и, прижавшись к нему всем телом, зашептала ему в ухо:

— Я дала себе клятву. Я поклялась, что не позволю тебе впредь оставлять меня. Где ты, там и я. Так должно быть.

— Так... должно быть, — хриплым голосом отозвался он.

Глаза Керрика закрылись, и он вновь уснул: трудно быстро вернуться к жизни, если побывал рядом со смертью. Рядом пошевелился Ортнар, она дала попить и ему.

Парамутаны вернулись уже в темноте.

— Погляди-ка, какую крохотную рыбешку я принес, — проговорил Калалекв, пробираясь в пещеру с огромной уродливой рыбиной, покрытой пластинами; во рту ее торчали острые зубы. — Она даст им силу. Пусть поедят.

— Но они без сознания...

— Долго, нехорошо. Им нужно мясо. Я покажу.

Двое парамутанов посадили Ортнара, а Калалекв мягко тронул голову охотника, щипнул его щеки, что-то шепнул на ухо и громко хлопнул в ладоши. Глаза охотника приоткрылись, и он застонал — все обрадованно завопили. Один из парамутанов держал охотника за челюсть, а Калалекв отхватывал от рыбины куски мяса и выжимал из них сок в рот охотника. Тот давился, кашлял, но глотал, что встречалось радостными воплями. Когда он почти пришел в себя, парамутаны стали подносить куски сырой рыбы к его губам.

— Скажи ему на своем языке, чтоб эрквигдлит понял: надо есть. Жевать, жевать.

Керрика она покормила сама; она не хотела, чтобы это делали парамутаны, словно своим прикосновением она могла поделиться с ним силой.

Ортнар был готов к путешествию только через два дня. Он до крови закусил губу, когда с его ног срезали почерневшее мясо.

— Но мы живы, — подбодрил его Керрик, когда мучения закончились.

— Я, во всяком случае, не полностью, — задыхаясь, выговорил Ортнар. Капли пота выступили у него на лбу. — Но мы нашли их — или они нас, — и это главное.

Спускаясь к лодке, Керрик опирался на руку Армун; Ортнара несли на сделанных из сучьев носилках. Ему было слишком больно, и он ничего не замечал. Но Керрик жадно разглядывал все вокруг.

— Из шкур сделали... Легкая, прочная. И весла какие! Эти парамутаны умеют строить не хуже саску.

— А кое-что и лучше, — проговорила Армун, обрадованная его реакцией. — Погляди... Как по-твоему, что это такое?

Она подала ему длинную, покрытую резьбой кость. Керрик покрутил ее в руках.

— Какой-то крупный зверь, только не знаю какой... А это еще что такое? — Он тронул кожаную трубочку, поглядел в отверстие кости, в котором ходила круглая палка не толще стрелы. — Интересно, но непонятно. Больше не могу ничего сказать.

Армун улыбнулась — в щели, рассекавшей ее губу, мелькнули ровные зубы — и опустила кость открытым концом в воду, плескавшуюся возле ног. Она потянула палку вверх, послышалось хлюпанье, и тонкая струйка воды хлынула через борт из кожаной трубки. Он изумленно открыл рот, а потом вместе с Армун расхохотался. Потом снова взял у нее кость.

— Совсем как у иилане′, только они выращивают нужные вещи, а это ручной работы. Мне нравится.

Он с восторгом крутил ее, разглядывая резьбу с изображением рыбы, извергавшей струю воды.

Возвращение к паукарутам вызвало настоящий триумф: заливаясь смехом, женщины толкались, чтобы только пройти мимо носилок, на которых несли светловолосого гиганта. Ортнар с удивлением смотрел, как они пытались прикоснуться к его волосам, переговариваясь между собой на своем странном языке.

Арнхвит с удивлением глядел на отца: он успел позабыть про охотников-тану. Чтобы разглядеть сына, Керрик встал перед ним в снег на колени: крепкий мальчик с широко поставленными глазами почти не напоминал младенца.

— Тебя зовут Арнхвит, — проговорил Керрик, и мальчик серьезно кивнул, отодвигаясь на всякий случай, потому что Керрик протянул к нему руки.

— Это твой отец, — сказала Армун, — не бойся.

Но мальчик жался к ноге матери.

Слова Армун пробудили в памяти давние воспоминания. Запустив руку за пазуху, Керрик нащупал на шее ножи, осторожно

высвободил меньший. Он снова склонился к ребенку, тот не стал отодвигаться. Держа на ладони сверкающее металлическое лезвие, Керрик сказал:

— Как я получил этот нож от своего отца, так я отдаю его тебе.

Арнхвит робко потрогал нож, посмотрел на Керрика и улыбнулся.

— Отец, — проговорил мальчик.

Ортнар выздоравливал до самого конца зимы. Он потерял в весе, боли не отпускали его, но могучий организм одолел хворь. На ногах оставались черные пятна; они гноились и отвратительно пахли, но парамутаны знали, что делать в подобных случаях. Когда дни удлинились, раны зажили и на ногах образовались рубцы. Подложив в обувь меха, он каждый день ковырял возле паукарутов, заново овладевая собственными ногами. Ходить, не имея пальцев на одной ноге, трудно, но он начинал привыкать. И однажды, далеко уйдя вдоль кромки льда, он увидел подплывающую лодку. Она была из больших — с большой шкурой на поперечной жерди — и выглядела незнакомой. Так и оказалось. Доковыляв до паукарутов, Ортнар увидел, что все повысыпали наружу и с криками размахивали руками.

— Что это? — спросил он у Армун, так как понимал только несколько слов из странного языка. — Чужие, не из наших паукарутов. Очень интересно... Что происходит? Все орут, машут руками. Словно им что-то очень нужно.

— Не пойму, они кричат все сразу. А ты слишком много прошел. Иди в паукарут, а когда я узнаю, в чем дело, — приду и все расскажу тебе.

Ортнар оказался в паукаруте один — парамутаны, а с ними и Керрик, Арнхвит и Харл выскочили к лодкам. Он тяжело, с громким стоном опустился на землю — его никто не мог услышать, а ноги так болели. Радуясь отдыху, он жевал кусок мяса, когда наконец вернулась Армун.

— Добрые вести, — сказала она. — Весь шум из-за уларуаква. Зимой парамутаны все время сокрушались, что они никак не попадаются им. А теперь наконец их выследили. Это очень важно.

— А что такое уларуакв?

— На них охотятся в море. Я еще не видела их, но говорят, что они куда больше, чем мастодонт. — Она указала на ребра над головой. — Это уларуакв, и шкура тоже его, и еда: мясо, жир — это тоже уларуакв. Парамутаны едят любое мясо... — Тут она за-

метила морскую птицу, благополучно гниющую под кожаным потолком на костяной распорке. — Но в основном их кормит и укрывает уларуакв, лодки они тоже делают из него. Они говорят, что холода и долгие зимы гонят уларуаквов на юг. С каждым годом льды продвигаются все дальше и дальше. Что-то случилось с водой — я не знаю что, но она изменилась. Добывать уларуаквов теперь все трудней и трудней, а это самая большая беда, которая может постичь парамутанов. Нам придется подождать, пока все выяснится.

Все вернулись в паукарут не скоро. Первым заполз внутрь Калалекв, толкая перед собой решетку из тонких косточек. Остальные следовали за ним. Он радостно помахивал замысловатой костяной сеткой, связанной по углам сухожилиями. Армун попросила его говорить помедленнее и, когда он стал объяснять, принялась переводить его слова на марбак.

Керрик не сразу догадался, о чем говорит Калалекв.

— Кости — это карта, по ним они находят путь в океане, как это делают иилане'. Попроси, чтобы он показал, где мы сейчас находимся.

После многих вопросов, ответов и объяснений побывавший за океаном Керрик понял.

— Виноваты зимы. Они изменили не только сушу, но и океан, преобразили все, что находится в нем. Ледяной щит, на котором мы живем, простирается через весь северный океан до другого его берега. Я был в тамошних краях, хотя и не на севере. По неведомой причине уларуакв больше не хочет жить по эту сторону океана, и парамутаны перебрались к его противоположному берегу. Этот иккергак прибыл с другого берега океана, он видел их. Что будут делать наши парамутаны?

Калелакв знаками пояснил свой ответ. Он жестами поднимал паруса, качался на волнах. Все понимали его почти без пояснений Армун.

— Парамутаны хотят спустить на воду иккергаки и подготовить их к дальнему плаванию. Они собираются отплыть сразу же, как только начнет ломаться лед, чтобы вдоволь поохотиться на уларуаква, а потом вернуться, прежде чем настанет зима.

— Значит, пора отправляться и нам, — проговорил Керрик. — Мы ели их пищу, и нам нечем отблагодарить хозяев.

Он искоса взглянул на мрачно улыбавшегося Ортнара.

— Да, пора отправляться на юг, — согласился он, — но для такой прогулки я не гожусь.

— Тебе не придется идти, — сказала Армун, ласково прикаса-

ясь к его руке. — Я знаю парамутанов. Они помогут. Мне с мальчиками они помогли, не задумываясь. Мы им нравимся, несмотря на то что мы отличаемся от них. Они хотят, чтобы мы остались, но весной сами отвезут нас на юг, если мы будем настаивать. Я знаю.

— А разве не все иккергаки потребуются им для охоты? — поинтересовался Керрик.

— Не знаю, но я расспрошу их и все выясню.

— Надо отправляться сразу, как только это станет возможным, — сказал Ортнар. — Нужно возвращаться к саммадам.

Лицо Керрика словно окаменело: слова Ортнара вызвали воспоминания. А с ними и забытые было страхи.

И первым делом он вспомнил Вейнте′ с ее неистребимой ненавистью; она ждала их на юге, замышляя гибель тану, саску и всех устузоу на свете. Он обратился спиной к городу иилане′, потому что не мог забыть Армун. Ну а теперь? Что их ждет? Безопасность? Да найдется ли для него во всем мире хоть один безопасный уголок, пока жива Вейнте′, пока не иссякла ее ненависть? Пора возвращаться. Назад, к иилане′ и их хесотсанам, в мир мургу и устузоу, к битве, которой нет конца... В мир, где саммадам все время грозит смерть.

Армун молча смотрела на Керрика, читая на его лице мысли. Пока он думал словами мургу, тело его корчилось, вторя им, а лицо подергивалось — и вдруг стало мрачным.

Итак, они возвращаются.

Но что их ждет?

Глава 21

Ambesetepsa ugunenapsossi, nefatep lemefenatep. Epsatsast efentopeneh. Deesetefen eedeninef.

Угуненапса учила: мы знаем смерть, а потому знаем и пределы жизни, в этом и кроется сила Дочерей Жизни, живущих, когда остальные умирают.

Апофегма иилане′

Когда урукето покинул гавань Йибейска, Амбаласи приказала плыть на запад. Там легче было затеряться в море, и никакие соглядатаи не могли догадаться об их истинном курсе. Элем вскарабкалась наверх; ученая стояла у края плавника, наблюдая за темными силуэтами энтиисенатов, скользящими возле урукето. Элем вежливо попросила внимания.

— Я не командовала раньше урукето, а только служила на нем. Есть проблемы...

— Решай их, — твердо сказала Амбаласи, жестами положив конец разговору на эту тему и переходя к следующему вопросу. — Кто ведет урукето?

— Омал, иилане′ со спокойным умом, способная быстро обучаться.

— Я сказала — можешь командовать. А теперь давай посмотрим карты.

Спустившись вниз, они миновали Омал, которая стояла, положив руки на живую стенку, неподалеку от нервных окончаний, с помощью которых меняли курс урукето. Она внимательно следила за морем через прозрачный диск. Рядом, на жердочке, нахохлившись, сидела розово-серая птица, смотревшая в ту же сторону. Остановившись, Амбаласи взъерошила перышки на спине — птица довольно заворковала.

— Новый компас, — пояснила Элем, — более совершенный, чем прежние.

— Еще бы... я сама и делала. Точный, надежный, да и развлекает в долгой дороге. Если его сориентировать в нужном направлении, не свернет, пока не умрет.

— Мне непонятно...

— А мне понятно. В лобные доли мозга введены намагниченные частицы. Где карты?

— Здесь.

Ниша была едва освещена, но, когда развернули первый свиток, карта ярко засветилась под тусклым пурпурным мазком на живой стенке.

— Эта самая подробная, — произнесла Элем. — И самая свежая. Вот Энтобан, а вот за широким океаном Гендаси.

— А что означают эти цветные завитки?

— Прохладными цветами показаны ветры, подобно рекам текущие в атмосфере. Здесь, в тропиках, где солнце нагревает воздух, потоки поднимаются высоко, потом, поскольку планета вращается, растекаются на юг и на север. Это крайне интересно для моих исследований, но для практической навигации куда важнее другое. Вот эти теплые оранжевые и красные линии — они обозначают океанические течения...

— Объясни подробнее.

— С удовольствием. Мы сейчас находимся в океане к западу от Йибейска. По твоему приказанию мы будем плыть на запад до наступления темноты — на тот случай, если за нами увяжется погоня. Тогда мы окажемся здесь, в этой красной струе, уходящей на юг. Всю ночь течение будет нести нас. На рассвете, определив свое местоположение, мы можем отправиться в нужном направлении. Желательно знать скорость и направление.

— Пока неизвестно. Расскажи: что ты будешь делать, если пунктом прибытия будет Гендаси?

— Немедленно приступлю к расчетам. Двигаясь к Гендаси, мы должны оставаться в этом течении, уходящем на юго-запад в самую середину океана. Там очень интересный район — середина океана просто изобилует жизнью. Там мы выберем нужное течение. Вот это течение нам необходимо — мимо Алакас-Аксехента оно уходит к заокеанским зеленым краям.

Амбаласи внимательно разглядывала карту начиная от Йибейска, потом одним глазом окинула путь до Гендаси.

— Вопрос. Мы плывем по большой дуге на юго-запад к середине океана. Потом поплывем по другой дуге — на северо-восток. Подумай, насколько быстрее будет, если мы просто пересечем океан по прямой линии.

Она провела пальцем по карте. Элем отступила на шаг, гребень на ее голове покраснел.

— Это невозможно! — Она сопроводила замечание знаками отчаяния и страха. — То, что ты предлагаешь, нереально. Мы плавали по прямой только на коротких расстояниях, от острова к острову... или вот как сейчас. Но никто не движется по прямой. Морские создания следуют за морскими течениями, птицы — за воздушными потоками. Курс, который ты предлагаешь, противоречит законам природы. Днем надо будет вести урукето против течения, а ночью он будет дрейфовать. Утром нужно вновь рассчитывать координаты... Нет, это невозможно!

— Соберись, Элем, вот простой научный пример. Ты обладаешь познаниями, и ради блага твоих работ я поведаю тебе о двух различных состояниях материи. Или тебе уже известен закон Атепенепсы?

— Смиренная-в-невежестве, желаю знаний.

— Говоря в самом общем виде — невидимая материя передвигается по прямым линиям, в отличие от видимой... Перестань

смотреть на меня стеклянными глазами и закрой рот! Ты — изображение глупости фарги! Знаешь ли ты о невидимой материи?

— Нет...

— Куча невежественности. Тяготение невидимо: если я уроню эту карту, она упадет по прямой. То-что-переносит-свет невидимо само по себе, и лучи идут в глаз по прямой линии. Инерция невидима, однако же она направляет движение тел по... Впрочем, довольно. Я вижу, что все это тебе неизвестно. И не стыдись своей глупости. Лишь немногие иилане́, подобно мне самой, обладают интеллектуальными способностями, позволяющими понять все это. Вернемся к нашему курсу. Что это?

Амбаласи закрыла растопыренной рукой пустое пространство под Маниле к югу от Гендаси.

— Ничего, вовсе ничего, — пробормотала Элем.

— Пустая умом, не-ощущающая-своей-жизни! Или это я должна учить тебя твоей специальности? Что здесь изображено на карте, тут и тут?

— Течения, океанические течения.

— Удивительно. Обратимся к деталям: что вызывает течения?

— Разность температур, ветер, вращение планеты, береговые линии, изменение глубины...

— Хорошо. Вот погляди на эти течения, внимательнее погляди. Они же не возникли из темноты сами собой. Погляди-ка.

— Вижу! Поняла! Великая Амбаласи, ты извлекла меня из невежества, словно фарги из морских глубин. Там, куда ты показываешь, должна быть земля. Никто не видел ее и не сообщал о ее существовании, но, только поглядев на карты, ты поняла, где она...

И в знак глубокого уважения Элем склонила голову, как нижайшая из низших перед высочайшей из высших — она сразу поняла, что Амбаласи смыслит в навигации не меньше, чем она сама. А может быть, и больше. Амбаласи кивнула, принимая все как должное.

— Ты искусна в своей науке, Элем, — проговорила она. — Но я искусна во всех науках... и только что доказала это. Я не с первого взгляда обнаружила это: несколько лет мне пришлось изучать навигационные карты. И наше путешествие докажет, что я права. Мы направляемся туда, к этому белому пятну на карте, чтобы оно навсегда исчезло. А теперь иди и пришли мне Энге.

Энге немедленно явилась вместе с Элем. Амбаласи застыла в важной позе, выпрямившись, насколько возраст позволял ее по-

звоночнику, в руке она сжимала карту. Элем приближалась к ученой смиренно, словно фарги. Энге, сложив руки в предельном уважении, все-таки ограничилась меньшим. Амбаласи протянула ей карту с предельной серьезностью-значимостью в жесте.

— Теперь я покажу тебе, Энге, место нашего прибытия в город, который ожидает нас там.

— Мы искренне благодарны за все, что ты для нас сделала. — Жестами Энге дала понять, что говорит за всех.

— Великолепно. Здесь, на этом месте, ждет нас судьба. А вот и наш город.

С этими словами она раскрыла ладонь — на ней лежало большое сморщенное семя. Энге перевела взгляд с карты на семя, потом обратно и понимающе кивнула.

— Мы благодарны. Раз на карте ничего нет, я могу только предположить, что твои огромные познания позволили обнаружить там сушу. Землю, где нет города, где нет иилане′, и выращенный из семени город станет нашим собственным.

— Именно, — резко ответила Амбаласи, опустив семя и карту с излишней поспешностью; по гребню ее волнами пробежали краски. — У тебя первоклассный разум, Энге, но я хочу доказать свое превосходство.

Она не стала добавлять, что на сей раз не сумела сделать этого. Энге тоже оставила инцидент без внимания, знаками выказав благодарность и согласие. У старой ученой был крутой нрав, но, учитывая все, что она сделала для Дочерей, с подобными выходками нужно было мириться.

— Дозволено ли будет узнать подробнее о месте нашего назначения, чтобы насладиться плодами работы столь совершенного разума?

— Дозволено. — Краски на гребне поблекли. Амбаласи была удовлетворена обращением. — Смотри внимательно и учись. Сила, ширина и температура течения этих рек в океане помечены на картах для тех, кто в состоянии понять надписи. Конечно же, я принадлежу к их числу. Я не стану входить в детали, ты не поймешь их, и только ознакомлю тебя с выводами. Здесь лежит не маленький остров и не гряда островков, здесь расположена огромная земля, в величине которой мы убедимся, когда достигнем ее. Она лежит к югу от Алпеасака, а значит, там еще теплее. Знаешь ли ты имя этой новой земли, Энге?

— Знаю, — ответила та твердо.

— Так скажи нам, — потребовала Амбаласи, не в силах скрыть удовлетворение в движениях.

— Она именуется Амбаласокеи, чтобы в завтрашнем завтра знающие иилане′ произносили имя той, что привела разум на дальние пустынные земли.

— Хорошо придумала, — отозвалась Амбаласи, и Элем выказала согласие, дополнив его жестами увеличения. — А теперь я нуждаюсь в отдыхе, чтобы сберечь силы. Конечно же, вам потребуется мое руководство, поэтому будите меня без колебаний, даже если будете опасаться моего гнева.

Весть о случившемся быстро облетела живой корабль и привела к всеобщему возбуждению. Дочери Жизни настаивали, чтобы Энге поведала им о важном открытии Амбаласи. Поэтому она встала в круге света, падающего на дно помещения, чтобы все могли ее слышать.

— Угуненапса, учительница наша, сказала: слабейший силен, а сильный слаб. Этой притчей она хотела напомнить нам, что жизнь едина и что еще-влажной-из-моря фарги жизнь дорога в той же мере, как и эйстаа. Угуненапса давно сказала эти слова, но истинный и вечный смысл их только сейчас достиг нас. Амбаласи, даже не будучи Дочерью Жизни, сумела извлечь пользу из учения Угуненапсы, и потому она ведет нас теперь из заточения в новый мир, где мы вырастим город, который станет нашим. Трепещите перед этим чудом. Город, где не будет гонений за веру, где не будет смерти. Город, где мы будем вместе вырастать, и вместе учиться, и приветствовать фарги, чтобы и они росли вместе с нами. И я сказала — с благодарностью и без малейшего колебания, — что новая земля, где вырастет город, будет называться Амбаласокеи.

Волна эмоций прокатилась по телам слушательниц, в унисон колебля их, словно ветер траву в поле. Все они придерживались одного мнения.

— А теперь мы отдохнем — по прибытии придется заняться многим. Элем потребуется помощь на урукето. Пусть все, кто умеет и хочет помочь, идут к ней с жестами готовности и поддержки. Остальные из нас соберутся с мыслями и подготовятся к тому, что нас ждет.

Амбаласи, как и подобало в ее возрасте, продремала большую часть путешествия. Но остальные не спали. Слишком уж необычной, удивительной была ситуация для Дочерей Жизни. Впервые

они были в большинстве, их не гнали и не презирали. Теперь они могли открыто говорить о своих верованиях, обсуждать различные тонкости, обращаясь за разъяснениями к тем, кто подобно Энге обладал ясностью мысли. И с каждым днем они все приближались к ослепительной новой жизни.

В соответствии с указаниями Амбаласи ее не тревожили, пока урукето не вошел в течение, которое должно было унести их мимо Манинле и Алакас-Аксехента к главным землям Гендаси. Попив прохладной воды и съев мяса, она медленно вскарабкалась на верхушку плавника урукето. Элем и Энге ожидали ее там и принялись почтительно приветствовать.

— Тепло, — проговорила Амбаласи. От солнечного света ее зрачки превратились в вертикальные щели, выражая чувство удовольствия и уюта.

— Мы здесь, — отметила пальцем Элем на карте их местоположение. — Воды кишат жизнью. Здесь много неизвестных громадных рыбин.

— Неизвестных тебе и прочим, обладающим ограниченными познаниями, но от меня у океана секретов нет. Поймали вы хотя бы одну из этих рыб?

— Они восхитительны.

Элем знаком изобразила удовольствие от еды. Амбаласи мгновенно отозвалась жестами презрения к обжорству, отдавая предпочтение высшей-важности-знаний.

— Ты в первую очередь думаешь о желудке и только потом вспоминаешь, что у тебя есть мозги, — раздраженно проговорила она. — Прежде чем ты съешь все научные ресурсы океана, доставь мне образчик.

Существо действительно оказалось внушительным — прозрачное, с зеленоватыми плавниками и длиной с иланé. Мельком взглянув на него, Амбаласи выразила пренебрежение-к-невежеству и высшее-знание.

— Ничего себе рыба! Или только у меня есть глаза, чтобы видеть, и мозг, чтобы полагаться на него? Это такая же рыба, как я сама, это личинка... личинка угря. Судя по твоим остекленевшим глазам, эти слова ничего тебе не говорят. Хоть что такое угорь, ты знаешь?

— Очень вкусный, — ответила Энге, прекрасно понимая, что таким образом поощряет ученую к новым оскорблениям, в чем та находила очевидное удовольствие.

— Вкусный! Только о пищеварении и думаете! Едва ли мы отношусь к одному виду. Ну что же, придется снова наполнить ваши пустые головы новой информацией. Знаете ли вы, что длина самой крупной из личинок угря не превосходит когтя на моей ноге? А эти вырастают до невероятной величины, так что их можно есть. Потороплюсь, пока вы сами этого не сказали.

Энге поглядела вниз на слабо извивавшуюся личинку и со знаками понимания и растущего удивления проговорила:

— Это значит, что взрослые угри будут просто гигантскими!

— Так. И это, в свою очередь, говорит о том, что нас ждет неизведанная земля, ведь угрей такого размера наука не знала... до сегодняшнего дня.

Через несколько дней Амбаласи потребовала, чтобы ей принесли пробу морской воды. Выбравшись из плавника, одна иланé спустилась на широкую спину урукето и зачерпнула воды прозрачным контейнером прямо из плещущихся у ног волн. Амбаласи критически оглядела контейнер... и поднесла к губам. Элем жестами выразила опасение, зная, что пьющая морскую воду обречена на иссушение тела и смерть.

— Благодарна за заботу, — проговорила Амбаласи. — Только твои опасения напрасны. Попробуй сама.

Элем нерешительно пригубила... и разразилась жестами удивления и недоверия. Амбаласи с понимающим видом покачала головой.

— Только великая река, равных которой иланé не знают, может принести пресную воду в эти края. По-моему, мы на пороге великого открытия.

На следующий день они заметили кружащих над урукето птиц — где-то рядом была земля. В воде появилась растительность, окружающее море стало не таким прозрачным и чистым, как океан.

Исследовав несколько образцов воды, Амбаласи заявила:

— Взвесь частиц почвы, бактерий, икринок, планктона и семян. Мы приближаемся к могучей реке, собирающей воды с просторов необъятного континента. С весьма большой точностью могу предсказать: мы близки к цели, близки к Амбаласокеи.

Почти весь следующий день шел дождь, прекратившийся только к вечеру. И когда облака впереди разошлись, перед иланé предстал невероятно величественный и красочный закат. С гребня очередной высокой волны, приподнявшей урукето, они заметили темную полоску между водой и полыхавшим небосводом.

Всю ночь они спали, как положено иланé, не шевелясь в

глубоком забытьи, но с первыми лучами солнца проснулись. Элем согнала с плавника почти всех. Как подобает, Амбаласи заняла самое удобное место, чтобы в подробностях видеть, как вырастала, приближаясь, далекая суша. Вблизи она распалась на множество островков.

— Нет реки, — проговорила Элем, делая знаки разочарования.

— Не-способная-к-пониманию, — ехидно махнула руками Амбаласи. — Это у маленьких рек большие рты. А река, орошающая целый континент, несет много ила и образует дельту из множества островков. Плыви вперед по протокам и выплывешь в реку. На ее берегах возле обильных вод мы и посадим семя города.

— Не может быть даже мысли, что Амбаласи ошибается, она всегда права, — сказала Энге. — Впереди наша судьба, начало новой жизни для всех нас. Земля Амбаласокеи, где вырастет наш город.

Глава 22

Angurpiamik nagsoqipadluinargog mungatag ingekaqaq.

Всяк парамутан свежей рыбке рад.
Пословица парамутанов

В конце концов решение было принято. Потребовалось много времени, но только так положено решать дела у парамутанов. Бесконечные разговоры прерывались время от времени горстью сала или куском тухлого мяса — как же иначе решать важное дело? Когда запасы мяса в паукаруте заметно сокращались, совет перебирался в другой. Парамутаны входили и выходили, засыпали, утомленные переговорами. Проснувшимся и возвращавшимся приходилось пояснять все, что произошло, тем более если мнение отсутствовавшего было существенным для остальных.

И все же решение было принято. Иккергаки пойдут через океан бить уларуаква, но путь неблизок, и раньше осени они не вернутся... может быть, даже придется и зазимовать в дороге, а пища в паукарутах кончится задолго до этого. И раз прибрежные воды изобиловали рыбой, было решено, что один из иккергаков пойдет на юг, проверить, что ловится в этих краях, а заодно прихватит гостей-эрквигдлитов и отвезет в родные края. Предприятие было новым и просто потрясающе интересным, так что участвовать в нем хотели все парамутаны, однако все сходились на том, что именно Калалекву следует распоряжаться на иккергаке, раз именно у него хватило смекалки доставить сюда эрквигдлитов.

Но, решив, попусту время не тратили. Солнце пригревало, дни становились длиннее, и лед начинал ломаться. Впереди недолгое лето, а за ним снова зима. И с неприличной после долгих размышлений торопливостью в иккергаки стаскивали запасы. Все необходимое грузили с радостными криками и хохотом, кораблики по одному провожали в море — унылые физиономии и слезы сулили верную неудачу. Когда их иккергак уже был готов к отплытию, Ангаджоркакв спряталась, но Армун остановила мужчин и разыскала подругу под шкурами в дальней части паукарута.

— Глупая, — произнесла Армун, отирая слезы с мохнатого лица женщины.

— Поэтому я и спряталась.

— А у нас, эрквигдлитов, слезы при расставании — добрый знак.

— Вы странные люди, и я не хочу расставаться с вами.

— Мы должны отплывать. Но мы скоро вернемся.

Глаза Ангаджоркакв расширились, и она удивленно присвистнула.

— Чтобы так говорить, надо видеть сквозь снег и лед, сквозь грядущие дни. Я не знала.

Армун и сама не думала об этом — слова сами собой слетели с языка. Мать ее умела приподнимать мглу неведения над завтрашним днем. Быть может, она и не знала, что унаследовала от матери эту способность.

Погладив Ангаджоркакв по лицу, Армун поднялась и вышла. Иккергак ждал, с борта кричали, чтобы она поспешила, и Армун побежала. Арнхвит радостно скакал у борта, Харл торопил ее криком. Даже Ортнар казался довольным, только на лице Керрика было все то же мрачное выражение — оно стало таким, когда все решили отправляться на юг. Он пытался бороться с собой, вымученно улыбался и шутил, но долго не выдерживал. Маску уныния не удавалось прогнать с его лица. Ночью в объятиях Армун он ненадолго забывал гнетущие думы, но по утрам они возвращались.

Начался путь на юг. Керрику еще не случалось путешествовать в иккергаке, и новизна занимала и тело, и мысли его. Это не

то что плыть через океан в урукето — в покрытой кожей внутренней камере, в вонючей и зловонной полутьме, где ничего не видно и нечего делать. На иккергаке все было не так. Они плыли по воде, а не под ней, над головами кричали птицы и спускались к волнам. Дерево скрипело о кожу, и распущенный большой парус гнал суденышко вперед по волнам. Здесь Керрик не был оцепеневшим пассажиром — он трудился со всеми. На дне иккергака всегда набиралось много воды, и Керрику не надоедало возиться с костяной трубкой и следить, как сбоку выливается струйка чистой воды. Он все гадал, как это происходит, но так и не мог понять секрета. Наверняка все дело в воздухе, как в надувной игрушке, но разобраться он не мог. В конце концов и неважно — достаточно было знать, что движениями рук он может доставать воду со дна лодки и выбрасывать в океан.

С парусом было проще. Керрик чувствовал лицом дуновение ветра и видел, как напрягаются плетеные веревки, передавая силу ветра иккергаку. Следуя наставлениям парамутанов, он научился правильно тянуть за лини и завязывать их узлами. Ему даже разрешили нести вахту возле кормила. Лишние руки были нужны: они плыли и ночью, и днем, и зима отступала назад, сменяясь весною. Так что днем при хорошем попутном ветре он уже мог держать курс не хуже парамутанов.

Иккергак оказался сложным, воистину изумительным сооружением. Весь его корпус был сделан из шкуры одного уларуаква, так что Керрик мог догадываться, какими огромными могут быть морские гиганты. Кожаная обшивка обтягивала прочный деревянный каркас. Гнутую деревянную решетку скрепляли кожаные ремни. В известной мере это было похоже на урукето — при движении иккергака гибкие бока «дышали».

По мнению Армун, плыть на юг в иккергаке было куда лучше, чем на север в маленькой лодке. Здесь было просторнее, и чувствовала она себя лучше. Дни становились теплее — хватит с них льдов и снега. Но она боялась, что мальчики свалятся в воду, и следила за ними, когда они играли. Но, несмотря на ее заботы, как-то раз разыгравшийся Харл потерял равновесие и свалился-таки за борт. Вопль его переполошил кормчего, тут же развернувшего иккергак боком к ветру. Парус вяло затрепетал, а Калалекв, перегнувшись за борт, бросил линь испуганному мальчишке. Все произошло в какой-то миг. Воздух не успел выйти через кожаную одежду и поддержал его на воде. Когда мальчика вытащили на борт, все парамутаны просто покатились со смеху при виде промокшей фигурки. После этого Харл стал осторожнее, да и Арнхвит приутих после того, как его приятель кувыркнулся за борт.

Парамутаны были отличными рыбаками и постоянно забрасывали в воду снасти. Костяные крючки состояли из двух частей: одна заостренная, в другой просверлено отверстие для шнурка. В середине крючок был чем-то склеен и перевязан. Три-четыре таких крючка привязывали к одной снасти и наживляли кусочками кожи, вымазанными чем-то желтым и красным. В качестве грузила использовали просверленный булыжник, который привязывали к длинной снасти. Камень бросали за борт, и вся снасть отправлялась следом за ним. Когда ее поднимали, она часто была полна рыбы. Конечно же, добычу парамутаны, как всегда, поедали сырой, но тану уже успели привыкнуть к этому.

Воду везли с собой в мехах, запасы ее пополняли из пресных ручьев и речек на берегу. И намного скорее, чем рассчитывали, тану оказались возле большой реки — там, где саммады останавливались по дороге на юг. Стало гораздо теплее, дни удлинились. Теплые дни радовали тану, а парамутанам становилось все более и более не по себе. Они давно уже сбросили всю одежду и старались держаться в тени, но их бурый мех был постоянно влажен от пота. Смех прекратился. И как-то раз после солнечного и жаркого дня Калалекв поманил Армун в сторону. Он прятался в тени борта лодки, утомленно обмахиваясь кисточкой хвоста.

— Тебе надо учиться водить иккергак, остальным эрквигдлитам тоже. Настало время расставаться — мы, парамутаны, умираем...

— Не говори так! — в ужасе вскрикнула она, зная, что смерть всегда прячется где-то рядом и готова прийти, едва заслышит свое имя. — Причиной всему жара. Высадите нас на берег, а сами возвращайтесь на север.

Парамутаны давно уже страдали от жары, но стали настаивать на продолжении плавания и не позволяли тану высадиться, чтобы самим повернуть обратно. Нужно было что-то предпринять, но Армун не знала, что именно. И тут судьба распорядилась по-своему...

Парус вдруг захлопал, и иккергак закачался на волнах. У руля был Керрик. Бросив кормило, он показывал на берег и кричал.

Они плыли вдоль берега, мимо ровного отлогого пляжа, с обеих сторон уходившего к горизонту. Был отлив, и гладкое песчаное дно обнажилось на всем протяжении. Керрик указывал на какой-то темный предмет, похожий на серую скалу. Армун не

могла понять, что его взволновало. И вдруг, затаив дыхание, поняла.

Мастодонт. Мертвый.

Иккергак подвели поближе к берегу. Керрик первым прыгнул за борт. Преодолевая волны, он побрел к неподвижному телу. На хобот мастодонта набегали волны. Морские птицы успели выклевать глаза мертвого зверя. Керрик обошел вокруг туши. И с мрачным как смерть лицом поднял извлеченную из шкуры иглу хесотсана.

— Иди назад! — закричала Армун по-парамутански. Ее голос дрожал от страха. — Будем идти на север всю ночь, а потом — в глубь суши, подальше от океана.

Она потянулась за Арнхвитом. Подняв массу брызг, Харл выбрался на берег следом за ней. Ортнар, морщась, вылез из лодки. Армун объяснила случившееся испуганному парамутану. Слова выплеснулись потоком:

— Твари, о которых я тебе рассказывала, мургу, побывали здесь. Они приходят с юга, морем. Возвращайтесь на север, спасайтесь.

— Мастодонт пришел оттуда. — Керрик махнул в сторону деревьев за дюнами. — Видишь следы? Два или три дня назад. Пусть они передадут наши вещи и возвращаются.

Видя мертвое тело мастодонта, спорить было невозможно.

— Мы уходим, — ответил Калалекв, не скрывая страха в голосе. — Мы уходим на север, ловить рыбу, кормить паукаруты. Плывите с нами, иначе мургу убьют и вас.

— Мы должны остаться.

— Тогда мы вернемся за вами. На это место. Прежде чем наступит зима. Надо ведь ловить рыбу. И вы возвратитесь с нами.

— Пойми, мы не можем этого сделать. Наше место здесь. А теперь плывите, быстрее.

Армун стояла на берегу около скромной груды пожитков, прижимая к себе мальчишек. Поймав ветер, иккергак быстро двинулся вдоль побережья. Расставаясь, парамутаны припомнили свои правила приличия, и их громкие шутки и смех еще долго доносились до тану сквозь шум волн.

Ортнар медленно двинулся вперед, тяжело опираясь на копье. Взвалив вещи на плечи, остальные пошли по его следам и догнали охотника на лесной опушке. Ужасное зрелище было прискорбно знакомо всем, кроме четырехлетнего Арнхвита, в страхе безмолвно цеплявшегося за руку матери.

Покосившиеся шатры, распростертые тела, мертвый мастодонт.

— Саммад Сорли. Они шли на север, — мрачно произнес Ортнар. — Прошлой осенью мы встретили их, когда саммад шел на юг. Почему...

— Ты знаешь, почему, — перебил его Керрик голосом столь же безысходным, как и окружающая картина. — В городе что-то случилось. Надо идти туда, узнать...

Он умолк, заслышав в лесу звук, который все тану знают от рождения, — рев мастодонта. Керрик бросился к нему мимо останков саммада по ясно обозначенной сломанными сучьями тропе. Во время нападения мастодонты убежали. Перед Керриком лежала бездыханная туша, за нею другая. Он остановился, прислушиваясь, и вновь услышал трубный зов, теперь уже ближе.

Стараясь не делать резких движений, он двигался в сгущающейся темноте, пока не увидел зверя. Керрик тихо позвал его. Заметив его, мастодонт негромко заворчал и приподнял хобот.

Когда зверь шевельнулся, Керрик заметил за спиной у него девочку, жавшуюся к стволу дерева. Испуганное, залитое слезами личико... Ей было лет восемь, не более. Успокаивая ребенка и зверя словами, Керрик подошел поближе и подхватил девочку на руки.

— Дай сюда. — Вышедшая из-за деревьев Армун отобрала у него ребенка.

Стало слишком темно, чтобы продолжать путь. Они остановились под деревьями, поджидая отставших. Мальчики оказались близко, а еле ковылявший Ортнар сильно отстал.

— Без огня, — сказал Керрик, — мы не узнаем, куда они ушли. Если они приходили с суши, то могут быть неподалеку.

Девочка наконец заговорила, но Армун так и не сумела чего-нибудь добиться от нее. Звали ее Даррас. Она ушла в лес и как раз присела под кустиком, когда все закричали. Она растерялась и не знала, что делать, потому и осталась в своем укрытии. А потом она обнаружила мастодонта и осталась возле него. Она была голодна. Почему саммад шел на север, Даррас тоже не знала. Она просто набросилась на холодное мясо и, насытившись, уснула.

Сказать было нечего, наконец Керрик нарушил молчание:

— Утром я проверю, нет ли следов иилане́, впрочем, они наверняка уже ушли отсюда. Если так — мы отправляемся на юг, к озеру, где я оставил двух самцов-мургу. Если они живы, мы возьмем их стреляющие палки. Там много пищи, можно будет оста-

новиться. А я должен узнать, что случилось в Деифобене. И мне придется пойти туда одному, а вы останетесь у озера.

— Так и будет, — мрачно сказал Ортнар. — Или саммады там, или их нет. Надо узнать, что случилось.

Глава 23

Утром, тяжело опираясь на копье и хромая, Ортнар отправился выслеживать иилане'. Керрик хотел пойти сам, но понимал, что рослый охотник гораздо лучше его разбирается в лесных следах. Пока Армун кормила детей, он вырезал длинные и прочные шесты для травоиса, связав их взятыми из поклажи ремнями. Когда он примеривал волокушу к мастодонту, вернулся Ортнар.

— Они пришли с моря, — проронил он, устало опускаясь на землю. Осунувшееся от боли лицо было покрыто бисеринками пота. — Я нашел, где они вышли из моря, — там они устроили засаду, и саммад попал в нее. А потом они вернулись в море.

Керрик поглядел на небо.

— Пока мы не на юге, можем считать себя в безопасности; сразу после сражения их птицы не будут летать здесь. А теперь пошли. Пройдем на юг, сколько можем, прежде чем придется идти по ночам.

— Совы... — проговорила Армун.

Керрик кивнул.

— Да, лучше идти ночью. Рапторы летают высоко и видят больше. Больше мы ничего не можем сделать.

Миновав останки саммада, они ступили на тропу, по которой и отправились на юг. Арнхвит бежал за тяжело шагавшим мастодонтом и, считая происходящее отличной забавой, время от времени останавливался в восхищении перед очередной дымящейся кучей помета. Еще не пришедшая в себя от потрясения, Даррас молча шагала рядом с Армун. Арнхвиту наконец надоело идти, и он вскарабкался на травоис, девочка скоро присоединилась к нему. Харл в свои тринадцать лет был уже достаточно взрослым и шагал вместе со всеми.

Ортнар отказался ехать на травоисе, хотя беспалая нога постоянно беспокоила его. Он охотник, а не дитя. Керрик только раз предложил ему, но, услышав резкий ответ, больше не говорил об этом. Перед полуднем заморосил мелкий весенний дождик,

постепенно превратившись в ливень. Скользя в раскисшей грязи, Ортнар отставал все больше и больше и наконец исчез из виду.

— Надо подождать его, — сказала Армун.

— Нет, он охотник, он горд. И потому сам сделает все, что нужно.

— Охотники глупы. Я бы ехала, если бы у меня болела нога.

— Я тоже. Но я только наполовину охотник, а мургу не ходят понапрасну.

— Ты не мараг, — возразила она.

— Нет, но временами мои мысли бывают похожими на их мысли. — Улыбка исчезла с его лица, с несчастным видом он шагал под дождем. — Где-то они бродят, что еще творят? Что-то ужасное. Нужно выяснить — придется идти в город.

Керрик не хотел делать привала в полдень, но Армун настояла — ведь Ортнара они не видели с самого утра. Пока она готовила еду, он нарезал сосновых ветвей, чтобы укрыться от холодного ливня. Харл принес воды из ближайшего ручья, и они принялись за еду, старательно запивая мерзкое мясо. Керрик так и не справился со своим куском и выплюнул его. Надо бы поохотиться, добыть свежего мяса и поджарить его. Дичи он не заметил, но она должна быть повсюду. В лесу что-то шевельнулось, и Керрик схватил свой лук со стрелами, но это оказался Ортнар. Хромая, он медленно подошел. Через плечо была переброшена связка битых лесных голубей.

— Подумал — хорошо бы свежатинки... — Задыхаясь, он опустился на землю.

— Давайте сейчас съедим их, — предложил Керрик, с тревогой глядя на осунувшееся лицо Ортнара. — Сейчас можно развести костер: под дождем дым никто не заметит. Харл, ты знаешь, как искать сушняк. Принеси-ка.

Армун ощипывала птиц, Даррас неумело, но старательно помогала ей, Керрик развел костер. Даже Ортнар заулыбался, почуяв запах; птичьи тушки обжаривались на деревянных палочках. Мясо еще было наполовину сырым, но тану не могли уже ждать. Так надоела мерзлая рыба и вонючее мясо.

Вскоре от птиц остались только хорошо обглоданные косточки. А люди, согревшись и набив животы, с новыми силами отправились дальше. Ортнар поначалу шел со всеми, но вскоре он вновь стал отставать и опять пропал из виду. Дождь прекратился, и сквозь тонкие облака проглянуло солнце. Поглядев на небо, Керрик решил сделать привал пораньше. Надо, чтобы больной

охотник еще до темноты догнал их. И когда они добрались до поляны, окруженной редкими дубами, он решил остановиться возле ручья неподалеку.

Сооружая из сосновых ветвей укрытие на ночь, Керрик на какое-то время отвлекся. Ортнар не появлялся.

— Пройдусь-ка вдоль колеи, — сказал Керрик. — Поищу дичи.

— Тебе понадобится моя помощь, — заявил Харл, хватаясь за свое легонькое копье.

— Нет, для тебя здесь найдется более важное дело. Оставайся и охраняй. Здесь могут оказаться мургу.

Охота была только предлогом. Он тревожился за Ортнара. И, торопливо шагая вдоль колеи, Керрик вовсе не думал о дичи. Что делать, как убедить Ортнара ехать на травоисе? Это необходимо. Пока они ели птиц, он заметил кровь, проступившую сквозь повязку на больной ноге Ортнара. Надо поговорить с ним, объяснить, что он задерживает всех, а это опасно. Нет, так говорить нельзя, тогда охотник оставит их и пойдет один. Керрик начал беспокоиться. Он зашел уже далеко, а Ортнара все не было видно. Впереди прямо на колее что-то темнело. Выставив вперед копье, Керрик осторожно пошел навстречу.

Уже давно стемнело. Беспокойство и страх терзали Армун. Солнце село когда еще, а охотники до сих пор не вернулись. Может быть, послать Харла поглядеть, в чем дело? Нет, лучше держаться всем вместе. Кажется, это крик? Она прислушалась и разобрала дальний окрик.

— Харл, последи за детьми! — крикнула она, хватая свое копье и устремляясь вдоль борозд, оставленных травоисом.

Навстречу ей тяжело, оступаясь, шагал Керрик, согнувшись под тяжестью обмякшего тела Ортнара.

— Он умер?

— Нет. Ему очень плохо, — задыхаясь, ответил Керрик: Ортнара пришлось нести издалека. — Помоги.

Они укутали потерявшего сознание охотника шкурами, удобно уложили его в шалаше. На губах Ортнара выступила пена, и Армун заботливо вытерла ему лицо.

— Ты знаешь, что с ним случилось? — спросила она.

— Нет, я так и нашел его, он свалился прямо в грязь. Как ты думаешь, что с ним могло случиться?

— Ран не видно, кости целы. Я ничего подобного не видела.

Ветер унес облака, и ночь оказалась звездной. Зажигать костер они не рискнули. Керрик и Армун по очереди дежурили возле бесчувственного охотника, следили, чтобы он не раскрывался. Перед рассветом проснулся Харл и предложил свою помощь, но Керрик велел ему спать. Когда рассвет осветил листья над головой, Ортнар шевельнулся, застонал и открыл правый глаз. Керрик нагнулся к нему.

— Что случилось?

Ортнар попытался заговорить и сквозь стиснутые губы сумел выдавить слова:

— Больно... упал...

Керрик заметил, что левый глаз его остался закрытым и вся левая сторона лица была какой-то неподвижной.

— Попей... Пить, наверное, хочешь?

Он приподнял за плечи бессильное тело рослого охотника и помог ему напиться. Губу перекосило, и вода стекала по подбородку. Потом Ортнар уснул, теперь уже спокойнее, и дыхание его стало ровнее.

— Когда я была маленькой, у нас в саммаде была такая, — проговорила Армун. — Один глаз у нее не открывался, а руки и нога не двигались. Это называют падучим сглазом, а алладжекс сказал, что в нее вселился злой дух.

Керрик покачал головой.

— Это раненая нога, он переусердствовал. Жаль, что он не сел утром на травоис.

— Ну а теперь ляжет, — заметила практичная Армун. — Положим на травоис ветви и привяжем его.

Ортнар был слишком слаб, чтобы протестовать. Несколько дней он пролежал как мертвый, лишь изредка пробуждаясь, чтобы попить и немного поесть. Становилось теплее, дичи вокруг появлялось все больше... и не только дичи. Здесь уже водились мургу.

Мелких они убивали и ели, но постоянно помнили, что где-нибудь неподалеку могут оказаться и огромные хищники. Теперь Керрик шел, держа наготове лук, и не переставал жалеть, что их хесотсаны не пережили зиму.

Наконец Ортнар смог сесть и даже брать мясо правой рукой. Волоча левую ногу и опираясь на костыль, который вырезал для него Керрик, он уже был в состоянии пройти несколько шагов.

— Я еще могу держать копье правой рукой, только поэтому я

остаюсь с тобою. Будь здесь кроме тебя охотники, я простился бы с вами и остался бы под деревом.

— Но тебе станет лучше, — проговорил Керрик.

— Возможно. Но я охотник, а не сухая нога. Это Херилак убил меня. Когда он ударил меня, мою голову словно огнем прожгло. А теперь прожгло и все мое тело. Я теперь жив только наполовину и бесполезен.

— Ты нам нужен, Ортнар. Ты знаешь лес лучше всех. Ты должен отвести нас к озеру.

— Это я могу сделать. Интересно, живы ли твои любимые мургу?

— И мне тоже. — Керрик был рад изменить тему разговора. — Эти двое, они... не знаю, как сказать... как двое детей-тану, которые навсегда остались маленькими.

— По-моему, они вполне взрослые... и безобразные.

— Телом — да. Но ты видел, как они жили. Их держали взаперти, кормили, ухаживали за ними, даже погулять не выпускали. Наверное, с того дня, как они вышли из моря, оба самца впервые остались в одиночестве. Мургу запирают своих самцов, прежде чем те научатся говорить. Будет просто удивительно, если они сумели пережить зиму.

— Было бы лучше, если бы они умерли, — злобно проговорил Ортнар, — вместе со всеми мургу.

Уходя на юг все дальше и дальше, они продвигались теперь только по ночам, а днем вместе с мастодонтом прятались под деревьями. Охота была хорошей, сырая рыба и тухлое мясо вспоминались как скверный сон. Удача сопутствовала им в лесу, они не встречали никого из крупных мургу, а мелкие сами убегали от них. Ортнар внимательно следил за дорогой и показал, где сворачивать к круглому озеру. Тропа была заросшей и узкой — по ней давно не ходили.

Держа копье наготове, Керрик шел впереди — Ортнар уверял, что озеро неподалеку. Осторожно и бесшумно ступая, он вглядывался в тени под деревьями и кустами. Сзади, на некотором расстоянии, топал мастодонт, треща ветвями. И вдруг впереди хрустнул сучок. Керрик застыл.

Что-то пошевелилось в тени. Темная фигура... такая знакомая.

Иилане′ с хесотсаном!

Достать лук? Нет, движение выдаст его. Фигура приближалась... вот она вышла на солнечный свет.

Выпрямившись, Керрик крикнул:

— Приветствую тебя, могучий охотник!

Иилане′ резко обернулась и, сделав шаг назад, с трясущейся от страха челюстью стала наводить хесотсан.

— С каких это пор, Надаске′, самцы убивают самцов? — спросил Керрик.

Тяжело осев на хвост, Надаске′ с облегчением зажестикулировал, изображая испуг и спасение от смерти.

— О, говорящий устузоу, я был на грани смерти из-за тебя.

— Ну, я вижу, только на грани. Ты жив. И я рад видеть это. А как Имехеи?

— Он такой же, как я, сильный, решительный, могучий охотник.

— Такой же толстый?

Сердитыми жестами Надаске′ выразил несогласие.

— Если я кажусь тебе толстым, то лишь потому, что мы искусные следопыты. Вот когда хорошее мясо закончилось, мы были тощими, пока не научились охотиться и ловить рыбу. А теперь давай спрячемся — приближается что-то ужасное.

— Останови страх, предайся радости. Это идут мои друзья с огромным нагруженным зверем. Не убегай, иди к Имехеи и скажи ему, что случилось, чтобы он не застрелил нас.

Жестом выразив согласие, Надаске′, переваливаясь, быстро потрусил по тропе. Вновь послышался треск сучьев, и к Керрику подошел мастодонт.

— Ну вот мы и пришли, — сказал Керрик Армун. — Я только что разговаривал с одним из мургу, о которых тебе рассказывал. Идите вперед и не бойтесь. Они не сделают вам ничего плохого. Это мои друзья.

На марбаке эта мысль выглядела довольно странно, но слова, соответствующего понятию «эфенселе», в нем просто не было. Слово «семья» подошло бы больше, но неизвестно, как к этому отнеслась бы Армун. Что она скажет, если он объявит мургу членами своего саммада? И Керрик заторопился вперед, чтобы успеть заранее поговорить с обоими самцами.

Выбравшись из травоиса, Ортнар встал на ноги и заковылял следом за волокушей. Они вышли прямо к озеру — огромной, залитой солнцем водяной равнине. Имехеи и Надаске′ в безмолвной неподвижности дожидались под навесом из зеленых лиан, не выпуская из рук хесотсаны. Мастодонт замер, и тану вместе с

ним. Потом они молча двинулись дальше, и только стайка птиц с ярким оперением хрипло перекликалась, летая над водою.

— Это мои эфенселе, — объяснил Керрик самцам, выходя на солнечный свет, чтобы его поняли. — Огромный-серый-неразумный-зверь везет нашу поклажу. Опасаться нечего.

Обернувшись, он увидел, что девочка спрятала лицо в одежде Армун. Только у Даррас и Арнхвита в руках не было копий.

— Ортнар, — сказал Керрик, — ты много прошел с ними, они тебя не трогали. Армун, отложи копье... и ты, Харл, тоже. Эти мургу неопасны.

Ортнар оперся на копье всем телом, остальные опустили копья... Повернувшись, Керрик подошел к застывшим самцам.

— Вижу, вы здесь поработали, — заявил он, — многое освоили, пока меня не было.

— А эти маленькие-уродливые устузоу — молодые устузоу? — спросил Имехеи, не опуская оружия.

— Да, и они уже иилане′, хотя еще совсем малы. Вы будете целый день стоять здесь с открытыми ртами, как изумленные фарги, или же поздороваетесь, предложите прохладной воды и свежего мяса? Так поступили бы самки. Или они умнее самцов?

Гребешок на голове Имехеи покраснел, он отложил оружие.

— Здесь так спокойно, что я позабыл уже о твоей резкости, самец-самка. Есть и еда, и питье. Мы приветствуем троих уродливых эфенселе.

Не без колебаний его примеру последовал и Надаске′. Керрик облегченно вздохнул.

— Приятное общество, — усмехнулся он. — Наконец-то поздоровались.

Оставалось только надеяться, что все будет хорошо.

Глава 24

Только миг саммадар был счастлив, увидев сразу обе части Керрик-саммада, явно старавшиеся держаться подальше друг от друга. Он выпряг мастодонта из травоиса и отвел под деревья, где слон с удовольствием захрустел свежими ветками. Теперь он создавал только проблемы — с воздуха его легко заметить. Выход был очевидным: слона убить, а мясо закоптить. Это придется сделать, но можно не торопиться. Вокруг и так одна только смерть.

Армун развела под ветвистым раскидистым деревом неболь-

шой бездымный костерок, дети играли рядом с огнем. Ортнар уснул, Харл отправился на охоту, скользнув в лес с противоположной от иилане′ стороны. Мир и спокойствие, время подумать. И поговорить с самцами. Стараясь держаться в тени, Керрик подошел к сооруженной самцами на берегу хижине. Особенно понравилась ему плотная, заросшая листвой крыша.

— Ваша работа? — спросил он. — Вы ее сделали, чтобы не было заметно с воздуха?

— Грубая сила самкам, разум самцам, — самодовольно проговорил Надаске′, усаживаясь на хвост.

— Резать свежие ветви каждый день трудно, — добавил Имехеи. — Они сохнут, быстро меняют цвет. И мы нарезали шестов, а между ними посадили плющ.

— Дело разума, беспредельное-восхищение.

Слова свои Керрик подкрепил превосходными степенями. Двое самцов оказались в непривычных условиях, перед лицом трудностей, неведомых им в ханане. Они соорудили себе жилье и, судя по внешности, не голодали.

— Хороша ли охота?

— Мы мастера и в рыбалке. — Имехеи потянулся к яме, наполненной влажными листьями, и, пошарив в ней, извлек двух крупных пресноводных раков. — Ловим их... Хочешь есть?

— Потом. Голод-утолен.

— Куда вкуснее мяса, — проговорил Имехеи, передавая второго Надаске′.

Острые конические зубы мгновенно расправились с раками. Оба самца с воодушевлением жевали, выплевывая кусочки панциря.

Надаске′ первым закончил жевать и выплюнул остатки в кусты.

— Не будь их, мы питались бы хуже. Известно ли тебе, как готовят мясо? Мы вот не знаем.

Керрик жестом выразил отрицание.

— Я видел, как это делают в городе. Свежее мясо укладывают в баки с жидкостью. Она и преобразует его, но я не знаю, что такое эта жидкость.

— Вкусное-мясо-желе, — проговорил Имехеи, Надаске′ жестами соглашался с ним. — Только его нам здесь не хватает. Но главное — свобода духа и тела.

— Видели ли вы здесь иилане′? — спросил Керрик. — Слыхали что-нибудь о городе?

— Ничего! — отвечал Имехеи не без раздражения. — Мы не хотим слышать о нем. Мы здесь здоровые, сильные, знать не хотим о родильных пляжах. — Последние слова вышли неразборчиво — он выковыривал скорлупу рака из зубов. — Мы гордимся тем, что сделали, и часто говорили обо всем. Ненависть и смерть устузоу, погубившим наш город. Благодарность Керрику-устузоу, освободившему наши тела, защитившему нас.

— С многократной силой, — добавил Надаске'.

Оба иилане' умолкли и застыли в благодарной позе. После проведенной среди парамутанов зимы самцы казались Керрику приземистыми и уродливыми: огромные когти и зубы, глаза, которые могут смотреть в разные стороны. Такими их видят тану, для него же они верные друзья, умные и благородные.

— Эфенселе, — не думая, проговорил Керрик, жестами подчеркивая благодарность и приязнь.

Их ответная симпатия была выражена без всякой задержки.

Возвращаясь в лагерь тану, Керрик ощущал важность совершенного им. Но чувство это было недолгим. Когда они разбили лагерь, он почувствовал, что мысли его устремляются к городу и судьбе его. Следовало бы собственными глазами увидеть, что там случилось. Он сдерживал нетерпение, понимая, что не может оставить вместе столь разные существа, пока они не привыкли друг к другу. Даррас не желала даже подходить к самцам и, увидев их, немедленно ударялась в слезы — горе ее еще не утихло. Ведь подобные им мургу погубили ее саммад. Харл подобно Ортнару относился к самцам с опаской.

Только Арнхвит не боялся иилане', они его тоже. Иилане' звали ребенка «маленький-безопасный» и «только-что-из-моря». Они понимали, что с Керриком мальчика связывает нечто глубокое, но, конечно, не могли уяснить, что общего может быть у ребенка и отца. Ведь иилане' рождались из оплодотворенных яиц в сумке самца и почти сразу же попадали в море. Они помнили только эфенбуру — тех, с кем выросли в океане. Но самцы и о тех днях мало что помнили, ведь их сразу же отделяли от самок. Арнхвит всегда сопровождал Керрика, когда тот отправлялся разговаривать с самцами: он усаживался рядышком, наблюдая за их извивающимися телами, и вслушивался в шипящие голоса. Это было так интересно.

Дни шли, тану и иилане' держались друг от друга на расстоянии, и Керрик перестал уже надеяться на успех. Как-то раз, когда все заснули, он попытался уговорить хотя бы Армун.

— Зачем мне эти мургу? — возмутилась она, окаменев всем телом под его ладонью. — После всего, что было, их можно только убивать.

— Но ведь самцы ни в чем не виноваты, они жили в городе как в заточении...

— Хорошо. Вот и свяжи их. А лучше убей. Я и сама могу это сделать, если ты не хочешь. Зачем тебе говорить с ними, что тебя туда тянет? Извиваешься всем телом, издаешь эти ужасные звуки. Незачем это делать.

— Но они друзья мне.

Он уже не надеялся на слова — слишком часто приходилось повторять все это. Он погладил ее по голове и прикоснулся языком к очаровательно раздвоенной губе. Армун хихикнула. Так лучше, так, конечно же, лучше. Но, как ни хорошо с ней, он хотел быть довольным и остатком дней своих.

— Мне нужно идти в Деифобен, — сказал он Армун на следующий день. — Надо выяснить, что там произошло.

— Я пойду с тобой.

— Нет, ты останешься здесь. Меня не будет всего несколько дней — просто туда и обратно.

— Но это опасно. Зачем ты торопишься?

— Ничего не изменится. Долго я не задержусь, обещаю тебе. Я предельно осторожно подберусь к городу, а потом вернусь. Вы будете ждать меня здесь — мяса хватит на всех. — Он заметил направление ее взгляда. — Нет, эти двое не причинят вам вреда, я тебе обещаю. Самцы другие. Они боятся тебя не меньше, чем ты их.

Он пошел к своим иилане' — сообщить, что уходит. Реакцию нетрудно было предвидеть.

— Мгновенная смерть, конец жизни! — застонал Надаске'. — Без тебя устузоу будут убивать. Они всегда убивают. Но я обещаю: они умрут вместе с нами, — с мрачной решимостью жестикулировал Надаске'. — Мы не так сильны, как самки, мы всего лишь самцы, но уже научились защищать себя.

— Довольно! — доведенный до белого каления, замахал руками Керрик, прибегая к форме приказа высшей самки всегда низшему самцу. Что еще он мог придумать в этой странной ситуации? — Смерти не будет. Я приказал им.

— Но как ты, простой самец, можешь указывать самке устузоу? — с ехидцей осведомился Имехеи.

Гнев Керрика сразу утих, и он захохотал. Самцы так и не по-

няли, что глава всему не женщина Армун и он говорит не от ее лица.

— Уважительная просьба, — знаком показал он. — Держитесь подальше от них, а сами они не подойдут к вам. Сделаете ли вы это для меня?

Оба решительно выразили согласие.

— Хорошо. То же самое я скажу устузоу. Но, прежде чем отправиться в путь, я прошу у вас один из двух хесотсанов. Очень прошу. Оба наших умерли от холода.

— Смерть-от-шипов!

— Голод-без-мяса!

— Не забывайте, от кого вы их получили, кто научил вас пользоваться ими, дал вам свободу, спас ваши бесценные жизни, наконец. Отвратительный пример чисто мужской неблагодарности.

После долгих стонов и жалоб на жестокосердие самок они с сожалением передали ему один из хесотсанов.

— Сытый... — проговорил Керрик, погладив рот оружия, чтобы взглянуть на его зубы.

— Забота была проявлена: они ели раньше нас, — с сожалением проговорил Надаске'.

— Благодарю. Вы получите оружие назад, когда я вернусь.

Керрик ушел на рассвете, прихватив с собой немного копченого мяса. Кроме еды и хесотсана, у него ничего не было, так что он шел быстро. Дорогу трудно было потерять из виду, он торопился. И только подойдя к границе внешних полей, Керрик замедлил ход. Теперь надо быть осторожным. Это была граница Алпеасака, но обитавший здесь скот иилане' давно уже умер, ограды зачахли. Впереди зеленел терновник внешней ограды.

Он оказался куда более зеленым, чем помнилось Керрику. Живая стена была покрыта огромными влажными листьями. А на длинных шипах гнили трупики птиц и мелких животных.

Иилане'.

Но зачем они вырастили эту стену? Чтобы не впустить в город врага или не выпустить? Кому сейчас принадлежит город? Как его называть: Деифобен или снова Алпеасак?

В глубь суши идти было незачем. Конечно же, барьер окружал весь город. Чтобы незаметно обойти его по суше, потребуется не один день, и все равно он ничего не узнает. К морю! Остается идти к морю. Забыв про осторожность, он пустился бежать. И только когда весь вспотел и запыхался, он осторожно опустился на траву в тени дерева. Не дело, так двигаться дальше — это самоубийство. Надо красться, приглядываться. К тому же уже стемнело. Надо найти воду и устроиться на ночлег — и с первыми лучами солнца продолжать путь.

Он жевал мясо и думал, что не сумеет заснуть. Но день был тяжелым и длинным. Проснувшись на следующее утро, он увидел серое небо и обнаружил, что все его тело покрыто капельками росы. До берега было недалеко, но туман там был гуще, и ничего не было видно. Где-то рядом плескались волны. Осторожно, прячась за кустами, он выполз к знакомым дюнам. Придется переждать здесь, пока не рассеется туман.

День обещал быть жарким, солнце припекало. Когда туман рассеялся, он заметил в воде у берега темный силуэт. Из-под кустов он следил за его неторопливым движением. Черная шкура, высокий плавник. Урукето.

Он медленно плыл на юг к гавани. Появление урукето могло означать все, что угодно. Это мог быть и патруль, следящий за побережьем. Или же иилане' решили причалить здесь.

Но все стало ясно, когда он заметил две отвалившие от берега лодки с поблескивавшими раковинами на носах. В обеих были фарги, явно собиравшиеся за рыбой.

Значит, Деифобен вновь стал Алпеасаком. И было нападение, и сражение, и разрушение. И все это случилось, пока он отсутствовал.

Но куда делись оставшиеся здесь тану и саску? Что с ними случилось?

Усеянная смертоносными шипами стена исчезала вдали. За ней ничего не было видно. Но сцена на море свидетельствовала, что город вновь принадлежал иилане'. Это доказательство тяжелой лапой отчаяния припечатало его к земле. Неужели все погибли? Щека его прижималась к песку, мимо носа торопливо пробежал паучок. Керрик хотел прихлопнуть его, но не сделал этого и лишь проводил глазами. Неужели все погибли, все до единого?

Лежа здесь, он никогда ничего не узнает. Керрик прекрасно понимал это, но ощущение ужасной потери не давало ему шевельнуться. И только когда далекие крики разогнали охватившую его средь бела дня тоску, он шевельнулся и приподнял голову. Мимо плыли новые рыбацкие лодки, в одной из них стояла иилане' и отдавала команды. Но они были слишком далеко, чтобы разглядеть их.

Может быть, они плывут не за рыбой? Что, если иилане' зате-

вают новый набег на север? Надо разузнать, нет ли поблизости тану. Прячась за дюнами, Керрик заторопился на север. Он бежал, пока не выдохся, потом, припав к песку, посмотрел на океан, ища глазами лодки.

Ветер с востока усилился, гнал вперед темные дождевые облака. На песок упали первые капли. Керрик больше не бежал — опустив голову, он брел, пряча лицо от ливня. Лодки — он старался не терять их из виду — плыли рядом в волнах прибоя. Около полудня он остановился, чтобы пожевать мяса. Сразу вернулось отчаяние. Зачем... что он делает? Лодки были здесь, в море, и он ничего не мог поделать. Зачем эта бессмысленная погоня?

Когда он в очередной раз с опаской высунул голову из-за гребня дюны, оказалось, что лодки остановились, к ним присоединились и те, то рыбачили в неглубокой протоке, отделявшей берег от невысоких песчаных отмелей. Он видел, как затаскивают в них сети, как перегружают улов. Нападения можно не опасаться — они ловят рыбу. На море поднялись волны, ветер крепчал, близилась буря. Иилане' в лодках понимали это и по какой-то команде, которой он не расслышал, разом повернули обратно к городу.

Вскочив на ноги, Керрик следил, как медленно исчезают они за струями дождя. Сам он вымок насквозь, борода и волосы прилипли к лицу, но Керрик не замечал теплого дождя. Хесотсан шевельнулся в его руке, пытаясь поймать струйку воды крошечным ртом. Керрик и сам с наслаждением глотал капли воды, подняв лицо к небу. Все. Можно уходить. Что еще можно сделать? Ему ничего не приходило в голову.

В воде, там, где недавно были лодки, мелькали темные силуэты. Разбивавшиеся о песчаные островки крутые волны высоко поднимали их. Волны перехлестывали через отмель, выбегая на берег. Керрик узнал — это были энтиисенаты, он видел, как они играют возле пасти урукето. В одиночку они не плавают — значит, поблизости урукето. Так и оказалось. Из-за пелены дождя медленно появился силуэт урукето. Волны обрушивались на его бока, растекались вокруг плавника. Урукето плыл медленно и, похоже, не справлялся с разбушевавшимся морем. Огромному созданию негде было развернуться, чтобы уйти в открытое море.

Лодки давно исчезли из виду, и очевидцами случившегося стали только Керрик и энтиисенаты. Урукето бил могучим хвостом, но не двигался. Он попал на мель. Могучие волны повалили

гиганта на бок, повлекли по песку. Даже спинной плавник опустился в воду. Внутри были иилане', захлестывающая полость темная вода выбрасывала их в волны. Когда вода отхлынула, Керрик увидел обращенный к берегу невидящий огромный глаз.

Гигант погибал на мели. В разбивавшемся рядом прибое суетились энтиисенаты, выпрыгивая из воды. Искусные пловцы, они были в безопасности. Но их урукето погибал.

Новая огромная волна протащила гиганта по песку, приблизила к берегу. Спинной плавник распластался по воде. Спасения не было. Огромный грудной плавник поднимался к небу и уже слабо дергался. Керрик видел, как вода то втекает в полость спинного плавника, то вытекает оттуда. Откатилась назад волна, на ней замелькали головы экипажа. Они отчаянно боролись с волнами, стараясь приблизиться к берегу. Одна из иилане' уже поднялась на ноги, волоча за собой обмякшее тело товарки, когда огромная волна поглотила обеих. Вскоре она отхлынула, но несчастные исчезли.

Урукето погибал, плавники его еле дергались, но экипаж боролся за жизнь. Волны уже бушевали не с такой губительной силой, ветер начал ослабевать. Керрик видел, как одна из иилане', капитан, должно быть, стоя по грудь в воде, отдавала распоряжения уцелевшим. Они извлекали из плавника какие-то свертки, вытаскивали их на берег, возвращались за новыми. Многого спасти не удалось. Отверстие в плавнике судорожно закрылось, да так крепко, что пришлось даже высвобождать последнюю иилане'.

Наконец пятеро уцелевших устало опустились на песок рядом с пожитками, которые удалось спасти. Четверо лежали, а одна стояла, не в силах отвести взгляда от гибнущего гиганта.

Взяв хесотсан на изготовку, Керрик медленно пошел к ним. А почему бы и нет? Оружия не видно, они измучены борьбой со стихией, сопротивления не будет. Но говорить они в состоянии. И они расскажут ему обо всем, что произошло в городе. Он слышал, как кровь стучит в висках. Сейчас он все узнает.

Он подошел ближе и увидел, как стоявшая нагнулась вперед. Знакомая манера... Конечно же!

— Эрефнаис! — окликнул он и, когда капитан, не скрывая удивления, обернулась к нему, сухо улыбнулся. — Ты должна помнить меня. Вряд ли тебе приходилось разговаривать с другим устузоу.

Глава 25

Онемев от изумления, Эрефнаис глядела на возвышавшуюся над ней рослую фигуру. Мысли путались, голова была тяжелой. Опустив на глаза прозрачные мембраны, она очистила их от соленой воды.

— Керрик... — тупо промолвила она.

— Он самый.

Уцелевшие иилане′ обернулись на голос, знаками выражая смятение и озабоченность.

— Прикажи им, — начал Керрик в манере высочайшей, обращающейся к нижайшим, — не делать никаких глупостей. Если ничего не будут делать — останутся в живых. Пусть слушаются тебя. Поняла?

Онемевшая Эрефнаис, казалось, совсем не понимала, о чем идет речь. Все они такие, подумал Керрик. Указав на погибшего или еще чуть живого зверя с простотой фарги, Эрефнаис проговорила:

— Мой первый. Когда он проклюнулся, я сама кормила его свежей рыбой из рук. Так делают все капитаны. Урукето немного соображают, в какой-то степени их можно считать разумными. Он знал меня. Я научила его всему, что им положено знать. Да, я понимаю, он стар, ему уже пятьдесят пять, почти пятьдесят шесть, больше они не живут. Будь мы в открытом море, этого не случилось бы. Если бы не эта узкая протока... Но таков был приказ. — Она с отчаянием поглядела на Керрика. — Помню, ты тоже плавал в нем. Мы тогда удачно пересекли океан, и даже шторм не мог помешать нам.

Все члены экипажа поднялись на ноги и слушали ее слова. Они жили внутри урукето. Он был их домом. Одна из иилане′ нагнулась, ее движение привлекло внимание Керрика. Она не села, а искала что-то среди наваленных кучей пузырей и других емкостей.

— Отойди! — рявкнул Керрик, делая жест смертельной угрозы и спешки. Не слушая, она подняла с песка хесотсан.

С криком Керрик выстрелил, шип попал в один из контейнеров. Она направила на него оружие. Керрик бросился на песок и опять выстрелил.

На этот раз выстрел оказался удачным. Игла попала в грудь, и стрелявшая повалилась лицом в песок. Керрик рванулся вперед

и, прежде чем члены экипажа успели отреагировать, подхватил второй хесотсан.

Прошло какое-то мгновение, но все переменилось. Неподалеку от убитой безжизненно осела на песок другая иилане′ — ее сразила игла, предназначавшаяся Керрику. Ткнув пальцем в Эрефнаис и двух оставшихся, Керрик крикнул:

— Я же приказывал тебе, просил удержать их! Ненужная смерть. А теперь все вы — отойдите от вещей. Двое погибли. Довольно!

— А восемь погибли в урукето, — чуть шевеля конечностями, тихо молвила Эрефнаис, так что он еле расслышал ее слова.

— Расскажи мне, что в городе? — громко сказал Керрик, настойчиво требуя информации движениями рук. — Что там произошло? Расскажи мне об Алпеасаке.

— Так ты там не был? — спросила Эрефнаис, словно наконец осознав смысл его слов.

Сделав резкий отрицательный жест, Керрик быстро взглянул на членов экипажа, потом на капитана.

— Я был очень далеко и недавно вернулся. Что случилось?

— Вейнте′ говорила, что сражения не будет, но она ошиблась. Эйстаа слушала ее и помогала во всем, ведь зимние ветры уже дуют на Икхалменетс, и ей так хотелось верить Вейнте′. Она рассказала эйстаа об этом городе, заручилась ее поддержкой и, уже оказавшись здесь, обещала, что битвы не будет. Семена посеяли, устузоу стали гибнуть, и Алпеасак должен был вновь вернуться к иилане′. Но устузоу напали с моря на остров, мы отбили атаку. Вейнте′ плыла со мной на этом урукето, и я помню, как она торжествовала, как наслаждалась победой и как потом разъярилась, когда оказалось, что устузоу обманули ее, — оказавшаяся рядом могучая фарги даже умерла от страха.

— Обманули... Как обманули? — воскликнул Керрик.

— На остров напало малое войско. Говорили, что все они погибли. Но тем временем остальные бежали из города; они оставили только следы, мы никого не поймали. Так что война не закончилась. — Выпрямившись, насколько позволяла кривая спина, Эрефнаис посмотрела Керрику в лицо. — Керрик-устузоу, зачем она делает это? Ты знаешь ее. Какая ненависть гонит ее? Город вновь в руках иилане′, ради этого мы пришли сюда, ради этого так много погибло. А она говорит эйстаа, убеждает ее, что устузоу вернутся. Они говорили об этом в плавнике моего урукето, так

что я знаю. И эйстаа согласна, они хотят преследовать устузоу и напасть на них. Опять иилане́ погибнут.

— И устузоу тоже погибнут, Эрефнаис, — проговорил Керрик, опуская хесотсан. — Я тоже хочу, чтобы побоища прекратились.

Эрефнаис словно забыла о его присутствии. Она глядела в море, на безжизненную тушу урукето.

— Вот и энтиисенаты расстроились — погляди, как высоко прыгают. Умные создания. Они здесь не останутся. Энтиисенаты вернутся в гавань. Там их можно будет приучить кормить другого урукето и следовать за ним. А нам пора идти. Мы должны рассказать обо всем.

— Нет! — воскликнул Керрик, поднимая оружие. — Вы не сделаете этого. Вейнте́ не должна узнать обо мне. Ты ведь все должна ей рассказать, не так ли?

Эрефнаис жестом показала, что не понимает его.

— Когда мы доложим, о твоем присутствии станет известно.

— Знаю. Ты не солжешь, даже если бы умерла.

— «Солжешь» — что значит это слово? Я не понимаю. Объясни.

— Этот термин изобрела Вейнте́, чтобы описать особенность поведения устузоу, не свойственную иилане́. Это неважно. Важно, что я не могу отпустить вас. Она станет искать меня, разошлет птиц, и нас поймают. Самцов, наверное, оставят в живых... ненадолго. Я знаю, какую цену заплатят они за свою недолгую свободу. Пляжи — столько раз, на сколько у них хватит сил. Извини, я не могу отпустить вас.

— Мы возьмем карты, — сказала Эрефнаис. — Их нельзя здесь оставлять. Прочее пусть полежит, придут остальные, заберут все ценное.

— Стой! — приказал Керрик. — Что ты делаешь?

— Беру карты, — отвечала Эрефнаис. — Это очень точные и редкие карты.

— И куда ты собираешься их нести?

— В Алпеасак.

— Нельзя. — Он прицелился. — Ты была мне другом, никогда не обижала меня. Но дело не в моей жизни. Попробуешь уйти и погибнешь. Понятно?

— Но мой урукето умер, остался один только город.

— Нет.

Раздался пронзительный крик. Керрик обернулся. Одна из членов экипажа убегала по пляжу, он прицелился, выстрелил,

она упала. Он быстро повернулся к другой, но слишком поздно — та была уже далеко. Керрик прицелился...

Открыв рот, она осела на песок, глаза ее остекленели.

— Ты понимаешь, — проговорила Эрефнаис, — урукето умер. Она была бы жива, если бы ты не вмешался. Ты не дал ей вернуться в город, и она умерла как отвергнутая эйстаа. — Она тревожно посмотрела на Керрика. — Мне тоже теперь не командовать.

— Нет! — крикнул Керрик. — Не надо!

Отвернувшись от него, Эрефнаис тяжело осела на песок. Он подбежал к ней... Он не хотел, чтобы она умирала, но жизнь успела оставить ее прежде, чем он оказался рядом. Взглянув на три свежих трупа иилане́, он пришел в отчаяние. Он не хотел их смерти, но не смог это предотвратить. Новая потеря, ужасная и бессмысленная.

Энтиисенаты дружно направились к городу, они торопились. Урукето умер, больше им нечего было здесь делать.

Поглядев на энтиисенатов, Керрик ощутил беспокойство. Когда они вернутся одни, в городе поднимут тревогу, ведь так просто урукето они не оставляют. Вышлют на поиски лодки, может быть, даже еще одного урукето. Он взглянул на небо — еще не начинало вечереть, иилане́ могут оказаться здесь до темноты. Он заставил себя унять подступающую тревогу. Надо думать, торопиться рано. Впереди полдня, больше ему и не нужно. Первое и самое очевидное — он не должен оставить здесь ни одного следа.

Подумав об этом, он посмотрел на четкую цепочку следов, протянувшихся от гребня дюны. Ливень стихал, может быть, он смоет следы, а может, и нет. Керрик отложил хесотсан и осторожно вернулся по своим следам назад — туда, где начиналась трава. Нагнувшись, он пошел обратно, на ходу затирая следы руками. Дождь доделает остальное.

Теперь следует позаботиться о мертвых. Он извлек шипы из кожи убитых и зарыл их в песок. А потом по очереди перетащил тела к воде, туда, где плескались волны. Эрефнаис была последней. Пальцы ее не разжала и сама смерть — ему пришлось потрудиться, чтобы вытащить карты и бросить их на песок. Покопавшись в пожитках, он не обнаружил ничего полезного. Еда и вода, лучше не трогать. Но хесотсан надо взять. Он перетаскал оставшиеся припасы к океану, поближе к телам. Пусть волны выбросят их на берег. Оставалось разровнять за собой следы на песке.

Обратно, на север, он пойдет по воде. Если он ничем не выдал себя, все сочтут происшедшее просто несчастным случаем. В шторм урукето выбросило на мель, экипаж утонул, пытаясь спасти снаряжение. А следы нужно уничтожить.

Что делать с картами? Он хотел выбросить их в океан, но передумал. Может быть, из них он сможет узнать о новой эйстаа? Все иилане′ были родом из Икхалменетса — так сказала Эрефнаис. Название он помнил, но, где располагался город, не знал. Впрочем, это неважно, — нельзя просто выбросить их, не разобравшись, а времени на изучение уже не оставалось. Придется взять с собой вместе с оружием. По колени зайдя в воду, он напоследок окинул песок долгим взглядом. Сойдет. Войдя в воду поглубже, он двинулся на север. Теперь он все вспомнил. Все эти хлопоты на берегу так и не позволили ему осознать главное.

Они уцелели! Оставили город без боя, и, как говорила Эрефнаис, остались в живых почти все. Должно быть, саску вернулись в свою долину, тану отправились вместе с ними. Вейнте′ поклялась отправиться следом, но пока медлила. Значит, они живы.

Всю ночь шел дождь и перестал только перед рассветом. Керрик хотел идти побыстрее, но в тени деревьев было душно и жарко. Солнце яркими пальцами света перебирало листву, но с веток все еще капало. Земля под ногами была покрыта мхом и травой, ступать было легко, особенно если не забывать смотреть под ноги. Он держал хесотсан наготове — здесь водились крупные хищники, — второй вместе с картами лежал в мешке за плечами. Вокруг было много дичи, но Керрик не хотел тратить время на охоту. Надо было побыстрее вернуться в лагерь у озера...

— А я услышал твои шаги, — проговорил Харл, выходя из-за дерева, — и подумал, что это мараг.

Вздрогнув, Керрик повернулся к мальчику и улыбнулся. Харл вырос в лесу. Керрик понимал, что самому ему уже не стать таким следопытом и охотником.

— Скажи мне, что в лагере? — попросил он.

— Вчера я убил оленя, бычка. Целых семь веток на рогах.

— Значит, мы будем сыты. Ну а... неприятностей никаких не было?

— Ты спрашиваешь о мургу? Они держались в сторонке, мы их даже не видели. — Глаза мальчика все время на ходу внимательно оглядывали лес. И хотя он будто и не глядел под ноги, шаги его были беззвучны. А вот под ногами Керрика изредка по-

хрустывали ветки. — Пойду вперед, — объявил Харл, — предупрежу всех, что ты вернулся.

Когда Керрик вошел в лагерь, все уже были готовы к встрече. Повизгивая от восторга, Арнхвит выбежал ему навстречу. Керрик радостно подбросил мальчонку в воздух. Армун улыбалась, опиравшийся на костыль Ортнар, как всегда, был невесел. Керрик сразу же рассказал обо всем, что случилось.

— Саммадов в Деифобене нет, но они живы. Я добыл стреляющую палку и карты. Есть и еще новости... Только дайте сперва попить, я пришел издалека.

Он пил большими глотками, отфыркивался, поливал водой голову. А потом уселся и рассказал обо всем, что видел.

— Но ты не узнал, где саммады, — сказал Ортнар, когда Керрик закончил.

— Им некуда идти, кроме долины саску. Дорога известная. У них много стреляющих палок. Для мургу они окажутся крепким орешком.

— Но мараг, о котором ты говорил, сказал, что за ними будет погоня, — озабоченно проговорила Армун. — Надо бы пойти туда, предупредить.

— Они знают все сами, — сурово ответил Керрик.

Что делать? Можно ли что-то сделать? Или кровопролитие никогда не кончится? Все дело в Вейнте′. Умри она — и взаимное истребление прекратится. Но она далеко и от копья его, и от стрелы.

Так что сделать ничего нельзя — вот и весь ответ. Ничего. И саммады будут убегать, а мургу — преследовать. Жестокая, но неизбежная истина.

Глава 26

Вечером Керрик пересек невидимую границу, отделявшую тану от иилане′, чтобы вернуть самцам хесотсан. Оружие необходимо им для охоты — с копьем или луком они ничего не сумеют добыть. Заметив, что он уходит, Арнхвит окликнул отца и припустил следом. Одна из карт Эрефнаис была у него под мышкой — раскрашенные картинки просто завораживали мальчугана. Кроме самого Керрика, только его интересовали всякие изделия иилане′. Взяв сына за руку, Керрик направился в лес; детская ладошка, теплая и мягкая, подбадривала его. Впрочем, присутствие сына не могло развеять грустных дум и отчаяния.

— Ушедший возвращается! — крикнул Керрик, завидев Имехеи. — Есть информация великой важности.

Услышав его голос, Надаске' высунул голову из зеленой спальни, чтобы видеть, как говорит Керрик.

— Рад-видеть-снова, — проговорил он, сопровождая слова жестами облегчения.

— Согласен, — отозвался Имехеи. — После того как ты ушел, смерть от рук коварных устузоу ждала нас каждое мгновение.

Не обращая внимания на очевидное преувеличение, Керрик вернул хесотсан с жестами благодарности. В ответ на вопросительные движения, он рассказал им, что случилось в Алпеасаке.

— Устузоу бежали, там опять иилане'.

— Так близко... самки и смерть совсем рядом, — застонал Имехеи.

— Когда город принадлежал устузоу, тебе тоже не нравилось, — напомнил ему Керрик. — Решай, что тебе больше по вкусу.

— Плохо и то и другое, — отозвался Надаске'. — Смерть ждет нас: от острого камня или на родильных пляжах.

— Тогда держитесь подальше от города.

— Посмотри! Видишь? — проговорил Арнхвит, пролезая между ними с картой в руках.

Имехеи взял ее, дивясь ярким краскам. Керрик открыл было рот... и умолк в изумлении.

Арнхвит говорил на иилане'. Неправильно и просто — но на иилане'!

Имехеи и Надаске' радовались цветам и тонко прорисованным деталям, а мальчик гордо следил за ними. Он слушал их речь и явно отчасти понимал, что они говорили. От радости Керрик подхватил мальчонку с земли, подкинул в воздух, усадил на плечи. А почему бы ему и не понимать иилане'? Малыш учился говорить, как все дети: приглядываясь и прислушиваясь... Сам Керрик выучил иилане' тоже мальчиком, хоть и постарше. Он был горд сыном, более чем горд. Произошло важное событие. До сих пор только он один на всем свете умел говорить и на марбаке, и на иилане'. Теперь их двое.

— Предмет великого искусства, — проговорил Имехеи, поворачивая карту к свету, чтобы насладиться яркой раскраской. — Великое мастерство! Посмотри на эти линии, протянувшиеся от одного края до другого.

— У них есть назначение, — отвечал Керрик. — Они помогают вести урукето через океан.

— Нет смысла, нет назначения, — отвечал Имехеи.

— Они нужны на урукето, который привез вас сюда, — ехидным тоном ответил Керрик. — Без них вы бы окончили свои дни в холодном море.

— Они бесполезны, ведь я никогда больше не спущусь в вонючее-скучное нутро урукето. Годится, чтобы повесить на стенку, украсить жилище... возле фигурки ненитеска, о чем вежливо просим.

— Нет, — ответил Керрик. — Сначала я хочу изучить их. Они из Икхалменетса. Знаете ли вы, где это?

— Далеко, много рыбы.

— Остров невеликой важности.

Как всегда, самцов не интересовало ничего, что выходило за пределы повседневного быта, личных удобств. «Что с них взять?» — подумал Керрик. В ханане у них не было никаких обязанностей. Но они сумели перемениться и выжить, и он уважал их за это.

В странной задумчивости возвращался он с Арнхвитом на плечах и картой в руках. Очень важно, что мальчик начал осваивать иилане'. Он чувствовал это, но не мог умом понять — почему. Когда все уснули, он коротко рассказал об этом на ухо Армун.

— Знаешь, Арнхвит уже немного научился разговаривать с мургу и будет говорить еще лучше.

— Зачем он к ним ходит, к этим гадким созданиям? Я прослежу, чтобы Даррас побольше играла с ним. Когда мы возвратимся к саммадам?

— Не знаю... Я просто не знаю, что делать. — В темноте они тесно прижимались друг к другу, и он делился с женой своими сомнениями и страхами. — Долина далеко, мургу будут следить за всеми дорогами к ней. Как спрятаться от них? Ортнар не может ходить. Я не думаю, что он отправится с нами, зная, что ему придется лежать на травоисе словно младенцу. В этом случае он просто уйдет в лес пешком. Что тогда с нами будет? Дети... И только Харл может охотиться. Он знает охоту лучше меня.

— У меня сильные руки и крепкое копье.

— Знаю. — Он зарылся носом в пахнувшие свежестью волосы. — В тебе моя сила. Но об охоте ты знаешь не больше меня. Нам будет нужна еда. Здесь много дичи, и Харл добывает нам пропитание, к тому же в озере много рыбы. Если мы уйдем, в

пути нам придется трудно. Я думаю, что таких дорог мы прошли более чем достаточно. Слишком много.

— Значит, ты хочешь, чтобы мы остались здесь?

— Не знаю, я сам не понимаю, чего хочу. Когда я пытаюсь серьезно все обдумать, сразу становится тяжело на душе... Пока мы здесь в безопасности. Нужно время, чтобы решить, что делать. Нужно подумать о саммадах — не можем ли мы чем-нибудь помочь им? Мургу будут преследовать их.

— Охотники сильны. Они сумеют позаботиться о себе. Это не твое дело, — рассудила Армун.

Точный и практичный ответ. Она разделяла его чувства... кроме ответственности за всех тану. Она готова была биться за то, что дала ей жизнь. За Керрика, сына, за их крохотный саммад. Это ее мир. Пусть он невелик, но ей нет дела до других. Жить с ними и выжить — больше она ничего не хотела. Что ей до саммадов?

Но для Керрика все было не так просто. Покрутившись с боку на бок, он наконец заснул.

Проснувшись поутру, он спустился к озеру и уселся на берегу, глядя на спокойные воды. По поверхности пробегала рябь — в озере было много рыбы. Пролетела, вереща, стая больших птиц с коралловыми перьями. По крайней мере в этот миг на земле царил мир.

Арнхвит разбросал карты иилане' по всему лагерю, и Керрику пришлось подбирать их с земли. Он расправил самую верхнюю и попытался разобраться в ней. Бесполезно. Наверное, одним цветом была обозначена суша, другим — море, но краски переплетались самым причудливым образом, напоминая связанные из костей карты-сетки парамутанов. Те хоть можно было как-то понять. Калалекв показал ему вечные льды, землю на той стороне океана, и Керрик понял его. Но все прочее выходило за рамки его понимания. Вероятно, парамутаны и сумели бы разобраться во всех этих цветных пятнах, но он не мог. Может быть, лучше отдать все карты самцам, чтобы те украсили ими свое жилище? Он бросил карты на землю и невидящими глазами уставился на непонятные завитки.

Что делать? Будущее покрыто мраком. Здесь, у озера, можно было укрыться лишь на время. Словно звери, запрятались они в эту нору, стараясь укрыться от врага. Повсюду разлетятся птицы-соглядатаи, и бдительные иилане' рано или поздно проведают про их убежище. И тогда — конец. Но что им еще остается? Бежать на запад, в долину? Опасное путешествие, но там их ждут друзья, все саммады. И тоже грозит беда, ведь Вейнте' идет за ними по следам. Что нужно делать?.. Что можно сделать? Ничего... ничего! Куда ни кинь, всюду клин! И впереди ничего, кроме отчаяния и неизбежной смерти. Что он может сделать? Выхода нет.

Он сидел у воды, пока солнце не поднялось высоко и мухи не стали лезть ему в рот и глаза. Он машинально отмахивался, и страх его был велик.

Потом они ели оленью ногу и похваливали удачливого Харла, так что наконец мальчик покраснел и отвернулся. Но Ортнар был не согласен.

— Стыдись. Тебе понадобилось три стрелы.

— Но там были густые кусты, и мне мешали ветки, — оправдывался Харл.

— Кусты всегда густые. Иди-ка, принеси сюда лук... Пусть это дерево будет оленем. Убей его.

Ортнар двигался с огромным трудом. С луком он управиться не мог, но копьем орудовал превосходно. Он знал охоту и многому мог научить Харла. И Арнхвита, надеялся Керрик. Мальчуган частенько увязывался за старшим приятелем и внимательно смотрел и слушал.

— Ортнару еще не время идти одному в лес, — сказал Керрик, обращаясь к Армун.

Проследив за его взглядом, она согласно кивнула.

— Мальчики должны учиться. И охотник Ортнар знает важные вещи.

— А я не знаю.

Она рассердилась.

— Это глупые охотники не знают всего, что известно тебе. Ты умеешь говорить с мургу, ты пересек океан. Ты вел саммады к победе. Конечно, любой охотник умеет стрелять из лука и бросать копье, но разве они знали, что делать со стреляющими палками, пока ты не научил их? Ты — больше, чем все они вместе. — Гнев ее быстро утих, и она улыбнулась. — Я тебе правду говорю.

— Пусть так. Но теперь я ничего не могу понять. Я гляжу на солнце и вижу тьму. Если мы останемся здесь, однажды нас непременно обнаружат мургу. Если уйдем к саммадам, нас тоже ждет смерть, когда Вейнте' нападет на нас. Что делать? — Он вспомнил ее слова. В них было что-то важное... — Ты сказала, что

я пересек океан. Но я совершил это путешествие во чреве твари, созданной мургу. Но есть и люди, которые плавают по воде.

— Парамутаны, — кивнула Армун. — Они плавают по воде и охотятся на уларуаква — так они сами говорили.

— Да, они способны на это. Парамутаны, которые привезли нас сюда, сказали, что вернутся осенью рыбачить. Вот если бы мы могли уплыть с ними... Но мы не знаем, что ждет нас у того берега океана. Смерть может подкараулить нас и в далеких краях. И нечего соваться неизвестно куда. Но тогда можно опоздать. Что делать? Надо было оставаться с ними. Переплыть на другую сторону океана. Они говорят, что там холодные земли. Но к югу от них найдутся края потеплее. Я знаю это, ведь я был за морем в стране мургу, а они живут лишь там, где жарко. Но, может быть, нам удастся отыскать страну между жарой и холодом, где мы могли бы плыть и охотиться? Может быть... — Вздрагивая от возбуждения, он взял жену за руки. — Я могу поплыть с парамутанами и поискать за океаном безопасное местечко, где-нибудь южнее льдов и севернее мургу, где можно будет охотиться. А потом я вернусь за вами. А пока вы останетесь здесь и будете остерегаться птиц. Еды вам хватит до моего возвращения. Что ты думаешь об этом?

В поисках выхода из ловушки, поглощенный новыми планами, Керрик даже не заметил, что улыбка на лице Армун сменилась отстраненным выражением, и не догадался ни о чем, пока она не ответила:

— Нет, этого не будет. Больше ты не оставишь меня.

Он взглянул на жену, удивленный таким отпором, и почувствовал раздражение.

— Ты не можешь приказывать мне. Я поплыву по холодному морю, чтобы всем нам...

Она мягко прикрыла его рот теплой ладонью.

— Ты неправильно понял меня, это я виновата. Но я испугалась. Я просто хотела тебе сказать, что никогда больше не оставлю тебя. Если ты отправишься в путь, я последую за тобой. Однажды мы уже разлучались, и оба чуть не погибли в пути, стремясь друг к другу. Это было ужасно и не должно повториться. Ты мой саммадар, а я твой саммад. Хочешь отправиться за море — едем за море. Но все вместе. Я последую за тобой повсюду. Я помогу тебе, чем только смогу, и прошу лишь об одном: не оставляй меня. Мы не должны разлучаться.

Керрик понимал ее, ведь и сам он чувствовал то же самое. Он

прожил в одиночестве целую жизнь — и она тоже. И так недолго они были вместе. Ни слова не говоря, он крепко прижал ее к себе.

Но нужно было считаться с опасностями.

— Я должен уйти, — сказал он. — Если ты пойдешь со мной, тем лучше. Но мы не можем взять с собой детей, ведь мы не знаем, найдется ли там безопасное место.

Его предложение не обрадовало Армун. Неужели придется оставить здесь сына? Неужели нет другого выхода? Она не могла ничего придумать. Плохо, но ничего не приходило в голову. Надо быть практичной и сильной. И, тщательно все обдумав, она сказала:

— Что ж, ты сам сказал, что здесь безопасно. Пусть Харл охотится — он уже не ребенок. Ортнар будет приглядывать за ними до нашего возвращения. Арнхвит и девочка уже не нуждаются в присмотре. Даррас умеет искать в лесу травы и коренья, делать всю женскую работу.

— Ты оставляешь мальчика здесь? — изумленно спросил Керрик. Эта мысль не приходила ему в голову.

— Придется. Он — все для меня, и я не хочу расставаться, но его придется оставить. Пусть поживет под присмотром до нашего возвращения. Я согласна на это, потому что не могу расстаться с тобой.

— Надо подумать... — пробормотал Керрик, не ожидавший столь решительного ответа.

— Нечего думать, — не терпящим возражения тоном сказала Армун. — Решено, обдумывай подробности — и в путь.

Ее уверенность укрепила Керрика в мысли, что все будет хорошо. Есть ли иной выход? Тащиться за саммадами в долину? Если они не погибнут в пути, смерть придет вместе с Вейнте́ и ее бесчисленными фарги, ядом терновых шипов хесотсанов. Остаться здесь? Ничего хорошего это не обещало. Разве можно спрятаться на всю жизнь возле города иилане́? Их рано или поздно обнаружат. Здесь могли жить только двое самцов, ибо им просто больше некуда деваться. Впрочем, он должен подумать и о них, планы свои ему придется обсудить и с ними.

Когда Керрик пришел к самцам, Имехеи громко застонал:

— Не уходи, это ужасно.

— Здесь хорошо, просим тебя остаться, — твердо сказал Надаске́.

Приняв позу высочайшей при обращении к ничтожнейшим, Керрик сказал:

— Вас не убьют и не съедят. Я хочу, чтобы вы вместе со мной пошли в лагерь устузоу, там и будем вести разговор. Вы должны присутствовать, когда я буду говорить о будущем. Вы ведь не только что из моря, как Арнхвит, и вам уже приходилось идти вслед за Ортнаром. С вами ничего не случится. Идемте.

Он долго уговаривал их и наконец убедил. Все было решено: надо отправляться за океан и отыскать там убежище для себя и своего саммада. Эти двое не должны помешать ему. Он заставил их прийти, но они старались держаться от людей как можно дальше и со страхом жались друг к другу.

Керрик стоял посередине. С одной стороны иилане, оцепеневшие от ужаса или изображавшие страх. С другой сидел хмурый Ортнар, привалившись к дереву. Остальные тану, казалось, более не опасались мургу. Арнхвит даже бежал показывать Имехеи свое новое сокровище — костяной свисток, который для него смастерил Ортнар. Оружия у людей не было — Керрик позаботился об этом.

Все будет хорошо. Иначе просто быть не может. Наверное, такой план мог возникнуть лишь у отчаявшегося человека. Все равно. Остается лишь выполнить его.

— Я хочу сказать вам важную вещь, — обратился он к тану, повторив то же самое иилане. — Важное сообщение. Внимайте-и-повинуйтесь.

И Керрик объявил, что они с Армун уходят, но скоро вернутся.

Глава 27

Umnuniheikel tsanapsoruud marikekso.

Не убив зверя, вкусного мяса не приготовишь.

Апофегма иилане

— Что это? — спросила Вейнте, раскладывая перед собой снимки.

— Только что получили и изготовили, — ответила Анатемпе, располагая отпечатки по порядку. Она показала на модель Гендаси. — Птица высоко летела над этой частью побережья, почти прямо на запад от нас. Бежавшие устузоу могли идти вдоль берега.

— Ничего не видно, — проговорила Вейнте, сопровождая слова жестами разочарования и досады. — Повсюду одни облака.

— К сожалению, это правда. Но мы послали другую птицу...

— И к тому времени, когда она прилетит куда нужно, устузоу скроются? Мне нужны снимки устузоу, а не облаков!

Ее руки тряслись, выражая силу эмоций. Движением пальцев Вейнте смахнула снимки на землю.

— Я слежу за птицами, а не за облаками, — коротко ответила Анатемпе, позволяя чувствам проявиться в движениях тела.

Она больше не хотела, чтобы Вейнте срывала на ней скверное настроение. Заметив это, Вейнте предалась более холодному и опасному гневу.

— Ты подвергаешь сомнению мои приказы? Ты находишь их оскорбительными?

— Я подчиняюсь тебе, потому что так велела мне Укхереб по приказу эйстаа. Я только выполняю свой долг. — Анатемпе закончила знаками вечной службы и повиновения.

Вейнте хотела возразить, но безмолвно застыла и, резким движением отпустив ученую, дала волю своим чувствам, лишь когда та повернулась к ней спиной. Будь она снова эйстаа, подобное оскорбление повлекло бы за собой смерть провинившейся. Но в словах ученой было слишком много правды. Эйстаа была Ланефенуу, которая приказывала всем — и ей в том числе. С этим нужно смириться. Недовольно оглянувшись, она заметила фарги, топтавшуюся возле входа. Она терпеливо ожидала, пока Вейнте соизволит обратить на нее внимание.

— Послание для Вейнте высочайшей... — косноязычно начала фарги.

Вейнте сдерживала гнев — иначе тупое создание все позабудет или тут же умрет от отчаяния, если поймет чувства Вейнте.

— Я Вейнте. Говори медленно-осторожно. Я вся внимание.

— Иилане Наалпе урукето в гавани требуется сообщение.

Это было уже слишком, но, дивясь своему долготерпению, Вейнте ответила:

— Требуется разъяснение. Ты сообщаешь мне, что Наалпе сейчас в гавани на своем урукето и желает говорить со мной?

— Согласие! — Тело фарги задергалось от удовольствия, что ее поняли.

По знаку Вейнте безмозглое создание покорно отправилось восвояси, не замечая презрительных жестов, которыми Вейнте

оценила ее способности. Едва она ушла, появилась вторая фарги, также изъявившая желание общаться.

— Общайся! — резко приказала Вейнте′. — Требую говорить лучше, чем предыдущая вестница.

Вторая фарги говорила вразумительнее, ибо ее прислала эйстаа, которая использовала лишь тех, кого всегда можно было понять.

— Требование от высочайшей, переданное через нижайшую, к знатной Вейнте′. Теплые приветствия и желание видеть на амбесиде после завершения трудов.

— Передай эйстаа удовольствие и повиновение, извести о немедленном прибытии.

Несмотря на то что эйстаа обращалась к Вейнте′ вежливо, повиноваться надлежало немедленно. Ей очень хотелось поговорить с Наалпе′, однако с этим приходилось повременить.

Впрочем, Вейнте′ не намеревалась торопиться и сломя голову мчаться на амбесид, чтобы появиться запыхавшейся и онемевшей. Стараясь держаться в тени, она направилась к амбесиду, зная, что посыльная опередит ее и доложит о ее повиновении приказу эйстаа.

Идти по знакомым переходам было горько и сладко одновременно. Сладко потому, что город вновь был в руках иилане′, горько потому, что большая часть его все еще лежала в руинах, и еще потому, что устузоу сбежали. Этого не должно быть. Они убежали, но их надо найти.

Большой амбесид был почти пуст — из-за моря приплыли только передовые отряды. Столько всего нужно еще починить и исправить, прежде чем Икхалменетс придет в Алпеасак. Первое — оборона, это самое главное. Ни один устузоу не должен более вступить в этот город.

Развалившись на троне у дальней стены, Ланефенуу грелась на солнце. Здесь сидела благородная Малсас<, здесь сидела и сама Вейнте′ и вершила дела, когда город был совсем юным. Странно видеть Ланефенуу на своем месте, но Вейнте′ мгновенно прогнала ревность. Никогда! Она больше не эйстаа и не хочет править. Ланефенуу — могучая правительница, привыкшая к власти и повиновению. Она великодушно разрешила Вейнте′ подготовить войско и воспользоваться силами науки, чтобы овладеть городом. И убить устузоу. Ланефенуу была эйстаа двух городов, правительницей из правительниц.

Когда Вейнте′ появилась, Ланефенуу мгновенно уловила эти

ее мысли и восприняла их спокойно. Советницы расступились, чтобы Вейнте′ могла подойти поближе.

— Прибыл урукето с вопросами и сообщениями, — сказала Ланефенуу. — Мысль об этом волнует меня, и я ощущаю желание вновь вдохнуть воздух окруженного морем Икхалменетса. Я слишком долго пробыла здесь, и перепонки в моем носу не дают вздохнуть спокойно — так надоела вонь, оставшаяся от устузоу, и запах дыма, пропитавший весь город.

— Мы очистим город от запахов, эйстаа, как ты очистила его от устузоу, осквернивших наши улицы.

— Верно сказано, я оценила. Укхереб останется здесь и приглядит за всем. Здесь будут работать ученые — это под ее ответственность. А ты будешь охранять город до прибытия иилане′. Ясно ли я сказала?

— Безусловно, эйстаа. Мы будем не править, а работать вместе. Одна строит, другая охраняет. В городе должна быть одна правительница.

— Верно. Теперь расскажи мне об устузоу.

— Те, кто убежал на север, погибли. Но мы бдительно стережем все подходы к городу на случай, если они притаились неподалеку, словно ядовитые змеи в траве.

Ланефенуу жестами выразила согласие и понимание, добавив к ним чуточку печали.

— Кому как не мне знать об этом. В городе погибло слишком много иилане′, которые могли бы наслаждаться жизнью.

— Не убив зверя, вкусного мяса не приготовишь, — с пониманием отозвалась Вейнте′, пытаясь утешить эйстаа.

Но Ланефенуу сегодня была раздражительна.

— Слишком много здесь погибло, гораздо больше, чем ты мне обещала. Но все это в прошлом, впрочем, я до сих пор скорблю об Эрефнаис, которая была так близка мне. Гибель ее и огромного урукето большая потеря для меня.

Эйстаа дала понять, что более она печалится об урукето, а не о капитане. Присутствующие неподвижно стояли вокруг эйстаа и преданно внимали ей. Ланефенуу часто напоминала, что, прежде чем стать эйстаа, она командовала урукето, так что в искренности ее чувств сомневаться не приходилось. И когда в знак скорби и потери Ланефенуу прикоснулась большим пальцем к другой руке, все дружно повторили ее жест. Но, будучи иилане′ дела, эйстаа недолго предавалась скорби. Она вопросительно взглянула на Вейнте′.

— Значит, все твои устузоу скрылись?

— Бежали в страхе и отчаянии, мы все время следим за ними.

— Поблизости никого?

— Нет. Те, что убежали на север, погибли, а на западе смерть следует за ними по пятам и ждет своего часа.

— Знаешь ли ты, куда они направились?

— Знаю, потому что уже была там и видела их город своими глазами. Он станет ловушкой для них. Устузоу не спасутся.

— А в тот раз они уцелели, — злорадно ответила Ланефенуу.

Вейнте′ задвигалась, выражая стыд, признавая справедливость укора и надеясь, что чувства эти смогут скрыть охвативший ее гнев.

— Я знаю и принимаю укор, эйстаа. Но прошлые поражения не прошли даром — они готовят пути к победе. На этот раз мы будем умнее и предусмотрительнее. Мы окружим город ядовитыми лианами, и они задушат его. Там останутся только трупы.

— Хорошо, если это будут только трупы устузоу. Ты не дорожила фарги, когда была там в последний раз. Чтобы возместить эту потерю, надо вывести на пляжи целое эфенбуру самцов.

Как и остальные, Вейнте′ выражала только почтительное внимание. Эйстаа умела выражаться не хуже грубиянок из экипажей урукето, но она была эйстаа и вольна была поступать, как хотела.

— И теперь я оставляю в твоем распоряжении иилане′ и фарги моего города. Помни, что мне дорога самая нижайшая из них.

— Я ценю их жизнь, — отвечала Вейнте′, — и готова отдать за них свою. И я благодарна тебе за то, что ты разрешила преследовать этих тварей, пока они не вернулись и не напали на город. Я выполню твой приказ, понимая, как дороги тебе все, кто живет в Икхалменетсе.

Больше говорить было не о чем, и, когда Вейнте′ почтительно попросила отпустить ее, эйстаа дала согласие движением большого пальца. Вейнте′ оставила амбесид, не проявляя неприличной поспешности, но, оказавшись за его пределами, заторопилась: уже темнело и она хотела успеть поговорить с Наалпе′.

Урукето стоял в гавани, а груз все еще таскали на берег. Капитан приглядывала за разгрузкой, но, заметив Вейнте′, приказала одной из помощниц подменить ее.

— Приветствую тебя, Вейнте′, — начала она, сопровождая

слова знаками глубочайшего уважения. — Есть информация, требуется уединение.

Они отошли подальше от любопытных глаз, и Наалпе′ заговорила:

— Как было приказано, я осталась в Йибейске на обратном пути из Икхалменетса. Я переговорила со многими и быстро разузнала о той, которая интересует тебя, — там никто не говорит ни о ком, кроме нее.

— Требуются разъяснения, — сказала Вейнте′, вежливо скрывая растущее нетерпение.

— Эта Дочь Смерти, Энге, явилась к эйстаа и объявила о своей вере. За это ее арестовали со всеми ее подругами.

— Великолепная, очень хорошая, просто согревающая информация, добрая Наалпе′...

Заметив знаки возбуждения и тревоги, Вейнте′ умолкла.

— Это не так, вовсе не так. Как это случилось, неизвестно — подробности запутало время и множество мнений. Но за точность сообщения ручаюсь, потому что сама говорила с капитаном урукето. Со мной она была откровенна, ведь нас объединяет общее дело.

— Но что же случилось?

— Энге, которой ты интересовалась, и ее подруги — все Дочери Смерти Йибейска — сели в урукето и уплыли. Никто не преследовал их, и неизвестно, куда они девались.

Не в силах вымолвить ни слова, Вейнте′ застыла на месте, лихорадочно соображая. Что это значит? Как они сделали это? Кто помогал им? Сколько их? И куда они направились?

Последние слова она произнесла вслух, но никто ей не ответил.

— Бежали... Но куда?!

Глава 28

Низкая дельта оказалась наполовину заболоченной. Но на южном берегу реки рос высокий кипарис, который во все стороны раскинул могучие ветви. В их тени можно было укрыться от жгучего солнца. Усевшись в кружок, Дочери наслаждались словами Угуненапсы. Внимательные ученицы, замерев, следили за каждым словом и движением Энге. Когда она закончила, воцари-

лась тишина — все внимательно вглядывались в себя, пытаясь понять, правильно ли они поняли слова Угуненапсы.

— Вопросы есть? — спросила Энге.

После продолжительной паузы одна из учениц, стройная молодая иилане′, нерешительным жестом попросила внимания. Энге жестом разрешила говорить. Ученица собралась с мыслями и начала:

— Прежде чем Угуненапса обрела свои мысли, прежде чем ей явилось откровение, возможно, жили другие, кто усилием разума...

Тут она умолкла, и Энге пришла ей на помощь.

— Ты спрашиваешь, была ли учительница наша Угуненапса первой во всем или же пришлось и ей черпать из знаний прежних мыслительниц? — Ученица ответила жестом согласия и благодарности. — Если ты обратишься к трудам Угуненапсы, то найдешь ответ на свой вопрос. Она искала знаний у всех мыслительниц-иилане′, размышлявших над вопросами жизни и смерти, но так и не нашла ответа, даже намека на возможный выход из положения. Тогда она стала искать объяснение этому, потому что по смирению своему полагала, что не может быть одарена неведомыми прежде познаниями, и пришла к известному выводу. Она спросила себя: что живет, а что умирает? Одна иилане′ может умереть, но город будет жить вечно. И как раз тогда умер первый город иилане′. Она пыталась узнать, не было ли уже таких случаев, но сведений не было. Город умер от холода. Тогда она попыталась посмотреть на вопрос с другой стороны. Если город может жить и не умирать, почему иилане′ обязательно должны умереть? Ведь и город умер, как умирают иилане′. В смирении своем она не могла догадаться, что город умер для того, чтобы она обрела эту мудрость. Но с благодарностью поняла, что обретает жизнь в смерти...

— Внимание, важная информация.

Слушательницы с тревогой забормотали и зашевелились — Амбаласи загородила собой Энге и не дала ей договорить. Но Энге не обратила внимания на нелюбезный поступок.

— Чем мы можем быть полезны Амбаласи, которая спасла нас всех? — громко спросила она, давая всем понять, что ученой следует выказывать высшее почтение.

— Я терпеливо ждала, пока вы закончите, но поняла, что этот разговор бесконечен. Поэтому — перерыв. Есть работа, с которой необходимо справиться до темноты. Мне нужны крепкие пальцы.

— Просят помощи, нужно помочь. — Энге окинула взглядом свою аудиторию. — Кто из вас первой поспешит помочь Амбаласи?

Но, хотя Энге просила помочь, сестры не разделяли ее энтузиазма. Им совсем не понравилась бесцеремонность ученой и не хотелось от философии обращаться к тяжелому труду.

Никто не пошевелился, а одна ученица жестом изобразила важность-учения. Энге смутилась, но не разгневалась.

— Значит, я плохая учительница, — сказала она. — Угуненапса учила нас, что все формы жизни равны, что среди иилане′ все равны и просьбу о помощи следует понимать как просьбу ради жизни. — Обернувшись к Амбаласи, она смиренно склонилась перед ней. — Я первая поспешу тебе на помощь.

Тут и ученицы, позабыв недавнее недовольство, с готовностью бросились вперед, выражая понимание и сочувствие.

— Без наставлений Энге вы будете глупы, как фарги, — сказала неисправимая Амбаласи. — Мне необходимы пятеро, чтобы носить и помогать в посадке.

Она критически оглядела сестер, по большей части хрупких, выбрала тех, кто выглядел покрепче, и вместе с помощницей отослала за необходимым.

— Прости их, — произнесла Энге. — В стремлении к познаниям они позабыли об обязательных дневных трудах.

— Все вы тратите время попусту. Отойдем, нужно кое-что обсудить.

— Испытываю удовольствие, повинуясь твоему желанию.

— Наверное, ты искренне говорила. Но только ты, Энге, только ты одна. Мне еще не приходилось иметь дело с созданиями, столь же не склонными повиноваться, как твои Дочери Лени.

Энге знаками выразила понимание и извинения.

— Тому есть причина, как и у всего на свете: удовольствие от пребывания вместе, от возможности беспрепятственно говорить о вере. Трудно противиться этому чувству. К тому же трудно отвлечься от возвышенных мыслей ради тяжелой работы.

— Возможно. Но ведь ее следует выполнять. Кто не работает, тот не ест. Приведи им этот аргумент. Разве Угуненапса не говорила об этом?

— Никогда.

— Очень жаль. Это было бы лучше для нас. Теперь встань здесь и посмотри туда. Видишь тот мыс?

— Плохо, — ответила Энге, вглядываясь в даль над мутными водами.

Плоский остров невысоко выступал над водой, как и другие островки вокруг. С жестом недовольства Амбаласи указала на плавник урукето невдалеке.

— Сверху будет лучше видно.

На берегу, конечно, не было никакого причала, но, приманивая свежей рыбой, урукето заставили прорыть глубокую борозду в иле. Теперь он отдыхал, а в приоткрытый клюв бросали еду. Энге и Амбаласи осторожно ступили на скользкую, покрытую илом шкуру. Круглый, окруженный костистым ободком глаз урукето покосился на них, другой реакции не последовало. Цепляясь когтями рук и ног за грубую кожу, они полезли наверх. Энге не торопилась, чтобы не обгонять немолодую ученую.

— Временами мне становится жалко, что я оставила Йибейск, — пропыхтела Амбаласи, — но знания превыше всего. Мы с тобой это знаем, но твоим последовательницам разума не хватает.

Уважая возраст и мудрость Амбаласи, Энге молча ответила жестом согласия. К тому же она уже поняла, что следует во всем соглашаться с ученой, чтобы не дошло до перепалки. Пропыхтев еще, Амбаласи с неудовольствием огляделась и наконец заговорила:

— Смотри-ка, видишь, там, на полуострове, зеленое пятно.

Отсюда был хорошо виден узкий перешеек — место будущего города. Растительность там пожелтела и погибла, только зеленая полоса виднелась вдалеке.

— Терновая стена, — с удовлетворением — в первый раз за весь день — проговорила Амбаласи. — Грибковая инфекция поразила всю растительность. Конечно, я могу тебе не говорить, что терновник ей не подвержен, а животные погибли от голода или убежали. Пора нам внедряться в освободившуюся экологическую нишу.

— Ты посадишь семя города, и он вырастет могучим и высоким.

Энге изобразила великое удовольствие, но не встретила никакого отклика у Амбаласи.

— Конец-разума, окостенение мысли. Я вот пытаюсь понять вашу абсурдную философию. А тебе разве трудно послушать меня и понять основы биологических знаний? Почему мы обитаем

на этом болотистом островке с такими неудобствами? Потому только, что он окружен со всех сторон водою. Быстрое течение ограждает нас от хищников. Нам приходится спать здесь под открытым небом и есть безвкусную рыбу, которую твои сестры не рвутся ловить. Нам приходится ждать, когда вырастет колючая стена, которая окружит город. И пока мы должны кормить и выхаживать маленькие хесотсаны, чтобы они выросли побыстрее и у нас появилось оружие. И выращивать в пруду лодки, потому что урукето непригоден для плавания по реке. А вот чего мы не должны делать — это сажать драгоценное семя города!

— Вопрос, выраженный со смиренным стремлением к познанию. Почему?

— Почему-почему! — Зубчатый гребень на голове Амбаласи стал красным, как и ее ладони. — Если мы посадим его сейчас, его съедят черви и жуки, или погубит грибок, или же одна из твоих неуклюжих Дочерей раздавит его ногою.

— Теперь я понимаю, — невозмутимо ответила Энге. — Прошу прощения за невежество.

Бормоча и дергая конечностями, Амбаласи отвернулась и стала смотреть на реку. Овладев собой, она заговорила вновь:

— Я думаю, что теперь терновая стена уже достаточно выросла. Теперь мне нужны иилане′, по меньшей мере половина. Утром мы отправимся на тот берег. Если перешеек уже прегражден терновой стеной, начнем очень нужный труд — расчистку земли, для чего внесем в нее выращенных нами личинок. Потом добавим азотфиксирующие бактерии и быстрорастущие-быстроувядающие кусты в качестве удобрения. И только тогда, — если все будет в порядке и я увижу, что время пришло, — мы высадим семя. Возможно ли, чтобы на этот раз ты хоть что-нибудь поняла из моих слов?

— Я восхищаюсь, — с величественной невозмутимостью отвечала Энге на новую колкость. — И благодарю тебя за подробные объяснения. Жду твоих приказов.

— Хотелось бы, чтобы и другие ждали. Вот следующая проблема. Нам нужна предводительница, та, что будет руководить этими пустяковыми созданиями.

— Это действительно проблема, — согласилась Энге, — потому-то мы и оказались здесь. Мои сестры, решившие умереть за свою веру, сначала понимают, что эйстаа не способна погубить их, а потом предаются радости от обретенной свободы. Они будут работать вместе, им даже не нужно будет приказывать.

— Если некому их возглавить, за кем же они последуют?

— Это очень серьезный вопрос, и я долго размышляла над этим.

— Лучше бы ты размышляла над ним не так долго, а побыстрее, — недовольно проворчала Амбаласи. — Или же все мы умрем, прежде чем ты отыщешь решение. У всех общественных животных есть вожак, который принимает решения. Посмотри. — Она указала на стайку пестрых крошечных рыбок на мелководье у берега. Что-то испугало их, и рыбешки дружно метнулись в сторону. — Одна из них всегда впереди, — сказала Амбаласи. — У муравьев есть царица, чье плодовитое лоно порождает их всех. Сестры — те же муравьи. Их надо возглавить.

— Я понимаю...

— Нет, ты не понимаешь. Иначе ты уделила бы этому все свое внимание. Надо прекратить все эти игры и разговоры, чтобы ты могла целиком обратиться к этой проблеме и не отвлекаться ни на что, пока не примешь решения. Должна быть предводительница, которой дана власть, должны быть помощницы.

— Получается эйстаа со своей свитой, — спокойно произнесла Энге. — Это как раз то, что мы отвергли.

— Тогда придумай что-нибудь другое, прежде чем мы умрем с голоду или нас пожрут ночные хищники. — Краешком глаза заметив просьбу о внимании к Элем, поднявшейся на плавник, она повернулась. — Говори.

— Прошу прощения, что помешала, — дело большой важности. Урукето слишком долго пробыл у берега. Мы должны выйти в море, за пределы устья.

— Невозможно! — отвечала Амбаласи, жестом приказывая Элем уйти.

— Прошу разрешения объяснить причины, — возразила та. — Об этом мне говорила капитан урукето, когда я была у нее в экипаже. Я заметила, что энтиисенаты ныряют в воду и пронзительно кричат. Пора выходить в море из этой мутной воды, нужно как следует накормить урукето.

— Завтра. Когда мы переплывем туда, где будет город.

— Завтра будет слишком поздно. Мы отплывем с отливом. Пробудем в море один-два дня. Это очень важно.

Застыв на месте, Энге со страхом ожидала, что Амбаласи немедленно покарает ослушницу. Но она забыла, что Амбаласи и в первую, и в последнюю очередь ученая.

— Конечно, ты права. Перед возвращением убедись, что урукето сыт, потому что он потребуется здесь. И в будущем всегда сообщай мне о необходимости подобных отлучек.

— Повинуюсь твоему приказу.

— Наша вылазка в город подождет. Может быть, оно и к лучшему. У тебя, Энге, есть теперь два дня на решение твоей проблемы. Пошли на берег.

— Боюсь, за такое время я ничего не смогу придумать. Это нелегко, ибо касается наших убеждений.

Спустившись на берег, Амбаласи остановилась и, внезапно ощутив огромную усталость, села на хвост. Здесь было слишком много физической работы, к которой она не привыкла. Энге терпеливо ожидала, пока ученая в глубокой задумчивости глядела на реку, даже не заметив, как вниз по течению тронулся урукето. Плескаясь в грязи и дергаясь, он высвободился из ила и повернул к морю, следом за оживившимися энтиисенатами. Амбаласи долго сидела с закрытыми глазами, потом открыла их и повернула одно глазное яблоко к Энге.

— Имею желание продолжить.

— Внимаю с уважением к глубокой мудрости.

— Пересмотри процесс принятия решения, взгляни на проблему с другой стороны, как говорила ваша Угуненапса. Пусть решение придет снизу, а не сверху. Вы — Дочери Жизни, а значит, главное для вас — основные потребности жизни. Начнем с одной из них. С пищи. Ты следишь за ходом моих мыслей?

С жестом уважения и понимания Энге ответила:

— Я восторгаюсь четкостью твоей мысли и логикой.

— Конечно, что тебе еще остается, ведь весь груз ответственности лег здесь на мои крепкие плечи. Повторяю. Пища. Если они признают, что еда им необходима, чтобы выжить, пусть решают, как добывать ее: каждая для себя или все вместе.

— Прекрасно! — Энге излучала согласие и энтузиазм. — Разреши мне продолжить твою мысль. Как мы делали это в море, когда всем эфембуру гонялись за рыбьими косяками, так и должны поступить Дочери. Пусть все ловят рыбу...

— Нет! Ты не поняла. Теперь вы — не йилейбе, резвящиеся в океане, а иилане′, что работают вместе для общего блага. Следует заняться рыбной ловлей, и пусть одна из них распоряжается.

— Я понимаю и восхищаюсь. Но решить будет трудно, очень трудно.

Амбаласи была совершенно согласна.

— Речь идет о выживании — это нелегко. Города иилане′ су-

ществуют так давно, что мы уже успели позабыть, что когда-то нам приходилось на равных конкурировать со всеми жизненными формами. Придется подчинить сестер своей воле. Лучше убедить их, прежде чем они по одной погибнут в этих краях.

...Целый день Дочери посвятили дискуссии и наконец пришли к общему согласию. Амбаласи возилась со своими семенами и подрастающими животными, время от времени жестами выказывая крайнее неодобрение при взгляде на толкующее сборище.

— Неужели у нас все-таки будет рыба?

— Мы приняли решение, удовлетворяющее учению Угуненапсы. Равенство во всем и во всяком труде. Рыбной ловлей будут заниматься тен Дочерей, потому что тен — круглое число, равное числу пальцев на обеих руках. В первый день распоряжаться будет первая из Дочерей. На второй день командовать станет вторая, и так далее, пока не настанет черед распоряжаться последней из тена. Тогда их сменит другой тен, и так далее, пока не пройдет очередь каждой. Потом все начнется сначала. Разве это не округлое, не полное и не удовлетворяющее всех решение?

Амбаласи ответила с жестами смятения и ужаса:

— Абсолютная чушь! Самое глупое из всего, что мне приходилось слышать. Разве нельзя просто назначить ответственную за рыбную ловлю?.. Хорошо, я вижу по вашим исступленным жестам, что это не путь Угуненапсы. Делайте, как решили. Когда начнется рыбная ловля?

— Сейчас. И я первая в тене. Мы с радостью отправляемся за пищей для всех.

Амбаласи смотрела вслед удалявшейся Энге. Та шагала гордо и прямо. Можно не верить. Но можно понять. И проанализировать. Впутавшись в тенета этой системы, приходится следовать ей до конца во всех ее вывихах. Иначе нужно отвергнуть ее. Она уже начала жалеть, что попала в самые глубины этой темной философии. Осторожными движениями она очистила корешки юного саженца. Какой же истинной и понятной является биология рядом с учением Угуненапсы! Но она не может позволить себе высказать слабость. Все-таки эта отвратительная философия давала вполне биологические результаты. И она давно решила исследовать ее и обнаружить причины. Трудно быть первой в науке, первой по уму, первой во всех отношениях. Амбаласи радостно вздохнула — подобный груз не обременял ее.

Глава 29

— Внимание и поспешность, внимание и поспешность! — бессвязно, точно фарги, повторяла иилане'.

Оторванная от дел Амбаласи уже готова была в очередной раз вспылить. Но, заметив, что покрытое грязью создание трясется в смятении и страхе, ученая жестом потребовала подробных разъяснений.

— Есть раненая во время ловли. Укус. Много крови.

— Подожди, сейчас пойдем к ней. — Собрав все, что могло понадобиться в подобных случаях, Амбаласи вручила корзинку вестнице. — Неси и показывай путь.

Пробившись сквозь кружок встревоженных Дочерей, они увидели внутри него Энге, поддерживавшую под голову залитую кровью иилане'.

— Быстрее, — попросила она. — Это Эфен, ближайшая ко мне. Чтобы уменьшить кровотечение, я наложила повязку.

Взглянув на пучок окровавленных листьев, который Энге прижимала к ране, Амбаласи одобрила:

— Правильно сделала, Энге. Подожди, я окажу ей помощь.

В корзинке кольцом свернулась змейка. Амбаласи взяла ее сзади за голову и надавила так, чтобы открылась пасть с одним длинным торчащим зубом. Другой рукой она взяла нефмакел и протерла бедро Эфен. Это существо не только счищало грязь, но и уничтожало бактерии выделяемым секретом. Отбросив нефмакел, Амбаласи нащупала под кожей Эфен пульсирующую артерию и мягким движением ввела в нее острый клык. Целебный яд хлынул в кровь Эфен, и она мгновенно забылась. Только после этого Амбаласи обнажила рану.

— Чистый укус — отхватил мышцу, не затронув сальник. Придется почистить. — Струнным ножом она срезала обрывки плоти. Рана закровоточила вновь, и, развернув нефмакел побольше, Амбаласи приложила его к ране. Существо сразу прилипло к ней, прекратив кровотечение и полностью закрыв рану. — Теперь отнесите ее, пусть полежит. Все будет в порядке.

— Как всегда, благодарим, Амбаласи, — проговорила Энге, медленно поднимаясь на ноги.

— Умойся, ты вся в грязи и крови. А кто ее укусил?

— Вон. — Энге показала на берег. — Запутался в нашей сети.

Амбаласи обернулась — и впервые в жизни онемела от изумления.

Еще живое существо извивалось на земле, ломая кусты и невысокие деревья. Длинное извивающееся серое тело толщиной с туловище фарги было вытащено на землю на два-три корпуса иилане′; остальная часть, вероятно, еще длиннее, скрывалась под водой. Усеянная костяными пластинами пасть, маленькие злые глаза слепо таращились на иилане′.

— Мы нашли его, — не без удовлетворения произнесла Амбаласи. — Его-то личинки и плавали посреди океана. А это взрослый.

— Угорь, — с невольным трепетом согласилась Энге. — Мир Амбаласокеи полон чудес.

— Как может быть иначе? — пожала плечами Амбаласи, возвращаясь к обычному наставительному тону; ее удивление уже прошло. — Сомневаюсь, что ты могла бы понять теории тектонических плит и континентального дрейфа, поэтому не буду понапрасну перегружать твой ум. Но ты способна оценить выводы. Некогда эта земля и далекий Энтобан составляли единое целое. Тогда везде жили одни и те же создания. Так было в те времена, когда яйцо времен только что раскололось. Потом медленная селекция и дифференциация привели к значительным различиям в облике живых существ, обитающих на разделившихся континентах. Не сомневаюсь, что нам удастся найти и другие отличия, но уж наверняка не столь потрясающие.

Через несколько дней Амбаласи пришлось вспомнить эти слова не без сожаления. Должно быть, она поспешила — более ошибочного заявления ей еще не приходилось делать.

Рана Эфен заживала быстро. У несчастного случая оказалась и положительная сторона. Огромный угорь оказался очень вкусным. Его хватило на всех и много осталось. После побега они не ели ничего вкуснее размягченного энзимами рыбьего мяса.

Когда подкормившийся урукето вернулся, иилане′ перебрались на нем через реку к месту нового города. Все Дочери хотели своими глазами увидеть это место, и от желающих совершить прогулку не было отбоя.

— Куда уместнее выглядело бы стремление поработать, — ворчала Амбаласи, отбирая сильнейших и отгоняя остальных.

Как только все погрузились, невзирая на протесты, она согнала их с плавника внутрь урукето и оставила рядом с собой лишь Энге и Элем.

— Обращайте внимание, — приказала Амбаласи, — как ваши Дочери рвутся на прогулку, знать не желая никакой работы. Быть

может, раз вы не можете приказывать им, следует предусмотреть систему поощрений?

— В твоих словах много правды, и я подумаю над ними, — ответила Энге. — Конечно, я понимаю их чувства, но нам придется найти способ разделения труда. Мне придется внимательнее подумать над учением Угуненапсы — не могла же она вовсе упустить эту проблему из виду.

— Изучай побыстрее или мы погибнем от голода. Полагаю, вы заметили, что ваша система добровольного участия в рыбной ловле и не думает работать. Первый тен уже высказывает недовольство от того, что работа последующих стала легче, когда мы освоили ловлю угрей. Они уже требуют реорганизации системы.

— Я знаю; к сожалению, это так. Все мое внимание обращено к этим вопросам.

Урукето дрогнул под ногами. Огромное существо повернуло в сторону, чтобы уклониться от плывущего навстречу по течению дерева. Вода подмыла корни лесного гиганта, и в еще зеленой листве его над водой перепархивали птицы. Повинуясь командам Элем, урукето вновь повернулся и направился к перешейку, где поднимется новый город.

Амбаласи первой спустилась вниз и зашлепала по воде к берегу. Земля была покрыта увядшими пожелтевшими листьями, торчали голые сучья. Резким знаком Амбаласи высказала удовлетворение.

— Теперь жуки-древоточцы должны позаботиться о стволах и пнях. Пусть Дочери таскают сучья и деревья поменьше к реке и бросают их в воду, а мы сходим к терновой изгороди.

Амбаласи шла впереди — неторопливо из-за жары. Пришлось даже передохнуть в редкой тени голых ветвей.

— Жарко, — с трудом выговорила Энге и широко открыла рот.

— Так и должно быть, ведь мы сейчас находимся в точности на экваторе. С этим географическим термином ты, конечно же, незнакома.

— Экватором называется линия на поверхности сферы, равноудаленная от полюсов, соответствующих оси вращения. — Глядевшая на терновый барьер Энге не видела раздражения в жестах Амбаласи. — Пытаясь понять работы Угуненапсы, я обнаружила, что в основу их положены и некоторые достижения естественных наук. И я последовала ее прекрасному примеру.

— Последуй-ка лучше моему прекрасному примеру — идем

дальше. Следует убедиться, что в терновой стене нет брешей. Пошли.

Пока они шли вдоль стены из плоских листьев и острых колючек, Амбаласи на ходу собирала свежие стручки с семенами и передавала их Энге. Выйдя к берегу реки, Амбаласи указала на пространство, отделявшее терновую стену от воды.

— У берега всегда так получается, — проворчала она. — Я высажу здесь семена — начнем с этих, — они укореняются в воде. Подержи.

Пожилая ученая привычно провела ногой в иле бороздки, а потом, согнувшись над ними, пыхтя и жалуясь на жару, принялась сажать семена.

Энге смотрела на реку — внизу по течению в русло впадала боковая протока. Что-то шевельнулось в воде — должно быть, большая рыба. За ней на миг из воды высунулась другая.

— Еще семян, — потребовала Амбаласи. — Острый приступ глухоты, — ехидно добавила она, обнаружив, что Энге молча глядит на реку. — В чем дело? — осведомилась она, снова не получив ответа.

— Я увидела что-то над водой, но это существо сразу исчезло, — ответила наконец Энге с жестом столь огромной важности, что и Амбаласи уставилась в ту же сторону.

— Что это было?

Энге повернулась к ученой с жестами жизни и смерти. Немного поколебавшись, она начала:

— Я подумала и вспомнила известных мне живых существ. Просто не с кем спутать. Первого я видела мельком и даже не поняла, кто это. Второй выставил голову из воды. Я видела ее. И не могла ошибиться.

— Требуются пояснения, — раздраженно сказала Амбаласи.

Наступила тишина. Энге повернулась к ней лицом, безмолвно и неподвижно посмотрела в глаза ученой и наконец заговорила:

— Я понимаю важность своих слов. Но я не ошиблась. Там в ручье я видела юных элининйил.

— Но это невозможно! Мы первые иилане́ в этих краях. Здесь нет самцов, некому вынашивать яйца, нету молодняка, выходящего в море... Откуда здесь взяться элининйил, которые превратятся в фарги? Это невозможно. Или...

Теперь уже Амбаласи умолкла и оцепенела, и тени мыслей пробегали по ее коже.

— Такое может быть. Мои прежние слова были вызваны видовым этноцентризмом. Раз мы, иилане́, находимся на самом верху экологической пирамиды, легко без лишних раздумий предположить, что мы здесь одни, как это только что сделала я. Единственные и неповторимые. Понимаешь ли ты, о чем я веду речь?

— Нет. Заявляю об отсутствии специальных познаний.

— Понятно. Я объясню. Далекий Энтобан принадлежит нам, и города наши занимают на нем все обитаемое пространство — от океана до океана. Но теперь мы пришли в другой мир, где обитают иные формы жизни. Нет причин считать, что наш вид живет лишь в Энтобане. Возможно, здесь обитают местные иилане́.

— Значит, я действительно видела элининйил?

— Вполне вероятно. А теперь надо убедиться в этом. Если ты не ошиблась, это событие будет самым значительным с тех пор, как треснуло яйцо времен. Пошли!

Спустившись к реке, Амбаласи со всем пылом исследовательской лихорадки плюхнулась в воду. Энге последовала ее примеру не без боязни — в этих мутных водах могла таиться опасность. Течение быстро несло их вперед, и Амбаласи свернула в протоку. Здесь вода доходила ей до груди, и она обнаружила, что идти легче, чем плыть.

Энге поторопилась обогнать пожилую ученую, чтобы защитить ее от возможных опасностей. Над водой свисали длинные ветви, во влажном и жарком воздухе вились кусачие насекомые. В воде было прохладно, и, когда протока расширилась, они нырнули под воду, чтобы избавиться от мошкары. Вынырнув на поверхность, они огляделись, поднялись на ноги и направились к берегу, не имея возможности обратиться к сложным понятиям, пока под ногами не оказалась травянистая почва.

— Мы на другом островке — от нашего его отделяет это протока. Теплая вода, ровная температура. Мелководье не дает проникнуть сюда крупным хищникам. Если, — я подчеркиваю, — если здесь живут иилане́, лучшего места для родильных пляжей просто не придумаешь. Надежно отгороженное от речного глубоководья место, много рыбы, чтобы молодняк не голодал. А когда вырастут и станут элининйил — легко выбраться в реку и в море.

— А вот и тропа, — сказала Энге, указывая на землю.

— Это может быть и звериная тропа. Пойдем по ней.

Энге шла первой, уже сожалея о безрассудном походе. Они ведь были без оружия, а кто только не мог прятаться в джунглях.

Идти по тропе было легко. Они обогнули ствол дерева с вы-

ступающими корнями, протянувшимися в реку, вышли на берег к песчаному пляжу, окруженному мягкой травой. Обе видели — лучшего места для родильного пляжа здесь не найти. В воде что-то плеснуло, но они успели заметить только круги, разбегавшиеся по поверхности.

— Кажется, за нами следят, — проговорила Энге.

— Иди дальше.

Тропа огибала пляж и вела к густой роще. Они остановились на опушке, пытаясь разглядеть что-нибудь в густой тени. Энге жестом выразила сожаление.

— Думаю, мы зашли достаточно далеко. Пора возвращаться. А сюда придем, когда лучше подготовимся.

— Но нам нужны факты, — твердо сказала Амбаласи, жестами утверждая важность познания, и шагнула вперед мимо Энге.

С громким воплем из-за деревьев выпрыгнуло какое-то существо; зажав в пальцах огромного паука, оно ткнуло им в лицо Амбаласи.

Глава 30

Амбаласи отшатнулась, испуганная неожиданным нападением. Энге заслонила ее, выставив вперед пальцы, и гневно закричала:

— Назад! Прекрати! Ошибка-действия!

Нападавшая не думала продолжать атаку и с явным страхом глядела на обеих иилане′. А потом повернулась и убежала.

— Ты видела... — скорее утвердительно, чем вопросительно проговорила Энге.

— Да. Внешне она почти идентична нам. Противопоставленные большие пальцы — в них был паук. Пониже ростом, пористая кожа светло-зеленого цвета, темнеющая к гребню на спине.

— Восхищаюсь наблюдательностью. Я едва разглядела ее.

— Научная подготовка. Ты понимаешь, какое это изумительное, чудесное и потрясающее открытие? Для историков и биологов.

Энге одним глазом приглядывалась к джунглям — новых неожиданностей она не хотела, — а другим смотрела на Амбаласи, выказав невежество и удивление. Амбаласи наслаждалась собой.

— Прежде всего, конечно, биологов. Но паук... Ты помнишь Стену Истории? Определенно... нет, разве это возможно! Слушай и следи за моими мыслями. Вспомни скорлупы омаров, клешни

которых обороняли самцов на заре истории. Мы получили доказательство справедливости этой теории. Удивительно!

— Но где же ты увидела омара?

— Невежественное создание! Я же говорю о подобии в действиях. В море ты пользуешься для защиты вооруженным клешнями омаром, на суше тем же целям служит ядовитое насекомое или паук.

— Информация усвоена. Но мы должны вернуться назад, здесь оставаться опасно. Угроза-смерть-от-яда.

— Чепуха. Она просто пугала нас, не пытаясь довести нападение до конца. Разве ты не заметила смятения в ее движениях? Мы такие же, как она, но не совсем. Неуверенная угроза, потом отступление. Надо продумать возможность дальнейшего контакта, чтобы более не пугать их.

— Амбаласи, я не могу приказать тебе возвращаться, но я прошу тебя об этом. Мы можем потом вернуться с подкреплением.

— Возражаю. Чем больше нас здесь будет, тем более мы встревожим их. Нас предупредили, это не было нападением. Такова ситуация в настоящий момент, и я не хочу, чтобы она изменилась. Я останусь здесь. А ты пойди к реке и поймай рыбу. — Энге сделала жесты сомнения и смятения. — Думай же, — велела Амбаласи. — Ты гордишься своим умением рассуждать. Церемония кормления, к которой мы обращаемся в важных случаях, корнями уходит в глубокую древность. Что может более соединить Дочерей, чем предложение пищи? Общность существования, проявляющаяся в разделении трапезы... Мне нужна рыба.

Не допуская возражений, старая ученая отклонила все аргументы. Наконец она просто уселась на хвост, в последний раз требовательно проговорив: «Рыбу мне!», и уставилась на лес, застыв в позе приветствия и доброжелательства. Энге не оставалось ничего другого, как отправиться к реке.

Нырнув, она обнаружила зрелище, радостное для всякой иилане′. В чистой воде стайкой-эфенбуру скользили совсем еще маленькие элининйил — малыши гонялись за серебристыми мальками. Она долго смотрела на них, пока ее не заметили, цвета испуга выступили у них на ладонях. Она показала им свои ладони, прося не пугаться. Но гостья была такой странной — и они в мгновение исчезли с глаз. Одна из малышек выронила только что пойманную рыбешку с прокушенным хребтом. Энге подобрала ее и вышла на берег.

Амбаласи с сомнением поглядела на невзрачную добычу Энге.

— Скорая ловля — маленькая рыба.

— Я ее не ловила. Я вспугнула юное эфенбуру, когда они ели. Такие хорошенькие...

— Несомненно. Придется ограничиться этой рыбкой. Стой здесь, а я пойду вперед.

— Можешь приказывать, но я не буду повиноваться. Я пойду сзади, чтобы помочь в случае чего.

Амбаласи открыла рот, но поняла, что это будет напрасной тратой времени, и не без колебаний ответила жестом согласия.

— Не ближе чем в пяти шагах от меня. Идем.

Держа рыбешку перед собой, она шла по тропе и остановилась на краю рощи.

— Рыба, вкусно, хорошо, дружба, — громко, но ласково произнесла она.

Потом неторопливо уселась на хвост и продолжала свои речи. В тени что-то шевельнулось, и Амбаласи старательно зажестикулировала, изображая тепло и дружбу самыми простыми знаками.

Листва раздвинулась, и из тени нерешительно выступила незнакомка. Они молча какое-то время изучали друг друга. Амбаласи вглядывалась глазом ученой. Внешние различия были незначительны. Величина тела, сложение, окраска. В лучшем случае подвид. Медленно приблизившись, она положила рыбку на траву, выпрямилась и отступила.

— Она твоя. Знак дружбы. Возьми и съешь ее. Возьми, она твоя.

Незнакомка смятенно озиралась, открыв рот в знак непонимания. Великолепные зубы, заметила Амбаласи. Придется выразиться попроще.

— Рыба-чтобы-есть. — Амбаласи прибегла к не требующему слов простейшему выражению, воспользовавшись изменением окраски ладоней.

Незнакомка подняла руку и ответила подобным образом.

— Рыба. — Она схватила рыбешку и сразу же исчезла с ней в зарослях.

— Великолепно для первого раза, — заметила Амбаласи. — На сегодня довольно. Я устала. Мы возвращаемся. Ты видела, что она мне ответила?

Энге излучала воодушевление.

— Я видела! Это изумительно. Одна теория утверждает, что речь начиналась подобным образом. Теория эта гласит, что мы учились разговаривать в океане жестами и изменением цвета кожи, еще не прибегая к словам.

— Да, подобное предположение удовлетворяет требованиям биологии. В море главенствует не словесное общение. Значит, когда наши виды разделились, мы уже умели объясняться жестами и окраской... иначе сейчас мы не сумели бы понять друг друга. Вопрос в том — иилане′ они или йилейбе. Может быть, они ограничиваются только этими примитивными знаками? Придется выяснить. С ними придется поработать.

Энге тоже горела энтузиазмом.

— Такой возможности никому еще не представлялось! Удовольствие. Я долго занималась проблемами общения и с интересом ожидаю новой работы.

— Рада слышать, что тебя хоть что-то волнует, кроме пустых речей о жизни и смерти. Будешь помогать мне, нам придется потрудиться.

Они вернулись к берегу реки, но на этот раз погрузились в воду с большой нерешительностью. Теперь, когда любопытство уже не подгоняло их, обе разом вспомнили про все опасности, которые могут ожидать их в мутных водах. Так что, возвращаясь к терновой стене, они жались к берегу. Испачкавшись в иле, они пробирались между мертвых растений. Занятые беседой, Дочери Жизни толпились возле урукето. Амбаласи с негодованием посмотрела вокруг.

— Работа не сделана! Никаких извинений лени-неразумию-безделью!

Энге тоже выразила недоумение, и стоявшая в центре кружка Сатсат попросила разрешения говорить.

— Фар< сказала, что хочет говорить с нами. Конечно, мы стали слушать, ведь ее мысли глубоки. И теперь мы обсуждаем...

— Она ответит сама! — перебила ее Амбаласи с явным возмущением. — И какая же из вас, Дочерей Болтовни, именуется Фар<?

Энге показала на хрупкую иилане′ с большими внимательными глазами, все дни которой были наполнены мыслями Угуненапсы. Она знаком дала понять Дочерям, чтобы все слушали ее.

— Угуненапса говорила, что...

— Молчать! — приказала Амбаласи с грубыми жестами, обращаясь к ней, как высочайшая к нижайшей фарги. По коже Фар< побежали цвета оскорбленного достоинства. — Мы уже наслушались мыслей Угуненапсы. Я спросила, почему вы прекратили работу?

— Я не прекращала ее, я просто предложила всем подумать над нею. Мы пришли в это место труда по собственной воле. Но

ты стала распоряжаться, не желая спрашивать нашего мнения, подобно эйстаа, отдающей приказы. Но мы не повинуемся им. Мы приплыли в чужедальние края, мы столько выстрадали за свои убеждения и не откажемся от них. Мы благодарны тебе, но благодарность — это не покорное исполнение твоей воли. Как говорила Угуненапса...

Не желая более слушать слов Угуненапсы, Амбаласи повернулась к Энге и жестом потребовала немедленного внимания.

— Конец моему терпению. Конец моей помощи вам. Я знаю все, что следует нам здесь делать. Вы же, Дочери Глупости, умеете лишь прекословить. С меня хватит, если только ты не убедишь их немедленно оставить всякое упрямство. Без моей помощи все вы скоро умрете, и я уже начинаю думать, что день вашей смерти будет радостным для меня. Я отправляюсь на урукето — привести себя в порядок, поесть и попить. Еще я буду думать. А когда вернусь, вы ответите мне, нужен ли вам город. Если нужен, скажите, каким образом вы собираетесь его возводить. А теперь молчите, пока я еще вижу вас. Слышать не желаю бесконечных речей и даже имени вашей Угуненапсы без моей воли на это.

Всем телом излучая гнев и решительность, она обернулась и потопала к урукето, оставляя в земле глубокие борозды от когтей. Ополоснувшись у берега, она взобралась на урукето и расположилась в тени плавника. Когда Амбаласи потребовала внимания, из плавника высунулась Элем и посмотрела на ученую.

— Еды и воды! — приказала Амбаласи. — Быстро. Немедленно.

Элем принесла все сама: ученую она уважала и ради приобретенных познаний прощала ей обиды. Заметив это по движениям ее тела, Амбаласи смягчилась.

— По крайней мере для тебя наука важнее этих философий, — проговорила ученая. — Это украшает твою личность, и я могу терпеть твое присутствие.

— Доброта исходит от тебя подобно теплым лучам солнца.

— К тому же речи твои — речи вежливой иилане'. Садись, раздели со мной мясо, и я расскажу тебе об открытии невероятной важности.

Разговор занял много времени, поскольку Элем всегда была самой приятной слушательницей. Солнце уже клонилось к горизонту, когда, покончив с разговорами, Амбаласи возвратилась на берег. И к своему великому удовлетворению сразу же увидела Дочерей, разбирающих завалы мертвой древесины. Опустив свою ношу, Энге обратилась к ученой, тщательно выбирая выражения

и стараясь ненароком не упомянуть запретное ныне имя Угуненапсы:

— Мы обсудили работу в свете нашего истинного учения. Принято решение. Мы должны жить, раз мы Дочери Жизни. И, чтобы жить, нам нужен город. Значит, его следует вырастить. Лишь ты одна способна его вырастить. Чтобы он вырос, мы будем повиноваться твоим распоряжениям, ведь иначе мы не сможем выжить. Итак, мы принялись за работу.

— Вижу. Но это пока. А когда город вырастет, вы перестанете повиноваться мне.

— Я еще не обдумала столь дальнего будущего, — уклончиво ответила Энге.

— Думай. Говори.

С великой нерешительностью та произнесла:

— Думаю, что, когда город вырастет, Дочери не будут повиноваться твоим приказам.

— Так я и предполагала. Мне не хотелось думать о том будущем, что сулит вам верную смерть. Сейчас, для моего удобства, я принимаю ваше хилое и вынужденное сотрудничество. Работа здесь имеет чрезвычайно важное значение, я не могу тратить время на пустые споры. — Она подняла руку с зажатым в ней куском мясного желе. — Я возвращаюсь в джунгли для дальнейших переговоров. Будешь ли ты сопровождать меня?

— С огромным удовольствием и ожиданием счастья. Наш город будет богат — и жизнью, и научной мыслью.

— Научной мыслью, пожалуй, да. Только могу предположить, что Дочерей Несогласия, последовательниц той-чье-имя-лучше-забыть, ждет жалкое будущее. Думаю, что ваша Теория Жизни когда-нибудь принесет вам смерть.

Глава 31

Imame qiviot ikagpuluarpot takugu-vsetame.

В море тропинок куда больше, чем в лесу.

Пословица парамутанов

Ожидание и неизвестность уже томили Армун. Поначалу все казалось разумным — ведь решение оставить стоянку у озера она приняла без колебаний. Она даже настаивала на том, вынуждая

Керрика признать, что решение не только хорошее, но и единственно возможное. И когда она натыкалась на него, сидевшего где-нибудь и погруженного в мрачные раздумья, то немедленно напоминала ему все причины, заставлявшие их уходить. Выхода нет. Надо идти.

Арнхвит, чья судьба волновала их в наибольшей степени, тревожился меньше всех. Он еще не разлучался с матерью и не представлял себе, что это такое. Начавшая забывать свои кошмары Даррас не радовалась перемене и много ревела. Ортнара это не волновало, а Харл дождаться не мог, когда они уйдут. Тогда он останется за главного. Единственный охотник. Добытчик.

Но оба иилане́ были убеждены в своей близкой кончине. Имехеи сочинял смертную песню, решительный Надаске́ намеревался встретить смерть в бою и не разлучался с хесотсаном. Керрик понимал причины их опасений, но отвергал их. Теперь две половины Керрик-саммада уже взаимодействовали, так должно было оставаться и впредь. Что тут менять? Иилане́ мастерски ловили в озере рыбу и раков, по утрам расставляли ловушки и сети. Но к охоте особых наклонностей не обнаруживали. А потому возникла даже своеобразная торговля: мясо меняли на рыбу — и обе стороны были довольны. Обменом занимался Арнхвит — единственный, к кому без подозрения относились в обоих частях лагеря, — и важно таскал тяжелую ношу. Самцы уцелеют, если никто не обнаружит укромную стоянку...

До побережья они дошли благополучно. Теперь без всяких хлопот и забот они смотрели друг на друга, наслаждаясь обретенной свободой и близостью. Часто они шли по теплому летнему лесу, взявшись за руки, ни один настоящий охотник не поступил бы подобным образом, ибо путнику подобает молчать и внимательно следить за тропою, но Армун так нужны были его прикосновения.

Так было в первые дни. Мрачный и унылый Керрик следил за поверхностью моря, ожидая появления иккергака с парамутанами, но его все не было и не было. Он сидел, забыв про охоту, мясо кончалось, но это его не волновало. Армун уже знала: когда он такой, что бы она ни сказала — будет сказано или слишком много, или слишком мало. Поэтому она держалась в сторонке, собирая корни и травы, которыми они теперь в основном питались.

Однажды ранним утром, когда корзинка ее была еще наполовину пуста, она услышала его зов, донесшийся из-за деревьев. Что-то не так! Но, прислушавшись, она успокоилась — в голосе его

звучали радостные нотки. Откликнувшись, она побежала к нему. Они встретились на крошечной полянке; среди высокой травы желтели цветы.

— В море парамутаны, они приближаются к берегу!

Керрик схватил ее за руку, они упали, корзинка опрокинулась. Они вместе наполнили ее; крепко обхватив Армун, Керрик опрокинул ее на траву.

— Не надо, потом, — мягко возразила она. — Парамутаны могут уйти без нас.

Когда они появились на берегу крошечной бухты, черный иккергак уже качался на волнах с опущенным парусом неподалеку от берега. Крича и размахивая руками, они бросились к судну, их с готовностью втащили на борт. Ангаджоркакв с круглыми печальными глазами на поросшем гладкой шерсткой лице скорбно прижимала ладонь ко рту.

— Одни, — стонала она, — мальчики... нет мальчиков...

Пока Армун объясняла ей, что с детьми, к женщинам подошел Калалекв, приветственно подняв куски изысканного угощения — тухлого мяса.

— Ешьте, радуйтесь, так много вам нужно показать...

Керрик остановил его жестом.

— Помедленнее, дружище, трудно понять.

Он уже успел позабыть те немногие слова по-парамутански, которые выучил за зиму. Пришлось позвать Армун. Вслушавшись в поток слов, она пояснила:

— Все остальные парамутаны отправились за океан, в место, которое он называет Алланивок. Этот иккергак уйдет последним. Они уже обнаружили целые стада уларуаквов и берег, где парамутанам будет удобно их разделывать. Я не знаю этого слова. Они взяли с собой все — небольшие лодки, паукаруты, детей... — В голосе ее промелькнул страх.

— Ты думаешь, если мы уйдем с ними, то никогда не вернемся назад? Спроси, что он скажет.

— Долгая дорога, — ответил Калалекв. — Вам там будет хорошо, не захотите возвращаться.

— Твердолобый, безглазый! — громко осадила его Ангаджоркакв, стукнув мохнатым кулаком. Несильный удар должен был заставить его с вниманием отнестись к ее словам. — Скажи Армун, что, если она захочет возвратиться в эти края, ты отвезешь ее, — или же ты хочешь, чтобы она более не увидала своего первенца до конца дней своих?

Калалекв усмехнулся, потом нахмурился и в знак проявленной глупости хлопнул себя по лбу.

— Ах да, дорога легкая, вернемся, когда захотите. Путешествие будет несложным для того, кто знает ветры и море, как я.

После того как Армун и Керрик обменялись со всеми на борту громкими приветствиями, все решили, что можно немедля отправляться в заморский Алланивок. Зачем задерживаться, если все уже готово. Тану дождались парамутанов, больше по эту сторону океана им нечего делать. И, приняв такое решение, парамутаны с обычным энтузиазмом принялись за работу. Все мехи для воды отправили на берег и наполнили из ручья.

Цепляясь за борт, парамутаны оттолкнули кораблик от берега и принялись устанавливать парус. Ветер поймали, и путешествие началось. Путь лежал на северо-восток, и они медленно удалялись от берега. Земля исчезала вдали и уже перед закатом утонула в волнах. Когда солнце опустилось в воду, они были одни посреди океана.

Волны качали иккергак, и отказаться от порции гнилого мяса и сала было нетрудно — обоих тану уже мутило от морской болезни. Покончив с едой, парамутаны заползли в укрытие на носу и быстро уснули. Ночь была теплой, и Армун вместе с Керриком решили провести ее под открытым небом.

— А ты знаешь, сколько нам придется плыть? — спросил Керрик.

Армун рассмеялась в ответ.

— Я уже спрашивала Калалеква. Много дней — так он сказал. Или они не умеют считать, или им все равно.

— Должно быть, и то и другое. Они не боятся так удаляться от берега. Как им удается находить дорогу и не заблудиться?

Словно в ответ на его вопрос, Калалекв подошел к мачте и встал, держась за нее одной рукой. Лодка покачивалась на невысоких волнах. Подняв к небу какой-то предмет, он что-то крикнул кормчему, повернувшему рулевое весло. Парус заполоскался, и Калалекв ослабил узлы, подтянул одни лини, ослабил другие, пока не удовлетворился своей работой. Когда он закончил, Армун окликнула его и спросила, что он увидел на небе.

— Путь к паукарутам, — ответил он, не скрывая удовлетворения, — звезды показывают его.

— А как?

— С помощью этой штуки.

Он передал им сделанную из кости вещицу. Керрик поглядел на нее, покрутил головою и вернул обратно.

— Но я вижу четыре обыкновенные косточки, перевязанные по углам.

— Да, конечно, ты прав, — согласился Калалекв. — Понимаешь, их связал Нануакв, когда стоял среди паукарутов на берегу Алланивока. Так это и делается. Это большой секрет, но я расскажу тебе. Видишь эту звезду?

С грехом пополам и доброжелательной помощью остальных люди наконец поняли, о какой звезде идет речь. Керрик плохо знал небо, и звезду обнаружила Армун.

— Меня учили называть ее Глазом Ерманпадара. Все остальные звезды — просто тхармы отважных охотников, попавшие после смерти на небо. Каждый вечер они на востоке восходят на небо и, пройдя над нашей головой, утром уходят на покой, опускаясь на западе. Они ходят все вместе, подобно огромному стаду оленей, а неподвижный Ерманпадар следит за ними. Он стоит там, на севере, и смотрит, звезда и есть его глаз. Она неподвижна, а тхармы ходят вокруг нее.

— Я никогда не замечал.

— Посмотри на нее ночью — увидишь.

— И как она помогает нам отыскать путь?

Калалекв почему-то решил, что Керрик не может понять его, потому что плохо слышит, и разразился громкими объяснениями. С помощью Армун ему удалось объяснить, как действует рамка.

— Толстая кость — это низ. Держи ее перед глазом, направляя на место, где вода сходится с небом. Поворачивай так, чтобы тебе был виден только круглый конец. А потом, так и держа ее, быстро глянь вдоль этой косточки. Косточки Алланивока. Она должна показывать на звезду. Попробуй.

Керрик возился с рамкой, пока не заслезились глаза.

— Не получается, — наконец проговорил он. — Когда эта кость показывает на горизонт, другая всегда оказывается выше звезды.

В ответ Калалекв разразился радостными воплями и призвал остальных парамутанов в свидетели того, как быстро Керрик освоил умение водить иккергак, хотя не прошло и дня с тех пор, как они отплыли от берега. Керрик же недоумевал, отчего Калалекв так радуется, ведь он так ничего и не понял.

— Ты прав, — закричал Калалекв, — все дело в иккергаке.

Сейчас мы далеко на юге. Ты увидишь, кость будет указывать на звезду, когда мы уплывем отсюда на север.

— Но ты же сказал, что звезда неподвижна.

Тут Калалекв зашелся хохотом и принялся блаженно кататься по дну иккергака. Дар речи возвратился к нему не сразу. Оказалось, что звезда неподвижна, если ты сам остаешься на одном месте. Но если плыть на север, она поднимается все выше и опускается, если повернешь на юг. Это значило, что повсюду звезда стоит над горизонтом на разной высоте. Так ты и находишь свой путь. И все-таки Керрик ощущал легкую неуверенность и, засыпая, еще размышлял над загадкой.

После нескольких дней, проведенных в море, Керрик и Армун почувствовали себя лучше, хотя головокружение от бесконечной качки не проходило. Жир и мясо они ели с опаской, но дневной рацион воды приканчивали без остатка. Еще они помогали ловить рыбу — выдавленный из нее свежий сок утолял жажду даже лучше воды. Керрик каждую ночь с любопытством возился с костяной рамочкой, а звезда тем временем поднималась все выше и выше. Наконец, взглянув однажды ночью на небо, Калалекв разразился радостными воплями. Все присутствующие тоже поглядели в рамочку. Действительно, теперь обе кости одновременно указывали на звезду и на горизонт. Тогда курс изменили, парамутаны взяли на восток и переставили парус. Утром Калалекв порылся в пожитках и извлек из них ту самую большую рамку из многих костей, которую Керрик уже видел.

— Мы сейчас здесь. — Он многозначительно тронул одну из боковых костей, повел пальцем направо к поперечной косточке. — Вот, плывем сюда, здесь Алланивок. Очень просто.

— Что угодно, — ответил Керрик, крутя сложную рамку, — только не просто. — И тут он вспомнил. — Армун, расскажи Калалекву о картах мургу. Я прихватил их с собой. Рассказывай, пока я найду их.

— Но что это такое?

— Скажи ему... трудно объяснить. Скажи, что мургу переплывают океан в огромной рыбине. И находят путь по плоским листам, на которые нанесены цветные линии. Я представления не имею, как ими пользоваться. Может быть, он сумеет понять?

Столпившись вокруг Керрика, парамутаны удивленно охали над картами, не зная даже, каким словом их назвать. Сначала они восхищались яркими красками и загадочными картинками и просто вертели карты так и сяк. Особенно их потрясло, что с линиями ничего не происходит, даже если поскрести карту ногтем или потереть слюной. Линии оказались закрытыми чем-то прозрачным и непонятным. Подождав, пока все вдоволь наглядятся, Калалекв принялся разглядывать подробности.

Ближе к вечеру ветер усилился, нагнал на небо черные облака. В предыдущие дни уже набегали шквалы и недолгие ливни, но сейчас близилась настоящая буря. Керрик поглядывал на небо не без опаски, но парамутаны с довольным выражением на лицах копались в пожитках. И когда начался ливень, они растянули над иккергаком большую шкуру, собирая в нее капли дождя. Ветер трепал ее и пытался вырвать из рук, сверкала молния, грохотал гром. Дело оказалось нелегким, но оно стоило усилий: прежде чем гроза миновала их, они успели наполнить водой три меха, к тому же все напились вволю.

После грозы стало прохладнее, небо затянули облака. Морская болезнь отступила, сделавшись лишь легкой докукой, и Керрик с увлечением приступил к изучению речи парамутанов. Когда он встречался с трудностями, Армун объясняла, потом он стал практиковаться, разговаривая с парамутанами. Они были даже рады: эти великие говоруны имели склонность разговаривать сами с собой, если не находилось желающего послушать. Время потихоньку шло, но однажды рассвет подарил им сюрприз — над головой пролетели две белые птицы. Керрик не счел это важным, пока Калалекв не пояснил:

— Там должна быть земля, и она близко.

После этого все торчали у борта и глядели вдаль, наконец одна из женщин завопила и едва не вывалилась за борт, но две товарки удержали ее — одна за лодыжки, а другая за хвост, показавшийся из-под одежды, когда ее голова окунулась в воду. Ее втянули назад, с мокрого улыбающегося лица капала вода, а в руке она держала длинную ленту водоросли.

— Эти растут неподалеку от берега, — объявила она, с удовольствием придавливая пальцами лопающиеся воздушные пузырьки.

Но до земли оказалось неблизко. Налетали бури, дул встречный ветер, и раздосадованные парамутаны спустили на воду одну из лодок. Ее привязали к носу сплетенным из тонких полосок кожи канатом, и теперь четверо гребцов — мужчины и женщины — сменяли друг друга на веслах. Пыхтя и потея, Керрик с Армун в свой черед гнали огромный иккергак черепашьим шагом к берегу. А потому все обрадовались, когда с запада подул легкий вете-

рок, и с громкими криками лодку подняли на борт и поставили парус.

На следующий день перед самым закатом кто-то заметил на горизонте темную линию. Немедленно начался громкий спор, облако это или земля, наконец под радостные вопли все убедились, что это и вправду суша. Парус спустили, а свисавший с кормы плетеный канат не давал волнам гнать их к берегу.

Утром, когда все проснулись, солнце уже поднималось над лесистыми холмами, оказавшимися на самом деле куда ближе. Калалекв вскарабкался на мачту повыше и, глядя сверху, отдавал приказания. Наконец он закричал и указал на север — на несколько островков возле берега. Поймав бриз в паруса, они повернули и добрались туда довольно быстро. Острова миновали после полудня, за ними оказался песчаный пляж, а еще дальше на траве теснились черные паукаруты.

— Алланивок! — громко крикнул кто-то, и все парамутаны радостно закричали.

— Лес, кусты, — заметил Керрик, — охота здесь должна быть хорошей. На этой земле нет мургу, парамутаны их не встречали. Может быть, здесь найдется место для нас. Забыть про мургу и никогда не вспоминать более.

Армун молчала, добавить ей было нечего. Она понимала, что будет помнить об оставшихся за морем саммадах, гонимых мургу. Больше Керрик не говорил об этом. Но по его лицу она видела, что мысли об оставшихся не покидают его. Сами-то они будут в безопасности.

А как же остальные?

Глава 32

Как всегда, встреча у парамутанов сопровождалась криками, смехом и пиршеством. Встречавшие радостно вытащили иккергак на песок, поближе ко всем остальным, а потом, хихикая и толкаясь, разгружали его, не забывая угощаться. Великолепно протухшее за долгое путешествие мясо было с наслаждением съедено. Армун принялась помогать женщинам, а Керрик торопился оглядеть окрестности, понимая, что не может помочь Калалекву ставить паукарут. Взяв с носа иккергака лук и копье, он миновал паукаруты и направился к лесистым холмам. Он с наслаждением ощущал под ногами твердую почву после неизвестно скольких

дней, проведенных в иккергаке, хоть земля и покачивалась у него под ногами. Подойдя к лесу, он глубоко вдохнул аромат листвы. Добрая земля.

Увы, морозные зимы и сюда дотянули свои холодные руки. Была середина лета, но в глубоких оврагах еще лежал снег. На деревьях посвистывали птицы, крупных зверей не было видно. Быть может, искусный охотник и сумел бы заметить следы, но Керрику это не удалось. К тому же он быстро устал: ослабевшие на море ноги отвыкли от быстрой ходьбы. Но идти по твердой земле было так приятно, и он шел вперед, преодолевая усталость. Он принюхался. Запах прелых листьев, травы и отвратительный запах гниющего мяса, принесенный ветром. Вместе со странным хрустом.

Керрик остановился, замер, потом медленно нагнулся и бесшумно положил копье. Наложив на лук стрелу, он отправился дальше, не выпуская из рук оружия. Хруст становился громче, впереди на поляне что-то зашевелилось. Медленно, прячась в тени, он крался вперед и наконец застыл в изумлении.

На земле лежала растерзанная туша оленя, но пожиравшего добычу хищника Керрик поначалу не рассмотрел. Голова высокого тонкого существа была опущена вниз. Потом оно выпрямилось, вырвав из тела кусок мяса. Окровавленная голова и клюв, немигающий взгляд — какой-то мараг? Однако это была птица. Голова ее возвышалась над Керриком, ноги были толще, чем у него, по бокам топорщились крохотные крылышки. Должно быть, он шевельнулся — птица взглянула на него, хрипло вскрикнула, выронив кусок мяса, и захлопала крыльями. Он поднял лук, натянул тетиву и выпустил стрелу.

И промазал. Птица закричала, и он медленно стал отступать к деревьям. Он еще отыщет ее и убьет. Времени много. Когда птица исчезла из виду, Керрик повернулся и направился к морю.

Паукарут уже поставили, и Калалекв сидел перед ним на солнышке, разложив на коленях карту иилане'. Он улыбнулся подходящему Керрику и потряс картой.

— Что-то здесь есть. Скоро я все пойму. Я уже знаю кое-что. Видишь зеленые чешуйки? Знаешь, что это? Океан. Скоро я все пойму.

Заслышав голоса, Армун вышла из шатра. Керрик рассказал ей о встрече с гигантской птицей.

— В новой земле — новые звери, — с невозмутимой практичностью отвечала она. — Надо и мне посмотреть. Ты ничего не

знаешь о кустах и растениях. В лесу всегда можно найти еду, если знаешь, где искать.

— В лесу опасно. Я не пущу тебя одну. Пойдем вместе.

От этих слов выражение ее лица изменилось, и Армун схватила Керрика за руку, словно пытаясь удержать на месте.

— Они дожидались нашего иккергака, чтобы вместе отправиться на север, охотиться на уларуаква. Идут одни мужчины, даже подростков с собой не берут. Это самое важное из того, что они делают.

Он поглядел на грустное лицо Армун — в ее глазах прятался страх.

— Они хотят, чтобы и ты отправился с ними.

— Я должен?

— Нет, они уверены, что ты будешь польщен их предложением. Это великая честь, и парамутаны рассчитывают, что ты не откажешься. Но я не хочу, чтобы ты покидал меня.

Он понимал ее: слишком долго они пробыли врозь — и попытался ободрить:

— Это же наверняка ненадолго, ну как сходить на охоту. Вот увидишь.

После долгого путешествия через море Керрику не хотелось вновь вверяться волнам. Но отказываться было нельзя: мальчики с завистью смотрели на него, а женщины похлопывали по плечу, когда он проходил мимо, — ничего не сулит большей удачи, чем прикосновение к тому, кто впервые отправляется за уларуаквом. Остаток дня ушел на подготовку иккергаков, а большая часть ночи на пир — все с удовольствием доедали старое мясо, ведь охотники вернутся со свежатиной.

Отплыли утром. Армун осталась в паукаруте, чтобы не видеть отплытия, и вышла, когда крохотный флот превратился в пятнышко на горизонте.

Иккергаки плыли на север, и, повинуясь парамутанской разговорчивости, Калалекв немедленно сообщил Керрику, зачем они это делают:

— Лед, мы плывем ко льду. Уларуаквы держатся возле него.

Керрик так и не понял, почему эти морские создания плавают возле кромки льда. Потому что Калалекв пользовался новыми словами, еще неизвестными Керрику. Придется подождать, пока они доберутся до льдов, там он все и узнает.

Много дней прошло в море, наконец вдали показалась белая полоска льда. С радостными воплями парамутаны приближались

к ледяной стене, возвышавшейся над головами. Волны плескались о нее, внизу были видны какие-то темные массы, облепившие подводную часть льда.

— Квунгулекв, — сказал Калалекв, поглаживая живот. — Уларуаквы приплывают и едят это. А мы приплываем и едим их. Вот потеха!

Они повернули и двинулись вдоль кромки льда. Керрик увидел, что квунгулекв — это какие-то зеленые морские растения, огромные листья которых колыхались в чистой воде. Он еще не видел таких. Тут он понял. Уларуаквы приплывают сюда пастись, тут их и выслеживают парамутаны. Он взволнованно посмотрел вперед, пытаясь увидеть, кто пасется на холодных подводных лугах.

Незаметно общее возбуждение, предвкушение охоты охватило и Керрика. Следуя вдоль ледяной стены, иккергаки повернули на запад. Достигнув первого из плавающих айсбергов, парамутаны выстроили корабли в цепочку и стали осматривать ледяные глыбы и воду между ними. Но не в одиночку. Здесь охотились все вместе, и иккергак всегда держал соседние в поле зрения. Суденышко Калалеква было в середине цепочки. Иккергаки справа и слева были видны хорошо, а другие то и дело пропадали из глаз, скрываясь за ледяными глыбами.

Поскольку иккергак принадлежал Калалекву, то он имел право стоять на носу и бросить копье. Длинное тяжелое древко оканчивалось костяным наконечником, многочисленные зазубрины на котором удерживали копье в теле животного. Калалекв сидел и смазывал жиром длинный канат, укладывая его рядом в ровную бухту. Остальные высматривали добычу.

Пять дней они плыли на север, днем выслеживая морских зверей, а на ночь причаливая ко льдам. Каждый рассвет заставал кораблики уже рассыпавшимися охотничьим строем. На шестой день, втягивая рыболовную снасть, Керрик услышал, как один из наблюдателей разразился восторженным криком:

— Смотрите! Сигнал!

На иккергаке слева размахивали темной шкурой. Заметив это, Калалекв последовал примеру сигнальщика, передавая весть по цепочке. Стадо заметили — наконец начиналась охота.

Первые иккергаки, качаясь на волнах, поджидали отставших, а потом все дружно рванулись с попутным ветром на запад.

— Вот они! — кричал Калалекв. — Прекрасные! Я никогда не видел ничего прекраснее их!

Керрик видел только темные пятна на льду. Это была пища, укрытие, сама жизнь парамутанов. Существование этого народа зависело от уларуаквов, в погоне за зверями люди пересекли океан от берега до берега. Неудачи не должно быть.

Уларуаквы приближались, и Керрик наконец увидел огромные темные спины. У них были круглые головы и толстые губы. Ими они отрывали огромные полосы квунгулеква. Они напоминали Керрику урукето, такие же огромные, только высокого плавника на спине у них не было. Время от времени какой-нибудь из них высоко выпрыгивал из воды и с ужасающим плеском обрушивался вниз. Иккергаки подобрались поближе, обойдя пасущуюся стаю, и начали расходиться. Калалекв кивал со знанием дела.

— Двигайтесь вперед, пусть они нас увидят, пусть плывут на нас.

Он мельком глянул на иккергак неподалеку, который тоже, спустив парус, качался на волнах. Остальные же торопились, распустив паруса. Огромные животные неторопливо паслись, не обращая внимания на подбиравшиеся все ближе иккергаки. Хлопая парусом, их суденышко мерно раскачивалось на волнах. Уже чувствовалось напряжение, и Калалекв потрясал копьем, переминаясь с ноги на ногу.

— Поворачивают! — завопил кто-то.

Все случилось мгновенно, и Керрик поспешил убраться с дороги. Парус подняли и натуго привязали, кормчий же, впервые повернувшись лицом вперед, повел иккергак прямо на стаю, вспугнутую другими суденышками. Не двигаясь и не обращая внимания на крики, Калалекв в напряжении замер на носу. Темные фигуры уларуаквов приближались.

— Ну! — выкрикнул Калалекв. — Разворачивай!

Кормчий изо всех сил навалился на весло, а остальные парамутаны принялись перебрасывать парус на другую сторону мачты. На миг он опал — и сразу же надулся вновь. Теперь они двигались в обратную сторону, уходя от уларуаквов.

Причина маневра была понятна. Иккергак не мог перегнать быстро движущейся стаи. Но сейчас морские гиганты настигали судно, и, пока они медленно скользили мимо, Калалекв мог выбрать жертву. Невозмутимо сигналя обеими руками кормчему, он велел повернуть иккергак в нужную сторону и словно не слышал советов и подсказок.

Суденышко очутилось посреди стаи, влажные гладкие тела скользили мимо с обеих сторон.

— Пора! — рявкнул Калалекв и острием копья пронзил пузырь, свисавший с носа иккергака неподалеку от его ног.

Наконечник потемнел, с него закапали черные капли, по всему суденышку распространилось зловоние. Иккергак качнулся, столкнувшись со спиной уларуаква.

Изо всех сил Калалекв ударил копьем в бок морского зверя и отскочил в сторону, чтобы свернутый линь, разматываясь, не унес его за борт. Вонь из проткнутого пузыря была такая, что Керрик мгновенно приник к борту: его выворачивало наизнанку. Сквозь слезы он видел, как Калалекв рассек веревку, пузырь свалился в море и остался позади.

Когда это было сделано и за борт ушли последние остатки линя, Калалекв вытолкнул за борт надутую шкуру. Привязанная к линю, она закачалась на волнах. Иккергак развернулся следом за нею.

Калалекв вновь залез на мачту и начал распоряжаться. Если надутая шкура исчезнет из виду, все хлопоты окажутся напрасными.

Поглядев на Керрика, кормчий расхохотался.

— Сильный яд, хороший и крепкий. От одного запаха выворачивает наизнанку. Даже уларуакв долго не протянет, получив в шкуру такое копье.

Он оказался прав: надутая шкура скоро медленно заколыхалась на волнах, в воде угадывался огромный неподвижный силуэт уларуаква. Остальные звери исчезли, иккергаки подтягивались поближе.

— Хороший удар, а? — сказал Калалекв, слезая с мачты и лаская взглядом добычу. — Разве случалось тебе видеть такой?

— Нет, — честно признался Керрик.

Впрочем, скромность не входила в число добродетелей парамутанов.

— Скоро он всплывет, потом начнет тонуть, и ты увидишь, что мы делаем, чтобы не потерять добычу.

К тому времени, когда спина уларуаква показалась среди плескавшихся волн, приблизились и остальные иккергаки. С удивлением Керрик видел, как парамутаны по одному снимали меховую одежду и ныряли в ледяную воду с костяными крюками наподобие рыболовных, только очень большими. Зажав в зубах привязанные к ним кожаные лини, они подныривали под уларуаква.

Когда они вновь показывались на поверхности, их подхватывали и втаскивали в иккергаки; по гладкой шерсти парамутанов стекала вода. Дрожа и ежась, они отряхивались, натягивали одежду и громко хвастались своей храбростью.

Но никто не обращал на них внимания, все усердно тянули канаты. Здесь особого умения не требовалось, и Керрик изо всех сил помогал. Цель этого занятия стала ясной, когда туша уларуаква медленно шевельнулась в воде и с плеском перевернулась. Крючья были зацеплены за плавники, теперь морской зверь плыл вверх светлоокрашенным брюхом.

Часть покрывавшего днище иккергака решетчатого пола подняли и извлекли какие-то кольца. Это оказалась кишка какого-то зверя, покрытая густым слоем жира. Заканчивалась она длинной полой костью с заостренным концом. Сбросив одежду, Калалекв зажал кишку в зубах и перевалился через борт. Где вплавь, где ползком, он добрался до тела уларуаква и взобрался ему на брюхо. Нагнувшись, он ткнул в упругую кожу пальцем, потом стукнул кулаком. Перешел в другое место и повторил эти же действия. Потом достал изо рта заостренную кость и, размахнувшись, вонзил ее, изо всех сил стараясь пробить упругую шкуру животного. Потом стал вертеть и крутить ее, пытаясь протолкнуть поглубже.

— Давайте! — крикнул он и встал, ежась от холода и обхватив себя руками.

Поначалу Керрик подумал, что двое парамутанов будут откачивать из иккергака воду. Потом он увидел, что длинная кишка присоединена к большому насосу и внутрь уларуаква стали накачивать воздух, а не воду. Трубка сначала извивалась, но, надувшись, выпрямилась. Калалекв проследил за ходом дела, убедился, что все в порядке, потом соскользнул в воду и поплыл к иккергаку.

Встряхиваясь и одеваясь, он громко хохотал, но, когда попытался заговорить, оказалось, что его зубы выбивают невозможную дробь.

— Пусти, дай согреться, — обратился он к одному из яростно качавших насос парамутанов. Тот уже устал и рад был помощи. — Теперь мы... накачиваем его... воздухом. Чтобы плавал, — запыхавшись, пояснил Калалекв.

Керрик сменил второго парамутана и принялся столь же яростно качать, но скоро уступил место новому добровольцу.

Вскоре они уже могли увидеть плоды своих усилий, — огромная туша медленно выступала из воды, и, когда появилась вся, зацепленные за плавники лини раздали по иккергакам. Поставили паруса, и маленькая флотилия тронулась в путь, увлекая за собой морского гиганта.

Глава 33

Назад они плыли через густые заряды снега — первый признак того, что осень подходила к концу. Парамутаны наслаждались погодой, радостно нюхали воздух и слизывали выпавший снег. Когда они добрались до берега, снегопад стал еще гуще, и черные пятна паукарутов с трудом угадывались за белой пеленой. Миновав стойбище, они направились к скалистому берегу позади него, из-за которого паукаруты были поставлены именно на этом месте.

Изборожденные непогодой скалы ровным клином спускались в море. Зачем было нужно это место, стало ясно, когда веревки от уларуаква передали женщинам. Завидев маленький флот, они повысыпали на берег и теперь кричали и размахивали руками. Керрик отыскал глазами Армун и кричал ей до тех пор, пока она не замахала в ответ. Все волновались — огромная туша уларуаква покачивалась возле берега, и ее удерживали за канаты. После шумного обмена мнениями ее развернули хвостом к северу и привязали к скалам. Когда кончился прилив, веревки отцепили от плавников и обмотали вокруг хвоста, распластавшегося по камням.

Расталкивая довольных парамутанов, Керрик пробирался к Армун, но их разделила группа визжащих охотников, на плечах которых восседал Калалекв. Его передавали из рук в руки и наконец аккуратно усадили верхом на огромный плавник. Там он вынул нож и принялся пилить неподатливую кожу, пока не вырезал кровавый кусок мяса. Он мазал им свое лицо, пока оно не стало таким же красным, как руки. Потом откусил и стал жевать, бросив кусок толпе, заливавшейся истерическим смехом.

Выбравшись из свалки, Керрик нашел Армун.

— Удачная охота, — сказал он, указывая на огромную тушу.

— Самое главное — ты вернулся.

— Нечего было бояться.

— Я не боялась. Это разлука. Я не хочу ее.

Она не сказала, что после отплытия каждый день сидела у

моря, вспоминая его и недолгую совместную жизнь. И когда она поняла, что стала вновь прятать раздвоенную губу за отворот одежды, как делала когда-то, то осознала, что в Керрике — вся ее жизнь и счастье, невозможное для отверженной, какой она была почти всю свою жизнь. Теперь, когда его не стало рядом, она снова сделалась другой. Той, прежней, которая так не нравилась ей самой. Она не хотела даже вспоминать об этом.

Они вместе направились к паукаруту, где он разделся, а она смыла дорожную грязь с его тела. А потом, уложив его под теплые шкуры, она сбросила одежду и скользнула ему под бок. Им некому было помешать, все парамутаны были на берегу. Сливались дыхание, тела, радость.

Потом она поднялась и принесла еду.

— Я разводила костер и коптила рыбу сразу, как только ловила. Хватит с нас тухлятины. А вот корешки, я выкопала их в лесу, они здесь точно такие же. — Заметив тревогу на его лице, она потянулась к его губам и улыбнулась. — Я была не одна. Мы, женщины, выходили вместе, брали мальчиков с копьями. Мы видели больших птиц, но не подходили к ним.

Парамутаны не возвращались в паукаруты до темноты. Быстро перекусив, они повалились спать — следующий прилив должен был начаться ночью. Оставшиеся следить за морем мальчишки с воплями заметались среди паукарутов, когда настало время высокой воды. Все высыпали под ясные звезды и, выдыхая белые облачка пара, потянули веревки на берег. На этот раз дружными усилиями они сумели затащить хвост уларуаква повыше на наклонную скалу. Теперь никакая волна не могла унести его в море.

Утром начали разделывать добычу. Срезав огромными полосами кожу и жир, добрались до мяса. Скала окрасилась кровью гиганта. Калалекв не принимал участия в работе, а просто посмотрел и, убедившись, что все делается как надо, вернулся в паукарут и вновь достал карты.

— Я думал о них все время, пока мы плавали за уларуаквом. Я глядел на воду, я глядел на небо и думал о них. А потом начал понимать. Эти мургу все делают не так, как мы, они и плавают по-другому, но море-то одно для всех. Я покажу тебе, до чего додумался, а ты скажешь, есть ли правда в моих мыслях.

Разложив карты иилане' на земле, он обошел их со своей навигационной схемой, сделанной из костей. Покрутив ее в руках, он осторожно положил ее на карту, развернув в нужную сторону.

— Ты помнишь, мы пересекали океан, следя за неподвижной

звездой. Мы плыли вот так, и вот где мы оказались. Вот земля, вот лед, вот место, где мы встретили вас, а здесь мы сейчас.

Следя за коричневым пальцем, Керрик не понимал ничего из того, что было очевидно для парамутана. Для него это были просто кости. Но он согласно кивал, не желая прерывать его. Калалекв продолжал:

— И вот что я стал понимать. Мургу плавают в южных морях — ты объяснил мне, что они не могут жить среди снега. Мы любим снег и лед, мы живем на севере. Но кое-что в море двигается с юга на север. Это река теплой воды посреди моря, она течет с юга, мы ловим в ней рыбу. Теплая вода заходит далеко на север, и в ней много рыбы. Но откуда она течет, объясни мне? — Улыбаясь и гладя шерсть на щеках, он дожидался ответа.

— С юга?

Неуверенный ответ восхитил Калалеква.

— Да-да, и я так думаю. И ты согласен со мной. Погляди-ка на карту мургу. Если тут море, а тут вода, значит, оранжевым цветом обозначены теплые воды, текущие с юга. Так?

— Так, — согласился Керрик, ничего не различая ненаметанным глазом.

Поддержка воодушевила Калалеква.

— Вот она оканчивается, на краю карты. И раз мургу не плавают на север, значит, здесь она и находится. И на их карте обозначена земля, и на моей. И, если я не ошибаюсь, мы сейчас находимся именно там!

Керрик не мог разобраться в костяной схеме, но в карте иилане' виделась известная логика. Если оранжевый завиток обозначает теплое течение, что значат тогда пересекающие его голубые вихри? Неужели все это зеленое пространство и есть океан? А темная зелень — суша? Возможно. Он провел пальцем по краю темно-зеленого пятна слева, там, где оно переходило в светлую зелень воды. Очертания чем-то напоминали ему ту модель, которую он видел в Деифобене. А крупицы золотого металла под поверхностью карты... что означают они?

Алакас-Аксехент! Он вздрогнул всем телом, когда эти слова пришли на память. Алакас-Аксехент.

Цепочка, россыпь драгоценных камней. Ему показывали эти острова, когда урукето плыл мимо. Тогда они возвращались в Алпеасак. Он повел пальцем по светлой зелени к краю темного пятна, туда, где, по его мнению, лежал Алпеасак. Два крохотных желтых штриха. Алпеасак.

Прекрасные пляжи.

— Ты прав, Калалекв. Эти карты можно понять, в них кроется смысл. Ты одарен великой мудростью среди парамутанов и превосходишь весь мир в знании своего дела.

— Верно! — с восторгом отозвался Калалекв. — Я всегда понимал это! Если ты разобрался в карте, расскажи мне, что значат эти странные знаки.

— Вот место, где мы сожгли город мургу. А вот здесь мы встретились, ты сам так говорил. Вот сюда мы приплыли, почти на самый край карты. А вот, видишь, океан сужается? Это Генагле. А вот эта земля к северу простирается до Исегнета. Здесь, на юге, лежит весь Энтобан.

— Огромная страна, — удивился Калалекв.

— Да, и кругом там одни мургу.

Согнувшись над картой, Калалекв с благоговением и восхищением водил пальцем вдоль контуров континентов. Он еще раз показал, где расположено их стойбище, потом провел пальцем дальше на север, где возле берега был большой остров.

— А здесь не так, — сказал он. — Здесь лед и снег не тают. Я не знаю этого острова.

Керрик подумал о суровых зимах, которые с каждым годом становились холоднее. Снег с каждым годом продвигался все дальше на юг... И тут он понял.

— Эта карта очень стара. На ней обозначена земля, которая теперь покрыта льдами. Когда-то мургу плавали сюда. Здесь есть их отметки. Видишь эту красную?

Калалекв внимательно посмотрел и согласился. Потом повел пальцем по берегу до места, где располагалось стойбище.

— Вот наши паукаруты. А вот на берегу, к югу отсюда, такая же красная метка. Такая ж, как и на севере. Что она значит?

Керрик в отчаянии глядел на карту. Это было недалеко, на севере от Генагле, почти рядом с паукарутами. Обе красные метки казались одинаковыми.

— Там мургу, вот что это значит. Они недалеко. Мы убежали от них, но они нас опередили!

Керрик без сил опустился на землю. Неужели и впрямь некуда деться от иилане'? Или они поплыли на холодный север только для того, чтобы обнаружить стерегущих их мургу? Неужели это возможно? Как же они могут жить здесь, в холодных краях? Но красная метка была здесь... две метки. То место, которое было отмечено северной меткой, скрыто льдами. Но та, что к югу... Он поглядел прямо в глаза Калалекву.

— Думаем ли мы об одном и том же? — осведомился Калалекв.

Керрик утвердительно кивнул.

— Да. Если мургу рядом, мы не можем чувствовать себя в безопасности. Значит, надо узнать, что означает эта красная отметина. Мы отправимся туда сразу, как только вы освободитесь. Надо успеть до зимы. Времени осталось немного.

Собрав карты, Калалекв радостно ухмыльнулся.

— Я хочу увидеть твоих мургу, о которых ты столько говорил. Прогуляемся, сейчас как раз подходящее время.

Керрик не разделял радости парамутана. Неужели и в этих дальних краях начнется сражение? При этой мысли ему вспомнилась пословица иилане'. Куда бы ты ни пошел, куда ни поплыл — отца не встретишь. Энге научила его ей, а потом старательно растолковывала смысл, но он так и не понял его тогда. В яйце тебе спокойно, ты под защитой отца, но, когда вступаешь в море, никто не станет оберегать тебя. И жизненное странствие всегда кончается смертью. Неужели и его скитания — только путь к смерти?

Армун разделяла его отчаяние.

— Ты уверен, что где-то рядом мургу? И для этого мы плыли через океан, для этого бросили Арнхвита?

— Я ни в чем пока не уверен, поэтому я должен побывать в этом месте и посмотреть, что там.

— Поэтому мы и отправимся туда. Вместе.

— Конечно. Вместе. Навсегда.

Калалекв мог бы до краев набить волонтерами свой иккергак. Охота на уларуаква свершилась. Долгий и тяжелый труд мясника никому не сулил удовольствия. Калалекв подобрал экипаж, погрузил припасы, и уже через день они вышли в море.

Стоя на носу, Керрик переводил взгляд с берега на карту... Куда они плывут? Что их ждет впереди?

Глава 34

Mareedege mareedegeb deemarissi.

Ешь других — или тебя съедят.

Апофегма иилане'

Зажав в руках живые поводья, приросшие к губам тараканта, Вейнте' восседала верхом у него на шее, излучая силу и власть каждым движением тела. Уставший от ожидания скакун крутил-

ся под нею, поворачивал длинную шею, косил глазом, шипел и щелкал клювом. Натянув поводья, она еще раз осадила его. Тараказт простоит на месте весь день, если будет на то ее воля. Под обрывом по мелководью к берегу широкой реки брел последний уруктоп. Его восемь ног медленно переступали — ящер устал, переплывая реку; погоняла его одинокая наездница, оседлавшая плечи. Когда чудище отдохнет, можно будет выступать в путь, рассадив по местам фарги, уже перебравшихся через реку в лодке. Все шло по плану. Фарги, перебравшиеся на этот берег вчера, сворачивали походный лагерь, скатывали колючие лианы, ставшие безопасными под лучами солнца, увязывали вместе светозверей и оборонительные крупные хесотсаны. Скоро все будут готовы. Кампания продолжалась.

Вейнте′ обернулась и поглядела на дальние холмы за покрытой травой равниной. Мысль ее стремилась дальше — в долину, где прячутся устузоу. Через все преграды она доберется туда... она отыщет этих грязных зверей. Ненависть сотрясала ее тело, зубы оскалились. Тараказт фыркнул, когда она стиснула ногами его шею; она утихомирила ящера, изо всех сил дернув за нижнюю губу. Устузоу погибнут... все до единого. Резким пинком она послала своего скакуна вперед, вниз по склону, к лагерю передового отряда.

Заметив приближавшуюся Вейнте′, Меликеле отвернулась от фарги и растопырила руки в приветственном жесте — как подобает нижайшей перед высочайшей, с радостью и теплотой. Чувства эти были искренни, и она не скрывала удовлетворения при виде Вейнте′. Теперь она редко вспоминала об окруженном морем Икхалменетсе и его эйстаа, которая была теперь так далеко. В этом городе она была простой фарги, ненужной и нежеланной, невзирая на умение умно говорить. Вейнте′ переменила положение дел, дав Меликеле возможность возвыситься на службе с невероятной быстротой. Вейнте′ не только карала неудачниц, но и по заслугам вознаграждала тех, кто следовал за нею, проявляя необходимое благоразумие. И покорность. Меликеле была покорной и не думала вести себя иначе, ведь она хотела только служить Вейнте′.

— Все готово, — ответила она на вопросительный жест.

Вейнте′ изящно спрыгнула со скакуна и оглядела продуманный круговорот рабочих бригад фарги.

— Меликеле, ты хорошо справляешься с делами, — проговорила она, сопровождая слова жестами усиления.

— Я лишь повинуюсь приказам высочайшей Вейнте′. Жизнь моя — в твоих пальцах.

Вейнте′ воспринимала все как должное — Меликеле говорила, подчеркивая силу своих обязанностей. Как нужны были Вейнте′ такие стойкие и надежные помощницы! Ум и верность сочетаются редко, даже среди избранных, вверенных ей Ланефенуу. По правде говоря, все эти приживалки выбраны были за преданность эйстаа, а не за какие-нибудь способности. Слишком сильной и независимой считала себя Ланефенуу, чтобы позволять кому-нибудь расти рядом с собой. Вейнте′ понимала, что настанет день, когда и она может показаться лишней Ланефенуу. Но день этот был впереди. И пока все свои способности и силы Вейнте′ устремляла на уничтожение устузоу, Ланефенуу нечего опасаться за власть над городом. А сейчас время разрушения. Ее конечности задвигались, повинуясь силе эмоций, и Вейнте′ громко проговорила:

— А теперь, сильная Меликеле, бери своих фарги, а я последую за вами на расстоянии дневного перехода. Разведчицы уже впереди, они удалились на столько же. Все они верхом на тараказтах и должны обыскать окрестности вдоль маршрута. Заметив устузоу, они остановятся и подождут твое войско. Знаешь ли ты, где разбить следующий лагерь?

— Я вновь и вновь изучала снимки, но пока не уверена, смогу ли узнать эту местность. Если возникнут сомнения, я положусь на двух проводниц.

— Делай так — они уже прошли со мной этот путь. — Вейнте′ оценила честность, с которой Меликеле призналась в недостатке знаний, ведь она была уверена в своих силах и умела положиться на остальных. — Знаешь ли ты, где вы будете ждать нас?

— Знаю. На берегах желтой извилистой реки. — Меликеле подняла вверх обе ладони. — Мы должны остановиться через тен ночевок, я не забуду счет времени.

— Будь внимательна. Среди устузоу есть один зверь, он очень хитер, когда дело касается битвы. Опасайся ловушек и засад, помни, как они напали на нас на острове и потом бежали ночью под проливным дождем. На этот раз устузоу не должны спастись. Мы должны их выследить и убить, но не забывай про опасность, иначе все мы погибнем.

— Ешь других — или тебя съедят! — мрачно произнесла Меликеле, сжав в кулаки сильные руки в жесте предельной угрозы. — Мой голод сильнее!

— *Хорошо сказала. Встретимся через тен дней.*

Вейнте′ впилась когтями в бок скакуна. Гневно зашипев, он поднялся на дыбы и крупной рысью направился прочь. Меликеле вернулась к работе. После того как было собрано ночное ограждение, уруктопов быстро догрузили. Меликеле миновала строй фарги, державших оружие на изготовку. В долгий путь она взяла из города лишь тех, кто был поумнее и уже умел говорить. Поэтому можно было надеяться, что на каждом уруктопе окажется хотя бы одна, способная отличить порядок от беспорядка, проследить, чтобы все было на месте. Меликеле проковыляла вразвалку к передовому уруктопу и вскарабкалась на него. Потом велела таракасту-разведчику двигаться вперед. Вейнте′ выделила ей одного скакуна, но Меликеле так и не освоила езду верхом. Это не смущало ее. Она умела командовать подчиненными, исполняя приказы Вейнте′, роль эта доставляла ей удовольствие. По сигналу Меликеле авангард выступил в поход.

Уруктопы неторопливо и размеренно топали восемью мускулистыми ногами. Пусть небыстро, но они могли шагать от зари до зари, не требуя отдыха. Ума у них почти не было, и, если не приказать вовремя, чудища эти будут идти и идти, пока не свалятся от голода. Меликеле знала их слабости и всегда следила, чтобы в конце дня громадных ящеров не забыли напоить и пустить пастись в болото или в лес. В самом начале пути она заметила, что толстые когти на двух задних парах ног начинали трескаться от постоянной ходьбы, потом отрывались, оставляя кровоточащие раны. Они не заживали, и неразумный гигант истекал кровью, слабел и мог подохнуть. С разрешения Вейнте′ Меликеле отобрала двух самых смышленых фарги, обученных Акотолп перевязывать и обрабатывать раны. Но на всякий случай сама каждый вечер проверяла состояние всех уруктопов.

Этот день, как и остальные, прошел в бездумном и непрестанном движении. Таракасты то рысили, то брели, то забегали вперед; невеселый ландшафт медленно исчезал позади. Около полудня пошел прохладный дождик, но сразу проглянуло солнце, высушило и согрело кожу. Теперь солнце светило в глаза. Оно уже опускалось к горизонту, когда колонна приблизилась к отряду таракастов, поджидавших возле широкого ручья. Земля здесь была утоптана, редкие кусты поломаны. На этом месте долго стояло большое войско. Это было то самое место. Получив жесты согласия разведчиц, она начала отдавать приказы фарги, которые стали разбивать лагерь.

Исполняя строгий приказ, верховых ящеров поили и пускали пастись. За таракастами надо было следить, они всегда могли убежать. Не то что уруктопы — они могли даже не вспомнить о еде, если бы ездовые буквально носами не тыкали их в свежие листья. Только тогда уруктопы принимались за еду. Удивительно глупые создания.

Фарги смогли поесть, только разложив ночное ограждение. К наступлению темноты всех верховых зверей завели в лагерь и стреножили. Ночами здесь было прохладно, и фарги кутались в спальные плащи. Разложив свой, Меликеле не торопилась заворачиваться в него, пока совсем не стемнело и из лиан не выступили шипы. Дождавшись этого, она с удовлетворением оглядела покачивавшиеся в воздухе ядовитые колючки, думая: кончился день, выполнены все работы. Тогда легла и она, тщательно завернувшись в плащ, удовлетворенная тем, что верно исполняла повеления великой Вейнте′ еще один день. Глаза ее закрылись, и она мгновенно погрузилась в глубокий сон.

Вокруг нее спали фарги под защитой колючих лиан, светозверей и ночных хесотсанов, которые сразят всякого, кто посмеет нарушить покой. Некоторые из таракастов крутились и сердито шипели друг на друга. Но скоро и они успокоились и уснули, прикрыв носы хвостами. Спали иилане′, спали и их животные.

Лагерь был расположен на равнине; только там, куда ветер нанес почву к невысокому нагромождению скал, был низкий пригорок. Камни были наполовину в земле, лишь у подножия склона лежала груда скатившихся вниз вымытых дождем булыжников.

Один из камней наверху вздрогнул и покатился вниз с негромким стуком.

Спавшие поблизости фарги моментально открыли глаза. Но все было спокойно, только ясные звезды горели над головою. И глаза закрылись вновь. Они видели ночью так плохо, что все равно не заметили бы, как поблизости беззвучно качнулся другой камень.

Медленно и осторожно Херилак высунул голову из-за груды камней.

Рослый охотник оглядел лагерь. Месяц стоял еще невысоко, но на небе не было даже облачка, и звездный свет освещал спящих мургу. Высокие силуэты восьминогих зверей, маленькие фигурки закутавшихся мургу. Баки с мясом мургу по одну сторону, пузыри с ними же — по другую.

Вдруг вспыхнул свет, громко треснул хесотсан — должно быть, какая-нибудь пустынная тварь прикоснулась к ядовитым лианам. Херилак застыл, словно окаменев. Мургу, оказавшиеся поближе к свету, подняли головы, вглядываясь в ночную тьму. Свет медленно потускнел и погас. Все вновь уснули. Бесшумно и осторожно Херилак раздвинул камни и вылез.

Припав к земле, он повернулся и тихо шепнул в темное отверстие:

— Скорей! Тихо! Вылезайте!

Он отполз в сторону — словно из-под земли вынырнул другой охотник. Там, в пещере, их был целый хольт. Они вырыли это укрытие, землю кидали в реку, потом перекрыли толстыми бревнами, засыпали землей и завалили камнями, которые теперь могли не вовремя загреметь. Копать они начали с утра — едва ночевавшие здесь мургу скрылись из виду. Теперь охотники по одному выползали, с облегчением вдыхая ночной воздух. Под землей они сидели с полудня, там было жарко и душно. Никто и не думал жаловаться — все пошли на это по собственной воле.

— Все, как ты сказал, Херилак, — шепнул ему на ухо один из охотников. — Они всегда ночуют на одном и том же месте.

— Да. А теперь за дело. Убивайте.

Они не знали пощады и убивали со знанием дела. Лишь изредка негромкий стон звучал над лагерем — это сраженные во сне ножами и копьями, одна за другой погибали мургу. Убив всех, охотники принялись за верховых зверей и перебили их стреляющими палками. Почуяв опасность, некоторые животные вырывались и кричали, иные пытались спастись бегством, но запутывались в отравленных лианах. Один за другим погибли и они. Истребление завершилось.

Никто из охотников не мог уснуть; вытерев кровь с рук, они уселись и проговорили до рассвета. Когда достаточно рассвело, Херилак поднялся и приказал:

— Нужна помощь. Я хочу скрыть ход в пещеру, где мы укрывались, чтобы никто не сумел его заметить. Затащите на камни несколько трупов. Не знаю, может быть, они и разыщут вход, но, если этого не случится, у них появится повод для опасений. Мургу придется подумать, как могло случиться, что мы сумели справиться с хитроумными приспособлениями, и продвижение войска замедлится.

— А они не повернут назад? — спросил Ненне.

— Нет, не дожидайся, — отвечал Херилак, чувствуя закипающий в груди гнев. — Они пойдут вперед. Но мы можем задержать их, можем убить их. Мы можем это сделать. Теперь ждите дневного света — пока колючки не втянутся внутрь, ни к чему не прикасайтесь, а лианы отодвигайте копьями. Оставьте все как есть. Берем стреляющие палки, немного мяса, и все. Когда уйдем, все лианы должны лежать так, как лежали. Это зрелище причинит мургу великую скорбь. Пусть будет так.

Глава 35

Они плыли на юг вдоль берега. Парамутанов радовало неизвестное, и они восторженными криками встречали каждый новый мыс, каждую полоску песка. Керрик не разделял их радости и с каждым новым днем все больше погружался в суровую отстраненность. Армун видела это, но могла только разделять его отчаяние, понимая, что прогнать его нечем. Они плыли на юг, погода становилась лучше, но не его настроение. И Армун была рада начавшейся непогоде — Керрику пришлось возиться с парусами и откачивать воду, так что времени на мрачные думы о будущем уже не оставалось.

Береговая линия здесь поворачивала. Это было видно на карте, плыть пришлось прямо на запад. Солнце еще грело, но с севера уже налетали зимние бури с хлесткими ливнями. На восьмой день плавания шквалы следовали один за другим — это началось после рассвета, — но к середине дня последняя буря окончилась, и дождь ушел ближе к берегу.

— Смотри, радуга, — восхитилась Армун, показывая на огромную разноцветную арку, протянувшуюся из моря на берег. Одним концом она опиралась на невысокий мысок. — Мой отец всегда говорил, что на том месте, где кончается радуга, тебя ждет большой олень. И если ты поторопишься туда, а он не успеет убежать, то должен будет ответить на любой вопрос. Так говорил мой отец.

Керрик молча глядел на сушу, будто не слыша жену.

— Как ты думаешь, это правда? — спросила она.

Керрик покачал головой.

— Не знаю, никогда не слышал, чтобы большие олени говорили. Вкусные они — это я знаю, только думаю, что вряд ли способны дать разумный совет.

— Но это не простые олени. Их можно встретить только у

конца радуги. Я верю в это, — твердо закончила она, а радуга таяла на глазах в густевшей пелене дождя, наползавшей на покрытые лесом прибрежные холмы.

Погрузившись в невеселое раздумье, Керрик не стал возражать ей.

После дождя ветер утих, выглянуло теплое солнце. Повернувшись к нему лицом, Армун взлохматила руками волосы, чтобы быстрее высохли. Но парамутаны явно опечалились и, жалуясь на жару, стали стаскивать меховые куртки. Стоя на носу, Калалекв смотрел на берег, легкий ветерок шевелил длинную шерсть на его спине.

— Вон! — вдруг крикнул он, указывая рукой на берег. — Новое! Я такого еще не видел.

Керрик подошел к нему и стал, прищуриваясь, разглядывать далекое зеленое пятно на берегу. Наконец он догадался, что это.

— Давай к берегу, — сказал он. — Я знаю, что там. Это... — Ему не хватило слов, и он обернулся к Армун, перейдя на марбак: — Не знаю, как сказать... Это такое место, куда мургу заводят своих плавающих зверей. И там всегда рядом мургу.

Армун быстро перевела его слова парамутану — глаза того округлились.

— Они действительно там, — отозвался он, наваливаясь на кормило, пока остальные возились со снастями.

Суденышко развернулось и направилось к берегу, подальше от причала иилане'. Керрик водил пальцем по карте.

— Здесь, да, здесь. Мы высадимся на берег, а дальше пойдем пешком. Надо выяснить, что там такое.

— Как ты думаешь, там могут оказаться мургу? — спросила Армун.

— Отсюда не видно, но не исключено. Будем осторожны и высадимся не все.

— Если ты пойдешь, то и я с тобой.

Он хотел возразить, но твердые нотки в ее голосе не позволили прекословить, и он кивнул.

— Значит, идем вдвоем. Возьмем одного, самое большее, двух парамутанов.

Калалекв немедленно вызвался идти вместе с ними, после долгих и шумных споров к нему присоединился Ниумак, пользовавшийся репутацией великого охотника. Иккергак подошел к самому берегу. Крохотный отряд с копьями в руках выпрыгнул на песок. Пляж перегораживал скалистый мыс, его пришлось обхо-

дить лесом. Пробраться было почти невозможно: между живыми деревьями в густом подлеске лежали упавшие стволы. Наконец они решили повернуть к океану, на шум волн, разбивающихся о скалы.

— Жара, умираю, — пробормотал Калалекв; его уже шатало от усталости.

— Снег и лед, — отозвался Ниумак. — Только там живут настоящие люди. Слова Калалеква верны, и нам грозит смерть от жары.

Впереди над головами засинело небо, с моря подул ветерок. Парамутаны вознесли хвалу прохладе, которую он принес. Керрик раздвинул листья и поглядел на скалы и плещущиеся внизу волны. Они были почти возле причала. За ним виднелись какие-то круглые насыпи, но на таком расстоянии их было трудно рассмотреть.

— Я хочу подобраться поближе...

— Я иду за тобой, — отвечала Армун.

— Нет, мне лучше идти одному. Если там мургу, я просто поверну обратно. Я знаю их, знаю, чего от них можно ожидать. А вместе это будет опаснее. Пусть парамутаны тоже побудут здесь, для них это и так далекий путь. Оставайся с ними. Я вернусь сразу, как только сумею что-нибудь выяснить.

Она хотела возражать, идти за ним, но понимала, что Керрик прав. На мгновение припав к его груди, Армун легонько оттолкнула его и посмотрела на пыхтящих парамутанов.

— Ступай, я остаюсь с ними.

По лесу невозможно было продвигаться бесшумно — сушняк то и дело трещал под ногами, от лица все время приходилось отводить мертвые ветви. Обнаружив звериную тропку, спускавшуюся вниз с холма, Керрик пошел быстрее. Она вела туда, куда нужно, к берегу, и Керрик осторожно шел по ней. Когда тропа довела его до края леса, Керрик остановился и, раздвинув листья, внимательно посмотрел вперед. Перед ним был опустевший причал, округлые горки за ним оказались слишком ровными и гладкими, чтобы быть делом рук природы. К тому же он заметил в них двери.

Идти вперед? Если там живут иилане', как еще он может выяснить это? Урукето у берега не было. Но иилане' могли жить здесь.

Резкий треск хесотсана трудно было с чем-то перепутать. В панике он припал к земле. К счастью, стрелявшая промахнулась. Пора убираться.

Послышался топот тяжелых ног, и, бросившись в густые заросли, Керрик заметил бегущую к нему иилане́ с хесотсаном. Заметив его, она остановилась, согнув руки в удивлении. Потом направила на него хесотсан.

— Не стреляй! — крикнул он. — Почему ты хочешь убить меня? Я безоружен, я друг.

Он выронил копье и постарался незаметно носком запихнуть его поглубже в кусты.

Его слова произвели потрясающее впечатление на иилане́. Она отшатнулась и недоверчиво произнесла:

— Устузоу. Они не умеют разговаривать, но этот говорит...

— Я умею говорить — и неплохо.

— Объяснение-появления-здесь требую, и немедленно.

Она держала оружие наготове, опустив его вниз. Что сказать? Что угодно, лишь бы только она слушала.

— Я пришел издалека. Разговаривать меня научила иилане́ великой мудрости. Она была добра ко мне, я много узнал от нее. Я — друг иилане́.

— Я слыхала когда-то о говорящем устузоу. Почему ты здесь один? — Не дожидаясь объяснений, она снова направила на него оружие. — Значит, ты сбежал от своей хозяйки, улизнул от нее. Стой там и не шевелись.

Керрик повиновался. Что еще ему оставалось делать? Он молча стоял, пока не послышались чьи-то шаги: две фарги несли из леса тушу гигантской птицы. Керрик корил себя за то, что спутал нахоженную тропу со звериной. Значит, здесь действительно иилане́. Стоявшая перед ним казалась особенно грубой... должно быть, охотница вроде Сталлан. Она вышла за мясом и совершенно случайно наткнулась на него. Он должен был сразу понять это, охотник всегда отличит тропку, проложенную зверями, и будет соблюдать осторожность. Любой охотник, но только не он. Фарги прошли мимо, глядя на него одним глазом и неразборчиво бормоча на ходу. Ноша не позволяла им выразить удивление понятным образом.

— Иди за ними! — приказала охотница. — Побежишь — умрешь.

Выхода не было. Онемев от отчаяния, Керрик, спотыкаясь, брел по тропе к круглым сооружениям возле причалов.

— Несите мясо к мясникам, — распорядилась охотница. Обе фарги миновали первый из домов, но ему охотница знаком велела войти. — Иди туда. Я думаю, Есспелеи захочет тебя видеть.

В стене дома была кожаная дверь. Ее створки распахнулись, едва Керрик толкнул их. Она вела в короткий тоннель, заканчивающийся дверью, еле видной в свете фосфоресцирующих полосок на стене. Иилане́ отступила, держа оружие наготове, и жестом приказала идти вперед. Он прикоснулся ко второй двери, та открылась, и волна теплого воздуха обдала Керрика. Здесь светящиеся пятна были крупнее и излучали больше света. На полках было много странных тварей. Подопытные звери, подумал он. Стены были увешаны картами. Над одним из живых приборов склонилась иилане́.

— Почему ты мешаешь мне, Фафнеге? — сказала она раздраженно и обернулась. Жесты ее мгновенно выразили страх и удивление. — Грязный устузоу! Почему он не мертв, зачем ты привела его сюда?

Фафнеге ответила знаком познание-превыше-всего и выразила презрение к страху ученой. Она была очень похожа на Сталлан.

— Есспелеи, ты в безопасности, не дрожи так. Это весьма необычный устузоу. Взгляни, что будет, когда я прикажу ему говорить.

— Ты в безопасности, — сказал Керрик. — В отличие от меня. Прикажи этому отвратительному созданию опустить оружие. Я пришел с пустыми руками.

Есспелеи застыла в изумлении и не сразу заговорила:

— Я знаю о тебе. Я разговаривала с одной ученой, а та беседовала с Акотолп, которая и рассказала ей об устузоу, который говорит.

— Я знаю Акотолп. Она очень, очень толстая.

— Значит, ты и есть тот самый устузоу. Акотолп действительно толстая. Почему ты оказался здесь?

— Эта тварь бежала, — вмешалась Фафнеге, — не может быть другого объяснения его появления здесь. Видишь кольцо на шее. Вот обрывок поводка... он убежал от хозяйки.

— Это так? — спросила Есспелеи.

Керрик молчал, его мысли путались. Что им сказать? Говорить можно все, что угодно, они не умеют отличить правду от лжи, ведь все их мысли отражаются в шевелении тела. Он не такой и способен солгать.

— Я не бежал. Просто началась буря, урукето выбросило на мель. Я прыгнул в море, выбрался на берег. Я здесь один. И я голоден. Так приятно вновь разговаривать с иилане́.

— Очень интересно, — отозвалась Есспелеи. — Фафнеге, принеси мяса.

— Если я уйду, он убежит. Лучше позову фарги.

Она вышла, но Керрик знал, что она где-то рядом. Он сбежит при первой же возможности. Но сначала нужно выяснить, что эти иилане́ делают так далеко на севере.

— Вопрос глупой к озаренной великим разумом, вежливая просьба просветить. Что могут делать иилане́ в таких холодных краях?

— Информирую, — не думая, ответила Есспелеи, потрясенная речами устузоу. — Это место для занятия наукой. Здесь мы изучаем ветер, океан и погоду. Все это не может быть понятно тебе, удивляюсь даже, почему отвечаю тебе.

— Благодарю за благосклонность высочайшей к нижайшей. Вы изучаете зимние холода и холодные ветры, которые дуют с севера с каждой зимой все сильнее?

Есспелеи знаком выразила удивление, к которому примешивалось немного уважения.

— Устузоу, ты даже не фарги, но в твоих словах угадывается отблеск разума. Мы изучаем зимы, потому что знания — это наука, а наука — это жизнь. Вот что мы изучаем. — Она показала в сторону инструментов и развешанных по стене карт. И заговорила, обращаясь с жестами скорби: — С каждым годом зимы становятся холоднее, с каждой зимой льды все дальше заходят на юг. Умер Соромсет, погиб Инегбан. Мертвые города. А холод все ближе. И следующим умрет Икхалменетс, если холод продвинется еще дальше.

Икхалменетс! Керрик затрепетал от волнения и заговорил лишь тогда, когда дрожащий голос уже не мог его выдать. Икхалменетс... об этом городе рассказала ему на берегу Эрефнаис перед смертью. Город, который помог Вейнте́, город, развязавший войну, отобравший у усту... тьфу, у тану Деифобен. Икхалменетс, где обитают враги.

— Икхалменетс? В глупости своей я никогда не слышал об этом городе.

— Глупость твоя воистину велика. Окруженный морем Икхалменетс, остров, сияющий в океане. Ты не иилане́, если не знаешь об Икхалменетсе.

С этими словами она кончиком пальца прикоснулась к карте на стене.

— Я так глуп, даже удивительно, что жив еще, — согласился

Керрик, наклоняясь вперед, чтобы видеть, что именно показала ученая. — Какую благосклонность проявляешь ты, высочайшая, затрудняя себя речами со мной, нижайшей! Попусту расходуя свое невероятно ценное время на увеличение моих крохотных познаний.

— Ты правильно говоришь, иилане́-устузоу. — Дверь открылась, и появилась фарги с пузырем, полным мяса. — Теперь поедим. А потом ты ответишь на мои вопросы.

Керрик ел молча, едва сдерживая внезапную радость. Теперь вопросов у него не было, более ничего его здесь не интересовало.

Он наконец узнал, где среди просторов океана лежит вражеский Икхалменетс, затерявшийся в необъятном мире.

Глава 36

Керрик прикончил свою порцию консервированного мяса и уже вытирал об одежду сальные пальцы, когда дверь отворилась. Но на этот раз вошла не фарги с круглыми, как всегда, глазами — степенная и немолодая иилане́ окинула его критическим взором, жестами выражая сомнение и недоверие. Есспелеи замерла в позе покорности, он последовал ее примеру. У пришедшей была тяжелая челюсть, толстые руки были разрисованы завитками даже здесь, в этой глуши, такой далекой от городов. Распоряжалась здесь явно она. Следом за ней вошла Фафнеге, не выпускавшая из рук хесотсан, всем телом выражая почтение к предводительнице. Керрик понимал, что эту обмануть будет труднее, чем других. Она внимательно посмотрела ему в лицо одним глазом, одновременно глядя другим зрачком вниз.

— Откуда здесь эта грязь? Что здесь делает устузоу?

— Нижайшая Есспелеи обращается к высочайшей Арагунукто, — почтительно извивалась Есспелеи. — Охотница поймала это в лесу. Оно — иилане́.

— Разве? Неужели?

На вопрос, высказанный с повелительной интонацией, Керрик ответил знаками глубокого почтения.

— Испытываю радость от разговора, избавившись от немоты устузоу.

— Сними эти мерзкие шкуры, зверя трудно понять.

Есспелеи поспешила вперед, и Керрик покорно дал срезать с

себя струнным ножом все шкуры. По коже его побежали струйки крови, наконец остатки одежды оказались на полу.

— Розовый-уродливый-противный, — проговорила Арагунукто, — явно самец. Не пускайте сюда фарги, чтобы не навести их на непристойные мысли. Повернись! Так и знала — хвоста нет. В далеком окруженном морем Икхалменетсе я видела снимки таких, как ты, только мертвых и безопасных. Как он попал сюда?

— Его смыло с урукето во время шторма, — ответила Есспелеи, — потом он выплыл на берег. — Она произнесла слова без тени сомнения. — Он сам сказал это, значит, иначе и быть не может.

В позе Арагунукто чувствовался гнев.

— Как могло такое случиться? Я совершенно точно знаю, что существует лишь один иилане′-устузоу, но он бежал и прославился кровожадностью. Ты и есть тот самый устузоу?

— Да, великая. Меня снова захватили в плен и послали за океан в урукето, там я и выпал за борт.

— Какой урукето? Кто командовал им? Кто взял тебя в плен?

Керрик путался в собственной лжи. Проницательную Арагунукто нелегко было одурачить, но выхода не было.

— Я не обладаю этими знаниями. Меня ударило по голове, ночью в бурю.

Отвернувшись, Арагунукто жестами потребовала от Фафнеге внимать приказу.

— Отвратительное создание разговаривает как иилане′. Но это не иилане′. Натура устузоу набрасывает тень на его речи. Беседа с ним пачкает меня. Убей его, Фафнеге, и покончим с этим.

Ответив жестами радости и удовлетворения, Фафнеге подняла хесотсан и прицелилась.

— Нет, у вас нет причин! — хрипло крикнул Керрик.

Но приказ уже был отдан. Иилане′ обязана повиноваться. Он отпрыгнул в сторону, спасаясь от оружия, и наткнулся на оцепеневшую от удивления ученую. В жутком страхе он схватил ее за руки и загородился ею.

— Я могу помочь вам! У меня есть важная информация! — кричал он.

Но понять его никто не мог: иилане′ слышали только голос, а дергающееся тело старавшейся высвободиться Есспелеи закрывало его.

— Убивай! Немедленно-немедленно! — вопила Арагунукто.

Фафнеге водила оружием, прицеливаясь в него, как в дикого зверя. Есспелеи извивалась, пытаясь вырваться. Если он лишится защиты, то сразу умрет. Он глянул через плечо ученой и почувствовал, как та вырвалась и упала вперед. Дверь отворилась.

Керрик увидел волосатое озадаченное лицо парамутана.

— Убей ту, что со стреляющей палкой! — завопил Керрик. Теперь он был беззащитен.

Падая на пол одновременно с громким щелчком хесотсана, он понял, что выпалил все на марбаке. Игла прошла возле лица, он даже ощутил кожей легкое движение. Увидев, что он упал, Фафнеге повела оружием в его сторону.

— Что случилось? — выкрикнул Калалекв.

Фафнеге повернулась на голос, и Керрик вспомнил парамутанские слова.

— Убивай! Эту, с палкой!

Калалекву было не привыкать разить тяжелым гарпуном гигантского уларуаква, и он метнул копье с неменьшей силой и точностью. Оно вонзилось в грудь Фафнеге, и та согнулась от сильного удара. Падая, она выронила хесотсан, выстреливший в пол.

С копьем наперевес вбежал Ниумак. За ним спешила Армун. Она бросилась вперед, когда Керрик стал подниматься.

— Не надо, не надо эту! — закричал он.

Но поздно. Есспелеи завизжала от боли, хватаясь за копье Армун, пронзившее ее шею, упала с кровавой пеной на губах и умерла.

— Это была ученая. Я хотел поговорить с нею, — вяло промолвил Керрик, оглядываясь вокруг.

Вырвав копье, Армун заслонила его собой.

Но это было уже не нужно. Арагунукто тоже была мертва, и Калалекв отошел от ее тела. Парамутан тяжело дышал, глаза его налились кровью.

— Еще? — спросил он. — Еще есть?

— Да, рядом, в других шатрах. Но...

Парамутаны исчезли, прежде чем Керрик успел объяснить им, кто такие фарги. Он устало склонился над изрезанной одеждой и посмотрел на нее.

Армун мягкими пальцами стерла кровь с его кожи и сказала:

— Когда ты не вернулся, я так испугалась. Парамутаны тоже. Ниумак пошел по твоим следам, разыскал твое копье, а потом и

место, где твои следы перемешались со следами мургу. А потом привел нас сюда. Они тебя не ранили?

— Нет. Это всего лишь порезы. Ничего страшного.

Собирая шкуры, он пытался собраться с мыслями. Сейчас, должно быть, все иилане′ уже перебиты. Пусть так. Арагунукто приказала его убить только потому, что ей не понравилось, как он говорит. И снова вокруг была только смерть. О мире нечего было и думать. Быть может, оно и к лучшему. Он поднял глаза: вошел запыхавшийся Калалекв, его копье и руки были в крови.

— Какие странные и ужасные твари! Как они извивались и визжали, умирая на наших копьях!

— Все мертвы? — спросила Армун.

— Все. Мы осмотрели каждый из этих больших паукарутов и всех перекололи. Некоторые пытались бежать, но они тоже мертвы.

— Вот что, — заговорил Керрик, заставляя себя думать. — Надо, чтобы здесь не осталось следов нашего пребывания. Если только мургу заподозрят, что мы оказались по эту сторону океана, они нас разыщут и всех перебьют.

— Выбросим тела в воду, — отозвался рассудительный Калалекв, — а кровь смоем.

— А остальные вернутся? — спросила Армун.

— Да, в своих живых лодках... Здесь ведь и причал рядом. Если они никого не найдут, то подумают, что здесь какая-то тайна, и даже не заподозрят нас. Ничего не берите и не трогайте.

— Ничего не хочу! — завопил Калалекв, потрясая копьем. — Ничего, к чему прикасалась эта нечисть. Надо как следует помыть копья, чтобы смыть с них всю неудачу. Ты мне рассказывал, как ужасны и могучи, как непохожи на нас эти мургу, и я удивлялся твоим словам. Но ты не предупредил, что меня будет трясти от гнева и ненависти от одного их вида. Очень странное чувство, и оно мне вовсе не нравится. В океан их, а потом возвратимся к удовольствиям холодного севера.

Нет, надо плыть на юг, думал Керрик, но не сказал этого вслух. Сейчас не надо говорить об этом. Но прежде чем выйти, он еще разок взглянул на карту. Протянул руку, тронул неровное темно-зеленое пятно на светло-зеленом море. Окруженный морем Икхалменетс.

Увидев, что он дергается всем телом, бормоча названия, Армун потянула его за руку.

— Пошли. Пора.

Тьма сгустилась, прежде чем они покончили с делом. Море

поглотило и тела, и окровавленные лохмотья, оставшиеся от его одежды. Прилив был высок. Он унесет трупы в море. О прочем позаботятся рыбы.

Ниумак вел их во тьме без особых трудов, но тропка была крутой, и они успели здорово устать, прежде чем впереди в просвете между деревьями показался огонек костра. Под приветственные вопли пришедшие повалились на песок.

— Ну вот вы и здесь! Все в порядке?

— Ужасные вести, страшные события.

— Смерть и кровь, невероятные твари.

Не поднимаясь с песка, Керрик жадно выпил воду, которую поднесла ему Армун.

— Живой, — проговорила она, касаясь его лица, словно хотела убедиться в этом. — Они тебя схватили — и умерли. А ты остался жив.

— Я-то жив, а как там наши?

— Мы вернемся к ним. Они в безопасности у Круглого озера за океаном. Не бойся за Арнхвита.

— Я имею в виду не его... Как там остальные саммады, что с саску?

— О них я ничего не знаю и не хочу знать. Ты — мой саммад.

Он понимал ее чувства и хотел бы разделять их. Здесь, у парамутанов, они в безопасности, если останутся далеко на севере, а не на этом ненадежном берегу. Весной они пересекут океан, перевезут сюда свой крошечный саммад. И тогда все будут в безопасности. Так будет. Остальные саммады сильны, они могут сами защитить себя от иилане′. Это не его забота.

— Я не могу, — пожаловался он сквозь стиснутые зубы, в тоске потрясая сжатыми кулаками. — Не могу бросить их на верную смерть!

— Можешь. Ты один — мургу много. Со всеми не справишься. Эта война никогда не кончится. Но мы будем вдали от нее. Нам нужны твои крепкие руки и твое копье. Прежде всего Архнвиту, подумай о нем.

Он невесело улыбнулся.

— Ты права, мне не следует думать ни о чем, кроме него. Но я не властен над своими мыслями. Там, на стоянке мургу, я кое-что обнаружил. У них есть карта, вроде тех, что попали к нам, а на ней — город мургу, из которого приходят убийцы...

— Ты утомился, поспи.

Сердито сбросив ее ладони, он встал, грозя кулаками небу.

— Ты не понимаешь. Мургу ведет Вейнте′, а она будет преследовать саммады, пока не истребит всех. Но теперь я знаю, где этот Икхалменетс. Я знаю, откуда она черпает силу, откуда берет оружие и фарги.

Не понимая причин терзавшей его боли, Армун боролась со своим страхом.

— Хорошо, ты знаешь, но разве может один охотник справиться с целым миром мургу? Ты ничего не сумеешь сделать в одиночку.

Слова ее обескуражили Керрика, и он вяло опустился рядом с ней на песок, успокоившись и задумавшись. Гневом иилане′ не прогонишь.

— Конечно, ты права — что я могу сделать? Кто мне поможет? Что все саммады мира перед силой далекого города посреди моря?

Саммады не помогут ему. Но разве они одни на свете? Он поглядел на темный силуэт иккергака, на парамутанов, которые взволнованно беседовали у костра, не забывая откусывать сырое мясо острыми белыми зубами. Он вспомнил, какой ненавистью и отвращением воспылал Калалекв при виде иилане′, мургу, неизвестных ему прежде.

Можно ли эту ненависть как-то использовать? Что же делать?

— Мы устали, давай спать, — сказал он, прижимая к себе Армун.

Но, несмотря на усталость, он долго не мог заснуть. Армун уже ровно и тихо дышала возле него, а он все смотрел невидящими глазами в небо, и в голове его роились мысли.

Утром, пока парамутаны грузили иккергак перед отплытием, Керрик долго, не говоря ни слова, разглядывал карту иилане′в. И, когда все было готово, позвал Калалеква.

— Не забыл эту карту?

— Ее надо бы выбросить в море, потому что она принадлежала мургу!

Его гнев за ночь улегся, и кровь успела отхлынуть от глаз. Но тревога была заметна. Керрик покачал головой.

— Она слишком важна. Карта говорит нам о том, чего мы не знаем. Смотри — вот паукаруты, а вот мы... Видишь, к югу от берега, за узкой полоской воды возле огромной земли...

— Это страна мургу, так ты говорил, и я не хочу даже думать о ней.

— Смотри — вот острова неподалеку от суши. Оттуда и приходят мургу, что губят моих братьев. Я хотел бы уничтожить этих мургу. Твой иккергак легко доберется до островов...

Шагнув назад, Калалекв поднял руки.

— Этот иккергак может уплыть отсюда лишь в одну сторону. На север. И быстро он умеет плыть лишь от мургу, а не к ним. Более не говори мне об этом, я не хочу даже думать о них. — Вдруг он расхохотался и побрел к своим. — Ну, возвращаемся к паукарутам. Ах, какое дивное тухлое мясо ждет нас, какой нежный жир! И забавы! Не думайте больше об этих мургу. Не думайте и не вспоминайте.

Если бы он мог. Если бы он только мог.

Глава 37

Ardlerpoq, tingavog, misugpoq, muluvoq — nakoyoark!

Поохотиться, потрахаться, набить живот, отдать концы — вот потеха!

Присловье парамутанов

Пир выдался отменным. Нет — куда лучше того. Много лучше, решил Калалекв, когда выдалась минутка для раздумья.

Это был самый великий праздник, таких еще не ведали парамутаны. Пир в честь погибели новых и ужасных врагов. Какие были рассказы! Парамутаны изображали могучие удары копья и отвратительные стоны умирающих чужаков. Женщины только визжали от страха. А потом они ели. Ели. Ели. Стонали от боли в туго набитых животах, спали и снова ели, потом опять спали. В паукаруте было жарко, тесно, и все давно сбросили с себя одежду.

Проснувшись в очередной раз, Калалекв нащупал возле себя теплое ароматное тело Ангаджоркакв. Он глубоко вдохнул сладкий запах шерсти между грудями, языком прикоснулся к соскам. Сквозь сон ощутив его прикосновения, она застонала, чем еще более возбудила его. И он немедленно вытащил ее из-под шкур и овладел ею, не обращая внимания на немногих, кто бодрствовал. Одобрительные вопли разбудили всех остальных. Зрелище так воодушевило парамутанов, что они немедленно тоже обратились к делу. Женщины с деланым визгом попытались уклониться от объятий, но бежать не собирались. Какая великолепная забава!

Калалекв даже застонал от удовольствия, а потом... от боли в голове. Конечно же, это была драка, и она тоже была великолепной. С кем он дрался, Калалекв позабыл. Помнил только полученное удовольствие. С чего началось? Наконец он припомнил. Это был тот самый эрквигдлит, вот глупый. Ведь он, Калалекв, только задрал шкуры на его женщине. Так, для смеха. Тогда-то эрквигдлит и ударил его, а он разволновался и ударил Нануаква, который и дал ему сдачи. Хорошая забава.

Калалекв зевнул, потянулся — и захохотал от боли в уставших мышцах. Ангаджоркакв еще спала, посапывая во сне. Кукуджук исчез под горой шкур. Калалекв переступил через них и выбрался из паукарута, зевая и потягиваясь. Стоявший возле своего паукарута Нануакв, заметив довольного Калалеква, направился ему навстречу, поднимая вверх могучий кулак.

— Вот чем я ударил тебя!

— И я тоже крепко ударил!

— Вот это истинный праздник! Лучше некуда.

Нануакв прикрыл смеющийся рот тыльной стороной ладони. Лоб Калалеква наморщился, ведь смеяться в руку означало знать про секрет, суливший новое веселье.

— Скажи мне, скажи скорее, — громко попросил Калалекв. — Не тяни.

— Не буду. Эрквигдлит исчез. Должно быть, выбрался, пока ты спал, и удрал в твоей собственной лодке.

Тут они оба зашлись безудержным смехом, пока не свалились на снег, обессилев от хохота.

— Люблю их, — наконец выдохнул Калалекв. — Они делают такие поступки, которые даже не пришли бы мне в голову.

— Буди остальных. Пусть тоже повеселятся. И спускай на воду иккергак. Мы должны догнать его, пока не стемнело.

Крики снаружи разбудили Армун. Входной полог был откинут. Парамутаны торопливо собирались, громко перекликаясь. После драки и ночного беспутства Керрик шкурами отгородился от прочих, чтобы не привлекать ничьего внимания. Теперь их не было, должно быть, он уже присоединился к остальным. Схватив одежду, она быстро оделась под шкурами. Ее гладкая и безволосая кожа дразнила парамутанов, и она не хотела новых знаков внимания. Выбравшись из паукарута, она увидела, что некоторые иккергаки сталкивают в море. Ангаджоркакв заторопилась навстречу с широкой улыбкой на заросшем бурой шерстью лице.

— Ох, смешной твой Керрик! Пока мы спали, он уплыл на лодке, чтобы мы хорошенько поискали ее.

Страх стиснул сердце Армун. Ей было не до смеха, и Керрику тоже, конечно. Всю прошлую ночь он был задумчив и мрачен и не думал смеяться, словно не замечая веселившихся парамутанов, невесть где странствовал мыслью и очнулся лишь тогда, когда с Армун потянули одежду. Тогда он разъярился и, должно быть, убил бы обидчика, если бы она не оттащила его. Это не было шуткой. Он мог воспользоваться лодкой лишь с одной целью. Он поплыл на юг. Керрик отправился на поиски острова, ведь ни о чем другом он даже не мог говорить.

— И я с вами! — крикнула она, когда иккергак закачался на волнах. — Подождите, подождите меня. Я сейчас.

Похрюкивая от удовольствия, парамутаны втянули ее в кораблик, пытаясь одновременно потискать. Она шлепала по докучливым рукам, чем вызывала еще более бурное веселье. Она не могла сердиться на них, ведь эти весельчаки во всем отличались от тану, смехом они встречали горе и радость и привыкли делиться женщинами.

Пока поднимали парус, Армун держалась в сторонке. Нануакв у кормила правил против ветра. Задумчиво поглядев на парус, Калалекв ослабил один из линей и заново перевязал его.

— Как мы найдем его? — спросила Армун, глядя на серую равнину с белыми гребнями.

— На запад он не поплывет — там океан. На севере только льды. Значит, мы поплывем на юг и догоним его, потому что иккергак быстрее.

Оставив линь, он вновь попытался притиснуть ее. Вырвавшись, она отправилась на нос, подальше от развеселых негодников.

Там было холодно, соленые брызги летели в лицо, но она почти весь день просидела там. Мимо неторопливо проплывал берег, но море впереди оставалось пустым. Зачем он это сделал? Неужели и вправду решил, что сможет в одиночку добраться до далекого острова мургу? Ну, а если и сможет, что тогда... что он сумеет сделать один? Как можно было решиться на такое безумство?

Глупо было даже думать об этом. Ее мучила мысль, которую она настойчиво гнала от себя уже давно. Керрик во всем был непохож на прочих охотников — это она понимала. Но слишком долго не позволяла себе признаться в этом. Настала пора обратиться лицом к истине. Иногда он напоминал ей старика — име-

ни его она не знала, — который жил в их саммаде, когда она была еще маленькой. Он говорил сам с собой. Не замечая окружающих, он отвечал голосам, которых никто не слышал. Его кормили и внимательно вслушивались в бессвязные речи, но однажды он ушел в лес и не вернулся. Керрик не слышал голосов духов, но в море он отправился так же, как этот старик в лес. Неужели и он такой же? Можно ли чем-нибудь помочь ему?

Страх продержал ее на носу иккергака весь день, не давая отвернуться от пустынного моря. Калалекв приносил ей поесть, но она отталкивала его руку. Лодки не было видно, на море было пустынно. Быть может, парамутаны ошиблись и он вышел в открытое море на запад, чтобы навсегда скрыться от нее в бескрайних просторах? Нет, нет, нет, этого не может быть. Но страх не отпускал ее, тем сильнее сжимая сердце, чем темнее становился небосвод.

— Вон он! — крикнул Ниумак, вскарабкавшись на мачту, одной рукой он показывал в море.

Там, вдалеке, на волнах подпрыгивала темная крошечная точка, время от времени исчезая между валами. Калалекв развернул кормило.

— Ай, тану, ай, умница! — закричал он. — Взял мористее, а мы ищем его у берега.

Когда борт иккергака почти навис над крошечной лодкой, парамутаны со смехом и похвалами принялись окликать Керрика. Он, конечно, слышал, но даже не повернулся, глядя вперед остановившимся мрачным взором. Некоторое время они плыли рядом, но Керрик словно не замечал иккергак. И только когда они перегородили ему дорогу и парус беспомощно захлопал, он поднял угрюмый взгляд от воды. Бросив рулевое весло, он сгорбился, подперев подбородок руками. И по-прежнему не слышал криков. Кто-то перебросил ему линь, но Керрик не заметил и его. Подойдя ближе, парамутаны перехватили парус на лодке. Когда она стукнулась бортом об иккергак, Армун немедленно воспользовалась представившейся возможностью и, перевалившись через борт, плюхнулась в лодку.

— Керрик, — мягко окликнула она. — Это я, твоя Армун. Я здесь.

Он повернулся к ней, и она увидела слезы в его глазах.

— Все умрут, — проговорил он, — все умрут. А я ведь мог предотвратить это. А теперь все погибнут по моей вине.

— Нет! — крикнула она, обнимая его. — В чем ты винишь

себя? Ведь не ты сотворил этот мир. И не ты породил мургу. В чем же ты виноват?

Он сходит с ума, теперь она была уверена. Это был не тот Керрик, который без страха сражался с мургу и отправился разыскивать ее на холодный север. С ним творилось что-то ужасное, и она не знала, как помочь ему. Таким он был в лагере возле озера. Но тогда он был не настолько плох и заметно оправился, когда они пустились в дорогу. Но болезнь души возвратилась в новом, более грозном обличье.

Всю ночь, пока они возвращались на север, измотанный Керрик проспал, плотно привалившись к жене.

Утром он казался спокойным, выпил воды, пожевал мяса. Но на вопросы не отвечал, и парамутаны помрачнели, потому что он портил им все веселье. Но печаль это ненадолго лишила их удовольствия, и, завидев на рассвете паукаруты, они разразились радостными криками. Армун было невесело. Она глядела на застывшее угрюмое лицо Керрика и чувствовала, как ускользает надежда. Он заговорил с ней, только когда они остались одни:

— Да, я плыл на этот остров. Это все, что я могу сделать. Теперь их жизнь зависит лишь от меня.

— Но что ты можешь сделать в одиночку, даже если отыщешь их?

— Не знаю! — с болью в голосе крикнул он. — Не знаю! Ясно только одно — я должен хотя бы попробовать.

Армун нечего было ответить, осталось только тесно прижаться к нему, чтобы тело поведало то, чего не могли сказать губы...

Снегопад начался в тот же день. Сначала на землю падали редкие снежинки, а затем снег повалил сплошной пеленой, и скоро за каждым паукарутом намело длинный сугроб. Все поняли — пришла пора зимних метелей.

Еды было вдоволь, а парамутаны привыкли спать все долгие зимние ночи. Короткие дни, если не было сильной пурги, они посвящали охоте и рыбной ловле, однако не очень удаляясь от стойбища. Керрик не выходил со всеми, он замкнулся в себе и не оставлял паукарута. Армун начала уже опасаться за его рассудок: как она ни старалась, темные думы по-прежнему одолевали его.

В конце концов одержимость все равно победила.

— Я уже не могу видеть тебя таким, — простонала Армун.

— Выхода нет. Ничего другого я не придумал. Нужно разыскать остров. И остановить Вейнте'. До тех пор, пока это не свершится, мне не будет покоя.

— Я тебе верю. И последую за тобой.

Не говоря ни слова, он согласно кивнул, словно бы тоска ее, прорвавшаяся в словах, что-то подсказала ему.

— Хорошо. Я и так уже наполовину в тех краях. Вдвоем мы не справимся, нужен третий. Парамутан, знающий морские дороги. Этого хватит. Втроем мы их одолеем, я уже продумал, как мы это сделаем, до мельчайших подробностей.

— Как же?

Он подозрительно огляделся, словно опасаясь, что их подслушивают.

— Пока я тебе не расскажу. Пусть все хорошенько уляжется в голове, чтобы не допустить ошибки. А теперь попроси Калалеква пойти с нами. Он храбр и силен; лучше, чем он, спутника нам не найти.

— В прошлый раз он тебе отказал.

— Это было в прошлый раз. Попроси его снова.

Укрывшись под шкурами, Калалекв рассеянно жевал безнадежно засохший кусок рыбьего мяса, но, завидев возле себя Армун, сел.

— Впереди много дней метели и еще больше зимних дней.

Откинув шкуры, он потянулся к Армун, и она оттолкнула его руку.

— Почему бы не оставить зиму и не уплыть на юг, поближе к лету?

— Так не бывает. Парамутаны живут на севере, жаркие дни и ночи губят их.

— Что, если мы поплывем не так далеко, не в те земли, где властвует бесконечное лето? Сплаваем на остров Керрика и вернемся. Помоги мне.

— Остров? Он все еще думает о нем?

— Помоги мне, Калалекв, мне и ему. С головой его творятся странные вещи, и я боюсь за него.

— Верно! — взволнованно выкрикнул Калалекв и прикрыл рот ладонью, когда Ангаджоркакв и Кукуджук дружно повернули головы в его сторону. Он молчал, пока они не отвернулись, а затем шепотом продолжил: — Я заподозрил это, — ведь он говорит так странно, — но не думал, что окажусь прав. Какая ты счастливая!

— Счастливая? Почему?

— Такая удача! Твой охотник разговаривает с духами ветра и океана. А они обращаются только к немногим и то иногда. Потом

те, кто слышал голоса духов, говорят и с нами. Так мы узнаем, как нам быть и что делать. Так духи научили нас строить иккергаки, чтобы мы могли бить уларуаква, а потом жиреть. Теперь они говорят с Керриком, и он передаст нам их волю.

Армун не знала, смеяться ей или плакать.

— Знаешь, что они говорят? Твердят снова и снова: «Плыви на юг, ищи остров». И все, ничего более.

Кивнув, Калалекв закусил губу.

— Так вот что они говорят. Значит, это должно быть исполнено. Придется плыть на юг.

Не веря своим ушам, Армун кивнула.

Глава 38

Iilane'hesh farigi nindasigi ninban.

Пока фарги не станет иилане', у нее нет города.

Апофегма иилане'

В первую очередь — новый город. Амбаласи понимала это, но сожалела о времени, которое приходилось отрывать от изучения сорогетсо. Так она назвала эту безъязыкую родню иилане', ограничивавшую общение самыми примитивными знаками, словно юные элининйил в море. Но даже это пока оставалось всего лишь предположением, успех первого общения так и не повторился. Сорогетсо не приближались к опустошенному полуострову и прятались далеко в джунглях. Сама она была слишком занята бесконечными проблемами, возникавшими в растущем городе, и, не имея возможности положиться на не стремившихся проявлять усердие Дочерей Отчаяния, не могла снова отправиться на поиски сорогетсо. Сказывался и возраст...

Она лежала в тени быстро подрастающего куста и разглядывала культуру, помещенную в сандуу. На гладкую линзу преображенного иилане' существа падал солнечный свет, наблюдать изображение лучше было в тени. Микроскопические объекты в основном были знакомы ей. Ни патогенных бактерий, ни опасных грибков. Хорошо.

— Пришли ко мне Энге, — приказала она своей помощнице Сетессеи, менявшей образцы.

Амбаласи откинулась на доску для отдыха и вздохнула. Жизнь

так коротка, а еще столько надо сделать. Саагакель была добра к ней, и жизнь в таком далеком теперь Йибейске представлялась уже одним удовольствием от занятий наукой. Сколько же лет она провела там? Амбаласи даже потеряла им счет. И она до сих пор наслаждалась бы этим покоем, если бы не внезапный интерес к биологическим аспектам философии Дочерей. Тогда, повинуясь внезапному импульсу, она разом променяла весь комфорт на жесткую деревяшку под колючим кустом. Нет! — ее тело дернулось от эмоций. Конечно, интерес к этим Дочерям Отчаяния был ошибкой, но то, что она оказалась в этих краях... Сколько нового успела она открыть, каким уважением к ней исполнятся ученые Энтобана... даже еще не родившиеся. Она с наслаждением обратилась к этой мысли — одни гигантские угри чего стоят, не говоря уже о новом континенте. Но есть и более важная вещь, намного более важная.

Сорогетсо. Терпение, необходимо терпение. Она не должна торопиться. Ей нужны безопасность, покой, тишина. Ей нужен город, чтобы работать, и пусть никчемные Дочери обеспечивают ей все удобства, пока она будет заниматься сорогетсо. Только по этой причине город должен расти быстро и правильно. Она вновь вздохнула — слишком часто приходила она к этой мысли. Нравится или нет, а делать придется.

На глаза ее упала тень, и ученая поняла, что явившаяся Энге терпеливо ждет, пока она завершит свой внутренний монолог. Повернув к ней один глаз, Амбаласи жестом потребовала внимания.

— Настал важный момент. Стена крепка, бесполезная растительность уничтожена, посажены затеняющие кусты. Земля подле меня ископана и перекопана, стерилизована и удобрена — словом, готова во всех отношениях. Остается одно — посадить семя города.

Вынув семя из контейнера, ученая подняла его повыше. Энге в безмолвном восторге пала на колени. Долго глядела она на покрытую бороздками скорлупу и заговорила не сразу:

— Первым и главным в моей жизни было до сих пор откровение Угуненапсы. Но сейчас настал самый важный момент в моей жизни. За это мы можем благодарить только тебя, великая Амбаласи, чьим именем и назван весь этот необъятный континент. Ты привела нас к свободе, перевезла в Амбаласокеи через океан, чтобы мы вырастили здесь город. Могу ли я позвать остальных, чтобы они собственными глазами увидели миг посадки?

— Главное — не миг, а сама посадка. Пусть работают.

— Они захотят порадоваться. Выразить тебе свое почтение.

— Ну, если ты настаиваешь... Впрочем, и так много времени тратится понапрасну.

Слух об этом разнесся быстро, и Дочери торопились, оставив работу и широко открыв рты от жары. Они молча сгрудились возле Энге, чтобы видеть углубление, которое та вырыла в мягкой почве. Потом полила ямку водой под строгим надзором Амбаласи.

— Довольно, если не хочешь, чтобы семя утопло и сгнило, — проговорила старая ученая. Она подняла семя, и Дочери почтительно заколыхались. — Ну... кто из вас посадит его?

К неудовольствию Энге, немедленно завязалась дискуссия: руки задвигались, ладони изменили цвет.

— Требуется обсудить...

— Как поступила бы Угуненапса?

— Главное — очередность. Те из нас, кто раньше обратился к трудам Угуненапсы, обладают куда большей мудростью. Нужно всех опросить и будем выбирать в порядке...

— Почтительная просьба умолкнуть, — проговорила Энге с жестами срочной необходимости, и все наконец утихли. — Только одна из иилане′ подходит для этого важного дела: та, что привела нас сюда, та, что привезла семя... Она и посадит его.

— Напрасная трата времени, — ответствовала Амбаласи, с кряхтением поднимаясь на ноги; она была польщена, но не показывала этого. Хоть эти Дочери — болтливые упрямицы, все-таки они понимают, что надо уважать способности и интеллект.

Шаркая, она подошла к увлажненной ямке, держа семя большими пальцами.

— Начнем церемонию... — начала Энге и, потрясенная, умолкла, потому что ученая просто опустила семя в углубление и кое-как засыпала его почвой.

И немедленно направилась обратно к своей доске, распорядившись на ходу:

— Чуть полейте еще — и за работу!

Во всеобщем молчании и недоумении Энге пришла в себя и, шагнув вперед, попыталась подыскать правильные слова:

— Благодарим, благодарим, Амбаласи, высочайшую из высочайших! Она почтила нас — собственными руками высадила семя нашего города, первого города сторонниц учения Угуненапсы. Много раз мы говорили об этом, много раз повторяли...

— Не сомневаюсь в этом!

— ...но одно лишь имя может быть дано этому городу. Он будет зваться Угуненеб, город Угуненапсы! Великая честь вовеки носить это имя!

Радостные крики сопровождались движениями удовольствия. Дернувшись в возмущении, Амбаласи обратилась к собравшимся:

— Довольно! За работу! Столько еще нужно сделать! А ты, Энге, останься. Но прикажи своим непутевым вернуться к делам.

— Я не могу приказывать им. — Ощутив растущий гнев Амбаласи, Энге повернулась к толпе. — В честь Амбаласи, в честь Угуненапсы, которая направляет каждую из нас, мы должны прилежно растить этот город, а потому всем следует возвратиться к тем обязанностям, которые каждая выбрала для себя. Сделаем же все, что должно быть сделано.

Потом Энге вновь повернулась к Амбаласи, которая с жестом особой важности указывала на джунгли.

— По-моему, нам вновь пора обратиться к сорогетсо. Они следят за нами?

— Следят. Как ты потребовала, мне приносят все вести о них. Очень часто они наблюдают за нами, спрятавшись в тени деревьев, иногда совсем близко подбираются вдоль берега.

— Их не прогоняли?

— Нет, ты приказывала не обращать на них внимания. Но за ними следят. А они за нами — вот и сейчас трое караулят поблизости.

— Что? Почему не сказали мне?

— Ты приказала наблюдать и запоминать, но не действовать.

— Случается, что необходимо проявлять и инициативу, Энге.

Та понимала, что подобные заявления лучше оставлять без ответа. Амбаласи встала и огляделась.

— Где они? Я не вижу.

— Потому что смотришь не туда. Видишь возле реки невысокий пригорок с молодыми кустами? Они каждый день подплывают туда и следят за нами.

— Им не мешали?

— Нет, конечно же, нет.

— Иногда, по всей вероятности, чисто случайно, твои последовательницы кое-что делают правильно. Теперь следует начать контакт с сорогетсо. Я пойду и попробую объясниться.

— Нет! — ответила Энге, подкрепляя слова движениями силы и приказа.

Потрясенная Амбаласи отступила — с ней никто и никогда не разговаривал еще подобным образом. Энге быстро продолжила, пока взрывной темперамент ученой не обрушился на нее:

— Я рассказывала тебе о своем изучении общения. Теперь добавлю, что я разработала теорию звука-цвета-движения, которую с удовольствием поведаю тебе. Кроме того, я долго изучала системы общения у фарги и элининйил, а также посещала ханане и слушала речи самцов. Я изучила все документы и обнаружила, что, кроме меня, этого никто не делал целую вечность. А раз я специалист в этом вопросе, то хочу, чтобы ты захотела выслушать меня. — Заметив, что Амбаласи надувается с обидой и гневом, Энге быстро добавила, чтобы предотвратить взрыв: — Ты ведь не наказала Элем, когда она проявила неведомые познания в искусстве кормления урукето.

Отступив, Амбаласи жестом показала, что оценила эту хитрость.

— В полноте времен, Энге, ты ничто рядом со мной. Но вдруг изредка загораешься светом, что доставляет мне удовольствие. Я очень устала и охотно полежу в тени, пока ты изложишь свои соображения.

— Во-первых, — проговорила Энге, поднимая палец в утвердительном жесте, потому что давно и тщательно все продумала, — нужно идти в одиночку, как это сделала ты, взяв с собой рыбу.

— Принято. Если я пойду одна...

Не останавливаясь, чтобы возразить, Энге продолжала:

— Во-вторых, следует попытаться установить с ними контакт. Они приняли от нас пищу — символ общности, но теперь общение следует перенести на другой уровень. Их интересует, что мы из себя представляем и что делаем здесь. Но нельзя, чтобы они сразу обо всем узнали. Познание тоже следует разделять. Если я предложу им кое-что, то потребую нечто взамен.

— И как это будет сделано?

— Посмотри — увидишь.

Энге мгновенно отвернулась, чтобы не видеть, как Амбаласи охватывает гнев. И неторопливо побрела к кустам, за которыми прятались соглядатаи-сорогетсо.

Заметив беспокойные движения, она замедлила шаг, наконец остановилась и удобно уселась на хвост. Достаточно близко,

чтобы ее поняли, но и не настолько, чтобы испугать. Выставив вперед ладони рук, она начала.

«Друг», — снова и снова повторяла она в простой и понятной манере, ограничиваясь только цветом, не прибегая к словам. Потом остановилась и поглядела в сторону кустов. Поскольку ответа от спрятавшихся не последовало, она вновь повторила жест. Ничто ей не мешало, торопиться было некуда, и в каждом движении ощущались покой и ясность. «Друг». Это все, что она могла сказать. Дело за ними.

«Друг».

Солнце плыло по небу, и сорогетсо тревожно возились в кустах, наконец одна из них раздвинула ветви и выступила вперед, не отходя далеко от остальных. Вертикальные зрачки превратились на солнце в щелки.

Это была другая сорогетсо, не та, что бросалась на них из кустов; сильная и мускулистая, она надменно выпячивала подбородок. Заметив, что Энге не шевельнулась, пришелица царапнула землю когтями ноги — жест угрозы.

— Не бойся, — сказала Энге, — не бойся меня.

Сорогетсо выглядела озадаченной, и Энге принялась повторять это на разные лады, пока наконец сорогетсо не поняла — и гребень ее вздыбился в гневе.

— Мне... страх... нет! Ты... страх.

Контакт был установлен, но Энге не позволила себе жеста удовлетворения. Вместо этого она принялась играть цветами дружбы. Потом назвала свое имя.

Следившая издали Амбаласи ничего определенного о первом контакте сказать, конечно же, не могла. Но Энге продолжала переговоры, пока солнце не опустилось над лесом, и тогда сорогетсо разом повернулись, пробрались сквозь кусты и попрыгали в воду. Энге медленно возвратилась, оцепенев в задумчивости.

— Надеюсь, ты с толком провела время, — сказала Амбаласи. — Правда, отсюда я мало что увидела.

— Многое было, много общения, — пробормотала поглощенная мыслями Энге. — Я настояла, чтобы вышедшая мне навстречу последовала моему примеру и делала так, как я. Я назвала свое имя и постаралась убедить, что мы пришли с миром. Я повторила, что мы хотим только помочь им. Дать им еду, если нужно. Для первого контакта достаточно и нескольких основных положений.

— Воистину так. Надеюсь, что ты не потратила время попусту. По крайней мере ты узнала ее имя?

— Да.

— Говори же. Как ее зовут?

— Еассасиви. Сильный-рыболов. Но это не ее имя. — Подождав, пока Амбаласи выразила недоумение, Энге неторопливо и отчетливо заговорила: — Мы не можем сказать, что это «ее» имя.

— Вместо этого мы должны сказать, что это «его» имя?

— Верно, этот сильный-рыболов на самом деле самец.

Глава 39

— То, что ты говоришь, совершенно невозможно.

Решительность заявления Амбаласи подкрепила знаками бесконечного усиления. Низко склонившись перед ее уверенностью и гневом, Энге не стала возражать.

— Возможно, ты права и в этом, великая Амбаласи, ведь ты разбираешься во всех науках жизни. Я смиряюсь перед твоими познаниями, но говорю тебе то, что знаю.

— Откуда ты можешь знать? — зашипела Амбаласи, сотрясаясь всем телом; раздувшийся гребень полыхал над ее головой.

— Очень просто. Сорогетсо рассердился, когда я отреагировала не так, как он хотел, стал делать угрожающие жесты и раскрыл свою сумку. Так что я видела. Это самец, а не самка.

Резко побледнев, — гнев ее мгновенно прошел, — Амбаласи отступила назад. Сомнений быть не могло. Энге видела то, о чем говорила. Конечности ее в смятении дергались, пока она пыталась доискаться до смысла, найти правильное объяснение. Логически безупречный вывод отталкивал своим смыслом.

— Если существо воспользовалось жестами угрозы и один из них относился к половым органам, значит, здесь оно принадлежит к агрессивному полу. А это заставляет нас заключить...

Амбаласи не стала продолжать, но движения конечностей позволяли понять ее мысль. И Энге громко подхватила:

— ...что здесь доминируют самцы, а самки находятся в подчиненном положении, в лучшем случае — равном.

— Невероятно гадко! Это же неестественно для иилане. Такое характерно только для низших существ, но они всего лишь безмозглые твари. Разум присущ только самкам, мысль неотделима от них, порождающих источник жизни — яйцо. Самцы же

исполняют простейшие биологические функции, поставляют половину необходимых генов, а также берут на себя все эту рефлекторную заботу вынашивания. Больше они ни на что не годятся. И ты видела невероятную вещь, абсолютно неестественную и непонятную.

Вновь обретя привычный апломб, Амбаласи стремительно мыслила, как подобает ученой, бесконечно далекой от безмозглых фарги. Разве такое возможно? Конечно, возможно. В живой природе существовало бесконечное множество вариантов сексуального поведения, трудно объяснимых и противоречивых. Разве не возможно, чтобы разнообразие это проявилось у существ, принадлежащих к ее собственному виду? Как давно могли разделиться обе его ветви? Придется подумать. Но сама возможность общения свидетельствовала о том, что разделение произошло относительно недавно. Или же базовые коммуникативные средства запечатлены в генах и наследуются... Значит, им не обучаются... Интересно! Все более и более интересно. Впрочем, довольно. Пусть теории следуют за наблюдением. Необходимы факты, факты и еще раз факты.

Значит, ей удалось открыть и это! Амбаласи поднялась на ноги.

— Приказываю! Я должна видеть, слышать и знать все, что касается сорогетсо.

Энге жестом призвала ее к терпению.

— Ты получишь все сведения, ведь твоя глубокая мудрость может раскрыть любые научные тайны. Но сперва общение. Я должна научиться разговаривать с сорогетсо, добиться их доверия, понять культуру. На это потребуется время.

Амбаласи откинулась назад и тяжело вздохнула.

— Конечно же. Немедленно продолжай. Не трать времени ни на что другое. Возьми с собой Сетессеи, я освобожу ее от прочих работ. Она будет подробно фиксировать все. Записи должны быть подробными. Имя мое, подобно реву ненитеска, донесется до самого конца грядущих времен. И тебе достанется доля всеобщего уважения.

— Благородство твое безгранично, — почтительно ответила Энге, старательно скрывая свои чувства.

К счастью, Амбаласи целиком погрузилась в круговорот своих мыслей и не заметила сопровождавших слова жестов отрицания.

— Конечно, об этом всем прекрасно известно. Я тоже должна изучить их язык; пусть Сетессеи ежедневно обо всем оповещает

меня. Ты научишься с ними разговаривать, потом они допустят тебя в свою среду, ты дашь им еды. Было бы хорошо, если бы здесь были больные, — я могла бы оказать врачебную помощь. И тогда я сумею ознакомиться с их физиологией. Двери познания отворяются, факты копятся, смысл появляется! — Она окинула Энге внезапно посуровевшим взглядом. — Но знания открываются лишь тем, кто способен вместить их. И раз самцов обычно прячут от фарги и попусту озабоченных, пусть твои подружки не знают, что это самцы.

Энге выразила сомнение:

— Мы живем, не имея секретов, и всем делимся между собой.

— Чудесно. Но этот факт не для всех. — Заметив колебания Энге, Амбаласи добавила: — Приведу сравнение. Илане́ не вложит хесотсан в руки йилейбе фарги, еще не высохшей после моря. Иначе умрет сама фарги и не она одна. Преобладание самцов среди сорогетсо может оказаться бедой, отравой для культуры. Ты поняла меня? Согласна?

— Да, — ответила Энге со строгим пониманием важности.

— Прошу тебя хранить научную тайну... до времени. Узнав побольше, мы вернемся к этому вопросу. Согласна?

— Да. — Жестами выражая согласие, Энге добавила: — Следует выяснить истину, определить, как она скажется на нас. И пока мы не выясним это, я буду молчать.

— Очень хорошо. Когда ты соглашаешься со мной, мое уважение к твоему разуму растет. Пришли сюда Сетессеи, чтобы я могла обо всем распорядиться.

...Город пышно рос, но Амбаласи отстранялась от него все дальше и дальше. Когда к ней приходили с вопросами, она впадала в такую ярость и немедленно обращалась к столь крепким выражениям, что многие начали бояться ее. Дочери стали стараться самостоятельно разрешать самые насущные вопросы. И скоро обнаружили, что это возможно лишь потому, что в Угуненебе было мало удобств, привычных для старых крупных городов. Город не поглощал отходы, не перерабатывал их, даже воду приходилось носить из реки — удобств в городе не было. И все же лучше жить здесь, чем томиться в садах. Они приспособятся. И хотя Дочери спали вповалку под густыми ветвями и питались только угрями и разной рыбой — это неважно. Гораздо ценнее еды и питья была для них никем не ограничиваемая возможность беседовать о заветах Угуненапсы, искать правду, обнаруживать знамения. Наполненная и чудесная жизнь!

Энге приходилось едва ли не на весь день забывать даже о существовании Угуненапсы, в трудах она пыталась постичь сорогетсо, научиться их речи. Еассасиви более не приходил, но Энге удалось завести разговор с другим сорогетсо, застенчивым и боязливым. Доверие его она купила терпением и дарами — едой. Ее звали Мооравиис, что, похоже, означало «оранжевая». Причиной тому было пятно на гребне. Она была самкой, и Энге обнаружила, что может общаться с нею.

Медленно она начала понимать их. Модификаторов оказалось немного, смысл в основном передавался изменением окраски. Подметив несколько звуковых ключей, Энге обнаружила, что с Мооравиис можно обсуждать основные понятия. Наступило время подключать к работе и Амбаласи.

«Беспримерная возможность», — показывала она руками, приближаясь к ученой, которая немедленно оставила работу и сделала жесты усердия и покорности. Энге была польщена, она предполагала, что ученая давно уже забыла услужливые жесты.

— Прошу объяснений, — произнесла Амбаласи.

— Немедленно. Моя информатка сообщила, что один из ее сородичей — она не указала на его пол — получил серьезную рану. Я известила Мооравиис о том, что одна из нас умеет восстанавливать тела. Мооравиис пришла в возбуждение. Я думаю, она отведет нас к раненому.

— Великолепно. Я изучала их общение в твоей записи. — Выпрямившись, Амбаласи проговорила в истинной манере сорогетсо: — Помощь-дана, личности-лечить, благодарность.

Энге восхитилась.

— Великолепно. Надо идти в джунгли. Я только опасаюсь за твою безопасность. Может быть, лучше взять Сетессеи, она тоже умеет лечить, и для первого раза...

— Нет, пойду я! — повелительно произнесла Амбаласи.

Энге поняла, что не следует пытаться переубедить ученую.

Амбаласи нажала на выступ, расположенный на шкуре животного-для-переноски. Пасть его распахнулась, обнаружив внутри аптечку. Тщательно проверив содержимое, Амбаласи добавила несколько нефмакелов покрупнее, для серьезных ран, и кое-что еще, что могло понадобиться. Удовлетворившись, она закрыла его и повернулась к Энге.

— Теперь неси, нам не нужно свидетельниц. Иди первой.

Сорогетсо дожидалась в реке, высунув из воды только голову. Когда она заметила Амбаласи, в глазах ее промелькнул страх. Она

направилась к другому берегу протоки. Иилане́ последовали было за нею, но сорогетсо заметно опережала их в скорости, и оранжевый гребень быстро потерялся из виду. Амбаласи заметила, как та вынырнула вдалеке у берега, и с громким плеском устремилась за ней. Обремененная медицинскими инструментами, Энге следовала за нею. Выкарабкавшись на берег, она не могла перевести дух. Мооравиис тем временем оказалась на краю леса и, убедившись, что они следуют за ней, исчезла за деревьями.

Торопясь за нею, они быстро потеряли Мооравиис из виду, но вскоре заметили, что идут по нахоженной тропке. Она поджидала их на другом конце перелеска возле ручья.

«Стой!» — вспыхнула ее ладонь, движения головы свидетельствовали, что неподалеку опасность. Обе иилане́ разом остановились, опасливо оглянулись, но не увидели ничего страшного.

«В воде», — показала Мооравиис и, широко раскрыв рот, разразилась тонким дребезжащим воплем. Когда она повторила его, из-за ручья донесся похожий ответ. Ветви кустарника на другой стороне зашевелились, показались два сорогетсо и с сомнением поглядели на другую сторону ручья.

«Опасно-незнакомцы, много-страх», — показал один из них.

«Смерть Ичикчи больше опасность», — твердо ответила Мооравиис. После некоторого колебания, повинуясь жестам Мооравиис, они развернули застывший возле берега ствол поперек потока. Мооравиис отправилась первой, впиваясь когтями ног в кору и держась руками за ветви. Энге ждала Амбаласи, чтобы пойти впереди, но неподвижное тело ученой ничего ей не говорило.

— Я пойду первой, — сказала Энге, — надеюсь, что нам нечего опасаться.

— Глупость и непонимание, — ядовито отозвалась Амбаласи. — Нам не пристало опасаться этих простых созданий. Безмолвие мысли и наблюдение сковало меня. Ты заметила, что они сделали?

— Конечно. Повернули бревно, чтобы мы смогли перебраться через поток.

— Мысль глупейшей фарги! — вспыхнула гневом Амбаласи. — Твои глаза видят, но мозг ничего не понимает. Они воспользовались объектом как устузоу, а не как иилане́. Теперь ты поняла это?

— Конечно. Радость-откровения, признание-в-глупости. Хотя внешне они подобны нам, но остались на уровне, чуть превы-

шающем возможности животных, и не имеют представления о знаниях иилане'.

— Это очевидно. Особенно когда тебе укажут. Пошли.

Они перебрались по мосту, стараясь держаться осторожно, как сорогетсо. На полпути Амбаласи остановилась и поглядела в воду. Сорогетсо испуганно окликнула ее, и, сделав отрицательный жест, Амбаласи направилась к берегу.

— Видимой опасности нет, — заметила она, с великим интересом наблюдая, как, цепляясь за торчащие ветви, сорогетсо тянули бревно на прежнее место, стараясь не оступиться.

Покончив с этим делом, парочка опять затаилась среди деревьев. Энге потребовала внимания.

— Мооравиис отправилась этим путем, нам придется идти следом.

Новая утоптанная тропа через редкую рощу привела их на поляну. И хоть на ней их поджидала одна Мооравиис, нетрудно было догадаться, что из-за кустов на них взирает множество глаз. С радостью и восторгом Амбаласи объявила о новом открытии.

— Видишь — там за деревьями берег. Мы наверняка окружены водой, мы на острове, а в водах вокруг него скрывается что-то опасное. Погляди на их примитивные и неопрятные повадки, на кости, покрытые стаями мух.

— Мооравиис зовет нас, — произнесла Энге.

— Следуй за мной и не забудь про аптечку.

Раздвинув ветки, Мооравиис открыла логово из сухой травы. Там без сознания, закрыв глаза, лежала сорогетсо. Это была самка — мешочек ее слегка приоткрылся. Она шевельнулась и застонала от боли. Левая ступня была наполовину откушена какой-то тварью, оставшаяся часть распухла и почернела, по ней ползали мухи. Лодыжка над нею изменила окраску.

— Глупость и небрежение, — не без удовлетворения проговорила Амбаласи, открывая живую сумку. — Следует принять радикальные меры. Ты поможешь мне. Заодно я могу провести некоторые исследования и эксперименты. Отошли отсюда Мооравиис. Скажи ей, что раненая будет жить, если она не будет следить за лечением.

Сорогетсо не возражала и мгновенно исчезла. Тогда Амбаласи быстрыми и уверенными движениями ввела обезболивающее. Когда Ичикчи замерла, она наложила на раненую ногу узкую повязку, прижав ее голову к крупной артерии над коленом. Потом ткнула в нее пальцем, и существо принялось втягивать в себя соб-

ственный хвост. И, пережав ногу, остановило кровообращение. Тогда Амбаласи принялась струнным ножом отрезать пораженную ногу. Чтобы не видеть, Энге отвернулась, но звук рассекаемой плоти доносился до ее ушей. Заметив это, Амбаласи выразила удивление:

— Ишь ты, какая чувствительная! Ты что — фарги, ничего не знающая о жизни? Наблюдай и учись, ведь знание — это жизнь. Ступню можно было и залечить. Но тогда она станет калекой. Лучше удалить все, вернее, все ненужное. Половина фаланг и костей плюсны потеряны. Осторожно и быстро я удаляю все остальное до конца плюсны. Эти кости необходимы. Теперь нефмакел побольше... да, вот этот, чтобы остановить кровь. Дай-ка сюда контейнер.

Амбаласи достала небольшой пузырь с вязким красным желе. Открыв его, она с помощью нефмакела извлекла оттуда белое ядрышко и приложила к обрубку ноги, тщательно выбрав нужное место. Потом повторила инъекцию с помощью новой однозубой змейки.

— Антибиотик. Готово.

Распрямившись, она потерла занемевшую поясницу — и обнаружила, что они не одни. Обступившие их сорогетсо безмолвно наблюдали за ними, чуть не дергаясь всякий раз, когда глаза иилане' встречались с их взглядом.

— Боль кончилась! — объяснила Амбаласи в манере сорогетсо. — Она спит. Слабая. Боли не будет. Пройдет много дней, прежде чем все будет как прежде.

— Нога... исчезла, — проговорила Мооравиис, глядя круглыми глазами на перевязанную культю.

— Я вернусь лечить ее. Потом вы увидите, чего вам еще не приходилось видеть.

— Что ты сделала? — спросила Энге, удивленная не меньше, чем сорогетсо.

— Посадила колонию клеток, из которой вырастет новая нога. Если эти создания и впрямь настолько близки к нам, как кажется, вырастет точно такая же ступня.

— Ну а если нет?

— Тогда мы получим интересный научный случай! Оба исхода представляют собой интерес для науки.

— Еще более для Ичикчи, — ответила Энге с явными нотками неодобрения.

Амбаласи удивилась.

— Конечно же, приобретение новых познаний куда важнее жизни этого примитивного существа, которое, вне сомнения, умерло бы, если бы не мое искусство. Твое сочувствие направлено не в ту сторону.

Сорогетсо подступили еще ближе. Открыв рты, все десятеро пытались понять неизвестную речь. Они внимали Амбаласи, стараясь не упустить ничего из того, что им открывали ее ладони.

— Вот, — скомандовала Амбаласи, — ты можешь приобрести новые знания. Поговори с ними. Какая прекрасная возможность! Прекрасная, понимаешь!

Сорогетсо не спеша отступили, но сразу же возвратились, повинуясь зову.

— Они как фарги, вышедшие из моря, — сказала Энге. — Нам придется проявить терпение.

— Конечно, но учимся и мы с тобой. Мы здесь тоже как фарги, мы пришли учиться, чтобы понять и изведать все глубины их жизни. Начнем.

Глава 40

Kakhashasak burundochi ninus-tuzochi kae'asakakel.

Мир был бы лучше без устузоу.

Апофегма иилане'

Встречи с Ланефенуу Вейнте' ожидала без страха. Да, у них были потери, ужасные потери, но были и успехи. В битве так всегда — теряешь одно, приобретаешь другое. Важна окончательная победа, ее будут помнить. Она была уверена в этом, не ощущая ни малейших сомнений, но все-таки то и дело подбадривала себя. Ланефенуу будет сомневаться, ее нельзя будет ни в чем убедить, если она, Вейнте', не облечется в уверенность-успеха, подобную панцирю.

— Желательно-изменение-положения, недостаточность освещения, — со знаками крайнего смирения обратилась к ней член экипажа с кистью и краской в руках.

Урукето изменил курс, и пятно солнечного света из открытого плавника перешло на другое место — они, должно быть, уже приближались к Икхалменетсу. Вейнте' склонилась вперед, поднимаясь с хвоста, и перешла к свету, чтобы внимательно разглядеть работу. Сбегая с плеч, зубчатые золотые листья спиралями охватывали руки и заканчивались плодами на тыльной стороне ладоней. Пожалуй, рисунок был слишком вычурным, но именно такой подходил для важной встречи. Вейнте' сделала знаки удовлетворения и одобрения, член экипажа благодарно склонилась перед ней.

— Великолепный рисунок, мягкие краски, точные очертания, — сказала Вейнте'.

— Счастлива хоть чем-нибудь послужить избавительнице.

Вейнте' то и дело слышала теперь это слово. Поначалу оно выражалось понятием «она-что-помогает-нам», но постепенно превратилось в «она-что-спасает-нас». Так думали иилане' Икхалменетса, так они говорили. И даже не вспоминали о погибших фарги. Они видели, как по склонам высокой горы все ниже спускался снег, и всей кожей ощущали дыхание подступавшей зимы. Эйстаа должна была чувствовать то же, что и остальные.

Когда урукето заходил в гавань Икхалменетса, Вейнте' стояла рядом с капитаном. С величественным изяществом огромное существо миновало других урукето, выстроившихся в ряд у причалов. Предвкушая угощение, энтиисенаты рвались вперед, взбивая белую пену. Невысокая волна ударилась о деревянный причал, перехлестнула через спину урукето. Глянув с плавника вниз, Вейнте' поманила члена экипажа.

— Требуется присутствие высокопоставленной Акотолп.

Глядя на пустынный причал и пряча неудовольствие за неподвижностью, Вейнте' поджидала ученую. Эйстаа знала, что она возвращается. Она послала за Вейнте' и прекрасно знала, что та прибудет на этом урукето. Но никто не ждал ее у причала. Никто из высоких не явился приветствовать ее. Это означает если не оскорбление, то предупреждение. Вейнте' не нуждалась в них. Ланефенуу не скрывала своего отношения к непрекращавшемуся конфликту с устузоу.

Долгое пыхтение предвещало появление Акотолп.

— Какой подъем! — пожаловалась толстуха. — Путешествовать на урукето так неудобно.

— Проводишь ли ты меня к эйстаа?

— С удовольствием, сильная Вейнте'. Окажу тебе помощь и поддержку, посильную мне. — Покосившись одним глазом на капитана, Акотолп убедилась, что та следит, как причаливает урукето, и заговорила: — Черпай силу в том, что ты всего лишь

повиновалась приказам. Ни одна фарги, ни одна иилане́ еще не ошиблась, повинуясь им.

Выразив благодарность за понимание, Вейнте́ сказала:

— Хотелось бы, добрая Акотолп, но я командую, а потому и должна уметь отвечать за ошибки. Идем.

Их ждали, и это стало ясно, едва они достигли амбесида. Эйстаа восседала на почетном месте, советницы теснились неподалеку. Но просторный амбесид был пуст, а песок на нем разровняли, разрисовав какими-то узорами. Приближаясь к Ланефенуу, они оставляли за собой двойной ряд следов. Прямая и неподвижная Ланефенуу ожидала их приближения. И лишь когда они замерли перед нею с жестами верности и внимания, она соизволила обратить к Вейнте́ холодный глаз.

— Это были неудача и смерть, Вейнте́, неудача и смерть.

Сложив руки с уважением к высшей, Вейнте́ ответила:

— Смерть, эйстаа, я согласна. Погибли добрые иилане́. Но не неудача. Мы продолжаем наступать.

Ланефенуу мгновенно разгневалась:

— Для тебя гибель целого войска не неудача?

— Так, эйстаа. Ешь других, чтобы не съели тебя, так заведено в этом мире. Да, устузоу кусаются, но мы истребляем их поодиночке. Я говорила тебе, что они страшны, и не обещала, что потерь не будет.

— Действительно, так ты говорила. Но потом забыла сообщить число погибших иилане́, позабыла перечислить, сколько потеряла уруктопов и таракастов. Я весьма недовольна, Вейнте́.

— Склоняюсь перед твоим гневом, сильная Ланефенуу. Твои слова верны. Я не стала называть тебе всех, кто умрет. Но теперь я скажу это, эйстаа.

Широко растопырив руки в жесте обобщения, Вейнте́ назвала имя великого города.

— Икхалменетс умрет, все вы умрете, в город придет смерть, все вы обречены.

Советницы Ланефенуу в ужасе застонали, глядя в ту сторону, куда указывал палец: в сторону великой горы, потухшего вулкана, породившего этот остров, — видя и не желая видеть этот белый снег.

— Близится зима, эйстаа, и ей не будет конца. Скоро снег опустится на этот город и останется в нем. Тогда погибнет Икхалменетс.

— Не много ли ты берешь на себя? — крикнула Ланефенуу, вскакивая с жестом великого гнева.

— Я говорю только правду, великая Ланефенуу, эйстаа Икхалменетса, предводительница иилане́. Смерть идет. Икхалменетс должен отправиться в Гендаси, прежде чем это случится. Я тружусь, чтобы спасти город. Смерть сестер и зверей причиняет мне огромное горе. Но кто-то должен пасть, чтобы жили остальные.

— Почему же? Ведь мы владеем Алпеасаком. В твоих отчетах говорилось, что он разрастается и скоро Икхалменетс сможет перебраться в Алпеасак. Если так — зачем все эти смерти?

— Мы должны погубить устузоу, чтобы они никогда уже не могли угрожать нам. Этого не будет, пока жив хоть один из них. Вспомни, что они сумели погубить и захватить Алпеасак. Это не должно повториться.

Тело Ланефенуу еще сотрясал гнев. И все же она тщательно обдумывала слова Вейнте́, прежде чем ответить. Воспользовавшись недолгим молчанием, вперед шагнула Акотолп.

— Великая Ланефенуу, эйстаа окруженного морем Икхалменетса, могу ли я доложить тебе, что завершено, а что еще нужно сделать, чтобы Икхалменетс мог отправиться в Гендаси?

Ланефенуу еще более разозлилась, но тут же умерила свой гнев, понимая, что в этот день им ничего не добьешься. Вейнте́ не тряслась перед ней от страха, как другие, и толстая ученая тоже. Усевшись, она знаком приказала Акотолп говорить.

— Животное, как и болезнь, нападает по-разному. И хорошая ученая обнаруживает причину болезни, а потом находит лекарство. Если способ нападения известен, второй раз оно не будет иметь успеха. Устузоу сожгли наш город. Теперь мы растим города, неподвластные огню. Устузоу нападали на нас по ночам, под покровом тьмы. Теперь сильный свет не дает им укрыться. Лианы и шипы убивают их.

Речь о былых успехах Ланефенуу пресекла пренебрежительным движением руки.

— Не нужно мне историй. Я хочу услышать о победе.

— Так и будет, эйстаа, она неизбежна. Напасть и убежать, укусить и скрыться — так делают устузоу, а медленное продвижение к обязательному успеху — путь иилане́.

— Слишком медленное!

— Достаточно быстрое, если впереди нас ожидает победа.

— Я не вижу победы в гибели моих иилане́.

— Мы учимся. Это не повторится.

— И чему же вы научились? Мне известно, что все они погибли, укрывшись за вашей непроходимой защитой, все до единой!

Акотолп жестом согласилась, добавив знак силы разума.

— Пусть бегут глупые и трусливые фарги, пусть потом толкуют о невидимых устузоу. Это невежественные речи. Для науки нет секретов, которые нельзя было бы раскрыть с помощью упорства и наблюдательности. И мне понятно все, что делают устузоу. Я все изучила там, использовала зверей с тонким нюхом, чтобы выяснить, где прошли устузоу. И я поняла, как они попали в лагерь, обнаружила, где они проложили себе дорогу.

Вмиг позабыв о гневе, эйстаа выразила интерес и внимание. Вейнте′ понимала, что делает Акотолп, и исполнилась благодарности к ней.

— Ты выяснила, как они пришли и ушли, — заметила Ланефенуу. — Но удалось ли тебе обнаружить дорогу, по которой смерть вошла за ночную ограду?

— Конечно же, эйстаа, этим низменным тварям никогда не удается обмануть науку иилане′. Устузоу заметили, что наше войско обязательно останавливается ночевать на одном и том же месте. И поэтому до прихода отряда гнусные твари вырыли себе нору и затаились в ней. Так просто. Они не приходили к нам, иилане′ сами явились к ним. В ночной тьме они вылезли наружу и стали убивать.

Ланефенуу была изумлена.

— Вот как они сделали? Неужели они настолько умны? Так просто и так коварно...

— Эти звери обладают известным рассудком, который нельзя недооценивать. И теперь этим способом им уже не удастся добиться успеха. Наши отряды будут ночевать отныне в разных местах. У них будут животные, способные почуять логова и тайники и найти спрятавшихся врагов.

Слушая, Ланефенуу забыла о гневе, и Вейнте′ воспользовалась переменой в ее настроении.

— Настало время, эйстаа, обратиться спиной к этой увенчанной снегом горе, время устремить свой взгляд к золотым берегам. Алпеасак очищен теперь не только от устузоу, но и от ядовитых растений, что изгнали тварей из города. Ограды города восстановлены, засажены растениями, которые нельзя поджечь. Устузоу бежали далеко, подступы к городу сторожит наше войско. Пора идти в Алпеасак, чтобы он вновь стал городом иилане′.

Услышав отрадные новости, Ланефенуу победно вскочила и радостно заскребла по земле когтями.

— Если там безопасно — мы едем.

Предостерегая, Вейнте′ обратила к ней порозовевшие ладони.

— Это лишь начало, но еще далеко не конец. Чтобы город стал безопасным, необходима поддержка, росту города еще следует помочь. На целый Икхалменетс там еще не хватит пищи. Это только начало. Ты можешь послать лишь один урукето с самыми толковыми фарги, самое большее — два.

— Пригоршня воды, а мне необходим океан, — с горечью отозвалась Ланефенуу. — Пусть будет так. Но как быть с устузоу?

— Считай их мертвыми, эйстаа, и выбрось из головы. Акотолп нужны некоторые припасы, я получу от тебя новых фарги. И тогда мы отплывем. Великой битвы не будет, но, подобно огромному удаву, мы медленно удушим свою жертву. Пусть сопротивляется — все равно ей конец. И когда мы увидимся в следующий раз, я доложу тебе, что все устузоу погибли.

Сев на хвост, Ланефенуу стала обдумывать сказанное, негромко постукивая остроконечными зубами в такт своим мыслям. Долго, слишком долго. Чересчур много смертей. Но есть ли иной способ? Кто сумеет заменить Вейнте′? Никто — ответ был очевиден. Кто еще так знает все повадки мерзких устузоу? Кто ненавидит их сильней, чем Вейнте′? Да, она совершала ошибки, но не фатальные. А устузоу следует гнать и убивать — в этом теперь она не сомневалась. Слишком ядовитые твари, чтобы их можно было оставить в живых. Вейнте′ начала дело — она его и закончит. И пока левый глаз эйстаа смотрел на Вейнте′, правый медленно обратился к снежной вершине горы.

Этой зимой снег впервые покрыл все луга, остановившись перед зеленым еще лесом. Уходить необходимо, прежде чем белизна эта доберется до города. Выбора не было.

— Ступай, Вейнте′, — приказала она. — Бери все, что нужно, гони устузоу. Не хочу тебя более видеть, пока ты не принесешь мне весть о погибели устузоу. — Тут гнев ее вновь прорвался. — Но если они останутся живы, тогда умрешь ты. Обещаю. Ты поняла меня?

— Полностью, эйстаа. — Вейнте′ излучала силу и уверенность. — Иного я не допущу. Мне все ясно. Если они не умрут, значит, умру я. Клянусь тебе своей жизнью. Ты возьмешь ее, если я потерплю поражение.

Ланефенуу ответила жестом согласия, к которому примеши-

валось и невольное восхищение. Вейнте′ выполнит все, что следует.

Понимая, что настало время удалиться, Вейнте′ повернулась и пошла прочь. Акотолп пыхтя поспешила за нею, стараясь не отставать от торопившейся Вейнте′. Она шагала навстречу судьбе.

К победе.

Глава 41

Nangeguaqavog sitkasiagpai.

Важен путь, а не место, куда стремишься.

Пословица парамутанов

Решение было принято, и огонек безумия в глазах Керрика стал угасать. Ведь душу его терзал неразрешимый внутренний конфликт. Да, они с Армун в безопасности, но по ту сторону океана остались обреченные на смерть саммады. Тану и саску. И чем лучше ему — тем хуже все остальным. В этом он винил себя, видя в Вейнте′ демона смерти, которого невольно выпустил на свой народ. Он был уверен и не испытывал даже доли сомнения, что она губит тану с одной только целью — убить именно его. Ответственность лежала на нем. А он сбежал. И только теперь остановился. Как затравленный зверь, собирался он броситься в атаку и не раздумывал — останется ли в живых или умрет. Он знал одно — надо кидаться, рвать и терзать.

Армун же, напротив, была почти уверена в неудаче. Когда она видела его над картами, она всякий раз надеялась, что отыщется другой путь. Но его не было, и она знала об этом. Придется плыть на юг — в неизвестное. Иначе — если они останутся здесь — Керрик просто сойдет с ума. Теперь он повеселел, иногда даже улыбался, сравнивая по разным картам тот путь, что им предстояло пройти.

Будущее было неясно и темно, но Армун не жалела о своем выборе. Керрик наполнил ее пустую жизнь, спас от одиночества, увел из жизни, которую нельзя было считать жизнью. Он был не таким, как другие охотники, он мог делать то, на что они не были способны. Он вел их — а они шли следом — к победе над мургу. Но, разрушив город ящеров, охотники покинули его. Она знала, как это случилось, и теперь следовала за ним повсюду. Единственный воин в его войске. Впрочем, нет, не единственный, был еще

низкорослый парамутан, умевший видеть мудрость в безумии, не боявшийся плыть сквозь пургу по зимнему морю.

Калалекв был счастлив. Распевая охотничьи песни, он накрепко зашил парус, где тот прохудился. Потом заткнул щели в корпусе лодки. А после проконопатил швы. Самым опасным будет начало путешествия на юг, поэтому надо предусмотреть все. Он уложил съестные припасы, прочно привязал их вместе с запасом воды. Кто лучше его знает, на что способна зимняя буря? Он возьмет с собой два насоса, — если один-единственный смоет за борт, их ждет верная смерть. Как весело! Работая, он смеялся, стараясь не обращать внимания на зависть и ревность в глазах парамутанов. Вот это будет путешествие!

Но, когда все приготовления были завершены, пришлось ждать, ибо вовсю дули зимние ветры, заметая пуакаруты снегом. Выли метели. Оставалось ждать. Каждый день промедления повергал Керрика в глубокое уныние, ему с трудом удавалось справиться с собой, ведь ничего сделать было нельзя. Завершив работу, Калалекв отсыпался, копил силы. Спокойная решимость Армун успокаивала метавшегося Керрика. Они отплывут, как только погода хотя бы немного исправится.

Однажды, проснувшись, Керрик почувствовал, что ветер, столько дней терзавший крыши паукарутов, утих. Наступила тишина. Калалекв развязывал шнурки полога, снаружи пробивался яркий солнечный свет.

— Какая погода! Как здорово!

— Значит, плывем?

— Немедленно! Сейчас же! Не теряя ни минуты! Дух ветра велит нам отправляться в путь, пока он отдыхает. Скоро он вновь соберется с силами, и мы должны постараться покинуть залив, не дожидаясь его возвращения. В лодку!

Буря утихла, и всем стало ясно, что долго откладывавшийся поход начался. Паукаруты опустели, с криками и смехом толпа окружила лодку. Ее извлекли из-под снега и на руках дотащили до воды. Могучие валы разбивались о берег, вздымая облака водяной пыли и далеко забегая на сушу. Громкие споры о том, как спустить лодку на воду, быстро закончились. При всеобщем согласии добровольцы на руках внесли лодку в прибой и удерживали там, хохоча и вопя всякий раз, как их окатывало холодной волной. Посадив троих путешественников на плечи, провожавшие мгновенно донесли их до лодки. Калалекв поднял парус в тот миг, когда последний из них оказался на борту. Лодка двинулась

в море, а провожавшие под натиском волн отступили к берегу и, корчась от смеха, повалились на влажный песок. Армун только дивилась — она так и не могла до конца понять этих странных мохнатых охотников.

Ветер дул в основном с запада, и приходилось лавировать, чтобы продвигаться на юг и на запад. Калалекв знал, что к югу от них берег идет прямо от востока на запад и они не сумеют обогнуть крайний мыс, если будут держаться возле земли. Поглядывая на парус и на небо, он уводил шаткое маленькое суденышко подальше от берега.

Морская болезнь сразу же сразила Армун, и она отлеживалась на дне, покрываясь потом под мехами, которыми была укрыта. Керрику на этот раз волны были нипочем, и он помогал парамутану у паруса. Он улыбался и даже хохотал вместе с парамутаном, брызги замерзали на его шевелюре и бороде. Калалекв вполне разделял его энтузиазм, и только Армун понимала тот риск, на который они пошли, безумие их попытки. Но возвращаться не только поздно — немыслимо.

Хорошая погода — легкий ветер и чистое небо — продержалась два дня. А когда возвратилась буря, она была не так свирепа, как прежде. Они плыли три дня, наконец лед на снастях стал таким толстым, что пришлось высаживаться на берег, чтобы как следует сколоть его. Они вытащили лодку из воды подальше и, отбив лед, уселись у костра, разожженного Керриком, чтобы согреться и высушить насквозь промокшую одежду.

Мимо пристанища мургу они прошли в бурю и ничего не видели на берегу. Да они и не надеялись увидеть этих теплолюбивых тварей зимой, в ледяном северном море. Буря постепенно ослабевала, и лодочка медленно и упорно двигалась к югу вдоль скалистого побережья.

По утрам судно окутывал туман, а моросивший мелкий дождик заставлял путешественников мерзнуть сильнее, чем северные метели. Впереди из тумана выступил скалистый мыс; подгоняемые течением и ветром, они быстро приближались к нему. Нервно кусая губу, Керрик поглядывал то на карту, то на берег. Наверняка. Сомнений почти не было. Быстро повернувшись, он крикнул Калалекву:

— Возьми покруче на запад! Я уверен, что мы приближаемся к Генагле. Сильное течение может занести нас во внутреннее море.

— Неужели мы уже добрались? Изумительно! — восхитился Калалекв, с хохотом навалившись на рулевое весло и закрепив

его, чтобы перевязать парус. — Вот посмотрю теперь: целый новый мир — и кругом одни мургу. А они тоже плавают в этих водах?

— Думаю, что не в это время года. Но когда мы пересечем устье Генагле, то подойдем к огромному Энтобану, где всегда тепло. Тогда нам придется соблюдать осторожность.

Мургу, иилане' — слова путались в его голове. Остров уже недалеко. И скоро он нападет на мургу, как они напали на тану, с другой стороны океана. Может быть, даже сегодня.

— Они же не вступают в бой, — гневно скалясь, сказал Херилак, — они не нападают, а, когда мы приближаемся, просто прячутся за своими ядовитыми стенами, где мы их не можем достать.

— Это мургу, и не стоит надеяться, что они будут воевать, как тану и саску, — ответил Саноне, вороша палкой костер.

Холодный ветерок унес вдаль взлетевшие искры. В зимние ночи даже в защищенной от ветра долине было прохладно, а тело его уже немолодо и не так тепло, как раньше. Потуже запахнувшись в плотную одежду, Саноне оглядел спящих. Бодрствовали только они с Херилаком.

— Они учатся, эти мургу, — с горечью вымолвил Херилак. — Прежде мы могли спокойно бить их по ночам, разить копьем и резать ножами. Но теперь к ним не подберешься ни днем, ни ночью. Они отсиживаются в укрытиях и делают переходы, лишь когда нас нет поблизости. И продвигаются вперед... медленно, но все ближе и ближе.

— Как далеко они от нас сегодня? — осведомился Саноне.

— Они окружают нас со всех сторон. Их еще не видно, но они кругом в четырех днях пути в любую сторону. В этом кольце есть разрывы, мургу наступают отдельными отрядами, но войско их стало неуязвимым. Когда мы нападаем на них, они прячутся за стенами и не трогаются с места. Но тем временем остальные подступают все ближе и ближе. И наступит день, когда все они окажутся здесь, охватят кольцом долину, и тогда нам придет конец.

— Надо уходить, пока из ловушки есть выход.

— Куда? — сверкая глазами в свете костра, возразил Херилак. — Разве от них спрячешься? Ты мандукто саску, тебе повинуются охотники и женщины. Знаешь ли ты место, куда можно увести их?

Поколебавшись, Саноне проговорил:

— На запад через пустыню. Говорят, что за ней есть вода и зеленая трава.

— Ты хочешь вести туда саску?

Затрещал огонь, в костре упало полено, и Саноне ответил не сразу:

— Нет, я не хочу уводить их из долины. Мы всегда жили здесь. И, если нам суждено умереть, мы умрем здесь.

— Я не хочу умирать, но я устал все время бежать. И мои саммады тоже. Если они согласятся уйти, я уведу их отсюда, но сомневаюсь, чтобы они решились на новый поход. Время бегства миновало. Рано или поздно придется остановиться и лицом к лицу встретить мургу. Пусть это случится скорее. Все мы устали.

— Вода в реке опустилась. Обычно дожди в горах в это время года наполняют ее до краев.

— Утром я возьму охотников, и мы разведаем, что случилось в горах. Тебе не кажется, что это работа мургу?

— Не знаю. Но мне страшно.

— Всем нам страшно, мандукто. Мургу приближаются словно зимняя метель — кто может остановить бурю? Одна из женщин заметила на краю обрыва зеленые лианы. Она не стала к ним подходить, потому что они выглядели, как те, что в ядовитой ограде мургу.

— Утесы высоки.

— Но лианы быстро растут. Когда я сплю, мне уже снится смертная песня. Знаешь ли ты, что это значит?

Саноне ответил холодной и мрачной усмешкой.

— Могучий Херилак, смысл своего сна ты знаешь и без толкований мандукто. Я тоже слышу смертные песни.

Херилак угрюмо взглянул на звезды.

— Родившись, мы сразу начинаем умирать. Я знаю — моему тхарму суждено оказаться там, между ними. Но не холодный ветер, а приближение нового дня заставляет меня ежиться. Неужели мы ничего не сможем сделать?

— Керрик вел нас в бой с мургу и привел нас к победе.

— Не называй мне этого имени. Он ушел и оставил нас погибать. Он не поведет нас больше.

— Он оставил тебя или ты его, о могучий Херилак? — негромко спросил Саноне.

Вспыхнув, Херилак начал было сердитые речи, но сразу умолк. Воздев к небу руки, он сжал кулаки и вновь опустил их.

— Если бы слова эти сказал охотник, осмелившегося на дерзость я ударил бы этой рукой. Но не тебя, Саноне, ведь ты видишь насквозь всех нас, понимаешь тайные думы. После гибели моего саммада во мне уживаются два человека. Один вечно кипит гневом и жаждет лишь смерти врагов, отвергая советы, забывая всякую дружбу. И когда Керрик нуждался в помощи, этот Херилак оставил его одного. Так было. Но теперь, окажись он здесь, у меня нашлось бы для него иное слово. Но он ушел на север и погиб там. А теперь мы оказались в этой долине, где нас повсюду окружают мургу. Гнев мой стал утихать, и я вновь чувствую себя тем, кем был прежде. Может быть, слишком поздно.

— Никогда не поздно избрать верный путь, ведущий к Кадайру.

— Я не знаю Кадайра. Но искорку, ставшую моим тхармом, раздул Ерманпадар. И скоро мой тхарм засияет среди прочих звезд.

— Да, путь наш впечатан в скалу. Нам остается только следовать ему.

Огонь угас, остались тлеющие угли. Холодное дуновение с севера пронеслось над долиной. В ясном ночном небе ярко горели звезды. Тану и саску спали, а мургу с каждым днем подступали все ближе. Глянув на склонившуюся голову Херилака, Саноне подумал: останется ли в этой долине хоть один живой человек, когда зеленые ростки весной пробьют землю?

Глава 42

Еле заметный в сгущающихся сумерках берег Энтобана далекой тенью чернел на западном горизонте. Когда волна поднимала лодку, становились видны снежные вершины далеких гор, покрасневшие в свете заката.

Взглянув на Калалеква, скорчившегося у рулевого весла, Керрик снова заговорил, осторожно выбирая слова и стараясь не разгневаться:

— Вода почти кончилась...

— Я не хочу пить.

— А я хочу. И Армун тоже. Надо высадиться на берег и наполнить мехи.

В сумеречном свете Керрик заметил, как по коже Калалеква пробежала волна и шерсть встала дыбом. Тот давно сбросил всю одежду, тогда как для тану едва потеплело.

— Нет, — ответил Калалекв и задрожал. — Это страна мургу.

Я видел их. Я убивал их. И не хочу больше видеть. Жарко. Повернем на север.

Он толкнул рулевое весло — подчиняясь движению, лодка повернула, парус обвис. Вспыхнув, Керрик поднялся, чтобы уйти на корму, но руки Армун задержали его.

— Дай я, — шепнула она на ухо Керрику. — Споры не помогут — видишь, какой он стал.

— Ну говори. — Он отбросил ее руку и принялся возиться с парусом. — Только убеди его в том, что нам нужна вода.

Шерсть на теле Калалеква взъерошилась, когда Армун мягко погладила его по плечу.

— Воды много, — пробормотал он.

— Ты знаешь, что это не так. Она скоро кончится, так что все равно придется высаживаться.

— Высадимся на островах... повернем обратно, только не надо на этот берег.

Она вновь погладила его и словно ребенку сказала:

— Но мы же не знаем, сколько еще осталось до островов, нам нельзя поворачивать. Дух ветра рассердится. Ведь он все время помогал нам попутными ветрами.

— Но не сегодня и не вчера.

— Значит, он услышал тебя и рассердился.

— Нет.

Калалекв теснее прижался к ней и запустил руки под ее меховую одежду на спине. На этот раз она не стала отодвигаться. В темноте Керрик не заметит. А им нужно высадиться на берег наперекор всем страхам Калалеква. Теперь уже не Керрик беспокоил ее — путешествие на юг, казалось, прогнало все темные мысли из его головы, которые словно перебрались в череп парамутана. Теперь ей приходится подбадривать его, поддерживать в парамутане уверенность в себе. Она умела это делать. Охотники парамутанов и тану были одинаково скоры в гневе, свирепы в битвах и подвержены настроениям. Но ей приходилось терпеть. И покорно идти следом — или брать на себя роль сильного, когда нужно. Теперь парамутан нуждался в ее поддержке не меньше, чем Керрик совсем недавно. Но он хотел большего. Руки его гладили ее по спине, потом скользнули вниз... Она отодвинулась.

— Калалекв не боится огромного уларуаква, который плавает в северных морях, — сказала она. — Он самый могучий охотник, и сила его рук кормит всех нас.

— Да, — согласился он и вновь потянулся к ней.

Она опять отодвинулась.

— Калалекв убивает уларуаква, он убивает и мургу. Я видела, как он убивает мургу. Он могучий победитель мургу!

— Да... — Он повторил громче: — Да! — и словно ударил невидимым копьем. — Я убивал их, я убивал их этой рукой!

— Значит, ты не боишься их, а если увидишь, то опять убьешь.

— Конечно! — Настроение его под влиянием Армун резко переменилось, Калалекв ударил себя в грудь кулаком. — Нужна вода — плывем к берегу! Может быть, удастся и мургу заколоть.

Понюхав ветер, он плюнул в сердцах и, все еще ворча, достал весла и вставил в уключины.

— Ветра мало, ниже парус. Я покажу, как надо грести.

Но его ждала неудача.

Почти сразу он стал задыхаться, шкура его взмокла от пота. Тогда он перестал грести и жадно допил остатки воды, которую Армун поднесла ему к губам. Место на веслах занял Керрик, и суденышко неторопливо двинулось к берегу. Калалекв забылся беспокойным сном, оставалось надеяться, что он проснется в бодром настроении.

Ночь была тихой и теплой, звезды прятались за низкими облаками. Когда Керрик выдохся, Армун сменила его — земля становилась все ближе. Свет призрачной луны в дымке среди облаков не позволял им терять берег из виду. Калалекв спал, а Армун и Керрик сменяли друг друга, пока наконец издалека до них не донесся шум прибоя. Керрик встал на носу иккергака и разглядел впереди полосу пены, там, где волны набегали на берег.

— Вроде бы пляж, скал не видно, и волны невысоки. Пойдем прямо туда?

— Буди Калалеква, пусть он решит.

Парамутан мгновенно проснулся, к счастью, не отягощенный прежними страхами.

Он вскарабкался на мачту повыше, понюхал воздух, потом спустился и поболтал рукой в море.

— Высаживаемся, — решил он. — Гребите прямо, я буду править.

Когда они подошли к берегу ближе, парамутан заметил устье неширокой речушки, впадавшей в море, и направил лодку прямо между песчаными берегами.

— Никто так не знает лодки, как Калалекв! Никто так не знает моря, как Калалекв!

— Никто, — торопливо согласилась Армун, чтобы Керрик не

успел каким-нибудь неосторожным словом нарушить вновь обретенное парамутаном уважение к себе.

Керрик открыл уже рот, но вовремя спохватился. Он греб, пока лодка не коснулась речного дна, потом выпрыгнул и потянул ее на берег за привязанный к носу линек.

Сначала вода была солона, но чуть выше по течению она стала прохладной и пресной. Керрик попил, черпая воду ладонями, потом позвал остальных. Калалекв с наслаждением погрузился в благодатную прохладу, забыв про все прежние страхи. Затащив лодку подальше на берег, они привязали ее и, окончательно обессилев, рухнули на землю и заснули. Наполнить мехи водой можно и утром...

На рассвете Керрик потянул Армун за руку.

— Просыпайся. Быстро!

Калалекв лежал за дюной, стискивая в руке копье. Он что-то громко и злобно выкрикивал, стараясь, чтобы его не было видно с моря. Они подбежали к нему и, припав к земле, выглянули из-за песчаного гребня.

Мимо них, совсем неподалеку, величаво скользило огромное животное с высоким плавником. Впереди плыли две морские твари поменьше.

— Урукето, — проговорил Керрик. — Он несет мургу.

— Будь они поближе, всех сразил бы своим копьем, — бушевал Калалекв. Глаза его налились кровью. Он был настроен воинственно: вчерашние страхи забылись.

Взглянув на солнце, потом вновь на море, Керрик проговорил:

— Видишь, куда они плывут? На север, прямо на север!

Он следил за урукето, пока тот не исчез из виду, потом торопливо направился к лодке и достал со дна карты иилане'.

— Мы слишком далеко забрались на юг. Мы сейчас здесь, если верить карте. А урукето плывет на север, к тем самым островам.

Калалекв разбирался в картах, Армун нет. Решать мужчинам.

— Что, если через этот пролив они уйдут в океан? — спросил Калалекв.

Керрик покачал головой.

— Не в это время года, сейчас слишком холодно. Может быть, на берегах Исегнета не осталось ни одного города. Наверное, они плывут в Икхалменетс.

Пока они спорили, Армун набрала воды в мехи.

Вскоре они уже погрузили всю воду и выбрали курс. Они отправятся следом за плавучей тварью мургу. Мужчины решили,

что острова, которые они разыскивают, лежат именно в этом направлении. С берега дул легкий бриз, и парус нес кораблик к горизонту, за которым лежало неведомое.

Весь день они плыли по пустынному океану, суша позади исчезла из виду, впереди ничего еще не было видно. Страхи Калалеква вернулись, и Армун попросила рассказать, как он убивал уларуаква, и, забыв про все, парамутан принялся демонстрировать свою сноровку, то и дело принимаясь радостно хохотать. Молчаливый Керрик смотрел вперед с носа лодки и первым заметил показавшуюся из воды снежную шапку на вершине горы.

— Вот он, Икхалменетс, иного не может быть.

Они молча глядели вперед, и остров медленно выплывал из моря. Калалекв озабоченно крутил головой, показывая на появлявшиеся из воды пятнышки суши.

— Вон, вон и вон. Столько островов, их больше одного. Как узнать, какой именно нужен нам?

Керрик показал на снежную гору, теплым светом сверкавшую под лучами заката.

— Вот она, ее не с чем спутать, такой ее описывали мургу. Это остров, посреди которого поднимается огромная гора. Рядом есть и другие острова, но этот самый большой и высокий. Правь к нему!

— Мы пройдем мимо другого острова, нас заметят.

— Нет, они необитаемы. Здесь мургу живут в одном огромном стойбище, в городе, который лежит на этом острове. Туда мы и направляемся.

— Навстречу своей смерти! — громко вскричал Калалекв, выбивая зубами дробь. — Мургу нет числа. А нас трое. Что мы сможем сделать?

— Мы можем победить их, — произнес Керрик сурово и уверенно. — Я плыл в такую даль не за тем, чтобы умереть. Я думал. Я думал и думал. Я продумал все до мельчайших подробностей. Мы победим, потому что я знаю все слабости этих созданий. Они не похожи на тану и парамутанов. Они живут не так, как мы, и во всем повинуются приказу начальниц. Они не такие, как мы.

— Мой лоб — толстый. Я слушаю и не понимаю.

— Слушай, и ты поймешь, что я имею в виду. Скажи мне о парамутанах. Скажи мне, Калалекв, почему именно ты убиваешь уларуаква, а не другой охотник?

— Потому что я лучший! Самый сильный и меткий!

— Но другие тоже могут убивать уларуаква?

— Конечно. Если охота пойдет иначе или с другого иккергака...

— А вот тану слушают своих саммадаров. И когда им что-то не нравится, они говорят: пойдем искать другого саммадара. Так же, как вы можете выбирать лучшего гарпунщика.

— Зачем выбирать? Я — самый лучший.

— Я знаю, что это так, но сейчас говорю не об этом. Я говорю о том, как живут парамутаны и тану. Мургу живут иначе. У них есть такая, которая приказывает всем остальным. Она одна, но ее приказам все повинуются и никогда не оспаривают их.

— Глупо, — отозвался Калалекв, стараясь поймать в парус изменившийся ветер.

Керрик кивнул.

— Это ты так думаешь, и я тоже. Но мургу вовсе не размышляют об этом. Одна правит, а все остальные повинуются.

— Глупо.

— Именно. Но это и поможет нам. Я буду говорить с самой главной, я прикажу ей делать так, как следует...

— Не надо! — крикнула Армун. — Ты не пойдешь туда. Это же верная смерть.

— Нет, если вы оба сделаете то, о чем я вас попрошу. Дело не в мургу, дело в предводительнице, которую они называют эйстаа. Я знаю, о чем она думает и как заставить ее покориться. Мы воспользуемся огнем, — он поднял огненную коробочку саску, — и ядом для ловли уларуаква, который взял с собой Калалекв.

Армун глядела то на Керрика, то на коробочку.

— Не понимаю... Ты смеешься надо мной. — И она машинально вновь прикрыла рот уголком воротника.

— Нет, что ты. — Он положил коробочку, бросился к ней и, откинув шкуру с лица, нежно тронул ее губу, утешая и успокаивая. — Все будет хорошо.

Они подошли к острову так близко, как только осмелились в сумерках, потом спустили парус и стали ждать. Облаков не было, и снег на вершине горы искрился в лунном свете. Керрик стал поднимать парус, но Калалекв воспротивился.

— Нас заметят, если мы подойдем поближе!

— Сейчас они спят, все спят. Я же говорил тебе, что знаю их повадки.

— А охрана?

— Это невозможно — после наступления темноты никто не шевельнется.

Калалекв неохотно тронул кораблик вперед, в его движениях

не было уверенности. Остров приближался, лодка тихо скользила на юг вдоль берега.

— А где находится это место? — прошептал Калалекв, словно на берегу могли услышать его.

— На берегу, чуть к северу отсюда.

Скалистое побережье сменилось песчаными пляжами, за которыми виднелись рощи деревьев. Береговая линия изогнулась, открывая вход в гавань, в которой на фоне светлых деревянных причалов застыл целый ряд темных силуэтов.

— Это, — сказал Керрик, — их живые иккергаки, вроде того, что мы видели. Вот и город. Считай, что я знаю его, все они выращены на один манер. Тут родильные пляжи, прямо за городской стеной, потом амбесид, открытый лучам утреннего солнца так, чтобы эйстаа, восседая на почетном месте, первой встречала его теплые лучи. Это Икхалменетс.

Его речь Армун не понравилась: Керрик издавал какие-то странные звуки и дергался. Она отвернулась, но Керрик окликнул ее:

— Видишь сухое русло, выходящее в океан? Тут мы высадимся, тут и встретимся. Правь к берегу, Калалекв. Высаживаемся, здесь удобно — и недалеко от города, и не за его стеной.

Берег был покрыт песком и глиной, смытыми с горы ливнями во время сезона дождей. Лодка уткнулась носом в берег, покачиваясь на невысоких волнах.

— Здесь мы проведем большую часть ночи, — сказал Керрик. — Только выйти придется задолго до рассвета. Армун, ты останешься здесь, дождешься, когда рассветет, и попытаешься забраться повыше.

— Я могу идти в темноте, — возразила Армун.

— Нет, это опасно. У тебя хватит времени, но придется забраться как можно выше. Приготовишь все, что я велел.

— Сухие сучья для большого костра и зеленые листья для дыма.

— Помни: подкидывать в костер листья начнешь, когда солнце на две ладони поднимется над океаном. Разведи костер побольше, пусть угли раскалятся добела. Потом сразу завалишь его листьями, чтобы было побольше дыма. А потом спустишься сюда, к Калалекву. Он будет ждать здесь. Я пойду вдоль берега и скоро вернусь. Все понятно?

— По-моему, все это безумие, и я безумно боюсь.

— Не бойся. Все будет, как я задумал. Если ты сделаешь все

правильно, я буду чувствовать себя в безопасности. Но ты должна делать все точно, как я велел. Ни раньше, ни позже. Понятно?

— Я поняла.

Керрик казался таким чужим, в холодном голосе звучали нотки мургу. Он и думал, как они, и действовал точно так же. Он требовал от нее только повиновения. Пусть будет так... Только бы скорее все кончилось. Мир — пустынное место.

Она задремала в покачивавшейся на волнах лодке, проснулась от храпа Калалеква и снова уснула. Керрик не мог спать. Широко открытыми глазами он смотрел на медленно двигавшиеся звезды. Скоро встанет утренняя звезда, предвещая рассвет. К ночи все будет кончено. Сам он может и не дожить до вечера. Он понимал это. Риск был невероятно велик, а победа не сулила столь блестящих перспектив, которые наобещал он Армун. На миг Керрик пожалел, что оставил заснеженные берега, уютное становище парамутанов. Он отбросил эти мысли прочь, припоминая, словно со стороны, словно это было не с ним, ту тьму, в которой он жил так долго. Слишком многие уживались в нем: и тану, и иилане', саммадар и боевой предводитель. Он сжег Алпеасак, потом попытался удержать его, но оставил в руках иилане'. А потом бежал от всего. Теперь он понимал, что, возможно, бежал от самого себя. Все умещалось в его голове. И теперь он поступал правильно. Единственно правильно. Саммады нужно спасти. И лишь он в целом свете способен на это. Все его усилия должны были привести его сюда, в этот город. Он сделает то, что должен сделать. Звезды поднялись над горизонтом, и он стал будить спутников.

Армун молча побрела к берегу. Ей столько нужно было сказать Керрику, что проще было не говорить ничего. Остановившись по колено в воде и обернувшись, она прижала к себе коробочку, глядя, как исчезает во тьме силуэт лодки. Луна села, и в свете звезд она уже не видела Керрика. Только черное пятно, исчезавшее во мраке... Она отвернулась и снова побрела к берегу...

— Мертвые мы, мертвые, — стуча зубами, бормотал Калалекв. — Сейчас нас сожрут огромные мургу.

— Бояться нечего. Ночью они спят, — успокаивал его Керрик. — Теперь высаживай меня на берег — скоро рассвет. Ты помнишь, что должен сделать?

— Помню, ты говорил.

— Я повторяю еще раз, чтобы не вышло ошибки. Ты уверен, что яд, предназначенный для уларуаква, может убить одно из этих существ?

— Считай их мертвыми. Они не больше уларуаква. Один мой удар — и смерть им.

— Сделай же это быстро, сразу, как только я выберусь на берег. Убей их, но только двух, не более. Запомни, это очень важно. Пусть умрут двое.

— Они умрут. Иди... Иди же!

Керрик еще не добрался до сухого песка, а лодка уже быстро отплыла от берега. Над горизонтом в светлеющем небе горела утренняя звезда. Время пришло. Сняв меховую одежду и кожаные поножи, он остался в кожаной набедренной повязке. Копье осталось в лодке, он был безоружен. Керрик тронул металлический нож на груди — тупой, всего лишь украшение.

Подняв голову и расправив плечи, слегка растопырив локти с высокомерием, подобающим высшей, в полном одиночестве он двинулся вперед, в город Икхалменетс, город иилане'.

Глава 43

Ninlemeistaa halmutu eisteseklem.

Выше эйстаа только небо.

Апофегма иилане'

Громкие крики разбудили Ланефенуу, мгновенно повергнув ее в ярость. Прозрачный диск в крыше ее опочивальни едва посветлел, рассвет только начинался. Кто же осмелился издавать подобные звуки на амбесиде? Это был возглас, призывающий к вниманию, громкий и надменный. В один миг она вскочила на ноги и, оставляя когтями глубокие борозды в полу, потопала к выходу.

Посреди амбесида стояла какая-то странная иилане', уродливая и непонятного цвета. Заметив Ланефенуу, она выкрикнула (немного неразборчиво из-за отсутствия хвоста):

— Ланефенуу, эйстаа Икхалменетса! Иди сюда, чтобы я могла говорить с тобою!

Явное оскорбление — Ланефенуу зарычала от ярости. Первые лучи солнца упали на землю, и она застыла, изогнув от удивления хвост. Говорят только иилане', но это...

— Устузоу! Откуда ты?

— Я Керрик. В великой силе и гневе.

Онемев и не веря своим глазам, Ланефенуу шагнула вперед.

Это был устузоу с отвратительно бледной шкурой, посередине его тело охватывали меха, на лице и голове тоже была шерсть. Металлическое кольцо блестело на шее. Керрик-устузоу, таким и описывала его Вейнте′.

— Я пришел с предупреждением, — с оскорбительной надменностью объявил устузоу.

Гребешок на голове Ланефенуу мгновенно вспыхнул гневом.

— Предупреждать? Меня? Устузоу, ты ищешь смерти?

С угрозой в каждом движении она шагнула вперед, но замерла, когда он ответил жестом уверенности-разрушения.

— Я несу смерть и боль, эйстаа. Смерть уже явилась сюда, и она не уйдет, если ты не выслушаешь меня. Смерть двойная. Дважды смерть.

У входа в амбесид что-то шевельнулось, Керрик и Ланефенуу разом обернулись: появилась какая-то иилане′, ее рот был широко открыт.

— Смерть, — объявила пришедшая с теми же знаками силы и крайней спешки, которыми воспользовался Керрик.

Онемев от неожиданности, Ланефенуу села на хвост, пока иилане′, жестикулируя, делилась новостью:

— Послана Муруске... срочное известие. Урукето, которым она командует, — смерть. Он погиб этой ночью. И еще один урукето. Он мертв. Двое мертвых.

Стон вырвался из уст Ланефенуу. Она сама командовала урукето, и всю жизнь посвятила этим гигантам, и столько жила среди них... Город ее гордился числом и умением урукето. И теперь двое погибли. Страдая, она повернулась к огромному изображению урукето, к своей собственной персоне, видневшейся на плавнике. Две смерти. Так говорит устузоу. Она медленно обернулась к ужасной твари.

— Двое мертвых, — подтвердил Керрик со знаком, изображавшим крайнюю жестокость. — Поговорим теперь, эйстаа...

Жестом он отпустил вестницу, и та послушно заторопилась к выходу. Но и это присвоение ее полномочий, допущенное на ее глазах, не могло вывести Ланефенуу из состояния глубокой скорби, в которую повергла ее весть о невосполнимой утрате.

— Кто ты? — спросила она. Скорбь мешала точности речи. — Что тебе нужно?

— Я Керрик-высочайший, я — эйстаа всех тану, которых иилане′ зовут устузоу. Я принес тебе смерть. А теперь могу дать жизнь. Это я приказал убить урукето. Повинующиеся мне исполнили приказ.

— Почему?

— Почему? Ты осмеливаешься спрашивать, почему? Ты, которая послала Вейнте′ убивать тех, кем я правлю, гнать их и убивать, убивать без конца. Я объясню тебе, почему погибли урукето. Одного убили, чтобы показать тебе мое могущество, показать, что я могу делать все, что захочу, и сразить любого, кто помешает мне. А другого убили, чтобы ты не подумала, что смерть урукето — случайность. Две смерти сразу — это не несчастный случай. Я мог бы убить их всех. И я сделаю это, чтобы ты поняла, кто я, узнала мою силу и сделала то, что я потребую от тебя.

Голос его потонул в гневном реве Ланефенуу. Выставив когти и оскалив зубы, она шагнула вперед. Но Керрик не шевельнулся, отвечая с надменностью и высокомерием:

— Убей меня — ты будешь жива. Убей. И тогда все твои урукето погибнут. Этого ли ты хочешь, эйстаа? Смерти всех урукето, смерти города? Если хочешь этого — убивай поскорее, прежде чем успеешь подумать и изменить решение.

Привыкшая повелевать, Ланефенуу содрогалась всем телом: ей, распоряжающейся жизнью и смертью иилане′, приказывает устузоу! Чтобы устузоу смел обращаться с ней подобным образом! Она теряла власть над собой.

Керрик не смел сделать даже шага назад или изменить надменной позы. Миг слабости — и она разорвет его в клочья. Может быть, он переусердствовал, но выбора у него не было. Он мельком глянул на горный склон над городом.

— Вот что еще я хочу сказать тебе, эйстаа, — проговорил он, чтобы не позволить ей отвлечься, не дать возможности страстям одолеть в ней разум. — Великий город Икхалменетс, жемчужина среди городов иилане′, окруженный морем Икхалменетс. Ты есть Икхалменетс, и Икхалменетс — это ты. Твоя забота и награда одновременно. Ты правишь здесь.

Он вновь взглянул на склон. Над ним показалось облачко... или это дым? Да. Дым. Вырывая когтями клочья земли, Ланефенуу подступала все ближе и ближе. Он громко выкрикнул, чтобы она расслышала его сквозь гнев:

— Ты есть Икхалменетс, но сейчас Икхалменетс погибнет! Погляди вверх на склон. Видишь? Это не облако. Знаешь, что такое дым? Дым бывает от огня, а огонь сжигает, разрушает и жжет. Огонь погубил Алпеасак и все живое в нем. Тебе это известно. Теперь я принес огонь в Икхалменетс.

Ланефенуу оглянулась и, заметив дым, застонала, словно от боли. Высокий столб дыма клубился над склоном. Керрик снова

потребовал внимания. Одним глазом она следила за дымом, другим уставилась на Керрика.

— Я пришел в твой окруженным морем Икхалменетс не один. Пока я восходил на амбесид, мои воины сразили урукето. И теперь они окружают вас повсюду, ведь устузоу — повелители огня. И он уже наготове, все лишь ждут моего сигнала. Если я дам его — гореть будет Икхалменетс, если погибну или получу рану — гореть будет Икхалменетс. Выбирай — и быстро, ведь огонь жаден.

Яростный вопль Ланефенуу захлебнулся мукой. Она покорилась и, бессильно свесив руки, села на хвост. Главное — город, главное — урукето. Зачем ей жизнь этого животного, если умрет Икхалменетс!

— Чего ты хочешь? — спросила она, не униженно, но в слабости признавая свое поражение.

— Я хочу для моих тану того же, чего ты хочешь для своих иилане′. Возможности спокойно существовать. Ты выгнала нас из Алпеасака. Ты со своими иилане′ и фарги останешься в нем, ведь это город иилане′. Никто не станет вредить вам. Я вижу снег над головой, что с каждым годом опускается все ниже. Прежде чем снег придет и сюда, Икхалменетс должен уйти в Алпеасак и спокойно жить под теплым солнцем. Пусть Икхалменетс живет там. Но пусть живут и мои устузоу. Даже теперь Вейнте′, повинуясь твоему приказу, гонит их и убивает. Останови ее, прикажи вернуться, прикажи прекратить побоище. Сделай это, чтобы жил Икхалменетс. Мы не хотим чужого. Пусть твой город будет твоим городом. Нам нужны только наши жизни. Останови Вейнте′. Сделаешь это — и Икхалменетс, и все твои иилане′ будут жить в завтрашнем завтра, как во вчерашнем вчера.

Ланефенуу, не шевелясь, погрузилась в долгие раздумья, пытаясь найти выход из лабиринта противоречивых мыслей. Наконец она пошевелилась, сила вернулась к ней, и властным голосом она проговорила:

— Пусть будет так. Вейнте′ остановится. Причины громить мир устузоу у нее нет. Я позову ее. И ты уйдешь отсюда. Будешь жить в своем месте, а мы у себя. Я не хочу более ни говорить с тобой, ни видеть тебя. Я бы хотела, чтоб яйцо, из которого ты вышел, лопнуло под ногой и ты никогда не появился бы на свет.

Керрик ответил жестом согласия.

— Но ты должна сделать еще кое-что, если хочешь остановить Вейнте′. Ты знаешь ее, знаю ее и я. Она может не подчиниться твоему приказу. Разве не так?

— Может, — сурово ответила Ланефенуу.

— Значит, ты должна отправиться к ней. Найти ее и приказать возвращаться. Тогда она остановится, ведь ее иилане′ — твои иилане′, ее фарги — твои фарги.

В глазах Ланефенуу сверкала ненависть, но она держала себя в руках.

— Хорошо.

Керрик взялся за нож, свисавший с кольца вокруг шеи. И, сняв его, протянул Ланефенуу. Она не шевельнула рукой — и он бросил нож в пыль у ее ног.

— Отвезешь это Вейнте′. Она поймет, что это значит. Она будет знать, что я сделал и почему. Она узнает, что я не оставил тебе возможности выбирать.

— Мне нет дела до того, что чувствует и знает Вейнте′.

— Конечно, эйстаа, — неторопливо отвечал Керрик, сопровождая слова знаками холодного гнева. — Просто я хочу, чтобы она знала, что это я, Керрик, заставил ее пойти назад. Я хочу, чтобы она поняла все, до малейшей подробности.

С этими словами Керрик повернулся и зашагал с амбесида прочь мимо оцепеневших от ужаса фарги. В страхе они расступались перед ним — все видели разговор издалека. В чем было дело, они не знали, только понимали: случилось что-то ужасное. Два урукето были мертвы, а устузоу-иилане′ шествовал по городу, и смерть окружала его.

Пройдя через Икхалменетс, Керрик обернулся к столпившимся на берегу иилане′ и фарги.

— Именем вашей эйстаа, приказываю вам уйти отсюда. Она повелевает всем явиться на амбесид. Немедленно.

Не способные на ложь существа, повинуясь приказу, заторопились на амбесид.

Оставшись один, Керрик прыгнул на песок и поспешил прочь от города.

Глава 44

— Ты посылала за мной, — произнесла Энге, — и приказала мне поспешить.

— Все мои приказы неотложны, хотя твои ленивые Дочери не в состоянии уразуметь это. Если я не подчеркну, что следует торопиться, подвернувшаяся вестница тут же примется обсуждать, приличествует ли ей повиноваться мне подобно фарги.

— Но это правда, ибо Угуненапса...

— Молчать! — рявкнула Амбаласи; гребень ее опадал и вздымался от ярости.

Сетессеи, помощница ее, в панике убежала, даже Энге склонилась перед бурей гнева, охватившей пожилую ученую. Сделав жесты извинения и покорности, она застыла в ожидании.

— Маленькая поправка. По крайней мере я могу рассчитывать на некоторое внимание, на каплю любезности с твоей стороны. Ну, взгляни на это великолепное зрелище.

Амбаласи указала на сорогетсо, лежавшую в тени. Зрелище могло доставить удовольствие только Амбаласи — бедняжка Ичикчи, свернувшись в клубок и зажмурив глаза, ожидала немедленной смерти.

— Гнев мой, глупое создание, предназначен не для тебя, а для вот этих, — пояснила Амбаласи и, с видимым усилием овладев собою, заговорила на манер сорогетсо: — Внимание, маленькая. Дружба и помощь. — Она погладила зеленый гребень Ичикчи, и та наконец открыла глаза. — Очень хорошо. Видишь, вот Энге, она пришла, чтобы порадоваться тому, как хорошо ты поправляешься, чтобы побыть с тобою. Спокойно, болью не сопровождается.

Амбаласи осторожно сняла нефмакел, покрывавший культю. Сорогетсо поежилась, но не произнесла ни звука.

— Гляди, — приказала Амбаласи, — и чтобы я слышала восхищение!

Энге согнулась над сморщенной кожей обрубка, полоски кожи прикрывали открытую кость. В центре ее желтел какой-то нарост. Вид его ничего не говорил ей. Энге не осмелилась признаться в этом, чтобы не навлечь на себя скорый гнев Амбаласи.

— Хорошо заживает, — помолчав, сказала Энге. — Ты, Амбаласи, — владычица науки врачевания. Ампутация не только исцелила ногу, но и побудила к росту. Это самое... в центре и есть предмет восхищения?

— Несомненно, но, зная твое невежество, я не могу ожидать, чтобы ты оценила увиденное во всем значении. Перед тобой у зеленой сорогетсо, которая на голову ниже нас, вырастает желтая ступня, покрытая пятнами. Проникает ли хоть какая-то доля этой информации в субмикроскопический мозг, спящий под непроходимой лобной костью твоей головы?

Энге терпеливо снесла оскорбление, по опыту зная, что с Амбаласи лучше не связываться.

— Значение-непонятно, невежество-признано.

— Требуется внимание. Прежние теории отвергнуты. Забудь про тектонику плит и дрейф континентов. Слишком давно они

разделились. Я усомнилась в своей правоте, когда оказалось, что сорогетсо способны понимать нас. Хотя бы ограничиваясь основными и примитивнейшими познаниями. Речь не может идти о нескольких тенах миллионов лет, здесь даже одного миллиона много. Мы можем обнаружить внешние различия, но генетические отсутствуют. Иначе эта нога не смогла бы расти. Тайна сгущается. Кто же они, сорогетсо, и как попали сюда?

Энге не пыталась отвечать, понимая, что старая ученая рассеянным взором смотрит не на нее, а в глубь познания, которую она не в силах даже представить.

— Это тревожит меня. Я думаю о тех экспериментах, которые не следовало бы проводить. Мне доводилось и прежде обнаруживать результаты неудач, ошибок в работе... чаще в морях, чем на суше... уродливые твари, которые лучше бы не рождались. Пойми, не все ученые такие, как я. В мире кривых умов не меньше, чем кривых тел.

Энге ужаснулась.

— Неужели такое возможно?

— Почему же нет? — Амбаласи устала сдерживать свой норов и заботливо покрыла нефмакелом ногу Ичикчи. Отвернувшись от сорогетсо, она гневно фыркнула: — Всюду есть неумехи. Даже у меня самой иногда не складывался эксперимент. Поглядела бы ты на результаты — ужас. Запомни: все, что видишь вокруг, — удачи. Ошибки скроет усвоительная яма. Мы легко обнаружили Амбаласокеи, но у нас могли быть предшественницы. Знания не передаются, теряются. Мы, иилане′, безразличные ко времени. Мы считаем, что завтрашнее завтра всегда неотличимо от вчерашнего вчера, а потому не запечатлеваем события, и все записи — всего лишь дань самоуважению. Что-то сделала, что-то открыла — и ну раздувать крошечное эго! А о неудачах никогда не известно.

— Значит, ты считаешь, что сорогетсо появились в результате неудачного эксперимента?

— Может, и удачного... или же такого, которому лучше и не быть. Одно дело возиться с генными цепочками устузоу и прочих низших животных, но неслыханно, чтобы иилане′ манипулировали с генами иилане′.

— Даже чтобы улучшить их, избавить от болезни?

— Молчать! Говоришь много, знаешь мало. Болезни излечиваются с помощью других измененных организмов. Мы же, иилане′, остаемся такими, какими были от яйца времен. На этом разговор закончен.

— Я продолжу, — с решимостью возразила Энге. — Послед-

нее заявление отрицается предыдущим. Ты помогла нам перебраться сюда, потому что пожелала изучить связь нашей философии с физиологией тел. Разве это не эксперимент над природой иилане'?

Амбаласи открыла рот и дернула конечностями, чтобы заговорить, но застыла, не проронив ни звука. Потом закрыла рот и долгое время не двигалась, оцепенев в задумчивости. Заговорила она уже со знаками уважения:

— Струнный нож твоего ума, Энге, не перестает удивлять меня. Конечно же, ты права, и мне следует поглубже поразмыслить над этим. Быть может, мое отвращение к экспериментам над иилане' является не искренним, но просто заученным и автоматическим. Пойдем теперь поедим, все необходимо продумать гораздо глубже, чем мне сейчас по силам.

Амбаласи огляделась ищущим взором, но помощницы не было. Она выразила недовольство отсутствием Сетессеи.

— Она должна подать мясо. Ведь ей прекрасно известно, что я привыкла есть в это время дня.

— Рада услужить великой Амбаласи. Я принесу.

— Я сама пойду за ним. От ожидания голод не уменьшится.

Они шли через растущий город, мимо увлеченно беседующих иилане'. Энге выразила удовлетворенность.

— Как никогда прежде вольны мы теперь углубляться в слова Угуненапсы, не опасаясь преследований.

— Будет от меня большая беда всем этим безмозглым. Город требует, чтобы в нем побольше работали и поменьше говорили. Разве твои Дочери Бестолковости не осознают, что раз в городе нет фарги, то им самим следует пачкать свои благородные руки иилане' работой фарги?

— В наших руках дело Угуненапсы.

— Угуненапса не положит еду в ваши рты.

— Уже положила, — не без гордости ответила Энге. — Она даровала нам тебя, потому что влияние ее идей на наш организм привлекло внимание твоей мудрости. Она привела нас сюда. И вот результат.

Кухню Амбаласи не посещала с тех пор, как в последний раз наблюдала за энзимным процессом. После того как в реке обнаружились гигантские угри, с едой никаких проблем не было. И от Дочерей давно не поступало никаких жалоб на тяжелый труд на кухне. Теперь Амбаласи увидела почему.

Одна из Дочерей — это была Омал — отдыхала в тени, а трое сорогетсо хлопотали возле чанов с энзимами.

— Они обучаются быстро, — сказала Энге, — и благодарны нам за еду.

— Не уверена, что мне это нравится, — ответила Амбаласи, беря кусок угря на свежем листе, поданный сорогетсо.

Опустив глаза, та поторопилась обслужить Энге.

— Отсутствие понимания, — со скорбным вздохом приняла рыбу Энге.

— Нарушение полученного приказа, — возразила Амбаласи, откусывая огромный кусок. — Прерывание научных наблюдений. Твои Дочери ничего не умеют правильно делать. — Покончив с рыбой, она гневно отбросила лист и указала на реку. — Этих псевдофарги следует вернуть в естественную среду. Отошли их. А работать заставь своих лентяек Дочерей. Или ты уже забыла, что они живут не так, как мы, а вместе с самцами? Не изолированными, как положено, в ханане. Я должна понять, как они живут, и все записать. Я должна изучить их жизнь до малейших подробностей и тоже записать. Такая возможность не повторится. Я хочу знать, как они ведут себя в естественных условиях, а не как режут угрей, насыщая лентяек! Подобно устузоу, они используют неживые предметы. Мы пользуемся живыми... Ты ведь видела дерево, которым они пользуются как мостом. Но вмешательство в естественный ход событий должно прекратиться — и немедленно. Отошли сорогетсо.

— Это будет трудно выполнить...

— Напротив, нет ничего проще. Вели своим Дочерям Безделья собраться, и я отдам приказ. Я поговорю со всеми. Сделаю нужные распоряжения.

Энге поколебалась, думая о том, что последует, и сделала знак согласия. Настало время противоборства. Она это знала слишком хорошо: интересы Амбаласи и Дочерей различались как день и ночь. Да, они всей жизнью своей обязаны ученой, но теперь это стало не столь существенным. Они здесь. Дело сделано. Отношения напряжены. Стычка неизбежна.

— Внимание, — обратилась она к ближайшей иилане'. — Предельная важность, все собираются на амбесид. Неотложное дело, скорейшее время.

Обе шли туда молча. В городе не было эйстаа, в том, как будет организовано управление, не было достигнуто даже приблизительного согласия, но амбесид заботливо растили — ведь это центр любого города иилане'. Повинуясь приказу, со всех сторон торопливо сходились Дочери, должно быть, не совсем забывшие способность подчиняться. Страх объединял их. Иилане' рассту-

пились, давая дорогу Энге и Амбаласи. Вместе они поднялись на невысокий, недавно насыпанный пригорок, на котором расположится эйстаа, если все-таки в городе появится таковая. Обратившись к собравшимся, Энге потребовала молчания и, собравшись с мыслями, заговорила:

— Сестры мои! Амбаласи, которая вызывает в нас восхищение и преклонение, та, что дала нам новую жизнь и свободу, которую мы уважаем более чем кого бы то ни было, желает обратиться к вам с важными и серьезными словами.

Встав на самой вершине холма, Амбаласи оглядела притихших иилане′ и заговорила спокойно и бесстрастно:

— Все вы — существа разумные и понимающие, этого я не могу отрицать. Все вы изучили и поняли идеи Угуненапсы и с умом приложили их к своей жизни, чтобы обрести ответственность за нее. Но этим вы разорвали нить, что связывает фарги с иилане′, а иилане′ с эйстаа. Вы принесли в этот мир новый образ жизни, новое общество. Вы рады случившемуся, иначе не может быть. Поэтому часть своего времени вы должны отдавать изучению влияния трудов Угуненапсы на ваши жизни.

Дочери забормотали, делая знаки одобрения, внимание их было полностью отдано Амбаласи. Заметив это, с суровостью и гневом в движениях тела она продолжала повелительным тоном:

— Часть времени — и только! Вы отказались от эйстаа и приказов ее, благодаря которым процветают города иилане′. И теперь, чтобы выжить, чтобы не потерять жизни, которые вы сохранили перед лицом гнева эйстаа, вы должны организовать новое общество, следуя учению Угуненапсы. Но тратить на это можно только часть времени, я уже сказала это. Большую часть дня вы должны трудиться ради жизни и процветания этого города. Никто из вас не умеет растить его, я объясню вам, что нужно делать, и вы будете исполнять мои приказы. И никаких споров — я требую немедленного повиновения.

Послышались жалобы и вздохи, и Энге, шагнув вперед, ответила за всех:

— Это невозможно. Ведь тогда ты станешь нашей эйстаа, а мы отвергли ее власть.

— Ты права. Я стану ждущей-эйстаа. Ждущей тех времен, когда вы сумеете найти более приемлемый для вас способ управления городом. И когда вы сделаете это, я освобожу этот пост, который возлагаю на себя без желания, лишь понимая свою ответственность за город и ваши жизни. Я не предлагаю, а требую. Если вы отвергнете мое предложение, я отвергну вас. Без моего

умения город умрет — вы не умеете даже готовить себе еду, — без моих врачебных способностей все вы погибнете от какой-нибудь новой отравы. Я уплыву на урукето, а вы останетесь ждать верную смерть. Но смерть вы отвергли во имя жизни. Примете мое слово — и будете живы. Итак, у вас не остается другой возможности, как принять мое благородное предложение.

С этими словами Амбаласи отвернулась от них и потянулась за водяным плодом — горло ее пересохло от долгих речей. Наступившее молчание наконец нарушила Фар<. Потребовав внимания, она поднялась на горку.

— Амбаласи говорит правду, — проговорила она с великой искренностью, подобно фарги округлив влажные глаза. — Но в ее правде есть другая правда. Никто не сомневается, что именно всепобеждающие идеи Угуненапсы привели нас в эти края, где ждали нас бесхитростные сорогетсо. Их и следует обучить всем трудам, дабы освободить все наше время для изучения истин...

— Отрицаю! — рявкнула Амбаласи, обрывая слова грубейшими звуками и движениями. — Это невозможно. Сорогетсо должны возвратиться к своей прежней жизни, навсегда оставить наш город. Вы можете принять или отвергнуть мое благородное предложение. Или жить — или умереть.

Фар< встала перед старой ученой, юность перед старостью, невозмутимость перед яростью.

— Тогда нам придется отвергнуть тебя, суровая Амбаласи, и принять смерть, если иначе жить невозможно. Мы уйдем вместе с сорогетсо и будем жить такой же простой жизнью. У них есть еда, они поделятся ею с нами. И пусть некоторые умрут, но дело Угуненапсы будет жить вечно.

— Невозможно. Сорогетсо должны жить, как жили.

— Но как ты воспрепятствуешь нам, добрая подруга? Ты убьешь нас?

— Убью, — без тени колебания ответила Амбаласи. — У меня есть хесотсан, и я каждую убью, кто посмеет вмешиваться в жизнь сорогетсо. Вы и так успели натворить достаточно много вреда.

— Фар<, сестра моя, и Амбаласи, водительница наша, — произнесла Энге, встав между спорившими. — Настоятельно требую, чтобы ни одна из вас не говорила такого, о чем потом придется жалеть, не давала обещаний, которые невозможно будет выполнить. Слушайте. Выход есть. Если есть истина в учении Угуненапсы, она проявится в его применении, ибо практика есть критерий истины. Мы верим, что смерти не будет — ни для нас, ни для всех остальных. Поэтому следует поступить, как советует

мудрая Амбаласи, и смиренно повиноваться приказам ждущей-эйстаа, но тем временем стараться найти решение этой сложной проблемы.

— Говори за себя, — с твердостью возразила Фар<. — Говори за тех, кто слушает тебя, если они хотят этого. Ты не можешь говорить от лица всех, кто верит в Эфенелейаа, Духа Жизни, что стоит за всей жизнью и разумом. Тем, что отличает живое от мертвого. Медитируя над эфенелейаа, мы испытываем великий экстаз и сильные чувства. Ты не можешь отнять это у нас, запятнав наши руки низменными трудами. Нас не заставить.

— Тогда вас незачем и кормить, — возразила практичная Амбаласи.

— Довольно! — громовым голосом приказала Энге, и все отступили — никто еще не слышал, чтобы она говорила с подобной твердостью. — Мы обсудим все это, но сейчас прекратим обсуждения. И будем следовать наставлениям Амбаласи, пока не найдем среди мыслей Угуненапсы указания на то, как же нам жить. — Она обернулась к Фар<, и та отшатнулась от нее. — Тебе я приказываю молчать. Ты не хочешь, чтобы эйстаа распоряжалась нашей жизнью и смертью, но сама берешь на себя роль эйстаа-от-знания, что ведет своих последовательниц к смерти. Умри лучше ты — и пусть остальные живут. Я не хочу этого, но я понимаю чувства эйстаа, которая заставляет умереть одну, чтобы жили другие. Я отвергаю это чувство, но теперь понимаю его.

Среди Дочерей послышались крики, стоны отчаяния. Закрыв огромные глаза, Фар< сотрясалась всем телом. Потом она хотела заговорить, но повиновалась Энге, призвавшей всех к молчанию именем Угуненапсы, священным для каждой. Потом Энге заговорила с печалью и смирением:

— Сестры мои, вы мне дороже жизни, я охотно умру, чтобы жили нижайшие из вас. Предадимся же служению Угуненапсы, выполняя приказы Амбаласи. Пусть все разойдутся в молчании и каждая надолго задумается над тем, что случилось. А потом все обсудим и найдем приемлемый для каждой выход.

Дочери расходились почти безмолвно, ведь предстояло еще так много думать. Когда Энге и Амбаласи остались одни, старая ученая вымолвила, превозмогая усталость:

— Сгодится на время, но только на время. Тебе, мой друг, предстоит много хлопот. Следи за Фар<, этой смутьянкой. Она ищет разногласия и зовет других за собой. Она — ересь в ваших стройных рядах.

— Я знаю и огорчаюсь. Была такая, что толковала мысли Угуненапсы на собственный лад. Поняв свои ошибки, она умерла. А с ней и многие Дочери. Пусть это не повторится.

— Повторится... Мне страшно за будущее этого города.

Глава 45

Первые весенние дожди принесли неприятные перемены в долину саску. Тоненькие лианы, свисавшие с вершин скал, окружавших долину, стали толще и длинными плетями протянулись к земле. Они не горели — их безуспешно пытались поджечь, — а ядовитые колючки не позволяли даже приблизиться к ним. И теперь на стеблях зрели ядовитые зеленые плоды.

— Созреют, упадут, что тогда? Какие еще козни мургу поджидают нас? — проговорил Херилак, наблюдая за зловещим ростом.

— Что угодно, — со вздохом проговорил Саноне, словно груз многих лет тяжело гнул его к земле. Мандукто и саммадар бродили вдвоем, теперь они часто так делали, ища ответа на неразрешимые вопросы. Саноне с ненавистью поглядел на грубые зеленые плети над головой, свисавшие уже со всех скал вокруг долины. — Из них может появиться что угодно: яд, смерть — плоды постоянно меняются. Впрочем, в них могут оказаться только семена, но и это очень плохо.

— Вчера на месте реки еще был ручеек, а сегодня он пересох.

— У нас есть родник, хватит на всех.

— Я хочу знать, что они сделали с нашей водой. Надо разведать. Я возьму двоих охотников.

— И одного из моих мандукто. Как следует завернитесь в ткань, руки и ноги закройте тоже.

— Знаю, — мрачно ответил Херилак. — Погиб еще один ребенок. Иглы летят вверх прямо из песка, и их так трудно заметить. Придется соорудить стойло для мастодонтов и не выпускать их. Они и так набрасываются на всякую зелень. Чем все это кончится?

— Все это может кончиться единственным образом, — прежде чем уйти, пустым и бесцветным голосом произнес Саноне.

Херилак повел свой небольшой отряд мимо караульных, за барьер, перегораживавший путь в долину. Под плотной тканью было жарко, но приходилось терпеть. Мургу держались на рас-

стоянии и всегда отступали, не принимая боя. Но они повсюду успели наставить иглометатели.

Охотники осторожно шли по ложу долины, вдоль сухого русла, в котором глина уже превратилась в жесткую корку. Впереди что-то шевельнулось, и Херилак выставил вперед стреляющую палку, но ничего не произошло, послышался только звук чьих-то удаляющихся шагов. Русло сделало еще несколько поворотов, и охотники добрались до перегородившей реку стены.

Перепутанная масса лиан перекрывала все ущелье, на живой изгороди пестрели цветы. Редкие капли воды стекали по листьям в крохотную лужицу у подножия живой плотины.

— Надо резать, жечь, — сказал Саротил.

Но Херилак медленно качнул головой, лицо его побагровело от бессильного гнева и отчаяния.

— Если резать — вырастет снова. А гореть не будет. Она вся в ядовитых колючках. Пойдем, я хочу посмотреть, куда девается вся вода.

Они полезли вверх, как вдруг раздался свист — и несколько шипов вонзилось в их одеяния. Херилак выпалил наугад, но это были не мургу. Мандукто показал Херилаку на куст — ветви его еще колыхались, избавившись от смертоносного груза.

— Ловушка — мы сами наступили на корни. Мургу окружили нас этими растениями.

Больше сказать было нечего. Осторожно обогнув этот куст и несколько других таких же, охотники поднялись на край ущелья, и живая плотина оказалась под ними. За ней образовалось небольшое озерцо, а река, прорвав берег, поворачивала в пустыню.

Хорошо, что остался еще родник с чистой водой.

Спустившись вниз и отойдя от стены на безопасное расстояние, охотники осторожно обобрали с одежды ядовитые шипы и скинули с тел ткань, в которой было так душно.

Саноне поджидал Херилака на обычном месте. Охотник рассказал об увиденном.

— И ни одного мургу. Они научились держаться от нас подальше.

— Плотину можно разрушить...

— Зачем? Они вырастят ее снова. Тем более что лианы с каждым днем опускаются все ниже и ниже. Надо признать, что мургу научились побеждать нас. И не в бою, а медленно и упорно выращивая свои растения. И они победят. Мы не в силах остановить их, как не можем остановить прилив.

— Но прилив каждый день сменяется отливом.

— Мургу не прилив, они не отступят. — Херилак опустился на землю, чувствуя себя усталым и старым, как мандукто. — Они победят, Саноне, они победят.

— Я никогда не слыхал от тебя подобных речей, могучий Херилак. Битва еще впереди. Ты всегда вел нас к победам.

— Теперь мы погибли.

— Мы уйдем на запад, через пустыню.

— Они последуют за нами.

Глядя на согбенные плечи рослого охотника, Саноне чувствовал его отчаяние и против собственной воли разделял его. Неужели след мастодонта привел их к смерти? Он не мог поверить в это. Во что тогда верить?

Внезапно возбужденные крики нарушили его мрачные мысли, и он обернулся, чтобы узнать, что происходит. К ним с воплями бежали охотники, указывая назад. Схватив стреляющую палку, Херилак вскочил на ноги. С гулким ревом по сухому руслу навстречу им катилась огромная волна, желтая от ила. Испуганные саску и тану едва успели вскарабкаться вверх по обрыву, как вода прогрохотала мимо.

— Плотину прорвало! — проговорил Херилак. — Все целы?

Саноне вглядывался в мутные воды, но не увидел в них тел — только крутящиеся ветки и прочий мусор.

— Да, река вернулась в прежние берега. Посмотри, вода стала ниже. Так, как и должно быть.

— Но ведь они починят плотину, вырастят заново. Это ничего не изменит.

Даже эта радость не могла развеять отчаяния Херилака. Он оставил надежду и ждал только смерти. И он не поднимал головы, не обращая внимания на крики, пока Саноне не похлопал его по плечу.

— Смотри, что делается! — закричал мандукто с надеждой в голосе. — Лианы! Погляди на лианы! Кадайр не оставил нас, мы ступаем по следам его.

Высоко над ними целая куча лиан вдруг оторвалась от утеса и скатилась на дно долины. Когда улеглась пыть, они увидели, что толстые стебли стали серыми и сломались. Восковые зеленые листья на глазах жухли и теряли глянец. Вдали рухнул еще один клубок лиан...

— Что-то случилось, а мы и не знаем, — вымолвил Херилак,

отчаяние в сердце его мгновенно сменилось надеждой. — Надо поглядеть.

Не выпуская из руки стреляющей палки, он вскарабкался на завал. Прямо перед ним на расстоянии полета стрелы вздымались утесы на другом берегу реки. Вдруг там что-то шевельнулось, и он пригнулся, выставив вперед оружие. На краю утеса появился мараг, за ним другой... третий.

В отвратительных четырехпалых руках ничего не было. Они стояли неподвижно и смотрели.

Херилак опустил оружие. На таком расстоянии попасть было невозможно; он хотел понять, что же случилось.

Они глядели на него, он на них — и молчали. Их разделяла река, но пропасть между ними была глубже целого моря. Херилак ненавидел стоявших на том берегу и знал, что в их глазах с вертикальными полосками зрачков светится такая же ненависть. Что происходит? Зачем они разрушили плотину? Зачем погубили лианы?

Рослый мараг, стоявший ближе всех, повернулся к нему спиной и задергал конечностями, к нему приблизился другой и передал какой-то предмет. Держа вещь обеими руками, первый мараг повернулся, поглядел на нее, а потом прямо на Херилака. Пасть его открылась в порыве непонятного чувства. А потом он замахнулся и перебросил предмет через ущелье. Херилак смотрел, как тот летел по невысокой дуге, потом ударился о землю и скатился по камням.

Когда он вновь взглянул на противоположный берег, мургу уже не было. Херилак подождал еще, но они так и не вернулись. Тогда охотник спустился вниз и подошел к брошенному марагом предмету. Тяжело дыша, к нему приблизился Саноне.

— Я видел... — сказал он. — Они стояли и смотрели на тебя. А потом бросили это и ушли. Что это?

Перед ними лежал какой-то пузырь, похожий на дыню, серый и гладкий. Ничего особенного. Херилак осторожно дотронулся до него ногой.

— Опасно, — предупредил его Саноне, — будь осторожен.

— Все опасно. — Нагнувшись, Херилак ткнул пузырь пальцем. — Есть только один способ узнать, что у него внутри.

Отложив стреляющую палку, Херилак достал каменный нож, попробовал острие пальцем. Испуганно охнув, Саноне отшатнулся, когда Херилак резким движением всадил нож в пузырь.

Его кожа оказалась плотной. Херилак стал ее пилить, и вдруг

она лопнула. Пузырь опал, из него потекла оранжевая жижа. Внутри что-то темнело. Херилак ковырнул кончиком ножа. Саноне стоял рядом, не отводя глаз от рук Херилака.

Перед ними лежал серебристый нож... тот самый, что Керрик носил на шее.

— Это нож Керрика, — выговорил Саноне, — он погиб. Мургу убили его, сняли нож и перебросили нам, чтобы мы убоялись.

Херилак схватил клинок и торжествующим жестом воздел его к небу.

— Ты прав — это весть... но нож говорит мне, что Керрик жив! Он одолел их! Я не знаю как, но одолел. Он не погиб на севере. Он жив и победил мургу. — Херилак широким жестом обвел долину. — Это дело его рук. Он победил их, и они сами разрушили свою плотину, погубили свои лианы. Теперь мургу уйдут — так говорит мне нож. Мы можем оставаться здесь. Долина вновь принадлежит нам.

Высоко подняв руку, Херилак торжествующе размахивал блестящим ножом и кричал в победном восторге:

— Победили! Мы победили! Мы победили!

— Вейнте′, ты проиграла, — проговорила Ланефенуу, одним глазом озирая фигуру воительницы, а другой обратив с неприязнью к грязному устузоу, кутавшемуся в свои меха на том берегу. Знаком она подозвала к себе Акотолп. — Разрушение совершено?

Ученая ответила жестом исполнения приказа.

— Вирус рассеяли. Он безвреден для других растений и животных. Но смертелен для всех недавно мутировавших клеток. Они погибнут. Вирус останется в почве, чтобы семена не могли прорасти.

Не замечая Акотолп, Вейнте′ грубо оттолкнула ее и подошла к эйстаа, жестами яростно отрицая ее последние слова.

— Мы не может отступать. Их надо убить.

Она рассвирепела настолько, что ее было трудно понять — так сотрясали тело эмоции. Наконец она посмотрела в лицо Ланефенуу, угрожая ей каждым движением.

— Битву нельзя прекращать. Ты не смеешь этого делать.

Ее выражения были настолько крепки, что Акотолп в страхе припала к земле с криком боли, а иилане′-стражницы подняли оружие, опасаясь за жизнь эйстаа. Ланефенуу жестом отогнала их и обернулась к Вейнте′, неодобрительно растопырив локти.

— Устузоу Керрик знает тебя, Вейнте′. Он сказал, что ты не покоришься мне, что ты не исполнишь приказа, если я сама не отдам его тебе. Он был прав. Ты не повинуешься мне, ты, Вейнте′, клявшаяся быть всю жизнь моей фарги.

— Ты не смеешь...

— Смею! — заревела Ланефенуу — ее терпение лопнуло. Все вокруг бежали. — Ты не намерена подчиняться приказу? Хорошо же, прими тогда мою последнюю волю! Умри, отверженная, умри!

Повернувшись, Вейнте′ заковыляла прочь. Тряся раздувшимся гребнем, Ланефенуу следовала за нею, содрогаясь всем телом.

— Что это? Ты жива? Ты, ненавидящая их более всего на света, стала такой, как они. Ты, Вейнте′, сделалась Дочерью Разрушения. Лишенной смерти и отверженной. Ты присоединилась к тем, кого прежде презирала. Я хочу, чтобы ты умерла. Внимание всех присутствующих!

Удирающие иилане′ остановились, сжимая в руках оружие. Рассудок заставил Вейнте′ успокоиться. Повернувшись лицом к Ланефенуу и спиной к остальным, она негромко заговорила, ограничиваясь минимумом информации:

— Великая Ланефенуу, эйстаа Икхалменетса, которая могущественно правит! Служившая тебе Вейнте′ просит прощения. Я всегда повинуюсь твоим указаниям.

— Ты не выполнила приказа умереть, Дочь Смерти.

— Я хотела, но не могу. Я живу, чтобы служить тебе.

— Сомневаюсь. Я прикажу, чтобы тебя убили.

— И не пробуй. — В голосе Вейнте′ послышалась холодная угроза. — Некоторые иилане′ забыли Икхалменетс, они верно служили мне и, быть может, во мне видят свою эйстаа. Не испытывай их преданности, это может оказаться опасным.

Раздуваясь от гнева, Ланефенуу глядела на коварную тварь, оценивая опасность, и на встревоженных иилане′. Она помнила про беды, грозящие ее окруженному морем Икхалменетсу. В злобных словах этой иилане′ могла быть и правда. И Ланефенуу ответила так же негромко:

— Живи. Живи пока. Мы возвращаемся в Икхалменетс, и ты отправишься со мною. Я не верю тебе и не могу оставить здесь. Война против устузоу окончена. Но я не потерплю тебя в своем городе. Ты изгнана из Алпеасака, из Гендаси и с глаз моих. Если бы я могла, то утопила бы тебя в море. И никто не узнал бы. Тебя высадят одну, совершенно одну, на берегу Энтобана, вдали от родов иилане′. Ты снова станешь фарги. Так я сделаю, это твоя судьба. Хочешь сказать что-нибудь?

Вейнте′ не посмела выразить свои чувства, иначе одной из них пришлось бы умереть. Она не хотела рисковать. И, усилием воли подчинив себе тело, она приподняла большие пальцы, выражая согласие.

— Хорошо. Оставим эти места устузоу, и я буду считать дни, ожидая радостного завтрашнего завтра, когда смогу избавиться от тебя.

Они влезли на своих скакунов, фарги уселись на уруктопов и отправились в путь. Когда пыль понемногу улеглась, ни одной иилане′ уже не было видно.

— Мне вчера приснился сон, — сказала Армун, — знаешь, такой ясный, что я даже вижу цвет листьев и облаков на небе, даже чувствую запах дыма.

Они стояли на носу иккергака, жмурясь в лучах заката. Керрик обнимал ее сзади, грея и лаская. Она обернулась, поглядев на его обветренное лицо.

— Алладжекс всегда выслушивал наши сны, — продолжала она. — А потом объяснял нам, что они означают.

— Старый дурень Фракен. Одни хлопоты с ним.

— Ты хочешь сказать, что мой сон обманет?

В голосе ее послышалась боль. Он провел пальцем по длинным волосам и успокоил ее:

— Сны могут быть вещими, это правда. Иначе в них не было бы смысла. Я думаю, что ты сама лучше этого старика умеешь толковать их. И что же тебе приснилось?

— Мы с тобой вернулись на озеро. И зажарили мясо, и кормили Арнхвита. И Даррас... только она так выросла.

— Она повзрослела. А Харла с Ортнаром ты видела?

— Ортнара — да, он сидел и ел, а больная рука бессильно висела плетью. Но мальчика не было. Или сон говорил мне, что Харл погиб?

Услышав испуг в ее голосе, Керрик быстро ответил:

— Похоже, что этот сон не обманет. Ты говорила, что запомнила цвет неба. Был день — Харл, конечно же, на охоте.

— Конечно, — улыбнувшись, согласилась она. — Но, может быть, все это приснилось мне потому, что я так надеюсь, что все будет хорошо?

— Нет! Ты видела. Просто заглянула туда. И увидела озеро, к

которому мы возвращаемся, и тех, кто ждет нас там в покое и безопасности.

— Хочу скорее туда!

— Иккергак плывет, ветер дует, весенние бури кончились. Скоро мы будем там.

— Я так рада. Не хочу, чтобы мой ребенок родился на севере.

Она говорила спокойно, ощущая счастье и облегчение, и он от души смеялся, разделяя ее мысли и чувства, и крепче прижимал к себе. Больше они не расстанутся. Никогда! Он ласково гладил ее по голове, в душе его царили мир и покой, которые он впервые ощутил тем утром в Икхалменетсе, где он подчинил эйстаа своей воле, заставил прекратить преследовать саммады. Одним махом покончил он со страхами, так долго не отпускавшими его, с демонами, которые гнездились в его голове и омрачали каждую мысль.

Они возвращались к озеру, к своему саммаду. И вновь будут вместе.

Волны тихо покачивали иккергак, скрипел каркас, ветер нес в лицо капли воды. На корме хохотали парамутаны, обступившие Калалеква возле кормила. Легкое путешествие — сплошное веселье. И они вновь заливались смехом.

Небо впереди пламенело, суля хорошую погоду, высокие облака розовели в лучах заката.

Мир и покой.

Далеко к югу, у пустынного берега, Вейнте́ стояла по колено в воде и смотрела на урукето, исчезавшего в красной полосе заката. Руки ее изогнулись в немом вопле ненависти, острые когти тщетно терзали воздух. Она осталась одна, и некому услышать ее зов, некому подойти и помочь. Одна.

Может быть, оно и к лучшему. Сила ненависти не покинула ее, а это все, что ей было нужно. Будет завтра и завтрашнее завтра, и дни лягут в будущее цепочкой камней на берегу. Хватит времени, чтобы исполнить задуманное.

Она повернулась, вышла на берег и тяжело зашагала по нехоженому песку. Впереди сплошной стеной высились непроходимые джунгли. Она медленно брела вдоль берега, оставляя на песке ровную вереницу следов, и медленно растворилась в ночной темноте.

Возвращение в Эдем

Это рассказ о мире в наши дни.

Таким был бы он, если бы шестьдесят миллионов лет назад на Землю не упал метеорит.

Тот мир населяли огромные рептилии. Они были самой распространенной формой жизни на Земле. Целых сто сорок миллионов лет они господствовали на суше, затмевали небо, кишели в морях. Тогда млекопитающие, прародители человечества, были крошечными зверьками, вроде землеройки; крупные, быстрые и более смышленые завры пожирали их.

И вдруг шестьдесят миллионов лет назад все переменилось. Метеорит диаметром целых шестьдесят миль поразил Землю и вызвал чудовищные изменения. За короткое время вымерло семьдесят пять процентов существовавших тогда видов. Век динозавров закончился; началась эра млекопитающих, которых ящеры подавляли более ста миллионов лет. Так родился мир, который мы знаем.

Это рассказ о том мире...

В наши дни...

ПРЕДИСЛОВИЕ КЕРРИКА

Жизнь нынче нелегка. Слишком многое изменилось, слишком многие погибли, и зимы длятся теперь так долго. Так было не всегда. Я еще помню ту стоянку, на которой рос, помню три семьи, долгие сытые дни, приятелей. В теплое время года мы жили на берегу озера, так и кишевшего рыбой. И первое, что я помню на этом свете, — белые вершины гор над тихой водой, знак приближения зимы. Когда снег покрывал наши шатры и жухлую траву, наступало время отправляться в горы. Я рос и мечтал стать

охотником, чтобы вместе со всеми добывать оленя и большого оленя.

Но сгинул этот простой мир с его бесхитростными радостями. Все изменилось — и не к лучшему. Иногда я просыпаюсь ночью и думаю: если бы всего этого не было. Глупо, конечно, ведь мир есть мир, и он полностью изменился. И то, что я считал целой Вселенной, оказалось лишь кусочком реального мира, а мое озеро и горы — одним из уголков огромного континента, со всех сторон окруженного морем.

Помню я и про тех тварей, которых мы зовем мургу. Я научился их ненавидеть задолго до того, как увидел первого марага. Наше тело теплое, их плоть холодна. У нас на головах растут волосы, и каждый охотник гордится своей бородой. Звери, на которых мы охотимся, тоже теплые и лохматые. Но мургу не такие. Они гладкие и холодные, шкура их покрыта чешуйками, а еще у них есть зубы и когти — чтобы рвать и терзать. Среди них есть огромные и ужасные, вселяющие страх. И ненависть. Я знаю, что живут они у теплого океана, на юге, в дальних жарких краях. Мургу не переносят холода и потому прежде не беспокоили нас.

Но все изменилось. Страшно подумать, что прошлого не вернуть. А все потому, что есть среди мургу разумные существа, разумные, как и мы сами. Эти мургу зовут себя иилане′. На несчастье свое я знаю, что весь мир тану составляет крошечную часть владений иилане′. Мы живем на севере огромного континента. А на необъятных просторах к югу от нас обитают одни лишь мургу и иилане′.

Хуже того, к востоку за океаном лежат огромные равнины континентов, где не ступала еще нога охотника. Никогда. Там повсюду иилане′, только иилане′. Весь мир принадлежит им, а нам только горсть земли.

А теперь я поведаю вам самое плохое. Иилане′ ненавидят нас, как и мы их. И все бы ничего, будь они огромными, неразумными тварями. Тогда мы жили бы спокойно в холодных краях и никогда не встречались с ними.

Но среди них есть и такие, что разумом и свирепостью не уступают охотнику. Даже не счесть, сколько на свете мургу, достаточно сказать, что они занимают все земли огромного мира.

Я знаю об этом, потому что иилане′ взяли меня в плен ребенком, вырастили и обучили. Ужас я впервые познал, когда они убили моего отца и всех, кто был с ним, но с годами забылся и ужас. И когда я научился разговаривать на языке иилане′, то стал

одним из них, забыл, что рожден среди охотников, даже привык называть свой народ «устузоу» (грязные твари). Власть и порядок у иилане′ шли вниз от вершины, и я очень гордился собой. Ведь я был близок к Вейнте′, эйстаа города — правительнице его. И я сам себе казался правителем.

Живой город Алпеасак недавно начал расти на наших берегах, в нем поселились прибывшие из-за моря иилане′, которых выгнали из родного города холода, с каждой зимой становившиеся все свирепее. И те же зимы гнали на юг моего отца со всеми другими тану. Так заложили иилане′ город на наших берегах и убивали тану, едва заметив. И тану отвечали им тем же.

Много лет ничего не знал я об этом. Я рос среди иилане′ и думал так, как думали они. И когда они пошли войной на тану, то своих кровных братьев я считал врагами. Так было до тех пор, пока не попал к ним в плен Херилак. Мудрый саммадар и вождь тану, он понимал меня куда лучше, чем я сам. Я говорил с ним, словно с врагом, а он видел во мне плоть от плоти своей. И тогда вспомнил я позабытый с детства язык, сама собой вернулась и память о прежней жизни, о матери, семье, друзьях. У иилане′ нет семьи, яйцекладущие ящерицы не знают молочного запаха младенца, нет и дружбы среди холодных самок, которые всю жизнь держат самцов под замком.

Херилак сумел разбудить во мне тану, я освободил его, и мы бежали. Поначалу я сожалел, но пути назад не было — ведь я поразил копьем Вейнте′, правительницу иилане′, и едва не убил ее. Потом я жил в саммадах — семейства тану объединяются в такие небольшие группы — и с ними бежал от тех, кого еще недавно считал своими. Теперь у меня появились другие спутники, да такие, о которых я даже никогда не думал, живя среди иилане′. У меня была Армун, она сама пришла ко мне и научила тому, чего я прежде не ведал, пробудила во мне чувства, которых я не мог испытать среди чуждой мне расы. Армун, которая дала мне сына.

Но мы жили все время под угрозой смерти. Вейнте′ со своими воительницами преследовала нас, гнала без пощады. Мы отбивались, иногда побеждали, иногда захватывали живое оружие иилане′ — палки смерти, убивающие любого зверя, каким бы огромным он ни был. С таким оружием мы могли уходить далеко на юг, убивать мургу, мясо которых можно было есть, отбиваться от хищных и злобных. И снова бежали, когда Вейнте′ и неистощимое воинство ее, пополнявшееся из-за моря, выслеживали нас и нападали.

Наконец мы, те, кто уцелел, отправились туда, куда мургу не было пути. Через снежные хребты в дальние земли. Иилане́ не живут в снегах, и мы считали себя в безопасности.

И обрели ее, но ненадолго. За горами мы встретили тану, которые не только охотятся, но и выращивают урожай в своей уютной долине, а еще умеют лепить горшки из глины, ткать одежду и делать прочие чудесные вещи. Имя им было саску, и они наши друзья, потому что поклоняются богу-мастодонту. Мы привели к ним мастодонтов и жили одним народом. Хорошо было в долине саску.

Но Вейнте́ вновь отыскала нас.

И, когда это случилось, я понял, что бежать уже некуда. Словно загнанные в угол звери, мы должны были биться с ними. Сначала меня не хотели слушать, ведь никто не знал врагов так, как я. Но потом они поняли, что иилане́ неведом огонь. А чтобы они узнали, что это такое, мы подожгли их город.

Да, так мы и сделали. Спалили их город Алпеасак, а немногие уцелевшие бежали обратно в свою заморскую страну, в свои дальние города. И хорошо, что среди уцелевших оказалась Энге, учительница моя и друг. Она не верила в кровопролитие, как другие, и возглавляла малую часть иилане́, называвших себя Дочерьми Жизни, которые верили, что жизнь священна. Если бы уцелели только они...

Но спаслась и Вейнте́. Исполненная ненависти, она пережила гибель города и бежала в море на урукето, огромной живой лодке иилане́.

Мне некогда было думать о ней — у меня были дела поважнее. Хотя все мургу в городе погибли, большая часть горевшего города сохранилась. Саску решили остаться со мной, охотники же тану вернулись в свои саммады. Я не мог пойти с ними, ибо та часть меня, которая думает, как иилане́, удерживала меня в городе. Я остался еще и из-за двух спасшихся самцов иилане́. Из-за них и из-за этого полуразрушенного города я забыл о своем долге перед Армун и сыном, что в результате едва не стоило им жизни.

Мы трудились, стараясь сделать город мургу пригодным для жизни, — и мы преуспели в этом. Но все было напрасно. Вейнте́ нашла за океаном новых союзников и вернулась, вооруженная непобедимой наукой иилане́. На сей раз она не стала нападать с оружием в руках — а попыталась уничтожить нас с помощью ядовитых животных и ядовитых растений. Как раз в это время с севера пришли обратно и саммады: стреляющие палки не вынесли

стужи и погибли, а без них у охотников не было шансов выжить. Город оказался наводненным смертоносными существами, но саммадам пришлось остаться, невзирая на опасность.

Охотники принесли мне страшную новость. От них я узнал, что, поскольку я не вернулся к Армун, она попыталась найти меня сама — и затерялась вместе с нашим сыном где-то в морозной пустыне.

Я бы покончил с собой, если бы не слабая искорка надежды. Охотник, который промышлял далеко на севере вместе с народом парамутанов, живущим в этой стылой глуши, сказал, что среди них видели женщину тану с ребенком. Может, это они? Может, они еще живы? Судьба города и поселившихся в нем тану и саску в тот момент не занимала меня. Я должен был идти на север и разыскать Армун. Ортнар — мой друг и моя правая рука — все понял и пошел со мной.

Вместо Армун мы чуть было не нашли там свою погибель. Если бы на нас случайно не наткнулись парамутаны, остались бы мы в тех снегах на веки вечные. Мы выжили, хотя Ортнар отморозил ногу и до сих пор прихрамывает. Нас спасли охотники, и, к моей великой радости, среди них я нашел Армун. Позже, весной, парамутаны помогли нам добраться до города на юге.

Но в городе уже были иилане́. Теснимые беспощадным войском Вейнте́, саммады и саску отступили на равнину. И я ничем не мог им помочь. Мой маленький саммад и двое самцов иилане́ укрылись в глухом лесу у озера, но остальные были обречены, и я не мог их спасти.

Да и наше убежище иилане́ рано или поздно наверняка бы обнаружили. Я узнал, что парамутаны, которые привезли нас сюда, собираются пересечь океан, чтобы поохотиться на том берегу, и подумал: может, там будет безопаснее? Присоединившись к охотникам, мы с Армун переплыли океан — и обнаружили, что иилане́ опередили нас. Но из смерти рождается жизнь. Нам удалось одолеть врага, и я узнал, где находится Икхалменетс — город на острове, который помогал Вейнте́ вести войну.

То, что я сделал, было или очень смело, или очень глупо. А может, и то и другое вместе. Я заставил эйстаа Икхалменетса прекратить войну и таким образом остановил Вейнте́, которая была уже близка к победе. Мне удалось сделать это, и в мире вновь воцарилось спокойствие. Мой саммад вернулся на озеро. Война окончилась.

Однако я долго еще не ведал о том, что Энге, моя учительни-

ца и друг, тоже осталась в живых. Вместе со своими подругами, Дочерьми Жизни, она нашла убежище далеко на юге. Там, вдали от тех, кто желал их погибели, они вырастили новый город. Так появился еще один мирный уголок, свободный от распрей и раздоров.

И еще об одном я не знал тогда. Вейнте', порождение ненависти и смерти, тоже осталась в живых.

Вот что было. А теперь я стою у маленького озера в лесной глуши и стараюсь представить себе, что еще случится, что придется делать в грядущие годы.

Глава 1

Uveigil as lok at mennet, homennet thorpar ey vat marta ok etin.

Река чиста, но течение всегда гонит вниз какую-то муть.

Марбакская поговорка

И был мир, и был покой.

Стояли жаркие дни — здесь не бывало иначе. Только по вечерам легкий ветерок с воды приносил прохладу. Керрик прищурился на солнце, вытер пот с лица. Здесь, на жарком юге, нетрудно было и вовсе забыть, как медленной чередой сменяют друг друга времена года на севере. Солнце как всегда опускалось за озеро, последний луч блестел на его безмятежной глади, в которой отражалось алое небо. Плеснула рыбина — и по воде разошлись цветные круги. Все было так, как всегда. Иногда набегали облака, лил дождь, но холодно не было, и ничто вокруг не менялось. Только дожди и ночная прохлада говорили о том, что наступает зима. И не было ни весенней зелени, ни осеннего листопада.

Не знали эти края и глубоких зимних снегов, о чем Керрик, впрочем, не жалел. До сих пор в сырую погоду ныли его поморожденные пальцы. Уж лучше жара, чем снег. Он вновь, прищурившись, взглянул на закат... Высокий, стройный мужчина. Длинные, до плеч, светлые волосы перехвачены кожаной лентой. За последние годы в уголках его глаз пролегли морщинки; на загорелой коже бледнели шрамы от старых ран.

Вода заходила волнами, послышалось знакомое фырканье — Керрик обернулся. Вечерами к поверхности поднимались стаи хардальтов, и Имехеи научился ловко ловить их. Пыхтя, он выбирался на берег, волоча за собой полную сеть. Раковины отсвечивали красным, сквозь ячеи свешивались щупальца. Бросив сеть перед хижиной, в которой жили оба самца иилане', Имехеи издал торжествующий возглас. Откуда ни возьмись появился Надаске', взглянул на добычу и ответил звуками удовлетворения. Мир царил в Керрик-саммаде, но — на определенном расстоянии. Ии-

лане′ жили на одном краю поляны, тану — на другом. Только Керрик и Арнхвит везде чувствовали себя как дома.

Нахмурившись при этой мысли, Керрик пригладил бороду, коснулся металлического кольца на шее. Он знал, что Армун не радовали визиты сына к иилане′. Для нее самцы по-прежнему оставались мургу — тварями, которым лучше и вовсе не жить, а тем более не бродить поблизости и водить дружбу с ее сыном. Но у нее хватало ума помалкивать. Так что по крайней мере внешне в саммаде был мир.

Из шатра, укрытого под ветвями дерева, показалась Армун. Она заметила Керрика, стоявшего у воды, и подошла поближе.

— Зачем стоишь здесь? — спросила она. — Почему не прячешься под деревьями? Ведь ты сам велел не забывать про птиц, которые днем и ночью следят за нами?

— Да, велел. Но теперь я думаю, что нам нечего бояться. Прошло уже два года с тех пор, как мы с Ортнаром и этими двумя пришли сюда. И все это время нас никто не тревожил. Ланефенуу прекратила войну, как я ей приказал. Сказала — и сделала. Мургу не умеют лгать. Они вернулись в город и более не покидали его.

— Но охотницы могут найти нас.

— Мы далеко от них и все время начеку.

— И все-таки страшно...

Он бережно обнял ее — Армун была беременна — и вдохнул сладкий запах длинных волос.

— Тебе сейчас нельзя путешествовать, — сказал он. — Потом, когда родится ребенок, мы с Харлом пойдем на север. Он вырос, настоящий охотник, Ортнар хорошо выучил его. Он уже не ребенок, это его шестнадцатое лето. Он умеет управляться с копьем. Поищем на севере. Я знаю, там есть другие озера — Ортнар говорил мне.

— Я не хочу оставаться здесь. Если ты пойдешь, то и я с тобой.

— Мы поговорим об этом, когда придет время.

— Это решено. Мне бы хотелось перебраться к другому озеру... А если мы уйдем, мургу останутся здесь?

Не ответив, Керрик повернулся и, обняв ее за плечи, направился к шатру. Роды близились, может быть, даже запаздывали. Он знал, что Армун чувствовала себя неважно, хоть и не подавала виду. Не время было говорить о судьбе самцов мургу.

Полог шатра подняли кверху — было очень жарко, — и Керрик увидел спящего Арнхвита. Ему было уже шесть лет, веселый

и беззаботный, мальчишка рос быстро. Даррас еще не спала — ведь она была гораздо старше — и молча лежала, поглядывая на взрослых. Она была очень тихой девочкой и говорила только тогда, когда к ней обращались. Если она и вспоминала погибших родителей, то никому не рассказывала об этом. Армун и Керрику она стала как родная дочь.

Вечер был тих, и из охотничьего шатра доносился приглушенный шум голосов, один из говоривших рассмеялся — Керрик улыбнулся. В этом шатре жил хромой Ортнар. Теперь он учил охотничьему искусству двоих мальчишек и уже не говорил о том, что уйдет в лес и не вернется.

Где-то далеко заухала ночная птица; одинокий крик нарушил безмолвие. Здесь было спокойно, еды хватало и для семьи, и для всего саммада. И Керрику больше ничего не было нужно. Он молча улыбался в темноте, пока шепот Армун не отвлек его.

— Скорее бы родить, я так устала ждать.

— Уже скоро. Не беспокойся. Все будет хорошо.

— Нет! Не говори так. Нельзя быть заранее уверенным в том, что все сложится хорошо. Моя мама всегда говорила: река чиста, только течение всегда гонит вниз какую-то муть.

— Отдохни.

Он отыскал в темноте ее рот и нежно погладил щель в верхней губе. Она что-то пробормотала, засыпая, но Керрик не разобрал, что она хотела сказать...

Когда Керрик проснулся, все вокруг казалось серым от утреннего тумана. Скоро летнее солнце разгонит дымку. Он осторожно вытащил руку из-под головы Армун — она глубоко вздохнула во сне. Потом он встал, зевнул и, стараясь ступать как можно тише, вышел из шатра. Арнхвит, должно быть, встал, едва рассвело, и уже возвращался с озера, набив рот сырой рыбой.

— Надаске′ и Имехеи сегодня пойдут на тот берег озера, — объявил он. — Туда, где живет-растет-кишит-рыба.

Для вящей убедительности мальчик повел бедрами. Как всегда, поговорив с самцами, он обращался к Керрику на иилане′. Отца с матерью не было почти год, и он весьма преуспел в изучении чужого языка. Прежде чем ответить, Керрик взглянул на безмолвный шатер. В присутствии Армун оба старались разговаривать на марбаке.

— Хорошая прогулка полезна для жирных самцов иилане′. Но сегодня молодой устузоу охотится со мною в лесу.

— Да, да! — Арнхвит захлопал в ладоши и перешел на марбак: — И Харл тоже?

— И Ортнар. Они отыскали дерево с гнездом бансемниллы, и им нужна помощь, чтобы выгнать оттуда зверьков. Бери копье. Ортнар собирается выйти, пока не начало припекать.

Заслышав разговор, Армун вышла из шатра.

— Надолго? — озабоченно спросила она, положив руку на круглый живот.

Керрик качнул головой.

— Это близко. До рождения ребенка я от тебя надолго не уйду. Не бойся.

Покачав головой, Армун тяжело села.

— Возвращайся скорее. Даррас будет со мной, — добавила она, когда девочка подошла к ней. — Это может случиться сегодня.

— Тогда я останусь.

— Пока признаков нет. Так быстро это не бывает.

— Значит, вечером будем есть бансемнилл, запеченных в глине на углях.

— Я бы с удовольствием.

Прежде чем отправиться на охоту, Керрик пошел к заросшему лианами укрытию, которое самцы соорудили на берегу озера. Один из них вышел навстречу гостю.

— Имехеи.

Улыбнувшись про себя, тану подумал, что имя означает «мягкий-на-ощупь» и совершенно не подходит коренастому угрюмому самцу, в приветственном жесте расставившему руки. В его круглых глазах, устремленных на Керрика, не было никаких эмоций. В знак удовольствия Имехеи открыл огромный рот с белыми остроконечными зубами.

— Поешь с нами.

— Уже поел, сожалею-благодарю. Арнхвит сказал, что сегодня вы решили посмотреть мир.

— Для маленького влажного-из-моря скромное путешествие — великое событие. У берега есть глубокие места с ключами на дне. Там водятся большие рыбины... Хотим ловить-есть. Мягкий-маленький пойдет с нами?

— В другой раз. Мы собираемся поохотиться в лесу на бансемнилл.

— Недостаток знаний. Название-животное неизвестно.

— Маленькое, мохнатое, с длинным хвостом и сумкой на животе. Вкусное.

— Удовольствие-есть, примите в долю. Взамен принесем отменной рыбы.

— Пусть сети ваши будут полны, пусть крючки опускаются глубже.

Тут появился Надаске′ и, услыхав последние слова Керрика, сделал жест благодарности. Потом самцы взвалили на плечи сложенные сети, подобрали хесотсаны, вошли в воду и побрели вдоль заросшего берега. Беспечная лень ханане осталась в прошлом. Теперь самцы знали свою силу и были уверены в себе.

Раздался громкий крик. Керрик обернулся и увидел Арнхвита, размахивавшего руками.

— Атта, мы здесь! — закричал он.

Рядом с мальчиком стоял Ортнар. Левой рукой он опирался на костыль. Тяжелая болезнь не убила его, но былая сила так и не вернулась. Зажав под мышкой костыль и волоча левую ногу, Ортнар мог передвигаться. При этом он испытывал мучительную боль, но никогда не подавал виду. Лицо охотника избороздили глубокие морщины; Ортнар никогда не улыбался. Но правая рука не ослабела, и копье в ней оставалось по-прежнему смертоносным.

Увидев Керрика, Ортнар взмахнул копьем.

— Добрая будет охота? — спросил Керрик.

— Да... и хорошая еда. Их там много. Нужно постараться добыть самого толстого. Я его видел.

— Показывай путь.

У мальчиков были луки и копья, а Керрик взял с собой хесотсан. Прохладное тело живого оружия пошевеливалось в руках. Шипы, которые оно выплевывало, были смертельны для всякого живого существа, какой бы величины оно ни было. Без этого оружия иилане′ — стреляющей палки, как называли его тану, — выжить в лесу было бы невозможно. Копьями и стрелами не сразить огромных мургу, бродивших здесь повсюду. Только яд иилане′ мог сделать это. У них осталось лишь три хесотсана, один случайно утопили. Заменить их было нечем. Когда умрут остальные — что будет? Но пока они живы, беспокоиться рано. Керрик отогнал мрачные мысли. Лучше думать об охоте и жаренном на углях мясе.

Они молча шагали по тропинке. Неподвижный воздух под пологом леса был таким горячим, что скоро они взмокли. Вдруг Ортнар, обернувшись, коснулся губ наконечником копья. Охотники насторожились. Ортнар показал на ветвистое дерево.

— Там, — шепнул он, — видите дупло.

В ветвях промелькнул темный силуэт, Арнхвит от возбуждения захихикал. Ортнар жестом приказал ему молчать.

Убивать бансемнилл оказалось делом нелегким: ловко цепляясь за ветви хвостами, зверьки быстро исчезали среди листвы. Вдогонку им летели стрелы, но не достигали цели и падали в траву. Ортнар отпускал колкие словечки по поводу мальчишечьей меткости.

Керрик не принимал участия в охоте. Стоя в сторонке, он напряженно вглядывался в лесную чащу — не таится ли где-нибудь опасность.

Наконец мальчики полезли на дерево и принялись колотить по нему луками. Из дупла выскочил зверек и тут же был сражен копьем Ортнара. Завизжав, бансемнилла свалилась в кусты, откуда ее извлекли восторженно вопящие мальчишки. Керрик обрадовался — наконец-то, а Ортнар стал ворчливо выговаривать ребятам за то, что подняли такой шум. Привязав добычу к палке, которую тут же схватили мальчишки, охотники пустились в обратный путь.

Едва они вышли из леса, Ортнар предупреждающе поднял копье. Охотники замерли. Ветер шевелил листья над головами, и вдруг Керрик услышал далекий крик.

— Армун! — воскликнул Керрик и бросился бежать к шатрам... Она вышла из шатра, сжимая в одной руке копье и другой обнимая за плечи всхлипывающую девочку.

— Что случилось?

— Эта тварь... мараг... Он явился сюда и, визжа и дергаясь, напал на нас. Я схватила копье. И он ушел...

— Какой мараг? Куда ушел?

— Твой мараг! — завопила она с исказившимся от гнева лицом. — Там, на берегу! Эти твари, с которыми ты никак не можешь расстаться! Когда-нибудь они убьют нас...

— Тихо. Самцы безобидны. Тут что-то не так. Оставайтесь здесь.

Подбежав к хижине, Керрик увидел Надаске'. Тот стоял на берегу, обхватив себя руками, и раскачивался из стороны в сторону. На губах его выступила пена, изо рта торчал кончик языка.

— Что случилось? — крикнул Керрик и, не получив ответа, потряс его за плечи. — Где Имехеи? Говори!

Открыв мигательную мембрану, Надаске' взглянул на Керрика покрасневшим глазом.

— Мертв, хуже... неизвестно-конец жизни... — пробормотал он, нерешительно и медленно дергая руками. Его гребень покраснел и судорожно дергался.

Керрик так и не понял, что случилось. Уложив впавшего в отчаяние иилане' на траву, он вернулся к своим.

— Кажется, Имехеи погиб, но он в этом не уверен.

— Они убивают друг друга, нападают на меня! — завизжала Армун. — Убей же эту тварь, прикончи ее наконец!

Керрик взял себя в руки: он понимал состояние жены. Отдав оружие Харлу, он обнял Армун.

— Ничего подобного. Он хотел тебе что-то сказать, пытался объяснить, что должен найти меня. Они были на той стороне озера, рыбачили. Там на них напали.

— Мургу? — спросил Ортнар.

— Да, мургу. — Голос Керрика был холоден, как смерть. — Такие же мургу. Иилане', самки. Охотницы.

— Значит, они обнаружили нас?

— Не знаю. — Он мягко отстранил Армун и взглянул в ее испуганные глаза. — Он пытался заговорить с тобой. Мургу поймали его друга. Может быть, даже убили. А этот убежал и не видел, что случилось потом.

— Значит, мы должны выяснить, что эти твари делают у озера и известно ли им о нас, — сказал Ортнар, в бессильной ярости потрясая копьем. — И убить их. — Он шагнул в сторону озера, оступился и едва не упал.

— Оставайся здесь и охраняй, — велел Керрик. — Оставляю саммад на тебя. Мы с Надаске' пойдем на разведку и выясним, что случилось. Нужно быть осторожными. Помните, что охотницы видели только своих и могут не знать о нашем существовании.

«Но если Имехеи жив, он расскажет им о нас», — с тревогой подумал Керрик.

— Идем немедленно.

Поколебавшись, он взял второй хесотсан. Ортнар мрачно взглянул на него.

— Стреляющие палки наши. Мы не выживем без них.

— Я принесу ее назад.

Надаске' понуро сидел на хвосте и лишь слегка пошевелился, заметив приближение Керрика.

— Я растерялся, — произнес он виновато. — Был глуп, как фарги на берегу. Потерял хесотсан. Это были их голоса, это они

говорили, схватив Имехеи. Я словно обезумел. И убежал. А нужно было остаться.

— Ты поступил правильно. Ты пришел ко мне. Вот тебе оружие. И не теряй больше.

Керрик протянул ему хесотсан, и Надаске′ поспешно схватил его. Впопыхах он сунул большой палец прямо в рот существа и сразу не почувствовал боли от острых зубов, недоумевающе глядя на выступившие капли крови.

— Теперь у меня есть оружие, — сказал он, поднимаясь на ноги. — У нас есть оружие, надо идти.

— Но я не могу плыть, как ты.

— И не надо. Вдоль берега тянется тропка. Я пришел по ней назад.

Он решительно заковылял вперед. Керрик двинулся за ним.

Они долго шли под палящим солнцем. То и дело приходилось останавливаться, чтобы Надаске′ мог охладиться в воде. А Керрик тем временем отдыхал в тени. Солнце уже спустилось к горизонту, когда Надаске′ сделал предостерегающий знак.

— Там, за этой высокой травой. Двигаться-вода-молчание-тихо.

Он шел первым по колено в болотной воде, бесшумно раздвигая густую речную траву. Керрик шел следом, стараясь ступать как можно тише. Трава редела, и они пошли медленнее... И тут у Надаске′ вырвался невольный стон.

Керрик не сразу понял, что происходит. Вдруг прямо перед ними оказалась спина сидящей иилане′ с хесотсаном в руках. Рядом лежали дорожные мешки и два хесотсана. За ней виднелась группа иилане′, группа неподвижно застывших в странных позах... И тут Керрик понял, что случилось.

На земле лежал Имехеи. На нем восседала самка, прижимая к земле его раскинутые руки. Рядом с ней так же неподвижно сидела другая. Имехеи корчился и тихо стонал. Самки же застыли, словно каменные изваяния.

В памяти Керрика возникла полузабытая картина. Вейнте′, сидя на нем, прижимает его, еще мальчишку, к земле. Боль и удовольствие — новое, странное и ужасное.

Это ощущение было новым тогда, но не теперь. В теплых объятиях Армун он нашел счастье и блаженство. Забвение.

И теперь, глядя на то, что предстало его взору, он ощутил жгучую ненависть. Керрик с шумом выскочил из воды на берег.

Надаске′ предостерегающе крикнул, увидев, как караулившая охотница вскочила и подняла хесотсан.

И повалилась, когда оружие Керрика выплюнуло смертоносный шип. Керрик переступил через тело и шагнул к неподвижной совокупляющейся группе.

Самки не шевелились, словно ничего не замечали. Имехеи задыхался под тяжестью их тел, корчился, с мукой в глазах глядя на Керрика. Попытался что-то сказать, но не смог.

Самок убил Надаске′. Дважды выстрелив, он бросился стаскивать с друга их тела. Они умерли, еще не коснувшись земли.

Тела самок обмякли, высвобождая Имехеи. Выскользнул один его орган, потом второй... Мешочек закрылся. Но у него уже не было сил пошевелиться. Керрик не знал, что делать.

А Надаске′ знал. Смерть от шипа слишком легка. И хоть они уже ничего не почувствуют, самец не мог не излить свою ненависть. Повалившись сверху на одну из них, он впился в ее горло зубами и разорвал его. Потом сделал то же самое с другой. Хлынула кровь. Шатаясь, Надаске′ бросился в озеро и стал умываться в чистой воде.

Когда он вернулся, Имехеи уже сидел, обессилевший, молчаливый. Надаске′ сел рядом и крепко прижался к другу.

Произошло что-то ужасное.

Глава 2

Efenenot okolsetankénin anatiré né efeneleiaa teseset.

Жизнь наша — между большими пальцами Эфенелейаа, Духа Жизни.
Первый принцип Угуненапсы

— Хорошая нога. Прекрасная нога. Новая нога, — медленно говорила Амбаласи. По ее ладоням пробегали разноцветные волны, складываясь в простые слова сорогетсо.

Перед ней в густой траве лежала Ичикчи. Она дрожала, широко открыв глаза в страхе перед неизвестным. Взглянув на свою ногу, она сразу отвернулась. Нелепая розовая кожа была так не похожа на ту, зеленую, что покрывала все ее тело. Это очень беспокоило Ичикчи. Чтобы ее утешить, Амбаласи легко коснулась ее лодыжки, но больная затряслась еще сильнее.

— Простые создания, — проговорила Амбаласи, жестом подзывая к себе помощницу Сетессеи. — Столь же простые, как и их речь. Дай ей чего-нибудь поесть, это всегда успокаивает. Отлично, видишь — ест и выказывает удовольствие. Идем. Следуй за мной.

В том, что посещения Амбаласи сделались привычными для сорогетсо, было больше умысла, чем случайности. С терпением истинной ученой она не торопила события. Дикие создания всегда держались застенчиво в обществе рослых иилане′, и она следила за собой, контролируя речь и движения. Энге преуспела в изучении языка сорогетсо и научила ему Амбаласи, чей словарный запас и непринужденность в общении уже превосходили Энге — ведь той приходилось столько времени уделять городу. И теперь при любых недомоганиях и ранах сорогетсо обращались за помощью к Амбаласи. Она приходила и спрашивала лишь о симптомах... ну, может быть, еще о каких-нибудь мелочах, имевших отношение к делу. Познания ее росли.

— Они же совершенно ничего не знают. Сетессеи, смотри и удивляйся. Перед тобой твои собственные предки, такие, какими они были, когда лопнуло яйцо времен. Защищаясь, они бросают ядовитых пауков, — а у нас были раки и крабы. А вот смотри, как они увязали траву. Из этих снопов можно сделать великолепные укрытия для сорогетсо — впрочем, и для насекомых тоже. Из них сооружают небольшие навесы, под которыми сорогетсо укрываются от дождя. Мы так привыкли к нашим спальням, что совсем позабыли, как жили предки.

— Предпочитаю городские удобства, не люблю спать на сырой земле.

— Конечно. Но пока забудь об удобствах, думай как ученая. Наблюдай, размышляй и учись. Водяных плодов у них нет, поэтому им приходится использовать предметы: воду из реки они носят в сушеных тыквах. В прошлый раз я была здесь одна и обнаружила нечто еще более важное...

— Усиленные извинения за отсутствие — важные работы с грибками, необходимыми для заражения растений.

— Не извиняйся — ведь я сама отдала это распоряжение. Теперь здесь...

— Назад, назад, не ходить сюда! — крикнул Еассасиви, выпрыгнув из укрытия в кустах; ладони его ярко алели.

Сетессеи остановилась и попятилась. Амбаласи тоже остановилась, но не испугалась.

— Ты Еассасиви. А я Амбаласи. Поговорим?

— Назад!

— Почему? В чем дело? Еассасиви сильный самец и не боится слабых самок.

Сделав отрицательный жест, Еассасиви с опаской взглянул на Амбаласи. На его физиономии еще читалось недоверие, но ладони заметно побледнели.

— Вот вкусная еда. — Амбаласи поманила к себе Сетессеи с контейнером. — Ешь. У Амбаласи много еды. Ты думаешь, я хочу отобрать еду у тебя?

Поколебавшись, Еассасиви принял дар и, бормоча что-то под нос, принялся жевать мясо угря, не сводя глаз с незнакомцев. Когда Амбаласи повернулась и шагнула в сторону, лицо его выразило облегчение. Она потянулась к оранжевому плоду, свисавшему с ветки дерева, возле которого стоял Еассасиви. Ему это не понравилось, но возражать он не стал.

Отойдя подальше, Амбаласи остановилась и протянула плод помощнице.

— Ты знаешь, что это такое?

Сетессеи посмотрела на него, потом разломила и откусила кусочек. Сплюнув, она зажестикулировала: такой же, как тот, который ты давала мне для исследования.

— Да. И что ты обнаружила?

— Глюкозу, сахарозу...

— Конечно же, — перебила ее Амбаласи. — Что еще может обнаружиться в плодах. Но ведь ты нашла и кое-что неожиданное?

— Простой энзим, очень близкий к коллагеназе.

— Хорошо. И какие же выводы следуют отсюда?

— Никаких. Я просто сделала анализ.

— Спишь при ясном солнце, мозг усох до размеров орешка! Неужели, кроме меня, никто в мире не умеет думать? А если я скажу тебе, что под деревом заметила яму с мясом — свежая туша аллигатора, — что ты на это скажешь?

Сетессеи охнула и остановилась.

— Но, великая Амбаласи, это же просто невероятное открытие. Энзим размягчает соединительные ткани мяса, грубая плоть становится съедобной. Так же, как у нас в чанах с энзимами. Неужели мы видим...

— Именно. Первый шаг от грубых манипуляций с предметами, начало контроля над химическими и биологическими про-

цессами. Первый шаг на пути, который приведет их к вершинам знания иилане'. Теперь ты должна понять, почему я приказала, чтобы сорогетсо не пускали в город, чтобы они пребывали в своем естественном состоянии.

— Понимание достигнуто — великое одобрение. Твои исследования невероятно расширяют знания.

— Конечно. По крайней мере ты представляешь значимость моих великих трудов. — С этими словами Амбаласи, удобно усевшись на хвост, с кряхтением выпрямилась. — Старость тела и вечная сырость портят все удовольствие от интеллектуальной жизни.

Сердито нахмурившись, она поманила к себе Сетессеи. И, бормоча под нос, принялась рыться в сумке, которую та подала. Понимая, что ищет старая ученая, Сетессеи пришла ей на помощь и достала небольшую корзиночку.

— Болеутолитель, — сказала она.

Амбаласи раздраженно выхватила корзиночку из рук помощницы — неужели потребности ее тела столь очевидны всем? — и достала из нее за хвост крошечную змейку. Потом взяла извивающееся существо за голову и его острым единственным зубом проткнула кожу над веной. Модифицированный токсин немедленно принес облегчение. Вновь усевшись на хвост, она вздохнула.

— Амбаласи не ела целый день, — произнесла Сетессеи, отправив змейку обратно в корзинку, и запустила руку в контейнер. — Вот консервированный угорь, такой же прохладный, как в чане.

Глядевшая куда-то вдаль Амбаласи опустила один глаз и посмотрела на кусок консервированного мяса. Действительно, сегодня она еще не ела.

Она медленно прожевала один кусок и потянулась за вторым.

— Как растет город? — невнятно пробормотала она с набитым ртом.

Но верная Сетессеи прекрасно понимала старую ученую.

— Необходимо удобрение для внутренних рощ водяных плодов. Все остальное растет прекрасно.

— Ну, а жительницы города тоже прекрасно растут?

Сетессеи шевельнулась, давая понять, что уловила двусмысленность, и, закрыв контейнер, выпрямилась.

— Служить Амбаласи — удовольствие-рост познаний. Видеть, как подрастает город, работать с новым видом иилане' —

радость, превосходящая все труды. Но жить среди Дочерей Жизни — труд, не приносящий никакого удовольствия.

— Точное наблюдение. Еще угря. Значит, тебя не привлекают все эти умствования и ты не испытываешь желания стать одной из Дочерей?

— Служа тебе, я радуюсь и становлюсь сильнее; я не хочу ничего, кроме этого.

— Ну, а если эйстаа прикажет тебе умереть — ты умрешь?

— Какая эйстаа? Мы жили в стольких городах. Служба тебе и есть мой город, значит, ты — моя эйстаа.

— Если так — живи, я никому не желаю смерти. Но вот эти Дочери... Иногда так и хочется... Впрочем, развиваю предыдущее утверждение. Роща нуждается в удобрении, — последовал знак неполноты действия, — а Дочери?

— Амбаласи знает все, видит сквозь камень. Дважды просили помощи, дважды отказывались.

— Третьего раза не будет. — Амбаласи сделала решительный жест, потом потянулась, и у нее в спине что-то хрустнуло. — Расхлябанность растет, работа уменьшается.

Они возвращались по лесной тропинке, зная, что сорогетсо следят за ними. Впереди на тропе промелькнула какая-то фигура, и, когда иилане' добрались до плавучего дерева, оно уже лежало поперек протоки. Это сделала Ичикчи. Когда Амбаласи в знак одобрения обратила к ней зелено-красную ладонь, она, потупившись, отвернулась.

— Благодарит, — проговорила Амбаласи, — трудом платит за лечение. Простые-то они простые, но кое в чем и не очень. Нужно внимательнее к ним приглядеться.

Она первой перебралась по плавучему дереву на другой берег.

— Угря, — приказала Амбаласи, протягивая руку. — Сетессеи, тебе не хочется узнать, почему мы перебираемся на остров по дереву вместо того, чтобы вброд перейти это мелководье?

— Такие вещи меня не интересуют.

— Меня же интересует все, потому-то я и понимаю все. Обратившись к возможностям своего могучего разума, я разрешила и эту маленькую загадку.

Амбаласи бросила в протоку кусочек мяса, и вода вокруг него словно вскипела.

— Видишь, сколько мелких хищных рыб. Живой барьер. Воистину новый континент полон чудес. Пойду на амбесид погреться на солнышке. Пришли ко мне Энге.

Сетессеи с контейнером шагала впереди, голова ее раскачивалась при ходьбе. Амбаласи заметила, что гребень помощницы уже посерел и начал лохматиться по краям. Так рано? Она еще помнила юную фарги, стремившуюся стать иилане; слушавшую, запоминавшую и наконец ставшую бесценной помощницей. Годы и годы терпеливо трудясь, она, Амбаласи, открывала секреты мира. Чтобы окончить жизнь здесь, в своем еще новом городе, среди его вздорных обитательниц? Быть может, пора отправляться в путь? Уж во всяком случае, следует записать все, что было открыто здесь. Еще не рожденные иилане науки будут благоговейно вздыхать, признавая ее великие открытия. А современницы почернеют лицом и умрут от зависти. Приятно об этом думать.

Амбаласи удобно уселась, прислонившись к теплому корню дерева, жаркое солнце грело бока. Закрыв глаза и приоткрыв рот, она всем телом впитывала тепло, успокаивавшее боль в натруженных мышцах. Поиск новых познаний — процесс приятный и долгий, но все-таки утомительный. Ее размышления прервали звуки привлечения внимания к присутствию. Амбаласи открыла один глаз.

— Это ты, Энге?

— Мне сказали, что ты хочешь меня видеть.

— Я недовольна. Твои Дочери Уклонения с каждым днем все более и более уклоняются от работы. Тебе это известно?

— Да. Это моя вина. Я просто не способна найти решение этой задачи. Я стараюсь, но, к моему отчаянию, не могу изыскать необходимого в принципах Угуненапсы. Я знаю, что выход где-то здесь, прямо перед моими глазами, но не могу его увидеть.

— Путаешь теорию с действительностью. Последняя существует, а вот первая... неизвестно.

— Но не для нас, великая Амбаласи, — кому как не тебе знать об этом. — В глазах Энге засветился огонек, и, усевшись на хвост, она приступила к проповеди. Амбаласи коротко вздохнула. — Истинность слов Угуненапсы не может быть оспорена. Когда эйстаа приказывает любой иилане умереть — она умирает. А мы живем.

— Это легко объяснить. Я закончила исследования. Ты остаешься жить, потому что не срабатывает гипоталамус. И только.

— Отсутствие-знаний, желание-наставлений.

— Было бы хорошо, если бы эти твои Дочери Разброда тоже попросили наставлений. Слушай и запоминай. Так же как из яйца мы переходим в океан, а из фарги становимся иилане, наш вид меняется от древней формы к современной. Форма наших

зубов свидетельствует о том, что прежде иилане питались моллюсками. Прежде чем мы создали свои города, добились изобилия пищи и безопасности, для выживания вида была необходима хибернация.

— Стыд-унижение, признание в еще большем невежестве. Мы ее ели, эту самую хибернацию?

Амбаласи сердито стукнула зубами.

— Больше внимания моим словам. Хибернация — это оцепенение тела, промежуточное состояние между сном и смертью, когда все жизненные функции существенно замедлены. Она представляет собой гормональную реакцию, вызываемую пролактином. В обычном состоянии он регулирует обмен веществ и сексуальное поведение. Но слишком большое количество пролактина перегружает гипоталамус и вызывает несбалансированное физиологическое состояние, заканчивающееся смертью.

— Выживание... и смерть?

— Да, смерть личности позволяет выжить всей группе. Некая форма гена альтруизма, невыгодная для личности, но весьма полезная для вида. Пока правит эйстаа, в обществе существует социальный порядок. Ошибающиеся умирают по приказанию. На деле они сами себя убивают. Они верят, что умрут, — вот и умирают. Ужас перед неизбежной смертью высвобождает пролактин. И личность сама себя убивает.

— Мудрая Амбаласи, неужели ты утверждаешь, что великие идеи Угуненапсы основаны лишь на способности управлять физиологической реакцией? — ужаснулась Энге.

— Вот ты сама все и сказала, — с удовлетворением отозвалась Амбаласи.

Энге долго молчала, оцепенев в глубоком раздумье. Наконец она шевельнулась, жестом выразив понимание и одобрение.

— Амбаласи, мудрость твоя бесконечна. Ты предлагаешь мне физическую истину, которая заставляет меня сомневаться, заставляет меня вновь обратиться к основам всех известных мне истин, чтобы я обрела ответ, подтверждающий их справедливость. Ответ есть, он существует и нуждается лишь в истолковании. Вся мудрость Угуненапсы отражена в ее восьми принципах...

— Пощади мою старость — не угрожай всеми сразу.

— Это не угроза, это откровение. Но один из них объемлет все остальные. Он первый и самый важный. Он и был самым большим откровением Угуненапсы, которое и породило все остальные. Она говорила, что словно прозрела. Это было нечто со-

крытое, вдруг явившееся взору. Правда, которую нельзя забывать. Она говорила так: мы живем между двумя большими пальцами великой Эфенелейаа, Духа Жизни.

— Ум немеет! Какую чушь ты несешь?

— Истину. Признавая существование Эфенелейаа, мы принимаем жизнь и отвергаем смерть. Когда мы становимся частью Эфенелейаа и Эфенелейаа входит в нас, эйстаа более не властвует над нами.

— Довольно! — взревела Амбаласи. — Хватит теорий — нужны практические действия. С каждым днем вы, Дочери, работаете все меньше, город страдает. Что вы собираетесь делать?

— Я намереваюсь еще глубже погрузиться в восемь принципов Угуненапсы, ведь ты, великая Амбаласи, сказала мне, что в них и следует искать решение наших проблем.

— Неужели? Остается надеяться, что ты его найдешь. Но советую погружаться быстрее и не слишком глубоко — потому что даже у моей прославленной кротости есть пределы. Без меня город умрет. А я так устала от ваших бесконечных разногласий. Урегулируйте их.

— Мы сделаем это. Только подари нам еще кроху твоего знаменитого терпения.

Когда Энге закончила говорить, Амбаласи закрыла глаза, поэтому жестов, означавших истинное отношение Дочерей к ее терпению, она не увидела. Энге медленно пошла прочь в поисках уединения, необходимого, чтобы разглядеть в себе непокорную истину. Но дойдя до тенистого перехода, она обнаружила у входа ту, которую меньше всего хотела видеть. Низкая и эгоистичная мысль. Ведь наклонность этой Дочери к прекословию вызвана только ее любовью к истине.

— Приветствую тебя, Фар<, и спрашиваю, о чем ты хочешь говорить в моем присутствии.

Худенькая Фар< теперь стала еще тоньше, ребра ее торчали. Ела она немного и в основном думала. Волнуясь, она стиснула большие пальцы обеих рук. Она с трудом подбирала слова, и глаза ее еще более округлились от усердия.

— Я боюсь... твои слова, мои мысли и учение Угуненапсы противоречат друг другу. Мне нужны наставления и указания.

— Ты их получишь. Что тебя волнует?

— Твой приказ. Чтобы все повиновались Амбаласи, как эйстаа. И мы исполняем его, хотя, приняв принципы Угуненапсы, отвергли власть эйстаа.

— Ты забываешь, что мы пошли на это временно — пока не вырастет город. Ведь без него мы не можем жить, и всякие прочие действия будут направлены против жизни.

— Да, но посмотри — город вырос. В нем есть все, значит, время покорности закончилось. И я сама, и многие из тех, с кем я говорила, считают, что дальше так продолжаться не может...

Подняв вверх ладони, Энге остановила ее жестом, требующим немедленного повиновения.

— Не говори об этом. Скоро, очень скоро я открою вам то, что открылось мне только сегодня. Секрет нашей будущей жизни таится в глубинах восьми принципов Угуненапсы. Мы отыщем его, если посмотрим внимательнее.

— Энге, я искала его и не нашла.

Неужели в ее ответе промелькнул знак отвержения и даже презрения? Энге решила не заметить его. Сейчас не время для спора.

— Ты будешь работать ради существования города под руководством Амбаласи... и все сестры, и я сама. Наши проблемы будут разрешены очень скоро. Очень, очень. Можешь идти.

Энге глядела вслед удалявшейся тощей спине и снова ощутила бремя своих убеждений и поняла, насколько свободна эйстаа, которая мгновенно разрешила бы проблему, приказав Фар< умереть.

А пока Фар<, живая, уходила прочь в тени деревьев.

Далеко за морем, на берегу Энтобана, тоже в тени деревьев, Вейнте′ бродила по прибрежному песку. Она часто останавливалась, и следы за спиной были такими же запутанными, как ее мысли.

Иногда, словно просыпаясь, она ясно понимала, что с ней случилось. Изгнанная, отвергнутая, покинутая на негостеприимном берегу. Оставшись одна, она долго посылала проклятия вслед урукето, скрывшемуся в морской дали, вслед предательнице Ланефенуу. Все это сделала с ней Ланефенуу, и ненависть к этой эйстаа не отпускала Вейнте′. Она докричалась до того, что охрипла, руки ее бессильно упали, морская пена забрызгала лицо.

Но это не помогло. Будь здесь дикие звери, они сожрали бы ее во время одного из приступов безумства. Но вокруг не было никого. За узкой илистой прибрежной полоской тянулись болота, зыбучие пески... гнилые места. В кронах деревьев порхали птицы, в грязи кое-где копошились какие-то твари. В самый пер-

вый день, когда от ярости пересохло в горле, она напилась воды из болота. Вода была нечиста, и Вейнте′ занемогла и сильно ослабела. Позже она обнаружила в лесу родник с чистой водой, выбегавший на морской берег, и теперь пила только из него.

Поначалу она ничего не ела. Валяясь на солнце почти без сознания, Вейнте′ не думала о еде много дней. Но, оправившись, она поняла, что это глупо. Так можно и умереть, — но ее ожидает иная смерть. Гнев и голод погнали ее к морю. В нем было много рыбы, но поймать ее было трудно — прошлые навыки давно позабылись. Но, чтобы выжить, улова хватало. Разыскивать моллюсков в прибрежном песке было легче, и скоро они стали основной частью рациона Вейнте′.

Так прошло много дней; Вейнте′ не ждала никаких перемен. Изредка, просыпаясь на рассвете, она смотрела на свои облепленные глиной ноги, на грязную кожу, с которой исчез замысловатый узор, на пустое небо и море. И удивлялась. Неужели это конец? Что же с ней случилось? Но недолгое беспокойство быстро отступало. Солнце пригревало, и оцепенение было все же лучше приступов бешенства.

Здесь была вода, а когда она ощущала голод, всегда находилась какая-нибудь еда. Ничто не тревожило ее. Темные мысли, не дававшие ей поначалу покоя, отступили.

Теперь мыслей не было вовсе. Медленно переставляя ноги, она бродила вдоль берега. И след ее был неровен и спутан. Ямки быстро заполнялись водой.

Глава 3

Bruka assi stakkiz tina faralda — den ey gestarmal faralda markiz.

Наслаждайся летом своей жизни — за ним всегда идет зима.

Пословица тану

Надаске′ зашел в озеро по грудь и принялся смывать с себя кровь. Он долго плескался и полоскал рот, выплевывая остатки чужой крови. Наконец он вышел на берег и всеми четырьмя большими пальцами указал на скрючившегося Имехеи. Это был жест отчаяния, полной безнадежности.

— Что ты хочешь сказать? — спросил Керрик, потрясенный происшедшим.

Надаске′ поежился, но не ответил. Молчал и Имехеи, но недолго. Наконец он шевельнулся, потер синяки на руках и бедрах и медленно поднялся на ноги, пустыми круглыми глазами глядя на Надаске′.

— Долго? — спросил Надаске′.

— Их же было двое, я думаю, хватит.

— Ты мог ошибиться.

— Скоро узнаем. Давай вернемся.

— Идем.

Имехеи пошатнулся, но не сумел ступить и шагу.

Надаске′ бросился к нему и крепко обнял за плечи. Имехеи сделал один неверный шаг, потом другой. Вместе они побрели вдоль озера и исчезли за деревьями. Назад не оглядывались, к Керрику не обращались, словно совсем позабыли о его существовании.

Он хотел поговорить с ними, но решил не пытаться, почувствовав, что явился свидетелем настоящей трагедии, хотя не мог понять, в чем она состояла. Вспомнились мрачные песни самцов в ханане, полные страха перед родильными пляжами.

— Довольно! — громко сказал он, разглядывая истерзанные тела.

Он хотел знать, что теперь будет с Имехеи, но с этим придется подождать. Когда-нибудь он поймет истинный смысл случившегося. Какое-то время самцы будут заняты собой. Нужно подумать об остальных. Что теперь делать? Как поступить с телами и припасами?

Иилане′ было трое. Все погибли. Когда их хватятся? Ни узнать, ни догадаться, как скоро их станут разыскивать, нельзя. Однако действовать надо быстро, не исключая возможности скорых поисков. Надо сделать так, чтобы от совершенных здесь убийств не осталось и следа. Сначала трупы. Хоронить? Глупо. Трупоеды разнюхают, выкопают тела и разбросают кости. Трупы должны исчезнуть. Остается озеро — другого не придумаешь.

Одну за другой Керрик отволок убитых иилане′ по отмели туда, где поглубже. Однако тела плавали, окрашивая воду в розовый цвет. Плохо. Недовольный, он выбрался на берег и принялся рассматривать их вещи. Еще сырые шкуры, но в основном пузыри с мясом. Он принялся вспарывать ножом прочные оболочки и забрасывать мясо подальше в воду: об остальном позаботятся

рыбы. Дело было нелегким и неприятным, но в конце концов он покончил с ним. Потом набил галькой и мелкими камнями походные мешки и, зайдя в воду поглубже, привязал их к убитым. Трупы опустились на дно. Дождь смоет впитавшуюся в землю кровь. Если здесь и пройдет кто-нибудь из посланных на розыски иилане′, — они ничего не заметят. Пусть исчезновение охотниц останется тайной.

Заметив забытый Надаске′ хесотсан, Керрик укоризненно покачал головой. Оружие так нужно им, чтобы выжить, — а он бросил его и ушел. Вернее он не мог бы выразить своего горя словами. Длинным пучком травы Керрик связал его вместе с теми, которые принесли охотницы. Хесотсаны не могут быть лишними — хоть какая-то польза от этих ужасных событий. Подхватив свой хесотсан, он медленно огляделся, проверяя, не упустил ли он чего-нибудь, а потом отправился в обратный путь.

Теперь, когда у него было время подумать, стало до боли понятно: отсюда надо уходить, уходить всем. Если уж здесь оказались охотницы иилане′, значит, его саммад расположился слишком близко к городу. Пропавших начнут искать и придут сюда. Но даже если не придут — все равно город слишком близко. Рано или поздно саммад обнаружат. Надо идти на север. Но Армун не в состоянии двигаться. Ему пришлось убить привезшего их сюда мастодонта. Это было необходимо, иначе нельзя было укрыться здесь. Как ему теперь не хватало слона. Ничего. Они возьмут лишь то, что сумеют унести. Он сделает травоис и сам потащит его. Харл вырос, окреп и сможет тянуть вторую волокушу. Ортнару придется идти самому. Он сможет, не очень быстро, но сможет.

Что-то темное шевельнулось в тени деревьев. Керрик нагнулся и бросился к ближайшему кусту. Там прятались мургу — молчаливые убийцы. Он выставил вперед хесотсан.

И только тут увидел, что это два самца. Один из них отдыхал, растянувшись на траве, другой сидел рядом.

— Внимание-присутствию, — сказал Керрик, встал и подошел поближе.

Надаске′ взглянул на Керрика одним глазом и отвернулся. Он ничего не сказал, даже не пошевелился. Закрыв глаза, рядом неподвижно лежал Имехеи.

— Что это? — спросил Керрик.

Надаске′ нехотя ответил, в его словах сквозила глубокая печаль:

— Он ушел на пляж. В его сумке яйца.

— Не понял.

— Это потому, что ты самец устузоу, а не иилане′. Вы все делаете иначе. Ты говорил мне, что у вас яйца вынашивают самки, хотя я не понимаю, каким образом это возможно. Но ты же видел, что они с ним сделали. И теперь в его сумке яйца, и он будет лежать, закрыв глаза, словно во сне, но это не сон. Он будет таким до тех пор, пока не проклюнется молодняк и не уйдет в воду.

— А можно как-то прекратить это?

— Нельзя. Если уж так случилось, остается ждать конца. Он будет таким до последнего дня.

— А он... не умрет?

— Может быть, да, может быть, нет. Одни живут. Другие умирают. Остается только ждать. Его придется доставить домой, а потом заботиться и кормить. Я все сделаю сам.

— Понесем его?

— Нет. Спустим в воду. Он должен находиться в воде, как в теплой влаге родильных пляжей. Тогда яйца созреют, и проклюнется молодняк. Если же они погибнут, то погибнет и он. Все должно идти своим чередом. Помоги мне опустить его в озеро.

Тяжелое тело забывшегося Имехеи было трудно сдвинуть с места. Вдвоем они донесли его до воды и затащили в прибрежные заросли.

С помощью Керрика иилане′ забрались поглубже, и Надаске′ поплыл. Держа Имехеи за плечи, он медленно, но уверенно продвигался вперед. Керрик вышел на берег, подобрал хесотсан и быстро зашагал обратно. Было уже поздно, и ему хотелось добраться до стоянки еще засветло.

Его ждали. Армун взглянула на тропу за его спиной — никого — и одобрительно кивнула.

— Хорошо. Наконец-то ты убил мургу. Давно пора.

— Нет, они живы. По крайней мере пока. (Как объяснить ей, что случилось, ведь он и сам толком ничего не знал.) Мы наткнулись на троих охотниц-мургу из города. Я убил одну, Надаске′ двоих. А Имехеи... ранен и без сознания. Надаске′ потащил его домой.

— Нет! — завизжала Армун. — Ненавижу их, ненавижу! Видеть их не хочу!

— Сейчас у нас дела поважней, нечего думать о них. Главное, теперь мы не можем чувствовать себя в безопасности. Раз охот-

ницы из города забредают так далеко, когда-нибудь придет новый отряд.

— Они приходили за этими двумя. Они искали своих. Убей их скорее...

Керрик начал злиться, но сдерживал себя, понимая причину ее волнения. Роды запаздывали. Армун плохо себя чувствовала и беспокоилась. Нужно понять ее и ободрить.

— Все будет хорошо. Подождем, пока родится ребенок и ты окрепнешь. А потом пойдем на север. Здесь нельзя оставаться.

— А что будет с твоими драгоценными мургу?

— Они останутся здесь. Мы уйдем одни. А теперь все, хватит. Я голоден. Смотри, у нас три новые стреляющие палки. Все будет хорошо.

Да, с ними все будет в порядке. А вот с самцами? Им придется остаться здесь. Пока Имехеи неподвижно лежит в озере, уйти они не могут. Но при первой же возможности и эта часть его саммада должна уйти отсюда. Вот так. Другого не остается.

К вечеру следующего дня появился Надаске', таща за собой Имехеи. Он совсем обессилел и двигался медленно, часто и подолгу отдыхая. Остановив устремившегося за ним Арнхвита и прихватив хесотсан Надаске', Керрик отправился помогать. Мальчик повиновался и в тревоге стал покусывать костяшки пальцев, понимая, что с его друзьями случилось что-то плохое. Он молча смотрел, как Имехеи вытащили на берег, так что голова его оказалась на песке, а нижняя часть тела осталась в воде.

Керрик думал, что Имехеи без сознания, но губы самца дрогнули, и, словно во сне, не открывая глаз, он прошептал, едва шевеля губами:

— Пища... Хочу есть... голод.

Надаске' отправился за рыбой к вырытому ими крошечному пруду, где держали улов. Оторвав кусок рыбы, он затолкнул его в рот Имехеи. Тот стал медленно и вяло жевать.

— И долго он будет таким? — поинтересовался Керрик.

— Долго. Числа дней я не знаю. Может быть, самкам известно, но я не знаю.

— А потом?

Надаске' знаками изобразил надежду, страх и неведение.

— Яйца лопаются, элининйил появляются и уходят в озеро. Имехеи умирает или остается жить. Узнаем только потом.

— Я собираюсь уйти отсюда на север, как только Армун сможет ходить. Нам опасно здесь оставаться.

Взглянув на Керрика одним глазом, Надаске' сделал жест согласия и понимания.

— Я тоже думал об этом. Убитых будут искать. Они могут появиться и здесь. Но я не могу идти с тобой.

— Понимаю. Но я вернусь за вами, как только разыщу безопасное место.

— Я тебе верю, Керрик-устузоу-иилане'. Я понимаю твои чувства. Конечно, в первую очередь ты должен позаботиться о своем эфенбуру. Уведи их в спокойное место.

— Об этом мы еще поговорим. Пройдет несколько дней, прежде чем мы сможем уйти.

На обратном пути Керрик встретил Ортнара, ковылявшего ему навстречу.

— Скоро родится ребенок. Армун велела позвать тебя. В этих делах я ничего не смыслю и помочь не могу.

— Охраняй нас, Ортнар, — это дело могучий охотник знает прекрасно. Я тоже ничего не соображаю в женских делах, но постараюсь помочь.

Он заторопился к лагерю. Трудный день. Один, быть может, умирает, другой просится на свет...

Даррас взглянула на вошедшего Керрика, но не выпустила ладони Армун и с места не сдвинулась. Та устало улыбнулась. Волосы ее были влажными, на лице выступили капельки пота.

— Не надо волноваться, мой охотник. Ребенок поздний, но сильный. Не беспокойся.

«Это я должен ее успокаивать», — подумал Керрик. Увы, ему не приходилось сталкиваться с делами подобного рода. В каждом саммаде была повивальная бабка.

— И зачем мы оставили свои саммады? — сокрушался Керрик. — Ты не осталась бы без помощи.

— Женщинам иногда приходится в одиночку справляться с этим, — ответила Армун. — Как моей матери. Саммад ее был невелик, других женщин не было. Так было, так есть. А теперь ступай, поешь и отдохни. Когда будет нужно, я пришлю за тобой Даррас.

Вконец растерявшись, Керрик пошел к костру, на котором Ортнар жарил мясо. Отхватив большой кусок, он протянул его Керрику. Тот принялся задумчиво жевать. Харл и Арнхвит уже поели, измазавшись в жире по уши. Ортнар поглядел в сгущающуюся тьму и сделал знак Харлу, который быстро забросал костер песком. Теперь нужно быть настороже.

Взошла луна. Негромко перекликались болотные птицы, устраиваясь на ночлег. На берегу виднелась темная фигура Имехеи, наполовину погруженного в воду. Керрик понимал, что самцам иилане' он ничем не может помочь.

Позади, в шатре, послышались голоса — он обернулся. Но там было темно. Вдруг потеряв аппетит, Керрик отбросил в сторону недоеденный кусок. В том, что сейчас происходит, виноват только он сам. Того и гляди умрет ребенок или, хуже... он боялся думать об этом... умрет Армун. Умрет из-за него. Если бы они вовремя вернулись к саммадам... Там нашлось бы кому помочь. Женщины знают, как помочь в таких случаях. Это его вина.

Он вскочил и в беспокойстве принялся расхаживать под деревьями, бессмысленно глядя на освещенное луной озеро. Но он не замечал тихих вод, погрузившись в горестные размышления. Зачем они здесь, а не с саммадами, в спокойной и мирной долине саску?

Глава 4

Ядовитые лианы побурели, засохли и осыпались на дно долины саску. Их побросали в реку, и вода унесла их вместе с воспоминаниями о последнем нападении мургу.

Херилак сидел у огня и крутил в руках поблескивавшее лезвие. Нож Керрика из небесного металла. Тот всегда носил его на шее — на прочном металлическом обруче, который на него надели мургу. Сидевший по другую сторону костра Саноне кивнул и улыбнулся.

— А я по невежеству своему решил, что это знак его смерти, — сказал он.

— Жизнь — его и наша, вот что он означает.

— Поначалу я не мог поверить тебе и уже примирился с мыслью, что Кадайр оставил нас, что мы уклонились с указанного пути.

— Что мне твой Кадайр, Саноне, — это Керрик спас нас. И я храню его нож, чтобы не забывать об этом...

— Мне не нравятся твои слова о Кадайре.

Взглянув через огонь на старика, Херилак решил говорить откровенно: они были вдвоем и уже научились понимать друг друга.

— Я ценю твоего Кадайра не менее, чем ты моего Ерманпадара, который покровительствует тану. Это правда. Давай оставим

разговоры о незримых силах, что властвуют над нами, и поговорим о том, что нам делать. Я имею в виду двух моих охотников.

— Не хочу слышать их имена, не произноси их — ибо их проступок велик. Священное порро Кадайра... они украли его и выпили.

— Для тебя священное, а для них — развлечение. Другие охотники завидуют им и просят, чтобы ты дал нам еще этого питья.

— Ты не можешь просить об этом!

— Могу, но я о другом. Выпившие порро охотники изгнаны из долины. Их шатер на берегу реки. Сдается мне, саммадам пора присоединиться к ним.

Саноне поглядел на угли, пошевелил их палкой и ответил:

— Я ждал, что ты это скажешь, мой друг. Не будем говорить о порро. Не вспоминай о нем. Пришло время уходить?

— Пришло. Мы вместе сражались и вместе жили. И в городе у моря, и здесь, в долине. В войне с мургу мы забывали обо всем. Но битва закончилась, мургу ушли, и охотники мои забеспокоились. Случай с порро — только знак. Для тебя долина — дом родной. А для них — ловушка. Они привыкли бродить по лесам и равнинам. Они беспокойный, кочевой народ. Но есть у меня и еще одна причина.

Заметив, что Херилак посмотрел на нож, Саноне все понял.

— Керрик. Ты рассказывал о ссоре между вами. Угли ее погасли?

Херилак медленно покачал головой.

— Не знаю. Это я и должен выяснить. Он жив — я уверен, — иначе мургу не ушли бы и нас всех уже не было бы в живых. Но жива ли Армун?.. И ее сын? Если нет — виноват в этом я. И я должен покаяться перед ним. Он больше не враг мне. И я удивляюсь, почему считал его врагом. Но во мне он может видеть злодея. С этим надо покончить. Нашей ссоры могло не быть. Я понял, что сам во всем виноват. Ненависть к мургу переполняла меня, и я срывал злость на всех, кто был рядом.

— И она до сих пор терзает тебя?

— Нет. — Херилак поднял нож. — Вот разница между нами. Невзирая на зло, которое я причинил ему и его семье, он сделал это. Остановил мургу и велел им отдать нам этот нож, чтобы мы знали: именно он прекратил войну. — Опустив нож, Херилак посмотрел в огонь. — Скажи мне, Саноне, все ли обещанное мы выполнили? Когда умерли наши стреляющие палки и мы пришли в

тот город на берегу, Керрик рассказал нам, что следует делать, и саммадары приняли его условия. Он дал нам эти палки только после того, как мы пообещали ему остаться с тобой в городе и защищать его. Сделали мы это, а?

— Дело кончено. Мы защищали город, пока не вынуждены были уйти. Когда мургу нас преследовали, тану убивали их, как подобает великим охотникам. Теперь мы все в безопасности — если верить ножу. Если ты хочешь уйти со своими охотниками, значит, пора отправляться в путь.

— А стреляющие палки?

— Они ваши. Что решили другие саммадары?

— Они ждут твоего согласия.

— И куда вы пойдете?

— На север! — Херилак раздул ноздри, словно почувствовал запах снега и далеких лесов. — Жаркие края не для нас, мы не можем остаться здесь на всю жизнь.

— Тогда иди к тану и расскажи всем о том, что мы с тобой знаем. Что Керрик избавил нас от мургу. И вам более нет нужды здесь оставаться.

Херилак вскочил на ноги и, высоко подняв нож, радостно закричал, и гулкое эхо ответило ему. Саноне согласно кивал. Долина — дом саску, их убежище и жизнь. Действительно, для охотников-северян она тесновата.

Саноне знал, что они уйдут еще до следующего заката. И что Херилак не пойдет со всеми. Могучий охотник отправится к океану, к городу мургу. Его жизнь более не принадлежит ему. Он отдаст ее Керрику, а уж тот решит — принять дар или отказаться.

Лишь перед рассветом Керрик уснул. Он долго сидел у погасшего костра и смотрел на озеро. На тихую воду и на звезды, неторопливо шествовавшие по небу, — тхармы погибших воинов совершали свой еженощный путь. Пройдя над его головой, они опускались в воды озера. А потом туда опустилась и луна, ночь стала черной... тогда-то он, наверное, и заснул.

Проснулся он в серых предутренних сумерках, вздрогнув от прикосновения к плечу. Повернувшись, он увидел Даррас.

— Что... что? — Он задыхался от страха.

— Иди.

Она повернулась и побежала к шатру. Вскочив на ноги, он бросился следом и, обогнав девочку, приподнял полог.

— Армун!

— Все хорошо, — ответил из темноты ее голос. — Все в порядке. Посмотри на свою дочь.

Откинув полог, он увидел улыбку на лице Армун.

— Я так волновалась, — сказала она. — Боялась, что у ребенка будет такая же губа, как у меня, но теперь опасаться нечего.

Он опустился рядом с нею и приподнял шкуру, прикрывавшую лицо младенца. Морщинистое красное личико, глазки закрыты... Дитя тихо попискивало.

— Она нездорова — что с ней?

— Да нет же. Новорожденные всегда такие. А теперь мы с ней будем спать, но прежде ты дашь ей имя. Все знают, что ребенку, у которого нет имени, грозит беда.

— Как же ее назвать?

— Не мне решать. Дочь твоя. Ты и должен дать ей имя. Женское имя, которое тебе дорого.

— Мне дорого только одно женское имя — Армун.

— Так нельзя. Двое не должны носить одно и то же имя. Лучше называть именем того, кто умер или был тебе дорог.

— Исель! — Это имя само слетело с языка, он не вспоминал о ней много лет. — Она умерла, а я остался жив. Вейнте' убила ее.

— Тогда это очень хорошее имя. Если она умерла, чтобы ты мог жить, — более дорогого имени быть не может. А теперь мы с Исель поспим.

Утро было теплым, свежий воздух, новый день — так и должно быть всегда. Ликующий Керрик отправился к озеру умыться и обдумать дневные дела. До отбытия нужно сделать так много. Они уйдут сразу, как только Армун оправится. Она сама решит. А теперь надо подготовиться к этому дню. Он зачерпнул пригоршню воды, плеснул в лицо и, фыркая, принялся умываться. Смахнув с ресниц капли воды, увидел, что первые лучи солнца уже позолотили песок.

На песке темнела фигура Имехеи. Надаске' сидел рядом, застыв в привычной для иилане' неподвижной позе.

И дневной свет померк. Керрик медленно и тихо подошел, взглянул на неподвижного Имехеи. Тот медленно дышал полуоткрытым ртом. На губах показался пузырек слюны и исчез. Надаске' одним глазом посмотрел на Керрика.

— Через несколько дней мы уйдем. Но сначала поохотимся, оставим вам мясо.

— Не надо, оно позеленеет и протухнет. Я буду ловить рыбу, нам хватит. Почему вы не уходите прямо сейчас?

Армун с младенцем, Имехеи в нежеланном положении — здесь усматривалось определенное сходство, которого Керрик подчеркивать не хотел.

— Пока не время. Надо закончить приготовления. Я принесу мясо.

Надаске′ молчал. Керрику нечего было сказать, ничем помочь он тоже не мог — и медленно побрел к лагерю.

Ортнар уже проснулся и следил, как Харл прилаживает наконечники к древкам стрел.

— Стрел нужно много, — говорил Ортнар. — В дороге не всегда есть время разыскивать выпущенную стрелу. Ребенок родился, можно идти.

— Когда Армун окрепнет. Нужно только подготовиться, чтобы выступить, не теряя времени. И еще надо решить, куда нам идти.

— Туже, туже затягивай ремешок, иначе наконечник слетит. Зубами. — Ортнар повернулся и показал подбородком на север. — Только туда. Я знаю тропу. Там есть местечко, где мы можем пожить, пока не умрут стреляющие палки. В снега с ними не полезешь — сдохнут. И здесь нам делать нечего. Смотри. — Острием копья Ортнар начертил на песке линию, ткнул в ее нижний конец. — Вот побережье, здесь город мургу. — Он нарисовал на песке озеро. Потом повел копьем вверх вдоль берега. — А здесь то место, о котором я тебе толкую. Мы там уже охотились. До него примерно столько же, сколько до города. Достаточно?

— Будем надеяться. Близко ли, далеко ли, мургу все равно разыщут нас, если захотят. Если они выследят нас, придется бежать на север, а они будут гнаться по пятам. А что вы там видели во время охоты?

— Реку с чистой водой, мелководную лагуну, где полно морских птиц. А за ней остров, с другой стороны опять вода, потом узкая цепь островков, а за ней море. Я думаю так: переберемся на самый большой остров и убьем всех опасных мургу. Охота и рыбалка там великолепные. К тому же остров не в океане. Так что если там объявятся живые лодки мургу, они нас не заметят. Лучшего не придумаешь.

— Прекрасный план. Отправимся туда, как только Армун почувствует себя лучше. А пока поохотимся, накоптим мяса, насушим эккотац. Чем меньше придется охотиться по пути, тем скорее доберемся до места.

Из шатра вдруг послышался громкий плач младенца. Арнхвит подбежал к Керрику, схватил его за руку и тревожно посмотрел на отца. Керрик улыбнулся, почесал в затылке.

— Не волнуйся. Младенцы всегда так пищат. Теперь у тебя есть сестра, очень крепкая девочка, если судить по голосу.

Арнхвит успокоился.

— Пойду, поговорю с друзьями.

Последнее слово он сопроводил жестами иилане′, обозначавшими то же самое. Видно было, что с ними ему куда интереснее, чем с маленькой сестрой.

— Да, иди. Надаске′ будет приятно. Но ты не сможешь поговорить с Имехеи. Он спит в воде. Так уж заведено у иилане′, и зачем им это нужно, я объяснить не могу.

— Спрошу у Надаске′, может быть, он объяснит.

«Может быть», — подумал Керрик и отвернулся. Нужно еще столько сделать.

Глава 5

Enotanke′ ninenot efendasiaskaa gaaselu.

Все мы живем в Городе Жизни.
Второй принцип Угуненапсы

Проснувшись наутро, Амбаласи не почувствовала себя отдохнувшей — словно и не ложилась. Она, конечно, понимала, что она уже далеко не фарги, вышедшая из моря. И даже не молодая иилане′, полная свежего сока жизни. Амбаласи знала, что стара, но впервые по-настоящему ощутила свои годы. Сколько живут иилане′? Она не знала. Однажды Амбаласи решила выяснить, но вынуждена была оставить это занятие. Если уж даже о важных событиях в городах не велось никаких записей, то откуда иилане′ могли знать, сколько лет прожили на свете. Десять лет Амбаласи следила за некоторыми иилане′, каждый год отмечая изменение положения созвездий в ночном небе. Но за это время одни ее подопытные покинули город, другие умерли. Наконец, она куда-то задевала все свои записи. Когда же это было? Она не помнила — потому что не записала и этого.

— Отмечать ход времени не в природе иилане′, — решила она и протянула руку к сочному водяному плоду.

И все-таки она стара. Когти пожелтели, кожа на руках покрылась морщинами и обвисла. Это факт. Завтрашнее завтра

будет таким же, как и вчерашнее вчера, но ее скоро не будет среди тех, кто увидит его.

В мире станет меньше на одну иилане′. И никого это не тронет — а ей уже не о чем будет беспокоиться.

Отогнав неприятную мысль, невесть откуда взявшуюся в солнечный день, она нажала на гулаватсан, распластавшийся на стене. Существо издало пронзительный вопль, и вскоре Амбаласи услышала торопливые шаги Сетессеи.

— Амбаласи рано поднялась для неизменных трудов. Мы сегодня опять пойдем к сорогетсо?

— Нет. Сегодня я не собираюсь работать. Сегодняшний день я посвящу созерцанию, отдыху под теплым солнцем, наслаждению размышлениями.

— О, Амбаласи, — мудрейшая из мудрых. Фарги работают собственными руками, но только несравненный ум Амбаласи позволяет ей работать мыслью. Не расписать ли твои руки изысканными знаками, дабы все видели, что грубый физический труд ниже твоего достоинства?

— Великолепнейшая из мыслей, наиподходящее из предложений.

Сетессеи пошла за краской и кистями и, обернувшись, к своему удовольствию заметила, что Амбаласи уселась на хвост в самом светлом и теплом месте и предалась блаженству. Отлично. Возвратившись, она обнаружила у дверей тощую иилане′, которую, увы, знала прекрасно.

— Я услышала громкие голоса из места, где работает-спит Амбаласи, — сказала Фар<. — Я хочу поговорить с ней.

— Запрещено-неправильно-опасно, — ответила Сетессеи, подкрепляя слова жестами решительного приказа.

— Но это очень важно.

— Гораздо важнее, чтобы сегодня Амбаласи не разговаривала ни с кем. Так она приказала. Или для тебя ее приказ ничего не значит?

Фар< открыла рот, чтобы ответить, но, припомнив Амбаласи в гневе, сделала отрицательный жест, дав понять, что изменила намерение.

— Мудрое решение, — произнесла Сетессеи. — А теперь иди в город и скажи всем, чтобы никто не смел нарушать покой Амбаласи, пока солнце не закатилось.

Солнце грело, Амбаласи блаженствовала, наслаждаясь отдыхом. Ощутив легкие прикосновения, она открыла глаза, посмотрела на узоры, которые наносила на ее руки Сетессеи, и одобрительно кивнула.

— Сетессеи, сегодня важный день. Прекращение физического труда и переход к размышлениям уже дали определенные результаты. Я должна осмотреть выращенный мной город и описать, как он растет.

— Я приказала, чтобы сегодня никто не мешал тебе ходить по городу.

— Ты великолепная помощница, Сетессеи. Ты угадываешь все мои желания.

Сетессеи смиренно потупилась, лишь гребень ее зарделся. Этот день она запомнит — никогда еще Амбаласи не говорила ей столь приятных слов. А кроме одобрения и признания, ей ничего не было нужно.

Утолив жажду и раскрасив руки, Амбаласи вступила в город Амбаласокеи, который сама вырастила на чужом берегу. Она шла по городу, и никто не смел заговорить с ней.

Город разрастался во все стороны от главного ствола. Среди ветвей и корней жили сотни живых существ. Они размножались и взаимодействовали: перегоняли воду из корней в листья, перекачивали ее в водяные плоды, поили ею симбионтов, животных и растения. Амбаласи шла по живому полу, который содержали в чистоте вечно голодные насекомые. Она осмотрела плодовую рощу, где паслось небольшое стадо элиноу. Потом вышла к пристани на берегу реки, у которой стоял урукето, невозмутимо смотревший на нее огромным глазом, окруженным роговым кольцом. Наконец она подошла к терновой стене, надежным кольцом окружавшей весь город.

По перешейку она перебралась на другой берег. Там как раз тянули сети и вскоре на берегу оказался огромный угорь. Он медленно извивался, но был уже неопасен. Сестры усыпили его токсином, созданным Амбаласи.

Проходя по городу, она увидела закрытую дверь и остановилась около нее в раздумье. Она глядела на дверь, еще ни разу не открывавшуюся, и размышляла. И все более погружалась в раздумья.

Солнце медленно ползло по небу. Наконец тень дерева упала на нее, Амбаласи ощутила холодок и очнулась. Она выбралась на солнцепек и, согревшись, отправилась дальше. Она прошла мимо рощи, где среди деревьев росли дикие цветы. Это было нововведение — в других городах иилане′ не найдешь таких живых ук-

рашений. Было в них нечто подобное раскрашиванию рук — занятию легкомысленному и совершенно несерьезному с точки зрения строгих Дочерей.

Наконец Амбаласи добралась до амбесида. И это сердце города, где жизнь должна бить ключом, оказалось совершенно пустынным. В самом теплом месте, у стены, обращенной к солнцу, где подобает сидеть эйстаа, была лишь грубая кора. Она медленно подошла поближе и привалилась спиной к теплому дереву. И стояла так, поглощенная мыслями, пока какое-то движение вдалеке не привлекло ее внимание: какая-то иилане′ пересекала амбесид.

— Внимание к словам! — завопила Амбаласи.

Иилане′ вздрогнула, замерла и повернулась.

— Твой покой запрещено нарушать...

— Это ваши бесконечные словопрения раздражают меня. Молчи и слушай. Сию минуту разыщи Энге. Скажи, пусть немедленно придет сюда. Иди.

Дочь Жизни тут же забубнила о соотношении принципов Угуненапсы и отдаваемых другими приказаниях, но, заметив угрожающие жесты Амбаласи, передумала и, закрыв рот, поспешила уйти.

Амбаласи расслабилась и вновь предалась блаженству. Наконец, ход ее мыслей нарушило какое-то движение. Амбаласи открыла глаза — перед ней, сложив руки, стояла Энге. Она ждала распоряжений.

— Ты их получишь, Энге. Пришло время решать. Я хочу встретиться кое с кем из Дочерей, которые хоть что-то соображают, и поговорить с ними о будущем городе. Я скажу тебе имена тех, кого я хотела бы увидеть.

— Трудности с приказами, великая Амбаласи. Дочери Жизни прежде всего стремятся к равенству во всем. И принимать решения хотят совместно.

— Пусть будет так, как вы хотите, но лишь после того, как я переговорю с избранными. Или это трудно устроить?

— Некоторая сложность есть, но все будет сделано по твоему слову.

— Какая сложность?

— Дочери с каждым днем все менее охотно повинуются твоим приказам как эйстаа. Они говорят, что город уже вырос...

— Меня не интересует, что они говорят. Я прекрасно знаю, на что они способны, потому-то и хочу говорить лишь с теми,

кого выбрала сама. Среди них будешь ты, моя помощница Сетессеи и Элем, капитан урукето, — она уважает науку. Еще Фар<, толкующая мысли Угуненапсы с наибольшей простотой и доходчивостью. Есть ли еще кто-нибудь из обладающих разумом, кого я пропустила?

— Да. Эфен, ближайшая ко мне. Омал и Сатсат — из всех сосланных в Алпеасак выжили только мы.

— Пусть будет так. Прикажи всем немедленно собираться.

— Я потребую их прибытия жестами неотложной необходимости, — ответила Энге, повернулась и ушла.

Раздражение Амбаласи сменилось признательностью. Есть разум у этой иилане′. Если бы она смогла отвлечься от учения Угуненапсы, стала бы известной ученой или эйстаа великого города. Огромная потеря.

Приглашенные прибывали по одной. Две последние прибежали, запыхавшись, — им пришлось идти издалека. Молча оглядев всех, Амбаласи шевельнула хвостом, требуя внимания.

— И молчания тоже, в особенности от тебя, Фар<, — ведь ты родилась спорщицей — пока я не закончу говорить. Я буду толковать о важных вещах, а потом вы выскажетесь. Затем, как сказала мне Энге, соберутся все сестры и примутся трещать одновременно, но я не буду присутствовать при сем долгом споре. Итак, слушайте молча — перебивать запрещаю. Как все великие мыслители и ораторы, от общего я буду переходить к конкретному, от наблюдений к выводам.

Вот наблюдения. Оглянитесь. Знаете ли вы, где сейчас находитесь? Конечно, знаете, ведь вы — иилане′, а каждая иилане′ знает, что в каждом городе есть амбесид. Хромосомы для его роста заложены в семя каждого города, как и хромосомы, определяющие развитие ханане. Сегодня я была возле него и видела никогда не открывавшуюся дверь. Ведь здесь нет самцов, и некого держать за нею.

Она сделала паузу, чтобы слушавшие сумели подумать, заметила, что Фар< уже открыла рот, — но Сетессеи быстро наступила ей на ногу. Амбаласи сделала жест удовлетворения, но затем неодобрительно шевельнулась, не заметив мыслей в их позах.

— Вам дан разум, но вы не пользуетесь им. Я привела вам факты и не вижу ваших выводов. Поэтому мне снова придется проделать за вас всю мыслительную работу, как я делала в прошлом и как мне еще придется делать в будущем.

Вывод прост — этот город неполноценен, так как и вы, Доче-

ри Бездарности, не образуете полноценного общества. Ах, вы неодобрительно ежитесь, выражаете непонимание? Но, по крайней мере, хотя бы слушаете. Объясняю-определяю, что есть общество. Это научный термин, о котором вы не имеете представления, как и о многом другом. Общество представляет собой совокупность организмов, принадлежащих к одному виду и связанных воедино взаимной зависимостью и разделением труда. Вот примеры.

Насекомые. Они образуют общество, состоящее из рабочих особей, солдат, царицы — эйстаа, откладывающей яйца, взаимодействующих в полной гармонии. Или возьмем рогатых устузоу — оленей. Самец отгоняет врагов, чтобы самка могла выносить детенышей. Или представьте себе эфенбуру в океане, где все элининйил совместно преследуют добычу. Примеров достаточно. А теперь вспомните город, в который вы пришли, сделавшись фарги, где выросли и стали иилане'. Все города одинаковы, все они похожи на этот. Вот амбесид, где восседает и правит эйстаа. Вот ханане, где живут самцы. Чтобы жизнь в городе не прекратилась, они по очереди уходят на пляжи. Это живой город, это жизнеспособное общество. Жизнеспособное... такое, которое будет жить и расти и никогда не умрет.

Оглядевшись, Амбаласи увидела неудовольствие в позах собравшихся.

— А что мы имеем здесь? Ваше общество мертво в своей основе. Этот город жив, пока я распоряжаюсь в нем, он умрет, когда я его покину, вместе с системой нежизнеспособных верований, ведь мысли Угуненапсы умрут вместе с вами. Наверное, звать вас Дочерьми Смерти все же вернее. Ведь вы умрете, и идеи Угуненапсы тоже умрут. И я, например, вовсе не считаю такой исход несправедливым.

Она покивала головой ошеломленной аудитории, позами выражавшей несогласие и неодобрение.

— А теперь, — произнесла она, предвкушая развлечение, — заканчиваю. Я привлекла ваше внимание к важным вопросам и желаю слышать мнение Дочерей.

Задвигались руки, послышались крики. Но протесты утихли, едва Энге выразила намерение говорить. Она начала с жестов почтения к Амбаласи.

— Смените гнев благодарностью к премудрой Амбаласи, которая все знает и видит. Или же иилане' убивают вестницу, принесшую недобрые вести? Разве этому учила нас Угуненапса? Мы благодарим Амбаласи, указавшую истину, заметившую недостатки в нашей жизни. Задачу можно решить, лишь поставив ее. Теперь мы можем обратить к решению ее весь разум Дочерей. Мы должны вновь продумать все слова Угуненапсы — решения не может быть в ином месте. Если же его нет — мы умрем, как сказала сейчас Амбаласи. — Отогнув большой палец, Энге подняла его. — У задачи две части. И пустота обеих открыта нам, потому что ответа нет. Мы стоим на пустом амбесиде — в одиночестве. У нас не будет эйстаа, но мы должны создать систему приказов, которые будут идти с амбесида. Эту проблему следует решить в первую очередь. И только потом можно будет обратить свое внимание к пустому ханане. Приведя мысли в порядок, наведем порядок и в собственной жизни, и тогда мы создадим порядок и в городе. В ужасной правоте Амбаласи трудно усомниться. Что мы видим вокруг? Город, полный идеальной гармонии и... смерти. Мы состаримся и умрем одна за другой, и здесь воцарится пустота. Подумайте об этом.

Горестные движения пробежали по телам внимавших иилане', лишь Амбаласи кивала с мрачным одобрением. Теперь Дочери Жизни были безмолвны, как смерть. Конечно же, кроме Фар<. Пронзительным от волнения голосом, беспорядочно шевеля конечностями, она начала, — не обращая внимания на то, что ее трудно понять.

— Я слышала твои слова, Энге, но ты заблуждаешься. Амбаласи — сведущая ученая, но она не последовательница Угуненапсы. В этом ее ошибка и недостаток. Но теперь она вводит в заблуждение и тебя своими речами об эйстаа и ее власти. Мы отвергли ее и потому оказались здесь. Слушая растлевающие речи Амбаласи, мы забываем об Угуненапсе. Мы забываем о третьем принципе Угуненапсы. Эфенелейаа. Дух Жизни, великая эйстаа Города Жизни царит над всеми нами. Вспомним об этом и отвергнем низменный город Амбаласи с его примитивными амбесидом и ханане. Говоря обо всем этом, она только вводит нас в заблуждение. Повернемся же спиной к ней, обратим свои лица к Угуненапсе, последуем за ней по пути ее. Уйдем же с этого амбесида и навсегда закроем его вход, пусть зарастет лианами и дверь в ханане — и то и другое нам не нужно. Если этот город нам не подходит — оставим его. Уйдем в леса и на пляжи, чтобы жить на свободе, как сорогетсо. Нам не нужна эйстаа, нам не нужны затворники самцы. Уйдем на берег, где юные эфенбуру резвятся в морских волнах. Мы будем говорить с фарги, еще влажными от воды, мы введем их в свет и направим к светлому будущему дорогой Угуненапсы.

Потрясенная, она умолкла: Амбаласи издала грубейший из известных звуков, крепче которого еще никто не слышал, руки ее сложились в немыслимом оскорблении.

— Твои слова подобны помету тысячи гигантских ненитесков, одна такая лепешка заполнила бы весь амбесид, — загромыхала Амбаласи. — Я приказывала думать, а не заявлять о своей немыслимой тупости. Оставить город? Пожалуйста — первый же хищник тебя и сожрет. Приветствовать выходящих из волн фарги? Пожалуйста — только ближайший из родильных пляжей находится на том берегу океана. — Она медленно оглядела собравшихся Дочерей, свирепо изогнув тело и царапая когтями ног пол в едва сдерживаемом гневе. — Я оставляю вас, потому что уже слышать не могу всех этих глупостей. Обсудите все, когда я уйду. Город ваш, и ваши судьбы тоже принадлежат вам. Решайте же, нужны они вам или нет. У вас будет время на это: я поплыву на урукето вверх по реке, чтобы обследовать ее. И для поправки здоровья: вы, Дочери Отчаяния, подрываете его. А теперь скажи мне, Элем, ты поведешь урукето или мне придется самой управлять им?

В тревожном молчании все взоры обратились к капитану урукето. Некоторое время она стояла, задумчиво склонив голову, а потом сказала:

— Я следую учению Угуненапсы во всем. Но я следую и науке. Сюда нас привели наука и Угуненапса, воплотившаяся в Амбаласи, что создала этот город и тем дала нам жизнь. Энге и все присутствующие здесь умудрены в словах Угуненапсы. И я последую за ними куда угодно. Но пока решение принимается, я не нужна здесь. Поэтому я повезу Амбаласи и буду охранять ее, пока вы размышляете о будущем. Я считаю, что Фар< не права, потому что Амбаласи никогда прежде не ошибалась. И я говорю — не слушайте Фар<, найдите путь, ведущий нас в будущее дорогой Угуненапсы и Амбаласи. Больше мне сказать нечего, я ухожу.

Она повернулась и ушла с амбесида. Следом заторопилась Сетессеи: к путешествию нужно было еще столько подготовить. Амбаласи удалялась величественно и неторопливо, но прежде чем уйти, она остановилась, оставив за собой последнее слово.

— Ну, Дочери Отчаяния, ваше будущее — между вашими большими пальцами. Я считаю, что всех вас ждет смерть: вы слишком глупы, чтобы жить. Если это не так — докажите. Если сумеете.

Ланефенуу, эйстаа Икхалменетса, восседала на почетном месте амбесида, над нею возвышался урукето, пенились волны, но радости не было. Совершенно. Это ее амбесид, ее город, ее остров. Все, что она видела вокруг, принадлежало ей. Прежде это было причиной радости, теперь — черных мыслей. Она поглядела на деревья за стенами амбесида — туда, где они карабкались вверх по склонам давно погасшего вулкана. А потом выше — на мерзкую белую шапку на его вершине, державшуюся там несмотря на летнюю жару. Тело ее изогнулось и задергалось от злости — и Элилеп, разрисовывавший ее руки, отодвинулся подальше, опасаясь получить затрещину. Второй самец, державший поднос с красками, деликатно поежился, глядя на гневающуюся Ланефенуу.

Заметив его движение, Ланефенуу обратила к нему один глаз, потом вновь посмотрела на снежную шапку. Симпатичный самец, нежный такой. Сейчас его?.. Нет, не стоит, — не сегодня, когда они покидают город.

Элилеп затрясся так, что кисть в его руке заходила ходуном.

— Заканчивай, — приказала Ланефенуу. — Я хочу, чтобы ты нарисовал у меня на груди океан и эту гору посреди него в мельчайших подробностях.

— Великая эйстаа, говорят, что сегодня мы покидаем город?

— Да, уже почти никого не осталось. Мы уплывем на последнем урукето.

— Но я никогда не плавал на урукето. Страшно.

Погладив его гребешок, Ланефенуу жестом приказала художнику оставить неразумные страхи.

— Это потому, что ты всего лишь бесхитростный самец, из океана попавший в ханане, где самцам и подобает пребывать. Ты ни разу не покидал остров — теперь придется. Тебе и всем нам. Мы поплывем за океан, а тебе я приказываю оставить все страхи. Мы отправляемся в далекий Алпеасак, он больше Икхалменетса и изобилует вкусными животными, и ханане в нем — просто прелесть.

Но чувствительный к чужим настроениям, как все самцы, Элилеп не успокаивался.

— Почему же эйстаа горюет и сердится, если далекий город так хорош?

— Сержусь на зимнюю белизну, изгоняющую меня из моего города. Горюю о нем. Довольно. Что сделано, то сделано. На бе-

регах далекой Гендаси нас ожидает новый город, город золотого песка. Куда более удобный, чем эта скала в океане. Пошли.

Она встала и пошла через амбесид, самцы заторопились за нею. Подняв голову, она гордо шествовала к выходу. Может быть, и к лучшему, что она навсегда оставляет этот амбесид — место, где устузоу унизил ее, где добился повиновения эйстаа. Воспоминания заставили ее сжать пальцы, но выбора тогда не было. Ведь погибли два ее урукето. Выбора не было. Лучше окончить свару. Довольно смертей. Если бы тогда она не поверила Вейнте′, ничего этого не было бы. Тело ее дергалось, выражая эмоции. Прошлое можно забыть вместе с островом и городом.

Урукето ожидал ее, как она приказала, остальные уже отправились в путь. Приказав самцам подниматься наверх, она пошла следом и невольно оглянулась. Зелень внизу — над ней белизна.

Рот ее сам собой открылся от нахлынувших чувств — она заставила себя стиснуть зубы. Довольно. Кончено. Ее город теперь зовется Алпеасак. Пусть зима приходит в Икхалменетс, теперь это не ее забота...

Она стояла наверху в одиночестве и смотрела, смотрела, пока белая шапка над Икхалменетсом не исчезла в волнах.

Глава 6

Es alithan hella, man fauka naudinzan.
Tigil hammar ensi tharp i theisi darrami thurla.

Олень идет — охотники следом.
Издалека зверя стрелой не сразить.

Пословица тану

Саноне не одобрял таких собраний тану. У саску был заведен другой порядок. Мандукто думали головой — не руками же работать тем, кто знал Кадайра, его пути в этом мире и прочие тайны. Когда дело касалось важных вещей, они и думали, и решали. А тут разброд и разговоры. Всякий может высказаться. Даже женщина!

Но на морщинистом смуглом лице Саноне не отражались эти мысли. Невозмутимая физиономия ничего не выражала. Скрестив ноги, он сидел у огня, слушал и наблюдал, но не произносил ни слова. Не время. У него была причина сидеть здесь, хотя он

саску, а не тану, и причина эта маячила в темноте, среди женщин, за рядом сидящих охотников. Почувствовав на себе его взгляд, Малаген быстро спряталась в тени. Выражение лица Саноне не изменилось... Не изменилось и позже — хотя ноздри его раздувались от негодования, — когда орда визжащих детей промчалась мимо, засыпав его песком. Отряхнувшись, он обратил лицо к Херилаку, поднявшемуся, чтобы говорить.

— Сделано многое. Вырезали новые шесты для травоисов, починили кожаную упряжь, мяса накоптили. По-моему, сделали все, что нужно было сделать. Говорите, кто знает — что еще не закончено?

Меррис вскочила на ноги, отвечая оскорбительными жестами охотникам, пытавшимся ее остановить. Ростом с любого охотника и не слабее мужчины, эта женщина со дня смерти Улфадана управлялась с хозяйством одна.

— Ты говоришь — уходить из долины саску. А я говорю — остаться.

Женщины вокруг нее молчали, охотники разразились возмущенными воплями. Она подождала, пока голоса умолкли, и вновь заговорила:

— Охотники, у вас рты не с того конца, говорите-говорите, а слышится вовсе не то. Здесь есть еда, в горах хорошая охота. Зачем уходить?

Женщины отозвались одобрительным ропотом, разгорелась жаркая перебранка. Невозмутимый Саноне прислушивался. Подождав немного, Херилак понял, что тишины ему не дождаться, и рявкнул, призывая к молчанию. Ему повиновались — ведь он командовал охотниками в битвах с мургу и они уцелели.

— Здесь не место обсуждать такие вопросы. Тану не убивают тану. И не командуют другими тану. Уйдут те охотники, кто хочет. А те, кто не желает, пусть остаются.

— Только охотники! — прогремела Меррис. — А у женщин больше нет голоса?

Сдержав гнев, Херилак подумал: неплохо бы ей угомониться.

— Пусть каждая женщина разговаривает со своим охотником, пусть все сами решают, чего хотят. Мы собрались здесь для того, чтобы выяснить, готовы ли те, кто хочет уйти из долины.

— А вот я не хочу уходить! — Меррис протолкалась к огню и огляделась. — Разве что меня отсюда выгонят. Что скажет мандукто саску Саноне?

Все с интересом уставились на Саноне. Он поднял руки к плечам ладонями наружу. И ответил на марбаке почти без акцента:

— Саску и тану вместе воевали на берегу, потом воевали здесь, в этой долине. Мы рады видеть тану здесь, но мы отпускаем всех, кто хочет уйти. Тану и саску как братья.

— И сестры, — коротко дополнила Меррис. — Я остаюсь! — С этими словами она повернулась и отошла.

Женщины сочувствовали ей, но молчали. Все они свободны, как заведено у тану, всяк живет сам по себе. Не нравится саммадар — *можешь искать новый саммад. Но с охотником — отцом* твоих детей — связывает нечто более крепкое. Охотники рвутся в лес, их не остановишь.

Разговор все шел и шел. Костры догорели, дети отправились спать. Саноне терпеливо ждал своего часа и, почувствовав, что он настал, поднялся.

— Я пришел сюда по двум причинам... Могу ли я говорить с тану?

— Не спрашивай, говори, — велел Херилак. — Боевая дружба — прочные узы.

— Тогда я требую, чтобы родившийся здесь мастодонт по имени Арнхвит, через которого с нами говорит Кадайр, остался в долине. Ясно ли это вам?

— Об этом никто и не думал спорить.

— Саску благодарят. Теперь второе. Среди вас есть не тану, но саску. Это Малаген, женщина храброго воина Симмахо.

— Убитого!.. — гневно выкрикнул Невасфар.

Саноне печально кивнул.

— Погибшего в битве с мургу. Но женщина эта, Малаген, жива, и она — саску.

— Теперь она моя женщина, и не о чем говорить! — крикнул Невасфар, шагнув вперед со сжатыми кулаками. — Она уйдет со мной.

— А я слышал, что у тану каждый говорит за себя. Что же ты решаешь за Малаген?

Саноне, прищурившись, смотрел на охотника снизу вверх. Невасфар затрясся от гнева. Взяв его за руку, Херилак успокаивающе сказал:

— Охотник уважает седины. Садись. — Подождав, пока Невасфар, бурча под нос, возвратится на место, Херилак ткнул пальцем в сторону женщины саску. — Хочешь говорить, Малаген?

Со страхом глянув в сторону саммадара, Малаген закрыла лицо руками. Херилак не хотел никаких неприятностей. Женщина, конечно, промолчит — так положено у саску. Он знал, что

Малаген решила уйти с Невасфаром. Понимал Херилак, что Саноне внимательно глядит на него, ожидая ответа. Выбирать было не из чего.

— Я не вижу ничего сложного. Разве Саноне не говорил, что тану и саску вместе бились в городе на берегу океана, а потом пришли в эту долину, где снова вступили в бой. И по великодушию своему он сказал, что тану вольны как остаться здесь, так и беспрепятственно уйти отсюда. Мы ведь братья... и сестры тоже. Так говорят и тану. Пусть Малаген уходит с нами, если желает.

Саноне ощутил недовольство, оказавшись побежденным собственными словами, но он не стал проявлять его — просто в знак согласия поднял руку, встал и отправился восвояси. Глядя в удалявшуюся спину мандукто, Херилак надеялся, что саску не сочтут случившееся поводом для раздоров и несогласия. Вместе бились, можно и спокойно расстаться. Он опять повернулся к саммадам.

— Утром уходим. Все ли согласны с выбранным путем? На севере слишком холодно, не стоит возвращаться к заснеженным перевалам. Идем на восток — тем же путем, которым пришли, до великого моря. Там осмотримся и примем решение.

— Там же широкая река. Через нее придется переправляться, — заныл Фракен.

Он был уже стар и немощен, к тому же не пользовался почти никаким уважением. Никто не обращал внимания на его прорицания над совиными шариками.

— Эту реку мы уже пересекали, алладжекс. Сделаем плоты, а мастодонты переплывут сами в нешироком месте. Это нетрудно. Кто-нибудь еще хочет говорить? Значит, решено. Утром уходим.

Как всегда перед дальней дорогой, протестующих и сердито похрюкивающих мастодонтов запрягли еще до рассвета. К восходу все уже было готово. Стоя у тропы, Херилак проводил первого слона взглядом. Путь знакомый, и не в обычае было, чтобы саммадары предводительствовали в пути. С огромным облегчением он заметил Саноне среди провожавших саску. Подойдя к мандукто, Херилак положил руку на его плечо.

— Мы еще встретимся, друг мой.

Печальный Саноне отрицательно качнул головой.

— Не думаю, мой друг. Я не молод и более не хочу покидать нашу долину. Я повиновался указаниям Кадайра, видел такое, чего прежде саску не знали. И теперь я устал. А ты? Мне кажется, что и ты более не пройдешь этим путем.

Херилак грустно кивнул.

— Теперь в этом нет нужды. Я буду искать тебя на небе среди звезд.

— Все мы идем путем Кадайра. Если Керрик жив и ты встретишь его, передай: Саноне от имени всех саску благодарит его за подаренную жизнь.

— Я передам, — ответил Херилак, отвернулся и более не смотрел на долину саску, с которыми многое связывало его народ.

Возле реки он нагнал медленно шествующие саммады, миновал их. Саммад Келлиманса был невелик — всего один мастодонт. Но, проходя мимо, Херилак заметил, что саммад вырос вдвое. Шагая широко, как воин, Меррис вела вперед своего мастодонта.

— Вижу среди тану тех, кто хотел остаться у саску, — сказал Херилак.

Меррис вышагивала, набив рот копченым мясом. Достав изо рта непрожеванный кусок и сплюнув, она заговорила:

— Разве саммадар Херилак не рад меня видеть?

— Ты тану.

— Конечно. Поэтому я и решила, что мне нечего делать в этой тесной долине — работать в полях и судачить о пустяках с женщинами саску. Тану не может жить без леса, тану вольны идти куда захотят.

Херилак был озадачен.

— Тогда зачем ты все это наговорила? Я не вижу причин... — Он недоумевал, пока не заметил хитринки во взгляде женщины. Тут его осенило. Херилак разразился хохотом и одобрительно хлопнул женщину по плечу. — Ты хитра, как женщина, и решительна, как охотник. Ты знала, что Саноне недоволен тем, что Малаген, женщина саску, оставляет долину. И ты лишила его возможности протестовать, прежде чем он решился на это. Ты вовсе не собиралась оставаться!

— Это ты сказал, отважный Херилак. Слабой женщине приходится прибегать ко всяким уловкам, чтобы уцелеть в мире могучих мужчин.

И с этими словами она угостила его не менее дружеским ударом, так что Херилак даже пошатнулся, но не перестал хохотать.

«Понял ли Саноне, что его провели?» — гадал Херилак. Он мог заподозрить это еще вчера, но теперь, узнав об уходе Меррис, конечно же, догадается... Как все-таки хорошо вновь идти. Он

тронул металлический нож Керрика, висевший теперь у него на груди, и подумал: жив ли он... Если жив — Херилак разыщет его.

Тропа шла вдоль леса к северу — к броду через реку. Там, возле воды, их дожидались Ханат и Моргил, изгнанные из долины за кражу священного порро. Заметив их приближение, Ханат замахал руками, а Моргил лежал на траве без движения. Херилак встревожился. Может быть, что-то случилось или где-то рядом мургу? Схватив стреляющую палку и копье, он сбежал к воде.

Увидев его, Ханат замахал вновь и грузно осел на землю возле приятеля.

— Что случилось? — спросил Херилак, ожидая увидеть раны и кровь, но не находя их.

— Это порро, — сиплым голосом произнес Ханат, указывая на глиняный кувшин возле входа в шатер. — Плохой порро.

— Надо было думать, прежде чем красть.

— Э-э, украденный порро был вовсе недурен. — Охотник облизал пересохшие губы. — Но вот когда мы сами приготовили его, получилась гадость. На вкус то, что надо, но на следующий день охотник такой больной...

— Значит, вы научились его делать? Как же? — заглянув в горшочек, Херилак понюхал.

— Достаточно просто. Мы следили за ними. Саску такие охотники, что даже не слышали нас. Сделать его легко. Берешь эту штуку, которую они выращивают, — тагассо, кажется... Растираешь, доливаешь воды, выставляешь на солнце, добавляешь мха — и готово.

Моргил шевельнулся и, открыв налитый кровью глаз, простонал:

— Точно, мох — он всему виной. Переложили, должно быть.

Херилак не выносил таких глупостей.

— Саммады уходят.

— Мы пойдем следом. Завтра, должно быть. Все будет в порядке.

— Если вы не будете пить этого зелья, — добавил Херилак, ногой опрокинув горшок с порро. Вонючая жидкость быстро впиталась в песок.

— Это мох, только мох, — пробормотал Моргил.

Глядя на младенца, Керрик встревожился.

— Она что, больна? Открыла глаза и смотрит... По-моему, она ничего не видит.

В ответ Армун заливисто расхохоталась.

— Ты не помнишь, что Арнхвит когда-то смотрел точно так же? С младенцами так всегда бывает. Она будет очень хорошо видеть. Просто нужно немного потерпеть.

— Ну, ты готова идти?

— Я уже не первый день говорю тебе об этом. Мне просто не терпится уйти отсюда.

Она не смотрела на укрытие мургу, но Керрик понимал ее чувства. Он понимал, что сам тянет с уходом, но теперь причин для проволочки не осталось. Все, что они взяли с собой, уместилось на двух травоисах. Малая доля поклажи одного мастодонта... но где его теперь взять? Поэтому пришлось ограничиться тем, что они с Харлом могли увезти. Армун и Даррас позаботятся о младенце, Арнхвит понесет лук и копье. И хорошо, если Ортнар сам одолеет дорогу. Настало время отправляться.

Мухи облепили заднюю часть только что освежеванной туши оленя — путешественники уже не могли взять ее с собой. Самцам понравится. Смахнув мух, Керрик взвалил мясо на плечо.

— Не оставлять же портиться. Отнесу, и пойдем.

Увидев, что отец уходит, Арнхвит окликнул его и пустился вдогонку.

— Не хочется покидать друзей, — сказал он на иилане′, когда мать уже не могла его слышать.

Керрик не просил его об этом, но понимание приходит поразному: Армун никогда не скрывала ненависти к самцам.

— Мне тоже. Но в жизни часто приходится поступать против собственного желания.

— Почему?

— Иногда просто нельзя поступить иначе. Мы должны уйти отсюда, потому что вот-вот могут нагрянуть охотницы и обнаружат нас. А Имехеи не может ходить, и Надаске′ не оставит его одного.

— Имехеи заболел? Надаске′ не говорил мне.

— Это особая болезнь. Когда она пройдет, он сможет ходить.

— Значит, тогда они разыщут нас. И мы снова будем говорить.

— Будем, — согласился Керрик, не вдаваясь в подробности.

Надаске′ сидел у самой воды рядом с неподвижным телом друга и лишь поднял голову, когда они подошли. Он немного оживился, когда Арнхвит принялся рассказывать, как они собирались в дорогу, как он теперь хорошо стреляет из лука и какие

острые наконечники у его стрел. Керрик одобрительно поглядывал на сына — совсем иилане′. Но будет ли он помнить эти слова вдали от озера и своих приятелей?

— Мокрый-из-моря — могучий воин, — отозвался Надаске′, — он уйдет, и нам так будет не хватать мяса, которое он носил-убивал.

Арнхвит горделиво выпятил грудь, не замечая сложных знаков, касающихся размера и количества добычи. Честно говоря, он сумел сразить только одну не очень крупную ящерицу. Керрик глубоко сочувствовал Надаске′, скрывавшему под непринужденными словами глубокую грусть и отчаяние.

— Все будет хорошо, — проговорил Керрик. — С тобой и с нами.

— Все будет хорошо, — повторил Надаске′, но жесты его выражали полную безнадежность.

Имехеи привычно похрапывал в озере, но одна рука его под водой бессознательно шевельнулась в прощальном жесте.

— Как только мы разыщем безопасное место, вы придете к нам... — произнес Керрик, но Надаске′ отвернулся и уже не слушал его.

Держа Арнхвита за руку, Керрик возвратился к своим.

— Поздновато, — буркнул Ортнар, подволакивая вперед больную ногу, — а путь далек.

Нагнувшись, Керрик подобрал шесты травоиса. Его примеру последовал Харл. Тану молча направились в лес. Арнхвит все время оглядывался. Но тропа повернула, и двое его друзей, оставшихся у озера, исчезли за деревьями.

Глава 7

Apsohesepaa anulonok elinepsuts kakhaato<.

В паутине жизни нитей больше, чем в море — капель воды.

Апофегма иилане′

Амбаласи сидела на стволе упавшего дерева на берегу и нежилась в теплых лучах солнца. Такая редкая радость — отдыхать, наслаждаться солнцем, природой, размышлять о могучей реке. Воды реки были коричневыми от почвы; противоположный берег

едва виднелся вдали. Течение несло травянистые островки. Небо было безоблачным, однако где-то, должно быть, недавно разразилась сильная гроза — и теперь по реке то и дело величественно проплывали сломанные деревья. Зацепившись за мель, одно из них пристало к берегу неподалеку. С ветвей на землю посыпались крохотные верещащие устузоу.

Пробегая мимо Амбаласи, один из них дернулся, заметив ее движение, — и покатился по песку после щелчка хесотсана. Бурый мех, хватательный хвост. Амбаласи когтем перевернула зверька на спину. Что-то шевельнулось у него на животе, высунулась крошечная головка. Сумчатое с детенышем. Отлично. Сетессеи приготовит образец для исследования.

Вновь усевшись на дерево, Амбаласи удовлетворенно вздохнула. Отсутствие докучливых спорщиц Дочерей во много раз усиливало радость мышления. Здесь гармонию ее трудов не нарушали настырные неумехи, она вспоминала о них только затем, чтобы ощутить блаженство от того, что их нет рядом. Капитан урукето Элем другая — она иилане′ науки. Амбаласи умела направлять ее речи. И ненавистное имя Угуненапсы ни разу не прозвучало и не проступило на ладонях за все время долгого путешествия.

Думы Амбаласи нарушил треск ветвей за спиной. Она повернула голову, но так, чтобы одновременно видеть и реку, и джунгли. Подняла хесотсан, но, увидев одну из членов экипажа, опустила оружие. В руках у той был большой струнный нож, с помощью которого она прокладывала себе дорогу в подлеске. Это было нелегко — разинув рот, иилане′ шаталась и едва не падала от усталости.

— Прекращение труда! — громко скомандовала Амбаласи. — Живо в воду! Охладись.

Выронив струнный нож, иилане′ без сил рухнула в воду. Вынырнув, она показала Амбаласи ладонь, цвет которой означал благодарность.

— Благодари, благодари. Мало того, что мне приходится руководить неумехами, я должна еще и думать за них. Сиди в воде, пока не сможешь закрыть рот.

Амбаласи поглядела на реку: урукето не было видно. Впрочем, это неважно — еще рано, ведь она отпустила их на целый день: порадовать энтиисенатов, наловить рыбки для урукето.

В лесу вновь затрещали ветки, и на берег вышли Сетессеи и две иилане′, чем-то тяжело нагруженные. Бросив свою ношу на

землю, они присоединились к сидевшей в воде подруге. Сетессеи тоже тяжело дышала, широко открыв рот, но все-таки она перегрелась не так, как остальные.

— Открытие, предсказанное Амбаласи.

— Великолепно. Судя по очертаниям суши и расположению притоков, там должно быть озеро.

— Теплое, кишащее рыбой, окруженное солнечными пляжами.

— Необитаемое?

— Множество всякого рода живности. Кроме сорогетсо.

— Я так и думала. Как и везде. Это озеро — ближайшее к городу. Вынуждена с некоторой неуверенностью заключить, что обнаруженная мной группа сорогетсо — единственная в этих краях. И, уж конечно, на всей реке. Что отсюда следует?

— Непонимание-смысла желание-просвещения.

— А следует, верная Сетессеи, то, что наши сорогетсо вовсе не местные жители. Их привезли сюда и поселили, как я и предполагала. Одинокая колония — плод темных экспериментов какой-то неизвестной ученой. Что еще ты обнаружила?

— Интересные экземпляры — летающие создания без перьев и шерсти, и кое-что еще...

Тем временем купальщицы вылезли на берег, и Сетессеи велела им притащить принесенные мешки. В одном из них оказалась небольшая клювастая ящерица, длиной с руку. Амбаласи с интересом взглянула на нее и распрямила длинный хвост.

— Подвижная, ходит на четырех лапах, при опасности может улепетывать на задних, острый клюв позволяет ей питаться всем чем угодно: ветвями, грубыми листьями.

— Вкусные. Они сидят на гнездах под деревьями. Я пресытилась однообразной едой. Надоело консервированное мясо. Я убила двух и одну съела.

— Исключительно в научных целях.

— Исключительно. Но, поразмыслив, я решила: раз мясо так вкусно, следует собрать яйца.

— И ты, конечно, собрала их. Сетессеи, ты становишься настоящей ученой. Новый источник питания всегда важен. Мне тоже надоело мясо угря. — Рассматривая ящерицу, Амбаласи машинально разинула рот... и закрыла его: интересы науки требовали, чтобы экземпляр целым сохранился до вскрытия. — Будем называть его наэб — из-за клюва. А теперь покажи, что ты еще принесла.

Амбаласи не переставала удивляться разнообразию новых

видов на континенте. Этого следовало ожидать, но удивление росло и росло. Жук чуть побольше ладони, крошечные устузоу, огромные бабочки... Восхитительное разнообразие.

— Удовлетворительно в высшей степени. В консервирующие емкости их —.и так уже много времени прошло после их смерти. Возвратимся в город и отметим наше открытие. Увы, этот день недалек.

В голосе Амбаласи слышались грустные интонации, что, вероятно, было связано с Дочерьми. Сетессеи сбегала к реке за водяными плодами, которые охлаждались в воде. Поблагодарив, Амбаласи попила, но от мрачных дум ее отвлечь не удалось.

— Исследования-удовольствия подходят к концу, впереди вселяющие уныние споры. Не хочу даже думать о том, что ждет нас в городе. Однако скоро вернется урукето — и в обратный путь.

— Интересы науки требуют продолжения процесса познания, — вкрадчиво сказала Сетессеи.

Амбаласи со вздохом сделала отрицательный жест.

— Ничто не может принести мне большего удовольствия, чем продолжение наших научных работ. Но я опасаюсь за город, который вырастила здесь, — он остался в руках этой бестолочи. Я призвала их повернуться лицом к реальности и оставила их, чтобы увидеть — в состоянии ли они решить свои проблемы подходящим для их верований способом. Как ты считаешь, смогут они справиться с этим?.. Согласна, в высшей степени маловероятно... Посмотри! Или глаза мои плохо видят от старости — или это урукето!

— Великая Амбаласи видит, как молодая фарги. Они возвращаются.

— Великолепно. Немедленно подготовь образцы, чтобы погрузить их еще до темноты. Я считала дни и следила за ориентирами. Теперь мы поплывем вниз по течению. Если отправимся на рассвете, то уже днем будем в Амбаласокеи.

— Неужели мы так близко?

— Нет, здесь очень быстрое течение.

Сообразно своему положению, Амбаласи отдыхала, пока остальные готовили образцы. Энтиисенаты приближались к берегу, высоко выпрыгивая из воды. Умные существа, милые — одно удовольствие видеть их. Урукето размеренно плыл позади, замедляя ход, — наконец огромный клюв оказался на берегу, гигант остановился. Элем спустилась с высокого плавника, чтобы помочь Амбаласи подняться наверх. На скользкой поверхности

клюва было невозможно зацепиться когтями. Забравшись на широкий лоб животного, Амбаласи остановилась передохнуть.

— Вы его накормили? — спросила она.

— Вполне, даже слишком. Энтиисенаты ловили угрей, правда, не таких крупных, как в устье, и урукето ел их с большим удовольствием.

— А тебе на самом деле понятно поведение безмозглой твари?

— Долгое наблюдение и совместное пребывание позволяют этого достичь. Но это своего рода искусство — оно дает великое удовлетворение. Я часто его чувствую, когда...

Элем смущенно осеклась, жестом попросив прощения; оранжевый гребень ее покраснел. Амбаласи ответила знаком: поняла-не возражаю.

— Радость понимания-руководства овладела тобой. В этом я не вижу ничего плохого. Я обратила внимание, что за многие дни, которые мы провели вне города, это твой первый промах: ты хотела произнести запретное имя. Но сейчас — скажи его вслух. Ну! Угуненапса?

— Благодарю, так приятно слышать его...

— Но не мне. Я просто хотела попривыкнуть к этим грубым звукам, терзающим нервные окончания. Угуненапса... Утром отплывем, днем будем в городе. Поэтому я прощаю твою оплошность. Мелкая неприятность по сравнению с тем, что меня ожидает завтра.

Элем сделала жест, означающий надежду.

— Может быть, все не так плохо...

Амбаласи издала грубый звук.

— Неужели ты, знающая своих сестер, считаешь, что это возможно?

Элем благоразумно промолчала и попросила разрешения начинать погрузку. Праведный гнев придал сил Амбаласи, и она легко добралась до верхушки плавника и спустилась в прохладную утробу урукето, где сразу же уснула, понимая, что завтрашний день потребует от нее всех сил.

Сетессеи разбудила ее звуками, призывающими к вниманию.

— Показался город, великая Амбаласи. Я подумала, что ты захочешь подготовиться к прибытию. Может быть, украсить твои руки знаками победы и силы?

— Нечего тратить краску, чтобы произвести впечатление на этих никчемных. Лучше принеси мяса, чтобы хватило сил выслушивать их глупости.

Урукето заметили издали: на причале их встречала Энге. Амбаласи жестом выразила одобрение: знает ведь, что ее присутствие я могу выносить, и оберегает меня от своих перекорщиц.

— Сетессеи, отнеси образцы в лабораторию. Вернусь сразу же, как только разузнаю, что произошло в наше отсутствие. Надеюсь на лучшее, но рассчитываю только на худшее.

Пыхтя и отдуваясь, Амбаласи выбралась на деревянный причал, Энге приветствовала ее знаками радости.

— Ты радуешься, что я вернулась в добром здравии, или хочешь сообщить мне добрую весть?

— И то и другое, великая Амбаласи. Долгое изучение восьми принципов Угуненапсы вывело меня к седьмому из них. Я говорила тебе, что ответ на все наши вопросы кроется в ее словах, и я верила в это. Правда, у меня были сомнения...

— Пощади меня, Энге. Изложи результаты. Не нужно рассказывать, как ты пришла к ним. Неужели ты хочешь меня убедить, что за время моего отсутствия все ваши проблемы разрешились с помощью одних только философских принципов? Если так, то я немедленно вступаю в ряды Дочерей.

— Мы с радостью примем тебя. Но, несмотря на то что решение кажется достижимым, существует проблема...

Амбаласи тяжело вздохнула.

— Ничего неожиданного. Формулируй проблему.

— Дело касается Фар< и тех, кто следует за нею.

— И это не неожиданность. Что же натворило мерзкое создание?

— Со всеми своими компаньонками она переселилась к сорогетсо.

— Что?!

Каждый участок кожи Амбаласи, способный менять цвет, ало зарделся, цвета трепетали, словно сердце, готовое лопнуть. Энге со страхом отступила, неуверенно сделав жест: опасно для здоровья. Амбаласи щелкнула зубами.

— Были отданы указания, строжайшие приказы. Сорогетсо должны были покинуть город и никогда не возвращаться. И никто не должен был ходить к ним. Я немедленно покину город и разрушу его, если неповиновение будет продолжаться. Немедленно!

Трепещущая Энге пыталась что-то сказать. Наконец Амбаласи, едва не потерявшая от ярости дар речи, сделала знак, разрешая ей говорить.

— Мы все поняли, подчинились и выполняем. Но Фар< отказалась повиноваться приказам. Она сказала, что если мы отвергли власть эйстаа, то следует отвергнуть и твою власть. И она увела всех своих подруг. Если жить в городе значит повиноваться, сказала она, то зачем нам город? Они ушли к сорогетсо. Чтобы жить среди них, чтобы жить, как они, и обратить их в истинную веру Угуненапсы, и там, в джунглях, воздвигнуть истинный город в ее честь.

— И это все? — спросила Амбаласи, вновь обретая контроль над собой, хотя прекрасно знала ответ.

— Нет, Фар< ранена, но она не вернется. Кое-кто остался с ней, а большинство вернулось.

— Немедленно отправь непокорных на разделку-чистку-консервирование угря, и пусть работают, пока я их не отпущу. Впрочем, если бы все зависело только от меня, они бы этого не дождались. Я пойду к сорогетсо.

— Это опасно.

— Я не боюсь.

— Но я хочу еще рассказать о наших успехах.

— Когда покончим с этим скверным делом. Скажи Сетессеи, чтобы шла ко мне, и пусть прихватит лечебную сумку. Немедленно.

...Одна из молодых лодок уже подросла настолько, что могла вместить двоих иилане'. Путешествие могло быть приятным, если бы лодку успели выучить. Она дергала щупальцами, пенила воду, косилась на Сетессеи, которая безжалостно давила на нервные окончания. Кое-как они спустились к оконечности перешейка, миновали ограду. Гнев Амбаласи мало-помалу прошел, и она успокоилась. Сейчас нужен был трезвый рассудок, а не ярость. Она так стиснула хесотсан, что он стал извиваться у нее в кулаке. Она взяла оружие, чтобы защищаться от хищников, но никак не могла одолеть желания расправиться с Фар<. Неповиновение строгому приказу, нарушение чистоты научного эксперимента! На этот раз непокорная Дочь зашла слишком далеко. Кстати, Энге говорила, что она ранена. «Хорошо бы смертельно», — подумала Амбаласи. Может быть, капелька токсина вместо болеутоляющего поможет делу?

В лесу было зловеще тихо. Привязав суетливую лодку к берегу, Сетессеи взяла оружие на изготовку и поспешила вперед. Не дойдя до плавучего дерева, на тенистом пляже у озера они натолкнулись на небольшую группу иилане'. Трое из них склонились над кем-то, лежавшим на земле, и, когда Амбаласи потребо-

вала внимания, в страхе зажестикулировали. Трепеща, они уставились на ученую.

— Вы заслуживаете смерти, уничтожения и расчленения за то, что пренебрегли моими приказами и пришли сюда. Вы исполнены злостной глупости. А теперь скажите мне, где находится зловреднейшая и глупейшая из вас, имя которой Фар<, хотя я бы назвала ее Нинпередапсой — великой ослушницей и разрушительницей.

Дочери в страхе расступились, и Амбаласи увидела распростертую на земле Фар<. Одну из ее рук охватывал грязный нефмакел, глаза Фар< были закрыты. Амбаласи обрадовалась — похоже, Фар< умерла.

Увы, это было не так. Фар< шевельнулась и, медленно открыв большие глаза, взглянула на Амбаласи. Нагнувшись, та язвительно сказала:

— А я надеялась, что ты мертва.

— Ты говоришь, как эйстаа. И я отвергаю тебя во имя Угуненапсы, как всех эйстаа.

— Почему ты ослушалась меня?

— Только дух Угуненапсы властен над моей жизнью.

Медленно потянув нефмакел, Амбаласи обнажила рану, наслаждаясь стоном Фар<.

— И с какой же стати Угуненапса послала тебя к сорогетсо?

— Чтобы эти простые существа познали истину. Чтоб я указала им путь к Угуненапсе и тем спасла от грядущих бед. Даже юные фарги, выйдя из воды, сразу будут узнавать об Угуненапсе, ибо для этого мы и явились сюда!

— Для того ли? Тебя укусило какое-то животное, и рана воспалена. Значит, ты намереваешься рассказать им об Угуненапсе? Так ты уже разговариваешь на их языке?

— Я знаю несколько слов. И выучу новые.

— Ни в коем случае! Я постараюсь, чтобы этого не случилось. Кто тебя укусил?

Фар< отвернулась и, запинаясь, ответила:

— Это был самец... кажется, его зовут Асивасси...

— Еассасиви, Дочь Тупости? — наслаждаясь собой, загремела Амбаласи. — Ты даже не можешь верно произнести его имя — и собираешься проповедовать ему учение Угуненапсы. Струнный нож, нефмакел, антисептик! — приказала она Сетессеи. — Судя по его реакции, твои речи не произвели на него особого впечатления. Экий смышленый, я начинаю все больше ценить их интеллект. Я обработаю антибиотиками твою рану, а потом ты покинешь это место, где вызываешь необратимые разрушения.

— Я останусь. Ты не заставишь меня...

— Неужели? — В гневе Амбаласи нагнулась, обдавая дыханием лицо Фар<. — Смотри. Твои последовательницы собираются отнести тебя в город. А если они откажутся, я возьму хесотсан и убью их. А потом тебя. Или ты сомневаешься в том, что я сделаю это?

Если Фар< и сомневалась, то компаньонки ее не сомневались ни минуты. Не дав Фар< опомниться, они по возможности мягко подхватили слабо сопротивлявшееся тело и повлекли прочь, невзирая на ее протест.

— А день, оказывается, не так плох, как показалось вначале, — блаженно выговорила Амбаласи и протянула вперед руки, чтобы восхищенная Сетессеи могла очистить их с помощью большого нефмакела.

Когда они возвращались в город, лодка оказалась более послушной, и Сетессеи скормила ей кусок рыбы в награду. Энге вновь поджидала их.

— Фар< вернулась и рассказала мне о твоих угрозах. Ты действительно убила бы ее?

Энге была явно расстроена, и Амбаласи неправильно истолковала причины ее настроения.

— Неужели для тебя жизнь одной мерзкой Дочери значит больше, чем судьба всех сорогетсо?

— Меня не волнуют ни сорогетсо, ни Фар<. Я опечалена тем, что известная ученая, знаменитейшая среди иилане, может решиться на убийство низшей.

— Гнев мой был настолько велик, что я могла бы даже откусить ей голову. Но гнев не вечен, хорошее настроение возвращается. Наука выше насилия. Скорее всего я не тронула бы ее. Впрочем, не поручусь. А теперь позволь мне забыть эту Дочь Разрушения и выслушать от тебя известия радостные и важные, которые ты собиралась мне сообщить.

— С большим удовольствием. Но сперва ты должна усвоить восемь принципов Угуненапсы...

— В самом деле?

— Конечно. Как ты поймешь законы, по которым живет тело, не зная, чему повинуется каждая клетка?

— Принимаю укор, — вздохнула Амбаласи, опускаясь на хвост и принюхиваясь к слабому ветерку с реки. — Слушаю — и учусь.

— Первый принцип был дарован Угуненапсе в откровении, это извечная истина. Все мы живем между большими пальцами Духа Жизни, великой Эфенелейаа.

— Зрение у твоей Угуненапсы, должно быть, острее моего. За долгие годы занятий биологией я что-то не видела эту самую Эфенелейаа.

— Потому что ты не там искала, — с воодушевлением продолжала Энге. — Дух Жизни внутри тебя. Потому ты и жива. Когда усвоена эта истина, Эфенелейаа открывает другие. Далее идет второй принцип.

— Постой, давай пока ограничимся первым. Я так и не поняла тебя. Требуется определение новой концепции, непонятного мне термина. Что есть дух?

— Этим словом Угуненапса обозначала нечто присущее только иилане′, незримую субстанцию, которую нельзя увидеть. Она говорит: вот двадцать фарги, десять из них йилейбе, не способные к речи, а десять — иилане′. Пока они молчат, различить их невозможно. Умри они — медицинское вскрытие не выявит никакой разницы между обеими группами. И потому все постигшая Угуненапса придумала слово «дух», чтобы описать это невидимое — в данном случае это дух речи. А чтобы говорить о жизни, она использовала имя «Эфенелейаа» — жизнь-вечность-внутреннее-сущее. Теперь ясно?

— И да и нет. Да — потому, что я слышу тебя и воспринимаю твои аргументы. А нет — потому, что я отвергаю эту концепцию духа как надуманную, несуществующую, затрудняющую мышление. Ну хорошо, оставим это на время, предположим, что да. Хоть я и отвергаю самую основу, но в порядке дискуссии хочу уяснить, что следует из данной концепции.

— Принимаю твои соображения, быть может, потом я еще раз попытаюсь объяснить тебе понятие духа. Я согласна — оно трудное.

— Не трудное, а неверное и неприемлемое. Но я же говорю — да, чтобы наш разговор не затянулся до вечера. Буду считать вашу истину гипотезой. Продолжай. Ты собиралась перейти ко второму принципу.

Энге знаком согласилась подискутировать.

— Пусть будет так, как ты сказала. Мы, признавая Эфенелейаа, понимаем, что обитаем в Городе Жизни, который включает в себя все города иилане′ и не только их. Разве ты не видишь справедливость и простоту этой мысли?

— Нет. Это следует еще доказать. Продолжай.

— Далее идет третий принцип. Он гласит, что Дух Жизни, Эфенелейаа — высшая эйстаа в Городе Жизни, а мы — обитательницы его.

Приоткрыв мигательные мембраны, которыми Амбаласи отгораживалась от натиска схоластики, ученая спросила:

— И твои сестры верят во все это?

— Верят... Да они живут этим. Только принципы Угуненапсы и дают нам волю к жизни.

— Тогда продолжай. Значит, вы признаете себя жительницами города — это уже кое-что.

Энге ответила знаками, означавшими великую мудрость:

— Твой разум находит мои аргументы прежде, чем я успеваю их высказать.

— Конечно!

— Тогда слушай четвертый принцип. Узнавая высшую истину, мы приобретаем новую силу, потому что мы преданы чему-то большему, чем просто город.

— Неудивительно, что все эйстаа иилане′ дружно ненавидят вас.

— Пятый принцип гласит, что сила истины требует нового видения, позволяющего наблюдателю заметить и то, что видят живые, и то, что скрыто от них под землей, — тайный, но истинный порядок бытия.

— Сомнительно. У меня уже голова кружится от усталости. Но ты говорила, что решение скрыто в седьмом принципе. Нельзя ли перейти прямо к нему?

— Он следует из шестого.

— Говори поскорее, и покончим с этим наконец.

Амбаласи изменила позу: хвост ее уже начинал неметь. В глазах Энге вспыхнул огонек убежденности, и она уверенным жестом подняла большие пальцы.

— В шестом принципе Угуненапса учит нас, что все живые существа взаимосвязаны и поддерживают друг друга. Этот высший порядок стоит над всеми живыми существами, разумными или неразумными, и существует с яйца времен.

Амбаласи жестом засвидетельствовала недоумение.

— Для этого мне не нужна твоя Угуненапса. Это же сжатое определение экологии...

— Седьмой! — с энтузиазмом продолжала Энге, не заметив слов Амбаласи. — Признавая и понимая этот порядок, верные

Духу Жизни сестры способны и обязаны жить ради мира и торжества жизни. Здесь лежит решение проблем нашего города.

— Естественно — только ты слишком долго подбиралась к выводу. Ты хочешь сказать, что Дочери, согласные со словами Угуненапсы, готовы совместно работать, дабы утвердить основы жизни?

— Мы верим в это, мы знаем это, так мы и поступим! А теперь восьмой и последний...

— Избавь меня хотя бы от него. Оставь про запас на тот день, когда я переутомлюсь и мне потребуется источник вдохновения. Лучше объясни, каким образом следование седьмой заповеди спасет город?

— Пойдем, я покажу тебе. Когда мы поняли, куда Угуненапса нас ведет, то стали стараться найти способ воплощения седьмой заповеди в жизнь. Теперь все стремятся работать в Городе Жизни, от желающих нет отбоя. Одаренные талантами возглавляют ряды добровольцев. Всем нужны твои наставления, все хотят отпраздновать твое благополучное возвращение.

Выпрямившись, Амбаласи прошлась вдоль причала туда и обратно. Вечерний ветерок посвежел, близилось время сна. Обернувшись к Энге, она протянула к ней руку, соединив большие пальцы в знак того, что между ними находится важный вопрос.

— Ты правильно сказала, и это меня радует. Но я обрадуюсь еще больше, когда увижу систему в действии. Но не дала ли Угуненапса в премудрости своей ответ еще на один важный вопрос, который я задавала тебе?

Энге ответила знаком тревожного отрицания.

— Увы, здесь даже она бессильна. Когда я вижу, как спасают город, радость наполняет меня. И меркнет, когда я думаю о смерти, ожидающей Дочерей Жизни. Мы останемся здесь и состаримся, изучая мудрость Угуненапсы.

— Состаритесь и умрете — и всему придет конец.

— Всему, — мрачно отозвалась Энге. Поежившись, словно от холодного ветра, она протянула вперед ладони и усилием воли заставила зеленую кожу порозоветь в знаке надежды. — Но я не прекращу попыток отыскать выход и из этого тупика. Он должен существовать. И я признаю, что пока не способна его найти. Ведь выход есть, правда, великая Амбаласи?

Та промолчала, не желая огорчать Энге. А потом отвернулась и принялась разглядывать небо и воду. Но вечерний свет заставлял помнить о смерти.

Вейнте′ о смерти не думала. И о жизни тоже. Она просто существовала. Ловила рыбу, когда чувствовала голод, пила из родника, когда хотелось пить. Бездумное и бесцельное существование устраивало ее. Но иногда приходили воспоминания — и тогда Вейнте′ теряла покой и, охваченная эмоциями, начинала щелкать зубами. Ей не нравилось это.

Лучше было не вспоминать. И вообще не думать.

Глава 8

Janasso to tundri hugalatta, ensi to tharmanni — foa er suas tharm, so et hola likiz modia.

Смотри на лес, а не на звезды — не то глазом не успеешь моргнуть, как твой тхарм окажется на небе.

Пословица тану

Когда жара стала невыносимой, Керрик велел сделать привал.

— Рано, — недовольно буркнул Харл.

Шло уже шестнадцатое лето его жизни, и он уже был больше охотником, чем ребенком.

— Для тебя да. Но мы переждем здесь жару и пойдем дальше, когда станет прохладнее. Если сильный охотник не хочет ждать, он может разведать тропу. Быть может, твое копье найдет свежее мясо.

Харл обрадованно бросил шесты травоиса на землю и схватил копье. Но Керрик остановил его.

— Возьми стреляющую палку.

— Она не для охоты.

— Она для мургу. Возьми.

Харл молча подчинился. Керрик обернулся к Армун, устало привалившейся спиной к дереву.

— Надо было нам остановиться раньше, — сказал он.

— Нет, все в порядке. Когда я иду, то не чувствую усталости.

Даррас отдала младенца матери. Армун приложила дочку к груди. Подобные домашние сцены и отсутствие внимания к своей персоне не нравились Арнхвиту, и он потянул Керрика за руку.

— Я хочу на охоту. С Харлом. Мое копье жаждет крови зверя.

Керрик улыбнулся.

— Я слышу речь не мальчика, но мужа. Должно быть, ты наслушался Ортнара.

И он посмотрел на тропу, которой они только что пришли. Никого. Хромой охотник всегда отставал — он не мог идти быстро. А сегодняшний переход оказался слишком долгим.

Керрик взял у Даррас кусок копченого мяса, опустился на землю и принялся жевать. Арнхвит уселся рядом — при виде еды он забыл про охоту.

Они уже почти покончили с едой, когда за деревьями мелькнуло что-то. Керрик потянулся к хесотсану. Арнхвит расхохотался.

— Там Ортнар, смотри не подстрели его.

— Не подстрелю. Просто глаз мой не так остр, как у могучего маленького охотника.

Весь взмокший, Ортнар медленно подошел, волоча мертвую ногу. Даррас поспешила к нему с тыквой, полной воды. Ортнар напился и, прислонившись к стволу дерева, сполз вниз.

— Рано остановились, — проговорил он.

— Армун быстро устает. Двинемся попозже, как только станет прохладнее.

— Возьми-ка свою стреляющую палку, — спокойно сказал Ортнар. — Там прячется зверь, он уже давно крадется за мной.

— Иди сюда, Арнхвит, — так же спокойно позвала Армун. — И ты, Даррас. Брось все, двигайся медленно.

Девочка задрожала, но подчинилась. Керрик шагнул в сторону и стал вглядываться в чащу.

Внезапно раздался треск — и огромное существо в белых и зеленых пятнах выскочило прямо на него.

Он вскинул хесотсан, тварь завизжала во всю глотку, яростно оскалив зубы. Керрик сжал оружие — но мараг несся вперед — сжал еще раз... И огромный мараг, выше человеческого роста, — рухнул к ногам Керрика.

В воздухе что-то мелькнуло — и крошечное копье Арнхвита воткнулось в тушу.

— Отлично, великий охотник, — проговорил Ортнар с непривычной улыбкой на лице. — Ты убил его.

Арнхвит боязливо подошел — огромная тварь внушала опасения — нагнулся и вытащил копье.

— А кто это?

— Мараг. — Ортнар сплюнул на труп. — Видишь, какие зубы. Хищник.

— Значит, не он съест нас, а мы его.

— Они невкусные, просто отрава.

— Ну тогда я у него хвост отрежу.

Ортнар усмехнулся.

— Хвост побольше тебя будет. Лучше отрежь коготь с задней лапы. Повесишь на шею рядом с ножом — чтобы все видели.

— Не прячется ли где-то второй? — спросила Армун.

Держа на руках младенца, она встала и отошла подальше. От трупа воняло.

— Не думаю, — ответил Ортнар. — Я видел таких, они всегда охотятся в одиночку. Должно быть, их запах отпугивает других мургу.

— И меня тоже, — проговорил Керрик, подходя к Армун и детям.

Ортнар остался на месте, держа копье наготове и глядя, как Арнхвит возится у туши. В это время вернулся Харл и стал с восхищением осматривать убитого марага.

— Дичи нет. Наверное, этот мараг распугал. Рядом большая тропа. На ней колеи травоисов.

— Свежие? — с надеждой спросила Армун.

— Старые, совсем заросшие. Я их с трудом разглядел.

Достав кремниевый нож, Харл принялся помогать перемазавшемуся в крови мальчику отпиливать коготь.

На этот раз они шли медленнее. Несмотря на протесты Ортнара, Керрик настоял, чтобы вооруженный хесотсаном Харл держался рядом с ним. Керрик шел впереди с остальными, охраняя их от диких зверей.

Восемь суток они шли по следу, оставленному ушедшими на север саммадами. Однажды Харл догнал Керрика.

— Что случилось? — спросил Керрик, поднимая хесотсан.

— Ничего. Просто Ортнар велел сказать, что мы проскочили нужную тропу. Это недалеко.

Когда они подошли, Ортнар стоял, опираясь на копье. Он гордо показал на сломанную ветку, едва заметную среди других ветвей.

— Моя метка, с прошлого раза осталась. Нам сюда.

Ортнар пошел первым, остальным пришлось умерить шаг. Идти было недалеко — вдоль невысокого гребня, через мелкий ручей. С вершины холма открывался вид на океан, спокойные воды неторопливой реки, высокий тростник, стаи птиц... Неподалеку от берега — остров.

— А за ним пролив шире этой реки и гряда островов, отделяющая его от океана, — сказал Ортнар.

— Разобьем стоянку с этой стороны острова, среди деревьев, чтобы не заметили с океана. Придется поискать бревна для плота. Если успеем — переправимся еще до темноты.

— А здесь лучше, чем на Круглом озере, — сказала Армун. — Я думаю, тут мы будем в безопасности. Подальше от всяких мургу.

Прекрасно понимая, что она имеет в виду, Керрик сделал вид, что не обратил на ее слова никакого внимания. Конечно, ей хорошо вдали от самцов иилане'. А ему? Он уже чувствовал, что ему не хватает их богатой речи, жестов, смысла которых нельзя передать на марбаке. Они были частью его самого, и их отсутствие угнетало его.

— А хорошая ли здесь охота? — поинтересовался Арнхвит.

— Отличная, — ответил Ортнар. — Иди помоги Харлу собирать дерево для плота.

Лето выдалось сухим и жарким. Вода в большой реке опустилась. Заливные луга, затоплявшиеся весной и зимой, покрылись высокой сочной травой. Почти скрываясь в ней, бродили пасущиеся олени. Добравшиеся до края обрыва над долиной саммады с восторгом разглядывали мирную картину.

Тану разбрелись и принялись ставить шатры в тени под деревьями. Когда стемнело и все насытились, саммадары по одному потянулись к костру Херилака. Сейчас он не считался их вождем — ведь войны не было, но саммады шли вместе, и Херилак вел их.

— Тощают мастодонты, — начал Хар-Хавола, — надо бы остаться здесь, пусть попасутся. Я так и сделаю.

— Главное не мастодонты, а охота, — заявил Херилак, вызвав бурное одобрение. — Я устал от этих мургу. Мне надоело их убивать. И хоть среди них попадаются вкусные, с оленем все равно не сравнить. Все видели луга. Нам нужны шкуры, ведь вы ходите в харадисе вместо теплых шкур, как саску.

— Летом в шкурах жарко, — рассудительно произнес Келлиманс, как обычно не склонный к шуткам и лишенный воображения.

— Конечно, — согласился Херилак. — Но здесь хорошая охота. Наступит зима, и может случиться, что нам придется уходить на север. Все может случиться. Мой саммад собирается поохотиться здесь. А потом пойдем дальше.

Среди всеобщего одобрения несогласных голосов не послышалось. Слушавшие разговор женщины тоже были согласны.

Здесь все кругом казалось знакомым, и повсюду было столько привычной тану еды, о которой уже успели забыть: корневища, ягоды, грибы, клубни — знай только, какое растение выкапывать. Некоторые девочки ни разу в жизни не делали этого. Их надо было научить. Очень удачное место для стоянки.

Меррис радовалась вместе со всеми. Однако не все были счастливы...

— Он тебя наверное побил, если ты ревешь, — сказала она молодой женщине. — Не позволяй охотнику так обращаться с тобой. Возьми палку и дай сдачи. Если он сильнее — отлупи, когда уснет.

— Нет, ничего подобного, — со слезами на глазах возразила Малаген. Как все саску, она была тоньше и ниже тану, оливковая кожа и темные глаза выделяли ее среди светловолосых и белолицых женщин тану. — Невасфар добр ко мне, поэтому я и ушла с ним. Я дура, наверное, потому и реву.

— Вовсе ты не дура. Просто тебе не хватает друзей, твоего саммада. Мы ведь и говорим по-другому.

— Я учусь.

— Молодец. А вот я так и не запомнила ни одного слова саску.

— Наша речь называется сесек. И ты ошибаешься, ведь ты только что говорила про тагассо, а это наше слово.

— Потому что тагассо — вкусная еда, приятно вспомнить.

— У меня есть немного сухих зерен — могу сварить для тебя.

— Приберегли, самой понадобится. Утром тебе многое придется делать впервые. Будем собирать ягоды для эккотаца. Вкусно, тебе понравится.

Женщина саску была невысока ростом, как дети Меррис, когда они были подростками. Ей хотелось погладить бедняжку по голове. Нельзя — ведь она взрослая женщина. Малаген успокоилась.

Меррис неторопливо пошла между костров, желая побыть в одиночестве. А может, наоборот, ей не хотелось быть одной, и это ее тревожило. Дочери выросли и покинули ее. Солед погибла в городе мургу, вторая, Милде, со своим охотником кочует где-то с саммадом Сорли. Никто не знал, что с ними, ведь тогда они ушли на север, а остальные бежали на запад. Может быть, Милде жива. А вот ее собственный охотник, Улфадан, погиб. Она знала, что тану не оплакивают мертвых, знала, что тхарм каждого охотника по заслугам обретает место на небе.

Взглянув на усыпанное звездами небо, потом на костры, она вздохнула. Живой охотник лучше его тхарма в небесах. Впрочем, она женщина сильная... И одинокая.

— Не уходи далеко от костров, — раздался голос у огня, — здесь повсюду мургу.

Она покосилась на караульщика.

— Илгет, я убила мургу больше, чем ты видел. Обрати свою стреляющую палку в сторону леса, а я сама о себе позабочусь.

Спали саммады, горели костры. Караульщики наблюдали за лесом. Вокруг трещали кусты, слышались крики животных. Все как обычно. Без стреляющих палок нечего и думать о здешних южных краях. Только крошечные смертоносные шипы могли убивать огромных мургу, охотившихся в лесу.

Вопли зверей в лесу разбудили задремавшего Херилака. Через откинутый полог шатра он взглянул на звездное небо. Что-то жужжало над ухом — охотник шлепнул себя по щеке и раздавил какое-то насекомое. Завтра будет хорошая охота. Но оставаться здесь долго Херилак не хотел. Где-то в дальних краях живет Керрик, его надо отыскать. Потому-то Херилак так внимательно приглядывался к тропе, следя за каждым ее ответвлением. В мире много саммадов, глядишь, кто-нибудь да слышал про Керрика. Вот они поохотятся, вот отъедятся мастодонты — и в путь.

Яркая вспышка пересекла небо, погасла. Еще один тхарм... «Не Керрика, — подумал Херилак, — нет, не Керрика».

Глава 9

Enge hantehei, ate' emboke'na iirubushei kaksheise', he'avahei; hevai-e'ihei, kaksheinte, enpeleiuu asahen enge.

Оставить отцовскую любовь ради холодных объятий моря — вот первое горе жизни, а первая радость — подруги, что ожидают тебя.

Апофегма иилане'

Здесь, за волнами прибоя, было так хорошо. Вейнте' плыла, подняв голову над водой. Океанские волны вздымались, опадали и устремлялись к берегу, обрушиваясь на песок белой пеной. С гребней она видела берег, зеленую стену джунглей и темнеющие

вдали горы. Видела ли она их раньше? Вейнте' не помнила, да это и неважно. Приподняв носовые клапаны, она фыркнула, вдохнула поглубже и, прикрыв прозрачными мембранами глаза, скользнула вниз, в прозрачные глубины.

Она погружалась все глубже и глубже, пока вокруг не стало темно. Лишь поверхность воды как серебряное небо качалась высоко над головой. Она отлично плавала — и теперь словно стала частицей подводного мира. Прямо под ней колыхались водоросли. Среди них прятались крошечные рыбки, которых она спугнула своим приближением. Вейнте' не обратила на них внимания. Над головой проплывала стая рыб покрупнее, пестрых и плоских, переливавшихся в воде всеми цветами радуги. Вейнте' устремилась в сторону косяка, изо всех сил работая лапами и хвостом.

Впереди вниз метнулись какие-то темные силуэты — рыбу заметила не только она. Вейнте' шарахнулась в сторону. Ей уже приходилось встречаться с крупными хищниками и спасаться от них на берегу. Неужели опять? Нет, темные силуэты были поменьше, их было много, и в очертаниях фигур чудилось что-то знакомое. Она так долго пробыла вне времени, лишь обозревая окружающее, но не осмысливая его, что не сразу узнала их. Неподвижно замерев в воде и тихонько пуская пузыри из ноздрей, она ожидала их приближения. И только когда вся стайка оказалась совсем близко, Вейнте' осознала, что видит иилане'.

От долгого пребывания под водой у нее заболела грудь и потемнело в глазах — и она быстро устремилась наверх. Вейнте' была потрясена видом невесть откуда взявшихся иилане'. Туман, так долго укрывавший ее праздное сознание, рассеялся. Целое эфенбуру молодняка в океане... Конечно же, они из города — откуда же еще взяться здесь элининйил? Но молодняк обычно держится у родильных пляжей... И тут она заметила в них нечто странное: слишком уж велики были они для элининйил, даже собирающихся выйти на сушу. Перед ней были взрослые иилане'. Но что они здесь делают?

На поверхности появилась голова, за ней другая, третья... Они увидели ее. Не раздумывая, Вейнте' повернула к берегу — подальше от чужаков. Пенистая волна вынесла ее на мелководье, и Вейнте' побрела к знакомому берегу. Выбравшись на сушу, она остановилась, глядя на деревья и болото. Что она делает? Что хочет делать? Она пытается убежать от них?

Непривычные вопросы, непривычные мысли. Она чувствовала какую-то вялость, двигаться не хотелось. В жизни ей не при-

ходилось отступать, бежать от трудностей. Так почему же она вдруг изменила себе? Только что она стояла, сгорбившись и опустив руки, но, когда она обернулась к морю, голова ее высоко поднялась и спина гордо выпрямилась. Темные фигуры брели к берегу среди волн, и она медленно пошла им навстречу и встала у края песка.

Иилане′, шедшие впереди, остановились по колено в воде, открыв рты и удивленно глядя на незнакомку. Она оглядела их. Совсем взрослые фарги. Они стояли молча, не шевелясь.

— Кто вы? Что вы здесь делаете? — спросила Вейнте′.

Ближайшая фарги попятилась. Одновременно она выставила вперед ладони, по которым побежали цвета, складываясь в простейший узор.

«Вместе, — говорила она. — Вместе». И ни одного звука.

Вейнте′ машинально ответила тем же жестом. Она не делала его с того самого дня, когда впервые вышла из воды много лет назад. И теперь с трудом припомнила его истинный смысл. Ну конечно, это просто знак приязни, жест обращения эфенселе к эфенселе в море. «Вместе».

Фарги повыше ростом выступила вперед, грубо толкнув говорившую, так что та чуть не упала.

— Делай... что я говорю... делай это.

Примитивные жесты, грубые звуки, к тому же едва разборчивые. Кто эти существа? И что они здесь делают?

Но размышления Вейнте′ разогнал внезапно нахлынувший гнев — чувство, которого она давно не испытывала на этом пустынном берегу. Гребень Вейнте′ покраснел, и, раздув ноздри, она завопила:

— Что это за фарги такая? Что за червяк встал на задние лапы и командует мною?

Слова вылетели неожиданно для нее самой. Фарги озадаченно открыла рот, ничего не понимая в такой скороговорке. Заметив это, Вейнте′ заговорила снова, неторопливо и просто.

— Молчание. Ты — малая, я — большая. Я командую. Скажи имя.

Фразу пришлось повторить с помощью движений рук и окраски ладоней, и тогда ее поняли.

— Великреи, — произнесла фарги.

Вейнте′ с удовольствием заметила, что плечи ее опустились, а спина сгорбилась в знак подчинения. Как и следовало.

— Садись. На песок. Говори, — распорядилась Вейнте′, усаживаясь на хвост.

Фарги покорно шагнула вперед, сложив руки в знак благодарности. То-то же. Только что пыталась орать, а теперь благодарит за приказы. Из моря нерешительно вышли остальные и окружили Вейнте′, широко раскрыв глаза и рты. Знакомая компания... Вейнте′ начала понимать, кто они и откуда.

Это было хорошо, потому что Великреи ничего толком объяснить не могла. С ней приходилось говорить лишь потому, что она одна была здесь иилане′. Остальные, в сущности, ничем не отличались от переростков — элининйил, так и не достигших зрелости. Даже имен, похоже, ни у кого не было. Общались они, прибегая к простейшим движениям и цветам: тем словам, которым учит море, и лишь изредка, чтобы выразиться яснее, издавали какие-то хриплые звуки.

Днем они ловят рыбу, объяснила наконец Великреи. Ночью спят на берегу. Откуда пришли? Из города — это она знала. Где он находится? Когда до Великреи дошел смысл вопроса, она поглядела на пустынный океан и махнула в сторону севера. Ничего более ей добавить не удалось. Дальнейшие расспросы не дали никаких результатов. Вейнте′ поняла, что возможности Великреи исчерпаны. Довольно. Она и так знает, кто перед нею.

Отверженные. Те, кто не вышел на берег родильных пляжей, те, кто ушел в океан. Они жили в теплой воде и росли. И, созрев, оставили море, физически вполне способные жить на земле, отыскать дорогу от пляжа в город. Чтобы город их принял, кормил и поглотил.

Так могло быть. Жизнь иилане′ во всех городах была одинаковой. Вейнте′ убедилась в этом, посещая разные города. В каждом городе трудолюбивые иилане′ занимались разнообразными делами, фарги прислуживали им. Над всеми царила эйстаа, нижайшими были суетливые фарги. Повсюду они были похожи друг на друга, как водяные плоды. Безликие, безымянные, они толпились на улицах, стараясь высмотреть все, представляющее хоть какой-нибудь интерес.

Впрочем, не всегда безликие. Умные и способные учились говорить и старательно совершенствовали речь, пока не становились иилане′ — говорящими. А потом занимали в городе свое — не всегда высокое, но жизненно важное — место. Те, кто оказывался поспособнее, поднимались выше, иилане′-ученые брали их в ученицы, чтобы фарги овладевали разными ремеслами, продви-

гались, совершенствовали свое умение. Ведь каждая эйстаа тоже когда-то вышла на берег из моря, так что не было предела высотам, которых могла достичь фарги.

Ну а те, неспособные, кому не по силам уразуметь скороговорку приказов иилане'? Те, кто так и остался йилейбе — не способными к речи? Те, молчаливые, что всегда держались в толпе с краю, прячась от мудрых слов, а не идя им навстречу? Одинаковые, неразличимые, они были обречены вечно оставаться за рамками существования иилане'. Просто ели, пили и жили — ведь город давал жизнь всякому.

Но, если город принимал способных, он должен был отвергать тех, кто лишен всяких способностей. Это неизбежно. И никогда не исчезнут они, державшиеся с самого края, кого в последнюю очередь кормят, кто получает остатки и отбросы. Те, кто целыми днями шатается, открыв рот. Они-то и есть нижайшие, и хорошо, если они понимают это. День за днем их отталкивали и прогоняли, и, оказавшись вдали от водоворота жизни, неудачницы все больше времени проводили на пустынных берегах и приходили в город только, чтобы поесть.

Они опять начали ловить рыбу — хоть это они умели делать. И, возвращаясь в город, встречали одни унижения и не понимали этого. Возвращались все реже и реже и наконец перестали приходить. Жестоко — нет, это естественный отбор. И нечего хулить или хвалить этот процесс. Он существует, и все.

Вейнте' оглядела ничего не понимающие лица. Они так стремились понимать — и были обречены на пожизненное незнание. Город не отвергал их — город не мог так поступить. Они сами себя отвергли. Конечно, многие из них погибли вдали от города. Чаще спящими, от зубов ночных тварей. Так что перед ней были не нижайшие из низших, а живые покойницы.

Вейнте' вдруг ощутила странное родство с ними, потому что тоже была отверженной и живой. Еще раз оглядев добродушные физиономии, она обратилась к несчастным с жестом тепла и мира, с простейшим из простых знаком:

— Вместе.

— Неужели Дочери наконец научились вместе работать... в мире и согласии, как предписано Угуненапсой? — недоверчиво спросила Амбаласи.

Энге ответила утвердительным жестом.

— Угуненапса выражалась не совсем так, но мы учимся по-

нимать указания мудрой Угуненапсы и использовать их в повседневной жизни.

— Желаю видеть результат.

— Это возможно — и немедленно. Я думаю, лучше подойдет приготовление пищи. И для жизни необходимо, и требует сотрудничества.

— А вы не зазвали опять сорогетсо? — последовал полный мрачной подозрительности вопрос.

Энге мгновенно ответила резким отрицательным жестом.

— Сорогетсо больше не приходили в наш город.

— Это половина проблемы. А из города к ним теперь никто не ходит?

— Приказы твои двусмысленны...

— Мои приказы всегда ясны, однако злодейка Нинпередапса, которую вы упорно зовете Фар<, все-таки явилась туда со своими приспешницами в проповедническом пыле.

— И ее жестоко покусали, ты знаешь сама, ведь ты перевязывала ей раны. Она еще лежит — до сих пор не оправилась — и все ее последовательницы сидят возле нее.

— Да будет ее выздоровление медленным, — недоброжелательно отозвалась Амбаласи и показала на гигантского угря, слабо дергавшегося на берегу. — Их по-прежнему много?

— Да. Река так и кишит ими. А теперь смотри — и увидишь превосходный пример, как трудятся все, осененные духом Угуненапсы.

— Дочери Проволочки действительно за работой! Немею от изумления.

— Заметь, что распоряжается ими Сатсат, бывшая со мной в Алпеасаке. Работницы выбрали ее старшей — за все страдания, которые она вынесла за свою веру, и за стойкость перед лицом всяких бед.

— Ну, выбирая старшую, я руководствовалась бы иными соображениями...

— Как известно мудрой Амбаласи, руководить подобным бездумным занятием способна почти каждая сколько-нибудь разумная иилане'. Все мы равны во вдохновленном Угуненапсой сотрудничестве, и направлять труды других — великая честь. Сатсат заслуживает двойного одобрения — она организовала работу так, что все трудятся в равной мере, в едином порыве. А когда с делами будет покончено, надеюсь, что сегодня еще хватит времени обсудить с нею в подробностях принципы Угуненапсы. Се-

годня Сатсат расскажет о восьмом... Ты еще не слыхала об этом. Видишь, они остановились послушать. Тебе повезло.

Амбаласи возвела глаза к небу в знак благодарности за редкую удачу.

— А не было ли мое везение организовано тобою?

— Амбаласи все видит, все знает. Я говорила им, что приведу тебя и что ты будешь рада услышать о восьмом принципе. Мне ведь не удалось изложить его тебе.

Спасения из подстроенной ловушки не было. Амбаласи с ворчанием опустилась на хвост.

— Есть время послушать, я устала. Но недолго.

Сатсат вскарабкалась на один из чанов с энзимами и, как только Энге дала ей разрешающий знак, заговорила:

— Восьмой и последний принцип во всей своей очевидности направляет тех, кто принял слова Угуненапсы. Принцип этот гласит, что Дочери Жизни должны помогать всякой иилане́ познать Дух Жизни и найти путь к благочестивой жизни. Подумайте о глубоком смысле такого короткого и такого ясного изречения. Мы, знающие сей путь, должны помогать остальным, чтобы заблуждающиеся и непонимающие могли им следовать. Но, когда ты постигла эту истину, возникают два весьма важных вопроса. Во-первых, как делать это на виду у тех, кто желает нашей смерти, потому что мы верим в Угуненапсу, и второй — как мы можем достичь гармонии и мира, если живем, убивая других? Не следует ли нам прекратить есть, чтобы не убивать живые существа, что питают нас своей плотью?

Она умолкла, потому что Амбаласи встала и, подойдя к чану с энзимами, с удовольствием отправила в рот кусок рыбы.

— К вечеру освободите его. Благодарю за информацию о восьмом принципе, мне необходимо уйти.

— Благодарю тебя за присутствие, Амбаласи. Возможно, ты желаешь услышать мои комментарии...

— Отвечаю кратко. Нет. Все восемь принципов поняты мною. Применение седьмого очевидно. Я ухожу.

Повернувшись, Амбаласи поманила к себе Энге.

— Я довольна. Твои Дочери при всем их невысоком интеллекте и склонности к дискуссиям вполне способны выполнять работу, доступную фарги. Теперь я должна отправиться вверх по реке. Меня не будет несколько дней, и, если город будет все это время отлично работать, мое удовольствие приумножится.

— Воистину город Амбаласокеи — город премудрой Амбаласи. Ты дала жизнь и ему, и нам. Мы рады лелеять-беречь твой дар.

— Хорошо сказано. Моя помощница Сетессеи уже ждет меня возле урукето. Мы отплываем. Предвкушаю чудеса, которые увижу по возвращении.

Опустив увесистый контейнер, Сетессеи помогла Амбаласи подняться на широкую спину урукето, потом махнула Элем, выглядывавшей из плавника.

— Ты проинструктировала ее? — спросила Амбаласи.

— Как ты велела. Сначала мы идем к пляжу у озера, там одна из экипажа дожидается нас с лодкой.

— А лодка хоть получше, чем в тот раз?

— Та же самая. Но теперь она куда спокойнее.

Путешествие было недолгим, и переправа в лодке на берег не принесла тех неприятностей, которых ждала Амбаласи. Бурча, она выбралась на пляж и поманила к себе Сетессеи.

— Возьми контейнер — и за мной. А ты жди нас в лодке.

Знакомой тропой они добрались до острова посреди протоки, где жили сорогетсо. Приблизившись к мосту, они увидели пробирающуюся по нему фигурку.

— Начинаем, — проговорила Амбаласи, — открывай контейнер.

В покорном жесте Сетессеи была заметна тревога. Поставив контейнер на землю, она открыла его, вынула хесотсан и протянула Амбаласи.

— Неуверенность и страх, — показала она руками.

— Вся ответственность как всегда на мне, — с мрачной решимостью ответила Амбаласи. — Приходится это делать. Иначе ничего не выйдет.

Маленькая Мооравиис доверчиво спешила навстречу — она была незнакома с оружием иилане́.

Она остановилась, приветливо взмахнула руками.

Подняв оружие, Амбаласи прицелилась. И выстрелила.

Сорогетсо пошатнулась и рухнула на землю.

Глава 10

— Позади! — вскрикнула Сетессеи. — Берегись!

Амбаласи обернулась и увидела самца, с яростным воплем приближавшегося к ней. Из хесотсана не промахнешься только

вблизи, и она спокойно ждала, пока тот подойдет поближе. Оружие щелкнуло — и он ничком упал в кусты.

— Это Еассасиви? — спросила ученая.

Сетессеи подошла к телу и перевернула его на спину.

— Он.

— Хорошо. Пойдем искать остальных. Важно не упустить ни одного.

— Я очень боюсь...

— А я нет. Ты говоришь как сильная ученая или как слабая фарги?

— Но влияние метаболизма... Я не уверена...

— Напрасно. Ты же видела ступню, которую я вырастила из генетических препаратов иилане'. В генетической совместимости нельзя сомневаться. Эффективность и безопасность наркотика доказаны. Я и тебе его вводила, когда ты вызвалась.

— С большой неохотой: чтобы ты не опробовала его на себе.

— Нет жертвы, которую нельзя принести ради прогресса науки. Ты пришла в себя, значит, и они придут. Измененная железа этого оружия вырабатывает усыпляющее вещество, а не яд. И когда я введу прекращающее действие наркотика средство, они очнутся. А теперь бери контейнер — и живо вперед. Нужно действовать без промедления.

По дороге к острову они наткнулись на парочку сорогетсо и тоже ввели им наркотик. Перебравшись по мосту, они зашли в лес глубже, чем осмеливались до сих пор. Всех встречавшихся усыпляли. Тех, кто пытался спастись бегством, доставали выстрелом в спину.

Амбаласи остановилась, чтобы вновь заполнить оружие шипами.

Ученые впервые вступили на ту часть острова, куда вход им был строго-настрого запрещен. Они перебрались по древесному мосту, которого прежде не видели, и отправились по хорошо утоптанной тропе. Выглянув из тени деревьев на песчаный бережок, они увидели весьма интересную картину.

В теплой воде, положив голову на берег, нежился вялый самец. Возле него сидела маленькая самочка со сложенной из большого листа чашечкой, в которой серебрились рыбешки.

Родильный пляж и нянька, приглядывающая за беспомощным, вынашивающим яйца самцом. Но с одной лишь разницей. Когда самец закончил неторопливо жевать, он открыл глаза и поднял над водой руку.

— Еще.

Сетессеи отреагировала жестами удивления и смятения. Изумленная Амбаласи отпрянула. Этого не могло быть — однако же...

Сетессеи с ужасом посмотрела на Амбаласи.

— Огромная важность! — объявила она. — Нужна ли Амбаласи поддержка и помощь?

Но Амбаласи уже пришла в себя.

— Тихо, дура! Увидела — теперь думай. Или ты не понимаешь, что это? Теперь мне стали ясны некоторые моменты в биологии сорогетсо. Сила самцов и их явное равенство с самками. Вот — видишь? Естественная изменчивость? Сомневаюсь. Здесь явно наличие тайных разработок. Естественные мутации не могли привести именно к этому следствию.

— Смиренно прошу пояснения.

— Сама смотри. Самец в сознании. А это значит, что все самцы живут долго. Вспомни — если ты только знала об этом, — что из-за неспособности выйти из оцепенения каждый третий самец погибает после рождения молодняка. Но это же не обязательно...

Амбаласи погрузилась в размышления, обдумывая выводы из подобного положения дел. Она очнулась, лишь когда самец съел всю рыбу и нянька собралась уйти.

Когда сорогетсо пересекла пляж и вошла в лес, Амбаласи выстрелила ей вслед — та упала. У воды раздались недоумевающие возгласы.

— Слушай внимательно, — распорядилась Амбаласи. — Оставь здесь контейнер — вернемся потом. Крайне необходимо, чтобы в тот момент, когда я подстрелю самца, ты была рядом — иначе он захлебнется. Ступай.

Они едва слышно пересекли пляж, и, когда подошли к самцу, тот что-то вопросительно пробурчал с закрытыми глазами. Амбаласи выстрелила прямо в пропитанный кровеносными сосудами гребень — и голова поникла. Сетессеи была тут как тут и подхватила самца за плечи. Он оказался таким тяжелым, что она не смогла сдвинуть его с места и уселась рядом, поддерживая его голову над водой.

— Держи его, пока я не вернусь, — приказала Амбаласи и отправилась обратно за контейнером.

Из него она достала живой плащ. Он был большим и теплым на ощупь. Вернувшись, она помогла Сетессеи вытащить самца на песок и осторожно закутала его.

— Так, — проговорила она, устало потирая спину. — Молодняк в безопасности. Изменения температуры тела ему противопоказаны. Плащ вместо теплой воды. А теперь бери хесотсан и ищи, не пропустили ли мы кого-нибудь из сорогетсо. Потом вернешься ко мне. Ступай.

Помощница удалилась. Амбаласи нагнулась и приподняла плащ у ног самца. Легким прикосновением она раздвинула его вздувшуюся сумку и заглянула внутрь.

— Вот как! — Она с изумлением откинулась на хвост. — Объяснение в наблюдении. Четверо маленьких, может быть, даже пятеро. А у нас обычно от пятнадцати до тридцати яиц... Требуется время для размышлений. — В озере что-то плеснуло, и она заметила крошечные головки, вынырнувшие на поверхность — и мгновенно вновь попрятавшиеся в воду. — Новая причина для размышлений. В воде уже плещется эфенбуру. Что с ними делать?

Она еще размышляла, когда вернулась Сетессеи. Амбаласи так погрузилась в раздумье, что не сразу пришла в себя. Наконец она заморгала и повернулась к помощнице.

— Пять яиц — не тридцать — вот и вся разница. В количестве их, только в количестве.

— Требуется объяснение. Понимание-постижение отсутствуют.

— Причина — выживание вида. Наши самцы не знают, что однократного пребывания на пляжах достаточно для сохранения рода иилане'. Какая разница, живы они или мертвы, если проклюнулось тридцать малышей? Так ведь? А у сорогетсо яиц всего четыре или пять. Чтобы догнать нас, им приходится выходить на пляжи раз шесть или семь. Так стоит ли удивляться, что они в сознании? Они должны выживать и опять возвращаться на пляжи. И по этой причине они обрели социальное равенство с самками, и даже превосходство над ними. Но над этим еще надо подумать... — Наконец Амбаласи заметила терпеливо застывшую перед ней Сетессеи. — Ты хорошо поискала? Никто не спрятался?

— Никто. Я еще раз как следует проверю, но я уверена, что мы усыпили всех.

— Великолепно. Тогда немедленно возвращайся к лодке. Я потихоньку пойду за тобой. Вместе с той, что ждет у лодки, начинайте носить сорогетсо на берег. Я пойду к урукето и пришлю вам помощниц. Но сперва проинструктирую капитана. Она с радостью поможет, когда я объясню ей, в чем дело.

...Элем не только не выразила удовольствия, она была попросту потрясена.

— Не понимаю, — едва выговорила она, не в силах шевельнуться от удивления. — Сорогетсо необходимо увезти отсюда? Зачем это им понадобилось?

— Не им, а мне. В настоящий момент все они лежат без сознания, так что их согласия и не требуется.

— Без сознания...

— Элем! Путаница в твоей голове и неспособность к пониманию уже начинают мне досаждать. Объясняю подробно. Всех сорогетсо необходимо увезти отсюда. Прикажи своим иилане' пойти на берег, погрузить сорогетсо в лодку, доставить на урукето и осторожно перенести в камеру. Поняла? Хорошо. Когда все они будут на борту, мы отвезем их вверх по реке — там я нашла место, где они смогут жить без вмешательства иилане', как часть естественной экосистемы.

— Но, великая Амбаласи, необходимы дальнейшие пояснения. Разве не является их переселение из естественного обиталища нарушением экологического равновесия?

— Нет. Во-первых, я сомневаюсь, что это место естественно для них. А что уже было когда-то сделано, всегда можно повторить. Но главное то, что отныне они будут далеко от этих Дочерей Раскола. Твои товарки уже успели причинить им много зла. Это более не повторится. Есть ли еще вопросы?

— Много...

— Тогда сформулируй их, пока сорогетсо будут доставлять на урукето. Это мой приказ. Ты повинуешься?

Мгновение поколебавшись, Элем сомкнула большие пальцы в знак преклонения перед высшим авторитетом, а потом отвернулась, чтобы отдать распоряжения — иилане', стоявшей на плавнике.

Дисциплинированный экипаж урукето, с усердием повинующийся седьмому принципу Угуненапсы, не стал протестовать. Пока шла погрузка, Амбаласи и Сетессеи еще раз прочесали остров и примыкавшие к нему места, где частенько бывали сорогетсо, но никого не обнаружили. Значит, все.

Когда погрузили последнее обмякшее тело, Амбаласи велела еще прочесать все окрестности, чтобы ничего, принадлежащего сорогетсо, не осталось на берегу. Собрали и принесли на урукето тыквы для воды, клеточки со смертельно ядовитыми пауками, яркие камешки в плетеных сумках и прочие предметы неизвест-

ного назначения. Оставили только гнезда из сухой травы, в которых сорогетсо спали, — их не стоило труда соорудить вновь.

День уже клонился к вечеру, когда урукето, отойдя от отмели, следом за кувыркавшимися в воде энтиисенатами направился вверх по течению. Стоя на плавнике, Амбаласи наслаждалась отдыхом от дневных трудов. Сложная операция прошла успешно.

Услышав звук, требовавший внимания, Амбаласи обернулась и увидела перед собою капитана.

— Отлично, Элем, — сказала Амбаласи. — Сделан крупный вклад в будущее процветание этих простодушных созданий.

— И как долго они пробудут в таком состоянии?

— Как только я сделаю инъекцию, они проснутся. Не бойся, мы не обидим их. Теперь мне требуется информация. Что ты думаешь делать ночью? Оставишь урукето дремать до рассвета на мелководье?

— Как обычно на реке.

— Отлично. Тогда на заре пусть меня разбудят, и с помощью Сетессеи я сама поведу урукето. Никто из вас не должен приближаться ко мне и подниматься на плавник.

— Я не понимаю.

Амбаласи сделала жест досады.

— Я думала, что объясняюсь достаточно ясно. Под моим руководством Сетессеи поведет урукето туда, где мы высадимся. И поскольку берега реки ничем не отличаются друг от друга, особенно если смотреть на них глазами ничего не замечающих Дочерей из твоего экипажа, только мы с помощницей будем знать, куда будут высажены сорогетсо. Ты, конечно, тоже можешь запомнить это место... но и ты останешься внизу. Я прекрасно знаю, что ты как ствол дерева: крепка и надежна. Ты и командир, и ученая. Но настанет день, когда мне придется покинуть этот мир, и сейчас я заставляю себя помнить, что ты тоже непоколебимая сторонница бредней Угуненапсы. И если тебя ее именем попросят сообщить, где я укрыла сорогетсо, ты, конечно, все расскажешь. Я не могу пойти на это. Сорогетсо не должны испытывать вмешательства в свою жизнь. А теперь скажи, *исполнишь ли ты мои указания?*

Элем была в полном смятении.

— Я служу науке подобно тебе, великая Амбаласи. Я согласна с тобой — это наилучший вариант. Но в то же время я и сторонница Угуненапсы. И обе стороны моей жизни должны согласовываться.

— Легче легкого. Вспомни о третьем принципе Угуненапсы — и твои мысли сразу прояснятся и выводы сделаются очевидными. Разве Угуненапса не говорила, что Дух Жизни, Эфенелейаа, великая эйстаа Города Жизни, царит над всеми нами, обитательницами его? А разве сорогетсо к нам не относятся? Поэтому, уплывая в свой новый город на реке, они одновременно пребудут и в вашем Городе Жизни. Так говорила Угуненапса. Разве я ошибаюсь?

Элем еще поколебалась.

— Ты права. Угуненапса говорила так — спасибо тебе, что напомнила. И я со смирением внимаю тебе, не являющейся Дочерью Жизни, но так хорошо разбирающейся в мыслях Угуненапсы, когда ты направляешь меня в неразумении моем. Конечно же, ты права, и приказ твой будет выполнен.

Вейнте′ не стремилась командовать этими фарги — привычный порядок сложился сам собой. Если Великреи и была недовольна тем, что Вейнте′ заняла ее место, то виду не показывала. Скорее напротив — старалась держаться поближе к Вейнте′, в меру своих способностей пытаясь уразуметь ее указания. Она приносила Вейнте′ самую вкусную рыбу из своего улова, с удовольствием следила, как та ест, и не приступала к еде, пока Вейнте′ не закончит трапезу. Привычный порядок среди иилане′: одним суждено отдавать приказы — другим повиноваться.

Чтобы распоряжаться этим эфенбуру переростков, особого ума не требовалось. Вместе они только ловили рыбу — и преуспевали в этом занятии. Они разбредались по берегу, заходили в воду — и медленно плыли вперед. Заметив косяк рыбы, они тут же извещали об этом друг друга простейшими знаками, по цепочке передавая сигнал, который в конце концов доходил до Вейнте′. Тогда она плыла в указанном направлении, чтобы взглянуть, достаточно ли велик косяк, годится ли рыба в пищу. Если поохотиться стоило, она жестом посылала фарги вперед, дальше все происходило самым привычным образом.

В другое время они не общались. Пили — когда хотелось пить. Замерзнув, выбирались на солнце. Подобно ящерицам, валялись на берегу, и Вейнте′ это устраивало, поскольку не нарушало бездумного покоя в ее душе.

Соседство их, пусть и бессловесное, приносило ей удовольствие. Одинаковые дни сменяли друг друга, и не нужно было ни думать, ни беспокоиться. Здесь, на экваторе, было трудно отличить день ото дня. Изредка шли дожди. В море хватало рыбы, пресно-

водные ручьи не пересыхали. Вот и вся жизнь — простая и беззаботная.

Более фарги ничего не умели делать. Едва ли они представляли себе иные возможности — раз предпочли такое существование городской жизни, полной трудов и волнений.

Когда приходили думы, Вейнте' старалась отделаться от них. Она просто испытывала удовлетворение от соседства фарги и того, что ее окружало.

Дни сменялись ночами, а ночи рассветами, время величественной поступью шествовало мимо.

Глава 11

Alitha hammar ensi igo vezilin gedda. Sammad geddar o sammadar sapri.

Не бывает двухголовых оленей. Так и у саммада — один саммадар.

Поговорка тану

Лил дождь. Тропический ливень тяжелым пологом занавесил землю под свинцово-серым небом. Струи так громко хлестали по натянутым шкурам, что тану приходилось разговаривать громко.

— Когда же этот дождь кончится? — проговорила Армун.

Младенец завопил: небо расколола молния, и над вершинами деревьев прокатился гром.

— Третий день льет, — отозвался Керрик. — Я не помню, чтобы дождь шел больше трех дней подряд. Наверное, к вечеру перестанет. Тучи, похоже, редеют.

Он поглядел на Харла, обжаривавшего над огнем тонкий ломоть оленины. Дым стелился по земле. Порыв ветра, залетевший в шатер, окутал Харла дымным облаком. Тот закашлялся и принялся тереть глаза. Сидевший на корточках перед костром Арнхвит засмеялся — но тут же сам стал кашлять. Ортнар сидел в обычной позе, вытянув вперед неподвижную ногу, и вглядывался в пелену дождя.

Здесь, на острове, он часто сидел так и молчал. Керрик тревожился за него. Других забот у него не было — стоянка на острове во всех отношениях была лучше, чем у Круглого озера. В тростнике водились утки, их можно было ловить силками. Хватало и

дичи: оленей и мелких мургу со сладким мясом. Хищных мургу они убивали, едва те попадались на глаза. Изредка мургу перебирались через неглубокий пролив, отделявший остров от материка. Хорошее место. Армун — как это часто случалось, когда они жили вместе, — разделяла его мысли.

— Хорошая стоянка. Мне не хочется уходить отсюда.

— И мне. Хотя иногда я вспоминаю про саммады. Интересно, они так и остались в долине саску?

— Я боюсь, что они погибли, что их убили и съели мургу со стреляющими палками.

— Я тебе сколько раз говорил — они живы и здоровы.

Он протянул руку и отвел волосы с ее лица, когда она склонилась над младенцем. А потом провел пальцами по лицу до раздвоенной губы. Армун улыбнулась. Охотнику не полагалось проявлять чувства на виду у всех — и она обрадовалась.

— Ты уверен? — озабоченно спросила она.

— Да. Я же говорил тебе, мургу не умеют лгать. Потому что каждое их слово есть мысль. Что на уме, то и на языке.

— Я так не могу. Иначе беды не оберешься. — Она рассмеялась и добавила: — А может быть, и удачи.

— Ты поняла. Мургу приходится высказывать все, что они думают. Когда я разговаривал с их саммадаром и дал ей нож из небесного металла, она обещала мне, что прекратит войну и вернет войско в город. Сказала — и сделала.

Дождь постепенно утих, но с деревьев еще капало. К вечеру немного прояснилось, и сквозь ветви пробились косые лучи заходящего солнца. Керрик встал, потянулся и принюхался.

— Завтра будет ясный день.

Обрадовавшись окончанию невольного заточения, он взял хесотсан, копье и направился в сторону холма у стоянки. Арнхвит окликнул его — Керрик жестом позвал сына за собой.

Арнхвит трусил возле отца, держа наготове маленькое копье. Охотничьему делу его учили Харл и Ортнар, и в свои семь лет он умел идти по лесу совершенно бесшумно — не то что отец.

В кустах послышался шорох, оба замерли. Заметив небольшого зверька, Арнхвит быстро метнул свое копье.

— Элиноу! — объявил он. — Я успел заметить пятна на шкуре. И чуть не попал.

Он побежал за копьем. Мясо элиноу, некрупных и подвижных ящеров, люди находили вкусным. Имя существа Арнхвит узнал от самцов у озера и теперь правильно выговорил его на ии-

лане'. Но теперь он все реже и реже прибегал к этому языку — незачем было.

Добравшись до вершины холма, отец с сыном посмотрели в сторону моря, на крохотные островки за лагуной. С моря на их берега набегали пенистые волны — шторм еще не кончился. Океан как обычно был пуст. Иилане' из города еще ни разу не появлялись здесь.

«А что, если охотницы снова приходили к Круглому озеру? — подумал Керрик. — И если приходили — что стало с самцами?»

— Искупаемся? — спросил Арнхвит на марбаке.

— Поздно, слишком темно. Сходим утром, заодно и рыбы наловим.

— Не хочу рыбы.

— Придется есть рыбу, если больше ничего не останется.

С тех пор как они покинули озеро, рыбу они ловили редко. Должно быть, потому, что слишком много ее съели. Но мысли об озере не оставляли Керрика, и он прекрасно знал почему. Что там случилось после их ухода? Проклюнулся ли молодняк — или как там это называется у иилане'? Если проклюнулся, то жив ли Имехеи? Эти думы не давали ему покоя все последние дни. Если Имехеи погиб, значит, Надаске' остался один, и ему не с кем даже поговорить. А ведь оба не закрывали рта, даже если никто не слушал. А уж в обществе друг друга тем более. Что с ними случилось?

Они вернулись на стоянку еще до темноты, поели и принялись обсуждать планы на следующий день. Харл согласился, что искупаться и наловить рыбы — хорошая идея. Редко открывавшая рот Даррас попросила взять ее с собой.

— Возьми ее, — сказал Ортнар. — Армун умеет пользоваться стреляющей палкой, да и моя копейная рука еще не ослабела. Здесь нам нечего бояться.

Слова Ортнара все решили. Теперь Керрик знал, что делать. Перед сном наедине с Армун он привычно делился с ней мыслями.

— А ты знаешь, как саску отмечают время? Оказывается, они не считают дней...

Она что-то пробормотала сквозь сон.

— Саноне рассказал мне, как они это делают. Он сказал, что этим тайным знанием обладают только мандукто, но я все хорошо понял. Я не умею делать рисунки на песке, как он, но могу считать луны. От полной до полной. А это много дней. С тех пор как мы оставили озеро, прошло уже три луны.

Что-то в голосе мужа встревожило Армун. Он почувствовал, как напряглось ее тело.

— Мы оттуда ушли, — ответила она. — Зачем снова говорить об озере? Давай спать.

— Мы ушли давно... Интересно, как там дела?

Она окончательно проснулась и, широко раскрытыми глазами уставившись в темноту, затараторила, не давая ему вставить слова:

— Что тебе озеро? Зачем тебе озеро? Там уже, наверное, мургу. Забудь о своих любимцах. Больше ты их не увидишь.

— Я же беспокоюсь о них — как ты не понимаешь? Я знаю, для тебя они просто пара мургу, которых надо убить.

— Прости меня за эти слова... Я старалась понять твою странную привязанность к ним, представить тебя живущим среди мургу. Не знаю, как это получилось, но, похоже, я начинаю понимать твои чувства к самцам.

Керрик ласково обнял ее. Таких слов от Армун он еще не слыхал.

— Ну, раз ты понимаешь меня, значит, должна понять, что мне небезразлична их участь.

Она вздрогнула и высвободилась из его объятий.

— Не смей туда ходить. Не смей. Я понимаю тебя, но к ним не испытываю ни малейшей привязанности. Оставайся здесь.

— Потом поговорим.

— Нет, поговорим теперь. Зачем тебе возвращаться к ним?

— Чтобы узнать, что с ними. Я буду осторожен — это же всего несколько дней пути. А ты будешь здесь в безопасности.

Армун отодвинулась от него и повернулась спиной... Они уснули не скоро.

Армун не ошиблась: Керрик уже все решил. Утром он молча положил в мешок немного копченого мяса и горсть печенных на углях корней.

Ортнар сказал, что Керрик напрасно это делает.

— Что тебе это озеро? Мы ушли оттуда, и незачем возвращаться. Теперь там, может быть, уже много мургу. Это же ловушка.

— Ортнар, ты знаешь, зачем я иду туда. Меня не будет несколько дней. Охраняй саммад вместо меня.

— Но я же только наполовину охотник...

— Твоя копейная рука сильна как всегда, и наконечник копья по-прежнему остер. Да и Харл гораздо лучший охотник,

чем я. Вы прекрасно обойдетесь без меня. Ну, соглашайся, прошу тебя.

Неразборчивое ворчание Ортнара Керрик истолковал как знак согласия и принялся тщательно обматывать ноги шкурами. Узнав о его намерении вернуться к озеру, Армун перестала с ним разговаривать и только односложно отвечала на вопросы. Он не хотел уходить, не помирившись с женой, но выхода не было.

Керрик уже собрался идти, как Армун вдруг сама заговорила:

— Будь внимателен, возвращайся невредимым.

— Ты понимаешь, что я не могу иначе?

— Нет. Вижу только, что не можешь не пойти. Я бы пошла с тобой, но не могу оставить ребенка. Поторопись.

— Хорошо. Не беспокойся.

Харл отвез его на берег на плоту, сооруженном из толстых жердей, связанных лианами. Было решено, что Харл вернется на остров и спрячет плот среди деревьев. Не говоря ни слова, юноша прощально поднял руку. Керрик зашагал к лесу, держа наготове хесотсан.

Добравшись до широкой тропы, с которой еще не исчезли оставленные саммадом следы, он повернул на юг, потом остановился и огляделся.

В отличие от тану Керрик плохо знал лес. Он даже не заметил сломанной ветви, которой Ортнар отметил поворот. Положив хесотсан, он взял кремниевый нож и срезал полоску коры на ближайшем дереве. Потом внимательно посмотрел вокруг, стараясь запомнить все приметы, чтобы не сбиться с дороги на обратном пути, и, подобрав хесотсан, отправился дальше.

Саммад шел на север много дней — приходилось примерять к шагу Ортнара. А Керрик уже на третий день свернул с колеи на знакомую тропку к Круглому озеру.

В этих лесах он часто охотился и успел их изучить. Неподалеку от бывшей стоянки он повернул и вышел к берегу рядом с тем местом, где находились их шатры. Он шел вперед все медленнее и медленнее и наконец пополз, прячась за кустами. Место стоянки уже заросло травой, и лишь черный след от костра говорил о том, что здесь жили тану. Керрик спрятался за дерево и посмотрел на жилище самцов у воды.

На берегу что-то шевельнулось — Керрик поднял хесотсан и увидел иилане′, сидевшую к нему спиной. Керрик немного подождал. Наконец сидевшая поднялась и повернулась.

Сомнений не было — это Надаске′. Керрик уже хотел его окликнуть, но передумал. А что, если он здесь не один? Не прячутся ли где-нибудь рядом другие?..

Казалось, поводов для беспокойства нет. Керрик увидел, как Надаске′ подошел к воде и склонился над неподвижной фигурой. Это мог быть лишь Имехеи — живой! Почувствовав внезапно нахлынувшую радость, Керрик вышел из-за дерева и крикнул.

Быстро повернувшись, Надаске′ метнулся к шалашу и сразу же выскочил из него, держа наготове хесотсан. Керрик шагнул вперед.

— Приветствую великого охотника, убивающего всех, кто смеет шевелиться в лесу.

Надаске′ стоял, застыв, словно каменное изваяние, и опустил хесотсан, лишь когда Керрик подошел ближе. Потом заговорил:

— Многократное удовольствие. Присутствие не ожидалось-не верилось. Не с кем говорить, и я стал йилейбе. Ты вернулся.

— Конечно.

Керрик показал пальцем в сторону неподвижного Имехеи.

— Все по-старому. Яйца лопнули.

— Не понимаю. Исчезли, что ли?

— В своем невежестве я забыл об отсутствии у устузоу необходимых познаний. Яйца находятся в сумке. Проходит некоторое время, они лопаются, и из них выходят элининйил и подрастают в той же сумке, питаясь выделениями некоторых желез. Когда они подрастут — то выйдут из сумки, и нам станет ясно, что с Имехеи.

— Сомневаюсь в точности выражений.

Надаске′ посмотрел на воду, на неподвижного и безмолвного друга — и сделал жест, означающий жизнь и смерть.

— Таким он будет до тех пор, пока не выйдет молодняк. Потом умрет — или останется жить. Нам остается только ждать. Теперь уж скоро. Видишь, они уже шевелятся, посмотри внимательнее.

Керрик взглянул на живот Имехеи: под кожей что-то шевелилось — и отвернулся.

— Долго еще?

— Не знаю. Сегодня, завтра, еще несколько дней. Я не помню. — Заметив вопросительное движение Керрика, он ответил: — Да, я уже побывал на пляже. Один раз. В ханане говорят: после первого раза можешь выжить, после второго скорее всего умрешь, а уж после третьего — наверняка. У Имехеи это впервые. Есть основания для надежды.

Было тепло как всегда, и Керрик не стал разжигать костер, всегда досаждавший Надаске'. Даже почуяв запах дыма от одежды Керрика, он начинал чихать и старался отодвинуться подальше. К сырой рыбе Керрику было не привыкать. Они ели и разговаривали, пока не стемнело и стало трудно различать жесты. Потом они улеглись рядышком в шалаше, сооруженном самцами. Он больше напоминал спальню иилане', чем кожаный шатер тану, и вскоре Керрик заснул крепким сном.

Утром сырая рыба уже не казалась столь аппетитной. Прихватив хесотсан, Керрик направился вдоль берега к роще фруктовых деревьев, где и наелся плодов. Когда он вернулся, Надаске' кормил Имехеи. Тот пошевелился, и Надаске' устроил его в воде поудобнее.

— Сегодня? — спросил Керрик.

— Сегодня, на днях... Но обязательно случится.

Такой ответ совершенно не устраивал Керрика, но другого от Надаске' добиться не удалось. Если оставаться — то надолго ли? Он обещал вернуться скоро — но когда? Для Керрика Надаске' и Имехеи, как и тану, были членами его саммада, и он был верен и тем и другим. Тану в безопасности на островке. И где же ему быть, как не здесь, у озера?

Легко говорить. Так день превратился в два, потом в три. Четвертый день не принес перемен, и Керрик понял, что надо возвращаться на остров. Он обещал Армун вернуться через несколько дней — все сроки уже вышли. Завтра придется уходить — значит, придется вернуться. Значит, ему предстоит новое путешествие, новое расставание...

— Нет перемен, — ответил Надаске' на следующий день на невысказанный вопрос Керрика.

— Свежего мяса хочется. Рыба надоела, тебе, наверное, тоже, — сказал Керрик. — Я видел оленей на том берегу. Надо бы добыть одного.

Ему было нужно не только свежее мясо, но и возможность хотя бы ненадолго уйти отсюда. Керрик уже не мог видеть неподвижного, ни живого, ни мертвого, Имехеи. Сегодня последний день. Утром он уйдет, если ничего не случится.

Приняв такое решение, Керрик отправился на охоту. Лук он с собой не взял, зная, что стреляет из рук вон плохо. Пришлось заменить его хесотсаном. Охота с хесотсаном требовала умения как можно ближе подкрадываться к добыче, однако оружие иилане' било наверняка.

Обойдя стадо, Керрик подобрался к нему с наветренной стороны. Первая попытка оказалась неудачной — олени заметили его и быстро исчезли из виду. Но во второй раз Керрику повезло — ему удалось подстрелить небольшого бычка.

Надаске' терпеть не мог огня и запаха дыма. Стало быть, надо поджарить мясо где-нибудь подальше от берега. Керрик решил развести костер и поесть, а оставшееся мясо отдать самцам.

На поиски сухих дров и высекание искры из кремня ушло немало времени, к тому же задняя нога оленя долго жарилась над костром. Жесткое мясо показалось необыкновенно вкусным, и Керрик долго глодал косточки. Полдень уже миновал, когда, забросав костер грязью, он перебросил тушу через плечо и зашагал к озеру.

Подойдя поближе, он издал призывный звук. Надаске' не ответил. Это на него не похоже. Стряслось что-нибудь? Керрик сбросил тушу с плеча и исчез в кустах. Выставив вперед хесотсан, он осторожно подбирался к жилищу самцов. Если иилане' обнаружили стоянку, лучше выстрелить первым. На берегу росло высокое хвойное дерево. Керрик спрятался за ним и осторожно выглянул.

Случилось что-то ужасное. Надаске' сидел на песке, подавшись вперед и бессильно свесив руки. Имехеи лежал на берегу без движения, слегка приоткрыв рот. Мертвый. Земля вокруг была залита кровью и усеяна мертвыми неподвижными тельцами.

Керрик, спотыкаясь, бросился вперед, издавая вопросительные звуки. Надаске' обратил к нему пустой взгляд и, сделав усилие, сказал:

— Они вышли. Он умер. Все кончено. Мой друг умер. Он умер.

Нагнувшись, Керрик посмотрел на тельца крошечных иилане'. Заметив, куда он смотрит, Надаске' вскочил и громко застучал челюстями. Изо рта его пошла пена. Боль чувствовалась в каждом его движении, в каждом слове.

— Они жили — Имехеи умер. Они убили его. Он уже умер, — а они все еще рождались. Вот они — самки, все здесь, на берегу. Я убил их. Потому что они убили его. Все это отродье погибло. А самцы, — Надаске' перевел взгляд с мертвого друга на озеро, — остались в воде. Если выживут — рядом с ними не будет этих. У них будет шанс уцелеть, которого не было у Имехеи.

Керрику нечего было сказать, нечем утешить Надаске', он ничем не мог изменить ужасный исход этого дня. Он вернулся за оленем и принес тушу к берегу.

В городе тело Имехеи положили бы в одну из погребальных ям, где корни специальных растений разрушили бы и тело, и кости, возвращая питательные вещества вскормившему его городу. Здесь же пришлось вырыть яму под высоким хвойным деревом, росшим за стоянкой, и опустить в нее тело. Керрик натаскал камней и завалил ими рыхлую землю, чтобы ночью не раскопали трупоеды.

Теперь Надаске' ничего не удерживало у озера. Когда утром Керрик собирал вещи, Надаске' подошел и протянул ему что-то небольшое, завернутое в зеленый лист.

— Ты не можешь взять это? Я боюсь его повредить в дороге.

Керрик развернул лист и обнаружил золотую проволочную фигурку рогатого ненитеска. Жестом выразив согласие и благодарность за доверие, Керрик осторожно положил статуэтку между шкурами.

— Я осторожно понесу ее и верну тебе, когда придем.

— Пошли.

Они тронулись в путь с первыми лучами солнца. И ни один из них не оглянулся на опустевший берег.

Глава 12

— Хорошая здесь рыбалка, — сказал саммадар Келлиманс, пошевеливая в костре палкой.

— В океане рыбалка везде хорошая, повсюду полно рыбы, — резко ответил Херилак, пытаясь справиться с гневом. — Ты что, собираешься рыбачить здесь и зимой, когда все стреляющие палки перемрут от холода? Все равно придется уходить. Не лучше ли уйти сейчас?

— Станет холодно — и уйдем, — вмешался Хар-Хавола. — Тут я с Келлимансом согласен. Но речная рыба, конечно, вкуснее.

— Если ты так любишь рыбу, можешь жить с ней в воде! — отрезал Херилак. — Тану охотники, а не рыбоеды...

— Но здесь и охота недурна.

— На юге охота лучше, — перебил всех Ханат, — а Керрик сделал для всех доброе дело.

— Подарил нам жизнь, — подхватил Моргил. — Пойдем с Херилаком — он решил отыскать Керрика.

— Ступайте! Кому вы нужны! — негодующе бросил Келлиманс. — Надо же было вам красть у мандукто порро, из-за вас и

все эти хлопоты. Многие из нас с радостью увидят ваши спины. Уходите с Херилаком. А я останусь. Мне незачем уходить.

— Как это? — Херилак вскочил и махнул рукой во тьму в сторону юга. — Разве есть здесь хоть один охотник, который не знает, что там, на юге, Керрик спас всех нас? — Он дернул и разорвал шнурок, на котором висел металлический нож. Херилак швырнул нож под ноги охотникам. — Это нам отдали мургу. Все знают нож, который носил Керрик. Это знак. Этот нож говорит, что Керрик остановил занесенную над нами руку мургу. Он послал его нам, чтобы тану узнали о победе. Война кончилась, они ушли. Это Керрик заставил мургу уйти. Или кто-нибудь посмеет сказать, что я говорю неправду? — Он бросил яростный взгляд на саммадаров. Те поспешно закивали. Потом он посмотрел на притихших охотников и женщин. — Все знают, что это правда. И я говорю: мы должны идти на юг, чтобы найти Керрика, чтобы помочь ему, если он еще жив.

— Если он жив, зачем ему помощь? — возразил Келлиманс. Послышался одобрительный ропот. — Херилак, Керрик из твоего саммада, хочешь искать его — ищи. Но мы поступим по-своему.

— Мы хотим остаться, — подтвердил Хар-Хавола.

— Медузы с мозгами из мокрой грязи!

Херилак подобрал нож из небесного металла.

К огню шагнула Меррис. Уперев кулаки в бока и сверкая глазами, она оглядела охотников.

— Вы мальчишки, что объявили себя взрослыми и тут же обмочились от страха. Говорите прямо: вы боитесь мургу. И лучше забудете Керрика и будете есть одну рыбу. Чтоб ваши тхармы утонули в морской воде и никогда не поднялись на небо!

Раздались гневные крики.

— Зачем ты так? При чем тут тхармы? — недовольно отозвался Херилак.

— Я сказала и не стану брать назад своих слов. Если вы, охотники, считаете, что у нас, глупых баб, не может быть тхармов — почему я должна беспокоиться о ваших? Ты уходишь утром?

— Да.

— Со своим саммадом?

— Да, мы все обсудили — они согласны.

— Твои мастодонты умнее этих саммадаров. Я пойду с тобой.

Херилак признательно кивнул.

— Согласен. — Он ухмыльнулся. — Сильный охотник никому не помеха.

— Охотник, но и женщина — не забывай этого, саммадар.

Все было сказано, и оставаться у огня было незачем. Пройдя мимо темных горок шатров, Меррис вышла на луг к стреноженным мастодонтам. Старая самка Дооха, заслышав шаги хозяйки, задрала хобот и принюхалась, потом забурчала, приветствуя Меррис, и принялась ощупывать ее кончиком тяжелого хобота. Меррис ласково похлопала по волосатой шкуре.

— Знаю, ты не любишь ходить по ночам, но на сей раз путь будет недолгим. Стой-ка смирно.

Меррис решила уйти задолго до разговора у костра. Она разобрала шатер, привязала его и прочие пожитки к шестам травоиса. Дооха ворчала, но не противилась хозяйке. Узнав, что Херилак уходит, Меррис сразу же начала собираться. Пусть эти саммады торчат у реки, пусть жиреют на своей рыбе. Она уйдет на юг с саммадом Херилака. Хорошо снова путешествовать, к тому же ей нравилась Малаген. Меррис не о ком было заботиться — и никто не заботился о ней. Подогнав Дооху, впряженную в травоис, к шатрам, Меррис привязала ее к дереву и отправилась к костру Херилака. Заметив ее, Малаген радостно заулыбалась.

— Ты тоже пойдешь с нами?

— Пойду. Здесь все провоняло рыбой.

Малаген нагнулась и зашептала:

— И не ты одна. Алладжекс Фракен тоже уходит с нами. Это очень хорошо.

Меррис громко фыркнула.

— Старый Фракен. Лишняя обуза. Только зря чужую еду переводит.

Малаген разволновалась.

— Но это же алладжекс. Он всем нужен.

— Алладжекс нужен, а не этот пустомеля. Я позабыла больше лечебных отваров, чем он умел приготовлять. Его не сравнить с вашими мандукто. Те мудры и умеют вести за собой. А этот стар и глуп. Скоро он умрет, и парень-без-имени займет его место.

— А разве неправда, что Фракен умеет читать будущее по совиным шарикам?

— Кое-кто верит в это. А я думаю, какая польза в шкурке и костях мышей. Я и без них предскажу будущее.

— А ты умеешь?

— И тебя научу. Херилак не сказал, но знай: Нивот оставит ваш саммад еще до рассвета.

— Да хранит тебя Кадайр. — В широко открытых глазах Малаген отражалось пламя костра. — Ты ведь не была здесь, ничего не слышала — Нивот только что забрал свой шатер.

Громко расхохотавшись, Меррис хлопнула себя по бедру.

— Я знала об этом. Нужно было только немного пошевелить мозгами. Раз мы идем искать Керрика, значит, можем найти и Армун, убежавшую к нему из саммада. Она тогда ударила Нивота кулаком по лицу и сломала ему переносицу, потому у него такой кривой нос. И он вовсе не горит желанием встретиться с ней. Было бы неплохо увидеть его спину.

— Значит, ты все знаешь о саммадах? А мне расскажешь?

— Я знаю не все, но достаточно.

— Ты поставишь здесь шатер?

— Не сегодня. Все собрано, уложено на травоис и готово к отбытию.

— Тогда иди спать в мой шатер.

— Нет, это шатер твоего охотника Невасфара. А в шатре должна жить только одна женщина. Лягу у костра. Не впервой.

К утру костер угас, угли остыли, но ночь была теплой. Меррис лежала, завернувшись в шкуры, и смотрела, как утренняя звезда тает в розовой полоске над океаном.

Она уже поднялась и привязала шесты травоиса, когда из шатров начали вылезать остальные.

— Эй, Херилак, будете спать до полудня, далеко не уйдете, — сказала она, едва саммадар вышел из шатра и стал принюхиваться.

Тот нахмурился.

— Твой язык зол с самого утра, Меррис.

— Мой язык говорит правду, великий саммадар. Правда, что Фракен пойдет с нами? Прежде он не любил Керрика...

— Он тепло любит. И здешней зимы боится.

— Понимаю. Далеко ли пойдем?

— Сегодня дойдем до речушки, возле которой уже стояли. А если ты спрашиваешь, далеко ли придется уйти, чтобы отыскать Керрика, — отвечу: пройдем столько, сколько потребуется.

— К городу мургу?

— Если придется. Я чувствую — он где-то там.

— Я уже много дней не ходил туда, — сказал Керрик, стараясь казаться спокойным.

— Это неважно, — ответила Армун. — Ты — охотник, а охотник волен идти куда вздумается. Ходи туда хоть каждый день. Но Арнхвит останется со мной.

Усевшись в тени раскидистого дуба, Керрик смотрел через поляну на воду.

Остров оказался великолепным. Оба шатра надежно скрывали деревья. Охота была отменной. За пресной водой не нужно было даже ходить. Утки; рыбу хоть рукой бери. Ягодами остров прямо усыпан. Армун и Даррас ходили за грибами и корешками и всегда возвращались с полными корзинами. Все чувствовали себя хорошо, малышка подрастала. Даже привычно ворчавший Ортнар как будто поздоровел. Счастью Армун мешал только Надаске′, и она не собиралась мириться с его присутствием. Почему-то, кроме Армун, его никто и не видел. Для нее он был словно болячка, с которой она все время срывала корочку.

— Он же не причинит мальчишке вреда, — уже в который раз объяснял Керрик. — Арнхвит же сам хочет.

Керрик смотрел на сына. Всякий раз, когда родители ссорились, тот убегал к Харлу. Проследив за направлением его взгляда, Армун постаралась взять себя в руки.

— Ты думай о том, чего я хочу, а не он. Вырастет каким-нибудь не таким: наполовину тану, наполовину мараг. Как...

— Как я, — с грустью закончил Керрик. — Ни то ни се.

— Я вовсе не это хотела сказать... а может быть, именно это. Ты же сам говоришь, что и мараг из тебя не вышел, и охотника не получилось. Прошу тебя, пусть хотя бы он вырастет охотником.

— Он и так будет великим охотником — ведь его воспитывали не мургу, как меня. Не бойся. Но уметь с ними говорить, уметь понимать их — это же так важно! Мы с ними живем под одним небом, и среди тану лишь я знаю пути мургу. Когда он вырастет, нас будет двое, умеющих разговаривать с ними.

Керрик видел, что ему не убедить жену. Однако он снова и снова пытался это сделать, чтобы она наконец поняла: несчастный самец не должен быть преградой между ними. Но она не хотела его понять — или же не могла.

Взяв хесотсан, он встал.

— Пойду поговорю с Надаске′, вернусь до темноты. — Армун резко повернулась к нему. — Арнхвит пойдет со мной. И не спорь.

Он повернулся и торопливо отошел от костра, чтобы не слышать ее возражений.

— Возьмем с собой Харла, — радостно проговорил Арнхвит, потрясая своим копьецом.

— Что скажешь, Харл?

— Вы рыбачить или охотиться?

— Как получится. Но сначала поговорим с Надаске′.

— Да вы ж не говорите, трясетесь и булькаете, — еле сдерживая раздражение, сказал юноша. — Без вас поохочусь.

Керрик посмотрел вслед Харлу. С каждым днем парень все больше становился охотником. И чересчур верил горестным откровениям Ортнара. Надо бы ему поменьше слушать калеку.

Здесь хорошо, безопасно и сытно, но как-то нерадостно. Керрик чувствовал себя виноватым, но ничего не мог поделать с собой. Как там Надаске′? Керрик так давно не видел его.

На небо медленно наползали тучи, в воздухе запахло грозой. На севере скоро начнут падать листья, закружатся первые снежинки. Здесь же только ночи станут прохладнее — и больше ничего не изменится.

Тропа спускалась к болоту. Местами оно было глубоким — и Керрику пришлось нести Арнхвита на плечах. Через маленький пролив они переплыли к другому острову. Арнхвит пронзительно выкрикнул призыв слушать говорящего, и Надаске′ появился из своего убежища. В его движениях была радость от предвкушаемого разговора.

— Тому, кто слышит лишь голоса волн, речи друзей кажутся песнями.

— А что это — песня? — спросил Арнхвит, повторяя движения Надаске′.

Керрик начал объяснять, но умолк: он взял сюда Арнхвита, чтобы тот учился и слушал, и не нужно ему мешать.

— Значит, ты никогда не слыхал песен? Должно быть, я еще не пел при тебе. Вот эту любил петь Эсетта.

И, взволнованный воспоминаниями, самец запел хриплым голосом:

Молодым я иду на пляж —
и возвращаюсь.
И второй раз иду, уже постарев,
вернусь ли?
Но в третий раз...

Надаске′ внезапно умолк и невидящим взором уставился на воду, погрузившись в воспоминания.

Керрику уже приходилось слышать эту песню в ханане, где были заточены самцы. Тогда он ее не понял. Но теперь он знал, как на пляжи приходит смерть.

— Там что — плавают и тонут? — спросил Арнхвит, подметивший тоску в песне, но не понявший ее причины.

Надаске′ быстро взглянул на мальчика и промолчал.

— Ты сыт? — спросил Керрик. — Если тебе надоела рыба, я принесу мяса... — и умолк, осознав, что самец не слышит его.

Арнхвит подбежал к Надаске′ и дернул его за один из больших пальцев.

— Ты не допоешь песню?

Опустив голову, Надаске′ промолвил:

— Это очень грустная песня... Не надо было мне начинать ее. — Высвободив палец из ладошки мальчика, иилане′ посмотрел на Керрика. — С тех пор как я здесь поселился, чувство это все растет. Что со мной будет? Почему я здесь оказался?

Тоска мешала ему говорить, но смысл был понятен.

— Ты здесь потому, что мы с тобой эфенселе и я привел тебя сюда, — встревоженно ответил Керрик. — Не мог же я бросить тебя одного.

— Может быть, так было бы лучше. И я бы умер вслед за Имехеи. Два — это что-то, а один — ничто.

— Но мы-то здесь, Надаске′. И мы трое — эфенбуру. Арнхвита нужно многому научить, и это можешь сделать только ты.

Надаске′ шевельнулся и задумался над этими словами. Когда он заговорил, в его словах и жестах уже не было печали.

— Верно говоришь. Правда, эфенбуру очень маленькое, нас только трое, но это во сто крат лучше одиночества. Придется подумать и припомнить другую песню, повеселее. Должна быть и такая.

И он задвигался всем телом, вспоминая забытые слова...

Глава 13

Efendasi′esekeistaa belekefeneleiaa, deenke′deedasorog beleksorop eedeninsu.

Дух Жизни, Эфенелейаа, есть высшая эйстаа Города Жизни, и мы его обитательницы.

Третий принцип Угуненапсы

Неторопливо шагая среди деревьев по залитой солнцем тропке, Энге наслаждалась покоем. Тяжелые испытания, перенесенные ею, ушли в прошлое, оставив воспоминания о жестокости и смерти. Настоящее было теплым и светлым, и будущее казалось

лучезарным. И когда она вошла на амбесид, чувства эти отражались в ее походке и в движениях тела. И все, кто там был, обрадованно зашевелились.

— Разделяем твои мысли, Энге, — сказала Сатсат. — Мы видим, что они просто прекрасны.

— Не прекрасны, а просты. И пусть они согреют вас, как меня согрело солнце. Поглядев на город, я поняла, как далеко мы ушли. Подумайте — и разделите мою радость. Первой была Угуненапса, и она была в одиночестве. Она творила — и восемь принципов ее преобразили мир. Потом пришло время, когда иилане′ поверили ее слову, но мало их было, и они потерпели за свою веру. Многие из наших сестер умерли. Были дни, когда всем нам казалось, что смерть неизбежна. Но вера в Угуненапсу не оставляла нас, и теперь мы живем в мире, созданном нашей верой.

Прекрасен наш город, и мы трудимся в ладу и согласии, а те, кто добивался нашей смерти, остались далеко и не ведают о нашем существовании. И, собравшись здесь этим утром, чтобы утвердить нашу веру, мы видим: все вокруг доказывает ее истинность. Между пальцами Угуненапсы обрели мы здесь мир и покой.

Все дружно обратили взгляды к месту эйстаа, и Энге подняла вверх два сомкнутых пальца.

— Мы все между ее пальцами, — произнесла она, и все последовали ее примеру.

Такая церемония сложилась сама собой и очень нравилась сестрам. Те, кого избрали руководить городскими работами, каждое утро сходились на амбесид, чтобы обсудить планы на день. Это был привычный для всех городов иилане′ ритуал. И хотя место эйстаа оставалось пустым, сестры собирались перед ним.

Как-то, услышав пересуды сестер на эту тему, Энге объяснила им, что место эйстаа вовсе не пусто, что это место Угуненапсы. Эфенелейаа, Дух Жизни, и есть истинная эйстаа нового города, которая незримо правит на амбесиде. Теперь, собираясь, сестры с уважением смотрели на пустовавшее возвышение, уже не являвшееся для них пустым.

Спокойный ход церемонии был нарушен возгласом Фар<, привлекшим всеобщее внимание. Но прежде чем она успела заговорить, вмешалась Элем.

— Срочное дело, необходимость говорить первой. Урукето голоден. Я должна вывести его на несколько дней в океан, чтобы покормить.

— Отправляйся сегодня, как только мы закончим, — приказала Энге.

— Мое дело тоже важно, — возразила Фар<. — И его следует обсудить до отбытия урукето.

— Нет, — твердо ответила Элем, — здоровье и безопасность огромного существа требуют срочности и не допускают споров.

— Великолепное замечание. Мудрые слова, — вмешалась Амбаласи, медленно приближаясь к стоявшим на амбесиде. — Мне уже случалось отмечать, что расположенность к долгим спорам зачастую перевешивает потребности жизни.

Она прошла мимо и уселась на прогретую древесину места эйстаа, сделав вид, что не замечает сердитого ропота Дочерей. Она знала об их предрассудках и теперь наслаждалась, устроившись, образно говоря, на коленях Угуненапсы.

— Вот об этой неверной я и хотела вести речь, — вознегодовала Фар<.

Потрясенное молчание охватило присутствующих; гребень Амбаласи дернулся и налился кровью. Но, прежде чем она успела открыть рот, вмешалась Энге, стараясь предотвратить очередной поединок.

— Амбаласи вырастила этот город, и ему дано ее имя. Ты не имеешь права говорить с ней в столь оскорбительном тоне.

— Причин достаточно, — грубо ответила Фар<. — Я все взвесила. Не думайте, что я говорю в запальчивости. Дождливым днем вчерашнее солнце не греет — нечего превозносить прошлые победы перед лицом будущих неудач.

— Если в этих намеках скрывается хоть капля резона, выкладывай, — заговорила Амбаласи, сопровождая слова оскорбительными жестами. — Сомневаюсь, однако...

— Это верно. — Большие глаза Фар< вспыхнули гневом. — Ты во всем сомневаешься. Уселась перед нами на место Угуненапсы, хочешь показать, что считаешь себя выше ее. Куда тебе до нее. Ты действуешь против ее воли. Ты увезла отсюда сорогетсо, в которых она видела наше будущее!

— Сорогетсо, Дочь Противоречия, не принадлежат к числу сестер и не будут ими.

— Но ведь они были нашей надеждой. Их эфенбуру элининйил должны были породить новых Дочерей, но ты помешала...

— Первое истинное утверждение среди пустых слов!

— Так не должно быть. Верни их. Я разговаривала с экипажем урукето, и никто не знает, где ты их высадила. Ты должна сказать нам.

— Никогда!

— Значит, ты обрекаешь нас на смерть!

Воцарилась гробовая тишина, и лишь на Амбаласи не произвела впечатления сила эмоций Фар<.

— Довольно с меня твоей настырности и оскорблений, о Нинпередапса. Уходи.

— Ты не смеешь отдавать мне приказы. И тебе не избежать ответственности за свои злодейства. Смерть, сказала я, смерть и ждет нас. Все мы умрем однажды, как и все живое. Но когда умрет последняя из нас — умрет и весь город, а с ним и слова Угуненапсы, и память о ней. Ты губишь нас. Ты отнимаешь у нас будущее.

— Слишком сильные слова для такой дохлятины, как ты. — Амбаласи смягчилась. Ей начало нравиться это состязание — слишком уж спокойной стала здешняя жизнь. — Это Угуненапса обрекла Дочерей Жизни на смерть, лишив их братьев. Но я не придираюсь к недостаткам вашей философии. Кто скажет мне, согласно какому из принципов Угуненапсы необходимо искусственно разводить сорогетсо для ваших целей? Я немедленно признаю свою ошибку, если кто-нибудь меня переубедит.

Фар< открыла рот, но Энге шагнула вперед и встала между спорщицами.

— Говорить буду я. Хотя грубость Фар< причиняет мне боль, я благодарна ей за то, что она вновь подняла проблему. Благодарю я и великую Амбаласи, напоминающую нам, что решение следует искать в словах Угуненапсы — это истинная правда. Если там не окажется ответа — проблема не найдет решения. Но такое немыслимо. Мудрость и вдохновение, породившие восемь принципов, позаботились и об их будущем. Ищи ответ — и ты найдешь его.

— Я уже искала и нашла, — ответила Фар<. — Я только просила Амбаласи спасти нас. Но Амбаласи — вестник смерти, она не поможет нам. Отвратим же от нее свои взоры и обратим их к Угуненапсе. Обратимся к восьмому принципу. Дочери Жизни, ибо на нас возложена важная задача, от нас все должны узнать о Духе Жизни и о праведном пути. И как в прежние времена, мы должны вернуться в города иилане', чтобы провозгласить всем нам известные истины...

— И умереть заслуженной смертью, — добавила Амбаласи,

сопровождая слова презрительными жестами. — Когда я привезла вас сюда и подарила вам этот город, где никто не мучает и не убивает вас, вы называли меня спасительницей. Вы забыли об этом — хорошо, не буду напоминать. Только попрошу, чтобы Нинпередапса, разрушительница и спорщица, которая прежде звалась Фар<, первой отправилась в города Энтобана.

Фар< выпрямилась и жестом дала понять, что принимает любые упреки.

— Я так и сделаю. — Она повернулась к Элем с вопросительным жестом. — Ты отвезешь меня к городу иилане', где я могла бы проповедовать речи Угуненапсы? Меня и тех, кто верит мне?

Элем нерешительно помолчала и, обратившись к Энге, потребовала наставлений. Та, как всегда, приняла на себя новую ответственность.

— Требование твое нельзя отвергнуть, но нельзя и немедленно выполнить. Необходимо подумать, обсудить...

— Почему? — грубо перебила ее Фар<. — Все мы равны и свободны. Чтобы воспрепятствовать мне, тебе потребуется взять в свои руки власть эйстаа, распоряжающейся всеми. Это немыслимо...

— Нет! — ответила Энге с жестами покорности и внимания. — Что немыслимо — так это твоя грубость и оскорбительное отношение к создавшей все, чем мы обладаем. Мы обдумаем твои слова — в них кроется глубокий смысл. А пока я приказываю тебе молчать, как того требует обычай утренних собраний.

— Ты не заставишь меня умолкнуть и повиноваться. Ты сказала, что обдумаешь все, — так думай же. Я ухожу, потому что не желаю здесь более присутствовать. Но завтра я приду в это же время, чтобы узнать результат твоих размышлений.

С этими словами Фар< направилась к выходу в сопровождении приспешниц. Воцарившееся молчание нарушали только жесты неодобрения и отчаяния.

— Если бы я присутствовала при ее рождении, то раздавила бы ее прямо в воде, — спокойно, но с чувством произнесла Амбаласи.

Энге сделала жест печали и усталости.

— Амбаласи, не говори так. Ты пробуждаешь во мне чувства, которых потом придется стыдиться.

— Да ты сама будешь рада, когда она уберется отсюда. Ведь это же ясно.

— Но она говорила правду.

— И вызвала ночь среди ясного дня, — отозвалась Сатсат. Присутствующие согласно зажестикулировали. — Если она хочет уйти, пусть даже на смерть, — это ее право.

Одобряя сказанное, иилане' зажестикулировали быстрее.

— Этого не следует делать, — вдруг сказала Амбаласи, изумив всех. — Уж кто-кто, а я буду счастлива видеть, как ее гребешок затеряется в морской дали, — но это будет смертельно опасной ошибкой. Подумайте дважды, прежде чем оповещать мир иилане' о существовании нашего города. Они отберут все, что мы создали.

— Понимаю твою озабоченность, — ответила Энге, — и благодарю тебя за это. Но мы никогда не стремились спрятаться. Мы живем здесь и останемся жить. Нам нечего бояться. Не в обычае иилане' — об этом даже трудно подумать — являться в чужой город иначе как с миром.

— В нормальных, так сказать, обстоятельствах ты была бы права. Но Дочери Жизни угрожают власти любой эйстаа. Где, в каком городе ваше присутствие и проповеди терпели? Назовите мне его эйстаа! Ваши жесты красноречивее слов — нигде и никогда. На севере немало городов, которым угрожают наступающие с севера холода. Если хоть в одном из них узнают про нас — кто не захочет занять пустой город?

— Но этот город не пустой.

— Для эйстаа он пуст — потому что здесь нет эйстаа. И будь я эйстаа, то, обнаружив его, безотлагательно принялась бы наводить порядок в здешнем хаосе. — Амбаласи повысила голос, стараясь перекричать ропот неодобрения. — Я говорю вам то, что стала бы делать эйстаа. Бойтесь этой сомнительной поездки. Сюда прибудут не новообращенные, а враги. Я вас предупредила.

— Мы благодарим тебя, Амбаласи, — сказала Энге. — Но если Фар< и ее сторонницы собираются покинуть город, мы не можем воспрепятствовать. Мы не можем приказать им остаться. Их требование следует рассмотреть, как и любое другое. Как еще нам добиться, чтобы слова Угуненапсы не умерли с нами? Исследуйте восемь принципов, прошу всех. Необходимо отыскать решение.

— Прежде чем вернется урукето, — добавила Амбаласи. Она посмотрела на Элем. — Мой тебе совет: отправляйся немедленно и не возвращайся, пока животное не наестся досыта.

Ответив жестом согласия, Элем направилась к выходу. Амбаласи последовала за нею и, выйдя с амбесида, спросила:

— Сколько дней на это уйдет?

— Три, самое большее — четыре, в зависимости от того, как будет ловиться рыба.

— Пусть будет семь. Если через шесть дней вопрос не будет улажен, он не будет улажен никогда. Фар< не собирается умирать ради нас.

И действительно, каждое утро Фар< с приспешницами являлась на амбесид и задавала собравшимся вопрос: «Открыли восемь принципов ответ или нет?» Пять дней на этот вопрос ответом было молчание. Тогда она задавала второй вопрос: «Вернулся ли урукето?» Потом уходила.

Амбаласи не посещала эти грустные сборища — если решение найдется, то она немедленно узнает о нем. Она спокойно изучала и описывала собранные образцы. Только на шестой день, едва встало солнце, она отправилась на амбесид и вновь решительно заняла место эйстаа.

— Решение найдено? — спросила Амбаласи.

В отрицательном жесте Энге сквозила глубокая печаль.

— Оно не дается нам.

— Естественно — потому что его не существует. Значит, вы позволите Фар< уйти?

— Мы не можем остановить ее.

— Посмотрим.

На амбесиде показалась Фар< со своими подругами. Их было много: намерения Фар< многих воодушевили. Амбаласи задергалась от отвращения, а Фар< стала перед ними и вновь вопросила:

— Найден ли ответ среди восьми принципов?

С нескрываемым высокомерием она оглядела каждую из безмолвствовавших иилане'. Но, едва она начала говорить, Амбаласи перебила ее:

— Ответ есть — да и нет.

— Я не буду говорить с тобой и слушать твои речи — ты не из числа верных.

— В твоих словах ничего нового нет: не стоит и думать над ними. А вот меня тебе выслушать придется, ведь твоя судьба зависит от моего решения.

Фар< стала отмахиваться — не желаю видеть, не желаю слышать. Вмешалась Энге.

— Прошу прощения за грубость и бестактность этой сестры. О каком решении ты говоришь, Амбаласи?

— Завтра возвращается урукето.

— Значит, отплываем, — твердо заявила Фар<.

— Нет! — отрезала Амбаласи. — Напоминаю — урукето принадлежит мне, я его увела из города и распоряжаюсь им. Кто-нибудь возражает?

Как всегда, все в ожидании повернулись к Энге. Подумав немного, та ответила:

— Пусть будет так, как говорит Амбаласи. Она по своей воле пришла к нам в заточение, помогла нам бежать и сделала все, чтобы мы покинули тот город печали на урукето. Она привела его в эти края и вырастила для нас город жизни. Мы пользовались урукето, но только с ее разрешения...

— Нет! — выкрикнула Фар<. — В таком случае она становится нашей эйстаа, а у нас не может быть эйстаа.

— И урукето, — злорадно добавила Амбаласи. — Повинуйся мне, иначе останешься в городе. Ты, Фар<, чересчур молода, горяча, пуста и тщеславна — возможно, остальные не согласятся со мной. Но делай, как я говорю, покорись — или же сама плыви через море в Гендаси. Путь далек даже для такой упрямицы, как ты.

Откинувшись на теплое дерево, Амбаласи с наслаждением окунулась в излучаемую Фар< ненависть.

Глава 14

Как всегда, Энге постаралась примирить воюющие стороны.

— Угуненапса учит нас жить в Городе Жизни. И у Амбаласи здесь не меньше прав, чем у тебя, Фар<. А во всем прочем она несравненно выше тебя: и в познаниях, и в умении, и в трудах, положенных во благо Дочерей Жизни. Здесь она много выше меня и уступает одной лишь Угуненапсе, родительнице истины. Мы оказались здесь и вырастили наш город только потому, что она руководила нами. И тобой тоже, Фар<. И все, что ты еще сумеешь сделать, станет возможным лишь потому, что Амбаласи освободила тебя. Я не требую от тебя благодарности, просто напоминаю об этом.

Фар< еще не остыла.

— Теперь я еще и тебе обязана повиноваться, Энге? Ты тоже моя эйстаа?

Энге оставалась невозмутимой.

— Я хочу, чтобы ты поняла лишь одно. Согласна ли ты, что именно Амбаласи освободила тебя?

Нерешительно помолчав, Фар< сделала скупой утвердительный жест.

— Вот и хорошо. И не забывай этого. Амбаласи всегда помогала нам — будет помогать и впредь. И если она желает обсудить с тобой условия, на которых одолжит тебе урукето, будь любезна хотя бы выслушать ее. Ты можешь отвергнуть ее предложение, но сперва выслушай. Согласна?

Фар< опустила глаза и глубоко задумалась, а когда вновь посмотрела на иилане′, от гнева не осталось и следа.

— Только рвение мое, только желание говорить иилане′ слова Угуненапсы, дабы не забылись они вовеки, позволили гневу овладеть мною. И за это я прошу прощения у тебя, Энге, и других Дочерей Жизни. — Она показала на Амбаласи. — Но я не буду просить прощения у этой неверной, вы меня не заставите.

— Мне не нужны твои извинения, мерзкая! Говорят, какова иилане′, таковы и враги ее. Надеюсь числить тебя среди врагов. Я погибла, если тебя будут считать моим другом. Ну так как, выполнишь ты мои указания?

— Выслушаю, — прошипела в ответ Фар<.

— Разумное заявление. — Махнув рукой на Фар<, Амбаласи обратилась к остальным: — Поговорим теперь об истории, об ее влиянии на будущие события. Все вы когда-то были неверными. И когда такие, как Энге, говорили с вами, вы просвещались и обретали веру. Так я говорю? — Амбаласи кивнула в ответ на жесты согласия. — Так становятся Дочерьми? Где это случилось с тобой, Энге?

— Мое обращение произошло в городе Инегбане, где великой учености иилане′ по имени Эссокел говорила со мною.

— В городе?

— Да, конечно.

— Ну, а вы, — Амбаласи обвела всех широким жестом, — все ли ознакомились с вдохновляющим учением Угуненапсы в городе?

Все ответили согласием, даже Фар< — с великим недоверием.

— Конечно же. Иначе и быть не могло. Все вы были иилане′, иначе никто из вас не сумел бы понять ее аргументов. Но разве подобный путь обращения соответствует восьмому принципу Угуненапсы? Я усматриваю в этом различный подход.

Дочери зашевелились в изумлении, а Фар< ответила цветовыми сигналами, не допуская даже мысли о том, что эта неверная имеет право толковать принципы Угуненапсы. Только Энге молчала, слабо шевеля конечностями и хвостом в такт невысказанным мыслям. Амбаласи не сводила с нее глаз: движения Энге стали быстрее, и она широко раскинула руки от радости понимания.

— Как всегда, великая Амбаласи просвещает нас своей ясной мыслью, и мы должны вознести ей хвалу и воздать высшие почести.

Фар< сделала отрицательный жест, остальные недоумевали. Амбаласи же явно была довольна таким признанием. Повинуясь сильному чувству, тело Энге судорожно задергалось.

— Амбаласи вновь обнаружила широту ума и глубину понимания, вновь показала нам, что постигла учение Угуненапсы. В нем есть любые ответы, но наша неискушенность не позволяет нам заметить их. Разве не восьмой принцип гласит, что мы, Дочери, должны поведать всем о Духе Жизни и о пути праведном? Почему же мы ограничиваемся собой?

Закончив, она просигнализировала желание услышать ответ. Среди общего удивления и задумчивости раздался голос Фар<.

— Ты решила проповедовать принципы Угуненапсы морским рыбам?

— Молчи, Фар<! — сказала Сатсат, гнев сделал ее движения резкими. — Своими речами ты позоришь и себя, и нас. Амбаласи ведет нас к истине, и она более предана учению Угуненапсы, чем ты со своими вечными отрицаниями. Все мы были уже иилане′, когда узнали об Угуненапсе. И потому думаем только об иилане′. Но нельзя забывать про фарги. Они рвутся к знаниям, их пустые головы готовы наполниться учением Угуненапсы.

— Только великий ум может увидеть истины, скрытые от неспособных, — вставила Амбаласи с присущей ей скромностью. — И ты, Фар<, сделаешь вот что. Пойдешь к фарги и будешь учить их. Иди к ним на пляжи, пока они еще не вошли в город. Покорми их, они потянутся к тебе, а затем расскажи им об Угуненапсе, о том, что они будут жить вечно. Сумеешь их убедить — вот тебе и обращенные. Если будешь держаться подальше от города, тебя никто не тронет. А фарги нет числа, их никто никогда не хватится. Соглашайся — и урукето отвезет тебя к городским пляжам.

Принимая похвалы как должное, Амбаласи прислушивалась к оживленной дискуссии. Но одним глазом она следила за Фар<, и скоро Энге заметила это. Потребовав знаком внимания, она повернулась к Фар<.

— Ну, что скажешь? Поведаешь ли ты фарги правду об Угуненапсе?

Все примолкли, ожидая, как отреагирует известная спорщица. Она подняла голову и решительно начала:

— Я не ошибалась... но, должно быть, переусердствовала. Амбаласи открыла нам истину, и я благодарю ее за это. Я отправляюсь к фарги и буду говорить с ними. Наш город будет жить. И я еще раз благодарю Амбаласи за помощь.

В ее словах угадывался некий подтекст, но, казалось, Фар< говорила искренне. Обрадованная, переполненная счастьем Энге не обратила на это внимания. Мир восстановлен. Великое дело Угуненапсы будет жить вечно.

— Что еще прикажешь, великая Амбаласи? — спросила Энге как просительница, а не как равная.

Амбаласи приняла это как должное.

— Я выращу контейнеры для консервирования мяса. Когда они наполнятся, нам можно будет отправляться. Предлагаю, чтобы в урукето было поменьше проповедниц — останется больше места для обращенных. А когда мясо закончится и обращение свершится, урукето вернется назад. Город будет процветать — ведь за работу возьмутся молодые и сильные фарги...

— Ты сказала «нам», — перебила ее Энге. — Значит, ты тоже собираешься плыть на урукето?

— Естественно. Кто еще сможет распоряжаться лучше, чем я? Я истосковалась по речам, в которых не повторяют без конца одно и то же имя. А вы решите, кого еще послать. Предлагаю, чтобы сестер было не более пяти.

— Предлагаю... — возмущенно фыркнула Фар<.

— Приказываю — если тебе не нравится. Но я великодушна и незлопамятна. Ты и еще четверо твоих — кого хочешь. Ты поедешь с нами, Энге?

— Я должна остаться в городе и подготовить его для новеньких, хотя больше всего хочу сопровождать тебя. Сатсат, ближайшая моя, ты согласна поехать вместо меня?

— С радостью!

— Осталось трое, — заключила Амбаласи и, потянувшись, пошла прочь. — Я сообщу, когда настанет время отправляться, — обернулась она на ходу.

Величественным шагом она шествовала по городу, выращенному ее руками, названному ее именем. Впрочем, шла она медленно, понимая, что причиной тому не просто усталость. Она была стара и теперь часто в моменты спокойной задумчивости

ощущала, что физические силы на исходе. Скоро придет конец — может быть, не завтра, но завтрашнее завтра, глядишь, наступит без нее. Следовало еще многое сделать, пока не свершилось неизбежное.

Когда она пришла в лабораторию, Сетессеи занималась образцами, но сразу бросила все дела и застыла в ожидании указаний.

— Надо вырастить контейнеры.

Амбаласи достала несколько высушенных яиц. Потом отыскала все необходимое и протянула помощнице.

— Для роста — питательная жидкость, потом заполни их мясом. Но сначала принеси угункшаа и запоминающего зверя.

— Какого?

— Какого-нибудь из пустых — я хочу сделать новую запись.

— Тут есть такой — в нем твои ранние заметки об океанических течениях и южных ветрах. И описание открытий.

— Давай его сюда. Это мне и нужно. Пустых мест не должно оставаться. Только сообщения об исторически важных свершениях.

Угункшаа, зверь, преображенный иилане́, восседал перед Амбаласи, сверкая огромной органической линзой. Сетессеи установила рядом запоминающего зверя и осторожно вставила один из выростов, выступавших над почти атрофировавшимися глазами, в складку на боку говорителя памяти. Она подстроила прибор, и на линзе замелькало черно-белое изображение, послышался неразборчивый голос. Звуки и изображение пропали, когда на приборе открылся второй глазок поменьше и уставился на Амбаласи.

— Говори, — сказала Сетессеи. — Он будет слушать и запоминать.

Отпустив помощницу, Амбаласи собралась с мыслями и начала говорить. Каждое ее движение, каждое слово запечатлевались в мозгу запоминающего животного.

— Сначала я расскажу о морских течениях, которые привели меня к этой новой земле...

— Доверенейшая моя Сетессеи останется с вами, пока я буду отсутствовать, — сказала Амбаласи. — Хоть она не равна мне, но о городе знает все, помогала растить его и умеет лечить раны, которые твои неуклюжие сестры получают на каждом шагу.

— Благодарность-многократная-огромная, — ответила Энге. — Все ли готово?

— Почти все. Сегодня закончат консервировать мясо. Когда пузыри погрузят, можно отправляться. Лучше всего с утра — мне нужно понаблюдать за течениями: как они идут на север и где исчезают. Надо собрать старые карты и те, что сделала я. И еще я хочу увидеть город Алпеасак, о котором ты столько мне говорила.

— Смерть и гибель в огне! Все иилане′ мертвы, и повсюду одни устузоу с острыми каменными зубами в лапах — и в рощах, и на улицах.

— Тем не менее ты, Энге, и еще несколько сестер уцелели.

— Горстка оставшихся в живых Дочерей Жизни бежала на урукето, они все теперь здесь. Уцелели капитан и ее экипаж. И та, чье имя я не хочу произносить. Был еще самец — я не знаю, как его зовут — и с ним ученая Акотолп.

— Акотолп! Жирная и круглая, как речной угорь.

— Она самая.

— И где же она теперь?

— Неизвестно. Мы оставили урукето — я ведь рассказывала тебе, — чтобы избежать смерти от рук той, чье имя не называю.

— Надо бы осмотреть город. Может, устузоу уже покинули его. Течение уходит на север и так или иначе принесет нас прямо к берегам Энтобана. Проведем наблюдения, сверим карты.

...Они отправились в путь, едва рассвело. Урукето вышел из устья реки в открытое море.

Двоим членам экипажа было велено бросать в море нескхаков. Животные пытались нырнуть поглубже и скрыться, но их вытаскивали из воды за длиннющие выросты на хвостах. Когда температура менялась, изменялся и цвет их шкур. Амбаласи делала пометки на карте, потом нескхаков снова выбрасывали в воду.

Дочери-миссионерки проводили время в праздности и без конца рассуждали о восьми принципах Угуненапсы где-нибудь в уголке камеры, чтобы не услышала Амбаласи.

Путешествие оказалось приятным, было тепло, и все наслаждались. Вскоре мимо проплыл остров Манинле, потом похожие на драгоценные камни острова Алакас-Аксехент.

Все время уставшая Амбаласи почивала внутри урукето. Карты, старую и новую, объединили, работа завершена. Благодаря Амбаласи открытый мир стал намного больше. И после очередного свершения ученая с удовольствием отсыпалась.

Она проснулась, почувствовав чье-то прикосновение к руке. Над Амбаласи склонилась Элем.

— Ты приказала разбудить тебя, когда покажутся берега Гендаси.

— Уже?

— Берег затянули дождевые облака, но он рядом, можно не сомневаться.

— Иду. Помоги мне подняться. Все тело затекло от сырости и сна.

Сильные руки Элем помогли ученой подняться, и Амбаласи неторопливо направилась к плавнику и с трудом поднялась наверх. В раздражении она прогнала двоих иилане′ из экипажа, которые буквально слетели вниз, спасаясь от ее гнева, и поманила к себе Элем.

— Ты уже бывала здесь? — спросила Амбаласи.

— Нет, но карты весьма точны. Теперь нам нужно только не сворачивать — цепь этих островов приведет нас к болотистым берегам континента. Алпеасак лежит чуть севернее.

Облака рассеялись, и теперь низкий берег был отчетливо виден вдали. Песок, подальше лес. Элем взглянула на солнце.

— Мы будем там еще до темноты.

— Если у тебя есть какие-нибудь опасения, лучше останемся в море; помни об устузоу — Энге много рассказывала о них.

— Ужасные, непонятные и коварные.

— И вездесущие. Нужно быть осторожными.

— А может быть, и не нужно. — Элем прикрыла рукой глаза от солнца. — На берегу движение, лодки, урукето.

Амбаласи прищурилась, вглядываясь в даль, но ничего не смогла различить. Только когда они подошли ближе, она все разглядела.

— Наблюдения величайшей ценности. Город снова принадлежит иилане′. Вон причалы, там урукето. Но пока не пойдем туда. Правь к берегу, прямо на пляж. Пусть миссионерки придут сюда. И принесите контейнеры с мясом.

Когда пятеро Дочерей поднялись наверх, Амбаласи показала на берег, на рощу высоких деревьев.

— Запомните место и число тен. Количество пальцев на обеих руках. Урукето будет здесь через тен дней. Мы заберем вас и тех, кому вы откроете путь. Прибой невысок, до берега доплыть нетрудно.

— А как же мясо? — спросила Фар<.

— Бросим в море, волны вынесут контейнеры на берег, и вы их соберете. Возвращайтесь через тен дней.

— А что, если мы не успеем к этому времени?

— Я сделаю соответствующие выводы. Миссионерками я зову вас потому, что вы прибыли сюда с миссией: вы должны рассказать фарги о тех истинах, которые вам известны. Только прошу, постарайтесь убедить самых сильных и умных — в Амбаласокеи так много работы.

— А почему ты не присоединишься к нам? — подозрительно спросила Фар<.

— Нет, у меня есть дела поважнее. Помните — через тен дней. — Дождавшись, пока последняя из Дочерей погрузилась в воду, она вновь заговорила: — Отвези меня на причал и сразу же отплывай. Никому ничего не говори. А меня заберешь рано утром, когда начнется последний день тена.

Глава 15

Амбаласи с огромным удовольствием сошла со спины урукето на истертую древесину причала. Одним глазом она проследила, как урукето уходит в открытое море, и мгновенно затерялась в портовой суете. Вокруг лежали широкие улицы, по ним бегали фарги, нагруженные свежей рыбой, мясом, какими-то тюками. В ароматном воздухе раздавались приказы и распоряжения.

— Великий город, деловой город... За целых тен дней я смогу сладко поесть и вволю наговориться, не слыша опостылевшего имени Угуненапсы. Даже не верится.

Она опустила к ногам небольшой контейнер и оглядела открывших рты фарги. Та, что стояла поближе, рта не раскрыла, и в глазах ее светился некоторый проблеск разума.

— Понимаешь-разумеешь? — медленно и четко произнесла Амбаласи.

Подняв ладонь, по которой побежали разноцветные волны, фарги дала понять, что понимает, потом добавила жестами: «Понимание и ожидание наставлений».

— Ты их получишь. Возьми-ка это. Следуй за мной.

Амбаласи пришлось повторить дважды, прежде чем фарги ответила цветами понимания и поспешила исполнить приказание.

Амбаласи шествовала по просторной улице — фарги с довольной миной шагала сзади — и наслаждалась городской суетой. Впереди показалась неторопливая цепочка фарги, которые тащили огромные куски мяса. Амбаласи пошла за ними, вожделенно пощелкивая зубами. Она поняла, как надоели ей эти вечные угри. То ли дело прохладное мясное желе. А еще лучше теплое свежее мясо.

Улица привела к просторному помещению, где принимали пищу. Амбаласи миновала довольно заманчиво выглядевший рыбный отдел — к нему всегда можно будет вернуться — и направилась прямо в мясную — под навесы, где обрабатывали свежее мясо.

Приподняв крышку на первом попавшемся баке, она извлекла из него ножку небольшого животного, немного полюбовалась ею — и недолго думая откусила большой кусок.

— Внимание к словам! — потребовал резкий голос, и Амбаласи, деловито жуя, обернулась. Шею у стоявшей перед ней иилане покрывали многочисленные толстые складки, обвисшая кожа на руках была разрисована замысловатыми завитушками. — Положи мясо, старая. Я не знаю тебя. Это мясо для эйстаа.

При звуке грозного голоса фарги, стоявшая за спиной Амбаласи с контейнером в руках, задрожала и съежилась. Ученая знаком велела ей не бояться и успокоиться. Неторопливо прожевав и проглотив кусок, она приняла позу высочайшей перед нижайшей и гневно прошипела:

— Жирный золоченый жучок! Растопчу! Вонючий червяк из помойной ямы! Перед тобой высочайшая из высочайших — Амбаласи, эйстаа всей науки, разум всего мира, мои возможности беспредельны. Я могу обречь тебя на смерть за дерзкие речи. Сейчас я подумаю об этом.

Ее движения были так убедительны, что фарги вокруг с визгом бросились врассыпную, а та, что держала контейнер, тряслась и стонала, зажмурившись. Толстая иилане попятилась, открыв рот, шкура ее побледнела от такого отпора. От страха она плохо соображала и не могла говорить. Довольная произведенным впечатлением, Амбаласи откусила еще один кусок и, прожевав, проглотила.

— Одобряю трепет и уважение ко мне, — жестом показала она. — Величие великодушно, оскорбления забыты. Как твое имя?

— Муруспе... — выдавило вконец перепуганное создание.

— Скажи мне, Муруспе, кто эйстаа этого великого города, в котором подают такое вкусное мясо?

— Ее имя Ланефенуу. Она была эйстаа Икхалменетса до того, как Икхалменетс пришел в Алпеасак.

— Окруженный морем Икхалменетс пришел сюда? Я не знала.

— Настал зимний холод. Холодная белизна опустилась на город.

— В это нетрудно поверить. Слишком уж далеко на севере был ваш город. А теперь веди меня к Ланефенуу, я наслышана о ней и почту за счастье познакомиться.

...Просторный амбесид купался в солнечном свете. Эйстаа, на руках которой переливались разноцветные узоры, привычно отдавала распоряжения и приказы. Приятное зрелище наполнило Амбаласи удовольствием. Подойдя поближе, она заговорила:

— Могущественная Ланефенуу, эйстаа Икхалменетса, пришедшего в Алпеасак, прими уверения в искреннем уважении от многознающей Амбаласи, что стоит сейчас пред тобою.

Ланефенуу сделала дружественный жест.

— Если ты и есть та Амбаласи, о которой я слыхала еще от мокрой фарги, добро пожаловать в мой город.

— Разве могут в этом мире оказаться две столь прославленные иилане′ под одним и тем же именем? Признаюсь. Я и есть та самая Амбаласи.

— Амбаласи! — раздался чей-то голос. Ученая обернулась и увидела знакомую фигуру. — Амбаласи, ты учила меня всем премудростям науки. Какое счастье вновь видеть тебя.

— Не сомневаюсь. Неужели это ты, стройная Укхереб, моя ученица?

— Это я. Посмотри, кто еще спешит к тебе.

— Такая фигура может принадлежать только Акотолп. Эти ученые могут прославить твой город, ибо я их научила всему.

Их большие пальцы сошлись в знаке приветствия, и Ланефенуу приказала принести кресло поудобнее для престарелой ученой. Все присутствующие радостно шевелились: каждая слыхала о премудрой Амбаласи; а бесчисленные фарги, обступавшие иилане′, дрожали от восторга, понимая, что свершилось великое событие. Тут заговорила эйстаа, и все умолкли.

— Как же ты попала в мой город?

— На урукето. Капитан повела его к северу, продолжать мои океанические изыскания, важность которых превыше всяких сомнений. — Поманив к себе фарги с контейнером, Амбаласи достала оттуда запоминающего зверя. — Здесь все факты, эйстаа. Потрясающие открытия, полностью изменившие привычные

знания иилане′ о мире. Ни в одном городе иилане′ еще не знают об этом. И я счастлива, что Ланефенуу первой узнает обо всем, раньше, чем мои подруги ученые. Великой эйстаа, способной перевезти целый город через океан, подобает и великая честь.

Ланефенуу сделала благодарный жест. Этот день надолго запомнится всем.

— Отойдите назад! — приказала она. — Величайшая иилане′ науки будет говорить со мной с глазу на глаз.

Повинуясь приказанию, все немедленно бросились врассыпную — толкаясь и спотыкаясь. Вот уже десять, двадцать, тридцать шагов отделяют эйстаа с Амбаласи от восхищенных иилане′, окруженных кольцом фарги. Амбесид был переполнен, ибо все в городе хотели быть свидетельницами важного события.

Они видели, как Амбаласи передала эйстаа запоминающего зверя, как сблизились их головы, но тихие голоса не позволяли истолковать значение жестов. Впрочем, скоро они все поняли: эйстаа встала, подняла запоминающего зверя высоко над головой и триумфально изогнула тело дугой.

Повинуясь разрешающему жесту, иилане′ подошли ближе.

— Иилане′ запомнят сегодняшний день и никогда не устанут о нем говорить. Мудрейшая из иилане′ науки открыла мне это знание, а я открываю его вам. Мы не знаем еще, как велик наш мир. Мы пришли в Гендаси из Энтобана, на наших глазах обитаемый мир увеличился вдвое. Прежде мы знали только один континент и недавно обнаружили второй. А теперь слушайте и изумляйтесь. Великая Амбаласи обнаружила к югу отсюда третий континент, просторный и теплый. — Она обернулась к ученой. — Ты рассказала нам про новую землю, но не назвала ее имени. Сделаешь ли ты это теперь?

— Сделаю, ведь приказу эйстаа надлежит повиноваться, хотя скромность моя и протестует. Плывшая со мной на урукето иилане′, увидев эти края, сказала: ты обнаружила этот континент и привела сюда урукето — значит, новая земля должна именоваться... узнала о нем прежде других иилане′, потому она и... я прямо не решаюсь говорить... Амбаласокеи.

— Да будет так! Я, Ланефенуу, подтверждаю это, чтобы запомнили вовеки. Амбаласокеи, земля, открытая Амбаласи. Это действительно чудо.

Но удивление иилане′ стало бы еще большим, сумей они проникнуть в тайные мысли Амбаласи, безмолвно наслаждавшейся триумфом. Она молча и неподвижно принимала почести. Если

она умолчит кое о чем: о новом городе, о новой породе иилане′ — ее ни о чем и не спросят, и все останется в тайне. Довольно с них и континента. Хватит радости на целый день.

По приказу эйстаа Акотолп вперевалку подошла к ней и взяла из ее рук запоминающее животное, осторожно ухватив его четырьмя большими пальцами. С разрешения Ланефенуу она и Укхереб поспешно удалились в лабораторию.

Амбаласи с облегчением посмотрела им вслед: место в истории обеспечено. Теперь слухи об ее открытии станут медленно передаваться от ученой к ученой, из города в город. Не быстро — так не принято у иилане′, — но надежно. И однажды сюда приплывет кто-нибудь из ученых, послушает запись и отправится с вестью об открытии в Энтобан. Города, которым угрожает зима, заинтересуются, снарядят экспедиции. И однажды приплывут в ее город, в Амбаласокеи, пусть даже не при ее жизни, когда-нибудь... Уж сколько-то времени она подарит этим вздорным Дочерям. Хватит, чтобы решить их проблемы и — если возможно — позаботиться о будущем города.

Остаются сорогетсо, но они — совсем другое дело. Их будущее в ее руках, и она чувствовала серьезную ответственность. Как удачно сложилось, что она и обнаружила их, и увезла в безопасное место, подальше от городских соблазнов. Какой тяжелый груз взвалила она на свои широкие плечи!

Амбаласи блаженно улыбнулась и знаком велела фарги принести водяной плод.

И потекли безмятежные дни. Эйстаа позаботилась об удобствах Амбаласи и поведала историю героического исхода из Икхалменетса, рассказала о битве за город и о последующей долгой войне. Случайно упомянув имя Вейнте′, Амбаласи вызвала такое раздражение Ланефенуу, что впредь не осмеливалась поминать его в присутствии эйстаа.

Она поговорила с обеими учеными и похвалила их, когда те рассказали о своем биологическом оружии.

— Великолепная работа. Город принадлежит иилане′, а значит, вы обязаны были прогнать наглых пришельцев. И вы правы: Вейнте′ не следовало преследовать их и пытаться уничтожить. Пусть это вредный, даже смертельно опасный вид, но, как любой вид живых организмов, они вправе рассчитывать на собственное место в мире. И как всякое загнанное в угол животное, они отчаянно сопротивлялись. Два урукето погибли, Вейнте′ с позором прогнали. Ужасно. Но получен урок, и надеюсь, он всем пойдет

впрок. Попытка истребить другой вид несет в себе семя самоубийства.

Ученые жестами выразили согласие со сказанным. Больше отвратительную историю обсуждать не стали и с удовольствием обратились к более приятным вопросам: обсуждению биологических открытий Амбаласи и связи открытых ею видов с имеющимися в Гендаси. Это было куда более плодотворное занятие.

Дни летели за днями. Вкусная пища для тела, изысканное питание для ума. Ланефенуу настаивала, чтобы Амбаласи осталась, Укхереб и Акотолп тоже, но Амбаласи была непреклонна.

— Пребывание в Алпеасаке — просто наслаждение. Но работы мои еще не закончены. Я с каждым днем старею, дней для труда остается все меньше. А я должна все закончить. Работа движется. На урукето измеряют температуру воды, и скоро он вернется. И я уплыву вместе с ним.

Она уже поднаторела во всякого рода неопределенностях. Прошло девять дней, урукето вернется наутро, и она покинет город. Визит был очень приятным.

Однако удовольствие оказалось недолгим. Праздную беседу ученых вдруг нарушили крики и страшный шум, доносящийся с амбесида. Не успели они поинтересоваться, что случилось, как явилась вестница. Не какая-нибудь фарги, а Муруспе собственной персоной. Запыхавшись, эфенселе Ланефенуу едва выговорила:

— Требуется присутствие... необходимость движения... сильное желание.

Расталкивая путавшихся под ногами фарги, они добрались до центра амбесида, где сидела эйстаа. Высокая иилане′, стоявшая рядом, крепко держала за руки низкорослую и тощую. Ее фигура показалась Амбаласи печально знакомой.

— Погляди-ка! — рявкнула Ланефенуу. — Погляди-ка, кого поймали на берегу.

Впервые в своей жизни Амбаласи не могла произнести ни слова.

Перед ней стояла Фар<.

Глава 16

— Отсутствие понимания, — заявила Акотолп. — Полное незнание причин ее появления.

— Говори, эсекасак, — приказала эйстаа, — поведай собравшимся обо всем, что видела.

Высокая иилане́ оказалась эсекасак — хранительницей родильных пляжей. Встряхнув Фар<, как крохотного элиноу, она толкнула ее вперед.

— Долг мой охранять пляжи и самцов. Когда самцы в ханане, я просто стерегу берега. Чтобы элининйил, выходящие из моря, были в безопасности. Они ведь слабенькие и нуждаются в защите. И я обязана видеть каждого элининйил, что выходит из моря, потому что одно дело эфенбуру на мелководье, а другое — город.

Она замолчала и беспомощно взглянула на эйстаа.

— Я расскажу, — сказала Ланефенуу. — Эсекасак не разрешено говорить об этом. Она должна всех защищать, отделять самцов, когда они выходят из океана, и немедленно водворять их в ханане. И, исполняя свои обязанности, она изловила на пляже вот эту.

Ланефенуу замолчала — гнев ее был так велик, что мешал говорить. Постаравшись овладеть собой, она указала на Фар< большими пальцами, а потом с трудом проговорила:

— Поймала эту... когда она уходила с пляжа... с элининйил. С САМЦОМ!

Преступление было неслыханным, невероятным. Порядок, весь образ жизни в городе не допускали подобных поступков. Самцы находятся в ханане, в городе их не увидишь. Они всегда под охраной. Что случилось? Как это могло случиться? Все вокруг потрясенно оцепенели, поэтому смущенная поза Амбаласи не привлекала внимания. Но Акотолп, остававшаяся ученой в любой ситуации, шагнула вперед.

— Где теперь самец?

— В ханане.

— Он что-нибудь объяснил?

— Нет, он — йилейбе.

— А эта говорила?

— Нет.

Подойдя к Фар< поближе, Акотолп завопила едва не ей в лицо:

— Я не знаю тебя, говори свое имя!

Фар< сделала отрицательный жест — и тут же охнула от боли, когда могучие лапы стражницы стиснули ее тонкие руки. Акотолп обвела взглядом иилане́.

— Кто-нибудь знает ее? Кому ведомо ее имя?

Ответом ей было молчание. Потом Ланефенуу сказала:

— Имя ее неизвестно. Она не из нашего города, она здесь

чужая. Откуда ты явилась, незнакомка? Кто-нибудь должен тебя знать, если ты вместе с нами пришла из Икхалменетса.

Конечности Фар< шевельнулись в ответ — не из Икхалменетса. Правду она сказать не могла, но, как и все иилане́, не умела лгать. Она сказала то, что думала, и этого было достаточно. Ланефенуу была неумолима.

— Ты пытаешься скрыть, кто ты и откуда. Но ты не сумеешь ничего скрыть от меня. Не сумеешь. Я назову этот город — и ты ответишь. И я буду спрашивать, пока ты все не расскажешь.

Фар< в панике огляделась: она не хотела говорить, но понимала, что эйстаа заставит. Взгляд ее на миг упал на оцепеневшую Амбаласи, задержался, двинулся дальше. Она все поняла.

Незаметно для других, не сводивших взгляда с Акотолп и пленницы, Амбаласи произнесла короткое слово, не требовавшее звуков. Фар< поняла. И задергалась от ненависти. Ее ненависть была такой сильной, что даже эйстаа отшатнулась.

«Смерть, — произнесла Амбаласи. — Смерть».

Фар< понимала, что не сможет не проговориться. И выдаст город, выдаст всех Дочерей Жизни. Их разыщут, схватят и убьют. Стоит только заговорить — и все, чем она жила, погибнет. Ненависть ее предназначалась Амбаласи, которая останется жить. А Фар< оставалось только одно. Умереть.

Только ей — или всем другим? Мысль о возможном кровопролитии заставила Фар< забиться в агонии. Глаза ее закрылись, тело обмякло. Недвижная и невозмутимая Амбаласи наблюдала за нею.

— Мертва, — с отвращением бросила Ланефенуу, когда эсекасак разжала пальцы и тело Фар< повалилось на землю. — Теперь мы ничего не узнаем.

Акотолп подошла к трупу, толкнула его ногой и поманила к себе ближайшую фарги.

— Произведем вскрытие, эйстаа. Может быть, она заболела, схватила какую-нибудь мозговую инфекцию — только так можно объяснить ее странное поведение.

Ланефенуу дала знак, и тело утащили прочь. Большинство зевак разбежалось: эйстаа еще кипела гневом и негодованием и явно была не расположена к беседам.

Про Амбаласи забыли, и та ушла со всеми, не желая попадаться на глаза эйстаа. Вокруг в темноте суетились фарги, отыскивая удобное место для сна, и она осталась с ними. Ночью они не обращали на нее никакого внимания.

Выспавшись — насколько это было возможно на жесткой земле, — она с первыми же лучами света устремилась к морю. Миновав привязанного к причалу урукето, она вышла на край причала. И стала ждать, заставив себя окаменеть в невозмутимом молчании. Очень скоро из морского тумана вынырнул урукето, и Амбаласи с облегчением заметила Элем на его плавнике. Прибывший урукето ничем не выделялся среди других. Иилане́ из экипажа помогла ей подняться на плавник, и Амбаласи приказала немедленно отплывать.

— В твоих жестах тревога, большие неприятности, — заметила Элем.

— У меня есть на то причины. Потом расскажу. А сейчас у тебя и у экипажа нет времени на разговоры — нужно торопиться, чтобы как можно скорее добраться до пляжа.

Четыре Дочери Жизни и жавшиеся друг к другу перепуганные фарги ждали на песке. Фарги с трудом удалось загнать в воду и растолковать, что надо плыть к урукето. Но, оказавшись в море, они быстро добрались до живого судна, поскольку только что вышли из воды. Поднявшись на урукето, они испуганно озирались по сторонам, в то время как Дочери еще одолевали водное пространство.

Первой выбравшись из воды, Сатсат немедленно предстала перед разгневанной Амбаласи.

— Что здесь произошло? Что случилось с этой дурой Фар<? Знаешь ли ты, что она натворила?

— Знаю. Мы не могли отговорить ее. Она сказала, что наши дела здесь закончены, ведь мы говорили с фарги и кормили их. Те, кто нас понял, остались, а йилейбе разошлись. Те, кто узнал об Угуненапсе, теперь с нами. Наш город будет процветать и расти...

— Не отвлекайся! Говори о Фар<!

Сатсат с грустью посмотрела на фарги, карабкавшихся на плавник урукето, и постаралась привести свои мысли в порядок.

— Она сказала, что теперь у нас есть новые Дочери Жизни — но только Дочери... Чтобы город рос и процветал, необходимы самцы — она без конца это повторяла. Мы просили ее не ходить, уговаривали, напоминали об опасности, но она не послушала нас.

— Могу в это поверить.

— Она пошла на смерть, но по собственной воле. Ей казалось, что, если хотя бы один самец разделит мудрость Угуненапсы, никакие жертвы не покажутся малыми. И она оставила нас и не вернулась. Ни вчера, ни сегодня утром.

— Она сделала, что хотела, — хрипло выговорила Амбаласи. — И исполнила свое желание — умерла. Она умерла, чтобы не заговорить. Разумнее этого она еще ничего в жизни не делала.

Отвернувшись от потрясенной Сатсат, Амбаласи отправилась внутрь урукето и забралась в самый темный угол. Там она провела почти весь обратный путь, ни на кого не обращала внимания, мало ела и много спала. Впрочем, изредка разговаривала с фарги, неторопливо и спокойно, без обычных резкостей. А потом снова спала.

Вернулись они в полдень. Амбаласи первой спустилась на берег, приказав начинать разгрузку. Их заметили уже на реке, и весь город собрался встречать.

— Глядеть — не работать... Дочери Несогласия в своем репертуаре. — Проигнорировав почтительное приветствие Энге, Амбаласи обратилась к своей помощнице Сетессеи: — Уверена, что пока меня не было, случилось множество бед.

— Несколько несчастных случаев...

— А со смертельным исходом?

— Ни одного.

— Очень плохо. Но город растет?

— Растет.

— Ну, хоть на это я могу рассчитывать. — Амбаласи повернулась к Энге с жестами, требующими внимания и покорности. — Давай пройдемся по берегу, где нет Дочерей и не слышны мысли Угуненапсы.

— С удовольствием. Фарги приехали, значит, все в порядке.

— Не сказала бы. Одна осталась в Алпеасаке. Фар<.

— Не поняла. Почему?

— Ей не из чего было выбирать — она умерла.

Амбаласи сказала эти слова не без злорадства, а потом долго молчала, пока Энге приходила в себя. Потом Амбаласи изложила события в своем понимании — коротко и грубо.

— Она умерла по собственной глупости, другого объяснения нет.

— О мертвых либо хорошо, либо ничего, Амбаласи. Впредь она уже не будет досаждать тебе. Она умерла, чтобы жил город. И мы долго будем сожалеть о ее смерти.

— Я бы предложила вам возрадоваться: если бы Фар< не умерла, всем нам пришел бы конец. Ее новообращенные тоже не доставят вам особой радости. Я поговорила с ними и нашла, что они только начинают становиться иилане́, к тому же невероятно

глупы. Просто дрессированные животные. И они ничего не знают об Угуненапсе, даже не думают о ней. Просто заучили несколько фраз. Потому что за это им давали еду.

— Но они научатся понимать.

— Да хоть и не научатся, руки-то нужны. Но больше попыток обращения не будет. Приближаться к другим городам слишком опасно. Придется искать другой путь к выживанию. Перебери-ка заново все ваши восемь принципов.

— Попробую, но попозже. Скорбь о погибшей сестре переполняет меня. Я знаю, Амбаласи, — не надо мне напоминать об этом, — она была глупа и своенравна. Но свой поступок она совершила для нас, и ее следует оплакать.

— Как хотите. А мне нужно изучать новый континент. Я вновь отправлюсь вверх по реке, как только завершу все приготовления.

Энге с уважением распрощалась. Трудно было даже представить, что она больше не увидит Фар<. С грустью она вспоминала их размолвки. Смерть Фар< оставила пустоту, которую нечем заполнить.

Впрочем, печалиться некогда. Перед Энге стояла одна из новоприбывших и с нескрываемым удивлением смотрела на новый город. Энге приблизилась к ней с приветственным жестом. Фарги отшатнулась.

— Не бойся. Вокруг тебя — Дочери Жизни, они не причинят тебе зла. Есть ли у тебя имя?

Фарги смотрела на нее, медленно двигая челюстями.

— Ты понимаешь меня? — Реакции не последовало. — Хорошо, я научу тебя говорить. Ты узнаешь всю истину, открытую нам Угуненапсой...

— Первый принцип, — вдруг медленно заговорила фарги. — Мы упираемся в пальцы Духа Жизни, Эфенелейаа.

— Значит, ты не йилейбе и уже успела ознакомиться с мудростью...

— Второй принцип. Все живут в Городе Жизни. Третий принцип. Дух Жизни, Эфенелейаа — высшая эйстаа...

Фарги умолкла, вероятно забыв, что там дальше. Пытаясь припомнить, она дергалась всем телом и двигала челюстями. Ничего не вспомнив, она завела снова: — Первый принцип...

— Довольно, остановись.

— Еда-еда-еда! — закончила фарги и широко открыла рот, как птенец в гнезде.

Взяв ее за руку, Энге направилась к чанам с едой. Она приуныла. Амбаласи, как всегда, оказалась права. Фарги только повторяют звуки и жесты, не понимая их смысла, чтобы получить пищу. Дрессированное животное, а не иилане'. И Фар< умерла...

Энге отогнала отчаяние. Еще так много предстояло сделать.

Глава 17

Es mo tarril drepastar, er em so man drija.

Если брат мой ранен — я истекаю кровью.

Пословица тану

Херилак шел по тропе впереди саммадов, зорко вглядываясь в лесную чащу. Он переступил через дерево, лежавшее поперек тропы, — саммад уже проходил этим путем. В кустах что-то зашевелилось, он остановился и пригляделся, но ничего не увидел. В ветвях над головой кричали птицы. Вдруг невдалеке резко щелкнула стреляющая палка.

Взяв хесотсан на изготовку, Херилак побежал назад. Надрис толкал ногой неподвижное тело животного — этого марага они называли спиношипом.

— Что там? — спросил Херилак.

— Да вот, выскочил из-за дерева и бросился к мастодонтам. Пришлось убить.

Глаза животного уже остекленели; оно было покрыто толстыми костистыми пластинами, из которых торчали ряды острых шипов. Меткий стрелок послал отравленный шип прямо в пасть.

— Он вкусный, — заметил Надрис.

— Разделывать трудно, — возразил Херилак, — но, если его перевернуть, можно отрубить задние ноги. Только скоро нам придется останавливаться на ночлег — постарайся не терять времени. Начинай, я пришлю тебе на помощь Невасфара. Погрузите мясо на мастодонта и догоняйте.

Люди отправились дальше. Проходя мимо огромной туши, мастодонты в страхе закатывали глаза и трубили. Херилак снова пошел вперед — искать поляну, на которой можно будет развести костер. Понадобятся сухие дрова — и много, чтобы испечь все мясо, иначе оно протухнет, а жаль.

Следы животного пересекали колею и уходили в лес. Херилак остановился, чтобы посмотреть, не редеет ли лес, но что-то привлекло его внимание. На древесном стволе белел след от ножа; он уже начал затекать смолой, но сделан был явно в этом году. Повыше была надломлена ветка — так метят дорогу тану.

Меррис вела своего мастодонта, остальные цепочкой следовали за ней. Она первой заметила остановившегося Херилака. Подойдя поближе, она увидела на его лице довольную ухмылку. Охотник указывал рукой на восток.

— Я нашел тропу к побережью. Ее пометили даже дважды.

— Неужели Керрик?

— Не знаю, это может быть кто угодно — другой саммад, например. Если это не Керрик — то, может быть, там слыхали о нем.

На побережье Херилак вышел, когда уже совсем стемнело. Впереди чернел остров. Слишком темно. Он принюхался. Неужели пахнет дымом? Он не был уверен. Утром все станет ясно.

Этой ночью тану наелись до отвала, можно сказать, заталкивали в себя мясо — его оказалось слишком много, больше, чем можно было съесть и закоптить.

Старый Фракен жаловался на жесткий кусок — у него почти не осталось зубов. Парень-без-имени мелко крошил для Фракена мясо: старик приказывал ему делать это, не давая поесть самому. Но едва Фракен отворачивался, тот быстро заталкивал в рот куски.

Херилак не замечал вкуса еды. Он жевал мясо, думая только о том, что завтра обнаружит на острове. Той ночью саммадар долго не мог уснуть, а потом забылся беспокойным сном и проснулся, когда на небе еще горели звезды. Он вытащил из углей остывший кусок мяса, откусил и отправился будить Ханата.

— Я хочу, чтобы ты пошел со мной. Мне понадобится помощь, когда я буду перебираться на остров.

От голоса Херилака проснулся Моргил.

— А я? — спросил он.

— Оставайся с саммадом. Накоптите мяса, столько, сколько сможете. А мы вернемся сразу, как только узнаем — тану ли на этом острове. Если там саммад — Ханат вернется и сообщит вам.

...Утро было прохладным. Охотники торопливо спускались по тропе к воде. Подняв голову, Ханат принюхался.

— Дым, — сказал он, указывая на остров. — Оттуда.

— Вчера вечером я тоже почуял дым... Смотри-ка — здесь волокли плот или лодку. Там кто-то есть.

— А как мы переберемся?

— Точно так же.

— Смотри-ка, вон кто-то идет под деревьями.

Оба охотника замерли, вглядываясь в полумрак под деревьями на том берегу. Качнулся сук, другой... показалась фигура, за ней еще одна.

— Охотник и мальчик, — сказал Ханат.

— Двое мальчишек, один большой, почти охотник.

Поднеся руки ко рту, Херилак громко крикнул. Мальчики остановились и обернулись, потом замахали, заметив охотников. А потом повернулись и исчезли за деревьями.

...Керрик глядел на бежавших навстречу ему мальчишек. Они кричали, едва переводя дыхание:

— Там за водой двое охотников!

— Тану? — спросил Ортнар, поднимаясь.

— У них такие же копья и луки, как у нас, — сказал Харл. — Это охотники тану.

— Я должен взглянуть, — произнес Керрик, взяв хесотсан.

— Я покажу тебе, где они остались! — От возбуждения Арнхвит не мог устоять на месте.

— Хорошо.

Услыхав охотников, Армун выглянула из шатра с младенцем на руках.

— Не бойся. Это тану. Ортнар побудет с тобой. Арнхвит их заметил, а значит, заслужил, чтобы я взял его с собой. Может быть, от них мы узнаем, что случилось в долине?

— Приведите их сюда.

Мальчишки умчались. Неужели саммад? Там женщины, будет с кем поговорить, там дети. Армун чувствовала не меньшее возбуждение, чем дети. Из шатра вышла Даррас — как всегда молчаливая и пугливая. Ей неплохо побыть с девчонками. Как хорошо, что рядом оказался саммад.

Возбужденно переговариваясь, мальчишки побежали вперед и уже вытаскивали плот из кустарника, когда Керрик вышел на берег. Они были правы: на том берегу стоял охотник. Он был один, и что-то в рослой фигуре было неуловимо знакомым. Он поднял хесотсан и окликнул Керрика.

Это был не кто иной, как сам Херилак. Керрик молча ответил приветственным жестом, припоминая их последнюю встречу в городе. Тогда саммадар сильно гневался на него за то, что Керрик хотел, чтобы саммады остались в городе. Они так и не поговори-

ли, потому что Керрик с Ортнаром на следующее же утро ушли на север. Тогда он тщательно продумал свой путь — чтобы ненароком не встретиться с тану. Иначе оба самца сразу погибли бы. Что Херилаку здесь нужно, что он скажет теперь? Ведь они наговорили друг другу столько резких слов.

...Отталкиваясь шестами, мальчишки гнали плот к берегу. Керрик молча стоял рядом с ними. Когда плот уткнулся в песок, Херилак положил оружие на траву и шагнул вперед.

— Я приветствую тебя, Керрик. Приветствую.

Херилак прикоснулся к ножу из небесного металла, висевшему на груди. Потом снял его со шнурка и протянул Керрику. Керрик медленно протянул руку и взял его. Начищенная песком поверхность ножа блестела на солнце.

— Они принесли его, — сказал Херилак. — Мургу. Они напали на нас — и уже почти победили. И вдруг ушли, а нам оставили это.

— Это был знак для них, а не для вас. Хорошо, что нож попал к тебе. Вы поняли, что он означает?

Суровое лицо Херилака озарилось улыбкой.

— Я не понял, как это случилось. Только сообразил: что-то остановило мургу и заставило их уйти. И что все это — дело твоих рук. Я понял, что иначе быть не могло. Сразу, как только увидел нож. — Херилак вновь нахмурился и скрестил руки на груди. — В последний раз я наговорил тебе много грубостей, Керрик. Ты из моего саммада, но я говорил и поступал недостойно. И я не сделал того, что должен был сделать для женщины Армун. И мне стыдно.

— Все это в прошлом, Херилак. Не будем вспоминать. Вот мой сын. Поздоровайся, Арнхвит. Перед тобой саммадар Херилак, первый среди охотников и саммадаров.

— Не первый, Арнхвит. — Херилак наклонился к мальчику. — Гордись отцом. Он и есть первый среди нас. А этого парня я знаю. Сын Нивота. Он ушел вместе с Армун. Значит, и она здесь?

— Здесь. И еще Ортнар из твоего саммада.

— На меня словно тьма снизошла, и я обошелся с Ортнаром не лучше, чем с тобой. Даже хуже. Я ударил его. Теперь тьма оставила меня. Я горько жалел о своих поступках, но сделанного не вернешь.

— Не надо говорить об этом. Мальчики сказали мне, что охотников было двое.

— Второй вернулся к саммаду, чтобы звать их сюда. Пойдешь ли ты со своим саммадом вместе с нами?

— Куда же вы идете?

— Как куда — тебя ищем.

Заметив недоумение на лице Херилака, Керрик расхохотался. Охотник нахмурился, потом тоже засмеялся.

— Вы нашли меня — вот и конец дороге. Оставайтесь. На острове безопасно. Охота отличная. Здесь много оленей и небольших съедобных мургу. Очень удобное место для стоянки.

— А хищные мургу?

— Изредка перебираются через реку. Мы находим их следы, потом выслеживаем и убиваем. — Разговор о мургу что-то напомнил Керрику. — Жду на острове тебя и весь твой саммад. — Керрик поколебался. — Только должен тебе сказать — один из этих городских самцов живет на другом острове неподалеку.

— Один из тех, кто спасся от большого пожара? — Херилак машинально приподнял копье.

— Да. Их было двое. Только второй самец... умер. Я помню: ты считаешь, что каждого марага следует убить; я не забыл твоих слов. Но этот не опасен для тану.

— Ты хочешь сказать, что если мы останемся здесь, то должны будем хранить покой марага? Это тяжело...

— Тяжело, но так должно быть. Я разговариваю с ним. Ведь лишь потому, что я умею говорить с мургу, мне удалось спасти долину, заставить их прекратить войну. И передать тебе нож.

— Прежде я не понимал этого. После гибели моего саммада я возненавидел мургу. Всех. Ты говоришь, что не все они одинаковы, но я не могу понять тебя.

— Этот самец безопасен. Он всю жизнь провел в заточении. С нами воевали только самки. Я хочу, чтобы он жил.

Хмурясь, Херилак качнул головой.

— Да будет так, как ты сказал. Я и близко не подойду к этой твари.

— А остальные?

— Пусть каждый скажет сам или уходит. Пусть остров, где обитает мараг, станет запретным для тану — так будет лучше. Покажи нам этот остров, чтобы все тану поклялись не ступать на него. И тану, и их дети. Все мы обязаны тебе жизнью и должны выполнить твое желание. Пусть мараг живет.

Трубя, из леса вышел первый мастодонт. Саммады шли на остров.

Глава 18

Армун услышала мастодонтов и радостно прижала дочку к груди. Вскоре из лесу показались охотники. Впереди шла женщина, хорошо знакомая Армун.

— Меррис! — закричала она.

Женщина услышала ее и, приветливо помахав рукой, поспешила навстречу.

— Армун! Это ты. Ты жива. У тебя семья. Ты была совсем девчонкой, а сейчас ты мать. Смотри-ка, какая красивая девочка. Дай подержать-то.

— Ее зовут Исель, — радостно сказала Армун, передавая малышку Меррис. — А брат ее уже подрос. Ты видела его — он вас встречал.

— У нее твои глаза. — Меррис обернулась — из-за полога шатра застенчиво выглянула Даррас. — Еще одна дочка?

— Это наша приемная дочь. — Даррас нерешительно приблизилась к незнакомой женщине. — Это Меррис, мы с ней знакомы с самого моего детства. Я была тогда еще меньше тебя, Даррас.

Улыбнувшись, Меррис погладила девочку по голове и ощутила, как дрожит под рукой ее тело. Повернувшись, Даррас бросилась к мастодонту, который задумчиво жевал листья.

— Она осталась одна. Мы нашли ее, — сказала Армун. — Ее и мастодонта. Всех остальных перебили мургу. С тех пор девочка с нами. До сих пор она просыпается по ночам от кошмаров.

— Бедняжка, — вздохнула Меррис, передавая Исель матери. — А чей это был саммад?

— Сорли, саммад Сорли.

Охнув, Меррис прижала к груди кулаки.

— Значит, она мертва, значит, и вторая моя дочь погибла! Они с охотником ушли вместе с саммадом Сорли. Моя Милде погибла, как и ее сестра!

Армун оцепенела от неожиданности, так прижав к себе Исель, что та закричала. Придя в себя, она успокоила малышку и проговорила дрожащим голосом:

— Когда мы нашли Даррас, она ничего не говорила, только плакала. Она же видела, как они гибли... Потом она заговорила, и я узнала, как она оказалась в лесу. Назвала мне свое имя — Даррас. И имя своей матери. Ее звали Милде.

Обе женщины взволнованно посмотрели друг на друга. Первой сумела заговорить Меррис:

— Значит... она моя внучка?

— Это она. Надо поговорить с ней. Она никогда не называла мне имени своего отца, но она должна его знать.

Сначала Даррас не поняла, что произошло. Но когда ей растолковали, кто эта женщина, и она наконец поняла это — слезы градом хлынули из глаз, и она зарыдала, припав к бабушке.

— Ты будешь жить со мной, — сказала Меррис. — Если захочешь, конечно, и если Армун не будет возражать.

— Эта девочка — дочь твоей дочери. И теперь она твоя. Поставь свой шатер рядом с моим, чтобы мы всегда были вместе.

Меррис засмеялась сквозь слезы, ее примеру последовала Армун, и даже Даррас сумела улыбнуться.

Эти дни были самыми счастливыми в жизни Армун. Мургу оставили их в покое. О них можно было не думать, даже позабыть. Приход саммада полностью изменил жизнь на острове. Под деревьями выросли шатры, заклубился дым над многочисленными очагами. Между ними, визжа, бегали дети, с поляны им вторили мастодонты. Все были сыты, в коптильнях полно мяса.

Возле стоянки повалили огромное дерево с плотной древесиной, обрубили на нем ветви, притащили бревно на берег и под руководством Херилака выжгли сердцевину ствола. Теперь у тану будет лодка, чтобы плавать по болоту и охотиться на птиц. Глядя на взрослых, Арнхвит и мальчишки саммада решили сделать себе челнок поменьше. Не обошлось без ожогов и слез, но работа спорилась.

Как-то раз в шатер к Ортнару пришел Херилак. Никто не слышал, о чем говорили охотники, но скоро все узнали, что они помирились, и мир восстановлен. Теперь шатер Ортнара стоял рядом с шатром саммадара. Вечерами хромой охотник сидел у общего костра и даже смеялся. Он уже не заводил речи о том, что пора уходить в лес.

А Арнхвит — когда был не занят лодкой, что бывало не так уж часто — играл с ровесниками. Харл ушел жить к охотникам. Все было так, как положено у тану, и Армун была счастлива.

Однажды она сидела на солнышке у шатра; перед ней на мягкой шкуре лежала дочка, сучила ножками и ворковала.

Малаген, не скрывая удовольствия, разглядывала ребенка.

— А можно взять ее на руки? — спросила она на сесеке.

Армун еще не забыла этот язык, и Малаген иногда приходила к ней, чтобы послушать родные слова. Исель лежала у нее на

руках, мягкие волосики ребенка белели на темной коже женщины. Светловолосые тану не переставали занимать Малаген.

— Ой, и глаза синие, как небо! А я кое-что сделала для нее. Смотри. — Запустив руку за пазуху, она достала длинную темную ленту и протянула Армун. — Будешь повязывать ей на головку, когда волосы подрастут. Так делают саску.

Армун восхищенно смотрела на ленту.

— Какая мягкая — но ведь это не ткань?

— Это очень важная вещь, я тебе все расскажу. Когда мы покидали долину, я кое-что прихватила с собой. Ты видела, как я делала ткань из харадиса. Но волокна кончились. Тогда я увидела ваших валискисов, и они разрешили мне прикоснуться к ним. О, это было великолепно.

Армун согласно кивнула. Она знала, что мастодонты — валискисы на сесеке — священные для саску животные. Малаген могла целый день восхищенно наблюдать за ними.

— Я прикоснулась, и они позволили себя причесать. Им даже понравилось. На гребне остались волосы. Я сберегла их. Однажды я попробовала спрясть из них нитку, как из харадиса, и обнаружила, что можно соткать и полотно. Так я и сделала — вот оно. — Рассмеявшись, она прошептала: — Я делала эту повязку для мандукто. Но им я могу сделать другую. К тому же она такая маленькая. По-моему, она подошла бы Исель.

Саску были мастерами на все руки, и Армун была рада, что Малаген ушла с тану. Так, Малаген обследовала весь остров, потом заставила Невасфара сходить с ней на материк и наконец нашла то, что искала — глину. Женщины снарядили за ней мастодонта Меррис и вернулись с полными корзинами. Теперь надо соорудить печь для обжига — и у тану будут крепкие как камень горшки.

Жизнь стала такой интересной, что Армун уже не беспокоилась, когда Керрик уходил к своему марагу. Она заметила, что теперь он ходил один — Арнхвит был поглощен своими мальчишескими играми. Это радовало Армун, хотя вслух она ничего не говорила.

Керрик, ее охотник, умел делать то, на что не был способен ни один из охотников и саммадаров. Например, разговаривать с мургу. Если бы он не говорил с главным марагом на острове, саммадов уже не было бы в живых. А теперь все знали, что сделал Керрик и как ему это удалось, и никому не надоедало слушать рассказы Армун. И о парамутанах, и о том, как они плавали за

океан, и обо всем, что там с ними случилось. Ее слушали с почтительным молчанием — не только потому, что Керрик — ее охотник, но и потому, что она сама проделала весь этот путь вместе с ним. Она уже не прятала раздвоенную губу и даже не вспоминала о ней. Жизнь была прекрасна, солнце грело, а бесконечное лето куда лучше бесконечной зимы. Некоторые из женщин скучали о снегах, о ягодах, что растут только на севере, и о многом другом. Она их слушала, но молчала — потому что ей не хотелось возвращаться.

Керрик заметил перемену в Армун, но не стал задавать ей лишних вопросов. Он был ей благодарен. Как-то нерадостно жилось в их маленьком саммаде. Хромой охотник, печальная девочка да двое мальчишек, большой и маленький, которым было не очень-то интересно друг с другом. Но все изменилось. Даррас жила с бабушкой; теперь она улыбалась и разговаривала. Казалось, она наконец позабыла о гибели своего саммада.

Керрик все еще надеялся, что Арнхвит найдет время, чтобы поговорить с Надаске′. Да и сам он давно уже не навещал друга. Со времени их последней встречи прошло много времени, он даже не помнил сколько. Нельзя так относиться к друзьям.

Керрик отрубил ногу только что убитого оленя, взял хесотсан и знакомой тропкой отправился к океану. Никого не встретив, он перебрался через пролив на маленький островок. Оглядел с высокого берега море: пусто как всегда. Иилане′ сидели в городе, как обещала Ланефенуу. Если бы он раньше привел сюда свой саммад, они не встретили бы охотниц. И Имехеи остался бы жив. Керрик качнул головой, прогоняя грустные мысли. Что попусту размышлять — прошедшего не вернешь. И, подойдя к кустам, крикнул, предупреждая, что будет говорить.

Шалаш оказался пустым. Хесотсана не было — может быть, Надаске′ ушел на охоту. Внутри Керрик заметил свежие листья и положил на них мясо. Выбравшись наружу, он сразу увидел Надаске′.

— Надаске′ — лесное создание, что ходит безмолвно, как ветер. Ты охотился?

— Нет. Услышав звук шагов, я спрятался. — Опустив хесотсан на землю, самец заметил мясо. — Сладкая плоть убитого зверя во много раз вкуснее рыбы. Я благодарю эфенселе.

— Постараюсь принести еще. Скоро. У меня столько дел. Но почему ты прятался? Это какая-то игра из ханане?

Надаске′ набил рот мясом и не сразу ответил:

— В тен и еще тен раз вкуснее, чем рыба. Игры ханане... Да, мы играли там. Скучно-глупо. Трудно даже представить себе эту жизнь — и почему мы считали ее хорошей? Нет, это не игра. Здесь были маленькие устузоу и грозили мне смертью от каменного зуба.

— Кто? Охотники?

— Нет, не большие устузоу, а поменьше — как мягкий-маленький или чуть больше.

— Ах, вот оно что. Мальчишки. Они бросали в тебя копья?

— Кричали, махали оружием, убегали в кусты.

— Я этого так не оставлю, — угрюмо произнес Керрик. — Они знают, что сюда нельзя ходить. Решили, что очень храбрые. Посмотрим. Больше такого не будет.

Надаске′ уже обгладывал кости. Потом он рыгнул и сделал жест: «сладкое мясо — сладкая жизнь». Керрик думал о мальчишках, о том, как сделать, чтобы подобное не повторилось, и не сразу понял жест Надаске′.

Теперь кругом были тану, и мир иилане′ отступал, становясь чужим и враждебным. Надаске′ с огромной пастью и блестящей шкурой был так не похож на тану. Вот и кость он держит двумя большими пальцами.

Взгляд Керрика привлекла перебегавшая поляну ящерица. Надаске′ выронил кость, и ящерица застыла на месте. Словно окаменела, как Надаске′. Одинаково не похожие на тану, одинаково чуждые.

— Случилось еще кое-что, — произнес Надаске′ — и минутное отчуждение исчезло. Это был Надаске′, его друг.

— Что?

— Урукето.

По спине Керрика пробежали мурашки.

— Здесь? Они выходили на берег?

— Отрицание и отрицание. Он плыл в океане, неподалеку от берега на север, но на следующий день проплыл в обратную сторону.

— Тот же?

— Утверждение-положительно, доказательства-отрицательно.

Внезапный страх прошел. Иилане′ не высаживались, значит, к саммадам это не имеет никакого отношения. Конечно, в океане можно встретить и урукето. Но если не показываться на берегу, то бояться нечего. Однако все это было похоже на зловещее предзнаменование. Как на охоте: если увидишь сразу двух черных

птиц, не жди в тот день удачи. Так говорила Армун. Еще нельзя было держать нож острием к себе — тоже плохая примета. Но Керрик не очень верил в приметы.

— А тебе уже случалось видеть урукето?

— Один раз — далеко в океане.

— Не думаю, что стоит беспокоиться. Алпеасак находится на этом же побережье к югу от нас. Урукето и рыболовные лодки идут в его порт. Лишь бы только иилане′ на берег не выходили.

— Не выйдут. — Надаске′ стукнул пальцем по зубам — укушенный боится укусившего. — Эйстаа, любящая урукето, будет помнить два трупа на берегу. Они будут жить в городе, мы будем жить здесь, еды хватит на всех.

— Наверное, ты прав. Только трудно поверить, что между иилане′ и устузоу может быть мир.

— Между тобой и мной мир. Может быть, потому, что мы самцы, а все зло в мире — от самок. Бойся самок устузоу.

Керрик сделал жест согласия и понимания. Он давно уже оставил попытки втолковать Надаске′, чем мужчина отличается от женщины. Надаске′ так и не мог поверить, что Керрик все делает сам, а не по приказу Армун.

— Пора, — сказал охотник, вставая.

— Любопытствую. Прошу Керрика осмотреть хесотсан. — Надаске′ протянул оружие и показал на скрюченную, бессильно повисшую ножку животного. — Маленькое изменение — важно ли?

Керрик взял хесотсан и принялся внимательно разглядывать его. Хесотсан как хесотсан: зажмуренные глазки, атрофированные конечности тесно прижаты к бокам. Взрослое животное так и должно выглядеть. Керрик заметил белую пыль на темной ножке и смахнул ее пальцем.

— Да, здесь шкура стала серой. Знаешь, я такого еще не видел. Может быть, он стареет? Ты не знаешь, сколько они живут?

— Познания отсутствуют. Кроме этой отметины, все в порядке.

Керрик достал шип, вставил его, направил хесотсан в сторону океана и нажал. Раздался привычный треск, и игла, описав дугу, исчезла из виду. Керрик притронулся к губам животного — рот открылся, требуя еды.

— Вроде бы все в порядке. Причин для беспокойства нет.

— Всегда есть причины для беспокойства, — ответил Надаске′, забирая оружие и внимательно разглядывая его. — Нет хесотсана — нет жизни. Смерть от зубов хищников.

— Рано беспокоиться. Твои страхи беспочвенны. Жизнь полна солнца и мяса.

Керрик направился к лагерю. Отойдя подальше от берега, он остановился и поглядел на собственный хесотсан. Хесотсан как хесотсан.

Но беспокойство уже не отпускало Керрика. И он торопливо затрусил к стоянке.

Надо проверить все хесотсаны охотников.

Глава 19

О причинах беды они так и не узнали и понятия не имели, как с ней бороться.

Поначалу опасения Керрика показались беспочвенными. Все хесотсаны, которые он проверил, казались нормальными, ни на одном не было серых пятен, как на оружии Надаске'. Может быть, тот не заметил, как сам повредил оружие. И Керрик перестал об этом думать: как и другие охотники тану, он ждал первой охоты на птиц.

Дожди сделались чаще, иногда по утрам над землей стлался туман. У старика Фракена еще хватало ума замечать, что дни стали короче — значит, на севере снова зима. Но это охотники знали и без него. В проливе и на болотах было полно птиц. Они кружили над головой, с громким криком опускались на землю, стая за стаей. Подкормившись и отдохнув дня два, они продолжали свой путь на юг.

А ствол все долбили и выжигали. И наконец лодка была готова — наступила пора охоты.

Над лодкой трудились почти все охотники, и каждому хотелось оказаться в числе четырех счастливчиков, которые отправятся на первую охоту. И чтобы избежать ссор, Керрик решил тянуть жребий. Нарезали одинаковых соломинок по количеству охотников, засунули их в глиняный горшок. Нижние концы четырех соломинок были выкрашены краской из внутренностей хардальта.

Охотники по очереди пытали судьбу. Криков было много: проигравшие сокрушались, выигравшие не скрывали радости. В конце концов все отправились к лодке и укрыли охотников под сетью, разбросав по ней пучки травы, чтобы тех не было заметно. Распугивая птиц, лодка отплыла от берега. Охотники не пыта-

лись их ловить, а поплыли в тростники, где собирались ждать новую стаю.

Отозвав Керрика в сторону, Херилак негромко сказал:

— Пойдем-ка, я тебе кое-что покажу. — Он первым подошел к своему шатру и вытащил из него хесотсан. — Ты говорил о стреляющих палках. Ты это имел в виду?

Повертев оружие в руках, Керрик с ужасом заметил, что одна нога существа стала серой и вяло болталась.

— И давно это с ним?

— Не знаю, несколько дней. А что это значит?

— Может быть, и ничего. Ведь они стареют, им тоже приходит пора умирать.

Однако дело обернулось иначе. Серое пятно на оружии Херилака росло медленно, но настойчиво. А потом существо стало скверно пахнуть и перестало выбрасывать иглы. Охотники зарыли его в лесу — подальше от шатров.

— Говорят, еще с двумя случилось то же самое.

— Значит, это какая-то болезнь, — сказал Керрик, — и передается она от оружия к оружию. Придется держать их подальше друг от друга.

— А что, если умрут другие? Что будем делать?

— Пусть умирают. Для охоты они нам не нужны.

— Так-то оно так. — Херилак угрюмо взглянул на берег за проливом. — А чем будем убивать огромных мургу? Вчера вечером сюда опять залез один. Мастодонты услышали и подняли шум. И прежде чем мараг успел добраться до них, Ханат убил его. Здоровый, раза в два выше мастодонта — и клыки что твой локоть. Такого марага ни копьем, ни стрелой не возьмешь.

— Но околела только одна стреляющая палка. Другие-то живы.

— Они тоже становятся серыми. Что, если все умрут?

Керрик не знал, что говорить, он не меньше Херилака был встревожен случившимся.

— Весной можно уйти на север — куда мургу не пойдут — в горы, к снегам.

— Можно. Но надолго ли? В долинах зима, которая никогда не кончается. И тану, что охотятся на севере, не обрадуются нам. Тану уже убивали тану, а если и мы заявимся, то стычек не миновать. Здесь жить можно, охота хорошая. Но только если есть стреляющие палки.

Все было предельно ясно, и ни у кого не было желания продолжать разговор. И только когда заболели еще две палки, Хери-

лак велел собирать саммадаров. Они собрались возле костра, негромко беседуя. Кое-кто улыбался, но смеха слышно не было. Херилак встал, и все умолкли.

— Все знают, что происходит со стреляющими палками. Одна уже сдохла, а две стали серыми.

— Три! — крикнул Хар-Хавола. — И моя тоже... Если они все сдохнут — что с нами будет?

— Но не все же заболели, — возразил Керрик. — Не торопи события.

— Но это возможно, — и что тогда? Чем будем убивать мургу?

Началась перебранка. Меррис, стоявшая позади охотников среди женщин, возмутилась:

— Охотники, вы кудахчете, как птицы в гнезде, но яиц не видно! Откуда у нас стреляющие палки, а? От мургу, это все знают. Если наши умрут, мы достанем другие.

Все взглянули на Керрика, ожидая его ответа.

— Не так-то все просто. Если они даже узнают, что нам нужны стреляющие палки, то очень обрадуются. И не дадут ни одной, можете не сомневаться.

— Тогда мы возьмем их силой! — крикнул один из охотников.

— Значит, снова война? Ведь чтобы отнять палку, надо убить марага. Все знают, как я предотвратил их нападение на долину саску. Сомневаюсь, что подобное удастся мне во второй раз. Что бы ни случилось — убивать мургу нельзя. И ни в коем случае нельзя допустить, чтобы они узнали, что у нас нет палок.

Присутствующие загалдели. Всем хотелось знать, как делают стреляющие палки.

— Их не делают, а выращивают. Маленькими они похожи на обычных ящериц, побольше — на змей. Их выращивают в заболоченном пруду и следят, чтобы не удрали. А когда они подрастают, то двигаются все меньше и меньше и наконец окостеневают.

— А мы не можем их разводить? — спросила Меррис.

— Не думаю. Когда я жил в городе, то часто наблюдал за ними, пытался понять, но так и не смог. Я даже не понял, кладут они яйца или нет. Ведь они двигаются только молодыми. А потом окостеневают — и уже навсегда. Как их размножить? Может быть, есть какое-то третье состояние, только я не видел. Это тайна мургу.

— А ты знаешь в городе пруд со стреляющими палками? Где его искать?

— Я знал, где он был прежде. А там ли остался, понятия не

имею. Когда мы были в городе, он сильно пострадал от пожара. А вернувшиеся мургу могли его напрочь переделать.

— А если мы сумеем разыскать молодые стреляющие палки и принести их сюда? Мы можем это сделать.

— Это непросто...

Но протесты Керрика потонули в хоре голосов: отряд охотников способен на все; вот отыщут место, наберут стреляющих палок... Побольше, чтобы надолго хватило... Керрик орал, пока его наконец не услышали.

— Хороший план, отличный план. Только что будете делать, если их охраняют, если вокруг мургу? Что тогда?

— Убьем их! — выкрикнул какой-то из охотников под одобрительные возгласы.

— Охотники, велика ваша глупость! — загремел Херилак. — Если вы это сделаете — снова начнется война. Вы слышали, что сказал Керрик. Если вы сунетесь к мургу, от погибели вам не уйти. Должен быть другой выход.

Отвернувшись, Керрик смотрел на огонь, но по воцарившемуся вдруг молчанию понял, что все смотрят на него, ожидая ответа... Он все знает про мургу — ему и решать.

— Если случится худшее и наши стреляющие палки умрут, нам потребуются новые. В долине саску тоже есть хесотсаны.

— Далековато, — проговорил Херилак. — И не думаю, что саску охотно расстанутся с ними. Ну, несколько штук дадут. Они тоже опасаются возвращения мургу. И если наши дохнут, то у них, может быть, уже сдохли. Город ближе.

— Ближе и опаснее. Целому отряду охотников туда не пробраться. Об этом даже не думайте. По крайней мере пока мы не узнаем, не разведаем, где живут стреляющие палки. Прежде всего их нужно найти.

— Пойдем вдвоем, — решительно сказал Херилак. — Ты знаешь мургу, я знаю лес. Пошли вдвоем.

Керрик поднял глаза и прямо перед собой увидел окаменевшее лицо Армун. Она знала, как велик этот риск для обоих охотников, знали и все тану. Все молча повернулись к Керрику, ожидая ответа. Стараясь не смотреть на Армун, он кивнул.

— Пойдем, Херилак. Возьмем только одну палку. Ее понесет Херилак. Держите палки врозь — мне говорил об этом мараг, знающий болезни, — чтобы одно оружие не заражало другое. Держите их в тепле и кормите досыта. Палки, которые мы сумеем добыть в городе, понесу я, чтобы не заразить их от той, что будет у

Херилака. Рисковать нельзя: они могут подцепить ту же самую болезнь.

Было решено, что уцелевшие хесотсаны охотники будут беречь как зеницу ока и использовать только для того, чтобы сразить очередного гигантского мародера, перебравшегося с берега. До сих пор охотники не задумывались, каким оружием владеют, и только теперь осознали, что от него зависит их жизнь.

Поход в город решили не откладывать. Они с Херилаком возьмут лишь оружие и копченое мясо.

Поутру Керрик стал укладывать свой мешок, Армун не сводила с него глаз.

— Я пойду с тобой, — вдруг заявила она.

— Но это же просто разведка. Лучше оставайся и приглядывай за малышкой.

— Я уже сказала тебе — больше мы не расстанемся.

— А мы и не расстаемся. Наша вылазка займет времени не больше, чем охота с парамутанами. Мы пойдем быстро, разыщем палки — и сразу назад. Херилак знает лес, нас никто не заметит. А я знаю мургу. Бояться нечего.

Но она боялась. И он тоже. Керрик ничего не говорил, но они оба понимали: покою на острове пришел конец. Будущее вновь стало неопределенным.

Ночью пошел дождь. Он барабанил по натянутым шкурам, заливал боковые пологи.

Серым дождливым утром охотники покинули остров и направились к югу — по тропе, уходившей в сторону города. Путь был знаком, и они шли быстро.

На третий день они свернули с широкой, проложенной саммадами колеи, и направились по узкой звериной тропке. Здесь им уже случалось охотиться, и Херилак знал тут каждую рощу, каждый ручеек. Вскоре они добрались до пруда с темной водой.

— Уже близко, — сказал Херилак. — За этой водой — болото мургу с тремя рогами.

— Ненитески. А ты уверен? Я еще не подходил к городу с этой стороны.

— Уверен.

— Этих животных мургу всегда держали на самых дальних полях, у самой границы города. Отсюда я сумею найти путь к обиталищу палок.

Внезапно в лесу раздался хриплый рев. Держа оружие наготове, охотники быстро пошли к городу.

Деревья были густо оплетены лианами, некоторые из них были ядовитыми. Этот барьер останавливал любых животных... но не того, по следам которого они шли. Ветви были поломаны, кусты вдавлены в землю, глубокие следы в болотистой почве медленно наполнялись водой. Их оставили огромные лапы с острыми когтями. Узнав след, Херилак буркнул:

— Большой мараг-убийца.

— Эпетрук. Почуял ненитеска. Пойдем следом. Лучшей дороги в город нам не найти.

Оглушительный рев и визг впереди дали понять, что эпетрук принялся за дело. Но битва едва ли была равной. Эпетрук кружил вокруг ненитеска, который все время поворачивался к нему тремя рогами и большим костистым воротником, защищавшим шею. Эпетрук опасался острых рогов — окровавленный конец одного из них указывал, почему. Со стороны болота послышался рев: к месту схватки торопился второй ненитеск. Несмотря на ярость, эпетрук сообразил, чем это ему угрожает. Он крутил головой и дико ревел. Изгибаясь и хлеща по бокам хвостом, хищник отступал к лесу. Охотники в страхе бросились к деревьям.

Керрик огляделся, ища выход с поля и знакомые ориентиры.

— Идем туда, — сказал он. — Придется сделать круг, чтобы не приближаться к внутренним полям.

Сообразив, в какой части города они оказались, Керрик понял, что ничего здесь не переменилось. Деревья стали выше, под ними вырос густой подлесок, но в основном все осталось прежним. Руки и ноги его шевельнулись — на память пришло выражение иилане': «Завтрашнее завтра подобно вчерашнему вчера». Выращенный по модели и плану город останется неизменным, пока существует. Зря он не подумал об этом раньше. Ведь разрушенные его части восстановили в соответствии с оригиналом. По этой тропе он ходил еще мальчишкой.

Прикоснувшись к плечу Херилака, Керрик прошептал:

— Видишь, впереди роща. Там мургу собирают плоды для оленей и всякой живности. Этим занимаются невооруженные мургу, но на таком расстоянии от города рядом должна быть стража с хесотсанами.

Роща была на своем прежнем месте, землю усыпали гниющие плоды, но иилане' нигде не было. Керрик шел первым.

— Теперь уже недалеко. Видишь высокий откос? Прямо за ним.

Херилак наклонился.

— Следы.

— Чьи?

— Здешних мургу. Совсем свежие, после вчерашнего дождя.

Теперь Херилак безмолвной тенью скользил среди деревьев, а Керрик, не сводя глаз с земли, шел след в след, стараясь шагать так же тихо.

Поднявшись на откос, они нос к носу столкнулись с двумя тяжело нагруженными фарги. Их глаза округлились от изумления.

Иилане′, шедшая позади, рванула хесотсан. Херилак успел выстрелить первым. Она сложилась пополам и упала.

Керрик крикнул, но опоздал. Еще дважды щелкнуло оружие Херилака — и обе фарги неподвижно лежали на земле.

— Их можно было не трогать. Они не опасны.

— А говорить эти двое могли?

— Может быть. Ты прав. Они нас видели. Они работницы, а значит, способны понимать и говорить... Они могли рассказать о нас.

— Побудь здесь, — посмотрю, нет ли еще кого.

Переступив через трупы, Херилак исчез за деревьями. Керрик поглядел на лежавших: смерть широко раскрыла их глаза, разинула рты. Оказалось, что фарги несли молодые хесотсаны и, падая, рассыпали их по земле. Медленно перебирая ногами, они ползали в траве. Керрик быстро собрал всех шестерых. Хесотсаны слабо царапали его руки, но деваться им было некуда.

— Их было только трое, — вернувшись, сказал Херилак и тут заметил хесотсаны в руках у Керрика. — Ты уже нашел их. Стреляющие палки. Значит, можно уходить, пока не нагрянули другие мургу.

— Сначала придется позаботиться о телах. Мургу не стреляют в своих. Если они найдут трупы, то сразу поймут, в чем дело.

— Значит, в болото их! Или зароем?

— Не годится, отыщут. — Керрик поднялся на насыпь. — Там живут стреляющие палки. Их много, они молодые. Помнится, мы кормили их мясом.

— Вот тебе и мясо. — Херилак брезгливо пнул труп иилане′. — Если эти твари прожорливы, мургу могут и не разыскать следов, когда появятся здесь.

— Брось их, где поглубже. Больше мы ничего не успеем сделать.

Керрик наклонился над телом охранницы и стал вытаскивать хесотсан из сомкнутых пальцев. Херилак поволок в сторону труп.

Прежде чем уйти, Херилак оглядел землю, заровнял следы. И они немедля пустились в обратный путь. Ненитески мирно паслись. Охотники углубились в лесную чащу.

Глава 20

Когда они вышли из города, Керрик крикнул:

— Постой!

Херилак осторожно огляделся и прислушался.

— Надо идти. Так близко останавливаться небезопасно.

— Придется. Глянь-ка.

Херилак увидел, что грудь и плечи Керрика исцарапаны и кровоточат. Сбросив стреляющие палки на траву, Керрик пошел к ручью.

— Надо бы пристроить их поудобнее, — сказал Херилак. — Сейчас они ядовиты?

— Не думаю. Одна из них жевала мой палец, а я еще жив.

— Зубы у них острые. Я знаю, они меня столько раз кусали во время кормежки. Переложи мясо в мой мешок, а свой порежь на полосы да завяжи получше палки. И поскорей.

Керрик изрезал мешок на неровные полосы и надежно перевязал ими хесотсаны. Покончив с этим делом, они сразу же отправились дальше.

Вечером Херилак подстрелил одного из небольших быстроногих мургу. Он не стал подходить к зверю, предоставив Керрику разделывать тушку. Они держались подальше друг от друга, чтобы новое и старое оружие ненароком не соприкоснулись.

Керрик разрезал еще теплое мясо на кусочки и стал кормить хесотсаны. Они с Херилаком перекусили сушеным мясом, боясь разводить огонь так близко от города.

— Не хочу больше возвращаться в этот город, — сказал Керрик, когда охотники стали укладываться спать.

— И не надо... если палки будут живы. Но мы знаем, где брать новые в случае чего.

— Слишком рискованно.

— Здесь ничего не может быть слишком рискованно. Разве мы сумеем выжить без них?

...Утром они покормили молодые хесотсаны сырым мясом и уверенным шагом направились к северу. Дождь кончился, и солнечный свет, пробиваясь сквозь листву, падал на землю.

Солнечные лучи отражались от хрустального глазка угункшаа, освещая изображение Амбаласи, воспроизводимое запоминающим зверем. Звук был слабым, но вполне различимым.

«У реки много протоков, по крайней мере два из них не меньше главного русла. Река собирает воду с огромной части нового континента. И я хочу подняться на урукето вверх по течению, пока не станет совсем мелко, периодически отбирая пробы воды...»

Звук призыва к вниманию заглушил негромкий голос прибора. Укхереб повернула один глаз ко входу — там с ноги на ногу переминалась ее помощница Анатемпе.

— Что случилось? — спросила Укхереб.

— Боль от прерывания собрания, имеющего научное значение. Прибыла фарги с приказом особой важности. Эйстаа требует присутствия вас обеих.

— Пусть она возвращается с известием о нашем повиновении.

Анатемпе вышла. Ученые выключили угункшаа и убрали его вместе с запоминающим зверем в надежное место.

— Открытия — на изумление! Амбаласи — величайшая из величайших, — сказала Акотолп, колыхаясь всем телом.

— Согласна, несмотря на то что она слишком часто твердит об этом. Среди живых ей нет равных. Не раскрасить ли нам руки в знак уважения к эйстаа?

— Не забудь, что сказала посланница: надо спешить. И мы должны подчиниться даже в ущерб красоте.

...Ланефенуу была погружена в глубокие раздумья, когда обе ученые показались на амбесиде. Она повернула к ним один глаз, давая понять, что заметила их, но заговорила не сразу.

— Разум-помощь требуются от иилане́ науки.

— Повелевай, эйстаа, мы повинуемся.

— Меня не радуют новости, не радует необъяснимое. И одно событие вовсе смущает меня. Вчера к растительной яме послали группу за хесотсанами. Они не вернулись. Утром я послала к яме других, а с ними Интепелеи, знающую охоту. Она здесь. Выслушайте ее.

Интепелеи, мускулистая и суровая иилане́, стояла рядом. Ее тело было покрыто кровоточившими следами укусов, у ног ее лежали два больших узла. Она заговорила неумело, но вполне отчетливо:

— Возле ямы с хесотсанами были следы: помятая трава, четкие отпечатки ног иилане́ в иле. Сделанные вчера. Я искала и ничего не нашла. Потом заметила, что хесотсаны что-то едят, но не там, где для них оставляют мясо. Я вошла в воду, отогнала их и вот что обнаружила.

Она нагнулась и достала из меньшего узла череп иилане́. Ученые жестами выразили отвращение и потрясение. Но всем стало еще хуже, когда она развернула второй узел и достала из него жуткую массу окровавленных костей.

— Грудная клетка иилане́, — прокомментировала Акотолп. — Плоть не отошла от костей — вот мышцы, вот сухожилия. — Она показала пальцем. — Смерть наступила недавно.

— А вчера она еще была жива? — спросила Ланефенуу.

— Вне сомнения, — ответила ученая, ужаснувшись собственным словам.

— И я так думаю. Ужас и интерес. Что случилось? Они упали туда? Живыми они оказались в воде или мертвыми? Думая о них, я вспомнила еще трех охотниц, ушедших из города и не вернувшихся. Их искали, но не нашли. Трое и еще раз трое. А теперь я спрашиваю вас, Акотолп и Укхереб, спрашиваю иилане́ науки. Случилось два странных происшествия, которым нет объяснения — и я недовольна. Я хочу, чтобы вы сказали мне — есть ли между ними связь. Есть ли что-нибудь общее между этими тремя и теми тремя?

Укхереб размышляла и не решалась высказаться. Потрясая складками на шее, Акотолп с чувством проговорила:

— Общее — смерть. Трех и, возможно, еще трех. Или же всех. Иначе эти трое вернулись бы. Смерть ходит вокруг города, смерть приходит в город. Нужны факты. Давайте пустим птиц.

— Тех, что выслеживают устузоу?

— Их, эйстаа. Мы давно ими не пользовались. Скучно глядеть на снимки деревьев и побережья.

Ланефенуу гневно щелкнула челюстями.

— Хватит скучать. Что-то чужое несет смерть в мой город. Я хочу, чтобы вы выяснили, что случилось. Откроется тайна — прекратятся смерти.

— Будет так, как ты приказываешь. Предлагаю увеличить число вооруженной охраны во всякое время дня и ночи. И высадить побольше ядовитых растений у стен.

— Выполняйте. И ежедневно докладывайте, что увидите.

Сделав жесты преданности и повиновения, ученые отправились восвояси. Шли они медленно и размышляли.

— С тех пор как мы прибыли в город, было спокойно, — про-

говорила Укхереб. — Неужели кровопролитие началось снова? Не хватит ли крови? Неужели опять устузоу смерти?

— Надо поискать. Если они близко, мы обнаружим их. Тут могла бы помочь Вейнте′. Она прекрасно расправлялась с устузоу.

Смешав в жесте согласие и отрицание, Укхереб ответила:

— Ты ей служила, я знаю. Ты говорила мне, что она спасла твою жизнь. Но она служила только смерти и никакой другой эйстаа. Довольно смерти. Окажи мне любезность, пусть имени Вейнте′ не будет в твоих мыслях.

Дни для Вейнте′ были похожи, как капли воды. Они слились воедино, да так, что и не оторвать. Солнце на небо — в море за рыбой, потом вечер. И ничего не менялось.

Но сегодня что-то произошло, и ей это не понравилось. Фарги были в явном смятении. Они вылезли из океана и торопливо устремились в глубь берега. Вейнте′ поинтересовалась, что случилось, но, конечно, не получила ответа. Великреи была уже далеко и, не слыша ничего, со всеми удалялась в сторону болот. Такого еще не бывало. Вейнте′ обернулась к океану и за белыми валами увидела черное пятнышко.

Что это может быть? Странно — в море никогда не было ничего, кроме рыбы и морских тварей. Иногда в нем встречались огромные рыбины, зубастые хищники, но такого, чтобы выступал из воды... Она почувствовала тот страх, что и остальные, и тоже направилась было к лесу...

И тут ощутила гнев. Она не из тех, кто пугается. Мысль внушила тревогу — в особенности тем, что вновь заставила ее думать. А она отвыкла. И в расстройстве Вейнте′ гневно шипела и драла землю когтями ног. Сердилась и на море, и на эту непонятную штуку. Потом еще раз посмотрела — загадочный предмет приблизился.

Очертания были знакомы. Она уже догадалась, что это — потому-то и ощутила внезапную ненависть, ведь появление урукето вновь пробудило гнев, испытанный ею некогда на этом берегу.

Брошенная.

Отверженная.

Оставленная умирать.

Урукето.

Наконец короткий приступ гнева прошел, и она могла уже

хладнокровно взирать на живой корабль. Нынешний гнев был далекой тенью давнишнего. Чего бояться, если перед ней урукето?

Она спокойно смотрела на черный высокий плавник, из которого торчали головы иилане′. Возле урукето в море что-то плескалось. Энтиисенаты, конечно. Пожизненные спутники живого судна. Спутники, кормильцы...

Урукето так близко подошел к берегу, что белые гребни уже перекатывались через него. Из плавника выбралась иилане′, спустилась в воду и встала, широко расставив ноги. Сверху ей что-то передали — Вейнте′ не видела, что. Она погрузила предмет в волны и полезла обратно.

Что она здесь делает? Откуда урукето? Непривычные думы вновь заставили Вейнте′ гневно потрясти головой. Зачем ей думать об этом? Почему она сердится?

Урукето уходил в море, медленно уменьшаясь. Нет, он идет вовсе не в море, а вдоль берега. Это важно.

Но почему? Мысль не укладывалась в голове. Вейнте′ начала раздражаться, и одна из вернувшихся фарги с перепугу бросилась бежать прочь, взглянув на ее дергавшееся тело.

Урукето ушел на север. На север. Он уплыл на север, а северу противостоит юг. Долго она не могла понять смысл этого умозаключения. И уже когда почти стемнело, увидела, что Великреи бредет на берег с рыбой, уверенно шагая в волнах прибоя.

Так шла Великреи тогда, когда Вейнте′ в первый раз увидела фарги. И они тоже пришли оттуда — с севера.

Значит, там город! Город с пляжами, на которых родились эти фарги. Тот город, в который они пришли, выйдя из моря. Тот город, который покинули, потому что он не открылся для них. И они повернули к нему свои спины и уплыли, а потом оказались здесь.

Вейнте′ смотрела на север, пока не стало совсем темно.

Глава 21

Это было подобно пробуждению от долгого сна. Или еще — тому, что бывает, когда лопается яйцо, когда после первой долгой ночи своей жизни выходишь на свет. Так думала Вейнте′. Сначала эти мысли ее удивили — потом она стала гадать о причинах такого удивления.

Однажды, склонившись над лужей, чтобы попить, она заметила в воде свое отражение и принялась недоуменно разгляды-

вать его. Подняла руки, растопырила большие пальцы, поглядела на грязь, присохшую к ним. А потом погрузила ладони в воду, прогнав свое изображение, не понимая, почему оно волнует ее.

Каждое утро она глядела на море, искала в нем урукето. Но он не возвращался. Это огорчало ее — потому что нарушало порядок дня, к которому она успела привыкнуть. Сон, еда, сон. И ничего более. Она чувствовала беспокойство, сожалела об этом. Что смущает ее? Что тревожит? Она это понимала — но гнала из памяти... Здесь, на берегу, так спокойно...

Наконец Вейнте′ словно проснулась. Она стояла на берегу, прямо перед нею по грудь в воде торчала одна из ее товарок... «Рыба», — знаком показывала фарги. Цветом ладони. Рыба — и больше ничего.

— Какая рыба? — спросила Вейнте′. — Где рыба? Их больше одной? Большие, поменьше, сколько их? Требую ответа.

— Рыба, — ответило глупое создание, выпучив глаза и приоткрыв рот.

— Кусок никчемности-скала глупости-гора недоумения...

Вейнте′ замолчала, потому что фарги в страхе нырнула и уплыла от нее подальше. В один миг все оказавшиеся поблизости фарги попрыгали в воду. Пляж опустел, но гнев Вейнте′ рос, и она громко выкрикивала, извиваясь всем телом от раздражения:

— Неразумные, глупые и немые! Не знающие ничего о красотах речи, о гибкости языка, о радости постижения! Плаваете, ловите рыбу, валяетесь на песке, спите. Да умрите хоть сейчас — никакой разницы и не будет. И я могла умереть...

Теперь она пробудилась с новыми силами, хорошо отдохнув, — ведь сон ее был долгим. Она не знала, сколько времени длилось забытье, понимала только, что много дней и ночей миновало. Взглянув на невысокие волны, набегавшие на ноги, она подумала о том, что с ней было, и кое-что осознала. Брошенная, изгнанная из знакомого мира, лишенная города, ранга и власти, она была оставлена на берегу — умирать. Ланефенуу жаждала ее смерти, была уверена, что отверженная погибнет... Но этому не суждено было свершиться. Вейнте′ не безмозглая фарги, которой только прикажи умереть — и готово.

Она была совсем рядом со смертью. Но желание жить было в ней таким сильным, что она забилась в дальний уголок самой себя и жила тем, что было лишь тенью истинной жизни. Но темные дни миновали. Что ждет ее впереди?

Она, Вейнте′, — эйстаа и всегда ею останется. Ей приказывать — другим повиноваться. Но не на этом берегу. С трех сторон болота, с четвертой море. Это же ничто. Разве ей здесь место? Она хворала и забрела сюда. А теперь выздоровела. Незачем оставаться, не о чем вспоминать, не с кем прощаться. И даже не бросив взгляда назад, она вошла в море и нырнула, очищаясь в воде, потом выставила голову над поверхностью и отправилась на север. Куда уплыл урукето, откуда пришли фарги.

Она плыла, впереди рос скалистый мыс, потом он медленно отодвинулся назад, закрыв берег, на котором она так долго существовала. Вейнте′ не оборачивалась — она уже забыла про эти края. Впереди ее ждет город. Туда ей и нужно.

За мысом широким полумесяцем раскинулся залив: золотой песок окаймлял берега. Плавание утомило ее, и Вейнте′ отдалась волнам, которые вынесли ее на берег. Песок был гладким — без единого следа. Теперь она осталась одна и была этим весьма довольна. Идти было легче, чем плыть, и до темноты она успела много пройти.

Утром она половила рыбы, а потом отправилась дальше. Теперь дни стали совсем не похожими друг на друга, и она стала считать их, проплывая мимо утесов и шагая по песчаному берегу.

Залив оказался таким огромным, что и второй день, и большую часть следующего Вейнте′ все шагала по его берегу. На четвертый день берег сделался скалистым. Горный хребет с суши уходил прямо в море. Она провела неспокойную ночь в каменной нише, открытой брызгам прибоя. На шестой день она миновала последний утес, и вновь пошли песчаные берега.

На тридцать пятый день она поняла, что путешествие подходит к концу. Берег только что был таким, как прежде, и вдруг сделался абсолютно иным. В спокойной воде у берега плескались рыбешки. Она присмотрелась — это были не рыбы. Вынырнув на поверхность, они уставились на нее круглыми глазами и сразу же нырнули, едва она подняла руку в приветственном жесте. Юное, пугливое эфенбуру. Будут есть — или их съедят, а уцелевшие однажды выйдут из океана как фарги. Те, кто поумнее, станут иилане′ и вольются в поток городской жизни.

Но если они в океане, значит, неподалеку родильные пляжи. Так и оказалось. Естественный залив углубили и отгородили от моря. Здесь на славу потрудились ейсеколы, возводя перемычку из мягкого песка. Хранительницы на постах, самцы, лежащие у воды. За пляжем горка — любимое место прогулок, судя по количеству троп, уходящих к городу.

Вейнте′ остановилась. Пока она еще не думала, что будет делать, когда доберется до города. Она хотела добраться сюда и только об этом и думала на берегу и в море. Она знала, что на севере город, знала, что доберется до него. А что теперь?

Что это за город? Кто здесь эйстаа? Она ничего не знала, как глупая фарги, вылезшая из воды. Взглянув на море, она увидела урукето, приближавшегося к гавани, лодки с уловом. Богатый город. Все города богаты. Ешь рыбу и мясо. Мясо. Она не ела его все это бесконечное время и совсем забыла о нем. И теперь ощутила во рту его вкус и провела языком по зубам. Первым делом она войдет в город и поест. А потом посмотрит на него, изучит и откроет. Как фарги. Она сделает то же самое. Все дороги вели в город, и она пошла по кратчайшей. На улице толпились фарги, несли какие-то свертки. Две иилане′, разговаривая, шли следом. Проходя мимо них, Вейнте′ уловила обрывки разговора и захотела послушать еще. Но сначала нужно поесть. Рот наполнился слюной при мысли о прохладном мясном желе. Она глотнула.

Навстречу шла группа фарги. Вейнте′ остановилась, загородив им дорогу. Они тоже замерли, недоуменно глядя на нее.

— Среди вас есть иилане′? Которая говорит-понимает?

Они расступились и дружно уставились на фарги покрупнее, шедшую сзади. Та как будто кое-что соображала.

— Пища, пища где — понимаешь?

— Пищу едят. Хорошо пища.

Все они были упитанными, должно быть, ели досыта, но теперь — ее черед.

— Мы едим. Вы идете. Мы едим.

— Пища, пища, — заволновались фарги.

Пусть они недавно поели, неважно. Мысль о еде взбудоражила их.

— Пища, — проговорила та фарги, которая была немного иилане′, сопровождая слова жестом, означавшим движение.

Они пошли по улице, Вейнте′ последовала за ними. Под древесными арками, мимо охраняемого ханане, на берег реки. Там было суетливо и шумно, серебрилась рыба, стояли баки с мясом. Фарги устремились к рыбе — другой еды они не успели узнать за свою короткую жизнь, — где толпились такие же, как они. Емкости с мясом окружали иилане′; они разговаривали, и умные речи были непостижимы для новоприбывших. Вейнте′ подошла к мясным чанам, и каждое ее движение говорило о силе и способностях. Иилане′, не имеющие ранга, расступились, пропуская ее

к еде. Одна из них посмотрела на Вейнте′, поприветствовала ее и пожелала приятного аппетита. Набив рот, Вейнте′ могла ответить лишь жестами благодарности и признательности.

— Что это за город? — спросила она, потянувшись за очередной порцией мяса, говоря как равная с равной.

— Это Йибейск. Эйстаа его, облеченная великой властью, зовется Саагакель.

— Йибейск и Саагакель знают во всем Энтобане.

— Ты иилане′ мудрости. А как зовется твой город?

— Я странствую и знаю множество городов.

Вейнте′ впилась в мясо, чтобы избежать дальнейших подробностей. Но жестов силы и власти укрыть не могла, и ее собеседница заметила это. И когда заговорила вновь, то уже обратилась как нижайшая к высшей.

— Город приветствует гостью.

— Хорошо сказала. Я хочу видеть амбесид и эйстаа, восседающую на нем.

— Закончим еду — и я с радостью провожу тебя. Позволительно ли узнать имя почетной гостьи?

— Вейнте′. А твое?

— Опсотеси.

Было жарко, и они пошли по улицам под деревьями, стараясь держаться в тени. Отойдя от реки, они повернули к амбесиду. К этому времени полуденная жара спала, и амбесид был полон суеты.

— Восхитительно, — проговорила Вейнте′ с жестом великого одобрения. Опсотеси выгнулась от удовольствия.

Амбесид был открытой поляной, окруженной деревьями. Через амбесид, петляя, бежал чистый ручей. Там и сям над ним возносились арки мостиков, украшенные блестящей проволокой и яркими самоцветами.

Вейнте′ и ее новая спутница остановились с той стороны амбесида, где толпились иилане′. Одни нагибались к воде, чтобы напиться, другие умывались. А по ту сторону ручья зеленела непримятая трава. Кое-где небольшими группками стояли беседующие иилане′, а самая большая окружила эйстаа, восседавшую на почетном месте.

— Каков амбесид, такова и эйстаа, — заметила Вейнте′. — Это зрелище лишь укрепляет во мне уважение к ней.

— Дважды я говорила с ней, — сказала Опсотеси с гордостью. — Я искусна в речи и исполняю разные поручения.

— Ценю таланты. Расскажи, какие поручения эйстаа ты исполняла?

— О, очень важные. Я стояла на пристани, когда сюда явился урукето с высокими на борту. Их имена я передала великой Саагакель.

— Высокие иилане′, великая эйстаа, — повторяла Вейнте′. Ей стало скучно. Говорила Опсотеси складно, но только говорила — ей никогда не подняться высоко. Но все-таки она хорошо знала свой город. — О чем еще ты говорила эйстаа?

— Темное дело. — Тело ее шевельнулось от недоброго воспоминания. — В город пришла незнакомка. Мне было велено принести вести о ней...

Тут она осеклась и жестом выразила сомнение.

— Опсотеси, ты обращаешься ко мне с темным вопросом, — строго сказала Вейнте′. — Почему?

— Извинения! Сомнения из-за глупости. Ты тоже незнакомка, но ты не можешь быть такой же. Она была...

Тут Опсотеси снова умолкла, уже от страха. Сделав дружеский жест, Вейнте′ выразила любопытство. Она уже кое о чем догадывалась. Опсотеси все еще не могла заговорить, и Вейнте′ подбодрила ее:

— Я знаю о них, об отверженных. И презираю их. Я не из их числа. Итак, говори — ты должна доложить о Дочери Жизни?

— Так. Извинения за страх. Ты, Вейнте′, выше меня, первая во всем. Я говорила об этом...

Вейнте′ успокоила ее и похвалила умение говорить. Она уже решила, что делать.

— Я пришла издалека, подруга Опсотеси, и устала. Но не настолько, чтобы пренебречь долгом и не выразить эйстаа своей благодарности за те удовольствия, которыми меня одарил ваш город.

Опсотеси разинула рот, словно фарги.

— И ты сделаешь это? Станешь говорить без ее приказа?

— Она будет говорить со мной, если захочет. Я просто дам знать о своем присутствии.

Вейнте′ гордо выпрямилась, полнота знания светилась в ее глазах. Опсотеси простилась с ней, как нижайшая с высочайшей. Вейнте′ ответила ей неприметным движением и направилась к эйстаа. Иилане′ умолкали и расступались перед ней. Дойдя до сверкающего мостика, она громко похвалила его и пошла дальше. Те, кто стоял вокруг эйстаа, заметили ее, но даже не пошевелились, чтобы пропустить ее: все были горды своим положением и не хотели ронять достоинство. Вейнте′ не стала возмущаться, а просто опустилась на хвост и развела руки в знак почтительного внимания.

В конце концов любопытство победило, и незнакомку заметили и оценили ее достойную позу. Толстая иилане′ с пурпурными узорами на руках и груди, стоявшая поблизости, холодно взглянула на Вейнте′ одним глазом. Потом повернула голову и высокомерно произнесла:

— Объяснить присутствие, высочайшая к нижайшей.

Вейнте′ бросила на нее пренебрежительный взгляд и повернулась к эйстаа. Гребень толстухи зарделся — к таким дерзостям она не привыкла. Саагакель, будучи мудрой эйстаа, видела все и обрадовалась. Смотрела, но не вмешивалась. Остуку стала слишком жирной и ленивой, и крохотные уколы ей только на пользу.

— Отвечай на требование, незнакомка! — приказала Остуку.

Вейнте′ холодно посмотрела на нее и презрительно ответила:

— Мною распоряжаются лишь обладающие властью. Я говорю только с благородными.

Остуку в гневе и смятении разинула рот. В уверенности гостье не откажешь, ее присутствие производило впечатление. Она отвернулась от Вейнте′, не желая продолжать перебранку.

«Искушенная Иилане′», — подумала Саагакель, что немедленно было замечено окружающими. Вейнте′ тоже поняла и ответила жестами почтительной благодарности и удовольствия.

Все взоры устремились на гостью, та вдруг стала центром внимания. Заметив это, Вейнте′ поднялась и заговорила:

— Прости, могущественная Саагакель. Я не намеревалась навязывать своего присутствия, хотела лишь испытать удовольствие от пребывания на амбесиде возле тебя. И если я помешала, то уйду.

— Приветствую тебя, ибо дневные события стали скучнее самой скуки. Стань передо мной и расскажи о себе. Как ты попала в Йибейск?

Выслушав повеление, Вейнте′ шагнула вперед, поближе к эйстаа.

— Я Вейнте′, бывшая эйстаа Алпеасака.

Произнеся название города, она сделала жесты, изображающие тьму и завершение.

— Знаю, слыхала о твоем городе и всех, кто там погиб. Устузоу-убийцы. Событие великой печали.

— Но счастье вернулось. Устузоу изгнали, и город опять принадлежит иилане′. Ведь в Алпеасак пришел Икхалменетс.

Саагакель сделала жест «помню-знаю».

— Я слышала об этом великом событии. Весть о нем привез урукето из Икхалменетса. Слышала я и о той, что выгнала устузоу. Совпадение великой важности: ведь та иилане′ тоже носила имя Вейнте′.

Вейнте′ опустила глаза и, попытавшись изобразить смирение, что ей почти не удалось, произнесла:

— Есть только одна ничтожная иилане′, которую зовут Вейнте′.

Саагакель казалась ошеломленной.

— Дважды приветствую тебя, Вейнте′, в моем городе. Расскажи мне о новой земле Гендаси за океаном и обо всем, что там случилось. Садись поближе, возле моих больших пальцев, и говори. Подвинься, толстая Остуку, уступи место новой подруге.

Глава 22

Теперь каждый день Вейнте′ приходила на амбесид и присоединялась к кружку наперсниц возле эйстаа. Как приятно снова следить за течением жизни великого города, видеть, как приходят к Саагакель с делами, как она разрешает их. Поручения Саагакель давала охотно и всегда четко определяла: подготовить такое-то поле, перегнать отсюда животных в другое место, наловить больше рыбы. Отдав распоряжение, она не обращала внимания на его исполнительниц до тех пор, пока они не докладывали об успешном завершении дела. Поручения исполнялись блестяще, ибо иилане′, осмелившаяся небрежно отнестись к повелению эйстаа, уже никогда не появлялась на этой половине амбесида. Это восхитило Вейнте′, как и второй, уже не слишком заметный, факт. Каждой исполнительнице даровались права не более чем в одной области, и лишь на короткое время. Саагакель была эйстаа и следила, чтобы никто не посмел покуситься на ее место.

Закончив дневные труды, эйстаа освежалась в теплом пруду, окруженном деревьями, позади ее трона. Пока она смывала дневную грязь, приносили мясо, и она с огромным удовольствием принималась за еду. Потом, как обычно, жестом приказывала Вейнте′ начинать рассказ о далекой заморской Гендаси, о городе Алпеасаке, который рос, как подобает городу иилане′, а потом

его сожгли и запакостили устузоу, и как он вновь возродился в конце концов.

Вейнте′ было что рассказать, и речь ее лилась свободно и непринужденно. Она рассказывала о своих похождениях день за днем, стараясь ничего не упустить. Слушательницам было интересно, они ужасались, восхищались и были ей благодарны. Как и Вейнте′, им хотелось, чтобы повесть ее жизни была бесконечной.

Вейнте′ же старалась поподробнее разузнать о городе и об эйстаа. После долгих унылых дней полузабытья было так приятно говорить и слушать. Избегая болезненных воспоминаний, она словно исцелялась.

Хорошо было в Йибейске. Центр его, как и повсюду, — на амбесиде. А вокруг и над ним широко раскинулось дерево города, под густыми ветвями которого кипела городская жизнь. С одной стороны лежало море — на его берегу размещались родильные пляжи. В остальные стороны простирались поля и рощи — до самых границ города. Рубежом служила живая стена из деревьев и колючих растений. Рядом с ней жили ископаемые гиганты — могучие ненитески и онетсенсасты. Они защищали город от диких зверей. За стеной — горы, пустыни, сухие равнины, не пригодные для жизни. Пустынные просторы не знали ни планов, ни карт, однако иилане′ умели искать в них дорогу. Там, где почва и климат вновь оказывались пригодными для жизни, возвышалась другая стена, а за нею был другой город, и так по всему огромному континенту Энтобану — города и безжизненные просторы между ними.

Однажды из непроходимого леса вышла искуснейшая охотница по имени Фафнепто. Она была не из Йибейска и не из другого города, потому что бродила между городами по собственной воле. Фафнепто пришла издалека, и все с радостью встретили ее.

— Ты вернулась, Фафнепто, — проговорила Саагакель с жестами одобрения и обещания награды.

— Я вернулась, эйстаа, как и обещала.

Охотница прикоснулась ногой к стоявшей возле нее емкости. Высокая, сильная, с кожей, выдубленной ветрами странствий, она напоминала Вейнте′ ту, что когда-то была ей ближе всех, — Сталлан, подругу и надежную союзницу. И тоже охотницу. Совпадение не могло быть случайным. Впрочем, один шрам делал Фафнепто ни на кого не похожей. Какая-то тварь, о которой она никогда не рассказывала, чем-то хлестнула ее по голове и груди, оставив длинный след. Он пересекал все лицо, левого глаза у

Фафнепто не было. Правда, все говорили, что одним глазом она видит лучше, чем иные двумя. Сомневаться в этом не приходилось.

— Я принесла то, что ты просила, эйстаа. Яйца в этой емкости.

Саагакель обрадованно зашевелилась.

— Фафнепто — ты первая среди иилане′ силы и мудрости. Неужели ты говоришь о яйцах охалакса?

Фафнепто кивнула. Эйстаа радостно зажестикулировала, а за ней и вся свита. Вейнте′ стояла неподвижно.

— Ты знаешь, что такое охалакс? — спросила Саагакель.

— Извинения за невежество, — ответствовала Вейнте′.

— Отсутствие информации однажды сменится удовольствием. Это одно из древних животных. Оно водится не в каждом городе. Крепкое тело, прочный череп, а самое главное — вкусное мясо. У нас было небольшое стадо — охалаксы растут медленно, — но все погибли от болезни. А теперь горе превратилось в радость. Это сделала Фафнепто, и благодарность города ей безгранична. Гарантируется исполнение любых твоих требований.

— Одного, — сказала Фафнепто резко, но не дерзко. Она обратила к Вейнте′ единственный глаз. — Мне говорили, что эта гостья знает Гендаси, страну за морем. И устузоу и других тамошних тварей. У меня к ней есть вопросы, и я хочу задать их.

— Мои знания — твои знания, — ответила Вейнте′.

Саагакель сделала жест благодарности.

— Я знаю маленьких устузоу, — начала Фафнепто. — Они покрыты шерстью. Говорят, что в Гендаси они покрупнее.

— Некоторые из них такие же. Но есть и покрупнее, с ветвистыми рогами — эти очень вкусные. Мы держали их в городе для еды. Но есть устузоу разумные и злобные. Ядовитые твари, они сгубили Алпеасак. Хорошо, что он зазеленел снова.

— Это те, о которых я слышала? Они тоже иилане′?

— Нет, говорят, что они умеют разговаривать — но их невозможно понять. Только один из них стал иилане′ и сотворил огромное зло.

Когда она заговорила о Керрике, тело ее изогнулось от ненависти и отвращения. Чувства эти были так сильны, что ей пришлось замолчать и заставить себя успокоиться. Фафнепто ждала, терпеливо и недвижно, наконец Вейнте′ снова заговорила:

— Ты видела мои чувства. Этот устузоу погубил все, что я там создала.

— Я убью его, если встречу.

Вейнте′ ощутила глубокую благодарность к этой крепкой, покрытой шрамами иилане′, и это чувство окрасило ее ладони.

— Верю тебе, сильная Фафнепто, и благодарю. Я расскажу тебе все, что знаю об устузоу в Гендаси — там они не такие, как в Энтобане.

Фафнепто слушала молча и внимательно, только изредка переспрашивала и уточняла детали. Вейнте′ рассказывала о том, чего давно не вспоминала. Она успокоилась, и речь ее стала ровнее. Однако закончила она нерешительно, и Фафнепто ощутила невысказанный вопрос.

— Если Вейнте′ нуждается в чем-нибудь — пусть скажет.

— Не нуждаюсь. Но мое любопытство превыше всякого любопытства. Ты принадлежишь этому городу и многим другим и можешь рассказать мне об этом. В Йибейске меня хорошо приняли и оказали честь: я могу часто говорить с его эйстаа. Мы говорим обо всем, но есть такое, о чем я еще не слышала. Такое, о чем никто не хочет говорить. Я не упоминала здесь об этом. Могу ли я спросить тебя?

— Говори — что же это?

— Дочери Жизни.

Прежде чем Вейнте′ успела договорить, охотница почтительно попросила умолкнуть. Потом огляделась — поблизости никого не было. Однако она все-таки отвела Вейнте′ подальше, на солнечный пятачок за живой изгородью, где их никто не мог услышать и увидеть.

— Здесь нас не увидят, — сказала Фафнепто. — Ты правильно сделала, что обратилась ко мне, — никто, кроме меня, не осмелится рассказать, что случилось. Многое ли тебе известно о Дочерях?

— Чересчур много. Бесконечные хлопоты и боль — вот что связано с ними. Я желаю им только смерти.

— Как и эйстаа. Здесь их было много. Дочерей содержали в плодовой роще, чтобы яд их учения не распространялся. А потом пришли другие Дочери и тоже попали под замок. Тогда ими занялась ученая по имени Амбаласи. Ее-то крови и жаждет эйстаа. Амбаласи освободила их и увезла отсюда.

— Это нелегко.

— У них был урукето. Она распорядилась им без ведома эйстаа, и с тех пор ни о ней, ни об этих преступницах ничего не слыхали.

— Они исчезли? Но как?

— Это за пределами моих знаний. Но хотя всем запрещено вспоминать об этом, эйстаа часто говорит со мною о Дочерях. И во всех городах я прежде всего стараюсь что-нибудь узнать об этом урукето и его пассажирах. Никто ничего не видел. От них даже следов не осталось.

Вейнте′ некоторое время размышляла, потом вновь повернулась к Фафнепто.

— Я думаю, у тебя есть серьезные причины интересоваться моими словами. Не так ли, Фафнепто?

— Так.

— Ты спрашивала меня об устузоу Гендаси. И ты разыскиваешь урукето. Значит, ты предполагаешь, что урукето может оказаться в Гендаси?

— Я искала и говорила со многими. Теперь я уверена, что урукето покинул Энтобан. Но куда он запропастился?

Вейнте′ тщательно все взвесила, прежде чем заговорить:

— О разном говорим. Плаваем возле ответа, но не приближаемся к нему. По-моему, твой урукето пересек океан. Остается решить, кто скажет об этом Саагакель — ты или я.

— В последний раз она запретила мне говорить с ней об этом.

— Тогда ответственность на мне: я не слыхала про запреты. Ты была в городе, когда это случилось?

— Нет.

— Тогда мне надо узнать об этом побольше, прежде чем я рискну обратиться к эйстаа. Кто мне расскажет обо всем?

— Поговори с Остуку. Под ее жиром скрывается острый ум. Она поможет.

Они по-дружески расстались. Вейнте′ было о чем подумать. Она знала, что в таком деликатном вопросе торопиться нельзя. И постаралась позабыть то, что узнала, чтобы не выдать себя случайным движением. Но она наблюдала за движениями Остуку и однажды утром решила, что можно начать разговор.

Эйстаа разговаривала с советницами. После совещания Остуку собралась уходить, но Вейнте′ остановила ее и обратилась к ней самым дружелюбным образом:

— Остуку — ближайшая к Саагакель. Могу ли я пойти рядом с тобою или ты спешишь по делам огромной важности?

— Дела важные, но не срочные.

— Тогда прошу мудрости от обладающей великой мудростью. С глазу на глаз.

Подумав, Остуку ответила:

— С удовольствием. Здесь поблизости есть уютная роща, где солнце и тень. Я всегда отдыхаю в ней.

— Огромная благодарность.

Они молча пошли к роще, оказавшейся именно такой, как говорила Остуку. Резные скамьи были согреты солнцем. Под высокими деревьями росли зеленая трава и цветы. Солнце поднималось все выше, и иилане′ расположились в тени. Как только они сели, Вейнте′ сразу же приступила к делу:

— Я нуждаюсь в ответе. Я говорила с Фафнепто, и она сказала, что мудрее тебя здесь нет никого, кроме самой эйстаа, разумеется. Дело очень тонкое. Я знаю, что всем запретили говорить об этом именем эйстаа. Но у меня есть особые сведения, о которых я хочу сообщить. Можно ли говорить с тобой об этом?

Остуку выслушала Вейнте′ молча. Потом оглядела пустынную рощу и спросила:

— Речь идет о Дочерях Жизни?

— Да.

Остуку жестом выразила неприязнь и беспокойство.

— Эйстаа не потерпит напоминания о них. Но ты и я можем говорить, если ты уверяешь, что важность дела требует этого.

— Да. Фафнепто кое-что разузнала и хочет сообщить Саагакель. Но ей запрещено говорить об этом, стало быть, это сделаю я. Но сперва я должна кое-что выяснить. Ты поможешь?

— Помогу во имя эйстаа. Это происшествие вызвало ее великий гнев.

— Я знаю, что некто по имени Амбаласи помогла преступницам бежать на урукето.

— Так и было. Я никогда не могла заподозрить эту старуху в такой злокозненности и коварстве. Она одурачила меня и всех нас. Эйстаа никогда не простит ее.

— А теперь мой вопрос. Среди преступниц не было таких, кто объявился в городе накануне бегства?

— Были.

— Тогда спрашиваю, хотя много времени миновало, — ты помнишь их имена?

— Только одно. Интеллигентная такая, сильная иилане′, она осмелилась даже спорить с эйстаа. Смелая, но упрямая дура. Ее звали Энге.

Вейнте′ так задергалась от гнева, что Остуку отодвинулась. Заметив это, Вейнте′ поспешила извиниться.

— Нижайшая к высочайшей, никакое из моих чувств не

предназначено тебе. Все это оттого, что я знаю эту тварь, Энге, эту змею. Прежде мы были с ней эфенселе, но поссорились. То, что я узнала от тебя и Фафнепто, дает мне возможный ответ. Знание-возможность выяснить, куда Амбаласи девала урукето.

Остуку сделала жест благодарности:

— Это Фафнепто — за то, что она послала тебя ко мне; это тебе — за то, что ты ясно выразила свои чувства. И если ты сделала какие-то выводы, то, невзирая на запрет, немедленно скажи Саагакель. Только ты способна это сделать. Рискнешь? Ведь можешь навлечь на себя гнев эйстаа.

— Сделаю — и сегодня же. Нужно найти искусную рисовальщицу, чтобы я предстала перед эйстаа со знаками величайшей важности на руках.

— Я пришлю. Сегодня же.

Уладив все неотложные городские дела, Саагакель откинулась на теплую древесину и почувствовала, как она устала. Власть — штука нелегкая... Вдруг окружавшие эйстаа расступились, пропуская медленно приближавшуюся Вейнте′. Руки ее были разрисованы, что означало необходимость конфиденциального разговора. Саагакель оживилась: ее томила пустяковая сущность всех городских проблем. Она шевельнулась и встала.

— Я ухожу к пруду, и чтоб никто не смел меня тревожить. Пойдем со мной, Вейнте′, поговорим.

Когда они остались вдвоем, Саагакель достала кусок прохладного мяса из емкости, всегда стоявшей здесь на всякий случай. Откусила и протянула Вейнте′. Та, как подобает, церемонно откусила кусочек, медленно прожевала и проглотила, после чего заговорила:

— Я, бывшая эйстаа, обращаюсь к тебе как к эйстаа. Мы обе претерпели одинаково. Я буду говорить о болезненных проблемах, но только потому, что вижу в грядущем окончание всех бед. Я буду говорить о Дочерях Жизни, которых всегда считала Дочерьми Смерти. Выслушаешь ли ты меня?

Тело Саагакель в гневе задергалось. Разделяя ее чувства, Вейнте′ повторила ее движения. К гневу примешивалась ненависть — а что соединяет прочнее разделенного неприятия?

— Говори, — велела Саагакель, — я вижу, в этом мы заодно. Скажи мне, что тебе известно и что ты можешь сделать. Сними с меня тяжесть, придавившую мои плечи, и ты сможешь с полным правом пожать мои большие пальцы как высочайшая. Говори.

Вейнте′ ответила жестами благодарности и покорности.

— Расскажу тебе о прошлом, которое нельзя оторвать от настоящего. Мы с ней были в одном эфенбуру. Я не выбирала его. И она была моей эфенселе, но я ее отвергла. Я хочу ее смерти. Ее имя Энге, и она главная среди Дочерей Смерти.

— Энге была в моем городе, и я заточила ее в сады, поскольку в речах ее был разврат. И свои растлевающие разговоры она вела с уважаемой всеми ученой преклонных лет, звавшейся Амбаласи. Энге совратила ее с пути истинного. Ученая освободила всех этих тварей и увезла их отсюда в моем урукето. С тех пор их не видели и не слыхали о них.

— Сильная охотница Фафнепто поведала мне об этом и спросила, не слыхала ли я чего-нибудь. Мы поговорили и, объединив познания, решили, что ты тоже должна узнать об этом. И я сама решилась говорить с тобой, потому что другим запрещено делать это в твоем присутствии.

— Не без причины. Гнев разрушает, если глаза не видят его причин.

— Я знаю, ибо сама ощущаю то же.

— Говори все, что знаешь.

— Урукето уплыл, и в городах Энтобана его больше не видели и не слыхали о нем.

— Значит, они погибли?

— Не думаю. Энге бывала в Гендаси и пережила гибель Алпеасака. Не стань она Дочерью Смерти, она могла бы быть эйстаа. И я думаю, что она далеко увела урукето.

— В Гендаси? А это возможно?

— Возможно и вероятно. Ни один город в Энтобане не принял бы смертоносный груз, который увез урукето. Но Гендаси велика, тепла и полна хорошего мяса. Энге уплыла туда. А с ней и предательница Амбаласи. Я не видела этого и не знаю, видел ли кто-нибудь. Но я всем телом чувствую это.

Саагакель принялась в волнении расхаживать туда-сюда, дергаясь всем телом и щелкая зубами.

— Что же делать? — воскликнула она. — Ты подумала, что нам теперь делать?

— Надо их отыскать. Я знаю земли Гендаси, потому что искала и била там убийц-устузоу. В Алпеасаке иилане′ науки знают, как искать и находить. Только до сих пор они следили за устузоу. Но что им помешает отыскать иилане′?

Саагакель успокоилась, ярость утомила ее.

— Я должна подумать и принять решение. Рада, что мы поговорили, Вейнте′, теперь я могу хоть как-то утихомирить душащий меня гнев. Иди, поговори с Остуку. Скажи ей, что утром мы будем обсуждать вопросы, долго считавшиеся запретными. Если рана болит — ее надо очистить. А потом начнем действовать — и кое-кого настигнет смерть. Я была слишком доброй.

— И я тоже. Я относилась к ним, как к иилане′, но теперь они стали опасны. Они достойны смерти.

Глава 23

Hoatil ham tina grunnan,
sassi peria malon skermom mallivo.

В несчастье всякий как на ладони,
а вот каков ты в добрые времена...

Пословица тану

Карабкаясь по крутому косогору у ручья, Керрик поскользнулся на мокрой от дождя траве, упал и покатился в колючие заросли ягодного кустарника. Он весь исцарапался и, помогая себе копьем, встал на ноги. Перед тем как упасть, он думал о том, что пора навестить Надаске′ на острове. Размышлял он, естественно, на иилане′. Этот язык лучше, чем марбак, подходил для выражения неудовольствия, и, вылезая из кустов, Керрик шипел и дергался.

Вечер был таким же унылым, как день. Ливень помешал охоте, разогнал дичь по норам. Тех немногих, кого удалось спугнуть, сразили чужие стрелы.

Выбравшись из колючей чащобы, Керрик спустился к ручью и, положив на влажный мох копье и лук, стал обмывать царапины. В кустах затрещало, и он поднял копье.

— Я тану, а не мургу, — объявил Ханат, увидев прямо перед носом копье. — Пощади меня, храбрейший из саммадаров, я тебе пригожусь.

Что-то буркнув в ответ, Керрик зачерпнул пригоршню воды и выпил. Обычно общество весельчака Ханата радовало его, но не сегодня. Заметив, что охотник погрузил в воду большой горшок, Керрик, не сдержавшись, ехидно сказал:

— Воду носят женщины, а охотники — мясо.

— Ты прав, — спокойно согласился Ханат, не обращая внимания на выпад. — Этот самый охотник целую гору мяса перетаскал маленькой Малаген, чтобы она обожгла этот горшок. Только она умеет делать такие большие и прочные.

— Охотнику не нужны горшки.

— Нужны, и еще как. Хороший горшок для этого охотника ценнее стада оленей.

Керрик так удивился, что разом позабыл о плохом настроении.

— Почему?

— Почему? И это спрашиваешь ты, сидевший с мандукто саску и узнавший вкус порро. Порро лучше, чем печенка молодого оленя, слаще лона женщины; пить его приятнее, чем есть оленью печенку, лежа на женщине...

— Помню — Херилак говорил мне. Это ты и Моргил повздорили с мандукто в долине. Он сказал, что вы украли и выпили их порро.

— Никогда! — Подскочив, Ханат изо всех сил стукнул себя в грудь. — Никогда мы не были ворами. Да, мы попробовали, конечно, самую малость. А потом смотрели и запоминали, как делают порро. Секрет невелик. А затем мы сделали собственное порро и пили его.

— И вам было тошно.

— Было. — При этом воспоминании Ханат опустился на траву и отхлебнул из горшка воды. — Сделать порро — дело нехитрое. Главное — правильно все смешать. И мы никак не можем открыть этот секрет.

— До сих пор? Значит, горшок вам нужен, чтобы делать порро?

— Да и нет. Мандукто делали свое порро из тагассо, но все наши запасы кончились. Теперь мы ищем способ обходиться без тагассо. А это нелегко.

— Но еще труднее понять, зачем вам это нужно.

— Я скажу тебе. Ты пил порро и знаешь, что это доброе питье! — Пыл Ханата пропал. Он вздохнул. — Порро бывает и скверным — если все перепутаешь. Мы размешиваем в воде сушеный осадок порро. Добавляем мох, закрываем горшок и держим его в тепле — через несколько дней порро готово! Иногда. — Он снова вздохнул.

— А зачем мох?

— Не знаю, но без него ничего не выходит. Получается просто прокисшая похлебка. А с мохом зелье начинает бродить,

булькать словно живое. Вверх поднимаются пузырьки как из болота...

— Звучит ужасно.

— Нет, что ты, иногда выходит просто великолепно. В болотной воде пузыри вонючие, а в порро — щекочут нос. Очень вкусно. Но с тагассо получается лучше. А от других зерен нам бывало очень плохо. — Ханат встал, поднял полный горшок и просиял. — Но сегодня есть новое порро. По-моему, оно уже готово. Иди попробуй.

— Только после тебя, — рассудительно ответил Керрик.

Он взял оружие и отправился за охотником, к которому при мысли о новом пойле вернулось хорошее настроение.

— Мы делали так. Растертые зерна тагассо похожи на любые растертые зерна. Зерно и зерно... какая разница? На сей раз мы срезали верхушки травы, из которой женщины готовят похлебку. Добыли зерна. Замочили его, добавили мха и поставили на солнце. И сегодня утром, приложив ухо к горшку, я уже не услыхал этого сладостного бульканья. Сегодня горшок весь день простоял в тени. Моргил поливал его водой, чтобы как следует охладить. Сейчас попробуем!

Керрик еще не бывал у них в шатре и не понимал, каких усилий стоила охотникам новая прихоть. Они разбили шатер в открытой ложбине, вдали от других, где были и солнце, и тень, необходимые для булькающего зелья. Огромные горшки грелись на солнце, прохлаждались в тени, валялись заброшенные или разбитые... Последние, видно, были виноваты в том, что состав не удался. Моргил лежал на земле и обнимал горшок, прислушиваясь к доносящимся изнутри звукам.

— Умолк, — удовлетворенно сказал он, поливая водой еще влажную глину. — Попробуем?

— Керрик поможет.

— Он храбрый охотник — пусть попробует первым.

— Не настолько храбрый, — сказал Керрик, отступая. — Вы победили порро, вам и пить его первыми.

Моргил перерезал плетеный шнурок, удерживавший на горле горшка листья; Ханат торопливо скомкал их и бросил. Нагнувшись над горшком, он принюхался и обернулся с улыбкой.

— Давно так хорошо не пахло.

— И в последний раз пахло неплохо, — с мрачной практичностью сказал Моргил. — А мы болели два дня.

Вспомнив об этом, они не без колебаний опустили в горшок

глиняные чашки. Моргил пришел в полное расстройство, а потому пить не стал и лишь смотрел, как Ханат понюхал порро и отхлебнул. Потом задумчиво скорчил рожу — и расплылся в улыбке.

— Лучше еще не получалось! Как у мандукто, даже вкуснее.

Допив оставшееся в чашке, он вздохнул и удовлетворенно рыгнул. Моргил с довольной миной последовал его примеру. Последним зачерпнул Керрик и нерешительно пригубил.

— Не хуже, чем у саску, — согласился он. — Даже лучше — их порро в далекой долине, а это рядом — под боком.

Ответом ему было дружное бульканье.

После третьей порции Керрик обнаружил, что дурацкие шутки Ханата приводят его в восторг... или, может быть, они стали не такими глупыми? Действительно смешно! И он так хохотал, что расплескал четвертую чашку, и ее пришлось наполнять вновь. Моргил, выпивший столько, сколько Керрик с Ханатом вместе, уже лежал и храпел. Керрик выпил еще — и отставил чашку. Теперь только он понял, почему мандукто позволяли пить порро лишь по особым случаям. Ханат что-то бубнил себе под нос, громко смеялся над собственными шутками и даже не заметил, как Керрик поднялся на ослабевшие ноги и отправился домой. Снова пошел дождь, но это уже не беспокоило его.

Керрик медленно брел между беспорядочно разбросанными шатрами, наслаждаясь будничной суетой. Серые струи дыма поднимались из дымовых отверстий к небу, тая в таком же сером небе. Перекликались женщины, кто-то смеялся.

Неподалеку от стоянки вскопали небольшой луг, сняли дерн. Этим занимались только женщины — такой труд не для охотников. В землю высадили зерна харадиса, которые Малаген прихватила из долины. Женщинам нравились мягкие ткани из его волокна, и они не жалели сил. Охота была хорошей, птицы было в избытке. Можно было уделить время и харадису. Ткани, крепкие горшки, — приятно было видеть, что тану сумели перенять секреты саску.

Из шатра появился Херилак и окликнул проходившего мимо Керрика.

— Хороша ли была охота?

— А ты разве не ходил?

— К северу отсюда я заметил следы двух крупных мургу. И пошел по ним со стреляющей палкой.

— Она не болеет?

— Я слежу за ней, берегу, сытно кормлю. Так я убил обоих. А когда уходил, трупоеды уже сидели на тушах.

— Слишком сильный дождь для охоты. Я не принес ничего. А некоторым повезло. А стреляющие палки в порядке — я спрашивал.

Теперь этот страх был неразлучен с охотниками, они даже привыкли. Жива стреляющая палка — жив и охотник.

Керрик быстро повернулся — и, чтобы не упасть, ухватился за дерево. Херилак нахмурился.

— Ты заболел?

— Нет. Только выпил свежего порро.

— Понятно. Я тоже пробовал его. Эта парочка скоро пропадет, если не остановится.

— А в новом горшке — очень вкусное порро.

Охотников окликнул чей-то женский голос; они повернулись и увидели Меррис, которая протянула им что-то, завернутое в листья. Под листьями обнаружились еще дымящиеся клубни.

— В костре испекла, — сказала она. — Я их вчера нарыла.

Разломив обугленную корочку, охотники поплевали на пальцы и стали есть сладкую мякоть. На их благодарность женщина одобрительно кивнула. Керрику такие отношения были все еще в новинку, хотя для тану это дело привычное. В саммаде так и живут, а для него такая жизнь была непривычной. Когда саммады жили вместе, как сейчас, и было вдоволь еды и питья, всегда было много разговоров и угощений. Это была жизнь, которой Керрик не знал в своем одиночестве, и он радовался ей.

Надо бы сходить к Надаске′, он давно уже не бывал у иилане′. Эта мысль явилась сама собой. Зачем вспоминать о несчастном друге, когда вокруг так прекрасно? Почему бы не предаться наслаждению жизни? Должно быть, он становится похожим на старого Фракена, которому жаловаться было приятнее, чем наслаждаться. Нет, не так. Все-таки он привязался к самцу иилане′ и слишком хорошо знал цену его одиночества. Теперь ему так же одиноко среди тану, как некогда Керрику среди иилане′. Надо бы его навестить. Как-нибудь...

— Еще? — спросила Меррис.

— Да, конечно.

Он с жадностью набросился на еду, мысли о Надаске′ сразу вылетели из головы. Хорошо жить в саммаде.

Пока живы стреляющие палки. Ах, эта маленькая подробность, источник вечного беспокойства.

Услыхав свое имя, Херилак обернулся, стряхивая с пальцев крошки. Перед ним стоял парень-без-имени, как всегда грустный.

— Алладжекс очень болен. Еле дышит. Боюсь, что он умирает.

Он уже научился скрывать свои чувства. Когда старик умрет, ему быть новым Фракеном, новым алладжексом. Конечно, он страстно желал этого, с нетерпением ожидая окончания поры учения и услужения, но лицо его не обнаруживало даже тени подобных мыслей.

— Он хочет говорить, нужно выслушать, — тихо сказала Меррис.

Она не испытывала особого доверия ни к самому Фракену, ни к его травяным отварам, ни к предсказаниям будущего. Но каждый знал, что слов важнее, чем перед смертью, уста тану не произносят. Когда рядом смерть — ложь неуместна. В смерти человек видит многое, что сокрыто от глаз живых. Предсмертные слова ценили. И когда парень повернулся, все поспешили за ним.

Кое-кто успел зайти в шатер, другие собрались около. Возле очага валялись шкуры и кожи. Когда вошедшие приблизились, Фракен слабо кашлянул. Лицо его осунулось, почти истаяло. Глаза старика были закрыты... может быть, предсмертных слов не будет. Но парень-без-имени нагнулся к его уху и зашептал. Фракен что-то забормотал, потом открыл глаза и медленно обвел взглядом собравшихся. Прежде чем заговорить, старик закашлялся, и парень стер с его губ выступившую кровь.

— Вы пришли сюда потому, что я умираю. Я много раз говорил вам, но вы не слушали. А теперь я умираю, и вам придется слушать. Этот парень будет Фракеном. Он умеет читать будущее по совиным шарикам. Слушайте его — я хорошо учил. И слушайте меня, потому что я вижу то, чего не видел прежде... — Он снова закашлялся, откинулся назад и долго лежал, пока силы вновь не вернулись к нему. — Подыми меня, — сказал он. Кровь стекала струйкой у него по подбородку. Парень приподнял голову умирающего, чтобы он мог видеть тану, молча стоявших у очага. Глаза его обратились к Херилаку, остановились на Керрике, и лицо старика исказила гневная тень. — Мы сейчас в стране мургу. Это плохо. Наше место в горах, среди снегов. Там нужно жить. Подальше от мургу, от их мыслей, поступков, подальше от тех, кто поступает подобно мургу.

Присутствующие посмотрели на Керрика, но тут же отвели

взгляд. Его лицо оставалось спокойным и невозмутимым. Он знал — старик всегда ненавидел его. И в словах умирающего была не правда, а лишь последняя месть.

«Умирай же, — подумал Керрик, — скорее. И никто о тебе не вспомнит».

— Если мы будем жить рядом с мургу, то сами превратимся в мургу. Мы тану. Уходите в горы, возвращайтесь к прежним путям.

Глаза его закрылись — старик снова зашелся в кашле. И больше не открывались, хотя умер он не сразу. Керрик ждал вместе со всеми и, хотя ненавидел старика, не смел выразить своего чувства. Стемнело. Парень-без-имени подложил дров в очаг. Дым окутал Фракена, тот опять закашлялся — и умер. Херилак нагнулся, тронул старческую шею, приоткрыл пальцами веко и выпрямился.

— Умер. Вот вам новый Фракен.

Керрик медленно шел к своему шатру. Ненависть покойного не смущала его — наконец-то ей пришел конец. Старый Фракен был существом ядовитым. Надо же, хочет, чтобы они вернулись в горы, к снегам, а сам-то небось не возражал против жизни на юге... радовался даже.

Там, в далеких горах, нет дичи — одни только снега. И саммадам нет дороги назад. Им придется остаться здесь, в тепле, где хорошая охота.

Пока живы стреляющие палки, которые держат убийц-мургу на расстоянии. Эта мысль не давала Керрику покоя.

Глава 24

Essekakhesi essavalenot,
essentonindedei uruketobele.

Там, где океанские течения, плавает урукето.

Апофегма иилане'

Выйдя из тенистого перехода, Энге услыхала крики, но смысла их понять не могла, пока не увидела Амбаласи и не разобрала ее голос. Развалившись на доске для отдыха, старая ученая кричала помощнице:

— Ткни ее, только не порань. Пусть кусает палку.

В дальнем конце прогалины раздавалось страшное шипение и клекот. Энге с удивлением заметила, что Сетессеи тыкает длинной палкой в какую-то птицу. Теряя перья, существо яростно било крыльями и хватало палку зубастой пастью. Значит, не птица, если у нее зубы. Поодаль шипели от страха еще четыре таких же создания со связанными ногами.

— Теперь выпускай! — приказала Амбаласи. Ноги пленницы стягивала живая повязка. Сетессеи палкой нащупала нервный узел, нажала на него — пасть живой веревки открылась. Оказавшись на свободе, странное создание с визгом припустило к деревьям. На бегу оно расправило крылья и время от времени подпрыгивало в воздух.

Наконец оно с воплем исчезло в подлеске.

— Великолепно, — высказалась Амбаласи, отмечая успех правой рукой. Но едва острая боль пронзила ее перевязанный палец, жест превратился в осуждение-неудовольствие.

— Удовольствие присутствовать, — произнесла Энге. — Печаль от раны, надежда на скорое выздоровление.

— Разделяю надежду. Случайно занесла инфекцию, порез струнным ножом во время последнего вскрытия. Замедленное заживление свидетельствует о старости организма.

— Амбаласи обременена годами мудрости.

— И годами годов, Энге. С возрастом не поборешься. Но о нем можно забыть, радуясь открытиям и исследованиям. Ты видела, как бежали эти создания?

— Видела. Не ясны причины освобождения пленницы. Непонятно, кто она. Перья, как у птицы, однако зубы, нет клюва.

Амбаласи одобрила наблюдательность жестами.

— Оставь только свои бесплодные теории, невидимые мысли Угуненапсы, и я сделаю из тебя истинную иилане' науки. Не хочешь? Напрасно. Такая трата способностей. Ты сразу заметила у нинкулилеба зубы. Поэтому он так и зовется. Это живое ископаемое. Отпечатки существ, подобных ему, я видела на камнях, отложившихся неисчислимое время назад. Но на этом континенте, вдали от Инегбана, оно благоденствует. Ты видела перья и зубы. Это существо — промежуточное звено между древними ящерами и великолепно умеющими летать естекелами. А может быть, и нет. Не исключена параллельная эволюция. Эти создания напоминают нынешних птиц. Крылья есть, перья есть — только не могут взлететь в воздух. Ты сама видела. Ловя насекомых и спасаясь от хищников, они быстро бегают, помогая себе крыльями.

Это не континент — это откровение, здешнюю флору и фауну можно изучать целую жизнь.

Разговаривая, Амбаласи сняла с руки нефмакел, бросила негодующий взгляд на заживающую рану и жестом велела Сетессеи наложить новую повязку. Пока та прилаживала ее, Амбаласи поинтересовалась причинами появления Энге.

— Беспокойство о ране, желание помочь.

— Рана болит, но заживает. В чем помощь?

— Омал говорит, что с контейнерами неладно — мясо портится.

— Плохие энзимы. Сетессеи позаботится об этом, как всегда. Но зачем Энге нести весть, с которой могла бы справиться и Омал? Даже любая фарги, которая хоть чуть-чуть иилане'.

— Амбаласи видит все мысли собеседницы. Хотя для тебя вопрос интереса не представляет, я ищу ясности мысли в том, что может ускользнуть от меня.

— Временами я ощущаю себя единственной иилане' посреди йилейбе фарги. И как-то мир обойдется без моего разума?

Хотя вопрос ответа не требовал, Энге ответила с подчеркнутой уверенностью:

— Не знаю, как весь мир, но я и сестры погибнем. И в полноте времен не забудем об этом. — И она почтительно склонилась, нижайшая перед высочайшей.

— Хорошо сказала. Льстиво, конечно, но истинно. Итак, для чего же еще потребовалась тебе моя безграничная мудрость?

— Многие спрашивают меня, и по-разному, но вопрос один и беспокойство одно.

— Твоим лентяйкам следует меньше думать и больше работать. Ваши новые фарги, причисленные к Дочерям Жизни, делают всю работу по городу, невзирая на то, что они — только фарги, неразумные и бестолковые в невероятной степени. У прочих остается слишком много времени на разговоры и вопросы.

— Амбаласи точна, как всегда. Но этот вопрос мучает и меня. Страх за будущее, которое не наступит. Страх окончания. Страх за жизнь этого города.

Амбаласи сердито фыркнула.

— Абстрактные думы порождают абстрактные страхи. Все здоровы, город растет. Опасностей мало, пища в изобилии. Разумная иилане' только наслаждалась бы настоящим, не думая о грядущих муках. Все вы молоды и только начинаете долгую созидательную жизнь. Зачем терзать себя думами о будущем? Не отве-

чай, я это сделаю за тебя. Все вы — Дочери Недовольства — и никогда не обретете ни истинной мудрости, ни истинного удовольствия. И ваши непрерывные споры о том, каким способом предотвратить окончание жизни, погубят вас самих.

— Да, но однажды...

— Но уже не при мне. Вы сами придумали себе проблемы. И должны искать выход самостоятельно. Я же приближаюсь к завершению своих трудов и, когда все будет закончено, навсегда покину эти края.

— Я и не думала...

— В отличие от меня. Я подарила вам жизнь и город. Они ваши — наслаждайтесь, когда я уеду отсюда. Ищите совет в словах Угуненапсы, раз не хотите моего. Сетессеи, раздразни еще одного нинкулилеба. У них такой интересный полет, который и полетом-то назвать нельзя. Ведь у них не перья, а скорее чешуи. Надо сделать записи. Наука все время продвигается вперед, хотя вы, Дочери Жизни, явно не подозреваете об этом.

Саагакель оглядела советниц, знаком потребовала внимания и заговорила:

— Дочери Жизни. Я называю это имя и, хотя оно еще немного сердит меня, более не чувствую той губительной ярости, что некогда владела мной и всеми нами. Я называю их презренное имя, потому что Фафнепто открыла нам новое знание, которое ей, в свою очередь, передала Вейнте'. И мы должны решить, как использовать это новое знание, чтобы я могла отомстить преступницам, опозорившим этот город и его эйстаа.

Саагакель кончила — раздались одобрительные возгласы, гневные призывы к мести, требования просветить. Приятная картина. Вейнте' в суровом молчании восседала по правую руку Саагакель. Получив разрешение эйстаа, она заговорила:

— Ваша эйстаа рассказала мне, что случилось в тот день, когда были освобождены гадкие твари, которые потом бежали из города в урукето. Несправедливость следует исправлять. И чтобы ее исправить, следует учесть две вещи. Во главе этой стаи мерзких и некультурных животных стоит некая Энге. Я хорошо ее знаю и еще расскажу вам о ней. Урукето уплыл неизвестно куда. Но сильная Саагакель знает, где его искать. Она знает, что этого урукето больше не видели в городах Энтобана. Вы можете подумать, что преступницы скрылись от суда эйстаа. Это не так. Я верю, что обладаю знанием, которое откроет нам их пути.

Раздалось удивленное бормотание, сопровождающееся жестами предвкушения и любопытства. Зеваки, толпившиеся за ручьем, напряженно вглядывались, пытаясь разобрать, что творится на другой части амбесида, но ничего не могли понять и только трепетали от любопытства. Ясно было одно: обсуждается чрезвычайно важный вопрос.

Внезапно толпа заволновалась и расступилась, пропуская вперед Гунугул, позади которой шли две фарги и что-то несли. Вейнте′ показала на пришедшую.

— Все вы знаете, Гунугул — самая старшая среди всех капитанов урукето. Она принесла нам кое-что важное. Покажи свои карты, мудрая Гунугул, и разъясни их смысл, чтобы все могли понять.

Повинуясь приказу Гунугул, фарги достали карту, разложили ее на траве и застыли, придерживая лист когтями. Присутствующие зашевелились, стараясь разглядеть карту. Конечно же, они ничего не понимали. Гунугул показала на большое темно-зеленое пятно.

— Вот Энтобан, где находится великий город. Вот, смотрите, здесь, на краю океана, находится Йибейск. — Все с одобрительным ропотом принялись разглядывать золотистое пятнышко. Гунугул провела пальцем. — А вот океан. Мы имели удовольствие выслушать Вейнте′, которая рассказала, как плыть на его другой берег в Гендаси и Алпеасак. Дайте другую карту.

Все напряженно ждали, пока развернут новую карту. Она была столь же таинственной и непостижимой, как и первая.

— Это Гендаси. Огромный пустынный континент. Как утверждает Вейнте′, здесь нет иилане′, всюду ползают устузоу. Я показала вам то, что просила Вейнте′.

Гунугул отошла назад, чтобы любопытствующие могли наглядеться на карту. Одним глазом разглядывая таинственную карту, другим они смотрели на Вейнте′.

— Я рассказала вам о городе Алпеасаке. Но не сказала — подобного не одобряла ваша эйстаа, — что в этом городе жили Дочери Жизни, ибо такой вопрос не для публичного обсуждения. Некоторые из них умерли, пока подрастал город; таких было мало. Другие погибли в огне, когда город горел. Они умирают не так, как положено иилане′, которые просто не могут жить, если гибнет город. Я вам не буду рассказывать, как именно они погибли, — это чересчур отвратительно. Одна из них спаслась, тогда как многие из ее товарок погибли. Спаслась та, которой следовало умереть. И она явилась в этот город, а потом бежала отсюда. Имя ее — Энге.

Про карту забыли. Взоры были обращены к Вейнте′. Затаив дыхание, все слушали, боясь пропустить хоть одно слово.

— Ее звали Энге, Дочерью Жизни. Она обладает великим, но извращенным умом. Она знала о далекой Гендаси. Знала, как пересечь океан.

Все слушали, открыв рот. Рассказ Вейнте′ был столь удивительным, что никто, кроме эйстаа, не знал, чем он кончится. Идеальные слушательницы молча склонились вперед, каждым движением тела умоляя продолжать.

— Вы знаете, что покинувшего город урукето никто не нашел. Гунугул, мог ли урукето пересечь океан?

— Там, где океанские течения — плавает урукето.

— Можно ли пересечь его по направлению к далекой Гендаси?

— Другие урукето делали это, значит, и этот способен.

Выпрямившись, Вейнте′ взглянула на Саагакель.

— Говорю тебе, Саагакель, эйстаа Йибейска, что твой урукето пересек океан и уплыл в Гендаси. Но не в город Алпеасак. Его эйстаа не жалует Дочерей Смерти. Урукето не в городе, искать его следует у побережья. Больше ему негде быть.

— Пропал, — горестно простонала одна из советниц.

— Пропал, — хором повторили другие.

Но эйстаа потребовала внимания, и все мгновенно умолкли.

— Вижу — все вы иилане′ невеликого разума и еще меньшей предприимчивости. Потому-то я и распоряжаюсь вами, неразумными. Вы даже не подумали, что можно просто отправиться следом за ними, захватить, убить, отомстить и вернуть урукето.

Усвоив сказанное, все восторженно завопили, жестами выражая благодарность эйстаа и уверенность в победе. Эйстаа принимала одобрение как должное, Вейнте′ благоразумно замерла за ее спиной. Ей нужно не шумное одобрение, а только месть.

Мести жаждала и Саагакель, но мести тайной. Она хотела сама выследить урукето, где бы он ни оказался. Захватить его и убить старую Амбаласи, зачинщицу злодеяния. Только об этом она и мечтала.

Но не могла осуществить своих намерений. Она — эйстаа, вот ее город. И если она покинет его, правительницей станет другая — и сместит ее. Она вернется и увидит на своем месте новую эйстаа. Месть или власть — нужно было выбирать.

— Все прочь! — приказала она, показав пальцем за ручей. — Вейнте′ остается. Гунугул остается. Фафнепто остается.

Она не хотела ничего обсуждать — даже с самыми верными советницами. Она уже приняла решение, и да будет так. И пока все расходились, она стояла в безмолвном раздумье и заговорила лишь тогда, когда последняя иилане′ перешла мостик.

— Гунугул, ты говоришь, что урукето может пересечь океан. Когда ты сможешь отправиться?

— Когда прикажешь, эйстаа. Он сытый, толстый, экипаж готов. На погрузку мясных консервов и воды уйдет день. А потом можем отправляться. Ты видела карты, путь ясен.

— Хорошо. Ты, как всегда, будешь командовать урукето. И найдешь дорогу в далекую Гендаси. А когда достигнете берега, поиск возглавит Вейнте′. Она расскажет тебе о тамошних суше и море, и ты будешь искать там, где она скажет. Сделаешь ли ты это ради меня, Вейнте′?

— Как прикажешь, эйстаа. Я с величайшим удовольствием исполню твой приказ, ведь и я хочу того же. А когда мы найдем урукето — что делать? Что ты прикажешь сделать с теми, кто украл его?

Когда Саагакель ответила, воодушевление Вейнте′ поубавилось, но она скрыла замешательство за позой предельного внимания.

— Когда урукето найдется, ты обратишься за распоряжениями к Фафнепто. Хоть ты не из нашего города, Фафнепто, — сможешь ли действовать в его интересах? Будешь ли ты выслеживать тех, кто оскорбил меня, обрушишь ли на них мое суровое возмездие? Ты охотница — сумеешь ли охотиться ради меня?

Фафнепто приняла позу бесхитростной покорности.

— Я сделаю так, как ты прикажешь. С удовольствием. Я уже охотилась на всякого зверя, но ни разу — на иилане′. Добрая будет забава, хорошая дичь.

— Хорошо сказано. А теперь пусть все уйдут, а ты — выслушаешь мои приказания.

Вейнте′ изо всех сил пыталась скрыть неудовольствие. И с жестом благодарности и уважения отвернулась... Она действительно испытывала эти чувства к эйстаа, предоставившей ей такую возможность. Только за серебряным мостиком Вейнте′ позволила себе недовольный жест. Ей приходилось повиноваться, и эйстаа знала это.

Потому-то она и была эйстаа. Никто не сядет на место Саагакель, пока она жива. Саагакель будет приказывать, остальные — повиноваться. Гунугул пересечет океан. Вейнте′ выследит добычу. А потом что?

Вейнте′ обернулась, взглянула издали на разговаривавших. Фигуры шевелились, но смысла она уловить не могла. Так что же приказала эйстаа Фафнепто? Вейнте′ даже не догадывалась. Если бы у нее было что-то: власть, положение, собственность — она бы все отдала, чтобы узнать, о чем они говорят. Но она не узнает. И Вейнте′ отвернулась и поспешила за капитаном урукето.

Когда будут грузить продукты и воду, надо проверить, не забыли ли хесотсаны.

Глава 25

— Я была здесь целую жизнь назад, — сказала Вейнте′. — Или в другой жизни. Я стояла вот так. А там, где ты, Фафнепто, — капитан урукето. Она умерла. Ее звали Эрефнаис. Я давно не вспоминала о ней. Ее урукето умер — умерла и она.

Путешествие оказалось легким. Небольшие дожди, ни одного шторма. В дороге Вейнте′ не спала, как остальные, а большую часть времени проводила здесь, наверху плавника. Пальцы ее сжимали грубую шкуру, ощущая движение могучих мышц урукето. С каждым ударом его хвоста они приближались к берегам Гендаси, откуда Вейнте′ уже дважды изгнали — третьего раза не будет.

Из темной камеры выбралась Фафнепто и стала рядом с нею на солнышке. Она не любила говорить, но была отличной слушательницей. Ей хотелось побольше разузнать о новом континенте, и она с почтением внимала Вейнте′. А та с радостью рассказывала.

Заслонившись от солнца рукой, Фафнепто взглянула в сторону горизонта. Ее зрачки превратились в тонкие щелочки.

— Я вижу что-то там, далеко. Это острова?

— Да. Вчера, пока ты была внизу, мы прошли мимо большого острова. Он — первый в длинной цепочке островов. Алакас-Аксехент. Гряда золотых самоцветов. Их песок и вода вокруг них теплые круглый год. Острова тянутся к побережью, где находится город Алпеасак. Но мы к нему не пойдем; урукето, который мы разыскиваем, не может быть у пристаней города.

— Может быть, следует поискать возле островов?

— Не думаю. Говорят, там мало растительности, нет воды. Скорее всего они отправились на континент, где есть на кого охотиться.

— Понимаю. А знаешь, если хочешь выследить зверя, то надо думать, как он.

— Никогда не слыхала, но, раз ты так говоришь — верю. Значит, если мы выслеживаем беглянок, то надо думать их мыслями.

— Попытайся это сделать, попытайся встать на их место. Я много раз разговаривала с ученой по имени Амбаласи. Когда она мыслит подобно мне, я ее понимаю — она тоже стремится узнать побольше обо всем, что живет в этом мире. Я часто приносила ей образцы, отвечала на ее вопросы. Но я не могу понять — почему она освободила пленниц, почему помогла им бежать?

— На этот вопрос и я не могла бы ответить. Для меня просто непостижимо, что иилане' мудрости могла помочь Дочерям Смерти. Я могу сказать об Энге, главной среди них: это могучий ум, обращенный не туда, куда надо.

— Если она увела их — то куда могла привести?

— Важный вопрос. Если мы на него ответим — можем считать, что беглянки пойманы.

— Не могли ли они спрятаться на огромном острове, мимо которого мы проходили вчера?

— Маниле? Я ничего не знаю о нем, кроме названия. А Энге и этого не знает...

Внезапно умолкнув, Вейнте' бросила взгляд на пенный след урукето, посмотрела вдаль. Потом, повернувшись к Фафнепто, сделала жест благодарности и уважения.

— Ты — воистину охотница и сказала важную вещь. Надо послать за капитаном. Насколько мне известно, остров необитаем, но, может быть, это и не так. Нужно обойти вокруг него. И если у берега окажется урукето, значит, мы нашли то, что искали.

Узнав суть дела, Гунугул немедленно согласилась. Едва урукето начал неторопливо поворачивать в морских волнах, энтиисенаты, верные спутники и кормильцы, бросились назад. Они выпрыгивали из воды, с шумом падали в волны — так продолжалось до темноты. Ночью они отдались течению рядом с неподвижным колоссом.

Поутру вдалеке показались песчаные берега.

— Горы и лес, — отметила Вейнте', — пресная вода, отличная охота. Здесь они могли бы укрыться. Нужно проверить берег.

— Сколько потребуется, чтобы обойти его морем? — поинтересовалась Фафнепто.

Гунугул ответила жестом неопределенности, ссылаясь на незнание величины острова.

— Несколько дней, наверное.

— Тогда я высажусь возле того мыса, — объявила Фафнепто. — Я так устала в океане, просто истосковалась по лесу. И хочу увидеть, какие животные обитают в этой части света. Я буду здесь дожидаться вашего возвращения.

— Еды возьмешь? — спросила Гунугул.

— Только хесотсан. И к вашему возвращению будет готово свежее мясо.

Высоко подняв хесотсан над головой, охотница скользнула в воду и быстро поплыла к полосе прибоя. Урукето поплыл вдоль берега. Вейнте' и капитан с плавника разглядывали утесы и пляжи. Маловероятно, что охота завершится так быстро и легко. Но она началась. И Вейнте' уже не считала себя пассажиркой. Они внимательно осматривали все попадавшиеся по пути бухты. Через два дня они с трудом обогнули оконечность острова: урукето пришлось потрудиться, выгребая против течения.

— Здесь теплая вода, — заметила Гунугул, — течет с юга. Урукето любит теплые воды. Погляди, вон край течения — видишь, как меняется цвет воды. Течения — словно реки в океане. Следуя им, мы прокладываем курс.

Наблюдавшая за берегом Вейнте' не расслышала слов капитана.

— А к югу от этого острова ничего нет? — спросила Гунугул. — На моей карте ничего не обозначено. Может быть, это совсем не исследованные края?

— Я ничего не знаю о других островах. Мне не приходилось их видеть.

— Быть может, следует поискать и к югу отсюда? — произнесла Гунугул, оглядывая горизонт.

Вейнте' посмотрела на голубую гладь, на высокие облака над океаном. Дальше на юг? Там могут быть новые острова. Вейнте' подумала, потом решительно сказала:

— Нет там ничего. Энге знает северные берега Гендаси — туда они и бежали. Но все-таки обогнем остров. Если их здесь не окажется, поплывем дальше на север.

Она отправилась в эти края по приказу Саагакель, чтобы найти Энге, ученую Амбаласи и урукето. В этом их с эйстаа цели

совпадали. Но и Керрик тоже на севере, и она отыщет его. Она ненавидела Керрика не меньше, чем Дочерей. Даже больше — ведь он уже два раза одолел ее. Третьего раза не будет. Когда она его отыщет, все будет кончено.

Разинув пасть в смертном оскале, с дерева свисал подвешенный за заднюю ногу большой травоядный мараг. Керрик освежевал его, отрезал обмякшую заднюю ногу. Мясистая, вкусная. Он завернул ее в листья, скрепил шипами. Потом вытер о траву кремниевый нож, взял окровавленную шкуру и отнес в яму за деревьями. Оттуда с костей и полусгнившей требухи взвились полчища жужжащих мух. Керрик отмахнулся от них и пошел к ручью помыть руки.

Вернувшись, увидел, что шатер все еще пуст. Армун с малышкой еще не вернулись. Чувствуя себя виноватым перед женой, Керрик тем не менее ощутил облегчение. То, что он хочет встречаться с Надаске′ — его личное дело. Увы, это было не так. Армун уже не протестовала против его визитов к иилане′, но молчание ее становилось все более красноречивым... Оно было даже громче слов — когда он брал с собою Арнхвита. И Керрик перестал это делать — зная, что за этим последует. Но сегодня придется. Мальчик отлично управляется с луком: может быть, удастся поохотиться. Сам он возьмет с собой хесотсан — на всякий случай. Мальчишке уже почти восемь лет. Скоро придется делать лук побольше...

Он с замирающим сердцем достал из-под шкур хесотсан. Неподвижный, но живой... или мертвый? Он ткнул его пальцем. Крохотный рот раскрылся. Зубы стали медленно жевать кусочек сырого мяса.

Подобрав сверток с мясом, Керрик отправился искать сына.

Найти мальчишек было легко — надо лишь прислушаться. Вот и сейчас на берегу болота раздавались их победные вопли. В один из расставленных ими силков попалась большая птица. Бежать она не могла — веревка была привязана к большому бревну — и только шипела, разинув острый клюв. Двое мальчишек сидели на перевернутой лодке, слизывая с пальцев кровь. Увидев Керрика, Арнхвит радостно подбежал к отцу.

— Атта, мы сами поймали гуся. Он пасся на травке. Правда, жирный?

— Очень. Только кто кого поймал? Ваша добыча еще живая...

— Убей его, саммадар! — завопил один из мальчишек, остальные присоединились к нему.

Птица взглянула на охотника злобным красным глазом и вновь зашипела. Керрик поднял хесотсан. Теперь ими пользовались только для защиты от мургу. Он передал оружие Арнхвиту. Тот гордо схватил его.

— Держи, как я показывал, и не нажимай здесь.

— Я знаю, знаю!

Арнхвит надулся от важности, мальчишки завистливо поглядывали на него. Керрик достал нож и стал осторожно подходить к птице. Та повернулась к нему, раскрыв клюв. Один из мальчишек бросил камень и попал ей в бок. Едва птица повернулась к новому обидчику, Керрик схватил ее за длинную шею и одним быстрым движением перерезал ей горло. Дергая ногами, она свалилась на землю грудой окровавленных перьев. Мальчишки завопили еще громче и кинулись к добыче. Керрик забрал у сына хесотсан.

— Я несу Надаске′ мясо на остров. Пойдешь со мною? — Арнхвит уныло отвернулся. Здесь было так весело. Керрик взглянул на лодку мальчишек. — Уже плавали в ней?

— Только у берега. Саммадары не велели плыть дальше. Двое мальчишек не послушались. Их побили так, что потом они долго скулили.

— Эх, хорошо быть саммадаром и не опасаться пинка. Беги за луком, поплывем на лодке. Поохотимся.

Дальнейших протестов не последовало. Керрик осторожно положил хесотсан на траву. Потом, ухватившись за борт, перевернул маленькую лодку. Изнутри она имела неправильную форму и сидела в воде как-то странно. В ней оказались два небольших весла — две плоские деревяшки, — но ничего, сгодятся и такие. Были и черпаки — полые тыквы — весьма, конечно, необходимые. Да, в ней благоразумнее держаться поближе к берегу.

Керрик оттолкнул лодку, подобрал хесотсан и осторожно забрался в нее. Лодка отчаянно качалась, но, осторожно переступая, Керрик все-таки сумел устроиться так, чтобы выровнять ее.

— Правда, отличная лодка? — на бегу выкрикнул Арнхвит. Разбрызгивая воду, он полез в суденышко, едва не перевернув его.

Керрик поспешно выправил лодку и указал сыну на тыкву.

— У меня уже зад подмок. Выливай воду, только постарайся не слишком раскачивать лодку.

Лодка оказалась страшно неустойчивой, и Керрик осторожно опускал весла в воду. Арнхвит с гордым видом восседал на корме и без конца давал ненужные советы, пока они медленно тащились вдоль берега. Лук его был натянут, но дичь скрывалась, едва они приближались. Керрик греб вдоль берега, через узкую протоку к небольшому острову.

Спрыгнув у берега в воду, Арнхвит опять чуть не перевернул лодку, и с чувством облегчения Керрик последовал его примеру, погрузившись в воду по грудь и не забыв поднять хесотсан над головой. Вдвоем они вытащили лодку на песок.

— Ведь хорошая лодка, а? — спросил Арнхвит на марбаке.

Керрик отвечал на иилане′:

— Великолепно выращенная-прочное дерево-ездить на воде.

— Мы не выращивали ее, а выжгли огнем.

— Я знаю. Но на иилане′ иначе не скажешь.

— А я не хочу говорить, как они.

Мальчишка дерзил, но Керрику не хотелось его одергивать. Главное, чтобы вырос уверенным в себе. А когда вырастет, то сам будет отдавать приказы, а не выполнять их. Будет вести, а не следовать.

— На иилане′ разговаривать хорошо. Можно говорить с Надаске′. Он не понимает марбака.

— Мальчишки смеются. Они видели, как мы с тобой говорили. Сказали, что я трясся, как перепуганная девчонка.

— Никогда не слушай тех, кто не способен делать то, что ты. Им никогда не научиться так говорить. Важно, чтобы ты не забывал этого языка.

— Почему?

Почему... Действительно, почему? Как ответить на столь простой вопрос? Керрик опустился на песок, скрестил ноги и задумался.

— Эй, садись рядом со мной. Отдохнем, а я расскажу тебе кое о чем важном. Сейчас тебе это может показаться скучным, но когда-нибудь ты изменишь свое мнение. Помнишь, как было хорошо, когда все мы были на севере среди парамутанов?

— В тепле лучше.

— Лучше... Вот потому-то мы и здесь. Мы больше не можем жить на севере — снег там теперь не тает. А здесь, на юге, кругом мургу. Мы их можем убивать и есть, их мы можем убить прежде, чем они убьют нас. — Арнхвит не заметил, как Керрик перешел на иилане′. — А еще здесь живут иилане′ вроде Надаске′. Они нам

не эфенселе, как он, и убивают любого тану, как только увидят. А потому мы должны знать о них и уметь от них защищаться. Некогда я был среди тану единственным, кто умел разговаривать с ними. Теперь нас двое. Однажды ты станешь саммадаром и будешь делать то же, что и я теперь. Мы должны знать их. И если хотим жить здесь, нам нужны их хесотсаны. Это важная вещь, и тебе когда-нибудь придется добывать их. И только ты сумеешь это сделать.

Арнхвит ежился и водил пальцами ноги по песку. Он слушал отца, но не мог понять, как важно то, что он говорил. Мал еще.

Керрик встал и отряхнулся.

— А теперь мы навестим нашего друга Надаске′, принесем ему мяса. И он споет нам. И пусть сильный охотник не опускает лука — быть может, нам удастся прихватить и свежатинки.

С восторженным воплем Арнхвит вскочил, схватил лук и наложил на него стрелу. Затем прищурил глаза и, пригнувшись, как охотник на звериной тропе, стал красться по поросшему травой склону. Керрик шел следом, раздумывая, понял ли Арнхвит хоть что-нибудь. Ну, если сейчас не понял — когда-нибудь поймет. Когда Керрик умрет и Арнхвит станет охотником, саммадаром. Когда на его плечи ляжет ответственность...

Сидя на берегу, Надаске′ смотрел на море. Услышав призыв слушать речь, он приветливо зажестикулировал. Он очень обрадовался, увидев принесенное Керриком мясо. Обнюхав сверток, иилане′ сделал благодарный жест.

— Маленький-мокрый уже не маленький и не мокрый, эфенселе Керрик, мясо великого удовольствия. Давно мы не разговаривали.

— И вот мы пришли, — проговорил Керрик, чувствуя себя виноватым за долгое отсутствие.

Обернувшись, он поискал глазами и обнаружил густой куст. Керрик вырыл в его тени ямку и положил хесотсан на влажный песок. Тану до сих пор соблюдали все меры предосторожности, ведь никто не знал, как передается болезнь. И никому не позволяли трогать свой хесотсан и не клали оружие рядом с чужим.

Арнхвит принялся рассказывать Надаске′ об охоте на птиц. Идея силка весьма заинтересовала иилане′. Керрик не вмешивался и не пытался помочь мальчику, когда тот пытался объяснить на иилане′, что такое силок. Надаске′ сам помогал ему правильно ответить на вопросы. Керрик молча и с удовольствием слушал.

Надаске′ действительно был заинтересован: ему хотелось выяснить, как это сделать.

— Если я пойму, то сам сумею сделать силок. Все знают, что самки сильны и грубы. И все знают, что мастерство и искусство — удел самцов. Ты же видел блестящего ненитеска.

— А можно еще раз посмотреть?

— Потом. Сейчас я вас кое-чем угощу.

Они отправились с Надаске′ на другой конец острова. Там, у линии прилива, была вырыта яма. Надаске′ отодвинул закрывавший ее плоский камень. Под ним лежали ракушки, покрытые влажными водорослями. Выбрав для гостей угощение покрупнее, Надаске′ сунул в рот ракушку и с хрустом стал жевать.

— Зубы Надаске′ прочны многократно, — сказал Керрик, открывая раковину кремниевым ножом. — Зубы устузоу для этого не годятся. Тут нужен каменный зуб.

— Или металлический, — добавил Арнхвит, снимая с шеи нож.

— Нет, — произнес Керрик, — не делай этого.

Арнхвит удивленно поднял глаза. Керрик сам себе удивился. Отдав сыну кремниевый нож, он забрал у него металлический и потер его пальцем. Нож был поцарапанный и щербатый, но острый — Арнхвит точил его о камень.

— Это был мой нож, — произнес он, — и всегда висел на шнурке у меня на шее, а потом на металлическом обруче — вот как этот.

— Один большой, другой маленький, очень похожи, — проговорил Надаске′. — Объяснение-существование-сходства.

— Они сделаны из небесного металла, так мне говорил Херилак. Он сам видел, как с неба упал камень, который оказался не камнем. И вместе с другими охотниками Херилак отправился его разыскивать. Нашел камень саммадар по имени Амагаст. Оказалось, что небесный металл тверд, но его можно резать зазубренным тонким камнем. Так сделали эти ножи, и большой, и маленький. Амагаст носил тот, что побольше, а маленький нож отдал сыну. Амагаст был моим отцом. А теперь уже мой сын носит его.

— Что есть отец, что есть сын? — спросил Надаске′, потирая пальцем блестящую металлическую поверхность.

— Мне трудно объяснить тебе это.

— Ты считаешь меня фарги, неразумной, неспособной понять и постичь?

Керрик жестами попросил прощения.

— Нет, просто это относится к тому, как рождаются устузоу. У нас нет яиц, нет эфенбуру в море. Дитя выходит из матери, а потому знает и своего отца.

Надаске′ ответил жестами смущения и сомнения.

— Слова Керрика истинны. Многое в устузоу недоступно моему пониманию.

— Скажем так: мы с Арнхвитом — маленькое эфенбуру. Близкое-тесное.

— Понимание частичное, пояснения приняты. Ешь еще.

Вскоре Арнхвиту надоели разговоры, и он стал беспокойно оглядываться. Заметив это, Керрик подумал: нельзя, чтобы встречи с Надаске′ надоедали ему. Пусть они всегда будут интересными и желанными.

— Пора идти, — сказал Керрик. — Птицы садятся на болото — может быть, и подстрелишь какую-нибудь.

— Краток визит — кратка жизнь, — мрачно проговорил Надаске′, огорчившись, что гости уходят.

— Скоро еще раз приду — со свежим мясом, — пообещал Керрик и отвернулся.

Он взял хесотсан, смахнул с него песок.

И окаменел.

— Что ты увидел? — спросил Надаске′, видя тревогу в его позе.

— Да ничего. Просто песок налип на этот дурацкий хесотсан.

Керрик потер его пальцами, еще раз... Маленькое серое пятнышко не исчезало.

Глава 26

Керрик не хотел говорить о том, что обнаружил — словно от этого пятно могло исчезнуть. К молчанию отца Арнхвит, шествовавший впереди, отнесся одобрительно. Он выстрелил в гревшуюся на солнышке ящерицу и промазал. И весь обратный путь сидел на носу, опустив руку в воду. Керрик хотел предостеречь мальчика, припомнив случай, происшедший с ним в детстве, ужас, охвативший его при виде вставшего из воды марага. Но это было так давно; к тому же вряд ли могло случиться что-то подобное.

Они причалили к берегу, вытащили из воды лодку и перевер-

нули ее. Арнхвит понесся к шатру. Керрик снова взглянул на хесотсан. Пятно не исчезало.

Возле костра было тихо. Армун поняла, где они были, и неодобрение сквозило в каждом ее жесте. На этот раз Керрик не пытался заговаривать с нею, заставить ее не думать об этой поездке на остров, и тоже молчал. Уставший за день Арнхвит уснул прежде, чем на небо высыпали первые звезды. Забросав песком тлеющие угли, Керрик отправился к ручью. Там он долго и безжалостно тер ладони друг о друга. Впрочем, если он сам заразил свое оружие, уже поздно. Помахав руками в воздухе, чтобы обсохли, Керрик направился к шатру Херилака.

Проходя через поляну, он заметил, что Меррис переставила свой шатер. Теперь он стоял возле шатра саммадара. Под откинутым пологом сидела Даррас с куколкой, сплетенной из сухих травинок. Девочка не стала разговорчивее, но теперь она улыбалась. Полог шатра Херилака был опущен, и Керрик услыхал за ним смех. Он хотел окликнуть саммадара, но понял: смеялась женщина. Хорошо. Керрик опустился на шкуру возле Даррас.

— Я еще не видел у тебя этой куклы.

— Бабушка сделала. Смотри, какая красивая. Ее зовут Милде. Как мою маму.

— Очень хорошая кукла.

Керрик подбросил в огонь сухих ветвей, языки пламени взвились выше. Полы соседнего шатра поднялись, из него вышла Меррис и села возле Керрика.

— Даррас мне показывала свою куклу. Она очень ею довольна.

Меррис улыбнулась и кивнула.

— Довольна не только она.

К костру подошел Херилак и поздоровался с Керриком. Они уселись у огня, поглядывая на женщину и ребенка. Херилак казался таким же довольным, как Меррис. Керрику не хотелось портить ему настроение: слишком уж долго Херилак был мрачным и неулыбчивым. Они поговорили об охоте, саммадах, о долине саску. Наконец Меррис увела девочку в шатер и опустила полог.

— Летом здесь, наверное, жарко, — сказал Херилак, — а вот зимой не холодно. Этот остров просто прекрасное место для стоянки.

— Ну а в горы-то пойдем? Ведь Фракен велел, когда умирал.

— Старый Фракен был дурнем. Ты сам много раз говорил. На севере зима — и нет ей конца.

— Кажется, моя стреляющая палка заболела.

Херилак долго молчал. Потом заговорил с привычной угрюмостью:

— Когда-то это должно было случиться. Снова надо отправляться за новыми.

— Значит, снова пойдем в город? Будем воровать? Убивать мургу?

— А ты можешь предложить что-нибудь другое?

Керрик медлил с ответом. Он сидел молча, сжав кулаки так, что побелели костяшки.

Над деревьями показалась луна, осветив поляну холодным светом. Над головой бесшумно пролетела сова, в лесу крикнул какой-то ночной зверь.

— Нет, — нерешительно ответил Керрик. — Ничего другого я придумать не могу. Мы знаем, где искать стреляющие палки. Но если нас заметят...

— Теперь тебе не обязательно идти. Я ведь знаю, где эта яма.

— Я не боюсь идти в город.

— А я и не говорил этого. Я только хотел сказать, что теперь будут рисковать другие. Ты сделал свое, и уже не раз.

— Это неважно. Я боюсь, что мы становимся зависимыми от мургу и их города. Мы пойдем: другого выхода нет, и когда-нибудь нам придется сделать это. А вдруг в городе нас увидят мургу? Что тогда будет?

— Не загадывай так далеко. Думай только о завтрашнем дне.

— Нет. Если бы мы жили в горах и били оленей, ты бы мог мне это сказать. Но не теперь. Мы в ловушке, из которой нет выхода.

— Давай на этот раз пойдем большим отрядом. И достанем побольше палок.

— Нет. Риск слишком велик. Пойдут двое. Без палок. Когда отойдем от стоянки, надо будет искупаться: прямо в одежде и неоднократно. Эта болезнь не должна передаться новым стреляющим палкам.

— Я не понимаю, что общего между купанием и болезнью.

— Я тоже, — криво усмехнувшись, ответил Керрик, — но мне об этом говорила та, которая знает. Еще до нашей встречи, когда я был очень болен...

— Стало быть, это мараг тебе говорил?

— Да. Ты видел город, ты видел растения, с помощью которых они хотели погубить нас в долине, и понимаешь, сколько они знают о живых существах. Этот мараг очень много знает, он говорил мне, что болезни разносят маленькие живые существа.

— Я видел — черви в ранах...

— Нет, они еще меньше, такие, что даже глазом не увидеть. Знаю, что в это трудно поверить, но она так сказала. Может, и эта хворь так же передается от одной палки к другой. Не знаю. Но если, умывшись, ее можно остановить, значит, придется всякий раз мыть руки.

— Конечно. Мытые охотники и пахнут лучше. Значит, вдвоем... Ты и я.

— Нет, — с внезапной твердостью сказал Керрик. — Ты саммадар, я не могу приказать тебе делать что-то или не делать. Я возьму такого охотника, который будет повиноваться мне. Мы пойдем тихо, скрываясь от мургу. И не будем никого убивать. А ты разве сможешь не убивать, если я скажу тебе?

— Не смогу, ты прав. Но кого ты возьмешь? Твой саммад невелик. И охотник в нем только Харл.

— Он искусный охотник и хороший ходок. Ему и идти со мной. Я сказал.

— Ты делаешь ошибку...

— Возможно... но это моя ошибка.

Херилак сердито нахмурился, но возражать не стал. Решение было принято.

— Когда вы уходите?

— Скоро. Нужно сходить и вернуться с новыми палками, пока не начали гибнуть те, что у нас есть.

Добавить было нечего, и охотники молча расстались.

...Керрик проснулся с первыми лучами солнца, хотя почти не спал ночью. Он лежал не шевелясь и слушал спокойное дыхание Армун, пока солнце не осветило стену шатра. Тогда он неслышно выскользнул наружу и пошел к укрытию, где прятал хесотсан. Осторожно развернув шкуру, он подставил его солнечным лучам. Мертвое пятнышко не исчезло, но теперь оно стало больше.

Полог шатра охотников был откинут, и Ортнар уже сидел возле него, привычно нахмурившись.

— Я хочу поговорить с Харлом... — начал Керрик.

— Я еще спал, когда он ушел. Он знает место, куда на рассвете приходят олени. Когда-нибудь этот парень станет искусным охотником.

— Ладно, поговорим, когда вернется.

Добавить было нечего: Ортнар не любил праздной болтовни. Керрик пошел к своему шатру. Армун уже не спала и разводила огонь.

— Я видела, как ты ухаживаешь за стреляющей палкой. Слишком уж ты печешься о ней.

— Не слишком. Она заболела.

— Опять! — вскрикнула Армун.

— Опять. Придется идти в город мургу. Еще раз.

— Нет, не ходи. Другие тоже могут это сделать.

— Пойти-то смогут, а вот вернуться... Только тану, который наполовину мараг, знает город мургу. А теперь я буду есть и отдыхать. Ночью я плохо спал.

...Керрик проснулся, когда солнце стояло высоко. Лучи слепили глаза, и он зажмурился. Возле шатра сидел Харл, терпеливо и безмолвно дожидаясь, пока Керрик проснется. Спросонья Керрик не узнал его. Ему померещилось, что это взрослый охотник. Заметив, что Керрик проснулся, Харл встал и вошел в шатер.

— Ортнар сказал, что ты искал меня, хотел поговорить.

— Ты был на охоте? Олени приходили?

— Спустились к самой воде, прямо рядом со мной. Двоих я убил. Ты это хотел знать?

Как и Ортнар, он не любил праздных речей. Слова его были как стрелы — остры и точны.

— Ты мне нужен. Пойдешь со мной в город мургу? Моя стреляющая палка заболела.

— Сколько всего тану пойдет?

— Двое — ты и я.

Глаза Харла расширились.

— В прошлый раз ты ходил с саммадаром Херилаком.

— Да. И он убил встретившихся нам мургу. На этот раз я хочу положиться на умение следопыта, а не охотника. Я хочу все видеть — и остаться невидимым. Пойдешь со мной?

Харл улыбнулся и протянул вперед два стиснутых кулака, положив их один на другой.

— Пойду. И мы принесем стреляющие палки?

— Да. Но ты должен сейчас пообещать мне одну вещь. Будешь ли ты повиноваться мне? Если увидим мургу, то убивать их не будем. Ты обещаешь мне это?

— То, о чем ты просишь, нелегко.

— Я знаю. Но, если ты не согласишься, я стану искать друго-

го. Ты из моего саммада. И если сделаешь, как я прошу, другого охотника не будет. Выбирай.

— Тогда я иду с тобой. И выполню твой приказ, саммадар. Когда выходим?

— Утром с копьями и луками. Стреляющие палки оставим здесь.

— А что мы будем делать, если встретим большого марага, которого не убьешь ни стрелой, ни копьем?

— Умрем. Ты знаешь лес, и твое дело пройти там, где их нет. Ты способен на это?

— Да. Сделаю, как велит саммадар.

...Они двинулись в путь на рассвете и, когда стало жарко, уже далеко ушли по тропе, ведущей на юг. Добравшись до узенькой речушки, они по очереди искупались в чистой воде: пока один купался, другой караулил. Причин подобных действий Харл не понимал, но делал, как было велено. Только поворчал, что, дескать, и лук, и колчан вымокли, и разложил оружие на траве — сушиться. Керрик достал сушеное мясо и эккотац.

— Уж мясо-то мыть незачем, — съехидничал Харл.

Керрик улыбнулся.

— Верно. Лучше съедим его. Возле города придется все бросить. В прошлый раз я изрезал свой мешок на ремешки, чтобы перевязать палки. Может быть, тогда и заразил их. На этот раз воспользуемся лианами и прутьями. Нельзя допустить, чтобы они снова заболели.

...На второй день, вслушавшись в лесной шум, Харл остановил Керрика движением руки. Впереди возился кто-то огромный. Они пошли в обход по берегу реки и весь остаток дня брели по песку. Когда берег стал болотистым и непроходимым, они свернули.

Других препятствий на пути не оказалось, и охотники быстро добрались до города. У городской границы Керрик приказал остановиться.

— Вернемся к ручью. Оставим мешки с мясом и искупаемся.

— Сначала съедим все, что можно.

— Конечно. А вечером пойдем. — Харл недовольно нахмурился. — На это есть причины. Мургу по ночам не ходят. И если днем они караулят яму с палками, то к вечеру возвращаются в город. Мы должны прийти туда в сумерках, набрать палок и уйти. Это возможно?

— Если я вижу дорогу днем, то смогу пройти по ней и ночью. Делай, как сказал, саммадар.

Вечером в мокрой и прохладной одежде они пробрались в город. Керрик шел первым, перерубая и отводя в стороны ядовитые лианы. Они шли все медленнее и осторожнее и к насыпи у пруда с палками уже подползали.

— Никого нет. И никаких следов, — сказал Харл.

— Посидим здесь, пока совсем не стемнеет. А этими прутьями перевяжем палки.

В сумерках Харл ползком забрался на вершину насыпи, огляделся и дал знак Керрику следовать за ним.

На берегу и на мелководье кишели хесотсаны. Чересчур бойких пришлось отгонять комьями земли. Керрик спрыгнул вниз. Едва перебирая крошечными ножками, хесотсаны медленно ползали по песку.

— То, что нужно, — проговорил он. — Иди сюда, я подам.

Набрав столько, сколько можно было унести, Керрик с помощью Харла вскарабкался на откос. Хесотсаны негромко шипели, пока их увязывали, и пытались цапнуть за пальцы. Дело было сделано быстро. Охотники взвалили свою ношу на плечи и подобрали оружие.

— Готово! — проговорил Керрик, чувствуя, как спадает напряжение. — А теперь скорее отсюда.

Харл двинулся первым.

Но не успел он спуститься с насыпи, как послышался громкий треск хесотсана, и юноша рухнул на землю. Он умер мгновенно.

Глава 27

Керрик упал и притаился за насыпью. Харл лежал прямо перед ним. Рот его раскрылся, и глаза, уже ничего не видя, глядели в небо. Рядом упала связка хесотсанов, которые медленно извивались в путах.

Харл мертв. Убит из хесотсана. Там, впереди, иилане́, она выжидала в засаде. Ловушка. И бежать некуда. Стоит только шевельнуться — и она выстрелит. Вперед нельзя, назад тоже. Устузоу-грабителя убьют на месте. Значит, придется опять становиться иилане́.

— Слушай говорящую! — крикнул Керрик. И добавил: — Смерть... отрицание!

Никакого смысла в последних словах не было, он просто хотел, чтобы находящиеся в засаде больше не стреляли. Отложив связку хесотсанов, он медленно встал, взобрался на насыпь и встал в позе подчинения.

— Я не вооружен. Не убивай, — твердо и отчетливо проговорил он. Каждую секунду он ожидал укола шипа.

Перед ним возле густых кустов стояла иилане′. Ее хесотсан был нацелен прямо в Керрика. Кажется, она одна. Ему оставалось только оцепенеть в позе покорности.

Интепелеи смотрела на него. Она не опускала оружия, но и не стреляла.

— Ты — устузоу-иилане′. Я слыхала о тебе.

— Я — Керрик-иилане′.

— Значит, это ты явился в Икхалменетс и убил урукето?

Керрик подумал. Лгать смысла не было.

— Да.

Интепелеи сделала жест удовольствия от встречи, но хесотсана не опустила.

— Тогда я должна отвести тебя к Ланефенуу. Она тебя ненавидит. И, думаю, захочет увидеть тебя прежде, чем ты умрешь. Это ты убил троих иилане′ и бросил их в пруд с хесотсанами?

— Я не убивал.

— Это сделал кто-то из устузоу?

— Да.

— Я тоже думала, что другого объяснения их гибели не может быть. Но никто со мной не согласился. Тогда я сделала то, что следовало. Каждый день здесь дежурили фарги. Им было велено сообщить, когда появятся устузоу. И сегодня одна из них явилась ко мне. Идем к Ланефенуу.

— Но уже почти темно.

— А ты поторопись. Если мы не успеем на амбесид до темноты, я убью тебя. Ну!

Керрик неуверенно шагнул вперед. Он лихорадочно думал, как спастись, но не находил ответа. Перед ним охотница — это видно — она убьет его при первой же попытке к нападению.

Сделав знак большими пальцами, она шагнула вперед. И вдруг вздрогнула и едва не упала.

В ее спину вонзилась стрела.

Она трясущимися руками приподняла хесотсан, прицелилась

в Керрика. Оружие треснуло — шип пролетел мимо. Она подняла хесотсан выше.

Вторая стрела пробила ей шею — иилане′ упала. На тропе показался Херилак. Он подошел и взглянул на лежащие тела.

— Я не видел марага, пока он не убил мальчика. И никак не мог прицелиться, пока он не вышел на тропу.

— Ты шел за нами.

— Конечно. Стреляющей палки я не брал. Это же так опасно — уйти вдвоем. Ну вот, теперь эти тела. В яму их?

— Не надо, — вяло ответил Керрик. — Я говорил с ней — ты ведь слышал наш разговор. Она выставила на тропе караульных. Те, кто нас видел и предупредил ее, сейчас в городе. Утром сюда придут другие. Нам не скрыть, что мы здесь побывали. Теперь они знают. Не хотел я смертей. Я думал, что справлюсь без тебя. Но ты пошел за нами. Надо похоронить Харла.

— Глупость, напрасная трата времени. Сейчас его тхарм среди звезд, и ему нет дела до оставленного им мяса. Надо забрать стрелы. А ты бери стреляющие палки — и уходим. К утру успеем уйти далеко.

Огромная усталость придавила Керрика. Встав на колени возле мертвого юноши, он снял с трупа связку хесотсанов, сложил Харлу руки на груди и закрыл ему глаза.

— Я убил его, — с горечью проговорил он. — Это я привел его сюда.

— Его убил мараг. А у нас теперь новые палки. Оставь его и не думай о нем. Он был молод, но успел стать настоящим охотником. Я возьму его лук и копье, и пусть их получит другой мальчишка, стремящийся стать охотником.

Говорить было не о чем. Оружие они добыли. Перебросив связки через плечо, охотники повернули на север и исчезли в темноте.

Стемнело, и мрак укрыл оба тела, такие чуждые, такие непохожие, но объединившиеся в цепких лапах смерти.

В городе не было зверей, питающихся падалью, и трупы пролежали до утра. На рассвете их обнаружили вороны. Приземлившись, они бочком, подпрыгивая, стали подбираться к добыче, радуясь столь неожиданному подарку. Они уже принялись рвать плоть, когда громкие крики вспугнули их. По тропе, нерешительно выставив вперед хесотсаны, пробирались фарги. Покрутившись возле тел, они оглядели лес, осмотрели тропу. Следом яви-

лась Муруспе. С ней пришла Анатемпе. Она остановилась, знаками выражая горе и потрясение.

— Что случилось?

— В том, что случилось, сомневаться не приходится, — ответила Муруспе, делая знак огромного неудовольствия. — Интепелеи получила известие о появлении устузоу, пришла сюда одна — и погибла. Она убила одного устузоу, другие убили ее. Ты — иилане′ науки, помощница Укхереб. Скажи мне, когда это случилось?

Присев на корточки, Анатемпе потрогала оба тела. Сделала знак неуверенности.

— Не сегодня утром. Может быть, ночью или вчера.

— Возможно. Прятавшиеся здесь фарги сказали, что видели двоих устузоу. Один умер. Другой ушел. Что они делали здесь? Зачем приходили?

Анатемпе посмотрела на пруд с хесотсанами. Муруспе проследила за ее взглядом.

— Это связано с хесотсанами?

— Алпеасак — большой город. Дважды приходят устузоу-убийцы. И дважды возле ямы с хесотсанами гибнут иилане′.

— Устузоу пользуются хесотсанами, как и мы... — Муруспе умолкла и задумалась, затем распорядилась: — Тела отнести на амбесид. Это дело — для эйстаа.

...Колонна двигалась по городу, сопровождаемая скорбными возгласами. Фарги разбегались в стороны, испуганные гибелью иилане′ и видом мертвого устузоу. Оба тела положили на землю, и Муруспе отправилась известить эйстаа.

Ланефенуу посмотрела на распростертые на траве тела и задумалась. Молчал и амбесид — никто не смел нарушать раздумий эйстаа. Ученые Укхереб и Акотолп уже осмотрели тела и пришли к согласию относительно того, что случилось.

Устузоу был убит шипом, выпущенным из хесотсана. Вне всякого сомнения, из оружия Интепелеи. Потом уже устузоу сразили охотницу каменным зубом: на ее шее и спине были обнаружены смертельные раны.

— Так почему же этот устузоу пришел в мой город? — наконец проговорила Ланефенуу, оглядев кружок советниц. — Мы больше не убиваем устузоу. Я покончила с этим. Вейнте′ нет. Мы остаемся в городе. Но они все равно приходят к нам. Акотолп, ты знаешь этих устузоу. Ты знала их еще до гибели Алпеасака, до

того, как ты бежала отсюда, до того, как ты вернулась. Почему они здесь?

— Могу лишь догадываться.

— Говори. Если нет знаний, послушаем догадки.

— Я думаю, что они приходили за хесотсанами. Они умеют убивать острым каменным зубом, но их оружие далеко не так смертоносно, как хесотсан. Они приходили, чтобы украсть наше оружие.

— Я тоже так думаю. Надо разузнать об этом подробнее. Трое погибли на севере, трое — в городе. Ты, Акотолп, должна была все расследовать. Что же ты обнаружила?

— Ничего. Устузоу нет возле города и на севере — до Круглого озера. Птицы летают, я изучаю снимки.

— Пусть птицы летят дальше. Эти грязные твари на севере, и я хочу знать, где именно. Найди их. Может быть, послать на разведку охотниц?

— В этом нет мудрости, потому что устузоу-убийцы опаснее всех диких зверей. Они устроят засаду и поймают наших охотниц. Есть еще один способ, к которому мы прибегали, когда устузоу стали прятаться от дневных птиц. Совы летают по ночам и носят выведенных нами существ, видящих в темноте.

— Действуйте. Пусть их найдут.

— Ну, вы нашли тех, кого искали? — спросила Фафнепто, поднимаясь на спину урукето.

Морская вода струилась по ее телу, пока охотница осторожно вытирала ноздри хесотсана.

— На побережье их нет, — ответила Вейнте′. — Хоть они и могли оказаться здесь. Остров богат и плодороден. Мы поступили благоразумно, что взялись за поиски.

— И охота здесь великолепна. Я отыскала здесь тех самых маленьких рогатых устузоу, о которых ты говорила, и убила нескольких. Их плоть сладка. — Она дала знак Гунугул, которая прислушивалась, стоя наверху плавника. — На берегу для вас оставлено свежее мясо. Можно ли доставить его на урукето?

— Благодарность-удовольствие от еды. Будет сделано.

Иилане′ из экипажа поплыли к берегу, таща за собой пустые пузыри, чтобы удержать на плаву освежеванные туши. Фафнепто, должно быть, превзошла себя и опустошила этот уголок джунглей. И пока на урукето дожидались мяса, Гунугул вытащила

свои карты и большим пальцем указала, где сейчас находится живой корабль.

— К северу от нас — континент Гендаси. Здесь — город Алпеасак. Кажется, этот город находится на берегу большого полуострова... Не так ли?

В знак согласия Вейнте' повернула ладонь.

— Так. Я была на восточном побережье, там мы били устузоу. Если вы хотите плыть далеко на север, имейте в виду: на севере становится холодно и все время зима.

— Так стоит ли нам туда плыть?

— Первая моя реакция — отрицательная. Как советовала Фафнепто, я пытаюсь думать, как беглянки. Чтобы отправиться на север, они должны были сначала миновать Алпеасак, где их могли заметить. И чем дальше на север, тем холоднее. Не думаю, что они поплыли и к восточному побережью. А вот на западе есть большой континент, хоть это и не показано на твоей карте. Я плавала туда на урукето. Там есть огромная река. Вдоль побережья частенько попадаются бухточки, а в лесах полно зверей. Можно не сомневаться — их следует искать именно там.

— Так мы и сделаем, — решила Гунугул. — С удовольствием внесу дополнения в карты.

И она повела урукето к Гендаси, между золотыми островами, к песчаным берегам. Алпеасак остался за горизонтом на востоке, а они устремились на запад. Мимо проплывал берег, летние штормы хлестали джунгли дождем, то прятали их за мглистой пеленой, то открывали — умытыми и посвежевшими. Энтиисенаты высоко прыгали в волнах, радуясь изобилию рыбы в мелких теплых водах. Гунугул поправляла карту, экипаж до отвала объедался свежатиной, добытой Фафнепто. Только Вейнте' внимательно и терпеливо разглядывала берега, предвкушая гибель тех, кто посмел противиться ей.

Глава 28

Усевшись в тени на корточках, Арнхвит отчаянно дул в свисток, который подарили ему парамутаны. Он был похож на их насосы — с движущимся стержнем на конце. Только он извергал не воду, а пронзительный свист, нарушавший дневной покой.

Была середина лета, и дни стали длиннее и жарче. В послеполуденную жару о делах не хотелось думать, да их и не было.

Здесь были мясо, плоды, всяческая зелень, какую только родит земля, самые разные рыба и дичь.

Прошло три полных луны с тех пор, как Керрик и Херилак вернулись из города с новыми стреляющими палками. Они шли быстро, погони не было. Насколько им было известно, ни один мараг из города не появился в этих краях. За тропой с юга внимательно следили, но никто не пришел следом. Инцидент был исчерпан. Заболели и умерли две стреляющие палки из старых, новые оставались здоровы. Саммады пили, ели и наслаждались покоем. Такого они еще не знали с тех пор, как начались долгие зимы.

Пронзительный дрожащий звук пульсировал в жарком воздухе. Керрик радовался углубленному занятию сына. Края шатра были подняты. Малышка спала, Армун расчесывала волосы гребнем из оленьего рога. Керрик смотрел на нее с удовольствием.

Вдруг свист оборвался, потом раздался вновь, — но уже не такой переливистый и приятный. Повернувшись на другой бок, Керрик увидел, что под деревом возле Арнхвита уселись двое охотников и стали исследовать свисток. Один из них, Ханат, пытался свистеть. Щеки его покраснели от натуги. Потом он передал свисток Моргилу. Тот, двинув поршнем, извлек из свистка стон умирающего мастодонта. Армун расхохоталась. Керрик встал, потянулся, зевая, и вышел из шатра, жмурясь на солнце.

— Что, у вас других дел нет, как отнимать у детей игрушки?

— Ханат рассказал мне про эту штуку, — пропыхтел Моргил. — Какой шум. Ты говорил, что свисток сделали парамутаны?

— Да. Они очень искусны и умеют делать из кости и дерева всякие вещи. Такой же штукой, только побольше, они высасывают воду из лодок.

— Это они живут на льду и охотятся на рыбу в ледяном море? — с интересом спросил Ханат. — Расскажи о них.

— Я уже все рассказал, больше ничего не знаю. Только зачем вам парамутаны? Разве приготовление порро не утруждает вас настолько, что вы уже позабыли об охоте?

— Другие охотятся. И меняют на порро добытое мясо.

— А мы уже его напились, — добавил Моргил. — Хорошее порро всегда хорошо, но плохое — просто ужасно. Я думаю, мандукто правильно делают, что позволяют его пить лишь по особым случаям. Ты говорил, что парамутаны приходят меняться на юг. А сюда они могут добраться?

— Нет, они терпеть не могут жары, здесь они просто умрут.

Когда кончается лето, те из них, кто хочет меняться, отправляются к океанскому берегу, туда, где огромная река впадает в море. Дальше они не ходят.

— А что они меняют?

— Выделанные шкуры, иногда меха, густой съедобный жир. А взамен берут кремниевые ножи, наконечники копий и стрел. Они умеют делать из кости рыболовные крючки, что-то вроде наконечников стрел, но им нужны наши ножи.

— Мне кажется, что лишние шкуры мне просто необходимы, — произнес Ханат, вытирая пот со лба.

— И мне, — подхватил Моргил. — По-моему, настало время меняться.

Керрик с изумлением поглядел на обоих.

— Кажется, шкуры вам нужны меньше всего. — Свист послышался вновь — Арнхвит расстарался для внимательной аудитории. Керрик усмехнулся. — Не шкуры вам нужны, а дорога, охота да морозы.

Хлопнув в ладоши, Моргил поднял глаза к небу.

— Саммадар знает все наши тайные помыслы. Ему бы и быть Фракеном вместо глупого юнца.

— Не нужно быть алладжексом, чтобы сообразить — вы оба тоскуете по дальней дороге, по запаху северных лесов.

— Да! — хором ответили охотники.

— Скажи нам, где находится то самое место, куда приплывают парамутаны, — сказал Ханат. — Мы наделаем ножей...

— Другие наделают, а мы сменяем на порро, — возразил Моргил. — Но придут ли парамутаны на этот раз? Ты говорил, что они перебрались охотиться за океан, к далеким берегам.

— Придут — они мне говорили. Пересечь океан им нипочем. А кое-что необходимое они могут выменять только у тану. Придут.

— А мы их встретим. Объясни же, где можно отыскать мохнатолицых людей.

— Спросите Армун. Она лучше знает — там она впервые встретила парамутанов.

Он позвал жену. Армун вышла из шатра, села возле Арнхвита и откинула пряди со лба мальчика. Тот самозабвенно свистел, теша собравшихся.

— Это место нетрудно найти, — проговорила она. — Знаете тропу, идущую от гор к морю?

Слова ее вдруг взбудоражили Керрика. Он словно увидел хо-

лодный туман, наползающий с океана, почувствовал тающие хлопья снега на лице. Он успел забыть про холод. И теперь ему вдруг захотелось войти в заснеженный темный ельник, зачерпнуть горсть снега...

Охотники засыпали Армун вопросами. Она разговорилась — о парамутанах, об их жизни среди льдов, о том, что умеют выделывать их искусные руки, и о тухлой рыбе, которую они обожали. Охотники слушали ее, открыв рот. Когда она закончила, Ханат в порыве восторга хлопнул Моргила по плечу так, что тот повалился на землю.

— Сделаем! — завопил он. — Немедленно выступаем, сейчас как раз время. Идем на север меняться с шерстоликими.

— Может, и я пойду с вами, — отозвался Керрик, — путь показать.

Глаза Армун округлились от удивления. Но прежде чем она успела рассердиться, он взял ее за руку.

— А что, пойдем вдвоем, возьмем мастодонта. Он повезет все, что возьмем на обмен.

— Это будет слишком медленно, — возразила она. — И никуда мы не пойдем, я не хочу даже слышать об этом. Детям здесь...

— Дети здесь в безопасности. Исель ест жеваное мясо, у Арнхвита приятели, кругом саммады.

— И я хочу идти! — влез в разговор Арнхвит.

Армун шикнула на него.

— Это дело охотников. А ты мал еще. Как-нибудь в другой раз.

И она увела мальчика к шатру, оставив троих охотников. А те уже строили планы. Она была озабочена, но не встревожена. Ну что она сможет сделать, если Керрик все-таки соберется в дорогу? Надо подумать, пока не поздно. Похоже, он просто рвется туда. Быть может, на острове слишком легко живется. Или просто чересчур жарко. Армун громко расхохоталась. Да ей и самой туда хочется. И когда Керрик пришел в шатер, она уже все решила.

— По-моему, эти двое придумали хорошую вещь, — проговорил он, вертя в руках нож из небесного металла. — Конечно, шкуры нам сейчас не нужны, тем более в середине лета, но у парамутанов много разных вещей.

— Ну да, свистульки...

— Не только свистульки, — огрызнулся он, но тут заметил, что Армун улыбается.

— Значит, ты сама хочешь сходить туда?

— Конечно.

— И я тоже. Сейчас здесь слишком тихо, слишком жарко. Малаген-саску любит возиться с Исель — она приглядит за нею, если мы уйдем вдвоем. У Арнхвита приятели, он даже не заметит, что нас нет. Действительно, неплохо бы сходить на север. Там холодные дожди, может, даже снег. А когда вернемся, здесь уже не будет так жарко.

По полянке перед шатром скользнула чья-то тень. Керрик вышел из шатра и, прикрывая глаза ладонью, стал вглядываться в ослепительно бирюзовое небо.

Над головой выписывала медленные круги большая птица — орел, кажется, — ее черный силуэт плыл по голубой эмали. Она была слишком высоко, чтобы можно было что-то рассмотреть. А потом она улетела, и Керрик вернулся в шатер. Что, если это крылатый соглядатай иилане'? Неважно. Ланефенуу не забудет участи двух урукето. Битва окончена.

Жаркие дни сменяли друг друга, а урукето медленно скользил вдоль берега на запад. Волны мерно набегали на песчаный берег, а три иилане' с плавника внимательно следили за побережьем. Только вблизи крупных устьев и заливов ход замедлялся — здесь к берегу следовало приглядеться повнимательнее. Фафнепто моргала, вглядываясь с плавника в прохладную мглу под деревьями. Когда живой корабль огибал скалистый мыс, она показала Вейнте' на берег.

— Странная форма скалы, запоминающаяся-незабываемая. Я сойду здесь на берег и поохочусь.

— Оценено всеми. Завершив исследования, мы вернемся за тобой. Доброй охоты.

— Она у меня всегда добрая, — откликнулась охотница, спускаясь с плавника в воду.

Они осматривали залив почти весь день. А потом двинулись вверх по реке, впадавшей в этот залив. Тут впервые Вейнте' ощутила беспокойство: а вдруг их поиски окажутся тщетными? Она знала, что Гендаси велика, но чтобы настолько, она не могла себе даже представить. До сих пор она всегда шла по следам устузоу, куда они — туда и она. Теперь же, следуя собственным путем, она поняла, что и такое огромное существо, как урукето, трудно найти, если не знаешь, где его искать. Река была широкой и глубокой. Здесь легко мог проплыть урукето. Искать ли дальше? С огромным облегчением она заметила, что русло перекрывают отмели и нужно возвращаться. Дальше этого места урукето не мог проплыть. Те, кого они ищут, должны быть на берегу океана.

Поздним вечером они вернулись к скалистому мысу. Фафнепто нигде не было видно.

— Здесь высадилась охотница? — поинтересовалась Гунугул. Вейнте' ответила утвердительным жестом. — Значит, она еще охотится. Все мы испытаем удовольствие-удовлетворение от вкуса свежего мяса. Немедленно отправлю на берег пузыри, чтобы можно было возвращаться сразу, как только она появится.

Вейнте' следила, как члены экипажа берут пузыри и спускаются с ними в воду. Речной поток казался прохладным, лесной берег манил. Слишком уж долго пробыла она в душной камере урукето. И она тоже скользнула в воду и уверенно поплыла к берегу.

— Волнение открытия! — завопила одна из членов экипажа, указывая на туши пяти больших оленей, лежавшие в высокой траве.

Налюбовавшись ими, Вейнте' подняла глаза и увидела появившуюся из леса Фафнепто.

В ответ на комплименты Вейнте' по поводу удачи, встретившей охотницу, та сделала жест строгой необходимости.

— Вейнте', я хочу тебе что-то показать. Иди сюда.

— Имеет ли это отношение к тем, кого мы ищем?

— Нет. Наверное, это те устузоу, о которых ты мне говорила. Они в лесу.

— Они могут быть опасными!

— Уже нет. Все они мертвы.

На поляне у ручья стоял шатер из шкур. Возле него виднелись неподвижные фигуры двух больших устузоу и третьего поменьше.

— Я убила их прежде, чем они успели меня заметить, — проговорила Фафнепто. — Ты сказала, что они могут оказаться опасными.

— Ты осмотрела внутренность этого сооружения?

— Да. Там никого нет. Только много шкур... и хесотсан.

Один из устузоу лежал лицом вверх. Вейнте' с надеждой перевернула другого когтями ноги, но это был не Керрик.

— Ты права, их следовало убить, — сказала она.

— А это и есть тот самый каменный зуб, о котором ты гово-

рила? — спросила Фафнепто, указывая на копье, которое охотник и мертвым не выпускал из рук.

— Одна из разновидностей. Другие они бросают по воздуху. Словно иглы из хесотсана. Она не ядовита, но куда тяжелее. Опасные звери, очень опасные.

— Тогда можно не сомневаться, что урукето, которого мы ищем, поблизости оказаться не может.

— Мудрая мысль. Будем продолжать поиски.

Вейнте′ возвращалась к берегу, заставляя себя хранить молчание. Тело ее так и дергалось от избытка чувств. Она знала, что поиски урукето, Дочерей Жизни и предательницы ученой должны продолжаться своим чередом. Так она обещала Саагакель. И Фафнепто будет помогать ей в этом. Но не до бесконечности. Теперь, подумав, она поняла, что ей, в сущности, нет дела до того, живы Энге и ее ученицы или нет. В особенности теперь, когда она увидела тела на поляне. Вид трупов устузоу прогнал из ее головы все мысли о продолжении поисков урукето. Важно не это. Куда важней найти Керрика.

Изловить и убить.

— Важная срочная весть для эйстаа! — объявила фарги, трепеща от усердия и стараясь вспомнить все, как ей говорили, и произносить слова правильно и отчетливо.

Ланефенуу откинулась назад на резное сиденье, набив рот мясным желе. Советницы сидели вокруг, позами выражая восхищение чудесным аппетитом эйстаа. Потом она отбросила кость и жестом велела фарги продолжать речи. Глупая только озадаченно пялилась.

Муруспе махнула ей.

— Тебе приказывают говорить. Рассказывай, что тебе было велено передать.

Уразумев более привычные знаки, фарги вздохнула и быстро заговорила, чтобы ничего не забыть:

— Укхереб сообщает — нужное обнаружено. Требует присутствия эйстаа для ознакомления.

Ланефенуу жестом велела фарги скрыться с глаз и тяжело поднялась на ноги. Приказала принести водяной плод и освежила им руки.

— Требование моего присутствия означает, что дело важное, — проговорила она. — Идем.

Две советницы заторопились вперед, расчищая дорогу, остальные потянулись следом. Муруспе, эфенселе и первая советница эйстаа, шла рядом.

— Как по-твоему, Муруспе, что мы услышим? — спросила Ланефенуу.

— Мне известно не более, чем тебе, эйстаа. Правда, я могу предположить, что иилане′ науки обнаружили устузоу-убийц.

— Я тоже. С делом меньшей важности Укхереб сама явилась бы на амбесид.

Издали приветствуя их, возле распахнутого отверстия в стене ждала Акотолп, выражавшая удовольствие и радостное предвкушение.

— Укхереб просит прощения за требование присутствия. То, что мы хотим показать, не доставишь на амбесид быстро и легко.

Акотолп ввела их в сумрачную каморку, затем через другую дверь в темное помещение. Когда дверь за ними закрыли, стало заметным красное свечение насекомых в небольшой клетке. Укхереб держала в руках какой-то белый лист с темными пятнами.

— Если сейчас вынести этот лист на свет, изображение исчезнет. Но я хотела бы, чтобы эйстаа непременно увидела его.

— Объяснений мне, смысл не ясен.

— Изображение получено с воздуха. Вот деревья вокруг поляны. А вот сооружения из шкур животных, используемые убийцами-устузоу для укрытия. Вот трое устузоу, а вот еще двое.

— Вижу! Какие уроды! Они принадлежат к тому же виду, что и погибший в городе устузоу?

— К тому самому. Видишь — на головах светлый мех, животы обернуты в шкуры.

— Где это?

— К северу от города. Не близко. На небольшом острове у берега. Скоро я покажу тебе другие изображения, обработка продвигается. На одном из снимков, по-моему, виден хесотсан.

— Один из наших, — раздраженно откликнулась Ланефенуу. — С этим надо кончать. Дважды они приходили, убивали иилане′, уносили хесотсаны. Третьего раза быть не должно.

Глава 29

Воздух под деревьями словно застоялся, из болот поднимались тучи кусачей мошкары, но так хорошо было снова оказаться в дороге. На острове жить приятно, слов нет, но он стал похож на

долину саску. Саммады жили на одном месте и как будто не собирались никуда уходить. В прошлом остались охота зимняя и летняя, ягоды и грибы осени, весенние свежие побеги и корешки. Все было забыто. За дичью не нужно было далеко ходить, плодов было достаточно круглый год — съесть все, что висело на деревьях, было немыслимо. Но привычный годичный цикл будоражил кровь тану, и все они успели истомиться на одном месте. И теперь четверо ушли на север.

Ханат и Моргил то убегали вперед на разведку, то отставали, выслеживая дичь, а потом догоняли попутчиков. Для Керрика и Армун новая дорога стала сплошным удовольствием. Они были вместе — этого было довольно. Они не жалели, что дети остались на острове, — среди саммадов они были в большей безопасности.

Если Керрик и сожалел о чем-то, так только о коротком прощании с Надаске'. Керрик все тянул, откладывал, дни бежали, было полно дел. Но вот пришло время уходить. Он мог просто уйти — Армун только обрадовалась бы, — но Керрик понял, что так поступить не может. Арнхвита не было: он где-то носился с мальчишками. Все было готово. Кроме каменных ножей, уложили копченое мясо и эккотац. Взяли даже ткань из харадиса — так хотела Армун. Можно было уходить. И когда Керрик понял это, он просто повернулся и направился к берегу. Не отвечая на крики за спиной, он делал так, как решил...

— Ты уходишь? — спросил Надаске' с жестом мгновенной смерти. — Тогда прощай навсегда. Едва ты исчезнешь в лесу, острый каменный зуб найдет сердце Надаске'.

— Я вернусь, скоро вернусь. Мы идем меняться вещами на север. Вот и все.

— Вот именно — все. Наше эфенбуру становится все меньше. Нет Имехеи. Я оглядываюсь вокруг и не вижу мягкого-мокрого. И он не придет ко мне, если тебя не будет. Одиночество, только одиночество ждет меня здесь.

— Но ты жив, ты не умер на пляже.

Надаске' не рассердился. Обернувшись в сторону пустынного океана, он показал на прибрежный песок.

— Вот пляжи одиночества. Быть может, лучше мне было уйти на смертные пляжи ханане.

Керрику нечего было ответить. Друг его был в отчаянии. Они молча посидели. Наконец Керрик поднялся. Надаске' посмотрел на него одним глазом, но ничего не сказал. И Керрик просто

ушел, оставив на берегу одинокую фигурку, вглядывающуюся в морскую даль...

Но все это осталось позади, забылось за радостями дороги. Они уже шли несколько дней — не более половины счета охотника — когда Ханат заметил впереди на тропе следы.

— Смотрите: вот и вот, обломаны сучки — знак тем, кто пойдет следом.

— Сучья мог сломать и зверь... — предположил Керрик.

— Тоже может быть, но и тану проходили здесь. — Моргил обнюхал землю. — Но сначала они прошли по воде.

Тропа обогнула залив и уперлась в реку. Принюхиваясь, Моргил повел друзей вдоль реки.

— Дым! — воскликнул он. — Здесь тану.

В сумерках они добрались до стоянки саммадов, которые остались, когда саммад Херилака ушел на юг. На зов выбежали охотники; среди них был саммадар Хар-Хавола.

— А мы вас искали и не нашли, — сказал он.

— Наша стоянка южнее, — отвечал Керрик.

— Ну а мы остановились здесь: снега зимой нет, охота хорошая, рыбалка тоже.

— А стреляющие палки живы?

— Конечно. Правда, на одну наступили, и она сдохла. Ну а с другими все в порядке.

— А у нас новости. Наши стреляющие палки сдохли. И теперь у нас другие.

Хар-Хавола забеспокоился.

— Расскажите нам, как это случилось. Пойдем, поедим, попируем. Здесь столько еды.

Путешественники остались на денек, потом на второй. На третий решили уходить.

— Наш путь долог, — сказал Керрик. — Надо идти, ведь придется еще возвращаться.

— Со следующей охотой мы отправимся к югу, — проговорил Хар-Хавола. — Найдем ваши саммады на островке, передадим, что видели вас. И мы будем держать свои стреляющие палки подальше от ваших, как ты велел. Да будет ваш путь недолгим, да возвратитесь вы домой с миром.

И они пошли дальше. Дни оставались жаркими, но лето заканчивалось. И чем дальше они уходили на север, это ощущалось с каждым днем все сильнее. Перед рассветом становилось холодно, и роса густо ложилась на спальные шкуры.

Колея привела их к океану, к серой равнине под серым небом.

Выйдя на берег, путешественники всей грудью вдохнули влажный соленый воздух. Армун громко рассмеялась.

— Холодно, сыро, но как хорошо!

Ханат завопил от радости и высоко запустил свое копье. Оно вонзилось в песок вдалеке да так и осталось стоять. Сбросив поклажу, охотник побежал к нему. Моргил с криком понесся следом. Они вернулись запыхавшиеся и счастливые.

— Хорошо, что мы пришли сюда, — сказал Керрик. — Даже если парамутаны не придут.

— Придут. Ведь Калалекв говорил, что они вернутся, что океан им не преграда.

— Да, еще он говорил, что если у него не будет лодки, то он переберется через океан вплавь. Парамутаны — великие хвастуны.

— Ну, я надеюсь, что они придут.

Они пошли по берегу на север, и костер этой ночью развели за песчаными дюнами. Когда стемнело, пошел холодный дождь, а с моря накатил туман — прохладный и влажный. Осень была не за горами.

Утром Керрик раздул костер и подбросил в огонь остатки дров. Покрытый солью плавник потрескивал, в воздухе плясали желтые и голубые языки пламени. Армун расстелила перед костром шкуры — сушить. Охотники тоже проснулись, но не решались выбраться из-под теплых шкур.

Керрик по очереди потыкал их тупым концом копья. В ответ раздались стоны.

— Подымайтесь! — крикнул он. — Нужны дрова для костра. Вставайте, великие лежебоки!

— Лучше сходи сам, — сказала Армун.

Он кивнул, натянул на ноги сырые мадрапы и направился к дюнам. Дождь кончился, туман на глазах таял, яркие лучи солнца играли на морской поверхности. На берегу лежали водоросли, ракушки, влажный плавник, принесенные приливом. Вдалеке на берегу стояло сухое дерево. Можно наломать ветвей. Керрик понюхал морской воздух и взглянул на море. Ему показалось, что волна подняла вверх что-то черное, через мгновение вновь пропавшее из виду. Керрик бросился на песок — урукето? Но что иилане′ могут делать на севере? Он попытался вновь отыскать черный предмет среди пенистых гребней.

Темное пятно появилось на прежнем месте, но это был не урукето.

— Парус! — закричал Керрик. — Там парус! Это парамутаны!

Армун понеслась по склону, охотники побежали за ней.

— Парус, — проговорила она. — Но они уходят на юг! Зачем?

— Водорослей! — закричал Керрик. — Ханат, скорее беги за водорослями. Надо развести костер — может быть, они заметят дым.

Керрик кинулся раздувать костер, и, когда охотники вернулись, он уже полыхал вовсю. Керрик подбросил в огонь водорослей — над костром заклубился белый дым.

— Они уходят! — закричала Армун. — Они нас не заметили.

— Несите еще!

Пламя ревело, над костром стоял столб дыма.

— Остановились, поворачивают! Они нас заметили!

С вершины дюны было видно, как на воде качается иккергак, как полощет его парус. Не сбавляя скорости, кораблик мчался к берегу. Темные фигуры на нем махали руками и кричали. Когда суденышко уткнулось в прибрежный песок, одна из фигур спрыгнула в воду и устремилась к берегу. Керрик и Армун дружно рванулись навстречу.

Волна окатила парамутана с головой. Встряхнувшись, он радостно закричал:

— Эй, не верю своим глазам — солнцеволосые, старинные друзья!

— Калалекв! — радостно крикнул Керрик. Мокрый парамутан с хохотом выскочил из воды. Он схватил Керрика за руки и стал их трясти, потом с радостным криком набросился на Армун. Но она поспешно высвободилась, поскольку крепкие пальцы парамутана тут же принялись гладить ей зад.

— Куда же вы плывете? — спросила она.

— На юг. Только здесь так жарко. Видишь, на мне ничего нет, кроме собственной шерсти.

Заметив, что она взглянула вниз, парамутан быстро опустил кончик хвоста, прикрывавший его достоинства. Армун шлепнула его по руке, и он тут же восстановил благопристойность. Парамутан совсем не изменился.

— Почему на юг? — спросил Керрик, с трудом вспоминая сложную речь.

— Ищем охотников. Мы ждали их на берегу. На севере. Но никто не пришел. У нас есть шкуры и много всяких разностей.

Тогда мы решили поискать охотников южнее. Но не думали встретить друзей.

Подошли Ханат и Моргил и забормотали неразборчивые приветствия. На берег выбрались и остальные парамутаны. Они вопили от радости и совали людям свой деликатес — тухлую сырую рыбу. Выпучив глаза и едва не подавившись, Моргил проглотил зловонный кусок. Потом все отправились к костру. Керрик отрезал куски сырого мяса от добытой вчера туши, парамутаны восторженно вопили. Пачкая лицо, Калалекв глотал кровавые куски, одновременно рассказывая Армун обо всем, что случилось после их расставания.

— Добыча богатая. Уларуаквов в море — хоть ходи со спины на спину. И у всех женщин дети — по трое и даже по четверо. Мы узнали, как ловить и убивать больших огромных птиц. А как вы здесь? Расскажи. Ангаджоркакв будет отчаянно лупить меня, если я хоть что-то забуду.

— Мы вместе, все хорошо. Есть и дети, но меньше — ведь мы не так хорошо делаем их, как парамутаны.

Когда мясо было съедено, парамутаны отправились к иккергаку, стали вытаскивать оттуда связки шкур. Ханат и Моргил достали кожи и наконечники — и под оживленные вопли начался торг. Всем была нужна Армун — чтобы понять друг друга.

Керрик уселся на песок неподалеку. К нему подошел Калалекв. Керрик уже начал вспоминать язык, и разговаривать стало легче.

— А мы перепугались, когда увидели, что охотников на севере нет, — сказал Калалекв.

— Они ушли от снегов и морозов. Наша стоянка теперь на юге. Там хорошая охота и всегда тепло.

— Я бы там умер. Даже здесь такая жара. — Сидевший в теплой одежде Керрик ухмыльнулся. — Мы наловили много рыбы, набрали трав для таккуука, листьев разных деревьев, чтобы делать отвар для питья. Но нам нужны кожи, и мы уже рыдали от страха, что придется возвращаться без них. А теперь плачем от радости, потому что встретили вас... Ну, и наконечники для стрел тоже.

К ним подошла Армун и протянула Калалекву большой квадратный кусок ткани из харадиса. Калалекв стал его озадаченно рассматривать.

— Что это? Невероятно! Мягкая, как мех на попке младенца. И пахнет приятно.

— Это для Ангаджоркакв, — сказала Армун. — Пусть носит на голове. Дай покажу... Вот так. Это ткань из волокон особого растения. Ее делают саску — охотники, живущие вдали от побережья.

— О, какие искусники. Они, должно быть, днем и ночью рыдают, потому что не видят каждый день море. Впрочем, и на суше много чудес — и харадис, и копья, и луки, и ножи, и эккотац... надо бы съесть побольше.

— Но и у вас чудес хватает, — сказала она, смеясь и отталкивая от себя ищущие руки. В еде и соитии вся жизнь парамутана. — И твой иккергак, и гарпуны, и маленькие лодки с парусами, и свистки, и насосы.

— Ты права — мы действительно молодцы! Мы так много умеем, что я даже припомнить всего не могу.

Керрик улыбался, слушая их. Все, что делают они — тану, саску, даже парамутаны — так похоже. Нет, различия, конечно, есть, но все-таки главное одинаково. Они делают вещи. А вот иилане́ не под силу изготовить предмет. Лишь самцы иилане́ умеют творить. Они художники, умеют делать фигурки из металла, а двое беглецов из ханане даже научились охотиться и рыбачить. Только самки ничего не создают своими руками — они выращивают. И справляются с этим прекрасно. Но они не способны изготовить даже такую простую вещь, как стрела.

Керрик вдруг понял, что мир не такой, каким ему представлялся. Он был рожден тану, но вырос среди иилане́, и мысли его во многом похожи на мысли этих ящеров.

Хватит об этом! Внезапно перед ним ясно предстало будущее. И он понял, что надо сделать.

Глава 30

Eistaapeleghé eistaaii, yilané ninkuru yilané gebgeleb.

У иилане́ две эйстаа? Отвратительно-невозможно— невероятно.

Апофегма иилане́

Фафнепто никогда не видела такой широкой реки. Она была больше любой реки Энтобана. Из песка, который ее воды несли в море, намывались отмели и островки вблизи устья.

Несколько дней ушло на то, чтобы отыскать нужное русло. Потом они целый день плыли по реке, ночью дрейфовали у берега и на рассвете готовы были продолжать путь.

Заметив на плавнике Гунугул и Вейнте′, Фафнепто тоже вскарабкалась наверх. Неповоротливый урукето с трудом выбирался с мелководья. Чтобы не упасть, иилане′ крепко держались за край плавника. Когда урукето наконец выбрался на глубокое место, Фафнепто потребовала внимания.

— Большая река, — сказала она. — Ее размер и многие дни, потраченные на то, чтобы ее разыскать, заставили меня прийти к единому выводу. Я поняла, что Гендаси не Энтобан и здесь следует действовать иначе. Земли богатые, но пустынные. Они лишены не жизни, какой мы ее знаем, а иилане′. И мне странно видеть такое устье, как это, без прекрасного города на его берегах. И тут я вспомнила, что в Энтобане есть города, где становится все холоднее и холоднее. По возвращении я отправлюсь туда и скажу, чтобы не боялись. Есть пустой мир, который надлежит наполнить. Вейнте′, ты знаешь, как это делается. Ведь ты сама вырастила первый город на этих берегах.

— Да. Алпеасак. Ты права как всегда.

— А теперь вновь прислушайтесь к моим словам. Эйстаа Саагакель доверила мне это дело. Она повелела разыскать похищенного урукето, найти Амбаласи, которая это сделала. Разве не это я должна выполнить?

— Так, — согласилась Вейнте′, недоумевая, куда гнет охотница.

Речь Фафнепто петляла, словно тропа в лесу, хотя действовала она всегда решительно и целеустремленно. Быть может, уединенная жизнь была тому причиной. Вейнте′ спрятала нетерпение за позой предельного внимания.

— Тогда вы поймете мою озабоченность, ибо я поняла, что не выполню приказов эйстаа, обману ее доверие, если мы будем и дальше продвигаться таким же образом. Я успела убедиться в том, что случайно беглянок мы не разыщем. Нам нужна помощь.

— И что ты предлагаешь? — спросила Вейнте′, уже догадываясь о том, что она скажет.

— Мы должны возвратиться к городу Алпеасаку и поговорить с его обитательницами. Они могут знать об урукето, которого мы ищем.

— Необязательно, — возразила Гунугул.

— В таком случае мы продолжим поиски. Что ты на это скажешь, Вейнте′?

Взглянув на далекие берега, Вейнте′ сделала безразличный жест.

— Решать тебе, Фафнепто, за тобой последнее слово. В Алпеасаке могли видеть тех, кого мы ищем. Только прежде ты должна узнать вот что. Эйстаа там Ланефенуу, она была эйстаа Икхалменетса, прежде чем он пришел в Алпеасак. Как тебе известно, я освободила Алпеасак от устузоу, чтобы она могла привести туда свой город. Ее именем я преследовала устузоу, ее именем прекратила войну с ними. Прежде я не говорила, но теперь скажу: некогда нас объединяла дружба, теперь ее нет. Я служила ей прежде, но она отвергла меня. Понимаешь?

Фафнепто шевельнула пальцами, изобразив понимание.

— Я служила многим эйстаа во многих городах и знаю их пути. Они правят, приказывают и никогда не слушают со вниманием. Они слышат лишь то, что хотят услышать, и говорят только то, что хотят сказать. То, что было между тобой и Ланефенуу, останется между вами. Я служу Саагакель и отправляюсь в город как ее посланница. Нам надо выйти из реки в океан и плыть в Алпеасак. Сделаешь ли ты это, Гунугул?

— Твоими устами говорит эйстаа. Идем в Алпеасак.

Едва урукето лег на обратный курс, энтиисенаты, не любившие речной воды, высоко запрыгали, подымая брызги. Выйдя в открытое море, урукето повернул вдоль берега на восток. Теперь он плыл быстрее.

Они проплывали мимо знакомых устьев и бухт, но теперь уже не старались держаться ближе к берегу. Гунугул успела нанести течения на карту, и, когда они увлекали урукето от берега, она не меняла курса. Однажды они целых три дня не видели берегов. Вновь берег появился уже впереди, покрытый вечнозелеными тропическими лесами.

Фафнепто поднялась к Вейнте′ на плавник, и у нее на ладонях выступили цвета, означающие узнавание.

— Я знаю этот берег. Здесь мы повернули на север, когда оставили острова.

— Я думаю, что ты права, а если так — Алпеасак недалеко.

— Город находится на берегу океана?

— И океана, и реки. Пляжи большие, вода теплая, дичь в изобилии. Может, этот город и не так стар, как другие города иила-

не′, но в его молодости видится новая поросль — привлекательность, которой нет у других городов.

Впередсмотрящую, стоявшую рядом, позвали вниз. Никто не мог их услышать, и Фафнепто захотела кое-что выяснить.

— Я никогда не видела окруженный морем Икхалменетс.

— И не увидишь. Там только снег и ни одной иилане′.

— Все теперь в Алпеасаке. И эйстаа в нем Ланефенуу, как прежде была ты. — Вейнте′ кивнула. — Я буду говорить с Ланефенуу, и она все равно узнает о твоем присутствии. Поэтому я хочу побольше узнать о том, что произошло между вами, и о том, что случится, когда вы встретитесь снова.

Вейнте′ сделала знак понимания.

— Что касается последнего — я не знаю. Сама я не собираюсь что-нибудь говорить или делать. Ты сама сказала, что эйстаа не любят ничьей власти, кроме своей. Эйстаа приказала мне очистить город от заразивших его устузоу. Я выполнила приказ. Я преследовала их и убивала спасавшихся бегством. Они были у меня между пальцами — оставалось только убить их всех, но тут эйстаа остановила меня. Я повиновалась ее приказу, но не выразила удовольствия. Точнее, она осталась недовольной отсутствием удовольствия.

— Понимаю тонкость взаимоотношений. Отношения между эйстаа — дело сложное. Не буду более говорить об этом.

Фафнепто собиралась что-то добавить, но из камеры вынырнула впередсмотрящая и полезла наверх. Разговор прекратился. До Алпеасака было недалеко, и возобновить его случая не представилось.

Вейнте′ не хотела снова видеть Алпеасак, но выбора у нее не было. Она стояла на плавнике, а мимо проплывал знакомый ландшафт. Песчаный берег, откуда их увез урукето после пожара. На месте сгоревших деревьев виднелась новая поросль. Тут она оставила Алпеасак. Тут на ее глазах погибла Сталлан. Погиб ее город.

Показалась река, деревянные причалы, темные силуэты урукето. Отсюда она уплывала второй раз, не думая вновь увидеть свой город. Она увидела его — но не по своей воле. Она стояла окаменев, не давая прорваться чувствам. Стояла, когда к ней подошла Фафнепто, стояла, пока Гунугул подводила урукето к причалу. Наконец туша урукето привалилась к деревянной стене, и гигант потянулся за приготовленным ему кормом.

Впервые Фафнепто не взяла с собой хесотсан. Не в ее обычае

было приходить в чужие города с оружием. Обычно она обходилась без украшений, но как посланница своей эйстаа разукрасила руки изображениями металлических мостиков Йибейска.

— Гунугул, подойди на минутку, — позвала она. — Я бы хотела, чтобы ты осталась на урукето. — Та сделала жест повиновения. Фафнепто обратила один глаз к Вейнте′. — И ты тоже останешься?

Вейнте′ ответила знаком резкого отрицания.

— Я не из тех, кто прячется по темным углам. У меня нет страха. Я пойду с тобой на амбесид, потому что и я представляю Саагакель.

Фафнепто согласилась.

— Тогда иди первой. Я думаю, тебе известно, куда надо идти.

Они спустились с плавника и ступили на щербатую поверхность причала. Рядом с каким-то урукето стояла капитан. Вейнте′ приходилось с ней плавать. Выразив потрясение и негодование, она отвернулась, не сделав и жеста в знак приветствия. Вейнте′ с холодным презрением повернулась к ней спиной и направилась в город.

Фарги, открыв рты, расступались перед гостьями и толпой валили следом. Вейнте′ замечала знакомых иилане′, но ни единым жестом не признавала этого. Зная об ее отношениях с эйстаа, они тоже не выказывали своих чувств. Теперь следом за ними шли не только фарги, но и иилане′.

Город остался прежним — ведь города не меняются. Вот ханане. Стража возле дверей, дальше широкий и солнечный переход, оканчивающийся на амбесиде. Здесь Ланефенуу позволила себе внести единственную поправку в план города и оставить память о покинутом Икхалменетсе. Два самца под бдительной охраной резали ствол городского дерева. На рельефе уже отчетливо проступал главный пик покинутого острова. Сама Ланефенуу собственной персоной надзирала над их работой и не обернулась, пока прибывшие не приблизились.

Фафнепто остановилась и самым вежливым образом попыталась обратить на себя внимание.

— Приветствую тебя, незнакомка... — начала Ланефенуу и замолчала, заметив возле Фафнепто Вейнте′. Гребень ее мгновенно налился кровью, а губы сами собой раздвинулись, точно она хотела съесть непокорную.

— Ты пришла, Вейнте′... осмелилась явиться на мой амбесид.

— Я пришла по приказу Саагакель, эйстаа Йибейска. Теперь она командует мной.

— Значит, ты забыла мою волю. Я изгнала тебя из Гендаси и из Алпеасака, и из своей жизни на вечные времена. И ты смеешь возвращаться!

Гребень ее побледнел, челюсти сомкнулись, холодный гнев чувствовался в каждом движении тела. Вейнте′ не отвечала. Осторожная Фафнепто нарушила молчание.

— Я — Фафнепто, посланная по делу в Гендаси Саагакель — эйстаа Йибейска. Я принесла тебе ее приветствия.

Ланефенуу быстро взглянула на нее и отвернулась.

— Сейчас поговорим и обменяемся приветствиями, Фафнепто. Вот только выгоню отвергнутую-явившуюся.

— Я не из тех, кого можно выгнать. Я хотела, чтобы ты знала о моем присутствии. А теперь я возвращаюсь на урукето. Я буду ждать там, Фафнепто.

Испуганные холодными голосами и грозными позами противниц, фарги разбегались в разные стороны. Закончив говорить, Вейнте′ ненадолго застыла, излучая бесстрашие и решимость, потом неторопливо пошла прочь. Среди собравшихся иилане′ она заметила знакомых, но виду не подала. Изобразив в походке силу и ненависть, она медленно прошествовала до выхода с амбесида и направилась к пристани.

Все это время Фафнепто стояла неподвижно, наконец Ланефенуу справилась с душившим ее гневом. Прежде чем заговорить, эйстаа жестом потребовала водяной плод, осушила его и отбросила в сторону. И только тогда одним глазом обратилась к прибывшей, не в силах отвести второй от выхода с амбесида.

— Приветствую тебя, Фафнепто, — наконец проговорила она, — рада видеть тебя здесь во имя Саагакель, эйстаа Йибейска. Какое же из поручений эйстаа привело тебя за океан в мой город?

— Важное дело, воровство и предательство, дело тех, кто говорит о жизни, будучи частью смерти.

Ланефенуу сделала вежливый знак, прося замолчать. Дело было серьезным, и всякой фарги не следовало не только слышать о нем, но даже догадываться о его существовании. Большим пальцем она показала в сторону Муруспе. Когда эфенселе приблизилась, эйстаа быстро распорядилась:

— Отпускаю всех, кроме высочайших. — Муруспе передала приказ, сопровождая его резкими движениями неотложности. — Чтоб амбесид был пуст. — Когда последняя из испуганных фарги

оставила амбесид, Ланефенуу заговорила вновь: — Те, о ком ты говоришь, зовутся Дочерьми Жизни?

— Да.

— Тогда рассказывай. Только знай — их здесь нет, и никогда ни одной из них не будет в этом городе.

— Нет их и в Йибейске. Они были там и бежали, а потому я должна обратиться к тебе за помощью.

Все еще сотрясаясь от ненависти к Вейнте′, Ланефенуу внимательно слушала. Когда Фафнепто закончила, со всех сторон послышались возгласы ужасавшихся советниц. Шум мгновенно стих, едва Ланефенуу потребовала молчания.

— Ты говорила об ужасном. Ужасном вдвойне. Потому что я командовала и командую урукето, и с потерей каждого из этих огромных созданий уходит часть моей жизни. Я помогу тебе всем, что в моих силах. Чего же хочет от меня твоя эйстаа?

— Только информации. Знают ли в твоем городе об этом урукето? Не видела ли одна из твоих капитанов его в море? Мы искали, но не нашли даже следа.

— Не знаю о нем, но можно поинтересоваться. Муруспе, пошли за всеми капитанами и за Укхереб. Быть может, изображение этого урукето покажется на снимках. А пока сядь здесь, Фафнепто, и расскажи мне об Энтобане, о его городах, ведь так давно оттуда не прибывали урукето.

Но тут с жестом, свидетельствующим, что хочет говорить о важном, вперед шагнула Акотолп. Ланефенуу поманила ее пальцем.

— Вот Акотолп, иилане′ науки, мудрая во всем. У тебя есть для нас информация?

— Отрицательная. Я помогала обрабатывать снимки. И считала, что попадавшиеся на них урукето — наши. Но сейчас я сама схожу за снимками, чтобы их можно было разглядеть внимательнее.

Ланефенуу жестом выразила согласие.

— Я сама посмотрю снимки, мои урукето знакомы мне, как мои эфенселе.

— Будет сделано, эйстаа. Требуется разрешение задать гостье вопрос.

— Разрешаю.

Акотолп повернулась к охотнице, пряча напряженность под складками жира.

— Известно, что я была среди тех, кто бежал из города, когда

он был захвачен устузоу. Ты говоришь, что беглянки знали о Гендаси, и считаешь, что урукето пересек океан.

— Я так сказала. У меня есть причины полагать, что этот урукето сейчас далеко от Энтобана.

— С нами бежала иилане′, которая была у Дочерей Жизни главной, обладающая обширными знаниями и острым умом. Ее звали Энге. Известно ли тебе это имя?

— Да. Она была среди них, а бежать им помогла ученая по имени Амбаласи.

Потрясенная Акотолп едва смогла выговорить:

— Амбаласи! Моя учительница!

— Не только твоя учительница, но и недавняя гостья нашего города, — мрачно заметила Ланефенуу. — Только она не говорила об этом, когда была здесь. Ступай за снимками, Акотолп, и немедленно неси их сюда. Ты была права, Фафнепто: ты угадала — информацию о беглянках следует искать здесь и пропавшего урукето надо искать в Гендаси. Я помогу тебе во всем, потому что, как и твоя эйстаа, желаю, чтобы урукето нашелся, а твари смерти были наказаны. Да будет так!

Глава 31

Гунугул послала за свежим мясным желе: ей успело надоесть консервированное мясо, которым они питались всю дорогу, и теперь с наслаждением жевала. Вейнте′ вернулась назад, позой отвергая все попытки к общению, и сразу же скрылась в камере урукето. Чтобы сделать ей приятное, Гунугул велела иилане′ из экипажа отнести ей угощение.

Оцепеневшая от ярости Вейнте′ заметила в тусклом свете чью-то фигуру и поняла, что ей предлагают мясо. Выразив жестом признательность, она взяла предложенный кусок, откусила — и запустила им в кожаную стенку. Не могла она есть, даже дышать было трудно, хотелось бить и убивать — но кого? В темной камере было душно, и она встала и вскарабкалась на самый верх плавника. К счастью, она была одна — капитан вместе со всеми была занята на причале. Сквозь завесу гнева Вейнте′ едва рассмотрела, что делается внизу. А там укладывали припасы, кормили энтиисенатов, взад и вперед сновали по городским делам фарги. И когда какое-то движение внизу привлекло ее внимание, она не сразу сумела понять, что это.

На причале появилась иилане′ известного ранга, за нею шли груженые фарги. Она приближалась к урукето. Почему эта жирная фигура заинтересовала ее? Ну и жирна... Конечно же, Вейнте′ прекрасно ее знает. Ученая Акотолп. Она поглядела вверх, заметила Вейнте′, но ничем не показала этого. Обернулась и отдала короткие распоряжения, которым следовало повиноваться немедленно.

Становилось интересно. Вейнте′ уже кое о чем догадывалась. Акотолп служила здесь эйстаа и ее городу, но некогда присягала и ей самой на пожизненную верность. И похоже, что Акотолп оказалась здесь не случайно и, конечно, без разрешения Ланефенуу.

Вейнте′ отступила в сторону, пропуская внутрь судна фарги с ношей. По приказу Акотолп они спустились, оставили груз и были отосланы обратно в город. И только когда они затерялись в толпе, Акотолп пыхтя полезла на плавник и тяжело перевалилась через его край. Там она огляделась, еще раз бросила взгляд на причал и властно и безмолвно указала рукой — спускайся!

Оказавшись внутри судна, она немедленно обратилась к Вейнте′, выражая радость встречи-благополучного возвращения.

— Это я рада, Акотолп. — Вейнте′ тронула большие пальцы ученой, словно она была ее эфенселе. — Здешняя эйстаа, которую я охотно убила бы, если бы это было возможно, оскорбила меня. А потому вид-присутствие верной толстой подруги доставляет мне величайшую радость.

— Удовольствие — служить тебе, эйстаа. Я была там позади всех, когда ты говорила с Ланефенуу. С трусливой мудростью я решила не вмешиваться. Я почувствовала, что лучше послужу тебе другим образом. Я знаю многое, чего не знает никто, я пришла к выводам, которых другим не достичь, дам тебе информацию, которой не обладает никто. Я внимательно выслушала охотницу Фафнепто, рассказавшую о цели вашего прибытия в Алпеасак. Ты приехала за тем же?

— Да.

— Значит, ваши поиски окончены. Я знаю, где искать урукето!

— Ты видела его?

— Нет, но логическая цепь событий неизбежно подводит к единому выводу. Свидетельство здесь, со мной. И еще кое-что — так же или даже более важное для тебя.

— Ты знаешь, что мне важно знать только одно — где Керрик-устузоу. Чтобы убить его.

— Конечно же! — Акотолп задвигала толстыми боками в жестах удовольствия от сделанного и одобрения. — Я уверена, что знаю, где он.

Вейнте′ задрожала и стиснула обе руки ученой так, что та вскрикнула от боли. И отпустила их, рассыпаясь в благодарности и извинениях перед единственной на всем белом свете своей помощницей.

— Акотолп — ты моя эфенселе. У меня нет никого ближе, чем ты. Ты заполнила пустоту моего бытия, внесла радость в эту пустоту. Говори мне, что ты знаешь об устузоу.

— Уверяю тебя, он далеко, но все следует изложить в должном порядке, чтобы было понятно.

— Говори же, прошу!

— Амбаласи была здесь. Она прибыла на урукето и через несколько дней исчезла столь же внезапно. Я расспросила кое-кого и узнала, что приходил урукето и ушел, как только забрал ее. Ни животное, ни капитана никто не узнал.

— Так значит, это тот, которого я ищу?

— Вне сомнения. Вот еще вещь великого интереса. Прежде чем Амбаласи покинула город, случилось небывалое. На пляже поймали иилане′. Все подумали, что она хотела увести для себя самца. Тяжкое преступление. Никто не знал ее, а она молчала и умерла, прежде чем ее допросили. Ты видишь связь?

Вейнте′ кивнула.

— Конечно. Она прибыла на урукето с Амбаласи. Отсюда следует, что она была Дочерью Смерти.

— Истинно! Я только сегодня поняла это, услыхав Фафнепто. Это тебе великий разум помогает сразу же замечать то, что так долго скрывалось от меня. Амбаласи прибыла на этом урукето и отправилась восвояси на нем же. Возвратилась к своим Дочерям Зла. И мне кажется, я знаю, где их искать.

Излучая тепло одобрения, Вейнте′ просила продолжать, как нижайшая у высочайшей, чего никогда не случалось с ней. Раздувшись от самодовольства, Акотолп произнесла:

— Они отправились на юг. Амбаласи открыла нам, что на юге она обнаружила неизвестный континент. Теперь становится ясно, что она высадила Дочерей где-нибудь на его берегах. И я думаю, что сейчас она там — в эстуарии огромной реки, у берегов

океана. Других записей об исследовании континента она не оставила.

— Верю тебе, ты не могла ошибиться. Но это лишь половина того, что я хочу знать.

— Другая половина относится к устузоу, приходящим в наш город, убивающим иилане′ и крадущим хесотсаны. Всему этому есть свидетельства. Я посылала птиц — они принесли снимки устузоу, которые расположились на островке у берега океана. Один из них может быть тем, кого ты ищешь.

— Пока не стемнело, я должна видеть эти снимки.

Не успела Вейнте′ договорить, как чья-то тень закрыла отверстие в плавнике. Взглянув вверх, Вейнте′ увидела спускавшуюся Фафнепто. Охотница хотела что-то сказать, но, заметив Акотолп, умолкла в вопросительной позе.

— Это Акотолп, — сказала Вейнте′. — Она служила мне, когда я была здесь эйстаа. Известнейшая ученая, обладающая фактами, имеющими огромное значение.

— Я уже беседовала сегодня с Акотолп. О ней только что говорила на амбесиде и ученая Укхереб. Она сказала, что вы обе знакомы с той, которую мы разыскиваем — с Амбаласи.

— Верно.

— Еще Укхереб сказала, что Амбаласи принесла вести о континенте, расположенном к югу отсюда, об огромной реке. Укхереб полагает, что и Амбаласи, и разыскиваемый нами урукето сейчас там. Ты разделяешь ее мнение?

Акотолп попыталась скрыть разочарование — оказалось, что эта догадка пришла в голову не только ей. И она была вынуждена ответить согласием.

— Да, полагаю, что те, кого вы ищите, находятся на берегах реки, которую Амбаласи описала в таких подробностях.

Фафнепто закивала.

— Все, что вы обе сказали, заставляет меня сделать тот же вывод. И как охотница я тоже чувствую — мы на верном пути. Дичь ждет нас. Пусть капитан погрузит воды и свежего мяса. Утром я поговорю с эйстаа, и мы отправимся дальше. На юг, к этой реке.

Вейнте′ перебила ее жестом.

— Они не спасутся. Конечно же, мы выследим их. Но прежде нужно убить устузоу — они здесь, неподалеку. Они приходили в город, убили иилане′. Нужно наказать их за это...

— Нет. Мы пойдем на юг.

— Но это займет совсем немного времени. Для меня так важно...

— Тебе важно, а не мне... Идем на юг.

— Я поговорю с Гунугул. Я уверена, она согласится, чтобы сначала мы сделали эту малость.

— Согласится она или нет — безразлично. Я представляю здесь Саагакель. И прикажу Гунугул идти на юг. Я немедленно сообщу ей об этом, чтобы, пока я в городе, не вышло недоразумения.

Фафнепто говорила спокойно, почти безразлично, и все время смотрела в глаза Вейнте′. Так она смотрела в лесу на зверя, прежде чем убить его. Вейнте′ отвечала ей столь же бесстрастным взглядом, понимая, что сегодня торжествует охотница. Она понимала, что не сумеет переубедить Фафнепто и долгожданный миг мести вновь откладывается.

— Ты командуешь, и все будет так, как ты скажешь. Знай, что Акотолп вызвалась проводить нас, чтобы направить наши поиски.

Эти слова Вейнте′ произнесла с таким же спокойствием. Фафнепто приняла это как должное, поблагодарила и отошла. И не заметила ненависти на ладонях Вейнте′, ее искаженных гневом пальцев. Акотолп же, видевшая все, отшатнулась, потрясенная силой эмоций. Но все прошло, и, справившись с собой, Вейнте′ невозмутимо обратилась к Акотолп:

— Было бы многократным удовольствием увидеть снимки устузоу. Пока с меня хватит снимков — я так давно искала его, подожду еще немного. Это путешествие не будет напрасным. Дочери Смерти бежали от меня, когда мы покинули город. Существование их тоже оскорбляет меня. И я с удовольствием разыщу их. Благодарность выраженная-усиленная. Снимки!

...Вейнте′ медленно перебирала снимки, дергая конечностями от избытка чувств. Ненависть, удовольствие, открытие. Пересмотрев все, она перебрала их во второй раз и вытащила тот, который привлек ее внимание. Она поднесла его к глазам — остальные посыпались. Акотолп подобрала их.

— Взгляни, Акотолп, — наконец сказала Вейнте′. — Твои глаза и разум принадлежат ученой. Скажи, что ты видишь?

Акотолп взяла снимок, пригляделась.

— Это один из убийц-устузоу. Самец, наверное, — у самок здесь два органа. Он прикрывает глаза и смотрит вверх так, что лица не видно. А на груди у него какой-то узор.

— И ты тоже заметила. Не металлический ли это зуб, подобный тому, что ты спрятала когда-то в пузырь?

— Возможно. Прискорбно неясны детали. Да, это может быть и предмет из металла.

— Трудно поверить. Неужели это тот, кого я так долго искала? Неужели он там?

— Большая возможность-убеждение. А вот еще кое-что интересное, о чем я умолчала перед эйстаа. Видишь на этом листке примитивное сооружение? И две фигурки возле него?

Акотолп ткнула большим пальцем в снимок.

— Необъяснимо, — нерешительно произнесла Вейнте′. — Иилане' и устузоу. Возможно ли такое?

— Мы можем только догадываться. Что, если иилане′ держат в плену? Она цела и невредима — это видно и на других снимках. И находится очень близко от логова устузоу.

Вейнте′ затрепетала от возбуждения.

— Тогда этот устузоу и есть Керрик, которого я ищу. Только он умеет общаться с иилане′. Далеко ли они отсюда?

— Менее чем в дне пути на урукето.

— А мы как раз в урукето... — Тело Вейнте′ задергалось, повинуясь нахлынувшим чувствам. Она не сразу овладела собой. — Увы, не сейчас. Сейчас отправляемся на юг. Есть там некая Энге, которую мне бы очень хотелось снова увидеть.

— Ко мне приходили, — сказала Энге. — С известием, что ты хочешь срочно видеть меня.

— Срочность — понятие относительное, если имеешь дело с Дочерьми Дремоты, — недовольно проворчала Амбаласи. — Я отправила весть уже довольно давно, чтобы не помереть от старости, пока вестницы доберутся до тебя.

— Что же срочного в твоем деле?

— Оно важно лишь для меня. Мои исследования завершены. Остается целый континент — пусть его исследуют другие. У меня есть и записи, и образцы. Будет над чем поразмышлять. Я открыла путь — пусть по нему следуют другие. И теперь возвращаюсь в Энтобан.

— Внезапное, неожиданное решение — скорбь, нежеланная информация.

— Для тебя одной, Энге. Остальные будут только рады. И я с неменьшей радостью повернусь к ним спиной. Все мои записи запечатаны и погружены на урукето. Сетессеи отправится со

мной. Она уверяет меня, что научила двух Дочерей использовать нефмакел и обрабатывать раны. Так что вы не умрете сразу после нашего отбытия.

— Внезапность решения смущает-печалит меня. Я знала, что этот день настанет. Присутствие твое доставляет удовольствие. Отсутствие создает пустоту.

— Заполняй ее мыслями об Амбаласи и другим прикажи.

— Конечно же. Но я рада, что урукето вернется в Йибейск.

— С радостью придется повременить: я намереваюсь держаться подальше от Йибейска и его разъяренной эйстаа. Когда я доберусь до Энтобана, урукето вернется сюда — на вашу ответственность.

— С благодарностью принимаем ее на себя.

— Есть еще кое-что. Пойдем со мной.

Амбаласи повела Энге не в урукето, а на поджидающую рядом лодку. Теперь она была уже объезженной и, повинуясь движениям пальцев Амбаласи, заскользила по реке. Сразу за городом Амбаласи направила лодку к берегу и прикрепила ее к дереву.

— Ты узнаешь это место? — спросила она.

— Не забуду. Тут мы впервые увидели сорогетсо. Я много раз приходила сюда и учила их язык. Теперь их нет... — В голосе Энге слышалось сожаление, даже печаль.

— Они живы и здоровы. Независимость их обеспечена, последовательницы Угуненапсы не испортят уникальную культуру. Сюда.

Плавающее дерево теперь оставалось на месте: ветви его глубоко вошли в ил. Перебравшись на другой берег, иилане́ пошли по некогда утоптанной тропе, ныне заросшей высокой травой. Выйдя на заросшую поляну, Амбаласи указала на обрушившиеся укрытия сорогетсо.

— Их следовало забрать отсюда, поскольку здесь на них могли оказать воздействие твои склонные к спорам товарки. Культура их оказалась в опасности. Она находится на линии раздела — на пограничной линии между использованием материалов и самой жизнью. Изумительная возможность для наблюдений-изучения. Для других ученых — не для меня. Я расскажу, где искать сорогетсо. Пусть завершают мою работу. Остается мой последний вклад в дело Угуненапсы. Решение проблемы, которой я уделила некоторое внимание. Интересное предложение. Неразрывность.

— Понимание не дается мне.

— И не должно даваться. Говоря честно — когда вы умрете, умрут и теории Угуненапсы.

— Твои слова абсолютно верны и глубоко печалят меня.

— Тогда перестань печалиться — сейчас увидишь решение вашей проблемы.

Они вышли на пустынный берег озера. Амбаласи огляделась и издала простейший призыв, требующий внимания к говорящей. А потом опустилась с усталым вздохом на хвост.

Послышался шорох, и из кустов вышла невысокая молодая фарги.

«Вместе», — просигналила ей Амбаласи выступившей на ладонях окраской.

«Вместе», — ответила фарги и, заметив Энге, задрожала от страха.

— Будь без страха, — медленно и отчетливо проговорила Амбаласи. — Приведи остальных.

Энге смотрела вслед фарги, не веря своим глазам.

— Фарги... здесь? — проговорила она. — Такие маленькие. Они сорогетсо?

— Конечно. Всех взрослых иилане́ я увезла отсюда и тогда заметила в озере юное эфенбуру и почувствовала свою ответственность за него. Я боялась, что, выйдя из воды и не встретив никого, кто стал бы с ними говорить, они погибнут. Поначалу я думала, что их нужно отвезти к старшим, но тут обнаружились определенные сложности. В озере оказалось эфенбуру еще моложе — они выйдут из воды позже и присоединятся к этим. И я не захотела вмешиваться в естественный процесс. А потом увидела единственное решение двух задач сразу. Как ты думаешь — какое?

Переполняемая чувствами, Энге не могла спокойно говорить.

— Спасение. Мы будем рядом, когда они выйдут из воды. Они научатся говорить, присоединятся к нам и будут говорить с теми, кто выйдет за ними.

— Это решение их проблемы. А другой?

— Ты спасаешь Дочерей Жизни. Теперь мудрость Угуненапсы сможет жить вечно.

— Насчет вечности я не уверена, но хоть чуть-чуть поживете. Ты понимаешь, что вы не можете смешать свою кровь с их кровью? Метаболизм сорогетсо слишком отличен от вашего. И когда

они достигнут зрелости, пригляди, чтобы сорогетсо соединялись только с сорогетсо. Сумеешь ли ты обуздать похоть Дочерей?

— Мы жаждем только мудрости, тебе нечего бояться.

— Хорошо. Пойми, что связь между вами должна быть не генетической. Настанет день, когда последняя Дочь Смерти умрет от старости. Останутся одни сорогетсо.

— Понимаю смысл твоих слов. И вновь уверяю тебя — это неважно. Главное, чтобы жили восемь принципов Угуненапсы.

— Хорошо. Значит, я могу отправляться. Все важные работы завершены. Возвращаюсь к цивилизации с ее удобствами и преклонением перед эйстаа. Предвкушаю удовольствие — наконец-то смогу забыть это кошмарное имя — Угуненапса.

Глава 32

Торг занял весь день и продолжался на следующий. Парамутанам слишком нравилось это занятие, чтобы так быстро с ним покончить. Вскоре Ханат и Моргил заразились их энтузиазмом. И жалели, что взяли с собой мало вещей для обмена. Кто-то упомянул свежее мясо. Все дела пришлось отложить: схватив луки, оба охотника опрометью бросились в лес. Парамутаны были непревзойденными охотниками моря, однако в лесу им не хватало сноровки тану.

Четыре оленьих туши были встречены громкими возгласами одобрения.

Попировали, потом торг возобновился. Завершение его по обоюдному удовольствию также отметили пиром.

Керрик уселся в сторонке на одной из дюн и задумался, глядя на море. К нему подошла Армун. Взяв ее за руку, он усадил ее рядом с собой.

— Теперь они учат друг друга петь, — сказала она, — хотя не понимают смысла слов.

— Надо было сделать порро, тогда бы получился настоящий праздник.

— Говори тише! — Армун со смехом кивнула в сторону охотников, демонстрировавших приемы борьбы тану. — Одна только мысль о напившемся порро парамутане вызывает у меня желание убежать.

Крики усилились, глухие удары свидетельствовали, что Калалекву удалось доказать, что, несмотря на небольшой рост, парамутаны — недурные борцы.

— Здесь я думал о многом, — сказал Керрик. — И принял важные решения. Во-первых, я решил сделать тебя счастливее...

Взяв его за руку, она усмехнулась:

— Но мы ведь вместе — как мне стать счастливее?

— Ну, ты не совсем счастлива. Я знаю, что тревожит тебя, и обещаю — с этим покончено. У Арнхвита столько друзей, а я заставлял его ходить вместе со мной на остров, разговаривать с самцом. Ты же терпеть его не можешь.

Улыбка исчезла с ее лица.

— Да. Но ты охотник. И я не могу сказать тебе: делай то, не делай этого. Ты делаешь то, что надо.

— Я ошибался. Когда мы вернемся, я послежу, чтобы мальчики держались подальше от того, кого ты зовешь моим марагом. Но мараг — мой друг. И мне интересно разговаривать с ним. Арнхвит пусть делает как хочет. Если хочет забыть про мургу — пусть так и будет.

— Но ты же много раз говорил, как это важно — понимать мургу.

— Я теперь так не думаю. Это больше не важно. Я был слеп и видел мир не таким, какой он на самом деле. С виду я тану, а думаю, как мараг. Все, хватит. Мир не изменился. Это я стал видеть его другим.

Армун слушала молча и ничего не понимала, кроме того, что слова эти для него очень важны. Керрик улыбнулся, заметив ее внимательный пристальный взгляд, и пальцем прикоснулся к губам.

— Я думаю, что не нахожу верных слов. Мысль в голове крутится — а вот выразить ее не удается. Смотри, вот парамутаны, вот удивительные вещи, которые они создают. Иккергаки, паруса, насосы, резьба...

— Они искусны в таких делах.

— Искусны — но и мы тоже. Взять хотя бы кремниевые ножи, луки, копья, шатры, в которых мы спим, — мы же делаем их своими руками. Потом опять же саску с их глиняными горшками и ткацкими станками, тканями, урожаем...

— И порро — не забывай!

Они засмеялись. Возня на пляже стала оживленнее. Двоих парамутанов, увлекшихся борьбой, волной окатило с ног до головы, и все решили, что это безумно смешно.

— Я говорю — важно уметь делать вещи. Даже порро, — продолжал Керрик. — Так делаем мы. Мы все делаем своими руками. Сделанные нами предметы не умирают — ведь они и не живут. И копье в снегах служит так же, как в джунглях.

— Правильно. Но что в этом важного?

— Для меня важнее этого нет ничего. Я слишком долго думал, как мараг. Они, мургу, не в состоянии сделать ничего такого, что не жило бы, не ело и не умирало. Не знаю, как они это делают, и, думаю, никогда не узнаю. Но я был глуп и думал только о том, что можно вырастить. Так, как это делают мургу. И все, что я задумывал, все, что намечал, делал, как мургу. Я всегда пытался думать, как они. Это было ошибкой, и отныне я поворачиваюсь к ним спиной. Я — тану с ног до головы, а не полумараг. И теперь я вижу правду. Пусть стреляющие палки умрут. Они нам ни к чему. Это я решил, что они нам необходимы, а другие поверили мне. Хватит.

Армун испугалась.

— Не говори так: без стреляющих палок мы погибнем в южных лесах, а на севере — только холод и снег. Нельзя так говорить.

— Слушай и понимай. Я — только охотник. Могу погибнуть завтра, мог умереть вчера. Стреляющими палками мы пользуемся из-за меня. Когда я жил среди мургу, я видел, как они убивают ими любого зверя, невзирая на его величину. Я увидел это и подумал: будь у нас такое оружие, мы бы тоже сумели уцелеть на юге. Мы добыли их, и теперь судьба тану зависит от стреляющих палок — а так не должно быть. Надо найти способ обходиться без них, естественный для тану. Если мы сможем выжить лишь благодаря оружию мургу, — тогда все мы наполовину мараги, а не я один. Хватит, говорю. Все мы должны снова стать тану. Это ясно.

— Не понимаю, — недоуменно сказала Армун.

— Помнишь остров мургу? Когда ты зажигала костер, а Калалекв убивал живые лодки мургу.

— Да, так было.

— Пусть он покажет нам, как убивать этим способом всяких мургу. Научимся делать таккуук. Черный яд в пузырях, от запаха которого выворачивает наизнанку. Обмакни в него стрелу — и убьешь любого марага. Видишь разницу? Те вещи, которые мы умеем делать, не умирают — это не стреляющие палки, которые болеют и дохнут. И умение делать яд не сгинет со смертью одного

охотника — все будут уметь его делать. Будем делать таккуук и жить где пожелаем.

— Думаю, я поняла теперь... поняла, как это для тебя важно. А что, если мы не сможем делать таккуук. Что тогда?

Он поднялся и потянул ее за руку.

— Надо понять, как его делать. Спросим, не откладывая. Что может сделать один охотник, сумеет повторить и другой. Помни — мы не мургу. И не должны стараться на них походить. Быть может, когда-нибудь мы сумеем оценить их познания, умение преображать животных. Когда-нибудь. А сейчас нам не нужны их знания. Пошли к Калалекву.

Парамутан лежал на спине и, пыхтя, жевал здоровый кусок сырой печенки — его лицо и руки были в крови. Живот после пиршеств раздулся, но он не сдавался.

— О, ты самый великий едок среди парамутанов! — похвалил его Керрик.

— Воистину. Это ты верно сказал. Но я и самый великий охотник...

— Значит, ты знаешь все?

— Абсолютно!

— А ты умеешь делать таккуук?

— Калалекв знает все, что только можно знать. Его таккуук замертво уложит самого большого из уларуаквов.

— Не объяснит ли мохнатый и мудрый парамутан простодушным тану, как это делается?

— Никогда! — крикнул тот и захохотал.

Керрик и Армун даже подумать не могли, что это так смешно. Насмеявшись, прожевав и проглотив кусок печени, парамутан объяснил:

— Это очень важное и сложное умение. Меня ему научил отец, я передам его моему сыну, Кукуджуку, когда он станет взрослым. Но ты взрослый охотник и можешь узнать все сейчас. Только придется заплатить за тайные знания.

— Это справедливо. Чего же ты хочешь?

— Цена высока — каменный нож с острейшим краем.

Керрик достал нож и молча протянул парамутану. Калалекв провел пальцем по лезвию и обрадованно забормотал:

— Тогда я объясню тебе, а потом все покажу. Ты должен будешь поймать особую рыбину, смешать ее кровь и внутренности и закопать эту смесь где-нибудь в теплом месте. Потом выкопаешь, добавишь сок из корней высоких цветов, что растут только

на этом побережье. Вот почему мы возвращаемся сюда. Меняться и добывать эти корни. Они нужны, чтобы получить настоящий таккуук. Они усиливают крепость яда. Вы и рыбачить будете с таккууком?

— Мы охотники. Яд нужен нам, чтобы смазывать наконечники стрел и не бояться в лесу огромных мургу.

— Не бойся, таккуук убьет их.

— Мы уже набоялись досыта, — проговорила Армун. — Хватит.

Ее страху пришел конец. Арнхвит не станет марагом. Керрик будет один ходить к своему другу. Пусть разговаривает с ним, как она с парамутанами. Когда-нибудь эта тварь умрет. И все кончится. Придет конец всем страхам.

— Ты боишься идти на остров, — сказал Долл, сплюнув на песок.

— Не боюсь, а просто не хочу, — возразил Арнхвит. — Это тебе надо бояться — твой отец отлупил тебя, заметив на острове. Ты плакал тогда — я видел.

— И я! — завопил один из мальчишек и бросился бежать, когда Долл кинулся за ним.

Арнхвит тоже отступил — он был ниже, чем Долл, и не смог бы одолеть его в схватке. Оставалось только надеяться, что тот обо всем позабудет. Этому не суждено было осуществиться. Так и не поймав обидчика, Долл вернулся и больно ткнул пальцем Арнхвита в живот.

— Я видел, как ты ходил на остров с отцом. Я прятался и видел, как вы оба стояли рядом с марагом.

— Не смей говорить о моем отце!

— Почему? — ухмыльнулся Долл, и все мальчишки явно были на его стороне. — Ты собираешься запретить мне? Ну-ка, попробуй. Твой отец — наполовину мараг. И я видел, как вы там вертели задами и тряслись. Вот так.

И он принялся изгибаться во все стороны и размахивать руками. Мальчишкам это показалось забавным.

— Заткнись! — Больше Арнхвит ничего придумать не мог.

— И я видел, как ты сам ерзал... так, и так, и так!

Мальчишки засмеялись. Воодушевленный успехом, Долл стал крутиться, изображая движения снова и снова. Арнхвит вспыхнул и, увидев перед собой спину врага, изо всех сил толкнул его. Долл повалился на землю, Арнхвит снова толкнул. Долл завопил, и Арнхвит бросился бежать.

Он бежал так быстро, что вопивший от ярости Долл не мог его догнать. За ними с криками помчались мальчишки. Они долго носились между шатрами. Потом Арнхвит перепрыгнул через костер, но Долл догнал его, схватил за руку и повалил на землю. И принялся колотить. Кулак Долла угодил Арнхвиту в нос, хлынула кровь — наблюдатели отозвались одобрительными воплями. Поднявшись, Долл пустил в ход ноги — и завизжал, получив крепкую затрещину.

— Маленького бьешь, младшего! — гневно рявкнула Меррис. — Лучше попробуй со мной справиться! — Она отвесила ему еще одну оплеуху, тот увернулся и бросился бежать. — Ну, кто еще хочет?

Она гневно оглядела мальчишек. Те поспешили исчезнуть.

— Мальчишки... — проворчала она себе под нос, подняла Арнхвита и вытерла ему слезы.

Намочив в холодной воде тряпку, она смыла кровь и прижала тряпку к носу. Наконец кровотечение и рыдания утихли.

— Иди к себе в шатер и полежи, иначе кровь снова пойдет, — велела она. — И не лезь к ним.

Расстроенный Арнхвит поводил ногой в пыли, отбросил в сторону щепку... Мальчишки посмеялись над ним — и были правы. Он действительно так делал, когда говорил на иилане'. Никогда больше он не станет говорить с этим противным марагом. А может быть, наоборот? Он умеет говорить с ним — только он один из всех мальчишек. Значит, он лучше их. И он немедленно пойдет туда, куда другим путь закрыт.

В шатре было пусто. Малаген куда-то увела сестренку. Отца и матери не было уже давно. Никому, никому он не нужен. Одному только Надаске'. Арнхвит взял лук и колчан со стрелами. Заметив у входа свое рыболовное копье, прихватил и его. Он покажет Надаске', как бить им рыбу.

Пересекая остров, он никого не встретил. День был жаркий. Арнхвит вспотел и измазался. Так приятно было плыть через протоку, разделявшую два острова. На том берегу он немного посидел, оглядел кусты — никого. И пошел вдоль берега. Дойдя до укрытия иилане', мальчик громко провозгласил, что желает говорить. Надаске' высунул голову, выбрался наружу и зажестикулировал, давая понять, что рад видеть гостя.

— Будешь рад есть, — сказал Арнхвит, потрясая копьем. — Это колоть-бить рыбу. Я тебе покажу.

— Мудрость маленького превосходит пределы моего понимания. Мы пойдем бить рыбу!

Глава 33

Anbefeneleiaa akotkurusat, anbegaas efengaasat.

Если ты приняла истину Эфенелейаа, ты приняла жизнь.

Изречение Угуненапсы

— Все ли погружено, как я приказала? — спросила Амбаласи.

Элем сделала утвердительный жест.

— Все, что лежало на причале, погружено в урукето и укреплено. Еще взято много консервированного угря, воды хватит на всю дорогу. Урукето покормлен и отдохнул. Сомнения относительно места назначения.

— Энтобан. Я ведь говорила тебе. Или память уже слабеет от старости?

— Память функционирует нормально. Но Энтобан — огромный континент, к нему ведет множество течений, и срок плавания зависит от места назначения.

— Быть может, лучше, чтобы срок плавания был подольше. Сейчас я направляюсь в Энтобан. А городов много. Я подумаю, сравню и выберу. Я устала, Элем, здорово устала, и это решение важно для меня. Я больше не хочу ни дальних странствий, ни неустроенной жизни ради познания. Я хочу найти уютный город, который приветит меня, где ко мне будут приходить иланэ науки за советом и учиться. Мне нужен умственный и физический отдых. И еда повкуснее этой вечной угрятины. — Амбаласи оглядела опустевшее помещение и повернулась к нему спиной.

— Были даны инструкции. Сообщаю требование, переданное мне прежде. Перед отплытием Амбаласи велено явиться на амбесид.

— Подозреваю причины. Прощание и речи?

— Я не информирована. Идем?

Вслух жалуясь и досадуя, Амбаласи отправилась в путь. Подойдя к амбесиду, она услышала гул множества голосов. Когда Амбаласи вошла, все разом стихли.

— Опять болтали об Угуненапсе, — проворчала она. — Скоро меня ждет огромная радость — можно будет забыть и это имя, и его поклонниц.

Несмотря на досаду, ученой было приятно видеть всех Дочерей сразу, почтительно расступавшихся при ее приближении. Энге стояла возле места эйстаа, и никто не стал возражать, когда Амбаласи уселась на него.

— Конечно, никто и не думал работать сегодня, — проговорила она.

— Все собрались сюда. Все хотели.

— А каковы причины для этого?

— Серьезные. Мы много дней обсуждали...

— Ну, в это поверить легко!

— ... И было сделано множество предложений, чтобы по достоинству выразить тебе всю нашу благодарность за все, что ты для нас сделала. После долгих споров все они были отвергнуты, как недостаточные и не соответствующие значимости твоих деяний.

Амбаласи стала вставать.

— Раз все отвергли, значит, я могу отправляться восвояси.

Под общий неодобрительный гул Энге шагнула вперед, изъявляя отрицание, требование остаться, необходимость, и извинилась.

— Ты не поняла меня, великая Амбаласи, — должно быть, я не сумела выразиться правильно. Все предложения были отвергнуты в пользу самого драгоценного для всех нас. Я говорю о восьми принципах Угуненапсы. — Тут она умолкла, ожидая полного молчания. — Вот что мы решили. Отныне и навечно они будут именоваться девятью принципами Угуненапсы.

Амбаласи уже собиралась поинтересоваться, когда это Угуненапса успела восстать, чтобы продиктовать новый принцип, но промолчала, сообразив, что это, пожалуй, будет несколько бестактно. И сделала знак предельного внимания.

— Выслушай же девятый.

Энге шагнула в сторону, пропуская вперед Омал и Сатсат. Они дружно нараспев проговорили, голосам их вторили все собравшиеся:

— Девятый принцип Угуненапсы. Существует восьмерка принципов. Их не было бы без великой Амбаласи.

Ученая поняла, что с точки зрения Дочерей — это величайшая благодарность. Для них во всем определяющими были слова Угуненапсы. И теперь с ними будет связано имя Амбаласи. Да, эти спорщицы оказались способными на великую благодарность. Впервые в жизни она не сумела сразу же придумать какую-нибудь колкость. И ответила простейшим жестом приятия и благодарности.

Энге видела это: она-то знала старуху ученую лучше, чем остальные, и даже лучше, чем предполагала сама Амбаласи. И, понимая, оценила ответ.

— Амбаласи поблагодарила нас. Время отпустить ее с миром. Она сегодня отправляется в путь, но навечно пребудет меж нами. Амбаласи и Угуненапса — навеки вместе.

Сестры в молчании разошлись. На амбесиде остались только Энге и Амбаласи.

— Могу ли я проводить тебя до урукето? Мы часто ходили здесь вместе, и я многому научилась от премудрой Амбаласи. Идем?

Амбаласи встала, опершись на крепкую руку Энге, и медленно пошла рядом с нею к выходу с амбесида. В молчании они шагали по городу. Наконец Амбаласи сказала, что хочет отдохнуть в тени: день был очень жарким. Они остановились, и Энге жестом потребовала информации.

— Нет отказа, Энге, ты ведь знаешь. Без моей непрерывной поддержки мир сестер, да что там — весь мир иилане′ обеднел бы.

— Истинно. Потому я и спрашиваю. Я озабочена. Ты всегда говорила, что не веришь словам Угуненапсы. Для меня это всегда было непонятно и неприятно. Ты с великой точностью определяешь наши проблемы и помогаешь нам понять их. А ты сама? Что ты думаешь сама? Надеюсь, ты поведаешь мне. Неужели ты не веришь в справедливость девяти принципов Угуненапсы?

— Не верю. Кроме девятого.

— Но, если самое важное в нашей жизни для тебя ничего не значит, почему же ты помогаешь нам?

— Я уж и не думала, что меня спросят об этом. Ты решила спросить лишь потому, что осознала наконец, что я не верю и не поверю в эти бредни?

— Амбаласи все видит и знает. Я спрашиваю именно по этой причине.

— Ответ очевиден и прост... для меня самой, конечно. Как и все иилане′ науки, я изучаю жизнь — ее развитие, взаимосвязи,

продолжение, изменение и окончание. Так заведено у иилане′, так было, есть и будет. Но я не такая ограниченная, как остальные. Я хотела изучить вас и вашу Угуненапсу. Ведь она, в отличие от всех мыслительниц, задалась совсем иным вопросом. Не как все происходит, а почему? Очень интересно. Я сама люблю спрашивать «почему?» — потому и преуспела в науках, спасибо и вам за это. Но здесь возникают физические сложности. Когда Угуненапса произнесла свое «почему», в мир пришло нечто новое. Это самое «почему» породило ее принципы, а те, в свой черед, — Дочерей с их странным нежеланием умирать, как положено иилане′. Отсюда в жизнь иилане′ пришло новое. Если хочешь, знай — я думаю тебе это не повредит — теория и принципы Угуненапсы для меня ничто. Мне было интересно исследовать вас.

Потрясенная Энге со знаками непонимания потребовала объяснений.

— Конечно же, объясню — как всегда. Подумай о наших обычаях, о взаимоотношениях иилане′. Эйстаа правит, остальные повинуются ей. Или умирают. Из океана выходят фарги, на которых никто не обращает внимания. Их кормят, потому что, если они умрут, придет конец роду иилане′ — и больше ничего. Те, у кого хватает воли, настойчивости и желания учиться, становятся иилане′. И могут сделаться частью города. Большая часть фарги не способна на это. Они куда-то уходят и, думаю, погибают. И потому следует признать, что мы, иилане′, предлагаем друг другу только отвержение и смерть. Ты же, Энге, предлагаешь сочувствие и надежду. Необычная и небывалая вещь.

— Надеждой называется возможность лучшего завтра, но другого слова я не поняла.

— Я и не ожидала иного, потому что сама придумала этот знак для описания новой концепции. Он означает умение понять несчастье другой, соединенное со стремлением облегчить ее переживания. Потому-то я и помогала вам. Так что оставайтесь здесь, оставайтесь в собственном городе и изучайте главное «почему» жизни. Сомневаюсь, что нам удастся поговорить еще раз.

Прощание не затянулось. Амбаласи с обычной прямотой сказала, что не предвидит новой встречи. Тело Энге шевелилось — она подыскивала слова и движения, но все они казались неподходящими.

Они уже дошли до берега, а Энге все еще не могла выразить глубины своих переживаний. И в конце концов она просто прикоснулась к пальцам Амбаласи, как это делают эфенселе, и ото-

шла в сторону. Та, не глядя назад, оперлась на руку Сетессеи и с ее помощью взобралась на плавник. Элем поглядела с плавника вниз и уже стала отдавать приказ к отплытию, когда член экипажа, стоявшая возле нее, потребовала внимания, указав на реку. Элем поглядела в указанную сторону и застыла.

— Срочность слушания! — крикнула она находившимся внизу. — В реке обнаружен плывущий объект. Предположительно урукето.

— Невероятно, — отозвалась Амбаласи, всматриваясь в даль. — Сетессеи, у тебя глаза раптора — что ты видишь?

Поднявшись повыше, Сетессеи пригляделась.

— Элем права. Сюда приближается урукето.

— Случайность-открытия невозможна. Если на борту окажутся тощая Укхереб или толстая Акотолп — значит, моим записям уделили подобающее внимание. Вне сомнения, это их собственная научная экспедиция.

— Мы всегда рады иилане науки, — отозвалась Энге, разглядывая приближавшийся урукето. — Мы поучимся у них, а они, возможно, у нас.

Амбаласи была далека от присущего Энге кроткого восприятия жизни. Долгий опыт научил ее ждать от всех неожиданностей только неприятностей. Но опыт победило любопытство, и она приказала Элем повременить с отплытием и с растущим подозрением стала вглядываться в темный силуэт живого корабля. На плавнике были видны фигуры иилане, разглядеть их лица пока не удавалось. В глубине души Амбаласи надеялась, что они прибыли с добрыми намерениями. Отплыви она вчера — и ей не встретился бы этот урукето. Впрочем, что теперь говорить? Как подобает истинной ученой, она невозмутимо ждала, не зная — радоваться прибывшим или нет.

Все стало ясно, когда Сетессеи сказала:

— Сверху на плавнике моя знакомая по Йибейску, известная охотница Фафнепто.

— Неудача, — проговорила Амбаласи. — Надо было отплыть вчера. Из Йибейска ничего хорошего нам ждать не приходится. А других узнаешь?

— Капитан урукето тоже из Йибейска. Третья мне незнакома.

— Я знаю ее, — проговорила Энге с такой ненавистью и страхом, что Амбаласи удивилась: ничего подобного от Энге она еще не слыхала. — Известная всем Вейнте, некогда моя эфенселе, отвергнутая мной и презираемая. Она была мудрой эйстаа. Теперь только смерть следует за нею.

В молчании они наблюдали, как урукето подходил к причалу, поднимая невысокие волны. Амбаласи подумала, что можно отплыть и сейчас, но поняла, что слишком поздно: Фафнепто высоко подняла хесотсан, чтобы все его увидели. Таким знаком нельзя пренебречь. Прибывший урукето привез нежелательный груз.

Фафнепто соскочила на землю и широкими шагами направилась к ним, крепко держа хесотсан. Вейнте, без оружия, торопилась за нею. Амбаласи сделала жесты неприязни и отвержения.

— Какие причины, Фафнепто, заставляют тебя подходить к нам столь оскорбительным образом и угрожать оружием?

— Хорошие причины, Амбаласи. Здесь есть только один хесотсан — мой. Саагакель, эйстаа Йибейска, послала меня найти и доставить тебя назад вместе с урукето, которым ты воспользовалась без ее разрешения.

— Неправда. Она разрешила мне пользоваться им.

— Да, разрешила, но подобного использования урукето она не предполагала.

— Значит, ты хочешь вернуть животное Саагакель? Бери его.

— И тебя, Амбаласи. Эйстаа желает видеть тебя. Отказ не будет принят.

Амбаласи с презрением выгнула спину.

— А если я откажусь — ты убьешь меня, охотница?

— Да, и с помощью твоей помощницы сохраню твое тело, чтобы можно было доказать, что поручение выполнено. Может быть, Саагакель захочет вывесить твою дубленую шкуру на стене города.

— Молчать! — рявкнула Энге. Фафнепто отшатнулась и вскинула хесотсан. — Немыслимо-недопустимо, чтобы безмозглая тварь, не имеющая достоинств, говорила так с ученой. Молчать и немедленно приказать урукето отплывать отсюда!

Держа оружие наготове, Фафнепто холодно поглядывала на Энге, готовая к отражению любой атаки. Вейнте шагнула вперед с жестом «нечего опасаться».

— Она не способна на насилие, — проговорила она. — Перед нами Энге, Дочь Жизни-Смерти, она никому не может причинить вреда.

Фафнепто опустила хесотсан с жестом пренебрежения.

— Значит, она одна из тех, о ком говорила эйстаа. Она нам не

нужна, и нечего обращать на нее внимание. Возвращаются урукето и Амбаласи. Так мне было приказано. И еще: я получила приказ убивать каждую, что посмеет помешать мне.

Вейнте′ сделала жест согласия.

— Мудрое решение. Эти создания распространяют вокруг себя только несчастье. И убивать их нужно из добрых побуждений. Я удивлена, что эйстаа этого города мирится с их присутствием.

— Здесь нет эйстаа, — с холодным презрением произнесла Энге. — Убирайтесь! Вас никто не ждал. Это город Угуненапсы, и вам тут не рады.

— Не рады? В таком чудесном городе? Невозможно поверить. Надо поговорить с эйстаа.

— Ты разве не слышала, глупое создание? — спросила Амбаласи. — Здесь нет эйстаа. Этот город вырастила я и знаю, о чем говорю.

Тут со стороны прибывшего урукето донесся невнятный призыв слушать. С плавника неуклюже слезала Акотолп — ей мешала толщина и контейнер, который она держала в руках.

— Учительница... Амбаласи, — пропыхтела она. — Вот Вейнте′, я служу ей. Слушайся ее, потому что она мудра во всем. Это я отдала ей твои записи — видишь, вот они, — она разобралась в них и привела нас сюда.

— Я думаю, ты сказала достаточно, Акотолп, — презрительно ответила Амбаласи. — Во имя науки я привезла тебе плоды моих работ и открытий. А как ты воспользовалась ими? Чтобы направить сюда этих отвратительных тварей. Вот теперь и забирай их отсюда.

— Довольно пустой болтовни! — приказала Фафнепто. — Я приказываю! — Она повернулась к Элем. — Ты и все, кто на борту, немедленно покидают урукето, потому что он должен быть возвращен его родному городу. И мы немедленно отправляемся в Йибейск с обоими урукето.

— А что будем делать с этими? — спросила Вейнте′, указав на Энге. — И с их городом?

— Это не мое дело. Мы уходим.

— Я остаюсь.

— Ты выбрала, — ответила Фафнепто и обернулась к Элем. — Разве приказы мои не ясны? Вон из урукето!

Акотолп поставила контейнер на землю и открыла его. Вейнте′ нагнулась и сунула туда руку. Заметив это, Фафнепто быстро повернулась и вскинула хесотсан. Но опоздала. В руках у Вейнте′

треснул хесотсан, который она достала из контейнера, и охотница упала навзничь. Все присутствующие оцепенели от изумления. Все, кроме Акотолп, явно ждавшей этого. Шагнув вперед, она вытащила хесотсан из рук убитой. И всем видом являя удовлетворение, встала возле Вейнте′.

— А теперь, — проговорила Вейнте′, — слушайте мои приказы.

Глава 34

Убийство произошло мгновенно — вне сомнения, все было заранее продумано. «Теперь-то это ясно», — думала Амбаласи. Только что перед ней красовалась Фафнепто, демонстрировала свою охотничью сноровку, гордая силой и оружием. И не знала, что в городах есть охотники, коварством своим превосходящие лесных жителей. Вейнте′ руководила, а эта жирная дура Акотолп выполняла ее указания. Она должна была принести хесотсан и подать смертоносное оружие. И у нее еще хватило наглости сказать, что в контейнере труды Амбаласи. С гневом и отвращением старая ученая набросилась на Акотолп:

— Жирная бывшая ученица, а ныне дородная соучастница убийства! Немедленно верни мои труды, ты недостойна обладать ими!

Акотолп отступила перед яростью ученой, забыв про хесотсан в руках. Она попыталась заговорить, но не стала. На помощь ей пришла Вейнте′.

— Великая Амбаласи, ты напрасно сердишься на верную Акотолп. Некогда она просила моего разрешения служить мне и с тех пор всегда оставалась мне верной. Она, конечно, не причинит вреда тебе, своей учительнице. Она, как и я, уважает твою великую мудрость. И я благодарна тебе за исследования этого континента, ибо они помогли мне отыскать сюда дорогу и исполнить порученное дело.

— Тебе было поручено убить Фафнепто?! — возмутилась Амбаласи. Ее гребень пылал.

— Смерть Фафнепто, к несчастью, была необходима. Мы обе служим Саагакель и явились сюда по ее приказу. К сожалению, Фафнепто не согласилась со мной в вопросах очередности действий. Ну, а поскольку иилане′ такого типа переубедить невозможно, ей пришлось пострадать — пусть и чрезмерно — за свое самомнение. Акотолп, дай-ка сюда хесотсан, пока ненароком не уби-

ла кого-нибудь. И не трясись так. Ты ничего плохого не сделала. Ты только выполняла мои приказания, твоей эйстаа. И я благодарю тебя за это. Ты, конечно, вернешь Амбаласи ее записи?

— Если ты этого хочешь, Вейнте'.

— Не моему желанию, а великой ученой будем мы с тобой повиноваться.

Акотолп опустила контейнер у ног Амбаласи и торопливо отошла. Та сделала жест недоверия.

— Всем ли моим желаниям ты собираешься повиноваться, Вейнте'? А что, если я захочу остаться в этом новом городе?

Вейнте' с сожалением расставила локти.

— К несчастью, это невозможно. Саагакель, эйстаа Йибейска, приказала мне вернуть тебя. Это будет сделано. А твои записи, которые Акотолп прихватила с собой из Алпеасака, останутся в урукето. Ты присоединишься к ним. — Она обернулась к Гунугул, которая стала спускаться с плавника, да так и застыла там, потрясенная случившимся. — Мяса и воды должно хватить до Йибейска.

— Хватит, если многие в дороге будут спать.

— Великолепно. Немедленно иди с Амбаласи на урукето.

— А что будет со вторым урукето? Он должен вернуться в город.

— Он цел и невредим — ты сама видишь. Скажите великой Саагакель, что и этот урукето вернется в ее город. А пока он мне нужен. Пусть это будет мне наградой за труды, за поиски урукето, за то, что я нашла ту, которую эйстаа разыскивала.

— И за убийство Фафнепто, — с холодным гневом добавила Амбаласи. — Энге правду говорила: ты, Вейнте', опасная и ядовитая тварь. Мои труды, вещи, помощница Сетессеи остаются в краденом урукето. Уже дважды украденном. Что будет с ними?

— Ну что ж, пусть возвращаются с тобой в Йибейск. Перегружай их и отправляйся.

— А ты останешься. И какими же темными делами собираешься ты здесь заняться?

— То, что я собираюсь здесь делать, старая, тебя не касается. Поезжай и насладись вниманием эйстаа.

Амбаласи сделала знак пренебрежения:

— Если ты надеешься, что эйстаа накажет меня — оставь упования. Мне нетрудно будет уладить взаимоотношения с ней. Стоит только показать Саагакель результаты моих открытий — и она сразу же позабудет о мести. Ее город станет центром новой

науки, к ней начнут стекаться ученые со всего Энтобана. Ей достанутся все почести — как положено эйстаа. Что касается меня: что один город, что другой — все едино. Сетессеи, последи, как переносят мои вещи. А я пойду отдыхать. — Она устало сделала несколько шагов, потом обернулась к Энге и сделала знак немедленного расставания. — Горько видеть, Энге, в твоем городе эти злые создания.

— Не печалься. Принципы Угуненапсы будут жить.

— Отлично. Особенно мне нравится девятый.

Ученая отвернулась, вскарабкалась на плавник урукето и исчезла из виду.

Элем открыла рот, но Вейнте' наставила на нее хесотсан и сделала знак молчать.

Вещи Амбаласи перегрузили с одного урукето на другой. Акотолп, чей страх пропал, как только Амбаласи удалилась, взяла хесотсан Фафнепто и уселась на хвост. В ожидании приказов своей эйстаа.

Гунугул поднялась на урукето последней, когда все было готово. Она обернулась и холодно проговорила, обращаясь к Вейнте':

— Эйстаа в точности узнает обо всем, что здесь случилось. Как умерла Фафнепто. Все.

— Говори, — спокойно ответила Вейнте'. — Я выполнила свое обещание, а теперь делаю то, что нужно мне. Отправляйся.

Она молчала, пока между пристанью и урукето не показалась полоска воды. Потом она повернулась к Энге.

— С этим покончено. Теперь обратимся к будущему. Я просто в восторге от этого чудного, свежего, нового города. Расскажи мне о нем.

— Я ничего тебе не скажу. Я отвергаю тебя сейчас, как прежде. Тебя здесь никто не признает.

— Неужели ты ничего не понимаешь? Как ты не можешь понять, что теперь я буду приказывать? Годы твоего предводительства наконец закончились. Обе мы хотели власти — разве не так? Так признайся себе — дни твоей власти завершились. Ты вела этих заблудших, и поэтому многие умерли. Но ты была сильна — как и я. В конце концов ты увела Дочерей за океан и вырастила для них этот город. Но твои дни сочтены. Теперь я правлю здесь. И ты ничего не можешь с этим поделать. И теперь я буду приказывать, а вы будете повиноваться. — Она приподняла хесот-

сан. — Если мне не будут повиноваться — свое слово скажет оружие. Ты веришь мне?

— Верю. Другой бы не поверила, но тебе верю.

— Хорошо. Тогда я расскажу тебе об этом городе, таком новом, только что выращенном. Я смотрю на него и понимаю, как все было. Вы прибыли сюда, и здесь, где никто еще не бывал, мудрая Амбаласи вырастила для вас город. А поскольку здесь нет эйстаа, вы по глупости своей решили, что город ваш, что он принадлежит Дочерям Смерти. Теперь так не будет. Я здесь эйстаа. И если у города уже есть имя, я не хочу его слышать. Я — Вейнте′, охотница за счастьем, и я хочу, чтобы в названии моего города звучало «муру» в знак того, что он вечен, и «теси» — поймать, схватить это счастье. Так что отныне город именуется Мурувейнтеси — место, где выслеживают и ловят счастье. Разве это не подходящее имя?

— Оно настолько неуместно, что я немедленно отвергаю его. Так поступят и остальные. Оставь нас.

— Нет! Город мой! И вы не будете противиться. Ну, а если будете, вам будет нетрудно справиться со мной. Последний твой шанс, Энге. Сопротивляйся — и город вновь станет твоим! Убей меня, Энге, — и ты снова обретешь власть. Но если вы поступите так, то потеряете все, во что верите! Видишь, Энге, как хорошо я вас изучила. Я загнала вас в угол. Проиграете так и этак.

Энге почувствовала, как в ней разгорается гнев, как большие пальцы сами собой раздвигаются в желании убить эту пакостницу, стремящуюся разрушить все, во что она верила, чему отдала жизнь.

Но она поняла, что, поддавшись ярости, сама все погубит.

Гнев не исчез, но она спрятала его в себе и, бессильно опустив руки, пошла прочь.

— Мудрое решение, — сказала Вейнте′, изогнувшись победной дугой. — Поговори со своими Дочерьми, пусть хорошенько следят за городом, пока ты будешь отсутствовать. У них же просто нет выхода — не так ли? Пусть работают как обычно. Только в моем городе, не в своем. Напомни им, что если они откажутся и будут сопротивляться, то умрут. А вместо них я привезу сюда фарги. Иди же, скажи им и возвращайся. Сегодня мы отплываем в Гендаси: мне нужно сделать еще одно дело, прежде чем я примусь переделывать город. Я очень хочу, чтобы ты видела, как я схвачу устузоу Керрика и убью его. Ты же хочешь видеть это — не так ли?

Глубоко сокрытые гнев и ненависть проступили в глазах Энге. Она долгим взглядом посмотрела на Вейнте′, потом отвернулась и медленно пошла прочь. Вейнте′ жестом потребовала внимания экипажа урукето.

— Кто командует? — спросила она.

— Я, — ответила Элем. — Но я служу только Угуненапсе, а не тебе. Урукето останется здесь. Можешь теперь убить меня.

— Ну-ну, так легко ты не отделаешься, капитан. Умирать будешь не ты — а твои подруги-дуры. В ответ на каждый твой отказ я буду по одной убивать их. Понятно?

Элем зажестикулировала — смятение, неверие, невозможность свершения услышанного.

— Ты сомневаешься? — спросила Вейнте′. — Ну-ка, Акотолп, пристрели какую-нибудь из этих презренных, чтобы остальные поняли, что я не шучу.

— Нет! — вскрикнула Элем, делая шаг вперед и заслоняя подруг, прежде чем Акотолп подняла оружие. — Урукето уйдет по приказу, больше никто не умрет. — Она взглянула на труп Фафнепто. — Хватит и этой.

Оцепенев от отчаяния, Энге шла по городу, шок от неожиданного явления Вейнте′ не проходил. За один день ее низвергли с высочайших вершин надежд в глубины отчаяния. На пути она встретила двоих Дочерей, те отшатнулись — такая боль была в ее движениях. Энге остановилась и привела в порядок свои мысли.

— Передайте всем, чтобы немедленно собирались на амбесид. Произошли события катастрофического характера.

Пока она медленно шла, вся уйдя в думы, весть разнеслась по городу. К ее приходу Дочери уже собрались. Когда она заговорила, молчание было полным. Энге рассказала о том, что случилось. Раздались крики боли и отчаяния, когда она объяснила им, чего надо ждать.

— Мне хотелось бы сейчас сказать всем — надейтесь на лучшее. Но я не могу.

— Нам следует уйти из города, — проговорила Сатсат. — Я помню эту Вейнте′. Разве ее можно забыть? Угуненапса — воплощенная жизнь, Вейнте′ — смерть во плоти. Надо покинуть город. Умрем в обоих случаях.

Энге сделала жест понимания.

— Ты так говоришь от страха. Какой бы ужасной Вейнте′ ни была, она всего лишь иилане′. Мы пришли на край света не затем, чтобы умереть, встретив первое препятствие. Город наш.

Она пытается овладеть им, но мы должны молчать и работать. И говорить будем не с ней, а с теми фарги, которых она может привезти сюда. Если они поймут слова Угуненапсы, то станут такими же, как мы. Тогда мы победим. Я прошу вас только верить в то, что мы делали, и в то, что нам еще предстоит сделать. Оставайтесь здесь. Усердно трудитесь. Когда мы вернемся, всем придется проявить еще больше усердия. Но у нас выбора нет. Если мы истинно следуем учению Угуненапсы, нам не остается ничего другого.

Сатсат, Омал и Эфен прекрасно понимали, что их ждет. Они знали Вейнте′, когда она была эйстаа Алпеасака, задолго до гибели города. Они прекрасно представляли, на что она способна. А потому подошли к Энге и тронули ее большие пальцы как эфенселе, остальные застыли в молчании. Здесь, в этих далеких краях, их объединяла вера в правоту Угуненапсы. И сознание этого успокоило Энге, дало ей силы продолжать.

— Благодарю вас за помощь. Благодарю вас за сочувствие. Этим словом мудрая Амбаласи определила то, что Угуненапса даровала всем иилане′. Я буду помнить это, когда мы уплывем отсюда. И хотя кажется, что надежды нет, я все же надеюсь. Мы можем победить.

С этими словами она покинула амбесид и через весь город пошла к берегу реки. Все были уже в урукето, лишь Вейнте′ стояла на причале, поджидая ее.

Энге ничего не сказала, даже не обратила на Вейнте′ внимания. Она поднялась на плавник и обратилась к Элем:

— Можешь отправляться, когда все будет готово. Делай, как они прикажут: эти твари несут насилие и смерть.

— Правильно говоришь, Энге.

Сверху на них упала тень Вейнте′, но и Элем не обратила на нее внимания.

— Неважно, где ходишь сегодня, если в завтра и завтрашнем завтра будешь идти путем Угуненапсы.

Глава 35

Расставание получилось веселым — таков обычай у парамутанов. Все знали: если печалиться перед дорогой, можно накликать неудачу, бурю, ненастье. Ханат и Моргил, чрезвычайно довольные результатами обмена, с хохотом помогали парамутанам

сталкивать иккергак в море. Огромные волны то и дело окатывали их с головой. Наконец кораблик закачался на воде. Калалекв поднялся на борт последним. Сильные руки помогли ему забраться, подтянув за руки и за хвост.

— После зимы мы вернемся и принесем много разных вещей. Приходите!

— Придем! — отозвалась Армун, стараясь перекричать шум волн. — Мы будем здесь.

— Что сказал мохнатый? — спросил Ханат, выбивая зубами дробь.

Посинев от холода, он закутался в одну из своих новых шкур.

— Они хотят меняться.

— Мы тоже! На будущий год придем пораньше и сделаем порро. Им понравится.

— Даже и не думай, — сказал Керрик, — ты ведь не жил с ними зимой под снегом. Они странный народ.

— А мне нравятся, — вмешался Моргил, — они веселые. А теперь скажи, что за вонючую черную грязь ты зарывал? Я до сих пор чувствую ее запах.

— Эта грязь сохранит нам жизнь, когда они умрут, — сказал Керрик, показывая свой хесотсан. — Парамутаны умеют делать сильный яд, называемый таккуук. Им они убивают самого большого морского зверя. Им можно убивать и мургу. Теперь мы знаем, как его делать. Я-то всего не помню. Его Армун с Калалеквом варили. Все довольно сложно.

— Не очень, — отозвалась Армун. — Просто нужно, чтобы кровь и внутренности перегнили как следует, потом надо добавить коренья. Я знаю это растение, нам всегда запрещали подходить к нему и трогать. Теперь я поняла почему.

— Эта вонь сразит раньше нас, чем мургу, — проворчал Ханат.

— Не думаю. — Керрик поднял копье. — Второй раз его надо зарывать в маленьких кожаных мешочках вместе с наконечниками. Будем закапывать с ним стрелы, специальные стрелы для мургу. И когда будем стрелять в марага, наконечник проткнет мешочек, острие войдет в тело, яд выльется, и тварь погибнет.

— Так и сделаем, — с огромным энтузиазмом откликнулся Моргил. — Мы тебе поможем, Армун, и наделаем кучу стрел с таккууком. А потом предложим их в обмен другим саммадам. Или пойдем в долину саску — поменяем на ткань.

— Ты, наверное, скоро разучишься охотиться, — сказала Армун. — Все бы тебе меняться.

— А что? Захочу — поохочусь, но и меняться — дело хорошее.

Шкур и мехов оказалось столько, что Ханату и Моргилу пришлось вырезать шесты для травоиса. Волокуша была тяжелой, и они по очереди тащили ее на юг. Ночи стояли холодные, днем тоже было зябко, но под новыми шкурами было так тепло спать.

«Звезды здесь как будто поярче, чем на острове, — подумал Керрик, вглядываясь в небо, когда Армун заснула. — Если звезды — тхармы охотников, то где же им светить ярко, как не на севере, где погибли тану. Когда-нибудь снега растают, и они снова вернутся в горы. А пока — все живы, саммады растут, и мургу не страшны, даже если сдохнут все хесотсаны. Завтрашнее завтра сулит добро. Так частенько говорили иилане'». Припомнив эти слова, Керрик машинально шевельнул ногами и сложил руки. Армун застонала во сне, и он замер.

Забыть иилане' и быть только тану...

Они быстро шли по знакомой тропе. Дважды на них набрасывались большие мургу, и тогда приходилось обращаться к стреляющим палкам. Ели досыта. Когда Ханат или Моргил не тянули травоис, они по очереди исчезали в лесу и возвращались с убитым марагом или оленем. Каждую ночь путешественники разводили костер, жарили мясо и наедались на весь завтрашний день. Так они продвигались на юг.

Вскоре им попалась тропа, которая вела к другим саммадам. Завязался спор — не свернуть ли. Ханат и Моргил желали меняться. Керрику было все равно, но Армун держалась твердо.

— Нет. Может быть, они на юге. Если нет — то вы вдвоем в любое время можете сходить к ним. Возвращаемся домой! Там мои дети, и я хочу их видеть.

Она с укором посмотрела на Керрика.

— Ах да. И я тоже. Не будем останавливаться. Идем к нашему острову.

Дни становились короче, и за день им уже не удавалось много пройти. Это раздражало Армун. Она стала заставлять охотников пускаться в путь затемно и не останавливаться до глубокой ночи.

— Я устал, — однажды вечером сказал Ханат, глядя на темнеющее небо. — По-моему, пора остановиться.

— Идем дальше, — сказала Армун. — Я тоже устала, но если доберемся до стоянки возле ручья сегодня, то завтра еще до темноты придем на остров. Иначе я пойду одна. Дайте мне стреляющую палку.

— Ладно-ладно, — отозвался Ханат, налегая на кожаные лямки.

Ночью шел дождь, поутру слегка прояснилось. Армун разбудила охотников, смеясь в ответ на их ворчание. Выйдя на тропу, все заторопились — хотелось побыстрее оказаться дома. Днем они даже не стали делать привал и перекусили на ходу холодным мясом. И ничего не пили — каждый из них мог целый день обходиться без воды.

Керрик не заметил бы тропы, ведущей к острову, но Моргил вовремя остановил его. Не доходя до брода через пролив, они повстречали охотников из своего саммада. Раздались приветствия, сопровождаемые одобрительными возгласами при виде мехов и шкур. Охотники вызвались помочь доставить новые приобретения в лагерь.

Едва они подошли к стоянке, Херилак разразился приветственным воплем. Из шатра появилась Малаген с Исель на руках. Девочка с радостным смехом потянулась к матери, Армун схватила ее и прижала к груди.

— Значит, парамутаны приходили, и вы менялись, — сказал Херилак, щупая мягкие шкуры.

— Да, саммадар. И даже более того, — ответил Керрик. — У них есть штука, которая зовется таккуук, и мы научились ее делать. Это очень важно для тану.

— А где Арнхвит? — спросила Армун, прижимая к себе дочь и оглядывая собравшихся детей. — Где он?

— Его здесь нет. Я знаю, где он, — ответил один из мальчишек. — Он ходит на запретный остров и там дрыгается перед марагом.

Он смеясь стал раскачиваться, но смех тут же сменился жалобным воплем: Армун толкнула его, и мальчишка полетел кубарем.

— Откуда ты знаешь? Ведь ты не был там, это запрещено. Ему нельзя одному ходить туда.

Она гневно взглянула на Керрика.

— Пойду приведу его, — сказал тот, забирая стреляющую палку. — Пойдем со мной, друг Херилак, мне многое нужно тебе рассказать.

— Идем, — ответил саммадар и отправился за луком и стрелами.

— Мы уже добрались до нужного места? — поинтересовалась Вейнте′, сравнивая снимок с проплывающими мимо берегами.

— Да, — ответила Акотолп и ткнула в снимок пальцем. — Мы сейчас здесь, рядом с этими небольшими островами у берега. А вот здесь остров побольше — там и находится логово устузоу.

— Урукето сможет подойти к нему?

— Нет, проливы между островами чересчур мелководны.

— Понятно. А где то место, где обретается иилане′?

— Тут — на острове со стороны моря.

— Здесь и высадимся. Сначала будем говорить с ней. Устузоу коварны. Но мы должны напасть первыми. А она сможет помочь нам. Она скажет, здесь ли тот, который мне нужен, и где его искать. Умрут остальные или нет — для меня неважно. Мне нужна только его смерть. — Она отрывисто приказала Элем: — К острову, ближе. Вызвать наверх Энге.

Урукето приближался к берегу, когда Энге поднялась на плавник.

— Плыви к берегу! — приказала Вейнте′. — Акотолп поплывет за тобой. И не забудь про ее хесотсан. А я поплыву со своим. Если у Элем появится желание немедленно отправиться обратно, едва мы окажемся на берегу, мы убьем тебя. Понятно?

Энге сделала утвердительный жест и спустилась по спине урукето к воде. Следом за ней нырнула Акотолп. Бежать Энге не собиралась, потому что знала — тогда Вейнте′ убьет экипаж урукето. А потому стала ждать Акотолп на берегу. Вейнте′ быстро плыла за толстухой.

— Я пойду первой, — сказала она, — следуйте за мной.

Она неторопливо поднялась на вершину дюны, глубоко взрывая когтями песок. Дюна заросла высокой травой, Вейнте′ медленно раздвинула ее, чтобы посмотреть, что делается внизу. И замерла без движения, только рука за спиной извивалась, требуя молчания. Внизу Вейнте′ увидела две фигуры и прислушалась, о чем они говорят.

— Попробуй снова, — сказал Арнхвит, держа хардальта за щупальца перед Надаске′.

— Грардал, — ответил Надаске′, повторив движение мальчика.

— Не грардал, а хардальт. Хардальт. И не шевели руками.

— Но ты шевелил.

— Да. Но, когда говорят на марбаке, пользуются только звуками.

— Глупая-уродливая-речь. Она годится только для устузоу.

Заметив чью-то тень, Надаске′ взглянул вверх одним глазом и метнулся к укрытию.

— Немедленное прекращение движения! — приказала Вейнте′, спускаясь вниз. — Если у тебя там хесотсан, только тронь — и немедленно умрешь. Выходи, и с пустыми руками!

Надаске′ медленно вышел из шалаша с опущенными руками. Вейнте′ поглядела на него, наклонилась вперед и фыркнула:

— Самец! И вроде знакомый.

— Мы уже встречались, Вейнте′. Ты не помнишь. А я помню. Ты была эйстаа Алпеасака и послала меня на родильные пляжи. Но я вернулся.

Вейнте′ сделала жест холодного негодования по поводу проявленного негодным самцом гнева и сообщила, что с удовольствием отошлет его туда еще раз, — и немедленно. Но ее внимание привлек Арнхвит, который с округлившимися от страха глазами смотрел на нее и на мургу, спускавшихся по склону. Двое, которые держали хесотсаны, двигались угловато и резко — не так, как Надаске′. Он сделал еще шаг назад и остановился, когда первый мараг жестом приказал прекратить движение.

— Я видела, как ты разговаривал с этим самцом. Значит, ты иилане′, но это невозможно-немыслимо. Однако это так. Подойди ко мне, приказываю. Ты понял?

Дрожа от страха, Арнхвит шагнул вперед и сделал жест понимания смысла. Вейнте′ наклонилась к нему — он ощущал отвратительный запах ее дыхания — и прикоснулась пальцем к металлическому ножу, висящему у мальчика на шее.

— Что означает это изделие из металла? Оно маленькое, а мне приходилось держать такое же, только побольше. Но это было очень давно. Большое послужило знаком окончания войны, в которой я должна была одержать победу. Оно висело на шее устузоу-убийцы по имени Керрик. Немедленно объясни.

Арнхвит понял все, что говорила иилане′, кроме имени — Вейнте′ произнесла его неразборчиво. Впрочем, все было и так ясно.

— Есть только один металлический нож подобный этому. Он висит на шее моего... эфенселе.

Более близкого понятия в иилане′ слову «отец» он не знал.

— Значит, ты — эфенселе того, кого я разыскиваю. Но где он, почему ты один? Объясни мне быстро, самец, — приказала она, одним глазом глядя на Арнхвита, другим на Надаске′.

Но тот и не подумал отвечать. Свобода кончилась, и жизнь вместе с ней. Перед ним стояла Вейнте′, известная своей жестокостью. Она, конечно же, будет весьма недовольна его бегством из ханане и тем, что он спасся и свободно жил после гибели города. И она позаботится, чтобы он хорошенько пострадал перед тем, как послать его умирать на пляж. Все кончилось.

Что-то шевельнулось в кустах, Надаске′ бросил туда взгляд. Ничего особенного, какое-то животное — теперь это уже безразлично...

Керрик с Херилаком подошли к протоке, когда из кустов на противоположном берегу выскочил Долл и бросился в воду, всхлипывая и задыхаясь.

Вытащив мальчишку из воды, Херилак тряхнул его.

— Тебе уже была выволочка за то, что ты здесь шляешься. А теперь я выдеру тебя как следует.

— Там мургу! Они пришли с моря, мургу...

Херилак взял его за подбородок и посмотрел в глаза.

— Ну-ка, что за мургу? Те, что убивают стреляющими палками?

— Да, — ответил Долл и скуля повалился на землю. Повернувшись, Херилак бросился вслед за Керриком. Догнав его уже на другом берегу, он схватил друга за плечо.

— Тихо! — приказал Херилак. — Иди тихо, не мчись, иначе выскочишь прямо навстречу смерти.

Керрик отмахнулся и бросился бежать. Там иилане′, и Арнхвит среди них. Спотыкаясь и увязая в песке, он бежал вдоль берега к дюне, укрывавшей жилище Надаске′. И остановился с криком ужаса.

Херилак тоже остановился, увидев четырех мургу, двое из которых были вооружены. Перед мургу стоял мальчик. Выхватив стрелу, охотник натянул лук.

Керрик ударил его по руке, и стрела воткнулась в песок.

— Не надо. Они убьют его. Брось лук. Оставь это мне, Херилак. Я сам.

Он бросил свою стреляющую палку на землю, но Херилак стоял как скала, видя перед собой лишь тех, кого следовало убить. Один из мургу целился в Арнхвита. Будь это его сын, Херилак не стал бы колебаться и пожертвовал бы ребенком, но убил бы всех четверых.

Но Арнхвит — сын Керрика. Однажды Херилак и так едва не стал причиной его гибели. Нельзя допустить смерти мальчика,

даже ценой собственной жизни. Медленно, не сводя глаз с мургу, Херилак нагнулся и положил лук на землю. Уродливый мараг, стоявший перед Арнхвитом, заворчал и задергался, потом раскрыл пасть, обнажив острые зубы.

— Повиновение — точный выбор, — проговорила Вейнте′, победно изогнув руки и разинув рот в знак «поединка победы».

— Пусть маленький идет. Я встану вместо него, — сказал Керрик.

— Значит, ты ценишь жизнь своего эфенселе дороже собственной?

— Это встречается у устузоу, — проговорила Акотолп. — Я изучала этих животных. У них имеет место живое рождение, в маленьких эфенбуру отмечается большая взаимная привязанность...

Она умолкла от резкого окрика Вейнте′.

— Все заканчивается здесь, Керрик. Слишком долго ты воевал со мной, слишком многих убил. Пришла моя победа. Теперь у меня собственный город. Он будет процветать и расти. Сейчас ты умрешь и эти устузоу тоже. И умрете, зная, что умираете первыми. Я еще вернусь сюда с фарги и стреляющими палками, выращенными верной Акотолп. Я вернусь и буду преследовать ваш род по всей Гендаси. Найду каждое вонючее логово и убью каждого устузоу. Думайте об этом, умирая. Думайте как следует. Я дам вам время подумать, чтобы знание это заполнило вас целиком.

Подняв вверх оружие, Вейнте′ излучала триумф. Вокруг нее все застыли в молчании и ужасе. Энге не могла шевельнуться, в ней боролись убеждения и желание убить Вейнте′. Арнхвит был раздавлен ужасом. Надаске′ застыл как каменный. И только Акотолп жестикулировала, изображая понимание и совершенство действий.

Надаске′ шевельнулся, Вейнте′ внимательно посмотрела на него, потом вновь уставилась на Керрика, заметив, что жалкий самец отвернулся, не в силах выдержать ее взгляда.

Надаске′ обернулся к перепуганному мальчишке и в жесте симпатии и понимания положил большие пальцы ему на плечи.

Вейнте′ подняла хесотсан и прицелилась в Херилака.

— Ты будешь последним, Керрик. Сначала увидишь, как умрут твои эфенселе.

Надаске′ быстро сорвал с шеи Арнхвита металлический нож и, резко обернувшись, воткнул его сбоку в шею Вейнте′.

Время остановилось. Глаза Вейнте′ расширились от боли,

руки стиснули хесотсан, который стал отчаянно извиваться в железной хватке. Надаске′ повернул нож, и кровь хлынула ему на руку.

Вейнте′ пошатнулась и рухнула, успев нажать на хесотсан. Треск прозвучал глухо — прямо на нее свалился Надаске′.

Акотолп, никогда не бывшая иилане′ действия, в ужасе глядела на тела. И прежде чем она решила пустить в ход хесотсан, оружие вырвали сильные руки Энге.

— Конец убийствам! — закричала Энге, поднимая оружие над головой и забрасывая его далеко в море.

— Конец убийствам! — эхом отозвался Керрик на марбаке, мягко останавливая руку Херилака, потянувшегося за луком. — Этот мараг — мой друг. Она не убивает.

— Может быть... А этот жирный?

— Она сейчас умрет, — сказал Керрик и перешел на иилане′: — Ты умрешь — разве не так, Акотолп? Тебе следовало умереть, когда погиб Алпеасак, но ты спаслась. Ты всюду следуешь за Вейнте′! Но она умерла. Почему же ты жива? Тебя нет нужды убивать, сейчас ты сама умрешь. Отправляйся следом за ней.

Акотолп внезапно охватил ужас, и она поняла, что устузоу прав. Пришла смерть... смерть.

Глаза ее остекленели, и ученая грузно повалилась на песок. Немного подергалась и застыла.

Арнхвит со слезами бросился к отцу и обхватил его обеими руками. Керрик поднял мальчика и прижал к себе.

— Все наконец кончено, — проговорил он усталым негромким голосом. — Погиб наш друг Надаске′, но лучшей смерти для него нельзя было придумать. Когда ты станешь взрослее, ты это поймешь. Ему не придется теперь идти на пляж. И его мы всегда будем помнить — ведь он убил ту, которая хотела убить всех нас. — Он посмотрел на Энге. — С ней еще кто-нибудь есть?

— Никого... только Дочери Жизни. Таких, как она, среди нас нет.

Керрик смотрел на распростертое тело Вейнте′. Мертва наконец. Убийца из убийц, мертвая, под трупом того, кто ее сразил. В горле возник комок. Керрик ощутил ужасную тоску.

— Не хочу больше слышать о смерти, думать о смерти, видеть ее. — Он обернулся к Херилаку и, мягко разжав руки сына, передал ребенка старшему охотнику. — Отведи мальчика к матери. Долл уже, наверное, наделал шума. Останови охотников, здесь

для них нет никакого дела. Объясни Армун, что здесь произошло, скажи, что я скоро приду.

Херилак взял мальчика за руку и кивнул.

— Сделаю, как ты говоришь, саммадар. Но я видел, как эти двое убили друг друга, а третий лег и помер. Что произошло?

— Вернусь и все расскажу. А пока знай — та, что лежит в собственной крови перед тобой, вела мургу против нас. Она убита, и вражда закончилась. Битва завершена.

— Значит, мы победили?

— Не могу так сказать. Разве может быть в такой войне поражение или победа? Хватит с нас. Все кончилось.

Он смотрел вслед Херилаку, уводившему его сына. А потом обернулся к Энге, застывшей в каменном молчании, после того как она отобрала оружие у Акотолп.

— Я только что велел передать моему народу, что война между нами закончилась. Так ли, учительница?

Энге сделала знак согласия и триумфа.

— Закончена, ученик мой. Пойдем со мной на берег — я хочу позабыть весь этот ужас. Мои спутницы на урукето должны узнать, что и их страхи кончились. Я многое должна тебе рассказать. Когда ты был мал, я рассказывала тебе о Дочерях Жизни, только едва ли тогда ты сумел что-то понять. А теперь знай, что нас, Дочерей, много. Мы никого не убиваем, и у нас есть собственный город — Город Мира.

Они поднялись на вершину дюны, вздымавшуюся над берегом океана. Урукето качался на прибрежных волнах, набегавших ему на спину. Энге потребовала внимания и простейшим из жестов фарги велела всем плыть на берег.

— Может быть, все города теперь станут такими. Нам от иилане′ нужен только мир — как и от вас.

Она повторила сигнал, наконец иилане′ поняли его и полезли в воду, спускаясь по плавнику. Энге повернулась к Керрику, выражая одновременно сомнение и надежду.

— Я думаю, что все города иилане′ оставят теперь ваш род в покое, ведь каждая эйстаа знает, какую ужасную смерть вы можете принести. Ну, а вы будете нападать на города?

— Нет, конечно. Сейчас все узнают, что произошло, и никто более не ступит в Алпеасак.

— Никогда? Настанет день, и ты умрешь, Керрик. А что будут делать устузоу, когда тебя не станет, а богатый и обильный Алпеасак будет рядом? Обильный и беззащитный...

— Новой войны не будет.

— Пусть будет правда в твоих словах. Я вижу сейчас мир, мир длиной в твою и мою жизнь. Но я думаю о завтрашнем завтра. И я вижу твой народ во множестве приходящим в мой город и отбирающим мир у Дочерей Жизни.

— Этого не будет.

Керрик смотрел, как иилане′ выбирались из урукето на берег и застывали в оцепенении, завидев Энге, показывавшую «конец конфликту — конец убийствам». И понял, что она отвечала не ему.

Однако приходилось принимать такую возможность. Иилане′ не изменятся, они не в силах измениться. Но тану все время узнают новое и меняются. И если дело вновь дойдет до столкновения — каким будет его исход?

— Я еще кое о чем хотела тебе сказать, но нам пора отплывать, — проговорила Энге.

— Да, хотелось бы поговорить, но нет времени. Увидимся ли мы, Энге?

— Надеюсь, что это возможно, но думаю — едва ли.

— И я тоже. Мой друг Надаске′ погиб. Теперь ты среди иилане′ единственная, кого я могу считать другом. Я буду помнить о нашей дружбе. Но сегодня, увидев гибель Вейнте′, я понял, что хочу забыть об иилане′. Довольно, Энге. Я — тану, и им останусь.

Энге хотела рассказать ему об Угуненапсе и Духе Жизни, но, заметив холодность в его позе, не решилась.

— Ты такой, какой ты есть. Ты — это ты.

Она повернулась, скользнула в воду и поплыла. Он смотрел, как остальные последовали за ней и первые двое взобрались на плавник урукето. Живое судно устремилось в открытое море.

Керрик вновь поднялся на дюны. Трое мертвых иилане′ лежали на песке, облепленные мухами. Нагнувшись, он выдернул металлический нож из шеи Вейнте′, вытер его о песок. Трупы надо похоронить. Это посмертное объятие вовсе неприлично. Он стащил мертвого Надаске′ с Вейнте′, закрыл невидящие глаза друга и уложил тело на песок. Собравшись уходить, он вдруг вспомнил о ненитеске.

Фигурка стояла на полочке в глубине укрытия Надаске′. Металл холодил пальцы, красные камешки глаз блеснули на солнце, когда Керрик поднял ее повыше.

И с фигуркой в одной руке, и с ножом сына в другой Керрик повернулся к иилане′ спиной и устало зашагал к стоянке тану.

Так было, и пусть все помнят об этом. Так говорит алладжекс, когда рассказывает о минувших днях. Ashan etcheran variadith, aur skennast man eis. Так это звучит на марбаке. Думаю, что теперь на сесеке мне этого не сказать. Армун может: языки всегда ей давались легко. Парамутаны сказали бы что-нибудь вроде: Harvaqtangaq netsilikaktuvuk. Мы каждый год встречаемся с парамутанами. Меняемся с ними. То есть меняются другие тану, — а мне просто приятно побыть среди этих странных дружелюбных людей. Кстати, порро мы им не возим — хватило первого и последнего раза. Поломанные руки и ноги срослись, а вот новый глаз вместо выбитого не вставишь.

Армун поговаривает о том, чтобы снова сплавать с парамутанами за океан, и я отвечаю — почему бы и нет? У нашей дочери Исель теперь свой охотник, они с ним ушли на север. Арнхвит пока с нами. Он вырос и стал сильным и искусным охотником; у него теперь свой саммад. Как многие из детей, рожденных на острове, он не ощущает потребности скитаться весь год, повинуясь охотничьему зову. Я знаю, женщинам такая жизнь нравится. Они не хотят покидать свои засеянные харадисом поля, свои печи и ткацкие станки. Когда здесь становится очень жарко, они начинают твердить: как бы нам хотелось сейчас к снегам и морозам... женская болтовня. Из прежде живших здесь саммадов многие ушли, и на их месте теперь живут другие. Некоторые тану умерли. Хромой Ортнар жив и по-прежнему ворчит. А могучий Херилак, переживший столько сражений, не проснулся однажды — так и окоченел ночью под боком у Меррис. Странные вещи случаются. Теперь она растит сына, Терина. Он уже большой и очень похож на отца.

Так было, и пусть все помнят. Это легко сказать на иилане′: lulukhesnii igikurunke', marikulugul marikakotkuru — и приподнять хвост, чего я никогда не мог сделать. Надо бы сходить в город — в Алпеасак — и поговорить с ними. Интересно — правит ли еще Ланефенуу? Если она жива, то, конечно же, до сих пор эйстаа. Ее так просто не вытолкнешь с этого места. Надо побеседовать с ней. Я пытался разговаривать с Арнхвитом, но он твердит, что и слова больше не скажет на иилане′. Хватит, мол, с него и марбака. Я не спорю. Интересно, не забыл ли сын своего друга Надаске′, сразившего Вейнте′ его же собственным ножом и убитого прямо у него на глазах? Прежде все это снилось ему по ночам, и

он просыпался в слезах — и так было долго. Я думаю, что он прав. Теперь ему незачем помнить речь иланэ'. И он не захотел тогда брать назад свой нож — даже когда я до блеска начистил его. Теперь этот нож носит на шее его сын, а Арнхвит носит мой. Отец и сын — так и должно быть.

Иногда мне не хватает его прохладного прикосновения к груди. Но блестящее металлическое кольцо осталось на месте. Вейнтэ' вырастила его, чтобы не дать мне убежать от мургу. Она умерла давно, но все-таки поздно. Несть числа погибшим от ее руки. Скоро я пойду в Алпеасак. Надо сказать, чтобы они были осторожны, укрепили стену, может быть, перенесли родильные пляжи в другое место. Недавно молодые охотники принесли мне отрубленную голову, чтобы я сказал — не марага ли убийцу сразили они? Голова была не страшная, выпученные глаза, отвисшая челюсть. Просто фарги, только что из воды. Я объяснил им, что это за существо, и запретил убивать их. Охотники хохотали. Они еще уважают меня, но уже не слушаются.

Как сказала при расставании Энге? Давно это было... «Мир не всегда будет принадлежать иланэ'». Тогда я не поверил ей. А сейчас верю. Вокруг появилось множество тану, саммадов не перечесть. Многие ушли с острова. И я думаю, придет время — не завтра, не скоро, не при моей жизни, — когда тану станет столько, что охотники захотят охотиться на землях, где растет Алпеасак. Захотят поохотиться на стада, принадлежащие мургу. Я уже чувствую это.

Хотелось бы снова побывать в долине саску — только путь далек. Ханат и Моргил ходили туда, вернулись и сказали, что у саску все по-прежнему. И всегда будет по-прежнему, ибо таков этот народ.

Думаю, следует сходить в Алпеасак. Предупредить, чтобы получше стерегли свои пляжи — иначе погибнут другие фарги. Иногда далеко в океане проплывает их урукето — значит, они знают, что происходит в других городах иланэ'. Интересно, что им известно об Энге и ее новом городе на юге? Она объясняла, кто такие Дочери Жизни, но я не понял. Энге и Вейнтэ' — ночь и день. И у тану так бывает, а не только у мургу. Мы живем в странном мире.

Странно. Кто-то мне говорил об алладжексе и назвал его старым Фракеном. Лыс он — наверное, поэтому. Только я помню его парнем-без-имени. Мир меняется, я понимаю.

Скоро пойдет дождь. У меня всегда ломит бедро перед дождем. Может быть, сегодня я схожу на охоту. Впрочем, мяса хватает. Пойду на остров, где жил Надаскэ'. Одинокий... бедняга. Впрочем, что это я? Он покинул ханане, жил на воле, научился охотиться и ловить рыбу. Научился убивать — чего самцы иланэ' не умеют... Умелый был удар. Точный. Никогда его не забуду.

Другие-то забыли, конечно. Все забыли. А я не забуду. У Ерманпадара никогда не было более яркой звезды. Впрочем, может быть, у иланэ' нет тхармов... Я не знаю.

Я был рожден тану, потом меня сделали иланэ', и я снова стал тану.

На самом деле я и то и другое. Мне все равно. Временами я ощущаю странное одиночество. Армун со мной — значит, одиночество имеет другие причины.

Я должен идти в Алпеасак, должен говорить с эйстаа... Это нужно было сделать давно, много лет назад. Может быть, уже слишком поздно. Боюсь, что так. Слишком поздно.

Так было, и все должны помнить об этом.

Вот и весь мой рассказ.

Приложение

ИИЛАНЕ′

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

Последующие заметки были переведены с языка иилане′, что сложно уже само по себе. Перевод с этого языка не может не оказаться вольным, и переводчик заранее приносит свои извинения относительно ошибок и неточностей, которые могут вкрасться в текст.

ИСТОРИЯ МИРА

Начиная изложение истории, следует указать, что излагаемая здесь концепция существенно отличается от многих, прежде пользовавшихся популярностью. Она отличается уже в своей основе, что должен учитывать и справедливый читатель. Долгая история иилане′ слишком долго являлась полем деятельности одних только сказочников и мечтателей. Интеллигентные иилане′ с невозмутимым спокойствием отнесутся к любым ошибкам в трудах по биологии или, скажем, по физике, но немедленно начнут возмущаться любыми отклонениями от привычной канвы в общепринятых изложениях так называемой истории, какой бы неправдоподобной ни являлась общепринятая концепция. Ярким примером тому является популярная «История Мира», в которой описывается, как семьдесят пять миллионов лет тому назад огромный метеорит столкнулся с Землей, погубив восемьдесят пять процентов существовавших в те времена видов. Далее в подробностях описывается развитие теплокровных существ, ставших доминирующей формой жизни на этой планете. Такими-то сказками и пичкают публику современные авторы, дабы не утруждать себя точными исследованиями. Никогда метеорит такого размера не сталкивался с Землей! И мир, который мы видим своими

глазами, всегда был и вечно пребудет. Поэтому, прежде чем продолжить, необходимо определить смысл самого понятия «история».

В наши дни история не только не является точной наукой — по сути своей она неточна настолько, что зачастую является плодом вымысла, а не итогом анализа фактов, сонмом фантазий, а не результатом цепи логических построений. Такое, конечно, присуще самой природе иилане′. Нас не волнуют края, где приходилось бывать, нас интересуют только те, по которым ступают сейчас наши ноги. Кратковременные перемены нас развлекают, но одновременно все мы жаждем, требуем, чтобы будущее ничем не отличалось от настоящего, не грозило нам переменами, даже возможностью их. И поскольку эта устойчивая тенденция есть часть нашей природы, прошлое не доставляет нам удовольствия: а вдруг в нем отыщутся долговременные отличия, оскорбительные для нас. Потому-то мы и пользуемся понятием «яйцо времен», предполагая, что мир остается неизменным с тех пор, когда он был еще новым.

Это неверно. И в долгой жизни народа иилане′ настало время признать, что известная нам история не имеет абсолютно никакой ценности. Нашу работу мы хотели бы назвать «Новой историей», но воздерживаемся, поскольку такое название предполагает наличие существования и «Старой истории», которой не существует. А потому мы просто отвергаем все предшествующие работы и заявляем, что существует только одна история. Эта.

В воссоздании нашей истории нам помогла горстка иилане′, интересующихся геологией и палеонтологией. Чтобы воздать должное этим наукам, мы утверждаем, что они истинны в той же мере, как физика или химия, и вовсе не могут служить предметом лукавых насмешек, как принято ныне. Прошлое существовало, хотим мы этого или нет, как бы мы ни хотели игнорировать этот факт. При такой точке зрения требуется большая смелость, чтобы признать простой факт — иилане′ вовсе не появились ниоткуда, едва раскололось яйцо времен. В этом правда истории, и она нас питает и восхищает.

Позволим себе еще одну вольность. Мы не собираемся возвращаться к абсолютному началу, к появлению прокариотов. Есть работы, в которых возникновение жизни описывается в куда больших подробностях. Наш рассказ начинается около 270 миллионов лет до н. э. (до нашей эры), когда доминирующая роль рептилий уже установилась на Земле.

В те времена существовали четыре основные группы рептилий, известных под названием текодонтов. Эти примитивные существа были прекрасно приспособлены для охоты в воде. Они были великолепными пловцами, с сильными, сплющенными по бокам хвостами. Некоторые из текодонтов оставили море и вышли на сушу. Их способ передвижения здесь предоставлял им преимущество перед многими обитателями суши, вроде протерозухиев, предков современных крокодилов. Все видели, как неуклюже расхаживают крокодилы, виляя всем телом, фактически подвешенным между четырьмя ногами. Конечности высших текодонтов двигались в ровной походке вперед, вверх и назад.

Поскольку история тех дней существует лишь в окаменелостях, в ней обнаруживается немало пробелов. Пусть отдельные детали остаются неясными — общая линия развития событий вполне очевидна. Нашими далекими предками были существа, именуемые мозазаврами. Эти морские ящеры превосходно приспособились к жизни в воде; у них появился хвостовой плавник, лапы превратились в ласты. Одной из форм мозазавров были тилозавры — существа огромные и симпатичные. Они были поистине огромными — длина тилозавра больше чем в шесть раз превышала рост иилане′ — и симпатичными, — ведь они во многом похожи на нас. Причина этого заключена в том, что они-то и были нашими прямыми предками.

Если поставить рядом модели скелетов иилане′ и тилозавра, каждый немедленно заметит сходство. И число пальцев на каждой конечности — по четыре и на руках, и на ногах. У нас по четыре пальца на каждой руке, из них два больших. Удобен и относительно короткий хвост, похожий на наш. Сходство очевидно и в строении грудной клетки, начинающейся от ключиц и кончающейся у таза. Поглядите на оба скелета, и вы увидите перед собой будущее рядом с прошлым. Мы, потомки жителей моря, приспособились к жизни на суше.

Такова наша истинная история, не имеющая ничего общего с загадочным появлением из яйца времен. Мы — потомки благородных существ, около сорока миллионов лет назад превратившихся в иилане′.

РАННЕЕ ВРЕМЯ

Излагаемое далее во многом является результатом вынужденных догадок. Но это итог обоснованных размышлений, а не зыбких сказочных фантазий, подобных выдуманному гигантскому

метеориту. Записанные в горных породах анналы еще надлежит прочитать. Мы всего лишь собираем и складываем воедино известные факты, как куски разбитой яичной скорлупы.

Если вы хотите сами собрать вместе части головоломки, обратитесь к соответствующим геологическим и палеонтологическим текстам. Они откроют вам происхождение видов, расскажут, как ранние формы превращались в поздние. Вы узнаете историю различных ледниковых эпох и о дрейфе огромных плит-континентов. Скалы поведают вам, что северный магнитный полюс Земли не всегда находился на юге, как ныне, а в разные геологические эпохи пребывал то на севере, то на юге. Вы можете проверить все это сами... или удовлетвориться нашим кратким изложением.

Представим же себе мир, каким он был сорок миллионов лет до н. э., когда первые простодушные и счастливые иилане′ населили Землю. Мир был тогда более теплым и влажным, он изобиловал пищей. Как и сейчас, иилане′ были плотоядными, поедали мясо сухопутных и морских существ. Молодняк, как и теперь, собирался в море в эфенбуру, все вместе трудились и были сыты. Геология не знает четких свидетельств того, что произошло, когда они вышли на сушу, и мы можем только догадываться.

Научившись в море взаимопомощи, иилане′ не забыли о ней, выйдя из океана на твердую землю. В те времена, как и ныне, самцы были такими же простыми и добродушными существами и нуждались в защите, когда становились вялыми, когда росли яйца и пляжи приходилось охранять. Пищи хватало с избытком, жизнь была прекрасна. Вот тогда-то оно и было, яйцо времен, истинное, а не воображаемое, и жизнь была безмятежной и простой.

Уже в те ранние времена зародились семена науки иилане′, дошедшие до наших дней. Их можно видеть в терновой стене города.

Для защиты самцов от хищников ловили крупных ракообразных, своими клешнями оборонявших пляжи. Большие клешни — надежная защита, поэтому отбирали самых крупных. На рифах сажали самые прочные и ядовитые кораллы, чтобы оградить пляжи с моря. Вот они, первые, робкие шаги той могучей науки, той биологии, которой мы теперь овладели.

Но простому существованию настал конец. Иилане′ наполняли сушу и океан и однажды переросли свой первый город на берегу древнего моря. Был построен второй, а за ним и другие.

Стало мало еды, и пришлось научиться возводить стены, ограждать ими поля и выращивать домашних животных, охраняя их от хищников.

Так иилане′ доказали свое превосходство над низшими формами жизни. Возьмем тиранозавра, такого же хищника, как и мы сами. Эти глупые гиганты умеют только преследовать, убивать, рвать тела жертв, оставляя на костях большую часть мяса. Они не думают о завтрашнем дне, не выращивают стад, не бракуют слабейших. Это безмозглые разрушители. Высшие же иилане′ — разумные хранители. Для ученого обе формы равны. И уничтожить любой вид, населяющий Землю, все равно что уничтожить свой собственный. Наше уважение к жизни явствует из разнообразия животных на наших пастбищах, они исчезли бы тысячи и тысячи лет назад, если бы не мы. Мы созидатели, а не разрушители, хранители, а не потребители. И когда мы учтем все это, станет понятным, почему именно мы доминируем на планете. Этот результат не случаен, он завершает логическую цепь обстоятельств.

ФИЗИОЛОГИЯ

Чтобы понять нашу физиологию, ее придется сравнить с физиологией прочих животных. Простые существа, вроде насекомых, пойкилотермны. Это значит, что они неразрывно связаны со средой обитания: температура их тел равна температуре окружающего воздуха. Этого достаточно для существ некрупных, но при больших размерах тела более сложные организмы нуждаются в регулировке температуры. Эти животные являются гомеотермными: температура их тел в основном постоянна и не зависит от температуры окружающей среды. Иилане′ принадлежат к числу теплокровных и экзотермических существ. Все важные формы животных в мире экзотермичны; этот способ контролирования температуры тела куда более выгоден, чем используемый устузоу, тела которых постоянно поддерживают одну и ту же температуру.

Мы — единое целое со своей средой, и природные различия температур позволяют нам поддерживать температуру собственного тела. После прохладной ночи мы греемся на солнце; если нам становится жарко — мы выходим на ветерок, отворачиваемся от солнца, раздуваем гребни, даже прячемся в тень. Мы делаем это бессознательно и температуру тела поддерживаем столь же автоматически, как и дыхание.

Наша физиология во многих аспектах совершеннее, чем физиология эндотермичных устузоу. Нам не приходится вечно искать пищу для жаждущих клеток, наш метаболизм перестраивается согласно обстоятельствам. Например, во время долгих морских переходов на урукето мы попросту замедляем скорость всех обменных процессов. Субъективное время при этом течет быстро, каждый субъект потребляет меньше пищи.

Еще более удивительным примером нашего физиологического превосходства, потрясающей особенностью, присущей одним лишь иилане′, является неразрывная связь нашего метаболизма и нашего общества. Мы — это наш город, наш город — это мы с вами. Никто из нас не сможет прожить в одиночестве. Это доказывается необратимыми физиологическими переменами, имеющими место в тех очень редких случаях, когда отдельная индивидуальность нарушает какие-то из законов, совершает проступок, недопустимый с точки зрения иилане′. Чтобы наказать заблудшую, не требуется никакого внешнего физиологического насилия. Правосудие совершается внутри ее тела. Эйстаа, в которой находят воплощение город, наше общество, наши законы, только приказывает преступившей законы покинуть город, лишает ее имени. И праведно отвергнутая своим городом индивидуальность претерпевает необратимые физиологические перемены, оканчивающиеся ее гибелью.

Механизм этот имеет гормональную природу, основываясь на действии пролактина, обычно регулирующего наш метаболизм и сексуальное поведение. Когда преступница выслушивает приговор, ее гипоталамус перегружается и переходит на равномерный, но неравновесный режим. Нашим предкам этот механизм позволял выживать, впадая в спячку. Теперь, после значительного развития, эта реакция организма иилане′, безусловно, приводит к фатальному исходу.

ПИТАНИЕ

Сказано: загляни ей в рот и узнаешь, что она ест. Форма зубов определяется видом питания. Плоские квадратные зубы ненитеска перетирают огромные массы растительности, а острые зубы спереди позволяют срывать растения. Аккуратные ряды остроконечных зубов в наших ртах свидетельствуют не только о здоровье, но и о плотоядности. Сила и прочность челюстей указывают нам, что некогда челюсти играли значительную роль в процессе питания. Ведь и мы можем зубами разгрызать раковины, чтобы достать вкусных моллюсков.

РАЗМНОЖЕНИЕ

О некоторых вещах не принято говорить, и это правильно: так и надлежит поступать в хорошо организованном обществе. Когда мы еще молоды, жизнь в море сулит нам одни только удовольствия. Когда мы становимся фарги, мы по-прежнему радуемся бытию; простому уму этих созданий не под силу воспринимать сложные идеи.

Став иилане′, мы не только обретаем возможность обсуждать любые вопросы, мы обязаны это делать, ведь мы собираемся понять мир, в котором живем. Жизненный цикл иилане′ совершенен и симметричен, и мы начнем рассмотрение его с самого начала, с того самого момента, когда молодняк оставляет отца и уходит в море.

Тогда и начинается сознательная жизнь, и, хотя все ранние действия: дыхание, плавание, собирание в стаи — являются чисто инстинктивными, — уже начинает развиваться разум. Вступают в действие механизмы общения, наблюдения, размышления и получения выводов. Члены молодых эфенбуру учатся, наблюдая за теми, кто старше.

Тогда и начинается речь, язык. Две школы исследователей языка по-разному видят его происхождение. Оставив в стороне подробности, их можно назвать «плы-плы» и «пин-пин» теориями. В «плы-плы» теории считается, что первые наши попытки к общению вызываются подражанием другим морским созданиям: то есть движение руки, подражающее плавающей рыбе, используется для обозначения понятия «рыба». С другой стороны, последователи «пин-пин» теории утверждают, что первыми были звуки, похожие на те, что издают рыбы. Мы не знаем и никогда не узнаем, какая из этих теорий верна. Но все мы знаем, как молодняк учится разговаривать в открытом море.

Они используют те же элементы, которыми воспользуются позднее, но в значительно упрощенной форме. Основных жестов, цветовых изменений ладоней, простейших звукосочетаний достаточно, чтобы объединять членов эфенбуру, создавать между ними прочные, на всю жизнь, связи, обучать их взаимопомощи и сотрудничеству во всей их значимости.

Но, оставляя море, фарги узнают, что в мире есть трудности. Можно предположить, что в давние времена, когда раса наша еще была молодой, между нами не могло быть суровой конкуренции. И только в развитом обществе, когда общение обрело особую важность, начала страдать отдельная индивидуальность.

Закон природы состоит в том, что слабые не выживают. Быстрые рыбы съедают медленных, которые не оставляют потомства. Но быстрая рыбина передает свои гены, закрепляет фактор скорости плавания. Так происходит и с иилане′; ведь многие фарги так и не научаются говорить в той мере, что необходима для понимания всех радостных городских дел. Их кормят, конечно, ведь иилане′ своим в еде не отказывают. Но они нежеланны в городе, чувствуют беспокойство, тревогу, когда видят, как преуспевают в речи остальные из их эфенбуру. Упав духом, они принимаются сами ловить рыбу в море, а потом пропадают бесследно. Им можно только сочувствовать, но помочь таким мы не в силах. Закон природы гласит, что слабый должен уступить место сильному.

Не будем упоминать, что все они, сами уходящие навстречу судьбе, конечно же, самки. Насколько нам известно, всех самцов немедленно отлавливают, едва они выходят из океана, и потом тщательно ухаживают за ними. Погибнет общество, которое позволит пропадать этим простодушным, ласковым и бездумным созданиям. Еще влажными от волн морских их отводят в ханане, где они будут вести, как и положено, спокойную и беззаботную жизнь. В сытости и безопасности проводят они счастливые дни, ожидая того дня, когда смогут выполнить свой долг в деле сохранения расы.

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

Последующее может оказаться сложным для восприятия. Излагаемые подробности могут оскорбить деликатных особ. Поскольку авторы поставили своей целью только информировать, те, кто считает, что дальнейшее их не обрадует, могут ограничиться последующим абзацем, перейдя далее непосредственно к разделу «Наука иилане′».

Существует процесс, называемый размножением, когда малая частица тканей самца, называемых спермой, соединяется с женской яйцеклеткой. Она растет, превращается в яйцо, выращиваемое самцом в специальном кармане. Вынашивая яйцо, согревая его и заботясь о нем, самцы становятся очень жирными, сонными и блаженствуют. Наступает день, когда яйцо раскрывается и очаровательное существо отправляется в море, на чем и заканчивается весь процесс.

ПОДРОБНОСТИ, КОТОРЫЕ МОЖНО СЧЕСТЬ ОСКОРБИТЕЛЬНЫМИ

Сперма и яйцеклетка соединяются во время процесса, технически именуемого соитием. Ниже приводится описание.

Самка специальными действиями возбуждает самца. Когда это происходит, один или оба его репродуктивных органа выступают из кожистого мешочка возле основания хвоста. После этого самка оседлывает самца, вводя его пенис в свою клоаку. В это время в результате взаимной стимуляции, которой мы не будем здесь касаться, самец извергает большое количество спермы. Высокоспециализированные клетки вливаются в яйцеклетки самки, образуя оплодотворенные яйца.

Одновременно со спермой извергается простагландин, под действием которого тело самки обретает жесткость; кроме того, это вещество значительно удлиняет время полового соединения — почти до целого дня (соитие, не связанное с выделением гормона, технически именуется извращением и не будет рассматриваться нами). За это время оплодотворенные яйца быстро развиваются, растут и наконец выделяются, попадая в карман в теле самца.

Роль самки на этом окончена, она выполнила свое жизненно важное дело, и ответственность за продолжение рода иилане′ далее лежит на самце. Оплодотворенное яйцо содержит гены самца и самки. В кармане они прирастают к стенке, образуя плаценту, и растут, получая питательные вещества из тела самца. В теле того происходят при этом существенные изменения. Во-первых, возникает потребность вернуться в море, теплое море, и в течение первых двух дней это осуществляется: для выращивания яиц необходима постоянная температура. Оказавшись на берегу моря, самцы испытывают физиологические перемены, они становятся рыхлыми и вялыми, большую часть времени они проводят во сне. В этом состоянии самцы и остаются, пока молодняк не проклюнется из яиц и не войдет в море.

Следует помнить, — хотя это несущественно с точки зрения продолжения рода, — что во время метаболического процесса возвращения к нормальному образу жизни на каждом пляже каждый год погибают несколько самцов. Но они уже выполнили свое дело, и участь их несущественна.

Так жизненный цикл иилане′ начинается заново.

Существует много наук, представляющих собой специализированные отрасли знаний, и рассматривать их в подробностях слишком обременительно для краткой истории. Интересующиеся могут обратиться к трудам в области хромосомной хирургии, химии, геологии, физики, астрономии и др. Здесь мы коснемся только генетического конструирования и математики.

Как и все прочее в истории иилане′, истоки наших биологических исследований затерялись в дымке времен. Однако можно сделать ряд логических заключений, объясняющих известные факты. При наличии соответствующего терпения — и времени тоже — можно решить любую биологическую проблему. Можно предположить, что первоначально все ограничивалось примитивной селекцией. Но постепенно вопросам размножения стало уделяться существенное внимание, начались исследования генетических структур. Настоящим прорывом был, вероятно, момент, когда исследователям удалось кристаллизировать геном, заморозить его эволюционное состояние. Лишь остановив эволюцию, сумели мы понять ее.

Здесь несведущий удивится, даже захочет спросить: как можно остановить эволюцию и внести изменения в гены? Ответ не относится к простым, и, чтобы все было понятно, придется начать с начала.

Чтобы понять генетическое конструирование, надо представить себе общую биологию жизни на этой планете. Есть два типа организмов. К прокариотам относятся бактерии и сине-зеленые водоросли. Позже мы обратимся к более крупным и сложным эукариотам, а сейчас внимательно рассмотрим прокариоты.

Все они содержат генетический материал в виде колец ДНК или РНК, как в некоторых вирусах. Эти крошечные организмы экономно используют генетический материал, поскольку области кодирования перекрываются. Гены разделяются особыми последовательностями ДНК по крайней мере с двумя целями. Во-первых, для контроля за генетическими функциями — за считыванием информации продуктами кодированных энзимов в оперонах. И для воссоздания последовательностей, распознаваемых транскрибирующими или репликаторными энзимами. Во-вторых, существуют и такие последовательности ДНК, что включают ДНК, разделяющие гены, в иные полосы ДНК. (Например, при действии плазмида или бактериофага на бактерию или виру-

са на эукариоты.) Некоторые бактерии производят энзимы, буквально перерезающие или, напротив, соединяющие ДНК за счет воспроизведения характерных для этого последовательностей в обоих нуклеотидах. С помощью энзимов возможно определить последовательность расположений в ДНК отдельных отрезков. Это производится путем их последовательной обработки энзимами, узнающими различные последовательности. Затем каждая смесь укороченных цепей обрабатывается другими энзимами.

Процесс требует времени, множества попыток. Но терпение иилане' безгранично, и у нас были миллионы лет на усовершенствование процесса. Чтобы проконтролировать последовательность расположения отрезков в цепях ДНК и РНК, использовались радиоактивные маркеры. Потом специальные энзимы вырезают нужный кусок цепочки и вставляют его в ДНК другого организма.

Так модифицируются бактериальные цепи ДНК. Сначала с помощью плазмидов. А потом с помощью фагов и вирусов, в естественных условиях заражающих бактерии. И, наконец, с помощью космидов, искусственных цепей ДНК, оснащенных особыми соединительными последовательностями, в каждую из которых можно включить новый, модифицированный ген. Так что преображенная бактерия будет вырабатывать новые протеины.

Итак, можно видеть, что несложно преобразовать протеиновую химию бактерий и простейших эукариотов, таких, как дрожжи. Аналогичным образом можно распрограммировать и прочие эукариотные клетки.

Гораздо сложнее добиться необходимых результатов на крупных эукариотных животных. Само яйцо этих существ запрограммировано уже в матке матери и развивается далее само собой, повинуясь внутренней программе. Только после завершения формирования эмбрионов клетки начинают выделять протеины, меняющие саму клетку и прилежащие к ней в процессе, приводящем к созданию юного организма. Как мы овладели этим процессом и научились направлять его — вопрос слишком большой для краткого очерка. Перейдем к другим граням науки иилане'.

Коснемся математики, потому что о ней наслышаны многие; кроме того, она широко используется всеми науками, но не во всех случаях. Достаточно краткого и точного пояснения.

Наука иилане' основывается на понятии числа. Если хотите узнать, что такое число, сложите руки вниз ладонями перед собой, соприкасаясь внутренними большими пальцами. Пошевелите большим пальцем справа. Это число «один». А теперь пойдем справа налево. Ближайший палец — «два», следующий за ним — «три», внутренний большой — «четыре». Левый внутренний большой — «пять», следующие пальцы — «шесть» и «семь» и, наконец, большой палец слева — «тен». Тен именуется основанием — это термин, который мы здесь не определяем. Достаточно понимать, как продолжается счет, если число, больше основания, — тен-и-один, тен-и-два и так до дважды-тен. И тен можно брать сколько угодно раз. Поэтому числа играют столь важную роль при взвешивании, измерении, записи, счете и т. д. Сама математика очень проста. Это просто числа, которые могут быть больше или меньше или равняться друг другу.

Происхождение математики затерялось во тьме времен. Математики предполагают, что число тен было выбрано как основание, потому что у нас тен пальцев. Они утверждают, что в качестве основания можно выбрать любое число, хотя это кажется весьма неправдоподобным. Если взять за основание двойку, это число будет записываться в виде 10, если 3-11, 4-100, 5-101, 6-111 и так далее. Очень неуклюжая и неудобная система. Была высказана даже совершенно сумасбродная идея о том, что, если бы устузоу умели считать, они воспользовались бы в качестве основания десяткой, числом 12, по-нашему. И все числа тогда изменились бы. Сорок миллионов лет существования иилане' сократились бы для них всего лишь до тридцати миллионов. Вот к чему могут привести праздные размышления, поэтому лучше оставить пустое теоретизирование.

ОБЩЕСТВО

В нашей истории нам пришлось использовать некоторое количество новых терминов, к числу которых относится и «общество». Его следует определить как полную сумму того, как мы живем, передаваемую от века к веку. Мы имеем право предположить, что у нашего общества были исторические истоки, но какими они были, трудно даже представить. И все, что мы можем сделать, — это описать собственный образ жизни.

У каждой иилане' есть свой город, вся жизнь каждой из нас вращается вокруг него. Когда мы впервые выходим из моря, мы можем только с безмолвным благоговением взирать на симметрию и красоту своего города. Он принимает нас, фарги, и кормит. Мы слушаем и учимся у других. Мы смотрим и учимся у других.

Открывая рот, мы предлагаем свою помощь, и к нам относятся дружелюбно. Мы видим все многообразие городской жизни, и та или другая часть ее начинает привлекать нас. Некоторых влечет смиренная служба на пастбищах и бойнях. И все иилане′ должны понимать, что смысл служения не в науке и прочих занятиях, смысл служения в нем самом, и все иилане′ равны в этом.

Город строится кругами, внешний круг — поля и животные, внутри — жилые кварталы, в самом сердце — амбесид и родильные пляжи. Так построено и наше общество. Снаружи — огромное кольцо фарги.

Внутри — их помощницы и опытные рабочие разных специальностей. В свою очередь, они окружают ученых, надсмотрщиц, строителей — всех искуснейших в своем деле. Далее идут правительницы, а наверху пирамиды сама правящая эйстаа. Просто, логично, совершенно, единственный возможный способ организации.

Таков мир иилане′. Он не изменялся от яйца времен, он останется неизменным. Там, где есть иилане′, там правят обычай и закон иилане′, и все они счастливы.

На полюсах нашего шара холодно и неуютно. Иилане' хватает мудрости избегать этих краев. И только недавно было обнаружено, что есть еще в нашем мире уютные местечки, где нет иилане′. Кое-где там живут устузоу, совершенно несимпатичные нам. Интересы науки заставляют нас исследовать этих существ. Большинство читателей может закрыть книгу на этом месте — дальнейшее не представит для них интереса. Последующие разделы предназначены для специалистов.

ВОСЕМЬ ПРИНЦИПОВ УГУНЕНАПСЫ

Говоря о вещах неприятных, необходимо упомянуть, что в обществе иилане′, несмотря на его кажущуюся монолитность, есть свои отклонения. И даже ереси. Для тех, кто хочет узнать все подробности о нашем мире и существовании, даже самые отвратительные, мы помещаем ниже описание вероисповедания, основанного на идеях иилане′ по имени Угуненапса, прозванной также, и не без оснований, Фарнексеи, или Отдалившейся. Советуем, однако, молодежи и людям впечатлительным держаться подальше от этих идей.

Следует также подчеркнуть, что публикация этих писаний ни в коем случае не означает, что мы относимся к ним с одобрением.

Первый

Все мы живем между большими пальцами Духа Жизни, зовущегося Эфенелейаа.

Все принципы следуют из единственного, но важнейшего откровения: иилане′, подобно всем живым существам, живут между пальцами Духа Жизни. Откровение это явилось мне само собой, словно существовало извечно, от яйца времен, очевидное и незыблемое. Но на то, чтобы достичь откровения, ушли многие годы, долгие годы отрешенных раздумий, вопросов и ответов. За это время мне пришлось проникнуть во все области знания. При этом я до пределов напрягала свой ум, не имея успеха. Пока наконец не увидела то, что существовало всегда.

Сначала я поняла, что, раз я жива, — Дух Жизни во мне. Но если он во мне — значит, он и в каждой иилане′. И, поняв это наконец, я окончательно уразумела, что и другие создания существуют между большими пальцами Духа. Большая часть существ не способна осознать причину своего существования, и иилане′ тоже. Их не интересуют подобные знания. Только ищущие Понимания находят их, и тогда они становятся Дочерьми Жизни. Из всех живущих они одни стремятся узнать и понять эту истину.

Из основного принципа, главной истины, вытекает множество следствий. Только некоторые из них я сумела обнаружить и понять. И здесь я привожу только самые общие. Я заметила, что все откровения, которые мне удалось постичь, чтобы учить и проповедовать их остальным иилане′, следуют из одного источника, ответвляются от единого корня, почерпнуты из колодца, дающего силы всем. И истину эту я сравню с ухоженным семенем, из которого вырастет дерево нового города. Мое семя истины, как и дерево города, пускает глубокие корни в недра, устремляет к небу огромный ствол. А от него отходят ветви — откровения в каждой области мира жизни. Пример этот воплощает и делает наглядным второй мой принцип.

Второй

Мы все живем в Городе Жизни.

Принимая это утверждение, сразу же отметим, что данный принцип может нести угрозу нашему привычному образу жизни. Полностью его можно понять, лишь постигнув древний, старинный и еще более великий и общий принцип: мы все живем в огромном, объемлющем весь мир городе. Городе Жизни.

Рассмотрим это. Как полноправные жительницы этого универсального города, мы равны во всем. Ранги и власть принадлежат нашему традиционному образу жизни — с правительницами и подвластными им. А равенство основывается на совместном жительстве в городе, а не на политических, социальных и языковых факторах, которые определяют наш повседневный порядок. Эйстаа города и фарги, еще влажная после моря, равны в этом Городе Жизни. И каждую должно ценить, хранить и поддерживать независимо от того, как каждая осознает и приемлет истинный порядок жизни.

Истинность настоящего положения очевидна и подтверждается уважением иилане′ ко всем другим видам, нашими настойчивыми попытками помочь всем видам, находящимся под угрозой, сохранить свое существование. Мы поступали так, еще не ведая об этом принципе, определяющем все наши действия и намерения. Следует заметить, что даже наши виднейшие ученые, манипулирующие с жизненными формами, преобразующие и приспосабливающие их для нужд и удобства иилане′, даже они не сумели заметить этот всеобщий принцип совместного жительства в великом Городе Жизни.

К сожалению, он остался скрыт и от лучших и могущественнейших эйстаа. Обладая властью приказывать и править, властью над жизнью и смертью, они так и не сумели увидеть источник, наделяющий их этой властью. С грустью вспомним многих сильных эйстаа, ставящих себя над высшей силой, требующих повиновения себе, что противоречит нашему общему гражданству. И хотя это может показаться просто эгоизмом и стремлением к абсолютной власти, в основе их действий — незнание скрытой истины.

Третий

Дух Жизни, Эфенелейаа, есть высшая эйстаа Города Жизни, и все мы обитательницы его.

Благоволение Эфенелейаа поддерживает наши жизни и питает живущих. Свет ее просвещает нас. Понять и обрести Дух Жизни — значит понять себя через преданность жизни и родство со всеми живыми существами. И ее покойная твердость поддерживает нас, когда смерть разит тех, кто не знает об Эфенелейаа и путях ее. И мы, знающие, начинаем видеть себя иначе, не похожими на непросвещенных, видеть собственную жизнь и жизнь других иными глазами.

Четвертый

Постигая Величайшую Истину, все мы обретаем новую силу, дабы подняться на более высокую ступень.

Значение этой истины дарует нам силу и полноту жизни, которой нет у других. Все мы — жительницы Города Жизни, и это позволяет нам объединяться в качестве Дочерей Жизни. Хотя мы живем, как положено иилане′, в городах и признаем власть эйстаа, как и все иилане′, мы понимаем, что покоряемся высшей власти Духа Жизни. Нам даровано ощущение покорности более великой эйстаа, правящей и за пределами малого города. Мы служим эйстаа этого города, верим ей, но до тех пор, пока она не приказывает нам нарушать Принципы Жизни. Если такое случается, мы должны отвергнуть ее и исполнять только высшие велення Эфенелейаа.

И высшая верность высшей истине позволяет той, которая истинно понимает Эфенелейаа, выжить, когда гнев эйстаа обратится на нее. Это акт позитивный, а не негативный, поскольку смерть есть отрицание жизни. И эйстаа, приказывающая умирать, нарушает Принцип Жизни. То, в чем эйстаа видят неповиновение, на самом деле есть верность высшей власти. Верно и противоположное: если мы нарушаем принципы Эфенелейаа, то умираем, хотя эйстаа не приказывает умирать.

Пятый

Способность познать Истину требует особого умственного видения. Оно позволяет смотрящей на то, что очевидно всему живому, видеть незримый, но истинный облик бытия.

Осознанное понимание истинного порядка вещей позволяет нам найти свое место в жизни и отдать свою верность Духу Жизни. Но это новое видение нельзя обрести без усилий. Оно требует жесткой дисциплины, сознательного развития разума, чтобы обрести способность видеть все как часть высшего порядка. И ощутить этот порядок, в котором существуют и исполняют свой долг все живые создания.

К Истине могут вести и другие тропы. Но, если они существуют, мне не удалось отыскать их. И я встала на такую тропу, которая позволила мне миновать преграду и увидеть то, что видят другие. Теперь я воспринимаю реальность иным, возвышенным образом. И тропу эту я отыскала, задавая вопросы о том, что казалось явным и очевидным. Таких вопросов иилане′ обычно не

задают. Я хотела узнать, почему мы стали такими, какие мы есть. Я хотела узнать, почему мы живем именно так, следуем именно таким нормам существования, относимся к другим иилане', руководствуясь именно этими нормами. Я хотела понять, почему эйстаа вверху, а фарги внизу. Я хотела знать, почему мы постоянно следуем одним и тем же привычным путем. Используя познания во всяких науках, мы преобразуем живые существа, чтобы они могли удовлетворить наши краткосрочные потребности. И никогда иилане' не пытались преобразовать себя. Потому что иилане' хотят для себя только стабильности и порядка. Завтрашнее завтра у них подобно вчерашнему вчера. И свой путь мы воспринимаем без вопросов, не видя таящейся в нем угрозы.

Потому я и обратилась к основам нашего бытия и поставила их под сомнение. Но я получила только прагматические ответы. Такие, как «Каков определенный результат определенного действия?». Но подобное — всего лишь наблюдение, а не умозаключение. Самые основные, самые значительные вопросы о жизни иилане' никогда не задавались. И не только не задавались, а никому даже в голову не приходили. Несмотря на то что вся жизнь взята нами под наблюдение и нам известно, как она изменчива, лишь существование иилане' считалось исключением. Но это невозможно — ведь мы одно целое с жизнью.

Видя и понимая это, я обратилась к процессу постановки вопросов и поиску верных ответов как к собственной модели умственной дисциплины и развития разума. Первым моим соображением стало важнейшее из всех: жизнь и смерть. Иилане' живут и умирают, как живут и умирают все. С единственным исключением. Иилане', которую эйстаа изгнала из своего города, упадет и умрет без единой раны на теле. Но та же иилане', которая, повинуясь приказу благосклонной эйстаа, оставит город, а потом возвратится, — останется жить. Почему? Откуда у эйстаа такая власть над жизнью и смертью. В чем причины?

Физических причин быть не может, ведь происходит только передача информации. Но причина должна быть общей для всех иилане'. Разве не возможно, что существует некая — либо высшая, либо основная — невидимая, незримая и универсальная сила? Если так, то на что она похожа? Присуща ли она только иилане' или же сила эта объединяет все формы жизни? Прежде мы не искали ее и не пытались обращаться к ее основам. Не существует ли некоего единства, от которого зависит все? Не существует ли нечто общее для всех форм жизни, куда более значительное,

чем наши явные различия? Если такой источник можно найти, отыскать его сознательно — разве тогда не станешь ты укорачивать жизнь, увеличивать силу жизни и таким образом лучше видеть реальность за различными обличьями повседневной жизни, за бытием и борьбой?

Шестой

Существует порядок взаимосвязи внутри, он поддерживает все живое. Порядок этот более всех живых существ, но это порядок, в котором участвует все живое, ведая или не ведая того. Порядок, существовавший от яйца времен...

Новым умственным зрением мы видим порядок взаимосвязи всего. В своей полноте при ненарушенном действии порядок этот объединяет всю полноту мира, все его части, взаимодействующие в гармонической относительности.

При гармонических соотношениях внутри порядка соревнование имеет место лишь в результате пренебрежения комплексом взаимоотношений, когда очевидна только одна часть общности и собственное эго воспринимается как отдельный отличный факт, будто ты не зависишь от прочих частей и самодостаточна. На деле во взаимосвязанном порядке можно понять цену себе, лишь помогая другим осознать собственную ценность.

Самоценность следует понимать по отношению к общности. Это создает условия и порождает самоутверждение как добро, но такое самоутверждение, когда каждая представляет собой часть целого, — ведь таков путь жизни. У каждой он свой, будь то эгоизм эйстаа или прагматизм жизни иилане'. Здесь мы видим прежде всего теплоту между эфенселе и живущем в воде эфенбуру, где мирное сотрудничество и гармония кажутся естественными. Но он естествен и без всяких обоснований. Речь идет о порядке, который существовал от яйца времен.

Мы можем знать этот порядок и понимать его — ведь есть корреляция между действиями развитого ума и порядком вещей, подвластных Духу Жизни. Будет иллюзией считать индивидуальность уникальной в смысле отделенности от всего. Все индивидуальности равны как части целого. Идивидуальность реальна, но лишь в пределах равенства принадлежащих Городу Жизни, будучи частью города — так как иилане' часть реального города, но не отдельные сущности. Разум наш представляет собой ограниченную, истинную инстанцию Духа Жизни, выраженную через

мысль, тела наши — инстанцию Духа Жизни, выраженную через протяженность, жизнь наша — инстанцию Духа Жизни, выраженную через утверждение Жизни.

И пока мы постигаем эти взаимоотношения разума с разумом, тела с телом, жизни с жизнью, наш разум возрастает и теряет при этом ограниченность и неспособность, проявляющиеся тогда, когда мы начинаем считать их принадлежащими только себе. Зная и понимая этот порядок, существуя в согласии с ним, мы становимся утвердителями порядка в жизни.

Седьмой

Дочери Жизни способны и обязаны признавать и понимать этот порядок и из верности Духу Жизни жить во имя мира и утверждения жизни.

Увиденная, познанная и понятая новизна, странность и красота Пути и Порядка Жизни и Эфенелейаа могут искушать нас, заставляя ограничиться в деятельности и пребывать лишь в медитации или в экстатическом восприятии видений. Так жила я сама, пока не поняла опасности подобной изоляции. Поступать так — значит не видеть, не замечать пути, который облагодетельствует каждую и всех, напомнит про общий порядок. Такой путь лежит в мирном труде и сотрудничестве с остальными во имя утверждения жизни.

Поскольку целое действует лучше, когда каждая часть его сознательно стремится к сотрудничеству ради утверждения целого, которое есть утверждение всех частей его, — все Дочери Жизни, знающие и понимающие Путь и Порядок, обязаны распространять знания Жизни и Духа Жизни, объяснять их другим. Путь Эфенелейаа есть путь гармонии, мира и сотрудничества всех жительниц ее города.

Восьмой

На Дочерей Жизни возложена ответственность помочь всем узнать Дух Жизни и истину Жизненного Пути.

Мы, знающие Путь, должны помочь другим изучить и понять его, разумом последовать за Духом Жизни. Однако, сформулировав эту истину, мы задаем два невероятно важных вопроса. Во-первых — как делать это перед лицом желающих нашей смерти? Во-вторых — как достичь порядка и мира, если мы продолжаем

жить, вызывая смерть? Должны ли мы прекратить есть, чтобы не убивать тех, кто питает нас?

Во-первых, как у суток две части — темная и светлая, так и внутри нас обитают две силы. Тьма воли к смерти и свет стремления к жизни. Даже в тех, кто нас ненавидит и желает нашей гибели, заключено стремление к жизни, что согласуется с Эфенелейаа. И наше утверждение жизни преобразит тех, кто живет во имя утверждения смерти — так, как это знание преобразило нас.

Ответ на второй вопрос: если мы не будем есть, то умрем. Мы сидим на самом верху великой лианы взаимосвязанной жизни, что начинается от бесчувственных растений и через высшие формы растительности и животных тянется к подобным нам хищникам. И кажется заданным, что каждое звено на этой лиане предназначено, чтобы питать высшее, а высшее — это мы, иилане′, единственная часть лианы, понимающая всю ее общность. Поэтому здесь нет акта смерти или убийства — есть только питание. Взять жизнь животного или рыбы, чтобы поесть, не есть отрицание жизни, а форма ее утверждения. Жизнь питает другую жизнь и таким путем укрепляет жизнь. Так есть и так было со всеми формами жизни в море, на суше и в воздухе от яйца времен.

Но пренебрегать жизнью, убивать по другим причинам, не ради еды, — это отрицание жизни, нарушение жизненного пути и оскорбление Духа Жизни. Дабы избежать такого нарушения и отрицания, Дочери Города Жизни должны следовать сами и учить остальных следовать путем гармонии и мира и утверждения Жизни. Ведь Мир — это путь Жизни, главный путь во владениях Духа Жизни.

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

На этом месте заканчивается перевод с языка иилане′. Желающие глубже понять сложные и увлекательные проблемы, предстающие перед переводчиком с этого уникального языка, могут обратиться к последующим разделам.

ЯЗЫК

Неторопливое и долгое, в течение многих миллионов лет, развитие привело к возникновению богатого и сложного языка. Настолько сложного, что многие так и не осиливают его и не ста-

новятся иилане′. Этот культурный гандикап разделяет расу на две подгруппы, одна из которых, так и не вступившая в город, жизнь свою проводит в основном в море, но не размножается, потому что не в силах защитить вялых самцов от хищников. Потеря их приводит к медленному преобразованию генетического фонда, оно происходит неторопливо, как наступает ледник.

Иилане′ разговаривают, выстраивая последовательность знаков, умещая в каждом от одного до четырех значений. Каждый гештальт характеризуется знаком, соответствующим положением тела или движением. Таких позиций немного, но число возможных сочетаний составляет около 25 000 000 000.

Любые попытки перевода с языка иилане′ на русский требуют значительных усилий. В первую очередь следует учитывать определители, символы поз. Неполный перечень их включает следующие действия: лечь, отшатнуться, нагнуться, потянуться, сложить руки за головой, сесть на корточки, лечь, обнять, развалиться, развести руки и ноги, лезть, падать, поднимать, прыгать, приподниматься, толкать, плыть, нырять, поворачиваться, качаться, дрожать, тянуться одной рукой, тянуться обеими руками, садиться, ровно стоять, повернуть хвост по часовой стрелке, то же самое — против.

Звуки, издаваемые иилане′, похожи на человеческие, и различия не слишком затрудняют понимание. Они используют «ж» и «х», а «тх» и «дх» применяются редко. Четыре звука характерны для иилане′: «э» — горловой приступ; «< — щелчок; «′» — цоканье и «х» — причмокивание.

В богатстве языка и сложности такого перевода можно убедиться на примере следующего выражения:

«Первая боль жизни — от отцовской любви уйти в объятия моря, а первая радость — подруги, что ждут там тебя».

Для облегчения понимания разделим предложение на отдельные элементы — каждый со своим определителем, — обозначенные от С1 до С12.

С1 (развалиться) энге
С2 (лечь) Хан. нате. ихеи
С3 (толкать) Ага. пте
С4 (упасть) ембо[1]<Ке[2]ка<
С5 (упасть) иги. рубу. шеи[3]
С6 (плыть) какх. шей. сесе
С7 (отшатнуться) хе. ауа. ихей
С8 (развести руки и ноги) хе. Ваи< ихеи.

С9 (плыть) какх. шей. нте
С10 (потянуться) енд. пелен. ни
С11 (плыть) асак. хен
С12 (тянуться) энге

1 — здесь окружающая среда обозначается вращением кончика хвоста.

2 — теплота подтверждается также движением шейных мускулов, как бы подавленным зевком.

3 — отметим, что выражения 4 и 5 соединены детерминативом, а 3 и 5 выражают противоположные вначале концепции.

4 — здесь иилане′ делают паузу, чтобы повторить движения в обратном порядке, образуя обратный параллелизм.

А вот как это же выражение будет выглядеть в точном переводе:

С1 (развалиться) Любовь.
С2 (лечь) Самец. Друг. Прикосновение. Запах.
С3 (толкать) Уход. Одиночество.
С4 (упасть) Давление. Липкость. Прекращение.
С5 (упасть) Вход. Невесомость. Холод.
С6 (плыть) Соль. Холод. Движение.
С7 (отшатнуться) Число 1. Боль. Прикосновение. Запах.
С8 (развести руки и ноги) Радость. Прикосновение. Запах.
С9 (плыть) Соль. Холод. Охота.
С10 (потянуться) Видеть. Открытие. Рост.
С11 (плыть) Пляж. Самец/самка.
С12 (тянуться) Любовь.

В сжатой форме это транскрибируется так: Энге, хант ехен, агате етбокека нирубушен как шейсе, хеауахен; хевай< ихей, какшейнте, енуеленуу асахен энге.

На русский язык следовало бы переводить ритмизованной прозой, но можно удовлетвориться и приблизительным переводом.

Любовь отца; быть извергнутой из нее в холодное нелюбящее море — вот первая боль жизни; первая радость жизни (в холодных охотничьих угодьях) — встретить подруг и почувствовать их тепло.

Различия между языками людей и иилане′ столь велики, что могут явиться непреодолимой преградой для любого, кто попытается овладеть языком иилане′. Говорящие на разных языках люди пробуют понять друг друга, касаясь предметов и называя

их. Камень, дерево, лист. Достигнув некоторого понимания, они могут перейти к действиям: брось камень, подними лист.

На языке иилане′ это немыслимо. Они не называют предметы, а описывают их. Вместо «стула» у них было бы: «деревце-чтобы-сесть». Там, где мы ограничимся одним словом «дверь», иилане′ может воспользоваться различными конструкциями: например, «вход-в-теплое-место» или «вход-в-холодное место», в зависимости от того, по какую сторону двери она находится.

Исель так и не сумела понять несколько положений. Она запомнила несколько слов и имела некоторое представление о детерминативах. Вейнте′ обратилась к ней таким образом: «(Растопырить руки и ноги) есекапен (согнуться) иидшепен (потянуться) ииленбесей (потянуться) ефендуууруу (согнуться) иилевтуу (растопырить руки и ноги) иилсатефен».

Что можно перевести следующим образом: «(Растопырить руки и ноги) требую (согнуться) говорящая требует (потянуться) взаимная трудность речи (потянуться) увеличение продолжительности жизни (согнуться) увеличение равенства в речи (растопырить руки и ноги) речь эквивалентна жизни».

В переводе это значит: «Я сама требую этого. Говори, пожалуйста, как одна из йилейбе. Так ты будешь жить и расти дальше. Речь — это рост, прошу! Речь — это жизнь, пойми!»

Исель сумела только произнести: «Хас лейбе ене ни».

Она думала, что говорит «мне трудно говорить». Получилось же оскорбление, повлекшее ее смерть. «Самка-старость/энтропия-угодливость-растет». Она сделала четыре ошибки.

1) «Хас» означает не «я», а «самка». Так получилось потому, что Энге во время обучения показывала на себя.

2) «Лейбе» и в самом деле значит «трудный», но после детерминатива, предполагающего известную стесненность. Например, «сгорбиться», «нагнуться», «сесть на корточки», смысл сдвигается ближе к понятию возраста, старения, относящемуся не только к иилане′.

3) «Ене» означает не «речь», а «податливость», поскольку иилане′ связывают эти понятия.

4) «Ни» — поощрительное восклицание, употреблявшееся Энге в процессе обучения. Обозначает понятие: «расти, продолжать, стараться», но не «пожалуйста».

Не обладая хвостом, Исель не могла правильно отшатнуться. Наконец, самой последней и окончательной ее ошибкой явилось использование позы с растопыренными руками и ногами — позы

превосходства и угрозы, последней позы Вейнте′. Поэтому Вейнте′ подумала, что Исель говорит «старая самка лебезит» или, может быть, «угодливость старит самок». Это чушь, и Вейнте′ совершенно естественно рассердилась, ведь она была вежливой с этим животным. Она-то пусть и не отшатывалась, но сгибалась. Участь Исель решена.

Керрик же отвечал: «(Отшатнуться) есекакуруд (поднять) есейуиешан (прямо) елен (прямо) лейбелейбе».

Он выразил фразу так: «(Отшатнуться) прекращение отвращения (поднять) высшее стремление к речи (прямо) долго-долго (прямо) трудно-трудно».

Вейнте′ поняла его так: «Я очень не хочу умирать. Я очень хочу говорить. Очень долго. Очень усердно». Сначала Вейнте′ не поняла, что он отшатнулся — из-за отсутствия хвоста. Но знак «поднять» она заметила, а потом поняла и все остальное.

ТАНУ

Да, история Земли записана на камнях ее. История нашей планеты, пусть и с пробелами, начиная от палеозойской эры до наших дней, отражена в окаменелостях. Так было и в эру древней жизни, когда в мелководных и теплых морях ползали черви, плавали медузы и прочие беспозвоночные существа. Континенты сливались тогда воедино, в единый огромный массив, именуемый ныне Пангеей.

Но уже тогда некоторые из существ сооружали себе известковые оболочки. Позже появились создания с внутренним скелетом, первые рыбы. Потом у них появились легкие и похожие на ласты конечности, позволившие выйти из моря на сушу. Так около 290 миллионов лет назад появились амфибии — предки первых рептилий.

Первые динозавры появились на Земле около двухсот пяти миллионов лет назад. К тому времени, когда первые моря разодрали Пангею, ящеры успели распространиться по всему свету, добрались до самых дальних уголков древнего гигантского континента, впоследствии распавшегося на более привычные нам небольшие части. Мир принадлежал им, они заполняли в нем все экологические ниши, и правление их длилось сто тридцать пять миллионов лет.

Потребовалась мировая катастрофа, чтобы сокрушить их власть. Метеорит диаметром в десять километров упал в океан,

взметнув в атмосферу миллионы тонн воды и пыли. Динозавры погибли. И не только они, а семьдесят процентов существовавших тогда видов. Так открылся путь для крошечных землероек — предков всех нынешних млекопитающих. И они размножились, и потомки их заселили весь земной шар.

Есть некая случайность, выпавший шанс в игре Вечности. И небесная скала поразила Землю именно в этот момент, вызвав все последствия.

Но что, если бы она промахнулась? Если бы Случай решил иначе, и космическая бомба миновала бы Землю? Каким был бы сейчас мир?

Первое и самое явное отличие — отсутствие Исландии: ее вулканические острова возникли там, куда упал метеорит, утонувший в мантии.

Во-вторых, другим стал бы и климат, вся история его, хотя причины изменения еще недостаточно ясны людям. Мы знаем, что магнитные полюса Земли менялись местами, северный становился южным и наоборот, но мы не знаем, почему это было. И можно испытывать уверенность в том, что, если бы не этот метеорит и вызванные им атмосферные перемены, — и ледовые эпохи, и очертания континентов были бы иными.

Вот каким мог бы оказаться наш мир.

Динозавры правят по-прежнему, мир принадлежит им, они господствуют на всех континентах, а над всеми ними — иланe'.

Но не в Западном полушарии. Пусть в Южной Америке доминируют рептилии — на севере дело обстоит чуть иначе. Сухопутный мост Центральной Америки — узкая полоска между северным и южным континентами — уходил под воду в различные геологические эпохи. Ледяные щиты ледников спускались почти до берегов внутреннего моря. И долгие миллионы лет климат там был холодным даже летом. Холоднокровные вымерли в этих краях, стали доминировать теплокровные формы. Они распространялись, эволюционировали и начали преобладать на всем континенте.

Потом ледники отступили, млекопитающие ушли вслед за ними. И к тому времени, когда сухопутный мост вновь соединил обе Америки, в Северной уже правили теплокровные. Но противиться медленному натиску рептилий они не могли. Перед бронированным восьмидесятитонным гигантом можно лишь отступить.

Только на севере, в предгорьях и у подножия гор, сумели уцелеть млекопитающие. В том числе и приматы Нового мира, потомками которых являются тану.

В Старом Свете млекопитающих нет — он весь во власти рептилий. Нет ни собак, ни медведей. Но в Новом мире процветают олени — от самых маленьких до огромных, с лося величиной. Есть мастодонты и сумчатые, в том числе саблезубые. Так на узкой полоске плодородных земель между ледниками и ящерами процветают млекопитающие.

Из-за жестоких условий существования тану большей частью так и остались охотниками и собирателями. Но в этом они преуспели. Есть исключения — саску, первые фермеры неолита. Оседлые земледельцы освоили ткачество и гончарное ремесло, создали более развитое и неоднородное общество. Но это вовсе не значит, что они выше охотников-тану с их богатой речью, простым искусством, умением выживать, прочными семьями.

ЯЗЫК

Как и прочие диалекты тану, марбак произошел от забытого древнего наречия восточного побережья. На марбаке мужчина — «ханнас», множественное число — «ханнасан». Различия: «хеннас» на ведамане, «хнас» на левревасане, «несес» на лебнарои и т. д.

Имена этих племенных групп имеют чисто описательный характер. Например, «ведеман» значит «островной», «левревасан» — черношатерные, народ черных шатров. Рядом с мужчиной, «ханнасом», женщина — «линга», множественное число — «лингаи». Слово это также нашло широкое распространение. Личность, если не важен пол, определяется словом «тор», множественное число — «тану», так принято называть людей вообще.

Наиболее употребительная форма существительных склоняется следующим образом:

Падеж	Единственное число	Множественное число
Именительный	ханнас	ханнасан
Винительный	ханнас	ханнасан
Родительный	ханнаса	ханнасанна
Дательный	ханнаси	ханнасанни
Местный	ханнаси	ханнасанни
Творительный	ханнасом	ханнасом

ПАРАМУТАНЫ

Подобно тану, парамутаны происходят от приматов Нового Света. Генетический анализ свидетельствует о том, что, невзирая на отсутствие ископаемых доказательств, тану и парамутаны состоят в родстве и не скрещивались до сих пор только потому, что их разделяло огромное расстояние. Несмотря на внешнее различие в оволосении, кожа относительно безволосых тану и волосатых парамутанов несет одинаковое число волосяных фолликулов. Многие тану рождаются с рудиментарным хвостом, продолжающим копчик; он содержит столько же позвонков, сколько и хвосты парамутанов.

Явные физические различия между обеими группами не имеют существенного значения, если обратиться к культурным и социальным факторам. Парамутаны мигрировали на север дальше прочих приматов. Популяционный напор и наличие необходимых знаний предоставили им возможность выживания в условиях Арктики, сделавшуюся потом необходимостью. Зависимость парамутанов от единственного источника еды и сырья (уларуаква), создающего им все условия для существования, не допускает другой возможности.

Они пользуются и рядом материалов, предоставленных умеренными широтами, но уларуакв является основой всей материальной культуры парамутанов.

Следует отметить, что понятие «парамутан» не является самоназванием и представляет собой марбакское слово, означающее «пожиратели-сырого-мяса». Сами они пользуются словом «ангурпиакв», что означает «истинные люди», каковыми они себя считают. Уединенное существование на северных просторах вполне закономерно порождает у них ощущение, что только они и являются людьми. Поэтому они называют тану эрквигдлитами, или сказочными людьми. Незнакомцами, являющимися из нереального мира, которые потому как бы не существуют.

ОКРУЖАЮЩАЯ СРЕДА

В море обитает куда больше живых существ и их разновидностей, чем на суше. Жизнь началась в океане, и все основные классы животных располагают живущими в океане представителями. Основу продуктивности океана представляют плавающие одноклеточные водоросли. Основу пищевой цепи образуют примерно шестьсот разновидностей водорослей. Эти микроскопи-

ческие растения обитают в неглубоком приповерхностном слое воды толщиной в несколько метров, где поглощают энергию солнечных лучей. Их поедают крошечные животные, входящие в состав планктона, наиболее распространенными из которых являются рачки-копеподы, принадлежащие к роду Calanus (и по числу, и по общей массе это самое распространенное существо на Земле). Ими, в свою очередь, питаются более крупные ракообразные вроде креветок и прочие морские обитатели, включая медуз, стрельчатых червей, рыбу-младенца, личинок моллюсков и головоногих, и даже более крупные придонные ракообразные, такие, как крабы и омары.

Мертвый планктон и экскременты медленно опускаются на океанское дно, где их разлагают бактерии, глубоководные течения уносят вниз важные продукты разложения, в частности водород и калий. Таков источник процветания жизни в приполярных океанах. Невзирая на недостаток света и низкие температуры, он неистребим и обилен. На самом деле, холод скорее является источником питательных веществ. Температура воды у поверхности составляет четыре градуса стоградусной шкалы. Лишь в теплых течениях на юге она увеличивается до пяти-восьми градусов. Теплые воды поднимаются на поверхность, чтобы питать жизнь.

Замечательной особенностью шельфового обледенения являются квунгулеквы, заполняющие пустующую в нашем мире экологическую нишу. Эта экосистема не имеет аналогов в холодном море. Зеленая поросль, поселяющаяся на нижней части льда, распространяется в верхних слоях океана, черпая питательные вещества из воды и потребляя энергию солнца. На подводных северных лугах пасутся уларуаквы, самые крупные из живых существ планеты; толстыми сильными губами они обрывают плети квунгулеква, дающие им силу и жизнь. Они полностью зависят от этого единственного источника питания. Перемещение на юг арктической полярной шапки изменило картину течений, отклонив их на восток. За течениями следует квунгулекв, за ним уларуаквы, за которыми не могут не последовать парамутаны. Все звенья в пищевой цепи взаимосвязаны.

ЯЗЫК АНГУРПИАКВОВ

Изучая этот язык, прежде всего обнаруживаешь очень небольшое количество окончаний. Поэтому поначалу он может показаться простым, но подробное изучение непременно выявляет его богатство и сложность.

Для говорящих на марбаке он представляет трудность тем, что содержит различные формы звука «к», транскрибированные здесь как «к» и «кв». Аналогично существуют звонкое «л» и глухое, нами использовалось обозначение — «дл» или «гл».

Соответственно и некоторые звуки марбака практически непроизносимы для ангурпиаквов, говорящих, например, вместо «Армун» — «Аррамун», и «Харрал» вместо «Харл».

Представляется интересным, что этот язык состоит лишь из имен существительных и глаголов, начинающих каждое слово. И к корню можно добавить едва ли не бесконечное количество аффиксов, например:

квингик — дом

квингирссуак — большой дом

квингклиоркакв — он строит дом

квубгирссуалиогпок — он строит большой дом

квингирссуалиорфилик — мужчина может построить большой дом, и так далее.

Важно отметить разветвление понятий в правую сторону. Наш язык обладает левым ветвлением:

дом

этот дом

этот большой дом

Привыкшему к подобной речи крайне трудно строить слова в обратном направлении.

Кроме аффиксов, глаголов и имен существительных, в языке используются суффиксы, определяющие объект личности или спряжение. Глаголы могут использоваться в изъявительном, сослагательном, вопросительном, желательном, соединительном и инфинитивном наклонениях. Рассмотрим глагол «алутора» («любить») в инфинитивном наклонении:

алуторакв — он любит

алуторут — она любит

алуторауk — любит ли он?

салуторассук — любят ли они?

алуторлиук — может он любить (желательное наклонение)

алуторлиссик — могут они любить

алуторпачит — он может любить (сослагательное наклонение)

алуторпатечик — они могут любить.

Хотя марбак и ангурпиакв не связаны лингвистически, в структурном отношении они как бы зеркально отражают друг друга. Но если бы, например, Армун, воспользовавшись глаголом «алутора», показала бы на понравившийся предмет, ангурпиаквы посчитали бы ее глупой за неправильно использованное окончание, но поняли бы ее мысль. Здесь оба языка отличаются от иилане′, в котором нельзя понять ничего, что выходит за узкие и четкие рамки.

Отметим, что ангурпиаквы обладают ослабленным ощущением времени и едва ощущают его промежутки. Существующая слабо выраженная форма будущего времени редко находит у них применение. Часто они просто пользуются словом «тамнагок» — «некогда, однажды», даже «теперь, сейчас». С изменением промежутков времени связано только одно слово «еегсук», что значит «очень давно». И не имеет значения — сорок или тысяча лет.

Как и следовало ожидать, язык в точности соответствует их быту. Они пользуются многими различиями, неизвестными марбаку, и полностью пренебрегают другими. По понятным причинам в языке их в изобилии содержатся термины, означающие снег. Они различают снег плотный; сыпучий; замерзший; мокрый; снег, из которого можно резать кирпичи; скользкий снег. С другой стороны, у них нет отдельных названий для синего и зеленого цвета. Желтый они отличают от красного, не зная названий для переходных цветов. Поскольку обозначения цветов выступают лишь в качестве аффиксов, в истинном их значении трудно испытывать уверенность.

Существует предположение, что аффиксы и бесчисленные взаимосвязи в словах-предложениях как-то связаны со способностью ангурпиаквов к выполнению сложных работ и умением компоновать механические детали. Конечно, они великолепно умеют собирать навигационные схемы и сооружать сложные конструкции иккергаков, но предположение это пока остается недоказанным.

Словари

СЛОВАРЬ ТАНУ

Алладжекс — шаман
Аллас — тропинка
Амаратан — бессмертие (боги)
Арнхвит — сокол
Ас — как
Атта — отец (уменьш.)
Бана — сын (уменьш.)
Бека — узел
Бенсил — сфагновый мох
Блейт — холод
Ведам — остров
Вейгил — тяжелый
Гентинац — вождь
Груннан — несчастье
Далас — суп
Дна — быть
Дрийа — истекать кровью
Ей — всегда
Елка — светить
Ерман — небо
Ерманпадар — небесный отец, дух
Ес — если
Истак — путь
Каргу — люди, живущие в горах
Катиск — веселый
Келл — клин
Курмар — река
Курро — главный
Лас — вниз

Левревасан — люди черных шатров
Леврелаг — место стоянки
Лей — выжженная земля
Линга — женщина
Лингаи — женщины
Лисса — знать
Мадрап — мокасин
Мал — хорошо
Ман — должно
Мар — волос
Мараг — холоднокровное животное
Маргалус — знающий мургу
Марин — звезда
Маркиц — зима
Менса — договариваться
Модиа — может быть
Мо триг — мой ребенок
Мургу — множественное от «мараг»
Нат — убийца
Наудинз — охотник
Ненитеск — трицератопс
Неп — длинные
Парад — брод
Парамутаны — те, что едят сырое мясо, северный народ
Ратх — жарко
Саммад — смешанная группа мужчин и женщин
Саммадар — выборный вождь саммада
Сасси — несколько
Сиа — идти
Скерм — время
Со — кто
Стаккиц — лето
Стесси — племя
Таис — зерно
Тану — люди
Таррил — брат
Тер — личность
Терред — группа людей, разделяющих общую цель
Терредар — вождь такой группы
Тина — носить
То — в

Торск — ихтиозавр
Торскан — ихтиозавры
Торсканат — убивший ихтиозавра
Тхарм — душа
Улфадан — длиннобородый
Фа — смотреть
Фалдар — огонь
Фалла — ждать
Хам, хаммар — быть способным, мочь
Ханнас — мужчина
Ханнасан — мужчины
Ханс — военный отряд
Хардальт — спрут
Химин — гора
Хоатил — все до одного
Хольт — двадцать (счет человека)
Эгхеман — давшие обет
Эккотац — смесь орехов и сушеных ягод
Элск — мастодонт

СЛОВАРЬ ИИЛАНЕ'

Аа — в
Ава — боль
Ага — отбытие
Агле — проход
Ака — разочарование
Акас — цветущий остров
Акел — доброта
Аксе — камень
Алак — последовательность
Алакас-Аксехент — острова Флорида-кис
Але — клетка
Алпе — красота
Амбеи — высота
Амбесид — центральная площадь города
Анат — конечность
Анканаал — океан, окруженный сушей
Анке — присутствие
Апен — требование
Асак — пляж

Аст — зуб
Асто — движение
Бан — дом
Буру — окрестности
Ген — новый
Генагле — Гибралтарский перешеек
Гендаси — Северная Америка
Гул — слух
Гулаватсан — животное-сирена
Дии — это
Ее — из
Ееде — это
Еесен — плоскость
Ейсекол — животное-драга
Ейсет — ответственность
Ексеи — осторожность
Елин — маленький
Ембо — давление
Емпе — распоряжение
Енд — зрение
Ене — мягкость, уступчивость
Енет — озеро
Енто — каждый в отдельности
Ерек — скорость
Есек — вершина
Есик — юг
Еспеи — поза
Ето< — стрелять
Иги — вход
Инег — старый
Инле — большой
Инте — охота
Ипол — скрести
Исегнет — Средиземное море
Исек — север
Ихеи — ощущение запаха/прикосновение
Йил — речь
Йилейбе — неспособный говорить
Ка< — прекращение
Каин — линия зрения
Какх — соль
Кал — яд

Калкаси — терновый куст
Касеи — шип
Кем — свет
Кийис — восток
Кру — короткий
Кхет — вогнутость
Лан< — соитие
Лейбе — трудность
Лек — плохо
Мал — отсутствие забот
Ман< — последний
Маниnле — Куба
Масиндуу — оптическая проекция
Мелик — темная
Меликкасеи — лоза с ядовитыми колючками
Нате — друг
Нени — череп
Ненитеск — трицератопс
Нефмакел — живая повязка
Нин — отсутствие
Нинсе — безответный
Ну — соответствие
Окол — потроха
Охалакс — травоядное
Онетсенсаст — стегозавр
Пелеи — открытие
Рубу — невесомость
Рууд — остановка
Руутса — анкилозавр
Сандуу — микроскоп
Сас< — скорость
Сат — равенство
Селе — связь
Сесе — движение
Сете — группа, имеющая одно задание
Сокеи — расчистка
Сон< — элемент
Стал — дичь
Такх — чистота
Таракаст — верховое животное
Теск — вогнутый
Топ — бежать

Трумал — общая атака
Тсан — животное
Тсо — экскременты
Тууп — жирный, вялый
Угункшаа — регистрирующий прибор
Умнун — обработанное мясо
Унут — ползти
Унутакх — пожирающий волосы слизень
Урукето — мутировавший ихтиозавр
Уруктоп — восьминогое тягловое животное
Урукуб — бронтозавр
Усту — кровь
Устузоу — млекопитающее
Уу — увеличение, рост
Фар< — спрашивать
Фарги — обучающаяся говорить
Фафн — ловить
Хайс — ум
Хан — самец
Ханане — место обитания самцов
Хас — самка : значение определяется
Хас — желтый : детерминативом
Хе — число 1
Хен — самец/самка
Хент — революция
Хесотсан — живое оружие
Хорнсопа — генетический вид
Хурукаст — моноклон
Шак — изменение
Шей — холод
Шип — воля
Эйстаа — глава города
Элиноу — маленький динозавр
Энге — любовь
Энтиисенат — плезиозавр
Энтобан — Африка
Эсекасак — хранительница родильных пляжей
Эфен — жизнь
Эфенбуру — группа ровесников
Эфенселе — член эфенбуру

СЛОВАРЬ САСКУ

Бансемнилла — сумчатое животное
Валискис — мастодонт
Деифобен — место золотых пляжей
Кадайр — бог неба
Карогнис — бог зла
Мандукто — жрец
Порро — пиво
Тагассо — кукуруза
Харадис — лен

СЛОВАРЬ ПАРАМУТАНОВ

Существительные

Ангурпиакв — истинные люди
Етат — лес
Иккергак — большая лодка
Имакв — открытое море
Инге — влагалище
Квивио — тропа
Квингик — дом, укрытие
Квунгулекв — арктические водоросли
Мунга — рыбка, малек
Нангекв — назначение
Паукарут — шатер
Таккуук — яд
Уларуакв — крупное арктическое млекопитающее
Эрквигдлиты — сказочные люди

Глаголы

Алутора — любить
Ардлерпа — охотиться
Икагнит — быть во множестве
Лиорпа — строить
Мисугпа — есть
Мулува — отсутствовать
Наконоарк — быть великолепным

Пакосоквипа — быть равным, не выделяться
Сиагпай — быть важным
Такугу — видеть
Тингава — обладать женщиной

Аффиксы

-адпуикар — полностью
-гакв — быстро
-гуакв — низкий
-естаук — очень давно
-какв — маленький
-луарпокв — слишком много
-такв — только что выловленный
-тамнагок — тогда, сейчас, опора.

Животный мир

БАНСЕМНИЛЛА
(Metatheria: Didelphys dimidiata)

Рыжевато-серый сумчатый зверь с тремя черными полосками на спине. Обладает хватательным хвостом и противостоящими большими пáльцами на задних лапах. Плотояден, предпочитает крыс и мышей, разводится саску для уничтожения вредных грызунов.

БОЛЬШОЙ ОЛЕНЬ
(Eutheria: Alces machlis gigas)

Самый крупный из оленей. От прочих Cervidae отличается огромными рогами. Объект охоты тану, которые, помимо мяса, предпочитают использовать его шкуру для покрытия шатров.

ГУЛАВАТСАН
(Ranidae: Dimorphognathus mutatus)

Подробное изучение гулаватсана не может не вызвать восхищения искусством четкого консультирования. Эта разновидность зубастой лягушки мало напоминает предковую форму. Их громким кваканьем в тропиках, служившим в качестве брачного

зова, иилане' воспользовались для сигнальных целей, доведя его почти до оглушительной силы.

ДОЛГОЗУБ
(Metatheria: Machaerodus neogeus)

Сумчатый хищник из числа саблезубых. Крупный и свирепый зверь, сражающий добычу длинными верхними клыками. Некоторые племена каргу научились сопутствовать этим зверям в охоте.

ЕЙСЕКОЛ
(Eutheria: Trichecbus latirostris mutatus)

Травоядное водное животное, пожирающее подводную растительность. Выведенная иилане' с помощью генной перестройки разновидность обладает огромными размерами и используется для расчистки и углубления водных путей.

ЕСТЕКЕЛ
(Pterosauria: Pterodactylus quetzalcoatlus)

Крупнейшие из летающих ящеров с размахом крыльев свыше девяти метров. Кости их легки и прочны. Тяжелый клюв уравновешивается костяным выступом на затылке. Встречаются возле устьев крупных рек, потому что могут взлетать лишь против ветра с гребня высокой волны.

ИСЕКУЛ
(Columbae: Columba palambus)

Идеальный пример практичности иилане'. Подобно многим животным, частицы магнитного железняка в лобных долях помогают им ориентироваться в магнитном поле Земли. Выведенные в результате длительной селекции исекулы способны долго указывать клювом в одном направлении, пока не обезумеют от голода или жажды.

ЛОДКА
(Cephalopoda: Archeololigo olcostephanus mutatus)

Средство для передвижения по воде. В движение приводится струей воды в сторону щупалец. Обладает зачаточным интеллектом. Может быть обучена выполнению нескольких простейших команд.

МАСИНДУУ
(Anura: Rana catesbiana mutatus mutatus)

Сандуу является популярным лабораторным животным, позволяющим добиться двухсоткратного увеличения. Известное несовершенство его заключается в том, что лишь одна иилане' может прибегать к его услугам. Проецирующий изображение на белую поверхность масиндуу избавлен от этого недостатка.

МАСТОДОНТ
(Eutheria: Mastodon americanus)

Крупное млекопитающее с длинными верхними клыками. Обладает длинным хватательным хоботом. Одомашнен тану, позволяет им перемещаться на большие расстояния во время охоты и сезонных перекочевок. Мастодонты перевозят волокуши-травоисы.

НЕНИТЕСК
(Ornithischia: Triceratops elatus)

Травоядное четвероногое, отличающееся тремя рогами и костным защитным щитом, в неизменности сохранившееся с мелового периода. Размножается, откладывая яйца. Мозг его невелик, умственные способности и того меньше. Не представляет особого интереса в качестве источника мяса, так как растет очень медленно, но крайне декоративен.

ОККАЛАКС
(Plateosauridia: Plateosaurus edibilus)

Крупнейший из плоских ящеров, названных так за уплощенное тело и прочный череп. Обычно передвигаются на четырех конечностях, но способны вставать на задние ноги, чтобы объедать верхушки деревьев. Мясо их отличается тонким вкусом и пользуется большим спросом.

ОЛЕНЬ
(Eutheria: Cervus mazama mazama)

Небольшой олень с прямыми рогами. Широко распространен в северной температурной зоне. Ценится тану как за шкуру, так и за мясо. Из выдубленных шкур изготовляют одежду и маленькие изделия из кожи: мокасины-мадрапы и мешки.

ОНЕТСЕНСАСТ
(Ornithischia: Stegosaurus variatus)

Крупнейший из панцирных динозавров. Этих огромных травоядных защищают от нападения два ряда костяных пластин на спине и шее и тяжелые шипы на хвосте. Появились в позднемеловой период, и лишь тщательные усилия иилане′ сохранили это живое ископаемое.

ПЛАЩ
(Selachii: Elasmobranchus kappe mutatus)

Используются иилане′ для защиты тела от дождливой и прохладной погоды. Не обладают никакими признаками разума, накормленные, поддерживают температуру тела около 102°F.

РУУТСА
(Ankylosauria: Euoplocephalus)

Это гигантское животное, может быть, самое впечатляющее из всех «живых ископаемых», бережно сохраняемых иилане′. Оно покрыто большими бронированными пластинами и шипами, на конце хвоста огромный тяжелый шар, который используется для защиты. Трудно поверить, что это животное — вегетарианец и совершенно безобидно, кроме, разумеется, тех случаев, когда ему приходится защищаться. Данный вид не изменялся более ста миллионов лет.

САНДУУ
(Anura: Rana catesbiana mutatus)

Активные генные манипуляции полностью исказили первоначальный облик этого существа. О его происхождении можно догадаться только по его коже. Правильно подбирая органические линзы в голове, при хорошем солнечном освещении можно добиться двухсоткратного увеличения.

ТАРАКАСТ
(Ornithischia: Segnosaurus shiungisaurus mutatus)

Остроклювый плотоядный динозавр, крупные экземпляры превышают 4 метра в длину. Трудно поддаются дрессировке, требуют большой силы для управления. При правильной подготовке — лучшие скакуны иилане′.

УГУНКШАА
(Squamata: Phrynosoma fierhsyna mutatus)

Поскольку язык иилане′ включает в себя цвет, звук и движения, ведение письменных записей невозможно. И письмо так никогда и не возникло. Исторические сведения передавались устно. А регистрация информации стала возможна только после разработки этого живого видеодисплея, соединяемого с запоминающим существом.

УНУТАКХ
(Cephalopoda: Deroceras agreste mutatus)

Одно из весьма специализированных животных, используемых иилане′. Это головоногое легко переваривает белковые ткани, в особенности волосы и чешуйки эпидермиса.

УРУКЕТО
(Ichthyopterygia: Ichthyosaurus monstrosus mutatus)

Крупнейший из рыбоящеров. Тысячелетия генной хирургии позволили получить колоссальное существо с полой камерой, находящейся на верху тела и открывающейся в высоком спинном плавнике.

УРУКТОП
(Chelonia: Psittacosaurus montanoceratops mutatus)

Одно из в высшей степени преобразованных иилане′ животных. Используется для сухопутных грузоперевозок, доставки тяжелых грузов на дальние расстояния. После удвоения генетического набора имеет восемь ног.

ХЕСОТСАН
(Squamiata: Paravaranus comensualis mutatus)

Этот вид ящерицы претерпел в руках иилане′ такие изменения, что абсолютно не напоминает оригинал. Позаимствованные у жуков *Brachinus* паровые железы выбрасывают иглу, покрывающуюся ядом при прохождении через половые органы рыбы, относящейся к *Tetradontid*. Этот яд, самый сильный из всех известных, вызывает паралич и смерть даже в количестве пятисот молекул.

ЭЛИНОУ
(Saurischia: Coelurosaurus compsognathus)

Маленький гибкий динозавр, ценящийся иилане' за способность ловить мелких млекопитающих. Красивая шкурка и приятный покладистый характер часто делают его домашним любимцем иилане'.

ЭНТИИСЕНАТ
(Sauropterygia: Elasmosaurus plesiosaurus)

Хищная морская рептилия, отлично приспособленная к жизни в море, не изменилась с мелового периода. Относительно небольшая голова располагается на длинной шее. Лопасти плавников сходны с плавниками морской черепахи. Выведены новые, более разумные разновидности, обеспечивающие кормление урукето.

ЭПЕТРУК
(Saurischia: Tyrannosaurus rex)

Самый крупный и сильный из существовавших на Земле карнозавров. Длина свыше 12 метров, самцы весят более 7 тонн. Передние лапы невелики, но сильны. Большой вес неповоротливого гиганта замедляет его движения, поэтому для нападения он выбирает только крупных зверей. Значительную долю его рациона составляет добыча, отобранная у хищников меньшего размера.

БЛАГОДАРНОСТЬ

В процессе работы над романом мне приходилось обращаться за советами к специалистам в различных областях знаний. Биология иилане' описана в работе доктора Джека Кохена; языки иилане', саску, парамутанов и марбак — в работе профессора Т. А. Шиппи; философия Дочерей Жизни была исследована при активном сотрудничестве доктора Роберта Е. Майерса.

Без их помощи и советов настоящая книга была бы не такой подробной и полной. Я бесконечно им благодарен.

Содержание

ЗАПАД ЭДЕМА. *Роман*

Предисловие Керрика 7
Книга I. 9
Глава 1 9
Глава 2 19
Глава 3 27
Глава 4 32
Глава 5 38
Глава 6 43
Глава 7 49
Глава 8 54
Глава 9 59
Глава 10 66
Глава 11 73
Глава 12 78
Глава 13 86
Глава 14 92
Глава 15 97
Глава 16 104
Глава 17 111
Глава 18 116
Глава 19 121
Глава 20 131

Глава 21 140
Глава 22 148
Глава 23 155
Глава 24 159
Глава 25 164
Глава 26 169
Глава 27 176

КНИГА II

Глава 1 187
Глава 2 192
Глава 3 197
Глава 4 203
Глава 5 210
Глава 6 215
Глава 7 219
Глава 8 224
Глава 9 231
Глава 10 237
Глава 11 241
Глава 12 247
Глава 13 252
Глава 14 258
Глава 15 264
Глава 16 268
Глава 17 275
Глава 18 282
Глава 19 288
Глава 20 293
Глава 21 298
Глава 22 304
Глава 23 312
Глава 24 318
Глава 25 323

Глава 26 328
Глава 27 333
Глава 28 337
Глава 29 343
Глава 30 348
Глава 31 353
Глава 32 358
Глава 33 362

ЗИМА В ЭДЕМЕ. *Роман*

Предисловие Керрика 375
Глава 1 379
Глава 2 386
Глава 3 396
Глава 4 402
Глава 5 410
Глава 6 416
Глава 7 423
Глава 8 428
Глава 9 433
Глава 10 439
Глава 11 445
Глава 12 451
Глава 13 456
Глава 14 462
Глава 15 468
Глава 16 473
Глава 17 481
Глава 18 487
Глава 19 492
Глава 20 498
Глава 21 504
Глава 22 512
Глава 23 518

Глава 24 524
Глава 25 532
Глава 26 537
Глава 27 544
Глава 28 549
Глава 29 557
Глава 30 562
Глава 31 567
Глава 32 574
Глава 33 581
Глава 34 585
Глава 35 591
Глава 36 597
Глава 37 603
Глава 38 609
Глава 39 615
Глава 40 622
Глава 41 628
Глава 42 633
Глава 43 641
Глава 44 645
Глава 45 653

ВОЗВРАЩЕНИЕ В ЭДЕМ. *Роман*

Предисловие Керрика 663
Глава 1 669
Глава 2 677
Глава 3 686
Глава 4 692
Глава 5 697
Глава 6 706
Глава 7 713
Глава 8 725
Глава 9 730

Глава 10 737
Глава 11 744
Глава 12 752
Глава 13 758
Глава 14 765
Глава 15 772
Глава 16 777
Глава 17 783
Глава 18 788
Глава 19 794
Глава 20 801
Глава 21 805
Глава 22 812
Глава 23 820
Глава 24 826
Глава 25 833
Глава 26 841
Глава 27 847
Глава 28 852
Глава 29 859
Глава 30 865
Глава 31 872
Глава 32 880
Глава 33 886
Глава 34 893
Глава 35 898
Заключение 909
Приложение 912

Гарри

ГАРРИСОН

H. Harrison

ISBN 978-5-699-11850-2

ЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФА